This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	УБѢЖИЩЕ. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—**Н. И. Тимковскаго**	1
II.	ЛѢТНІЯ СКАЗОЧКИ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.—**В. Малахіевой-Мировичъ**	62
III.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**А. М. Федорова**	74
IV.	ВОЗВРАТНАЯ ВОЛНА. Повѣсть **Болеслава Пруса.**—Переводъ съ польскаго **В. М. Л.**	75
V.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. Третьякова.**—**Льва Зилова**	146
VI.	ЛѢТНІЙ ОТДЫХЪ. Наброски.—**Гольдебаева**	148
VII.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Сергѣя Кречетова**	210
VIII.	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. (Сто лѣтъ развитія новой украинской литературы).—**А. И. Летоцкаго**	1
IX.	ЦѢЛЬ ПРОГРЕССА.—**Леонида Галича**	26
X.	РАСХОДНЫЙ БЮДЖЕТЪ ФРАНЦІИ НА 1907 ГОДЪ.—**С. Федоровича.**	50
XI.	ВОЕННАЯ БЮРОКРАТІЯ ВЪ ЦИФРАХЪ.—**Н. А. Рубакина.** *Окончаніе.*	68
XII.	ПАРЛАМЕНТАРНАЯ МОНАРХІЯ.—**С. Ф. Фортунатова**	80
XIII.	ВОПРОСЪ О БЕЗРАБОТНЫХЪ, КАКЪ СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.—**Г. Шмиттау**	92
XIV.	ПИСЬМА ГАПОНА	104
XV.	ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА.—**Н. Н. Голубева**	117
XVI.	ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ. (Замѣтки публициста).—**А. С. Изгоева**	129
XVII.	ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—**В. Н. Линда**	150
XVIII.	ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—**С. А. Котляревскаго**	170
XIX.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы, критика.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Публицистика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1907 г.	85
XX.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

VIII/37

Объявленія.

Книжный складъ при типографіи

Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

МОСКВА, Пименовская ул., собств. д.

Изданія, состоящія на складѣ Т-ва:

НОЛЛЬ, проф. Антропологія. (Естественная исторія человѣка.) Съ дополненіями по **Тайлору** и др. Съ 109 рис. въ текстѣ. Ц. 85 к.

НУСБАУМЪ, І., проф. Основы біологіи или науки о живыхъ существахъ. Пер. съ польск. **В. И. М.** Съ 38 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к.

ГЕРИНГЪ, З. Экономическія бесѣды. (Основы политической экономіи.) Переводъ **А. Б.** Ц. 75 к.

ШТЕРЛИНГЪ, С., д-ръ. Наука о здоровьи. (Основы гигіены.) Переводъ **А. Броновицкой.** Съ 13 рисунк. въ текстѣ. Ц. 80 к.

ЖЕРАРДЕНЪ, Л. Общая ботаника. Дополненная **О. Томе.** Переводъ съ 23 изд. „Книги Природы". Съ 68 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

ПІОТРОВСКІЙ, Ф. Наука о погодѣ или Основы метеорологіи. Перев. съ польск. **Р-аго.** Съ 47 рис. и чертеж. въ текстѣ. Ц. 70 к.

ПЕТЕРСЪ, К. Ф. Популярная минералогія. Пер. съ нѣмецк. **В. И. М.** Съ 58 рис. и чертежами на отдѣльн. табл. Ц. 80 к.

НАТАНСОНЪ, В., профес. Популярная физика. Переводъ съ польск. **А. Р-аго.** Со 140 рисунками въ текстѣ. Ц. 85 к.

ЭЛЬЗЕНГАНСЪ, Т., д-ръ. Основы психологіи и логики. (Введеніе въ философію.) Перев. съ нѣмецк. **А. А. Мейера.** Ц. 85 к.

ЮДЛЬ, Ф. Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Перев. съ нѣмецкаго. **А. Мейера.** Ц. 1 р. 20 к.

ЛАВИССЪ, Э. Всеобщая исторія. Для дѣтей старшаго возраста. Съ приложеніемъ 13 хромолитогр. картъ на отдѣльн. листахъ. Переводъ съ послѣдн. франц. изд. Ц. 1 р. 20 к.

ЛАФАРГЪ, П. Умственный трудъ и машина. Переводъ съ фран. Ц. 45 к.

МАХЪ, Эр., профес. Научно-популярные очерки. Вып. II. **Этюды по естествознанію.** Перев. съ нѣмецк. **А. Мейера,** подъ редакціей **П. Энгельмейера.** Съ приложеніемъ трехъ таблицъ рисунковъ и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 20 к.

М., В. И. Чехія и чехи. Очеркъ съ картой и рисунками. Ц. 40 к.

ПРУССЪ, Б. Сиротская доля. Разсказъ. Ц. 40 к.

ШТЕЙНЪ, Л., д-ръ. Къ аграрному вопросу. Вып. I. (Самостоятельное цѣлое.) **Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX вѣка.** Переводъ съ нѣмецк. Ц. 75 к.

БОБОРЫКИНЪ, П. Д. Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) Ц. 1 р.

БОМАРШЕ. Театръ. Севильскій цирульникъ. Свадьба Фигаро. Виновная мать. Переводъ **А. А. Кримь.** Ц. 1 р. 25 к.

БРАЙЦЕВЪ, Я. Богачи, повѣсть изъ бѣлорусской простонародной жизни. Ц. 50 к.

БРЕТЪ-ГАРТЪ. Двѣ матери. Повѣсть. Ц. 75 к.

ЕГО ЖЕ. Китаецъ Си-Юбъ. Разсказъ. Ц. 30 к.

БУТКОВЪ, А. И. Уголовные разсказы и повѣсти. Ц. 1 р.

ВАСЮКОВЪ, С. Память 200-лѣтія печати. „Скорпіоны". (Дѣятели мелкой прессы.) Ц. 30 к.

ВЕРЕЩАГИНЪ, В. В., художникъ. „Литераторъ". Повѣсть. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Дѣтство и отрочество, т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. Цѣна 1 р. 50 к.

ВЕРЕЩАГИНЪ, В. В., художник. Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. На Сѣверной Двинѣ по деревяннымъ церквамъ. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Наполеонъ I въ Россіи 1812 г.—Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Листки изъ записной книжки. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Въ Севастополѣ. Разсказъ. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. — Шіиты въ Карабахѣ. — Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи.—Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. Разсказы, съ рисунками автора. Ц. 60 к.

ВѢРА. Одна изъ многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Переводъ съ нѣмецк. **А. Ф. Л.** Изд. 3-е. Ц. 50 к.

ГЁТЕ. ФАУСТЪ. Трагедія. Перев. **Н. Голованова.** Удешевленное изданіе. **Часть I,** съ 20 рисунк. Люценъ-Майера и др. Изд. 4-е. Ц. 25 к. **Часть II,** съ 24 рисунками нѣмецк. художник. Изд. 2-е. Ц. 40 к. 1-я часть М. Н. Пр. допущена въ библіот. старш. клас. средн. учебн. заведеній.

ГОЛОВАНОВЪ, Н. Н. Юліанъ-отступникъ. Героическо-романтическая фантазія на историческую тему. Ц. 60 к.

ЕГО ЖЕ. Искаріотъ. Драма. Ц. 1 р.

ДАНТЕ, АЛЛИГІЕРИ. Божественная комедія. Переводъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника (терцинами) **Н. Голованова.** Съ рисунками Густава Доре, портретомъ Данте, многочисленными объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Данте проф. Ѳ. И. Буслаева, Карлейля и др. Текстъ перевода „Ада" и первыхъ девяти пѣсенъ „Чистилища" просмотрѣнъ проф. Ѳ. И. Буслаевымъ. **Часть I-я—„Адъ".** Изд. 2-е. Ц. 2 р. (Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученическ. библіотеки средн. учебн. завед. и безплатн. народн. читальни.) **Часть 2-я—„Чистилище".** Ц. 1 р. 50 к. **Часть 3-я—„Рай".** Ц. 1 р. 50 к. Всѣ три части въ одномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ—ц. 6 р.

ДЖЕРОМЪ, К. Джер. Всеобщее равенство. (Новая утопія.) Ц. 50 к.

ДМИТРІЕВЪ, Д. С. Великолѣпный Князь Тавриды. Историческая повѣсть. Цѣна 1 р.

Изъ современныхъ настроеній. Разсказы и очерки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ф. Л. Ц. 1 р.

КАЧІОНИ, С. А. Въ добрыхъ Крыша. Повѣсти и разсказы. Содержаніе. Отъ издателя.—Судъ моря.—Куртдедэ.—Паспортъ съ особой примѣтой.—На заоблачныхъ пастбищахъ.—Свадебный подарокъ.—Подруга звѣздъ. Ц. 2 р.

КОРЕЛЛИ, М. Новая женщина. Повѣсть (съ англійск.). Ц. 1 р.

ЛИЛЛИ, В. С. Книга о шибболетахъ. Прогрессъ.—Свобода.—Народъ.—Общественное мнѣніе.—Народное образованіе.—Права женщинъ. Изд. 2-е. Цѣна въ папкѣ 2 р.

ШИЛЛЕРЪ, Ф. Иллюстрированное собраніе сочиненій съ рисунками нѣмецк. художниковъ и комментаріями по Шерру, Карьеру и др. Перев. Н. Голованова и др. Два большихъ тома. Ц. за оба тома 7 р., въ коленкоров. перепл. 8 р.

АЛАБИНЪ, П. Четыре войны. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 годахъ, ч. I. Венгерская война 1849 г. Ц. 2 р. Тоже, ч. II. Восточная война 1853—1854 г. Ц. 3 р. Тоже, ч. III. Защита Севастополя 1854—1856 г. Ц. 4 р.

САЛЬНИКОВЪ, А. Н. Русскіе писатели послѣ-Гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. Съ портретами въ текстѣ и списокъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

ДЖЕМСЪ, В., проф. философіи въ гарвардскомъ универс. **О человѣческомъ безсмертіи.** Переводъ съ 2-го англійск. изд. **О. А. С.** Ц. 30 к.

КАРЛЕЙЛЬ, Томасъ. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрека. Въ трехъ книгахъ. Перев. съ англійскаго Н. Горбова. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Ц. 2 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Теперь и прежде. Перев. съ англ. **Н. Горбова.** Ц. 3 р.

ЕГО ЖЕ. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда-ректора Эдинбургскаго университета. Перев. съ англійскаго Н. Горбова. Ц. 25 к.

Объявленія.

ЛОККЪ, ДЖОНЪ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ А. Н. Савина. Ц. 3 р. Мин. нар. пр. допущена въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебн. заведеній.

ПЯСКОВСКІЙ, Н., д-ръ мед. Какъ мыслилъ В. Соловьевъ о воскресеніи и значеніе его философіи для гигіены духа. Ц. 30 к.

ТРУБЕЦКОЙ, С. Н., кн. Исторія древней философіи. Часть I. Ц. 1 р. 25 к.

БЯЛОБЖЕСКІЙ, В. А. Трудовая армія. Попытка рѣшенія соціальнаго вопроса въ Россіи. Ц. 50 к.

РАЗУМОВСКІЙ, А. „Крейцерова Соната" гр. Л. Н. Толстого и ея выводы. Ц. 60 к.

УЭЛЬСЪ, Г. Предвидѣнія о воздѣйствіи прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль. Переводъ съ 6-го англійскаго изданія А. Каррикъ. Ц. 1 р. 50 к.

БЕРЕГГИ, І. Электро-гомеопатія какъ система врачеванія и ея основныя положенія и средства для борьбы съ болѣзнями. Ц. 2 р. 50 к.

Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія д-ра **ROUX** и его сотрудниковъ. Переводъ М. Горскаго и І. Михальскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ **Г. Н. ГАБРИЧЕВСКАГО.** Съ двумя фототипическими таблицами шести рисунковъ. Ц. 3 р. 25 к.

ВАРАКСИНЪ, Ф. И. Чѣмъ пахать? Ц. 45 к.

ЕГО ЖЕ. Черепичное и кирпичное производство. Съ 45 рисунк. въ текстѣ. Цѣна 1 р.

ЕГО ЖЕ. Ацетиленъ какъ освѣтительный матеріалъ. Ц. 50 к.

ЛЯСКОВСКІЙ, В. Посадка деревьевъ въ средней полосѣ Россіи. Ц. 20 к.

ПАШКОВЪ, І. И. Самоучитель земледѣлія. Богатство землевладѣльца не въ землѣ, а въ зернѣ. Какъ увеличить влажность воздуха, безъ чего успѣхъ сельскаго хозяйства немыслимъ, и какъ достигнуть: возвышенія урожаевъ, увеличенія покосовъ, уменьшенія труда, сокращенія расхода, увеличенія дохода. Изложеніе автора по своимъ наблюденіямъ надъ жизнью растеній. Ц. 30 к.

МАРКОНЕТЪ, А. Судебныя учрежденія во Франціи. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ, его обитатели и нравы. Ц. 1 р. 25 к.

ГРОТЕ, ГУГО. По Азіятской и Европейской Турціи. Перев. **О. Романовой, подъ редакц. С. Григорьева.** Со многими рисунками и картой. Ц. 1 р.

КОРЖЕНЕВСКІЙ, Б. По востоку. Путевые очерки и картинки. Въ трехъ частяхъ, съ 117 иллюстраціями. Ц. 2 р. 75 к.

ГЕЛЬМЪ, КЛЕМЕНТИНА Какъ я провела свою юность (Backfischchens Leiden und Freuden). Приключенія подростка. Разсказъ для юношества, съ 4 рисунками на отдѣльныхъ листахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ изящномъ съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ. Ц. 2 р.

ГЕОРГИ, Э. Сорванецъ. Юмористическій разсказъ. Перев. съ нѣмецкаго **А. Ф. Л-ра.** Ц. 60 к.

НЕЛИДОВА, Л. Радость. Разсказы для дѣтей. Съ 14 рисунками Allegro. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

Новыя изданія, поступившія на складъ:

ЕТТНЕРЪ, А. Европейская Россія. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 й въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Л. Синицкаго. М. 1907 г. Ц. 1 р.

НѢЖЕНЦЕВА, З. Настольная книга для хозяекъ. Составлена по программѣ арной школы З. Нѣженцевой въ Харьковѣ. М. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАЙКОВСКІЙ, МОДЕСТЪ. Катерина Сіенская. Мистерія въ 8 дѣйствіяхъ, отипическимъ изображеніемъ св. Катерины Сіенской. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Изданія редакціи „Всемірнаго Вѣстника", неизданныя въ Россіи сочиненія гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Исповѣдь (второе изданіе). Ц. 20 к.
Къ политическимъ дѣятелямъ (второе изданіе). Ц. 5 к.
Единственное средство (второе изданіе). Ц. 5 к.
Въ чемъ моя вѣра? Ц. 50 к.
О половомъ вопросѣ. Мысли Л. Н. Толстого, собр. В. Чертковымъ (второе изданіе). Ц. 20 к.
Христіанское ученіе. Ц. 25 к.
О жизни. Ц. 35 к.
О смыслѣ жизни. Мысли Л. Н. Толстого, собранныя В. Чертковымъ. Ц. 12 к.
Мысли о Богѣ, собранныя В. Чертковымъ, Ц. 8 к.
Ученіе 12 апостоловъ. — Трудъ, смерть и болѣзнь. (Легенда). Цѣна 5 коп.
О вѣротерпимости. Ц. 3 к.
Жизнь и ученіе Іисуса. Ц. 10 к.
Такъ что же намъ дѣлать? Ц. 85 к.
Мысли о воспитаніи и обученіи. Ц. 8 к.
Голодъ или не голодъ? Ц. 5 к.
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Ц. 5 к.
Гоненіе на христіанъ въ Россіи. Письмо къ редактору англійской газеты и послѣсловіе гр. Л. Н. Толстого. Ц. 10 к.
За что? Повѣсть. Ц. 6 к.
Корней Васильевъ. Повѣсть. Ц. 3 к.
Божеское и человѣческое. Ц. 5 к.
Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій. Ц. 2 р.

Другія изданія ред. „Всемірнаго Вѣстника":

КЕННАНЪ. Петропавловская крѣпость и русскіе государственные преступники (второе изданіе). Ц. 8 к.

ЕГО ЖЕ. Сибирь! Перев. д-ра Генр. Руэ и д-ра Алекс. Вольфа (Перепечат. съ берлинскаго изданія). Ц. 1 р.

Дѣло 1862 г. № 230, III отдѣленія собственной Е. И. Величества канцеляріи о графѣ Львѣ Толстомъ. Ц. 25 к.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В. Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи. Цѣна 20 к.

ЕГО ЖЕ. Святые отцы революціи, вып. I. М. А. Бакунинъ. Ц. 20 к.

СТЕПНЯКЪ, С. Домикъ на Волгѣ. Повѣсть. Ц. 25 к.

ВЛАДИМІРОВЪ, В. Бѣгство изъ тюрьмы. Ц. 10 к.

40 дней передъ казнями. Отрывокъ изъ воспоминаній пролетаріатки. Ц. 8 к.

Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 20 к.

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1907.

P Slav 605.10
~~Slav 30.11~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. УБѢЖИЩЕ. Сцены въ 4-хъ дѣйств.—Н. И. Тимковскаго. .	1
II. ЛѢТНІЯ СКАЗОЧКИ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.—В. Малахіевой-Мировичъ.	62
III. СТИХОТВОРЕНІЕ. — А. М. Ѳедорова	74
IV. ВОЗВРАТНАЯ ВОЛНА. Повѣсть Болеслава Пруса.—Перев. съ польскаго В. М. Л.	75
V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Н. Третьякова.—Льва Зилова	146
VI. ЛѢТНІЙ ОТДЫХЪ. Наброски.—Гольдебаева	148
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Сергѣя Кречетова	210
VIII. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. (Сто лѣтъ развитія новой украинской литературы).—А. И. Лотоцкаго	1
IX. ЦѢЛЬ ПРОГРЕССА.—Леонида Галича	26
X. РАСХОДНЫЙ БЮДЖЕТЪ ФРАНЦІИ НА 1907 ГОДЪ.—С. Ѳедоровича	50
XI. ВОЕННАЯ БЮРОКРАТІЯ ВЪ ЦИФРАХЪ.—Н. А. Рубакина. *Окончаніе.*	68
I. ПАРЛАМЕНТАРНАЯ МОНАРХІЯ.—С. Ф. Фортунатова . . .	80
II. ВОПРОСЪ О БЕЗРАБОТНЫХЪ, КАКЪ СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.—Г. Швиттау.	92
ПИСЬМА ГАПОНА	104
ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА.—Н. Н. Голубева.	117

Стр.

XVI. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ. (Замѣтки публициста).—А. С. Изгоева 129

XVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда. 150

XVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 170

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы, критика.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Публицистика—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1907 г. 85

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

УБѢЖИЩЕ.

Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ЛИЦА:

Василенковъ, Павелъ Павловичъ.
Софья Никаноровна, жена его.
Марья Іоновна, мать его.
Егоръ Павловичъ, его братъ, 45 лѣтъ.
Нина,
Николай, } дѣти Егора Павловича.
Китаешниковъ Никаноръ Ивановичъ, тесть Павла Павловича.
Ольга Никаноровна, вторая дочь Китаешникова.
Трулевичъ Семенъ Семеновичъ, снимаетъ комнату въ квартирѣ Павла Павловича; около 30 лѣтъ.
Авдотья, кухарка П. П. Василенкова, пожилая.
Акулина, кухарка Китаешникова, молодая.

Дѣйствіе—въ провинціи, въ домѣ Китаешникова.—1-е, 3-е и 4-е—въ квартирѣ Василенкова; 2-е—въ палисадникѣ передъ домомъ Китаешникова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ П. Василенкова. Мебель новая, дешевенькая. Передъ окнами цвѣты въ корзинахъ. Въ открытыя двустворчатыя двери видна часть деревянной витой лѣстницы, ведущей въ антресоли.

Василенковъ *(сидя на диванѣ, играетъ на гитарѣ)*; **Марья Іоновна** *(чабываетъ за круглымъ столомъ папиросы)*; **Нина** *(у окна, укрывшись за цвѣтами, читаетъ книгу)*; **Егоръ Павловичъ** *то ходитъ по комнатѣ, то присаживается на диванъ).*

1.

Василенковъ, Марья Іоновна, Егоръ Павловичъ, Нина.

Егоръ Павловичъ.—Я, маманша, теперь точно корабль послѣ крушенія: паруса оборваны, мачты разбиты. Больше года но-

сился я по бурнымъ волнамъ съ дѣтьми и съ остатками багажа,—и вотъ, наконецъ, попалъ въ вашу тихую гавань.

Марья Іоновна.—Да, багажу-то у тебя немного осталось.

Егоръ Павловичъ.—Все заложено, прожито, продано. Вѣдь второй годъ безъ мѣста! А раньше жена хворала: на лѣченіе сколько ушло! Потомъ померла: похороны... Мнѣ бы вотъ мѣстечко какое.

Марья Іоновна.—А кто виноватъ, что остался безъ мѣста? Эхъ, Егоръ, Егоръ! Всегда былъ такой смиренный, а тутъ вдругъ началъ хорохориться.

Егоръ Павловичъ.—Да вѣдь вы знаете, мамаша: забастовка у насъ была. Какъ я могу противъ товарищей? Не я одинъ пострадалъ.

Марья Іоновна.—Ты-то вонъ за товарищей, а они тебя и знать не хотятъ... желѣзнодорожники-то твои.

Егоръ Павловичъ.—Товарищи поддерживали меня, мамаша, сколько могли... Да, вѣдь все бѣднота, все семейные люди. Сами всѣ обнищали.

Марья Іоновна.—Павелъ тоже не ахти какой богачъ. Вотъ думаютъ, что онъ большое приданое взялъ, а онъ...

Егоръ Павловичъ.—Я, мамаша, вовсе не...

Марья Іоновна.—Далъ ему тесть квартиру у себя въ домѣ да немного деньгами,—вотъ и все. Квартира-то полагается ему за то, что домомъ управляетъ. А жалованьишко самое пустое.

Егоръ Павловичъ.—Да я, мамаша, вовсе не разсчитываю... Развѣ я поѣхалъ бы къ вамъ, если бы не крайность? Мнѣ бы только мѣстечко какое... Неужто я сталъ бы брата отягощать?... Вотъ Мартыновъ, мой товарищъ, пишетъ мнѣ, что освобождается мѣсто кассира...

Марья Іоновна.—Слышала ужъ...

Егоръ Павловичъ.—Хорошее мѣсто, мамаша.

Марья Іоновна.—А деньги на залогъ гдѣ?

Егоръ Павловичъ.—Павелъ обѣщалъ съ тестемъ поговорить.

Марья Іоновна.—Съ Никаноромъ Иванычемъ? *(Недоврчиво.)* Ну, ужъ!

Василенковъ *(переставъ играть, къ брату)*. Ходили мы сегодня съ нимъ на крестный ходъ, говорилъ я ему по дорогѣ о твоемъ дѣлѣ... *(Беретъ у матери папиросу и закуриваетъ.)*

Егоръ Павловичъ *(заволновавшись)*.—Такъ что же ты не скажешь? Ахъ, какой ты!... Что же Никаноръ Ивановичъ? Какъ

Василенковъ.—«Это, говоритъ, все можно». А самъ посмѣивается въ бороду.

Егоръ Павловичъ.—Такъ и сказалъ: «Можно?»

Василенковъ. — Такъ и сказалъ: «Ничего, говоритъ, валяй!»

Егоръ Павловичъ.—«Валяй?...» Это какъ же понимать надо?

Василенковъ.—Да ты лучше самъ поговори съ нимъ. *(Закуривъ папиросу.)* Вы, мамаша, затыкаете гигіенической ватой?

Марья Іоновна.—Какъ же, какъ же.

Василенковъ.—Спасибо. *(Опять берется за гитару.)*

Марья Іоновна.—Неужто старикъ нашъ, и впрямь, раскошелится.

Василенковъ.—Да, отчего-жъ мамаша? Денегъ у него много. Что ему стоитъ? *(Напрываетъ на гитарѣ.)*

Марья Іоновна.—Что правда, то правда. Онъ старикъ не злой... только чудаковатъ. *(Къ Егору Павловичу.)* Вѣдь вотъ въ его сюртукѣ ходишь. Какъ только онъ узналъ, что тебѣ не въ чемъ выйти, такъ сейчасъ же прислалъ.

Егоръ Павловичъ *(не можетъ сидѣть отъ волненія).*—Да если бы только мнѣ попасть на это мѣсто, мы бы всѣ воскресли. Дѣтей, мамаша, жаль; вотъ главное.

Марья Іоновна.—Ну, не очень-то, видно, жалко. Если бы жалѣлъ, такъ не слетѣлъ бы съ мѣста, а теперь, вонъ, Николай изъ-за этого гимназію не кончилъ; а Нина, вонъ...

Егоръ Павловичъ.—Эхъ! Развѣ я этого не чувствую? И безъ васъ денно и нощно помню, что обездолилъ родныхъ дѣтей!...

Нина *(выходитъ изъ своего укромнаго уголка).*—Папа, мы съ Колей ужъ заявляли тебѣ, что ты ни въ чемъ передъ нами не виноватъ. Забудь, пожалуйста, о нашемъ существованіи.

Марья Іоновна.—Ну, ты... «существованіе!» Сиди лучше въ своемъ углу, да помалкивай! Ишь, точно изъ-подъ земли выросла! И что у тебя за манера—все по уголкамъ лѣпиться? Совѣсть не чиста, что ли?

Егоръ Павловичъ. — Напугана она, мамаша, за этотъ годъ —вотъ и норовитъ подальше отъ людей.

Марья Іоновна.—Кѣмъ напугана?

Егоръ Павловичъ.—Грубостью людской, мамаша. Мы за этотъ годъ натерпѣлись... Вспомнить страшно.

Василенковъ *(подходя къ Нинѣ).* — Ниночка, у тебя,

должно быть, малокровіе? Тебѣ надо побольше гулять на свѣжемъ воздухѣ... А ты все за книжками.

Нина.—У меня, дядя, осталось теперь одно утѣшеніе: книги.

Марья Іоновна.—Отецъ въ такомъ горѣ, а она, знай себѣ...

Василенковъ.—Полноте, мамаша. Кому ея книжки мѣшаютъ?

Марья Іоновна.—Да что она... точно барышня какая?

Нина.—Я рада работать... Что хотите... хоть въ горничныя... Только силъ у меня мало.

Егоръ Павловичъ.—А вѣдь какая была прежде толстенькая! Помнишь, Павелъ? Постарѣла ты у меня, Ниночка: совсѣмъ старушкой стала. *(Брату.)* Николай такъ и зоветъ ее: «бабуля».

Нина *(возвращается на прежнее мѣсто и читаетъ.)*

Марья Іоновна.—Да, подвело-таки всѣхъ васъ за эти годы. А обносились-то какъ! *(Егору Павловичу.)* Посмотри, на что ты похожъ!

Василенковъ.—Ну, бросимъ эти дрязги! *(Беретъ папиросу.)* Поговоримъ о чемъ-нибудь хорошемъ... Вотъ, покури-ка, Егоръ. *(Даетъ ему папиросу. Егоръ Павловичъ закуриваетъ.)*

Марья Іоновна.—Ужъ очень ты много куришь, Егоръ!

Егоръ Павловичъ *(виновато)*.—Нервы расшатались: отого и курю безперечь. *(Вдали слышенъ свистокъ локомотива.)* Какъ только заслышу свистокъ, такъ все во мнѣ и перевернется. Вѣдь сколько лѣтъ служилъ! Цѣлый день, бывало, слышишь свистки. Любилъ я ихъ: весело какъ-то... А теперь я выброшенъ за бортъ... Теперь вотъ самъ ходи да свисти... да.

Василенковъ *(брату)*.—Ну, будетъ ужъ! Не надо поддаваться унынію... Очень мнѣ хочется, мамаша, разучить хорошенько: «Волга, рѣченька глубока, прихожу къ тебѣ съ тоской»: *(Къ брату)*. На гитарѣ началъ учиться. Беру уроки у нашего жильца: у Семена Семеновича.

Егоръ Павловичъ.—Ты всегда любилъ музыку.

Василенковъ.—Да вотъ не доходили руки. Иныхъ счастливцевъ съ самаго дѣтства всему обучатъ, а насъ съ тобой жизнь не баловала... Вѣкъ свой прокорпѣлъ я въ конторѣ за цифирью поганой; а домой, бывало, придешь,—такъ грубостей да огорченій не оберешься. Никакого не было ни благообразія, ни... Э, да что вспоминать! *(Играетъ: «Волга рѣченька».)*

Егоръ Павловичъ *(грустно, задумчиво)*.—Жена моя покойная... Наташа... тоже вотъ какъ любила музыку! Бывало, услы-

шить гдѣ,—такъ вся и встрепенется. А теперь лежитъ въ сырой могилкѣ, ничего не слышитъ... да... Все на фортепьянахъ мечтала выучиться...

Нина.—Папа, перестань...

Егоръ Павловичъ.—Вотъ-те и фортепьяны!... Да... Вотъ-те и... Съ тѣхъ поръ, какъ мы похоронили ее, посыпались на наши головы несчастье за несчастьемъ: непріятности по службѣ... потомъ вотъ этотъ ударъ...

2.

Николай.

Николай *(входитъ съ фуражкой въ рукѣ)*.—Какой здѣсь городъ дрянной: совсѣмъ мертвый.

Марья Іоновна.—Ну, и жилъ бы у себя въ Москвѣ... столичный господинъ.

Василенковъ.—Ты, Коля, не съ крестнаго ли хода?

Николай.—Нѣтъ, такъ гулялъ. Что дома-то сидѣть?

Василенковъ.—Сонечку не встрѣтилъ на улицѣ?

Николай.—Нѣтъ.

Василенковъ.—Куда она пропала? Крестный ходъ давно уже кончился.

Марья Іоновна.—Да, мы ужъ съ часъ времени, какъ вернулись. И Никаноръ Иванычъ—тоже.

Василенковъ.—Какъ это мы тамъ ее потеряли?

Николай.—Дядя, нѣтъ ли у тебя нынѣшней газеты?

Василенковъ.—Нѣту, душа моя... Ни нынѣшней, ни вчерашней... Я боюсь ихъ... газетъ-то: грабежи, да убійства, да побоища разныя...

Марья Іоновна.—Однѣ скверности.

Николай *(идетъ наверхъ)*.—Живемъ мы тутъ точно въ богадѣльнѣ.

Егоръ Павловичъ.—Николай, развѣ можно такъ?

Николай *(уходитъ)*.

Марья Іоновна.—Скажите, гоноръ какой! Другой бы на его мѣстѣ былъ радъ, что нашелъ пристанище, а онъ... *(Снизу въ* [illegible] *стукаютъ два раза.)* Стучатъ... Это Никаноръ Иванычъ спрашиваетъ: дома ли мы? *(Стукаетъ въ полъ два раза стуломъ)*. Дома! Да!

3.

Софья Никаноровна *(въ шляпкѣ)*. Трулевичъ.

Софья Никаноровна *(подкрадывается сзади къ мужу и* [illegible] *чаетъ ему глаза)*.

ВАСИЛЕНКОВЪ.—А!... Ну, конечно, Сонечка... Пусти.

СОФЬЯ НИКАНОРОВНА *(со смѣхомъ)*.—Испугался?

ТРУЛЕВИЧЪ *(Василенкову)*. — Сдаю вамъ вашу супругу съ рукъ на руки во всей неприкосновенности! Расписки не надо. *(Раскланивается съ Егоромъ Павловичемъ и Николаемъ, который отвѣчаетъ сухимъ поклономъ; замѣтивъ Нину, подходитъ къ ней, расшаркивается и разговариваетъ. Егоръ Павловичъ бесѣдуетъ съ сыномъ.)*

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Гдѣ же это вы плутали, Семенъ Семенычъ? *(Тотъ не слышитъ.)*

СОФЬЯ *(ластится къ мужу)*.—Ты безпокоился за меня, Павликъ?

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Конечно, дружочекъ. Тамъ такая тѣснотища... Отчего ты такъ долго?

СОФЬЯ.—На бульварѣ сидѣли. Я насилу отдышалась. Если бы не Семенъ Семенычъ, я ужъ и не знаю, что со мной было бы... Фу!

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Какъ у тебя лицо горитъ.

СОФЬЯ *(обмахивается носовымъ платкомъ)*.—Жарко до невозможности.

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Что ты! Какая нынче жара?

ВАСИЛЕНКОВЪ *(гладя жену по рукаву кофты)*. — Славная вещь—шелкъ. Въ немъ есть что-то такое праздничное... что-то особенное. Всегда мнѣ нравился шелкъ.

СОФЬЯ.—Пусти: до смерти устала. *(Снимаетъ шляпку.)* Пойду, полежу немножко. *(Зѣваетъ.)* Канарейку кормилъ?

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Нѣтъ еще.

СОФЬЯ.—Давно пора. *(Идетъ, мужъ за ней. Въ дверяхъ она выразительно киваетъ на Нину и Трулевича. Василенковъ въ недоумѣніи пожимаетъ плечами. Оба уходятъ.)*

ТРУЛЕВИЧЪ *(Нинѣ)*.—Вы, смотрю я, все больше у окошечка. Замѣсто цвѣтка. Хе-хе!

НИНА—Я плохо вижу.

ТРУЛЕВИЧЪ.—Это отъ книгъ, отъ учености. Для просвѣщенія, натурально, ничего не пожалѣешь; только не всякому это дано. *(Снизу стукаютъ три раза.)*

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Ну, Никаноръ Иванычъ зоветъ къ себѣ. Надо сбѣгать. *(Стучитъ трижды стуломъ.)* Слышу! Иду! *(Торопливо идетъ. Трулевичу.)* У насъ здѣсь свой телеграфъ заведенъ *(Ушла.)*

ЕГОРЪ ПАВЛОВИЧЪ *(подходитъ къ столу, осторожно беретъ папиросу и закуриваетъ.)*

Трулевичъ *(Нинѣ)*.—Книжечку вашу я прочиталъ... Хорошая книжка. Съ большими горизонтами.

Николай *(сходитъ съ лѣстницы и, при видѣ Трулевича, останавливается на нижней ступени.)*

Нина.—Я очень рада, что вамъ понравилась моя книга.

Трулевичъ.—Есть темныя для пониманія мѣста. Любопытно бы побесѣдовать. Такъ какъ я самъ теперь немножечко прогрессирую...

Николай.—Нина, поди-ка сюда.

Нина.—Сейчасъ. *(Идетъ.)*

Трулевичъ.—Какъ-нибудь вечерокъ выберите...

Нина *(на ходу)*.—Хорошо.

Трулевичъ.—Буду ждать, какъ манны небесной... *(Вслѣдъ Нинѣ.)* А я хочу вамъ маленькую работку сосватать.

Нина *(останавливается.)*—Ахъ, какъ бы это хорошо было! Какую? *(При словѣ «работа», Егоръ Павловичъ и Николай настораживаются.)*

Трулевичъ.—Билеты штемпелевать. Я вотъ узнаю завтра.

Егоръ Павловичъ *(подходя)*.—Мы были бы вамъ очень благодарны. Всѣ ищемъ работы.

Трулевичъ.—Завтра непремѣнно справлюсь и тогда немедленно... *(Звонокъ въ передней.)* Звонятъ. Это, вѣрно, ученикъ ко мнѣ пришелъ. *(Ушелъ къ себѣ въ комнату.)*

Николай.—Охота тебѣ, бабулька, съ этимъ манжетникомъ...

Нина.—Ты не знаешь его. Какое же ты имѣешь право?...

Егоръ Павловичъ *(сыну)*.—Ужъ одно то, что онъ хлопочетъ для Ниночки...

Николай.—Хвастаетъ только. Никто для насъ хлопотать не будетъ... Нина очень легковѣрна.

Нина.—Да, была когда-то. Теперь умнѣе стала. Этотъ годъ научилъ-таки меня: буду помнить... Ты гдѣ былъ?

Николай.—Ходилъ въ редакцію: хотѣлъ публиковать въ газетѣ...

Нина.—Публиковать?

Николай.—Ну, да,—насчетъ уроковъ, переписки, или еще какой-нибудь работы... за какую угодно цѣну,—если только можно достать что-нибудь въ этомъ городишкѣ.

Нина.—Ну, и что же?

Николай.—Даромъ не хотятъ печатать, а денегъ у меня нѣтъ.

Егоръ Павловичъ.—Попроси у дяди. Онъ дастъ... Не большая какая сумма.

Николай.—Я было самъ хотѣлъ попросить, да языкъ не повернулся.

Егоръ Павловичъ.—Ну, вотъ! Отчего такъ?

Николай.—Не тотъ онъ, что былъ прежде.

Нина *(въ раздумьи)*.—Да, не тотъ.

Николай.—Теперь ужъ къ нему не подойдешь съ легкимъ сердцемъ.

Егоръ Павловичъ.—Нѣтъ, онъ хорошій, очень хорошій,—только усталъ. Ему отдохнуть хочется... Да и какъ было не устать? Тоже въ свое время вотъ какъ намыкался... Нѣтъ, вы не осуждайте его.

Николай.—Да тебѣ, папа, вѣдь самому тяжело разговаривать съ нимъ. Развѣ мы не видимъ?

Егоръ Павловичъ.—Не то, что тяжело, а... Дѣйствительно, онъ какъ будто измѣнился. Опасливость у него какая-то...

4.

Василенковъ.

Василенковъ *(входитъ съ большимъ жестянымъ чайникомъ)*.—Сонечка задремала. Пусть ее... Цвѣты полить. *(Поливаетъ.)* Люблю я цвѣты! Прожилъ жизнь,—не видалъ, какіе такіе цвѣты есть на свѣтѣ. То-есть, видывалъ, конечно, но какъ-то не до нихъ было. А теперь я знаю, какъ каждый цвѣтокъ растетъ, какъ называется... Вотъ и съ книжками тоже: только теперь вхожу во вкусъ: люблю этакъ, не спѣша, въ уединенности почитать что-нибудь такое... возвышенное. Въ первый разъ въ жизни въ библіотеку записался... Честное слово! Прямо скажу: новый міръ передо мной открывается. Вотъ, хоть бы небесныя планеты взять... или горы огнедышащія... Вы-то, молодое поколѣніе, чай, знаете... *(Смотритъ на Нину и Николая)*. Да что это вы, точно въ воду опущенные? Въ вашемъ возрастѣ надо быть живыми, веселыми... У васъ—все впереди...

Николай.—«Веселыми»... Хм!

Егоръ Павловичъ.—Нерадостно проходитъ ихъ молодость, Павелъ... Эхъ!

Василенковъ *(въ раздумьи)*.—Да... Вотъ у меня такъ было: просидѣлъ я молодость за конторкой, и вспомнить ее нечѣмъ. І се у меня какъ-то на выворотъ: съ самаго дѣтства былъ какимъ-то старичкомъ, а вотъ теперь, подъ старость, собираюсь, кажется, опять впадать въ дѣтство...

Егоръ Павловичъ.—Ободри ихъ, Павелъ, приласкай ..

подними въ нихъ духъ. Я не могу этого... Я слабый человѣкъ... Я самъ падаю духомъ. Ты одинъ всегда умѣлъ поддержать...

Николай.—Папа, будетъ тебѣ канючить. У дяди есть глаза: онъ самъ видитъ...

Василенковъ.—Ну, погодите,—авось, все устроится. Дайте мнѣ собраться съ мыслями. Все никакъ не могу отдохнуть хорошенько... Кажется, управлять домомъ не хитрое дѣло: какихъ-нибудь пять квартиръ,—а я вотъ отъ одного безпокойства устаю... *(Смотритъ на цвѣты.)* Ниночка, это ты, должно быть, сломала стебель? Ты всегда сидишь тутъ. *(Возится надъ цвѣткомъ.)*

5.

Ольга.

Ольга *(входитъ, грызя подсолнухи)*.—Еще разъ здравствуйте! Я опять къ вамъ... Хотите подсолнушковъ?

Василенковъ.—Вы, Оленька, истребляете ихъ пудами.

Ольга.—Да вѣдь скучища. Жустришь ихъ,—все словно дѣло дѣлаешь. *(Протягиваетъ Николаю горсть подсолнуховъ)*. Ежикъ, хотите? *(Николай досадливо отмахивается)*. Я зову его ежикомъ, потому что у него волосы, какъ у ежа. *(Бросаетъ въ него подсолнухи)*. Вотъ вамъ!

Николай.—Послушайте!... *(Пересаживается подальше; Ольга смѣется)*.

Василенковъ.—Вы, Оленька, все шалите.

Егоръ Павловичъ.—Молодость! *(Осторожно беретъ папиросу и закуриваетъ.)*

Василенковъ.—Папаша спитъ, что ли?

Ольга.—Какое! Онъ тамъ съ Марьей Іоновной... Наливку пробуютъ. Папаша самъ сдѣлалъ наливку, да ужъ очень гадкая... Хочетъ граммофонъ покупать.

Василенковъ.—Граммофонъ?

Ольга.—Да. Говоритъ: дешево. *(Нинѣ.)* А вы, знать, и день, и ночь все читаете? *(Подходитъ къ Нинѣ.)* Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь страшной книжки?

Нина.—Страшной?

Ольга.—Ну, да, гдѣ убиваютъ... или покойники какіе-нибудь...

Нина.—Такихъ у меня нѣтъ.

Ольга.—Папаша прежде «Листокъ» получалъ, такъ я читала [illegible] «Записки сыщика»: очень занятно было. А теперь совсѣмъ [illegible]его нѣтъ: вотъ только оторвешь отъ календаря листокъ да про[illegible]. Только и всего... *(Нинѣ.)* У васъ прорѣха подъ мышкой.

Нина.—Пускай.

Ольга.—Всетаки не хорошо. А есть во что переодѣться-то? *(Нина съ досадой дергаетъ плечами.)* Хотите, я вамъ свою кофту дамъ? Голубую съ метелочками?

Нина.—Не желаю я никакихъ метелочекъ.

Василенковъ.—Оставьте ее, Оленька. Не мѣшайте ей. *(Ольга отходитъ отъ Нины, видитъ жестяной чайникъ, беретъ его и подкрадывается сзади къ Николаю.)* Ты, Егоръ, много куришь: это вредно. Я вотъ ограничилъ себя: теперь мамаша выдаетъ мнѣ десять штукъ на день... А знаешь, чего нехватаетъ въ этой комнатѣ... для настоящаго уюта?

Егоръ Павловичъ.—Чего же?... Самовара?

Василенковъ.—Нѣтъ, камина. Люблю я каминъ. Хорошо, знаешь, этакъ въ ненастный вечеръ, когда дождь барабанитъ въ окна, вѣтеръ въ трубѣ гудитъ...

Ольга *(капаетъ изъ чайника на голову Николаю).*

Николай *(вскакиваетъ).*—Это, наконецъ, чортъ знаетъ, что! Вы съ ума сошли? *(Ольга хохочетъ.)* Свинство, больше ничего! *(Въ гнѣвѣ уходитъ къ себѣ наверхъ.)*

Ольга *(вслѣдъ).* — Ежикъ, ежикъ! У, колючій какой! *(Смѣется.)*

Василенковъ.—Оленька, вѣдь такъ нельзя.

Нина.—Удивительная безцеремонность!

Ольга.—Пойду, подразню его. *(Идетъ.)*

Егоръ Павловичъ.—Да нѣтъ, Ольга Никаноровна... Ужъ вы его не безпокойте лучше.

Ольга.—Я только на минуту. Ужъ больно смѣшно онъ фурчитъ...

6.

Марья Іоновна *(входитъ).*

Марья Іоновна *(Ольгѣ).*—Ахъ, вотъ она гдѣ... А васъ тамъ отецъ ищетъ.

Ольга.—Ну, пусть его. Ужъ онъ мнѣ надоскучилъ. *(Хочетъ идти наверхъ.)*

Марья Іоновна.—Нѣтъ, подите къ нему, а то заругается.

Ольга.—Ему бы только ругаться. Ужъ я сбѣгу отъ него въ треисподнюю.

Марья Іоновна.—Отъ родного папаши-то? Ай, ай!... Подите, подите къ нему: можетъ, у него дѣло какое до васъ есть.

Ольга.—Какія у него дѣла? Сидитъ, пыхтитъ... Мочи нѣтъ. Я, коли такъ, лучше къ дьяконицѣ пойду: у нея ребятишки маленькія... Я люблю маленькихъ... самыхъ капелишныхъ. Рожицы у нихъ такія... Какъ войдешь, сейчасъ на шеѣ повиснутъ... Люблю! *(Ушла.)*

Марья Іоновна. — Ну, слава Богу, выпроводила. Вѣдь экая дурашливая: недаромъ Никаноръ Иванычъ жалуется на нее.

Василенковъ.—А зачѣмъ онъ оставилъ ее чуть не безграмотной?... Нѣтъ, мнѣ Оленьку жалко.

Марья Іоновна.—Это ты вѣрно. Пожалуй, что такъ... Ну, тестюшка сейчасъ къ намъ заявится: играть въ карты. Надо Авдотью за пивомъ спосылать... да закусочки какой-нибудь...

Василенковъ.—Да, да... *(Достаетъ деньги.)* Онъ колбасу ливерную любитъ.

Марья Іоновна *(беретъ у него деньги).*—Наливку онъ смастерилъ, а пить ее нельзя... Что смѣху-то было! Прямо—чудила-мученикъ... Все пристаетъ, чтобы я для Ольги жениха нашла...

Егоръ Павловичъ *(брату).*—Вотъ это хорошо, что онъ въ веселомъ духѣ: теперь-то съ нимъ и поговорить.

Марья Іоновна *(соображаетъ).* — Ну, колбасы... А еще чего?

Егоръ Павловичъ.—Паша, поддержи меня своимъ ходатайствомъ: вѣдь онъ любитъ тебя.

Василенковъ.—Тутъ главное въ томъ, какой стихъ на него найдетъ.

7.

Китаешниковъ *(въ дверяхъ).*

Китаешниковъ.—Здравія желаю. *(Не замѣчаетъ поклона Егора Павловича.)* Ну, что, Палъ Палычъ, припасъ для меня свѣженькихъ анекдотиковъ?

Василенковъ.—Да нѣтъ, папаша... Пока еще...

Китаешниковъ.—А у меня есть.

Марья Іоновна *(собиравшаяся уйти, останавливается).*—А -ка, ну-ка?

Китаешниковъ.—Мнѣ протопопъ нынче за крестнымъ хо ъ разсказалъ.

Василенковъ.—Это любопытно.

Китаешниковъ.—Вотъ разгадайте шараду. *(Къ Василенко* Сидишь ты, примѣрно, за столомъ...

Василенковъ.—Ну, сижу...

Китаешниковъ.—А напротивъ тебя, скажемъ, помѣстились шесть евреевъ...

Марья Іоновна.—Цѣлыхъ шестеро?... Го-го! Что-то ужъ больно много.

Китаешниковъ.—Да, шесть... Ну, и что же вы въ подобномъ случаѣ противъ себя имѣете?

Василенковъ.—Не понимаю.

Егоръ Павловичъ.—Вотъ такъ ребусъ! Хе-хе!

Китаешниковъ *(Василенкову)*.—Смекни-ка: шесть евреевъ, жидовъ... стало-быть, израильтянъ...

Марья Іоновна.—Ну, и будетъ шесть евреевъ. Такъ они и останутся.

Китаешниковъ.—Нѣтъ, тогда вы будете имѣть супротивъ себя... 12 колѣнъ израилевыхъ. Ха-ха-ха!

Марья Іоновна.—Какъ? Какъ?... А, поняла! Ха-ха-ха! *(Всѣ, кромѣ Нины, смѣются.)*

Егоръ Павловичъ.—Двѣнадцать колѣнъ? Хе-хе... Остроумно!

Марья Іоновна.—Всегда ужъ Никаноръ Иванычъ принесетъ на хвостѣ что-нибудь такое... *(Василенкову.)* Ну, я пойду, Авдотью командирую... *(Уходитъ.)*

Китаешниковъ.—А Сонька гдѣ? Все съ своимъ Трулялячемъ?

Василенковъ.—Она устала, прилегла... *(Спѣшитъ перемѣнить разговоръ.)* Карточный столъ надо приготовить?

Китаешниковъ *(къ Егору Павловичу)*.—Ѣду съ крестнаго хода, смотрю: они подъ ручку разгуливаютъ.

Василенковъ *(болѣзненно морщась)*.—Ее отъ насъ толпа оттѣснила. Такъ я, папаша, пойду, приготовлю. *(Уходитъ.)*

Китаешниковъ *(насмѣшливо)*.—Ну, да... «оттѣснила». *(Къ Егору Павловичу.)* Живчикъ этотъ Семенъ Семенычъ: онъ и гитаристъ, и маклеръ, и коммиссіонеръ, и фокусникъ, и... шутъ его знаетъ! Парень на всѣ руки. Одно слово: «Семь Симеоновъ»... Ха-ха!

Егоръ Павловичъ.—Хе-хе... Это вы остроумно... *(Потирая въ смущеніи руки.)* А я вотъ хотѣлъ, Никаноръ Ивановичъ...

Китаешниковъ.—Ольга не бѣгала къ нему въ комнату?

Егоръ Павловичъ.—Когда?

Китаешниковъ.—Да вотъ, сейчасъ?

Егоръ Павловичъ.—Нѣтъ, вѣдь она только на минутку...

Китаешниковъ.—Гдѣ-жъ она?

Егоръ Павловичъ.—Да къ дьяконицѣ, кажется...

Китаешниковъ.—То-есть, такая мнѣ забота съ ней!

Егоръ Павловичъ.—Какъ же иначе? Родное дѣтище.

Китаешниковъ.—Нѣтъ мнѣ отъ нея никакого покоя. Совсѣмъ она меня стреножила.

Егоръ Павловичъ *(сочувственно качая головой)*.—Ай, ай!

Китаешниковъ.—Я поработалъ на своемъ вѣку, собственнымъ хребтомъ пріобрѣлъ себѣ обезпеченье...

Егоръ Павловичъ. — Спичечную фабрику изволили имѣть?

Китаешниковъ.—Ну, да. Теперь закрылъ: не тѣ времена; народъ-то больно путлявый сталъ... Да сказать по совѣсти: и отдохнуть захотѣлось. Одну дочь выдалъ, а вотъ Ольга что-то завязла.

Егоръ Павловичъ.—Скажите! Такая, можно сказать...

Китаешниковъ.—Балда.

Егоръ Павловичъ.—Что вы! Какъ можно?

Китаешниковъ.—Когда я говорю: балда,—стало быть, балда и есть.

Егоръ Павловичъ.—А я вотъ хотѣлъ съ вами, Никаноръ Иванычъ...

Китаешниковъ.—Да что вы меня все перебиваете? Слова сказать не даете.

Егоръ Павловичъ.—Виноватъ-съ.

Китаешниковъ.—Главное дѣло,—языкъ у нея непутящій: иной разъ такое ляпнетъ при людяхъ! Нехорошо. Скажутъ: «у церковнаго старосты дочь—дура».

Егоръ Павловичъ.—Ну, какъ можно!

Китаешниковъ. — Очень просто. Да что вы все ежитесь?

Егоръ Павловичъ.—Я, Никаноръ Иванычъ, хочу взять на себя смѣлость... Братъ уже докладывалъ вамъ, что я теперь нахожусь безъ мѣста?

Китаешниковъ *(смотритъ на него)*. — Те-те-те! Да ни[ка] вы изволите въ моемъ сюртукѣ щеголять?

Егоръ Павловичъ *(смутившись)*. — Вы сами любезно пр[ед]ложили мнѣ...

Китаешниковъ.—«Любезно»... Когда-жъ это? Не упомню что[-то].

Егоръ Павловичъ. — Павелъ принесъ мнѣ и сказалъ, что[бы]

Китаешниковъ.—Отнюдь нѣтъ... Потрудитесь освободить сюртучекъ... А равно и жилетку.

Егоръ Павловичъ.—Никаноръ Иванычъ?...

Китаешниковъ.—Извольте снять всѣ эти принадлежности и возвратить ихъ... по принадлежности.

Егоръ Павловичъ *(окончательно растерянный)*.—Вы шутите, Никаноръ Иванычъ?..

Китаешниковъ.—Сымайте, сымайте! Съ чужого коня среди грязи долой.

Егоръ Павловичъ.—Что-жъ это? Я не понимаю... Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ...

Китаешниковъ.—Ха-ха-ха!... Ну, я пошутилъ... Носите на доброе здоровье! Мнѣ не жалко. Христосъ съ вами!

Нина *(въ негодованіи захлопываетъ книгу и выходитъ изъ-за цвѣтовъ)*.—Ваши шутки грубы и неблагородны! *(Уходитъ наверхъ.)*

Китаешниковъ.—Откуда она свалилась?

Егоръ Павловичъ.—Вы извините...

Китаешниковъ.—Училка она у васъ, что ли?

Егоръ Павловичъ.—Нѣтъ... такъ просто.

Китаешниковъ.—А по какой причинѣ въ очкахъ?

Егоръ Павловичъ *(виновато)*.—По слабости зрѣнія.

Китаешниковъ.—Какъ же она смѣетъ ругаться? Шутокъ, что ли, не понимаетъ?

Егоръ Павловичъ.—Наболѣло у нея, Никаноръ Иванычъ. Вѣдь вамъ извѣстно, въ какомъ мы положеніи... Дошли, можно сказать, до послѣдняго... Павелъ сообщалъ вамъ нынче о моей нуждѣ?

8.

Василенковъ.

Василенковъ *(входитъ)*.—Зеленое поле, папаша, къ вашимъ услугамъ.

Китаешниковъ.—Соньку-то разбуди. Чего она?

Василенковъ.—А вотъ, я сейчасъ... *(Уходитъ.)*

Егоръ Павловичъ.—Словами не выскажешь, какъ мы за этотъ годъ перемучились... Бывало: ни куска хлѣба въ домѣ, ни полѣна дровъ...

Китаешниковъ.—Баста! Довольно о полѣньяхъ... Въ чемъ суть дѣла? Излагайте.

Егоръ Павловичъ.—Мнѣ вотъ теперь мѣстечко вы-

дить... Если бы только достать сумму... Вы изволили слышать отъ Павла?

Китаешниковъ.—Изволилъ. Мѣсто—хорошее. Везетъ вамъ.

9.

Марья Іоновна.

Марья Іоновна.—Пивка, Никаноръ Иванычъ?

Китаешниковъ.—Можно. *(Встаетъ).* Дома я пилъ начерно, а у васъ выпью набѣло.

Егоръ Павловичъ.—Я бы въ разсрочку уплатилъ...

10.

Софья Никаноровна.

Софья *(съ заспаннымъ лицомъ).*—Ну, что же, въ карты-то? Давайте.

Китаешниковъ.—Ишь, глаза такъ и запрыгали! Ее хлѣбомъ не корми, только дай ей поиграть.

Егоръ Павловичъ.—Такъ какъ же, Никаноръ Иванычъ? Если бы вы были такъ великодушны...

Софья.—Я пошла... *(Уходитъ.)*

11.

Василенковъ.

Василенковъ.—Пожалуйте, все готово: и карты, и пиво.

Китаешниковъ.—Сразимся. *(Идетъ.)*

Егоръ Павловичъ.—Если бы вы могли, Никаноръ Иванычъ... Можно сказать: спасли бы...

Китаешниковъ.—Могу. Я все могу. Все въ нашей власти.

Егоръ Павловичъ.—Выручите, Никаноръ Иванычъ! Вѣкъ буду Бога молить!

Китаешниковъ.—Молитесь, молитесь. Это хорошо. *(Идетъ.)*

Егоръ Павловичъ *(идетъ за нимъ).*

Софья *(просовывается въ дверь).*—Идите же, господа! Долго ли я дожидаться?

Василенковъ.—Сейчасъ, Сонечка, сейчасъ.

Софья *(скрывается съ досадливымъ жестомъ).*

Егоръ Павловичъ *(крайне взволнованный).*—Никаноръ Иванычъ... Если бы вы знали... Ахъ, Господи!

Китаешниковъ *(неожиданно обнявъ Егора Павловича).*—

Голубчикъ ты мой! Изюминка ты моя сладкая! Милліона для тебя не пожалѣю, не то что... *(Такъ же внезапно уходитъ. Въ дверяхъ).* Ну, Сонька, чуръ не плутовать, какъ въ прошедшій разъ, а то осрамлю! *(Ушелъ.)*

Марья Іоновна *(Егору Павловичу).*—Да неужто упросилъ его? Вѣдь онъ у насъ блажной.

Егоръ Павловичъ.—Боже мой, даже не вѣрится!

Голосъ Софьи: Павликъ! Иди же!... Мамаша!

Василенковъ *(кричитъ).*—Идемъ! *(Брату.)* Ты узнай сначала, не занято ли мѣсто-то?

Егоръ Павловичъ.—Телеграмму надо... Дай, ради Бога, денегъ на телеграмму. *(Василенковъ достаетъ деньги.)*

Марья Іоновна.—Ну, я рада-радехонька за тебя, Егоръ. И за внуковъ—тоже. Только бы удалось тебѣ... Авось, опять на ноги встанешь... Ну, давай Богъ, давай Богъ! *(Уходитъ, крича.)* Иду, Сонечка, иду!

Василенковъ *(даетъ брату деньги).*—Вотъ деньги. Ахъ, Егоръ,—у меня точно камень съ души!

Егоръ Павловичъ.—Еще бы! Тебѣ самому отдыхъ нуженъ, а мы тутъ нежданно-негаданно навалились на тебя всей семьей.

Василенковъ.—Да нѣтъ, я не про то... Зачѣмъ ты это? Мнѣ за тебя тяжко: истерзался вѣдь ты безъ работы...

Егоръ Павловичъ *(тронутый).*—Ну, спасибо, Паша, спасибо... Ты всегда болѣлъ за насъ... Знаю... *(Горячо обнимаетъ брата.)* Спасибо! *(Всхлипываетъ.)*

Василенковъ.—Ну, что ты, что ты? Ну, зачѣмъ?

Егоръ Павловичъ *(утирая глаза).*—Измочалился я, Паша... Ослабъ... какъ баба какая...

12.

Трулевичъ.

Трулевичъ.—Позвольте, почтеннѣйшій хозяинъ, вручить вамъ гонораръ за комнату. *(Протягиваетъ Василенкову деньги.)* Съ ученика сейчасъ получилъ.

Егоръ Павловичъ.—Ну, я побѣгу: вѣдь каждая мину дорога. Отъ одной минуты все можетъ зависѣть... *(Уходитъ.)*

Василенковъ.—А вы вычли, что вамъ слѣдуетъ съ ме за уроки? *(Беретъ деньги.)*

Трулевичъ.—Ну, что тамъ! Это я такъ... изъ любви искусству...

Василенковъ.—Нѣтъ, какъ можно? Я вамъ сейчасъ принесу сдачи...

13.

Софья Никаноровна.

Софья *(входитъ, раздосадованная)*.—Что-жъ ты, Павликъ, на смѣхъ мнѣ не идешь?

Василенковъ.—Сейчасъ, Сонечка, сейчасъ... Вотъ только сдачу... *(Идетъ.)*

Трулевичъ *(вслѣдъ)*.—Да и расписочку ужъ для порядка.

Василенковъ.—Сію минуту. *(Уходитъ.)*

Трулевичъ *(вслѣдъ ему)*.—А за уроки не вычитайте: уроки—это я такъ... *(Убѣдившись, что Василенковъ ушелъ, цѣлуетъ Софью Никаноровну.)* Изъ любви къ искусству.

Софья.—Ну, не шалить! Не до того мнѣ...

Трулевичъ.—А что случилось?

Софья.—Ничего не случилось, а только... Что у меня за жизнь, въ самомъ дѣлѣ?

Трулевичъ.—А чѣмъ не жизнь?

Софья.—Мужа я не люблю...

Трулевичъ.—Зато меня любишь... Нельзя же сразу двоихъ любить.

Софья.—Нѣтъ, ты не шути. Меня совѣсть мучаетъ...

Трулевичъ.—Что—совѣсть! Старая крыса, не болѣе.

Софья.—Все-таки, онъ мнѣ мужъ.

Трулевичъ.—Зачѣмъ же ты шла за него?

Софья.—Папашѣ онъ очень полюбился; да и мнѣ онъ сначала не былъ противенъ: такой деликатный, ласковый...

Трулевичъ.—Ты и теперь нѣжничаешь съ нимъ.

Софья.—Онъ самъ липнетъ. А я, знаешь, какъ дѣлаю? Увижу, что онъ разнѣжился,—и сейчасъ же разстрою его чѣмъ-нибудь: скажу, что дрова вздорожали или что тебѣ нечѣмъ за комнату заплатить...

Трулевичъ.—Ха-ха-ха! Послѣднее, впрочемъ, вѣрно: въ эт[illegible] разъ я твоими деньгами уплатилъ.

[illegible]офья.—Тс!... Идетъ... *(Отходитъ отъ Трулевича и оправ[illegible]ся передъ зеркаломъ.)*

14.

Василенковъ.

Василенковъ *(входитъ съ деньгами и распиской)*.—Пожа[illegible] Теперь въ разсчетѣ... *(Отдаетъ Трулевичу.)*

Трулевичъ.—А только напрасно вы сдачу... право, напрасно. *(Уходитъ.)*

Голосъ Китаешникова.—Палъ Палычъ!

Софья.—Ну, пойдемъ: папаша ждетъ. *(Хочетъ идти.)*

Василенковъ.—Постой, Сонечка... *(Подходитъ къ женѣ.)*

Софья.—А что такое?

Василенковъ.—Да ничего... Я такъ... Странное, право, у меня настроеніе: кажется, никакого несчастья со мной не случилось, а вотъ щемитъ сердце! И преступленія я никакого не сдѣлалъ, а все представляется, будто виноватъ въ чемъ-то...

Софья.—Ну, что это, какой ты у меня лякa сталъ?

Василенковъ.—Никакъ я себѣ уюта не найду. Все кажется, что я вотъ-вотъ долженъ вскочить съ мѣста, бѣжать куда-то, хлопотать, надрываться... А я вовсе не хочу этого.

Голосъ Марьи Іоновны.—Соня!

Софья.—Пойдемъ: слышишь, зовутъ?

Василенковъ *(все о своемъ)*.—И потомъ: все разныя постороннія мысли лѣзутъ въ голову...

Софья.—Какія мысли?

Василенковъ.—Да вотъ, напримѣръ: не попросить ли Семена Семеныча съѣхать отъ насъ?

Софья *(вспыхнувъ)*.—Это съ какой радости?

Василенковъ.—Довѣрія онъ какъ-то не внушаетъ...

Голосъ Марьи Іоновны.—Соня!

Софья *(кричитъ)*.—Сейчасъ! *(Мужу.)* Деньги онъ платитъ аккуратно. Если и задержитъ когда на нѣсколько дней...

Василенковъ.—Не въ этомъ дѣло...

Софья.—А въ чемъ же? Какого же тебѣ еще довѣрія? Мы съ тобой не милліонщики, чтобы жильцами пошвыриваться.

Василенковъ.—Сплетни про него идутъ. Вонъ и папаша нынче...

Софья.—Что «папаша?» Говори... Говори же, гадкій!

Василенковъ.—Да такъ... пустяки... Не стоитъ объ этомъ...

Софья.—Жили хорошо, согласно,—и вдругъ ты какіе-то намеки...

Василенковъ.—Да совсѣмъ нѣтъ!

Софья.—Я всячески угождаю тебѣ, а ты... *(Вынимаетъ носовой платокъ и прикладываетъ къ глазамъ.)*

Василенковъ.—Ну, полно же, полно! Не могу я видѣть твоихъ слезъ: у меня сердце сжимается.

Софья *(плачетъ)*.—Это лучше не жить, чѣмъ на каждомъ шагу терпѣть попреки...

Василенковъ.—Какіе попреки? Перестань же, Сонечка! Ну, что это, право? Ну, прости меня, если я что не такъ... Зачѣмъ эти передряги? Вѣдь жили же мирно...

15.

Китаешниковъ *(въ дверяхъ)*.

Китаешниковъ.—Э, да они размуслякались тутъ! Мы тамъ съ Іоновной сидимъ, какъ идолы какіе, а они... Сейчасъ же миритесь!... Терпѣть этого не могу. Цѣлуйтесь!... Живо!... Ну!

Софья.—Я, папаша, всегда первая готова... *(Обнимаетъ дядю)*.

Китаешниковъ.—Вотъ такъ-то лучше! *(Кричитъ въ дверь)*: Іоновна, сдавай!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Палисадникъ передъ домомъ Китаешникова, окруженный заборомъ. — Неподалеку отъ крыльца—обѣденный столъ.—Обѣдъ только что кончился.

1.

Китаешниковъ, Василенковъ, Софья Никаноровна, Ольга, Марья Іоновна, Егоръ Павловичъ, Нина, Николай, Трулевичъ, потомъ—Акулина.

Китаешниковъ *(къ сидящему рядомъ съ нимъ Василенкову)*.—Это—ежели считать вторымъ классомъ... Ладно. *(Стряхиваетъ на счетахъ косточки.)* Ну, а теперь прикинемъ, сколько будетъ стоить въ первомъ.

Марья Іоновна.—Куда-й-то вы собираетесь?

Китаешниковъ.—Въ Константинополь. *(Къ Егору Павловичу.)* Вы служили на чугункѣ... Сколько берутъ до Константинополя?

Егоръ Павловичъ.—Да вѣдь это... какъ сказать?

Василенковъ.—Тамъ еще, папаша, на пароходѣ ѣхать.

Китаешниковъ.— Ну, ежели на пароходѣ,—не хочу. Лучше мы съ тобой... Вотъ есть городъ Лиссабонъ.

Василенковъ.—Есть.

Китаешниковъ.—Махнемъ туда, разопьемъ бутылочку лиссабонскаго—да и назадъ.

Ольга *(сидящая противъ Николая, бросаетъ въ него хлѣбнымъ шарикомъ).*

Николай *(хмурится и отвертывается).*

Егоръ Павловичъ.—Неужели, Павелъ, и вправду ѣдешь?

Китаешниковъ.—А кто же намъ запретитъ? Вы, что ли?

Василенковъ *(брату).*—Нѣтъ, это мы такъ только... для интересу.

Китаешниковъ.—Намъ съ нимъ не зачѣмъ ѣхать: намъ и дома хорошо. Ни шума, ни безпокойства какого... Такъ ли, господа столичные?

Марья Іоновна.—Тишина-то какая: благодать!

Китаешниковъ.—И садикъ вотъ у насъ есть... Отъ цвѣтовъ духовитость идетъ... Чего еще отъ Бога требовать? Такъ ли я говорю?

Василенковъ.—Тихое мѣсто, тихое. Можно хорошо отдохнуть.

Николай.—У насъ въ гимназіи инспекторъ-нѣмчура говорилъ передъ каникулами: «Дѣти, желаю вамъ всѣмъ за лѣто немножко хорошенько передо́хнуть».

Китаешниковъ.—«Передо̀хнуть»? Ха-ха!... Обязательно разскажу протопопу.

(Василенковъ, Софья Никаноровна, Трулевичъ, Егоръ Павловичъ и Марья Іоновна тоже смѣются.)

Ольга *(бросаетъ въ Николая шарикомъ).*

Николай.—Да будетъ вамъ бросаться!

Китаешниковъ.—«Передо̀хнуть»! Ха-ха!...

Василенковъ.—Вотъ я люблю, когда весело. Веселье даже для здоровья полезно.

Китаешниковъ.—Само собой. *(Къ Егору Павловичу.)* Что же вы наливочки-то?

Егоръ Павловичъ.—Нѣтъ, ужъ я...

Китаешниковъ.—Пейте, пейте! Что сычомъ сидѣть?

(Егоръ Павловичъ покорно подставляетъ рюмку; Василенковъ наливаетъ.)

Ольга.—Ужъ наливку вы сдѣлали! Хуже рыбьяго жиру.

Китаешниковъ.—А ты молчи... «белиберда». Эй, кто тамъ? Дайте намъ еще пивка!

Марья Іоновна *(торопливо встаетъ съ мѣста.)*

Софья *(вскакиваетъ).*—Сидите, мамаша, я принесу! *(Уходитъ въ припрыжку, крича):* «Акулина! Акулинушка!»

Марья Іоновна *(садится).*

Китаешниковъ.—Кто любитъ разводить мерехлю дію

тотъ—противный человѣкъ. Мнѣ гнусно смотрѣть на это. Мы съ Пал Палычемъ потрудились на свой пай: довольно съ насъ... Теперь хотимъ пожить, дать себѣ надлежащую развязку. *(Къ Василенкову.)* Такъ ли я говорю?

Василенковъ.—Что касается меня, папаша, то я всю, какъ есть, жизнь въ котлѣ кипѣлъ. Могу сказать: не жизнь, а передряга.

Марья Іоновна.—Ужъ больно много мы отъ родни горя приняли. Столько было съ ней Павлу хлопотъ и огорченій...

Егоръ Павловичъ.—Мамаша...

Софья Никаноровна *(вноситъ двѣ бутылки пива и ставитъ ихъ передъ отцомъ).*

Китакшниковъ *(наливаетъ пива себѣ, потомъ—зятю и Трулевичу).*

Марья Іоновна.—Сначала съ отцомъ мучались, потомъ старшій сынъ Сергѣй у меня повредился...

Василенковъ.—А съ сестрой Глафирой сколько всякой суматохи было? Помните?

Марья Іоновна.—И не говори! Семьища-то вѣдь какая была! Еще надо благодарить Бога, что половина перемерла. А теперь вотъ—съ Егоромъ...

Егоръ Павловичъ.—Ахъ, Господи, да вѣдь мы сами понимаемъ, что...

Василенковъ.—Мамаша, зачѣмъ задѣвать личности? Я говорю только, что вотъ прожилъ 40 лѣтъ, а жизни не видалъ... Сколько есть на свѣтѣ всякихъ людей, всякихъ странъ и чудесъ... пейзажи разные... водопады, а я весь свой вѣкъ въ своей мурьѣ просидѣлъ. Развѣ не обидно? Или вотъ тоже науки всевозможныя существуютъ,—а я вѣдь дуракомъ непроглядным прожилъ. *(Видитъ, что у брата нѣтъ стакана для пива.)* Егоръ, у тебя стакана нѣтъ. Возьми мой. *(Протягиваетъ ему свой налитый пивомъ стаканъ.)*

Егоръ Павловичъ.—Да не утруждай ты себя... Не надо.

Василенковъ.—Пей, пей! *(Ставитъ передъ братомъ стаканъ. Ко всѣмъ.)* Вотъ я теперь про Египетъ читаю: какія тамъ пирамиды! Древность-то какая! Стоитъ этакая глыба чуть не съ сотворенія міра...

Китакшниковъ.—Что «пирамиды»? Ты думай о томъ, какъ ...ъ время провести.

Ольга *(швыряетъ въ Николая салфеткой).*

Николай.—Да перестаньте же, наконецъ! Это изъ рукъ вонъ!

...ья.—Ольга, веди себя приличнѣе.

Ольга.—Ты-то очень прилична?

Китаешниковъ.—Ольга!... Ну, кто возьметъ за себя такую?

Ольга.—Вотъ и ошибаетесь. Жениховъ-то у меня цѣлыхъ двое было: одинъ бѣленькій, другой—черненькій. Оба—дрянь порядочная.

Китаешниковъ.—Такъ и закиснетъ она у меня въ дѣвкахъ. Развѣ какой-нибудь старенькій набѣжитъ? А то вѣдь умный на ней не женится.

Ольга.—А за дурака я сама не пойду. *(Хохочетъ; встаетъ изъ-за стола.)*

Китаешниковъ.—Предпочитаетъ неправильную жизнь.

Ольга.—Вотъ за ёжика я бы, пожалуй, вышла. Онъ такой смѣшной. *(Ерошитъ ему волосы.)*

Николай *(вскакиваетъ съ мѣста)*.—Не смѣйте трогать меня! На посмѣшище я вамъ дался, что ли?

Егоръ Павловичъ *(успокаивая его)*.—Коля, Коля!

Николай *(Ольгѣ)*.—Вы думаете, мы живемъ здѣсь изъ милости, такъ нами помыкать можно? Какое вы имѣете право?

Егоръ Павловичъ *(вставъ изъ-за стола, отводитъ сына въ сторону и уговариваетъ его)*.

Китаешниковъ.—Ольга, долго ли мнѣ еще маяться съ тобой?

Ольга.—Да ужъ и мнѣ-то, папаня, надоѣло съ вами... Вотъ дай Богъ помереть!

Китаешниковъ.—Пошла въ комнаты! *(Топаетъ ногами.)* Пошла сейчасъ же!

Ольга *(уходя въ комнаты)*.—Ну, растопались!... Я лучше на бульваръ пойду: тамъ нынче музыка полковая.

Китаешниковъ.—Я тебѣ дамъ: «бульваръ»!

Ольга *(ушла.)*

Китаешниковъ.—Измытарила она меня!

Марья Іоновна.—Давайте лучше вылѣзать изъ-за стола. Поѣли, попили,—чего сидѣть-то... безо всякаго вниманія? *(Встаетъ.)* Богъ напиталъ, никто не видалъ.

(Марья Іоновна, Софья, Василенковъ, Егоръ Павловичъ и Трулевъ благодарятъ Китаешникова.)

Китаешниковъ.—Сыты ли, гости столичные?

Егоръ Павловичъ.—По горло сыты, Никаноръ Иванычъ!

Китаешниковъ.—Теперь, Палъ Палычъ, подумай, какъ намъ время провести.

Марья Іоновна.—Вотъ Семенъ Семенычъ покажетъ намъ фокусы.

Софья.—Въ карты давайте, въ карты!

Китаешниковъ.—А вечеромъ что будешь дѣлать?

Марья Іоновна.—Еще наиграемся!

Китаешниковъ.—Пойдемте-ка, я вамъ граммофонъ, пока что, заведу.

Марья Іоновна.—Вотъ и разлюбезное дѣло!

(Китаешниковъ, Марья Іоновна, Софья, Трулевичъ идутъ въ комнаты.)

Китаешниковъ *(Трулевичу на-ходу).*—Дешево купилъ: по случаю продавался. Только обращенія требуетъ...

Марья Іоновна *(Китаешникову).*—Ухъ, жарко отъ пивато! Совсѣмъ въ крутую сварилась...

Трулевичъ *(пропустивъ мимо себя Китаешникова, Марью Іоновну и Софью, идетъ назадъ отъ крыльца).*

Софья.—Вы куда?

Трулевичъ.—Сейчасъ. *(Подходитъ къ Нинѣ).*

Софья *(проводивъ его взглядомъ, уходитъ въ комнаты).*

Акулина *(входитъ съ задняго крыльца и убираетъ со стола).*

Трулевичъ *(Нинѣ).*—А вы граммофонъ не обожаете?

Нина.—Нѣтъ... Я домой пойду.

Василенковъ.—Посиди лучше здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ.

Нина.—Мнѣ работать надо... *(Къ Трулевичу.)* Я не знаю, такъ ли я дѣлаю? Мнѣ никогда не приходилось штемпелевать. У меня вотъ силы мало...

Трулевичъ.—Это ничего-съ... Тутъ особой силы не требуется. Да вотъ я пойду съ вами, взгляну...

Нина.—Пожалуйста. *(Уходитъ съ Трулевичемъ черезъ калитку палисадника).*

2.

Ольга.

Ольга *(входитъ черезъ крыльцо въ шляпкѣ съ зонтикомъ. Николаю).*—Помиримся, ёжикъ. Чего вы все злитесь? Хотите, я вамъ нашинныхъ папиросъ принесу?

Николай *(оборачиваясь къ ней, рѣзко).* — Ничего мнѣ отъ съ не надо! *(Повертывается спиной.)*

Ольга.—Ну, я не буду баловаться. Пойдемте на бульваръ, зыку послушаемъ.

Николай.—Ступайте однѣ. Что я вамъ за компанія?

Ольга *(стоитъ, видимо обиженная).*

Егоръ Павловичъ *(сыну вполголоса)*. — Коля, ты ужъ очень грубо...

Ольга *(Николаю)*.—Довольно стыдно съ вашей стороны быть такимъ злющимъ. *(Уходитъ.)*

Николай.—Дядя, неужели намъ придется каждый праздникъ обѣдать у Никанора Иваныча? Вѣдь это—пытка!

Василенковъ.—Ну, что это, право, какіе вы всѣ?... Чѣмъ бы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ, душу отвести,—а они вонъ.. Такой чудесный день выдался, славный вѣтерокъ такой... Вотъ скоро музыка на бульварѣ заиграетъ... Можно бы посидѣть, помечтать, побалагурить, а вы вонъ точно отравленные. Егоръ, ты чего носъ повѣсилъ?

Егоръ Павловичъ.—Должно быть, поѣлъ очень сытно съ непривычки, и мнѣ какъ-то въ голову ударило.

Василенковъ.—Такъ ты прилягъ... вотъ тутъ. *(Указываетъ на скамейку.)* Ничего, не бойся.

Егоръ Павловичъ.—Я ужъ лучше на травѣ. *(Ложится)*.

Василенковъ.—Ну, на травѣ... Покуримъ. *(Предлагаетъ брату портсигаръ. Оба закуриваютъ.)* Что, въ самомъ дѣлѣ? Надо пользоваться жизнью. *(Граммофонъ нельпо трещитъ, умолкаетъ и снова трещитъ. Слышенъ хохотъ.)* Вонъ они умнѣе насъ *(киваетъ по направленію къ смѣющимся)*: забавляются съ граммофономъ, и имъ весело. А мы привыкли вѣчно тянуть какую-нибудь лямку; какъ только остаемся безъ нея, насъ сейчасъ беретъ жуть. А зачѣмъ это? Вышла минута,—и лови ее... и живи всѣмъ естествомъ!... Ты, Коля, что тамъ читаешь?

Николай.—Да вотъ попался обрывокъ старой газеты... На банкѣ со сметаной былъ.

Василенковъ.—Охота тебѣ!

Егоръ Павловичъ *(все время думающій о своемъ)*. — Понять не могу, почему Мартыновъ такъ долго не отвѣчаетъ?

Василенковъ.—Какой Мартыновъ?

Егоръ Павловичъ.—А тотъ, что о мѣстѣ для меня хлопочетъ... Телеграмму-то я тогда ему отправилъ...

Василенковъ.—Ахъ, ты все о своемъ? Посмотри лучше: вонъ воробей сидитъ на заборѣ. Я его давно запримѣтилъ. Онъ ждетъ чтобы мы ушли: тогда вскочитъ на столъ и начнетъ подбирать крошки. Этакій плутъ! Люблю я наблюдать за ними...

Егоръ Павловичъ.—А это ты хорошо сдѣлалъ, Коля что разсказалъ Никанору Иванычу насчетъ «передохнуть». Это т кстати. Спасибо тебѣ. Онъ любитъ смѣшное.

Николай.—Да, ужъ я, кажется, въ шуты къ нему записался. Анекдотами его увеселяю.

Егоръ Павловичъ *(глубоко уязвленный)*.—Коля, если это тебѣ такъ тяжело... Вѣдь я знаю: ты для меня дѣлаешь... Такъ ужъ лучше не нужно, не нужно...

Василенковъ.—Эхъ, бросьте вы свои дрязги хоть на полчаса! Всю-то жизнь заботы да воздыханія! Нельзя же такъ... Надо же наконецъ когда-нибудь отдохнуть. Хочется чего-нибудь отраднаго, чего-нибудь этакаго... Давайте, мы съ вами какъ-нибудь повеселѣе. Просто, вотъ возьмемъ и будемъ смѣяться... Ну-ка, Коля, что-нибудь смѣшное! Помнишь, ты разсказывалъ, какъ это у васъ въ гимназіи старичокъ надзиратель...

3.

Акулина.

Акулина *(съ телеграммой)*.—Телеграмму почтарь принесъ.

Егоръ Павловичъ.—Кому?

Акулина.—Стало быть, вамъ.

Егоръ Павловичъ *(беретъ телеграмму)*. — Это оттуда! Это отъ Мартынова. *(Отъ волненія не знаетъ, что дѣлать.)* Ахъ, Господи!

Акулина.—Расписку требуетъ.

Василенковъ *(брату)*. — Давай, я пойду, распишусь... *(Беретъ расписку и уходитъ въ комнаты)*.

Акулина *(уходя за Василенковымъ)*.—Онъ къ вамъ было принесъ, а Авдотья сюда его повернула: почтаря-то.

Егоръ Павловичъ *(вертитъ въ рукахъ телеграмму, боясь вскрыть)*.—Вотъ оно, вотъ!... Наконецъ-то!

Николай.—Ну, что же ты, папа?

Егоръ Павловичъ.—Страшно... Руки дрожатъ, сердце замираетъ...

Николай.—Дай, я прочту. *(Беретъ телеграмму.)*

Егоръ Павловичъ.—Вѣдь судьба рѣшается!...

Николай *(читаетъ)*.—«Мѣсто за тобой. Пріѣзжай немедленно. Необходимъ залогъ. Мартыновъ».

Егоръ Павловичъ.—Дай мнѣ... Дай своими глазами посмотрѣть. *(Беретъ у сына телеграмму, читаетъ.)* Такъ: «мѣсто за тобой»... Коля, вѣдь это—спасеніе наше! Вѣдь это Богъ посылаетъ!

Николай.—Погоди радоваться: еще что старикъ скажетъ?

Егоръ Павловичъ.—Нѣтъ, я теперь вѣрю, во все вѣрю! Мы возьмемъ! Я сонъ такой видѣлъ... Раньше я не вѣрилъ снамъ,

а теперь вѣрю... Пойду, покажу ему. Впрочемъ, онъ сейчасъ занятъ... Нѣтъ, Коля, мы съ тобой выкарабкаемся: у меня предчувствіе есть.

(Граммофонъ шипитъ, трещитъ, умолкаетъ и снова трещитъ. Слышенъ голосъ Китаешникова): «Семенъ Семенычъ! Семь Симеоновъ!»

4.

Василенковъ.

Василенковъ *(входитъ)*.—Что? Какъ дѣла?

Егоръ Павловичъ.—Вотъ... вотъ, читай!... *(Даетъ ему телеграмму.)* Фу, сердце прыгаетъ!... Коля, подумай, какое блаженство,—сидѣть опять въ собственной квартирѣ, ѣсть собственный кусокъ! И одежа своя, и... все свое... Самъ себѣ хозяинъ! И вы съ Ниночкой опять по-хорошему... И все у насъ опять...

5.

Китаешниковъ *(съ крыльца)*.

Китаешниковъ.—Шутъ его знаетъ, что сдѣлалось съ машинкой: трещитъ, клохчетъ, перхаетъ, какъ овца,—и больше никакихъ! «Тр!... тр!»—и все тутъ... Гдѣ Семь Симеоновъ? Онъ сейчасъ все намъ произведетъ.

Егоръ Павловичъ *(торопливо беретъ у брата телеграмму и подходитъ къ Китаешникову)*.—Семенъ Семеновичъ домой пошелъ. А я вотъ тутъ...

Китаешниковъ.—Домой? А Ольга гдѣ?

Егоръ Павловичъ.—А Ольга Никаноровна, кажется, на бульваръ...

Китаешниковъ.—Подрала? Тьфу ты, провалиться! *(Уходитъ.)*

Егоръ Павловичъ.—Теперь онъ разсердился на дочь,—пожалуй, разговаривать со мной не станетъ. Экая вѣдь досадища! Если бы не Ольга эта, оно бы теперь въ самый разъ было: онъ только что пообѣдалъ,—значитъ, сытъ; а сытый всегда добрѣе. А теперь вотъ, какъ на зло...

Василенковъ.—Ну, ничего, не унывай, Егоръ... Авось, Богъ дастъ? Я вчера опять съ нимъ говорилъ: онъ—ничего... не отрекается.

(Входитъ Китаешниковъ въ пальто, картузѣ, съ тростью.)

Китаешниковъ *(застегивая на-ходу пальто)*.—Придется за Ольгой бѣжать, а то скажутъ: «вонъ дочь церковнаго старосты по бульвару ходитъ». *(Идетъ.)*

Егоръ Павловичъ *(идетъ за Китаешниковымъ)*.—Никаноръ Иванычъ...

Китаешниковъ.—Что прикажете?

Егоръ Павловичъ.—Я сейчасъ телеграмму получилъ. Вотъ... *(Подаетъ ему.)* Мѣсто за мной...

Китаешниковъ *(надѣваетъ очки и съ важнымъ видомъ читаетъ телеграмму)*.

6.

Софья Никаноровна и Марья Іоновна.

Софья *(сбѣгаетъ съ крыльца)*.—И мы, папаша, съ вами—на бульваръ! Я сейчасъ одѣнусь! *(Торопливо уходитъ черезъ палисадникъ въ свою квартиру.)*

Марья Іоновна *(слѣдуетъ за Софьей)*.—Гулять, такъ гулять!... Никаноръ Иванычъ насъ мороженымъ угоститъ. *(Уходитъ.)*

(Слышенъ свистокъ локомотива.)

Китаешниковъ *(прочитавъ телеграмму)*.—Имѣемъ честь поздравить. *(Отдаетъ телеграмму.)* Магарычи съ васъ!

Егоръ Павловичъ.—Хе-хе... Вотъ только залогъ...

Китаешниковъ.—Вы поторапливайтесь. Тутъ пишутъ: «немедленно».

Егоръ Павловичъ.—Я бы сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ...

Китаешниковъ. — И вокзалъ-то кстати близехонько отъ насъ. Съ чадами отправитесь?

Егоръ Павловичъ.—Нѣтъ, я пока одинъ... Устроиться нужно.

Китаешниковъ.—Это вы правильно. *(Съ бульвара доносятся звуки военнаго оркестра.)* Музыка заиграла. *(Хочетъ идти.)*

Егоръ Павловичъ.—Теперь, Никаноръ Иванычъ, все дѣло въ залогѣ.

Китаешниковъ.—Ужъ это, какъ водится. Безъ этого не примутъ; а то вы денежки-то изъ кассы сюда... *(Показываетъ на карманъ)* да и того... въ Лиссабонъ.

Егоръ Павловичъ.—Хе-хе... Конечно, опаску имѣютъ... къ какъ же, Никаноръ Иванычъ?

Китаешниковъ.—Залогъ-то у васъ припасенъ?

Егоръ Павловичъ.—Я тогда докладывалъ вамъ, Никаноръ Иванычъ... Вы изволили великодушно обѣщать...

Китаешниковъ.—Я?...

Егоръ Павловичъ.—А какъ же-съ? Вотъ при братѣ... и самъ съ своей стороны ходатайствовалъ.

Василенковъ.—Дѣйствительно, мнѣ показалось, что вы, папаша...

Китаешниковъ.—А когда кажется, надо перекреститься.

Егоръ Павловичъ.—Вы шутите, Никаноръ Иванычъ?... Нѣтъ, ужъ вы не терзайте меня... Богомъ прошу!

Китаешниковъ.—Да кто васъ терзаетъ?

Егоръ Павловичъ.—Вѣдь я выплачу вамъ всю сумму... по частямъ... Вотъ Павелъ порукой. Неужели вы предполагаете...

Китаешниковъ.—Я никогда не предполагаю: я всегда полагаю.

Василенковъ.—Папаша, я хорошо помню: вы обнадежили его. Вы прямо сказали...

Китаешниковъ.—Да вы меня, знать, оба за дурака непокрытаго считаете?

Николай *(кипя негодованіемъ)*.—Не за дурака, а за...

Василенковъ *(зажимаетъ ротъ)*.

Китаешниковъ.—Они тамъ смутьянятъ, забастовки чинятъ, а я имъ денежки подай? Да разсудите сами: мыслимое ли это дѣло? Ну, съ чѣмъ это сообразно? Вѣдь ребенокъ малый этому не повѣритъ, а они увѣровали!... Обязательно разскажу протопопу.

Егоръ Павловичъ *(закрываетъ лицо руками)*.—А я-то, я-то мечталъ! Я-то за дѣтей радовался! Я-то...

Китаешниковъ.—Онъ ужъ и телеграмму въ Москву послалъ. Ха-ха!... Вотъ кудесникъ-то!... Смѣху подобно—ей-ей!

Николай.—Мучитель!... Самодуръ проклятый! *(Бросается на Китаешникова; тотъ поднимаетъ трость; Василенковъ хватаетъ Николая.)*

Китаешниковъ.—Какъ!? въ моемъ собственномъ домѣ?... За мою хлѣбъ-соль? Да я тебя, шершаваго, въ полицію отправлю! Извольте, господа столичные, немедленно покинуть мой домъ, чтобы сейчасъ же прочь отсюда... на выносъ!... Палъ Палычъ, распорядитесь и, ни мало не медля, доложите мнѣ. *(Уходитъ.)*

Василенковъ.—Эхъ, теперь непріятности пойдутъ!

Егоръ Павловичъ *(сидитъ, низко опустивъ голову)*.—За что?... За что?...

Василенковъ *(Николаю)*.—Что ты надѣлалъ? Какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь на мою же несчастную голову все сваливается!

Николай.—Папа, зачѣмъ ты насъ привезъ сюда?... Лучше на улицу... лучше по міру идти, чѣмъ... *(Оборачивается къ Василенкову.)* Извини, дядя, за такую непочтительность! *(Уходитъ съ негодующимъ видомъ черезъ палисадникъ.)*

Василенковъ *(брату)*. — Онъ у тебя, видно, не знаетъ еще, какъ слѣдуетъ, что такое нужда. *(Ходитъ въ возбужденіи.)*

Егоръ Павловичъ.—Все рухнуло... Силъ моихъ нѣтъ больше... Гдѣ искать помощи? За кого ухватиться?

Василенковъ *(съ большимъ раздраженіемъ)*. — Эхъ, какъ все это... Вотъ опять руки похолодѣли. *(Потираетъ руки.)*

Егоръ Павловичъ.—Павелъ, вѣдь на волоскѣ висимъ! За дѣтей страшно...

Василенковъ.—Да что же я-то могу?

Егоръ Павловичъ. — Столько времени искалъ мѣста... Теперь и это сорвется!

Василенковъ.—Да я-то что же?... Эхъ!

Егоръ Павловичъ.—Когда мы ѣхали сюда, дѣти только и говорили, что о тебѣ, всѣ надежды возлагали на дядю... Нина даже заплакала отъ радости, когда увидала тебя.

Василенковъ.—Ну, хорошо... Чего же ты отъ меня хочешь?

Егоръ Павловичъ.—Протяни руку помощи! Не какъ нищій, прошу: придетъ время, все до послѣдней копеечки выплачу.

Василенковъ.—Какія же у меня деньги? Откуда?

Егоръ Павловичъ.—У тебя есть...

Василенковъ.—Ну, что ты говоришь, Егоръ? Это—женины. Я не имѣю права... Да и наконецъ...

Егоръ Павловичъ.—Деньги у васъ такъ лежатъ, а насъ онѣ спасти могутъ.

Василенковъ.—Ну, что ты говоришь?... Онѣ въ бумагахъ вмѣстѣ съ папашиными, а вѣдь ты самъ знаешь, какъ теперь бумаги упали. Не продавать же ихъ!... Да и жена не позволитъ.

Егоръ Павловичъ.—Павелъ! Голубчикъ!...

Василенковъ.—Ахъ, ты терзаешь меня, Егоръ! Ну, зачѣмъ это?

Егоръ Павловичъ.—Вѣдь мы выплатимъ... Клянусь тебѣ! Не я, такъ сынъ...

Василенковъ.—Нынче я отдалъ деньги, а завтра пришелъ ...я меня черный день?...

Егоръ Павловичъ.—Господи! да вѣдь не ограбить же я ...

Василенковъ.—Сегодня я—здѣсь, а завтра папаша вечнѣ очистить квартиру? Самъ знаешь теперь, каковъ онъ.

Егоръ Павловичъ.—Да вѣдь не пропадешь же ты изъ-за

Василенковъ.—Я усталъ жить, постоянно трясясь за завтрашній день... Я уже достаточно напуганъ нуждою... да. Она вѣчно стережетъ за дверью и скалитъ на меня зубы...

Егоръ Павловичъ.—Ну, хорошо, хорошо. Ну, Богъ съ тобой!

Василенковъ.—Я... тебѣ, Егоръ, вотъ что скажу... У меня въ молодости была зашита въ ладонку двадцатипятирублевка. Много я видѣлъ вокругъ себя нищеты и слезъ, много самъ вытерпѣлъ—и голодалъ, и безъ сапогъ сидѣлъ, а завѣтную ладонку не тронулъ. Берегъ ее на черный день, а когда онъ приходилъ, мнѣ думалось, что будутъ дни еще чернѣе. И я хранилъ ее... Можетъ быть, тѣмъ и спасся. А ты говоришь...

Егоръ Павловичъ.—Ну, хорошо, хорошо... Буду молчать. Я ѣхалъ сюда, думалъ, что ѣду къ брату родному, хотѣлъ все горе свое передъ тобой излить...

Василенковъ.—Да развѣ я не сочувствую? Не жалѣю тебя?

Егоръ Павловичъ.—Хотѣлъ тебя слезно просить за дѣтей, чтобы ты ихъ подъ свое крыло... потому что у меня руки опускаются... Всей бы моей жизнью заплатилъ тебѣ.

Василенковъ *(нетерпѣливо машетъ рукой)*.—Эхъ!...

Егоръ Павловичъ.—Былъ ты всегда для всѣхъ насъ, какъ отецъ, хоть ты и моложе меня, а теперь сердце у тебя, видно, закрылось наглухо. Недаромъ дѣти стали бояться... Недаромъ всѣмъ намъ такъ тяжело въ твоемъ домѣ... Прости меня, Павелъ: не я говорю, горе во мнѣ говоритъ! *(Утираетъ глаза платкомъ.)*

Василенковъ *(грызетъ отъ волненія ногти)*.—Гм... «сердце закрылось»... А вотъ оно у меня ноетъ ежеминутно... и вы всѣ только и дѣлаете, что растравляете его... да! По какому праву вы тянете изъ меня жилы? Оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ духъ перевести! Я долгіе годы работалъ и жилъ, какъ каторжный: имѣю же я право хоть на маленькое обезпеченье?... Я не хочу... я не могу, наконецъ, слышать вашихъ стоновъ и попрековъ! Это силъ человѣческихъ не хватитъ. Вы, мои родные, всю жизнь скрежещете передо мной! У меня отъ васъ болятъ нервы, сердце!... Можешь ты это понять? Вамъ нужно, чтобы я окончательно надорвался? Оставьте меня въ покоѣ! *(Идетъ черезъ палисадникъ.)* Я не могу больше... Не могу!

7.

Софья Никаноровна и Трулевичъ *(одѣты для прогулки)*.

Софья *(повстрѣчавшись съ мужемъ)*.—А ты, Павликъ, идешь на бульваръ?

Василенковъ *(нервно, машетъ рукой)*. — Оставьте меня! Оставьте меня! *(Уходитъ.)*

Софья *(съ недоумѣніемъ)*.—Что случилось? *(Подходитъ къ Егору Павловичу, который сидитъ, охвативъ голову руками.)* Кто разстроилъ моего Павлуню? *(Смотритъ на него.)* Что съ вами? Вамъ дурно?

Егоръ Павловичъ *(встаетъ)*. — Тонемъ, тонемъ... Ко дну идемъ... *(Пошатываясь, уходитъ.)*

Софья *(Трулевичу)*.—Жили безъ нихъ тихо, спокойно, а какъ только они пріѣхали къ намъ, такъ и началось.

8.

Нина.

Нина *(входитъ, къ Трулевичу)*.—Не ждите меня: я не пойду на бульваръ.

Трулевичъ.—Да почему же? Нашу публику посмотрите.

Нина.—Вы знаете, что мнѣ не въ чемъ выдти. Это, во-первыхъ... А во-вторыхъ... *(Взглядываетъ на Софью, которая въ раздраженіи колотитъ зонтикомъ по землѣ.)* Словомъ, я не иду. *(Рѣзко повертывается и уходитъ.)*

Софья.—Такъ это, значитъ, вы *ее* ждали?

Трулевичъ.—Отчего же барышнѣ не разгуляться?

Софья.—Васъ, должно быть, прельстили ея очки?

Трулевичъ.—Да вѣдь сами же вы надоумили меня поухаживать за ней.

Софья.—Ну, да... чтобы глаза отвести... А ты ужъ и обрадовался? Можетъ быть, успѣлъ ужъ влюбиться?

Трулевичъ.—Не во что.

Софья.—Какъ «не во что»?

Трулевичъ.—Одни очки—и ничего больше.

Софья *(давясь отъ сдержаннаго смѣха)*.—Молчи, молчи... Ты ужъ скажешь... Какъ это ты къ ней подъѣхалъ?

Трулевичъ.—Натурально, черезъ книжки.

Софья.—А она-то, чай, воображаетъ? *(Серьезно.)* Нѣтъ, мнѣ, п во, жаль ее. Ты, смотри, не очень... Это неблагородно: дѣвочку у екать.

Марья Іоновна *(входитъ, одѣтая для прогулки)*.

Трулевичъ.—Ну, ужъ намъ съ тобой нечего говорить о б родствѣ.

Софья *(полусерьезно)*. — Какъ ты смѣешь такія дерзости? Я т за уши!... *(Беретъ его за ухо.)*

9.

Марья Іоновна.

Софья *(увидавъ Марью Іоновну и смутившись)*.—Ахъ, вотъ и мамаша... Идемъ!

Марья Іоновна *(подходитъ съ разстроеннымъ лицомъ)*.—Я дома останусь: Павлу нехорошо что-то.

Софья.—Такъ и я тоже останусь.

Марья Іоновна.—Нѣтъ, ты иди, а я побуду съ нимъ.

Софья *(послѣ колебанія)*.—Ну, впрочемъ, мы скоро вернемся. *(Уходитъ съ Трулевичемъ, напѣвая подъ музыку, играющую на бульварѣ.)*

(Пауза.)

Марья Іоновна *(смотритъ вслѣдъ ушедшимъ)*.—Эхъ, выбрала бы я на тебя орясину потолще да... *(Негодующая и разстроенная, уходитъ въ комнаты.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая комната въ мезонинѣ, разгороженная ширмами на-двое. Въ одной половинѣ помѣщается Егоръ Павловичъ съ Николаемъ, въ другой—Нина. Марья Іоновна роется въ комодѣ (въ помѣщеніи Егора Павловича); Софья осматриваетъ вещи Нины (въ ея комнатѣ).

1.

Марья Іоновна, Софья Никаноровна.

Марья Іоновна.—Ну, и бѣльецо у нихъ: дыра на дырѣ! Это, стало быть, все, что получше, они продали или заложили... *(Продолжаетъ рыться въ комодѣ.)*

Софья *(показываетъ Марьѣ Іоновнѣ носовой платокъ)*.—Вотъ такъ платокъ у Нины!... Смотрите, мамаша!... Да въ такой платокъ и носомъ не попадешь!... А видѣли, какія туфли у вашей внучки? Ни одинъ старьевщикъ не купитъ. А книжекъ вонъ сколько навезла съ собой!

Марья Іоновна.—Никому онѣ не нужны, потому и цѣлы остались. *(Осматриваетъ дорожную корзину.)* Ну, ужъ корзина. Тро ее—она и разсыплется. Вся, какъ есть, веревочками перевязан Ахъ, нужда, нужда!

Софья *(продолжаетъ перебирать вещи Нины)*.—Знаете по ворку, мамаша: «на грошъ аммуниціи да на сто рублей амбиціи Это, должно быть, про Нину Егоровну сказано. Она смотритъ на нас такъ, точно всѣ мы какіе-то негодящіе, а она одна—чистый ангел

(Марья Іоновна ворчитъ что-то невнятное.) А этотъ чистый ангелъ готовъ всякому на шею вѣшаться.

Марья Іоновна *(идетъ къ Софьѣ)*. — Это ты про Семена Семеновича?

Софья.—А вы какъ думаете?

Марья Іоновна.—Я думаю, что на шею-то вѣшается не она.

Софья.—А кто же?

Марья Іоновна.—Тебѣ лучше знать... Смотри, Софья, допрыгаешься ты! Я только Павла тревожить не хочу. Его покой оберегаю.

Софья.—Это что за реприманды?

Марья Іоновна.—Помни, Софья: за Павла я на рожонъ полѣзу!

Софья.—Вотъ новости! Вы мнѣ грозить вздумали?

Марья Іоновна.—Подлецъ твой Семенъ Семеновичъ!

Софья *(съ напускнымъ смѣхомъ)*.—Ахъ, какъ мило выражаетесь!

Марья Іоновна.—И мерзавецъ!

Софья.—Вамъ вѣчно мерещится...

Марья Іоновна.—Сама видѣла, сама слышала... Все знаю!

Софья.—А что вы такое видѣли? Это—одно ваше воображеніе. Мы просто дурачились, а вы ужъ и Богъ знаетъ что!... Вы лучше за внучкой своей присмотрите.

Марья Іоновна.—Все скажу Павлу, погоди!

Софья.—Говорите, сдѣлайте одолженіе! Сплетничайте! Тогда я ужъ прямо бухну ему, что не люблю его. Не люблю и не люблю! Тогда ужъ вы сами утѣшайте его, какъ знаете.

Марья Іоновна *(вполголоса)*. — Тише ты! Онъ, кажется, сюда идетъ. Ни крошечки не жалѣешь ты мужа.

Софья *(тоже вполголоса)*.—Надоѣли вы мнѣ съ причитаньями. Слышите?

Марья Іоновна.—Язва ты язвенная! Лукавая ты! *(Входитъ снизу Василенковъ. Марья Іоновна отходитъ отъ Софьи.)*

2.

Василенковъ.

Василенковъ *(смотритъ на обѣихъ)*. — Что вы тутъ дѣлаете?

Марья Іоновна.—Да вотъ вздумали гардеробчикъ ихній пересмотрѣть.

Василенковъ.—Зачѣмъ же это?

Марья Іоновна.—А затѣмъ, что намъ же отдуваться придется: вѣдь бѣлье-то, какое ни на есть, надо будетъ для нихъ сдѣлать?

Софья *(беретъ гребенку)*.—Какъ это она такой гребенкой чешется?

Василенковъ.—Сонечка, не хорошо рыться въ чужихъ вещахъ.

Марья Іоновна *(беретъ ватное пальто, растопыриваетъ)*.—Ну, пальтецо! Вся начинка вылѣзла. Изъ-подъ пятницы суббота видна... Это, знать, Николашкино?

Василенковъ.—Оставьте, мамаша.

Софья *(съ иронiей)*.—Павликъ у меня добренькiй! *(Показываетъ Марьѣ Іоновнѣ фотографическую карточку.)* Это кто такая?

Марья Іоновна.—Жена Егора... покойная.

Софья.—Какая худая! Чахоточная, должно быть?

Василенковъ *(задумчиво)*.—Добрая, веселая была... Всѣхъ, бывало, жалѣетъ. *(Женѣ.)* Ты все это положи, откуда взяла, а то они обидятся.

Марья Іоновна.—Что же, они такъ до скончанiя вѣка и будутъ жить здѣсь?

Василенковъ *(укоризненно)*.—Послушайте, мамаша...

Марья Іоновна.—У тебя теперь своя семья есть, своя забота.

Василенковъ *(самъ съ собой)*.—Все забота, забота...

Марья Іоновна.—А если дѣти пойдутъ, тогда что?

Софья.—Охъ... устала. *(Ложится на диванъ.)* Вы заведите какой-нибудь длинный разговоръ, а я полежу тутъ.

Марья Іоновна *(Василенкову)*.—Ты посмотри, какая дороговизна теперь: приступу ни къ чему нѣтъ. Всѣ обѣдняли, всѣ жалуются, всѣ жмутся... Жизнь стала трудная, тѣсная.

Софья.—Хорошо бы этотъ диванъ внизъ перенести: онъ такой удобный!

Марья Іоновна *(сыну)*.—Попробуй-ка у кого-нибудь денегъ попросить! Всякiй только о себѣ думаетъ, себя оберегаетъ... По нынѣшнимъ временамъ надо за каждый грошъ зубами держаться, а не то что...

Василенковъ.—Жестоко все это... Душа устаетъ...

Марья Іоновна.—Да кому мы дѣлаемъ вредъ? Если бы мы у другихъ отнимали. Мы только свое бережемъ... А вотъ зачѣмъ они часы взяли изъ кухни? Это не порядокъ. *(Хочетъ снять со стѣны часы.)*

Василенковъ.—Оставьте. Я самъ ихъ сюда принесъ. Вѣдь внизу есть часы, а здѣсь...

Марья Іоновна.—А имъ и вовсе не нужно. Авдотья рано встаетъ: не бѣжать же ей въ залу часы смотрѣть. Она вонъ и то ворчитъ. Пойду, опять въ кухню повѣшу. *(Уходитъ съ часами.)*

Василенковъ.—Да, видно,—надо ожесточиться, корой обрости, а то жить нельзя: въ клочья изорвешься.

Софья.—Они у насъ, кажется, совсѣмъ поселились?

Василенковъ.—Куда же имъ дѣться? На улицу?

Софья.—Папаша объявилъ, что пока они здѣсь, ноги его у насъ не будетъ.

Василенковъ.—Я еще разъ схожу къ папашѣ, объясню ему...

Софья.—Такую тоску они развели здѣсь! Лица вытянутыя, смотрятъ какъ-то исподлобья... Точно умирать собрались... право!

Василенковъ.—Трудно въ ихъ положеніи быть веселыми.

Софья.—Всю голову мнѣ простучали своими шагами. Ходятъ-бродятъ у меня надъ головой, словно лунатики!

Василенковъ.—Ну, полно! Они и дома-то почти не бываютъ.

Софья.—А по ночамъ? Я ужъ стала уши ватой затыкать. Твоя племянница, съ этимъ своимъ штемпелеваніемъ, долбитъ по цѣлымъ часамъ, точно дятелъ. Другіе бы на ихъ мѣстѣ помнили, что они не у себя дома, а имъ какъ будто и дѣла нѣтъ.

Василенковъ.—Они помнятъ, Сонечка... Даже слишкомъ хорошо помнятъ.

Софья.—Ну, ты всегда за свою родню! Я думаю, что жена должна быть для тебя ближе всѣхъ.

3.

Егоръ Павловичъ, Марья Іоновна.

Егоръ Павловичъ *(еще на лѣстницѣ)*.—Куда же я пойду? На улицу? Вѣдь я не одинъ: у меня дѣти! Ихъ на улицу не потащу—нѣтъ!

Марья Іоновна.—Да кто тебя гонитъ?

Егоръ Павловичъ *(входитъ въ пальто)*.—Пусть Павелъ ажетъ мнѣ: «убирайся отъ меня вонъ», тогда уйду. А до тѣхъ ръ...

Василенковъ.—Въ чемъ дѣло, мамаша?

Марья Іоновна.—Чего онъ взбѣленился? Я сказала ему ько, что къ намъ приходили верхъ сымать.

Егоръ Павловичъ.—Ну, и сдавайте. Мы какъ-нибудь внизу потѣснимся... А на улицу...

Василенковъ *(матери)*.—Кто приходилъ? Когда?

Марья Іоновна *(уклончиво)*.—Извѣстно, кто: съемщики.

Егоръ Павловичъ *(брату)*.—Ты съ нами не церемонься: мы хоть въ чуланъ... Намъ въ такихъ углахъ приходилось... А дѣтей не отдамъ на съѣденіе—нѣтъ!

Василенковъ.—Постой. Не кричи... Все это—вздоръ. Какіе съемщики?... Незачѣмъ этихъ разговоровъ заводить, мамаша.

Софья *(вставъ съ дивана, сухо Егору Павловичу)*. —Извините, я тутъ у васъ...

Егоръ Павловичъ. — Ничего-съ... Помилуйте... Вы—хозяйка.

Софья.—Я не люблю стѣснять людей. *(Уходитъ.)*

Егоръ Павловичъ *(вслѣдъ ей)*. — Это мы васъ стѣсняемъ... Это мы васъ отягощаемъ...

Марья Іоновна.—Нѣтъ, вотъ кому солоно приходится: Авдотьѣ. Теперь у насъ—цѣлый кагалъ, а жалованье ей идетъ прежнее. Грозится уйти.

Егоръ Павловичъ.—Мы съ Николаемъ, мамаша, не даемъ ей сапоговъ чистить... Нина сама убираетъ здѣсь...

Василенковъ *(хмурясь)*.—Да будетъ вамъ!

Марья Іоновна *(Василенкову)*.—Пожалуйте денегъ на сахаръ: весь вышелъ! Самоваръ подали на столъ, а сахару—ни кусочка! Давно ли полпуда купили?

Василенковъ *(давая матери деньги)*.—Тошно мнѣ, мамаша, слушать съ утра до вечера...

Егоръ Павловичъ.—Мы ужъ стараемся поменьше сахару... И съ керосиномъ—тоже...

Василенковъ.—Ну, къ чорту—керосинъ! Какъ будто другихъ разговоровъ нѣтъ?... Ты отчего пальто не снимаешь? Кажется, здѣсь сыро? Мамаша, велите истопить.

Марья Іоновна.—Дрова-то нынче...

Василенковъ.—Мамаша!

Марья Іоновна *(сразу разгорячившись)*.—Да что въ самомъ дѣлѣ? Я правду люблю! Безсовѣстно со стороны Егора этакъ-то... Ты весь свой вѣкъ гоношился, покою себѣ не зналъ... И только что, Господи благослови, нашелъ себѣ убѣжище, вздохнуть собрался,—а тутъ братецъ любезный...

Василенковъ.—Мамаша, перестаньте!

Марья Іоновна *(Егору Павловичу)*.—Тебѣ передъ дѣть-

ми-то должно быть стыдно! Они ужъ у тебя не маленькіе, а ты заставляешь ихъ по чужимъ домамъ таскаться!

Василенковъ.—Развѣ нашъ домъ—чужой для нихъ?

Егоръ Павловичъ *(глубоко потрясенный)*. — Больно вы умѣете жалить, мамаша. Сказали вы словцо маленькое, да остренькое: насквозь оно пронзило меня! Насквозь! *(Ложится на постель, повертывается къ стѣнѣ лицомъ и вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.)*

Василенковъ.—Мамаша, развѣ онъ—не сынъ вамъ? Надо же имѣть немножко снисхожденія.

Марья Іоновна *(нѣсколько пристыженная)*.—Да я зла ему не желаю. Я первая была бы рада, если бы онъ пристроился... А только зачѣмъ они не даютъ тебѣ всю жизнь передышки? Егоръ свое взялъ: онъ ужъ двадцать лѣтъ живетъ своей семьей; а ты весь вѣкъ убивался надъ своими родными, бобылемъ жилъ. Знаю я, каково тебѣ было: вѣдь вмѣстѣ горе мыкали... Тебя же жалѣючи, лаю на всѣхъ, а то развѣ стала бы я такъ собачиться?

4.

Николай.

Николай *(входитъ)*.—Свершилось: встрѣтился сейчасъ съ домовладыкой.

Марья Іоновна *(въ испугѣ)*.—Да ну?! Вѣдь говорили же тебѣ, негоднику: «прячься!» Теперь, того гляди, изъ-за тебя и насъ съ квартиры потурятъ. Просто, наказанье божеское.

Николай.—Пусть прячется, кто хочетъ, а я не желаю. Я не воръ. Нѣтъ ужъ, довольно!

Василенковъ.—Постой... Что сказалъ тебѣ папаша?

Николай.—Ничего. Только пальцемъ погрозилъ.

Марья Іоновна.—Пальцемъ? Ну, это еще... Знать, онъ въ добромъ духѣ... А вѣдь я побожилась ему, что ты уѣхалъ. Надо сейчасъ бѣжать къ нему съ повинной... Вотъ, въ какую катавасію впутались мы изъ-за тебя... поганца этакаго!

Николай.—Не смѣйте ругаться!

Марья Іоновна.—Да что ты кричишь? Прямой разбойникъ!

Николай.—Вы можете выгнать насъ вонъ, но оскорблять...

Егоръ Павловичъ.—Коля, прикуси языкъ!

Марья Іоновна *(уходя)*.—Ужъ щеголять ему въ арестантскомъ халатѣ—вотъ помяните мое слово! Влѣпятъ ему на спину бубноваго туза! *(Ушла.)*

Егоръ Павловичъ.—Коля, стисни зубы и молчи. Пони-

маешь? Живи такъ, какъ будто тебя и на свѣтѣ нѣтъ. Закаменѣй! *(Опять поворачивается лицомъ къ стѣнѣ.)*

Василенковъ *(съ вспышкой)*.—Господи, когда же мои уши отдохнутъ отъ этихъ... *(Сдерживаясь.)* Коля, надо полегче смотрѣть... Надо быть добрѣе... Пройдетъ 10—20—30-ть лѣтъ, и всѣ мы умремъ, и память о насъ исчезнетъ... да. Прахъ одинъ... Изъза чего ссориться? Лучше поговоримъ по хорошему. *(Вынимаетъ портсигаръ.)* Егоръ, хочешь папироску?

Егоръ Павловичъ.—Не надо.

Василенковъ.—Да бери, не церемонься.

Егоръ Павловичъ.—Не надо.

Василенковъ.—А ты, Коля? Вѣдь я знаю,—ты куришь.

Николай.—Не хочу.

Василенковъ. —Ну, какъ знаешь. *(Закуриваетъ.)* Ты, Егоръ, куда ходилъ сегодня?

Егоръ Павловичъ.—Такъ просто... по улицѣ.

Василенковъ.—Для моціону?

Егоръ Павловичъ.—На улицѣ лучше: я тамъ со всѣми на равной ногѣ; а здѣсь...

Василенковъ.—Ахъ, Егоръ, Егоръ! Впрочемъ—я понимаю тебя... Просилъ я нынче одного человѣка: насчетъ мѣста для тебя...

Егоръ Павловичъ.—Спасибо.

Василенковъ.—Ты, я вижу, упалъ духомъ? Полно, братъ! *(Николаю, который стоитъ, прижавшись лбомъ къ окну.)* Коля, смотрѣлъ ты когда-нибудь въ желтое стекло?

Николай *(наполовину не разобравъ)*.—Какое стекло?

Василенковъ.—Все представляется такимъ праздничнымъ, веселымъ... Точно волшебный міръ какой: голубой, розовый, оранжевый... И кажется, что нѣтъ въ немъ ни голода, ни злости, ни страха, ни печали, ни воздыханія, а есть только одна красота, одна радость... *(Слышенъ свистокъ локомотива.)*

Николай *(самъ съ собой)*.—«Уѣхать»... Какое это чудесное слово!

Василенковъ.—Помню,—бывалъ я урывками въ деревнѣ: смотришь на небо, на поля, на рощи,—а голова-то все время набита заботами, какъ желѣзными гвоздями...

Егоръ Павловичъ *(на постели)*.—Охъ... всѣ кости у меня ноютъ...

Василенковъ.—Всю жизнь лямка! Почему мы не смѣемъ пожить... просто пожить... ну, вотъ какъ живетъ птица, кошка, муха?

Николай *(у окна)*.—Ѣхать все дальше, дальше, дальше...

Василенковъ.—Вѣдь каждый цвѣтокъ, каждый листокъ, былинка,—всѣ живутъ своей жизнью... безъ тревогъ, безъ судороги этой... Почему же мы?...

Николай *(круто повернувшись къ Василенкову)*.—Дядя, ты ни въ какомъ случаѣ не дашь намъ денегъ? Даже, если бы мы умирали у тебя на глазахъ?

Василенковъ *(опѣшенный)*. — Ты говоришь такимъ тономъ...

Егоръ Павловичъ *(при словѣ „деньги", настораживается и, видимо волнуясь, приподнимается на постели)*.

Николай.—Дай намъ вырваться изъ этой тюрьмы!

Василенковъ.—Развѣ здѣсь тюрьма?

Николай.—Хуже тюрьмы! Я здѣсь съ ума сойду! Мы всѣ сгніемъ тутъ!

Василенковъ *(обиженный и уязвленный)*. — Неужели у меня такъ ужъ...

Егоръ Павловичъ *(вставъ съ постели)*. — Денегъ? Ты просишь денегъ? Скорѣе земля пополамъ треснетъ, чѣмъ тебѣ дастъ кто-нибудь! Ты воображаешь, что человѣкъ дороже, чѣмъ цѣлковый? Ошибаешься, Коля... ой, какъ ошибаешься!

Николай.—А если такъ, то вся жизнь—одна мерзость! И тогда къ чорту, къ дьяволу ее!...

Егоръ Павловичъ *(распахиваетъ пальто, надѣтое прямо на грязную рубаху)*.—Вотъ она, жизнь!... Вотъ, гдѣ она!

Василенковъ.—Что такое? Запахнись, пожалуйста!

Егоръ Павловичъ.—Никаноръ озлобился: отобралъ.

Василенковъ *(брату)*. —Что же ты мнѣ не скажешь? Да запахнись же!

Егоръ Павловичъ *(запахиваясь)*. —Да,—вотъ она, жизнь! *(Снова ложится.)*

5.

Марья Іоновна.

Марья Іоновна.—Фу! который ужъ разъ вползаю на эту лѣнную лѣстницу? Тамъ Никаноръ Иванычъ пришелъ.

Василенковъ.—Вотъ какъ? Что-жъ онъ, бранится?

Марья Іоновна.—Какое! Меня такъ любезно припялъ. —говоритъ,—все къ вамъ собираюсь». Что такое съ нимъ?

Василенковъ.—Должно быть, соскучился въ одиночествѣ.

Марья Іоновна.—Вотъ развѣ такъ?... Ума не приложу!

Василенковъ.—Надо за пивомъ послать. *(Даетъ деньги.)* Да вотъ еще что, мамаша: достаньте вы для Егора мой пиджакъ.

Егоръ Павловичъ.—Не надо мнѣ. Не хочу.

Василенковъ.—Ну, ужъ это—упрямство. *(Входитъ Нина съ книжкой билетовъ для штемпелеванія.)*

6.

Нина.

Марья Іоновна.—Ты зачѣмъ ходишь къ Семену Семеновичу въ комнату?

Нина *(весело, показывая книжку)*.—Онъ мнѣ еще работы принесъ. Я такъ рада! *(Идетъ къ своему столу.)*

Марья Іоновна.—Что больно весела? Не съ чего бы, кажется.

Василенковъ. Мамаша, что вы ее одергиваете? Она—молодецъ за то, что весела.

Марья Іоновна *(сурово)*. — Про нее вонъ ужъ славу пускаютъ.

Нина.—Я не понимаю васъ, бабушка.

Василенковъ.—Кто пускаетъ?

Марья Іоновна *(угрюмо)*.—Люди—вотъ кто. *(Къ Нинѣ.)* Не смѣй бѣгать къ жильцу!... Слышишь?... Пойдемъ, Павелъ, а то старикъ обидится. *(Идетъ.)*

Василенковъ.—Я сейчасъ, мамаша. Идите. *(Подходитъ къ Нинѣ.)*

Марья Іоновна *(уходитъ)*.

Василенковъ.—Ниночка, ты не обижайся на мамашу. Я самъ хотѣлъ предостеречь тебя относительно сплетенъ...

Нина.—Кто-то рылся у меня въ столѣ. *(Приготовляется къ работѣ.)*

Василенковъ *(смотритъ на ея ноги)*.—У тебя башмаки плохи, Нина. Возьми денегъ, купи. *(Хочетъ дать ей денегъ.)*

Нина.—Спасибо, дядя. Я сама заработала.

Василенковъ.—Мало ли у васъ нуждъ? Бери!

Нина.—Не надо, дядя. Я не возьму. *(Работаетъ нумерат ромъ. Какъ бы про себя.)* Живемъ здѣсь на подножномъ кормѣ...

Василенковъ.—Ниночка, я давно замѣтилъ, что ты им ешь что-то противъ меня. Скажи откровенно. Вѣдь мы съ тобой пр жде друзьями были. *(Нина ниже опускаетъ голову и молча работаетъ* Ты очень блѣдна, Ниночка.

Нина.—Нѣтъ... Отчего? Я чувствую себя прекрасно.

Василенковъ.—Ты напоминаешь мнѣ цвѣтокъ, вдругъ захваченный холодомъ. Что у тебя на душѣ?... Ты все молчишь. Кто молчитъ, тому тяжелѣе всѣхъ.

Нина.—Я чувствую себя прекрасно.

Голосъ Софьи *(снизу)*. — Папаша пришелъ! Идите чай пить!

Василенковъ.—Поди, выпей чаю, Ниночка.

Нина.—Спасибо. Мнѣ не хочется.

Василенковъ.—Полно, Нина. Чѣмъ ты питаешься? Не ѣшь, не пьешь. Нельзя же такъ морить себя.

Нина.—Ничего. Есть люди, которые гораздо хуже питаются. Ко всему можно пріучить себя.

Василенковъ.—Да зачѣмъ же это?

Нина *(поводитъ плечами и не отвѣчаетъ)*.

Голосъ Софьи.—Павлуня, иди же!

Василенковъ.—Ты очень обидчива, Нина... или горда чересчуръ? Я знаю,—ты много за этотъ годъ пережила, но нельзя же... *(Видитъ лучъ солнца, освѣщающій окно и часть комнаты.)* Смотри, смотри, какъ хорошо освѣщаетъ солнце!

Нина *(взглядываетъ равнодушно)*.—Да. *(Работаетъ.)*

Василенковъ.—Я такъ люблю эти мягкіе вечерніе лучи... Брось работу, отдохни: я вижу, ты очень устала.

Нина.—Нисколько.

Голосъ Марьи Іоновны *(съ лѣстницы)*.—Павелъ!

Василенковъ *(смотритъ на Нину, чего-то ждетъ, что-то хочетъ сказать, но только вздыхаетъ)*.—Приходи чай пить. *(Уходитъ съ виноватымъ видомъ.)*

Николай *(со вздохомъ облегченія)*.—Уфъ, ушелъ, наконецъ!

Нина.—Папа спитъ?

Николай. — Кажется. *(Останавливается противъ сестры.)* Много ли наработала?

Нина.—Да ужъ больше семи рублей. Платятъ 60 коп. за книжку, а въ книжкѣ 3,000 нумеровъ... Впрочемъ, я еще не получала...

Николай.—На 7 рублей далеко не уѣдешь.

Нина—Можно бы и больше заработать, да у меня очень скоро ка устаетъ. Семенъ Семенычъ говоритъ, что я...

Николай.—А, къ чорту твоего Семена Семеныча! Видѣть его могу!

Нина *(съ неудовольствіемъ)*.—Ну, ты всегда такъ... А я тебѣ ку, что онъ здѣсь—самый порядочный. Въ немъ есть искра бла-

городства, есть желаніе выбиться на свѣтъ. Когда встрѣчаешь это въ грубой средѣ, то какъ-то жить становится легче, бодрѣе чувствуешь себя.

Николай.—Чѣмъ онъ лучше другихъ?

Нина.—Ну, хоть тѣмъ, что хочетъ быть лучше. И этого довольно... А кромѣ того, онъ одинъ здѣсь относится ко мнѣ съ уваженіемъ, видитъ во мнѣ личность. *(Съ горечью.)* Мы съ тобой отвыкли отъ этого: въ насъ ужъ давно всѣ видятъ только лишніе рты... всѣ, кромѣ папочки. А для Семена Семеновича я нужна... Я чувствую, что нужна: онъ идетъ ко мнѣ со своими запросами...

Николай.—Полно, бабулька,—все это—ребячество! Какіе у него запросы? И какое намъ дѣло до нихъ, когда мы сами... Все это—ерунда. Намъ одно нужно: выдраться изъ этой трясины, уѣхать подальше ото всѣхъ этихъ бабушекъ, дядей, Семенъ Семеновичей... Я, кажется, готовъ въ дворники, въ почтальоны... Да что я говорю! Я готовъ украсть, лишь бы только уѣхать!

Нина.—Никогда ты не сдѣлаешь этого. Зачѣмъ говорить?

Николай.—Нѣтъ, сдѣлаю! У меня духъ захватываетъ при одномъ словѣ «уѣхать»! Не видѣть этого сѣраго забора съ гвоздями, этихъ проклятыхъ стѣнъ, гдѣ мы наглотались по горло всякихъ униженій, не видѣть кисло-сладкаго лица дяди, грубой физіономіи бабки, которая трясется надъ каждымъ кускомъ, не чувствовать себя паразитомъ, жалкимъ приживальщикомъ, какимъ-то тараканомъ запечнымъ, который поминутно долженъ прятаться въ щель и думать о томъ, какъ бы...

7.

Ольга.

Ольга *(съ лѣстницы)*.—Ежикъ, вы здѣсь?

Николай.—А, вотъ она! *(Ольгѣ.)* Входите!

Нина *(вполголоса)*.—Коля, меня коробитъ, когда я вижу тебя съ ней. Въ этомъ есть какая-то грязь... Извини меня.

Николай *(саркастически)*. — Что же? Бываетъ и цѣлебная грязь.... ха-ха! *(Принужденно смѣется.)*

Ольга *(въ дверяхъ)*.—Я съ папаней пришла. *(Входитъ, неся узелъ. Къ Нинѣ.)* Здравствуйте. Отецъ-то дома?

Нина.—Спитъ. *(Продолжаетъ работу, посматривая время отъ времени на Ольгу и брата.)*

Ольга.—Я ему сюртукъ съ жилетомъ принесла: папаша велѣлъ.

Николай.—Опять благодѣтельствовать хочетъ?

Ольга.—Теперь его въ другую сторону повернуло. *(Развязываетъ узелъ.)*

Николай.—Почему это вдругъ?

Ольга *(загадочно)*.—Да ужъ такъ... по причинѣ. *(Вынимаетъ изъ узла коробку съ папиросами.)* Вотъ возьмите папиросы. Сама набивала.

Николай *(беретъ папиросы)*.—Потихоньку?

Ольга.—Извѣстное дѣло.

Николай.—Ну, за это вамъ размерси... А то бабка стала запирать отъ меня папиросы.

Ольга.—Вотъ вамъ платокъ. *(Протягиваетъ ему носовой платокъ.)* Это ужъ мой собственный.

Нина.—Коля, какъ тебѣ не совѣстно?

Николай.—Э, ничего ты не понимаешь! Мнѣ легче принять отъ нея, чѣмъ отъ здѣшнихъ...

Ольга *(поддразнивая Нину)*.—Что? Слышали?

Николай *(вдругъ раздражаясь)*.—Да, наконецъ,— наплевать мнѣ на все! Жизнь-то не церемонится съ нами,—значитъ, и намъ нечего разводить церемоніи. *(Бросаетъ Ольгѣ платокъ.)* Ну, къ чорту платки! Зачѣмъ таскаете? *(Закуриваетъ.)*

Ольга.—Берите, берите. Не въ кулакъ же сморкаться... Вотъ я здѣсь положу. *(Кладетъ на столъ. Нинѣ.)* А вы все за работой? Бросьте! Вонъ ужъ вы какая худящая стали. *(Нина сердито смотритъ на Ольгу, потомъ продолжаетъ работать.)*

Николай *(беретъ изъ узла бутылку)*.—А это что? Наливка?

Ольга.—Она самая. Страсть, крѣпкая!... Эхъ, рюмку-то забыла.

Николай.—Можно изъ стакана. *(Беретъ съ комода стаканъ.)*

Нина.—Ты собираешься пить?

Николай.—Собираюсь. *(Подаетъ стаканъ Ольгѣ; та вытираетъ его салфеткой, въ которой были завязаны вещи.)*

Нина.—Не пей.

Николай.—Э, одинъ чортъ!

Нина.—Коля, прошу тебя...

Николай.—Молчи, бабулька. Ты не понимаешь... *(Наливаетъ себѣ.)*

Нина.—Побойся Бога,—что ты дѣлаешь?

Николай.—Предоставь каждому погибать на свой ладъ.

Ольга.—Ну, ужъ и погибать. Папаня вонъ всю жизнь суслитъ,—а чего.

Николай *(выпивъ)*.—Брр! Попало на пустой желудокъ.

Ольга.—У меня мятные пряники есть. *(Подаетъ Николаю.)*

Николай *(жуетъ пряникъ; сестрѣ, кивая на ея работу).* — Брось свою гильотину! Выпей-ка лучше... за упокоеніе души раба Божьяго Николая.

Ольга.—Вотъ ужъ это мнѣ не нравится: панихиды-то эти.

Николай.—А не нравится, такъ идите къ... своему папанѣ.

Ольга.—Ну, ну, какой сердитый!... А впрочемъ, я люблю такихъ: съ перчикомъ. Пословица говоритъ: у рѣдьки сласти не отымайте.

Николай.—Дурацкая пословица.

Ольга.—Папаня-то мнѣ и дома глаза намозолилъ. Ходитъ день-деньской по комнатамъ, бубнитъ, бубнитъ... Встанетъ съ пѣтухами, а дѣлать-то ему нечего: до обѣда утрируетъ въ халатѣ.

Николай.—«Утрируетъ»? Это что такое?

Ольга.—Утро проводитъ: за самоваромъ сидитъ.

Николай.—Ха-ха-ха!

Ольга.—Что? или не такъ сказала?

Николай.—Ничего, ничего. Продолжайте.

Ольга.—Ужъ больно онъ облѣнился... отецъ-то. До того дошелъ, что ему лѣнь кусокъ посолить. Не вѣрите? Вотъ дай Богъ помереть! За обѣдомъ наберетъ цѣльный ротъ, да ужъ сразу во ртѣ и посолитъ. Уморушки. Совсѣмъ въ дикость обратился. Позавчера пришли къ намъ вечеромъ гости: двоюродная тетка съ мужемъ, да свояченица ея... тоже съ мужемъ. Сидѣли, сидѣли... Папашѣ, знать, надоѣло: всталъ съ дивана и началъ средь гостиной раздѣваться... Вотъ дай Богъ помереть!... «Я,—говоритъ,—спать желаю, а вы какъ себѣ хотите».

Нина *(увидавъ, что Николай вторично наливаетъ).* — Николай,—ты опять?

Николай.—Двадцать пять!

Нина.—Не могу я этого видѣть! *(Встаетъ и идетъ.)*

Николай.—Иди къ своему гитаристу!

Нина *(чуть не со слезами).*—Стыдно, стыдно! Я не ожидала отъ тебя... *(Уходитъ внизъ.)*

Николай *(вслѣдъ).*—А вотъ мнѣ ничего не стыдно. Слышала?.. Ну, и проваливай!

Ольга.—Ушла? *(Подходитъ къ Николаю и обнимаетъ его).* — Ежикъ, я такъ по тебѣ стосковалась!

Николай.—Пусти!... Чего еще? Вчера только видѣлись.

Ольга.—Я такъ объ тебѣ неравнодушна! Кажется, скажи ты

мнѣ, что тебѣ рыженькія больше нравятся, я хоть сейчасъ перекрашусь... вотъ, дай Богъ помереть!

Николай.—А, поди ты съ своей чепухой! Слушать противно.

Ольга.—Ты такой неласковый. *(Плачетъ.)*

Николай.—Э... что тамъ еще! Выпей лучше! *(Наливаетъ.)*

Ольга *(сквозь слезы)*.—Мнѣ не хочется.

Николай.—Пей!

Ольга.—Да что ты, ежикъ, какой?

Николай.—Э, чортъ! *(Ставитъ стаканъ и ходитъ, ероша волосы.)*

Ольга.—Ну, ну... Я выпью. Смотри! *(Пьетъ.)*

Николай *(останавливается у окна и смотритъ. Слышенъ свистокъ локомотива. Самъ съ собой)*.—Только бы вырваться на свободу, а тамъ все можно исправить, всего можно достичь...

Ольга *(подходитъ къ нему сзади и гладитъ его по головѣ)*.—Какіе у тебя жесткіе волосы.

Николай.—Оставь! Не трогай!

Ольга *(отходитъ и плачетъ, закрывъ лицо руками)*.—За что ты ненавидишь меня?

Николай *(смотритъ на нее и говоритъ мягко)*.—Не плачь... Не нужно... *(Подходитъ къ ней и отнимаетъ ея руки отъ лица.)* Кто тебя ненавидитъ? Ты добрая. Ты здѣсь добрѣе всѣхъ... Что толку плакать? *(Черезъ силу.)* Говорила съ отцомъ?

Ольга.—Говорила.

Николай.—Что же онъ?

Ольга.—Сначала заругался: «у стола, говоритъ, четыре угла; могу о любой хватить»... А потомъ—ничего: обошелся... Видишь, даже самъ сюда пожаловалъ,—а то бы развѣ онъ сдвинулся?

Николай.—Такъ ты думаешь, онъ не будетъ ломаться?

Ольга.—Пожалуй, для прилику поломается, а самъ-то онъ радехонекъ.

Николай.—Ему хочется поскорѣе сбыть тебя съ рукъ?

Ольга.—Ужъ больно я ему поперекъ горла стала. Сказать по с[illegible]ети,—я таки въ эти дни нарочно старалась, какъ бы ему побо[illegible]ьше досадить. *(Николай истерически смѣется, ходя по комнатѣ.)* П[illegible]во... Вотъ дай Богъ помереть!... А ты не смѣйся такъ, ежикъ: н[illegible]рошо.

[illegible]иколай *(круто останавливается противъ Ольги)*.—Пять ты-с[illegible]даетъ?

[illegible]ьга.—Что за Софьей, то и за мной. Чѣмъ я хуже ея?

Николай.—Сейчасъ же послѣ свадьбы всѣ вонъ отсюда. Понимаешь? И я, и ты, и Нинка, и отецъ мой... Чтобы ни минуты!...

Ольга.—Само собой. И мнѣ-то здѣсь опостылѣло.

Николай.—Урваться отсюда—и ѣхать все дальше, дальше, безъ остановки... все скорѣй, скорѣй! На курьерскомъ поѣдемъ!

Ольга.—И чудесно! По моему характеру, мнѣ, хоть годъ, да прожить такъ, чтобы небу жарко стало. Рискъ, какъ говорится,—благородное семейство.

Николай.—Что за чепуха? Еще можно сказать: «рискъ—благородное дѣло»,—а не...

Егоръ Павловичъ *(бредитъ во снѣ)*.—Держите, держите! Колокольня падаетъ!

Ольга *(въ страхѣ)*.—Что-й-то, Господи?

Николай.—Отецъ бредитъ... Всѣ мы бредимъ.

Ольга *(идетъ и глядитъ на Егора Павловича)*.

Егоръ Павловичъ *(бредитъ)*.—Тамъ дѣти, дѣти!... Дѣтей-то спасайте!

Ольга.—Надо бы его свѣчей перекрестить, которая у иконы была.

Николай.—Ты, Ольга, невѣжественна. Страшно подумать, до чего ты невѣжественна!

Ольга.—А что же я?...

Николай.—Отъ тебя такъ и пахнетъ мятными пряниками.

Ольга *(съ горечью)*.—Ну, что же,—насмѣхайся надо мною! Я—глупая, неученая... Ну, мучай, мучай! Вѣдь сама навязываюсь!

Николай.—Нѣтъ, Ольга... Нѣтъ!... Ты лучше меня. Ты честнѣе... Это я исподлился, я!

Голосъ Китаешникова.—Ольга!

Ольга.—Зоветъ... Пойдемъ.

Николай.—Не тебя, а меня презирать надо!

Ольга.—Да не думай ты лучше ни о чемъ: легче будетъ.

Николай *(самъ съ собой)*.—А впрочемъ,—трезвый, пьяный, честный, безчестный—все безразлично. Всякій въ себѣ подлеца содержитъ; всякій готовъ горло перервать...

Ольга.—А ты думай меньше, думай меньше! Право, легче будетъ.

8.

Софья.

Софья *(наверху лѣстницы)*.—Ольга, долго ли ты будешь тамъ возиться? Папаша зоветъ.

Ольга.—Слышала ужъ!

Софья.—Стыда-то, видно, въ тебѣ не стало.

Ольга.—А въ тебѣ его много?

Софья.—Ну, ты свой язычище припрячь!

Ольга *(Николаю)*. — У нея въ одномъ глазѣ сидитъ мужъ, а въ другомъ любовникъ. Ха-ха!

Софья.—Что? Что ты сказала?

Ольга.—Ничего. Карета проѣхала.

Софья.—Ты смѣешь обо мнѣ такъ?... Я папашѣ пожалуюсь. *(Идетъ.)*

Ольга *(вслѣдъ)*.—А ну-ка, ну-ка!

Софья *(уходя)*.—Безстыжая!

Ольга.—Сама нарвалась!

Николай *(съ отвращеніемъ)*.—Какъ все это грубо, мерзко... *(Сдерживается.)* Такъ ты ступай туда, ступай.

Ольга.—А ты?

Николай.—Я приду. Ступай... Ступай же!

Ольга *(цѣлуетъ его и убѣгаетъ)*.

Николай *(вынимаетъ наливки и идетъ къ постели отца)*. — Папа, послушай! Папа! *(Егоръ Павловичъ мычитъ и стонетъ.)* Папа! *(Смотритъ на отца, потомъ, махнувъ рукой, направляется нетвердой походкой внизъ.—Пауза.)*

Егоръ Павловичъ *(во снѣ)*.—Колокольня падаетъ!... Въ погребъ прячьтесь! Дѣти-то! Дѣти-то!... Наташа!... *(Бормочетъ что-то невнятное и стонетъ во снѣ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація I-го дѣйствія. Вечеръ. На столѣ горитъ лампа. За столомъ сидятъ Марья Іоновна и Китаешниковъ. Марья Іоновна набиваетъ папиросы. Василенковъ въ отдаленіи играетъ на гитарѣ.

1.

Марья Іоновна, Китаешниковъ, Василенковъ.

Китаешниковъ *(къ Марьѣ Іоновнѣ)*.—Ну, я доволенъ, что устроилъ, наконецъ, какъ ни какъ Ольгу: словно мозоль срѣзалъ. Теперь, Іоновна, я—вольная птица: куда хочу, туда лечу. Теперь у меня одна только забота осталась: о божественномъ.

Марья Іоновна.—Конечно, какъ вы — староста церковный...

Китаешниковъ.—А надоѣстъ суета,—въ монастырь уйду. Палъ Палычъ, пойдемъ въ монастырь.

Марья Іоновна.—Ну, ужъ и въ монастырь.

Китаешниковъ.—Да не въ монахи, а такъ: на покой. Нигдѣ этакъ всласть не отдохнешь, какъ при монастырѣ. Поселились бы въ тихой обители, въ кельѣ съ бѣлыми запавѣсочками... Цвѣточки на окнахъ... Ладономъ пахнетъ. Тихо такъ, умилительно. Смотришь: изъ монастырскаго пруда тянутъ сѣтью карасей... Псалмы поютъ... Утромъ—тепленькія просвирки къ чаю... Совѣсть чиста. Сонъ сладокъ... Славословили бы Господа... А не хочешь въ монастырь, такъ въ теплыя земли махнемъ—а? *(Василенковъ не отвѣчаетъ. Онъ то берется за гитару, то закуриваетъ папиросу и тотчасъ бросаетъ ее; вообще, видно, что его разъѣдаетъ глубокая внутренняя тревога.)*

Марья Іоновна. — Погода-то, погода-то! Такъ вѣтеръ и свищетъ.

Китаешниковъ.—Да,—разверзлись хляби... Палъ Палычъ, идешь на именины-то?

Василенковъ.—Не знаю.

Марья Іоновна.—Къ кому вы собираетесь?

Китаешниковъ.—Къ Мамыкину. Кондитерская на углѣ... Знаешь? Въ прошломъ годѣ мы всѣ у нихъ были.

Марья Іоновна.—Помню, помню. То-то Соня одѣвается... А ты, Павелъ?

Василенковъ.—Николай съ женой сегодня уѣзжаютъ...

Марья Іоновна.—Что-жъ,—провожать пойдешь?

Павелъ.—Да,—надо бы...

Китаешниковъ.—А я вотъ не пойду. Смотрѣть-то мнѣ на нихъ... Не успѣли свадьбу сыграть, а ужъ грызутся.

Марья Іоновна.—Обидѣли вы ихъ немножко приданымъ, Никаноръ Иванычъ.

Китаешниковъ.—Т.-е., какъ же это?

Марья Іоновна.—За Сонсй дали пять тысячъ, а за Оленькой только три.

Китаешниковъ.—Зять зятю рознь. Не могу же я равнять Палъ Палыча съ мальчишкой. Другой бы на моемъ мѣстѣ и того не далъ.

Марья Іоновна.—Такъ-то оно такъ, а всетаки...

Китаешниковъ.—Сверхъ всего, я имъ квартиру въ своемъ домѣ далъ, полную меблировку... все, какъ есть, обзаведеніе. Это ужъ ихъ дѣло, коли они брезгаютъ нами: уѣзжаютъ, невѣдомо куда

Марья Іоновна.—Нѣтъ ужъ, Никаноръ Иванычъ, коль скоро вы обѣщали...

Китаешниковъ.—Умру,—все дочерямъ останется: а пока я живъ, мнѣ всякая самая послѣдняя веревочка можетъ понадобиться... Нынче она мнѣ не нужна, а завтра, глядишь... *(Къ Василенкову.)* Сыгралъ бы ты что-нибудь повеселѣе, а то ноетъ, ноетъ! *(Василенковъ продолжаетъ играть. Пауза. Къ Маріи Іоновнѣ.)* Вотъ куполъ церковный выкрасилъ: расходъ, значитъ... Потомъ—иконостасъ...

Марья Іоновна.—Ужъ дали бы вы имъ еще двѣ тысячи, развязались бы.

Китаешниковъ.—Чудакъ ты голова, Іоновна. Знаешь, какія времена нынче? Бумаги-то какъ упали?... Нѣтъ, теперь никакъ невозможно.

2.

Егоръ Павловичъ.

Егоръ Павловичъ *(входитъ)*.—Павелъ, поди ради Бога туда, къ нимъ, помири ихъ!

Марья Іоновна.—Опять скандалъ? Эхъ! *(Къ Китаешникову.)* Это все Николай огонь открываетъ.

Китаешниковъ.—Я въ ихъ семейныя дѣла не путаюсь. Я свое дѣло сдѣлалъ, а тамъ, какъ хотятъ. Мнѣ мое здоровье дороже... *(Встаетъ.)* Ну, пойти припарадиться къ именинамъ-то. *(Къ Василенкову.)* А какой я, братецъ мой, анекдотикъ слышалъ! Вотъ только при дамахъ нельзя... *(Идетъ.)*

Егоръ Павловичъ *(брату)*.—Павелъ, голубчикъ, уговори ихъ какъ-нибудь! Все сердце у меня...

Китаешниковъ *(срываетъ мимоходомъ листокъ со стѣннаго календаря и читаетъ)*:—«Познай самого себя—и ты познаешь всю вселенную. Зеленыя щи, курица пловъ, оладьи съ медомъ». Вотъ оладьевъ я давно не кушалъ. *(Къ Василенкову.)* А то приходи на именины-то.

Василенковъ *(угрюмо)*.—Не до именинъ мнѣ.

Китаешниковъ.—Прокисъ ты, Палъ Палычъ. Скукота отъ тебя. Фантазіи въ тебѣ мало. Я было зашелъ время провести, а зѣсто того...

Василенковъ.—Что-жъ дѣлать? Ищите веселыхъ людей гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Китаешниковъ.—Съ тобой, братъ, какъ разъ всѣ печен-

ки испортишь. Такъ-то! Ну, моя пошла. Одѣнусь,—за Сонькой зайду. *(Уходитъ.)*

Марья Іоновна *(Егору Павловичу)*.—Ты зачѣмъ прибѣжалъ? Не видишь, что братъ и безъ того разстроенъ?

Егоръ Павловичъ.—Простите... Я уйду. *(Хочетъ уйти.)*

Василенковъ.—Постой! *(Егору Павловичъ останавливается.)* Что же они? Ѣдутъ?

Егоръ Павловичъ *(безнадежно машетъ рукой)*.—Не знаю! Совсѣмъ уложились, хотѣли съ ночнымъ поѣздомъ ѣхать, да вдругъ у нихъ началось... Ахъ, Господи, Господи!... Изъ-за меня пропадаетъ Коля, изъ-за меня! И Ольгу-то мнѣ жалко... И Ниночка-то истерзалась за нихъ...

Марья Іоновна.—Да будетъ ужъ тебѣ!... Въ конецъ хочешь разстроить брата? *(Входитъ Нина.)* Ну, теперь эта еще!

3.

Нина.

Марья Іоновна.—Вѣдь есть у васъ своя квартира, чего вамъ не сидится?

Нина *(разстроенная)*. — Дядя, заставь ихъ сейчасъ же ѣхать, а то они Богъ знаетъ до чего дойдутъ! Я не могу выносить такихъ сценъ, не могу! *(Плачетъ.)*

Егоръ Павловичъ.—Это я накликалъ на васъ всѣ бѣды! Я, я, несчастный!

Марья Іоновна.—Да пожалѣйте вы Павла-то! Ну, что вы, точно піявки, присосались? *(Свистокъ локомотива.)*

Василенковъ. — Постойте, мамаша. *(Къ Нинѣ.)* Изъ-за чего у нихъ?

Нина.—Николай хочетъ ѣхать безъ жены, а Ольга не пускаетъ его... Это ужасъ одинъ, что тамъ творится! Зачѣмъ онъ женился на ней? Это такое безуміе!...

4.

Авдотья.

Авдотья.—Палъ Палычъ, бѣгите туда скорѣича, а то онъ убьетъ ее! Прислуга ихняя прибѣжала, говоритъ...

Василенковъ. — Ахъ, Боже мой, Боже мой! *(Торопливо уходитъ.)*

Марья Іоновна.—Надо дворника позвать. Иди же, Егоръ! *(Уходитъ за Василенковымъ.)*

Авдотья.—Вотъ дѣла! Вотъ дѣла! *(Уходитъ.)*

Егоръ Павловичъ *(схватившись за волосы)*. Злодѣй я для своихъ дѣтей! Въ Сибирь меня, на каторгу! *(Торопливо уходитъ.)*

Нина *(закрывъ лицо руками)*.—Что это за ужасъ?... Господи, что это за ужасъ!

5.

Трулевичъ.

Трулевичъ *(входитъ съ книжками въ рукѣ. Видъ у него задѣлочный: не то настырливый, не то мрачный)*.—Вы, мадемуазель, уѣзжаете? *(Нина отнимаетъ отъ лица руки и съ недоумѣніемъ смотритъ на Трулевича, какъ бы не узнавая его.)*

Нина.—Да,—я уѣзжаю.

Трулевичъ.—Сдаю вамъ ваши книжки... во всей неприкосновенности.

Нина *(машинально беретъ книги)*.—Вы прочитали ихъ?

Трулевичъ.—Нѣтъ. Я ни единой вашей книжки не раскрывалъ.

Нина *(ошеломленная)*.— Какъ!... Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ...

Трулевичъ.—Все вралъ вамъ.

Нина *(отступая въ изумленіи)*.—Семенъ Семеновичъ?...

Трулевичъ.—И про политику... И про всѣ подобные вопросы—все вралъ.

Нина.—Послушайте...

Трулевичъ.—И насчетъ самообразованія тоже вралъ... И про высокія чувства...

Нина *(взволнованная, поправляетъ дрожащими руками очки; тихо, черезъ силу)*.—Зачѣмъ же вы это дѣлали?

Трулевичъ *(уклончиво, смотря въ сторону)*. — Такъ... для времяпровожденія...

Нина.—Неправда... Я вижу, что неправда. По вашему лицу вижу.

Трулевичъ.—Вы думаете, я и тутъ вру?

Нина.—Если бы вы были... *(затрудняясь произнести слово)*... лгуномъ, то не стали бы сейчасъ признаваться.

Трулевичъ.—Ну, ужъ какъ хотите, такъ и понимайте. *(Хочетъ уйти.)*

Нина.—Я не вѣрю вамъ... Слышите: не вѣрю! Вы сами на себя клевещете.

Трулевичъ.—А вы знаете... того... Берите свой чемоданишко и задавайте лататы скорѣй. Мѣсто-то здѣсь, говоря вообще, все-таки подлое.

Нина.—Я требую, чтобы вы объяснились.

Трулевичъ.—Не ко двору вы тутъ, барышня,—вотъ и весь разговоръ.

Нина.—Семенъ Семеновичъ!

Трулевичъ.—Мы тутъ все больше насчетъ безобразій изловчаемся, а вы къ намъ съ книжками... Это совсѣмъ другая мелодія выходитъ. Аддіо, мадемуазель-ла-донна! *(Хочетъ уйти къ себѣ; въ это время входитъ Софья Никаноровна, нарядно одѣтая.)*

6.

Софья Никаноровна.

Софья.—Ахъ, извините,—я помѣшала вашему тэтъ-а-тэтъ.

Нина.—Семенъ Семенычъ, вы должны написать мнѣ. Слышите: вы должны! Я пришлю вамъ свой адресъ. *(Уходитъ.)*

Софья *(Трулевичу)*.—Ахъ, вотъ вы ужъ какъ? Переписываться собираетесь?... Подите сюда, негодный!

Трулевичъ *(подходитъ)*.—Чѣмъ могу служить?

Софья.—Вы погубили мнѣ жизнь! За что?

Трулевичъ.—«Чѣмъ тебя я огорчила,
Ты скажи, любезный мой?»

Софья.—Ты смѣешь издѣваться?

Трулевичъ.—«Или тѣмъ, что полюбила,
Потеряла свой покой?»

Софья.—Молчи, низкій человѣкъ! Я для тебя мужу измѣнила, а ты...

Трулевичъ.—Ну, вотъ что: мнѣ эта слезная антимонія вотъ какъ надоѣла. Коли грѣшить, такъ грѣшить, а коли каяться, такъ каяться... *(Хочетъ уйти.)*

Софья.—А, теперь понимаю: ты промѣнялъ меня на эту развратную дѣвчонку? Они привыкли тамъ, живя по трущобамъ...

Трулевичъ.—Обознались, мадамъ... до послѣдней степени обознались. Можетъ, и жила она по трущобамъ, а вышла чистенькая, какъ стеклышко. Понеме?

Софья *(насмѣшливо)*.—Скажите, пожалуйста!

Трулевичъ.—Мы вотъ съ вами все постигли: всякую скверность; а она смотритъ на тебя въ свои очки, аккуратъ точно дитятко новорожденное, и, какъ есть, ничегошеньки не понимаетъ: то-есть,—ни чертусеньки!... Поневолѣ осѣчка выйдетъ. Врешь передъ ней, а самъ думаешь: «передъ кѣмъ ты, скверная твоя рожа, врешь?»

Софья.—Ха-ха-ха! Да вы, должно быть, съ похмелья сегодня?

Трулевичъ.—Это правда: говоря вообще, вчера было сильно

урѣзано... А впрочемъ, счастливо оставаться, чего и вамъ желаю. *(Идетъ къ себѣ.)*

Софья *(идетъ за нимъ)*.—Нѣтъ, постой! Ты отъ меня такъ не отвертишься... *(Трулевичъ скрывается за дверью. Щелкаетъ замокъ.)* А, вотъ какъ!

7.

Василенковъ, Николай.

Василенковъ *(ведетъ Николая)*.—Иди, иди!... Я тебя, все равно, одного не оставлю. *(Входитъ съ Николаемъ.—Софья Никаноровна оправляется передъ зеркаломъ, чтобы скрыть свое волненіе.)* Ты совсѣмъ бѣсноватымъ сдѣлался... Сиди тутъ, пока не образумишься. *(Усаживаетъ Николая. Тотъ машинально садится.)*

Софья.—Что же ты не одѣваешься? Этакъ мы придемъ къ шапочному разбору.

Василенковъ.—Я не пойду на именины.

Софья.—Значитъ, я одна должна идти?

Василенковъ.—За тобой папаша зайдетъ.

Софья *(съ раздраженіемъ)*.—Канитель какая! *(Уходитъ къ себѣ въ комнату.)*

Николай.—Дядя, отдай мнѣ револьверъ.

Василенковъ.—Не отдамъ. Ты безумствуешь... Откуда у тебя револьверъ?

Николай.—Я пріобрѣлъ его на другой же день послѣ свадьбы. Это теперь—самая нужная для меня вещь. Отдай!

Василенковъ.—Нѣтъ, ты не получишь. Жену чуть не убилъ... Какъ ты могъ дойти до этого?

Николай.—Я не трону ея. Пусть только она оставитъ меня въ покоѣ.

Василенковъ.—Неужели она такъ ненавистна тебѣ?

Николай.—Зачѣмъ она ходитъ за мной по пятамъ? Мнѣ не даютъ ни минуты побыть одному. Задумаюсь—она обижается; возьму книгу—она плачетъ; выйду на улицу—она за мной... Вѣдь это какое-то проклятіе. И какъ она невѣжественна!... Господи, до чего она невѣжественна!

Василенковъ.—Ты зналъ, на комъ женишься.

Николай.—Когда петля на шеѣ, тогда не разсуждаютъ. *(Съ горечью, съ стыдомъ.)* Я хотѣлъ просвѣтить ее, а вмѣсто этого самъ одичалъ, оскотинѣлъ... Я пью водку, тупѣю, падаю все ниже. Я теперь сижу иногда по цѣлымъ часамъ у окошка, грызу подсолнухи

и плюю, а внутри у меня кипитъ злоба на все и на всѣхъ... *(Жметъся.)* Брр! Холодно... Корежитъ какъ-то... Я скоро свихнусь, дядя. *(Входитъ Нина, одѣтая по дорожному, съ ручнымъ багажомъ въ рукахъ.)*

8.

Нина.

Нина.—Коля, мы съ папой уѣзжаемъ. Я не могу оставаться здѣсь ни минуты: Ольга обвиняетъ во всемъ насъ съ папой и говоритъ намъ такія вещи... Мы лучше на вокзалѣ посидимъ.

Николай *(встаетъ; рѣшительно)*.—Я тоже ѣду.

Василенковъ.—А жена?

Николай.—Я потихоньку отъ нея... Ты задержи ее какъ-нибудь, дядя, убѣди ее... Хуже будетъ, если она увяжется со мною.

Нина.—Да, имъ вмѣстѣ нельзя... Пусть Коля успокоится сначала. Ольга потомъ сама пойметъ...

Василенковъ *(Николаю)*.—Хорошо. Уѣзжай. Я постараюсь уговорить ее....

Николай.—Господи, да неужели я, наконецъ, вырвусь на свободу? При одной мысли объ этомъ все во мнѣ...

9.

Егоръ Павловичъ *(одѣтый по дорожному съ багажомъ.)*

Егоръ Павловичъ *(испуганно)*.—Оленька идетъ!

Николай.—Не пускайте ея! Не пускайте ея!

Голосъ Марьи Іоновны *(за дверью)*.—Ольга, сама лѣзешь на ножъ!

10.

Ольга, за ней Марья Іоновна.

Ольга *(входитъ съ заплаканными глазами)*.—Это вы, вы всѣ настраиваете его противъ меня! Онъ—добрый. Онъ—любитъ меня... Это вы все... Коля! Коленька! Ну, помиримся же! Ну, я не буду!...

Николай.—Зачѣмъ ты гонишься за мной? Дай мнѣ хоть минуту побыть одному!

Ольга.—Ты брезгуешь мной? Что я за несчастная такая! *(Плачетъ.)*

Марья Іоновна.—Ну, ужъ будетъ тебѣ... плакучая береза! И что это съ тобой сдѣлалось?

Николай *(подходитъ къ женѣ)*.—Ольга, ступай домой, успокойся... И мнѣ дай успокоиться... Ну, прошу тебя!

Ольга *(хватаетъ его за руку и притягиваетъ къ себѣ)*.—Ди-

тятко мое любимое, ненаглядное!... Это люди разстроили тебя; а мы съ тобой...

Николай.—Да пусти же ты! *(Вырывается.)*

Нина.—Папа, я не въ силахъ... Пойдемъ!

Николай.—Я ѣду съ вами.

Ольга.—А, вотъ что!... Ну, такъ и я ѣду.

Николай.—Да объясните вы ей... Это невыносимо!... Она вгрызлась въ меня, какъ...

Ольга.—Обманулъ, взялъ деньги, а теперь убѣжать хочешь?

Николай *(схватившись за голову).*—Да... деньги... *Ея* деньги... Нѣтъ, не могу... Ужъ слишкомъ подло будетъ... *(Подходитъ къ женѣ съ искаженнымъ лицомъ.)* Ну, иди, одѣвайся! Поѣдемъ. Ступай же! Чего сидишь?

Ольга.—Ты хочешь тайкомъ отъ меня? И ты иди!

Николай.—Съ тобой, съ тобой ѣду!

Ольга *(плачетъ).*—Обманешь!

Николай.—Э, чортъ... Ну, иди же! Я за тобой... *(Ольга идетъ; Николай слѣдуетъ за ней, потомъ останавливается.)* Будь проклятъ тотъ день, когда я пріѣхалъ сюда! Будь проклятъ этотъ домъ, и этотъ городъ, и весь этотъ... *(Идетъ.)*

Василенковъ *(черезъ силу).*—Коля... Ты не зайдешь проститься?

Николай.—Не знаю... *(Уходитъ.)*

Голосъ Ольги *(за дверью).*—У, злючка, злючка!

Марья Іоновна.—Вонъ, какъ нехорошо вышло... Эхъ!

Егоръ Павловичъ.—На каторгу меня, злодѣя!

Нина.—Полно, папа. Ты ни въ чемъ не виноватъ. Насъ всѣхъ придавила тяжесть. Давай лучше прощаться—и поѣдемъ.

Василенковъ *(растерянно).*—Уже?

Марья Іоновна *(Егору Павловичу).*—Вотъ я набила тебѣ папиросъ на дорожку. *(Укладываетъ папиросы въ коробку. Свистокъ локомотива.)*

Егоръ Павловичъ.—Ну, Павелъ, прости, что мы доставили тебѣ столько... *(Обнимаетъ брата.)*

Василенковъ.—Прости и ты меня... Лихомъ не поминай... Да... Лучше совсѣмъ не поминай...

Марья Іоновна.—Ахъ, вѣдь я вамъ яблочковъ на дорогу приготовила!

Нина.—Не надо, бабушка.

Марья Іоновна.—Ну, какъ же такъ? Я сейчасъ заверну. *(Торопливо уходитъ.)* Хорошія яблоки. *(Ушла.)*

Егоръ Павловичъ.—Кланяйся женѣ... Она, должно быть, тамъ одѣвается?... Поблагодари ее.

Нина.—Ну, папа, пора. До свиданія, дядя. *(Протягиваетъ ему руку.)* Спасибо тебѣ за все.

Василенковъ.—Я провожу васъ.

Нина.—Нѣтъ, лучше не провожай. Зачѣмъ? У тебя и безъ того такой усталый видъ.

Василенковъ *(съ кривой усмѣшкой).*—Да, я чѣмъ больше отдыхаю, тѣмъ больше устаю. Ты не хочешь, чтобъ я проводилъ? Ну, Богъ съ тобой... Давай, по крайней мѣрѣ, простимся, какъ слѣдуетъ... Неизвѣстно, когда свидимся.

Нина *(смотритъ на Василенкова).*—Дядя, у тебя... у тебя сѣдые волосы! *(Вдругъ порывисто обнимаетъ его и вздрагиваетъ отъ слезъ.)*

Василенковъ *(тоже со слезами въ голосѣ).* — Да, братъ, сѣдые, сѣдые... Разрушаюсь понемножку... Гдѣ она, жизнь-то? Гдѣ?

Нина *(старается изъ всѣхъ силъ подавить волненіе).*— Идемъ, папа! *(Поспѣшно уходитъ, не оглядываясь.)*

Егоръ Павловичъ.—Молиться надо... Молиться хорошенько. Отовсюду такіе ужасы ползутъ...

11.

Марья Іоновна.

Марья Іоновна *(съ узелкомъ).* — Николай съ женой уже уѣхали. Половину вещей перезабыли. Эхъ... народъ!

Василенковъ.—Проститься-то не зашелъ...

Голосъ Нины —Папа!

Егоръ Павловичъ.— Иду, Ниночка, иду!... *(Схвативъ вещи, торопливо уходитъ.)*

Марья Іоновна.—А яблоки-то? Яблоки-то? Вотъ я увязала. *(Уходитъ вслѣдъ за Егоромъ Павловичемъ.)*

Василенковъ *(потираетъ грудь.)*

Трулевичъ *(входитъ со шляпой въ одной рукѣ и съ завернутой гитарой въ другой.)*

12.

Трулевичъ.

Трулевичъ.—Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія хозяина, что я мѣняю квартиру.

Василенковъ.—Да?

Трулевичъ.—По закону, я, говоря вообще, обязанъ предупредить квартирохозяина...

13.

Софья Никаноровна.

Софья *(заглядываетъ въ дверь, потомъ входитъ)*.—Уѣхали, наконецъ?

Василенковъ.—Да.

Трулевичъ.—Пока до пріятнѣйшаго. *(Раскланивается.)*

Софья.—Куда вы?

Трулевичъ.—Да такъ... холостая компанія. Аддіо! *(Уходитъ.)*

Софья.—Ну, папаши, какъ видно, не дождешься. Я сама зайду за нимъ. *(Идетъ.)*

Василенковъ.—А я, Сонечка, хотѣлъ поговорить съ тобой...

Софья.—Вотъ, когда хватился!

Василенковъ.—У меня, видишь ли, тоска какая-то.

Софья.—А ты поди ляг,—все и пройдетъ. Ты, просто, усталъ.

Василенковъ.—Да, усталъ, усталъ... Семенъ Семеновичъ съѣзжаетъ.

Софья *(вспыхнувъ)*.—Это почему? Вотъ вздоръ! Съ какой радости?

Василенковъ.—Онъ самъ сейчасъ сказалъ.

Софья *(ходитъ порывистыми шагами по комнатѣ)*.—Гм... вотъ какъ? Ну, что же? Ну, и отлично!

Василенковъ *(тихо)*.—Сонечка, ты не любишь меня?

Софья.—Отстань!

Василенковъ.—Скажи лучше правду... *(Хватаетъ ея руку.)* Сонечка!

Софья *(освобождаетъ свою руку и отираетъ ее платкомъ)*.—У тебя руки потныя.

14.

Китаешниковъ *(въ пальто и картузѣ, съ зонтикомъ.)*

Китаешниковъ *(въ дверяхъ)*.—Ну, погодка! Хоть и близко, а ходить склизко: придется на извозчикѣ ѣхать. *(Къ дочери.)* Я прислалъ тебя забуксирить.

Софья.—Я васъ давно жду, папаша.

15.

Марья Іоновна.

Марья Іоновна.—Фу... проводила. Ну, и дождикъ же!

Китаешниковъ.—Айда, Сонька! А то тамъ безъ насъ въ ма[illegible]сядутъ.

Софья *(подходитъ къ мужу).*—Ну, прощай, Павлуня. *(Цѣлуетъ его въ лобъ. Василенковъ сидитъ, какъ мертвый.)* Ложись пораньше... Будь умный мальчикъ. Будь паинькой.

Китаешниковъ.—Моя пошла, поѣхала. *(Идетъ.)*

Софья *(идетъ за нимъ).*—На дворѣ ужасъ, что дѣлается.

Китаешниковъ.—Наймемъ за пятиалтынный. *(Китаешниковъ и Софья Никаноровна уходятъ.)*

Марья Іоновна.—Ну, хоть и грѣхъ такъ про родного сына съ внуками говорить, а я рада, что эта саранча, наконецъ, уѣхала. Опять у насъ съ тобой пойдетъ по старому, по хорошему. Пора ужъ тебѣ отдохнуть. Теперь бы верхъ только сдать... *(Смотритъ на него.)* Да что ты такой?

Василенковъ.—Усталъ...

Марья Іоновна.—А ты поди, прилягъ.

Василенковъ.—Да, это хорошо. *(Встаетъ. Слышенъ свистокъ локомотива.)*

Марья Іоновна.—Вотъ это не ихній ли поѣздъ? Пожалуй, опоздаютъ?

Василенковъ.—Поѣздовъ тутъ много. *(Идетъ и останавливается, какъ бы вдругъ вспомнивъ о чемъ-то.)* Вотъ что, мамаша... Я хочу отдать вамъ деньги на сохраненіе.

Марья Іоновна.—Какія деньги?

Василенковъ.—Мои собственныя.

Марья Іоновна.—Да что ты говоришь!... Откуда?

Василенковъ.—По грошамъ скопилъ... Никто этого не знаетъ.

Марья Іоновна.—Каковъ!?... Много ли?

Василенковъ.—Двѣ съ половиной тысячи.

Марья Іоновна.—Ахъ, Господи... Ну, и молодецъ же! Гдѣ же онѣ у тебя?

Василенковъ *(вынимаетъ изъ кармана).*—Вотъ...

Марья Іоновна.—Зачѣмъ же ты держишь ихъ при себѣ? Ты бы въ банкъ. Вѣдь ежели считать по четыре съ половиной процента...

Василенковъ.—Я взялъ ихъ изъ банка...

Марья Іоновна *(озираясь).*—Тише, тише... А зачѣмъ взялъ?

Василенковъ.—Хотѣлъ тогда Егору дать...

Марья Іоновна.—Что ты, что ты!

Василенковъ.—Да вотъ видите: не далъ.

Марья Іоновна.—И вправду, лучше взять у тебя.

Василенковъ.—Берите. *(Отдаетъ ей.)* Спрячьте гдѣ-нибудь... или въ банкъ положите.

Марья Іоновна.—Само собой: въ банкъ.

Василенковъ.—Вы ихъ положете на свое имя... Да, да, конечно. А теперь я пойду, прилягу. *(Идетъ.)*

Марья Іоновна.—Лягъ, лягъ... Да не натеретъ ли тебя чѣмъ-нибудь теплымъ?

Василенковъ.—Нѣтъ, мамаша, не нужно. *(Доходитъ до двери, берется за ручку ея и останавливается въ нерѣшимости.)*

Марья Іоновна *(прибавляетъ свѣту въ лампѣ и, озираясь, начинаетъ дрожащими отъ волненія руками пересчитывать деньги, откладывая пачку за пачкой).* — Двѣсти... четыреста... шестьсотъ... *(смотритъ на свѣтъ бумажку)* восемьсотъ пятьдесятъ...

Василенковъ.—Мамаша!

Марья Іоновна *(вздрагиваетъ).*—Фу, какъ напугалъ!... Я думала, тебя ужъ нѣтъ тутъ. Что ты стоишь?

Василенковъ.—Мнѣ хотѣлось бы отъ жизни одного: какой-нибудь, хоть самой крошечной, самой обыкновенной радости, только чтобы она не была ничѣмъ отравлена. А такой радости нѣтъ у меня.

Марья Іоновна.—Да о чемъ ты? Не пойму я.

Василенковъ.—Нѣтъ, я не то хотѣлъ...

Марья Іоновна.—Пошелъ бы ты, легъ. Право. *(Считаетъ деньги.)* Никогда еще въ рукахъ такой уймы не держала. Все сбиваюсь. *(Погружается въ счетъ. Пауза.)*

Василенковъ.—Мы съ вами точно урвали кусокъ и огрызаемся на каждаго, кто близко подойдетъ.

Марья Іоновна *(недовольнымъ и разсѣяннымъ тономъ).*—Еще что?

Василенковъ.—Нѣтъ, я опять не то. *(Самъ съ собой.)* Вотъ они теперь ѣдутъ...

Марья Іоновна.—И расчудесно. И пусть ѣдутъ.

Василенковъ.—А мы тутъ считаемъ деньги.

Марья Іоновна.—Отстань... Не мѣшай...

Василенковъ.—Коля проклинаетъ насъ...

Марья Іоновна.—Вотъ опять сбилась... Пошелъ бы ты лучше къ себѣ.

Василенковъ.—Какъ они тамъ всѣ будутъ?

Марья Іоновна.—Какіе, подумаешь, малолѣточки!

Василенковъ.—Какъ бы Егоръ не повредился? Онъ что-то...

Марья Іоновна.—Не вѣкъ же нянчиться съ нимъ.

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Ниночка! Ниночка! Ты плакала, когда прощалась... Тебѣ было жалко... *(Съ внезапнымъ порывомъ.)* Мамаша, я не могу... Я поѣду!

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Куда еще?

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Поѣду съ ними... въ Москву... *(Подходитъ.)* Дайте мнѣ деньги!

МАРЬЯ ІОНОВНА *(загораживая деньги).*—Да ты съ ума сошелъ!

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Дайте!

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Уйди ты!... Вовсе рехнулся? *(Отскакиваетъ отъ него съ деньгами.)* Ступай, отдохни. *(Считаетъ деньги.)*

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Не хочу я отдыхать!... Я поѣду!

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Никуда ты не поѣдешь. Не пущу я тебя!

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Значитъ... все останется попрежнему? Все такъ же?

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Да чего тебѣ еще? Что ты тамъ выдумываешь?

ВАСИЛЕНКОВЪ.—А если попрежнему... Если... *(Вынимаетъ изъ кармана револьверъ.)*

МАРЬЯ ІОНОВНА *(съ крикомъ бросается къ нему, причемъ деньги разсыпаются по столу и по полу, и хочетъ отнять револьверъ.)*

ВАСИЛЕНКОВЪ. — Оставьте меня!... Пустите!... Я васъ всѣхъ ненавижу!...

МАРЬЯ ІОНОВНА.—Павелъ, Павелъ!

ВАСИЛЕНКОВЪ.—Пустите!... Мнѣ все противно. Я самъ себѣ противенъ. Чего вамъ отъ меня нужно? Я вамъ отдалъ деньги... Все отдалъ... Чего же еще?... Оставьте меня!

МАРЬЯ ІОНОВНА *(отнимаетъ револьверъ и отходитъ, пряча его дрожащими руками въ карманъ; отъ потрясенія стонетъ и вся трясется).*—Господи... Господи... Что же это?!

ВАСИЛЕНКОВЪ *(тяжело дыша).* — Ну, да все равно... Я знаю теперь... *(Идетъ къ себѣ.)*

МАРЬЯ ІОНОВНА *(истерически).*—Нѣтъ, нѣтъ!... Стой, Павелъ! Стой! *(Торопливо подбираетъ дрожащими руками деньги и суетъ ему.)* Бери назадъ свои деньги... Поѣзжай, куда хочешь... Ничего мнѣ не надо... Бери, бери! *(Суетъ ему въ карманъ.)* Вотъ!... Поѣзжай... Дѣлай, какъ знаешь, только... *(выхватываетъ изъ кармана платокъ и разражается слезами)* только живи!... Только живи!... *(Пауза.)*

ВАСИЛЕНКОВЪ *(смотритъ на мать, потомъ порывисто об-*

жимаетъ ее и цѣлуетъ; она судорожно обнимаетъ ею).—Мамаша, мы вмѣстѣ поѣдемъ... Вы соберите, что̀ нужно въ дорогу... Пріѣзжайте на вокзалъ... А я... Я не могу ждать... Не могу! *(Идетъ.)*

Марья Іоновна *(засуетившись).* — Да, да... Я сейчасъ, сейчасъ...

Василенковъ *(останавливается въ дверяхъ).*—Мы вмѣстѣ поѣдемъ. Вѣдь мы съ вами всю жизнь были вмѣстѣ... Устали вы, мамаша?... Я тоже усталъ. Ну, мы съ вами отдохнемъ когда-нибудь... послѣ. *(Уходитъ.)*

Занавѣсъ.

Н. Тиновскій.

ЛѢТНІЯ СКАЗОЧКИ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„...Дни его, яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтетъ,—и не будетъ и не познаетъ мѣста своего".
(Царь Давидъ.)

I.

Божья коровка и маргаритки.

На углу садовой клумбы зацвѣли вчера утромъ бѣло-розовыя маргаритки. И радовались жизни, какъ умѣли.

Божья коровка ползла вчера по зеленому дерну и увидѣла сквозь былинки ихъ привѣтливыя лица.

Божья коровка боялась дождя, бури, ночи и безпріютности и сказала маргариткамъ:

— Подъ вашимъ шатромъ мнѣ не страшно будетъ жить. Примите и защитите меня, вы сильныя и нѣжныя...

Вползла подъ шатеръ маргаритокъ божья коровка и стала жить между ихъ крѣпкими стеблями, радуясь въ каждомъ біеніи своего насѣкомаго сердца пріюту и безопасности.

Сегодня утромъ ребенокъ срывалъ цвѣты для букета.

Онъ увидѣлъ маргаритки и срѣзалъ ихъ. И на одномъ цвѣткѣ сидѣла божья коровка, которая отъ испугу не могла расправить своихъ крыльевъ и улетѣть.

— Вотъ этого жучка нѣтъ еще въ моей коллекціи,—сказалъ веселый и жестокій ребенокъ.

И взялъ божью коровку и накололъ ее на булавку. А самъ пошелъ гулять. И остался въ комнатѣ только букетъ срѣзанныхъ маргаритокъ и распятая на пробковомъ кружкѣ божья коровка. Она трепетала крыльями не переставая, тысячу разъ въ секунду, и въ каждомъ трепетѣ была своя боль, по-своему длинная и несносная.

И когда умирающіе глаза ея увидѣли застывшія въ прежней красѣ бѣлорозовыя лица маргаритокъ, она сказала:

— Такъ-то вы защитили меня, безсовѣстныя...

Но маргаритки ничего не отвѣтили. Съ того часа, какъ стебли ихъ были оторваны отъ корней, онѣ жили мертвой жизнью, во время которой не стоитъ разговаривать.

II.

Мостъ по ту сторону.

Въ томъ лѣсу, гдѣ такъ много черники, и отъ голубоватыхъ листьевъ ея въ солнечный день поднимается такое тихое сіяніе, гдѣ ихи ласковые и пушистые обволакиваютъ тишиною каждый звукъ, гдѣ стволы сосенъ похожи на колоннаду храма, а дыханіе вѣтра напоминаетъ вздохи Requiem'а,—въ томъ лѣсу хотѣла умереть больная змѣя.

Въ ея лѣсу, гдѣ прошла вся ея жизнь, отъ прошлогодней рубки всюду пестрѣлъ соръ, щепки задѣвали больную кожу, наглыя жабы, видя недвижность врага, насмѣшливо квакали со всѣхъ сторонъ. И шелъ смрадъ отъ ихъ дыханія.

И съ отвращеніемъ смотрѣли потухающіе глаза больной змѣи на вѣчный танецъ мошекъ и на непрестанную гибель ихъ въ грязной пасти болотныхъ гадовъ. По ночамъ было сыро и холодно, днемъ въ безтѣнной порубкѣ жгло нестерпимо солнце. И некуда было спрятаться отъ него, потому что изъ прохладной норы подъ старымъ пнемъ больную змѣю прогнали тѣ, кто былъ еще здоровъ и силенъ.

Въ тотъ день, когда это случилось, змѣя постигла то, что раньше было ей недоступно,—красоту и благость другого лѣса, гдѣ змѣи не любили жить, потому что тамъ было меньше змѣинаго корма. Но такъ какъ больная змѣя собиралась умирать, это ее больше не интересовало. И она поползла къ темно-кровавой торфяной канавѣ, отдѣляющей порубку отъ сосноваго лѣса. Чтобы перекинуться черезъ нее, она оперлась на хвостъ, изогнулась въ тяжкомъ усиліи, купленномъ цѣною жизни—и упала бездыханной въ кровавую воду пограничной канавы.

— Мостъ, мостъ по ту сторону,—пронеслась радостная вѣсть въ царствѣ муравьевъ, червей, пауковъ и разныхъ мелкихъ копошащихся.

Имъ давно уже дошло, что въ лѣсу, по ту сторону они могли бы найти убѣжище отъ обидъ и тѣсноты своей болотной жизни. И они хлынули толпой по тѣлу мертвой змѣи на другой берегъ канавы. Они стали жить въ благоденствіи.

И никто не подозрѣвалъ даже, что въ полдень отъ листьевъ черники поднимается голубое сіяніе, то голубое сіяніе, въ которомъ хотѣла умереть больная змѣя, захлебнувшаяся въ красной торфяной водѣ пограничной канавы.

Упрямый дятелъ.

„Но міра Его не принимаю".
Иванъ Карамазовъ.

Былъ дятелъ, у котораго въ одно дивное лѣтнее утро четыре веселыя дробинки отняли правое крыло.

Четыре веселыя, красивыя дробинки...

Онѣ были веселыя, стремительныя, и онѣ считали, что имъ важно летѣть, достичь, впиться въ тонкія, воздушныя кости сквозь влагу быстро бѣгущей птичьей крови.

Въ тотъ мигъ, когда былъ спущенъ курокъ,—какъ разъ въ ту терцію мига, онѣ захотѣли полета и гибели дятла.

Но онъ не погибъ. Погибло только крыло.

Маленькое крыло маленькаго, глупаго дятла,—развѣ стоило изъза него допрашивать день и ночь:

— Почему? Зачѣмъ? За что?

Скворцы и синицы, и многіе другіе лѣсные обитатели смѣялись:

— Что сдѣлалось съ дятломъ? Онъ бѣгаетъ безъ толку вверхъ и внизъ и безъ умолку стучитъ:

— Почему? Зачѣмъ? За что?

Однажды къ нему прилетѣлъ воронъ и каркнулъ три раза, предвѣщая черную бѣду.

— Зачѣмъ ты каркаешь?—сказалъ дятелъ.—Можетъ быть, я спасусь еще.

— Какъ ты спасешься?—закаркалъ воронъ. —Настанетъ осень, безъ крыла ты не улетишь на югъ съ другими птицами. И не найдешь здѣсь пищи. Ты погибнешь—вотъ и все твое спасеніе.

И еще разъ закаркалъ воронъ:

— Ты умрешь.

— Я спасусь прежде, чѣмъ умру. Я добьюсь,—застучалъ упрямый дятелъ.

И не знали въ лѣсу, о какомъ спасеніи онъ говоритъ,—ни синицы, ни дрозды, ни другія птицы. Знала только одна бабочка, у которой какой-то лѣсной случай оторвалъ крылья. Она приползла къ подножью сосны, гдѣ жилъ дятель, и слушала его съ благоговѣніемъ. И говорила:

— Да, ты добьешься, ты найдешь... О, я вѣрю. Ты спасешься и я спасусь съ тобой.

Но у дятла такъ болѣло крыло и, кромѣ того, такъ былъ жалокъ и уродливъ видъ безкрылой бабочки, и такъ видъ ея ранилъ его надежды, что ему захотѣлось однажды сбѣжать съ дерева и раскле-вать ее.

И онъ это сдѣлалъ.

А потомъ побѣжалъ наверхъ, пропуская муравьевъ, мошекъ, и застучалъ съ новой силой:

— Я добьюсь, я добьюсь...

Эхо повторило его стукъ, тревожный, безумный. Слетѣлись на этотъ стукъ отовсюду дятлы, и многимъ понравилось стучать не изъ-за пищи, а изъ-за непонятной цѣли упрямаго дятла. Мурашекъ они всетаки ѣли; но потомъ суетились безъ толку и стучали:

— Мы найдемъ, мы спасемся.

А когда лѣсъ зажелтѣлъ и заалѣлъ въ предсмертной лихорадкѣ, они улетѣли.

Дятелъ остался одинъ и стучалъ все настойчивѣе.

Такъ было до перваго утренника, когда онъ почувствовалъ, что силы ему измѣняютъ.

...И вышла тогда изъ дерева фея съ волшебнымъ жезломъ:

— Перестанешь ли ты спрашивать, если я дамъ тебѣ новое крыло?—спросила она.—Улетишь ли ты съ другими на югъ?

— О, да, съ другими... на югъ...

И проснулся.

Сѣдой иней одѣлъ его перья. Морозъ началъ сковывать его члены. Онъ былъ одинъ,—фея ушла, потому что ушелъ сонъ.

И, собравъ всѣ силы, снова побѣжалъ дятелъ вверхъ по стволу, будя осеннюю тишину стукомъ.

И зашептали вокругъ него помертвѣвшіе листья березъ:

— Онъ добьется, онъ спасетъ себя и насъ. Послушайте, какъ онъ упоренъ; какъ жадно ищетъ, какъ неподкупенъ... Онъ не улетѣлъ съ другими, ему не нужно гнѣзда, ему не страшенъ морозъ, ему нужна только истина...

...Къ вечеру морозъ увеличился, лужа на лѣсной дорогѣ затянулась, воронъ закаркалъ о близкой метели...

Но это уже зимняя сказка...

Соловей и роза.

„Das ist eine alte Geschichte"...
H. Heine.

Роза полюбила соловья.

Старая сказка.

Соловей не любилъ розу—это старая, старая сказка—соловей любилъ только свои пѣсни и свою любовь къ соловьихѣ, сидящей на яйцахъ. Ему было все равно, что она сѣрая и неподвижная, засыпала, когда онъ пѣлъ.

А роза пламенѣла все мучительнѣе и лучезарнѣе. И открыла въ майскую ночь одинъ за другими свои лепестки въ безысходной нѣжности, въ благоуханной мукѣ.

И блеснули первыя слезы...

И такъ было въ старой сказкѣ, что въ эту же самую ночь соловей умеръ, потому что не вынесъ безумнаго восторга своей пѣсни.

И когда онъ упалъ мертвый къ ногамъ розы, она воскликнула поблѣднѣвъ отъ счастья:

— Наконецъ, онъ у моихъ ногъ.

И шепнули ей испуганные крылатые эльфы:

— Царица, онъ мертвъ.

— Что значитъ это слово,—сказала роза,—если онъ у моихъ ногъ, и я люблю его еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

И сжалились эльфы надъ своей царицей, и сдѣлали хрустальный гробъ, и на стражѣ его поставили вѣрныхъ гномовъ, чтобы никто не унесъ мертваго пѣвца. А сильфы сплели надъ нимъ шатеръ изъ душистыхъ цвѣточныхъ лепестковъ, обрызганныхъ росою.

День цвѣла роза въ мукѣ и счастіи, ожидая, когда проснется возлюбленный пѣвецъ.

И другой день цвѣла она въ горячемъ томленіи ожиданія, и края лепестковъ ея окрасились пурпуромъ, и темная алость ея приняла цвѣтъ вина и крови. И говорила она сильфамъ и гномамъ:

— Тише, тише, не будите моего возлюбленнаго... подождите, пока онъ самъ проснется.

На третій день, на зарѣ, она низко склонила лицо свое. Такъ низко, что почти коснулась хрустальнаго гроба—и увидѣла, что гадкая бѣлая плѣсень оплела соловьиное тѣло, и скользкій червь шевелится въ нѣжныхъ перьяхъ его крыла.

— О, гномы,—задрожавъ отъ ужаса прошептала она—зачѣмъ же вы не уберегли его? Здѣсь былъ какой-то врагъ и опуталъ его злыми чарами.

— Царица,—отвѣтили гномы,—передъ этимъ врагомъ мы безсильны, потому что ему подвластно все живое.

— Значитъ и я подвластна ему?—спросила она.

— И ты, прекрасная царица, подвластна ему,—грустно прошептали эльфы, и сильфы, и гномы.

— Тогда пусть свершатся его чары надо мною!—сказала роза.— Хочу раздѣлить участь моего возлюбленнаго.

И это случилось—но гораздо позже. Долгіе дни и ночи, медленно, незамѣтно увядала роза, роняя одинъ за другимъ лепестки.

И когда упалъ послѣдній, сморщенный, увядшій лепестокъ, и въ послѣднемъ вздохѣ роза попрощалась со своимъ царствомъ, взоръ ея равнодушно скользнулъ по останкамъ соловья, покрытымъ ея первыми, юными лепестками, подобными вину и крови.

Кузнечикъ на высотѣ.

Кузнечикъ жилъ въ травѣ, на лужайкѣ, передъ высокимъ четырехъэтажнымъ домомъ.

На лужайкѣ, кромѣ него, было много воробьевъ, стрекозъ и бабочекъ.

И завидовалъ кузнечикъ ихъ полету. Какъ ни высоко прыгалъ онъ,—самый удачный прыжокъ его, стоившій ему самыхъ большихъ усилій, поднималъ его неизмѣримо ниже, чѣмъ сѣрыя крылья поднимали глупаго воробья.

И сталъ кузнечикъ задумываться и тосковать; и въ полдневный часъ разсказалъ въ тягучей знойной мелодіи о своей тоскѣ по крыльямъ.

Стрекоза—та, которая больше всего на свѣтѣ любила его музыку, а можетъ быть и его самого,—робко сказала ему:

— Мнѣ кажется, что въ такой музыкѣ есть нѣчто лучшее, чѣмъ самый высокій полетъ. Когда я слушаю ее, я счастливѣе, чѣмъ тогда, когда купаюсь въ солнечныхъ лучахъ. Я бы отдала свои четыре крыла за одну такую мелодію.

Другая стрекоза засмѣялась и сказала:

— Что же тутъ удивительнаго? Я думаю, что не только за му-
з ку его, но и за одинъ его взглядъ ты отдала бы не только крылья,
ı и всю свою стрекозиную жизнь.

Стрекоза—та, которая больше всего на свѣтѣ любила музыку
ı нечика,—растерялась. А кузнечикъ не замѣтилъ, какой смыслъ
ı тся въ этихъ словахъ, потому что думалъ о своемъ.

— Я бы тоже отдалъ и музыку и жизнь за одинъ мигъ такого полета, какой знаютъ птицы,—печально сказалъ онъ.

И тогда стрекоза (та, которая любила его музыку), полетѣла и сказала ласточкѣ, въ это утро безуспѣшно гонявшейся за ней:

— Послушай, я дамъ тебѣ мои четыре крыла, только исполни мою просьбу.

— На что мнѣ твои четыре крыла?—сказала ласточка.—Вотъ если бы я могла расклевать твое тѣло и накормить моихъ птенцовъ.

— Хорошо,—сказала стрекоза,—я дамъ тебѣ расклевать мое тѣло и накормить твоихъ птенцовъ. Только исполни мою просьбу—подыми вонъ того дивно-прекраснаго изумруднаго кузнечика какъ можно выше. Пусть онъ полетаетъ съ тобою. Въ залогъ возьми мои крылья.

Ласточка клюнула два раза направо и налѣво и засмѣялась:

— Ты стала смѣшная,—сказала она.—Ты похожа на червяка. Жди меня подъ этимъ кустомъ.

Стрекоза, которую уже нельзя было назвать стрекозой, уползла подъ листъ подорожника и притаилась тамъ, боясь, чтобы кузнечикъ не увидалъ ее въ ея новомъ видѣ.

А ласточка, спустившись къ кузнечику, сказала:

— Хочешь, полетимъ со мною!

Она молчала о стрекозѣ, потому что дала ей слово не выдавать ея тайны.

— О, какъ ты добра,—сказалъ кузнечикъ.—Я сложу о тебѣ самую лучшую мелодію въ мірѣ.

Ласточка подняла кузнечика на своей спинѣ и носила его по воздуху до тѣхъ поръ, пока ей это не надоѣло. Когда она начала опускаться, кузнечикъ взмолился:

— Не покидай меня.

— На что ты мнѣ?—сказала ласточка,—ты слишкомъ большой и жесткій. Мои дѣти неохотно ѣдятъ кузнечиковъ, даже и въ расклеванномъ видѣ.

— Тогда опусти меня вотъ на ту лужайку, что зеленѣетъ такъ высоко надъ землей.

Ласточка опустила его на зеленую желѣзную крышу четырехъэтажнаго дома, а сама стрѣлою бросилась внизъ, къ листу подорожника, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала ее стрекоза, за эти четверть часа совсѣмъ разлюбившая благо жизни. А кузнечикъ сталъ жить на зеленой желѣзной лужайкѣ, надъ четырехъэтажнымъ домомъ.

Это было утромъ. И цѣлое утро онъ пѣлъ и радовался, что прежняя лужайка его и всѣ, кто живетъ на ней, стали такими далекими

и маленькими, а даль такая свѣтлая и необъятная. Но къ полудню желѣзо крыши стало накаляться отъ солнца. И не было нигдѣ тѣни. И голодъ сталъ мучить его.

Тогда онъ вспомнилъ о стрекозѣ.

— Отчего я не взялъ ее съ собою, вѣрнѣе, отчего она не полетѣла со мною? А еще ходилъ слухъ, что она любила меня, эта робкая, золотистая стрекоза, которая все плакала отъ моей музыки. У нея крылья—она принесла бы мнѣ пищи, она постелила бы мнѣ зеленой травы, она защитила бы меня крыльями отъ солнца.

И такъ сильно истомился кузнечикъ, что не хватило у него больше терпѣнія оставаться на высотѣ.

И онъ прыгнулъ внизъ.

Но этотъ прыжокъ почти никогда не бываетъ удаченъ, потому что никто не въ силахъ въ достаточной мѣрѣ къ нему подготовиться. Поэтому, когда кузнечикъ коснулся живой зелени своей родной лужайки, его сильныя изумрудныя ноги изнѣнили ему и, оторванныя, затерялись въ травѣ.

Что было послѣ этого, сказка навѣрное не знаетъ. Но, кажется, до заката солнца какая-то птица съ радостнымъ чириканьемъ подняла въ лапкахъ одну изъ его ногъ.

Есть и такой слухъ, что эта же птица нашла и другую ногу кузнечика.

А потомъ и его самого.

Три облака.

„...И возвратится въ землю свою".
Царь Давидъ.

На закатѣ лѣтняго дня въ призрачно-алой пустынѣ вечерняго неба возникли три облака, три златокудрыхъ ангела.

Ангелъ въ голубомъ одѣяніи, съ крыльями, простертыми ввысь, съ молитвенно воздѣтой къ небу арфой, сказалъ:

— Благословенна жизнь. Сложу псалмы во славу ея, и буду пѣть и хвалить ее передъ лицомъ Бога. Въ каждой росинкѣ вечерѣющей ели привѣтствуетъ меня великая радость бытія, и на каждую радость хочу я отвѣтить хвалебною пѣснью моею. Пока не настанетъ ночь.

Бѣлый ангелъ, поникшій надъ золотой чашей, ангелъ съ печально опущенными крыльями, сказалъ:

— Не роса, а слезы блестятъ по всей земной равнинѣ. Тяжко стонетъ земля, и некому осушить ея слезъ. Въ мою чашу я соберу

всѣ слезы земной равнины и отнесу къ престолу Бога. Пока не настанетъ ночь.

И сказалъ третій ангелъ, въ пурпуровой одеждѣ гнѣва съ пламеннымъ мечомъ въ рукахъ:

— Сердце міра темно и зло, хочу пронзить его мечомъ моимъ, и пусть изъ пролитой крови родится новый міръ, достойный меня и васъ, братья мои. Да свершится воля гнѣва моего. Пока не настанетъ ночь.

И когда они говорили, поднялся сильный вѣтеръ. И отъ дыханія его растаяла арфа у перваго ангела, и чаша у другого, и пламенный мечъ у третьяго.

И смѣшались кудри ихъ. И мутнымъ, лукавымъ отливомъ опала засвѣтились внезапно поблекшія одежды,—голубыя, пурпурныя и бѣлыя. И слились несліянныя желанія въ безформенномъ облакѣ, засмѣявшемся надъ несвершонными дѣяніями трехъ ангеловъ послѣдней улыбкой зари въ призрачно-алой пустынѣ вечерняго неба.

И настала ночь.

На отмели.

„...Здѣсь, на отмели временъ“...

Шекспиръ.

Въ жестокіе іюльскіе полдни рѣка, обезумѣвшая отъ зною, горячечнымъ туманомъ ушла ввысь,—ушла почти вся изъ-подъ того берега, гдѣ такъ красиво грустили ивы.

На бѣлой отмели, сверкавшей на солнцѣ нѣмой, безпощадной улыбкой пустыни, лишь кое-гдѣ, въ ямкахъ и складкахъ песку, блестѣли лужи послѣдней, теплой воды, минуты которой были сочтены.

Вода, умиравшая въ лужахъ, стыдилась своей мелкости, своей безсильной недвижности и больной теплоты.

Вода, умиравшая въ лужахъ, отдѣлила себя въ своемъ предсмертномъ томленіи отъ той воды, какая ушла ввысь, и отъ той полноводной, прекрасной, бурно-зеленой весенней рѣки, про которую она говорила нѣкогда:

— Это я.

Вода, умиравшая въ лужахъ, забыла волны, забыла быстролетныя лодки и вечернія пѣсни, и красивую грусть ивъ, чьи корни она поила и лелѣяла въ таинственномъ сумракѣ, чье отраженіе баюкала съ безконечной, многоструйной лаской день и ночь.

Обнаженные, черные, перепутанные, какъ гнѣздо больныхъ ужей,

корни ивъ нависли надъ отмелью въ напрасной мольбѣ о рѣчной влагѣ. И грусть ихъ уже не была красива,—въ ней была жадность, и жалкая неутоленность и униженіе напрасной мольбы.

Искоса, тусклымъ взоромъ, вода глядѣла порой изъ мелкихъ ямъ на черные, жаждущіе корни. Но ей не хотѣлось ласкать и поить ихъ. Хотѣлось поскорѣй раствориться въ бреду іюльскаго полдня, поскорѣй не быть водой.

Въ одной изъ ямъ, подъ навѣсомъ корней, многодумно копошился ракъ и плавали тупо и юрко, взадъ и впередъ, двѣ плоскія рыбы. Раковина съ крѣпко стиснутыми створками лежала на днѣ, и нѣсколько водяныхъ жуковъ наперебой ныряли все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, ударяясь о твердое песчаное дно и боясь сдѣлать выводъ изъ своего измѣренія. Тритонъ ползалъ по дну ямы, сердито раздувая гребень. И піявка въ истомѣ ворочалась съ боку на бокъ. И колыхалась между ними водоросль—нѣжная, темно-розовая былинка съ кружевными листьями, уже не прикрытыми водой и покорно изнемогающими отъ жажды.

— Нѣтъ,—сказала піявка,—еще одинъ часъ такой жары—и я не выдержу... Что думаютъ тамъ наверху, въ этой сушильнѣ, откуда льется на насъ такая пропасть жару? Хотятъ извести насъ, что ли? Это неслыханно—такое обращеніе съ піявками.

— Съ піявками—это еще ничего, а главное, что и съ тритонами поступаютъ не лучше,—сердито сказалъ тритонъ, вздувая гребень.—Тамъ не понимаютъ, вѣрно, что я могу лопнуть отъ гнѣва... Порядки, нечего сказать.

— А вы бы лучше молчали,—сказала раковина изъ-за тѣсно сжатыхъ створокъ.—Лежали бы смирно и молчали. Такъ незамѣтно и заснули бы.

— Заснуть, заснуть, заметавшись, подхватили двѣ плоскія рыбы. Знаемъ мы, что значитъ заснуть, слышали мы, какое зловоніе отъ той плотвы, что заснула на краю отмели. Знаемъ мы, знаемъ—не проведешь насъ,—что значитъ заснуть.

— Стыдно—сказали водяные жуки,—стыдно такъ падать духомъ. Г-о въ крѣпкой бронѣ, тотъ не сдастся. Не нужно только оставаться б зъ дѣла—и если не за чѣмъ нырять на дно—всетаки важно ни на н нуту не прекращать этого дѣла. Важно жить такъ, какъ будто ни-ч о не случилось... Не отставайте, товарищи,—внизъ, вверхъ, н изъ, вверхъ!

— Пустое занятіе,—сказалъ ракъ.—Къ чему суетиться, когда н пропало? Сегодня къ вечеру, думается мнѣ, наша яма будетъ вы-л ...о чиста огненнымъ языкомъ дьявола.

— Дьявола!—въ ужасѣ простонала раковина,—вотъ до чего дошло дѣло. Бога-Солнце, давшаго намъ жизнь весною, ты называешь дьяволомъ!

— Пока этотъ богъ кипятитъ воду, въ которой я живу, я буду называть его дьяволомъ,—сказалъ ракъ упрямо.—Я буду такъ называть его, пока не сварюсь.

— Но скажи, легче ли тебѣ отъ этого?—спросила одна изъ рыбъ.—Если это облегчаетъ, вмѣсто «Отче нашъ», которое я безъ остановки читаю, я тоже начала бы проклинать.

— Я не ищу легкаго,—съ гордостью сказалъ ракъ, задыхаясь отъ жары.—Я назвалъ его дьяволомъ, потому что онъ этого стоитъ. И буду такъ называть его, пока не сварюсь.

— Рѣка моя, родная, прозрачная, нѣжная рѣка моя,—дрожа, заговорила былинка.—Я не прошу у тебя влаги для изсохшихъ устъ моихъ. Если ты не можешь, или не хочешь дать ее—пусть будетъ такъ. Но не уходи отъ меня вся безъ возврата, дай умереть раньше, чѣмъ ты покинешь меня и уйдешь ввысь, возлюбленная рѣка моя!

И вода, умиравшая въ лужѣ, когда ее назвали рѣкою, вспомнила все, что было—бурно-зеленыя волны, и вечернія пѣсни, и шопотъ склоненныхъ ивъ, и молодость, и красоту, и гордую силу...

И постигла, чѣмъ будетъ, когда уйдетъ ввысь.

И съ радостнымъ вздохомъ поднялась горячимъ туманомъ мимо изсохшихъ устъ водоросли къ жестокому ликующему небу.

Изумруды.

Глубоко, въ сердцѣ каменной горы спали изумруды.

Они родились въ непостижной дали временъ отъ зеленаго луча утренней звѣзды, поцѣловавшаго юную землю.

Миріады лѣтъ прожили они во снѣ, претворяя въ лучистый кристалъ поцѣлуй звѣзднаго луча и жажду раскаленнаго сердца планеты.

И когда окончилась ихъ работа,—созидающая сила, отточивъ послѣднюю грань кристалла, родила въ немъ лучистую грезу. И увидѣли изумруды сонъ о звѣздномъ небѣ.

И въ этотъ мигъ родилась въ нихъ тоска о томъ, что жизнь ихъ во тьмѣ, что небо ихъ—въ грезѣ и что другого, быть можетъ, нѣтъ.

И такъ сильно тосковали они, что изъ тоски ихъ родилось желаніе.

Родилось, и двинулось, и пробило въ каменной скалѣ глубокую расщелину.

И Царь неотвратимыхъ Свершеній сказалъ:

— Да будетъ.

Изумруды стали человѣческими глазами, поднялись къ звѣздному небу—и не узнали его.

Маленькія, холодныя, призрачныя, одинокія пылинки огней боязливо мигали въ черной пустынѣ неба. И лучи ихъ касались земли холодными, безсильными нитями, и ничего не озаряли.

Смутилась глубоко душа ожившихъ изумрудовъ и сказала Царю Неотвратимыхъ Свершеній, улыбавшемуся надъ раскрытымъ саркофагомъ ея недавняго сна:

— О, Царь, укажи мнѣ путь къ тѣмъ звѣздамъ, какія являлись мнѣ въ моихъ снахъ, къ тѣмъ вѣщимъ, непостижимо-далекимъ и близкимъ, какъ объятія земли, къ тѣмъ трепетнымъ и влекущимъ, чудотворнымъ звѣздамъ, которыя вызвали меня къ жизни.

— Такихъ звѣздъ нѣтъ,—сказалъ Царь, улыбаясь.

— Онѣ есть,—сказала душа въ отчаяніи,—и я пойду къ нимъ.

И навѣки смежились изумрудные глаза для Царства Неотвратимыхъ Свершеній. И видѣли только то звѣздное небо, какое приснилось имъ, когда они спали въ сердцѣ земли.

...Вставала тоска, вставало желаніе. Но тоску желанія полюбили глаза больше тоски пробужденія.

И спали глубоко.

И было для нихъ все, что не сны, саркофагомъ ихъ могильнаго сна и грезы ихъ о звѣздномъ небѣ.

В. Малахіева-Мировичъ.

Сирень.

Пора цвѣтенія сирени.
Куда ни посмотри—сирень.
Аллеи какъ въ лиловой пѣнѣ,
И люди бродятъ точно тѣни,
И тѣни движутся весь день.
Въ концѣ аллеи до заката
Синѣетъ моря полоса.
Прилипъ къ ней парусъ, какъ заплата.
И все въ чаду отъ аромата—
Земля, вода и небеса.
Въ сирени дѣтская коляска:
Сирень раскинулась шатромъ;
Ребенка усыпила ласка.
Надъ нимъ сиреневая сказка
Играетъ пурпурнымъ шаромъ:
То закачаетъ своенравно,
То остановитъ. Шаръ внутри
Все отражаетъ такъ забавно:
Коляску, небо, парусъ... Славно!
Сирень, куда ни посмотри.

А. Ѳедоровъ.

ВОЗВРАТНАЯ ВОЛНА.

Повѣсть Болеслава Пруса.

I.

Если бы достоинство пастора Бёме обладало тремя обычными геометрическими измѣреніями и вѣсомъ соотвѣтственной величины, то сей превелебный мужъ свои апостольскія и гражданскія путешествія долженъ былъ бы совершать въ товарномъ поѣздѣ. Но такъ какъ достоинство--субстанція духовная и имѣетъ только одно измѣреніе *четвертое,* которое въ головахъ математиковъ занимаетъ много мѣста, а въ дѣйствительной жизни ничего не значитъ, то пасторъ Бёме безъ затрудненія могъ путешествовать въ бричкѣ, запряженной одной лошадью. Откормленный и чисто содержимый конь по гладкому фабричному шоссе бѣжалъ вольной трусцой и казалось болѣе былъ занятъ отмахиваніемъ отъ мухъ, чѣмъ добродѣтелями худощавой особы духовнаго пастыря. Грубый хомутъ, оглобли, лѣтняя жара и дорожная пыль занимали болѣе выдающееся мѣсто въ воображеніи животнаго, чѣмъ превелебный Бёме, его маленькія бакенбарды, его панамская шляпа, его парусинный китель, розовыми полосками по бѣлому полю, и даже лакированный бичъ, торчащій съ правой стороны сидѣнья. Пасторъ только изъ опасенія передъ насмѣшками не оставлялъ бичъ дома, но въ дорогѣ его не употреблялъ. Правда и то, что ему и пользоваться бичомъ не представлялось возможности, потому въ одной рукѣ онъ держалъ вожжи, а другою изливалъ благоклонныя, но мало дѣйствующія благословенія на всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ, которые, безъ различія вѣроисповѣданія, преклоняли головы передъ «добрымъ швабомъ».

Нынѣ (дѣйствіе происходитъ въ іюльскій день, въ пять часовъ полудни) превелебный долженъ былъ выполнить религіозную миссію, состоящую въ томъ, чтобы огорчить ближняго, а потомъ утѣшить его, когда онъ будетъ очень огорчаться. Онъ ѣхалъ къ своему

другу, Готлибу Адлеру, сообщить ему, что его единственный сынъ, Фердинандъ Адлеръ, надѣлалъ много долговъ за границей. Сообщивъ объ этомъ отцу, онъ долженъ былъ потомъ успокоивать его и вымолить прощеніе для легкомысленнаго молодого человѣка.

Готлибъ Адлеръ былъ владѣльцемъ фабрики бумажныхъ тканей. Шоссе, положимъ не обсаженное деревьями, но старательно поддерживаемое, соединяетъ фабрику со станціею желѣзной дороги. То, что видно съ шоссе налѣво,—за дубовымъ лѣскомъ,—еще не фабрика, а мѣстечко. Фабрика лежитъ направо отъ шоссе. Изъ-за кленовъ, липъ и тополей выглядываютъ черныя и красныя кровли нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ домиковъ, а за ними—четырехъэтажное зданіе, подковообразное и окруженное другими постройками. Это собственно и есть фабрика. Въ длинныхъ рядахъ оконъ отражается солнце и обливаетъ ихъ пятнами золота. Высокая, темновишневая труба извергаетъ черные клубы густого дыма. Если бы вѣтеръ подулъ съ той стороны, то пасторъ услыхалъ бы стукъ паровыхъ машинъ и хаотическій шумъ ткацкихъ станковъ. Но вѣтеръ дуетъ съ другой стороны и поэтому слышенъ только свистъ отдаленнаго локомотива, громыханье брички Бёме, фырканье его лошади и пѣніе какой-то птички,—можетъ быть, перепелки, ныряющей въ зеленой ржи.

Около самой фабрики видна еще болѣе густая группа деревьевъ. То садъ Адлера, изъ котораго кое-гдѣ бѣлыми пятнами выглядываютъ стѣны изящнаго дома и хозяйственныхъ построекъ.

Пасторъ все время наблюдалъ, какъ бы его толстая лошадь не споткнулась, и это въ концѣ утомило его. Уповая на милосердіе того, кто извлекъ Даніила изо рва львинаго, а Іону изъ пасти кита, превелебный привязалъ вожжи къ поручнямъ козелъ и сложилъ руки, какъ бы для молитвы. Бёме любилъ мечтать, но мечталъ только тогда, когда могъ пустить въ ходъ, наподобіе мельничнаго колеса, большіе пальцы обѣихъ рукъ, что сдѣлалъ и въ настоящую минуту. Такая мельница открывала передъ нимъ волшебныя врата страны воспоминаній.

И вотъ ему вспомнилось (должно быть, разъ въ сороковой въ этомъ году и все на томъ же самомъ пунктѣ шоссе), что фабрика Адлера и ея окружающее ужасно напоминаютъ другую фабрику, стоящую гдѣ-то на бранденбургской равнинѣ, въ которой онъ, пасторъ Мартинъ Бёме, и его другъ, Готлибъ Адлеръ, вмѣстѣ провели годы своего дѣтства. Они оба были сыновьями средне-состоятельныхъ ткацкихъ мастеровъ, родились въ одномъ и томъ же году и ходили въ одну и ту же начальную школу; потомъ они разошлись на цѣлую четверть

вѣка, въ теченіе которой Бѣме кончилъ курсъ на богословскомъ факультетѣ въ Тюбингенѣ, а Адлеръ скопилъ нѣсколько тысячъ талеровъ.

Потомъ снова они сошлись, далеко отъ родины, на польской землѣ, гдѣ Бѣме сдѣлался пасторомъ протестантскаго прихода, а Адлеръ заложилъ маленькую ткацкую фабрику.

Съ той поры, въ теченіе другой четверти вѣка, они не разлучались и навѣщали другъ друга по нѣсколько разъ въ недѣлю. За это время маленькая фабрика Адлера стала огромной,—въ настоящее время она давала работу шестистамъ рабочихъ, а владѣльцу приносила нѣсколько десятковъ тысячъ чистаго дохода. Но Бѣме остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ—небогатымъ пасторомъ. А такъ какъ сокровища человѣческой души всегда должны приносить проценты, то и пасторъ имѣлъ доходы, выражающіеся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ благословеній.

Были и еще черты несходства между двумя друзьями.

У пастора былъ сынъ, который теперь кончилъ курсъ въ рижскомъ политехникумѣ и мечталъ о томъ, какъ бы обезпечить себѣ, обоимъ родителямъ и сестрѣ кусокъ хлѣба въ будущемъ; у Адлера былъ единственный сынъ, который не доучился даже въ гиманазіи, проживалъ за границей и мечталъ о томъ, какъ бы обильнѣе пользоваться изъ отцовской кассы. Пасторъ былъ озабоченъ тѣмъ, удастся ли его дочери, восемнадцатилѣтней Аннетѣ, хорошо выйти замужъ? Адлеръ былъ озабоченъ тѣмъ, что въ концѣ выйдетъ изъ его сына? Пасторъ вообще былъ доволенъ своимъ скромнымъ достаткомъ и тысячами ежегодныхъ благословеній, Адлеру было недостаточно нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ, а его состояніе, помѣщенное въ банкѣ, слишкомъ медленно приближалось къ желанной цифрѣ *милліона* рублей.

Но Бѣме уже не думалъ о такихъ подробностяхъ. Онъ былъ доволенъ, что видитъ вокругъ себя зеленые хлѣба, надъ собою небеса, испещренныя бѣлыми и сѣрыми облачками, и что общій видъ фабрики Адлера напоминаетъ мѣстность, въ которой протекло ихъ дѣтство. Такіе же точно дома, установленные въ два ряда, такія же деревья, такое же фабричное зданіе, расположенное по полукругу,—домъ хозяина, сажалка въ саду...

Жалко, что здѣсь нѣтъ пріюта для маленькихъ дѣтей, школы для большихъ, дома для стариковъ, больницы... Жалко, что Адлеръ не подумалъ объ этихъ зданіяхъ, хотя свою фабрику устроилъ на манеръ бранденбургскихъ. А нужно было бы построить по крайней мѣрѣ

школу. Вѣдь если бы не существовало школы *тамъ*... ни онъ не былъ бы пасторомъ, ни Адлеръ милліонеромъ.

Бричка приблизилась къ фабрикѣ, настолько, что ея гомонъ пробудилъ задумавшагося пастора. Толпа грязныхъ дѣтей, одѣтыхъ въ оборванныя платьишки или рубашонки, играла около дороги. За стѣною, окружающею фабрику, были видны нѣсколько телѣгъ, на которыя укладывали тюки ткани. Налѣво показался домъ во всей своей красотѣ. Онъ былъ построенъ въ итальянскомъ вкусѣ. Еще нѣсколько шаговъ, вотъ среди деревьевъ показалась бесѣдка, расположенная возлѣ сажалки. Здѣсь фабрикантъ и его другъ обыкновенно пьютъ рейнское вино и болтаютъ о прежнихъ временахъ или о дѣлахъ текущихъ.

Кое-гдѣ изъ открытыхъ оконъ жилищъ рабочихъ свѣшиваются лохмотья свѣже выстираннаго бѣлья. Почти все населеніе этихъ домовъ теперь за своими станками и лишь нѣсколько женщинъ, блѣдныхъ, съ ввалившеюся грудью, привѣтствуютъ пастора словами:

— Да будетъ благословенно...

— Во вѣки вѣковъ!...—отвѣчаетъ худощавый старичокъ, приподнимая свою такую же старенькую панамскую шляпу.

Въ эту минуту бричка свернула налѣво, конь весело взмахнулъ головою и безъ принужденія рысью вбѣжалъ на дворъ хозяйскаго дома.

Тотчасъ же показался конюхъ, отеръ носъ рукавомъ и помогъ высадиться превелебному.

— Хозяинъ дома?—спросилъ Бёме.

— На фабрикѣ. Я сейчасъ скажу, что вы пожаловали.

Пасторъ взошелъ на крыльцо, гдѣ ожидающій его лакей снялъ съ него дорожный китель. Теперь весь міръ могъ убѣдиться, что у духовнаго длинный сюртукъ, но короткія ноги, вслѣдствіе чего его носъ, украшающій его увядшее, полное добродушія лицо, кажется слишкомъ большимъ.

Превелебный снова сложилъ руки пониже груди и пустилъ въ ходъ два пальца. Онъ вспомнилъ, что пріѣхалъ сюда для нанесенія раны, а потомъ для исцѣленія отцовскаго сердца, съ хорошо обдуманнымъ планомъ, который по правиламъ реторики раздѣлялся на три части. Первая, подготовительная, должна была заключать размышленіе о неисповѣдимыхъ путяхъ Про[illegible]нія, которое чрезъ житейскія невзгоды ведетъ человѣка къ вѣ[illegible]му счастью. Въ другой должно было быть сказано, что молодой [illegible]инандъ Адлеръ не можетъ возвратиться изъ-за границы, на [illegible]отца, покуда не будутъ удовлетворены его кредиторы на такую-[illegible] такую-то сумму. (Здѣсь

долженъ наступить взрывъ отцовскаго гнѣва и перечисленіе Адлеромъ всѣхъ проступковъ, которые совершилъ его сынъ). Въ ту же минуту, когда разгнѣванный фабрикантъ бумажныхъ тканей возжелаетъ отречься отъ недостойнаго единственнаго сына, лишить его наслѣдства и проклясть,—выступила бы на сцену третья часть миссіи пастора,—примирительная. Бёме хотѣлъ напомнить исторію блуднаго сына, слегка намекнуть, что другъ его самъ плохо воспиталъ своего наслѣдника, и что за этотъ грѣхъ долженъ пожертвовать Богу, конечно, при помощи кредиторовъ Фердинанда, сумму, которую они съ него ищутъ.

Когда Бёме провѣрялъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій, на дорогѣ, ведущей къ дому, показался старикъ Адлеръ. То былъ человѣкъ гигантскаго роста, нѣсколько сгорбленный, съ огромными ногами, одѣтый въ длинный сѣрый сюртукъ старомоднаго покроя и въ такіе же штаны. На однообразно красномъ его лицѣ выдавался большой, круглый носъ и такія же большія губы, выпяченныя, какъ у негра. Усовъ онъ не носилъ,—только рѣдкія свѣтлорусыя бакенбарды. Когда онъ снялъ шляпу, чтобы обтерѣть лобъ, были видны его выпуклые, свѣтло-голубые глаза безъ бровей и коротко остриженные волоса, льняного цвѣта.

Милліонеръ шелъ тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ, раскачиваясь на могучихъ ногахъ, какъ кавалеристъ. Когда онъ не обтиралъ лица или красной шеи, его свѣсившіяся руки съ большими ладонями и съ короткими пальцами отставали отъ его туловища и образовывали двѣ согнутыхъ дуги, словно ребра допотопнаго животнаго. Его широкая грудь замѣтно опускалась и поднималась, какъ кузнечные мѣха. Онъ издали привѣтствовалъ пастора флегматичнымъ кивкомъ головы, широко раскрылъ ротъ и громкимъ голосомъ закричалъ: а! а! а!—но не улыбнулся. Вообще трудно было бы представить, какой видъ имѣла бы улыбка на мясистомъ и апатичномъ лицѣ, на которомъ, казалось, всевластно царствуютъ суровость и безсмысленность.

Несмотря на все это, фигура, такъ грубо обтесанная природой, не была ни отвратительной, ни странной. Адлеръ возбуждалъ не опасеніе, а только чувство, что ему сопротивляться невозможно. Казалось, что въ его безобразныхъ рукахъ толстыя желѣзныя полосы должны гибаться съ такимъ же жалобнымъ скрипомъ, съ какимъ полъ фабричныхъ залъ заскрипѣлъ подъ его стопами. При первомъ взглядѣ можно было рѣшить, что до сердца этого тарана въ человѣческой формѣ достучаться невозможно, но что если бы кто-нибудь задѣлъ его сердце, то вся машина рухнула бы, какъ зданіе, которое сразу лишилось бы своего фундамента.

— Ну, какъ поживаешь, Мартинъ?—крикнулъ Адлеръ съ первой ступеньки лѣстницы, потомъ схватилъ руку пастора и пожалъ ее крѣпко и неуклюже.

— Ты былъ вчера въ Варшавѣ,—добавилъ онъ...—не слыхалъ ли чего-нибудь о моемъ мальчикѣ? Этотъ сумасшедшій такъ рѣдко пишетъ, что развѣ только одинъ банкъ знаетъ, гдѣ онъ находится.

Когда онъ вошелъ на крыльцо, то Бёме передъ нимъ казался,—говоря словами Библіи,—какъ саранча передъ верблюдомъ.

— Ну, разсказывай!—произнесъ Адлеръ,—садясь на желѣзный диванъ, который затрещалъ подъ нимъ. Его трубный голосъ странно совпадалъ съ ритмическимъ шумомъ фабрики, напоминающимъ отдаленный грохотъ грома.

— Не писалъ чего-нибудь Фредерикъ въ банкъ?

Бёме невольно очутился въ серединѣ дѣла, по поводу котораго пріѣхалъ. Онъ сѣлъ на другой диванъ, напротивъ Адлера, и со свойственной ему ясностью ума вспомнилъ начало первой части своей рѣчи: о неисповѣдимыхъ путяхъ...

У пастора былъ одинъ недостатокъ,—онъ не могъ плавно говорить безъ очковъ, которые постоянно запрятывалъ въ самыя неподходящія мѣста. Онъ чувствовалъ, что нужно приступить къ вступленію, но какъ начать безъ очковъ?... Пасторъ откашлянулся, всталъ съ дивана, повернулся кругомъ,—очковъ нѣтъ, какъ нѣтъ!...

Онъ полѣзъ рукою въ лѣвый карманъ панталонъ, потомъ въ правый... Очковъ ни слѣда... Не оставилъ ли онъ ихъ дома? Нѣтъ, они были у него въ рукахъ, когда онъ садился въ бричку. Поискать въ заднихъ карманахъ сюртука: въ одномъ нѣтъ, въ другомъ тоже нѣтъ! Бѣдный пасторъ совсѣмъ забылъ начало подготовительной рѣчи.

Адлеръ, который зналъ своего друга насквозь, началъ безпокоиться.

— Чего ты вертишься, Мартинъ?—спросилъ онъ.

— Да очки куда-то засунулъ!... Какая непріятность!

— На что тебѣ очки? Вѣдь не проповѣдь же ты будешь говорить мнѣ.

— Но, видишь ли...

— Я спрашиваю тебя о Фердинандѣ,—нѣтъ ли отъ него какихъ-нибудь извѣстій?

— Я сейчасъ скажу тебѣ,—проговорилъ Бёме и поморщился.

Онъ ощупалъ внутренній карманъ и всетаки не нашелъ очковъ, разстегнулъ сюртукъ и вытащилъ изъ бокового кармана какую-то бумагу, большой бумажникъ, потомъ выворотилъ карманъ, но очковъ не оказалось и тамъ.

— Не оставилъ ли я ихъ въ бричкѣ?—сказалъ онъ самому себѣ и повернулся, намѣреваясь сойти съ крыльца. Адлеръ, зная, что пасторъ во внутреннемъ карманѣ носитъ только важные документы, вырвалъ бумагу изъ его рукъ.

— Милый Готлибъ,—говорилъ смущенный Бёме,—отдай мнѣ это, я самъ тебѣ прочитаю, только... мнѣ сначала нужно найти мои очки... Куда они могли задѣваться?

Онъ сбѣжалъ на дворъ, направляясь къ конюшнѣ.

— Прошу тебя, подожди до моего возвращенія, потому что это нужно прежде всего выяснить.

И онъ пошелъ, потирая обѣими руками сѣдую голову.

Нѣсколько минутъ спустя онъ возвратился изъ конюшни, совершенно огорченный.

— Должно быть, потерялъ,—ворчалъ онъ.—Помню, что когда я садился въ бричку, то въ одной рукѣ держалъ платокъ, а въ другой кнутъ и очки...

Онъ неохотно усѣлся на диванъ и бѣгло взглянулъ на Адлера.

На лбу стараго фабриканта жилы напряглись, а глаза стали еще болѣе выпуклыми. Онъ читалъ бумагу съ большимъ вниманіемъ, потомъ кончилъ чтеніе и гнѣвно плюнулъ на полъ.

— Охъ! Какая шельма этотъ Фердинандъ!—проговорилъ онъ.—Въ теченіе двухъ лѣтъ надѣлалъ на пятьдесятъ восемь тысячъ тридцать одинъ рубль долговъ, хотя я давалъ ему по десяти тысячъ въ годъ.

— Знаю, знаю!—вдругъ воскликнулъ пасторъ и выбѣжалъ въ прихожую.

Черезъ минуту онъ возвратился съ торжественной миной, неся свои очки въ черномъ футлярѣ.

— Понятное дѣло!—разсуждалъ онъ,—положить ихъ я могъ развѣ куда-нибудь въ котель! Что за разсѣянность!

— Ты всегда теряешь свои очки и потомъ находишь ихъ!—сказалъ Адлеръ, опустивъ голову на руки.

Онъ казался задумчивымъ и грустнымъ.

— Пятьдесятъ восемь и двадцать: семьдесятъ восемь тысячъ одинъ рубль въ теченіе двухъ лѣтъ!—бормоталъ фабрикантъ.—Когда я починю эту дыру? Ей-Богу, не знаю!

Пасторъ надѣлъ уже очки и вновь вступилъ въ обладаніе яснымъ умѣніемъ. Первая часть рѣчи, съ которою онъ пріѣхалъ къ Адлеру, была утрачена. Вторая тоже самое. Оставалась третья часть. Бёме очень быстро оріентировался въ данномъ положеніи и не

менѣе быстро дѣлалъ новыя рѣшенія. И вотъ, откашлянувшись и протянувъ ноги, онъ началъ:

— Дорогой Готлибъ, хотя твое отцовское сердце должно быть страшно уязвлено дѣяніями твоего единственнаго сына, хотя до нѣкоторой степени дозволительно роптать на судьбу...

Адлеръ очнулся отъ задумчивости и спокойно отвѣтилъ:

— Хуже, чѣмъ роптать, потому что нужно платить!... Іоганъ!— вдругъ крикнулъ онъ голосомъ, отъ котораго дрогнула крыша крыльца.

Въ дверяхъ прихожей появился слуга.

— Стаканъ воды!

Воду подали во мгновеніе ока. Адлеръ выпилъ ее, потребовалъ второй стаканъ, выпилъ и тотъ, а потомъ началъ уже безъ тѣни гнѣва:

— Нужно телеграфировать Ротшильду... Телеграмму пошлю сегодня же, и пусть этотъ безумецъ возвратится домой. Довольно путешествовать!

Теперь Бёме удостовѣрился, что не только третья часть его рѣчи безповоротно пропала, но—что еще хуже,—отецъ слишкомъ снисходительно относится къ проступку сына. Какъ бы то ни было, пятьдесятъ восемь тысячъ долга,—это не только крупная потеря, но и злоупотребленіе отцовскимъ довѣріемъ, значитъ и немалый грѣхъ.

Кто знаетъ, Адлеръ, имѣя эти деньги въ карманѣ, не подумалъ ли бы объ устройствѣ школы, безъ которой дѣти рабочихъ дичаютъ и пріучаются къ праздности?

По этимъ соображеніямъ пасторъ рѣшилъ изъ защитника обратиться въ обвинителя легкомысленнаго молокососа, что̀ ему представлялось очень легкимъ, потому что онъ зналъ его, какъ сорванца, съ самаго дня его рожденія. Кромѣ того, носъ пастора былъ уже осѣдланъ очками, безъ которыхъ ему трудно было бы предпринимать что-нибудь.

Адлеръ тѣмъ временемъ оперся широкими плечами о спинку дивана, закинулъ назадъ огромную голову и смотрѣлъ въ потолокъ.

Бёме еще разъ откашлялся, положилъ руки на колѣни и, уставившись глазами въ галстукъ своего друга, заговорилъ:

— Хотя, милый Готлибъ, твоя христіанская покорность въ несчастіи весьма одобрительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ, для достиженія полнаго совершенства, возможнаго въ семъ мірѣ (а оно всетаки, ахъ! какъ несовершенно передъ лицомъ Творца),—человѣкъ, говорю я, не только долженъ быть покорнымъ, но и дѣятельнымъ. Нашъ Господь, Іисусъ Христосъ, не только обрекъ себя на

смерть, но еще и поучалъ, исправлялъ. Такъ и мы, слуги его, должны не только выносить страданія, но еще и направлять на путь истины заблудшихъ...

Адлеръ оперся руками о диванъ и опустилъ голову на грудь.

— Твой сынъ плотскій, а мой духовный, Фердинандъ, несмотря на всѣ достоинства сердца и прирожденныя способности, совершенно не исполняетъ заповѣди, которая человѣку, изгнанному изъ рая, предписываетъ трудиться.

— Іоганъ!—крикнулъ Адлеръ.

На крыльцо прибѣжалъ слуга.

— Машина идетъ слишкомъ скоро. Они всегда работаютъ такъ, когда меня не видятъ. Скажи, чтобы они пускали ее потише.

Слуга исчезъ; пасторъ, не смущаемый ничѣмъ, продолжалъ:

— Сынъ твой не трудится, но дарованныя имъ Творцомъ силы—духовныя, физическія и матеріальныя, расточаетъ понапрасно. Я уже говорилъ это тебѣ не одинъ разъ, дорогой Готлибъ, и, какъ видишь, въ воспитаніи своего Іозефа не отступилъ отъ своихъ правилъ.

Адлеръ угрюмо кивнулъ головою.

— А что твой Іозефъ будетъ дѣлать, когда кончитъ курсъ въ политехникумѣ?—внезапно спросилъ онъ.

— Пойдетъ на какую-нибудь фабрику и, можетъ быть, когда-нибудь сдѣлается директоромъ.

— А когда онъ сдѣлается директоромъ, тогда что будетъ?

— Онъ будетъ и дальше трудиться.

— Зачѣмъ же онъ будетъ трудиться?

Пасторъ смѣшался.

— Затѣмъ,—отвѣтилъ онъ,— чтобы быть полезнымъ себѣ и людямъ.

— Ну, а мой Фердинандъ, какъ только онъ вернется, можетъ быть директоромъ у меня. Да онъ и людямъ полезенъ, коли я истратилъ на него семьдесятъ восемь тысячъ тридцать одинъ рубль въ теченіе двухъ лѣтъ! Да и, должно быть, себѣ полезенъ!

— Но онъ не трудится!—замѣтилъ пасторъ, поднимая палецъ кверху.

— Правда! Но зато я тружусь за него и за себя. Я всю жизнь т рдился за пятерыхъ, такъ почему же мой сынъ не можетъ во время с ей молодости немного насладиться жизнью?—Чѣмъ онъ не вос- п льзуется теперь, тѣмъ не воспользуется никогда. Я знаю это по с ственному опыту. Трудъ—это проклятіе. Я все это проклятіе в ъ на себя, а хорошо ли я взялъ—свидѣтельствуетъ мое состояніе. І ч правда, что Фердинандъ обязанъ страдать такъ же, какъ я.—

такъ зачѣмъ же Господь Богъ сотворилъ деньги? Что мальчику прибудетъ, если онъ изъ моего милліона сдѣлаетъ десять, если его сынъ долженъ жить только для того, чтобы къ нашимъ милліонамъ добавить еще милліоны?

— Господь Богъ сотворилъ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ. Всѣ богатые наслаждаются жизнью. Я наслаждаться не могу, потому что и силъ у меня нѣтъ, да и не умѣю я этого. Но почему моему сыну не наслаждаться бы?

Слуга уже возвратился съ фабрики. Паровая машина шла медленнѣй.

— Милый Готлибъ, — сказалъ пасторъ, — добрый христіанинъ...

— Іоганъ! — прервалъ фабрикантъ. — Отнеси въ бесѣдку бутылку рейнвейна и тортъ... Перейдемъ въ садъ, Мартинъ.

Онъ потрепалъ Бёме тяжелою рукою по плечу и крикнулъ:

— Ха-ха-ха-ха!

Они пошли въ садъ. Дорогу имъ перегородила какая-то нищенски одѣтая женщина, пала къ ногамъ Адлера и, плача, прошептала:

— Ясный панъ, хоть три рубля на похороны.

Адлеръ безъ труда вырвалъ ногу изъ ея объятій и спокойно отвѣтилъ:

— Иди къ шинкарю, потому что тамъ твой глупый мужъ каждый день оставлялъ деньги.

— Ясный панъ!

— О дѣлахъ говорятъ въ конторѣ, а не здѣсь, — перебилъ Адлеръ, — туда и ступай.

— Я была тамъ, но меня вытолкали за дверь. — И она опять обняла его ноги.

— Прочь! — крикнулъ фабрикантъ. — Къ станкамъ васъ и не заманишь, а на крестины и на похороны вы любите побираться.

— Я послѣ родовъ лежала, какъ же я могла идти на работу?

— Ну, такъ не рожай дѣтей, коли тебѣ не на что хоронить ихъ.

И онъ пошелъ въ садъ, толкая впередъ пастора, возмущеннаго этою сценою.

Пройдя калитку, Бёме остановился.

— Знаешь что, Готлибъ, — сказалъ онъ, — я не буду пить вина.

— О? — удивился Адлеръ, — почему такъ?

— Слезы бѣдныхъ отравляютъ вкусъ вина.

— Не бойся! Рюмки чистыя, а бутылка хорошо закупорена. Ха-ха-ха-ха!

Пасторъ покраснѣлъ, отвернулся отъ него съ гнѣвомъ и шибко выбѣжалъ на дворъ.

— Стой ты, сумасшедшій!—крикнулъ Адлеръ.

Пасторъ бѣжалъ къ конюшнѣ.

— Да воротись же. Эй, ты, дура!—подозвалъ онъ нищенски одѣтую женщину, которая плакала у воротъ,—вотъ тебѣ рубль, и убирайся, пока цѣла!

Онъ бросилъ ей бумажку.

— Мартинъ! Бёме! Воротись. Вино уже въ бесѣдкѣ!

Но пасторъ вскарабкался уже на свою бричку и безъ кителя выѣхалъ за ворота.

— Сумасшедшій!—повторилъ про себя Адлеръ.

Въ сущности, онъ не сердился на пастора, который нѣсколько разъ въ годъ продѣлывалъ съ нимъ подобныя сцены, при подобныхъ же обстоятельствахъ.

«У этихъ ученыхъ всегда какого-то винта въ головѣ недостаетъ», думалъ Адлеръ, смотря на пыль, поднятую бричкой его друга.

— Если бы я былъ ученымъ, то у меня было бы столько же теперь, сколько у Бёме, а мой Фердинандъ мучился бы въ политехнической школѣ.

Онъ повернулся кругомъ, посмотрѣлъ на конюшню, передъ которой конюхъ дѣлалъ видъ, что старательно подметаетъ мостовую, вдохнулъ струю фабричнаго дыма, которую донесъ до него вѣтеръ, посмотрѣлъ на нагруженныя телѣги и пошелъ къ домику, занимаемому администраціей.

Тамъ онъ приказалъ записать пятьдесятъ девять тысячъ рублей для Фердинанда и послать ему телеграмму, что какъ только онъ получитъ деньги, то уплатилъ бы долги и возвращался бы домой.

Когда Адлеръ вышелъ изъ конторы, старый бухгалтеръ, который давно уже носилъ зеленый зонтикъ надъ глазами и сидѣлъ на кожаномъ кружкѣ, осторожно осмотрѣлся вокругъ и шепнулъ своему товарищу:

— Ого! У насъ опять будетъ сбереженіе! Барчукъ растранжирилъ пятьдесятъ девять тысячъ рублей, а мы заплатимъ...

Спустя четверть часа въ техническомъ бюро шептали, что Адлеръ *ръжетъ* жалованье, потому что его сынъ прокутилъ сто тысячъ.

Черезъ часъ во всѣхъ отдѣленіяхъ фабрики говорилось о томъ, го жалованье и заработокъ будутъ понижены, а вечеромъ Адлеръ ке зналъ объ этомъ. Одни угрожали, что переломаютъ кости хозяину, другіе—что убьютъ его, третьи—что подожгутъ фабрику. ные даже совѣтовали уйти толпою изъ мастерскихъ, но тѣмъ дальне дали говорить. Да и куда уйти?

Большинство женщинъ плакало, а большинство мужчинъ проклинало Адлера, желая, чтобы Богъ наказалъ его за это.

Фабрикантъ былъ доволенъ такимъ рапортомъ. Рабочіе только проклинаютъ,—значитъ, безъ опасенія можно понизить заработную плату. А тѣ, которые угрожали, по большей части были вѣрнѣйшими его слугами.

Въ теченіе ночи планъ *сбереженія* былъ обработанъ. Чѣмъ больше кто получалъ, тѣмъ большій процентъ скидывался съ его вознагражденія. А такъ какъ при фабрикѣ въ теченіе двухъ лѣтъ жилъ докторъ (взятый по случаю холеры) и фельдшеръ, которымъ, по мнѣнію Адлера, здѣсь дѣлать было нечего, то докторъ получалъ отставку къ первому августа, а фельдшеру наполовину уменьшили жалованье.

Когда на другой день узнали о подробностяхъ плана *сбереженія*, повсюду вспыхнуло всеобщее недовольство. Нѣсколько человѣкъ оставило фабрику, другіе работали меньше, чѣмъ обыкновенно, но зато болтали гораздо больше. Докторъ обругалъ Адлера и тотчасъ же переселился въ мѣстечко, то же самое сдѣлалъ и фельдшеръ. Въ полдень и вечеромъ толпа рабочихъ ходила къ дому принципала съ просьбой, чтобы онъ не обижалъ ихъ. При этомъ они плакали, бранились, проклинали, угрожали, но Адлеръ остался невозмутимымъ. Потерявъ пятьдесятъ девять тысячъ рублей по милости сына, онъ долженъ былъ съэкономить ихъ; сбереженія должны были приносить ему отъ пятнадцати до двадцати тысячъ въ годъ. Рѣшеніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть отмѣнено. Наконецъ, зачѣмъ ему отмѣнять его? что грозило ему?

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней фабрика успокоилась. Нѣсколько работниковъ ушли сами, двухъ неспокойныхъ прогнали, а мѣсто ихъ заняли другіе кандидаты, которымъ заработокъ казался очень хорошимъ. Въ то время въ деревняхъ царила нужда, и люди назойливо напрашивались на работу.

Мѣсто фельдшера «временно» занялъ старый рабочій, который, по мнѣнію Адлера, былъ настолько ознакомленъ съ хирургіей, что могъ помочь при какихъ-нибудь легкихъ пораненіяхъ. Въ случаяхъ тяжелыхъ, очень рѣдкихъ, нужно было посылать въ городъ, куда въ одинаковой степени должны были на собственный счетъ отправляться рабочіе, ихъ жены и дѣти.

Итакъ, на фабрикѣ, несмотря на столь важный переворотъ, все было хорошо. Самыя точныя свѣдѣнія показывали Адлеру, что, несмотря на несправедливость, оказанную имъ людямъ, его не встрѣтитъ никакая непріятность, что нѣтъ силы, которая могла бы повре-

дить ему. Только пасторъ Бёме, къ которому фабрикантъ поѣхалъ первый мириться, покачивалъ головою и, поправляя очки, говорилъ:

— Зло порождаетъ зло, мой милый Готлибъ. Ты пренебрегъ воспитаніемъ Фердинанда, значитъ сдѣлалъ зло. Онъ истратилъ твои деньги, и сдѣлалъ еще хуже. Нынѣ ты, опять-таки по тому же поводу, понизилъ заработную плату, и это уже самое горшее. А что изъ этого выйдетъ?

— Ничего!—проворчалъ Адлеръ.

— Не можетъ быть ничего!—отвѣтилъ Бёме, потрясая руками надъ головою.—Всевышній такъ устроилъ міръ, что въ немъ каждая причина должна порождать свои послѣдствія: добрая—добрыя, злая—злыя.

— По крайней мѣрѣ не для меня,—вставилъ фабрикантъ.—Что со мною можетъ быть? Капиталы мои лежатъ въ банкѣ, фабрику мою не сожгутъ, а если бы и сожгли, то она застрахована. Рабочіе меня не бросятъ, потому что на мѣсто однихъ я тотчасъ же найду другихъ, да наконецъ, куда они дѣнутся? Или ты думаешь, что меня убьютъ? Мартинъ, ты думаешь такъ? Ха-ха-ха! Они—меня!—закончилъ гигантъ, хлопая могучими руками.

— Не искушай Бога,—сурово перебилъ его пасторъ и обратилъ разговоръ на другой предметъ.

II.

Исторія Адлера такъ же необыкновенна, какъ и онъ самъ.

Окончивъ курсъ въ начальной школѣ (въ которую онъ ходилъ вмѣстѣ съ теперешнимъ пасторомъ Бёме), Адлеръ научился ткацкому ремеслу и на двадцатомъ году имѣлъ недурной заработокъ. Ужъ и тогда онъ былъ парень краснолицый, сильный, на видъ неуклюжій, а въ сущности обдѣлистый и ловкій, и работать могъ за четверыхъ. Начальство было довольно имъ, хотя онъ имѣлъ недостатокъ—любилъ погулять.

Каждый праздникъ молодой Адлеръ проводилъ обязательно въ какомъ-нибудь увеселительномъ мѣстѣ, въ обществѣ товарищей и женщинъ, потому что имѣлъ много любовницъ. Ѣздили на каруселп, катались, плавали, объѣдались и опивались, а Адлеръ верховодилъ всѣмъ. Веселился онъ такъ страстно, напивался до такой степени, что порою устрашалъ своихъ собутыльниковъ. Но зато въ будничный день онъ и работалъ съ такою же страстностью.

То былъ могучій организмъ, въ которомъ работали только мускулы и нервы, а душа спала. Читать Адлеръ не любилъ, искусства

не понималъ, даже пѣть—и то не умѣлъ. Онъ испытывалъ только потребность тратить избытокъ нагроможденныхъ животныхъ силъ, что и дѣлалъ, не зная ни удержу, ни мѣры.

Изъ человѣческихъ чувствъ въ немъ царило только одно: онъ завидовалъ богатымъ. Ему приходилось слышать, что на свѣтѣ есть большіе города, а въ нихъ прекрасныя женщины, которыхъ можно любить, распивая шампанское вино въ залахъ, сверкающихъ золотомъ и хрусталемъ. Онъ слышалъ, что богатые путешествуютъ по горамъ, на которыхъ можно сломать себѣ шею, или умереть отъ утомленія, и рвался душою къ такимъ горамъ. Если бы онъ былъ богатымъ, то заѣзжалъ бы верховыхъ лошадей; купилъ бы корабль, чтобы исполнять на немъ обязанности матроса; обошелъ бы весь свѣтъ отъ экватора до полюсовъ; таскался бы по полямъ битвъ и купался бы въ человѣческой крови, и при всемъ при этомъ—пилъ и ѣлъ бы самые изысканые напитки и яства и возилъ бы съ собою цѣлый гаремъ.

Но гдѣ ему мечтать о богатствахъ, коли онъ пропускалъ всѣ заработки и еще входилъ въ долги?

Въ это время произошелъ необыкновенный случай.

Въ одномъ изъ фабричныхъ строеній, въ которомъ онъ работалъ, вспыхнулъ пожаръ на второмъ этажѣ. Рабочіе выбѣжали, но не всѣ: двѣ женщины и мальчикъ остались на четвертомъ этажѣ. Хватились ихъ только тогда, когда изо всѣхъ нижнихъ оконъ начали вырываться языки пламени.

Объ оказаніи помощи никто и думать не могъ,—можетъ быть, именно потому владѣлецъ фабрики и крикнулъ рабочимъ:

— Триста талеровъ тому, кто ихъ спасетъ!

Шумъ и говоръ среди толпы усилились. Посыпались совѣты, одни уговаривали другихъ, но никто не брался за спасеніе жертвъ, которые съ отчаянными криками простирали руки къ стоящимъ на землѣ.

Тогда выступилъ Адлеръ. Онъ потребовалъ длинную веревку и лѣстницу съ крючками. Веревкой онъ опоясался и пошелъ въ огонь.

Толпа онѣмѣла, не понимая, какимъ образомъ Адлеръ вскарабкается на четвертый этажъ? На что ему веревка?

Но Адлеръ зналъ, что ему дѣлать. Онъ зацѣпилъ лѣстницу за выдающійся выступъ перваго этажа и вскарабкался туда, какъ кошка. Стоя на выступѣ, онъ зацѣпилъ лѣстницу за выступъ второго этажа и черезъ минуту былъ уже тамъ. Огонь опаливалъ его волоса и одежду, густой дымъ окутывалъ его непроницаемой пеленою, но

онъ карабкался все выше, какъ паукъ повисшій надъ огнемъ и надъ разверстой пропастью.

Когда онъ достигъ четвертаго этажа, толпа крикнула ему «ура!» и начала рукоплескать. Адлеръ прикрѣпилъ лѣстницу къ закраинѣ крыши и съ непонятной ловкостью, онъ, неуклюжій и тяжелый парень, вынесъ по-очереди всѣхъ погибающихъ наверхъ.

Въ одной стѣнѣ зданія не было оконъ. Адлеръ, при помощи веревки, спустилъ по ней спасенныхъ имъ людей, а потомъ спустился и самъ. Когда онъ очутился на землѣ, обожженный, облитый кровью, толпа подхватила его на руки и понесла.

За такое почти безпримѣрное дѣяніе Адлеръ отъ правительства получилъ золотую медаль, отъ фабриканта лучшее мѣсто и обѣщанные триста талеровъ.

Съ тѣхъ поръ въ жизни Адлера наступилъ поворотъ. Увидѣвъ себя обладателемъ такой крупной суммы, онъ почувствовалъ привязанность къ деньгамъ. Не потому, что онъ добылъ ихъ, обрекая себя на смерть, не потому, что они напоминали ему людей, жизнь которыхъ онъ спасъ, а потому, что ихъ было—цѣлыхъ триста талеровъ... Какъ можно было бы погулять съ такою массою денегъ!... Но насколько была бы болѣе блестяща гулянка, если бы была тысяча талеровъ... да и такъ до тысячи недалеко!

Деньги пробудили въ немъ новую страсть. Адлеръ отрекся отъ своихъ привычекъ: сталъ скупымъ и началъ заниматься ростовщичествомъ. Онъ началъ давать товарищамъ деньги на короткій срокъ, но за большіе проценты, а такъ какъ единовременно съ этимъ усиленно работалъ и быстро подвигался впередъ, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ уже не триста, а цѣлыхъ три тысячи талеровъ.

Все это онъ дѣлалъ съ мыслью, что когда соберетъ еще большую сумму, то разгуляется, какъ настоящій богачъ. Но когда сумма возросла, онъ назначилъ себѣ новую границу, къ которой стремился съ такой же энергіей, какъ и къ первой. Въ приближеніи къ идеалу, какимъ представлялось ему наслажденіе жизненными благами, Адлеръ мало-по-малу утрачивалъ инстинкты животной страсти. Гигантскія лы свои онъ растопилъ въ трудѣ, освободился отъ давнихъ мечтаній и думалъ только объ одномъ: о деньгахъ. Въ теченіе нѣкотораго емени онъ считалъ ихъ только средствомъ, а за ними видѣлъ другую цѣль. Но постепенно и это исчезло, и всю душу его наполнили ько двѣ жажды: къ деньгамъ и къ работѣ.

На сороковомъ году онъ имѣлъ уже пятьдесятъ тысячъ талеровъ, анныхъ кровавымъ трудомъ, упорствомъ, необыкновенной лов-

костью и ростовщичествомъ. Въ это самое время онъ переселился въ Польшу, гдѣ, какъ слышалъ, промышленность приноситъ хорошіе проценты. Здѣсь онъ основалъ небольшую ткацкую фабрику, женился на состоятельной женщинѣ, которая родила на свѣтъ одного сына, Фердинада, и затѣмъ умерла, а Адлеръ началъ стремиться къ милліонному состоянію.

Новое отечество оказалось для Адлера истинной землей обѣтованною. Онъ, вымуштрованный въ ткацкомъ ремеслѣ и въ погонѣ за деньгами, очутился среди людей, изъ которыхъ одни давали эксплоатировать себя потому, что не имѣли денегъ, другіе—потому, что деньги пришлись имъ дешево и ихъ было слишкомъ много, третьи—потому, что у нихъ не было надлежащаго соображенія, наконецъ, четвертые—потому, что имъ казалось, что у нихъ соображеніе есть. Адлеръ презиралъ общество, лишенное самыхъ элементарныхъ экономическихъ свойствъ и силы для борьбы, но, познакомившись съ нимъ въ совершенствѣ, нашелъ возможнымъ пользоваться имъ. Состояніе его росло, а люди думали, что къ счастливому фабриканту, помимо его заработковъ, приплываютъ какія-то деньги и изъ Германіи.

Вмѣстѣ съ рожденіемъ Фердинанда въ деревянномъ сердцѣ Адлера пробудилось чувство неизмѣримой отцовской любви. Онъ носилъ на рукахъ осиротѣвшаго ребенка, часто даже на фабрику, гдѣ мальчикъ, напуганный грохотомъ, дѣлался весь синимъ отъ крика. Когда онъ подросъ, отецъ исполнялъ всѣ его желанія, осыпалъ его конфетами, окружалъ его прислугой, вмѣсто игрушекъ давалъ ему золотыя монеты.

Чѣмъ больше развивался ребенокъ, тѣмъ больше отецъ любилъ его. Забавы Фердинанда напоминали ему его собственное дѣтство, пробуждали въ его душѣ какіе-то отголоски давнихъ инстинктовъ и мечтаній. И вотъ Адлеръ, смотря на сына, думалъ, что тотъ за него воспользуется свѣтомъ, извлечетъ истинную пользу изъ его богатства, осуществитъ думы о дальнихъ путешествіяхъ, роскошныхъ пиршествахъ, рискованныхъ предпріятіяхъ...

— Только бы онъ подросъ! — думалъ фабрикантъ,—продамъ фабрику и поѣду съ нимъ путешествовать. Онъ будетъ гулять, а я буду смотрѣть и оберегать его отъ опасности.

Такъ какъ человѣкъ не можетъ дать другимъ больше того, чѣмъ обладаетъ самъ, то Адлеръ далъ сыну желѣзное здоровье, эгоистическія стремленія и непреоборимую склонность къ путешамъ, но высшихъ инстинктовъ въ немъ не развилъ. Ни отецъ, ни сынъ не понимали наслажденій, истекающихъ изъ изслѣдованія истины, не чув-

ствовали красоты ни въ природѣ, ни въ искусствѣ, а людей презирали оба. Съ общественнымъ организмомъ, съ которымъ всякую единицу, сознательно, или безсознательно, соединяютъ тысячи нитей симпатіи и сочувствія, они оба не были ничѣмъ связаны, совершенно свободны. Отецъ больше всего любилъ деньги, а сына еще больше, чѣмъ деньги; сынъ любилъ отца, но такъ же любилъ и самаго себя и тѣ вещи, которыя удовлетворяли его потребностямъ.

Наконецъ, у мальчика были гувернеры и онъ посѣщалъ гимназію, включительно до шестого класса. Онъ научился говорить на нѣсколькихъ языкахъ, танцовать, одѣваться со вкусомъ, ловко болтать. Въ общеніи онъ былъ очень пріятенъ, если ему никто не прекословилъ, остроуменъ, щедро разбрасывалъ деньги. Его повсюду любили, хотя Бѣме, глубже смотрящій на вещи, утверждалъ, что мальчикъ знаетъ мало и находится на дурной дорогѣ.

Фердинандъ въ семнадцать лѣтъ былъ уже донъ Жуаномъ, восемнадцати подвергся исключенію изъ гимназіи, девятнадцати—нѣсколько разъ проигрался въ карты, а однажды выигралъ около тысячи рублей, двадцати же лѣтъ выѣхалъ за границу. Тамъ, несмотря на крупную сумму, выдаваемую ему отцомъ, онъ надѣлалъ около шестидесяти тысячъ долга, чѣмъ—хотя и невольно—способствовалъ къ введенію на фабрикѣ *сбереженія,* за что и отца и сына проклинали тысячи людей.

Во время двухлѣтняго отсутствія изъ дома Фердинандъ изъѣздилъ почти всю Европу, вскарабкивался на Альпійскіе ледники, былъ на Везувіи, одинъ разъ плавалъ даже на воздушномъ шарѣ, проскучалъ двѣ недѣли въ Лондонѣ, гдѣ дома построены изъ краснаго кирпича, а по воскресеньямъ нѣтъ никакихъ удовольствій. Но больше всего и веселѣе всего онъ проводилъ время въ Парижѣ.

Къ отцу онъ писалъ не часто, но какъ только какое-нибудь сильное впечатлѣніе задѣвало его стальные нервы, то онъ сейчасъ же доносилъ объ этомъ старику съ мельчайшими подробностями. Эти письма для Адлера бывали настоящимъ праздникомъ. Онъ перечитывалъ ихъ безъ конца, насыщался каждымъ словомъ, потому что чувствовалъ, что каждое слово воскрешаетъ въ немъ давнишнія и горячія мечтанія.

Плавать на воздушномъ шарѣ, танцовать въ тысячу паръ канканъ въ роскошной парижской залѣ, купать женщинъ въ шампанскомъ, выигрывать или проигрывать на одну карту сотни рублей,—развѣ это не составляло идеаловъ его жизни?... Письма Фердинанда были какъ бы дыханіемъ его собственной молодости и пробуждали въ

немъ не восторгъ, для котораго онъ былъ уже слишкомъ старъ, а новое, до сихъ поръ незнакомое чувство умиленія.

Когда онъ читалъ описаніе кутежей, начертанное сгоряча, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, въ его суровомъ и реальномъ умѣ возникало нѣчто вродѣ поэтической фантазіи. По временамъ онъ даже почти видѣлъ то, что читалъ, но видѣнія тотчасъ же исчезали, спугнутыя ритмическимъ грохотомъ машинъ и шелестомъ ткацкихъ станковъ.

Адлеръ имѣлъ теперь только одну жажду, надежду и вѣру: набрать милліонъ наличными, продать фабрику и съ цѣлою кучей денегъ выѣхать за границу, конечно, вмѣстѣ съ сыномъ.

— Онъ будетъ пользоваться жизнью, а я—смотрѣть на него по цѣлымъ днямъ.

Пастору Бёме вовсе не понравился такой проектъ, достойный развращенныхъ старцевъ Содома или римской имперіи.

— Когда вы исчерпаете всѣ наслажденія и всѣ деньги, что останется вамъ?—спрашивалъ онъ у Адлера.

— Ахъ! такія деньги легко не исчерпываются,—отвѣчалъ фабрикантъ.

III.

День возвращенія Фердинанда былъ назначенъ.

Адлеръ всталъ, какъ всегда, въ пять часовъ утра, а въ восемь пилъ кофе изъ квадратнаго фаянсоваго кубка, на которомъ нѣмецкими буквами было написано: *Mit Gott für König und Vaterland.* Потомъ онъ осмотрѣлъ фабрику, а около одиннадцати выслалъ на станцію желѣзной дороги экипажикъ для сына и бричку для его вещей, затѣмъ онъ усѣлся на крыльцѣ передъ домомъ съ лицомъ попрежнему апатичнымъ и лишеннымъ мысли, хотя отъ времени до времени нетерпѣливо посматривалъ на часы.

День былъ жаркій. На дворѣ благоуханіе резеды и акаціи смѣшивались съ острымъ запахомъ дыма. Небо было чисто, воздухъ спокоенъ.

Адлеръ отиралъ вспотѣвшее лицо и постоянно мѣнялъ позу на желѣзномъ диванѣ, который при каждомъ его движеніи скрипѣлъ, словно отъ боли. Старый фабрикантъ не ѣлъ сегодня мяса въ двѣнадцать часовъ и не пилъ пива изъ большой кружки съ цинковой крышкой, какъ дѣлалъ это неизмѣнно въ теченіе тридцати лѣтъ.

Въ часъ пополудни на дворъ въѣхалъ экипажикъ съ Фердинандомъ и пустая бричка.

Фердинандъ былъ высокій, слегка худощавый, но крѣпко сложенный молодой человѣкъ, блондинъ, со свѣтло-голубыми глазами. На головѣ у него была шотландская шапочка съ двумя лентами, а на плечахъ плащъ съ пелериной безъ рукавовъ.

При видѣ его фабрикантъ выпрямилъ свою гигантскую фигуру, распростеръ руки и закричалъ:

— Ха-ха-ха-ха! Ну, какъ поживаешь, Фердинандъ?

Сынъ выскочилъ изъ экипажика, вбѣжалъ на крыльцо, обнялъ отца и поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

— Развѣ сегодня шелъ дождь? Отчего у тебя панталоны внизу подвернуты?

Отецъ посмотрѣлъ на свои панталоны.

— Какъ этотъ дурень сразу все замѣтитъ!—сказалъ онъ.— Ха-ха! Ну, какъ поживаешь? Іоганъ!—завтракать...

Онъ снялъ съ сына плащъ и дорожную сумку и подалъ ему руку, какъ дамѣ. Входя въ прихожую, онъ еще окинулъ взглядомъ дворъ и спросилъ:

— Отчего бричка пріѣхала пустая?... Отчего ты не взялъ со станціи своихъ вещей?

— Вещей?—отвѣтилъ Фердинандъ.—Ты думаешь, что я женился и таскаю съ собою чемоданы, сундуки и коробки? Мои вещи помѣщаются въ ручномъ саквояжѣ. Двѣ рубашки,—цвѣтная для дороги и бѣлая для гостиной, фрачная пара, несессеръ, галстукъ и нѣсколько паръ перчатокъ. Вотъ и все.

Онъ говорилъ громко, живо, со смѣхомъ, потомъ нѣсколько разъ пожалъ руку отца и продолжалъ:

— А ты какъ поживаешь? Что тутъ слышно? Мнѣ говорили, что ты дѣлаешь блестящія дѣла съ своими миткалями и бумазеями. Но чего же мы стоимъ? Сядемъ.

Завтракъ они съѣли скоро, чокнулись стаканами, а потомъ перешли къ старику въ кабинетъ.

— Я долженъ здѣсь ввести французскій образъ жизни, а прежде всего французскую кухню,—сказалъ Фердинандъ, закуривая сигару.

Отецъ презрительно поморщился.

— На что намъ все это,—отвѣтилъ онъ!—Развѣ у нѣмцевъ) хая кухня?

— Они свиньи!...

— А?—переспросилъ старикъ.

— Я говорю, что нѣмцы свиньи,— съ улыбкою продолжалъ ъ.—Ни ѣсть не умѣютъ, ни веселиться...

— Вотъ что,—перебилъ отецъ,—тогда ты-то кто же такой?

— Я? Я—человѣкъ, космополитъ, или гражданинъ міра.

То, что сынъ называлъ себя космополитомъ, мало интересовало Адлера, но огульное причисленіе нѣмцевъ къ нечистоплотнымъ животнымъ уязвило его.

— Я думалъ, Фердинандъ,—сказалъ онъ,—что за тѣ семьдесятъ девять тысячъ *нѣмецкихъ* рублей, которые ты истратилъ, ты наберешься хоть немного разума.

Сынъ бросилъ сигару на пепельницу и кинулся къ отцу на шею.

— Ахъ, папа, ты превосходенъ! — воскликнулъ онъ, цѣлуя отца.—Какой неоцѣненный образецъ консерватора! Настоящій средневѣковой баронъ! Ну, ну, не хмурься. Дальше!... руки кверху, свирѣпая мина...

Онъ схватилъ его за руку, вытащилъ на середину комнаты, выпрямилъ, какъ рекрута и продолжалъ:

— Съ такою грудью!...—и потрепалъ его по груди.

— Съ такими икрами!...—Фердинандъ ущипнулъ его за икру.

— Если бы у меня была молодая жена, я запиралъ бы ее отъ тебя за рѣшотку. А ты, несмотря на это, все-таки имѣешь смѣлость считать себя солидарнымъ съ теоріями, отъ которыхъ за цѣлую милю несетъ трупомъ? Да чортъ съ ними, съ нѣмцами и съ ихъ кухней!—вотъ лозунгъ, достойный вѣка и людей истинно сильныхъ.

— Сумасшедшій!—проговорилъ до нѣкоторой степени обезоруженный отецъ.—Но чѣмъ же ты сталъ съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть нѣмецкимъ патріотомъ?

— Я?—съ притворной важностью отвѣтилъ Фердинандъ.—Здѣсь я—польскій фабрикантъ; среди нѣмцевъ—польскій шляхтичъ,—Адлеръ *фонъ* Адлерсдорфъ, а среди французовъ—республиканецъ и демократъ.

Таково было первое свиданіе Фердинанда съ отцомъ, такова духовная добыча, пріобрѣтенная за семьдесятъ девять тысячъ за границей. Молодой человѣкъ научился лишь тому, что во всемъ умѣлъ усматривать сторону, дѣлающую жизнь пріятною.

Въ этотъ же самый день отецъ и сынъ поѣхали къ пастору Бѣме. Фабрикантъ представилъ имъ Фердинанда, какъ раскаявшагося грѣшника, который хотя истратилъ много денегъ, но пріобрѣлъ много опытности. Растроганный пасторъ нѣжно обнялъ своего крестника и совѣтовалъ ему идти по слѣдамъ его сына Іозефа, который все трудится и думаетъ трудиться до конца жизни.

Фердинандъ отвѣчалъ, что дѣйствительно только трудъ придаетъ смыслъ существованію человѣка въ обществѣ, и что для него жизнь до сихъ поръ была лишь какимъ-то суетнымъ времяпровожденіемъ,

потому что онъ провелъ молодость среди народа, который кичится своимъ легкомысліемъ и праздностью. Въ концѣ же онъ добавилъ, что одинъ англичанинъ дѣлаетъ столько же, сколько десятокъ французовъ или три нѣмца, вслѣдствіе чего онъ, Фердинандъ, въ послѣднее время преисполнился великаго уваженія къ англичанамъ.

Старикъ Адлеръ былъ изумленъ важностью, искренностью и силою убѣжденія сына, а Бёме замѣтилъ, что молодое пиво должно перебродить и что благопріятная перемѣна, которую онъ своимъ опытнымъ окомъ подмѣчаетъ въ Фердинандѣ, стоитъ даже больше, чѣмъ семьдесятъ съ чѣмъ-то тысячъ рублей.

Послѣ торжественныхъ рѣчей пасторъ, его жена и другъ, засѣли за бутылку рейнскаго вина и начали разговаривать о дѣтяхъ.

— Знаешь, милый Готлибъ,—говорилъ Бёме,—я начинаю удивляться Фердинанду. Изъ такого, съ позволенія сказать, вѣтренника, выработался, какъ я вижу, настоящій мужъ, verus vir. Сужденіе о вещахъ онъ имѣетъ надлежащее, самосознаніе такое же, правила его здоровы...

— О, да!—подтвердила пасторша,—онъ мнѣ совершенно напоминаетъ нашего Іозефа. Помнишь, отецъ, когда Іозефъ былъ въ прошломъ году на вакаціи, то говорилъ объ англичанахъ то же самое, что Фердинандъ? Милое дитя!

И добрая, маленькая жена духовнаго отца вздохнула, поправляя лифъ чернаго платья, сшитаго, должно быть, въ ожиданіи округленія торса.

Тѣмъ временемъ Фердинандъ прогуливался по саду съ хорошенькою Аннетою, восемнадцатилѣтнею дочерью господъ Бёме. Оба знали другъ друга съ ранняго дѣтства, и молодая дѣвушка ласково, даже съ горячностью привѣтствовала давно невиданнаго товарища дѣтскихъ игръ. Они прогуливались какой-нибудь часъ, но такъ какъ день былъ очень жаркій, то у Аннеты разболѣлась голова и она скрылась въ своей комнатѣ, а Фердинандъ возвратился къ компаніи старшихъ. На этотъ разъ онъ говорилъ уже немного, былъ кисель, чему, впрочемъ, никто и не удивлялся (пасторъ съ женою менѣе всѣхъ), потому что для молодого человѣка общество хорошенькой дѣвчонки лучше, чѣмъ компанія самыхъ почтеннѣйшихъ стариковъ.

Когда Адлеры возвратились къ себѣ, Фердинандъ сообщилъ отцу, что завтра ему нужно ѣхать въ Варшаву.

— Зачѣмъ?—крикнулъ отецъ.—Неужели тебѣ нашъ домъ надоѣлъ въ теченіе восьми часовъ?

— Нисколько. Но только имѣй въ виду, что мнѣ нужно бѣлье, оде-

жда, наконецъ, экипажъ, въ которомъ можно было бы дѣлать визиты сосѣдямъ.

На отца однако эти доводы убѣдительно не подѣйствовали. Старикъ сказалъ, что въ Варшаву за бѣльемъ можетъ ѣхать экономка, а относительно экипажа онъ напишетъ самъ къ знакомому каретнику. Съ платьемъ дѣло было и нѣсколько труднѣй, но во всякомъ случаѣ рѣшили послать портному фрачную пару, чтобы онъ сдѣлалъ что нужно по присланному образцу.

Фердинандъ сдѣлался еще болѣе кислымъ.

— Нѣтъ ли у тебя на конюшнѣ какой-нибудь верховой лошади?

— На что мнѣ она?—отвѣтилъ фабрикантъ.

— Не знаю, на что она тебѣ, но я долженъ имѣть ее и надѣюсь, что ты мнѣ хоть въ этомъ, по крайней мѣрѣ, не откажешь.

— Очень понятно.

— Я хотѣлъ, именно, завтра утромъ поѣхать въ мѣстечко и узнать, нѣтъ ли гдѣ-нибудь по сосѣдству хорошей продажной лошади. Я думаю, что ты мнѣ и въ этомъ не откажешь.

— Очень понятно.

На другой день Фердинандъ уже въ десять часовъ утра выѣхалъ въ мѣстечко, а спустя нѣсколько минутъ на дворѣ господскаго дома показался Бёме съ своей бричкой и лошадкой. Пасторъ казался необыкновенно оживленнымъ и быстро пробѣжалъ въ комнаты. Между его маленькими бакенбардами и нѣсколько длиннымъ носомъ горѣлъ неестественно яркій румянецъ.

Едва завидѣвъ Адлера, онъ крикнулъ:

— Дома твой Фердинандъ?

Адлеръ удивился, замѣтивъ, что голосъ пастора дрожитъ.

— Чего ты хочешь отъ Фердинанда?—спросилъ онъ.

— Ничего хорошаго... бездѣльникъ!—такъ же громко продолжалъ Бёме.—Знаешь, что онъ вчера сказалъ нашей Аннетѣ?

По минѣ фабриканта было видно, что онъ ничего не знаетъ, и, мало того, ни о чемъ не догадывается.

— Такъ вотъ,—продолжалъ пасторъ, все болѣе и болѣе волнуясь,—онъ просилъ ее...

На этомъ мѣстѣ онъ оборвался.

— Что за безстыдство!... какая неприличность!...

— Что съ тобою, Мартинъ?—спрашивалъ обезпокоенный Адлеръ.—Что сказалъ Фердинандъ?

— Онъ сказалъ... чтобы она отворила ему ночью окно въ св комнату!...

И бѣдный пасторъ, въ избыткѣ негодованія, бросилъ на полъ свою панамскую шляпу.

Адлеръ о вещахъ, не имѣющихъ связи съ фабрикаціей и продажей хлопчатобумажныхъ тканей, думалъ очень медленно. Его сердце не обладало нитками, способными тотчасъ же понять, какое оскорбленіе было нанесено дѣвушкѣ, зато въ немъ жило чувство пріязни къ пастору. И на этомъ основаніи Адлеръ, разсуждая обо всемъ флегматично, пришелъ къ заключенію, что если бы дѣвушка послушалась совѣта Фердинанда, то его сынъ долженъ былъ бы жениться на ней.

Конечно, долженъ былъ бы жениться... Старикъ другого выхода не понималъ.

Отлично! Фердинандъ, спустя нѣсколько часовъ по прибытіи домой, черезъ нѣсколько минутъ послѣ блестящей рѣчи объ исправленіи, сталъ въ такое положеніе, что онъ, сынъ милліонера, долженъ соединиться съ дѣвушкой безъ приданаго, съ дочерью пастора? Онъ долженъ жениться?... Онъ, который долженъ былъ наслаждаться подъ надзоромъ отца, пользоваться свѣтомъ, деньгами, молодостью и ничѣмъ не стѣсняемой свободой?

И лишь тогда, когда нервный Бöме наговорился, накричался и остылъ, гнѣвъ вспыхнулъ и въ Адлерѣ. Въ старомъ ткачѣ проснулся тигръ.

— Ахъ, негодяй!—крикнулъ онъ.—Недѣлю тому назадъ я заплатилъ за него пятьдесятъ восемь тысячъ рублей, сегодня онъ снова вытягиваетъ у меня деньги и еще какія исторіи устраиваетъ!

Онъ поднялъ обѣ руки кверху и потрясалъ ими, какъ Моисей, когда тотъ бросалъ каменныя скрижали на головы поклонниковъ золотого тельца.

— Палкой изобью этого мерзавца!—рычалъ фабрикантъ.

Видя его неистовство и понимая, что палка въ рукахъ Адлера можетъ вызвать очень печальныя послѣдствія, пасторъ окончательно смягчился.

— Милый Готлибъ,—сказалъ онъ,—это ужъ совсѣмъ лишнее. Предоставь дѣло одному мнѣ, а я попрошу Фердинанда, чтобы онъ или совсѣмъ обходилъ нашъ домъ, или велъ бы себя въ немъ прично и по христіански.

— Іоганъ!—загремѣлъ фабрикантъ, а когда слуга показался въ еряхъ, добавилъ громкимъ голосомъ:—Сейчасъ же послать въ мѣечко за Фердинандомъ. Палкой изобью этого мерзавца!

Слуга смотрѣлъ на барина, удивленный и устрашенный. Пасторъ, ако, многозначительно моргнулъ, и догадливый Іоганъ вышелъ ъ.

— Милый Готлибъ!—говорилъ Бёме.—Фердинандъ слишкомъ великъ, чтобы его бить палкою, или даже обрушиться на него съ особымъ гнѣвомъ. Непомѣрная суровость не только не исправитъ его, но, скажу тебѣ, можетъ довести его до отчаянія и... до покушенія на собственную жизнь. Онъ мальчикъ самолюбивый.

Замѣчаніе это во мгновеніе ока подѣйствовало на Адлера. Старикъ широко раскрылъ глаза и упалъ въ кресло.

— Что ты говоришь, Мартинъ?—спросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Іоганъ, графинъ воды!

Іоганъ принесъ воду, фабрикантъ жадно выпилъ ее и мало-помалу началъ успокаиваться. Онъ уже не требовалъ, чтобы посылали за Фердинандомъ.

— Да! Этотъ сумасшедшій можетъ все сдѣлать,—шепталъ ткачъ и, совершенно угнетенный, поникъ головою на грудь.

Громадный и энергичный старикъ въ эту минуту ясно понялъ, что его сынъ на дурной дорогѣ, съ которой его нужно было бы свести. Но какимъ образомъ? Онъ и самъ не зналъ.

Пасторъ замѣтилъ, что наступилъ часъ, когда его увѣщанія могутъ оказать рѣшительное вліяніе на тактику фабриканта по отношенію къ сыну, а значитъ и на исправленіе легкомысленнаго молодого человѣка. Въ одну минуту, при помощи свойственныхъ ему быстрыхъ комбинацій, онъ составилъ подобающую рѣчь, призвалъ на помощь Бога и... Наскоро запустилъ руку въ лѣвый карманъ панталонъ, а другою рукою ощупалъ правый карманъ. Потомъ онъ началъ ревизовать задніе карманы сюртука, наконецъ, внутренніе и неспокойно завертѣлся на мѣстѣ.

— Чего тебѣ нужно, Мартинъ?—спросилъ Адлеръ, замѣтивъ сложныя движенія пастора.

— Опять куда-то засунулъ очки!—шепнулъ огорченный Бёме.

— Да очки у тебя на лбу!

— Правда!—крикнулъ пасторъ, обѣими руками хватаясь за оптическій снарядъ.—Что за разсѣянность!... что за смѣшная разсѣянность!

Онъ снялъ со лба очки и вынулъ желтый фуляровый платокъ, чтобы протерѣть запотѣвшія стекла.

Единовременно съ этимъ вошелъ фабричный бухгалтеръ съ депешей, прочтя которую, Адлеръ заявилъ пріятелю, что долженъ оставить его и идти въ контору отдать распоряженія, не терпящія отлагательства. При этомъ онъ просилъ пастора остаться обѣдать, но у Бёме были свои дѣла и онъ уѣхалъ, такъ-таки не научивши фабри-

канта, какъ онъ долженъ поступать съ сыномъ, дабы навести его на путь истинной и христіанской жизни.

Фердинандъ возвратился домой поздно вечеромъ въ брилліантовомъ настроеніи духа. Ища отца по разнымъ комнатамъ, онъ оставлялъ всѣ двери открытыми, стучалъ въ тактъ палкою по столамъ и напѣвалъ сильнымъ, хотя и фальшивымъ баритономъ:

Allons, enfants de la patrie,
Le Jour de la gloire est arrivé...

Дойдя до кабинета, онъ остановился передъ отцомъ въ шотландской шапочкѣ, державшейся на затылкѣ, да и то надвинутой на бекрень, въ разстегнутой жилеткѣ, разгоряченный и издающій запахъ вина. Въ глазахъ у него горѣли искры веселья, не стѣсняемаго холоднымъ разсудкомъ. Когда въ своей пѣснѣ онъ дошелъ до словъ

Aux armes, citoyens!...

то впалъ въ такое неистовство, что взмахнулъ палкой раза два надъ главою даровавшаго ему жизнь.

Старикъ Адлеръ не привыкъ, чтобы надъ его головою размахивали палкою. Онъ вскочилъ съ кресла и, грозно смотря на сына, крикнулъ:

— Ты пьянъ, мерзавецъ!

Фердинандъ отступилъ на шагъ назадъ.

— Папа,—холодно сказалъ онъ,—я прошу не называть меня мерзавцемъ. Если я наслушаюсь такихъ словъ дома, то потомъ на меня не произведетъ никакого впечатлѣнія, если кто-нибудь посторонній назоветъ такъ самого меня или моего отца... Человѣкъ привыкаетъ ко всему.

Холодный тонъ и ясное изложеніе произвели впечатлѣніе на ткача.

— Ты бездѣльникъ!—отозвался онъ черезъ минуту.—Сбиваешь съ толку дочь Бёме.

— Что же ты хочешь, чтобы я сбивалъ съ толку пасторшу?—спросилъ изумленный Фердинандъ.—Старая бабища, кожа да кости!

— Ну, безъ остротъ!—обрушился на него отецъ.—Пасторъ лишь что былъ у меня и заявилъ, чтобы ты не осмѣлился и заглядывать къ нему въ домъ. Онъ знать тебя не хочетъ!

Фердинандъ бросилъ шапку и трость на какіе-то фабричные доклады, бросился на диванъ, вытянулся во всю длину, а подъ голову подложилъ руки.

— Вотъ напугалъ меня Бёме!—сказалъ онъ смѣясь.—Онъ сдѣлалъ мнѣ огромное одолженіе, если освободитъ отъ скучнѣйшихъ

визитовъ. Это какія-то чудовища! Старикъ думаетъ, что живетъ среди людоѣдовъ и вѣчно хочетъ кого-то обращать въ христіанскую вѣру, или радуется обращенію кого-то. У старухи въ головѣ вода, по которой вѣчно плаваетъ ея ученый слизнякъ—Іозефъ. А барышня—святая, точно алтарь, на которомъ только однимъ пасторамъ дозволяется совершать таинства. Родитъ двухъ дѣтей и высохнетъ, какъ мать, а тогда—поздравляю ея супруга! Что онъ будетъ дѣлать съ такимъ сокровищемъ?... Скучные люди!... Отвратительные педанты!...

— Педанты, педанты!—перебилъ отецъ.—Съ ними ты не пустилъ бы на вѣтеръ въ теченіе двухъ лѣтъ семидесяти девяти тысячъ рублей.

Какъ разъ въ эту именно минуту Фердинандъ хотѣлъ было зѣвнуть, но не зѣвнулъ, сѣлъ на диванѣ, не спуская съ него ногъ, и съ упрекомъ посмотрѣлъ на отца.

— Папа, я вижу, что ты никогда не забудешь этихъ нѣсколькихъ тысячъ рублей,—сказалъ онъ.

— Конечно, не забуду!—крикнулъ отецъ.—Можетъ ли это быть, чтобы человѣкъ, имѣющій разумъ, растратилъ такую уйму денегъ чортъ знаетъ на что? Я тебѣ еще вчера хотѣлъ сказать то же самое.

Фердинандъ чувствовалъ, что отецъ сердится не искренно. Онъ спустилъ ноги на полъ, ударилъ рукой по колѣнамъ и началъ говорить:

— Папа, поговоримъ хоть разъ въ жизни, какъ люди разумные, потому что я вижу, что ты все еще считаешь меня ребенкомъ.

— Сумасшедшій ты, вотъ что!—проворчалъ отецъ, котораго важность сына затронула за сердце.

— Такъ вотъ, папа,—продолжалъ сынъ,—какъ человѣкъ, глубоко смотрящій на вещи, ты понимаешь, хотя признаться въ этомъ не хочешь, что я таковъ, какимъ меня сдѣлала природа и нашъ родъ. Нашъ родъ слагался изъ единицъ, не похожихъ на пастора или его сына. Родъ нашъ когда-то назвали *Адлерами,* не лягушками, не раками, а существами, обладающими натурою орловъ. Родъ нашъ, даже въ физическомъ отношеніи, слагается изъ людей огромнаго роста и въ ряду своемъ можетъ похвастаться единицей, которая десятью пальцами добыла милліоны и завоевала великолѣпное положеніе въ чужомъ краю. Значитъ, нашъ родъ имѣетъ силу, имѣетъ фантазію...

Съ фальшивымъ ли или съ истиннымъ увлеченіемъ говорилъ это Фердинандъ, но отецъ съ волненіемъ слушалъ его.

— Чѣмъ же я виноватъ,—говорилъ молодой человѣкъ, постепенно возвышая голосъ,—что отъ предковъ я унаслѣдовалъ силу и

фантазію? Я долженъ жить, двигаться и дѣйствовать больше, чѣмъ какіе-нибудь *Штейны, Блюмы* и обыкновенные *Фогели*, потому что я—*Адлеръ*. Мнѣ тѣснаго угла недостаточно, мнѣ нуженъ свѣтъ. Моя сила требуетъ великихъ преградъ, для того, чтобы преодолѣть ихъ, тяжелыхъ условій существованія или безумной расточительности, иначе я лопнулъ бы... Люди моего темперамента потрясаютъ государствами или становятся преступниками... Бисмаркъ, прежде чѣмъ разбить Австрію и Францію, разбивалъ пивныя кружки о лбы филистеровъ, былъ тѣмъ, чѣмъ я теперь... А я, чтобы выплыть наверхъ и быть настоящимъ *Адлеромъ*, долженъ найти соотвѣтственныя условія. Въ настоящее время я живу не въ своемъ мірѣ. Мнѣ нечѣмъ занять вниманія, не на что употребить силу, поэтому я и кучу́, долженъ кутить, иначе я издохъ бы, какъ орелъ въ клѣткѣ... У тебя въ жизни были свои цѣли: ты повелѣвалъ сотнями людей, пускалъ въ ходъ машины, вырывалъ деньги изъ чужихъ рукъ. У меня и этого удовольствія нѣтъ. Что же я буду дѣлать?

— А кто же тебѣ мѣшаетъ заниматься фабрикой, управлять людьми и увеличивать капиталъ?—спросилъ отецъ.—Во всякомъ случаѣ это было бы лучше, чѣмъ постоянный кутежъ, который пожираетъ множество денегъ.

— Съ наслажденіемъ!—воскликнулъ Фердинандъ, вскакивая на ноги.—Уступи мнѣ часть своей власти и я завтра же примусь за работу. Я чувствую въ ней потребность... Въ работѣ, но только въ тяжелой работѣ развернулись бы мои крылья. Такъ ты поручаешь мнѣ надзоръ надъ фабрикой? Я завтра же примусь за дѣло, а то меня мучаетъ такая пустая жизнь.

Если бы у Адлера въ распоряженіи было бы хотя немного слезъ, то онъ заплакалъ бы отъ радости, но теперь онъ ограничился только тѣмъ, что нѣсколько разъ пожалъ руку сына, который превзошелъ всѣ его ожиданія.

Фердинандъ хочетъ управлять фабрикою! Какое счастіе! Черезъ нѣсколько лѣтъ состояніе ихъ удвоится, а тогда, обративши его въ капиталъ, они оба поѣдутъ путешествовать, искать болѣе широкихъ горизонтовъ для молодого орленка.

Фабрикантъ плохо спалъ въ эту ночь.

На другой день Фердинандъ дѣйствительно пошелъ на фабрику ачалъ осматривать всѣ отдѣленія. Рабочіе смотрѣли на него съ опытствомъ, наперерывъ другъ передъ другомъ давали ему объенія и исполняли его приказанія. Веселый и ласковый молодой вѣкъ, въ сравненіи съ своимъ грознымъ отцомъ, производилъ на хорошее впечатлѣніе.

Несмотря на все это, около десяти часовъ утра въ контору пришелъ одинъ изъ подмастерьевъ съ жалобою, что барчукъ пристаетъ къ его женѣ, и что среди работающихъ женщинъ держитъ себя непозволительно.

— Это уже глупо!—проворчалъ Адлеръ.

Спустя часъ послѣ него прибѣжалъ главный мастеръ прядильной, испуганный и негодующій.

— Господинъ хозяинъ!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Адлеру.—Панъ Фердинандъ узналъ, что рабочимъ понизили плату и подбиваетъ ихъ, чтобы они оставили фабрику. Повторяетъ онъ это во всѣхъ залахъ и разсказываетъ еще и другія неслыханныя вещи.

— Съ ума, что ли, сошелъ этотъ болванъ?—крикнулъ старикъ, тотчасъ же послалъ за сыномъ и самъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу.

Столкнулись они возлѣ складовъ. У Фердинанда въ зубахъ была зажженная сигара.

— Что... ты куришь сигару на фабрикѣ? Брось сейчасъ же!— и онъ затопалъ ногами.

— Какъ, развѣ мнѣ и курить нельзя?—спросилъ Фердинандъ.— Мнѣ, мнѣ?

— Никому не дозволяется курить въ предѣлахъ фабричныхъ стѣнъ!—гремѣлъ Адлеръ.—Ты у меня все достояніе пустишь на вѣтеръ, ты моихъ людей бунтуешь. Убирайся отсюда вонъ!

Такъ какъ это обстоятельство имѣло много свидѣтелей, то Фердинандъ обидѣлся.

— О!—воскликнулъ онъ,—если ты думаешь третировать меня такимъ образомъ, то баста! Даю честное слово, что отнынѣ не переступлю порога фабрики. Съ меня и дома достаточно такихъ удовольствій.

Онъ затопталъ сигару и пошелъ домой, не посмотрѣвъ даже на отца, который тяжело отдувался, разгнѣванный, а до нѣкоторой степени и пристыженный.

Когда они сошлись во второй разъ за обѣдомъ, то старикъ сказалъ:

— Ну, избавь меня отъ своей помощи. Я буду выплачивать тебѣ триста рублей въ мѣсяцъ, дамъ тебѣ экипажъ, лошадей, прислугу и дѣлай, что хочешь, только не ходи на фабрику.

Фердинандъ оперся локтями на столъ, опустилъ подбородокъ на руки и заговорилъ:

— Папа, поговоримъ, какъ люди разсудительные. Я въ этомъ домѣ понапрасну свою жизнь тратить не могу. Я до сихъ поръ не сообщалъ тебѣ, что мнѣ угрожаетъ ужасная болѣзнь,—*сплинъ*, и

что доктора приказали мнѣ избѣгать скуки. Тѣмъ временемъ жизнь у насъ очень однообразная, и я начинаю впадать въ тоску. Я не хочу огорчать тебя, но если ты приговариваешь меня къ смерти...

Отецъ испугался.

— Да вѣдь я тебѣ, сумасшедшій, даю триста рублей въ мѣсяцъ!—крикнулъ онъ.

Фердинандъ махнулъ рукою.

— Ну, наконецъ, четыреста...

Сынъ грустно покачалъ головою.

— Шестьсотъ, чортъ побери!— загремѣлъ Адлеръ, ударяя кулакомъ по столу.—Больше я не могу, потому что фабричныя сбереженія натянуты, какъ струна. Ты доведешь до банкротства.

— Чтожъ! попробую жить на шестьсотъ рублей въ мѣсяцъ,— отвѣтилъ сынъ.—О, если бы не моя болѣзнь!

Бѣдняжка зналъ, что съ такими деньгами ѣхать въ Варшаву и думать нечего. Но здѣсь, въ провинціи, онъ могъ быть царькомъ мѣстной золотой молодежи, и на этомъ пока ограничился.

То былъ молодой человѣкъ для своихъ лѣтъ разсудительный.

Съ этого дня Фердинандъ началъ снова кутить, правда, въ болѣе узкихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Прежде всего онъ сдѣлалъ визиты окрестнымъ помѣщикамъ. Болѣе важные не приняли его совсѣмъ, или приняли холодно, но визита не отдали, потому что старикъ Адлеръ не пользовался въ окрестностяхъ хорошей репутаціей, молодого же считали шалопаемъ.

Несмотря на то, Фердинанду удалось завязать сношенія съ нѣсколькими молодыми и пожилыми панами, такого же стиля, какъ и онъ. Онъ навѣщалъ ихъ, съѣзжался съ ними въ мѣстечкѣ, или шумно принималъ въ домѣ отца, погребъ и кухня котораго въ короткое время пріобрѣли большую популярность.

Во время такихъ торжествъ старый фабрикантъ убѣгалъ изъ дома. Правда, ему льстили титулы и положеніе нѣкоторыхъ друзей Фердинанда, но вообще онъ не долюбливалъ ихъ и часто говаривалъ бухгалтеру:

— Если бы сложить вмѣстѣ долги этихъ господъ, то рядомъ можно было бы построить три такихъ фабрики, какъ наша.

— Превосходное общество?—шепталъ униженный бухгалтеръ.

— Шуты!—отвѣчалъ Адлеръ.

— Я именно въ этомъ значеніи и говорю,—добавлялъ бухгалтеръ, покорно и вмѣстѣ съ тѣмъ язвительно улыбаясь изъ-подъ зеленаго зонтика.

Цѣлыя ночи Фердинанда проходили въ картежной игрѣ и въ

пьянствѣ. Имѣлъ онъ любовныя приключенія и завоевалъ себѣ великую славу. А на фабрикѣ тѣмъ временемъ рабочихъ угнетали различнаго рода сбереженія. Взимались штрафы за опозданіе, за разговоры во время работы, за порчу, иногда несущественную, а тѣхъ, которые не умѣли считать, такъ и просто обсчитывали. Служащіе и рабочіе проклинали хозяина и его сынка, распущенность котораго не только всѣ видѣли, но, что еще хуже,—они сами должны были оплачивать.

IV.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ здѣшнихъ мѣстахъ проживалъ состоятельный шляхтичъ, котораго сосѣди называли «чудакомъ». Дѣйствительно, то былъ совсѣмъ особенный человѣкъ. Онъ такъ и остался неженатымъ, хотя его сватали до поздней старости, не кутилъ, и—что составляло самое позорное пятно его жизни—забавлялся обученіемъ мужиковъ.

Онъ открылъ начальную школу, въ которой дѣти прежде всего обучались чтенію, письму, Закону Божьему, счету, а также сапожному и портняжному ремеслу. Каждый мальчишка долженъ былъ умѣть шить сапоги, поддевки, рубахи, шапки, шляпы, и это составляло начало образованія. Потомъ онъ пригласилъ садовника, а потомъ кузнеца, слесаря, столяра и колесника. И опять-таки всякій воспитанникъ, который постигъ сапожное и портняжное ремесло, долженъ былъ обучаться огородничеству, кузнечному и слесарному дѣлу, а на-ряду съ этимъ ариѳметикѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, геометріи и рисованію.

Баринъ самъ преподавалъ имъ географію и исторію, читалъ научныя книжки и разсказывалъ множество анекдотовъ, изъ которыхъ постоянно вытекало нравоученіе, что нужно быть работящимъ, добросовѣстнымъ, разумнымъ, терпѣливымъ, бережливымъ и обладать еще множествомъ достоинствъ, чтобы стать настоящимъ человѣкомъ.

Окрестные господа шипѣли на него, что онъ портитъ мужиковъ, а спеціалисты издѣвались надъ нимъ, что онъ обучаетъ дѣтей всѣмъ ремесламъ. Но онъ на эти упреки только пожималъ плечами и твердилъ, что если бы на свѣтѣ было много Робинзоновъ, которые смолоду познакомились бы со всѣми ремеслами, то было бы гораздо меньше людей ограниченныхъ, праздношатающихся и невольниковъ, прикованныхъ къ одному мѣсту.

— Наконецъ,—говорилъ чудакъ,—таковъ мой капризъ, если хотите. Вамъ дозволяется выводить извѣстныя породы собакъ и лошадей, да будетъ и мнѣ позволено выводить извѣстную породу людей.

Шляхтичъ умеръ внезапно. Имущество послѣ него наслѣдовали родственники, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прокутили его, а о школѣ всѣ забыли. Но школа выпустила нѣкоторое число единицъ большой цѣны, экономической, умственной и моральной, хотя ни одна изъ нихъ не заняла выдающагося положенія.

Духъ шляхтича долженъ былъ радоваться въ небесахъ направленію своихъ воспитанниковъ на землѣ, да онъ и не воспитывалъ изъ нихъ геніевъ, а только полезныхъ обывателей средняго размѣра, какихъ всегда недостаетъ извѣстному обществу.

Однимъ изъ воспитанниковъ покойника былъ Казимиръ Гославскій. И онъ смолоду обучался разнымъ ремесламъ, но возлюбилъ больше всего слесарное и кузнечное. На-ряду съ этимъ онъ могъ начертить планъ машины и постройки, разобрать запутанный счетъ, изготовить деревянную модель для отливки, а въ случаѣ нужды—сшить себѣ поддевку и сапоги. Гославскій, чѣмъ больше жилъ, тѣмъ больше и яснѣе понималъ методъ своего учителя и понималъ такъ же практическое достоинство его нравоучительныхъ анекдотовъ. Воспоминаніе о немъ онъ хранилъ, какъ святыню, и вмѣстѣ съ женой и четырехлѣтней дочкой каждый день молился за своего благодѣтеля, чуть ли не горячѣе, чѣмъ за собственныхъ родителей.

Гославскій уже семь лѣтъ работалъ въ механическомъ отдѣленіи фабрики Адлера, зарабатывалъ по два, а то и по три рубля въ день, и, по правдѣ сказать, былъ душою своего отдѣленія. Околачивался тамъ какой-то главный механикъ, нѣмецъ, получавшій полторы тысячи въ годъ, но тотъ больше занимался фабричными сплетнями, чѣмъ механикой.

Дѣло простое—для поддержанія важности механикъ отдавалъ рабочимъ приказанія и объяснялъ имъ что-то, но такимъ образомъ, что его никто не понималъ и не слушалъ. Для фабрики это было счастіе, потому что если бы идеи механика надлежащимъ образомъ облекались въ сталь, желѣзо и дерево, то большая часть машинъ, при первой порчѣ, должны были бы идти въ ломъ или подъ котелъ.

Но лишь Гославскій ознакамливался съ машиною, уяснялъ себѣ, въ чемъ состоитъ поломка, дѣлалъ планъ исправленія, а главное,— [illegible]а самъ прикладывалъ къ ней руки, машина вновь начинала идти [illegible]шо. Не одинъ разъ этотъ простой слесарь переиначивалъ однѣ [illegible]и машины на другія, порою дѣлалъ изобрѣтенія, но объ этомъ [illegible] не зналъ. Если бы узнали, то изобрѣтеніе было бы записано [illegible]етъ генія главнаго механика, который постоянно гордился ра[illegible]ми, какія дѣлалъ за границей и твердилъ, что только въ темной [illegible] онъ не можетъ создавать ничего новаго и подняться до по-

ложенія директора нѣсколькихъ фабрикъ. Какихъ?—вопросъ не въ томъ. Человѣкъ этотъ былъ увѣренъ, что можетъ управлять всѣмъ: фабрикой локомотивовъ и пудретной фабрикой,—только не въ Польшѣ,—гдѣ полетъ его генія связывали дикость рабочихъ, климатъ и тому подобныя препятствія.

У Адлера были достаточно зоркіе глаза, чтобы онъ не увидалъ настоящей цѣнности Гославскаго и неспособности начальника мастерской, но такъ какъ Гославскій казался ему не безопаснымъ, какъ матеріалъ для самостоятельнаго хозяина, а главный механикъ былъ превосходнымъ сплетникомъ, то перваго онъ держалъ въ тѣни, а другого на видномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, всѣ были удовлетворены, а міръ даже и не догадывался, что знаменитая фабрика держится головою «eines dummen polnischen Arbeiters».

Гославскій былъ средняго роста. Когда онъ съ засученными рукавами, склонившись, работалъ за верстакомъ, то казался обыкновеннымъ рабочимъ, съ грубыми руками, съ немного выгнутыми ногами. Но когда онъ бросалъ взглядъ изъ-подъ темныхъ волосъ, которые падали ему на лобъ, можно было догадаться, что это духовно развитой человѣкъ. Его худощавое и блѣдное лицо обличало нервную организацію, а спокойные, мыслящіе, сѣрые глаза,—власть разсудка надъ темпераментомъ.

Говорилъ онъ ни много, ни мало, не особенно тихо, но и не особенно громко, оживлялся, но не впадалъ въ увлеченіе и умѣлъ слушать, смотря при этомъ пытливо и разумно въ глаза говорящаго. Только фабричныя сплетни онъ слушалъ, не отрываясь отъ работы, «потому что,—какъ говорилъ онъ,—ни на что это не нужно», зато прерывалъ самую неотложную работу, чтобы выслушать какое-нибудь объясненіе, входящее въ его спеціальность. Отъ товарищей онъ держался нѣсколько въ сторонѣ, хотя былъ расположенъ къ нимъ, совѣты давалъ охотно, даже самъ помогалъ въ мелкихъ работахъ, но самъ помощи ни у кого не просилъ,—не смѣлъ просить, потому что чужія знанія и время уважалъ такъ же, какъ чужія деньги.

Цѣлью его жизни было—основать собственное кузнечно-слесарное заведеніе. Объ этомъ онъ думалъ постоянно и для этого главнымъ образомъ откладывалъ часть заработковъ. Деньги онъ держалъ дома, взаймы другимъ давать не любилъ, скорѣе предпочиталъ подарить злотый-другой. Но скупымъ онъ не былъ. Оба они съ женой имѣли приличную одежду, питались скромно, но тоже прилично, а самъ Гославскій не стѣснялся выпить въ воскресенье кружку пива или рюмку водки.

Живя такимъ образомъ, онъ скопилъ около полутора тысячъ ру-

блей и черезъ знакомыхъ вывѣдывалъ, не отдастъ ли кто-нибудь изъ помѣщиковъ въ своемъ имѣніи ему помѣщеніе подъ заведеніе? Взамѣнъ за это Гославскій отдавалъ бы предпочтеніе работамъ по господскому двору.

Помѣщики иногда входили въ такія соглашенія съ разными мастерами, и Гославскій даже присмотрѣлъ такое мѣсто, но только съ Михайлова дня.

Заработки его на фабрикѣ были довольно непостоянны. Когда приходилось дѣлать какую-нибудь новую вещь,—а Гославскій въ этомъ случаѣ бывалъ незамѣнимъ,—ему очень хорошо платили поштучно, но когда онъ надѣлаетъ нѣсколько штукъ и научитъ другихъ, плату понижали до половины, до четвертой, иногда даже до десятой части. Тогда для уравненія заработка онъ просиживалъ на фабрикѣ по нѣсколько лишнихъ часовъ, приходилъ раньше и уходилъ позже.

Когда другіе жаловались, что хозяинъ обижаетъ всѣхъ, Гославскій обыкновенно отвѣчалъ:

— И съ нимъ то же самое дѣлали, нечему тутъ удивляться!

Но иногда и онъ терялъ терпѣніе и шепталъ сквозь стиснутые зубы:

— Разбойникъ швабъ!

Жена, чтобы оказать ему облегченіе, тоже хотѣла ходить на фабрику, но онъ обругалъ ее:

— Присматривай лучше за ребенкомъ и за обѣдомъ. Заработаешь на фабрикѣ два злота, а въ домѣ за это время пропадетъ на цѣлый рубль.

Онъ зналъ, что жена его могла бы заработать и больше, а домъ потерялъ бы меньше, но онъ былъ человѣкъ самолюбивый и не хотѣлъ, чтобы будущая пани хозяйка занималась одинаковымъ дѣломъ съ простыми работницами.

Мужъ онъ былъ хорошій, порою ворчалъ, что обѣдъ приготовленъ плохо, или поданъ поздно, что ребенокъ запачканъ въ грязи, что бѣлье не отмыто отъ краски, но никогда не ругался и даже не возвышалъ голоса, какъ другіе. Каждое воскресенье онъ ходилъ съ женою за двѣ версты въ костёлъ, а если день былъ погожій, то бралъ дочку и несъ ее на рукахъ.

Какъ только ему не приходилось бывать въ городѣ, онъ всегда привозилъ гостинецъ, или бублики, или пряникъ, женѣ тесемку, ленту, нитки, или сахаръ и чай.

Дочку онъ любилъ и нянчился съ нею, но грустилъ, что у него нѣтъ сына.

— Что за радость въ дѣвчонкѣ?—говаривалъ онъ не разъ.— Воспитывай ее для другихъ, да еще доплачивать нужно, чтобы ее взяли. А сынъ—подпора на старость, онъ могъ бы и мастерскую продолжать вести.

— Ты сначала мастерскую-то заведи, а сынъ будетъ,—отвѣчала ему жена.

— И-и-и!... ты мнѣ это говоришь вотъ уже три года. Не видать мнѣ видно отъ тебя утѣшенія,—заканчивалъ слесарь.

Оказалось, что жена не напрасно похвалялась и на шестомъ году брачной жизни, именно въ то время, когда молодой Адлеръ возвратился изъ-за границы, родила сына. Слесарь былъ въ неописуемомъ восторгѣ, на крестины опредѣлилъ тридцать рублей, а женѣ сдѣлалъ новое платье, не считая расходовъ, которые были вызваны родинами. Изъ сбереженныхъ денегъ убыло около ста рублей, и Гославскій рѣшилъ покрыть эту недостачу до Михайлова дня.

Къ несчастію, на фабрикѣ приступлено было къ *сбереженіямъ*. На этотъ разъ Гославскій ругался наравнѣ съ другими, но зато работалъ съ удвоеннымъ усердіемъ. Приходилъ онъ на фабрику въ пять часовъ утра, возвращался домой часто въ одиннадцать вечеромъ, такой измученный и сонный, что иногда даже не поздоровается съ женою, не поцѣлуетъ дѣтей, а свалится одѣвшись на постель и заснетъ какъ камень.

Такое необычайное усердіе сердило его товарищей. Ближайшій другъ слесаря, Жалиньскій, который завѣдывалъ паровою машиною, человѣкъ толстый и вспыльчивый, сказалъ однажды ему:

— Что ты, Казикъ! Ради коего дьявола такъ подлизываешься къ старику и портишь дѣло другихъ?... Когда къ нему вчера пошли нѣсколько человѣкъ жаловаться, что заработки малы, онъ сказалъ имъ: «Работайте, какъ Гославскій, и съ васъ хватитъ?»

Гославскій началъ объясняться:

— Милый мой,—говорилъ онъ,—жена у меня была больна, я долженъ былъ три раза посылать въ городъ за докторомъ и платить ему по два рубля, да и другихъ расходовъ было не мало. Вотъ я и хочу выколотить, что можно, потому что принимаюсь за свое дѣло. А если этотъ песъ еще больше понизилъ заработокъ, то что же намъ дѣлать? Я долженъ до поры до времени тянуть, хотя у меня и въ грудь покалываетъ, и въ головѣ все кругомъ идетъ.

— Ахъ, вотъ что!—вставилъ Жалиньскій,—потомъ въ своей мастерской выместишь на своихъ рабочихъ.

Гославскій махнулъ рукою.

— Я не хочу пользоваться чужою нуждою. Своего я не отдамъ, но и чужаго не возьму.

И онъ снова принялся за работу, которая такъ изнуряла его, что порою онъ не могъ собраться съ мыслями.

Только бы добраться до собственнаго хлѣба, а тогда онъ уже обо всемъ забудетъ!

Работа однако была слишкомъ тяжела. Можно зарабатывать на содержаніе нѣсколькихъ человѣкъ, можно часть силъ посвятить для интересовъ будущаго, но прокармливать семью, дѣлать сбереженія, пополнять непредвидѣнныя издержки и въ концѣ-концовъ платить за путешествія молодого Адлера,—это уже превосходило силы обыкновеннаго человѣка. Гославскій уже началъ брать изъ капитала здоровья. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, сдѣлался грустенъ. Порою, облитый потомъ, онъ безсильно опускалъ руки на верстакъ и удивлялся, что въ его мысли, обыкновенно такъ полной движенія и разныхъ комбинацій, теперь такъ темно и пусто. Можетъ быть, онъ изнемогъ бы въ работѣ, если бы среди этого мрака не читалъ яркой вывѣски съ надписью: «Механическое заведеніе Гославскаго».

Впередъ!... всего только три мѣсяца.

А судьба тѣмъ временемъ вновь оказала Адлеру свое благоволеніе. Его произведенія, дѣйствительно превосходныя, начали находить все большій и большій спросъ; а фабрика въ Липцѣ получила двойное количество заказовъ. Старый ткачъ, посовѣтовавшись съ довѣренными служащими, принялъ всѣ заказы и единовременно, почти на всю наличность, которая была у него въ банкѣ, накупилъ хлопка. Рабочимъ заявили, что они будутъ работать до десяти часовъ вечера, и что за сверхурочные часы они получатъ полуторную плату. Постановили устроить нѣсколько новыхъ отдѣленій и вопросъ шелъ о томъ, какъ бы утилизировать и праздничные дни? Адлеръ на этотъ счетъ имѣлъ собственный планъ. За работу въ праздникъ сначала платили вдвое, потомъ, по мѣрѣ того, какъ рабочіе привыкали къ нововведенію, плату начали мало-по-малу понижать.

По соображеніямъ фабриканта, если бы все шло какъ слѣдуетъ, безъ непредвидѣнныхъ случайностей, то текущій годъ позволитъ ему окончательно свести счеты съ ткачествомъ. Тогда онъ продалъ бы фабрику, въ охотникахъ на которую недостатка не было и, выручивъ нѣсколько милліоновъ, уѣхалъ бы съ сыномъ за границу.

Такимъ образомъ Гославскій и Адлеръ, рабочій и хозяинъ, почти единовременно приближались къ осуществленію своихъ надеждъ: одинъ къ собственной мастерской, другой—къ пользованію нажитыми капиталами.

Напряженная дѣятельность фабрики прежде всего отразилась на механическихъ мастерскихъ. Пригласили нѣсколько новыхъ людей, время обязательной работы продлили до девяти часовъ, а необязательной—до двѣнадцати часовъ ночи. За первые два часа платили вполтора, за слѣдующіе три—вдвое противъ обыкновеннаго. Единовременно съ этимъ былъ введенъ строжайшій контроль, и кто оставлялъ работу раньше срока, съ того полагался такой вычетъ, что излишекъ сверхурочной платы понижался чуть не до нуля. Рабочіе держали себя на сторожѣ, въ особенности Гославскій, который, въ качествѣ самаго опытнаго въ своей профессіи, долженъ былъ просиживать чуть не до полуночи.

Теперь уже самъ Гославскій почувствовалъ, что онъ взялъ на себя слишкомъ много обязанностей и просилъ о льготѣ. Фабрикантъ согласился съ нимъ и предложилъ новыя условія. Съ этихъ поръ Гославскій долженъ былъ получать поденную плату, собственноручно дѣлать только тѣ части машинъ, которыя требовали особенной точности, а больше всего—наблюдать за другими и давать надлежащія указанія. Фактически онъ становился начальникомъ мастерской, къ чему однако присоединялись обязанности простого рабочаго съ жалованьемъ мастера.

Такія условія, которыхъ не принялъ бы никакой нѣмецъ, сначала льстили Гославскому, но вскорѣ онъ убѣдился, что его и на этотъ разъ эксплуатировали: физическія силы онъ долженъ былъ тратить попрежнему, и кромѣ того, напрягать свой умъ. Цѣлый день у него проходилъ въ перебѣганіи отъ кузницы къ верстаку, отъ верстака къ токарнѣ, причемъ къ нему постоянно подходили товарищи, которымъ казалось, что Гославскій не только долженъ объяснить имъ что-нибудь, но и дѣлать за нихъ все.

Въ концѣ іюля Гославскій казался совершеннымъ автоматомъ. Онъ уже не улыбался, о вещахъ, не имѣющихъ связи съ слесарной, почти не разговаривалъ, даже не обращалъ вниманія на свою одежду, онъ до тѣхъ поръ такой аккуратный. Съ женой онъ уже не ходилъ въ костёлъ по воскресеньямъ, зато спалъ до полудня. Въ обращеніи съ товарищами онъ становился раздражителенъ.

Самое большее паслажденіе онъ находилъ во снѣ, какъ человѣкъ, возвращающійся къ здоровью. Еще кой-какое живое чувство блестѣло въ его глазахъ, когда онъ цѣловалъ сына утромъ и вечеромъ.

Гославскій понималъ свое положеніе, зналъ, что работа пожираетъ его, но отстраниться отъ нея не имѣлъ возможности. Съ помѣщикомъ, у котораго онъ нанималъ помѣщеніе, договоръ долженъ былъ быть подписанъ въ августѣ, а переселеніе на новое мѣсто предпо-

лагалось только въ ноябрѣ. Что же оставалось дѣлать? Если онъ броситъ фабрику, то долженъ жить на скопленныя деньги и въ два мѣсяца истратить рублей сто, такимъ тяжелымъ трудомъ добытыхъ и такъ необходимыхъ для начала дѣла. Нужно было до поры до времени держаться и напрягать силы. Наконецъ, онъ питалъ надежду, что недѣльный отдыхъ послѣ переѣзда оживитъ его и возвратитъ нарушенное равновѣсіе силъ.

Съ другой стороны, фабрика такъ опротивѣла ему, что онъ носилъ съ собою календарь и вычеркивалъ каждый протекшій день. Только три мѣсяца... какихъ-нибудь шестьдесятъ пять дней... Вотъ уже два мѣсяца!...

V.

Однажды, въ субботу, въ августѣ, въ механическомъ отдѣленіи царила оживленная работа.

Отдѣленіе состояло изъ большой залы, со множествомъ оконъ, похожей на оранжерею. У одной стѣны находилась паровая машина, приводящая въ движеніе разные станки, у другой — два кузнечныхъ горна. Еще тутъ же находился небольшой молотъ, подбрасываемый зубчатымъ колесомъ, нѣсколько слесарныхъ станковъ, токарня, *бормашины* и другіе снаряды.

Приближалась полночь. Въ остальной фабрикѣ огни давно погасли, ткачи уже спали въ своихъ помѣщеніяхъ, но здѣсь все было въ полномъ движеніи. Учащенное дыханіе паровой машины, стукъ молотовъ, жужжанье токарни, скрежетъ напилковъ,—все это еще яснѣе слышалось на фонѣ ночной тиши. Въ атмосферѣ, насыщенной паромъ, пылью угля и тонкими опилками желѣза, какъ блуждающіе огоньки мелькали нѣсколько газовыхъ лампъ. Сквозь огромныя окна, постоянно содрогающіяся отъ стука, заглядывала луна.

Въ залѣ почти не разговаривали. Работа была спѣшная, время позднее, поэтому люди спѣшили въ молчаніи. Здѣсь группа черныхъ кузнецовъ тащитъ большую, раскаленную добѣла, полосу желѣза, под молотъ, тамъ рядъ слесарей, какъ по командѣ, наклоняется и под нимается надъ рядомъ верстаковъ. Противъ нихъ согнувшіеся то..ри слѣдятъ за оборотами своихъ машинъ. Изъ-подъ молотовъ брызжутъ искры. Отъ времени до времени раздается какой-нибудь воз..асъ или проклятіе. Порою ковка и пиленье затихаютъ и тогда слы..енъ жалобный стонъ мѣховъ, дующихъ на кузнечные горны.

..славскій надзираетъ за самой большой токарней. Онъ обтачи-

ваетъ большой, стальной валъ, который долженъ быть обдѣланъ очень старательно. Но работа идетъ не успѣшно. У Гославскаго сегодня было столько работы, что онъ не могъ покинуть мастерской даже во время вечерняго перерыва, поэтому онъ очень утомленъ и ему хочется спать. У него маленькая лихорадка; струи пота обливаютъ его тѣло.

Порою отъ утомленія онъ испытываетъ сонныя галлюцинаціи, и ему кажется, что онъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, а не на фабрикѣ. Но онъ тутъ же встряхивается, закопченными руками протираетъ глаза и съ тревогой посматриваетъ: не сорвался ли какъ-нибудь ножъ съ вала?

— Спать вамъ хочется,—говоритъ ему сосѣдъ.

— Правда,—отвѣчаетъ Гославскій и присаживается на табуретъ.

— Должно быть, отъ жары,—продолжаетъ сосѣдъ.—Машина страсть какъ разгорѣлась, кузнецы работаютъ при обоихъ горнахъ... Да ужъ и поздно... Понюхайте табачку.

— Спасибо!—благодаритъ Гославскій.—Трубка освѣжила бы меня, а не табакъ... Я лучше воды напьюсь.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и заржавленной кружкой зачерпнулъ воды изъ кадушки. Но вода была теплая и Гославскій, вмѣсто того, чтобы освѣжиться, почувствовалъ, что потѣетъ еще больше и лишается силъ.

— Который часъ на вашихъ?—спросилъ онъ у сосѣда.

— Три четверти двѣнадцатаго. Вы кончили работу?

— Должно быть, кончу,—отвѣтилъ Гославскій.—Еще на одинъ волосъ надо сточить... а у меня въ глазахъ такъ и двоится.

— Отъ жару, отъ жару!—проговорилъ сосѣдъ, еще разъ понюхалъ табаку и пошелъ къ своему станку.

Гославскій смѣрилъ діаметръ обтачиваемаго вала, пододвинулъ ножъ, сжалъ его въ тискахъ и снова пустилъ въ ходъ машину. Послѣ минутнаго усилія вниманія въ немъ наступила реакція и онъ началъ дремать стоя, съ глазами, устремленными на блестящую поверхность вала, на которую падали капли воды.

— Что вы мнѣ говорите?—вдругъ спросилъ онъ сосѣда.

Но сосѣдъ, склоненный надъ своимъ верстакомъ, не слыхалъ вопроса.

Теперь Гославскому показалось, что онъ у себя дома. Жена и дѣти спятъ, на комодѣ горитъ полуспущенная лампа, его постель уже приготовлена. Вотъ столъ, возлѣ него стулъ... Измученный, онъ хотѣлъ сѣсть на стулъ и тяжелою рукою оперся на край стола...

...Въ эту минуту токарный станокъ какъ-то странно скрипнулъ. Что-то въ немъ лопнуло, начало ломаться, и страшный человѣческій вопль разнесся по мастерской...

Правая рука Гославскаго попала въ шестерню, которая сначала захватила его пальцы, потомъ ладонь, потомъ локтевую кость. Брызнула кровь. Несчастный опамятовался, застоналъ, рванулся и упалъ возлѣ станка. Одно мгновеніе ока онъ висѣлъ, прикованный къ машинѣ, но раздробленныя кости и порванные мускулы не могли удерживать тяжести, лопнули и Гославскій рухнулъ наземь.

Все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ секундъ.

— Остановить машину!—крикнулъ сосѣдъ Гославскаго.

Слесаря, токари, кузнецы,—всѣ бросили работу и сбѣжались къ раненому. Машину остановили. Одинъ изъ рабочихъ вылилъ на Гославскаго кувшинъ воды, какой-то молодой человѣкъ, увидѣвъ фонтанъ крови, брызжущій на полъ и на всѣхъ окружающихъ, впалъ въ истерику, нѣсколько человѣкъ выбѣжали изъ мастерской неизвѣстно зачѣмъ.

— Доктора!—проговорилъ измѣнившимся голосомъ раненый.

— Берите лошадей! скорѣе въ городъ!—кричали растерявшіеся рабочіе.

— Кровь! кровь!—стоналъ Гославскій.

Никто не понималъ, чего онъ хочетъ.

— Ради Бога, остановите кровь! Завяжите руку!

Но никто и не двинулся. Одни не знали, какъ завязать руку, другіе остолбенѣли отъ ужаса.

— Вотъ такъ фабрика!—крикнулъ сосѣдъ Гославскаго.—Ни доктора, ни фельдшера. Гдѣ Шмитъ? бѣгите за Шмитомъ.

Нѣсколько человѣкъ бросились за Шмитомъ, тѣмъ рабочимъ, который долженъ былъ замѣнять фельдшера. Тѣмъ временемъ старый кузнецъ, вѣроятно болѣе другихъ сохранившій самообладаніе, сталъ на колѣна передъ раненымъ и сжалъ ему пальцами рану повыше локтя. Рана была страшная. Вмѣсто кисти остались только два пальца,—указательный и большой.

Шмитъ явился только черезъ четверть часа, да и то перепуганный не меньше другихъ. Онъ обвязалъ искалѣченную руку множествомъ тряпокъ, которыя тотчасъ же пропитались кровью и приказалъ отнести раненаго домой.

Товарищи положили его на фабричныя носилки: двое несли, двое поддерживали его голову; остальные окружили его, и такъ и шли всею громадою.

Въ конторѣ не было никого, въ домѣ Адлера огни давно погасли.

Собаки, почуявъ кровь, начали выть. Ночной сторожъ снялъ шапку и въ остолбенѣніи смотрѣлъ на процессію, медленно подвигающуюся по дорогѣ, освѣщенной свѣтомъ луны.

Въ открытомъ окнѣ рабочаго домика показался человѣкъ въ одномъ бѣльѣ и спросилъ:

— Эй, что тамъ такое?

— У Гославскаго оторвало руку!—отвѣтили изъ толпы.

Больной тихо стоналъ.

По дорогѣ вдалекѣ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ. Немного погодя показалась пара сѣрыхъ лошадей, кучеръ въ ливреѣ на козлахъ, а въ глубинѣ экипажа—развалившійся Фердинандъ, который возвращался домой съ попойки.

— Посторонись!—крикнулъ кучеръ на толпу.

— Самъ ты отъѣзжай въ сторону, а мы несемъ раненаго.

Печальное шествіе поравнялось съ экипажемъ. Молодой Адлеръ очнулся отъ дремоты, выглянулъ и спросилъ:

— Что это такое?

— У Гославскаго оторвало руку.

— Это у того, у кого жена такая хорошенькая?

Минута молчанія.

— Ишь, какой умный!—проворчалъ кто-то.

Фердинандъ опамятовался, перемѣнилъ тонъ и спросилъ опять:

— Докторъ осматривалъ его?

— Да на фабрикѣ нѣтъ доктора.

— Ахъ, правда. А фельдшеръ?

— И фельдшера нѣтъ.

— Ага! Такъ нужно послать лошадей въ мѣстечко.

— То-то и дѣло, что нужно,—отвѣтилъ кто-то.—Можетъ быть, вы, вельможный панъ, дадите своихъ лошадей?

— Мои лошади уморились, но я пошлю другихъ,—отвѣтилъ Фердинандъ.

Экипажикъ двинулся съ мѣста.

— Подлецъ!—сказалъ одинъ изъ рабочихъ.—Когда мы утомляемся на работѣ, то насъ не мѣняютъ, а о лошадяхъ своихъ онъ вонъ какъ заботится!

— Потому что лошадей купить нужно, а люди достаются задаромъ,—отвѣтилъ еще чей-то голосъ.

Толпа дошла до дома, въ которомъ жилъ Гославскій. Въ окнѣ еще свѣтилась лампа. Одинъ изъ рабочихъ осторожно постучался.

— Кто тамъ?

— Отворите, пани Гославская.

Черезъ минуту въ дверяхъ показалась наполовину раздѣтая женщина.

— Что это?—спросила она, испуганно глядя на толпу.

— Вашъ мужъ немного поранилъ себя и мы принесли его.

Гославская подбѣжала къ носилкамъ.

— Іисусе мой!—крикнула она.—Что съ тобой, Казя?

— Не буди дѣтей!—прошепталъ мужъ.

— Пречистая Матерь, кровь! Сколько крови!

— Тише! тише!—продолжалъ Гославскій.—У меня оторвало руку, но это ничего. Пошлите за докторомъ.

Женщина затряслась и начала рыдать. Двое рабочихъ взяли ее подъ руки и привели въ комнату. Другіе внесли раненаго, который посинѣлъ отъ боли и кусалъ губы, но боялся стонать, чтобы не разбудить дѣтей.

Утромъ Адлеру донесли о случившемся. Онъ выслушалъ, погруженный въ задумчивость, и спросилъ:

— А докторъ былъ?

— Посылали въ городъ ночью, но и докторъ и фельдшеръ разъѣхались по больнымъ.

— Нужно привезти другого. Нужно также послать телеграмму въ Варшаву за слесаремъ на мѣсто Гославскаго.

Въ десять часовъ онъ пошелъ въ мастерскую осмотрѣть испортившуюся токарню.

Съ отвращеніемъ онъ вступилъ въ лужу крови и вздрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою. Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на зубчатыя колеса, на которыхъ виднѣлась засохшая кровь, куски человѣческаго мяса, нѣсколько клочковъ холстины и осколки костей.

— У насъ есть такое же точно колесо?—спросилъ онъ у механика.

— Есть,—прошепталъ блѣдный нѣмецъ, котораго видъ крови доводилъ чуть не до обморока.

— А докторъ здѣсь?

— Доктора еще нѣтъ.

Адлеръ заскрежеталъ зубами. Отсутствіе врача производило на н[illegible] непріятное впечатлѣніе.

Около полудня фабриканту дали знать, что докторъ пріѣхалъ. С[illegible]рикъ поспѣшно вышелъ изъ дома. Проходя мимо двери Ферди[illegible]а, который послѣ попойки еще спалъ, постучалъ въ нее палкой, н[illegible]чнь не отозвался.

[illegible]квартиры Гославскаго стояло множество рабочихъ. Въ костёл[illegible]

мало кто отправился. Всѣ хотѣли узнать о судьбѣ больного и ознакомиться съ подробностями происшествія. Гославскую и дѣтей забрала къ себѣ сосѣдка.

Толпа шумѣла, но при видѣ Адлера всѣ разговоры смолкли. Только самые робкіе поздоровались съ хозяиномъ, другіе отвернулись отъ него, а тѣ, что посмѣлѣе, смотрѣли ему прямо въ глаза.

Фабриканта что-то кольнуло.

«Чего они хотятъ отъ меня?»—подумалъ онъ.

Онъ остановилъ одного рабочаго нѣмца и спросилъ, какъ чувствуетъ себя больной?

— Не знаю,—угрюмо отвѣтилъ рабочій,—кажется, у него отняли всю руку.

Адлеръ послалъ за докторомъ, чтобы тотъ вышелъ къ нему.

— Ну, какъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Умираетъ,—отвѣчалъ докторъ.

Адлеръ пошатнулся и проговорилъ повышеннымъ голосомъ:

— Этого не можетъ быть! Люди теряютъ обѣ руки, даже обѣ ноги, однако не умираютъ.

— Перевязка была плохая, крови ушло много. Притомъ больной переутомился.

Отвѣтъ этотъ быстро разошелся между стоящими возлѣ дома. Толпа снова начала роптать.

— Я хорошо заплачу вамъ!—сказалъ Адлеръ.—Присматривайте только хорошенько за нимъ. Не можетъ быть, чтобы мужчина могъ умереть отъ такого поврежденія.

Въ эту минуту больной заговорилъ. Докторъ побѣжалъ къ нему, а фабрикантъ повернулъ назадъ.

— Если бы докторъ жилъ при фабрикѣ, то такого несчастія не случилось бы!—воскликнулъ кто-то изъ толпы.

— Намъ всѣмъ такой же конецъ предстоитъ, если насъ будутъ держать въ мастерскихъ до полуночи!—подтвердилъ другой.

Тамъ и здѣсь начинали проклинать и сыпать угрозами, но гигантъ-ткачъ засунулъ руки въ карманы и съ поднятой головою протискивался сквозь самую густую толпу. Только глаза его были полуприкрыты, да шея слегка побѣднѣла. Онъ, казалось, не слыхалъ того, что говорилось, а ближайшіе разступались передъ нимъ, инстинктивно понимая, что этотъ человѣкъ не побоится ни проклятій, ни угрозъ, ни даже открытаго нападенія.

Передъ вечеромъ Гославскій, отъ котораго не отходилъ докторъ, призвалъ къ себѣ жену. Молодая женщина вошла на цыпочкахъ, ша

таясь на ногахъ и удерживая слезы, которыя постоянно застилали ей глаза.

Раненый лежалъ, страшно похудѣвшій, съ неподвижными глазами. Въ сумеркахъ его лицо казалось землистаго цвѣта.

— Гдѣ ты, Магдзя?—не ясно спросилъ онъ, а потомъ говорилъ съ долгими перерывами.

— Вотъ тебѣ и наша мастерская! Нѣтъ руки-то! За нею и я пойду,—зачѣмъ хлѣбъ ѣсть понапрасну?

Жена заплакала.

— Ты здѣсь, Магдзя? Помни о дѣтяхъ. Деньги въ томъ ящикѣ, знаешь... На мои похороны... Мухи какія-то передъ глазами летаютъ... Какъ жужжатъ...

Онъ началъ безпокойно метаться и хрипѣть, какъ человѣкъ, который погружается въ глубокій сонъ. Докторъ сдѣлалъ знакъ рукою и кто-то насильно вытащилъ Гославскую къ сосѣдямъ.

Спустя нѣсколько минутъ туда же пришелъ и докторъ. Бѣдная женщина посмотрѣла ему въ глаза и съ плачемъ упала на колѣни.

— О, панъ докторъ! Зачѣмъ вы ушли отъ него? Или ему уже такъ плохо? Или можетъ быть...

— Да утѣшитъ васъ Богъ,—сказалъ докторъ.

Женщину окружили сосѣдки и старались успокоить ее.

— Не плачьте, пани Гославская. Богъ далъ, Богъ и взялъ! Встаньте! Не плачьте, а то дѣти услышатъ.

Вдова вздрогнула.

— О, оставьте меня на землѣ, мнѣ такъ легче,—шептала она.— Да вознаградитъ васъ Богъ, такъ же, какъ на меня наслалъ горе. Уже нѣтъ моего Казика!... Охъ ты, бѣдняжечка, зачѣмъ же ты работалъ и изъ силъ выбивался? Еще третьяго дня говорилъ, что въ ноябрѣ будемъ на своемъ дѣлѣ. Гробъ тебѣ, а не мастерская!... Охъ!...

Она захлебнулась рыданіями и начала грызть платокъ, чтобы ее не услыхали дѣти.

Но когда въ помѣщеніе покойника вошло нѣсколько рабочихъ и начали прибирать вещи, когда она поняла, что ея мужа не пробудитъ ке никакой шумъ, то отчаянно завопила и лишилась чувствъ.

Смерть Гославскаго сдѣлалась источникомъ волненій на фабрикѣ непріятностей для Адлера. Во вторникъ къ нему пришла депутація, ося разрѣшенія всѣмъ рабочимъ выйти на погребеніе. Фабрикантъ лъ въ гнѣвъ, дозволилъ выслать по нѣсколько делегатовъ изъ дой залы и единовременно съ этимъ заявилъ, что каждый другой ..., который отважится оставить мастерскую, заплатитъ штрафъ.

Несмотря на то, въ костелъ явилась цѣлая толпа рабочихъ. Адлеръ приказалъ сдѣлать перекличку, у каждаго отсутствующаго сдѣлать вычетъ въ размѣрѣ половины денного заработка и наложить по два злота штрафа.

Тогда горячія головы начали подбивать товарищей оставить фабрику, а одинъ изъ истопниковъ сболтнулъ, что стоило бы котелъ взорвать на воздухъ. Въ другомъ случаѣ Адлеръ не обратилъ бы вниманія на подобную болтовню, но теперь имъ овладѣло бѣшенство. Ропотъ онъ назвалъ бунтомъ, вытребовалъ изъ города стражу, болѣе смѣлыхъ удалилъ съ фабрики навсегда, а къ истопнику предъявилъ искъ.

При такихъ рѣшительныхъ шагахъ рабочіе смякли, перестали угрожать забастовкой, но зато просили, чтобы Адлеръ принялъ обратно изгнанныхъ, а на штрафныя деньги пригласилъ бы хотя фельдшера на фабрику.

Адлеръ отвѣчалъ на это, что сдѣлаетъ какъ ему будетъ угодно, а объ изгнанныхъ рабочихъ и слышать не хотѣлъ.

Въ слѣдующій понедѣльникъ на фабрикѣ было уже тихо, а пасторъ Бёме пріѣхалъ къ Адлеру, чтобы смягчить его и склонить ко всякимъ уступкамъ для рабочихъ. Неожиданно онъ нашелъ своего друга еще болѣе ожесточеннымъ, чѣмъ когда-либо. На всѣ резоны старый ткачъ отвѣчалъ, что раньше онъ и сдѣлалъ бы, можетъ, что-нибудь, но теперь ужъ ничего не сдѣлаетъ, скорѣе закроетъ фабрику.

— Знаешь ли ты, Мартинъ, что они насъ въ газетахъ описали?—говорилъ Адлеръ.—Въ какомъ-то юмористическомъ журналѣ осмѣиваютъ моего Фердинанда, а въ ежедневныхъ газетахъ говорятъ, что Гославскій погибъ отъ излишества работы и отъ отсутствія доктора.

— Но въ этомъ есть часть правды,—замѣтилъ Бёме.

— Ни малѣйшей!—крикнулъ фабрикантъ.—Я больше работалъ, чѣмъ Гославскій, и каждый рабочій-нѣмецъ трудится больше. А докторъ точно также могъ уѣхать къ больному, какъ онъ уѣхалъ изъ города.

— Оставался бы хоть фельдшеръ...—вставилъ пасторъ.

Адлеръ ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе. Онъ ходилъ по комнатѣ большими шагами и сопѣлъ, а въ концѣ-концовъ предложилъ гостю перейти изъ комнаты въ садъ.

— Іоганъ!—крикнулъ онъ на ходу,—вынести бутылку рейнскаго вина въ бесѣдку.

Они перешли въ бесѣдку, которая находилась у сажалки. Мягкое дуновеніе вѣтра, прохлада деревьевъ, а можетъ быть и стаканъ

добраго вина, успокоили Адлера. А Бёме смотрѣлъ на гиганта поверхъ золотыхъ очковъ и, видя въ немъ перемѣну къ лучшему, вздумалъ пустить въ ходъ еще одну атаку.

— Ну,—сказалъ онъ, чокаясь съ нимъ стаканами.—Человѣкъ, который пьетъ такое превосходное вино, не можетъ имѣть твердаго сердца. Прости имъ штрафъ, милый Готлибъ, прими изгнанныхъ и... пригласи доктора... За твое здоровье!

— И я пью за твое здоровье, Мартинъ, но повторяю, что ничего изъ этого не будетъ!...—отвѣтилъ фабрикантъ, но уже безъ гнѣва.

Пасторъ покачалъ головою.

— Гм!—проворчалъ онъ,—это не хорошо, что ты такой упрямый.

— Я не могу своихъ интересовъ посвящать для сантиментовъ. Если сегодня я уступлю имъ на тысячу рублей, то завтра они потребуютъ отъ меня милліонъ.

— Ты преувеличиваешь...—кисло отвѣтилъ Бёме.—А я тебѣ вотъ что скажу: если ты можешь погасить эту исторію за десять тысячъ, то дай имъ пятнадцать и кончи ее.

— И безъ того все кончилось!—сказалъ Адлеръ.—Буяны вышли вонъ, а остальные узнали, что у меня строгость. Если бы я былъ такимъ же мягкимъ, какъ ты, вся фабрика насѣла бы мнѣ на голову.

Пасторъ умолкъ, поднялъ глаза кверху и задумался. Потомъ онъ началъ бросать на чистую поверхность сажалки то пробку, то кусочки дерева.

— Зачѣмъ ты бросаешь соръ въ воду?—спросилъ Адлеръ.

Пасторъ покачалъ головою и протянулъ руку по направленію къ сажалкѣ, на которой каждый брошенный предметъ образовывалъ все болѣе и болѣе широкіе круги.

— Видишь ли, Готлибъ, эти волны?—спросилъ онъ у фабриканта.—Видишь ли, какъ онѣ растутъ, и плывутъ все дальше?

— Такъ и всегда бываетъ,—отвѣтилъ Адлеръ.—Что же въ этомъ удивительнаго?

— Ты правъ,—продолжалъ пасторъ.—Такъ бываетъ всегда и здѣ: на поверхности сажалки и въ нашей жизни. Когда въ міръ падетъ что-нибудь злое, или доброе,—вокругъ него образуются волны все больше и больше и идутъ дальше и дальше.

— Ничего не понимаю!—перебилъ Адлеръ, флегматически попивая вино изъ стакана.

— Я сейчасъ объясню тебѣ, только не сердись.

— Я на тебя и такъ никогда не сержусь,—отвѣтилъ фабрикантъ.

— Такъ видишь ли, дѣла стоятъ такъ. Ты плохо воспиталъ сына и бросилъ его въ свѣтъ, какъ я бросаю этотъ прутикъ на воду. Онъ надѣлалъ долговъ и это—первая волна. Ты понизилъ плату рабочимъ и удалилъ доктора—вотъ вторая волна. Смерть Гославскаго—это третья. Безпорядки на фабрикѣ и газетныя статьи—четвертая. Изгнаніе рабочихъ, процессы—это уже пятая волна... А тамъ будетъ шестая и девятая.

— Ничто это меня не касается!—отвѣтилъ Адлеръ.—Пускай твои волны идутъ въ свѣтъ и преслѣдуютъ дураковъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

Пасторъ бросилъ пробку у самаго берега и снова указалъ на нее ткачу.

— Смотри, Готлибъ. Иногда девятая волна отражается отъ противоположнаго берега и возвращается... туда, откуда она вышла.

Стараго фабриканта заставило задуматься это сравненіе, впрочемъ, довольно ясное. Съ минуту можно было думать, что онъ колеблется, что въ немъ пробудилось какое-то неопредѣленное опасеніе.

Но продолжалось это только минуту. У Адлера умъ былъ слишкомъ реальный, а воображеніе настолько слабое, что онъ не могъ забавляться въ предвкушеніе отдаленныхъ событій. Онъ такъ и понялъ, что пасторъ болтаетъ, какъ проповѣдникъ, и отвѣтилъ, смѣясь грубымъ смѣхомъ:

— Хо-хо-хо! милый Мартинъ, я постараюсь, чтобы твоя волна не возвратилась ко мнѣ.

— Кто знаетъ?

— Ни докторъ не возвратится, ни поджигатели, ни устроители стачекъ, ни штрафы, взятые мною, ни... даже самъ Гославскій.

— Несчастье можетъ возвратиться.

— Хо-хо!... не возвратится, нѣтъ!... А если возвратится, то разобьется о мой кулакъ, о фабрику, о страховое общество, о полицію, а наконецъ, о мое состояніе.

Друзья разошлись поздно ночью.

— Какой сумасбродъ этотъ Мартинъ!—думалъ фабрикантъ.—Онъ хочетъ напугать меня.

А пасторъ, возвращаясь домой въ своей бричкѣ, смотрѣлъ въ небо и съ тревогою спрашивалъ: какая волна возвратится сюда?

Сравненіе это пришло ему на умъ случайно, и Бёме считалъ его до нѣкоторой степени за откровеніе. Онъ вѣрилъ, что волна несправедливости должна возвратиться, но когда и какая?

Въ эту ночь ему снились неспокойные сны. Онъ метался на постели и кричалъ, такъ что жена даже разбудила его.

— Мартинъ, что ты говоришь? Не боленъ ли ты?

Бёме сѣлъ на кровати, облитый холоднымъ потомъ.

— Что-нибудь страшное случилось?—спросила пасторша.

— Да, но я ничего не помню. Развѣ я говорилъ что-нибудь?

— Ты говорилъ что-то безсвязное... Волна... возвращается... возвращается...

Да сохрани насъ Господь въ своемъ милосердіи,—шепнулъ пасторъ, ощущая въ глубинѣ сердца великую тревогу.

VI.

Въ глазахъ многихъ людей хорошіе или дурные житейскіе факты только тогда пріобрѣтаютъ значеніе, когда они отразятся въ печати.

О старикѣ Адлерѣ давно знали, что онъ эгоистъ и эксплоататоръ, о Фердинандѣ, что онъ тоже эгоистъ и развратникъ, но только статьи, напечатанныя по поводу смерти Гославскаго, возбудили противъ нихъ общественное мнѣніе.

Теперь вся округа начала заниматься фабрикой. Разсказывали обо всемъ, что дѣлалось тамъ, и комментировали надлежащимъ образомъ. Люди знали всѣ мельчайшія подробности. Знали, сколько Фердинандъ надѣлалъ долговъ за границей, сколько тратилъ въ настоящее время, сколько его отецъ выколачивалъ на уменьшеніи заработковъ и на увеличеніи часовъ занятій на фабрикѣ. Но болѣе всего общественное мнѣніе возмущалось по поводу смерти Гославскаго, который въ глазахъ всѣхъ являлся жертвою жадности стараго фабриканта и распутства его сына.

Правда, нѣкоторые замѣчали, что въ каждомъ промышленномъ предпріятіи могутъ случаться несчастія, но соображенія эти легко опровергались. Какъ на фабрикѣ возможно держать рабочихъ съ разсвѣта до полуночи? Въ заведеніи, насчитывающемъ сотни машинъ, развѣ не долженъ быть докторъ и фельдшеръ? Или Адлеръ настолько бѣденъ, что какая-нибудь тысяча рублей, затраченная имъ на санитарныя нужды, составитъ для него какую-нибудь разницу? Прежде, когда-то тамъ были и докторъ, и фельдшеръ, и только когда молодой надѣлалъ долговъ, старикъ уплачиваетъ ихъ кровью людей, которыхъ безпощадно эксплоатировалъ и раньше.

Такое настроеніе общественнаго мнѣнія дало себя почувствовать Фердинанду. Двое молодыхъ людей, по ясному приказу своихъ родителей, прервали съ нимъ всякія сношенія. Другіе очень охладѣли

и относились къ Фердинанду скорѣе вѣжливо, чѣмъ сердечно. Даже и отъ тѣхъ друзей, которые остались при немъ (а остались не особенно блестящіе), онъ слышалъ не разъ слова, похожія на колкости.

Но этого мало. Въ гостиницѣ, въ трактирѣ, въ винной лавкѣ, въ кондитерской, однимъ словомъ въ учрежденіяхъ, которыя не мало зарабатывали отъ него, ему нарочно подсовывали газеты, въ которыхъ находились корреспонденціи о причинахъ смерти Гославскаго. А когда однажды, окруженный своимъ штабомъ, онъ спросилъ у приказчика, есть ли у нихъ хорошее красное вино, приказчикъ отвѣтилъ ему:

— Есть, панъ Адлеръ!... красненькое, какъ кровь.

Кого-нибудь другого подобныя проявленія, можетъ быть, заставили бы задуматься, можетъ быть, кто-нибудь другой, видя всеобщее нерасположеніе, на время какъ-нибудь устранился бы въ сторону, даже измѣнилъ бы образъ жизни и старался воздѣйствовать на отца. Но Фердинандъ не принадлежалъ къ ряду тѣхъ *другихъ*. Онъ прежде всего не могъ трудиться, хотѣлъ вести веселый образъ жизни, общественнаго мнѣнія не только не слушалъ, но раздражалъ и вызывалъ его.

Судя по своимъ бездѣльникамъ-пріятелямъ, онъ былъ увѣренъ, что раньше или позже, всѣ преклонятся передъ нимъ, что никто не осмѣлится оказывать ему сопротивленія. Глухая борьба, происходящая между нимъ и обществомъ, сердила и возбуждала его. Онъ видѣлъ въ ней не только источникъ непріятности, но и будущаго торжества: онъ рѣшился отплатить первому человѣку, который станетъ ему поперекъ дороги. А онъ такъ чувствовалъ потребность въ какомъ-нибудь приключеніи, въ томъ, что встряхнуло бы его нервы и утвердило бы за нимъ репутацію человѣка небезопаснаго.

То былъ сынъ отца, который также наслаждался разрушеніемъ преградъ, хотя и на другой дорогѣ.

Непріятнымъ человѣкомъ для Фердинанда былъ нѣкій Запора, мѣстный помѣщикъ и гминный судья. Человѣкъ этотъ, средняго роста, толстый, неуклюжій, имѣлъ наружность суровую и непривлекательную. Онъ смотрѣлъ исподлобья, говорилъ мало, голосомъ рѣшительнымъ, ни съ кѣмъ не церемонился и называлъ людей и вещи по именамъ. Однако, подъ этой оболочкой скрывался великій умъ и обширныя знанія, сердце, полное благородныхъ чувствъ и непреклонный характеръ.

Запору нельзя было подкупить любезностью, остроуміемъ, общественнымъ положеніемъ или какими-нибудь прекрасными теоріями. Онъ все выслушивалъ равнодушно, угрюмо смотря на говорящаго,

но считался только съ дѣяніями и старался вникнуть въ глубь человѣка. Въ комъ онъ видѣлъ правоту, тотъ становился его другомъ, и Запора не измѣнялъ ему ни въ счастьи, ни въ несчастьи. Но людей злыхъ, безхарактерныхъ, тунеядцевъ, кутилъ—онъ презиралъ и не старался даже скрывать этого.

Молодой Адлеръ иногда встрѣчалъ угрюмую особу судьи, но не разговаривалъ съ нимъ ни разу, да и не имѣлъ возможности. Запора съ своей стороны не искалъ, но и не избѣгалъ его, просто не интересовался имъ и въ разговорахъ съ друзьями называлъ его «шутомъ».

Люди, живущіе въ близкомъ общеніи съ Запорой, знали, что слово «этотъ шутъ» обозначало молодого Адлера. Болѣе проницательные предвидѣли, что раньше или позже Запора и Фердинандъ въ узкой сферѣ провинціальной жизни должны будутъ столкнуться, и что молодой гуляка услышитъ не одну горькую истину.

Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, Фердинандъ подозрѣвалъ, что Запора не любитъ его, и не спѣшилъ знакомиться съ нимъ. Наконецъ, онъ подозрѣвалъ Запору въ авторствѣ корреспонденцій о Гославскомъ и обѣщалъ, что при первой возможности расплатится съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

Въ началѣ сентября въ мѣстечкѣ была ярмарка. Съѣхалось множество шляхты изъ нѣсколькихъ уѣздовъ, явился и Запора, у котораго въ городѣ была канцелярія, обдѣлалъ дѣла по должности, закупилъ что было нужно и около двухъ часовъ пошелъ въ трактиръ обѣдать.

Въ большой залѣ онъ нашелъ массу знакомыхъ. Всѣ столы были установлены въ одинъ рядъ, накрыты и украшены множествомъ бутылокъ вина,—преимущественно шампанскаго. Приготовленія предвѣщали необыкновенную попойку.

— Что это значитъ?—спросилъ Запора.—Развѣ кто-нибудь заказывалъ обѣдъ?

Его окружили знакомые, въ томъ числѣ нѣсколько пріятелей Адлера.

— Вообразите себѣ,—сказалъ кто-то со смѣхомъ,—что молодой Адлеръ приказалъ записать на свой счетъ всѣ обѣды и каждаго, кто приходитъ сюда, приглашаетъ на банкетъ.

— Надѣюсь, что и панъ судья не откажетъ намъ въ своемъ обществѣ,—отозвался одинъ изъ друзей Адлера.

— Откажу!—отрѣзалъ судья.

Молодой человѣкъ, не отличающійся избыткомъ такта, началъ таивать:

— Почему же, почтеннѣйшій панъ судья?

— Потому что на обѣдъ, заказанный на деньги старика Адлера, могъ бы меня просить только старикъ Адлеръ, а если бы и онъ пригласилъ меня, то я точно также отказался бы.

Въ разговоръ вмѣшался другой пріятель Фердинанда.

— Вы можете поставить что-нибудь въ вину Адлеру?

— Не много. Старикъ—эксплоататоръ, молодой—тунеядецъ, а оба они приносятъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Общественная совѣсть въ первый разъ выразилась такъ ясно, устами человѣка, имѣющаго гражданское мужество. Друзья Адлера замолкли, иные гости были сконфужены, нѣсколько человѣкъ, болѣе впечатлительныхъ, взялись за шляпы, съ явнымъ намѣреніемъ покинуть залу.

Въ эту минуту ворвался Адлеръ съ однимъ изъ своихъ друзей. На первомъ же шагу онъ увидалъ оригинальную фигуру судьи и, не зная о томъ, что произошло, шепнулъ пріятелю:

— Познакомь меня съ нимъ... Должно быть, онъ не дуракъ выпить.

— Отлично!—отвѣтилъ пріятель и, не долго думая, подскочилъ къ Запорѣ.—Какой счастливый случай!—воскликнулъ онъ.—Адлеръ въ этомъ кабакѣ устраиваетъ пиршество и значитъ вы попали въ ловушку, изъ которой мы васъ не выпустимъ. Но такъ какъ вы еще незнакомы...

Въ залѣ водворилась тишина. Всѣ смотрѣли.

— Господинъ Адлеръ! Господинъ Запора!

— Я давно уже искалъ случая познакомиться съ вами,—сказалъ Фердинандъ и протянулъ руку.

— Очень пріятно!—отвѣтилъ Запора и отдернулъ свою руку.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ закусили губу. Фердинандъ поблѣднѣлъ, съ минуту стоялъ въ смущеніи, но вскорѣ нашелся и вдругъ измѣнилъ планъ игры.

— Я желалъ познакомиться съ вами,—заговорилъ онъ дальше,—чтобы поблагодарить васъ за... корреспонденцію о моемъ отцѣ, напечатанную въ...

Запора устремилъ на него свой суровый взглядъ.

— О вашемъ отцѣ,—спокойно сказалъ онъ,—я писалъ только одну корреспонденцію къ гминному войту, чтобы тотъ вызвалъ его на судебное дѣло.

Адлеръ закипѣлъ отъ гнѣва.

— Ахъ! Значитъ, въ такомъ случаѣ вы писали только обо мнѣ въ юмористическіе журналы?

Запора ни на минуту не потерялъ хладнокровія. Онъ стиснулъ въ рукахъ палку и отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь. Корреспонденціи въ юмористическіе журналы я предоставляю молодымъ людямъ безъ занятія, которые хотятъ прославиться какимъ бы то ни было образомъ.

Адлеръ уже не владѣлъ собою.

— Вы оскорбляете меня!—крикнулъ онъ.

— Напротивъ. Я даже не оспариваю ваше послѣднее предположеніе, чтобы не оскорбить васъ.

Казалось, что взбѣшенный молодой человѣкъ бросится на Запору.

— Вы дадите мнѣ удовлетвореніе!—кричалъ Фердинандъ.

— Съ удовольствіемъ!

— И сейчасъ же!

— Ну, нѣтъ, сначала я долженъ пообѣдать, потому что голоденъ. Впрочемъ, черезъ часъ я буду у себя къ вашимъ услугамъ,— холодно сказалъ Запора.

Потомъ онъ кивнулъ головою двумъ-тремъ знакомымъ и медленно покинулъ залу.

Пиръ, устроенный Адлеромъ, прошелъ довольно кисло.

Многіе изъ гостей ушли еще до начала обѣда, другіе только притворялись веселыми. Зато Фердинандъ находился въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа. Первый стаканъ вина успокоилъ его, послѣдующіе только возбуждали. Онъ былъ доволенъ, что ему предстоитъ дуэль, да еще съ Запорой, и не сомнѣвался въ побѣдѣ.

— Я ему дамъ урокъ стрѣльбы,—шепнулъ онъ одному изъ секундантовъ,—и баста!

А въ глубинѣ души онъ подумалъ:

— Это лучше уяснитъ мои счеты, чѣмъ всѣ эти обѣды.

Опытные авантюристы, недостатка въ которыхъ за обѣдомъ не было, смотря на молодого силача, отдавали честь его характеру и смѣлости.

— Слава Богу,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—и въ нашей глуши будетъ хоть какое-нибудь громкое дѣло.

— А каковы условія дуэли?

— Пистолеты и до первой крови.

— О, чортъ! Чья это выдумка?

— Адлера.

— Развѣ онъ такъ увѣренъ въ себѣ?

Онъ отлично стрѣляетъ.

Такимъ образомъ разговаривали пріятели Фердинанда, и люди, съ

поединками знакомые. Въ концѣ обѣда стало извѣстно, что Запора принялъ всѣ условія, и что дуэль состоится завтра утромъ.

— Господа,—сказалъ на прощанье Фердинандъ,—прошу васъ провести со мною вечеръ. Предстоятъ поминки. Будемъ пить всю ночь.

— Практично ли это будетъ?—спросилъ кто-то.

— Я такъ всегда дѣлаю передъ *контрдансомъ*, вотъ уже въ четвертый разъ,—отвѣтилъ Фердинандъ.

Въ другомъ трактирѣ собрались люди серьезные, друзья Запоры; и тѣ также толковали о происшедшемъ.

— Вотъ судьба-то!—сказалъ одинъ,—серьезный человѣкъ и долженъ стрѣляться съ такимъ щелкопероmъ.

— Правда, нечего было Запорѣ лѣзть въ этотъ пирогъ.

— Онъ залѣзъ нечаянно, а выбраться уже не могъ.

— Странная исторія,—отозвался молчавшій до сихъ поръ шляхтичъ,—что такой молокососъ и, скажу даже, такая дрянь, какъ Адлеръ, не только втирается въ компанію къ порядочнымъ людямъ, но даже находитъ возможность затѣять исторію съ такимъ человѣкомъ, какъ, напримѣръ, Запора. Прежде въ обществѣ не стерпѣли бы присутствія такой личности, хотя бы по поводу его отца.

— Это потому, панъ совѣтникъ, что у насъ общественное мнѣніе слишкомъ снисходительно, вотъ поэтому-то люди болѣе сильные и почтенные и должны подставлять свой лобъ. Мнѣ просто-напросто жаль Запору.

— Стрѣлять-то онъ умѣетъ?

— Стрѣляетъ съ грѣхомъ пополамъ, но тотъ—артистъ.

— Простите!—воскликнулъ молодой блондинъ,—такъ какъ вы, господа, взошли на мою территорію, то я имѣю честь напомнить вамъ, что не всегда погибаетъ тотъ, кто плохо стрѣляетъ. Помню, какъ я былъ секундантомъ Стася въ его дуэли съ Эдзей. Стась не умѣлъ держать пистолета, а тѣмъ не менѣе...

— Ну, во всякомъ случаѣ, безопаснѣе умѣть хорошо стрѣлять.

— Несомнѣнно, несомнѣнно!—подхватилъ молодой блондинъ.— Когда я дрался съ однимъ австрійскимъ капитаномъ, то заранѣе предупредилъ его, что всажу ему пулю...

Онъ шепнулъ что-то на ухо старому шляхтичу.

— И попали?

— Какъ въ цѣль, панъ совѣтникъ, какъ въ цѣль.

— А вотъ это нехорошо, что Запора лѣвша,—отозвался кто-то другой.

— Для пистолетовъ ничему не мѣшаетъ, — вмѣшался блон-

динъ,—а для шпаги даже очень хорошо. Я, когда бился на рапирахъ съ однимъ лѣвшою, то получилъ такой ударъ въ лобъ, что доктора два часа считали меня мертвымъ. Вотъ онъ шрамъ до сихъ поръ остался.

— Да побойтесь вы Бога! Два часа?

— Ну, можетъ быть, полтора!

— И сердце у васъ не билось тоже полтора часа?

— Не знаю, можетъ быть, это продолжалось полчаса. Я ничего не помню, потому что лежалъ, какъ трупъ. Еще тогда мой лакей, нѣмецъ, вытащилъ у меня кошелекъ изъ лѣваго кармана.

— Почемъ же вы знаете, что это сдѣлалъ именно нѣмецъ?

— Какъ почему? Я поймалъ негодяя на мѣстѣ преступленія. Я вообще безъ основанія не обвиню кого-нибудь.

Около шести часовъ вечера Фердинандъ возвратился изъ трактира въ свой нумеръ. Онъ хотѣлъ подремать немного,—между дневнымъ кутежомъ и ночнымъ, но не могъ заснуть, началъ ходить по комнатѣ и тутъ замѣтилъ, что какъ разъ противъ его оконъ находятся окна канцеляріи Запоры.

Улица была узкая, канцелярія помѣщалась внизу, а нумеръ Фердинанда во второмъ этажѣ. Молодой человѣкъ какъ на ладони видѣлъ передъ собою жилище Запоры и началъ наблюдать за нимъ.

Судья въ это время разговаривалъ съ засѣдателемъ и съ писаремъ и показывалъ имъ какія-то бумаги. Продолжалось это довольно долго, потомъ засѣдатель распрощался съ Запорой, писарь ушелъ къ себѣ, а судья остался одинъ.

Онъ поставилъ лампу на письменный столъ, закурилъ сигару и началъ что-то писать на большомъ листѣ бумаги. Сначала былъ изображенъ довольно длинный титулъ, потомъ шелъ самый текстъ, и все это ложилось ровными, четкими строчками. Адлеръ былъ увѣренъ, что судья на всякій случай пишетъ завѣщаніе.

Несмотря на молодые годы, онъ дрался на дуэли уже нѣсколько разъ и считалъ это хотя не безопасной, но все-таки забавою. И только теперь онъ почувствовалъ, что поединокъ можетъ быть чѣмъ-то мрачнымъ, торжественнымъ, къ которому слѣдовало бы подготовиться.

Какимъ образомъ?

Вотъ какимъ,—писать завѣщаніе.

Въ коридорѣ гостиницы то и дѣло раздавались звонки и бѣганье прислуги. Фердинандъ началъ погружаться въ область воспоминаній.

Когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ (а это было въ началѣ развитія фабрики), онъ замѣтилъ въ помѣщеніи паровой машины большую дверь, заколоченную гвоздемъ. Дверь эта возбуждала въ

немъ любопытство и почему-то тревожила его. Однажды онъ расхрабрился, отогнулъ загнутый гвоздь, дверь отскочила, и Фердинандъ увидалъ за нею нѣсколько мѣдныхъ трубокъ, свернутую веревку и метлу.

Случай этотъ запечатлѣлся въ его памяти и приходилъ на память при каждомъ поединкѣ. Какъ только секунданты ставили его къ барьеру, какъ только онъ замѣчалъ, что дуло пистолета направляется противъ него, какъ только накладывалъ свой палецъ на курокъ, такъ ему на умъ приходила безпокоившая его дверь и согнутый гвоздь. Тогда онъ и нажималъ курокъ, какъ когда-то гвоздь, и дѣло тѣмъ и оканчивалось. За таинственной дверью судьбы, какую открывала пуля, Фердинандъ не находилъ ничего особеннаго: самое большее раненаго противника или нѣсколько бутылокъ шампанскаго, выпитаго въ доброй компаніи.

Такъ и происходили подобные поединки. Стрѣлялись изъ-за опереточной пѣвицы, изъ-за пари на скачкахъ, изъ-за толчка на улицѣ.

Но завтрашній поединокъ долженъ быть не таковъ, какіе бывали прежде. Здѣсь въ борьбу вступали, съ одной стороны, онъ, сынъ нелюбимаго отца, съ другой—человѣкъ уважаемый, какъ бы представитель оскорбленнаго общества. На сторонѣ его противника стояли всѣ, которые имѣли смѣлость избѣгать Адлера, всѣ рабочіе и почти всѣ служащіе фабрики... а на его сторонѣ кто?

Не отецъ, который не позволилъ бы ему стрѣляться. Не друзья, которые пьянствовали съ нимъ, потому что и они считали себя въ фальшивомъ положеніи и только искали случая, чтобы отдѣлаться отъ него при первомъ удобномъ случаѣ.

И такъ, кто же съ нимъ? Никто. А противъ него цѣлая толпа... Если онъ сегодня ранитъ Запору, то дастъ поводъ для новыхъ возгласовъ, если Запора ранитъ его, то скажутъ, что это Богъ справедливо наказалъ его и его отца.

Что же это значитъ? Какимъ образомъ онъ очутился противъ всѣхъ, онъ, который только хотѣлъ бы кутить со всѣми? Съ какой стати среди сборища людей деликатныхъ, мягкихъ, боязливыхъ, снисходительныхъ, наконецъ, въ самомъ худшемъ случаѣ, отворачивающихся отъ него, нашелся рѣзкій человѣкъ, который бросалъ оскорбленія прямо ему въ глаза? Если онъ дѣйствительно былъ нехорошимъ человѣкомъ, почему другіе не предостерегли его? Почему ошибки молодости должны кончиться такъ трагически?

Какъ и прежде, такъ и нынѣ, наканунѣ поединка Фердинандъ вспомнилъ танственную фабричную дверь, но теперь она представилась ему иначе. Ему показалось, что если бы онъ отворилъ ее, то

вмѣсто трубокъ, веревки и метлы онъ нашелъ бы гробъ съ надписью: «Помѣщеніе для одинокой особы». Гробъ съ такой карточкой онъ видѣлъ однажды у дверей одной столярной лавки въ Варшавѣ.

— Помѣщеніе для одинокой особы!—шепнулъ Фердинандъ.— Забавный столяръ!

Гостиничный диванъ не отличался мягкостью. Фердинандъ прислонился головою къ поручню и вспомнилъ свой экипажикъ, въ которомъ въ пьяномъ видѣ возвращался когда-то домой. Экипажикъ, удобный для сидящаго, для лежащаго былъ такъ же неудобенъ, какъ этотъ диванъ. Фердинанду казалось, что онъ ѣдетъ въ своемъ экипажикѣ, чувствуетъ легкое содроганіе, слышитъ стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ копытъ.

Фердинанду дремлется. Уже полночь, на шоссе падаютъ лучи высоко стоящаго мѣсяца. Экипажикъ содрогается и стучитъ, потомъ вдругъ—останавливается.

«— Что это значитъ?—спрашиваетъ Фердинандъ въ полуснѣ.

«— У Гославскаго оторвало руку»,—отвѣчаетъ ему какой-то тихій голосъ.

«— Это у того, у котораго такая хорошенькая жена?»—спрашиваетъ Фердинандъ, какъ когда-то спрашивалъ наяву.

«— Ишь ты, какой умный!»—отвѣчаетъ ему тотъ же самый голосъ.

«Умный? Что такое умъ?»—говоритъ самому себѣ Фердинандъ, поворачиваясь на диванѣ, какъ бы не желая смотрѣть на представляющіяся ему видѣнія. Но видѣнія не исчезаютъ. И онъ видитъ, какъ тогда на яву, кучку людей, окружающую кого-то, кто лежитъ на носилкахъ. Онъ видитъ его руку, торчащую надъ грудью и обернутую тряпками, на которыхъ чернѣютъ огромныя пятна крови. Онъ протираетъ глаза... Напрасно! Люди стоятъ и носилки стоятъ, и все это такъ явственно, что на фонѣ шоссе видны даже укороченныя тѣни предметовъ и людей.

— Какъ страдаетъ этотъ человѣкъ!—шепнулъ Фердинандъ.— И онъ долженъ умереть!—добавилъ онъ.

Ахъ, умереть!

Ему казалось, что это онъ самъ лежитъ на носилкахъ, съ разбитой рукою, страдающій, лишенный надежды, что это его измученное тѣло освѣщаетъ теперь страшный мѣсяцъ.

Откуда такія мысли? Съ которыхъ поръ шампанское навѣваетъ ему грустныя видѣнія?

Вдругъ онъ почувствовалъ доселѣ еще незнакомое впечатлѣніе.

Онъ чувствовалъ, что его что-то удручаетъ, терзаетъ его сердце, буравитъ его мозгъ. Онъ чувствовалъ, что ему хочется закричать, убѣжать, скрыться куда-нибудь.

Фердинандъ вскочилъ на ноги.

— Что за чортъ! Да я, кажется, трушу!—шепнулъ онъ.

— Я боюсь?... Я?...

Онъ съ трудомъ нашелъ спички, разсыпалъ ихъ, поднялъ одну, черкнулъ,—она погасла; черкнулъ другую, та вспыхнула, а отъ нея онъ зажегъ и свѣчку.

Онъ подошелъ къ зеркалу. Лицо у него было сѣрое, глаза обведены черными кругами, зрачки расширены.

— Я боюсь?—повторилъ онъ свой вопросъ.

Свѣча дрожала у него въ рукахъ.

— Если завтра пистолетъ такъ же будетъ дрожать, то хорошее дѣло будетъ!—сказалъ онъ.

И онъ посмотрѣлъ въ окно. Тамъ, въ нижнемъ этажѣ, на противоположной сторонѣ, сидѣлъ Запора за письменнымъ столомъ и все писалъ, такъ же ровно и спокойно.

Видъ этотъ отрезвилъ Фердинанда. Темпераментъ взялъ верхъ надъ предразсудками.

— Пиши себѣ, миленькій,—подумалъ онъ, глядя на судью,—а я поставлю тебѣ точку!

Въ коридорѣ послышались шаги. Постучались въ дверь.

— Вставай, Фердинандъ, ужинъ готовъ!—крикнулъ кто-то.

Услыхавъ знакомый голосъ, Фердинандъ сдѣлался прежнимъ Фердинандомъ. Если бы ему пришлось спрыгнуть въ яму, насаженную остріями, то онъ прыгнулъ бы, не моргнувъ глазомъ. Онъ попрежнему ощущалъ силу льва и ту безумную отвагу юности, для которой нѣтъ опасности, нѣтъ границъ.

Когда передъ нимъ распахнулись двери, и онъ увидалъ своихъ товарищей, то разразился сердечнымъ смѣхомъ. Онъ смѣялся надъ временной своей слабостью, надъ предчувствіями и надъ тѣмъ, что могъ спрашивать у себя: «неужели я боюсь?»

Нѣтъ, онъ ничего не боится, даже того, чтобы небесный сводъ свалился ему на голову. Если у него не было ни капли генія, то по своей отвагѣ онъ былъ настоящимъ орломъ, который садится на молніи, какъ на древесныя вѣтви и смѣло смотритъ прямо въ божественный ликъ самого Зевса.

До восхода солнца пировали товарищи Адлера подъ его предсѣдательствомъ. Въ трактирѣ окна дрожали отъ взрывовъ смѣха и отъ

громкихъ тостовъ, а за виномъ нужно было посылать въ сосѣднюю лавочку.

Въ шестомъ часу утра изъ мѣстечка выѣхали четыре экипажа.

VII.

Вотъ уже нѣсколько дней подъ рядъ въ фабричные склады прибывали большіе транспорты хлопка. Адлеръ, предвидя повышеніе цѣнъ, накупилъ этого продукта на всѣ наличныя деньги. Теперь на фабрику была доставлена только часть всего купленнаго, огромное количество находилось еще въ Англіи и въ Германіи.

Разсчеты ткача не обманули его. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ заключенія договора цѣна на хлопокъ поднялась и съ той поры постоянно поднималась. У него спрашивали, не возьметъ ли онъ 2% отступного, но Адлеръ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ только потиралъ руки отъ удовольствія. Давно онъ уже не помнилъ такой выгодной операціи и теперь видѣлъ, что раньше, чѣмъ онъ переработаетъ сырой товаръ, состояніе его умножится, по крайней мѣрѣ, на одну треть.

— Скоро я и покончу съ фабрикой,—говорилъ онъ себѣ.

Странное дѣло! Съ минуты, съ которой онъ увидалъ на отдаленномъ горизонтѣ цѣль своего многолѣтняго труда, онъ почувствовалъ незнакомую до сихъ поръ слабость. Фабрика начинала становиться ему противной. Онъ хотѣлъ уѣхать куда-нибудь, тосковалъ по чемъ-то. Не разъ онъ просилъ сына, чтобы тотъ не все время проводилъ внѣ дома, или, лучше сказать, чтобы сидѣлъ съ отцомъ и разсказывалъ ему о своихъ путешествіяхъ. Все чаще и чаще онъ ѣздилъ къ пастору Бёме и тамъ по цѣлымъ часамъ толковалъ объ ожидающемъ его отдыхѣ.

— Усталъ я,—говорилъ онъ.—Смерть Гославскаго и фабричные безпорядки стоятъ у меня костью въ горлѣ.

Какъ-то разъ послѣ такихъ словъ онъ задумался и вдругъ добавилъ:

— Повѣришь ли, милый Мартинъ, что утромъ, когда за человѣка спорятъ мягкая кровать съ необходимой работой,—я завидую тѣ[illegible]му образу жизни. И не разъ я говорю себѣ: не лучше ли быть н[illegible]горомъ, котораго люди не проклинаютъ, котораго не бранятъ газе[illegible]и у котораго сынъ не растрачиваетъ деньги?

— Но все это глупости! Видно, что я начинаю старѣться!

И какъ Гославскій, на могилѣ котораго еще не осѣла земля, счита[illegible] дни своего пребыванія на фабрикѣ, такъ теперь старый ткачъ с[illegible]лъ мѣсяцы

— До іюля будущаго года я долженъ обработать весь хлопокъ. Въ іюнѣ нужно будетъ объявить о продажѣ фабрики. Не дальше какъ въ августѣ я получу деньги, потому что кредитомъ я забавляться и не думаю, а въ сентябрѣ...

— Нѣтъ! Фердинанду я не скажу до послѣдней минуты. Вотъ мальчикъ обрадуется-то! Деньги, конечно, положу въ банкъ и жить буду только на проценты, потому что иначе шалопай спуститъ ихъ въ какіе-нибудь два года, а я подъ старость лѣтъ долженъ былъ бы поступить куда-нибудь въ старшіе надзиратели... Ха-ха!

Иногда ему снилась огромная гора, достигающая почти до неба, изъ горы вырывался огонь, а онъ карабкался на нее со свойственнымъ ему упорствомъ. По временамъ онъ мечталъ о томъ, что взлетаетъ на воздушномъ шарѣ все выше и выше, туда, откуда звѣзды начинаютъ уже казаться большими. А то ему грезились толпы богато разодѣтыхъ и прекрасныхъ танцоровъ, толпящихся въ богатыхъ залахъ, которыя тянулись безконечно далеко. Но всегда онъ бывалъ одинъ,—Фердинанда онъ никогда не чувствовалъ рядомъ съ собою.

Тогда онъ думалъ:

— Этотъ шалопай такъ отучилъ меня отъ своего общества, что даже не снится мнѣ. Если бы онъ еще нѣсколько лѣтъ пробылъ въ отсутствіи,—я забылъ бы, каковъ онъ на видъ.

Несмотря на то, сына онъ полюбилъ еще больше и потому-то дозволялъ ему безумствовать внѣ дома и не смѣлъ долго задерживать при себѣ.

— Зачѣмъ мнѣ приковывать малаго къ фабрикѣ, коли она самому мнѣ опротивѣла? Что ему за дѣло, что я грущу по немъ? Онъ молодъ, а я—старый дѣдъ. Онъ долженъ забавляться съ молодыми, а у меня есть своя забава—трудъ.

На другой день послѣ ярмарки старый ткачъ, какъ обыкновенно, обозрѣвалъ всѣ мастерскія и отдѣленія. Нѣсколько человѣкъ изъ рабочихъ были на ярмаркѣ, и на фабрику проникли слухи о продѣлкѣ пана Фердинанда въ преувеличенномъ видѣ. Говорилось, что паничъ откупилъ обѣды во всѣхъ трактирахъ, и что каждый шляхтичъ, который хотѣлъ что-нибудь съѣсть или выпить, долженъ былъ сначала кланяться молодому Адлеру.

Старикъ сначала смѣялся продѣлкѣ сына, но потомъ, сообразивъ, сколько могла стоить такая забава,—нахмурилъ брови.

— Бездѣльникъ Фердинандъ,—сказалъ онъ бухгалтеру,—все слопаетъ, что мы наживемъ на хлопкѣ. Великое горе съ этимъ негодяемъ!

На дворѣ стояли фуры съ хлопкомъ, который наемные носили

щики перетаскивали въ склады. Адлеръ посмотрѣлъ на ихъ работу, обошелъ склады, сурово подтвердилъ, чтобы никто не осмѣливался курить, и возвратился въ контору.

У воротъ двѣ женщины оживленно разговаривали съ швейцаромъ, но при видѣ Адлера убѣжали.

Ткачъ не обратилъ на это вниманія.

Изъ конторы выбѣжалъ служащій, какой-то растерянный. Въ кассѣ—бухгалтеръ, его помощникъ и кассиръ, забившись въ уголъ, о чемъ-то совѣтовались, съ ясными признаками волненія, но при видѣ принципала быстро направились на свои мѣста и склонились надъ бумагами.

Адлеру и это не показалось страннымъ. Вчера была ярмарка, служащіе непремѣнно передаютъ другъ другу какія-нибудь сплетни.

Въ пріемной Адлеръ лицомъ къ лицу столкнулся съ какимъ-то незнакомымъ мужчиною. Гость былъ полонъ нетерпѣнія и безпокойства. Онъ быстро расхаживалъ по залѣ и махалъ руками. Увидѣвъ огромнаго фабриканта, онъ сразу остановился и, смѣшавшись, спросилъ:

— Панъ Адлеръ?

— Да,—отвѣтилъ ткачъ.—У васъ есть ко мнѣ дѣло?

Гость долгое время ничего не отвѣчалъ, только губы его слегка дрожали.

Фабрикантъ внимательно присматривался къ нему, желая отгадать, кто это такой и чего онъ хочетъ? Не похожъ что-то на кандидата на конторскую должность, скорѣе кажется богатымъ баричемъ.

— Да, у меня къ вамъ важное дѣло,—сказалъ гость.

— Можетъ быть, мы перейдемъ ко мнѣ въ домъ?—спросилъ Адлеръ, догадываясь, что съ такимъ возбужденнымъ человѣкомъ лучше разговаривать не при служащихъ.

Гость съ минуту колебался, но тотчасъ же отвѣтилъ:

— Хорошо... пойдемте въ домъ. Я уже былъ тамъ.

— Вы искали меня?

— Да... видите ли, панъ Адлеръ, мы... привезли Фердинанда.

Мысль о какомъ-нибудь несчастіи была такъ далека отъ фабри[illegible]ка, что онъ почти весело спросилъ:

– Развѣ Фердинандъ такъ напился на ярмаркѣ, что не могъ [illegible]ать безъ посторонней помощи?

— Онъ раненъ,—отвѣтилъ гость.

[illegible]ни были уже на дворѣ передъ домомъ. Адлеръ вдругъ остано[illegible].

Кто раненъ?—спросилъ онъ.

— Фердинандъ.

Старикъ взмахнулъ руками.

— Поломалъ ноги, свернулъ шею? Что это значитъ?

— Онъ раненъ пулей.

— Пулей? Онъ? Какимъ образомъ?

— На дуэли.

Красное лицо фабриканта приняло теперь кирпичный оттѣнокъ. Они были на крыльцѣ. Адлеръ бросилъ въ сѣняхъ шляпу и ворвался въ отворенную дверь. Онъ даже не спросилъ, кѣмъ былъ раненъ его сынъ? Что ему за дѣло?

Въ первой же комнатѣ онъ увидалъ слугъ и еще одного незнакомаго мужчину. Фабрикантъ растолкалъ ихъ и остановился передъ диваномъ, на которомъ лежалъ Фердинандъ.

На раненомъ не было ни сюртука, ни жилетки. Лицо его такъ страшно измѣнилось, что ткачъ въ первую минуту не могъ узнать собственнаго сына. Въ головахъ у Фердинанда сидѣлъ докторъ.

Адлеръ смотрѣлъ... смотрѣлъ... Потомъ онъ упалъ на незанятой стулъ и, опершись въ колѣна могучими руками, сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Что ты надѣлалъ, глупецъ?

Фердинандъ посмотрѣлъ на него съ неописуемой грустью. Онъ взялъ отцовскую руку и въ первый разъ съ дѣтскихъ лѣтъ поцѣловалъ ее.

Адлеръ вздрогнулъ и совершенно онѣмѣлъ.

Фердинандъ заговорилъ тихо, съ перерывами:

— Я долженъ былъ, папа... долженъ былъ!... Всѣ на насъ кричали, шляхта, кѣльнеры, газеты. Говорили, что я швыряю деньгами, а ты обираешь рабочихъ... Еще недолго, и намъ стали бы плевать въ глаза...

— Не утомляйте себя!—шепнулъ докторъ.

Старикъ раскрылъ свой огромный ротъ, наклонился надъ сыномъ, смотрѣлъ, слушалъ. Фигура его выражала величайшее изумленіе.

— Спаси меня, папа!—сказалъ Фердинандъ повышеннымъ голосомъ.—Я обѣщалъ доктору десять тысячъ...

По лицу Адлера промелькнула тѣнь недовольства.

— Зачѣмъ такъ много?—машинально спросилъ онъ.

— Потому что я... погибаю... Чувствую, что погибаю!...

Старикъ вскочилъ.

— Ты сумасшедшій!—воскликнулъ онъ.—Надѣлалъ ты глупостей, поступилъ скверно, но до смерти тебѣ еще далеко...

— Умираю!—простоналъ больной.

Адлеръ всплеснулъ руками.

— Ты съ ума сошелъ! Ей-Богу, съ ума сошелъ!

Онъ началъ бѣгать по комнатѣ, заломилъ руки такъ, что даже пальцы затрещали, и вдругъ остановился передъ докторомъ:

— Ну, скажите ему, что онъ дуракъ. Говоритъ о смерти и думаетъ, что я дамъ ему умереть... Тебѣ умереть?

— Обѣщалъ доктору десять тысячъ? Мало. Докторъ,—съ лихорадочной поспѣшностью говорилъ старикъ.—Я за моего сына дамъ сто тысячъ рублей, если есть хоть тѣнь опасности. Но за то, что онъ глупъ, я платить не намѣренъ. Каково его положеніе?

— Опасности особенной не предвидится,—сказалъ докторъ,—но лѣченіе должно быть старательное.

— Ну, вотъ,—перебилъ Адлеръ.—Слышишь, Фердинандъ, что говоритъ докторъ? А если слышишь, то не забивай себѣ и мнѣ голову глупостями.

— Іоганъ, послать телеграмму въ Варшаву, пускай съѣдутся самые знаменитые доктора. Взять экстренный поѣздъ. Если нужно, послать въ Берлинъ и въ Вѣну, наконецъ, въ Парижъ. Господинъ докторъ, прошу васъ, дайте мнѣ адреса самыхъ знаменитѣйшихъ врачей. Я заплачу, мнѣ есть чѣмъ заплатить!

— О, какъ мнѣ страшно!—простоналъ Фердинандъ, мечась на диванѣ.

Отецъ припалъ къ нему.

— Успокойтесь!—говорилъ докторъ.

— Папа!—кричалъ больной.—Папа, милый, я уже не вижу тебя...

На губахъ у него показалась кровавая пѣна, въ глазахъ и на лицѣ отражались тревога и отчаяніе.

— Воздуха!—закричалъ онъ.

Потомъ онъ сорвался съ дивана и, выставляя руки впередъ, какъ слѣпой, побѣжалъ къ окну. Но тутъ руки его безсильно опустились. Онъ возвратился назадъ, пошатнулся у дивана и упалъ на него, ударившись головой о стѣну.

Еще разъ онъ обратился къ отцу, широко и съ трудомъ раскрылъ глаза и двѣ слезы повисли у него на рѣсницахъ.

Адлеръ, весь дрожа, обезсилѣвшій, сѣлъ рядомъ съ нимъ и своею громною рукою отеръ ему слезы и пѣну съ губъ.

— Фердинандъ! Фердинандъ!—шепталъ онъ.—Успокойся! Ты будешь жить; я отдамъ все состояніе!

Въ это время онъ почувствовалъ, что сынъ тяжелѣетъ и выпадаетъ изъ его объятій.

— Докторъ! приведите его въ чувство, онъ падаетъ въ обморокъ.

— Панъ Адлеръ, уйдите отсюда!—сказалъ докторъ.

— Мнѣ уйти? Не могу я уйти, когда мой сынъ требуетъ моей помощи...

— Онъ уже не требуетъ,—тихо отвѣтилъ докторъ.

Адлеръ смотрѣлъ на сына, трясъ его, щипалъ. На перевязкѣ, покрывающей грудь, показалось большое кровяное пятно. Фердинандъ умеръ.

Старикомъ овладѣло безуміе. Онъ вскочилъ съ дивана, отшвырнулъ ногою стулъ, оттолкнулъ доктора и выбѣжалъ на дворъ, а потомъ на шоссе.

На шоссе онъ встрѣтилъ одного изъ фурмановъ, которые привезли хлопокъ, схватилъ его за плечи и крикнулъ:

— Ты знаешь? Сынъ мой умеръ!

Потомъ онъ бросилъ его на шоссе и побѣжалъ къ будкѣ швейцара.

— Эй! созвать всѣхъ людей къ дому, пускай придутъ... Сейчасъ же!

Такъ же спешительно онъ ворвался въ комнату, гдѣ лежалъ его мертвый сынъ, сѣлъ напротивъ него и смотрѣлъ, смотрѣлъ.

Очнулся онъ развѣ только черезъ полчаса.

— Почему такъ тихо?—спросилъ онъ.—Машина испортилась, что ли?

— Вы приказали созвать рабочихъ, вотъ они и остановили машину и всѣ ждутъ на дворѣ,—отвѣтилъ Іоганъ.

— Зачѣмъ? для чего? Пускай идутъ на работу. Я не хочу, чтобы было такъ тихо. Пустить въ ходъ машину и всѣ мастерскія. Пускай ткутъ, пускай прядутъ, пускай движутся, пускай кричатъ!

Онъ обѣими руками схватился за голову.

— Мой сынъ... сынъ... сынъ!—шепталъ онъ.

Пасторъ, за которымъ давно уже послали, пріѣхалъ въ эту минуту и съ плачемъ вбѣжалъ въ комнату.

— Готлибъ!—воскликнулъ онъ,—тяжело наказалъ насъ Богъ, но будемъ уповать на Его милосердіе.

Адлеръ долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него и сказалъ, указывая на останки сына:

— Смотри, Мартинъ, это я. Здѣсь не его трупъ, а мой. Если бы я не вѣрилъ въ это, то сошелъ бы съ ума.

— Смотри,—продолжалъ онъ,—здѣсь лежитъ моя фабрика, мое

состояніе, моя надежда. Но онъ умеръ. Говори мнѣ это и ты, и всѣ вы говорите! Это успокоитъ меня.

— О, сердце, сердце мое! Какъ оно болитъ!

Волна несправедливости возвратилась.

Когда докторъ и секунданты уѣхали, пасторъ началъ уговаривать Адлера выйти вонъ. Старикъ послушался его и они пошли въ садъ. Тамъ старый фабрикантъ остановился на одномъ изъ пригорковъ и началъ говорить:

— Если бы я могъ обнять...

Онъ размахнулъ руками.

— Если бы я могъ обнять все, задушить, бросить на землю, и затоптать вотъ такъ, вотъ такъ. Еслибъ я могъ! еслибъ я могъ! Мартинъ, ты не знаешь, что дѣлается въ моей головѣ и какъ у меня болитъ сердце!

Онъ упалъ на скамью и продолжалъ:

— Тамъ лежитъ мой умершій сынъ, а я ничѣмъ не могу помочь ему! И знаешь, что я скажу тебѣ? Мнѣ кажется, что черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и черезъ недѣлю доктора найдутъ способъ пробуждать и вылѣчивать такихъ раненыхъ. Но что же мнѣ-то будетъ изъ этого, хотя за такой способъ я отдалъ бы все свое состояніе и самого себя? Я продалъ бы себя, какъ собаку, какъ штуку миткаля. А теперь я ничего сдѣлать не могу.

Пасторъ взялъ его за руку.

— Готлибъ, когда ты молился въ послѣдній разъ?

— Почемъ я знаю? Можетъ быть, тридцать, а можетъ быть и сорокъ лѣтъ тому назадъ.

— Ты помнишь какую-нибудь молитву?

— Я помню, что... у меня былъ сынъ.

— Твой сынъ у Бога.

Адлеръ понякъ головою.

— Какой же нашъ Богъ кровожадный.

— Не богохульствуй! Ты еще встрѣтишься съ сыномъ.

— Когда?

— Когда пробьетъ твой часъ.

Старикъ задумался, потомъ вынулъ изъ жилетнаго кармана часы репетиціей, надавилъ пружину, выждалъ, пока часы пробьютъ, и сказалъ:

— Мой часъ уже пробилъ, а ты, Мартинъ, возвращайся домой!... я ждетъ жена, дочь, церковь. Утѣшайся ими, совершай свое богослуженіе, пей рейнское вино, а меня... оставь.

Мнѣ кажется, что я жду похоронъ всего міра и только при-

слушиваюсь, скоро ли ударятъ въ какой-то огромный колоколъ. Погибнетъ весь міръ, и я въ немъ!

...Возвратись домой, Мартинъ! Мнѣ друзья не нужны, а еще меньше пасторъ. Твое испуганное лицо надоѣдаетъ мнѣ и раздражаетъ. Наконецъ, я обойдусь и безъ няньки; вѣдь воспиталъ же я одинъ своего сына.

— Готлибъ! успокойся, помолись!

Адлеръ вскочилъ со скамейки.

— Убирайся къ дьяволу!—крикнулъ онъ.

Потомъ онъ быстро побѣжалъ въ глубь сада и черезъ калитку ушелъ въ поле.

Пасторъ не зналъ, что ему дѣлать, и возвратился въ домъ, полный злыхъ предчувствій. Онъ хотѣлъ послать кого-нибудь, чтобы издали слѣдить за Адлеромъ, но прислуга боялась своего барина.

Пасторъ вызвалъ къ себѣ бухгалтера и сообщилъ ему, что его хозяинъ выбѣжалъ въ поле не совсѣмъ въ сознательномъ видѣ.

— Это ничего,—отвѣтилъ бухгалтеръ.—Утомится и возвратится болѣе спокойнымъ. Онъ всегда дѣлаетъ такъ, если бываетъ чѣмъ-нибудь очень огорченъ.

Прошло нѣсколько часовъ, наступилъ вечеръ, но стараго ткача все не было дома.

Никогда еще во всѣхъ отдѣленіяхъ не велась такая оживленная бесѣда, какъ сегодня, со времени смерти молодого Адлера. Гибель Гославскаго, правда, взволновала всю фабрику, напомнила людямъ испытанныя ими несправедливости, а суровость хозяина раздражала ихъ, но въ теперешнемъ случаѣ дѣло происходило совершенно иначе.

Первое впечатлѣніе толпы, при вѣсти о неожиданной смерти Фердинанда, были удивленіе и страхъ. Казалось, что съ безоблачнаго неба грянулъ громъ, что фабрика содрогнулась въ своемъ основаніи, что солнце потекло назадъ. Никто, начиная съ главнаго бухгалтера и кончая послѣдней работницей и ночнымъ сторожемъ, не могъ примириться съ мыслью, что Фердинандъ умеръ. Онъ, такой молодой, сильный, веселый, богатый! Онъ, который ничего не дѣлалъ, не приставленъ былъ ни къ какой машинѣ. Онъ, сынъ могучаго отца, умеръ, погибъ въ болѣе короткій промежутокъ времени, чѣмъ ничтожный рабочій Гославскій, погибъ, какъ заяцъ отъ ружейнаго выстрѣла, почти по мгновенію ока.

Эти люди, простые, убогіе, зависящіе отъ всего, для которыхъ Адлеръ былъ грознымъ божествомъ, превышающимъ всякое начальство, величайшимъ вельможей и сильнѣйшимъ человѣкомъ, эти люди устрашились. Въ первую минуту имъ казалось, что средній шлях-

тичъ и скромный гминный судья Запора, который убилъ Фердинанда, совершилъ святотатство. Какъ онъ осмѣлился стрѣлять въ панича, въ присутствіи котораго самые нахальные рабочіе опускали глаза, самые сильные теряли свою силу? Что такое происходитъ?

И случилось нѣчто необычайное. Тѣ самые, которые каждый день проклинали фабриканта и его сына, тѣ самые бранили его убійцу. Не одинъ человѣкъ утверждалъ, что такого злодѣя нужно убить, какъ собаку. Но если бы этотъ злодѣй вдругъ появился бы въ ихъ средѣ, они убѣжали бы.

Послѣ перваго взрыва наступила минута раздумья. Машинисты и главные мастера объяснили остальнымъ, что Запора стрѣлялъ въ Фердинанда не какъ охотникъ стрѣляетъ по птицѣ, что Фердинандъ самъ хотѣлъ, чтобы въ него стрѣляли и самъ выстрѣлилъ первый. Значитъ, то была борьба. Но для чего Фердинандъ вмѣшался въ такую борьбу, если первый не могъ убить противника? Почему онъ промахнулся? Зачѣмъ два этихъ человѣка, вѣрнѣе, двѣ сверхземныхъ силы столкнулись другъ съ другомъ?

Кто-то шепнулъ, что тутъ дѣло шло о нихъ, о рабочихъ, что Запора убилъ панича за то, что тотъ прокучивалъ деньги, нажитыя на людской несправедливости. Наконецъ,—добавляли старики,—Богъ покаралъ Адлера. Проклятія были выслушаны.

Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ возникла легенда. Слезы и кровь человѣческая дошли до Божьяго престола, и чудо совершилось, здѣсь же, на глазахъ всей околицы. Благочестивые люди встревожились, либералы корчили презрительныя мины, но и тѣ чувствовали въ сердцѣ какую-то дрожь.

— Что-то будетъ?—спрашивали всѣ.

— А вы знаете, что старикъ, кажется, сошелъ съ ума?

— Должно быть, что такъ, коли бросилъ фурмана на шоссе, всѣхъ насъ вызвалъ неизвѣстно зачѣмъ, а теперь вылетѣлъ изъ дома и блуждаетъ по полю.

— Онъ всегда такъ дѣлаетъ, если разозлится на что-нибудь.

— На кого же ему теперь злиться? Развѣ на Господа Бога?

— Не бреши такъ... Не призывай имени Божія, потому что неизвѣстно, что случится.

— Интересно, что сдѣлаетъ теперь старикъ?

— А что, можетъ быть, больше не станетъ обижать насъ?

— Въ конторѣ говорятъ, что онъ навѣрно продастъ фабрику и ѣдетъ къ своимъ.

— Да вѣдь у него никого нѣтъ.

— Э! найдется кто-нибудь... швабы плодущій.

Такъ шептали рабочіе. Главные мастера были посерьезнѣе. Они не спрашивали о работѣ, только бѣгали въ контору за новостями. Одинъ совѣтовалъ, чтобы въ знакъ траура остановить фабрику, но старикъ бухгалтеръ пробралъ его.

— Пусть все идетъ, какъ шло,—сказалъ онъ.—Хозяинъ и такъ не въ своемъ умѣ, зачѣмъ же раздражать его? Мнѣ самому стало грустно, великій страхъ охватилъ меня, когда фабрика остановилась и всѣ пошли къ господскому дому. Когда трещатъ машины, у человѣка на сердцѣ легче, и ему кажется, что ничего дурного не случилось.

— Правда, правда!—подтвердили слушатели.

Около шести часовъ вечера въ конторѣ появился Адлеръ. Онъ вошелъ, какъ видѣніе, неизвѣстно когда. Одежда его была въ пыли, словно онъ катался по землѣ, короткіе волосы ежились. Онъ былъ весь въ поту и задыхался. Бѣлки его глазъ наполнились кровью, зрачки нервно расширены.

Онъ вошелъ въ контору, началъ быстро пробѣгать по всѣмъ заламъ и щелкать пальцами. Служащіе дрожали на своихъ стульяхъ.

Молодой корреспондентъ читалъ какую-то телеграмму. Адлеръ подступилъ къ нему и спросилъ измѣнившимся голосомъ, хотя спокойно:

— Что такое?

— Хлопокъ опять пошелъ въ гору,—отвѣтилъ корреспондентъ.—Сегодня мы нажили еще шесть тысячъ...

Онъ не докончилъ. Адлеръ вырвалъ у него телеграмму изъ рукъ, скомкалъ и швырнулъ ему въ лицо.

— Подлецъ!—закричалъ онъ.—Подлецъ! Какъ ты смѣешь говорить мнѣ что-нибудь подобное?

Онъ снова забѣгалъ по заламъ и началъ ворчать:

— Человѣкъ — самое худшее животное. Собаки, и тѣ видятъ мою скорбь, не смѣютъ ласкаться и убѣгаютъ, поджавши хвостъ. А онъ говоритъ мнѣ о шести тысячахъ рублей!

Онъ остановился передъ испуганнымъ служащимъ и, потрясая руками, заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Сдѣлай такъ, мѣдный ты лобъ, чтобы время попятилось на одну недѣлю... на одинъ день, и я отдамъ тебѣ всѣ мои заработки. Я выйду изъ проклятой страны босой и нагой, выползу на колѣняхъ, буду бить камень по дорогамъ, буду умирать съ голода, и всетаки буду счастливымъ. Ну, ты!... сумѣешь ты отодвинуть время на одинъ день?... На полдня!...

Бёме узналъ, что Адлеръ возвратился и прибѣжалъ въ контору.

— Готлибъ,—сказалъ онъ,—лошади готовы, поѣдемъ ко мнѣ.

Фабрикантъ выпрямился, заложилъ обѣ руки въ карманы и, запачканный, задыхающійся, смотря на него сверху внизъ, проговорилъ съ ироніей:

— Святой ты мой Мартинъ, не поѣду я къ тебѣ!... Я тебѣ еще яснѣе скажу: ни тебѣ, ни твоей Аннетѣ, ни твоему Іозефу я не завѣщаю ни одного гроша... Слышишь?... Я знаю, что ты—слуга Божій, и что твоими устами гласитъ мудрость Божія!... Но я не дамъ тебѣ ни ломанаго гроша!... Мое состояніе принадлежитъ моему сыну и назначено вовсе не для того, чтобы поддерживать добродѣтель пасторскихъ дѣтей.

...Иди ты, благочестивый Мартинъ, иди... Иди къ своей худой женѣ и къ скромной Аннетѣ, разсказывай имъ, что ты напалъ на очень умнаго сумасшедшаго, котораго никто не обманетъ ни искусственными слезами, ни настоящей глупой миною.

...Иди, иди ты, Мартинъ, туда... къ трупу... и бормочи надъ нимъ свои молитвы... Но, я говорю тебѣ, что ты скорѣе надоѣшь ему своей молитвой, чѣмъ меня опутаетъ твоя благочестивая предусмотрительность.

— Что ты говоришь, Готлибъ?—допрашивалъ удивленный пасторъ.

— Ахъ! да вѣдь я говорю ясно!... Вы стакнулись всѣ, чтобы заграбастать мое состояніе, чтобы когда-нибудь твой Іозефъ, техникъ, хозяйничалъ, какъ сѣрый гусь, на этой фабрикѣ... Вы сына у меня убили... Вы и меня убить хотите... Но не на того напали!... Я не принадлежу къ числу тѣхъ дураковъ, которые за милліонъ покупаютъ спасеніе души у ксёндзовъ или пасторовъ!...

— Готлибъ!—перебилъ пасторъ,—ты меня подозрѣваешь?... Меня?...

Адлеръ схватилъ его за руку и бѣшено глядя ему въ глаза, продолжалъ:

— Помнишь ли ты, Мартинъ, сколько разъ ты мнѣ грозилъ наказаніемъ Божьимъ?... Давно когда-то то же самое дѣлали іезуиты съ глупыми богачами и выманивали у нихъ ихъ достояніе... Но я не дозволю тебѣ одурачить меня, я держался за свое и вотъ... Богъ покаралъ меня.

...Не притворяйся удивленнымъ, Мартинъ... Вѣдь еще такъ недавно ты бросалъ въ сажалку пробки и щепки, показывалъ мнѣ какие-то волны и говорилъ, что онѣ возвратятся... Ну, вотъ твои волны возвратились!...

...Только мой бѣдный сынъ уже не возвратится... Онъ отпра-

вился въ путешествіе, на которое нужно много, очень много денегъ, и нужно сердце отцовское, чтобы оно оберегало его отъ іезуитовъ и отъ пасторовъ...

...Иди, Мартинъ!... Мнѣ дѣлается тошно, когда я смотрю на твой длинный носъ, который къ тому же такъ скверно раскраснѣлся... Иди, Мартинъ, къ моему сыну, а такъ какъ твой голосъ, должно быть, слышно и на томъ свѣтѣ, то скажи ему...

Адлеръ никогда не бывалъ такъ краснорѣчивъ, какъ въ ту минуту, когда его покидалъ разумъ. Онъ схватилъ пастора за руку и вывелъ его за дверь, а потомъ снова началъ обходить всѣ отдѣленія.

Наконецъ, онъ выбѣжалъ изъ конторы. Вечерній мракъ заслонилъ его, а стукъ машинъ заглушилъ его шаги.

Служащіе были поражены. Никто уже не сомнѣвался, что Адлеръ сошелъ съ ума, хотя бы временно. Но точно также никто не думалъ о томъ, чтобы слѣдить за нимъ, оберегать его. Во время великихъ и быстро развивающахся несчастій всѣ обыкновенно теряютъ голову.

Всѣ могли совершать обычное свое дѣло, но на самостоятельный шагъ по отношенію къ своему хозяину, хотя и обезумѣвшему, никто не отваживался.

Пасторъ Бёме понималъ всю грозу положенія. Зная характеръ Адлера, онъ предвидѣлъ какую-то новую опасность и хотѣлъ хотя отчасти предотвратить его, но не смѣлъ отдавать никакихъ распоряженій. Да и кому тутъ приказывать, кто бы послушался его?

Тѣмъ временемъ событія шли впередъ. Около семи часовъ одинъ изъ рабочихъ замѣтилъ, что маленькая дверь въ складѣ хлопка открыта, но раньше чѣмъ увѣдомилъ объ этомъ смотрителя склада, прежде чѣмъ подоспѣли другіе люди, дверь заперлась.

На фабрикѣ начали шептать о покражѣ, а потомъ разговоръ сошелъ на страждущую душу Фердинанда. Дали знать служащимъ, которые уже вышли изъ конторы. Двое изъ нихъ тотчасъ же прибѣжали, взволнованные какимъ-то предчувствіемъ, осмотрѣли контору и убѣдились, что главнѣйшіе ключи отъ фабрики отсутствуютъ.

Кто ихъ взялъ?... Безъ сомнѣнія, хозяинъ. Но гдѣ онъ самъ въ настоящую минуту?... Швейцаръ увѣрялъ, что видѣлъ, какъ Адлеръ вошелъ въ ворота, но, несмотря на всю свою бдительность, не видалъ, чтобы онъ вышелъ обратно. Значитъ, Адлеръ находился въ предѣлахъ фабрики, но кто захочетъ разыскивать его въ такомъ огромномъ зданіи, да еще ночью?

Тѣмъ временемъ старый бухгалтеръ, кажется, отгадалъ, какая опасность грозитъ фабрикѣ, созвалъ главныхъ мастеровъ, приказалъ

поставить у конторы стражу, остановить машину и вызвать рабочихъ изо всѣхъ залъ.

Но прежде чѣмъ эти распоряженія были выслушаны, раздался набатный звонокъ. Изъ складовъ хлопка сквозь всѣ отверстія началъ показываться густой дымъ и кое-гдѣ огненные языки.

При видѣ этого рабочіе, уже деморализованные предшествующими событіями, подчинились паникѣ и гурьбою покинули мастерскія. Паника была такъ велика, бѣгство настолько быстро совершилось, что ни въ одной залѣ не погасили огней, не заперли никакихъ дверей, даже не остановили паровую машину.

Но все это послужило только къ великому счастью для убѣжавшихъ. Лишь только рабочіе собрались на дворѣ, чтобы отстаивать склады хлопка, какъ огонь показался уже въ ткацкомъ складѣ.

— Что это значитъ? Кто-то поджигаетъ! — отозвались голоса среди толпы.

— Самъ хозяинъ поджигаетъ фабрику! — отвѣтилъ кто-то.

— Да гдѣ же онъ самъ?

— Неизвѣстно, но, должно быть, на фабрикѣ... Теперь огонь вспыхнулъ въ прядильной.

— Очевидно, самъ Адлеръ поджигаетъ!...

— Но какъ онъ вошелъ въ залы?

— Взялъ ключи въ конторѣ.

— Зачѣмъ же намъ отстаивать фабрику, коли онъ самъ уничтожаетъ ее?

— А что мы будемъ ѣсть завтра?

Такія восклицанія, смѣшанныя съ плачемъ женщинъ, раздавались среди многосотенной толпы людей, безсильныхъ передъ лицомъ катастрофы. Дѣйствительно, спасти фабрику было уже невозможно. Собравшіеся въ остолбенѣніи смотрѣли на пожаръ, который въ одномъ мѣстѣ уже свирѣпствовалъ во всю, въ другомъ только что начинался.

Страшную картину представляла фабрика.

На фонѣ угрюмой осенней ночи видно было нѣсколько гигантскихъ зданій, странно иллюминованныхъ. Изъ каждаго отверстія складовъ вырывались красные огоньки, словно факелы. Въ главномъ зданіи, имѣющемъ видъ подковы, на лѣвомъ крылѣ горѣлъ четвертый этажъ, на правомъ—нижній. Всѣ залы центральнаго зданія освѣщали газовыя лампы, при которыхъ было видно быстро вращающіеся ткацкіе станки. На дворѣ, залитомъ краснымъ, все болѣе и болѣе увеличивающимся заревомъ, стояла огромная толпа людей устрашенныхъ и проклинающихъ судьбу.

Огонь усиливался съ каждою минутою; стѣны складовъ почти скрывались подъ завѣсой дыма и пламени. На лѣвомъ крылѣ занялась кровля, на правомъ—пожаръ ворвался на первый этажъ и стучался въ нижнія окна. На дворѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Вдругъ людской говоръ умолкъ. Всѣ глаза обратились на главный корпусъ, до сихъ поръ незатронутый. Тамъ, на второмъ этажѣ, между станками, при свѣтѣ газовыхъ лампъ, показалась гигантская тѣнь человѣка. Тѣнь эта подвигалась взадъ и впередъ, а гдѣ она останавливалась, тамъ черезъ минуту становилось свѣтлѣе. Висящія на станкахъ ткани и основы, полъ, насыщенный масломъ, деревянныя рамы машины—все это хваталъ огонь съ неимовѣрной быстротою. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ второй этажъ главнаго корпуса былъ уже подожженъ. Человѣческая тѣнь показалась на третьемъ этажѣ, медленно прошла по немъ и снова исчезла. Наконецъ, ее увидѣли на самомъ верху, на четвертомъ этажѣ.

— Это онъ, это онъ!—прошло по толпѣ.

Теперь вся фабрика была уже въ огнѣ. Изъ складовъ хлопка вырывался огонь, какъ изъ вулкана, чуть не подъ самыя облака. Изо всѣхъ оконъ праваго крыла такъ же струился дымъ; на лѣвомъ крылѣ кровля выгибалась и трещала. Стекла лопались и съ лязгомъ падали на мостовую двора. Въ нѣкоторыхъ залахъ полъ подламывался подъ тяжестью машинъ.

Средь адскаго шума, дождя искръ, облаковъ дыма, надъ потоками пламени, которые въ главномъ корпусѣ охватили уже всѣ этажи, въ самой верхней залѣ еще ясно виднѣлась тѣнь человѣка. Она двигалась спокойно, не спѣша, какъ надсмотрщикъ, надзирающій за рабочими. Отъ времени до времени она останавливалась у одного изъ многочисленныхъ оконъ и смотрѣла, неизвѣстно куда: на собравшуюся толпу или на господскій домъ.

Въ это время крыша лѣваго крыла со страшнымъ грохотомъ обрушилась. Минуту спустя рухнулъ второй этажъ праваго крыла. Гигантскіе снопы искръ взвились кверху. Стало ясно, какъ днемъ. Въ складѣ хлопка оба этажа завалились единовременно и на толпу рабочихъ началъ падать дождь горячаго пепла. Дѣлалось душно. Нѣкоторыя изъ машинъ главнаго корпуса начали какъ-то странно скрежетать, потомъ опрокинулись набокъ. Вслѣдствіе уменьшенія сопротивленія, маховое колесо паровой машины вращалось съ бѣшеной быстротою, издавая при этомъ звукъ, походящій на вой. Стѣны ло пались, въ одномъ мѣстѣ обрушилась труба, а ея обломки подкати лись къ ногамъ толпы.

Въ главномъ зданіи дымъ по временамъ окутывалъ четверть

этажъ, въ которомъ виднѣлась тѣнь человѣка, спокойно прогуливающагося вдоль освѣщенной залы.

Среди толпы раздался шепотъ ужаса, не похожій на звукъ человѣческихъ голосовъ. Толпа всколыхнулась, начала кричать и показывать на окна.

Въ газовомъ резервуарѣ раздался глухой стукъ. Въ залѣ на четвертомъ этажѣ огонь лампъ ярко вспыхнулъ и погасъ. Дымъ показался въ вентиляторахъ главнаго корпуса. Все зданіе затрещало, съ громовымъ трескомъ обвалилось нѣсколько потолковъ.

На дворѣ сдѣлалось такъ жарко, что толпа отступила. Маховое колесо паровой машины вращалось все тише, медленнѣй, наконецъ, остановилось и оно.

...На фабрикѣ, еще часъ тому назадъ такой богатой и оживленной, безраздѣльно царствовалъ огонь. Слышенъ былъ трескъ горящихъ балокъ, валящихся стѣнъ и тяжелое паденіе металлическихъ частей машинъ.

Адлеръ, знаменитый фабрикантъ, яростный поклонникъ борьбы за существованіе, собравъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ милліоны, добровольно похоронилъ себя подъ ихъ развалинами.

. . . . . .

Волна несправедливости возвратилась.

В. Л.

Ранней весной.

Еще подъ стужею недавней
Все замирало зимнимъ сномъ;
Теперь же вновь открыты ставни,
Цвѣтутъ фіалки подъ окномъ.

Ласкаетъ солнце; но за лѣсомъ
Туманна даль въ завѣсѣ мглы;
Въ вѣтвяхъ, въ бесѣдкѣ подъ навѣсомъ
Поютъ веселые щеглы.

И вѣтеръ теплаго апрѣля,
Какъ поцѣлуй, меня пьянитъ.
Съ полей зовущій звукъ свирѣли,
Сливаясь съ пѣньемъ птицъ, звенитъ.

И дѣтство вновь въ душѣ ожило
И засвѣтилось, какъ звѣзда.
Господь, Господь!—все есть, что было,—
Не измѣнюсь я никогда.

Н. Третьяковъ.

* * *

Мнѣ грезятся лѣсовъ щетинистыя стѣны,
Зовущихъ, длинныхъ рельсъ извивы и клубки,
И спрутовъ-городовъ назойливыя смѣны,
И сѣрая змѣя затертой льдомъ рѣки.

За нею злая даль стираетъ очертанья,
Маячитъ горизонтъ синѣющимъ кольцомъ...
И душатъ сердце мнѣ оковы разстоянья,
И одиночество смѣется подъ окномъ.

И мертвыя слова съ разбитыми крылами
Я тихо хороню въ нѣмыя буквы строкъ...
Мнѣ вѣрить хочется, что говорю я съ вами,
Что вы опять со мной, что я не одинокъ...

Левъ Зиловъ.

ЛѢТНІЙ ОТДЫХЪ.

Наброски.

(Посвящается А. Р. Крандіевской.)

I.

Елена Даниловна.

Каролина, горничная очень респектабельная, быстро прошла, скользя по паркету, черезъ гостиную, постучала въ дверь, не дождалась отвѣта, вошла къ генеральшѣ и доложила, стараясь казаться спокойной:

— Ваше превосходительство, съ барышней опять припадокъ... Я положила на голову мокрое полотенце, иду искать валеріановыя капли... Не будете ли вы добры...

— Хорошо, хорошо, Каролина,—не дала и договорить ей генеральша, вставая.—Идите... Я поспѣшу.

Она положила томикъ Octave Mirbeau, пошла къ нахлѣбницѣ,—эта солидная, пожилая дама съ величественнымъ бюстомъ и широкими еще черными бровями.

Вдова генералъ-лейтенанта очень дорожила постоялкой, привыкла уже за три года къ этой молодой дѣвушкѣ, почти полюбила ее. Даже сѣтовала иногда, что такъ рѣдко видитъ вѣчно занятую, вѣчно пишущую жиличку,—сотрудницу большой политической газеты,—только за обѣдомъ, да и то—не каждый день!... Пріѣзжала Елена Даниловна поздно, нерѣдко—подъ утро; садилась писать; писала, нервно черкая, разрывая уже исписанныя полоски,—до ранняго завтрака; пила кофе, не отрываясь отъ работы; ложилась спать, утомленная, разбитая, и вставала уже почти въ сумерки. Тотчасъ же Каролина хоронила барышню подъ грудой газетъ, которыми необходимо было нервно пошуршать часа два-три, то нервно смѣясь, то нервно сердясь. Потомъ Елена Даниловна снова писала, рвала, черкала полоски, нервно стонала, досадуя, что не дается работа. А за-

тѣмъ,—чаще всего.—«Извините, Инна Густавовна: страшно спѣшу... Обѣдать не стану дома»... И—въ свою редакцію, до поздней ночи!

«Такая сизифова работа не можетъ не отзываться на здоровьѣ молодой двадцатитрехлѣтней и хорошо воспитанной дѣвушки!—думаетъ генеральша, мало озабоченная тѣмъ, кто такой Сизифъ.—Очень натурально, что съ ней припадки... Еще доведетъ себя до полнаго истощенія, до умопомѣшательства! Но она положительно не слушаетъ никакихъ доводовъ, эта ужасная упрямица! Надо ей сказать, однако, что она рискуетъ потерять способность къ работѣ, если будетъ и дальше такъ насиловать себя!»

Вопросъ, сохранить или утратить трудоспособность нахлѣбница, не безразличенъ для превосходительной вдовы, живущей съ двумя сыновьями, лейбъ-уланами, на пенсію: она получаетъ сто рублей за полный пансіонъ, которымъ Елена Даниловна далеко не злоупотребляетъ. Правда, ей отданы двѣ комнаты, едва ли не лучшія въ квартирѣ: очень кокетливая спаленка и обширный кабинетъ покойнаго мужа, омеблированный изысканно, хотя бы и на вкусъ свѣтскаго человѣка. Правда, она пользуется гостиной для пріема своихъ знакомыхъ. Правда, дорогая Каролина почти исключительно ей прислуживаетъ. Но—сто рублей! Это—почти цѣликомъ плата за квартиру, за старую квартиру на Гагаринской, къ которой такъ привыкла генеральша, видѣвшая здѣсь долгіе годы своего счастья съ милымъ Фердинандомъ!

«Очень натурально», что Инна Густавовна, входя къ больной, ощущаетъ въ груди почти родственную теплоту къ своей «газетчицѣ», въ сущности чуждой ей.

Она видитъ жиличку у стола, въ отодвинутомъ креслѣ. Худенькое, блѣдное лицо Елены Даниловны кажется некрасивымъ въ эту минуту: мелкія черты, ввалившіяся щеки, синеватыя тонкія губы, искривленныя физической мукой. Все это скорѣе страшно, чѣмъ хоть сколько-нибудь привлекательно. Мокрое полотенце, скрывшее обильн[ые] темные волосы, повисло тяжелыми буклями по сторонамъ лба, ч[то] еще больше мертвитъ это изможденное лицо. А то, что оживляетъ, ч[то] придаетъ прелесть этимъ чертамъ,—глаза, хорошо помѣщенные, т[ем]но-каріе, почти черные глаза Елены Даниловны закрыты, и безъ и[зли]шка свѣта кажется тусклой вся ея фигура.

— Что вы дѣлаете?! Что вы дѣлаете, дорогое дитя?!—ласково [го]ворить ее генеральша, трогая холодный лобъ, вялую руку.—Нѣтъ,

невозможно такъ себя носиловать! Вы кончите худо, повѣрьте мнѣ! Пойдемте. Прилягте. Надо отдохнуть, вполнѣ отдохнуть.

Она тихо беретъ за плечо Елену Даниловну, которая пытается сдѣлать улыбку и открываетъ глаза, теперь тусклые, вдавленные.

— Благодарю, Инна Густавовна,—говоритъ больная, чуть слышно, боясь шевельнуть головой. —Теперь... ничего. Лучше. Небольшой приливъ крови. Случайно—при Каролинѣ. Простите! Вы напугались... Но... прошло...

Елена Даниловна съ усиліемъ ведетъ глазами вправо, къ столу, на которомъ кольцами свились исписанныя полоски бумаги, и болѣзненно шепчетъ:

— Не кончила! А работать не могу.

— И не надо, не надо!—съ материнской теплотой убѣждаетъ ее генеральша.—Ради Бога, дорогая моя, бросьте, прервите на мѣсяцъ, на два эту вашу сизифову работу!—отдохните, поправьтесь. Вѣдь вы ужасно измѣнились за зиму! Вы на себя не похожи! Отдыхъ, отдыхъ!—полный отдыхъ, моя милая!

— Охъ!—да. Это неизбѣжно теперь. Для меня ясно, что никуда уже не гожусь. Нервы—наружѣ. Все стало раздражать. Даже въ редакціи, гдѣ всегда такъ хорошо чувствовалось. Шарканье ногъ, голоса и смѣхъ товарищей, телефонъ, газетный шелестъ. Приходится уѣхать куда-нибудь.

— И—возможно дальше, дальше отъ Петербурга, пожалуйста. Вы урываете недѣли двѣ-три каждое лѣто, чтобы провести ихъ въ Выборгѣ, если еще не Мустамякахъ. Но какой же это отдыхъ?! Въ мѣстности, которая—продолженіе того же Петербурга, съ тѣми же петербургскими интересами, сенсаціями, знакомствомъ. Какой это отдыхъ, помилуйте?! Дальше, дальше куда-нибудь! Я не послала бы васъ даже въ Норвегію, въ Швейцарію, въ Италію!—Всѣ эти европейскія толкучки—тотъ же Петербургъ, отъ котораго собственно и необходимо вамъ отдохнуть!

— О, какъ вы правы, дорогая Инна Густавовна!—слабо, болѣзненно говоритъ Елена Даниловна.—Не самая работа, при всей ея срочности и обязательности, изнуряетъ, а—наша вѣчная толчея писательская. Вѣдь мы всѣ—въ плѣну другъ у друга! Если сама не бѣгаешь по «братіи» съ просьбами, напоминаніями, посредничествомъ, то, значитъ, тебя самое въ это время осаждаютъ. Собранія, кружки, рефераты.

Явилась Каролина съ валеріанкой.

— Я прошу васъ прилечь, Елена Даниловна,—тихо, но настой-

чивымъ тономъ говоритъ генеральша.—Примите капель и ложитесь! Подушку, Каролина!

Елена Даниловна молитъ ее улыбающимся взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—Помогите, Каролина. Вотъ такъ,—укладываетъ генеральша ее на тахту.—А я посижу около васъ, чтобы вы не вскочили, упрямица.

Соредакторъ, онъ же совладѣлецъ газеты, пожилой господинъ съ сѣрымъ, до времени увядшимъ лицомъ, поднялъ утомленные глаза на сотрудницу.

— Еще здравствуйте! Да вы что это? Кругомъ кипитъ работа, Дума въ полномъ разгарѣ дѣятельности, а она себѣ—«подъ сѣнь струй»! И какое это время для отдыха,—май! Да, наконецъ, какой примѣръ подадите вы остальнымъ? Дурной примѣръ.

— Но развѣ сами вы не видите, что я больше гожусь въ анатомическій музей по секціи остеологіи, чѣмъ въ публицистику?

Елена Даниловна разводитъ руки съ печальной улыбкой-гримасой.

Тускло-красный свѣтъ лампочки, низко спущенной надъ столомъ, задѣваетъ нижнюю часть ея лица, не уменьшая синеватой блѣдности, далеко выступившей челюсти и ввалившихся щекъ.—«Н-да!—подгуляла-таки, коллега!»—соглашается генералъ-анъ-шефъ редакціи. Но вида отнюдь не подаетъ, а даже упрекаетъ.

— Эхъ, молодежь! Пороху у васъ, нынѣшнихъ, мало! Знали бы вы, какъ работывала бывало Марья Николаевна!

Елена Даниловна слышала, что Марья Николаевна, о которой шла рѣчь, кончила нейрастеническимъ тупоуміемъ и въ сорокъ лѣтъ уже была пенсіонеркой литературнаго фонда. Ей до слезъ досадно. Она говоритъ съ нервной дрожью.

— Я? Это я заслуживаю упрека?! Не оттого ли и расцвѣла я, какъ покойникъ, что меньше всѣхъ напрягала силы?!

— Ну, ну! Ужъ и пошутить нельзя съ вами стало! Вотъ что значитъ имѣть успѣхъ! Такъ, рѣшили отдыхать? Н-ну, что-жъ? Если [illegible]ть—непремѣнно, то... Ничего не подѣлаешь. Гуляйте, гуляйте. [illegible]ирку нагуливайте. Куда—въ Чухляндію?

— Да ни за-что! Упаси Боже! Нѣтъ, я думаю какъ только [illegible]жно—дальше!

— А-а! Такъ, приблизительно, до Торнео?

— Подите вы! Нѣтъ, серьезно, долой всѣ эти пригороды Пите- Я рѣшила...—на острова Тихаго океана.

— Это идея! Блестящая идея! У насъ оттуда нѣтъ ни строки

сообщеній. И вы не безъ пользы бѣгали бы тамъ за аршинными бабочками, если бы писали, какъ идутъ дѣла въ парламентахъ тихоокеанскихъ острововъ.

— Никакихъ сообщеній! Ни единой буквы съ нынѣшняго дня и до возвращенія! Отъ газетъ стану отворачиваться! Афишъ на столбахъ читать не буду!

— А крѣпко вы обкушались нашимъ хлѣбомъ насущнымъ, я вижу!

— До отвращенія!... Какъ приказчицы кондитерской пирожнымъ!

— Статеечку всетаки сдайте для завтрашняго!

— Да ладно... Но—самую коротенькую!... Опротивѣло!

Ан-шефъ потянулся за перомъ, находя, что вопросъ исчерпанъ и что Елена Даниловна все равно не комбатантъ въ его полку, уѣдетъ ли она на островъ Эзель или Маниллу. Человѣкъ дѣла, онъ суховатъ ко всему, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу. Но Еленѣ Даниловнѣ хотѣлось, чтобы съ ней говорили о ея экзотически-увлекательныхъ планахъ, въ осуществленіе которыхъ ей и самой плохо вѣрилось.

— Только, знаете, что меня нѣсколько смущаетъ? Страшная дороговизна переѣзда за цѣлую серію океановъ! Вѣдь обойдется не въ одну тысячу!...

Редакторъ медленно выпрямился къ спинкѣ кресла и поглядѣлъ на нее усталыми и насмѣшливыми глазами.

— Гм...—такъ!—молвилъ онъ въ носъ.—Не думаете ли вы пріобрѣсть Мраморный дворецъ при націонализаціи имуществъ!... Тогда, повѣрьте, вамъ лучше сидѣть здѣсь, въ вашемъ отдѣлѣ и писать, и писать... Ахъ, скряга, скряга!... Да знаете ли вы, сколько должна вамъ контора?... Ступ-пайте!... Кутите на пропалую!... Чѣмъ скорѣе размотаете вы ваши тысячи, тѣмъ ближе возвращеніе къ дѣлу...

Онъ добавилъ, простившись и уже отыскивая свою ручку:

— Если бы не было у меня взрослыхъ балбесовъ и балбесихъ, умѣлъ бы и я протереть глаза моимъ грошикамъ.

Независимо и счастливо—какъ обходитъ школьникъ свое училище послѣ выпускного экзамена—обошла Елена Даниловна родную редакцію. Почти всѣ сорвались съ мѣстъ, бросили работу, сошлись въ ея отдѣлѣ. Тотъ не хотѣлъ вѣрить, что такая ame damnée редакціоннаго труда ѣдетъ отдыхать; этотъ завидовалъ... Какъ будто каждый изъ нихъ не могъ сдѣлать того же!

— Но посмотрите же, господа, на что я стала похожа!

— Вы?—прищурилъ на ея фигуру красивые глаза одинъ изъ коллегъ, фельетонистъ.—Вы похожи на ангела кисти Фра Филиппо Липпи, ma belle...

— На Мадонну Сикстинскую!—пустилъ басомъ толстый рыжій редакторъ отдѣла корреспонденцій.

— Ты правъ, о бочка нѣжинской рябиновой!—сказалъ фельетонистъ.

Онъ неотразимо вперилъ широко раскрытые восточные глаза въ самые глаза Елены Даниловны, невольно потупившей взглядъ. Слегка раскачивая изящный торсъ въ элегантномъ вестонѣ, онъ повторялъ задумчиво, въ художественномъ экстазѣ:

— Эти глаза... Эти глаза... Дивные глаза Мадонны...

— А прошлой осенью,—послышался въ открытую дверь заграничнаго отдѣла астматическій голосъ пожилой толстухи:—а прошлой осенью она была похожа на херувимовъ этой самой Мадонны... Щеки-то лоснились!

— Я удивительно быстро поправляюсь, Анна Павловна!—заглянула въ заграничный Елена Даниловна, спѣша ускользнуть отъ красавца, который всегда смущалъ ее больше, чѣмъ другіе редакціонные сердцеѣды.—Не пройдетъ и мѣсяца, какъ я ужасно растолстѣю.

— На мой вкусъ, вы очаровательны, какъ никогда, при этой поэтически-возбуждающей безтѣлесности...—тонко иронизировалъ, тонко умилялся тонній наглецъ.

Писатель талантливый, остроумный, онъ былъ избалованъ лестью, преслѣдовавшей его всюду: здѣсь, въ толпѣ, въ обществѣ. Онъ увѣрялъ, что умѣетъ «раздѣвать женщину взглядомъ», и не скрывалъ, что не вѣритъ въ женскую добродѣтель. Иносказательно или напрямки, чарующе тонко или чарующе грубо,—смотря по ситуаціи силъ противника,—но всегда съ заранѣе обдуманнымиъ намѣреніемъ давалъ онъ намеки той, которая на его взглядъ ждала намека... Еленѣ Даниловнѣ стоило большого труда держать на отдаленіи этого умнаго циника.

Она произвела повальную сенсацію, гомерическій шумъ, объявивши, что ѣдетъ на острова Товарищества. И, крѣпко пожавши чѣмъ руки, поѣхала сбираться.

Однако, на острова Тихаго океана не угодила Елена Даниловна, а ожиданно для себя самой «махнула» въ степь, гдѣ и прожила больше двухъ мѣсяцевъ. Случилось это такимъ образомъ.

«Приводя въ порядокъ» горы бумагъ, писемъ, рукописей, изъ которыхъ часть летѣла въ корзину, другая же, большая,—прямо въ

каминъ, Елена Даниловна нашла забытое письмо гимназической подруги, которую очень любила. То, что хорошо забыто, имѣетъ всю увлекательность новизны: Елена Даниловна сѣла на полъ, среди кучъ бумажнаго хлама, и перечитала письмо съ рѣдкой теплотой. Лиза вышла замужъ за вдовца, уже пожилого, но на рѣдкость симпатичнаго человѣка, котораго она очень любитъ. Живутъ они въ Саратовѣ, гдѣ мужъ занимаетъ крупную должность управляющаго акцизными сборами и пользуется общимъ уваженіемъ. Минувшее лѣто,—письмо было получено еще въ концѣ августа,—они провели въ поѣздкахъ по Волгѣ, заглянули на Кавказъ, окровавленный и дымящійся, жили въ степи, за Волгой, гдѣ у нихъ собственный небольшой участокъ земли... И три четверти губернски длиннаго письма были наполнены восторженными междометіями: «о, степь!» «ахъ, степь!...»

И звала Лелю на будущее лѣто къ себѣ, обѣщая влюбить ее въ степь.

— Гм?—задумалась Елена Даниловна, глядя на послѣднія строки.—А что если...? На самомъ дѣлѣ...? А?... Все это мы: «Мадейра да Моллуки, Таити да Целебесъ...» А у насъ, вотъ тутъ, подъ руками,—нѣчто неописуемое!... Экзотическую природу, какъ ни какъ, а удалось воспроизвести въ словахъ и краскахъ; степь же, оказывается, «надо видѣть», чтобы постичь ея красоты... Богъ съ ними, съ фиджійцами, пока!—махну къ Лизѣ... Попью кумысу, пошляюсь на солнцепекѣ, покупаюсь, на травѣ поваляюсь... А тамъ, какъ окрѣпну, да скучно станетъ, не уйдетъ на дно океана и Полинезія...

И—сказано-сдѣлано!—таковъ лозунгъ и пароль Елены Даниловны. На другой же день она уже мчалась въ Москву, а изъ нея—въ глушь, въ Саратовъ.

— Къ управляющему акцизными сборами!... Вы знаете, конечно, гдѣ живетъ управляющій акцизными сборами, извозчикъ?

— Какъ же, ваше благородіе!... Помилуйте!... Кому же и знать, какъ не намъ. Восемь гривенъ, безъ лишняго!... Пожа-алуйте!...

Саратовъ, на взглядъ Елены Даниловны,—ничего себѣ городокъ: стройненькій, веселенькій, съ красивыми зданьицами, съ очень приличной публичкой на улицахъ. Одѣты со вкусомъ, держатся солидно, ходятъ спокойно, гуляючи, а не сломя голову, какъ петербуржцы... И есть еще особенность у города Саратова, которую нельзя было не замѣтить, не воспринять всѣми пятью чувствами, ѣдучи къ Лизѣ: онъ пыленъ. Пыль носится тучами, закрываетъ извозчичью пролетку отъ всего остального мірозданія, топитъ въ своихъ темно-

желтыхъ волнахъ приличную публичку! Елена Даниловна въ первый моментъ готова была ждать взрыва общественнаго негодованія, какъ только снова увидитъ саратовцевъ справа и слѣва отъ своей пролетки, уже внѣ пылевыхъ тучъ: неистовые взмахи рукъ, лица, искаженныя гнѣвомъ... Но публичка выплывала изъ темножелтыхъ волнъ все такая же чинненькая, спокойная, замѣтно потемнѣвшая отъ пудры изъ родного чернозема съ навозцемъ. И обывательница «гнилого» Петербурга поняла, что непроглядная пыль для саратовцевъ—такая quantitée négligeable, о которой и думать не стоитъ.

— А еще увѣряютъ, что это—лучшій городъ Поволжья!—ворчала она, нервно содрогаясь отъ хруста пыли на зубахъ. Что же въ остальныхъ-то?!..

Управляющій акцизными сборами принялъ петербургскую гостью, гимназическую подругу жены, нѣсколько оторопѣло, правда, но любезно. Не должно было поражаться, что этотъ корректный молодой человѣкъ и крупный чиновникъ такъ растерялся, путается въ словахъ, озирается: вѣдь она на письмо Лизы строкой не отвѣтила! И ее не ждали, конечно. Гораздо поразительнѣе было то, что подруга упоминала, помнится, о пожиломъ человѣкѣ, а этотъ вотъ... Но они влюблены, любовь краситъ, молодитъ... Такъ ли, этакъ ли, а корзинки уже въ передней, и ихъ собственница присаживается въ гостиной.

— Минночки нѣтъ еще дома,—вышла къ женѣ пастора... Но одна должна скоро вернуться,—лепечетъ какъ-то заискивающе его превосходительство, держась за стульями, въ порядочномъ отдаленіи отъ болѣзненно возбужденной, ненормально худощавой гостьи съ блестящими глазами.

«Минночка!»—слышитъ Елена Даниловна. И ее разомъ охватываетъ изумленіе, скорбь, ужасъ...—Такъ вотъ оно что!... Бѣдная, бѣдная Лиза!... Какъ можно было подумать, что такая молодая, такъ счастливо живущая, любимая, любящая... И она, вѣчно поглощенная работой, ничего не знала... Но—это удивительно, ей-Богу!—кто овдовѣлъ, тотъ непремѣнно окажется вдовцомъ и во второй, и въ третій разъ... А этотъ вотъ и помолодѣлъ къ тому же. Ужъ не разсчитываетъ ли онъ, послѣдовательно обновляясь, вдовѣть разъ десять.

Однако, надо же освѣдомиться о послѣднихъ дняхъ любимой подруги,—какъ оно ни тяжело, ни непріятно для вдовца, уже утѣшенного какой-то Минночкой.

— Простите, если я коснусь, быть можетъ... Я совершенно не знала, не получила никакихъ свѣдѣній... И меня такъ поразило, ... Имя вашей супруги... Но... Когда же умерла Лиза?

Управляющій акцизными сборами кинулъ быстрый взглядъ вокругъ, точно желая опредѣлить величину площади отъ стола до двери, взглянулъ въ окно, даже въ жерло камина. Но ему удалось овладѣть собой и пробормотать, держась руками за стулъ:

— Я, простите, не совсѣмъ ясно, какъ я склоненъ думать, понялъ вашъ вопросъ, сударыня... Лиза, вы изволили сказать, какъ мнѣ послышалось?... Кто, позволю себѣ спросить, это,—Лиза?

— Ну, тутъ очевидное недоразумѣніе!—сказала Елена Даниловна и встала.—Я вижу, что разлетѣлась къ вамъ не по надлежащему адресу.—Вы не господинъ Канительниковъ?

Тутъ-то принялся хохотать управляющій акцизными сборами!... Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!—гремѣлъ онъ и радостно, и весело на всѣ комнаты, откуда сбѣгались его домочадцы: гувернантка, бонна, младшая сестренка...

— Ха-ха-ха!... Ну, водевиль!... А вѣдь я, простите великодушно, принялъ васъ за сумасшедшую!... Да и самъ такъ держался, что навѣрно внушилъ вамъ сомнѣнія очень опредѣленнаго характера... Садитесь, садитесь, пожалуйста садитесь, сударыня!... Никуда вы не поѣдете, ни въ какомъ отелѣ не остановитесь!—другъ семьи Канительниковыхъ—нашъ другъ!... Вотъ прибѣжитъ Минночка, и мы похохочемъ еще разъ, втроемъ. А пока, я сообщу вамъ въ двухъ-трехъ словахъ то, что повело къ нашему водевилю.

Его предшественникъ, этотъ чудный человѣкъ и гражданинъ, Канительниковъ, уже съ полгода, какъ перемѣщенъ въ одинъ изъ сибирскихъ городовъ. Все за то же, за что уволены, посажены, сосланы, перемѣщены и частью перебиты многія тысячи честныхъ людей: за забастовку, за комитетъ общественной безопасности и, главнымъ образомъ, за предсѣдательствованіе на собраніи педагогическаго кружка, имѣвшее мѣсто давно, уже года два назадъ. Въ этомъ собраніи эс-деки и эс-эры говорили первыя пламенныя рѣчи съ хоръ и впервые внушали многочисленной публикѣ, что необходимо «раздавить гадину» безотлагательно, не сантиментальничая, не выжидая, пока она, ядовитая, подниметъ голову. Гадину, какъ извѣстно изъ исторіи, не раздавили, и она себя показала. А вслѣдствіе этого,—«иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече»;—въ числѣ послѣднихъ и Канительниковъ.

«Все это,—думала Елена Даниловна,—навѣрное было въ хроникѣ, въ корреспонденціяхъ... Но—этотъ нашъ проклятый недосугъ!—не успѣваешь узнавать даже о томъ, что тебѣ же необходимо знать, какъ пишущему по спеціальнымъ вопросамъ...»

Пришла Минночка, нѣжно-бѣлая блондинка, которой такъ понра-

вилась забавная сторона «недоразумѣнія», что она захотѣла расцѣловать Елену Даниловну, почему и увела ее подъ душъ. А такъ какъ Канительниковы оставили по себѣ память самую свѣтлую, то Еленѣ Даниловнѣ была предложена альтернатива: или оставаться и гостить, сколько пожелаетъ, или причинить незаслуженную обиду хозяевамъ, отказавшись. Ну, за что бы она ихъ обидѣла?!

— Я собственно въ степь намѣревалась поѣхать,—говорила она за обѣдомъ.

— Такъ что же!—вонъ она за Волгой. Пойдемте на балконъ.

— Но куда же собственно я поѣду?—говорила она за чаемъ.

— А въ степи легко ѣхать, куда глаза глядятъ: мѣсто ровное, открытое.

— Если бы знать, по крайней мѣрѣ, въ какомъ углу степи участокъ Канительниковыхъ!—сокрушалась она вечеромъ.

Ей отвѣтили, что спаиваніе степняковъ находится въ вѣдомствѣ Самарско-Уральскаго округа, почему управляющій саратовскій лишенъ возможности «вѣдать» степь. Да если бы онъ и «вѣдалъ», гдѣ участокъ Канительниковыхъ, то пользы для Елены Даниловны не много было бы: участокъ, вѣроятно, въ арендѣ, если не проданъ, и на немъ, во всякомъ случаѣ, чужіе люди.

— Да не все ли равно, Елена Даниловна, гдѣ ни пить вамъ кумысъ, гдѣ ни грѣться на солнцѣ?

— Ахъ, конечно!... И что это я, на самомъ дѣлѣ?! Еще интереснѣе такъ-то!...

Скрывши отъ гостепріимныхъ хозяевъ, что она прикосновенна къ прессѣ, Елена Даниловна прогостила у нихъ дня два, понакупила сарпинки, побывала съ Минночкой въ музеѣ, въ садахъ, гдѣ пѣли хоры и солисты. Три портнихи сшили для нея серію лифчиковъ, которые она просила кроить возможно шире. Купила она еще корзину — третью,—простилась съ послѣдними представителями культурной Европы — саратовцами, и поѣхала на Волгу, къ перевозу. За ея спиной оставалось все старое, привычное... и порядкомъ надоскучившее; впереди ее ждало нѣчто новое, неизвѣстное и потому подмывающе-занятное.

— Вотъ ужъ тамъ-то я буду—вольная пташка!—думала она, глядя за Волгу.—Что хочу, то и дѣлаю!—нѣтъ надо мной контроля среды!... Поселюсь въ самой глубинѣ степи, въ деревнѣ, буду ходить босая, въ одной рубахѣ и бѣгать съ ребятишками по лужамъ. Хорошо, когда тебя никто не знаетъ!

Перевозъ отваливалъ черезъ часъ, а лохматый босоногій дядя въ разстегнутой рубахѣ выползъ изъ-подъ берега къ ногамъ Елены Даниловны и началъ пѣть сиреной.

— Эхъ, на лодочкѣ-то!... Жи-исть!... Утро-то, утро-то... А рѣка-то, рѣка-то... Такъ бы и катался!... То ли дѣло, на лодкѣ-то!... Лодка-то у меня, глянь,— ка-арапь!... Не токма—ѣхать, покачиваться,—танцуй въ этой лодкѣ!... А ужъ лёгость!... Вихерь!... Можетъ, поѣдете, ваше сіятельство?... Садитесь,—недорого взялъ бы... Что,—пароходъ?—тѣснота эта, духота... Ты чего лѣзешь, шелудивый? Со мной барыня срядилась!... Прикажите погружать корзиночки-то!... Полтинку одну, право!... Да-ть какъ же!... Ты гляди, рѣка-то!—море хвалынское!...

И это было недурно. Во всемъ этомъ была прелесть непредумышленнаго эффекта и полной свободы разнообразить путешествіе. Рѣка была неоглядна, благодаря половодью; солнце пекло вдвойнѣ: сверху и отъ воды; лодка напоминала орѣшинку среди воднаго простора; ея раскачиванія, еще совершенно новыя для сферы ощущеній, пріятно страшили... А когда по стрежню моря хвалынскаго прокатилъ гордый бѣлоснѣжный великанъ-пароходъ съ сотнями живыхъ точекъ, двигавшихся на его террасахъ, то неожиданно огромный валъ поднялъ «карапь» и бросилъ его въ ровъ... Елена Даниловна невольно вцѣпилась въ борта.

— Ничаво!—ободрилъ ее лодочникъ.—Это ежели бы плашмя поставить лодку,—захлестнуло бы непремѣнно, а ежели въ самый валъ трафить,—только покачаетъ, и все... У насъ ребятенки страхъ любятъ за пароходами плавать!

И Елена Даниловна уже жалѣла, что валы становятся меньше, меньше: такъ было пріятно ощущеніе сильной качки, веселый ужасъ которой освѣжалъ всѣ нервы.

Нервы вообще начинали вести себя недурно, судя по настроенію: оно было такое, какъ у выздоравливающихъ. Манило къ лѣни, ничего не желалось, губы сами собой разъѣзжались въ блаженно-придурковатую улыбку, мыслей не было, ни къ какому занятію не звало. Впрочемъ, нѣтъ! звало къ ѣдѣ, и до восхитительнаго комизма часто. Даже въ лодкѣ, когда ея раскачиванія уже не вспугивали, а лишь лелѣяли сферу ощущеній, Елена Даниловна вспомнила, что у нея есть большой запасъ рыбныхъ яствъ и принялась намазывать на бѣлый хлѣбъ свѣжую икру.

— Дорого платили икорку-то?—спросилъ лодочникъ, все время безъ отрыва махавшій веслами.

— Рубль восемьдесятъ.

— Эге! Ну и цѣны стали. Вдвое супротивъ прежняго!

— Да? А у насъ, такъ рубля три, пожалуй, за фунтъ.

— А вы сами издалеча будете?

Елена Даниловна почувствовала въ этомъ вопросѣ коварную «туру», подкатываемую ея заспиннымъ прошлымъ къ ея же будущему, которое вотъ оно уже передъ лицомъ. Надо было разстроить игру противной партіи въ самомъ замыслѣ. И она глухо дала холодный отвѣтъ, безъ улыбки:

— Да, издалека. Изъ Пскова.

Но мужикъ, какъ видно, былъ малый не промахъ, и зналъ, гдѣ зимуютъ тѣ раки, которыхъ ему надо. Онъ весьма любопытно воскликнулъ:

— Чу?! Изъ Пескова! Это недалеча отъ Питера. Что?—чай слыхать у васъ, какъ наши эпутаты въ Питерѣ орудуютъ?

«Помяни царя Давида и всю кротость его!—чуралась публицистка сатаны во образѣ «эпутатовъ».—Скажи она слово правды,—конецъ ея мечтамъ стать жирной! Надо скорѣе врать, врать и врать,—во спасеніе тѣлу!»

— Ничего я не знаю, голубчикъ! Ничего я не слыхала!

— Може въ газетахъ читали, что пишутъ. Насчетъ земли? Тось, такое утѣсненье у насъ, въ Тамбовской! Ты гляди: нужда на Волгу-матушку выгнала. Приступу нѣтъ къ землѣ! Меньше двухъ красныхъ цѣны не слыхать! Ты ее вспаши, ты ее взборонуй, ты ее засѣй. А урожай-то,—вонъ онъ еще!—у Христа въ ларцѣ.

«Милый!—я поговорила бы съ тобой. Да не сейчасъ, а осенью. А теперь,—какъ ни близка мнѣ бѣда твоя,—помолчу. Отъ словъ моихъ тебѣ лучше не станетъ, а у меня голова затрещитъ»,—думала Елена Даниловна.

— Я ничего не знаю такого, голубчикъ. Я... Акушерка я!—говорила она.

— Чу!—сказалъ мужикъ разочарованно-кратко.—Кушерка... На пунктъ, сталъ быть, ѣдешь?

— На пунктъ.

— А кое мѣсто?

— Да еще не знаю. Тамъ, въ слободѣ, скажутъ.

— Знамо, скажутъ. Ну, слава Богу, доплыли. Ихъ, и упарил[illegible]! Тебѣ вощика-то скрычать, что ли?

— Скрычи,—усмѣхнулась Елена Даниловна.

Это утро, когда нога Елены Даниловны—говоря высокимъ стилъ—впервые коснулась степной почвы, это утро было такимъ

яснымъ, ликующимъ, торжественно веселымъ, что хотѣлось припомнить, нѣтъ ли и у природы своихъ праздничныхъ дней. Все было, будто, какъ и всегда бываетъ въ весенніе дни: солнце свѣтило, вѣтерокъ игралъ листочками, они ярко зеленѣли, птички посвистывали, пѣли, чирикали, трещали кузнечики. И во всемъ этомъ чувствовалось, однако, что-то сіяющее, что пронизывало и голоса, и краски, и самый свѣтъ солнца. Кружилась голова, грудь дышала отрадно. И вдругъ Елена Даниловна поняла, въ чемъ тайна праздничной торжественности, пронизывающей все, что она видѣла и слышала вокругъ себя.

Сегодня, какъ различила Елена Даниловна, работали два вѣтерка, а не одинъ: первый тянулъ съ Волги и приносилъ оттуда своеобразный рѣчной запахъ, ни хорошій, ни худой, напоминавшій запахъ живого рака; второй же, изрѣдка, на смѣну товарищу, вкрадчиво дышалъ съ востока, и тогда все вокругъ Елены Даниловны проникалось опьяняющимъ сіяніемъ.

«Такъ вотъ въ чемъ дѣло!—это степь дышитъ!—шептала она, пошатываясь и счастливо смѣясь.—Положительно надушѐный, опрысканый благовоніями воздухъ! Просто невѣроятно! Я пьяна... Безъ капли вина пьяна... И это—еще на вокзалѣ, въ преддверіи степи! Ахъ, когда же меня увезетъ въ самую степь этотъ крошечный, карманный поѣздъ!»

Потомъ, сидя въ вагончикѣ, отъ жары млѣющая, до глупости счастливая тѣмъ, что одна, никому не извѣстна, отъ всѣхъ свободна, отъ самой себя свободна, Елена Даниловна думала смѣшныя, счастливыя думы.

Въ узенькомъ вагончикѣ второго класса съ двумя продольными скамейками Елена Даниловна одна; но у двери на той скамьѣ—чемоданъ, узелъ, книга и что-то круглое въ люстринѣ,—не то арбузъ, не то бомба. Когда же трогается поѣздъ и входитъ собственникъ круглаго предмета, Елена Даниловна смотритъ на него и увѣренно шепчетъ:

«Ну, конечно, бомба!»

Онъ, ея сосѣдъ, мужчина лѣтъ двадцати пяти, много—тридцати. Роста средняго, пониже, чѣмъ она, но съ легкой наклонностью къ полнотѣ, которая только округляетъ контуры, не уменьшая общей граціозности. Мягкія очертанія матово-бѣлаго лица, носа, румянаго рта; темная шелковистая бородка; темныя брови. На головѣ—цѣлыхъ три султана самыхъ тонкихъ, самыхъ волнистыхъ волосъ темнопепельнаго цвѣта: одинъ—надо лбомъ, другой—нѣсколько по-

лѣвѣе, послѣдній и меньшій—на затылкѣ. И всѣ эти воздушные султаны нервно встряхиваются при каждомъ движеніи головы, при каждомъ словѣ.

«Ну, конечно, эсъ-эръ!»—рѣшаетъ Елена Даниловна, бросивъ первый взглядъ на вошедшаго.

Бросилъ взглядъ и онъ, да не одинъ, а пару, и оба какъ бы изумленные, недоумѣнные. Ужъ не поражено ли воображеніе губернскаго бомбиста-медвѣженка ея кофточкой изъ красной сарпинки? Не находитъ ли онъ, чего добраго, что красный цвѣтъ выгоденъ для ея всклокоченныхъ косичей? Шляпа Елены Даниловны въ картонкѣ, картонка на днѣ корзинки, а у ней на плечахъ кружевная косынка, купленная вчера съ тѣмъ умысломъ, чтобы меньше походить на самое себя.

«Ей-Богу, типичный эсъ-эръ!—думаетъ Елена Даниловна, разглядывая спутника, сидящаго въ противоположномъ углу противоположнаго дивана.—Но за какимъ дьяволомъ онъ ѣдетъ въ степь и какое примѣненіе думаетъ сотворить съ бомбой?»

Она замѣчаетъ, что предполагаемый эсъ-эръ то подниметъ, то опуститъ книгу и взглянетъ на нее.

«Бѣдный медвѣжонокъ!—улыбается она, дѣлая губки бантикомъ.—Онъ находитъ интересной сосѣдку-мѣщаночку! А что-жъ удивительнаго, впрочемъ?—я отъ духоты раскраснѣлась, я такъ обывательски-наивно пялю глаза въ окно. Кофточка, правда, сидитъ, какъ мѣшокъ на скалкѣ, но... На безрыбьи и ракъ рыба. Тѣмъ болѣе, если ракъ возьметъ да пококетничаетъ... Ну, почему не подурачиться никому неизвѣстной акушорочкѣ?! Такая, ей-Богу, прелесть эта степь! что ни встрѣча,—новый поводъ для отличнаго настроенія».

И Елена Даниловна дурачится за счетъ никому не извѣстной акушорочки: поджимаетъ губки, вращаетъ глазами, какъ генеральшина кухарка Степа у воротъ при молодыхъ дворникахъ. Эти погубительные пріемы оказываютъ на ихъ жертву довольно неожиданное дѣйствіе: жертва фыркаетъ и закрывается книгой.

«Гм? Ничего!—успокаиваетъ себя дебютирующая кокетка, нѣсколько обезкураженная.—Это, вѣроятно, тотъ самый провинціальный маневръ, которымъ и начинается обмѣнъ первыми звуками. А за[illegible]вно, ей-Богу!»

Тушистый блондинъ опускаетъ, наконецъ, книгу, откидывается [illegible]стомѣ къ окну и стонетъ нѣжнымъ, какъ флейта, умирающимъ [illegible]омъ, чуточку въ носъ:

Ну, невозможная жара! О, дьявольская жара... и жажда!

«Такъ и есть! эсъ-эръ!—мысленно восклицаетъ Елена Даниловна, слыша томные звуки.—Какъ они всѣ схожи!—до послѣдней нотки... Я готова божиться, что слышала не разъ этотъ голосъ!»

— Мучительно хочется пить!—поетъ флейта.—Не найдется ли у васъ глотка чего-нибудь питьевого? Я не успѣлъ захватить на станціи пива.

— Нѣтъ,—стыдливо потупляетъ очи его спутница.—Балыкъ, малосольная осетрина, опять же семга,—ну, это точно, имѣется. А такъ, чтобы пить чего, такъ этого нѣтъ... извините.

— Балыкъ... семга,—повторяетъ спекшимися губами онъ, все шире и шире открывая глаза на Елену Даниловну.—Теперь я не сомнѣваюсь, что вы въ первый разъ посѣщаете эту отечественную Сахару. Не правда ли?

— Да... Оно, конечно... Впервые,—подтверждаетъ она несмѣло.

— Гм! Ну, и забавница же вы, однако!—дерзаетъ онъ на фамильярность прямо, безъ всякихъ дальнѣйшихъ маневровъ.—Не то портниха, не то поповна сельская.

— Что вы!—жеманно обижается она, чувствуя, что пересолила, кажется.—Нисколько даже не поповна, а акушорка.

— А-к-у-ш-о-р-к-а?!—тянетъ онъ съ такимъ недоумѣніемъ, какъ будто ужъ и Богъ вѣсть какое чудо, что существуютъ на свѣтѣ акушорки.—Куда же это вы изволите путь держать, а-к-у-ш-о-р-к-а?

— Вотъ даже довольно странно! На свое мѣсто. Какіе слѣдователи нашлись вдругъ! На лѣчебный пунктъ.

— Хе-хе... Вы плохо срепетованы. Надо говорить въ этомъ мѣстѣ вашей роли: врачебный пунктъ.

Елена Даниловна разомъ перестраиваетъ ротовой бантикъ въ растерянную улыбку, выпрямляется, смотритъ въ глаза, которые искрятся смѣхомъ, и отчаянно стонетъ:

— Фу, наказанье! Ей-Богу, я видѣла его гдѣ-то! Послушайте, когда такъ, кто вы?

— Мы-съ?—осклабляется тотъ, вцѣпившись руками въ край диванчика и раскачиваясь на нихъ.—А мы, изволите ли видѣть, будемъ трактирщикъ изъ села Нахоя-съ... хе-хе-хе!

— Ну, это ложь! Какой вы, къ чорту, трактирщикъ! Я увѣрена, что видѣла васъ гдѣ-то. Не въ Нахоѣ же какомъ-то, на самомъ дѣлѣ! Не дурачьтесь!

— Мѣра за мѣру, госпожа Щелкунова! Простите, что не знаю еще имени, отчества.

— Ахъ, и того, что вы уже знаете, слишкомъ много для меня!

Это просто Богъ знаетъ! Ѣдешь за полторы тысячи верстъ отъ себя самой отдохнуть и всетаки наталкиваешься на... Я убѣждена, что вы эсъ-эръ... Вонъ и бомба. О, умоляю, заклинаю васъ! не заикайтесь объ эсъ-эрахъ, эсъ-декахъ, ка-дэ и прочихъ жупелахъ Петербурга! У меня револьверъ въ карманѣ!

Оба хохочутъ. Дружными усиліями возстановляютъ въ памяти тотъ митингъ, гдѣ Елена Даниловна мелькомъ видѣла и слышала оратора эсъ-эра, то собраніе, на которомъ эсъ-эръ въ свою очередь слушалъ часть реферата писательницы Щелкуновой. Потомъ оживленно разговариваютъ, уже не боясь и жупеловъ, потомъ спорятъ, потомъ ругаются. Затѣмъ, пріятно утомившись, играютъ круглымъ предметомъ, который ни бомба, ни, тѣмъ менѣе, арбузъ, а резиновый мячъ,—подарокъ племянницѣ. И когда сосѣдъ убѣгаетъ искать кондуктора съ посудой для общаго чаепитія, Елена Даниловна находитъ, что эта встрѣча—одна изъ пріятнѣйшихъ въ жизни, что поэтически-надломленный здоровякъ—эсъ-эръ—*хорошій человѣкъ*.

Ему она разсказала все о себѣ, о своей средѣ, которой далеко не льстила. Повѣдала свои планы о заокеанскомъ путешествіи, и почему они были отложены ради поѣздки въ степь, которую такъ расхваливала подруга, и какъ ей нравится, что она ѣдетъ наугадъ, куда кривая не вывезла, и какъ поучительно-занятны всѣ встрѣчи въ ея путешествіи-авантюрѣ.

— За исключеніемъ послѣдней, конечно!—поспѣшила замѣтить она.—Этакъ почнутъ встрѣчаться разные «сѣдые» да «сѣрые»... Поневолѣ къ фиджійцамъ уѣдешь!

— Да что вы больно зарываетесь-то!—возражалъ онъ, задорно качая головой и всѣми султанами.—Еще какъ я полезенъ-то могу оказаться для васъ!—села лучшія отрекомендую, замѣчательныхъ степняковъ укажу. Мнѣ тутъ все знакомо, какъ уроженцу: у меня отецъ въ Пономаревкѣ священствуетъ. Къ нему я и ѣду,—понизилъ онъ голосъ и замедлилъ слова,—ѣду, чтобы... Ну, какъ сказать?... Чтобы съ мамкой повидаться. Хорошая она старуха у меня. Даже, знаете, какъ-то не... того... Ну, да не въ этомъ дѣло!—поднялъ онъ голову, возвращаясь къ веселому тону,—поговоримъ о васъ. [illegible]анцій черезъ пять остановка на село Шестиглавый Маръ: тутъ вы [illegible] объявите забастовку. У васъ куда билетъ?

— Да на всякій случай до Уральска взяла. Гдѣ поглянется, [illegible]маю...

— Ну, Уральскъ—это вы бросьте! Казачишки эти—такая дрянь [illegible]ди... Глупы—изумительно, нравственно грязны, но чванливы... [illegible]товски. Лучше всего въ Марѣ раскиньте свой вигвамъ. Для чело-

вѣка, поставившаго цѣлью жизни высшее изъ буржуазныхъ благъ—ожирѣніе, нѣтъ мѣста удобнѣе Мара: повѣрьте въ этомъ соціалисту!

— Ну, ну!—прикрикнула на него Елена Даниловна,—револьверъ у меня заряженъ, не забудьте!

— Буду помнить. Село это, видите ли, большое, богатое, а въ сторонѣ. Народъ въ немъ сытый, что очень питательно для глазъ и выгодно для интеллигентскаго пищеваренія. До того черти сыты, что ни о погромахъ, ни о «способіяхъ» и думушки не думаютъ! Мнѣ, напримѣръ, тамъ дѣлать нечего. А вамъ—самое мѣсто спокойно жировъ нагуливать. Что же до помѣщенія, то, по лѣтнему времени,—любая изба къ услугамъ. А избы хорошія, чистыя. Пища?—ну, въ этомъ нуждаться не будете! Птицы масса, яйца, масло—нипочемъ, молока—хоть купайся! Степная дичь,—куропатки, кулики разныхъ наименованій, утки, дудаки, если понравятся. Но главное, конечно, воздухъ! Подруга ваша права, вы это сами увидите. Хотя здѣсь степь не такъ ужъ хороша, какъ туда, къ сѣверу, въ Николаевскомъ уѣздѣ. Ну, да разница не велика.

— А кумысъ?

— Это—само собой. Хотя, знаете, я убѣжденъ, что кумысъ полезенъ исключительно тѣмъ, кто и безъ него въ добромъ здоровьѣ. А больше всего—самимъ кумысникамъ. Но здѣсь рѣдко встрѣтишь лѣчащихся кумысомъ, почему нѣтъ и спеціалистовъ-кумысниковъ; кумысъ дѣлаютъ татары, киркизы, башкиры, и держатъ его въ бурдюкахъ, отчего—запахъ непріятный безъ привычки. Вотъ попробуете,—увидите, претитъ или нѣтъ, и если нѣтъ—дуйте на доброе здоровье. Если, конечно, легкія и пищевареніе въ порядкѣ.

— Въ наилучшемъ! Здоровье у меня завидное.

— И отлично. Осенью въ Питерѣ вотъ э-такой бушма-бушмой увижу васъ, значитъ!

— Если не буду повѣшенъ,—прибавьте.

— Да для чего это я прибавлю-то? Слова лишнія безъ смысла и логики! А еще писательница, туда же! Да еще талантливая!

И оба хохочутъ.

— А вотъ я и доѣхалъ!—спустя часъ объявилъ эсъ-эръ, прерывая оживленную бесѣду.—Здѣсь мнѣ пересадка на Новоузенскъ. Счастливаго пути, Елена Даниловна!

— Какъ жаль, право!

— Ну вотъ, здравствуйте! Какая же это изоляція, если вы такъ-то?!

— Нѣтъ правила безъ исключенія. Иногда...

— Ба!—прервалъ онъ ее, что-то вспомнивши.—Какъ это я,

право! — совсѣмъ изъ головы вонъ! Оставайтесь непремѣнно въ Шестиглавомъ! Ни шагу дальше! И вотъ почему. Верстахъ въ пятнадцати есть участокъ Горѣлый Крестъ, а на немъ каждое лѣто почти безвыѣздно торчитъ горюнъ одинъ, сынъ участника, Сергѣемъ звать. Познакомьтесь, непремѣнно познакомьтесь съ нимъ! Это мой другъ закадычный, если такая форма рекомендаціи пріемлема. Человѣкъ изумительно интересный, очень интеллигентный, самоучка. Такая душа... Ну, а мнѣ вылѣзать. До свиданія, до свиданія, скорѣе!

— Да постойте же!—бѣжала за нимъ Елена Даниловна.—Наговорилъ съ три чорта: «интересный человѣкъ, душа... Горѣлый Крестъ... Сергѣемъ звать... Познакомьтесь...» А самъ удираетъ! Надо же поопредѣленнѣе!

— Некогда!—кричитъ тотъ уже съ платформы.—Остановка—минута, а тотъ самоварчикъ, на Узень, закипаетъ ужъ.

— Да какъ же такъ? «Познакомьтесь!»

— Такъ что? Не въ Питерѣ: карточки не потребуется. Ипатовъ его фамилія. Это вамъ всякій маровскій пострѣленокъ скажетъ. А я, если увижусь, скажу всякую мерзость про васъ. А, можетъ быть, удосужусь и самъ на Горѣлый... Скажите: «Юрій Надеинъ, молъ, васъ расхваливалъ, Сергѣй Филиппычъ». Его Сергѣемъ Филиппычемъ звать, Серьгуньку-то...

— А Юрій Надеинъ—вы?—кричала Елена Даниловна.

— Самый я! Такъ и скажите: Юрій, молъ...

— Да это, можетъ, кличка-а?

— Ну во-отъ! Чай, попа Надеина полстепи знае-етъ! Ха-ха-ха! Адью?

— Адью! Ха-ха-ха!

«Славный парнюга, ей-Богу!—говорила Елена Даниловна, возвращаясь отъ окна къ прерванному чаепитію.—Свѣтлый, хорошій».

Около семи часовъ вечера явился кондукторъ, исполняя просьбу пассажирки, и доложилъ:

— Такъ что ежели на Шестиглавый Маръ, то на этомъ полустанкѣ извольте выходить, ваше благородіе.

Линія пролегала чуть не по крышамъ села, а станцію инженеры помѣстили верстахъ въ шести, среди открытой степи. Елена Даниловна, какъ общественный публицистъ, подивилась соображеніямъ,—вѣрное изъ области высшей математики,—по которымъ ученые строители оставили далеко въ сторонѣ отъ вокзальчика большое село. Дивись не дивись, а впередъ подаваться надо: игрушечный поѣздочекъ ушелъ, полсотни пассажировъ третьяго класса, мужики,

взвалили на спины кладь и отправились апостольскими ногами. Больше никого изъ пріѣзжихъ на полустанкѣ не было, и онъ вдругъ какъ-то сжался, словно курица на нашестѣ.

— Не найдется ли у васъ лошади до села?—обратилась Елена Даниловна къ телеграфисту и сторожу, которые наперебой позѣвывали, стоя у стѣны.

— Коли не быть! есть,—отвѣтилъ сторожъ.—Да, чего?—повернулся онъ къ телеграфисту.—Семенъ Шаломовъ тутъ! Извозникъ!—какъ же! Купца привезъ изъ села, и теперь чай пьетъ. Айдате-ка, барышня, къ Семену.

Семенъ, сѣдой длиннобородый старикъ, ковылялъ вокругъ своей плетушки и скверно ругалъ пѣгую клячу.

— Довезешь меня, дѣдъ?

— Знамо довезу! Хе-хе! Какой грузъ! Чего тутъ везти-то въ тебѣ! Веретено! Соплей перешибешь!

— А ты погоди зубы-то скалить!—у меня три корзины.

— А-а? Вонъ оно куда! Ну, что-жъ! одну съ собой поставь, а за двумя утре наѣду.

— Гдѣ же я ихъ оставлю?

— А у начальника-то! Пущай блюдетъ, не сумлѣвайся! А ты къ кому?

— Да я еще и сама не знаю. Поищу комнаты.

— Одна?—какъ-то смѣшливо кивнулъ бородой старикъ.

— Одна. А что?—справилась нѣсколько тревожно путешественница.

— То-то, молъ. Ты дѣвка, ай баба?

— Дѣвка. Что? Развѣ опасно у васъ?

— Чего это? Опасно? Пошто опасно? У насъ тихо, слава Богу! Ты учительша?

— Нѣтъ, я... такъ. Пожить хочу, воздухомъ подышать.

— Добро! Дыши, дыши. А и лядящая же ты, право слово! Хе-хе-хе! Ну, садись. Гдѣ корзина-то? Мы ее въ задокъ приладимъ. Садись, ягодка.

Пока онъ прилаживалъ корзину, Елена Даниловна переговорила съ телеграфистомъ о двухъ остальныхъ. Старикъ забрался на козлы, испросилъ Божія благословенія и крѣпко выругался вслѣдъ затѣмъ.

— Что это ты, дѣдъ, какъ ругаешься?—упрекнула его Елена Даниловна.

— Ай я ругаюсь?! — изумился дѣдъ, обернувшись къ пассажиркѣ.

— Гадко, скверно ругаешься, милый дѣдушка.

— И то, мотри... А мнѣ и не въ домёкъ!... Это вотъ ты, съ воли-то!

— Не ругайся, дѣдушка! Слушать противно!

— Ну, инъ, не стану... Да вѣдь не спопашишься,—выругался онъ.—Гляди, она сама, брань-то, претъ. Хе-хе.

Надо отдать ему справедливость,—онъ долго крѣпился: обрывалъ себя на полусловѣ, старался не взыскивать съ пѣгой клячи, спускалъ ей. Но ёрзалъ по козламъ, болѣзненно кряхтѣлъ. И не выдержалъ:

— Инъ вотъ какъ, дѣвынька: ты меня не неволь, а то силымочи нѣтъ. И, первое дѣло, не слушай. Не тебя касаемо, не твое и дѣло!

— Да противно вѣдь, дѣдушка!

— Съ непривычки, милушка! Привыкай... А то ви-ишь!—перемѣнилъ онъ вдругъ соболѣзнующій тонъ на гнѣвный,—учить вздумала... Ты меня не переучишь! Кака учительша подъявилась! Что подъявилась, говорю... Не я къ тебѣ, а ты ко мнѣ подъявилась! Уставы свои уставлять! Что уставлять, говорю! Ви-ишь, кака уставщица! Пра-а, уставщица! Что уставщица, говорю! Въ чужой монастырь! А ты, коль подъявилась, такъ и помалкивай, да привыкай! Привыкай, говорю! Пра-а,—что привыкай, говорю!

— Ну, ну... привыкну! Будетъ ворчать-то!—улыбалась Елена Даниловна.

Тогда старикъ такъ же неожиданно смягчился.

— А на фатеру—вотъ къ кому, слышь,—къ мастеру!—къ Анрей Иванычу! Лучше этой фатеры и не найтить для тебя! Прямо такъ, къ нему, и—того! Потому,—само подходяще для тебя. Ужъ ты послушай Семена Шаломова, дѣвàга!—Семенъ Шаломовъ, братъ, худого не молвитъ! Перво дѣло,—у него двѣ избы: въ кою хошь, въ ту и стань. А самъ-то онъ съ бабой да съ дѣвчонкой... по третьему году дѣвчонка-то. Такъ они, вѣдаешь, какъ весна установилась,—въ степь. На молотилкахъ онъ, Анрей-то Иванычъ. И до самыхъ тебѣ холодовъ званья его нѣтъ! И ты прямо не ищи, а айда да айда къ Маёрову—мастеру!

— Хорошо, хорошо, дѣдушка. Тебѣ лучше знать, куда...

— Да ужъ ты послушай Семена Шаломова. Поискать—не сыщешь. Такой ли парень, Анрей,—цѣны нѣтъ.

— Хорошій?

— Одно слово. Золотой парень. Лошадь ли это подковать, бочку ли часомъ излалить плужокъ ли...

— Да, это, конечно, конечно... Но я не о томъ. Каковъ онъ, какъ человѣкъ-то?

— Ась? Человѣкъ-то? Ничего, человѣкъ, Анрей Иванычъ,—обстоятельный. Двѣ избы, усадебное мѣсто свое, землицы, мотри, двадцатка, луга въ долѣ... Онъ ее, земличку-то, сдаетъ, потому какъ самъ хозяйства...

— Да не о томъ я,—потеряла терпѣніе Елена Даниловна.—Ну, каковъ онъ?—смирный, озорной, умный, пьяница?

— Куда—пьяница, онъ—самый трезвякъ. Изъ трезвяковъ онъ. Они, трезвяки-то, соймутся въ соймище да про царя бумажки читать. Я слухалъ разъ,—ничего. Слова праведныя. Потому—какъ, правды нѣтъ... Нѣтъ ее, правды-то, дѣвынька. И Анрей же, опять: въ Бога не вѣритъ, въ церькву не ходитъ...

— Что же это онъ!—спросила Елена Даниловна разсѣянно, занятая своими соображеніями.

— А—отъ ума, головынька. Книги читаетъ. Книгъ этихъ у него... цѣлый кутокъ. Онѣ его и совращаютъ съ пути, анаѳемы, книги-то. Сатанѣ предался. Не вѣритъ тѣ ни во что, да и нѣтъ. «Лѣ-ѣту-унъ, говоритъ, какой такой лѣтунъ? Ты, баитъ, видѣлъ его?» А самъ—хи-хи да ха-ха. Ин-да страхъ смотрѣть. До чего собьется который человѣкъ съ пути.

«Несомнѣнно, политикъ, этотъ мастеръ,—соображала Елена Даниловна.—Но такъ какъ онъ на взлетѣ, то...»

— Ну, вези меня къ нему, дѣдъ,—рѣшила она.

— Да знамо,—къ нему. Онъ тебѣ—съ руками, съ ногами... Лю-убитъ онъ вотъ такихъ, какъ ты... Хе-хе.

— Какихъ?

— Да такихъ... Ты думаешь, Семенъ-то Шаломовъ сѣръ?... Хе-хе. Молода еще, въ Саксоніи не была. У Семена-то не волкъ умъ съѣлъ. Я, братъ, понимаю.

— Чего же ты понимаешь?

— Да ужъ понимаю. Ты, дѣвка, узнай Семена-то Шаломова. Хе-хе. Я, головушка, наскрозь тебя вижу.

— Что все это значитъ, послушай?—встревожилась и разсердилась Елена Даниловна.—Говори, пожалуйста, толкомъ. Чего ты видишь?

Старикъ обернулся къ ней всѣмъ станомъ.

— А вотъ и вижу,— за думу ты... Супротивъ начальства, сталъ-быть. И отца Ивана не любишь.

— Ха-ха-ха. Только-то? Ну, это все вѣрно. Я, дѣйствительно, такъ думаю. Тебѣ-то что?

Старикъ отвернулся, ссутулился, помолчалъ и тихо закончилъ:

— И я такъ думаю... Чего подѣлаешь? Остáния времá.

«Нѣтъ, ей-Богу, спасибо Лизѣ за ея счастливую инициативу влюбить меня въ степь»,—думала Елена Даниловна, внутренно хохоча отъ удовлетворенности всѣхъ чувствъ и ощущеній.

Узкоколейная насыпь высилась стѣной съ юго-западной стороны Шестиглаваго Мара, и въ немъ на улицахъ лежали прохладныя тѣни. Но саженъ черезъ сто, когда Семенъ завернулъ, наконецъ, съ поля въ переулокъ, солнце показало яркій край изъ-за отошедшей насыпи, и его свѣтъ засіялъ феерически, какъ будто оно сново всходило. А маровцы уже пошабашили, если только не праздновали, конечно, бабы, дѣвки, ребятня сидѣли кружками у воротъ, на землѣ, завалинкахъ, гдѣ были таковыя, на колодахъ и громко-звонко таратори-ли. Увидѣвши же Елену Даниловну, всѣ разомъ смолкли и уставились на нее съ насмѣшливой подозрительностью. Она не знала, улыбаться ли ей, или принять важную осанку. И успокоилась на томъ, что перестала обращать вниманіе на ихъ вниманіе.

Дворъ мастера съ его двумя избами находился въ концѣ маленькой улочки, спускавшейся къ рѣчушкѣ. Обѣ избы, по ту и другую сторону новенькихъ и узенькихъ воротъ, были изъ саманнаго кирпича, какъ и всѣ маровскія избы, хлѣва и «базы». Одна, лѣвая, была побольше и почище, съ новыми рамами въ трехъ оконцахъ, другая— маленькая и лохматая, съ однимъ полуаршиннымъ окошкомъ, чернымъ отъ копоти. Остановивши лошадь у первой избы, Семенъ нагнулся съ козелъ къ оконцу.

— Ей! Хозяинъ! Есть, что-ль, кто дома-то?

Въ окнѣ, между тѣсной зелени фуксій, герани и жасмина, показалось молодое женское лицо, пріятное, но какое-то сонное. Показалось и исчезло.

— Хозяйка его,— молвилъ дѣдъ вполголоса, точно по секрету.—Алёна Карповна. Она съ Ново-Росляйки взята, писаря дочка. Ничего, хорошая бабенка. Въ городу обучалась разнымъ наукамъ. А за него, за Маёрова-то, уходомъ пошла. По согласію.

Въ другомъ окнѣ обрисовалось блѣдное или, вѣрнѣе, очень ужъ б чое чернобровое, чернобородое лицо съ правильными, тонкими чер- т ми, совершенно интеллигентной красоты, но также, какъ и у А ны Карповны, сонное или же апатичное.

— Андрею Иванычу!—приподнялъ фуражку дѣдъ.—Фартиранку д лъ тебѣ, голова! Когда ѣдешь-то?

— Да ужъ собрались. Постой я выйду.

Онъ исчезъ и вышелъ изъ калитки. Это былъ высокій, не полный и не худощавый мужчина лѣтъ тридцати пяти. На немъ криво висѣло черное лѣтнее пальто. Подшагалъ онъ къ плетюшкѣ какъ-то уточкой, вперевалку.

— Здравствуйтя!—сказалъ онъ Еленѣ Даниловнѣ съ туземнымъ мужицкимъ произношеніемъ и подалъ руку.—Вамъ?

— Сдадите?

— Снимайтя!—разсмѣялся онъ. Смѣхъ очень красилъ, молодилъ его сонное лицо, принимавшее дѣтски-простодушное выраженіе.—Мы завтра отправляемся, а вы живитя себѣ на здоровье.

— Сколько положите?

— Ха-ха-ха! Да за что? Я никогда не сдавалъ. Каждое лѣто пустуетъ дворъ до осени. Еще за охрану вамъ заплачу.

— Нельзя же такъ, даромъ!—нахмурилась Елена Даниловна.—Хоть рублей десять въ мѣсяцъ да положьте.

Посмѣялись оба маровца.

— Десять рублей! Да ей, ин-коль-такъ, выгоднѣе свою избу поставить.

— Да вы слѣзайте, а тамъ потолкуемъ,—приглашалъ мастеръ.—Семенъ Петровичъ, завертывай, а я ворота отворю. Срядимся!—добродушно кивнулъ онъ Еленѣ Даниловнѣ.

Дѣдъ завернулъ во дворъ. Даже на питерски-безхозяйственный взглядъ Елены Даниловны этотъ дворъ произвелъ впечатлѣніе безхозяйственное. Ни животовъ, кромѣ пятка куръ, ни экипажей, кромѣ дѣтской колясочки! Обширный дворъ былъ пустъ. «Тѣмъ лучше, я разведу огороды», подумала Елена Даниловна.

Самъ Майоровъ хлопоталъ на кухнѣ съ самоваромъ, а его жена старалась отъ всей души быть любезной съ гостьей, но дальше вялой улыбки въ своихъ стараніяхъ не подвинулась. Гостьѣ приходилось разговаривать за двоихъ, и самой давать отвѣты на свои вопросы. Но не было никакого сомнѣнія, что оба, мужъ и жена, люди простые, открытые, готовые служить чѣмъ угодно для ея удобства, лишь укажи, научи она ихъ. И всѣ хозяйственные, обиходные, бытовые вопросы были вырѣшены дружно въ полчаса. Варить Еленѣ Даниловнѣ будетъ тетка Андрея Иваныча, дворъ которой рядомъ. А осенью они сочтутся.

— Не обидимъ!—смѣялся Майоровъ своей дѣтски-ясной усмѣшкой, сбиравшей у висковъ складки.

Замолкли у стола. Елена Даниловна прислушалась къ тишинѣ села, погружавшагося въ синюю полутьму. Крикнула гдѣ-то далеко-далеко птица, съ конца села донеслась заунывная пѣсня, которую

вели съ безкопечными, неисчерпаемыми фіоритурами и подголосками умѣлые, но какъ будто томимые дремотой пѣвцы. И грустно было безъ печали и отрадно безъ повода. Снова потянуло таинственнымъ бальзамическимъ благоуханіемъ въ окна, волнуя грудь, лелѣя нервы. И тихо, тихо стало.

— Какъ хорошо-то у васъ!—съ глубокимъ вздохомъ прошептала Елена Даниловна, повернувшись къ хозяйкѣ, закрывавшей сонные глаза отъ лампы.

— Живите,—отвѣтила молодая женщина сонно, но задушевно.

Стали пить чай, какъ старые-старые знакомые.

— Я въ степи!

Елена Даниловна придирчиво-внимательнымъ взглядомъ обвела вокругъ себя и мягко, удовлетворенно улыбнулась: она достигла того, чего искала.

Ей хотѣлось найти въ открытомъ полѣ такую точку, съ которой она могла бы видѣть вокругъ себя, куда только хваталъ глазъ, открытое пространство, ограниченное лишь горизонтомъ, чтобы ни отдаленная кучка деревьевъ, ни двухсажепный сыртикъ, ни верховой пастухъ, кажущійся издали не болѣе опрокинутой буквы т, ничто бы не препятствовало ея свободному *человѣческому* взгляду видѣть идеально очерченный кругъ земли, плотно прикрытый темно-синей чашей неба. Это былъ капризъ, но капризъ *ея* ума, капризъ чрезвычайно характеристическій: Елена Даниловна увѣрила себя, что благотворное дѣйствіе степного воздуха только тогда возымѣетъ силу, когда ей удастся найти въ степи точку, стоя на которой, она скажетъ, вполнѣ удовлетворенная:

— Вотъ, наконецъ, я въ степи!

Она бродила цѣлые три дня съ утра до вечера, уставала, мучилась.

«Вотъ я желала себѣ найти такой блинъ земли, среди котораго была бы выше всѣхъ преградъ, мѣшающихъ любоваться горизонтомъ, и теперь на вершинѣ возможнаго счастія!—говорила она себѣ.—Теперь могу поплясать, попѣть, порвать цвѣтовъ, въ травѣ поваляться. Жизни больше, жизни! Жизни и огня. Къ чорту всѣ сомнѣнія! Прыгайте, какъ я! Трам-тар-рам-там-пам-пам... Трам-тар-рам-пам-пам. Хорошо, что меня не видятъ мои прихожане!» расхохоталась она, вспомнивши «эликсиръ препоподобнаго отца Гоше».

Но развѣ здѣсь, на глазахъ ворона, ящерицы и бабочки, нельзя ать, что угодно, не боясь помѣшать свободѣ чьихъ-либо предразковъ?

— Никто не видитъ тебя. Это ли не счастіе?

Елена Даниловна вдругъ остановилась, не докончивъ па: она почувствовала, что ея ноздри также отплясываютъ веселый танецъ, и была пріятно поражена этой неусыпно воспринимающей дѣятельностью организма, уже безконтрольной, уже благотворно-стихійной. На самомъ дѣлѣ, ея умъ былъ уже пресыщенъ чарующимъ, цѣлительнымъ благоуханіемъ степи; но ея чувства пили и пили этотъ бальзамъ, отъ котораго аппетитъ становился волчьимъ, отъ котораго наливались, пружились, бѣлѣли члены.

Саманный заборъ майоровскаго двора, послѣдняго въ улочкѣ, былъ высокъ и непроницаемъ; только со стороны сосѣдки, Анисьи Марковны, пожилой и знакомой съ городскимъ укладомъ тетки Андрея Иваныча, саманные кирпичи были частью разобраны, чтобы не обходить кругомъ, въ ворота, навѣщая дворъ, покинутый хозяевами. Задняя же стѣна выходила на рѣчушку, которая дѣлала крутую излучину, образуя мысокъ, и оставляла такимъ образомъ подмытую ея стѣну «внѣ предѣловъ досягаемости», какъ говорила газетчица, памятуя историческое выраженіе адмирала Прѣсни. Къ этой стѣнѣ лѣпилась баня, довольно свѣтлая, съ досчатымъ поломъ, а на стѣнѣ хитрый механикъ устроилъ вращающійся воротъ, родъ лебедки, по блоку которой ходила толстая веревка съ крюкомъ для ведра. Такимъ образомъ, Елена Даниловна, благословляя геній Андрея Иваныча, могла безъ особыхъ трудовъ имѣть когда угодно запасъ свѣжей воды прямо изъ быстрой прохладной рѣчушки: поскрипитъ себѣ блокомъ и выльетъ воду въ воронку, откуда она проникнетъ по трубѣ въ баню, въ большой ушатъ.

— Ѣдучи сюда,—говорила она хозяевамъ,—я купила въ Саратовѣ душъ Тюрникова. Чудно дѣйствуетъ, несмотря на то, что стоитъ всего два рубля. Я очень была бы благодарна, Андрей Иванычъ, если бы вы устроили гдѣ-нибудь на дворѣ купальню. Я страстно люблю воду.

Мастеръ въ эту же ночь исполнилъ желаніе своей «съемщицы» съ присущей ему находчивостью: всадилъ глубоко и прочно въ пазъ около полка доску, прикрѣпилъ ея конецъ къ матицѣ, поставилъ на него большой челякъ.

— Какъ купаться захотитя,—сказалъ онъ рано утромъ Еленѣ Даниловнѣ,—воды въ челякъ налейтя и готово. А душъ такъ и не выняйтя никогда, какъ я его прикрутилъ.

И вышло хорошо: дешево, пріятно и полезно. Еще съ вечера наполнитъ челякъ Елена Даниловна, скаконувши раза два на полокъ

съ ведромъ, а обливаться подъ душъ летитъ прямо съ постели, чуть свѣтъ, какъ только Анисья Марковна разбудитъ. Прямо съ телѣги, отрицая всякую обувь, стрѣлой мелькнетъ она въ баню. И ширкъ набѣгу съ себя рубашку, чтобы не дать мѣста дрожи, и дёргъ тутъ же за проволоку душа. И радостный испугъ до хохочащаго визга, и трепетъ кожи подъ ледянымъ бархатомъ струекъ, и дѣтскій плясъ, и смѣхъ счастливый, и, наконецъ, теплая благодать въ каждой жилкѣ, въ каждомъ нервѣ.

Вода и воздухъ! Можно стать религіозно-благодарнымъ Кому-то, создавшему ихъ на радость и укрѣпленіе тѣла. Какъ и эта Анисья Марковна, стоящая у двери съ мохнатой простыней, смѣющаяся плясу и визгу и твердящая:

— Ну, и слава Богу! Вотъ и слава Богу!

— Вѣдь это что? Это чудо!—говорила Елена Даниловна однимъ такимъ утромъ,—девятымъ или десятымъ. Ни одно платье не стало годиться!—жаловалась она, вся сіяя.—Хорошо, что я догадалась оставить у саратовскихъ портнихъ широко скроенные патроны. Но придется видно дать работу и вашей маровской швейкѣ, женѣ приказчика: узко и бѣлье, и костюмы!

— Ну, и славѣ Тебѣ, Господи! Оно такъ-то, хоть бы этотъ самый воздухъ, дѣйствуетъ! Намъ, деревенскимъ, незамѣтно, а городскіе которые...

И Анисья Марковна присаживается на порогъ, чтобы разсказать, пока Елена Даниловна вытирается и напяливаетъ свою узкую рубаху, одну изъ поучительныхъ исторій, которыхъ много у старухи, жившей по всѣмъ городамъ Поволжья.

— Да у насъ какой случай былъ... Жила я въ ту пору въ Царевщинѣ, повыше Самары, кухаркой у управляющаго. Мѣсто расчудесное: горы, лѣсъ сосновый, рощи эти. Пріѣхала одна дамочка молоденькая изъ города, съ ней ребятокъ двоечка: барышня лѣтъ семи и мальчужечка по третьему. Дѣвочка—ничего себѣ, а мальчужечка—въ чемъ только душа! Головонька не держится, съ плечика на плечико. Синенькій, худенькій—однѣ-то косточки! И ужъ не хочитъ. Послалъ, говоритъ барыня нашему барину, послалъ сюда отецъ: ущай, говоритъ, Егорушка поживетъ хоть останные-то денечки на ольномъ воздухѣ. Простился, говоритъ, на смерть благословилъ, е равно, не жилецъ ужъ! Чѣмъ страдать крошечкѣ, лучше ужъ ибралъ бы Господь! Ладно. Живутъ день, живутъ другой: мальжечкѣ лучше. Головушка прямо торчитъ, лыбиться сталъ. А къ еру топы-топы ножками: по-обрѣлъ!... А еще дня два минуло, ъ пишетъ отцу: «Сегодня Егорушка на крыльцо влѣзъ». Тотъ:

«врешь, милая, абажаемая, меня обманываешь, да—зря: я ужъ только о томъ скорблю, поскорѣе бы отмаялся бѣдняжка». Не вѣритъ! Она опять ему: «Гуляли съ Егоромъ въ лугахъ, онъ папѣ цвѣточковъ нарвалъ: пріѣзжай получить». Тотъ не утерпѣлъ и летитъ. Да какъ увидѣлъ—мальчужечка бѣжитъ ему встрѣчь, ахнулъ, а у самого слезы эти, слезы. Расцѣловалъ бы я, говоритъ, этотъ воздухъ! А я ему: «Молебенъ, сударь, отслужите Господу Творцу-Создателю, кой воздухъ-то сдѣлалъ». И то, говоритъ! Вотъ онъ, воздухъ-то этотъ самый, чего дѣлаетъ съ городскими!

И въ головѣ Елены Даниловны едва ли не впервые начинаетъ шевелиться смутное сомнѣніе: да стоитъ ли, полно, одного глотка чистаго воздуха вся мишурная культура, которой такъ горды жители столицъ? Гнилая суета червей въ гнилой средѣ, порождающей духовную отраву! И съ другой стороны—крѣпящая мышцы, крѣпящая нервы деревня, эта степь, гдѣ такъ хочется осчастливить всѣхъ отъ избытка собственнаго счастія!

Ей еще больше непріятна, страшна память о петербургскомъ клубкѣ червей «литературы, политики и общественной жизни», такъ отвратительно кишащихъ *тамъ*, безъ пощады къ себѣ и къ ближнему.

А ощущеніе голода, это могучее, родящее силы ощущеніе.

Едва успѣвши натянуть рубашку, Елена Даниловна ищетъ ѣды. Запасена съ вечера утка, курятина—ѣстъ утку и курятину; нѣтъ, съ неменьшимъ наслажденіемъ уписываетъ черный хлѣбъ съ молокомъ, съ холоднымъ чаемъ, съ одной водичкой!

«И ее часто *видѣли* сверкающей голыми ногами по своему двору, съ ломтемъ въ одной, съ хворостиной въ другой рукѣ», сказали бы мы, если бы стоило нужды расходовать этотъ глаголъ по такому ничтожному поводу, какъ три единственныя пары глазъ, смѣющихся надъ прыжками молодой дѣвушки, гонявшей воробьевъ. Намѣреніе ходить по глухой деревнѣ въ одной рубашкѣ—осуществлялось до нѣкоторой степени, но совершенно не предумышленно, по хозяйственнымъ надобностямъ, такъ сказать. Не идти же одѣваться, на самомъ дѣлѣ, когда туча воровъ-воробьевъ вьется надъ плантаціями. И публицистика стрекаетъ по двору съ полнымъ ртомъ и размахиваетъ хворостиною.

Плантаціямъ Елена Даниловна отдавала все время, когда не была въ степи. Собственноручно она вскопала, по указаніямъ Анисьи Марковны, гряды, забороновала ихъ граблями, засѣяла и засадила. На самой серединѣ двора разбила то, что собственно и значилось у ней подъ именемъ плантацій: садикъ изъ скороспѣлаго американскаго

овса и кукурузы, по которому лабиринтомъ извивалась тропка, выводящая на площадь съ ладонь, гдѣ былъ поставленъ соломенный стулъ для отдохновеній плантаторши подъ будущей тѣнью. Трудовъ было страшно много. Но зато не оставалось и минуты на то, чтобы подумать о чемъ-либо, кромѣ огорода, цвѣтника и «плантаціи». И нѣжная, кудрявая травка, выращенная собственными трудами, до того чаровала глаза кроткой, чисто-дѣтской ласковостью, что Елена Даниловна ложилась на бочекъ и гладила свои всходы, называя ихъ всѣми уменьшительными, которыми называютъ любимыхъ крошекъ. Кресъ-салатъ не вынесъ избытка материнской нѣжности, зажелтѣлъ, поникъ; но всѣ другіе побѣги оказались молодцами и росли на славу.

Въ первые дни не было у Елены Даниловны иного общества, кромѣ тетки Анисьи и двухъ «пріятелей», ея внучатъ, жившихъ лѣтомъ у бабушки; «пріятели», коренастый Минька лѣтъ восьми и тоненькій, изящненькій бѣлокурый Костенька, лѣтъ пяти, сопутствовали ей въ ея прогулкахъ по степи, указывали дорогу, несли каравай, ловили тарантуловъ, которыхъ Елена Даниловна бережно приносила въ коробкѣ домой и ловко опрокидывала въ стеклянную банку. Мохнатыя чудовища, едва не достигавшія когтями жерла своей тюрьмы, были очень красивы и страшно злы; когда Елена Даниловна, налюбовавшись ихъ бархатистой пестротой, замѣчала, что они готовы пожрать другъ друга, «какъ и нашъ братъ-литераторъ», тогда она спѣшила «пріостановить» ихъ дѣятельность, топя ихъ въ маслѣ.

Потомъ, съ теченіемъ времени, она должна была расширить кругъ знакомства. Стали заглядывать бабы, дѣвки, то прося средствія отъ какого-то пострѣла, то написанія грамотки хозяину, служащему во флотѣ. Ей носили яйца, цыплятъ, и она стала брать «гонораръ», замѣтивши, что бабы обижаются при отказѣ; но и сама дарила ситчики, колечки и разныя мелочи, находимыя въ торговыхъ рядахъ многолюднаго села, окруженнаго богатыми участниками. Это установило теплыя отношенія между «воздушницей» и бабьемъ всѣхъ ближайшихъ улицъ: Елену Даниловну «кликали» въ хороводъ, учили пѣть степныя пѣсни съ безконечными выводами, возили въ поле.

Такъ жила она, не вспоминая ни о чемъ, ни о комъ, даже о миломъ эс-эрѣ Надеинѣ, произведшемъ на нее одно изъ свѣтлѣйшихъ печатлѣній въ жизни.

— Обѣщалъ заглянуть,—приходило иногда ей въ голову.—Заглянетъ—ладно, а не заглянетъ—того лучше: еще затронетъ въ душѣ

какую-нибудь струну цивилизаціи и помѣшаетъ жиръ нагуливать. Пусть ужъ тамъ, въ Питерѣ.

Утомленная дневными трудами, переполненная отрадной истомой, она съ наслажденіемъ вытягивалась на прохладной простынѣ, на сѣнѣ, въ большой телѣгѣ, прикаченной теткой. Надъ головой синѣло небо, усаженное брилліантами; поднималась кроткая луна; въ священной и благовонной тишинѣ лилась далекая-далекая пѣсня. Сонно скрипѣла какая-то птица въ степи. И глаза сами собой слипались.

II.

Ипатовъ.

Въ самомъ концѣ мая пошли, наконецъ, дожди, такъ мучительно ожидавшіеся степью и степняками. Они лили первый день бурно-весело, съ трескучимъ громомъ, а со второго дня утратили всю энергію, стали однимъ сплошнымъ ливнемъ и превратили Шестиглавый Маръ въ непролазное море липкой грязи.

Установившійся порядокъ времяраспредѣленія былъ нарушенъ, на что и сѣтовать не приходилось; нѣтъ надобности скрипѣть блокомъ, когда достаточно было встать подъ желобъ, чтобы искупаться; не зачѣмъ хлопотать о цвѣтникѣ и грядахъ, когда сама природа приняла на себя заботу о лучшей для нихъ поливкѣ. Нечего было думать о прогулкахъ въ степь. Попробовала Елена Даниловна шлепать по лужамъ съ пріятелями, но это удовольствіе оказалось больше смѣшнымъ, чѣмъ забавнымъ.

А отъ «избяной» жизни она такъ прочно отвыкла за истекшія три недѣли, что не знала, какъ и быть ей, сидя въ четырехъ стѣнахъ. Пересмотрѣла всю библіотеку Андрея Иваныча. Все интересное въ ней — Кольбъ, Швейцеръ, Лавровъ, было знакомо, вплоть до рукописной Гавриліады. Нашла она и старую престарую «Естественную исторію» Горизонтова. Естествознанію изъ нея она не научилась, а развлеченіе получила и такъ объ этомъ впослѣдствіи разсказывала въ Петербургѣ. Такой благочестивый этотъ Горизонтовъ. Поповичъ, навѣрное. О чемъ бы ни говорилъ, непремѣнно закончитъ хвалой Промыслителю: все, видите ли, создано на пользу человѣка! Ну, пока дѣло шло о звѣряхъ, рыбахъ, гадахъ, насѣкомыхъ и даже каменьяхъ, ничего, управлялся кое-какъ поповичъ съ промышленіемъ. И клопъ, примѣрно, полезенъ: кровь дурную высасываетъ; и левъ полезенъ: внушаетъ мысли о величіи; и капустница не безъ надобности: доставляетъ человѣческому взору наслажденіе. Но вотъ по-

дошла очередь такихъ злыхъ, чортъ знаетъ для чего созданныхъ гадинъ, какъ скорпіоны, фаланги, тарантулы. Тутъ ужъ, кажется, ничего не найдешь для дифирамба Творцу: дурной крови не высасываютъ, о величіи не напоминаютъ, по красотѣ—далеко не родня колибри или бабочкѣ. Однако, что же вы думаете?—изловчился-таки поповичъ. «Тарантулы, говоритъ, полезны тѣмъ, что масло, въ которомъ ихъ утопили, является лучшимъ лѣкарствомъ отъ укусовъ, причиняемыхъ тарантулами».

Наконецъ, не видя конца дождю, Елена Даниловна задумалась о Горѣломъ Крестѣ и объ Ипатовѣ.

— Съѣзжу-ка я на Горѣлый, Анисья Марковна. Вы какъ объ этомъ?

— Да-къ что! Знамо, провѣтритесь, чѣмъ такъ-то. Вонъ, какую благодать Богъ даетъ! Мотряй, на недѣлю обложило. А старики Ипатовы хорошіе, богомольные. Самъ-то начетчикъ, библію прочиталъ разовъ пять съ конца, какъ обсказываютъ, пріятный, поучительный мужъ. Хоша и бе-естія, хе-хе!

— А сынъ, Сергѣй Филиппычъ, онъ-то каковъ?

— Сынъ-то? Да, каковъ? О немъ чего-то и не слыхать. Бываетъ онъ у Андрюши, книжки читаютъ, калякаютъ. Ну, а чтобы сказать по дѣлу чего, какъ вотъ другіе молодые мужики-добышники изъ богатыхъ,—ну, ужъ этого не знаю. Мотряй, шалава парень удался, не въ отца. Да что имъ, Ипатовымъ-то, нажитого не прожить. Земляци этой у нихъ—Саксонія, что Семенъ Шаломовъ не скажетъ. А деньжищъ, Андрей говоритъ, инда пять муліоновъ! Хошь пришиби ты меня на этомъ мѣстѣ, въ толкъ не возьму, какіе это такіе есть муліоны эти самые!

— Чѣмъ же собственно занимается молодой Ипатовъ?

— Да чѣмъ ему займоваться-то? У отца денегъ много. Посѣвами балуется, тимоѳеевы травы какія-то разводитъ. Смѣхота! Вотъ этотъ овесъ мериканскій у него добываютъ. Ну, и то сказать, мужики имъ довольны, подобрѣе старика-то, не обижаетъ ни въ чемъ. А такъ, по дѣлу, ничего путнаго не слыхать. Ѣздитъ по разнымъ городамъ, за границами одно время года съ два никакъ мотался. Ужъ парню давно бы внуковъ имѣть, а онъ живетъ тебѣ, ни въ городѣ Иванъ, въ селѣ Селифанъ! Пустой мужикъ!

Поѣхали къ Ипатовымъ.

Дворъ Горѣлаго Креста былъ обширенъ, богатъ и, какъ всѣ ху[т]а зажиточныхъ степняковъ, проченъ, благодаря постройкамъ изъ [с]аннаго кирпича. Почти со всѣхъ четырехъ сторонъ его обрамляли [а]зы», крѣпкіе саманные, прочно крытые хлѣвы, куда въ зимнюю

стужу загоняютъ весь скотъ, отъ курицы до верблюда. Теперь базы стояли настежь, и ихъ нутро чернѣлось, какъ огромныя печи. Посрединѣ двора тянулся длинный флигель съ пятиоконной вышкой на его лѣвомъ крылѣ, которое было гораздо красивѣе, чище праваго, невыбѣленнаго, съ маленькими окнами. Большое, красивое крыльцо съ десятками ступеней, помѣщавшееся какъ разъ посрединѣ фасада, могло бы служить помѣстительной бесѣдкой цѣлому дѣвишнику: крытое рѣзнымъ шатромъ, оно выступало впередъ и далеко, и широко, а отъ него шла влѣво немногимъ менѣе широкая терраса на толстыхъ, крѣпкихъ чурбакахъ. Влѣво отъ флигеля, далеко въ глубинѣ двора, оживленно и быстро, несмотря на дождь, шла работа въ широко растворенномъ амбарѣ: громыхала вѣялка, шуршалъ грохотъ, шелестѣла золотая бѣлотурка, лившаяся широкимъ потокомъ внизъ, гдѣ пятеро мужиковъ быстро и ловко наполняли ею мѣшки. Подъ навѣсомъ, идущимъ влѣво отъ воротъ, сидѣли на землѣ бабы и дѣвки и шили мѣшки. По крыльцу и террасѣ ходили взадъ и впередъ женщины. Трое рабочихъ гоняли метлами воду.

Семенъ подъѣхалъ къ самому крыльцу. Елена Даниловна, задыхавшаяся въ бричкѣ, поспѣшила выпрыгнуть и замѣтила, что ея появленіе произвело переполохъ. Бросили работу проворные мужики и уставились на гостью, толпясь у воротъ амбара, прячась за косяками; опустили иглы дѣвки и бабы и, вытянувши шеи, стали громко шептаться о прибывшей; оперлись на метлы парни, убиравшіе лужи. А на террасѣ совершалось содомогоморское чудо: ходившія по ней женщины превратились въ соляные столпы съ окаменѣлыми взглядами на Елену Даниловну.

— Да, энта!—слышала она шепотъ бабъ-мѣшечницъ.—Коя въ Марý то живетъ, у мастера-то! Смотри-ка, пріѣхала. Не зря баили.

Женщины на террасѣ стояли, смотрѣли и ждали. Ни одна не пошевелилась спросить, что ей нужно и не угодно ли ея взойти подъ крышу, чтобы не мочить на ливнѣ зонтикъ.

— Сергѣй Филиппычъ дома?—обратилась она къ ближайшему изъ столповъ.

Всѣ при этомъ вопросѣ застыли въ ужасѣ, еще больше окаменѣли. Но одна изъ трехъ пришла въ движеніе и убѣжала въ дверь. Елена Даниловна взошла на крыльцо по собственной иниціативѣ.

— Ахъ, ахъ, ахъ!—услышала она встревоженные торопливые стоны въ глубинѣ флигеля.—Гдѣ она? Да что это она, Господи-святы?! Да какъ это?!

И на крыльцо выкатилась полная, но крѣпкая старуха лѣтъ подъ семьдесятъ, съ морщинистымъ, но еще цвѣтущимъ и багровымъ отъ

румянца лицомъ, съ испуганными, но добродушными карими глазами; выкатилась и попятилась отъ гостьи въ превеликомъ изумленіи.

— Мама Сергѣя Филиппыча?—спросила Елена Даниловна съ вѣжливо-открытой улыбкой.

— Мамашенька его,—пролепетала старуха, окидывая гостью съ головы до ногъ и оторопѣло, и въ то же время поощрительно.—Ахъ, батюшки-свѣты!—снова заволновалась она.—Да какъ же это вы?! Да что же это такое... Пошли прочь!—циркнула она на женщинъ.—Чего уставили буркалы-то, бесстыдницы, не дѣлахи, дармоѣдки?! Ваше ли дѣло тутъ?

Крыльцо мигомъ очистилось, и на немъ остались только онѣ двѣ: улыбающаяся гостья и растерявшаяся хозяйка.

— Да какъ же это ты... вы, такая кралечка?—изумлялась старуха.—Это, мотри, вы самая, которая въ Шестиглавомъ, у мастера? Да откуда же вы Сережу-то знаете?

— Еще не знаю!—разсмѣялась Елена Даниловна, и окончательно сразила старуху, заявивши просто, спокойно.—Вотъ пріѣхала познакомиться съ нимъ.

Ипатиха растерянно оглянулась по двору, точно ища среди своего доброхозяйственнаго хутора самый крѣпкій базъ, чтобы опереться.

— Ничего, хе-хе-хе!—пришелъ ей на помощь Семенъ Шеломовъ, любовавшійся съ козелъ этой встрѣчей.—Она дѣвка смиренная, Алёна-то Даниьевна. Извѣстно, скушно ей, по мокрому-то времю, одной, ну, она и того. Дай,—надумала,—къ Ипатовымъ навѣдуюсь. Ежели бы ясно, она шеманалась бы да шеманалась по селу али бы по сыртамъ; а тутъ, гляди! льетъ и льетъ благодать-то божья. Ты ее впусти, Дарья Антиповна. Сынъ-то дома, что ль?

Худенькая дѣвочка лѣтъ десяти, пожиравшая гостью черными глазенками, прячась за тиковую занавѣску, вспыхнула и хрипло сказала:

— Братца нѣтъ, въ Саратовъ уѣхалъ. А вечеромъ пріѣдетъ.

— Ну, и лады!—рѣшилъ Семенъ, спускаясь съ козелъ.—Распрягёмъ, сталъ быть, да баиньки. Сынъ-то наѣдетъ, все пойдетъ, какъ по маслу. Ваше дѣло старое, да темное, извѣстно; а оны—на ходъ молодой, обструганный, не намъ чета. Да хошь бы Сергѣй-то! Голова! Губернаторъ, не токма что. Ну, ты,—туды твою... Стой, оглашенный! Онъ, Сергѣй-то Филиппычъ, радёшенекъ станетъ. Поймму, ученые люди. Попьютъ чайку, покалякаютъ... глядь и разселились... Мот-тай башкой-то, такъ тебя и этакъ!

Старикъ ковылялъ вокругъ пѣгаша, распутывая мочала упряжи, бормоталъ и спокойно ругался; старуха не спускала глазъ съ лица гостьи, а она уже пересмѣивалась съ дѣвочкой, которая то показывала въ радостномъ смущеніи бѣлые зубки, то прятала лицо въ занавѣску. Выраженіе, съ которымъ Елена Даниловна улыбалась дѣвочкѣ, ясное и совершенно открытое,—понравилось, очевидно, старухѣ, и она рѣшилась послѣдовать совѣту Семена.

— Инъ айдате въ горницу, коль такъ,—сказала она не совсѣмъ твердо.—Сережа подъѣдетъ,—ему объясните по какому дѣлу...

— Да я такъ, безъ дѣла!—смѣялась Елена Даниловна, слѣдуя за хозяйкой.

— Ну! Коли ужъ такъ!—сомнѣвалась почему-то старуха.—Проходите, прошу покорно. Олюша, вели Матренѣ самоваръ подавать. Дочка моя,— улыбнулась она гостьѣ на убѣгавшую дѣвочку.—Сынъ да дочь,—красныя дѣтки. Было у меня ихъ... не то шешнадцать, не то восьмнадцать, забыла ужъ, хе-хе! Всѣхъ Господь прибралъ. Эта—послѣдышекъ, заморышекъ, самый поскрёбышекъ. Отрожалась ужъ, слава Богу! Старикъ-то у меня ужъ немощенъ, а я и не нарадуюсь, хе-хе!

Дарья Антиповна оказалась словоохотливой и умилительно откровенной старухой. Выложивъ разомъ, почти безъ остановки, всѣ событія своего домохозяйства за послѣднюю недѣлю, она просто и открыто спросила у гостьи:

— Это ты какъ же такъ, миленочекъ, рѣшилась? къ неженатому мужику, одна, незнакомая?

— Но что же тутъ такого?—искренно изумилась Елена Даниловна, смѣясь.—Познакомимся! Съ вами вотъ познакомилась же...

— Со мной-то что-о! Я—свой братъ, баба. А съ мужчиной... Какъ-то диковинно... Ай-яй-яй! У насъ, въ старину, этого не было. Мы, бывало, дѣвками, парней этихъ вотъ какъ берегались! Ино-дѣло, за двѣ улицы кругомъ обѣжишь, чтобы не попадаться на глаза, а не токма что, въ домъ, да ночевать.

— Почему же непремѣнно ночевать, Дарья Антиповна? Я могу уѣхать, какъ и пріѣхала. Не застала дома, и обратно.

— А ты полно-ка, полно, мать моя! Куда тебя отпустить, на ночь глядя? Семенъ-то Шеломовъ везъ тебя, поди, черезъ плотину днемъ-то: скоро, близко. Ну, а ночной порой да въ такую сырь поопасется напрямки гнать, какъ бы не вывалить, поѣдетъ черезъ Оранъ черезъ нашъ, а та дорога верстъ мотри на двѣнадцать дальше. Ты наскитаешься и наскитаешься съ нимъ, дуракомъ старымъ! Нѣтъ ужъ, переночуй, коли такая смѣлая!

— Но чего же не смѣть-то, не понимаю? Что тутъ особеннаго, если я и ночевать останусь?

— А какъ же?—всплеснула руками старуха.—Молодой мужикъ, неженатый. — Соблазнъ-то! Грѣшище-то! Ты вонъ какая краля. Мнѣ давеча шумятъ: «та, маровская-то барышня». А я выбѣгла,—глазамъ не вѣрю! не то земчиха, не то предводительша... Да при такой-то твоей красѣ—довѣрчива ты, я вижу, неопытна... Не приди грѣхъ! Гдѣ я тебя положу?—озабоченно соображала старуха.—Нешто со мной тебѣ лечь?

— Да не все ли равно? Это, ей-Богу, неважно: гдѣ найдется свободная комната, кровать, тамъ и положите.

— Кроватей у насъ—слава Богу. И горницъ—счета нѣтъ: цѣлый домъ! Ну, а только, всетаки... Дѣло молодое... Мужики-то, они, знаешь? Ко-оты! Пойдетъ шастать да мурлыкать, пока мы, старики, спимъ, хоть за ноги насъ тащи! И выйдетъ грѣхъ! Ступай, Матрена! Чего уставилась? Дѣло сдѣлала, и—въ сторону!

И она проводила взглядомъ засаленную толстую дѣвку, подавшую самоваръ.

— Ужъ я боюсь, право...—смущенно вымолвила Елена Даниловна.—Не уѣхать ли лучше домой...

— И что ты, что ты!—замахала руками старуха.—Да Серьгунька мнѣ житья не дастъ, ежели отпущу тебя, на ночь глядя!... Нѣтъ ужъ, ночуй у насъ.

— Но вы, ей-Богу, выдаете вашего сына за какого-то... Я ужъ не знаю... Можно подумать, что онъ у васъ—грубый развратникъ, насильникъ наглый!

— Пошто—развратникъ! — возразила Ипатиха чуточку обиженно, съ поджатыми губами.—Совсѣмъ даже нисколько не грубый, не наглый. Не такъ онъ у насъ воспитанъ, чтобы грубить, наглости допущать. Смиренный, тихій человѣкъ, большой почетникъ отца съ матерью. И умный—конца нѣтъ!—прибавила она съ мягкой, свѣтлой усмѣшкой.—Ты погляди, вотъ чайку попьемъ, сколь этихъ книгъ у него... Все читаетъ, все читаетъ! Мнѣ, старухѣ, читаетъ. «Давайте, мамашенька, я вамъ интересное сочиненьице прочту!»— олвитъ. Сначала все ро-оманы эти да разныя исторіи читалъ, про аря Грознаго, да про езуитовъ, какъ людей жгли да истязали, на ога ссылаючись; а тутъ, какъ пошла эта смута у насъ, сталъ все о бунтовщиковъ читать, какъ ихъ мучатъ. Спасибо ему! уважаетъ ть-старуху...

Дѣвочка Олюша, сестра Ипатова, вбѣгала въ «горницу», гдѣ сидѣли за чаемъ мать съ гостьей, и тотчасъ же скрывалась, видимо боясь строгаго взгляда матери. Наконецъ, она осмѣлилась остаться у стѣны и впилась глазами въ Елену Даниловну.

Она была некрасива, скуласта, узкоглаза, но симпатична по своей застѣнчивой дикости, съ которой она такъ трогательно боролась, чтобы глядѣть на гостью. Елена Даниловна воспользовалась тѣмъ, что старуха вышла распорядиться чѣмъ-то, и поманила Олюшу. Дѣвочка вспыхнула, но упорнаго взгляда не потупила и быстро подошла.

— Ты что какая худенькая, Олюша?—спросила Елена Даниловна, поправляя волосы дѣвочки, черные и вихрастые.

— Такъ... А мамашенька говорили вчерась, что братецъ жениться не будетъ!—вдругъ объявила Олюша, глядя въ самые глаза гостьи.

— Вотъ какъ! Что же это онъ? Въ монахи хочетъ?

— Въ монахи?—улыбнулась Олюша насмѣшливо. И тихо добавила:—У него любовница есть.

Елена Даниловна вдругъ покраснѣла. Эти слова въ устахъ подростка оскорбляли ее больше, чѣмъ всѣ опасенія старухи.

— Фу, какая гадость, Олюша! Откуда же ты знаешь такія гадости?

— Я видѣла сама,—убѣжденно сказала Олюша, расширяя глазенки на Елену Даниловну.—Братецъ гулять пошелъ въ осокори, а я за нимъ, потихонечку. Дошелъ онъ до Анисьиной избушки, а изъ избушки Анютка Корявая выскочила, и ну къ братцу прижиматься. Я все и видѣла!—закончила она какъ-то обрадованно.

Елена Даниловна хмурила брови, задумчиво глядя на дѣвочку, которая потупилась и блѣднѣла подъ ея взглядомъ.—«Что же это?—думала Елена Даниловна.—«Душа-парень»... и всѣ прочія лестныя рекомендаціи эс-эра. А этотъ душа-парень открыто, на глазахъ у подростка-сестренки, развратничаетъ! Теперь, пожалуй, понятны и опасенія почтенной мамашеньки. Не поѣхать ли домой? Да, впрочемъ, что онъ мнѣ сдѣлаетъ? Револьверъ у меня, во всякомъ случаѣ, въ карманѣ. Останусь. Въ концѣ-концовъ, это ново, интересно».

Она замѣтила, что Олюша снова засіяла глазенками и, поборовши робость, готова выболтнуть новую гадость.

— Ты для чего же подсматриваешь?—строго спросила она дѣвочку.—Это дурно, скверно, другъ мой! Вѣдь ты еще ребенокъ... Вотъ я скажу твоей мамѣ, что ты за братомъ шпіонишь!

Олюша поблѣднѣла, лицо ея стало тупымъ, деревяннымъ, глаза увлажнились. Она упрямо потупилась и ковыряла тесьму у кресла.

— Неужели тебѣ никто не говоритъ, какъ скверно подсматривать, выслѣживать!—мягче заговорила Елена Даниловна, беря дѣвочку за руку.—Мама у тебя такая простая, добрая, отецъ, какъ слышно, богомольный. А ты по осокорямъ бѣгаешь! И уже знаешь, что такое любовницы! Ахъ, стыдно, стыдно, Олюша!

Дѣвочка подфыркивала, что было очень непріятно; Елена Даниловна выпустила ея руку.

— Не надо говорить мамашенькѣ!—прохрипѣла Олюша упрямо и хмуро.

— Побьетъ?

— Ну, побьетъ!—сверкнула глазенками Олюша.—Она не сладитъ теперь!

— Съ тобой-то?—изумилась Елена Даниловна.

— Ахъ, Господи!—сморщилась Олюша въ досадѣ.—Съ братцемъ!

— А онъ тутъ при чемъ? Я про тебя скажу, а не про братца.

— Да-къ чать у него любовница-то!—воскликнула дѣвочка, улыбаясь наивности такой большой и красивой тети.—Не надо, чтобы мамашенька знали!—добавила она тихо, молитвенно, съ недѣтской озабоченностью.

— А развѣ она не знаетъ? Вѣдь это,—осокори-то, эти, недалеко?

— За лужкомъ. Я туда въ единъ секундъ бѣгаю.

— Ну, такъ какъ же? неужели же мама твоя не знаетъ?

— Знаетъ. А только все-такы-жъ не надо имъ говорить!

Елена Даниловна смотрѣла на ея опечаленное лицо и ничего не понимала.

— То-есть, она не желаетъ знать, что ли?—сдѣлала догадку гостья.

— Стыдно имъ знать, мамашенькѣ-то. Онѣ говорятъ братцу: «Какъ хочешь, Сергѣй, такъ и ёрничай, ёрникъ ты этакій, а чтобы отцу съ матерью не смѣть говорить! На-атка вотъ, чтобы дѣти да посмѣли всѣ свои ухажи родителямъ разсказывать, безо всякой гыдобы! За глазами у меня, какъ хочешь, а на глазахъ,—Боже себя избави!»

Въ голосѣ дѣвочки слышалась интонація Дарьи Антиповны, ея манера и ея фразеологія. Это было и забавно, и жутко.

— Подслушала?—тихо спросила Елена Даниловна.

— У-гм!—снова потупилась Олюша.

«Ну и семейка!—думала Елена Даниловна.—Впервые слышать, чтобы родители учили дѣтей сознательному лицемѣрію! Да знаетъ ли, полно, Надеинъ, объ этомъ?»

— Скажи, Олюша, бываетъ у васъ Надеинъ, Юрій?

— Ахъ, это поповичъ-то пономаревскій?—оживилась и засмѣялась дѣвочка.—Ужъ и чудной же! Все со мной да съ Варькой Ситниковой. Наша племянница, Варя-то. Ихъ! съ нами примется бѣгать поповичъ! Вотъ бѣсъ!

Елена Даниловна мягко улыбнулась. Какъ живой представился ей эс-эръ въ свѣтломъ ореолѣ чистоты и дѣтскости при этихъ радостныхъ восклицаніяхъ Олюши, для которой воспоминаніе о бѣготнѣ съ поповичемъ было, повидимому, счастливѣйшимъ въ ея жизни: Олюша хохотала и подпрыгивала.

— Такъ, значитъ, онъ часто у васъ?

Олюша вдругъ осунулась, свела бровки.

— Папашенька его выгнать велѣли,—отвѣтила она покорно.—Мы великимъ постомъ въ городъ уѣзжаемъ, говѣть, папашенька, мамашенька, я и Олимпіадушка. Братецъ... Онъ вѣдь пересталъ въ Бога вѣрить! Братецъ уѣзжаетъ куда-нибудь далеко, въ Москву, въ Петербургъ. У насъ въ Самарѣ дома, въ Саратовѣ тоже. Ну, поповичъ у насъ тамъ въ частымъ бываніи... А папашенька говорятъ братцу...

Она подняла голову, лицо ея стало злымъ, перекошеннымъ, губы поблѣднѣли, искривились, глаза засверкали, какъ у разсерженнаго тарантула.

— Не смѣть пускать этого безбожника!—продолжала она какимъ-то хриплымъ шепотомъ, отдѣляя слоги.—Исчадіе ада, побочный сынъ сатаны! Гнать его, чтобъ волкъ его не догналъ!

— Это такъ отецъ говорилъ?—спросила Елена Даниловна, чувствуя какой-то смутный ужасъ.

— Да, это папашенька приказали,—отвѣтила Олюша тихо, покорно и равнодушно.—Вѣдь онъ безбожникъ, поповичъ-то!—добавила она, какъ бы разъясняя приказаніе отца.—Бога нѣтъ, царя ненадо... Мамашенька говорятъ, что и его повѣсятъ,—поповича-то.

Еленѣ Даниловнѣ ясно и точно вспомнились слова эс-эра, этого «хорошаго человѣка», который не способенъ говорить иносказательно, вилять, дипломатничать съ фразами.—«Горюнъ одинъ,—говорилъ онъ объ Ипатовѣ.—Человѣкъ изумительно интересный, очень интеллигентный, самоучка... Такая душа. И, наконецъ, «мой другъ закадычный!» Что же все это значило? Неужели это была ирония? Совсѣмъ не похоже на милаго, чистосердечнаго эс-эра!

— Ну,—обратилась она къ Олюшѣ почти сердито.—*Папашенька приказали,* а твой братецъ и подчинился, и выгналъ Юрія?!

— Фу ты, Господи!—сморщила лобъ дѣвочка. Ей уже не въ первый разъ доводилось негодовать на безтолковость гостьи.—Да развѣ братецъ?! Что вы?! Чай они дружны съ поповичемъ-то! Папашенька сами сказали ему: «Прошу ко мнѣ не жаловать, Егоргій Листратовичъ!» А дворнику: «Ежели патлатый этотъ носъ покажетъ когда-нибудь,—шемедой его гнать, мерзавца!» А братцу сказали: «Въ другомъ мѣстѣ,—цѣлуйся съ нимъ, а у меня... не смѣть! Чтобы и ноги его не было въ моемъ домѣ».

Олюша снова блѣднѣла, искажалась, хрипѣла, передавая слова отца. Елена Даниловна задумчиво глядѣла на подвижное лицо дѣвочки, одаренной рѣдкой наблюдательностью и передававшей,—увы, съ такой характеристической точностью рѣчи ея родителей.

— Какъ это печально, Олюша!—вырвалось у ней въ отвѣтъ на свои думы.

— А что за бѣда?—просіяла дѣвочка.—Вы думаете, они такъ и не видятся, братецъ-то съ поповичемъ? Вотъ-а! Еще какъ, чай! Только бы папашенька не знали!—добавила она съ плутовскимъ кивкомъ.

«Печально,—думала Елена Даниловна.—Но что же онъ, ея братъ?»

— Твой братецъ учитъ тебя чему-нибудь, Олюша?—спросила она.

— Нѣтъ, пересталъ,—отвѣтила дѣвочка равнодушно.—Онъ сталъ было учить меня и ариѳметикѣ, и грамматикѣ, и французскому, и англійскому, и географіи, и исторіи. Только я такая непонятная, а онъ начнетъ терзаться, инда бѣлый весь сдѣлается. А мамашенька говорятъ: «Да это пошто, чтобы дѣвченкѣ учоба?! Я вѣкъ прожила, аза въ глаза не знаю, а вонъ какая толстая! Ты ее выучишь, а она начнетъ папироски курить, а тамъ и съ жидомъ съ какимъ ни-на-есть спутается, со студентомъ! Брось, чтобы не было!»

— Гм!—усмѣхнулась Елена Даниловна.—А папашенька что говоритъ?

— А ему дѣло?—изумилась Олюша.—Онъ о душѣ-спасеньѣ маетъ. Когда ночью вскочишь попить, а онъ на колѣнкахъ Богу клятся... Я по церковному умѣю!—вдругъ просіяла дѣвочка.—Я папашенькѣ библію читаю.

— Да? И что же? понимаешь?

— Нѣтъ,—мотнула Олюша вихрами.

Она подумала, морща лобъ, и добавила:

— Тамъ—тоже! У всѣхъ полюбовницы! Мамашенька говорятъ: «Всѣ святые мужи охъ, какіе были!» Одинъ царь, Соломономъ звать, такъ у него въ каждомъ городѣ было по эстольку женъ... Вотъ забыла, поскольку бишь!—досадливо передернула Олюша бровями.—А другой святой царь былъ, такъ тотъ отбилъ жену у...

— Не надо, Олюша!—прервала ее Елена Даниловна.—Я читала.

— Читали-и?—расширила глазенки дѣвочка.—Да развѣ ученые читаютъ божественное? Папашенька говорятъ, что они всѣ въ Бога не вѣруютъ...

— Это не правда, Олюша. Ты подумай, сама, дѣточка, кто же написалъ божественныя книги, если не ученые люди? Вотъ твой папашенька, какъ ни вѣруетъ въ Бога, а книги не напишетъ... Но, скажи, однако, гдѣ онъ у васъ, папашенька твой? Дома?

— У-гм!—отвѣтила дѣвочка какъ-то тускло, боязливо.—Они наверху, Богу молятся. Они каждый день *всю* правило прочитываютъ...

— Сходитъ онъ сюда? Мнѣ очень интересно видѣть его.

— У-гм... Когда мамашенька пошлютъ, я пойду и скажу: «папашенька, чай кушать пожалуйте». Они и сойдутъ. Потомъ уйдутъ къ себѣ псалтырь читать, до ужина. А послѣ ужина разговариваютъ съ богомольными о писаніяхъ и поучаютъ ихъ... Меня учатъ уму-разуму,—добавила она едва слышно, съ усиліемъ, потупясь, часто мигая глазами.—Потомъ, когда на сонъ грядущій молитву прочитаютъ, то ужъ не ѣдятъ, не пьютъ до утра... Вы можете, тетя, протерпѣть всю ночь, не ѣши, не пимши?—задорно сверкнула она глазенками.—А я вотъ не могу, сколько ни пробовала!

— Ты любишь папу?—спросила Елена Даниловна тихо, задумчиво.

— Я... я боюсь его!—прошептала Олюша, понурая голова которой вздрогнула.

Она покачнулась и вдругъ припала къ плечу гостьи.

«Бѣдная ты, бѣдная дѣвочка,—пожалѣла ее въ глубинѣ души Елена Даниловна, молча гладя ея вихры.—Бѣдная наслѣдница милліоновъ!»

Тяжелая слезинка канула на руку Елены Даниловны, и ею исчерпалось юное, еще не осознанное чувство обиженности, одиночества: дѣвочка уже улыбалась, не покидая плеча гостьи, ея костюму.

— Какой медальончикъ у васъ!—прошептала Олюша, несмѣло трогая золотой брелокъ у часовъ Елены Даниловны.

— Подарить тебѣ?—спросила Елена Даниловна, отъ души желая утѣшить дѣвочку.

— Нѣтъ. Не надо,—съ дѣланнымъ равнодушіемъ мотнула головой Олюша.

Но Елена Даниловна уже отстегнула брелокъ. Олюша быстро зажала его въ рукѣ, вся пунцовая отъ удовольствія.

— Только мамашенькѣ не говорите!—прошептала она.

— Почему?

— Они побранятъ меня... Велятъ назадъ отдать.

— Да зачѣмъ же? я скажу, что подарила тебѣ.

— Нѣтъ, не говорите, тетя!

— Ну, какъ же это такъ, дѣточка? Все равно, увидитъ же она у тебя этотъ брелокъ.

— Не увидитъ. Я спрячу.

Замѣтивъ недоумѣніе во взглядѣ тети, Олюша поспѣшила успокоить ее.

— У меня все вѣдь спрятано у Олимпіадушки!

— Кто это, Олимпіадушка?

— Черничка одна... У насъ всегда живетъ.

— Гм... Что же у ней спрятано твоего, Олюша?

— Ахъ, Господи, мало ли чего!—разныя вещи, деньги. Двѣнадцать ленточковъ бархатныхъ, шесть кусковъ кружевовъ шелковыйхъ, пять кольцовъ золотыихъ, сережки, двадцать четыре десятирублевика золотыихъ, деньги разныя бумажныя...

— Зачѣмъ же это ты...

— А какъ же?—не дала гостьѣ докончить Олюша.—Какъ если надо мнѣ денегъ, я возьму и выпрошу у Олимпіадушки!

— Да на что же тебѣ деньги?

— Ахъ, Господи! ды-къ развѣ не надо? А великимъ постомъ? У насъ великимъ постомъ—горохъ, да кисель, да кутья, да квасъ. А я пойду ко всенощной съ ней, съ Олимпіадушкой, да колбасы куплю, да ночью и наѣмся, наѣмся въ кровати, когда мамашенька заснетъ...

— Но это невозможно, Олюша!... Гдѣ же ты столько денегъ взяла?

— Вы только никому, никому не говорите!—ластилась Олюша.

— Нѣтъ ужъ, видно, никому не скажу.

— Это я у папашеньки въ касыѣ,—шепнула Олюша не безъ хвастовства.

— Наворовала?!

Олюша вспыхнула, но смотрѣла прямо въ глаза Еленѣ Даниловнѣ.

— Никто не знаетъ про это,—повела она головой спокойно и граціозно, какъ ласточки это дѣлаютъ, — вспомнила Елена Даниловна милыхъ птичекъ, которыхъ такъ много видѣла она подъ крышей своего майоровскаго сарая.—Это только я вамъ сказала,—поставила ей на видъ горѣловская ласточка.

— Почему же только мнѣ?

— Почему? Такъ. Сказала, да и все! Вы—хорошая. И чужая. Это вотъ нельзя, чтобы своимъ, а вамъ ды-къ что?!

— Ну, Олюша,—начала Елена Даниловна нѣсколько растерянно.—Я цѣню твою откровенность со мной, но... послушай, Оленька, неужели ты не понимаешь, какъ это дурно, скверно, гадко?! Воровать, лгать, лицемѣрить, ѣсть ворованное тайкомъ, обманывать на каждомъ шагу родителей...

Она горячо начала и быстро осѣклась: Олюша снова приняла упрямое, понурое выраженіе и стала противно фыркать.

— Это что у васъ?—спросила Елена Даниловна, увидѣвъ въ глубинѣ сосѣдней комнаты красивую гобеленовую портьеру.

— Гдѣ?—подняла голову Олюша.—Тамъ? Занавѣсь-то?—оживилась она.—Пойдемте, я вамъ покажу. Это спальня братцева. Ужъ и хорошо у него! Айдате-ка!

Она потянула за руку гостью.

Братцева спальня дѣйствительно была чудомъ въ сравненіи съ цѣлой дюжиной «горницъ», напоминавшихъ пустыни, гдѣ отъ скуки померли вдоль стѣнъ стулья.—Красивая французская кровать съ пуховиками подъ пышнымъ монтаньяковымъ одѣяломъ; ковры на полу и на стѣнѣ; художественная живопись; зеркальный шкапъ; умывальникъ изъ розоватаго фарфора; смуглая креолка, высоко держащая лампу, что мѣшало ей удерживать плащъ, который открывалъ юную грудь, скользилъ съ живота, обнажалъ античную красоту ноги...

— Э... Да онъ любитъ пожить со вкусомъ, твой братецъ! Какъ же это позволили ему папашенька съ мамашенькой?—удивлялась Елена Даниловна, глядя на бронзовую красавицу.

— Такъ. Это его женить собирались на дочери Пальцева. Знаете Пальцевыхъ! богачи, ухъ, какіе! Вотъ и накупили, какъ у нихъ, у Пальцевыхъ. А братецъ взялъ да за границу и уѣхалъ! Такъ все и осталось.

— Хорошо, ей-Богу,—оглядывала Елена Даниловна спальню.— И такой онъ у васъ чистоплотный...

— Фу-фу-фу!—засмѣялась Олюша.—Онъ-то?! Это—здѣсь. Марѳуша убирается. А вы посмотрите-ка въ кабинетѣ-то у братца! Пойдемте-ка!

Олюша распахнула дверь въ сосѣднюю комнату.

Обширная и свѣтлая, она напоминала складъ музейныхъ и библіотечныхъ предметовъ, брошенныхъ кое-какъ, гдѣ попало. Вотъ стеклянный дискъ Гольца, а рядомъ—скрипка и чучело дудака. Тамъ велосипедъ, а здѣсь большой глобусъ, подъ которымъ болотные сапоги. Замшевая куртка накинута на постаментъ астрономической трубы, на спиртовую кухню же нагромождены головки писателей. Среди ряда склянокъ съ сѣмянами—большой микроскопъ, и на коллекціяхъ камней брошена мохнатая простыня. На полу—гравюры, модели машинъ, груды газетъ, лоскутки бумаги. Большой письменный столъ заваленъ книгами, открытыя страницы которыхъ сѣры отъ пыли. Листъ красной пропускной бумаги изукрашенъ слѣдами лапокъ котенка, попавшаго въ чернильницу.

— Да-а... Вотъ это я понимаю!—разсмѣялась Елена Даниловна.

— Онъ не велитъ убирать, чтобы ни до чего не касались въ его кабинетѣ!—вторила ей Олюша.—Даже передъ Пасхой! Сядетъ на столъ и кричитъ: «Моя комната! Дайте мнѣ хоть въ одной-то комнатѣ пожить, какъ хочу!»

Ахъ, эта изумительная Олюша! Какъ дивно умѣла она передать, сама о томъ не подозрѣвая, чувство, настроеніе того человѣка, голосу котораго подражала. У Елены Даниловны сжалось сердце при этомъ стонѣ, при этомъ отчаянномъ воплѣ «горюна», еще ей не извѣстнаго: «дайте мнѣ пожить, какъ хочу». И она искала глазами, нѣтъ ли карточки Ипатова. Но фотографія признавалась, повидимому, безбожнымъ учрежденіемъ въ Горѣломъ: нигдѣ въ домѣ не было и намека на портреты.

Зато было страшно много книгъ въ кабинетѣ Ипатова. Четыре шкапа съ ними высились до потолка, книги были навалены въ проѣмахъ, на подоконникахъ, на стульяхъ. И все это были книги и солидныя, или же новѣйшія, дѣлавшія шумъ. Елена Даниловна ла разбирать корешки сквозь пыльныя стекла.

— Ай уѣхала?—послышался ей голосъ Дарьи Антиповны.— ..., хожу, ищу, ищу, а ея нигдѣ и ни чу! Ау! Гостья! Куда ты алась?—добродушно взывала старуха.—И какъ звать-вели-

чать, не спопашилась дознаться, дура я старая! Э,—отворила она дверь.—Да она вотъ она гдѣ! Серьгунькими книгами любуется себѣ, хе-хе-хе! А я что ищу васъ? Прислалъ непутёвый-то приказчика изъ Покровской: «не ждите, наказалъ, се-дни, вернусь послѣ завтрева». Дѣла, слышь, задержали! А какія, чай, дѣла! Подлѣ юбокъ эти его дѣла-то, поди!

Она сѣла, широко, по-стариковски, разставивши ноги и крикнула на дѣвочку:

— Ну, а ты чего глаза-то пялишь, Олюшка? Твое ли дѣло?... Маршъ отсюда!

Олюша вынырнула изъ-за стола, гдѣ разсчитывала спрятаться отъ матери, и вышла, покорно сѣменя ногами.

— Не спрошу я тебя, барышня, какъ звать-то васъ?—спросила старуха.

— Елена Даниловна Щелкунова. Изъ Петербурга я, а живу въ Шестиглавомъ Марѣ, на отпускъ уволилась. Дышу вашимъ дивнымъ воздухомъ, толстѣю.

— Хе-хе-хе!—чревомъ разсмѣялась Ипатиха.—Житье у насъ-то? А?

— Да! Я чрезвычайно довольна, что сюда надумала.

— Гоже! Вотъ и ночуешь-то теперь у меня, какъ у матери родимой! Никто тебѣ не помѣшаетъ. И я буду спать спокойно. Не пріѣдетъ стрикулистъ-то мой, хе-хе-хе! А ужъ и упокою я тебя!—подмигнула она.—Какъ первую миліонщицу!

Она внимательно посмотрѣла на гостью и спросила, поджимая губы.

— Служите, что ли, гдѣ, Елена Данильевна?

— Нѣтъ. Я пишу. Въ газетѣ сотрудничаю.

— А-а! Газеты пишешь?—изумилась старуха.—Да это какъ же ты? Да бабье ли это дѣло?

— Такъ я вѣдь ученая!—смѣялась Елена Даниловна.

— Даромъ! Я вижу, что ты ученая, Елена Данильевна, ну, а всетаки... Стыдно какъ-то. У тебя, что же? мужъ есть?

— Нѣтъ, я дѣвушка.

— Охъ, Господи Батюшка, Создатель милостивый!—вздохнула старуха, вся подбираясь.—Гляди-кась! дѣвушка... И сама такъ и пишешь газеты?

— Такъ и пишу.

— Чай стыдно-то какъ? Ну, ты напишешь, а мужики читаютъ? Страмъ-то!

Елену Даниловну восхищала эта простота Ипатихи, и она ста-

ралась не смѣяться, какъ ни смѣшили ее иныя нелѣпости Дарьи Антиповны.

— Да развѣ знаешь, кто читаетъ твои статьи?—возразила она почти съ недовольствомъ.—Нынче всѣ покупаютъ газеты: господа, барыни, дѣвушки и мужчины.

— И правда-то вся!—согласилась Дарья Антиповна.—Ну, а живете-то теперь, значитъ, на какія средства, Елена Даниловна? Одѣваетесь вотъ, обвела она фигуру гостьи добрымъ взглядомъ,—хорошо таково; лѣтомъ отдыхаете... Ни въ чемъ себѣ не отказываете. Капиталецъ, поди, имѣете?

Замѣтивъ, что Елена Даниловна затрудняется отвѣтомъ, старуха оперла пальцы въ колѣни и, вытянувши шею, осторожно спросила:

— Поддерживаетъ, мотряй, кто ни на есть?

Елена Даниловна улыбнулась.

— Нѣтъ, Дарья Антиповна, никто меня не поддерживаетъ, никому ничѣмъ я не обязана, человѣкъ свободный, независимый. А живу на средства, которыя добываю своимъ трудомъ,—тѣмъ именно, что пишу статьи въ газетѣ.

— Деньги платятъ?!—всплеснула руками старуха.

— А какъ же? Обязательно платятъ. Даже съ удовольствіемъ.

— Ну, чай, поди, велики ли деньги!—покачала головой Дарья Антиповна.

— А какъ вы думаете, велики ли?—разсмѣялась, наконецъ, Елена Даниловна.

— Да за что тутъ платить-то?! Посидишь, почеркаешь, въ теплѣ да въ сушѣ нагородишь что въ голову не пришло... Ну, отъ силы, гривенникъ въ день!... Бабы вонъ, гляди, снопы вяжутъ, жнутъ, сѣно гребутъ... Все работа человѣку пользительная, святая работа! А получаютъ четвертакъ, много-много полтину, да и то ежели на своихъ харчахъ... А труда-то, батюшки-свѣты! Бывало, не помнишь, есть у тебя спина, ай ужъ отвалилась за день-то на полѣ!... Вонъ, опять, мѣшошницы! нельзя: хлѣбъ на потребу, а для зерна мѣшокъ нуженъ... Работаютъ, чуть солнышко показалось, сдѣльно работаютъ, на урокъ. Добыча же... Ла-адно-ладно, ежели три гривенника день-то очистится!... А твое дѣло что? присѣла, поскребла перышкомъ, да встала! И гривенника-то, чай, поди, не добываешь.

Елена Даниловна уже не смѣялась, какъ ни забавны были доводы старухи; улыбка самая на ея лицѣ стала невеселой. Въ самомъ дѣлѣ,—подумала она (подумала уже не впервые): не слишкомъ ли много она, публицистка, беретъ отъ общества, отъ человѣчества за

то ничтожное, сомнительно-полезное, что даетъ она ему? И ея голосъ былъ едва внятенъ, рѣчь затруднена, когда она говорила Ипатовой.

— Ужъ я, ей-Богу, не знаю, Дарья Антиповна... Боюсь поразить васъ... Даже самой какъ-то совѣстно... Много я зарабатываю! Бываетъ, нерѣдко, до четырехсотъ рублей.

— Въ одинъ годъ?!—изумилась старуха.

— То-то, что не въ годъ, а въ одинъ мѣсяцъ!—смущенно отвѣтила гостья.

— А ма-атушки!—схлопнула руками Дарья Антиповна.—Да ты что это? Да какъ же это ты, дѣвынька?... Молодая дѣвчонка, и такую уйму деньжищъ!... Да они сбѣсились, платить-то тебѣ съ-эстолько!... Господи, Исусе! да за что?! У насъ приказчики довѣренные, хуторами управляютъ, народа этого рабочаго, скотины одной, пшеницы, зерна всякаго сколько на рукахъ перенянчаютъ, да и то съ-эстолько въ годъ не получаютъ! А ты...

Она пристально, изумленно, съ умиленіемъ посмотрѣла въ лицо Елены Даниловны и сказала, какъ бы себѣ самой:

— Филиппу Семенычу, моему старику, молвить,—да онъ диву дастся!... Молоденькая дѣвушка!... А?... Диви бы мужчина!

— Мужчины-писатели зарабатываютъ еще гораздо больше!—облегченно воскликнула Елена Даниловна, съ охотой ища извиненія себѣ въ грѣховности ближняго.

— Мужчины-то что!... На то они и мужчины. А ты-то вотъ какъ, миленокъ мой, Еленушка!... Ну-ну! И живешь ты одна-одинешенька, при такихъ-то доходахъ?... Молодая да красивая, да умная, да добышница... А ни за понюхъ табаку пропадаешь?... Ни кому отъ тебя, ни тебѣ отъ кого удовольствія? Чай бы замужъ шла, что ли! Приняла бы таинство, дѣтей бы наплодила,—слава Богу! кормить есть чѣмъ, при такихъ-то доходахъ. Ты что же это?

— Да такъ какъ-то! — разсмѣялась Елена Даниловна. — Все не найду человѣка по мысли. Не выходить же замужъ только потому, что пора пришла! Надо полюбить.

— О-охо-хо!—покачала головой старуха.—Полюбить! Всѣ-то вотъ вы такъ, ученые... Вонъ и мой Сергунька: начитался своихъ книжекъ, да и... «Я, говоритъ, мамашенька, паначе и брака не пріемлю, какъ влюбимшись!» Да и мотается до сорока лѣтъ!... Все, вишь, никакъ полюбить не изловчится, хе-хе-хе!... А у самого, поди, на каждомъ шагу прихехеня!

— Развѣ Сергѣю Филиппычу уже сорокъ?—спросила Елена Даниловна, гоня назойливую мысль, знаетъ ли мать о близости сына къ какой-то Аниткѣ.

— Съ хвостикомъ, матушка! Матерый ужъ у меня сыпочекъ-то... Сколь этихъ невѣстъ за него прочила, а онъ: «Не по сердцу!» Бѣда намъ, старикамъ, съ вами, образованными! У насъ, бывало, скажетъ родитель: «Дашка, тамъ какая ни на есть,—бѣжи въ баню, спусти грязь да пріодѣнься: въ вечеру сваты пріѣдутъ». И весь сказъ. Слушались стариковъ,—вотъ какъ слушались! Пикнуть не смѣли! Оттого и леворюцій этихъ не было.

— Виновата, Дарья Антиповна,—прервала ее гостья, замѣтивши, что старуха впадаетъ въ болтливость,—вы сказали, кажется, что Сергѣй Филиппычъ не пріѣдетъ сегодня?

— Ну?—сказала.—А что тебѣ?

— Такъ, собственно... Мнѣ нѣтъ основаній надоѣдать вамъ. Въ другой разъ заверну какъ-нибудь,—начала было приподниматься Елена Даниловна. Старуха удержала ее..

— А ты полно-ка, полно дурить-то!... Уважь меня, дуру старую, посиди, покалякай со мной, ночуй. Гляди, сумерки на дворѣ-то! куда ты поѣдешь?... Да и Семенъ-то разлѣнился на кухнѣ: каши навозырился, и храпитъ. Вагой его теперь не подымешь!... Сиди, а ты... Еще чайку попьемъ да покалякаемъ... Полюбилась ты мнѣ... отчаянная, хе-хе-хе!... А тамъ и ужинать. А что Сережи-то не будетъ, слава Богу, говори! грѣха меньше. Буду знать, что ты спишь спокойно,—сама крѣпше усну. А при молодомъ-то да холостомъ мужикѣ оно... того...

— Опять начинается!—воскликнула Елена Даниловна, уже фамильярничая.—Вы, ей-Богу, нисколько не уважаете вашего сына, Дарья Антиповна!

— Ну-ну! ты ужъ помалкивай. Я старый воробей, а ты еще зелена, мать моя. Не знаешь ты, я вижу, каковы мужики. У нихъ у всѣхъ одно на умѣ: нашу сестру какъ бы усахарить!... Ужъ я, матушка моя, Еленушка, наглядѣлась на своего благовѣрнаго за полсотни-то лѣтъ, пока въ силѣ былъ!—столько напималась горя, житіе написать можно... Айда-ка чайку попьемъ!

Пить не хотѣла Елена Даниловна, а несмолкаемая болтливость зяйки утомительно вертѣлась вокругъ все тѣхъ предметовъ: мужны да бабы, бунтовщики да усмиренія. И гостья, скучая за остывшимъ стаканомъ, жалѣла бы, что осталась, если бы не новое интесное лицо горѣло-крестовской общины, присутствовавшее за столомъ: Олимпіадушка.

Это была сухощавая и гибкая особа уже не молодыхъ лѣтъ, съ яркимъ черноглазымъ, слегка румянымъ лицомъ, которое было бы

красиво, если бы не досадное выраженіе кротости, послушанія, смиренномудрія. Она все время сидѣла, не поднимая глазъ, еле осмѣливалась прикасаться къ стакану, кусала сахаръ украдкой, безъ шума, подолгу выжидала, когда накренитъ свой стаканъ надъ блюдцемъ. Дарья Антиповна, забывавшая отъ болтовни о чаѣ, и не вымолвила ни звука. Но Елена Даниловна ловила на себѣ взглядъ черныхъ глазъ Олимпіядушки, и ей очень хотѣлось знать, кто она.

Когда смиренная полумонашенка съ пунцовыми щеками опрокинула стаканъ, гибко, почти до земли, помолилась на темнаго Спаса, низехонько отдала поклонъ хозяйкѣ и гостьѣ, приговаривая тонюсенькимъ голоскомъ: «Спаси васъ Матерь Божья, матушка Дарья Антипьевна, за чай, за сахаръ, а васъ, сестрица, за компанію» — и безшумно вышла, то Елена Даниловна поспѣшила прервать неумолчную говорунью вопросомъ, умышленно понизивъ голосъ до тягучаго шепота:

— Что у васъ въ домѣ дѣлаетъ эта Олимпіядушка, Дарья Антиповна?

— Да что дѣлаетъ? Такъ, ничего. Живетъ, Богу молится. Гдѣ по хозяйству поможетъ мнѣ, гдѣ за Олюшей приглядитъ. Читать ее, писать учитъ. Провизію выдастъ, когда мнѣ недосугъ или занеможится. Мало ли работы по бабьему дѣлу въ большомъ хозяйствѣ! У насъ однихъ приказчиковъ до десятка, а рабочихъ скопится ино и за сотню: сядутъ за столъ—подавай! Ну, а больше того, за старикомъ за самимъ ходитъ Олимпіядушка.

Цѣня подозрительность, сквозившую въ вопросѣ гостьи, старуха подняла брови и пѣвуче сказала съ опущенными глазами:

— Богомольная она, а старичокъ-то нашъ набожный, начетчикъ, богоугоднаго житія человѣкъ. Онъ вродѣ какъ бы учитель, а у него—ученицы... Вотъ, сядемъ ужинать, увидишь ихъ, учениковъ-то его!—вставила она съ усмѣшкой.—Каждый день человѣка два-три живутъ на перемѣнку. Поучаться ходятъ изъ далекихъ краевъ, нарочно пріѣзжаютъ... Потому какъ Филиппъ Семенычъ большого почета заслужилъ за свою за святость.

— Вы говорите,—прервала ее Елена Даниловна,—за самимъ ходитъ Олимпіядушка? что это значитъ—ходитъ?

— Пользуетъ. Стариковское дѣло!—то поясницу заломитъ, то ноги загудутъ... Укатали сивку крутыя горки!... Да, и то сказать, всегда-то онъ былъ причудникъ... Намаялась я съ нимъ молодая-то, а тутъ, въ возрастъ взошла—ну те тутъ! говорю... Хе-хе-хе! Теперь она растираетъ его, да окуриваетъ, да на пары сажаетъ... Все тамъ,—указала Дарья Антиповна на потолокъ наверху.

Елена Даниловна посмотрѣла на старуху, положившую на столъ руки съ локтями, какъ бы отдыхая, увидѣла ея слегка насмѣшливую улыбку и выразила предположеніе въ самой точной степняцкой манерѣ:

— Я чай, поди, не безъ грѣха.

— Да знамо дѣло!—согласилась Дарья Антиповна.—Пошаливаютъ, хе-хе-хе. А мнѣ горя мало. Не прежняя пора. Теперь ужъ меня не касающе... Пущай себѣ... Такъ ужъ видно отъ Бога!—вздохнула она покорно.—Я, матынька моя, Елена Даниьевна, столько вынесла въ своей жизни, что и разсказать силы нѣтъ! Выдали меня молоденькую, по шешнадцатому годочку.

Скорбнымъ шепотомъ, утирая слезинки, старуха повѣдала нѣсколько отрывочныхъ, наиболѣе яркихъ по ужасу событій изъ своей многострадально-супружеской жизни. Ея богоугодный мужъ, святой старецъ, выступалъ изъ этихъ отрывочныхъ воспоминаній своей жены-жертвы изумительнымъ, непостижимо-жестокимъ тираномъ и сластолюбцемъ, у котораго ненасытная похоть диковинно переплеталась съ фанатическимъ изувѣрствомъ, съ власяницами, съ юродничаньемъ Христа ради.

— Всего не перескажешь,—вздохнула старуха.—Да и дѣло прошлое: Богъ съ нимъ!... Это вотъ я тебѣ соблазнилась покаяться: человѣкъ ты свѣжій, нашихъ порядковъ не знаешь. Вишь, и прилетѣла-то въ наше логово, какъ пташечка Божья, хе-хе-хе! «Познакомиться, слышь, хочу!» Хе-хе-хе! Другой бы я... такъ-то познакомила бы!... Ну, а ты простая, изъ этихъ, изъ новыхъ... какъ ихъ?... Отчаянные вы всѣ, чтобы васъ тутъ! А ничего, душевные.

— Мамашенька!—послышался въ затишьи комнаты голосокъ Олюши,—папашенька приказали сказать вамъ, что пора ужинъ собирать.

— И правда-то вся!—вышла изъ задумчивости хозяйка.—Посидите, Елена Даниьевна, а я пойду распоряжусь.

Она вышла. Елена Даниловна плотнѣе усѣлась въ уголкѣ дивана. Олюша стояла какъ-то на перепутьи: ни уйти не хотѣла, ни приизиться не рѣшалась. И смотрѣла на Елену Даниловну своимъ естящимъ, восхищеннымъ взглядомъ.

— Поди ко мнѣ,—протянула къ ней руку Елена Даниловна.

— Нѣтъ,—шепнула дѣвочка.—Увидятъ. Липка увидитъ, папенькѣ скажетъ.

Елена Даниловна опустила руку въ недоумѣніи.

Черезъ отворенныя двери слышались голоса женскіе и мужскіе,

доходившіе, повидимому, изъ кухни. Кто-то скрипѣлъ, какъ гусь, вычитывая тексты священнаго писанія, кто-то вздыхалъ привычными вздохами покаянія во грѣсѣхъ, кто-то справлялся, скоро ли будутъ трапезовать... «Да гдѣ сама-то?»—спрашивалъ чей-то недосужный голосъ. «Къ самому поднялась,—отвѣчалъ женскій голосъ.—Все о гостьѣ растабарываютъ...» Кто-то замѣтилъ: «Вечеряетъ ужъ, пора бы!» И позѣвнулъ съ выводами. Въ сосѣдней комнатѣ прошли женщины, закраснѣлся свѣтъ. Голоса въ кухнѣ притихли, уступивши почетъ и мѣсто голосу Дарьи Антиповны. Она ругалась, не выбирая выраженій, кричала на кого-то: «Дармоѣды, сукины дѣти! Работать нѣтъ васъ, а жрать подай хозяйка!» Старуха была въ кухнѣ сама собой, въ ея голосѣ, металлическомъ и крикливомъ, не слышалось и тѣни человѣчной задушевности, съ которой она высказывала Еленѣ Даниловнѣ свои думы, сѣтованія, сомнѣнія.

Въ двери показалась какая-то дѣвушка въ подоткнутомъ грязномъ сарафанѣ и въ большихъ сапогахъ. Она старалась прятаться за косякъ, но лицо ея, очень милое, несмотря на слѣды оспы, было освѣщено, и глаза, впивавшіеся въ Елену Даниловну, не могли скрыть мрачнаго блеска. Елена Даниловна, крайне изумленная этимъ испытующимъ, враждебнымъ взглядомъ, подалась въ сторону дѣвушки, та какъ-то презрительно дернула спиной и скрылась, стуча сапогами.

— Кто это?—спросила Елена Даниловна у Олюши, которая загадочно и насмѣшливо улыбалась.

— Анютка корявая,—прошептала Олюша.—Вишь, пришла, не утерпѣла, дрянь!

— Она такая сердитая?

— Ревнуетъ!—хихикнула Олюша, оглянувшись на дверь.—Прохоръ, кучеръ, дразнилъ ее давеча въ кухнѣ: «Къ Сергѣю Филиппычу невѣста пріѣхала». Виду, подлая, не подала, а всетаки не утерпѣла, дай взгляну!

— Олюша!... Это возмутительно!—шепнула Елена Даниловна.—Все ты знаешь, вездѣ ты подслушиваешь!... Какъ тебѣ не стыдно!

Олюша тотчасъ же ушла, сѣменя ногами.

Елена Даниловна осталась одна.

Трудно было разобраться въ мысляхъ. Событія этихъ двухъ-трехъ часовъ въ Горѣломъ развертывались съ удивительнымъ богатствомъ содержанія. Одна эта Анютка корявая чего стоила, съ ея ревнивымъ взглядомъ, съ гордымъ движеніемъ головы при уходѣ. Иныя движенія, освѣщаясь изнутри стихійнымъ чувствомъ, выходятъ стихійно-граціозными, и сильнѣе, чѣмъ придуманная рѣчь,

вспугиваютъ воображеніе, однимъ намекомъ на человѣческую душу. Привлекательна была старуха, мать Ипатова,—болтливая, откровенная, съ чѣмъ-то въ самой себѣ боровшаяся. Привлекательна была Олюша. А впереди предстояло увидѣть «самого», обитателя вышки, гдѣ онъ думаетъ о «душѣ-спасеніи», растираемый пригожей черничкой. Но представить себѣ личность младшаго Ипатова, это казалось совсѣмъ невозможнымъ. И въ концѣ-концовъ слагалось подозрѣніе, что ее, маровскую «воздушницу», знаютъ здѣсь, въ Горѣломъ больше, чѣмъ это обнаруживаютъ.

Вошла Олимпіадушка и сказала смиренной скороговоркой пѣвучаго, тоненькаго, едва различимаго голоска.

— Сестрица Елена Даниловна, покорнѣйше просимъ хлѣба-соли откушать, чѣмъ Господь батюшка благословилъ.

И низехонько поклонилась. И еще разъ поклонилась у косяка двери, пропуская Елену Даниловну, которая не замедлила послѣдовать приглашенію, чувствуя крѣпкій, здоровый аппетитъ: она уѣхала изъ Мара натощакъ.

Ужинали въ небольшой грязноватой комнатѣ, сосѣдней съ кухней. Окна, выходившія на тераску, почти не давали свѣта, и «трапезная» горѣловской общины освѣщалась двумя жестяными ручниками, надѣтыми на стѣнные гвоздочки. Была скамья, нѣсколько стульевъ и одно кресло.

При появленіи гостьи всѣ разомъ поднялись, а всѣхъ тутъ было человѣкъ восемь, и отдали ей низкій поклонъ; поклонилась всѣмъ и она, стараясь сохранить церемонность, ее забавлявшую, безъ улыбки.

— Проходи-ка, проходи сюда, Елена Даниловна,—позвала гостью хозяйка, остававшаяся на ногахъ и рѣзавшая каравай, — вотъ рядышкомъ со мной, на креслицо-то.

— Поди-ка, добро пожаловать!—одновременно съ ней сказалъ сѣдой старикъ, крѣпкій и рослый, съ густыми кудрявыми волосами, съ большой бородой, очень красивый старикъ, помѣщавшійся въ переднемъ углу. Сказалъ и тотчасъ же повернулся спиной къ гостьѣ. Повернулись разомъ и всѣ остальные. И не успѣла еще сообразить Елена Даниловна, что̀ означаетъ этотъ маневръ, какъ послышался ей голосъ старика:

— Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ.

Крестила свой бюстъ и гостья, памятуя, что смущать чужой монастырь своимъ уставомъ нетактично, если ужъ осталась въ этомъ монастырѣ трапезовать.

Старикъ кончилъ, перекрестился медленно, широко, вдумчиво и сѣлъ; всѣ продѣлали точь въ точь то же самое.

Кухарка внесла тяжелую миску лапши, наполнившей комнату пріятнымъ ароматомъ. Олимпіядушка, которая вышла, пока молились, вернулась съ миской грибной лапши, для хозяина, который мясного не потреблялъ, повидимому.

Неизвѣстно, вкусна ли была лапша постная; что же касается скоромной, то она казалась Еленѣ Даниловнѣ великолѣпной, «вспанялой», какъ выражалась варшавянка Каролина: густая, нѣжная, съ кусочками мелко накрошеннаго, тающаго жира, эта горѣловская лапша одна могла примирить со всѣми невзгодами горѣловской жизни. Дарья Антиповна налила единственную фарфоровую тарелку для гостьи, а остальнымъ кивнула: «ну, ѣшьте съ Богомъ!» И всѣ принялись довольно нетерпѣливо, жадновато наливать свои разнокалиберныя глиняныя плошки, пользуясь широкими деревянными ложками. Старикъ, разрѣшенія не дожидавшійся, ѣлъ прямо изъ миски, и довольно неопрятно: шумно хлебалъ, водилъ по-кошачьи головой, разбрызгивалъ лапшу и увѣшалъ ею бороду.

Елена Даниловна, аппетитно управившись съ лапшой, положила свою серебряную ложку и оглядѣла сотрапезниковъ. Кромѣ «самихъ» и Олимпіядушки, тутъ были двѣ черницы: старая и кривая Досиѳея, сидѣвшая прямо, глядѣвшая единственнымъ глазомъ быстро и зорко, прятавшая для чего-то куски тайкомъ въ рукавъ; рядомъ съ ней сутулилась другая,—низенькая, тощенькая старушонка съ трясущейся головой, съ отвисающей нижней губой широкаго рта; ея имени Елена Даниловна не узнала. Ѣла она жадно, а пока не ѣла, дожидалась, то смотрѣла, понуря голову, тупымъ животнымъ взглядомъ на свою пустую плошку. И гостья не безъ досады замѣтила, что добродушная Дарья Антиповна провожаетъ ревнивымъ взглядомъ каждый кусокъ въ этотъ широкій, ненасытный лягушачій ротъ. Затѣмъ поодаль отъ остальныхъ сидѣлъ широкоплечій, широколицый мужикъ въ желтой рубахѣ навыпускъ и въ жилетѣ; онъ походилъ и на старосту, и на сельскаго зажиточнаго лавочника. Были, наконецъ, еще «ученицы», совсѣмъ ужъ святые мужи: одинъ святъ мужъ толстый, лысый, съ рыжей бородой, съ красными смѣющимися лаптѣ губами; другой—святъ мужъ тонкій, понурый, съ кошачьимъ выраженіемъ на желтовато-смугломъ лицѣ, свѣтившемся какъ отъ помазанія елеемъ. Онъ глоталъ куски какъ-то беззвучно и таинственно, крадучись.

Святые мужи и жены ѣли всѣ торопливо, точно боялись, что имъ недостанетъ, и всѣ рыгали, всѣ утирали руками сальныя губы.

Салфетокъ, конечно, не было; но по колѣнямъ наиболѣе почетныхъ всетаки было протянуто общее суровое полотенце, которое, однако, не спасало красивую серебряную бороду хозяина отъ желтоватыхъ червячковъ лапши.

Онъ вылилъ въ ложку послѣднія капли изъ опростанной миски, быстро и жадно дернулъ головой, облизывая ложку, громко, продолжительно рыгнулъ и, желая быть любезнымъ, нарушилъ общее молчаніе неуклюжимъ игривымъ замѣчаніемъ гостьѣ:

— А вотъ, барышня, слышалъ я, что въ столицахъ ученые люди не ужинаютъ.

Елена Даниловна улыбнулась.

«Что подумали бы обо мнѣ эти святые мужи и жены, если бы я сказала, что нерѣдко ѣзжу ужинать въ «Вѣну», да еще иногда на разсвѣтѣ, да—о, вершина распущенности!—съ «чужими мужиками?» Тутъ-то надѣлала бы переполоху во святой горѣло-крестовской обители!»—подумала она.

Но искушенію не поддалась и скромно отвѣтила старику:

— Въ Петербургѣ поздно обѣдаютъ.

Тогда воспользовался сигналомъ «самого» порушить молчаніе святъ мужъ толстый и заскрипѣлъ гусинымъ голосомъ, обращаясь къ гостьѣ:

— А что, дозвольте спросить, сударыня,—вельми достойно пытанія,—истину ли говорятъ, будто бы отецъ Іоаннъ, Кронштадта града іерей, не допустилъ ко святому причащенію саратовскаго члена думы Аникина?

И добавилъ, какъ бы извиняясь въ неосновательности своего вельми достойнаго «пытанія»:

— У насъ болтаютъ.

— Не слышала объ этомъ,—отвѣтила Елена Даниловна.—Я замѣчаю, что въ провинціи больше знаютъ о Иванѣ кронштадтскомъ, чѣмъ мы, петербуржцы. Но я не думаю, однако, чтобы Аникинъ хоть разъ поставилъ себя въ необходимость быть не допущеннымъ къ причащенію.

— Такъ, такъ!—просіялъ святъ мужъ, не искусомудрый въ овесныхъ хитросплетеніяхъ, радуясь, что саратовскій депутатъ бѣгъ анаѳемы.—Наговорятъ досужіе языки! «Рекутъ всякъ золъ иголъ» по словамъ пѣснопѣвца... Вотъ тоже, къ примѣру, про его сокопреосвященство митрополита санктпетербургскаго и ладожго Антонія ходитъ слухъ такой, что соблазна достойно. Болтаютъ, то бы высокопреосвященнѣйшій началъ ужъ ѣздить на... какъ бишь? на ласапедѣ-то на этомъ. Неужли правда?

Елена Даниловна не утерпѣла,—расхохоталась. Тѣмъ болѣе, что на ея глазахъ мгновенно произошла уморительная пантомима: свять мужъ тонкій, пользуясь общей сенсаціей при вопросѣ свята мужа толстаго, потянулъ было ножку цицарки, поданной только для гостьи; однако, покушеніе на татьбу не ускользнуло отъ зоркаго взгляда хозяйки; она быстро отдернула блюдо, и свять мужъ тонкій съежился, прищуривши глаза, какъ блудливый котенокъ, получившій щелчокъ по лбу.

Никто не замѣтилъ этой сценки, кромѣ гостьи: всѣ были подавлены «пытаніемъ» свята мужа толстаго.

— Это ложь, конечно!—поспѣшила успокоить благочестивыхъ Елена Даниловна.—Хотя я никогда не видала митрополита Антонія.

— Не видала?! А?!—послышались изумленные возгласы.

— Не случилось какъ-то,—поправила невольную оплошность Елена Даниловна.—Не видала, къ сожалѣнію, но представляю себѣ его почтеннымъ старцемъ въ монашескомъ одѣяніи, которое едва ли удобно для посадки на велосипедѣ.

Дарья Антиповна засмѣялась: «Ужъ и выдумаютъ же нелѣпицу!» Кусала губки смиренная тихоня Олимпіядушка. Широколицый дядя въ жилетѣ хихикнулъ въ руку.

Ужинъ завершился киселемъ и новой общей молитвой, прочитавши которую, хозяинъ остался на ногахъ, въ выжидательной позиціи; всѣ подходили къ нему съ низкимъ поклономъ, говоря: «Спаси васъ Господи, кормилецъ Филиппъ Семенычъ, за хлѣбъ за соль!» Потомъ клянялись сидѣвшей Дарьѣ Антиповнѣ, очевидно, меньше мужа любившей эту торжественную церемонію: «И васъ, матушка, Дарья Антипьевна». Она махала рукой, ворча: «Ну, ладно!—поназобались и къ сторонѣ». Старикъ же отвѣчалъ каждому поясннымъ поклономъ и приличными случаю сентенціями: «Спасибо тому, кто поитъ кормитъ, сугубое спасибо тому, кто хлѣбъ-соль помнитъ». И тому подобное. Елена Даниловна не вполнѣ послѣдовала уставу на этотъ разъ и ограничилась поклономъ съ мѣста, а Дарьѣ Антиповнѣ пожала руку.

Обѣ отодвинулись съ кресломъ и стуломъ къ стѣнкѣ, пропуская бабъ, пришедшихъ убирать. Когда всѣ трапезовавшіе стали бочкомъ выходить въ кухню, вошла Олюша. Она несмѣло приблизилась къ отцу и пролепетала:

— Покорно благодарю, папашенька, васъ за хлѣбъ, за соль.

Онъ протянулъ руку тыломъ къ губамъ дѣвочки. Олюша поцѣловала ее и подошла къ матери.—Покорно благодарю, мамашенька, за хлѣбъ, за соль.

И поцѣловала у матери руку.

— А Богу молилась?—грозно прикрикнулъ старикъ на дѣвочку, хмуря сѣдыя брови и злобно впиваясь въ нее засверкавшими глазами.

— Молилась, папашенька,—едва слышно пролепетала Олюша.

— Если ты, негодяйка,—началъ отецъ, грозно отдѣляя слоги,—забудешь у меня когда-нибудь помолиться; я т-тебѣ волью звѣзду!

Олюша замѣтно дрожала, и ея глаза, широко открытые на отца, были полны слезъ.

— Это ужъ... чортъ знаетъ что!—прошептала Елена Даниловна.—Зачѣмъ онъ такъ обращается съ бѣдной дѣвочкой, Дарья Антиповна.

— А что?—добродушно спросила старуха.—Надо страхъ внушать дѣтямъ. Онъ отецъ. Передъ Господомъ отвѣтитъ на томъ свѣтѣ, ежели не научитъ дѣтей уму-разуму. Сергунька, тотъ ужъ отбился отъ рукъ... А эта еще пока боится отца-матери. Хоть эту сохранить въ страхѣ Божьемъ.

Олюша постояла, не двигаясь, и начала еще боязливѣе вычитывать:

— Покойной ночи, пріятнаго сна, папашенька! Покойной ночи, пріятнаго сна, мамашенька!—лепетала она, нагибая голову.

И оба ее крестили, согнувши ей голову еще ниже. И оба поднимали къ ея губамъ руку для поцѣлуя.

Наконецъ, вся эта изнурительно-тяжелая церемонія была выполнена, и Олюша засѣменила ногами прочь отъ возлюбленныхъ родителей. Но не поспѣла еще она дочастить до двери, какъ была остановлена новымъ грознымъ крикомъ:

— А на сонъ грядущій читала молитвы?

— Да будетъ тебѣ ужъ мудрить-то надъ ней, старикъ!—не выдержала и сама Дарья Антиповна.—Ступай, Олюша!

— Нѣтъ, постой!—бѣшено крикнулъ отецъ, тряхнувши сѣдой гривой.—Вернись, Олька!

Дѣвочка не подошла, какъ-то подползла къ отцу обезсилѣвшими ногами, блѣдная, вся трясущаяся.

Елена Даниловна глядѣла на старика и не узнавала его красиваго лица съ крупными, чисто-русскими чертами; это было подобіе той бѣшеной гримасы, что она видѣла на лицѣ Олюши часа три назадъ.

— Если ты, мерзавка, забудешь читать молитвы на сонъ грядущій,—хрипѣлъ онъ въ какой-то неистовой злобѣ,—бѣги, чтобы отецъ тебя не догналъ!... По стопамъ брата пойдешь!... Не будетъ тебѣ благословенія моего! Анаѳемой будешь!

Въ комнату стали пробираться и присаживаться у стѣнъ черницы и чернички, почтительно слушавшіе, какъ ихъ учитель «наставляетъ» дщерь. Этотъ безпричинный, неистово бѣшеный гнѣвъ на ребенка изливался, повидимому, какъ предметный урокъ сираховской педагогики, предписывающей ломать дѣтямъ ребра, чтобы сберечь ихъ въ цѣлости. Елена Даниловна не стала дожидаться примѣрно-поучительнаго сокрушенія реберъ Олюши, и какъ ни хотѣлось ей услышать, въ чемъ состоятъ бесѣды «со ученицы», встала.

— Баиньки?—ласково спросила ее Дарья Антиповна, замѣчавшая, что гостьѣ тяжело слушать крикъ старика на дѣвочку.—Пойдемъ, инъ... Теперь, почнутъ они тутъ: «Аще, да понеже, да еще доньде же». Хе-хе-хе!... Тоска тебя разберетъ съ непривычки-то. Айда-ка лучше, провожу я тебя въ спаленку княжескую.

Елена Даниловна кивнула «самому», не замѣтившему въ пылу поученій ея поклона, и вышла за Дарьей Антиповной. Святые мужи и жены вставали и низко ей кланялись.

— Вотъ гдѣ положу я тебя, дорогая гостьюшка!—сказала Дарья Антиповна, подведя гостью къ кровати сына.—А?... Хе-хе-хе!...

Она хлопнула ладонью по пуховику, покрытому тонкой, свѣжей простыней.

— Ляжись, ляжись! Серьгунькина кровать-то. Лучше его спальни ни у меня, ни у самого губернатора нѣтъ!... Гляди, какое полотно-то!—тонина, красота... Такъ-то вытянешься—и—и!... Любитъ онъ, паршивый, понѣжиться!... Ну, ляжись, спи съ Господомъ!

Она потянулась къ лицу Елены Даниловны съ губами и сказала, поцѣловавшись:

— Ужъ и полюбилась ты мнѣ, право слово!... Ума не приложу!... Впервые видѣть тебя, а—что дочь родная! Ну, спи, ляжись... А ежели почитать захочешь, то вотъ тутъ, въ Сережиной, лампа такая есть со шпиртомъ,—ты ее засвѣти сама: мы не умѣемъ. Ну, спи съ Господомъ. А я пойду, лягу, да подумаю... Спи, никто тебя не потревожитъ.

Она ушла было, но вернулась.

— Попить захочешь,—водица въ сѣнцахъ, въ ведеркѣ... Охъ, да что я, дура старая!—«спопашилась» она,—кваску тебѣ на ночь пришлю съ Марѳуткой!...

Ушла. Елена Даниловна подумала о томъ, что старушка какъ будто торопилась уйти... Почему?... О чемъ она сбиралась подумать?... Все было какъ-то странно здѣсь. И отчего-то было такъ жаль,

что она не уѣхала тотчасъ же, еще не зная ничего здѣшняго, ипатовскаго... Этотъ старикъ, бѣшено кричащій на дочь!—Такъ вотъ и кажется, что онъ демонстративно раскричался, чтобы показать гостьѣ, какой онъ строгій, суровый... злой!

Она тихо погуляла по ковру, находя, что его теплая пушистость очень пріятна при этой прохладной ночи; поглядѣла, поднявши свѣчку, на гравюры, на креолку... Вышла въ кабинетъ и отыскала въ грудахъ книгъ на столѣ послѣдній номеръ *Revue*.

Сначала все шло неуютно съ чтеніемъ... Лампа свѣтила тускло, качалка не вставала подъ такимъ угломъ къ столу, чтобы свѣтъ хорошо падалъ... Мѣшали сосредоточиться на чтеніи досадныя, измельченныя мысли объ Ипатовыхъ... Наконецъ, вниманіе осѣло на статьѣ журнала, посвященной соціалистамъ, Жоресу и милліардамъ, брошеннымъ французами на алтарь русско-французской «дружбы»: Елена Даниловна увлеклась, страницы зашелестѣли, Ипатовы были забыты...

«Да!—постель губернаторская», подумала она, покачиваясь на сѣткѣ, и сладко уснула.

Утромъ ее разбудили голоса за окномъ.—Тамъ добродушно перекорялись два старыхъ оригинала: Семенъ и Дарья Антиповна. Семенъ клялся, что ему надо ѣхать немедля: молодой попъ получилъ приходъ, и велѣлъ подать подводу. Дарья Антиповна гнала его, пострѣла ему въ бокъ посылала и грозила «распатронить» и его, и попа его, если онъ постучится въ окно барышнѣ, чтобы вставала.

Елена Даниловна подняла голову къ окну. Небо, сверхъ занавѣски, синѣлось ясной, чистой лазурью, тучъ не было. Ей захотѣлось въ свой Маръ поскорѣе. Сбросивши одѣяло, она окутала грудь и плечи юбкой и распахнула окно.

— Семенъ Петровичъ, я встала. Ѣдемъ.

— Вотъ и умница!—обрадовался старикъ.—Чего тутъ, у нихъ?!—попито, поѣдено, поспано...Время и во-свояси!...Она,Дарья-то Антипьевна, завладать готова человѣкомъ, коли ей попался, простой, да согласный!... Ты ее только послушай!... Молодца, Данильевн!... Бѣжи, хлебни чайку у ней, старой, да—прыгъ въ бричку: Трогай, Семенъ Шаломовъ!» За милую душу докатимъ къ обѣдмъ-то!...

Дарья Антиповна тщетно старалась улестить дорогую гостью: Елена Даниловна торопилась, какъ на пожаръ, едва стаканъ допила.

Ворча и хмурясь на «несговорную», старуха пошла ее проводить ворота, расцѣловалась съ ней.

— Чай заглянешь, милая?... Покалякали бы!...Душевная ты!—

просила Елену Даниловну старуха, глядя ей въ лицо серьезнымъ, почти грустнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, дорогая моя Дарья Антиповна, не обѣщаюсь. Тяжело у васъ, откровенно говоря... А покалякать—ко мнѣ пріѣзжайте-ка. Рада буду,—отъ души говорю...

Старуха осталась въ ея глазахъ: въ просвѣтѣ воротъ, съ руками подъ фартукомъ,—подавленная, печальная...

«Жаль!—славная старушка... Но что же дѣлать?... Ея жизни не измѣнишь!»

И уѣхала домой.

Три дня пролетѣли незамѣтно, благодаря возстановившемуся при ясной погодѣ круговороту маровской жизни.—Елена Даниловна купалась, ѣла, гоняла воробьевъ, «шеманалась по сыртамъ» съ пріятелями, здорово обливалась потомъ на плантаціяхъ, еще купалась, еще ѣла... А вечеромъ распѣвала съ бабами «У-уѣзжа-а-етъ милый, вспакидаетъ о-а-дни ла-а-аска-вы-ы слава-а»...

Объ Ипатовѣ напомнила ей одна изъ молодыхъ бабъ, видѣвшая Сергѣя Филиппыча на базарѣ, куда онъ пріѣзжалъ за покупками.

— Ужъ онъ ходилъ, ходилъ чего-то по всему селу сегодня!—добавила баба.—Что корова, коя свое мѣсто не сжевала, да ищетъ...

Всѣ захохотали, а Елена Даниловна подумала:

«Не обладаетъ даже элементарными понятіями о свѣтскости! Не подумалъ отдать визитъ... А, можетъ быть, папашеньки боится?»

Въ воскресенье, еще дня черезъ два, приковылялъ старикъ Шеломовъ и безапеляціонно предложилъ:

— Ну, Данилиха, повезу тебя утре въ Дергачи!

— А что тамъ, въ Дергачахъ?

— И-и... Чего тамъ будетъ!... Опричо, что базаръ, еще кибитку палить станутъ. Обольютъ ее, вѣдаешь, смазью и подпалятъ, а Степанъ Зининъ,—мареинскій,—тушить ее почнетъ. Обливу онъ такую придумалъ, какъ, сталъ-быть, побрызгаешь на пламя, такъ оно и къ...—употребилъ старикъ экспрессивное выраженіе.—Айдака-сь, ѣдемъ!

— Жарко, дѣдъ.

— А ты ладно, жарко!... Паръ костей не ломитъ, дѣвынька... Ты гляди,—диво-то какое!—пожары гасить Степка придумалъ, туды его... дай ему Господи добраго здоровья!...

— А далеко?

— Да недалёчко!—верстовъ съ восемь, мотряй, всего-то... Путь-то какая, ковё-оръ?... Ни пылинки опосля дожжа-то!...

— Знамо, поѣзжайте!—поддержала и Анисья Марковна.—Дорога теперь—лужокъ... А сжаритесь, онъ васъ къ моей сестрѣ завезетъ, Семенъ-то, въ Новорсляйку. У ней, гоже. Садикъ этотъ, пчелы... Такъ понравится, уѣзжать не захотите...

— Народу тамъ этого будетъ, въ Дергачахъ, не проворотишь!—соблазнялъ старикъ.—Вся округа съѣдется на Степкину выдумку глядѣть. Айда-ка и ты, нечего думать-то!... Завтра, чѣмъ свѣтъ, коня приведу.

И Елена Даниловна согласилась поѣхать. Но попросила Семена Петровича не являться «чѣмъ свѣтъ», а прибыть попозднѣе, чтобы ей собраться, поѣсть безъ его краснорѣчія.

Дорога, на самомъ дѣлѣ, была чудная: тихо, жарко, зелено... На пчельникъ всетаки заѣхали и напились тамъ чаю не спѣша. Базаръ застали въ самомъ развалѣ, а за селомъ ужъ кишили толпы, тѣснясь къ мѣсту опыта.

Пока вокругъ досчаного домика, набитаго соломой, прыгалъ изобрѣтатель, долгоногій молодой мужикъ, хлопоча надъ приготовленіями къ опыту, Елена Даниловна разглядывала чистую публику. Базаръ и огнеупорная жидкость привлекли, дѣйствительно, всю округу: попы съ женами и дѣтьми, сельскія власти, солидные тузы степи въ чесунчевыхъ парахъ, ихъ жены и дочери въ пестрыхъ костюмахъ и шляпкахъ, врачи, учителя, почтенные мужики-степняки въ суконныхъ кафтанахъ... кого-кого только тутъ не было!... Одному изъ тузовъ было, повидимому, интереснѣе глядѣть на Елену Даниловну, чѣмъ на изобрѣтателя: онъ, солидный мужчина съ черной бородой, поминутно озирался, едва она протискалась между бабъ и мужиковъ, и отдавалъ ей все свое вниманіе до неловкости откровенно. И Елена Даниловна, останавливая глаза, между прочимъ, на его полной фигурѣ въ чесунчѣ и соломенной шляпѣ, замѣчала, что разстояніе между нимъ и нею медленно, но настойчиво сокращается. Онъ подавался шагъ-за-шагомъ въ ея сторону, передвинулся уже изъ-за домика сюда, въ ея шеренгу, стоялъ уже рядомъ. Наконецъ, онъ, постоявши рядомъ какихъ-нибудь пятнадцать, двадцать минутъ, нерѣшенно приподнялъ шляпу и пролепеталъ:

— Позвольте познакомиться...

Елена Даниловна оглянулась, съ изумленіемъ подняла глаза на хала. Но его лицо не имѣло ничего нахальнаго: оно выражало, орѣе, крайнее смущеніе, такъ не идущее къ его внушительной внѣшности.

— Елена Даниловна, если я не ошибся?—пролепеталъ чернобо-

родый крѣпышъ еще неувѣреннѣе, еще смущеннѣе, теряясь отъ ея холодно-вопросительнаго взгляда.

— Извините, я васъ совершенно не знаю и рѣшительно не могу припомнить, чтобы встрѣчала васъ когда-нибудь,—сказала Елена Даниловна, разглядывая его лицо съ крупными чертами и черными, густыми волосами.

— Да... Совершенно вѣрно... Однако... Я позволю себѣ... Хотя и не имѣлъ чести,—бормоталъ онъ, давясь словами и странно, неловко краснѣя, мигая бѣгающими глазами.—Мой товарищъ много говорилъ... писалъ... сообщалъ о васъ... И еще недавно, на той недѣлѣ, вы удостоили быть... Ночевать... Такъ что... Я могу сказать, что... Уже знаю... Имѣю честь знать васъ, Елена Даниловна...

И прибавилъ, точно признаваясь въ какомъ-то неприличіи,—шепотомъ, съ опущенными глазами:

— Я Ипатовъ...

— Да что вы?!—не удержалась она отъ восклицанія, тонъ котораго показался обиднымъ ей самой.—Вотъ не повѣрила бы!... Вы?—Ипатовъ?!...

Елена Даниловна чувствовала, что ея изумленіе оскорбительно, но слова вырывались сами собой, какъ сами же собой открывались глаза непозволительно широко и насмѣшливо. Она обижала, и это бѣсило ее.

«А чѣмъ я виновата!—думала она.—Зачѣмъ онъ этакій широкій, рослый!... Можно подумать, что какой-нибудь столичный адвокатъ-цивилистъ, привыкшій брать куши, а не... Ипатовъ!»

— Ну, здравствуйте!—сказала она, стараясь смягчить ворчливость тона усмѣшкой, которая вышла кривой и еще болѣе испортила настроеніе.

Ипатовъ быстро потеръ руку, откинувши полу жакета. Но рука все же была холодной и влажной, когда робко прикоснулась къ маленькой горячей рукѣ Елены Даниловны.

Она хмурилась, стоя впереди Ипатова, который молчалъ. Она глядѣла на бѣготню изобрѣтателя и его трехъ помощниковъ, парней, сердилась, что у нихъ затягиваются безконечныя приготовленія, досадовала на Ипатова, на себя, на стараго дурака Шеломова, уломавшаго ее поѣхать за чѣмъ-то сюда... Какъ нелѣпо все было,—эта встрѣча, это знакомство... самъ Ипатовъ! «Онъ изъ тѣхъ, къ счастію, рѣдкихъ,—экземпляровъ, съ которыми утрачиваешь не только способность, но и самое желаніе говорить о чемъ бы то ни было»,—думала она.

— А, ну ихъ тутъ!—сказала она, круто поворачиваясь, чтобы уйти.—Не дождешься... Да и не стоитъ ждать, не правда ли?—попробовала она ободрительно усмѣхнуться Ипатову, протискиваясь мимо него въ толпѣ.

Мимоходомъ замѣтила она, что у него на лицѣ застыло, какъ-то затупѣло недоумѣніе, сообщившее ему приглуповатый видъ; видимо, онъ надумывалъ отвѣтъ, возраженіе, но побаивался, не выйдетъ ли у него смѣшно.

Елена Даниловна съ трудомъ продиралась среди зѣвакъ, цѣпляясь зонтикомъ за бабьи платки, сердясь, изнывая отъ духоты; Ипатовъ тянулся за ней. Даже того не сумѣлъ сдѣлать, неуютный увалень, чтобы помѣняться съ ней очередью!—вѣдь онъ легче проложилъ бы дорогу, такой плечистый, рослый, чѣмъ она...

И только тогда, когда Елена Даниловна выбралась изъ толпы, облегченно вздохнула, очутившись на открытомъ лугу, Ипатовъ хрипло и глухо промолвилъ, путаясь въ словахъ:

— А мнѣ помстилось... То-есть, подумалось, хочу сказать, что... какъ публицисту,—не лишено интереса...

— Что такое, не лишено интереса?—оглянулась она.

Ипатовъ покраснѣлъ, скривилъ нелѣпую усмѣшку, неловко растерялся.

— Да вотъ,—дернулъ онъ головой въ сторону толпы, потирая руки, очевидно взмокшія,—эта... это открытіе... То-есть, выдумка, изобрѣтеніе...

«Фу, какой Миронъ!»—подумала о немъ Елена Даниловна, вспомнивши выраженіе Анисьи Марковны, которая называла неловкихъ, ненаходчивыхъ мужиковъ Миронами, а бабъ Миронихами.—«Дѣйствительно, у меня была, какъ разъ, эта цѣль, когда я стояла тамъ,—взглянуть широко на фактъ, обобщить его, если изобрѣтеніе оказалось бы удачнымъ: я такъ много наслышалась о пытливости крестьянъ-степняковъ еще отъ эс-эра въ вагончикѣ, такъ много уже знаю фактовъ ихъ изобрѣтательности... Такъ надо было не мямлить, а тамъ сказать свое мнѣніе!—я осталась бы, вѣроятно... Удивительно нелѣпый господинъ!»...

Она все больше и больше сердилась.

— Какъ публицисту!—воскликнула она тономъ упрека.—Удивительно нелѣпая претензія—предъявлять на каждомъ шагу, по поводу каждаго частнаго явленія, какую-то долговую расписку публицисту: «Высказывайся!... Плати!»... Да что такое публицистъ, по вашему?—негодовала она, сама не зная на что.

— А какъ же?—оторопѣло развелъ руками Ипатовъ.—Публи-

цистъ, Елена Даниловна, писатель... Вообще литераторъ... Это, такъ сказать... Это, по моему глубокому, искреннему убѣжденію... Это тотъ человѣкъ, который... Который не можетъ не отзываться чутко... Въ силу своей исключительной природы,—какъ человѣкъ избранный... отмѣченный природой... Она вложила въ него душу богоподобную, высшую, не отъ міра сего,—божественно-воспріимчивую и всеобъемлющую, всѣми скорбями человѣчества страдающую, лишенную той мелочности, грязцы, копеечной грѣховности, которой полны души обыкновенныхъ людей, наши души...

Елена Даниловна нервно и громко расхохоталась.

— Ахъ, вы... Чудакъ же вы, я вижу, Сергѣй Филиппычъ!... Судя по тону, такому задушевному, вы несомнѣнно высказали и впрямь искреннее ваше мнѣніе. Но надо знать предметъ, о которомъ говоришь, прежде чѣмъ говорить о немъ.—«Богоподобная душа!»... «Не отъ міра сего!»... «Божественно-воспріимчивая всеобъемлющая!»... Откуда вы взяли, гдѣ, на какомъ необитаемомъ островѣ вырастили въ вашей душѣ такое мнѣніе?!... Я выросла среди пишущей братіи, и мнѣ, ей-Богу, просто не вѣрится, чтобы разумный, зрѣлый человѣкъ серьезно держался такого институтскаго взгляда на писателей!

— Да какъ же, позвольте, Елена Даниловна,—смущенно протестовалъ Ипатовъ, едва успѣвая догонять ее.—Писатель, вѣдь это... Это... Ну, просто,—такой человѣкъ, который... До котораго, до руки котораго я едва посмѣлъ бы коснуться...

— Э, да полноте наивничать?—оборвала она его.—Такія высокопарности, такія дикія преувеличенія!... Поживите-ка среди этихъ вашихъ «божественно-чуткихъ» душъ съ мое!—увидите.

Молча прошли они всю базарную площадь, гдѣ Ипатовъ едва успѣвалъ отвѣчать на поклоны и «здоровканья»; Елена Даниловна окончательно разстроилась, глядѣла сердито на чередующіеся конуса своихъ шелковыхъ туфелекъ, не поднимая глазъ, и молчала; онъ не смѣлъ заговорить.

— Лошади наши... — беззвучно сказалъ онъ, самому себѣ, должно быть,—поравнявшись съ лакированной долгушей на рессорахъ, съ козелъ которой улыбался ему молодой краснощекій парень въ безрукавкѣ и въ щегольской рубахѣ изъ голубого сатинета.

Елена Даниловна подняла голову, вопросительно оглядѣла холеныхъ лошадей,—солиднаго коренника и рѣзвую пристяжную,—оглядѣла Ипатова и сказала:

— До свиданья!... Мнѣ въ этотъ переулокъ, къ Комарикову.

Ипатовъ вспыхнулъ и тотчасъ же поблѣднѣлъ, не сводя оторо-

пѣлаго взгляда съ ея лица, которое, она сама это чувствовала, было холодно и сурово, какъ у цензора, котораго подвели подъ непріятность редакторы.

Не глядя, протянула она руку, ощутила непріятную холодную влажность его руки и ушла.

— Ѣдемъ, Семенъ Петровичъ!—сказала она на-ходу старику, валявшемуся въ тѣни комариковскаго флигеля.

— Это ты что?—приподнялъ старикъ голову.—Чай, отдохнуть-то надоть, ай нѣтъ?

— Ну, отдыхай. А я попрошу Комарикова дать мнѣ лошадь до пчельника.

— Пошто—отдыхай! — вскочилъ старикъ. — Давай, ин-коль, ѣдемъ, сядись... Зачѣмъ это, чтобы у Комарикова!... Эхъ, вотъ такъ ну!... Вотъ такъ ошпарила!...

Онъ торопливо суетился въ вожжами, спѣша на козлы.

— Ну, ну!—бормоталъ онъ, нахлестывая пѣгана.—Вотъ такъ кипятокъ дѣвка!... Гляди-ко-сь, какъ пришпандорила!... Любо—два!... Хе-хе-хе!... Да этой дѣвкѣ, неначе, енарала въ мужья, а нашему брату съ ней и не управиться!...

Она смѣялась; но раздраженіе противъ Ипатова удалось ей побороть лишь къ вечеру этого дня, проведеннаго въ отрадной тѣни сада, гдѣ пахло липами, пахло медомъ, гдѣ былъ прудъ съ холодной водой.

Гуляя, купаясь, лежа въ желто-зеленыхъ кустахъ тальника, Елена Даниловна укоряла себя:

«Ну, что я раскудахталась на этого бѣднаго Ипатова?!... Чѣмъ онъ виноватъ, что не тощъ, какъ спичка, бородатъ, крѣпко сложенъ, почти красивъ, солиденъ, на вершокъ повыше меня, а не согнутъ, не забитъ, не выглядитъ Акакіемъ Акакіевичемъ?»

И отвѣчала самой себѣ на упреки:

— Тѣмъ хуже, если онъ такой видный! Зачѣмъ покорствуетъ, мирится съ самодурствомъ своего папашеньки?!... Быть можетъ, и ручку цѣлуетъ у нихъ съ мамашенькой?... Нѣтъ,—поди онъ Миронъ нелѣпый!—философствовать насчетъ такого жалкаго горюна нечего, и я просто перестану о немъ и вспоминать!... Я только того не могу понять, чего нашелъ въ немъ Надеинъ интереснаго? Впрочемъ, друзья!... Быть можетъ, росли, учились вмѣстѣ, привыкли другъ къ другу... А по мнѣ,—сущее и жалкое ничтожество этотъ Ипатовъ!

Гольдебаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вольная воля.

Я ушелъ отъ каменныхъ стѣнъ,
Отъ каменныхъ стѣнъ, напоенныхъ кровью и золотомъ.
Тамъ люди—на плахѣ. И тягостнымъ молотомъ
По душамъ расколотымъ
Куется ихъ плѣнъ.
Съ вами былъ я долгіе годы,
Мои прежніе братья,
Жители комнатъ-гробовъ, жители зданій-гробницъ.
И когда я хотѣлъ ненавидѣть, и когда хотѣлъ проклинать я,
Вы меня приводили въ ваши храмы, подъ нависшіе своды,
И, покорный, я падалъ ницъ.
Но теперь я безпеченъ, я воленъ.
Дорогъ сердцу случайный пріютъ.
Ни трубы заводовъ, ни кресты колоколенъ
Съ пути не вернутъ.
Далеко—пережитая ложь.
Шумитъ золотистая рожь,
Струится шумомъ...
И звенитъ, и поетъ
Вѣтерокъ-перелётъ:
«Что вернулся такимъ угрюмымъ?»
Безъ конца распростертъ многоцвѣтный узоръ,
И встрѣчаетъ меня неоглядный просторъ
Влажной лаской родимаго поля.
И знакомую быль
Напѣваетъ ковыль.
О, прими меня, вольная воля!

Сергѣй Кречетовъ.

Демократическая литература.

(Сто лѣтъ развитія новой украинской литературы.)

Если давно уже стало избитымъ truизмомъ положеніе, что мы слишкомъ мало знакомы съ культурными условіями нашей жизни, то едва ли не наиболѣе грѣшимъ мы по части знакомства съ литературами населяющихъ Россію народностей. Счастливымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи, почти единственнымъ, является польская литература, благодаря главнымъ образомъ крупнымъ, европейски извѣстнымъ талантамъ Мицкевича, Сенкевича и Ожешковой, которымъ особенно посчастливилось въ отношеніи переводовъ на русскій языкъ. Обо всѣхъ же другихъ, такъ называемыхъ, «инородческихъ» литературахъ мы знаемъ развѣ лишь по наслышкѣ. Какъ это ни странно, но меньше всего знакомо русское общество съ украинской литературой, хотя въ виду естественной близости ея съ литературой русской, дѣло, повидимому, должно бы обстоять совсѣмъ иначе. Въ русской повременной печати лишь изрѣдка появится библіографическій отзывъ о какой-нибудь новой украинской книгѣ, въ лучшемъ случаѣ—переводъ какого-нибудь украинскаго разсказа или стихотворенія. А между тѣмъ, украинская литература—и по своимъ внутреннимъ качествамъ, и по своему довольно-таки почтенному возрасту—заслуживаетъ бо́льшаго вниманія со стороны русскаго общества. Въ 1898 г. она праздновала столѣтіе «Переливцьованной Энеіди» Котляревскаго, давшей начало новому ея періоду, а въ 1903 г. торжественно открытъ въ Полтавѣ памятникъ Котляревскому,—этому украинскому Карамзину—по его значенію въ новой украинской литературѣ.

Украинская литературная традиція имѣетъ за собою очень продолжительное прошлое. Несмотря на то, что памятники древнѣйшаго періода ...менности составляли общее достояніе обѣихъ отраслей русской народности и одинаково писались на условномъ книжномъ языкѣ славянскомъ, ...ако, этнографическая разница юга отъ сѣвера даетъ себя чувствовать ...ъ первыхъ памятникахъ письменной южно-русской литературы. Живая ...я народной рѣчи и національнаго духовнаго склада невольно пробьется даже въ такихъ церковно-книжныхъ произведеніяхъ, какъ лѣтопись ...тора, Волынская лѣтопись, Печерскій Патерикъ, Хожденіе Даніила, По-

ученіе Владиміра Мономаха, проповѣди Кирилла Туровскаго; извѣстное же «Слово о полку Игоревѣ» является уже всецѣло національнымъ литературнымъ памятникомъ. Просвѣтительная и литературная дѣятельность съ особенною интенсивностью обнаруживается въ XVI—XVII вв., когда Украйна, хотя лишь отчасти, но все же входила въ семью западно-европейскихъ народовъ и отражала на себѣ научныя и литературныя теченія эпохи возрожденія. Южно-русскій языкъ получаетъ значеніе языка государственнаго («Судебникъ Казиміра», «Статутъ Литовскій»); подъ вліяніемъ особыхъ политико-соціальныхъ и религіозныхъ условій возникаетъ на этомъ языкѣ обширная полемическая и историческая литература, а также книжная поэзія и драма. И въ теченіе всего XVIII вѣка, когда на Украйнѣ произошла рѣшительная ломка устоевъ общественной жизни, что должно было гибельно отразиться и на судьбѣ украинскаго языка и литературы, и когда, казалось, тотъ и другая теряли всякую будущность, украинское литературное творчество не прекращается, выражаясь главнымъ образомъ въ произведеніяхъ драматическихъ, историческихъ хроникахъ и мемуарахъ, въ сатирическихъ и лирическихъ стихотвореніяхъ. Но въ языкѣ всѣхъ этихъ произведеній было много все того же условнаго церковно-славянскаго элемента, что въ значительной степени лишало ихъ жизненности, въ особенности при ясно опредѣлившемся параллельномъ развитіи русской литературы на національной великорусской основѣ. Представлялось поэтому простымъ и вполнѣ естественнымъ по своей сущности дѣломъ—возникновеніе особой украинской письменности изъ живого національно-народнаго источника. Только стихійная сила народной рѣчи могла дать украинской письменности неодолимую живучесть и явиться прочнымъ залогомъ дальнѣйшаго ея развитія, какъ это было у другихъ племенъ славянскаго міра. Въ эпоху славянскихъ возрожденій, съ конца XVIII вѣка, взошла новая заря и для украинской литературы. Непрекращавшаяся, хотя и значительно замедлившая свой ходъ, книжная письменность, съ одной стороны, и съ другой—устная народная словесность, блестящая такимъ богатствомъ содержанія, художественностью образовъ и изяществомъ формъ народной рѣчи, слились въ одно общее русло и дали начало новому періоду художественной украинской литературы. «Развитіе украинской литературы,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—было только частью цѣлаго обширнаго факта, не признать котораго нѣтъ возможности,—именно факта славянскаго возрожденія, смыслъ котораго есть инстинктивное влеченіе массъ и благородное стремленіе ихъ лучшихъ представителей развить и выразить внутреннія народныя силы въ той формѣ, какая дана ихъ происхожденіемъ и исторіей, въ формѣ народной. Для цѣлаго ряда славянскихъ племенъ пробужденіе народнаго чувства было спасеніемъ ихъ національности и основаніемъ новаго развитія; сущность этого движенія есть въ высшей степени человѣчное и человѣколюбивое стремленіе—возвысить нравственное сознаніе народовъ, открыть для нихъ возможность умственной жизни, доселѣ крайне ограниченной».

Основателемъ новой художественной украинской литературы былъ И. П. Котляревскій. Значеніе его въ исторіи родной литературы громадно и главнымъ образомъ—въ силу его литературной иниціативы. Онъ является первымъ связующимъ звеномъ между созданіями коллективнаго народнаго творчества и новыми литературно-художественными формами выраженія народнаго духа. Котляревскій первый указалъ, какія богатыя сокровища заключаются въ народномъ языкѣ, какъ органѣ литературнаго самовыраженія націи, указалъ на народную массу, ея жизнь и интересы, какъ на неисчерпаемый источникъ литературнаго творчества, и представилъ широкую картину народной жизни въ духѣ общекультурныхъ, гуманныхъ идей, которыя одушевляли лучшихъ людей его времени. Облеченныя въ національную художественную форму, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ благороднаго сердца поэта, онѣ производили неотразимое впечатлѣніе на его земляковъ, даже на тѣхъ изъ нихъ, чьи недостатки онъ ѣдко осмѣивалъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ силѣ этого вліянія и заключается глубокое общественно-воспитательное значеніе произведеній Котляревскаго. Въ то время, когда онъ началъ свою литературную дѣятельность,—въ концѣ XVIII в.,—существовала, повидимому, непроходимая соціальная пропасть между двумя общественными классами—полноправнымъ панствомъ и недавно закрѣпощенною народною массой. Пропасть эта естественно распространялась и на область культурныхъ отношеній этихъ двухъ классовъ. Если даже въ Великороссіи въ средѣ мѣстнаго барства было мало популярно все, что имѣло близкое отношеніе къ «подлому» народу, то тѣмъ болѣе чувствовалось это классовое взаимное отчужденіе на Украйнѣ, гдѣ новоиспеченное изъ среды народа «дворянство» усиленно старалось порвать и забыть свои недавнія соціальныя и національныя связи съ «поспольствомъ». Обрусѣвшее или ополяченное украинское панство трактовало народную массу, какъ низшую расу, чуждую ему по національности, быту, языку и подчасъ даже по вѣрѣ. Въ такое время и при такихъ условіяхъ взять народные типы въ качествѣ предмета литературной обработки, заговорить въ литературѣ на языкѣ этой униженной и презрѣнной простонародной массы, выразить при этомъ свое сочувствіе ей въ ея тяжеломъ положеніи и протестъ противъ господствующаго презрительнаго отношенія къ ней,—это было гражданскимъ подвигомъ громадной важности. И этотъ подвигъ, это поистинѣ великое дѣло совершилъ бѣдный, мелкій полтавскій «шляхтичъ» Котляревскій. Порвавъ съ современными литературными условностями, онъ въ живой народной рѣчи нашелъ

учій органъ художественнаго творчества; въ основу своихъ литературъ произведеній онъ беретъ народное начало и, совсѣмъ не будучи гемъ и даже первостепеннымъ талантомъ, онъ глубокимъ національнымъ ствомъ своимъ сумѣлъ уловить такія типическія черты своего народа, ія основныя особенности его національнаго характера и духовнаго ада, что и до настоящаго времени въ его произведеніяхъ живымъ чомъ бьетъ народная душа. Въ этомъ заключается весь секретъ жи-

вучести не только немногихъ произведеній перваго художественнаго украинскаго писателя («Перелиціована Энеіда», «Наталка-Полтавка», «Москаль-Чарівник», «Ода до кн. Куракина»), но и всей послѣдующей украинской литературы, построенной на тѣхъ же самыхъ національно-народныхъ основахъ, на неизмѣнной близости къ интересамъ народной массы. Идейный демократизмъ, любовно-теплое отношеніе къ обездоленной народной массѣ, ѣдкая сатира на язвы современной общественности придавали произведеніямъ Котляревскаго большое общественно-воспитательное значеніе.

Съ тѣхъ поръ украинская литература никогда не теряла близкой и живой связи съ народомъ. «Любовь къ своей народности,—говоритъ проф. Душкевичъ,—была главною двигательною силою новѣйшей украинской литературы, какъ и многихъ другихъ литературъ XIX в.». Гуманное народолюбіе Котляревскаго послужило тѣмъ прочнымъ основаніемъ, на которомъ возникла обширная литература, проникнутая тѣми же животворными началами любви къ меньшому брату, сочувствія его долѣ, стремленія придти ему на помощь. Эти начала составляютъ основной мотивъ украинской литературы на всемъ протяженіи вѣкового ея существованія, при всемъ разнообразіи затрагиваемыхъ ею темъ и положеній. Въ этой всегдашней неразрывной связи украинской литературы съ народною массой и заключается причина ея необыкновенной живучести, несмотря на тѣ внѣшнія роковыя условія, при какихъ она существовала въ теченіе цѣлаго столѣтія. Условія эти были таковы, что по естественному ходу вещей ей предстояло если не прекратиться совершенно, то во всякомъ случаѣ влачить самое жалкое существованіе. Тѣмъ не менѣе видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія на пути ея развитія, украинская литература въ теченіе послѣдняго столѣтія растетъ количественно и качественно, привлекаетъ къ себѣ все большее число работниковъ, захватываетъ все болѣе широкій кругъ интересовъ и въ настоящей стадіи своего развитія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ литературъ славянскаго міра.

Вслѣдъ за Котляревскимъ появляется въ началѣ XIX в. цѣлый рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ писателей, но не всѣ они были достойными продолжателями такъ удачно начатаго дѣла. Просвѣщенный гуманный демократизмъ Котляревскаго не могъ еще быть всѣми вѣрно понятъ въ это время. За внѣшнимъ юмористически-сатирическимъ характеромъ произведеній Котляревскаго нѣкоторые украинскіе писатели не уловили самой основы—литературнаго и соціальнаго направленія его сатиры—и ограничивались безыдейнымъ, грубо-вульгарнымъ и карикатурнымъ высмѣиваніемъ мелкихъ человѣческихъ недостатковъ и главнымъ образомъ простонароднаго быта (Бѣлецкій-Носенко, Кореницкій, Думитрашко). Другіе изъ послѣдователей Котляревскаго полубезсознательно обратились къ народному языку и преданію, къ этнографическому и историческому изученію своей родины (какъ это замѣчалось и въ другихъ возрождавшихся славянскихъ

литературахъ) и дали нѣсколько блестящихъ образцовъ романтической поэзіи въ украинской литературѣ (Петренко, Забѣлла и въ особенности проф. Метлинскій). Но въ это же время появляются и писатели, которые съ недюжиннымъ талантомъ соединяли сознаніе серьезности своихъ литературныхъ задачъ и въ своей литературной дѣятельности осуществляли демократическіе завѣты родоначальника новой украинской литературы. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ проф. харьковскаго университета П. Гулакъ-Артемовскому. Общій внѣшній тонъ произведеній Гулакъ-Артемовскаго—юмористическій, и среди нихъ много даже есть пародій на иностранные классическіе образцы; но пародія здѣсь, какъ и у Котляревскаго, является формой для выраженія сатирическихъ нападокъ на современность, и элементъ смѣшного выражается у Гулакъ-Артемовскаго не въ карикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей; каждая черта его юмора имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. Лучшею соціальною сатирой Гулакъ-Артемовскаго считается его стихотвореніе «Пан та собака», съ мѣткимъ сарказмомъ обрисовывающее современный автору крѣпостной строй съ его грубымъ произволомъ, униженіемъ и издѣвательствомъ надъ человѣческой личностью, приравниваемой къ положенію дворовой собаки.

Чи гавкає Рябко, чи мовчки спить,
Все випада—таки Рябка притьмом побить...
Той дурень—хто дурним іде панам служити,
А більший дурень—хто їм дума угодити,—

такіе слишкомъ невинные для нашего времени стихи въ двадцатые-тридцатые годы минувшаго вѣка казались слишкомъ смѣлыми и производили сильное впечатлѣніе, чѣмъ и объясняется большая ихъ популярность на Украйнѣ. Другими болѣе характерными въ то время представителями указаннаго идейно-демократическаго направленія украинской литературы были баснописцы Боровиковскій и Гребенка и въ особенности—Г. Ф. Квитка-Основьяненко, родоначальникъ украинской художественной повѣсти.

Квитка-Основьяненко былъ піонеромъ народной повѣсти по отношенію не только къ русской, но и вообще къ европейской литературѣ. Вполнѣ реалистическія тенденціи и глубокое сочувствіе народнымъ массамъ видимъ лишь со второй четверти минувшаго столѣтія: народныя повѣсти Жоржъ-Зандъ впервые появились въ 1838 г., «Деревенскіе разсказы» Ауэрбаха—въ 1843 г., разсказъ Григоровича «Деревня»—въ 1846 г., первый же сборникъ украинскихъ народныхъ повѣстей Квитки—въ 1834 г. Литера-
ная иниціатива Квитки выходила изъ его литературныхъ и обществен-
къ взглядовъ. Онъ не удовлетворялся безсодержательностью тогдашней
ональной беллетристики и принялся за изображеніе народной жизни на
одномъ языкѣ. «Мнѣ было досадно,—говоритъ этотъ писатель,—что
летаютъ подъ небесами, изобрѣтаютъ страсти, созидаютъ характеры;
ему бы не обратиться направо, налѣво и не писать того, что попа-
тся на глаза? Живя въ Украйнѣ, пріучась къ нарѣчію жителей, я

выучился понимать мысли ихъ, и заставилъ ихъ своими словами пересказать публикѣ». Относясь съ уваженіемъ къ народу и его родному слову, Квитка признавалъ необходимость и высокое значеніе произведеній на живомъ народномъ языкѣ. «Мы должны,—пишетъ онъ Максимовичу,—пристыдить и заставить умолкнуть людей, съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 милліоновъ говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты неудобоизъяснимыя на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка». Въ письмѣ къ издателю харьковскаго альманаха «Утренняя звѣзда» въ 1833 году онъ выражается еще болѣе опредѣленно о правахъ украинской національной литературы: «Я чувъ, буцимъ то хочешъ ты тутъ же прытулыты де-що и по нашому пысаного. За сію выгадку ажъ трычи тоби дякую. Нехай же знаютъ и нашихъ. Бо йе таки люде на свити, що зъ насъ кепкуютъ и говорютъ, та й пышуть, буцимъ то зъ нашихъ нихто не втне, щобъ було, якъ воны кажуть, и звычайне, и нижненьке, и розумне, и полезне; и що, стало быть, по нашому, опричъ лайки та глузованія надъ дурнемъ, бильшъ ничого не можна и напысаты». А такіе взгляды, непризнавшіе народнаго элемента—языка и сюжета—въ литературныхъ произведеніяхъ были въ то время доминирующими въ литературѣ. Достаточно указать въ этомъ отношеніи, что даже Бѣлинскій писалъ по поводу одного произведенія Квитки слѣдующее: «Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка; слѣдственно, много нужно таланта, чтобы идеализировать ее до поэзіи... Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило». При господствѣ и общераспространенности такого рода взглядомъ, высказываемыхъ притомъ слишкомъ авторитетными корифеями литературы, нужно было много гражданскаго мужества, чтобы удержаться на избранномъ литературномъ пути. И всѣ подобнаго рода отзывы не могли поколебать «мужицкихъ» симпатій и идеаловъ Квитки. Онъ неуклонно шелъ по избранному пути, и громадная заслуга его не только въ украинской, но и въ общечеловѣческой литературѣ заключается въ томъ, что онъ положилъ начало народной повѣсти въ ея истинномъ, демократическомъ значеніи. Въ своей области это былъ блестящій повѣствователь-реалистъ, который занялъ бы не послѣднее мѣсто и въ литературѣ болѣе богатой, чѣмъ малорусская въ его время.

Народный бытъ въ повѣстяхъ Квитки представленъ, правда, не во всестороннемъ освѣщеніи. Гуманный демократизмъ Квитки подернутъ розовымъ соціальнымъ идеализмомъ; закрывая глаза на мрачныя стороны крѣпостныхъ отношеній, онъ изображалъ ихъ по большей части такъ, какъ они рисовались ему въ идеалѣ (повѣсти: «Добре робы—добре буде», «Божи диты» и «Щыра любовь»). Литературное творчество Квитки вращается главнымъ образомъ въ сферѣ личнаго чувства, и въ этой именно сферѣ значеніе его велико: онъ озарилъ яркимъ свѣтомъ человѣческую

душу крѣпостного, глубину его человѣческихъ чувствъ. Въ сферѣ личнаго чувства идеализмъ не заслоняетъ въ изображеніи Квитки темныхъ явленій жизни; какъ реалистъ-художникъ, онъ создалъ яркія картины человѣческаго горя, паденія, страстей (повѣсти: «Сердешна Оксана», «Козырь-дивка», «Конотопська видьма», «Перекотыполе»).

Есть имена, съ которыми соединяется представленіе о цѣлой эпохѣ, о сложномъ культурномъ движеніи цѣлаго народа: достаточно произнести это имя—и данный культурный историческій фактъ освѣщается въ нашемъ сознаніи какъ бы при яркомъ блескѣ молніи. Такимъ именемъ въ украинской литературѣ и вообще въ исторіи украинскаго самосознанія является имя Т. Г. Шевченка.

Вскорѣ послѣ смерти Шевченка Аполлонъ Григорьевъ назвалъ его «послѣднимъ кобзаремъ и первымъ великимъ поэтомъ новой великой литературы славянскаго міра». Въ этихъ немногихъ словахъ замѣчательно вѣрно охарактеризована историческая роль украинскаго поэта. Шевченко—народный поэтъ не только по предмету содержанія литературнаго творчества, но еще болѣе—по духу. Поэзія его—это прежде всего «пісня-слезы» всего народа, выраженіе его чувствъ, идеаловъ, стремленій. Во всей исторіи всемірной литературы едва ли можно указать на литературнаго дѣятеля, болѣе близкаго и понятнаго народу, чѣмъ Шевченко. Онъ и является именно звеномъ, связующимъ безыскусственную народную словесность съ литературой культурнаго народа. Въ этой тѣсной, глубокой, неразрывной связи и кроется секретъ магическаго вліянія поэзіи Шевченка на народъ; съ другой стороны, являясь органическимъ продолжателемъ вѣковой культурно-національной работы народной массы, Шевченко не ограничился одною пассивною передачей народныхъ воззрѣній, а переплавилъ и перековалъ ихъ въ горнилѣ своего сознанія, какъ художникъ и мыслитель, и идеи коллективнаго народнаго творчества представилъ намъ въ настоящей степени ихъ высоко-культурной обработки. Какъ истинный сынъ своего народа, Шевченко вполнѣ сознательно выдвинулъ въ первый рядъ общественныхъ задачъ и интересовъ народно-національную идею въ ея широкомъ значеніи. Это, однако, не суживаетъ значенія поэзіи Шевченка. Будучи поэтомъ національнымъ, въ глубокомъ смыслѣ этого слова, онъ именно на реальной почвѣ своей народности и получаетъ непреходящее общечеловѣческое значеніе; литературное наслѣдіе его—это неизсякаемая сокровищница богатствъ человѣческаго духа. Всѣмъ существомъ своей дѣятельности украинскій поэтъ связанъ какъ со всечеловѣческими идеалами—жгучей жаждой
аведливости, свободы, равенства, братства, горячимъ протестомъ про-
ъ рабства въ его физической и духовной формахъ, такъ, въ частности,
ъ прогрессивнѣйшими направленіями русской общественной мысли и
ни. Онъ первый такъ рельефно выразилъ въ литературѣ великія осво-
дительныя идеи, лишь отчасти осуществленныя въ эпоху великихъ ре-
мъ. Какъ мало въ то время была подготовлена въ русской литературѣ
ва для этихъ идей, видно хотя бы изъ того, что даже самъ «власти-

тель думъ» Бѣлинскій могъ усмотрѣть въ литературной дѣятельности Шевченка лишь то, что она «только и дышитъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума». Непонятыя даже лучшими людьми своего времени, идеи украинскаго поэта явились результатомъ самостоятельной творческой работы его духа и были выстраданы имъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Основнымъ общественнымъ идеаломъ Шевченка былъ широкій демократизмъ; идеалъ этотъ осуществимъ только въ обществѣ, состоящемъ изъ равноправныхъ единицъ и обезпечивающемъ интересы каждой отдѣльной личности—интересы личной свободы и личныхъ правъ. Въ данномъ случаѣ Шевченко болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, является выразителемъ народно-общественныхъ традицій. На Украйнѣ старый «громадський» — вѣчевой принципъ обнаружилъ замѣчательную внутреннюю жизненность, получилъ здѣсь широкое развитіе въ примѣненіи къ различнымъ формамъ общественной жизни, завершившись въ институтѣ «Чорной рады» — своего рода учредительнаго собранія, состоявшаго изъ всѣхъ равноправныхъ единицъ націи. Изъ этого источника національно-демократическихъ традицій получаетъ свое начало убѣжденный протестъ поэта противъ всякаго нарушенія человѣческихъ правъ, противъ всякихъ притѣсненій. Оскорбляясь за природное достоинство человѣка, поэтъ указываетъ на равенство всѣхъ людей по самой природѣ, на равенство ихъ человѣческихъ правъ. Но не видя въ дѣйствительности осуществленія своего идеала, поэтъ съ чувствомъ жгучей боли въ изстрадавшемся сердцѣ откликается на всякую несправедливость и срываетъ маску съ прикрытаго лицемѣріемъ насилія.

Не ховайте, не топчіте
Святого закону,
Не зовіте преподобним
Лютого Нерона!

Въ душѣ поэтъ не теряетъ надежды на конечное торжество справедливости; онъ надѣется, что слово правды «огнемъ-слезою» пронесется надъ міромъ и «станетъ притчей распинателямъ народнымъ, грядущимъ тиранамъ»; онъ вѣритъ, что

Не довго на сім світі
Катам панувати,

что «встане правда, встане воля», несмотря на всѣ старанія протянуть «сон лихої ночи».

Общія идеи правды и добра поэтъ конкретнымъ образомъ примѣняетъ къ горячо любимой имъ родинѣ. Любовь поэта къ родинѣ не была одной лишь инстинктивною привязанностью къ роднымъ мѣстамъ, къ родной привычной обстановкѣ. Это былъ благороднѣйшій патріотизмъ, не останавливающійся передъ самымъ беззавѣтнымъ самопожертвованіемъ:

Я так її, я такъ люблю,
Мою Украіну небогу—
За неї душу погублю!

И всей своей жизнью поэтъ доказалъ, что слова эти не были одною фразой. Но при всей любви поэта къ родинѣ и даже вслѣдствіе этой именно разумной и глубокой любви, онъ вовсе не идеализируетъ ея, не закрываетъ глазъ на ея прошлыя и современныя язвы. Останавливаясь на темныхъ сторонахъ современнаго ему классового гнета, поэтъ естественно долженъ былъ обратиться къ казацкому періоду исторіи своей родины,— такъ какъ въ этомъ періодѣ всетаки видно стремленіе къ соціальному равенству, видна была упорная борьба за такое равенство («Чернецъ», «Тарасова ніч», «Гайдамаки»). Поэтъ не желаетъ возврата старыхъ формъ прошедшей жизни Украйны; гетманщина не была его идеаломъ; какъ политическая форма народной жизни, она отжила свой вѣкъ и стала достояніемъ исторіи. Глубоко жизненнымъ и желательнымъ является для него только то начало народнаго самосознанія, которое управляло прошлою, основанною на соціальномъ равенствѣ, исторической жизнью Украйны, создавало тѣ или иныя, соотвѣтственно требованіямъ времени, формы жизни и которое, по его убѣжденію, «не вмре, не загине». Этотъ-то животворный принципъ возможной соціальной справедливости—«голосний та правдивий, як Господа слово», возврата его поэтъ будетъ «сподіватись та виглядати». Но, конечно, этотъ принципъ народной жизни долженъ быть облеченъ въ новыя, соотвѣтствующія современнымъ условіямъ, формы, выработанныя на основахъ историческаго опыта и науки. И поэтъ самъ не мало положилъ труда и страданій, чтобы выковать «до старого плуга новый леміш і чересло». Въ отношеніи политическомъ такой идеальной формой новой жизни Шевченко считалъ широкую федерацію всѣхъ славянскихъ народовъ, обезпечивающую равноправность ихъ индивидуальныхъ національностей, въ отношеніи соціальномъ—общественное уравненіе классовъ.

Наибольшее значеніе для характеристики демократическаго міровоззрѣнія Шевченка имѣютъ тѣ стихотворенія его, гдѣ онъ касается величайшаго соціальнаго зла своего времени—крѣпостного права, гдѣ слово его, поставленное «на стражѣ» возлѣ «людей закованихъ моіх», дѣйствительно

Огнем заговорило
І людям сердце ростопило.

Врагъ всякаго насилія, а тѣмъ болѣе облеченнаго въ законную форму, вступаясь за попранныя права народа, поэтъ выражаетъ пламенный протестъ противъ рабовладѣльцевъ:

Ви—розбійники неситі,
Голодні ворони!
По якому правдивому
Святому закону
І землею, всім даною,
І сердешним людом
Торгуете? Стережіться,
Бо лихо вам буде!

Въ порывѣ глубокаго возмущенія сердце поэта закипало такой ненавистью противъ притѣснителей, что онъ не задумался бы «вигострить товариша, засунуть въ халяву тай пійти шукати правди». Но при этомъ поэтъ съ полною ясностью различаетъ самую цѣль и способы ея достиженія. Такъ, относясь отрицательно къ кровавому характеру гайдамацкаго протеста, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возмущается огульнымъ осужденіемъ участниковъ этого протеста, квалифицированіемъ ихъ исключительно какъ бунтовщиковъ и разбойниковъ и, наоборотъ, усматриваетъ въ цѣли ихъ дѣйствій чувство высокаго гражданскаго долга. Задумываясь надъ тяжестью соціальныхъ условій, поэтъ приходилъ къ убѣжденію, что единственный выходъ изъ наличнаго тяжелаго положенія заключается въ полномъ уравненіи общественныхъ классовъ на началахъ широкаго демократизма—«братерской волі без холопа и без пана».

Дѣятельность Шевченка создала эпоху въ украинской литературѣ. Силою своего огромнаго таланта и глубокаго, непоколебимаго убѣжденія онъ утвердилъ здѣсь тѣ идеи, которыя многими писателями до него сознавались лишь стихійно-безсознательнымъ образомъ,—идеи демократизма и національности, основанныхъ на уваженіи къ человѣческой личности и ея правамъ, на любви къ человѣку, какъ брату. Литературными сподвижниками Шевченка были Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ.

Какъ украинскій писатель, Костомаровъ заявилъ себя подъ псевдонимомъ Іеремія Галки рядомъ стихотвореній и двумя пьесами—«Савва Чалий» и «Переяславська ніч». Но въ исторіи развитія украинскаго самосознанія имѣютъ значеніе не столько эти украинскія произведенія, сколько его научные труды по исторіи и этнографіи, благодаря которымъ многія стороны украинскаго вопроса получили прочное обоснованіе. Поэтому, хотя число произведеній Костомарова на украинскомъ языкѣ не особенно велико, его по справедливости ставятъ въ ряду первостепенныхъ украинскихъ дѣятелей. «Онъ дѣйствительно,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—оказалъ великія заслуги украинскому самосознанію, избравъ для этого серьезный путь историческаго и этнографическаго изслѣдованія: изученіе исторіи и народной поэзіи навсегда оставили въ немъ почтеніе къ нравственной народной личности, и онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, сдѣлалъ для разъясненія внутренней исторіи Южной Руси».

Кулишъ—очень крупная и оригинальная фигура въ украинскомъ общественномъ и литературномъ движеніи. Продолжительная литературная его дѣятельность (умеръ въ 1897 г.) чрезвычайно разнообразна. Онъ совмѣщалъ въ себѣ таланты ученаго (историка и этнографа), поэта и беллетриста. Хотя, какъ ученый, онъ уступалъ Костомарову и, какъ художественный писатель, Шевченку, тѣмъ не менѣе онъ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ украинской литературѣ. Его лирика отличается глубокимъ, задушевнымъ чувствомъ и образцовой художественной формой. Очень изящны его повѣсти. Кулишъ положилъ начало украинскому историческому роману («Чорна рада»). «Усидчивый и энергичный работникъ,

собиратель самаго разнообразнаго матеріала, при томъ натура страстная и самоувѣренная, Кулишъ,—по характеристикѣ одного литературнаго критика,—былъ какъ бы маховымъ колесомъ машины, которое само не создаетъ движенія, но разъ созданному даетъ равномѣрность и силу... Его колебанія составляли трагедію его жизни, но вносили ферментъ въ литературную жизнь Украйны; въ критическихъ произведеніяхъ Кулиша, при многихъ несправедливыхъ и односторонніхъ сужденіяхъ, затрагивались вѣрныя и глубокія мысли, не падавшія даромъ на украинскую почву». Къ сожалѣнію, измѣнчивость теоретическихъ воззрѣній, обусловливаемая главнымъ образомъ личными чувствами и отношеніями, нерѣдко приводила его въ такія принципіальныя дебри, изъ которыхъ дѣятельность его выходила идейно совершенно обезцѣненною. Въ первую половину своей дѣятельности Кулишъ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія Шевченка и Костомарова, а затѣмъ, оставаясь вѣрнымъ національному направленію, онъ явился злѣйшимъ врагомъ тѣхъ народно-демократическихъ воззрѣній, которыя такъ горячо исповѣдывалъ прежде. Но указанная черта, имѣющая значеніе больше для оцѣнки общественной, чѣмъ литературной дѣятельности Кулиша, насколько послѣднюю можно отдѣлять отъ первой,—относится собственно уже ко второй половинѣ его продолжительной жизни, когда онъ фактически не принималъ уже дѣятельнаго участія въ литературно-общественномъ движеніи, ограничиваясь больше ролью посторонняго наблюдателя. И въ эту вторую половину жизни своей Кулишъ сдѣлалъ очень много для родной литературы; такъ, онъ занялся переводомъ иностранныхъ классиковъ (перевелъ, между прочимъ, почти всѣ главнѣйшія пьесы Шекспира) и библіи; для послѣдней работы онъ спеціально изучилъ древне-еврейскій языкъ и лишь немного не довелъ ее до конца (переводъ библіи изданъ британскимъ библейскимъ обществомъ, но въ предѣлы Россіи синодомъ не допускается).

Дѣятельность только что упомянутыхъ корифеевъ украинской литературы была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ 1846 г. образовался въ Кіевѣ небольшой кружокъ украинскихъ патріотовъ—«Кирилло-Меѳодіевское братство»—съ цѣлью мирнаго содѣйствія внутреннему развитію украинскаго народа и распространенію идеи славянской взаимности. Дѣломъ первой важности считалось уничтоженіе крѣпостного права, сословныхъ привилегій и тѣлесныхъ наказаній, распространеніе образованія среди народа; политическимъ идеаломъ общества было не централизованное государство, а федерація. Въ слѣдующемъ же году главные члены щества и прикосновенныя къ нему лица были арестованы и послѣ ложительнаго заключенія сосланы: Костомаровъ—въ Саратовъ, Кулишъ— Тулу, Шевченко—солдатомъ въ Оренбургскій край съ воспрещеніемъ сать и рисовать.

Послѣ такого погрома наступилъ въ украинской литературѣ антрактъ, одолжавшійся цѣлыхъ 10 лѣтъ; въ печати почти ничего не появлялось; изведенія начавшихъ тогда писать авторовъ,—напримѣръ, Стороженка,

Руданскаго,—оставались въ рукописяхъ. Но во второй половинѣ 50-хъ годовъ, съ приближеніемъ эпохи великихъ реформъ, оживилась и украинская литературная дѣятельность. Въ 1857 г. возвращается изъ ссылки Шевченко, выступаетъ вновь Кулишъ съ исторической хроникой «Чорна рада» и чрезвычайно цѣнными «Записками о Южной Руси», появляются извѣстныя «Народні українські оповідання» Марка-Вовчка. Когда представилась возможность возобновить литературную дѣятельность, украинское литературное движеніе оказалось уже очень прочнымъ. Органомъ этого движенія явился въ 1861 г. журналъ *Основа*—на русскомъ и украинскомъ языкахъ; выступаетъ на сцену рядъ талантливыхъ украинскихъ писателей, среди которыхъ наиболѣе выдвигались Марко-Вовчокъ—украинская Бичеръ-Стоу, съ трогательною задушевностью рисующая тяжелыя жизненныя послѣдствія крѣпостного права, какъ величайшаго соціальнаго зла *); Л. И. Глѣбовъ—украинскій Крыловъ, басни котораго отличаются характерною національною колоритностью; С. В. Руданскій—глубокій лирикъ и юмористъ, одна изъ наиболѣе талантливыхъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ рано погибшихъ силъ; Д. Л. Мордовцевъ, разсказы котораго дышатъ искренней теплотой и сердечностью; Ганна Барвинокъ (А. М. Кулишъ), характеризуемая обыкновенно, какъ «поэтъ женскаго горя»; А. П. Стороженко—блестящій разсказчикъ-юмористъ; А. П. Свидницкій—украинскій Помяловскій, предшественникъ русскаго Помяловскаго, бытописатель бурсы; драматурги М. Л. Кропивницкій и М. П. Старицкій, при чемъ послѣдній, кромѣ того, поэтъ съ преобладающимъ гражданскимъ направленіемъ; поэтесса и новеллистка О. П. Косачъ, поэтъ-лирикъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Въ это же время выступаютъ на литературное поприще три выдающіеся украинскіе писателя—А. Я. Конисскій, И. С. Левицкій и П. Мырный (псевдонимъ), дѣятельность которыхъ принадлежитъ уже послѣдующему времени и изъ которыхъ первый умеръ лишь нѣсколько лѣтъ назадъ, а послѣдніе два не прекращаютъ литературной работы и до настоящаго времени.

Литературно-общественная дѣятельность Конисскаго была чрезвычайно многостороння и разнообразна. Можно съ увѣренностью сказать, что за послѣднія 40 лѣтъ не было ни одного сколько-нибудь значительнаго украинскаго національно-общественнаго дѣла, ни одного украинскаго литературнаго органа, въ которомъ онъ не принималъ бы самаго дѣятельнаго участія; кромѣ того, онъ сотрудничалъ болѣе чѣмъ въ 30 русскихъ изданіяхъ. Литературное наслѣдіе Конисскаго весьма значительно даже въ количественномъ смыслѣ. Въ области беллетристики имъ написано свыше 70 романовъ, повѣстей и разсказовъ, при чемъ такія произведенія, какъ «Семен Жук і його родичі», «Въ гостях добре, а дома ліпше», «Юрій Горовенко», «Грішники», «Максим Одинець», составляютъ каждое въ отдѣльности порядочный томъ. Сюжеты для своихъ беллетристическихъ произве-

*) Разсказы Марка-Вовчка переведены на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ.

деній Конисскій бралъ изъ жизни интеллигенціи и изъ народнаго быта. Большую цѣнность въ художественномъ отношеніи имѣетъ народная беллетристика Конисскаго. Многіе народные типы, выведенные Конисскимъ въ его разсказахъ, особенно типы «старыхъ людей» («Дід Евмен», «Баба Евдоха», «Бабуся Харитина») останутся безсмертными типами въ украинской литературѣ; здѣсь же видимъ живую, яркую картину народнаго невѣжества, тяжелыхъ матеріальныхъ и соціальныхъ условій народной жизни («Завертка», «Народня педагогія», «Попові груші», «Козарський ланок», «У тісної баби»). Въ беллетристическихъ произведеніяхъ Конисскаго изъ жизни интеллигенціи замѣтно уже меньше живого, непосредственнаго чувства и вслѣдствіе того меньше художественной правды, чѣмъ въ народныхъ его разсказахъ; но и здѣсь есть вещи высокаго литературнаго значенія (напр., психологическій этюдъ «Непримиренна»). Конисскій обладалъ хотя и не особенно крупнымъ поэтическимъ талантомъ; онъ—поэтъ съ преобладающими общественными мотивами, поэтъ-патріотъ par excellence. Изъ научныхъ трудовъ Конисскаго наибольшее значеніе имѣютъ историко-литературныя работы, преимущественно біографическаго характера; среди этихъ работъ наибольшею извѣстностью пользуется біографія Т. Г. Шевченка—на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Этой біографіей,—по словамъ одного критика,—Конисскій поставилъ лучшій памятникъ и Шевченку, и себѣ самому. По основному своему характеру литературный талантъ Конисскаго былъ публицистическимъ, и этотъ характеръ даетъ себя чувствовать почти во всѣхъ произведеніяхъ этого писателя, не исключая даже и беллетристики. Какъ публицистъ, Конисскій отличается необыкновенною силою темперамента, чѣмъ въ значительной степени и обусловливалось его вліяніе въ причастныхъ кругахъ. Публицистическія статьи Конисскаго, печатавшіяся въ продолженіе болѣе 20 послѣднихъ лѣтъ, это—чрезвычайно яркая и цѣнная культурно-общественная исторія этого времени.

И. С. Нечуй-Левицкій—одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе плодовитыхъ украинскихъ беллетристовъ. Первое литературное произведеніе его напечатано въ 1868 году—«Дві московки»; за нимъ послѣдовали разсказъ «Гориславська ніч», повѣсть «Причепа». Въ 1871 году во Львовѣ уже вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ томъ его сочиненій «Повісті Івана Нечуя, т. І». Независимо отъ этого, въ предѣлахъ Россіи, въ Кіевѣ, въ 1874 году также печатался томъ сочиненій Левицкаго, куда вошли большой романъ «Хмари», «Не можна бабі Парасці вдержатись на селі» и «Запорожці». Въ 1880 году появляется повѣсть «Кайдашева сім'я», въ 81 году «Бурлачка», въ 1883 году «Микола Джеря», затѣмъ «Старосвітські батюшки та матушки» (1886 г.), «Над Чорним морем» (1891 г.), «Поміж ворогами» (1893 г.), «Старі гультяі» (1897 г.), «По модньому» (1899 г.), «Гетьман Виговський» (1900 г.) и мн. др. Главнымъ предметомъ литературныхъ произведеній И. С. Левицкаго является украинскій народъ до и послѣ эмансипаціи, въ различныхъ его отношеніяхъ къ ве-

ликорусскому и польскому элементамъ. Общественные взгляды И. С., а вмѣстѣ и литературная программа его достаточно ярко выразились въ одной изъ первыхъ повѣстей его («Причепа»), гдѣ онъ рисуетъ созданную господствующимъ режимомъ оторванность лучшихъ людей на Украйнѣ отъ своего народа. Вся литературная дѣятельность этого писателя и была направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы засыпать глубокую пропасть, отдѣляющую украинскій народъ отъ его интеллигенціи.

Неотъемлемыми качествами литературнаго творчества Левицкаго являются художественная пластичность изображенія, общее бодрое настроеніе при вскрытіи темныхъ сторонъ жизни, свѣжій, здоровый юморъ, образцовый, очень близкій къ народному, языкъ. Типы его произведеній чрезвычайно разнообразны. Онъ касался самыхъ разнообразныхъ общественныхъ отношеній и далъ первый образецъ украинскаго соціальнаго романа. Въ произведеніяхъ его выступаютъ передъ нами и представители различныхъ слоевъ народнаго класса—семья крестьянина-хлѣбороба съ ея характеристическимъ индивидуализмомъ, со всѣми будничными условіями ея существованія, съ рѣдкими минутами радости и непрерывными невзгодами, съ недостаткомъ хлѣба матеріальнаго и духовнаго,—и деревенскій пролетаріатъ, и фабричный рабочій; здѣсь же встрѣчаемъ очень полную градацію интеллигентныхъ типовъ—священника, сельскаго писаря, помѣщика, чиновника, учителя, профессора—съ богатымъ разнообразіемъ міровоззрѣнія. Но лучше всего удаются ему типы изъ среды духовенства и народа, особенно послѣдніе, главнымъ образомъ, создавшіе ему прочную, заслуженную славу въ украинской литературѣ.

Произведенія П. Мырнаго (псевдонимъ), считающагося наиболѣе талантливымъ представителемъ украинской повѣсти, имѣютъ въ виду исключительно народные типы и условія народной жизни и отличаются ярко выраженнымъ соціальнымъ характеромъ при общемъ нѣсколько пессимистическомъ міровоззрѣніи. Идейнымъ содержаніемъ его повѣстей является протестъ въ разнообразныхъ видахъ и формахъ, протестъ чистой и здоровой души противъ затхлой атмосферы темнаго царства, во имя молодыхъ, благородныхъ порывовъ («Лихі люде»), противъ униженія и издѣвательства надъ человѣческой личностью со стороны имущихъ деньги и власть классовъ («Повія»), противъ тяжелыхъ соціальныхъ условій, разъѣдающихъ духовный и физическій организмъ народной массы («Пропаща сила»).

Медовый мѣсяцъ украинскаго литературнаго движенія продолжался слишкомъ недолго и освѣтилъ своимъ привѣтнымъ лучомъ лишь начало литературной дѣятельности только что названныхъ писателей. Наступившая въ началѣ 60-хъ годовъ общая реакція въ русской жизни, неблагопріятная для всякой общественной иниціативы, едва ли не самымъ тяжелымъ образомъ отразилась на положеніи украинства. Со страницъ реакціонной печати посыпались запугиванія украинскимъ «сепаратизмомъ». Зерно пало на вполнѣ подготовленную почву, и въ результатѣ въ 1863 г.

воспрещено было преподаваніе и изданіе школьно-популярныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ, а съ 1876 г. воспрещается ввозъ въ Россію какихъ бы то ни было украинскихъ книгъ и брошюръ изъ-за границы, печатаніе на украинскомъ языкѣ оригинальныхъ произведеній, за исключеніемъ беллетристики, и безусловно всякихъ переводовъ, и не допускаются сценическія представленія и чтенія на томъ же языкѣ и даже печатаніе на немъ текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ; мало того: закономъ этимъ точно устанавливалось для украинскихъ произведеній «общепринятое русское правописаніе».

Пресловутый законъ 1876 года является кульминаціоннымъ пунктомъ обрусительныхъ репрессій. Для того, кто не видѣлъ воочію губительнаго дѣйствія этого закона, онъ кажется какою-то фантастической легендой; нельзя представить себѣ, напримѣръ, какимъ образомъ популярныя брошюры о травосѣяніи, дифтеритѣ и даже Евангеліе потому только, что они на украинскомъ языкѣ,—могутъ быть запрещенными книгами, контрабандный провозъ которыхъ въ предѣлы Россіи или нахожденіе ихъ въ библіотекѣ караются по всей строгости законовъ. Это былъ абсурдъ не только логическій,—такъ какъ вообще можно преслѣдовать развѣ лишь за внутренній смыслъ литературнаго произведенія и ни въ какомъ случаѣ не за внѣшнее выраженіе мысли на извѣстномъ языкѣ,—но и политическій,—ибо законъ этотъ вводилъ въ чисто культурную область различные нездоровые элементы національнаго ожесточенія, шовинизма, не говоря уже о томъ, что, содѣйствуя росту политическаго протеста со стороны тѣхъ, кому онъ создавалъ стѣсненія въ проявленіи законныхъ культурно-національныхъ потребностей, онъ въ дѣйствительности приводилъ даже къ результатамъ, для правительства вовсе нежелательнымъ. И тѣмъ не менѣе эти абсурдныя и жестокія распоряженія давили украинское слово въ теченіе свыше 40 лѣтъ и отмѣнены всего лишь годъ тому назадъ.

Въ это тяжелое время найденъ былъ исходъ, которымъ обезпечивалось дальнѣйшее развитіе украинской литературы. Украинское движеніе перенесено было въ Галичину. Эта часть украинской территоріи, во время раздѣловъ Польши, отошла къ Австріи. Національное возрожденіе зарубежнаго уголка Украйны начинается еще съ 30-хъ годовъ минувшаго вѣка, и энергичнымъ піонеромъ этого возрожденія былъ Маркіанъ Шашкевичъ, имѣющій для Галичины то же значеніе, что для русской Украйны—Котляревскій. Въ началѣ 60-хъ годовъ національное движеніе здѣсь значительно развивается и крѣпнетъ—количественно и идейно—подъ вліяніемъ связи его съ дѣятельностью украинцевъ въ Россіи, и австрійскіе украинцы постепенно добиваются представительства въ парламентѣ, имѣютъ свою школу, прессу, своихъ писателей, среди которыхъ особенно выдвигается Юрій Федьковичъ, замѣчательный лирическій поэтъ и новеллистъ, называемый закордоннымъ Шевченкомъ.

Успѣхъ этотъ имѣлъ все же весьма относительное значеніе—для небольшой части Украйны, по своимъ размѣрамъ равной одной изъ украин-

скихъ губерній въ Россіи. Вообще же говоря, до начала реакціи въ Россіи, когда между русской и австрійской частями Украйны не было особенно близкаго общенія, и культурно-общественный ростъ Галичины не былъ особенно значителенъ. Съ 1862 г. появляется здѣсь органъ галицкихъ патріотовъ «Вечерниці», не имѣвшій самостоятельнаго значенія и состоявшій большею частью изъ перепечатокъ произведеній писателей русской Украйны. Такъ же мало имѣли значенія и возникавшіе здѣсь одинъ за другимъ періодическіе органы—«Мета», «Нива», «Русалка», вскорѣ же по своемъ возникновеніи прекращавшіе свое существованіе. Силы мѣстной интеллигенціи, очевидно, были недостаточны для литературной и матеріальной поддержки періодическаго органа печати. Условія культурно-національной дѣятельности въ Галицкой Руси значительно перемѣняются къ лучшему съ того времени, когда въ дѣятельности этой, вслѣдствіе наступившаго въ Россіи цензурнаго режима, принимаютъ участіе украинскіе писатели изъ Россіи. Галичина получаетъ совершенно исключительное значеніе украинскаго Пьемонта; по словамъ одного историка, она и въ настоящемъ сыграла роль резервуара для украинской народности,—ту роль, какая принадлежала ей на зарѣ исторіи. Украинскіе писатели входятъ въ оживленныя сношенія съ мѣстными дѣятелями, принимаютъ участіе въ ихъ изданіяхъ, лично посѣщаютъ ихъ, оказываютъ имъ нравственную и матеріальную поддержку. Въ Львовѣ въ 1867 г. основывается всеукраинскій литературный органъ «Правда»,—объединившій разрозненныя силы австрійскихъ и русскихъ украинцевъ; вслѣдъ затѣмъ въ зарубежной Украйнѣ возникаетъ цѣлый рядъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ больше всего имѣли значеніе: «Народ», «Зоря», «Хлібороб», «Радикал», «Громадський Голос», «Буковина», «Батьківщина«, «Діло», «Сьвіт», «Житте і слово», «Літературно-Науковий Вістник»; стѣсненные у себя дома въ правахъ пользованія роднымъ словомъ, украинцы изъ Россіи преимущественно и являлись сотрудниками этихъ изданій, помѣщая здѣсь, кромѣ беллетристики, и публицистическія свои работы, посвященныя по большей части выясненію тяжелаго положенія украинскаго слова и вообще украинской народности въ Россіи. Здѣсь же появляется очень много цѣнныхъ работъ, посвященныхъ живымъ вопросамъ текущей экономической, общественной и культурной жизни Украйны,—работъ, о недоступности которыхъ въ теченіе долгаго времени для широкаго круга украинскихъ читателей слѣдуетъ очень пожалѣть.

Участіе украинскихъ силъ въ научной работѣ галичанъ сопровождалось необыкновенно успѣшными результатами. Въ 1873 г. на собранный на Украйнѣ капиталъ основано было «Товариство імени Шевченка», имѣвшее цѣлью содѣйствовать развитію украинской литературы—путемъ изданія книгъ и органовъ періодической печати, выдачи премій и т. п. Постепенно общество имени Шевченка становится очагомъ литературно-научной дѣятельности всей Украйны и, для сообщенія дѣятельности его болѣе научнаго характера, реформируется въ 1892 г. въ научное общество («На-

укове Товариство імени Шевченка»). Тогда же, въ 1892 г., вышелъ первый томъ ученаго журнала общества—«Записок Наукового т-ва імени Шевченка», составленный преимущественно изъ трудовъ украинскихъ авторовъ; продолжая неизмѣнно пользоваться литературнымъ сотрудничествомъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ со стороны русскихъ украинцевъ, общество особенно развиваетъ свою научную дѣятельность съ 1898 г., когда новою реформою устава еще болѣе закрѣпленъ быть за дѣятельностью его научный характеръ и когда во главѣ его сталъ получившій образованіе въ Россіи ученый—профессоръ львовскаго университета М. С. Грушевскій. Работая въ областяхъ, смежныхъ съ русской исторіей, филологіей, этнографіей, о-во имени Шевченка накопило въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ массу цѣннаго научнаго матеріала и самостоятельныхъ изслѣдованій, знакомство съ которыми обязательно для всякаго изслѣдователя, посвящающаго себя изученію вопросовъ, которые имѣютъ такое или иное отношеніе къ южной Руси. Можно въ этомъ отношеніи указать на многочисленный и разнообразный этнографическій и филологическій матеріалъ въ изданіяхъ «Наукового Товариства», а также на изслѣдованія въ области исторіи—профессора Грушевскаго (напримѣръ, на его капитальную «Історію Украіни-Руси», которой вышло до сихъ поръ 5 томовъ), въ области археологіи—Волкова, филологіи и діалектологіи—Гнатюка, Колессы, Студинскаго, Верхратскаго, литературы—Франка, Житецкаго, сравнительной миѳологіи—Дикарева и др. «Если бы я хотѣлъ,—говоритъ обозрѣватель научной дѣятельности общества,—указать все то новое, что вносятъ въ изученіе южной Руси эти работы и публикацій матеріаловъ, мнѣ пришлось бы написать нѣсколько большихъ книгъ. Уже такъ, какъ стоитъ дѣло теперь по нѣкоторымъ вопросамъ, изслѣдователь не можетъ двигаться, не ознакомившись со сдѣланнымъ и опубликованнымъ по этимъ вопросамъ обществомъ имени Шевченка» (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1904 г., III). Научное достоинство трудовъ общества имени Шевченка засвидѣтельствовано многими компетентными отзывами въ заграничныхъ ученыхъ изданіяхъ. Можно указать, напримѣръ, въ этомъ отношеніи на отзывъ вѣнскаго академика Ягича, который въ своемъ обзорѣ научнаго движенія среди славянъ признаетъ важное значеніе дѣятельности общества имени Шевченка, въ особенности при крайне трудныхъ условіяхъ, создаваемыхъ цензурнымъ режимомъ въ Россіи, и при этомъ высказываетъ, что общество это, «благодаря энергической дѣятельности галицкихъ русиновъ и той нравственной помощи, какая оказывается ему изъ Россіи, можетъ современемъ обра-
ъся въ русинскую академію наукъ» («Archiv für Sl. Philologie», XX,
)8 г.); точно также профессоръ берлинскаго университета Брикнеръ въ
орѣ новыхъ трудовъ въ области славяновѣдѣнія («Zeitschrift des Ve-
's für Volkskunde», 1899 г.), признавая за трудами общества крупное
чное достоинство, также указываетъ на высокое значеніе общества,
ъ главнаго очага украинской науки, центръ которой, вслѣдствіе не-
опріятныхъ политическихъ условій, перенесенъ изъ Кіева во Львовъ.

Такимъ образомъ, съ наступленіемъ неблагопріятныхъ для украинства условій въ Россіи, Галичина становится ареною литературно-научной дѣятельности всѣхъ украинскихъ силъ. Съ половины 70-хъ годовъ большимъ значеніемъ здѣсь пользуется извѣстный эмигрантъ изъ Украйны, чрезвычайно энергичный человѣкъ, талантливый ученый и публицистъ, М. П. Драгомановъ, прививший галицко-украинскому движенію политически соціальное направленіе. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, Драгоманова, съ другой—Конисскаго закипаетъ здѣсь необыкновенное культурно-общественное оживленіе. Галичане пріобрѣтаютъ большее значеніе въ мѣстномъ сеймѣ и въ рейхсратѣ, добиваются широкихъ правъ для украинскаго языка; послѣдній употребляется въ администраціи, судѣ, на немъ ведется преподаваніе, кромѣ народныхъ школъ, въ 5 гимназіяхъ, на нѣсколькихъ каѳедрахъ въ Львовскомъ и Черновицкомъ университетахъ. Произведенія писателей изъ Украйны послужили возбудительнымъ стимуломъ для мѣстныхъ литературныхъ силъ, и Галичина обнаруживаетъ значительную собственную литературную продуктивность. Не говоря уже о Драгомановѣ, большинство сочиненій Мирнаго, Левицкаго, Конисскаго, Старицкаго, Гринченка, Коцюбинскаго, Украинки, Крымскаго и многихъ другихъ,—появились впервые заграницей. Произведенія этихъ писателей открыли для галицкой публики совершенно новый міръ идей, литературныхъ типовъ и новые для нея художественные пріемы. Реальное изображеніе пореформенной жизни Украйны, и главнымъ образомъ народной жизни, новыя прогрессивныя идеи эпохи великихъ реформъ, высокая художественность и чистота литературнаго языка печатавшихся здѣсь украинскихъ произведеній оказали неотразимое вліяніе и на художественное творчество галицкихъ писателей. Здѣсь вырабатываются мѣстныя силы крупнаго литературнаго значенія, появляется талантливая плеяда мѣстныхъ галицкихъ писателей. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить Ивана Франка, писателя европейской извѣстности. Въ лицѣ его видимъ и ученаго, и публициста, и беллетриста, и поэта, причемъ ученый и публицистъ не только не убиваютъ въ немъ художника, но даже сообщаютъ его поэтическимъ и беллетристическимъ произведеніямъ широту умственнаго кругозора, необыкновенную энергію и силу. Современная соціальная борьба, направленія современной европейской мысли, жгучія нужды родного края, вотъ содержаніе его литературнаго творчества. Чуткая отзывчивость на явленія современной жизни создала ему популярность народнаго трибуна.

Изъ другихъ современныхъ украинскихъ писателей галичанъ слѣдуетъ указать на Ю. Шнайдеръ, поэтессу съ соціальнымъ направленіемъ, избирающую темами своихъ стихотвореній народное горе, соціальную несправедливость, женскую эмансипацію; на Н. Кобринскую, талантливую новеллистку съ тѣмъ же соціальнымъ темпераментомъ; на Т. Бордуляка, согрѣвающаго въ своихъ разсказахъ теплымъ, гуманнымъ чувствомъ среди бѣдствующаго галицкаго крестьянства; на О. Маковея, разсказы котораго дышатъ искреннимъ, мягкимъ юморомъ; на талантливыхъ беллетристовъ—

О. Кобылянскую, являющуюся послѣдовательной модернисткой, А. Чайковскаго, С. Ковалева, О. Мартовича, М. Грушевскаго, Б. Лепкого, В. Будзиновскаго, И. Семанюка, А. Крушельницкаго и др. Среди этой молодой генераціи галицкихъ писателей особенно выдвигается В. Стефаникъ своими сильно и колоритно написанными разсказами, переведенными на многіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій.

Для русской Украйны тяжелый цензурный режимъ, оттягивавшій отъ нея активныя культурныя силы въ Галицкую Русь, имѣлъ совершенно обратное значеніе. Не говоря уже объ отсутствіи здѣсь такого рѣшительно воспрещеннаго для украинцевъ, но безусловно необходимаго органа всякаго развитія, какимъ вообще является пресса, даже и въ той узкой области—беллетристикѣ,—какая отмежована была еще годъ тому назадъ для украинскаго слова, отношеніе цензуры къ украинскимъ произведеніямъ отличалось исключительной суровостью, такъ что украинскіе беллетристы имѣли всѣ основанія завидовать даже своимъ русскимъ собратьямъ, стонавшимъ подъ тяжелымъ цензурнымъ гнетомъ. Масса фактовъ самаго невѣроятнаго цензурнаго произвола и прямого издѣвательства надъ украинскимъ словомъ вполнѣ оправдываетъ то полное глубокой горечи замѣчаніе одного украинскаго публициста (г. С. Ефремова) по поводу цензурнаго закона 1876 г., что «во всемірной исторіи имѣется, по всей вѣроятности, лишь одинъ фактъ, который можно бы поставить въ параллель съ настоящимъ, это именно изданный въ 1566 году Филиппомъ II Испанскимъ эдиктъ, предписывавшій новокрещеннымъ маврамъ отказаться отъ всего, что могло служить хоть какимъ-нибудь напоминаніемъ объ ихъ прежней религіи. «Имъ было предписано,—говоритъ Бокль,—подъ страхомъ строжайшихъ наказаній учиться по-испански и выдать всѣ свои арабскія книги. Имъ не позволялось ни читать, ни писать, ни даже говорить дома на своемъ родномъ языкѣ». Законъ 1876 г. дѣйствительно является прямымъ двойникомъ этого эдикта, и вліяніе его на развитіе украинской литературы должно было оказаться убійственнымъ. Не могло, наконецъ, не отразиться самымъ тяжелымъ образомъ на развитіи украинской литературной дѣятельности уже то одно обстоятельство, что произведенія, написанныя въ русской Украйнѣ, изображающія условія ея жизни и предназначенныя для ея читателей, попадали совсѣмъ не въ ту читальскую среду, къ читателямъ съ другимъ міровоззрѣніемъ и иными литературными вкусами и общественными взглядами. Это всегда лишало украинскаго писателя того существеннаго импульса литературной дѣятельности, какой обыкновенно дается чувствомъ непосредственной связи писателя съ читающей публикой. Отсюда происходили маловѣроятныя въ другихъ литературахъ явленія: многія произведенія украинскихъ писателей, вложившихъ въ нихъ всю свою душу, не появляются вовсе на свѣтъ (сочиненія Мовы-Лыманьскаго, Навроцкаго) или печатаются же нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя по своемъ написаніи, когда они не значительно утратили свою свѣжесть и интересъ для публики (сочиненія Руданскаго, Свидницкаго, Манжуры, Щоголева и въ значительной

степени Левицкаго, Мирнаго, Конисскаго). Отсюда неудивительно, что большинство украинскихъ писателей не отличалось продуктивностью въ такой степени, какъ этого можно было бы ожидать при другихъ условіяхъ, или въ наиболѣе тяжелые періоды прекращали свою литературную дѣятельность на время или даже совсѣмъ.

Всѣ указанныя условія задерживали нормальное развитіе украинской литературы, но не могли остановить его. Отличительной особенностью всякой здоровой идеи именно и является ея жизнеспособность, о которую и разбиваются всѣ препятствія на тернистомъ пути ея. Украинская литература выдержала такое тяжелое испытаніе, какому не подвергалась ни одна литература въ мірѣ; и если она послѣ всѣхъ понесенныхъ утратъ все же продолжаетъ не только существовать, но и развиваться въ ширь и въ глубь, то это лишь указываетъ на то, что она составляетъ глубокую, органическую потребность создавшаго ее племени, потребность, которая если бы и могла быть подавлена, то лишь при условіи упадка духовныхъ силъ народа и всей его духовной природы, представляющей результатъ многовѣковаго его историческаго существованія.

Какъ ни тщательно оберегались литературные кордоны, идеи, получавшія развитіе на почвѣ закордонной Галичины, все же довольно широкой волной проникали обратно въ русскую Украйну не только въ своей невѣсомой природѣ, но и въ видѣ обширной литературы, разсчитанной на разнообразныхъ читателей и особенно обильно распространявшейся среди народа, что между прочимъ было констатировано и самимъ правительствомъ при объясненіи имъ извѣстныхъ аграрныхъ волненій въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Результаты культурно-національной работы въ Галичинѣ не пропадали, такимъ образомъ, и для Россіи, хотя бы даже и съ значительной потерей энергіи отъ всѣхъ треній перемѣщенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это даже имѣло хорошую сторону для украинскаго движенія; такъ, свобода украинской литературы и, въ частности, прессы отъ какихъ бы то ни было цензурныхъ воздѣйствій за границей освобождала ихъ отъ тѣхъ условностей эзоповскаго языка, къ какимъ принуждена была русская литература, и давала возможность называть вещи ихъ собственными именами, что должно было въ значительной мѣрѣ содѣйствовать ясности политико-общественнаго міросозерцанія украинскихъ дѣятелей, хотя, разумѣется, и суживало сферу его распространенія. И въ предѣлахъ Россіи, несмотря на всѣ принятыя мѣры, украинское самосознаніе находило самые разнообразные пути для своего развитія и распространенія. Какъ бы ни было послѣдовательно-отрицательнымъ отношеніе правительства къ украинской національности и къ украинскимъ интересамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторое «послабленіе» могло предоставить возможность развитія какой-либо стороны національной культуры, какое бы рѣшительное преслѣдованіе ни встрѣчала постановка проблемъ политико-соціальныхъ и экономическихъ, вызываемыхъ разнообразными особенностями жизни Украйны, національное самосознаніе украин-

ских интеллигентных круговъ питалось изъ такихъ источниковъ, которые находились внѣ сферы возможнаго устраненія. Изученіе Украйны—ея исторіи, языка, литературы, быта, экономики — неуклонно шло впередъ, выражаясь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ весьма серьезныхъ научныхъ и фактическихъ изслѣдованіяхъ. Украинская интеллигенція не могла остаться безучастною къ содержащимся здѣсь фактамъ и научнымъ положеніямъ и широко пользовалась тѣми и другими для обоснованія своихъ идейныхъ стремленій, которыя такимъ образомъ получали значеніе твердо установленныхъ принциповъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ украинское литературно-общественное движеніе въ русской Украйнѣ не только не прекращается, но все болѣе усиливается. Къ этому неуклонно вела демократизація украинской интеллигенціи, все болѣе сознававшей свою связь съ народною массой и стремившейся отвѣтить на ея культурные и соціальные запросы въ формѣ, наиболѣе соотвѣтствующей ея національному складу. Среди младшей генераціи украинскихъ писателей встрѣчаются таланты, которые не остались бы незамѣченными и въ болѣе богатыхъ литературахъ, что доказывается между прочимъ частыми переводами съ украинскаго главнымъ образомъ на русскій и нѣмецкій языки. Болѣе крупными именами въ современной украинской литературѣ являются М. Коцюбинскій—беллетристъ-психологъ, авторъ прекрасныхъ «экзотическихъ» разсказовъ, за высокую художественную обработку своихъ произведеній называемый украинскимъ Тургеневымъ; Б. Гринченко, которому принадлежатъ нѣсколько большихъ повѣстей, множество разсказовъ (лучшее изъ всего имъ написаннаго), стихотвореній и стихотворныхъ переводовъ; Д. Марковичъ—авторъ сильно написанныхъ разсказовъ изъ судебной практики; поэтъ-сатирикъ В. Самійленко, поэтесса Л. Косачъ (Леся-Украінка), поэтъ-гражданинъ А. Грабовскій, переводчикъ съ восточныхъ языковъ и авторъ колоритныхъ стихотвореній на восточные мотивы А. Крымскій, поэтъ-переводчикъ М. Славинскій, беллетристы Д. Чайка—авторъ очень талантливыхъ стихотвореній въ прозѣ, Г. Григоренко—художникъ-реалистъ съ нѣсколько грубоватой, но очень сильной кистью. Въ самые послѣдніе годы выступили въ украинской литературѣ подающіе много надеждъ талантливые беллетристы—В. Винниченко — украинскій Горькій, М. Левицкій, Л. Яновская, С. Ефремовъ, поэты—Н. Чернявскій, О. Олесь. Произведенія молодой плеяды современныхъ писателей обращаютъ на себя вниманіе широтой и прогрессивностью взглядовъ, серьезнымъ отношеніемъ къ вопросамъ политической и общественной жизни, отзывчивостью на различныя теченія въ европейскихъ литературахъ. Высокое развитіе техники стиха и вообще гибкости языка сдѣлало возможнымъ переводъ на украинскій языкъ европейскихъ классиковъ—Гомера, Софокла, Овидія, Данте, Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Гейне и др., а изъ русскихъ—Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова-Щедрина, Короленка, Чехова, Горькаго.

Значительнаго развитія въ послѣднее время достигла, между прочимъ,

отдѣльная отрасль украинской литературы—драматургія. Послѣдняя, нужно сказать, поставлена въ особенно неблагопріятныя условія, даже по сравненію съ другими формами украинской литературы. До самаго недавняго времени (до конца 1905 г.) переводъ на украинскій языкъ драматическихъ произведеній съ другихъ языковъ воспрещенъ былъ совершенно; пьесы изъ жизни интеллигенціи и до сихъ поръ попадаютъ на сцену лишь въ видѣ незначительнаго процента изъ всего, что въ дѣйствительности пишется и представляется по принадлежности для разрѣшенія. Но и при такихъ условіяхъ украинская драматическая литература все болѣе и болѣе прогрессируетъ въ художественномъ отношеніи, все тверже ступаетъ на реальную почву и, начавъ съ изображенія любовныхъ сюжетовъ, драматическіе писатели постепенно вносятъ широкую жизненную струю въ свои произведенія, изображаютъ самыя разнообразныя движенія человѣческой психики, самыя жизненныя стороны общественныхъ отношеній. Въ пьесахъ такихъ драматическихъ писателей, какъ М. Старицкій («Не судилось», «В темряві»), М. Кропивницкій («Глитай», «Поки сонце зійде», «Олеся»), И. Тобилевичъ («Бурлака», «Хазяін», «Суета»), выведены глубоко жизненные типы и рисуются полныя реальной дѣйствительности картины жизни. Эти блестящіе представители драматургіи дали украинскому національному театру богатый и содержательный репертуаръ, отвоевали ему права гражданства передъ художественной критикой и образовали изъ него крупную культурно-общественную силу. Продолжателями ихъ дѣла въ настоящее время являются Мирный, Гринченко, Самійленко, Винниченко, Тогобочный, Яновская, Ванченко, и др. Талантливый композиторъ Н. В. Лисенко написалъ нѣсколько украинскихъ оперъ и своими произведеніями создалъ школу украинской національной музыки.

Всего лишь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ украинское слово получило, съ отмѣной закона 1876 г., права гражданства. Могла, наконецъ, явиться украинская пресса—этотъ живой нервъ всякой литературы. Но это былъ годъ военныхъ положеній. На молодые, неокрѣпшіе органы украинской печати съ первыхъ же дней ихъ существованія обильно посыпались административные бичи и скорпіоны. Какъ мало прожито, но какимъ оказался длиннымъ мартирологъ литературныхъ покойниковъ, какія крупныя литературныя силы вырваны изъ жизни, оторваны отъ плодотворнаго труда и осуждены на бездѣйствіе. Не мало оказалось слабыхъ сторонъ и прямыхъ дефектовъ въ молодой повременной печати и независимо отъ административныхъ воздѣйствій. Вѣдь шутка сказать—на украинскомъ языкѣ не появлялось въ предѣлахъ Россіи ни одной журнальной или газетной статьи въ теченіе почти полустолѣтія. Могло ли пройти это безслѣдно для какой угодно литературы? Украинскимъ литературнымъ работникамъ пришлось преодолѣвать массу всякихъ техническихъ трудностей, начиная съ самаго языка періодической прессы. Если языкъ художественныхъ произведеній остался свободнымъ отъ чуждыхъ вліяній, то языкъ украинской прессы, выработанный въ Галиціи и обслуживавшій главнымъ образомъ ея мѣстные

интересы, создался подъ сильнымъ вліяніемъ польскимъ и нѣмецкимъ и потому не могъ въ этомъ видѣ быть вполнѣ пригоднымъ для нуждъ украинскихъ періодическихъ изданій въ Россіи. Понятно отсюда, какой громадный трудъ представляла выработка вполнѣ приспособленнаго, гибкаго и эластичнаго языка для ежедневной прессы. Трудъ этотъ, конечно, еще не законченъ. Запущенное наслѣдство требуетъ приложенія еще многихъ силъ и энергіи. И, повидимому, въ этомъ нѣтъ недостатка. Несмотря на всѣ трудности, какъ результатъ прежняго положенія украинскаго слова, и на всѣ новые терніи на пути молодой прессы, послѣдняя бодро идетъ впередъ, расчищая параллельно со своими русскими собратьями путь, который долженъ привести къ обновленію общей родины.

Украинская литература представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи человѣческой культуры по той борьбѣ, какую пришлось вынести ей за самое право на существованіе. Внѣшнія условія присуждали ее на смерть, и, конечно, такая обстановка не могла не задержать ея правильнаго роста; но, преодолѣвая всѣ неблагопріятныя условія, она продолжала развиваться количественно и качественно, какъ бы наглядно тѣмъ показывая, что внѣшними условіями нельзя убить идею, разъ она въ себѣ самой заключаетъ прочные элементы жизненности и прогрессивнаго развитія.

Эта основная идея, всегда проникавшая украинскую литературу съ первичныхъ элементовъ ея возникновенія и до сихъ поръ,—идея демократизма. Демократическое направленіе—эта та характернѣйшая черта, какою наиболѣе отмѣчена украинская литература среди другихъ литературъ. Такой близости къ народному духу, такого реальнаго изображенія народнаго быта и всесторонняго освѣщенія народныхъ интересовъ, такой горячей апологіи народныхъ правъ нельзя найти ни въ одной изъ европейскихъ литературъ, кромѣ развѣ русской, которая все же должна уступить ей пальму первенства въ разсматриваемомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что въ каждой литературѣ, какъ бы она ни стала близко къ народнымъ массамъ, органъ литературнаго воплощенія—языкъ—всегда находится внѣ классовой исключительности и имѣетъ общенаціональное значеніе. Совсѣмъ иное видимъ въ украинской литературѣ. Верхи украинскаго народа, соблазненные приманкою разнаго рода сословныхъ привилегій до крѣпостного права включительно, оторвались отъ остальной народной массы и всецѣло пріобщились къ русской культурѣ и общественности. Народная масса, лишенная всякихъ человѣческихъ правъ, предоставлена была себѣ самой, и въ результатѣ представленіе объ украинскомъ народѣ, какъ націи, совершенно поистерлось въ представленіи общества; въ дѣйствительности оказывалась не «нація малороссійская», какъ ее называли раньше, а съ одной стороны—«благородное россійское дворянство», съ другой—«малороссійское простонародье», «хохлацкая чернь», plebs. При такихъ условіяхъ писать по-украински до самаго послѣдняго времени могъ только тотъ, кто чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, стихійное влеченіе къ народной массѣ, языкомъ которой онъ при этомъ пользовался. Въ общемъ же для украинской литературы

уже силою вещей создавалось такое положеніе, что она, пользуясь языкомъ народной массы, естественно служила и ея интересамъ. «Эта литература,—говоритъ проф. Н. Дашкевичъ,—совершила немало и принесла много пользы, поддерживая и укрѣпляя любовь къ народу, выясняя народные идеалы, воспроизводя народный бытъ. Не говоримъ о той общей заслугѣ, которая можетъ быть усвояема украинской литературѣ, поскольку послѣдняя выполняла общее призваніе всякой литературы: поднимала народъ духовно, возводила его на высшую ступень человѣчности и развивала такимъ образомъ его внутреннія силы».

Идейный демократизмъ, сочувствіе положенію обездоленной народной массы видимъ уже у родоначальника новой украинской литературы—Котляревскаго. Въ то время какъ голосъ Радищева противъ крѣпостного права затерялся почти въ полномъ одиночествѣ, а основатель новаго періода русской литературы Карамзинъ сантиментальничалъ въ слишкомъ опредѣленномъ крѣпостническомъ духѣ, въ «Энеидѣ» Котляревскаго находимъ, такіе, напримѣръ, стихи въ изображеніи ада:

Панів за те там мордували
І жарили во всіх боків,
Що людям льготи не давали
І ставили іх за скотів.

Тѣ же соціальныя мысли о народѣ и въ связи съ этимъ—мысли о національномъ характерѣ просвѣщенія и литературы видимъ и у слѣдовавшихъ за Котляревскимъ украинскихъ писателей—у Гулака-Артемовскаго, Гребенки, Квитка-Основьяненко, глубоко заглянувшій въ душу украинскаго простолюдина и открывшій въ ней черты высокой человѣчности, предварилъ появленіе произведеній съ народнымъ элементомъ въ русской литературѣ—«Нищаго» Погодина, «Дубровскаго» и «Лѣтописи села Горохина» Пушкина, повѣстей Павлова, разсказовъ Григоровича. Насколько въ то время общественная почва плохо была вспахана для воспріятія демократическихъ идей, насколько послѣднія плохо укладывались тогда даже въ лучшихъ головахъ, видно хотя бы изъ приведеннаго уже нами отзыва Бѣлинскаго о такомъ литературномъ представителѣ народныхъ массъ, какъ Шевченко. И на земляка Шевченка—геніальнаго Гоголя—яркій, неприкрашенный демократизмъ его дѣйствовалъ какъ вульгарный «запахъ дегтя». Развитіе украинской литературы продолжало однако неуклонно идти въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Многочисленная плеяда выступившихъ вслѣдъ за Шевченкомъ народныхъ писателей, изъ которыхъ большая часть со словомъ соединяли дѣло—практическое служеніе народу, предварила народническое направленіе въ русской литературѣ. Произведенія украинскихъ писателей съ 70-хъ годовъ и до настоящаго времени—это богатѣйшій матеріалъ для изученія соціальныхъ условій народной жизни. Отзываясь вообще на явленія жизни политико-соціальной и духовной, реагируя съ большой чувствительностью на общеевропейскія литературныя теченія, украинскіе писатели всегда остаются неизмѣнно вѣрными тому основному прогрессивно-

демократическому направленію, которое красной нитью проходитъ черезъ украинскую литературу съ первыхъ же шаговъ ея. Связь этой литературы съ народною массой всегда была самая живая и тѣсная. «Украинская литература, — говоритъ одинъ изъ ея дѣятелей, — дала въ теченіе XIX вѣка цѣлый рядъ повѣстей, драмъ, стихотворныхъ произведеній, взятыхъ изъ жизни народной массы, отличающихся настолько же реализмомъ содержанія, какъ и художественностью обработки. Если бы въ украинской литературѣ не было другихъ именъ, кромѣ Квитки, Шевченка, Левицкаго, Мырнаго, Федьковича и Франка, она въ области простонародной литературы занимала бы болѣе высокое мѣсто, чѣмъ большинство литературъ Европы. Такого представителя народныхъ массъ, какъ Шевченко, нѣтъ ни въ одной европейской литературѣ. Характеристическою особенностью большинства какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ произведеній украинской беллетристики является такая близость ихъ къ народной поэзіи, какъ ни въ одной изъ европейскихъ литературъ; благодаря этому, украинская письменность въ далеко большой степени доступна для широкихъ массъ, чѣмъ у другихъ народовъ. Если народныя массы, пріобрѣтающія все большее значеніе въ соціально-политической жизни, называютъ классомъ будущаго, то украинскую письменность, являющуюся вѣрнымъ зеркаломъ жизни, почти духовнымъ органомъ народной массы, мы можемъ назвать литературой будущаго» *).

Въ этомъ—основа внутренней, нравственной силы украинской литературы и залогъ ея дальнѣйшаго развитія параллельно съ развитіемъ вообще идей демократизма.

А. Лотоцкій.

---

*) Проф. *А. Колесса:* „Століття обновленої українсько-руської літератури". По исторіи украинской литературы имѣется многотомный трудъ на украинскомъ языкѣ: „Історія літератури руської" проф. львовскаго университета О. Огоновскаго. На русскомъ языкѣ имѣются труды проф. Н. Петрова („Очерки исторіи украинской литературы", 2 тома), проф. Н. Дашкевича (написанный по порученію академіи наукъ критическій отзывъ на предыдущую книгу, представленную на соисканіе уваровской міи), критическій очеркъ А. Н. Пыпина (въ „Исторіи славянскихъ литературъ"), надлежащій перу украинскаго писателя И. Франка обзоръ украинской литературы 39 томѣ „Энциклопедическаго словаря" Брокгауза, много отдѣльныхъ монографій украинскихъ и русскихъ, посвященныхъ изученію Украйны, изданіяхъ (напримѣръ, нтливыя статьи С. А. Ефремова въ *Кіевской Старинѣ*). Канвою для настоящей тьи послужило сообщеніе, представленное мною въ 1905 г. въ академію наукъ и ечатанное въ приложеніи къ запискѣ объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печато слова, составленной академіей по порученію комитета министровъ.

Цѣль прогресса *).

Посвящается Н. М. Минскому.

I.

Философія перешагнула уже тотъ возрастъ, когда она служила двумъ господамъ: богословію и традиціонной морали. Сначала она отстранила отъ себя обязанность обосновывать и подтверждать догматы вѣры и тѣмъ самымъ оказалась передъ задачей—самостоятельно творить новые догматы, повинуясь только голосу разума. Но эта независимость отъ религіи была лишь первымъ шагомъ къ свободѣ. Передъ разумомъ стояла еще вторая преграда—внѣразумная догматика совѣсти, ирраціональное нравственное сознаніе. Разумъ либо подчинялся этой стихіи, какъ раньше подчинялся религіи, и софистически подыскивалъ аргументы, чтобы доказать неподдающееся доказательствамъ, либо робко отходилъ въ сторону и объявлялъ нравственность автономной, выходящей изъ границъ философіи. Въ обоихъ случаяхъ свободѣ философскаго творчества ставился извѣстный предѣлъ, и разумъ попадалъ въ клѣтку. Окончательно освободить разумъ—это значитъ отстоять его право на пониманіе и оправданіе добра, т.-е. на критику моральныхъ влеченій и раскрытіе ихъ разумнаго смысла. Разумъ долженъ взбунтоваться противъ ирраціональнаго и утвердить свою свободу и автономію.

Началъ эту революцію Ницше. Рѣдко прозорливый и впечатлительный, онъ обнаружилъ въ глубинѣ нашего сознанія яркую струю нравственныхъ импульсовъ, несхожую съ обычной моралью и не только не сливающуюся съ ней, но какъ будто непримиримо враждующую. Нуженъ былъ талантъ Ницше, чтобы заставить міръ увидѣть эту струю и почувствовать ея огромную силу. Мыслителю, творцу мыслей,—только мыслей, а не зажигающихъ образовъ,—никогда не могло бы удаться это чудо. Только геніальный художникъ, съ темпераментомъ и стилемъ пророка, способенъ былъ запечатлѣть въ душахъ новыя моральныя цѣнности. Но художникъ такъ и остался художникомъ. Онъ ярко разсказалъ людямъ о красотѣ

*) Докладъ, читанный въ петербургскомъ философскомъ обществѣ.

«любви къ дальнему», онъ раздулъ въ нихъ пламя этой любви своей властною и знойною рѣчью, но онъ не далъ *оправданія* своихъ цѣнностей, не разгадалъ и не раскрылъ намъ ихъ *смысла*. Невозможно же считать оправданіемъ его ученіе о вѣчномъ круговоротѣ и о вѣчномъ возвращеніи всего сущаго. Оправданіе морали сверхчеловѣка сводится у Ницше къ эстетикѣ. Ницше призываетъ насъ къ благородству, потому что благородство красиво. Но съ тѣмъ же правомъ можно звать къ альтруизму, потому что альтруизмъ умилителенъ. Въ обоихъ случаяхъ непосредственное сознаніе оправдываетъ и подтверждаетъ нашъ выборъ. Какъ вульгарные философы-моралисты берутъ инстинктъ альтруизма, не стараясь разгадать его смысла, и отдаютъ ему на службу свой разумъ, такъ и Ницше, обнаруживъ новый инстинктъ—благородную любовь къ дальнему—весь отдается себя на службу этой любви, теряетъ силу вопрошать и испытывать, забываетъ о своей діалектикѣ, которой прежде такъ красиво гордился, и не успѣвъ еще разбить старыя цѣпи, надѣваетъ на свой духъ новыя. Любовь къ грядущему прекрасному царству героевъ такое же ирраціональное чувство, чуждое и внѣшнее разуму, какъ мечта о грядущемъ царствѣ смиренныхъ, простыхъ духомъ и прижимающихся другъ къ другу. Разумъ остается тѣмъ же рабомъ, надѣваетъ ли онъ на себя иго Ницше или покорно склоняется передъ Іоанномъ Богословомъ. Не разумъ взбунтовался у Ницше и этотъ бунтъ не противъ ирраціональнаго направленъ. Здѣсь раздвоилось само нравственное сознаніе, и одна часть его, долго остававшаяся въ тѣни, злобно поднялась на другую. Традиціонная мораль поколеблена: но не во имя философской морали, а ради новаго ирраціональнаго догмата.

Нужно помнить, что мораль—только путь, и нужно спрашивать, куда ведетъ этотъ путь. Нельзя рѣшать проблему морали, не рѣшая въ то же время проблемы о смыслѣ мірового процесса. Если можно разгадать этотъ смыслъ, то мыслима и философская этика, философская оцѣнка моралей. Если же космическая исторія не можетъ быть разгадана человѣкомъ или вовсе лишена смысла, то для морали остается одно только мѣрило: такъ мнѣ нравится, tel est mon plaisir. Тогда не нужно философской морали, не можетъ и не должно ея быть. Достаточно однихъ утвержденій и гипнотизированія красотой или умилительностью. Для практики такой пробѣлъ неопасенъ, потому что есть ли смыслъ въ добродѣтели, нѣтъ ли у нея смысла—мораль живетъ и умирать не намѣрена. Страдающей стороной въ дѣлѣ оказалась бы одна философія, т.-е. человѣческій разумъ. Онъ лишился бы своей завѣтной надежды—осмыслить наше нравственное сознаніе и сломить ту внѣразсудочную преграду, которую оно теперь ему ставитъ.

Вопросъ о смыслѣ мірового процесса, или вѣрнѣе о возможности понять и оправдать этотъ смыслъ, въ большинствѣ случаевъ рѣшается отрицательно. Позитивизмъ здѣсь сходится съ критицизмомъ, и только религіозная вѣра настаиваетъ на утвердительномъ отвѣтѣ. Но вѣра, какъ на-

чало ирраціональное, не можетъ быть союзницей разума. Она тянется къ невѣдомой цѣли по непонятнымъ ей самой основаніямъ, какъ тянется цвѣтокъ къ солнцу, не зная даже, что оно существуетъ. Въ этомъ инстинктивномъ стремленіи, можетъ быть, и есть смыслъ, но пока это стремленіе—инстинктивно, не понято и не оправдано разумомъ,—между нимъ и остальными инстинктами принципіально нѣтъ никакой разницы. Мало вѣрить, что у исторіи есть цѣль, надо знать и оправдать эту цѣль.

Рѣшенія позитивизма и критицизма безотраднѣе для чаяній разума, но зато не переступаютъ его границъ, не забавляются пустыми словами, а добросовѣстно аргументируютъ мыслями. Не входя въ подробности доказательствъ, укажемъ основной доводъ, которымъ разумъ отстраняется отъ морали и отъ попытокъ разгадать ея смыслъ. Говорятъ, что область разума—*сущее*, т.-е. то, что существуетъ въ дѣйствительности,—фактъ, теоретическая истина; мораль же занимается *должнымъ*, т.-е. не тѣмъ, что существуетъ фактически, а тѣмъ, что должно бы было существовать, согласно нашимъ убѣжденіямъ и желаніямъ. Но изъ сущаго нельзя вывести должнаго. Между фактомъ и моральной его оцѣнкой, между тѣмъ, что существуетъ въ дѣйствительности, и тѣмъ, что мы считаемъ желаннымъ, стоитъ глухая стѣна. По сю сторону рѣшаетъ познаніе, по ту—чувство, инстинктъ. Изъ теоретическаго познанія міра нельзя выжать ни одной капли морали. Задача разума—установить истину *факта*, раскрыть сущность окружающаго насъ міра и правдиво отобразить ее въ понятіяхъ. Но хорошъ ли этотъ міръ или плохъ, лежитъ ли онъ въ добрѣ или злѣ, улучшается или ухудшается въ своемъ развитіи, на это отвѣчаетъ не разумъ, а непосредственное субъективное чувство. Не будь въ моей душѣ этого чувства, я былъ бы просто «познающимъ субъектомъ», безразличнымъ ко всему въ мірѣ; все, что существуетъ на свѣтѣ, я просто признавалъ бы наличнымъ, ничто не отвергалъ бы, какъ злое, и ничто не восхвалялъ, какъ хорошее. Будь мы только познающими интеллектами, мы не знали бы ни зла, ни добра. Для того, чтобы явилась мораль, должно заговорить чувство. Но если въ чувствѣ корень всякой оцѣнки, то и оцѣнка мірового процесса происходитъ за предѣлами разума, въ иной, ирраціональной стихіи. Не разумъ судитъ міровую исторію, не разумъ говоритъ намъ о томъ, направляется ли она къ злу или благу; здѣсь рѣшаютъ интимнѣйшія переживанія, рѣшаетъ глубина духа по своимъ ирраціональнымъ законамъ. Позитивисты называютъ ее инстинктомъ, критицисты—нормативнымъ сознаніемъ, мистики—мистическимъ откровеніемъ, христіане—голосомъ божественной воли. Всѣ сходятся на томъ положеніи, что разумъ только познаетъ сущее, но не можетъ устанавливать должное; что всѣ цѣли, въ томъ числѣ и высшая цѣль міра,—ставятся ирраціональной стихіей, каково бы ни было ея имя, и не могутъ быть оправданы разумомъ. Агностицизмъ въ области теоретической, опиравшійся на релятивизмъ и субъективизмъ въ теоріи познанія, дополняется агностицизмомъ моральнымъ, точно такъ же приводящимъ къ релятивизму и ввѣряющимъ

оцѣнку исторіи, оцѣнку мірового процесса—субъективному моральному чувству. Потому что «общеобязательность» критицистовъ, неоспоримая въ теоретической области (гдѣ, разумѣется, въ основѣ ея лежатъ вовсе не общеобязательныя нормы, т.-е. не одинаковыя для всѣхъ субъектовъ *велѣнія*, а просто общіе законы мышленія, одинаковыя логическія *условія*!)—при перенесеніи ея въ область моральную становится простой маской для несомнѣннаго моральнаго релятивизма. Въ переводѣ на простой русскій языкъ «норма» Виндельбанда и Риккерта означаетъ: «субъективная совѣсть», и всякій переходъ къ общеобязательности есть софизмъ или простая игра словъ.

У большинства этическихъ направленій, отвергающихъ права разума на высшую оцѣнку морали съ точки зрѣнія міровой цѣли, есть та общая исходная точка, что велѣнія морали недоказуемы. Недоказуемы—вполнѣ справедливо. Спорить съ этимъ—значитъ отрицать очевидность. Всѣ попытки доказать нравственность, какъ доказываютъ геометрическую теорему, всегда кончались жалкой софистикой, тѣмъ болѣе, что нравственность не едина и къ недоказуемости ея основныхъ истинъ присоединяется еще и ихъ взаимная противорѣчивость. Рабби Гиллель могъ еще утверждать, что въ заповѣди «люби ближняго» заключается весь кодексъ морали, дана вытяжка изъ закона и пророковъ. Но мы-то, пережившіе Ницше, знающіе «любовь къ ближнему», но знающіе и «любовь къ дальнему», искушенные «двоящимся ликомъ», о которомъ говорилъ Мережковскій, прельщенные и Богословомъ и Заратустрой, затвердившіе гностическій стихъ «небо вверху и небо внизу»,—мы то чувствуемъ, что нѣтъ единой морали, а есть ихъ нѣсколько, одинаково для насъ цѣнныхъ, одинаково святыхъ и возвышенныхъ. Нѣтъ закона, но зато сколько пророковъ! Недоказуемость моральныхъ велѣній, помимо всякихъ гносеологическихъ доводовъ, всего лучше доказывается тѣмъ фактомъ, что велѣнія эти другъ другу противорѣчатъ. Кантъ нашелъ, что познаніе антиномично, и этимъ принудилъ разумъ выйти за предѣлы разсудочности. Теперь мы видимъ, что и мораль антиномична. Не знакъ ли это того, что и она созрѣла для разума?

Только то осмысленно и разумно, въ чемъ нѣтъ противорѣчій и раздвоеній. Разумъ отвергаетъ противорѣчія, онъ съ ними неспособенъ мириться и въ каждомъ случаѣ, гдѣ въ какомъ-либо принципѣ проявляется внутренняя противорѣчивость, онъ выходитъ за предѣлы этого принципа и признаетъ его не абсолютнымъ, а относительнымъ. Въ сферѣ теоретическаго познанія антиноміи приводятъ насъ къ убѣжденію, что такимъ актеромъ относительности отмѣчена научная истинность, что истина ических знаній обусловлена природой нашей души, воспринимающей полноту бытія, а лишь отдѣльныя разрозненныя его звенья. Антиномность же моральнаго чувства будетъ намъ служить доказательствомъ, та мораль, въ которой есть антиноміи, которая въ своемъ практическомъ выполненіи сама противорѣчитъ себѣ, не можетъ быть оправдана ономъ и должна быть признана неразумной. Истины морали недоказуе-

мы, потому что выдвигаются чувствомъ: не разумъ можетъ выявлять въ этихъ истинахъ роковую ихъ антиномичность и относительность и тѣмъ самымъ подвергать ихъ оцѣнкѣ, хотя бы только отрицательнаго характера. Но отрицаніе есть первый шагъ къ утвержденію. Отвергнувъ цѣли, выдвигаемыя моралью, какъ неразумныя и отрицающія себя, мы глубже погружаемся въ свою волю, доходимъ до ея крайнихъ глубинъ и выдвигаемъ высшую цѣль, свободную отъ роковыхъ антиномій. Антиномика разсудочныхъ категорій ведетъ разумъ въ познавательной области къ идеѣ всеединаго бытія. Антиномика моральныхъ тенденцій ведетъ его къ идеѣ высшаго блага, къ смыслу мірового процесса.

Въ философіи уже бывали попытки не только опознать судьбу міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ истолковать и ея смыслъ. Вспомнимъ философію пессимизма и системы Шопенгауэра и Гартмана. Въ обѣихъ антиномика воли составляетъ тему мышленія, и задача мірового процесса сводится къ преодолѣнію ея. Въ обѣихъ основной тезисъ таковъ, что слѣпая жажда личнаго бытія неминуемо ведетъ къ мукамъ и смерти и, такимъ образомъ, сама себя отрицаетъ. Но въ мятущемся и страждущемъ мірѣ, въ чистилищѣ индивидуальныхъ воплощеній, зрѣетъ и растетъ *разумъ*, грядущій искупитель вселенной. Когда пробьетъ его часъ, онъ обличитъ обманъ слѣпой воли, разоблачитъ ея коварныя обольщенія и, какъ Христосъ, «сотретъ главу змія».

«Старость и смерть—говоритъ Шопенгауэръ,—къ которымъ необходимо стремится каждая жизнь—это приговоръ, произнесенный самою природою надъ волей къ жизни, приговоръ, который гласитъ, что эта воля, это стремленіе неизбѣжно само себя уничтожаетъ. «Вотъ какъ кончается то, чего ты желалъ,—говоритъ этотъ приговоръ;—пожелай желучшаго». Поученіе, даваемое каждому его жизнью, состоитъ въ томъ, что предметы его желаній постоянно обманываютъ, колеблются и уничтожаются, а потому приносятъ больше муки, чѣмъ счастья, пока, наконецъ, не рушатся и подмостки, на которыхъ всѣ они стоятъ,—тѣмъ, что уничтожается и самая его жизнь и ему тѣмъ самымъ дается послѣднее подтвержденіе, что вся сумма его стремленій и желаній была заблужденіемъ, блужданіемъ по невѣрному пути:

Then old age and experience, hand in hand
Lead him to death, and make him understand,
After a search so painful and so long,
That all his life has been in the wrong!"

«...Это, согласно моему ученію, можно объяснить тѣмъ, что принципъ существованія (міра) безусловно лишенъ (разумнаго) основанія, что онъ является слѣпой волей къ жизни... Это согласуется и съ качествами міра. Ибо только слѣпая, а никакъ не зрячая воля, могла бы поставить себя въ то положеніе, въ которомъ мы себя находимъ. Воля зрячая давно уже пришла бы къ рѣшенію, что игра не стоитъ свѣчъ, что столь мощное стремленіе и бореніе, происходящее съ напряженіемъ всѣхъ силъ, подъ

гнетомъ постоянныхъ заботъ, страха и нужды, связанное съ неизбѣжнымъ уничтоженіемъ всякой индивидуальной жизни, не находитъ себѣ вознагражденія въ завоеванномъ такимъ способомъ эфемерномъ бытіи, превращающемся въ нашихъ рукахъ въ ничто». «Цѣль нашего существованія нельзя видѣть ни въ чемъ иномъ, какъ въ *пониманіи*, что намъ лучше было бы вовсе не быть. Это—важнѣйшая изъ всѣхъ истинъ, которую необходимо высказать».

«Есть только одно врожденное заблужденіе: будто мы существуемъ для того, чтобы быть счастливыми... Пока мы пребываемъ въ этомъ заблужденіи... міръ кажется намъ исполненнымъ противорѣчій. Ибо на каждомъ шагу, въ великомъ и маломъ, намъ приходится убѣждаться, что устройство міра и жизни вовсе не таково, чтобы оно могло способствовать счастливому существованію... Каждый день нашей жизни убѣждаетъ насъ въ томъ, что радости и наслажденія, даже если мы ихъ достигаемъ, сами по себѣ обманчивы, не сдерживаютъ того, что обѣщаютъ, не удовлетворяютъ воли и, наконецъ, что обладаніе ими отравляется сопровождающими ихъ и порождаемыми ими непріятностями; муки же и страданія оказываются весьма реальными и часто превосходятъ всѣ ожиданія. Все въ жизни приспособлено къ тому, чтобы вывести насъ изъ первоначальнаго заблужденія и доказать намъ, что цѣль нашего существованія отнюдь не счастье».

Очевидно, эта цѣль—та, чтобы разумъ разгадалъ волю, раскрылъ обманъ ея слѣпыхъ вожделѣній, обѣщающихъ довольство и счастье и ведущихъ къ мукамъ и скорби, и научилъ насъ отвращаться отъ жизни. Но свѣтъ разума зажигается только въ человѣкѣ и потому:

«Человѣчество единственная ступень, на которой воля можетъ отречься отъ себя и совершенно отвернуться отъ жизни. Волѣ, не отрекающейся отъ себя, каждое новое рожденіе даруетъ новый,—новый и качественно—интеллектъ,—*пока она, наконецъ, не постигнетъ, какова истинная сущность жизни, и вслѣдствіе этого не отвернется отъ нея*».

Полагаю, что изъ этихъ цитатъ методъ философіи Шопенгауэра, поскольку она касается смысла жизни, выступаетъ съ совершенной рельефностью. Субъективный волевой импульсъ подвергается не субъективной оцѣнкѣ, съ точки зрѣнія другихъ личныхъ критеріевъ (наприм., красивости, благородства), а *объективной*, со стороны его разумности. Разумно и осмысленно то, что послѣдовательно идетъ къ своей цѣли, не впадая съ самимъ собою въ противорѣчіе, не разрушая и не упраздняя себя. Воля къ жизни, т.-е. къ личному бытію, жажда обезпечить довольство той эмпирической земной особи, которую мы зовемъ своимъ «я»,—эта воля оказывается неразумной, ибо въ ней заключена антиномія. Она хочетъ, чтобы ограниченное существо, сохраняя свою ограниченность и конечность, оставаясь эмпирической особью, стало всемогущимъ и всеобъемлющимъ, освободилось отъ пространства и времени и стряхнуло гнетъ природной необходимости. Она ставитъ себѣ цѣлью—удовлетвореніе и силится достичь

его тамъ, гдѣ оно логически невозможно, т.-е. въ нашемъ эмпирическомъ земномъ мірѣ. Эта цѣль есть contradictio in adjecto, и заслуга Шопенгауэра въ томъ, что онъ ясно доказалъ это и доказалъ съ такой силой и убѣдительностью, что навсегда отрѣзалъ намъ путь къ прежнему наивному оптимизму. Я не могу отказать себѣ въ наслажденіи привести здѣсь афоризмъ Шопенгауэра, содержащій какъ бы монограмму того, что говоритъ разумъ о «волѣ къ жизни»:

«Ничтожество нашего существованія находитъ выраженіе во всей формѣ этого существованія: въ безконечности пространства и времени въ противоположность конечности индивидуума; въ непротяженности настоящаго момента—единственной формы дѣйствительности; въ относительности и зависимости всѣхъ вещей; въ постоянномъ возниканіи при отсутствіи бытія; въ постоянномъ стремленіи при отсутствіи удовлетворенія. Время и бренность всѣхъ находящихся въ немъ вещей—только форма, въ которой воля къ жизни постигаетъ ничтожество своихъ стремленій. Время есть то, посредствомъ чего все рѣшительно превращается на нашихъ глазахъ въ ничто и тѣмъ теряетъ всякую цѣнность... Прибавимъ къ этому ненасытимость индивидуальной воли, вслѣдствіе которой каждое удовлетвореніе рождаетъ новое пожеланіе, и вожделѣніе, вѣчно неудовлетворенное, стремится въ безконечность... Воля, взятая сама по себѣ, есть владыка міровъ и поэтому не можетъ удовлетвориться какою бы то ни было частью, а всегда требуетъ цѣлаго, цѣлое же есть безконечность. Между тѣмъ, какое состраданіе должны мы испытывать, видя, какъ мало перепадаетъ этому владыкѣ міровъ въ его индивидуальномъ воплощеніи: едва-едва столько, сколько нужно для поддержанія его индивидуальнаго тѣла. Вотъ гдѣ корень его глубокаго страданія».

Отвергнувъ волю къ личному бытію и доказавъ ея антиномичность и неразумность, Шопенгауэръ поспѣшилъ заключить, что смыслъ жизни въ упраздненіи этой воли, а заодно и всего міра явленій. Здѣсь пробѣлъ въ связной аргументаціи, и ясно чувствуется, что выпавшее звено замѣнено ирраціональнымъ мотивомъ. Пусть счастье только лживый миражъ, ведущій насъ въ пустыню страданій. Это значитъ, что его нельзя считать высшей цѣлью и что стремленіе достигнуть его есть блужданіе по неразумнымъ путямъ. Но если неразумно гнаться за счастьемъ, то можно ли изъ этого заключить, что разумно убѣгать отъ него? Если идеалъ удовлетворенія не можетъ быть конечной цѣлью исторіи (ибо разумъ отвергаетъ его), то есть ли въ этомъ принужденіе для насъ признавать такой конечною цѣлью—противоположный идеалъ отреченія? Воля къ жизни обѣщала намъ наслажденія и обманула насъ коварнѣйшимъ образомъ, потому что чѣмъ покорнѣе мы за ней шли, тѣмъ больнѣе насъ терзали страданія. Отреченіе подкрадывается къ усталымъ, измученнымъ, истерзаннымъ жизнью: оно сулитъ полную безболѣзненность, полную свободу отъ мукъ, вѣчный, совершенный покой. Для отдѣльнаго, изстрадавшагося человѣка такой призывъ понятенъ и соблазнителенъ. Но какъ же разумъ можетъ помириться

съ той мыслью, что міровой процессъ возникъ только для того, чтобы снова погрузиться въ небытіе и сознаніе зажглось только съ той цѣлью, чтобы добровольно загасить свое пламя?

Впрочемъ, будемъ поступать методически. Разсмотримъ волевой импульсъ, толкающій на путь отреченія, и разберемъ, не иллюзоренъ ли онъ, не скрыта ли и въ немъ антиномія. Здѣсь, однако, я хотѣлъ бы оговориться: слѣдуетъ ли человѣкъ «волѣ къ жизни», идетъ ли въ міръ сражаться за счастье, или убѣгаетъ въ пустыню и залѣзаетъ въ Діогенову бочку,—это дѣло его природныхъ наклонностей, и тѣ плоды радостей и страданій, которые онъ пожнетъ лично для себя на одномъ изъ этихъ двухъ жизненныхъ поприщъ зависятъ тоже отъ его душевнаго склада и отъ случайностей его индивидуальной судьбы. Было бы смѣшнымъ притязаніемъ подводить балансъ радостей и страданій въ отношеніи обоихъ путей и склонять вѣсы въ ту или другую сторону. Я готовъ даже допустить мысль, что человѣкъ съ наклонностями аскета проживетъ въ среднемъ спокойнѣе, съ меньшимъ плюсомъ въ сторону непріятностей, чѣмъ человѣкъ жизни и дѣла. Но еще меньшій перевѣсъ непріятностей пришелся бы на шуллера и кретина (хотя и эти жизненныя карьеры, какъ извѣстно, не свободны отъ потрясеній) и ближе всѣхъ къ идеалу атараксіи оказался бы тифозный бацилъ. Я это говорю вотъ къ чему: нельзя разсматривать ни одинъ изъ волевыхъ импульсовъ примѣнительно къ отдѣльному человѣку и задавать себѣ неразрѣшимый вопросъ, который же изъ этихъ путей ближе подведетъ къ своей цѣли или меньше удалитъ отъ нея. Человѣкъ безъ жгучихъ потребностей и отъ природы склонный къ невозмутимости, не бросится въ погоню за счастьемъ и ближе подойдетъ къ своей скромной цѣли—прожить тихо, безъ волненій и потрясеній,—чѣмъ страстный, нервный, впечатлительный человѣкъ, рвущійся къ великимъ задачамъ. Разумихинъ проживетъ лучше Раскольникова, Санхо Пансо лучше, чѣмъ Донъ-Кихотъ, Діогенъ лучше, чѣмъ Александръ Македонскій и ужъ, конечно, несравненно спокойнѣе, чѣмъ Пиѳагоръ, Зенонъ или Платонъ. Дѣло разума—не прописывать рецепты и не назначать нравственную діэту, а освѣщать значеніе тѣхъ или иныхъ импульсовъ, того или иного строя души *съ точки зрѣнія міровою процесса*. Вновь повторяю, что не въ томъ вовсе наша задача, чтобы доказывать недоказуемыя велѣнія и выхвалять ихъ преимущества надъ другими: этимъ пусть займется дидактика. Для разума всѣ виды нравственныхъ нормъ, всѣ формы волевого стремленія—пружины мірового процесса и только съ этой мировой точки зрѣнія онъ изучаетъ ихъ внутреннюю антиномичность.

Аскетическое бѣгство изъ жизни, если разсмотрѣть его въ такомъ свѣтѣ, представляется настолько же неразумнымъ, какъ слѣпая жажда иного бытія. Отреченіе стремится къ тому, чтобы очистить міръ отъ страданій. Но чѣмъ упорнѣе оно идетъ къ этой цѣли, тѣмъ дальше уклоняется отъ нея.

Вообразимъ, что идеалъ Будды возобладалъ, что человѣчество, прель-

щенное аскетизмомъ, гордо отвернулось отъ жизни и сошло съ подмостковъ міровой сцены. Но таковъ уже законъ міра, что эта сцена никогда не пустуетъ. Вселенная, оставшись безъ человѣка, какъ въ тѣ дни, когда его еще не было,—вновь, путемъ мучительныхъ восхожденій, породила бы изъ низшихъ формъ жизни новое разумное существо. Вѣдь человѣчество—ничтожная часть неизмѣримой полноты бытія и съ его уходомъ со сцены эта полнота не истощилась бы, какъ не истощается она отъ того, что фанатическій факиръ или іоги бросается подъ колесницу Джаггернаута. Подвигъ коллективнаго аскетизма только задержалъ бы развитіе, повторилъ бы пройденный уже фазисъ и удвоилъ пережитыя уже разъ муки. Аскетизмъ ищетъ успокоенія, но силится найти его тамъ, гдѣ оно логически невозможно—въ эмпирической земной смерти, которая есть переходъ къ низшей жизни. Эта цѣль—есть contradictio in adjecto и разумъ отвергаетъ ее. Правда, Шопенгауэръ указываетъ, что цѣль исторіи, въ его пониманіи, не просто эмпирическая смерть, а полное уничтоженіе всего міра. Но, во-первыхъ, намъ необходимо увѣриться, что аскетизмъ ведетъ къ этой цѣли, а такой увѣренности Шопенгауэръ намъ не даетъ, по той причинѣ, что не можетъ намъ ее дать, ибо разумъ совершенно ясно свидѣтельствуетъ, что отреченіемъ можно устранить только себя, но не вселенную, не полноту бытія; а во-вторыхъ и цѣль Шопенгауэра, полное уничтоженіе бытія—несомнѣнная contradictio in adjecto, потому что понятіе объ уничтоженіи есть понятіе о временномъ измѣненіи и стало быть относится къ опыту, въ опытѣ же міръ неуничтожаемъ.

Продолжатель Шопенгауэра Гартманъ соглашается съ учителемъ въ томъ, что прогрессъ—путь къ самоуничтоженію. Но для того, чтобы прійти къ этой цѣли, весь путь долженъ быть пройденъ до конца, разумъ долженъ отдѣлиться отъ воли, съ которой онъ первоначально былъ слитъ, и постепенно покорить всю вселенную. Предварительная цѣль Гартмана не носитъ аскетическаго характера: она насквозь окрашена героизмомъ, страстной волей къ росту сознательности:

«Зарожденію сознательности служитъ процессъ индивидуализаціи съ его спутниками—эгоизмомъ, несправедливостью и страданіемъ, повышенію сознательности служатъ экономическіе инстинкты, *ибо при растущемъ благосостояніи освобождаются духовныя силы,* этому же повышенію сознательности служатъ самолюбіе, честолюбіе и стремленіе къ славѣ, подхлестывающія духовную дѣятельность, служитъ половая любовь, облагораживающая творческія способности, служатъ всѣ инстинкты людей, требующіе отъ ихъ носителей жертвъ и дарящіе имъ взамѣнъ—муку».

Смыслъ міра—въ ростѣ сознательности:

«Провозгласимъ утвержденіе воли къ жизни,—говоритъ Гартманъ въ другомъ мѣстѣ,—какъ предварительно единственно возможную истину; ибо только цѣликомъ отдавая себя жизни и ея страданіямъ, а не трусливо уходя въ личный аскетизмъ, можно сдѣлать что-нибудь для движенія мірового процесса».

...«Мой метафизическій пессимизмъ не исключаетъ соціальнаго оптимизма, онъ включаетъ его. Современный политическій и соціальный пессимизмъ—плодъ юношескаго броженія въ однихъ случаяхъ, старческаго разложенія—въ другихъ. Онъ долженъ будетъ уступить мѣсто политическому и соціальному оптимизму».

...«Аскетизмъ всегда эгоистиченъ... Необходима не безучастная созерцательность, не мирная лѣнь, не трусливое уклоненіе отъ жизненной борьбы, а *дѣйственность*, неутомимое творчество, самоотверженное устремленіе въ водовороты жизни, участіе въ общей политической, соціальной и культурной работѣ. *Квіетизмъ, созерцательность—это смертный грѣхъ*».

Гартманъ переставилъ аскетизмъ. Изъ настоящаго онъ перенесъ его въ будущее, въ конечный фазисъ мірового развитія. Въ настоящемъ аскетизмъ—*смертный грѣхъ*, потому что онъ задерживаетъ прогрессъ и тормозитъ ростъ сознательности. Въ будущемъ же онъ высшее благо, потому что бытіе—зло, и сознаніе должно его уничтожить. Когда сознаніе сдѣлается всемогущимъ, оно найдетъ средство, чтобы окончательно погасить волю къ жизни и прекратить существованіе вселенной.

Гартманъ—ученикъ Шопенгауэра, но ученикъ, опередившій учителя. Шопенгауэръ обличилъ «волю къ жизни», но слѣпо восхвалилъ «волю къ смерти», отвернулся отъ идеала удовлетворенія, но преклонился передъ идеаломъ успокоенія. «Мотивъ» и «квіетивъ» воли—основная Шопенгауэровская антитеза, какъ много говорятъ эти термины! Гартманъ заглянулъ глубже и выяснилъ и въ «волѣ къ успокоенію» лежащее въ ея основѣ противорѣчіе. Допустимъ даже,—говоритъ онъ,—что оказалось бы возможнымъ отрицать свою индивидуальную «волю къ жизни» не только теоретически, но и практически, такъ что съ упраздненіемъ этой воли уничтожилось бы и ея матеріальное проявленіе, наше тѣло. Каковъ бы былъ результатъ?

«Одинъ изъ многихъ лучей единой воли, лучъ, относящійся къ данному индивидууму, былъ бы выведенъ изъ состоянія актуальности и данный человѣкъ умеръ бы. Но буквально то же явленіе повторяется при всякомъ случаѣ смерти и всеединое оказалось бы въ такомъ же положеніи, какъ если бы этого человѣка убилъ кирпичъ, упавшій съ крыши; оно попрежнему продолжало бы схватывать жизнь, гдѣ только находило бы ее и могло схватить; ибо поучаться и дѣлать разумные выводы изъ своего опыта оно не въ состояніи. Поэтому стремленіе къ личному отрицанію воли столь же неразумно и безполезно, какъ самоубійство, и даже еще неразумнѣе, потому что достигаетъ того же, но болѣе медленнымъ и мучительнымъ способомъ: упраздненія даннаго явленія, безъ какого бы то ни было затрагиванія сущности. Такимъ образомъ всякое стремленіе къ личному отрицанію воли и аскетизму должно быть признано заблужденіемъ, оно становится вреднымъ и гибельнымъ, когда охватываетъ цѣлые народы и угрожаетъ привести міровой процессъ къ застою и этимъ затянуть его до безконечности. Къ чему бы привело, напримѣръ, если бы че-

ловѣчество вымерло отъ полового воздержанія? Бѣдный міръ продолжалъ бы существовать, болѣе того, безсознательное воспользовалось бы первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы создать новаго человѣка или родственное ему существо, весь ужасъ начался бы сначала... Такъ раскрывается *безсмысленность* аскетизма, ибо надежда на искупленіе посредствомъ него оказывается *иллюзорной* и всѣ средства, которыми онъ пользуется, неразумными».

Для человѣка, тяготѣющаго къ культурѣ, система Шопенгауэра непріемлема. Она вычеркиваетъ изъ жизни все то, чѣмъ живетъ и ради чего борется человѣчество. Гартманъ ближе къ современной душѣ. Онъ сумѣлъ объединить пессимизмъ съ героической любовью къ прогрессу и философскимъ оправданіемъ его цѣнности. Но и онъ запутался въ антиноміи, когда выставилъ конечной цѣлью прогресса уничтоженіе всего міра явленій и допустилъ, что эмпирическій актъ способенъ совершить это чудо. Недаромъ и въ своей метафизикѣ онъ не можетъ выпутаться изъ противорѣчій, прилагая къ міровой сущности два взаимно-исключающіяся опредѣленія: безвременность и существованіе во времени *). Эта двойственность метафизической мысли—яркая черта Гартмана; у него все трансцендентное бытіе насквозь проникнуто свойствами и признаками, взятыми изъ эмпирической жизни: въ трансцендентномъ есть причинность и функціональность, тамъ есть акты, приводящіе къ результатамъ, потенціи, переходящія въ дѣйствіе, тамъ происходитъ расщепленіе и схожденіе—словомъ это цѣлая миѳологія, гдѣ роль боговъ и богинь играютъ эмпирическія понятія, занесенныя въ неподобающую имъ область. Неудивительно, что это коренное противорѣчіе заслоняетъ неразумность той цѣли, какую Гартманъ ставитъ прогрессу. Въ хороводѣ опытныхъ категорій, надѣвшихъ маски признаковъ трансцендентнаго, все одинаково антиномично и химерично и потому нетрудно и проглядѣть, что упраздненіе вселенной во времени, полагаемое цѣлью прогресса, есть своего рода деревянное желѣзо, одно изъ тѣхъ метафизическихъ чудищъ, къ которымъ примѣнимъ стихъ:

Πρόσθε λέων, ὄπισθεν δὲ δράκων, μέσση δὲ χίμαιρα.

II.

Неразумность героической воли, толкающей въ погоню за счастьемъ, приводила къ аскетической жаждѣ. Но и эта жажда оказалась ненасытимой, и въ ней скрывалось роковое противорѣчіе. Очевидно, что ни счастье, ни отреченіе не составляютъ высшей цѣли прогресса, послѣдней, абсолютной его цѣли. Оба полюса моральнаго идеала—и положительный, направленный къ жизни, и отрицательный, направленный къ смерти, одинаково притягиваютъ къ себѣ души, какъ это видно изъ всемірной исто-

*) Ср. „Philosophie des Unbewussten, 4 Aufl". Berlin, 1872, pp. 772 und 779—780.

ріи, гдѣ рядомъ съ монастырской оградой возносился замокъ завоевателя, и стоикъ жилъ бокъ-о-бокъ съ эпикурейцемъ; но оба полюса равно иллюзорны: Донъ-Кихотъ не осчастливилъ вселенную, Будда не далъ ей покоя и безболѣзненности. Антиномичность героизма и аскетизма, обоихъ этихъ «отвлеченныхъ началъ», полагаемыхъ раздѣльно и обособленно, какъ своего рода тезисъ и антитезисъ—понуждаетъ заглянуть глубже и искать моральнаго синтеза,—такой цѣли и такого высшаго блага, въ которомъ оба полюса примирялись бы и, съ точки зрѣнія послѣдняго смысла, раскрывался бы ихъ относительный смыслъ.

Кантъ любилъ сравнивать задачу философа съ задачей третейскаго судьи. Во всякомъ философскомъ изслѣдованіи, дѣйствительно, происходитъ своего рода тяжба. Возникаетъ этотъ споръ потому, что приступаемъ мы къ познанію *догматически*, съ запасомъ непровѣренныхъ аксіомъ, въ которыя мы безсознательно вѣруемъ, не убѣдившись въ нашемъ *правѣ* на эту вѣру. Такъ вѣруемъ мы въ существованіе предметовъ, независимыхъ отъ нашего ощущенія, въ неизмѣнность и тождественность своей личности, въ причинность, субстанціальность и т. д. Не сознавая основаній этой увѣренности, мы не знаемъ и границъ ея примѣнимости и потому часто случается, что мы пользуемся аксіомой въ такой области, гдѣ примѣненіе ея логически недопустимо. Такъ рождаются противорѣчія между аксіомами, изъ которыхъ каждая, въ принадлежащей ей области, является совершенно неоспоримой, но при наивномъ, некритическомъ пользованіи даетъ поводъ къ ложнымъ утвержденіямъ. Истинный третейскій судья, какимъ долженъ быть философъ по Канту, никогда не отождествляетъ себя ни съ одной изъ тяжущихся сторонъ. Онъ взвѣшиваетъ притязанія каждой изъ нихъ и подымаетъ философскій вопросъ о нашемъ *правѣ* довѣрять аксіомамъ и о границахъ ихъ логической примѣнимости. Для этого онъ заглядываетъ глубже и старается найти почву, *абсолютно огражденную отъ сомнѣній*. Такъ вѣра въ бытіе внѣшняго міра—вѣра догматическая и зыбкая—замѣщается непререкаемой очевидностью, что намъ даны непосредственныя переживанія.

Роль разума, разсудочнаго мышленія, сводится при этомъ изслѣдованіи къ постоянному сомнѣнію и отрицанію, пока мы, наконецъ, не дойдемъ до такой точки, на которой это сомнѣніе и отрицаніе становятся совершенно невозможными, дѣлаются невыполнимыми актами. Какъ бы я ни напрягалъ своего ума, я абсолютно не могу усомниться, что испытываю въ настоящій моментъ извѣстную совокупность переживаній, потому что это испытываніе уже есть та крайняя точка, на которой, собственно говоря, мышленіе замѣнено *фактомъ*, стало быть и отрицанія приложить не къ чему.

Въ морали тяжущимися сторонами являются потоки влеченій, струи волевыхъ импульсовъ. Этотъ споръ не создается умомъ, не выдумывается, не конструируется мышленіемъ. Мы его находимъ въ сознаніи, какъ простой фактъ, какъ опытную дѣйствительность. Роль разума и здѣсь та же,

какой была въ теоретической области: постоянно сомнѣваться и отрицать, испытывать любую мораль и сомнѣваться въ правотѣ ея требованій, пока въ процессѣ этого «doute methodique» не будетъ найдена послѣдняя очевидность и воля, на поверхности развѣтвленная, не покажетъ намъ своего единаго корня.

При анализѣ теоретическихъ предпосылокъ, мы постоянно задавали вопросъ: «на чемъ основана моя увѣренность въ данной истинѣ?» При анализѣ моральныхъ тенденцій вопросъ приметъ такую формулировку: «*во имя чего* я признаю данную цѣнность?» Путь теоретическаго сомнѣнія приводитъ, наконецъ, къ точкѣ, гдѣ отрицаніе становится невозможнымъ, гдѣ мышленіе останавливается передъ *фактомъ*. Но и моральный «doute methodique» приводитъ насъ, въ концѣ-концовъ, къ *факту*, къ признанію, что на-ряду съ внѣшней данностью существуетъ стремленіе ее преодолѣть, т.-е. волевой импульсъ. Можно отвергать всякую частную цѣль, (какъ можно отрицать частную истину), и противопоставлять этой цѣли противоположную, но немыслимо отвергнуть и *волю*, т.-е. стремленіе преодолѣть данность. Если мы *хотимъ не желать*, то вѣдь и это—несомнѣнная воля, т.-е. жажда передѣлать дѣйствительность. Какъ не можетъ быть познающаго интеллекта, сомнѣвающагося въ существованіи тѣхъ данныхъ, какія онъ непосредственно переживаетъ, *такъ не можетъ быть ни одного волящаго, отвергающаго власть надъ дѣйствительностью, не желающаго господствовать надъ ней*. А потому за пестротой частныхъ цѣлей, вступающихъ между собою въ соревнованіе, есть единая и несомнѣнная цѣль, и дѣло разума довести насъ до той точки, на которой эта цѣль обнаруживается и изъ подспудно, безсознательно предполагаемой, становится сознательно-признаваемой.

Личность—это сумма желаній, сумма волевыхъ импульсовъ. Все «данное», «навязанное извнѣ», порожденное не нашимъ желаніемъ, а независимой отъ насъ чужой силой—ощущается какъ тягостный гнетъ. Каждый импульсъ хочетъ быть творцомъ міра, создавать его по своему произволу, не подчиняясь никакой «данности», никакой внѣшней необходимости. И человѣкъ, какъ сумма влеченій, тоже хочетъ быть творцомъ міра и негодуетъ на необходимость явленій, ставящихъ предѣлъ его власти. Мы всѣ хотимъ свободы и всемогущества, въ этой жаждѣ состоитъ наша сущность, такова наша послѣдняя цѣль, лежащая въ основѣ всѣхъ импульсовъ. Мы хотимъ быть не пассивными зрителями, а активными творцами своего опыта; не подчиняться міровому закону, а творить его по своему произволу. Здѣсь источникъ героической воли, желающей пересоздать міръ, т.-е. передѣлать вселенную примѣнительно къ своему вкусу, но здѣсь же коренится и аскетизмъ, понимающій, что міръ не пересоздашь, и стремящійся его уничтожить—взорвать тюрьму, чтобы не терпѣть рабства.

Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ волю, тѣмъ яснѣе выдвигается пониманіе, что она—жажда свободы, жажда абсолютнаго всемогущества. У ней

не можетъ быть иной цѣли, какъ подчинить себѣ всю полноту бытія, стереть разницу между «желаннымъ» и «даннымъ», уничтожить и возможность того, чтобы что-либо «навязывалось извнѣ», а не полагалось внутреннимъ импульсомъ. «Цѣль воли» и «свобода» синонимы. И въ процессѣ міровой эволюціи мы лишь тогда можемъ усмотрѣть смыслъ, если онъ ведетъ къ этой свободѣ или приближаетъ насъ къ ней.

Метафизика намъ помогаетъ въ этихъ исканіяхъ, изображая міровое развитіе, какъ постепенное развертываніе въ сознаніи безмѣрной полноты бытія. О такомъ процессѣ развертыванія говорятъ всѣ послѣкантовскіе идеалисты, за исключеніемъ одного только Шопенгауэра. Шеллингъ, на своемъ языкѣ, называетъ міровую исторію «постепеннымъ откровеніемъ абсолютнаго». Въ сочиненіяхъ послѣдняго періода своей жизни онъ говоритъ, что слѣдуетъ отличать другъ отъ друга первоначальное состояніе Божества, предшествующее всякому откровенію, далѣе совершенное состояніе Божества, абсолютное откровеніе, «когда Богъ есть все во всемъ» и, наконецъ, среднее между тѣмъ и другимъ состояніе возникающаго откровенія, въ которомъ противоположности проявляютъ свою активность. Въ первомъ состояніи Божества (его Шеллингъ называетъ также «абсолютной индиференціей») нѣтъ ни личности, ни индивидуальнаго сознанія. Среднее состояніе есть «духъ»: его область—историческое развитіе, т.-е. процессъ роста сознательности. Наконецъ, высшее состояніе есть какъ бы синтезъ обоихъ предыдущихъ, синтезъ всеединства съ сознаніемъ. То, что Шеллингъ высказываетъ мистически, Гегель повторяетъ метафизически: «въ процессѣ историческаго развитія міровой разумъ осознаетъ самъ себя».

Мы не можемъ уничтожить вселенную и не можемъ, оставаясь ея частицами, сдѣлать изъ нея инструментъ, который мастерилъ бы намъ счастье. О чемъ же остается мечтать, какую цѣль поставить прогрессу? Вглядитесь въ міровую трагедію и въ оба главные ея персонажа: горсточка сознательныхъ индивидуумовъ, мятущихся, терзаемыхъ и страдающихъ— и передъ ней—темная безконечность, безсознательный, нѣмой міръ, безмѣрность времени, безмѣрность пространства, неумолимая необходимость природы. Въ этомъ темномъ и нѣмомъ мірѣ, гдѣ всѣхъ насъ стережетъ— смерть, а время обезцѣниваетъ всѣ радости—удѣлъ всего живого страданія. Нѣтъ выхода изъ этой тюрьмы, потому что если узникъ умретъ, она сама создастъ себѣ новыхъ узниковъ. Что же остается дѣлать сознанію? Очевидно, поступать такъ, какъ поступаетъ агитаторъ-революціонеръ, когда его сажаютъ въ тюрьму: обратить и своихъ тюремщиковъ въ революціонеровъ, сдѣлать ихъ изъ безсознательныхъ сознательными. Нашъ примѣръ, конечно, хромаетъ и хромаетъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, затонному въ мірѣ узнику надо обратить не тюремщиковъ, а самую тюрьму, ѣны и камни; во-вторыхъ, онъ не только долженъ ихъ обратить, т.-е. какъ-то внѣшнимъ образомъ передѣлать, но вобрать въ себя, сдѣлать ею своего «я». У сознанія, однажды возникшаго, не можетъ быть

иной цѣли, какъ вобрать въ себя всю полноту бытія, объединить ее въ себѣ до конца и замѣнить темное всеединство, предшествовавшее его возникновенію—развернутымъ, сознательнымъ всеединствомъ.

Достижима ли такая цѣль или нѣтъ—объ этомъ могутъ быть только догадки. Разуму достаточно знать, что *логически* она достижима, ибо не содержитъ противорѣчія, какъ мечта о счастьѣ или Нирванѣ. Теорія познанія намъ открыла, что между психикой и матеріальной природой нѣтъ не только непереступаемой бездны, но даже четкой пограничной черты. Въ новѣйшей монистической философіи эта истина настолько укоренилась, что въ видѣ разныхъ «позитивныхъ» ученій (Авенаріуса, Петцольда, Маха) переливается въ низы образованности (въ Россіи даже исповѣдуется большевиками!). Вмѣстѣ съ тѣмъ психологическій опытъ указалъ и форму процесса, путемъ котораго растетъ область сознанія. Процессъ этотъ двойственнаго характера: выдѣленіе изъ общихъ, смутныхъ переживаній заключеннаго въ нихъ потенціальнаго богатства (диференціація переживаній вниманіемъ) и вовлеченіе въ сознаніе человѣка невѣдомыхъ ему дотолѣ испытываній (посредствомъ расширенія границъ опыта и, главнымъ образомъ, путемъ творчества).

Сознательность отъ первыхъ зачатковъ, отъ первыхъ проблесковъ желаній и ощущеній доросла до человѣческой психики, до этой сложной, пестрой, яркой мозаики, охваченной единствомъ субъекта. Мы знаемъ, что процессъ не остановился, что свитокъ продолжаетъ развертываться, безсознательное вовлекаться въ сознаніе, безличное вливаться въ личную душу. У разума не можетъ быть основаній протестовать противъ такого развитія, ибо въ немъ есть несомнѣнный прогрессъ, несомнѣнное движеніе къ своей цѣли, а не погоня за коварнымъ миражемъ, сулящимъ воду и тѣнь и заводящимъ въ раскаленный песокъ. Изъ всѣхъ видовъ воли только воля къ росту сознательности вполнѣ честно сдерживаетъ, что обѣщаетъ. Въ ней одной нѣтъ разрушающей антиноміи. Другой вопросъ, достижима ли ея цѣль, исчерпаема ли полнота бытія, не безконеченъ ли тотъ міровой свитокъ, который передъ нами развертывается? Попытка разрѣшить этотъ вопросъ или хотя бы намѣтить его рѣшеніе глубоко завела бы насъ въ метафизику и потому мы оставляемъ его въ сторонѣ. Но допустимъ, что процессъ достигъ своей цѣли, что бытіе во всей своей полнотѣ развернуто растущимъ сознаніемъ, такъ что внѣ этого всеобъемлющаго сознанія не осталось бы уже ничего—ни одной невоплощенной возможности. Тогда свершилось бы написанное въ Апокалипсисѣ, осуществилось бы пророчество того Ангела, что клялся землей и всѣмъ живущимъ на ней, что времени уже не станетъ. Ибо время мыслимо только тамъ, гдѣ происходитъ смѣна состояній, и если всеобъемлющее сознаніе вобрало бы въ себя всѣ возможности, то оно стало бы безвременной вѣчностью. Вмѣстѣ съ временемъ исчезъ бы и міръ, нашъ эмпирическій земной міръ, возможный только во времени. Но онъ не провалился бы въ ночь, не исчезъ бы окончательно и безслѣдно, а преображенный вошелъ бы во

всеединство. Стремленіе замѣнилось бы удовлетвореніемъ, страданіе—блаженнымъ покоемъ. Черезъ воплощеніе той высшей цѣли прогресса, которая намѣчена нами, осуществились бы и цѣль героизма—абсолютное довольство и удовлетвореніе, и грустная мечта аскетизма—невозмутимый, безграничный покой.

Но пусть даже дерзновенна наша догадка, пусть цѣль лежитъ въ безконечномъ удаленіи и для того, чтобы достигнуть ея, намъ пришлось бы пройти эту безконечность, т.-е. идти и никогда не дойти,—и тогда въ самомъ процессѣ движенія, въ этомъ поступательномъ ходѣ, гдѣ каждый шагъ означаетъ освобожденіе,—приростъ могущества, приростъ власти надъ міромъ,—остался бы свой внутренній разумъ, свой смыслъ, свое оправданіе. Правда, оказалось бы невозможнымъ оправдать то зло и страданіе, черезъ которыя прошелъ міръ (да возможно ли ихъ оправдать вообще?), но единственной разумною нормой, опредѣляющей практическій идеалъ, осталось бы развертываніе сознанія, преображеніе безсознательныхъ глубинъ міра. Всѣ остальныя наши стремленія, всѣ остальныя нормы морали, по отношенію къ этой первой и главной, занимаютъ подчиненное мѣсто. Всѣ они, утверждаемыя въ отдѣльности, немедленно приводятъ къ противорѣчіямъ и проявляютъ тѣмъ свою относительность. Только воля къ постоянному творчеству никогда не отрицаетъ себя и дѣйствительно ведетъ тѣмъ путемъ, по которому стремится идти.

III.

Опредѣливъ высшую цѣль жизни, мы должны уразумѣть ея отношеніе къ частнымъ цѣлямъ, выдвигаемымъ нашей волей, и разрѣшить ихъ споры и столкновенія не посредствомъ субъективныхъ оцѣнокъ, а объективно—въ свѣтѣ смысла исторіи.

Потокъ моральныхъ стремленій давно уже течетъ двумя руслами, и культура исключительно внутренняя, утонченіе душевнаго облика, жажда «неба», жажда духовнаго—враждуетъ съ внѣшней, матеріальной культурой, съ общественнымъ и государственнымъ устроительствомъ, съ умноженіемъ предметныхъ богатствъ, съ тяготѣніемъ къ «землѣ», къ «плоти». Есть люди созерцательной воли, и есть люди дѣятельной воли, есть мечтатели, поэты, сновидцы, и есть практики, борцы и строители. Въ эпоху нашихъ шестидесятыхъ годовъ эта двойственность была особенно ощутительна, потому что оба спорящихъ идеала воплотились въ двухъ враждующихъ школахъ. Во имя «пользы» выступали одни, за «красоту» вступались другіе. Вспомните Степана Трофимовича, стараго идеалиста изъ «Бѣсовъ» и его рѣчь на литературномъ утрѣ.

«—Messieurs, послѣднее слово этого дѣла есть всепрощеніе. Я, отжившій старикъ, я объявляю торжественно, что духъ жизни вѣетъ попрежнему и живая сила не изсякла въ молодомъ поколѣніи. Энтузіазмъ современной юности такъ же чистъ и свѣтелъ, какъ и нашихъ временъ.

Произошло лишь одно: перемѣщеніе цѣлей, замѣщеніе одной красоты другою! Все недоумѣніе лишь въ томъ, что прекраснѣе: Шекспиръ или сапоги, Рафаэль или петролей?

— Это доносъ!—ворчали одни.

— Компрометтирующіе вопросы!

— Agent-provocateur!

— А я объявляю,—въ послѣдней степени азарта провизжалъ Степанъ Трофимовичъ,—а я объявляю, что Шекспиръ и Рафаэль—выше освобожденія крестьянъ, выше народности, выше соціализма, выше юнаго поколѣнія, выше химіи, выше почти всего человѣчества, ибо они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества, и можетъ быть высшій плодъ, какой только можетъ быть! Форма красоты, уже достигнутая, безъ достиженія которой я, можетъ, и жить-то не соглашусь. О Боже!—всплеснулъ онъ руками, десять лѣтъ назадъ я точно также кричалъ въ Петербургѣ, съ эстрады, точно то же и тѣми словами и точно также они не понимали ничего, смѣялись и шикали, какъ теперь; коротенькіе люди, чего вамъ недостаетъ, чтобы понять? Да знаете ли, знаете ли вы, что безъ англичанина еще можно прожить человѣку, безъ Германіи можно, безъ русскаго человѣка слишкомъ даже возможно, безъ науки можно, безъ хлѣба можно, безъ одной только красоты невозможно, ибо совсѣмъ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ! Вся тайна тутъ, вся исторія тутъ! Сама наука не простоитъ минуты безъ красоты, — знаете ли вы это, смѣющіеся, обратится въ хамство, гвоздя не выдумаете! Не уступлю!—нелѣпо прокричалъ онъ въ заключеніе и стукнулъ изо всей силы по столу кулакомъ.

— Хорошо вамъ на всемъ готовомъ, баловники!—проревѣлъ у самой эстрады тотъ же семинаристъ, съ удовольствіемъ скаля зубы на Степана Трофимовича... Скандалъ выходилъ непомѣрный.

— Степанъ Трофимовичъ!—радостно проревѣлъ семинаристъ.—Здѣсь въ городѣ и въ окрестностяхъ бродитъ теперь Ѳедька каторжный, бѣглый съ каторги. Онъ грабитъ и недавно еще совершилъ новое убійство. Позвольте спросить: если бы вы его пятнадцать лѣтъ назадъ не отдали въ рекруты въ уплату за карточный долгъ, то-есть попросту не проиграли бы въ картишки, скажите, попалъ бы онъ на каторгу? Рѣзалъ бы людей, какъ барановъ, въ борьбѣ за существованіе? Что скажете, господинъ эстетикъ?»

Господинъ эстетикъ смолчалъ. Господинъ эстетикъ долженъ смолчать, даже если бы практическій человѣкъ не утащилъ его за фалду съ эстрады. Семинаристъ грубъ, невоспитанъ, онъ, дѣйствительно, коротенькій человѣкъ съ толстымъ черепомъ и слоновой эпидермой, онъ неспособенъ оцѣнить красоту и повторить въ себѣ тѣ тонкія ощущенія, отъ которыхъ задыхался Степанъ Трофимовичъ. Да и правда его—грубая, дубоватая, жесткая, тяжелая правда, и онъ бьетъ ею съ размаху, словно оглоблей. Но оглобля-то реальная, подлинная, и ударъ ея убійственно мѣтокъ. Безъ красоты человѣчество не проживетъ, безъ внутренней душевной культуры мертва

будетъ культура вещественная, но «хорошо вамъ на готовомъ, баловники» и очень плохо, отвратительно плохо Ѳедькѣ, который расплачивается своими боками за прорѣхи матеріальной культуры. Красота и Ѳедька несовмѣстимы, cecі tuera cela. Повѣрьте, что культура недолговѣчна, если съ Ѳедькой будутъ поступать такъ, какъ поступалъ съ нимъ благородный Степанъ Трофимовичъ. «Духовной жаждою томимъ, въ пустынѣ мрачной онъ влачился»—и замѣтьте, искренно, искренно, а человѣка проигралъ въ карты и навѣрное объ этомъ меньше грустилъ, чѣмъ о своихъ литературныхъ провалахъ. Вотъ между культурой и Ѳедькой и положенъ завѣтъ вѣчнаго раздора и уже видно зарево тѣхъ костровъ, куда изъ Ѳедькиныхъ рукъ полетятъ Шекспиры и Рафаэли.

Сложите книги кострами,
Пляшите въ ихъ радостномъ свѣтѣ...

Такъ что есть правда на сторонѣ семинариста.

Но и въ истерикѣ Степана Трофимовича тоже есть неопровержимая правда. Безъ красоты человѣчество не проживетъ, безъ творчества, безъ утонченія психологіи, безъ томленія по росту духовности все «земное» станетъ прѣснымъ, мертвеннымъ, культура потеряетъ свой вкусъ. Правъ Степанъ Трофимовичъ, правъ, но обманчива мечта его сердца, что онъ придетъ съ оливковой вѣтвью и принесетъ съ собой слова примиренія. Онъ такая же воюющая сторона, какъ и тѣ, что прогоняютъ его съ эстрады и пока онъ истерически восклицаетъ, что красота выше освобожденія крестьянъ, выше соціализма, выше народности,—всегда найдется негодующій обличитель и зычнымъ голосомъ напомнитъ о Ѳедькѣ. Нѣтъ, конечно, не Степану Трофимовичу суждено прійти съ оливковой вѣтвью: только разумъ можетъ принести эту вѣтвь, оправдавъ и «небо» и «землю», и красоту, и освобожденіе крестьянъ и потребовавъ во имя высшаго смысла, чтобы оба отвлеченныхъ начала сочетались въ согласованное единство.

Есть попытка въ русской литературѣ произвести этотъ синтезъ внѣ разума. Я говорю, конечно, о Мережковскомъ и о его новомъ пониманіи христіанства. То, что написалъ Мережковскій, не раскрываетъ смысла его стремленія—сочетать небо съ землей, но очень ярко, сосредоточенно и заразительно передаетъ самое чувство. Мережковскій очень искренній человѣкъ и если не умомъ, то инстинктомъ проницательнѣйшій отгадчикъ идей. Онъ самъ какъ-то сравниваетъ себя съ путешественникомъ по подземному лабиринту, который ощупью идетъ къ выходу. Всю жизнь онъ шелъ именно ощупью, довѣряясь только кожному чувству, нарочно даже закрывая глаза, чтобы они не сбивали съ толку осязаніе. Въ долгихъ и тревожныхъ исканіяхъ его всегда толкалъ внутренній разладъ чувства,—двойной порывъ къ «Христу» и «Антихристу», къ радости безплотнаго созерцанія и сверканію дѣятельной земной жизни, къ надмірному спокойствію всеединства и пестротѣ яркаго индивидуализма. Мережковскій не однимъ только мозгомъ, нѣтъ, именно всей глубиной своей чувствовалъ,

что ему нужны *оба полюса,* что ради плоти онъ не отречется отъ Бога и ради Бога отъ плоти. Лишь однажды въ опьяненіи ницшеанствомъ, онъ попытался удержать только землю и навсегда отречься отъ неба. Но это былъ короткій пиръ чувственности, непродолжительный гипнозъ индивидуализма, и тоска по всеединому и сверхличному вскорѣ вспыхнула съ удвоенной остротой. Мережковскій никогда не былъ философомъ. Онъ никогда не высказывается «отъ разума», а всегда отъ непосредственнаго своего міроощущенія, порою до такой степени субъективно, что субъективизмъ этотъ переходитъ въ эзотеричность и одѣвается вуалью загадочности. Двойная страсть Мережковскаго, его влюбленность въ пестроту земной жизни, въ царственную красоту личности, въ науку, въ подвигъ, въ геройство и его порывъ въ надземную тишину, къ избавленію отъ оковъ индивидуальности, отъ трагизма вѣчнаго одиночества—повторяю, эта двойственность Мережковскаго—живая боль подлинныхъ ощущеній.

«Донынѣ казалось намъ, что быть христіаниномъ значитъ любить небо, только небо, отрекаясь отъ земли, ненавидя землю. Но вотъ христіанство—не какъ отреченіе отъ земли, не какъ измѣна землѣ, а какъ новая, еще небывалая «вѣрность землѣ», новая любовь къ землѣ, новое «цѣлованіе земли». Оказывается, что не только можно любить небо и землю вмѣстѣ, но что иначе ихъ нельзя и любить какъ вмѣстѣ, нельзя ихъ любить раздѣльно по ученію Христа. Пока мы любимъ небо или землю не до конца, не до послѣдняго предѣла неба и земли, намъ кажется, такъ какъ Л. Толстому и Ницше, что одна любовь отрицаетъ другую».

И дальше, еще гораздо открытѣе:

«Рыцарство не исполнило своей задачи, потому что стремилось къ ней слишкомъ рано и безсознательно, но задача была истинная; это все еще въ значительной мѣрѣ и наша задача; освятить не освященное или недостаточно освященное церковью, съ церковной точки зрѣнія все еще слишкомъ свѣтское, языческое; освятить не одну часть, а всю жизнь, не одинъ полюсъ, а оба, не только *не—я,* отреченіе отъ личности, но и я—утвержденіе личности въ сознаніи личнаго достоинства, чести, героической воинствующей любви къ родинѣ, къ землѣ, къ народу, ко всему христіанскому міру, и въ новой внѣбрачной, внѣсемейной любви къ женщинѣ».

Для Мережковскаго *божественна* жизнь и божественно ея восхожденіе путемъ культурнаго и общественнаго строительства къ высшему богатству и высшей мощи. Именно вещественная культура, знакъ побѣды человѣка надъ веществомъ, иго, имъ наложенное на стихію—радуетъ сознаніе Мережковскаго. Вмѣстѣ съ Леонардо да-Винчи онъ мечтаетъ о господствѣ надъ воздухомъ, дѣйствительномъ, реальномъ господствѣ, завоеванномъ умомъ и наукой, а не мнимомъ, бредовомъ, галлюцинаторномъ, какъ сонъ колдуньи о полетѣ на шабашъ. Для Мережковскаго религіозная аксіома, что человѣкъ долженъ быть царемъ на землѣ, и «ему да повинуется всякая тварь», и не только тварь органическая, но и всѣ косныя стихіи природы. Путь долженъ быть пройденъ до конца, вся природа до своей

послѣдней черты покорена умомъ человѣка и этотъ подвигъ покоренія и захвата есть въ то же время религіозное подвижничество. На-ряду съ «рыцаремъ бѣднымъ», начертавшимъ на щитѣ A. M. D., аскетическій призывъ къ царицѣ небесъ, долженъ встать на землѣ твердою стопою «рыцарь гордый»—Леонардо и Петръ и начертать на щитѣ A. A. G.—Amo Aphroditem terrestrem, героическій призывъ къ царицѣ земли.

Религіозное сознаніе Мережковскаго открываетъ въ нашей земной жизни, въ нашемъ плотскомъ эмпирическомъ существованіи вторую ипостась божества,—воплощенный или воплотившійся духъ—и въ ростѣ нашей матеріальной культуры, въ одолѣніи мятежной природы узнаетъ процессъ воплощенія. Вотъ почему такъ жгуча его любовь къ матеріальному, вещественному прогрессу, вотъ почему рыцарь-изобрѣтатель, рыцарь-покоритель природы и рыцарь-государственный устроитель въ его глазахъ святые подвижники. Энтузіазмъ ученаго и политика возносится на равную высоту съ молитвеннымъ порывомъ отшельника. Иногда начинаетъ даже казаться, что земля предпочтется небу, воплощенный духъ невоплощенному духу.

Стоитъ вспомнить нѣсколько параллелей: Рыцарь плоти—Леонардо да-Винчи и рыцарь духа—сумасшедшій Саванаролла, сжигающій картины и книги. Выписки изъ дневника Леонардо и пѣсня крестоносцевъ-дѣтей:

Мы пляшемъ, пляшемъ, пляшемъ
И крестиками машемъ?...

Героическое служеніе Петра и скудоумный бредъ самосожигателей. На чью сторону склоняются вѣсы?

Но Мережковскій помнитъ о Ницше и не можетъ отвергать неба:

«Надо полюбить небо до конца, до послѣдняго края земли,—до неба, надо полюбить небо до конца, до послѣдняго края неба—до земли, и тогда мы поймемъ, что это не двѣ, а одна любовь, что небо сходитъ на землю, обнимаетъ землю, какъ любящій обнимаетъ любимую (двѣ половины, два *пола* міра) и земля отдается небу, открывается небу... въ этомъ-то соприкосновеніи, соединеніи и заключается сущность если не историческаго христіанства, то самаго ученія Христова».

Бездна плоти и бездна духа испытаны: и въ обѣихъ открывается божество.

Нечестиво отвергать ту или иную. Онѣ должны совмѣститься, и весь вопросъ только въ томъ, какъ быть, чтобы онѣ слились въ нашемъ с ганіи?

Мережковскій остановился передъ этой задачей, и если разрѣшилъ ее д себя, въ новомъ «дѣйствіи», какъ говоритъ онъ, то этотъ выходъ и мно-эзотерическій для насъ, непосвященныхъ—запретный. Передъ проб мой о подчиненіи индивидуальной жизни двуединому нравственному нач —«комплексу» героизма и аскетизма (говорю терминомъ автора) въ и чѣніи остановился и Минскій. Онъ самъ зажегся героическимъ идеа-

ломъ и пошелъ стезей «гордаго рыцаря»—устроителя земной жизни. Но намъ онъ заповѣдалъ иное, правда, въ видѣ нерѣшенной проблемы, но въ формѣ настоятельнаго императива непремѣнно разрѣшить ее въ жизни.

И мы стоимъ теперь на горной вершинѣ, куда насъ завели наши исканія и о томъ времени, когда нравственный идеалъ рисовался намъ наивной альтернативой: «либо небо, либо земля, либо матеріальный прогрессъ, либо внутреннее утонченіе духовности» вспоминаемъ какъ о порѣ дѣтской невинности, съ умиленіемъ надъ безвозвратно прошедшимъ.

Мы давно ушли дальше и выше, и то, что прежде намъ казалось проблемой, теперь сдѣлалось исходною точкой, а настоящая проблема еще впереди.

Но вотъ оказывается нашлись люди, для которыхъ наши старыя колебанія—причина мукъ и раздоровъ въ настоящемъ. И наклоняя одну изъ чашекъ вѣсовъ и радуясь подъему другой, эти люди восторгаются своей смѣлостью и думаютъ, что нашли нужное, самый вѣрный, самый новый исходъ, и по наивности не видятъ того, что этотъ путь уже давно пройденъ до конца, что на немъ слѣды множества ногъ, что по нему за смѣлыми вожаками успѣла уже пройти толпа черни, истоптавъ его неповоротливыми ступнями.

«Истинная анархія есть безуміе,—читаемъ мы у одного изъ этихъ людей—разрѣшающее *основную дилемму жизни*: «*сытость или свобода*» (курсивъ мой, Л. Г.)—рѣшительнымъ избраніемъ «свободы». *Ея вѣрные* будутъ *бѣжать довольства* и *питаться растертыми въ рукахъ колосьями* не ими вспаханныхъ полей, помогая работающимъ на одной нивѣ и насыщая свой голодъ на другой».

Напрасенъ былъ завѣтъ Минскаго, подсказанный поэту свободой:

„...И такъ сказала: двѣ тропы,
Двѣ правды, два добра.
Раздоръ и мука для толпы,
Для мудреца—игра".

Нашлись люди, притязающіе на мудрость, но всецѣло утопающіе въ толпѣ, въ той толпѣ, что тамъ видитъ дилемму, гдѣ подлинный, глубокій мудрецъ уже давно открылъ двуединство. Альтернатива: «сытость или свобода», свѣтскій путь великаго инквизитора или безплотная дорога Христа—не можетъ быть дилеммой для насъ, вышедшихъ за грань дѣтскаго опыта. Не сотни, тысячи разъ, безсчетное число разъ человѣкъ стоялъ уже на этомъ распутьи и отбрасывалъ то «хлѣбъ», то «свободу». Но «пойдешь влѣво, потеряешь коня, пойдешь вправо—самъ сложишь голову». Каждый выборъ упирался въ *безбожіе,* кончался вырожденіемъ и застоемъ, погрязалъ въ томъ или иномъ «хамствѣ». И чахлые поклонники «неземного», и люди положительной жизни всегда вели въ узкіе тупики, куда-то вбокъ отъ міровой жизни, въ мѣщанство, въ провинціальные закоулки. Монастыри, секты, пустыни—такая же глухая провинція, такія же мѣщанскія горницы, съ бальзаминчиками и геранью на подоконникахъ и съ канарей-

кой, скачущей въ клѣткѣ, какъ контора купеческаго лабаза, журъ-фиксъ у карьериста-сановника, декадентскій intérieur диллетанта и поэтическій кабакъ на Монмартрѣ, гдѣ безжизненные виртуозы стиха спорятъ о каденціяхъ и цезурахъ. И тутъ и тамъ, во имя разныхъ началъ, человѣкъ прячется отъ лица Бога, отъ полноты его великихъ предначертаній. Духъ Божій ищетъ полнаго воплощенія. Слово хочетъ стать плотью—въ мощномъ ростѣ міровой жизни. Бунтъ аскета, убѣгающаго въ пустыню отъ грядущей полноты воплощенія, бунтъ мистика, эстета, сектанта—это не мятежъ богоборца, а дезертирство перетрусившаго солдата. Подвижникъ, уходящій отъ жизни въ поискахъ за субъективнымъ экстазомъ (гдѣ бы онъ ни находилъ этотъ экстазъ, въ мистикѣ или созерцаніи красоты)—недостоинъ называться подвижникомъ. *Экстазъ, взятый, какъ самоцѣль, а не какъ средство къ дѣятельному творчеству,* долженъ быть отвергнутъ и осужденъ. «Погубившіе свою душу спасутъ ее, а спасающіе погубятъ ее». Субъективное блаженство отшельника это—бѣгство отъ задачъ жизни, бѣгство въ забытье и безчувственность. Отшельникъ сходитъ съ большой дороги исторіи и заваливается спать около нея, а чистый практикъ останавливается на пути, разбиваетъ комфортабельную палатку и говоритъ себѣ: «пей, ѣшь, душа и веселись и пусть Духъ Божій устраивается, какъ знаетъ». Смертный грѣхъ и то, и другое: ибо путь долженъ быть пройденъ до конца.

IV.

Есть два слагаемыхъ культурнаго творчества, два великихъ «отвлеченныхъ начала», которыя нельзя раздѣлять, не впадая въ вырожденіе и застой. Н. М. Минскій называлъ эти факторы *героическимъ и аскетическимъ* началомъ. Думаю, что будетъ точнѣе опредѣлить ихъ какъ начала *вдохновенія и воплощенія.* Безъ *вдохновенія,* безъ молчаливыхъ подъемовъ, безъ скопленія духовной энергіи въ безформенномъ и внѣразсудочномъ видѣ, безъ своего рода постоянныхъ экстазовъ — не умножались бы душевныя содержанія, не возрастало бы богатство души. Прогрессъ роста духовности напоминаетъ развертываніе цвѣтка: почка набухаетъ и наливается, въ ней скопляется безформенный студень,—мутная, туманная протоплазма. Это первая ступень творчества, подготовительный его фазисъ. Что-то новое клубится въ душѣ, подымается туманная пелена и заволакиваетъ мысли и образы. Мыслителямъ, поэтамъ, художникамъ — всѣмъ тѣмъ, кто переживалъ творчество — знакомо это странное опьянѣніе. Но изъ протоплазмы формируется цвѣтокъ: студень уплотняется и разслаивается, онъ дробится на дифференцированные участки, онъ становится вещественнымъ и оформленнымъ. Въ туманной пеленѣ настроенія обозначаются идеи и образы, и когда процессъ творчества конченъ, пелена тумана расходится, и въ душѣ горятъ *новыя содержанія,* яркія, наглядныя и предметныя. У философа родилась мысль. У беллетриста—осязательная картина.

Полнота жизни вселенной только въ человѣческихъ душахъ развертываетъ все свое содержаніе, раздробляясь въ мысли и представленія. Можно повторить вслѣдъ за Гегелемъ, что въ человѣкѣ міровой духъ начинаетъ осознавать самъ себя. Допустима и *безсознательная полнота,* смутное, безформенное богатство, не развернувшее своихъ содержаній. Въ самочувствіи каждаго изъ насъ заключены въ видѣ возможности, въ потенціальномъ, неразвернутомъ состояніи, воспоминанія о всей прожитой жизни. Мы сознаемъ ихъ въ видѣ общаго настроенія, въ видѣ смутнаго заднято фона сознанія, и намъ приходится напрягать память, чтобы выдѣлить изъ этого хаоса отдѣльные конкретные эпизоды. Туманная вуаль вдохновенія это—тоже безсознательная полнота, но не полнота *прошлыхъ* испытываній, пережитыхъ уже раньше по одиночкѣ, а клубокъ новыхъ, незнакомыхъ переживаній, который предстоитъ еще развернуть. Въ минуту творчества душа замираетъ и, прикасаясь къ полнотѣ міра, къ его смутному, безсознательному богатству, насыщается и наполняется имъ. Но для того чтобы этотъ процессъ былъ осмысленнымъ, онъ не можетъ останавливаться на полъ-пути: онъ долженъ повести къ *воплощенію.* Надо развернуть свитокъ, надо выявить его содержанія. Иначе міровой духъ не прозрѣетъ въ человѣческомъ интеллектѣ и попрежнему пребудетъ слѣпымъ.

Вдохновеніе—аскетическое начало. Минскій это тонко подмѣтилъ, хотя не высказалъ въ опредѣленной формулировкѣ. Онъ говоритъ о святости аскетизма и самъ не замѣчаетъ того, что аскетизмъ только тогда святъ, когда онъ—путь къ вдохновенію. Кто хочетъ испытать вдохновеніе, тотъ долженъ отвернуться отъ жизни, временно покинуть ее, погрузиться въ глубину своей психики, гдѣ бьетъ еще родникъ безсознательнаго.

...Бѣжитъ онъ, думъ великихъ полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубравы.

Съ бѣгства Магомета въ Медину мусульмане ведутъ лѣтоисчисленіе. Безъ бѣгства, безъ отвертыванія отъ жизни не можетъ быть великихъ зачатій, безъ него не можетъ быть творчества.

Но рядомъ съ аскетическимъ идеаломъ поставленъ идеалъ героическій. По моей схемѣ это—постулатъ воплощенія, это требованіе, чтобы воспринятое богатство не оставалось неразвернутымъ и безформеннымъ, а разрѣшалось въ яркую пестроту. Геній, убѣжавшій изъ жизни и прильнувшій къ роднику безсознательнаго, долженъ возвратиться обратно, неся съ собой развернутый свитокъ. Онъ долженъ передать его человѣчеству, чтобы сокровища не умерли вмѣстѣ съ нимъ, а продолжали жить въ душахъ людей, и новому, грядущему генію не пришлось ихъ добывать сызнова. Въ человѣчествѣ, растущемъ и зрѣющемъ, міровой духъ осознаетъ самъ себя. Объ этомъ говоритъ и религія, называя общество тѣломъ церкви. Воплощеніе не можетъ быть полнымъ, пока оно не перешло къ обществу, не сдѣлалось общественнымъ достояніемъ. Потому-то «героическій идеалъ» включаетъ и заботу о человѣчествѣ, борьбу за полноту его жизни, за сво-

боду отъ природы и угнетенія, за повышенныя формы общенія. *Работа генія была бы безплодной, если бы его вдохновеніе, развернувши всѣ свои содержанія, не могло ихъ закрѣпить въ чужихъ душахъ, а развѣяло въ пустынѣ непониманія.*

Мы должны запечатлѣть въ своихъ душахъ, что мы слуги мірового процесса, что только помогая его развитію, толкая жизнь по линіи восхожденія, мы исполняемъ цѣль нашего бытія. Былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: «приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези его».

Историческій прогрессъ человѣчества ведетъ въ сторону могущества и свободы. Человѣкъ освобождается отъ природы (въ этомъ смыслѣ организаціи производства) и сбрасываетъ государственныя оковы. Безъ богатства, безъ развитія производства духъ, связанный житейской нуждой, не можетъ посвятить себя творчеству. Намъ заповѣдано освободить духъ, снять съ него заботу о пропитаніи.

До сихъ поръ мы были такъ страшно бѣдны, что покупали наше право на творчество, т.-е. возможность для ничтожнаго меньшинства подвигать впередъ знаніе и искусство—закабаленіемъ огромнаго большинства. Иного выхода не было и не могло быть. Какъ ни ужасно это рабство милліоновъ, оно лучше, чѣмъ всеобщее нищенство и совершенная духовная неподвижность. Должны быть напрягаемы всѣ усилія, чтобы срокъ необходимости миновалъ и пробилъ часъ освобожденія отъ проклятія: «въ потѣ лица ты будешь ѣсть хлѣбъ твой». Черезъ технику и политическую борьбу лежитъ нашъ путь къ этой свободѣ. И пусть помнятъ политическія партіи, что задерживая, намѣренно или сознательно, развитіе производительныхъ силъ, преграждая путь росту богатства — онѣ отодвигаютъ тотъ часъ, когда явится возможность освобожденія.

Теперь послѣдній вопросъ: какъ сочетать въ личной индивидуальной жизни единство аскетизма и героизма, заботу о земномъ и небесномъ? Отдавайтесь міровому процессу, старайтесь продвигать его дальше, творите въ жизни, если васъ влечетъ жизнь, въ наукѣ, философіи и искусствѣ, если духъ вашъ увлекаетъ васъ въ эти области. Но подходите ко всему вдохновенно, влюбляйтесь въ вашу цѣль, какъ въ любовницу. И никогда не останавливайтесь на созерцаніи, спѣшите перейти къ *созиданію*. Такъ каждый, въ предначертанной ему средѣ, будетъ участвовать въ развертываніи свитка, въ выявленіи глубинъ бытія. Каждый будетъ и жрецомъ и народомъ, и отшельникомъ и героическимъ рыцаремъ. Отшельникъ—тотъ, кто возлюбилъ свою цѣль и отворачивается отъ всѣхъ иныхъ цѣлей въ мірѣ. Рыцарь ъ, кто перешелъ уже къ созиданію, кто отъ любви идетъ къ воплощенію.

«О, люди въ камнѣ спитъ мой образъ, образъ моихъ образовъ! Ахъ, у суждено спать въ самомъ твердомъ, самомъ бездобразномъ камнѣ!

«И вотъ мой молотъ жестоко неистовствуетъ надъ его тюрьмой. Отъ ня летятъ куски, что мнѣ до того?»

Такъ должны мы воплощать наши цѣли.

Леонидъ Галичъ.

Расходный бюджетъ Франціи на 1907 годъ.

«Бюджетное право,—говоритъ извѣстный профессоръ конституціоннаго права Эсменъ,—это, прежде всего, узда, посредствомъ которой представительныя собранія держатъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть, или, скорѣе,—лучшая охрана противъ возможныхъ нарушеній ихъ правъ со стороны ея». Исторія европейскихъ революцій показываетъ, какъ часто вопросъ о правѣ народныхъ представителей разсматривать годовую смѣту расходовъ и доходовъ вызывалъ противодѣйствіе со стороны автократіи или аристократіи; въ случаѣ пораженія представителей стараго порядка въ завязавшейся борьбѣ, въ конституцію вносились бюджетныя права парламентовъ, придающихъ отнынѣ бюджетамъ характеръ *регулярности*, одного изъ основныхъ свойствъ современнаго бюджетно-фискальнаго права. Юридической наукой вообще давно уже признана важность права народныхъ представителей контролировать расходованіе народныхъ денегъ и давать путемъ разсмотрѣнія бюджета (Штурмъ, извѣстный знатокъ бюджетнаго права *), опредѣляетъ государственный бюджетъ, какъ актъ, содержащій въ себѣ предварительное утвержденіе государственныхъ расходовъ и доходовъ) извѣстное направленіе финансовой политикѣ государства. Эта же аксіома конституціоннаго права является, по понятнымъ причинамъ, основнымъ требованіемъ всѣхъ конституціонныхъ партій въ странахъ, не имѣющихъ парламентарнаго образа правленія. Но для странъ, уже завоевавшихъ себѣ прочное парламентарное устройство, при которомъ бюджетныя права парламента являются чѣмъ-то самоочевиднымъ, разсмотрѣніе бюджета имѣетъ нѣсколько иное значеніе. Оно даетъ возможность испытать искренность министерскихъ декларацій, провѣрить, насколько соотвѣтствуютъ слова членовъ стоящаго у власти министерства его дѣламъ. А дѣла каждаго министра находятся въ зависимости отъ требуемыхъ и ассигновываемыхъ для его министерства кредитовъ, программу употребленія которыхъ онъ и даетъ народнымъ представителямъ въ сопровождаю-

*) *René Stourm:* „Le Budget" (cours de Finances), Paris, 1906. Chap. I, § 1, page 1—5. (Недавно появился русскій переводъ А. С. Изгоева. *Ред. Русск. Мысли*).

щей бюджетъ даннаго министерства за данный годъ объяснительной запискѣ. Этотъ проектъ бюджета и сопровождающая его объяснительная записка поступаетъ на обсужденіе парламентской бюджетной комиссіи, докладчикъ которой въ представляемомъ парламенту критическомъ обзорѣ министерскаго проекта и въ собственныхъ по сему предмету соображеніяхъ даетъ, обыкновенно, изложеніе desiderata стоящей у власти партіи. Члены парламента, ознакомившись съ докладомъ бюджетной комиссіи въ публичномъ засѣданіи, подвергаютъ его критическому анализу и вотированный такимъ образомъ бюджетъ получаетъ силу закона, проходя, въ странахъ съ двухпалатной системой, еще черезъ одобреніе верхней палаты. Во Франціи бюджетъ сперва разсматривается палатой депутатовъ, затѣмъ переходитъ въ сенатъ, въ случаѣ серьезныхъ разногласій съ которымъ обсуждается междупарламентской комиссіей. Насколько важна эта сторона бюджетнаго права, показываетъ, съ одной стороны, количество времени, посвящаемаго обыкновенно парламентами на обсужденіе бюджета, а также многочисленные примѣры изъ парламентской исторіи, показывающіе, какой высокій процентъ паденія цѣлыхъ министерствъ или отставокъ отдѣльныхъ министровъ вызываетъ именно парламентское обсужденіе бюджета. Франція, къ тому же, показываетъ примѣръ вліянія бюджетныхъ обсужденій на общій ходъ внутренней политики и даже на общественные нравы: только въ настоящій моментъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни перенесенъ на реальную почву и законопроектъ министра юстиціи скоро, надо полагать, будетъ принятъ палатами, но до сихъ поръ упоминавшееся въ уголовномъ кодексѣ наказаніе смертной казнью годами не примѣнялось, будучи отмѣненнымъ въ бюджетномъ, такъ сказать, порядкѣ—палаты изъ года въ годъ не ассигновывали кредитовъ на палачей, эшафоты и т. д., что, совмѣстно съ принадлежащимъ президенту республики правомъ помилованія, сводило на нѣтъ сохранившійся анахронизмъ французскаго законодательства...

I.

Бюджетъ Франціи на 1907 г. представляетъ исключительный интересъ. Дѣйствительно, недавніе выборы въ палату депутатовъ дали громадное радикально-демократическое большинство; увеличилось и число республиканцевъ въ верхней палатѣ, сенатѣ. У власти стоитъ радикально-соціалистическое министерство, глава котораго представляетъ собою интереснѣйшую фигуру. А, помимо Клемансо, въ составъ министерства входитъ рядъ выдающихся дѣятелей, среди которыхъ мы выдвигаемъ на первое мѣсто военнаго министра—Пикара, министра труда—Вивіани и Аристида Бріана, министра народнаго просвѣщенія, культовъ и изящныхъ искусствъ. Вивіани и Бріанъ причисляютъ себя къ соціалистамъ, остальные члены кабинета—тоже сторонники радикальныхъ соціальныхъ реформъ. Общая программа кабинета выяснилась еще изъ министерской деклараціи, базами которой

является постепенная демократизація общественныхъ формъ, законодательная охрана труда и свобода мысли, въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Особенно характернымъ является образованіе новаго министерства труда и народнаго здравія, представляющее собою интересную попытку разрѣшенія рабочаго вопроса парламентскимъ путемъ (министерства труда существуютъ уже въ Бельгіи и Новой Зеландіи). Программная рѣчь Вивіани указала, какъ на главную цѣль образованія новаго министерства—на подготовку матеріала къ разрѣшенію рабочаго вопроса, подготовку, въ которой видную роль должны сыграть сами рабочіе, совмѣстно съ министромъ, проникнутымъ мыслью, что умственныя, а не стихійныя силы приведутъ къ освобожденію рабочаго класса. Самое названіе новаго министерства указываетъ еще на одну черту его дѣятельности—по охранѣ народнаго здравія. Одного поднятія умственнаго уровня недостаточно, необходима забота о физическомъ здоровьи, слѣдовательно, строгая регламентація условій работы, фиксація цѣнъ на пищевые продукты, жилищный вопросъ и т. д. То, что Вивіани—соціалистъ, дѣлаетъ еще болѣе интересной его попытку соціальнаго реформаторства, воочію показывая, что сторонники крайнихъ соціальныхъ ученій, ставъ на реальную почву, ставъ у власти, неизбѣжно приходятъ къ «оппортюнизму», къ сознанію необходимости эволюціонной, а не революціонной тактики. Эта черта программы Вивіани ясна была еще изъ его программной рѣчи, всѣмъ извѣстной, но еще выпуклѣе выступаетъ она въ его, непопавшей въ русскую печать, рѣчи, обращенной къ «верховному совѣту труда» (Conseil supérieur du travail), учрежденію, вѣдающему вопросы труда и обсуждающему эти вопросы при сотрудничествѣ рабочихъ, предпринимателей и ученыхъ спеціалистовъ. Открывая XVI сессію работъ совѣта, въ которомъ засѣдаетъ столько компетентныхъ лицъ изъ міра рабочаго, промышленнаго, юридическаго и экономическаго, министръ Вивіани произнесъ рѣчь, которую позволю себѣ привести in extenso: «...Это собраніе,—сказалъ министръ,—людей различнаго происхожденія, образа мыслей и занятій является наилучшимъ символическимъ изображеніемъ Франціи, столь разнообразной и богатой, гдѣ работники мысли и занятые мускульнымъ трудомъ образуютъ двѣ мощныя силы, которыя я лично никогда не считалъ враждебными. Приступая къ нашимъ работамъ, нужно ли мнѣ опредѣлять нашу задачу, нужно ли напоминать, чего страна, парламентъ ждутъ отъ васъ? Здѣсь, собственно, находится лабораторія, гдѣ вырабатывается рабочее законодательство, получающее затѣмъ санкцію парламента. Достаточно оглянуться назадъ, чтобы увидѣть, какъ была плодотворна работа совѣта въ этой области. Въ ближайшемъ же будущемъ предстоитъ заняться вопросомъ о профессіональномъ образованіи и обслѣдовать положеніе курсовъ для рабочихъ и подмастерьевъ, урегулировать организацію инспекцій труда и выяснить, насколько эта инспекція можетъ быть поручаема самимъ рабочимъ—изъ числа обнаружившихъ достаточныя знанія и подготовку, наконецъ, пересмотрѣть положеніе о расклейкѣ рабочихъ законовъ, дорого стоющей предпринима-

телямъ и ненужной рабочимъ... Въ заключеніе, да будетъ позволено привѣтствовать новыхъ членовъ совѣта, избранныхъ рабочими синдикатами. Все болѣе и болѣе движеніе организованныхъ рабочихъ приближается къ законодателю и нужно только пожелать, чтобы синдикаты еще болѣе приблизились къ намъ, такъ какъ они для рабочаго класса являются школой мудрости и зрѣлости, гдѣ обучаютъ всѣмъ тѣмъ качествамъ, которыя необходимы для великаго дѣла соціальнаго обновленія» *).

Эти выдержки показываютъ яснѣе, чѣмъ это вытекало изъ нѣсколько теоретической программной рѣчи Вивіани, произнесенной имъ 8 ноября (н. с.) 1906 г. и расклеенной по странѣ по почти единогласному постановленію палаты, конкретный планъ ближайшихъ работъ новаго министерства. Эти рѣчи и сказавшаяся уже дѣятельность министра—законопроектъ объ охранѣ труда сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, выступленіе въ палатѣ по вопросу объ еженедѣльномъ отдыхѣ трудящихся и въ сенатѣ по вопросу о запрещеніи употребленія малярами и другими рабочими вредныхъ для здоровья свинцовыхъ бѣлилъ (blanc de ceruse) и являются подготовительнымъ матеріаломъ для обозрѣнія бюджета министерства труда и народнаго здравія. Создавшій это министерство декретъ 15 октября 1906 года очертилъ кругъ подлежащихъ его вѣдѣнію вопросовъ. Послѣдняя заключаетъ въ себѣ: 1) регламентацію труда (продолжительность работы, отдыхъ, гигіена, безопасность); 2) отношенія между рабочими и работодателями (рабочій договоръ, профессіональные союзы и т. д.); 3) условія существованія рабочихъ въ случаѣ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, прекращенія работъ, инвалидности, старости и учрежденія, вѣдающія дѣло взаимопомощи и страхованія, наконецъ, 4) статистическія и анкетныя работы въ области рабочаго вопроса въ широкомъ смыслѣ. Сюда надо еще прибавить такъ называемую «дирекцію труда», примирительныя камеры (conseils de prud'dommes), инспекцію труда и часть горнаго дѣла (регламентація труда, выдача вспомоществованій въ случаѣ болѣзни и старости и т. д.). Этотъ перечень показываетъ, что въ кругъ вѣдомства еще не включено, а изъ вѣдѣнія другихъ министерствъ еще не выключенъ рядъ родственныхъ вопросовъ: профессіональное образованіе въ его цѣломъ, надзоръ за трудомъ рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, трамваяхъ и т. д., подлежащій пока вѣдѣнію министерства общественныхъ работъ. Неполнота круга вѣдомства министерства труда объясняется новизною дѣла, а также тѣмъ, что самая идея образованія этого министерства вызвала извѣстную оппозицію. Этимъ же объясняется незначительность бюджета министерства — всего *12.549,019 франк.* Министерство труда должно стоять незыблемо на стражѣ выработанныхъ третьей республикой основъ соціальнаго законодательства, но ясно, что законодательство это будетъ со значительной скоростью расти, — и громадное количе-

*) Приводимыя выдержки заимствованы изъ ежедневной парижской періодической печати (*Journal* и др.).

ство выработанныхъ и переданныхъ въ коммиссію труда, но еще не санкціонированныхъ палатами законопроектовъ, является тому наглядным доказательствомъ,—а съ нимъ будетъ расти и бюджетъ министерства труда. Да и большая часть бюджета этого года существовала и ранѣе и, перенесенные теперь въ министерство труда кредиты, раньше вотировались для извѣстныхъ департаментовъ министерствъ торговли и промышленности, внутреннихъ дѣлъ и общественныхъ работъ (въ суммѣ 12.339,369). Слѣдовательно, на долю новаго министерства остается незначительная часть вотированныхъ кредитовъ, причемъ въ общей суммѣ ихъ палатами сдѣланы, по сравненію съ министерскимъ проектомъ, нѣкоторыя измѣненія, не превышающія, однако, и 100 тыс. фр. Первое мѣсто въ бюджетѣ этого министерства занимаютъ пособія обществамъ взаимопомощи и страхованія рабочихъ (въ суммѣ свыше 7 милл. фр.), а также расходы по надзору за соблюденіемъ законовъ объ охранѣ труда, оказаніе помощи безработнымъ (110 тыс. фран.), субсидія французской ассоціаціи законодательной защиты рабочихъ и международному бюро труда (12 тыс. фран.), періодическія переписи по профессіямъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ жалованіе персоналу министерства и другіе второстепенные расходы. Изученіе кредитовъ, даже самыхъ мелкихъ, представляетъ интересъ первостепенной важности, давая наглядную картину успѣховъ Франціи по пути соціальныхъ реформъ въ духѣ демократіи. Развитіе синдикатовъ, биржъ труда, профессіональнаго образованія говорятъ за то, что дѣло соціальнаго прогресса находится въ надежныхъ рукахъ: къ стремленію рабочихъ къ экономическому раскрѣпощенію присоединяется и помощь республиканскаго правительства, что значительно подвигаетъ дѣло къ конечной цѣли. Популярная брошюра сенатора Дельпеша и педагога Лами «35 лѣтъ республики», выпущенная во время послѣднихъ выборовъ и представляющая собою образецъ столь распространеннаго на Западѣ типа предвыборной литературы, о которомъ не слыхали только всезнающіе публицисты изъ *Нов. Вр.*, открывшіе пресловутый «подстрочникъ» А. А. Кизеветтера,—слѣдующимъ образомъ высказывается о дѣятельности республики въ указанномъ отношеніи: «какой режимъ сдѣлалъ больше для рабочихъ, для униженныхъ и оскорбленныхъ? Если забота о народныхъ интересахъ есть смыслъ существованія республики, кто откажется воздать ей должное *)? Однако, республика всячески содѣйствуетъ не только охранѣ труда, предметомъ ея заботъ является также вопросъ о распространеніи знаній. Просвѣщеніе массъ даетъ имъ, помимо выгодъ духовнаго характера, и толчокъ къ увеличенію производительности ихъ труда, согласно доказанной наукой и практикой истинѣ о прямомъ соотношеніи между степенью образованія рабочаго и величиною его заработной платы. Въ странѣ всеобщаго избирательнаго права степень постановки народнаго образованія должна

*) „La France sous la 3-ième République" (35 ans de République) par A. Delpech et G. Lamy, Paris, 1906, cent vingtième mille, page, 37.

быть особенно высока, чтобы всякій могъ сознательно исполнять свой гражданскій долгъ. Несмотря на сравнительно сносную постановку внѣшкольнаго образованія, несмотря на давно проведенное уже въ законодательномъ порядкѣ всеобщее, безплатное и обязательное обученіе, въ этой области имѣется много недостатковъ. Помимо того, что на дѣлѣ не достигается обязательность и всеобщность начальнаго обученія, повсемѣстная свѣтская школа, откуда выпускаютъ гражданъ, а не подданныхъ, какъ изъ школы духовной, и гдѣ процвѣтаетъ истинная свобода мысли, является во Франціи дѣломъ молодымъ и требующимъ самаго внимательнаго ухода (по закону 6 іюля 1904 г. дѣло обученія отнято изъ рукъ духовныхъ конгрегацій и только конгрегаціи, образовавшіяся со спеціально-педагогической цѣлью, смогутъ продолжать существовать, но не больше 10 лѣтъ). Мало, далѣе, научить населеніе грамотѣ, нужно воспитать въ немъ извѣстное благородство духа, привить извѣстные моральные принципы и основы культуры, чтобы оно было достойно осуществлять полное самоуправленіе. Именно въ послѣднее время вопросъ этотъ сталъ съ особенною настоятельностью передъ французскимъ правительствомъ.

И понятно почему. Законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства провозгласилъ государство нейтральнымъ въ отношеніи ко всѣмъ религіямъ, что заставляетъ его взять на себя задачу нравственнаго руководительства массами, которую раньше—плохо ли, хорошо ли—это другой вопросъ—исполняло духовенство. Задача эта громадна по своимъ размѣрамъ, въ особенности, если принять во вниманіе весьма цѣнную въ педагогическомъ отношеніи попытку французскихъ общественныхъ дѣятелей и воспитателей прививать въ школѣ принципы, которые они находятъ нужнымъ защищать въ жизни. Такъ, въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ основаны особыя школы мира и секціи пропаганды идей мира въ школахъ, дающія гарантію, что подрастающее поколѣніе всецѣло проникнется идеями мира, этой первоосновы демократіи. Точно также, среди дѣтей школьнаго возраста ведется энергичная пропаганда противъ алкоголизма, дабы этимъ путемъ повліять на семью школьника, приносящаго домой рисунки съ изображеніями жертвъ алкоголизма, брошюры и т. д., а также внушить дѣтямъ сознаніе вреда для ихъ физическаго и умственнаго здоровья отъ злоупотребленія спиртными напитками. Несмотря на важность всѣхъ этихъ частностей, еще существеннѣе ихъ является вопросъ, составляющій теперь предметъ заботъ Бріана, о болѣе строгомъ примѣненіи закона объ обязательномъ обученія. Законъ 1882 г. о всеобщемъ, обязательномъ и безплатномъ обученіи сильно понизилъ число неграмотныхъ, доведя его (въ процентномъ отношеніи) въ 1900 г. до 4,13 для мужчинъ и 6,3 для женщинъ (до 1882 г. было 14,6 для мужчинъ и 2,6 для женщинъ). Но и эти цифры велики, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ вышеприведенныхъ данныхъ официальной статистики вносится въ графу грамотныхъ всякій, умѣющій подписать свое имя и фамилію, безъ чего число неграмотныхъ равнялось бы, приблизительно, 25%, въ 50 разъ болѣе, чѣмъ въ Швейцаріи и Германіи. Для

демократической республики должны быть позоромъ случаи неграмотности, которые обнаруживаются чаще всего при призывѣ молодыхъ людей на военную службу, а также низкій уровень просвѣщенія въ цѣлой провинціи—Бретани, часть населенія которой не знаетъ даже французскаго языка. Въ качествѣ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ народной жизни представленный для обсужденія палатъ законопроектъ Бріана выдвигаетъ рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ родителей неграмотныхъ дѣтей, заставляя тѣмъ самымъ посылать ихъ въ школу на срокъ не менѣе 3 лѣтъ. Къ этимъ мѣрамъ, несомнѣнно, должно прибавиться и повсемѣстное учрежденіе кассъ вспомоществованія родителямъ неимущихъ учащихся...

Обращаясь къ бюджету министерства народнаго просвѣщенія, который равняется *261.367,546* фр. (по сравненію съ 1906 годомъ возросъ на 11,127,536, а въ первые годы 3-й республики = 38½ милл. фр.), отмѣтимъ раньше всего сказывающуюся въ бюджетныхъ комиссіяхъ палаты и сената тенденцію уменьшить,—здѣсь, какъ и по *всѣмъ* остальнымъ вѣдомствамъ,—требуемыя ассигнованія на администрацію, тенденцію, имѣющую своего корнемъ борьбу съ бюрократизмомъ, которому далеко не чужда Франція, и провозглашающую слѣдующую формулу: «въ интересахъ дѣла уменьшить число чиновниковъ, но лучше оплачивать ихъ трудъ».

Нужно, конечно, различать бюрократизмъ чрезмѣрный и умѣренный, являющійся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расширенія круга вѣдомства государства, естественно влекущаго за собою увеличеніе общаго числа чиновниковъ. Государства, идущія по пути соціальнаго прогресса, до сихъ поръ становились на точку зрѣнія такъ называемаго государственнаго соціализма; государственный же соціализмъ влечетъ за собою вмѣшательство государства во все новыя сферы жизни, но вмѣшательство живое, а не сводящееся къ бумажнымъ отпискамъ и канцелярской опекѣ. И борьбу французскихъ парламентскихъ дѣятелей противъ бюрократизма нужно понимать не въ смыслѣ желанія уменьшить кадры чиновничества вообще,—чему противорѣчитъ соціальная программа тѣхъ же дѣятелей, постепенно ведущая ихъ къ увеличенію числа государственныхъ служащихъ,—а лишь въ смыслѣ желанія уничтожить остатки старой канцелярщины, мертвящей всякую работу и обременяющей бюджетъ.

На высшее образованіе во Франціи ежегодно тратится около 21 милліона франковъ, изъ которыхъ около 16 милліоновъ ассигнуется государствомъ, а остальное пополняется муниципалитетами и департаментами; Германіей же на тѣ же надобности тратится 35 милл. Врядъ ли французамъ скоро удастся достичь цифры ихъ зарейнской сосѣдки, да и не это составляетъ въ настоящій моментъ предметъ заботъ палатъ и министра, который выдвигаетъ проектъ уничтоженія экзамена на бакалавра, замѣняя его свидѣтельствомъ объ окончаніи курса наукъ, и заботится о децентрализаціи высшаго образованія, разсадники котораго сосредоточены въ Парижѣ въ ущербъ провинціи. Въ частности, на юридическихъ факультетахъ французскихъ университетовъ, которые могутъ гордиться созданными ка-

ѳедрами колоніальнаго, аграрнаго и промышленнаго права и такъ называемой соціальной экономіи, подумываютъ теперь о созданіи новой организаціи практическихъ занятій, дѣлая тѣмъ самымъ столь необходимую реформу практицизаціи, если позволено такъ выразиться, юридическаго образованія. Чтобы покончить съ рубрикой высшаго образованія, отмѣтимъ еще субсидіи по 12 тыс. двумъ вольнымъ университетамъ въ Парижѣ (école des hautes études sociales и collège libre des sciences sociales), безъ которой эти основанные по частной иниціативѣ университеты не могли бы существовать, а также ассигновку въ 587,500 фр. на Collège de France, гордость страны, гдѣ безплатно читаютъ лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія, давая законченное энциклопедическое образованіе. Ясно, что въ области средней школы, построенной по плану законодателя на основахъ единства и современности гуманитарнаго воспитанія, не должно быть мѣста застою, все должно двигаться, прогрессировать, и, въ качествѣ примѣра, укажемъ на сильно занимающій въ данный моментъ преподавателей лицеевъ вопросъ о раціональной постановкѣ преподаванія иностранныхъ языковъ, съ которыми французы вообще мало знакомы, къ которымъ не очень способны, но необходимость знанія которыхъ и для нихъ теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію *).

Интересно еще отмѣтить графу на поощреніе ученыхъ и литераторовъ (172,000 фр.), являющуюся примѣромъ бережнаго отношенія республики къ научнымъ и литературнымъ силамъ страны, двигателямъ ея интеллектуальнаго и духовнаго прогресса. Ограничиваясь этими краткими замѣчаніями по поводу бюджета министерства народнаго просвѣщенія, прогрессирующаго соотвѣтственно паденію реакціоннаго духа въ странѣ **), какъ по сравненію съ прошлымъ (статистическія данныя показываютъ, что съ начала 3-й республики и по наши дни общая сумма издержекъ на начальное образованіе возросла съ 83.078,733 фр. до 270 милл. фр., на каждаго учащагося съ 21,50 до 54,80, число студентовъ возросло съ 6 до 34 тыс. и т. д.), такъ и въ отношеніи проектируемыхъ реформъ, ска-

*) Ecole des langues orientales vivantes получаетъ отъ правительства 165,300 фр. въ годъ.

**) Поверхностный взглядъ на суммы бюджетовъ министерства народнаго просвѣщенія во времена монархіи и третьей республики подтверждаютъ эту мысль:

1815 г.	1.630,000	фр.
1830 „	1.995,000	„
1840 „	11.460,000	„
1848 „	13.253,000	„
1860 „	14.436,000	„
1870 „	24.238,000	„
1872 „	33.784,000	„
1882 „	105.826,000	„
1892 „	118.563,000	„
1902 „	208.662,781	„

жемъ теперь нѣсколько словъ о бюджетѣ вѣроисповѣданій и культовъ, связанныхъ съ народнымъ просвѣщеніемъ единствомъ управленія. Логически разсуждая, въ общемъ бюджетѣ Франціи, по проведеніи закона объ отдѣленіи государства отъ церкви или, слѣдуя общепринятой терминологіи, церкви отъ государства, не должно было быть бюджета культовъ.

Въ дѣйствительности же, большая часть прежнихъ бюджетовъ культовъ (въ 1905 г. = 42.324,933) распредѣлена между другими вѣдомствами, главнымъ образомъ министерствами финансовъ и народнаго просвѣщенія, часть уничтожена, часть, въ виду необходимости постепенности въ переходѣ отъ конкордата къ режиму государственнаго нейтралитета, временно сохранена. Эту 3-ю часть составляетъ содержаніе и ремонтъ принадлежащихъ государству церковныхъ зданій, пенсіи бывшимъ служителямъ культовъ и ихъ семьямъ, архивы и т. д., всего на сумму *567,130* фр. Въ отношеніи культовъ въ настоящій моментъ не можетъ быть прилагаемо въ общемъ вѣрное положеніе о соотвѣтствіи ассигнуемыхъ кредитовъ съ активностью даннаго министра. На долю теперешняго главы министерства народнаго просвѣщенія, культовъ и изящныхъ искусствъ выпала почетная, но многотрудная роль проведенія въ жизнь закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, каковую роль г. Бріанъ и выполняетъ съ удивительнымъ тактомъ, терпимостью, свободомысліемъ и мягкостью, не граничащей, однако, со слабостью. Между прочимъ, интересно отмѣтить, что толерантному до послѣднихъ предѣловъ Бріану удалось отстоять передъ палатами обычную ассигновку въ 304,025 на содержаніе духовниковъ при лицеяхъ, уничтоженія которой требовала бюджетная комиссія, доказывая, что государство, не придавая офиціальнаго характера религіозному воспитанію, оставаясь нейтральнымъ въ области религіозныхъ вопросовъ, должно, однако, сдержать свое обѣщаніе по отношенію къ родителямъ, разъ оно уже обязалось дать всѣмъ желающимъ религіозное воспитаніе внутри учебнаго заведенія. Хотя страна, вопреки чаяніямъ истинно-католическихъ людей, встрѣтила новый modus vivendi или одобрительно, или безразлично, но количество необходимыхъ работъ отъ этого не уменьшается, и г. Бріану приходится отдавать культамъ главную часть своего вниманія, въ ущербъ народному образованію, какъ увѣряютъ нѣкоторые.

Таковы ужъ условія момента, что приходится временно посвящать себя исключительно церковному вопросу, но проекты Бріана показываютъ, что онъ не намѣренъ спеціализироваться въ этой области, равномѣрно заботясь о всѣхъ отрасляхъ его обширнаго вѣдомства. И если въ отношеніи народнаго просвѣщенія дѣла много, то въ отношеніи изящныхъ искусствъ его еще больше. Демократія, ставящая себѣ цѣлью свободу и красоту жизни, не можетъ игнорировать вопроса объ эстетическомъ воспитаніи массъ, а, между тѣмъ, дѣло это поставлено во Франціи очень слабо.

Составитель доклада, сдѣланнаго отъ имени бюджетной комиссіи палатѣ депутатъ Conyba, авторъ книги «L'art et la démocratie», рисуетъ въ

своемъ докладѣ *) яркую картину дефектовъ современной постановки дѣла, а также планъ необходимыхъ преобразованій. Послѣднія сводятся къ демократизаціи и децентрализаціи эстетическаго развитія, до сихъ поръ ограничивавшагося столицею и ея населеніемъ въ ущербъ провинціи и имущими классами въ ущербъ общей массѣ плательщиковъ налоговъ, большинство которыхъ принадлежитъ всюду къ классамъ неимущимъ. Ставъ на точку зрѣнія истиннаго демократизма, нужно отклонить формулу коллективистовъ «коллективное искусство въ верховномъ государствѣ-суверенѣ», какъ ведущую къ обезличенію художника, и формулу крайнихъ индивидуалистовъ: «свободное искусство въ свободномъ государствѣ», не дающую возможности развивать безъ помощи государства духовное творчество художника, и выбрать формулу «свободное искусство въ государствѣ-покровителѣ». Формула эта обезпечиваетъ художнику достаточную свободу творчества, а государству гарантируетъ неустанное пополненіе сокровищницы духовныхъ богатствъ, разсѣяніе которыхъ и составляетъ его цѣль въ этомъ направленіи. Охрана труда художниковъ не должна, конечно, сводиться къ мелочной опекѣ офиціальныхъ академій и институтовъ, она должна вести къ воспитанію въ массахъ культа прекраснаго. Но этой цѣли прямо противорѣчитъ существующее распредѣленіе кредитовъ и ихъ величина.

Что касается распредѣленія кредитовъ въ бюджетѣ изящныхъ искусствъ, то остановимся въ качествѣ примѣра на театральномъ дѣлѣ, въ которомъ изъ ассигнуемыхъ государствомъ 1.471,000 фр. большинство идетъ на субсидированіе 4 парижскихъ театровъ (Opéra, Opéra comique, Odeon и Comédie Française), хотя и посѣщаемыхъ почти исключительно людьми состоятельными, но въ финансовомъ отношеніи убыточныхъ. Не о финансовой аристократіи должно заботиться правительство демократической республики, а объ общей массѣ плательщиковъ налоговъ, для которыхъ нужно создать рядъ автономныхъ народныхъ театровъ, пользующихся декораціями и матеріаломъ субсидируемыхъ театровъ и имѣющихъ выдержанный репертуаръ и общедоступныя цѣны.

Франція, какъ страна издавна существующей культуры, имѣетъ громадное количество памятниковъ искусства и старины, одно голое перечисленіе которыхъ занимаетъ объемистый томъ въ 966 стр. in 4°. Сохраненіе и ремонтъ этихъ памятниковъ (дворцовъ, замковъ, библіотекъ, ратушей, соборовъ, церквей, монастырей и т. д.) требуетъ значительныхъ расходовъ.

Послѣ бюджета жизни, каковымъ по существу своему является бюджетъ народнаго просвѣщенія или изящныхъ искусствъ, мы переходимъ къ бюджету смерти—военному. Не случайно выбрали мы эту послѣдовательность. Во-первыхъ, во главѣ военнаго министерства стоитъ сейчасъ во Франціи генералъ Пикаръ, человѣкъ не только выдающійся, какъ гражда-

*) Chambre des députés. Neuvième législature. Session de 1906. № 344.

нинъ, выказавшій столько благороднаго мужества во время дрейфуссіады, но и какъ солдатъ. Затѣмъ, размѣръ военнаго бюджета равняется приблизительно $^1/_5$ всѣхъ расходовъ страны, такъ что, собственно говоря, слѣдовало бы, если классифицировать бюджеты по ихъ размѣрамъ, помѣстить военное дѣло на одно изъ первыхъ мѣстъ. Наконецъ, и это самое главное, военное дѣло въ его современной постановкѣ во Франціи приближается къ дѣлу народнаго просвѣщенія, въ силу все болѣе растущей демократизаціи арміи, обращающей армію въ школу гражданственности.

Сокращеніе срока службы до двухъ лѣтъ, стремленіе путемъ всеобщей воинской повинности создать то, что французы называютъ nation armée (вооруженная нація, противополагаемая armée de metier, т.-е. ремесленно-кастовому ея устройству), исчезновеніе монархически-аристократически настроеннаго офицерства, замѣняющагося республиканско-демократическимъ— всѣ эти обстоятельства настолько интересны сами по себѣ, настолько глубоко отразились на общемъ ходѣ французской жизни, не говоря уже о жизни военной, что мы не считаемъ возможнымъ касаться этихъ вопросовъ вскользь, предпочитая лишь намѣтить ихъ и надѣясь современемъ подробно освѣтить ихъ на страницахъ *Русской Мысли*. Добавимъ только, что лучшая часть французской арміи, отбросивъ оба крайнія ученія—антимилитаристовъ-анархистовъ и сторонниковъ архаическаго военнаго строя, стоитъ на точкѣ зрѣнія демократіи и мира; однако, несмотря на миролюбіе палатъ, правительства и большинства въ арміи, въ силу современнаго закона желѣзной необходимости, проистекающаго изъ всеобщаго вооруженія сосѣднихъ народовъ, приходится отклонять требованія пасифистовъ о постепенномъ разоруженіи: si vis pacem para bellum. Трудно ожидать отъ предстоящей 2-й гаагской конференціи какихъ-либо реальныхъ шаговъ въ этомъ направленіи, хотя и говорятъ о предложеніи, которое имѣетъ сдѣлать Англія касательно того, чтобы цивилизованныя страны условились въ теченіе ряда лѣтъ не увеличивать своихъ военныхъ бюджетовъ. Только международное соглашеніе можетъ привести къ какимъ-либо результатамъ, пока же отдѣльныя страны, правительство и войско которыхъ настроены миролюбиво, служатъ дѣлу прогресса проповѣдью идей мира въ арміи и народѣ, воспитаніемъ духа миролюбія. Недавнія марокскія осложненія, вызвавшія громадныя экстраординарныя издержки, являются примѣромъ необходимости быть всегда наготовѣ, во избѣжаніе всякихъ неожиданностей въ наши дни финансовыхъ авантюръ, во имя которыхъ ловкіе дѣльцы, подкупившіе часть прессы, фальцифицирующіе общественное мнѣніе, вліяющіе на правящія сферы, и вызываютъ гекатомбы человѣческихъ труповъ. Требованіе пасифистовъ о всеобщемъ разоруженіи и передачѣ международныхъ споровъ на разрѣшеніе третейскихъ судовъ или иныхъ по устройству формъ международныхъ трибуналовъ могутъ пока въ реальной политикѣ сводиться къ стремленію къ мирному разрѣшенію международныхъ конфликтовъ. Логически же разсуждая, судебное разрѣшеніе международныхъ споровъ, имѣющее замѣнить собою въ отдаленномъ будущемъ

войну, должно явиться слѣдствіемъ того же закона прогресса и эволюціи, который привелъ къ замѣнѣ поединковъ и иныхъ кровавыхъ путей единоличнаго разрѣшенія тяжбъ судебнымъ разбирательствамъ. Но фактически приходится держать наготовѣ армію, сводя къ возможному минимуму издержки на нее и не слишкомъ стѣсняя гражданъ воинской повинностью. Армія должна быть отраженіемъ націи, ея соціально-политическаго уклада, и демократическая Франція должна имѣть демократическую армію. Послѣдняя въ силу всѣхъ этихъ соображеній должна носить характеръ силы оборонительной, но отнюдь не наступательной. Уже одно это обстоятельство заставляетъ не помышлять объ увеличеніи кадровъ, но къ тому же ведутъ и условія современной битвы, при которыхъ не количество людей, а ихъ техническія познанія и оборудованіе, согласно послѣднимъ выводамъ науки, нужнымъ матеріаломъ, играютъ главную роль.

Франція послѣднія 6 лѣтъ и сдѣлала усиліе остановить ростъ военнаго бюджета, тѣмъ самымъ показывая искренность своего миролюбія и отсутствіе жажды реванша: Германія съ каждымъ годомъ усиливаетъ свои вооруженныя силы. «Франція же,—читаемъ мы на стр. 9 т. I бюджета военнаго министерства *),—проникнутая идеаломъ прогресса и цивилизаціи, гордая своей свободой и ревниво оберегающая свои права, но мирная и спокойная, не желаетъ ринуться въ дорого-стоющую политику военной и морской мегаломаніи. Если нѣмецкимъ плательщикамъ налоговъ по вкусу подобная политика—это ихъ дѣло. Мы же не будемъ настолько сумасбродны, чтобы подражать имъ». Эта энергично выраженная точка зрѣнія не вноситъ, однако, къ неподвижности военнаго бюджета, увеличенія котораго вызываются необходимостью какъ слѣдовать за успѣхами техники (что особенно ясно выяснилось послѣ русско-японской войны), такъ и улучшить казарменный бытъ, довольствіе воинскимъ чинамъ и поднять на должную высоту преподаваніе въ военныхъ училищахъ. Подобнаго рода реформы вызовутъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, ежегодное повышеніе бюджета на сумму между 10 и 20 милл. франковъ, каковая сумма можетъ быть, однако, уравновѣшена искренней и разумной экономіей. Экономія эта не должна вызываться какими-либо временными мѣрами, а должна достигаться общими преобразованіями военнаго устройства, чтобы потомъ не приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ кредитамъ. Однимъ изъ источниковъ экономіи является уничтоженіе всѣхъ обязанностей, возлагаемыхъ теперь на нижнихъ чиновъ, но, строго говоря, ничего не имѣющихъ общаго съ кругомъ ихъ обязанностей, какъ защитниковъ свободы и зависимости націи. Между тѣмъ, сейчасъ имѣется до 135 тыс. человѣкъ ...датъ, находящихся въ сущности внѣ арміи: денщики (35 тыс.), музы...ты (12 тыс.), барабанщики (8 тыс.), сапожники (10 т.), сѣдельники ...тыс.), повара (8 тыс.), канцеляристы (7 тыс.), кондукторы (1 тыс.) ...д., не говоря уже о часовыхъ и караульныхъ (въ одномъ Парижѣ

*) Chambre des députés. 9-ième législature. Session 1906, № 337.

ихъ около 600 человѣкъ), дежурящихъ у зданій министерствъ, палатъ, у входовъ въ общественные сады, скотобойни и т. д. Все это не дѣло *солдата* и расходы по содержанію всѣхъ этихъ лицъ не должны входить въ составъ бюджета военнаго министерства.

Бюджетныя комиссіи на этотъ источникъ экономіи не указываютъ, но, осуществивъ уже и въ этомъ году рядъ сокращеній обычныхъ кредитовъ, они подчеркиваютъ не подлежащую сомнѣнію чрезмѣрность количества персонала нѣкоторыхъ отраслей службы, причемъ сокращеніе этихъ ненужныхъ издержекъ дастъ возможность въ теченіе 10—15 лѣтъ заняться улучшеніемъ военнаго дѣла, безъ требованій дополнительныхъ кредитовъ. Весь бюджетъ военнаго министерства на 1907 г. равняется почти $^3/_4$ милліарда (точнѣе *772.986,132 фр.),* слагаясь изъ 4 частей: войска метрополіи—669.829,233 фр.; войска колоніальныя—33.848,390 фр.; чрезвычайные расходы, вызванные, между прочимъ, марокскими осложненіями—54.246,740 фр. и, наконецъ, на обновленіе матеріала, согласно новѣйшимъ даннымъ—22.061,776.

Общая сумма этого бюджета, безъ сомнѣнія, велика, въ особенности, если сравнить ее съ бюджетами другихъ министерствъ. Но ея истинная величина познается по сравненію съ той же рубрикой бюджетовъ другихъ государствъ, а также по принятіи во вниманіе незначительныхъ увеличеній по сравненію съ предыдущими годами. Вся военно-бюджетная политика Франціи можетъ быть въ немногихъ словахъ сведена къ стремленію съ наименьшими усиліями и затратами достичь наибольшихъ результатовъ: *хотѣть* мира не значитъ еще въ наши дни имѣть возможность сократить свои военныя издержки, но можно, не оскорбляя достоинства націи, свести ихъ до минимума, понимая, что повышеніе этихъ издержекъ повлечетъ за собою уменьшеніе отпускаемыхъ кредитовъ на соціальныя реформы, на развитіе производительныхъ силъ страны. Эта точка зрѣнія, проходящая красной нитью черезъ весь бюджетъ военнаго министерства, еще ярче выступаетъ въ бюджетѣ морскомъ. «Дадимъ на дѣло національной защиты все, что требуется для безопасности страны, но не пойдемъ дальше!» — восклицаетъ депутатъ Henri Michel въ своемъ докладѣ *). — Нечего говорить, что флотъ, военный и торговый, необходимы государству и слова экономиста Листа—«страна безъ флота, что птица безъ крыльевъ», справедливы и по наши дни. Но на флотъ, на улучшеніе постановки морского дѣла вообще, нѣтъ надобности быть неудержимо щедрымъ, преступно, какъ это практикуется еще въ нѣкоторыхъ странахъ, отклонить фразами о государственной необходимости и пользѣ всякія попытки къ экономіи. Далѣе, идеологическія обоснованія морской программы играютъ не только теоретическую роль, но и глубоко практическую, такъ какъ принципы этой программы кладутся въ основу техническихъ соображеній и типъ судна зависитъ отъ способа оцѣнки желательной внѣш-

*) Chambre des députés. № 339. Ministère de la Marine, т. I, page 2.

ней политики: оборонительная и агрессивная политика требуютъ различныхъ типовъ судостроенія и, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ назадъ споръ,—уже взвѣшенный судьбою,—между Пельтаномъ и Лакруа можетъ служить образцомъ столкновенія двухъ различныхъ морскихъ программъ, включая сюда и морскую политику и технику.

Бюджетъ морского министерства на 1907 г. является первымъ, быть можетъ, примѣромъ въ исторіи и не одной только Франціи, сокращенія расходовъ и разумной экономіи: вотированная палатами сумма расходовъ этого министерства *312.169,819 фр.* разнится отъ бюджета 1906 г. на *12.932,112 фр.*! Эта экономія проистекаетъ изъ двухъ причинъ: къ ней вела, съ одной стороны, общая внѣшняя политика Франціи, съ другой—стремленіе сократить повсюду расходы и полученный этимъ путемъ излишекъ обратить на дѣло соціальныхъ реформъ. Дѣйствительно, международное положеніе Франціи въ данный моментъ сравнительно благопріятно, ея союзы и «сердечныя соглашенія» съ сосѣдними державами даютъ возможность предполагать, что ей удастся избѣжать кровопролитія. Въ частности, обращаясь къ морскому дѣлу, не подлежитъ сомнѣнію, что морской войнѣ между Франціей и Германіей не бывать, и если вообще—что очень мало вѣроятно—предстоитъ въ будущемъ новое вооруженное столкновеніе этихъ двухъ странъ, то разрѣшенія его надо ждать на сушѣ. Остается Англія, дружба Франціи съ которой основана на взаимныхъ интересахъ, такъ какъ въ соединенномъ королевствѣ на чувства не слишкомъ обращаютъ вниманіе, основывая все на разумѣ и интересѣ. Англія, правда, имѣетъ громадный, первый въ мірѣ флотъ, за ростомъ котораго съ возрастающей тревогой слѣдитъ соперница ея въ торговлѣ и промышленности—Германія. Англіи нужно быть владычицей морей, такъ какъ ея географическое положеніе не даетъ ей больше, чѣмъ на 4 недѣли съѣстныхъ припасовъ и не больше, чѣмъ на 6 недѣль матеріаловъ для промышленности и, въ случаѣ войны, она безъ флота могла бы быть изолирована отъ всего свѣта. Характерно, хотя и логически понятно, предположеніе нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ и общественныхъ дѣятелей о томъ, что на ближайшей гаагской конференціи Англіей будетъ поднятъ вопросъ о сокращеніи морскихъ силъ, ростъ которыхъ давитъ плательщиковъ налоговъ. Интересно, какъ отнесется къ этому предложенію, если оно дѣйствительно будетъ сдѣлано, воинственный «Кайзеръ»... Вопросъ о необходимости увеличенія флотовъ крейсерами и броненосцами осложняется еще тѣмъ, что нѣкоторые авторитеты (напримѣръ, вице-адмиралъ Fournier) являются сторонниками замѣны судовъ старыхъ типовъ подводными лодками. А въ отношеніи подводныхъ лодокъ Франція, какъ разъ, богаче другихъ странъ и качественно, и количественно... Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о подводныхъ лодкахъ можетъ современемъ совершить цѣлую революцію въ военно-морскомъ дѣлѣ, и морская программа великихъ державъ переживаетъ время выбора пути,—не стоитъ вѣдь теперь предпринимать работы, которыя по окончаніи (года черезъ

2—3, а то и 4) будутъ признаны ненужными. Уже одно это соображеніе техническаго характера достаточно для поддержки предложенія о сокращеніи съ 6 до 3 числа новыхъ броненосцевъ и крейсеровъ, о которомъ мы упомянули выше. Но, кромѣ этой причины, есть еще два соображенія финансово-экономическаго характера, которыя также нельзя упускать изъ виду: созданіе синдиката предпринимателей, очень смахивающаго на трестъ со всѣми его отрицательными сторонами, дѣлающее невыгоднымъ постройку въ данный моментъ, и, во-вторыхъ, невозможность привлекать сразу къ работѣ временнаго характера громадное количество рабочихъ, большинство которыхъ по окончаніи постройки будутъ выброшены на улицу и пополнятъ собою кадры безработныхъ. Все это и дало поводъ и возможность свести ассигновку на новыя постройки до 119.347,185 фр. (изъ коихъ 106.647,185 фр. собственно на постройку судовъ, а 12.700,000 на портовыя работы). Чтобы получить общую сумму бюджета, надо прибавить расходы постояннаго характера (содержаніе персонала и имѣющагося уже подвижного состава и т. д.) — 179.381,099 и 13.441,535 фр. субсидіи кассѣ моряковъ-инвалидовъ. Касса эта — общій расходъ ея = 18.740,285 фр.—оказываетъ помощь морякамъ военнаго и торговаго флотовъ, а также рыболовамъ и ихъ семьямъ; бо́льшая часть выдаваемыхъ пособій получается изъ государственной субсидіи, а меньшая изъ отчисленій самихъ моряковъ. Эта касса, которой государство оказываетъ столь щедрую поддержку, является благодѣяніемъ для моряковъ и ихъ семей: въ общемъ же матеріальное положеніе чиновъ морского вѣдомства незавидно, на что неоднократно указываютъ сенатскій и палатскій докладчики.

Военное и морское дѣло составляютъ только первую половину той запретной для обсужденія во многихъ странахъ области, которая касается внѣшней обороны и внѣшняго достоинства націи. Не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію, что не физической силой государствъ измѣряется нынѣ ихъ могущество, и иллюзіи, которымъ предавался весь міръ насчетъ «сѣвернаго медвѣдя» до русско-японской войны, являются послѣдними, надо полагать, въ этомъ отношеніи. Русско-японская война, давшая міру столько уроковъ наглядпаго обученія разумной политикѣ (доказательствомъ отъ обратнаго: Россія дѣлала до сихъ поръ то-то, вышло плохо, будемъ же поступать въ обратномъ смыслѣ и т. д.), внесла не мало свѣта и въ военно-морское дѣло, и въ область колоніальной политики, и въ область, обыкновенно составляющую кругъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ. Технически-профессіональная сторона этого «обученія» идетъ объ руку съ политико-идеологической, окончательно и разъ навсегда подтверждая, что то государство сильно, то выигрываетъ войну, у котораго сносно хотя бы поставлено дѣло народнаго образованія, которое стремится къ разрѣшенію соціальнаго вопроса въ демократическомъ смыслѣ, которое, наконецъ, управляется по волѣ всего народа его избранниками и уполномоченными. Намъ пришлось, говоря о бюджетахъ военнаго и морского министерствъ, касаться интересной съ демократической точки зрѣнія по-

становки вопросовъ въ этихъ вѣдомствахъ; то же самое мы попытаемся сдѣлать, и говоря о второй половинѣ этого цикла вопросовъ,—при обозрѣніи бюджетовъ министерства колоній и министерства иностранныхъ дѣлъ. Начнемъ съ министерства колоній, вѣдомства, которое со времени все той же русско-японской войны,—этого образца безразсудной колоніальной авантюры, и колоніальныхъ конфликтовъ рейхстага и правительства въ Германіи, пріобрѣтаетъ особый интересъ. Бюджетъ министерства колоніи (=*109.473,799* фр.) имѣетъ своей базой два положенія: 1) постепенное уничтоженіе государственнаго вмѣшательства въ расходы колоній по гражданскому управленію и, 2) содѣйствіе колоній въ вызываемыхъ ими военныхъ издержкахъ съ помощью контингента, который можетъ быть назначенъ до уравненія потраченныхъ на нихъ военныхъ расходовъ. Эти принципы политики будущаго, однако, до сихъ поръ не примѣнялись. Основа колоніальной политики, какъ мы ее понимаемъ, — распространеніе путемъ колонизаціи культуры среди дикихъ народовъ и развитіе производительныхъ силъ населенія метрополіи путемъ новаго комбинированія экономическихъ отношеній, а въ тоже время самый фактъ существованія колоній требуетъ дальнѣйшихъ о нихъ заботъ. Сдѣлано ли что-нибудь въ этомъ направленіи, привиты ли основы демократіи и къ колоніальному дѣлу? На вопросы эти приходится отвѣтить отрицательно или, по крайней мѣрѣ, сказать, что сдѣлано довольно-таки мало. Бюджетная комиссія палаты указываетъ на чрезмѣрное увеличеніе расходовъ по военному управленію заокеанскихъ владѣній, а также на рутинность въ кредитныхъ требованіяхъ министерства колоній, неизмѣнно требующаго изъ года въ годъ тѣхъ же ассигновокъ. Помимо деталей бюджета, основы дѣятельности министерства колоній не всегда демократичны. До сихъ поръ Франція оказывала прямое давленіе на направленіе дѣлъ въ колоніяхъ, вмѣсто протектората; колоній не должны считаться источникомъ доходовъ для метрополіи, и опекой, имѣющей цѣлью соціальное и нравственное прогрессированіе туземцевъ, должна ограничиваться роль центральнаго правительства. Истинная колоніальная политика заключается не въ ассимиляціи, а въ развитіи самосознанія и культурныхъ началъ; *автономныя* колоніи должны двигаться по пути прогресса подъ контролемъ и общимъ направленіемъ республики. Автономія должна быть всесторонняя и распространяться на административную часть (допущеніе туземцевъ къ исполненію административныхъ обязанностей), финансовую (децентрализація финансоваго управленія и налоговой системы) и экономическую (самостоятельность колоній въ торговомъ и таможенномъ отношеніи). Объ этихъ общихъ началахъ умалчиваютъ докладчики бюджетныхъ комиссій обѣихъ палатъ.

Критическимъ замѣчаніемъ заканчиваемъ мы нашъ бѣглый обзоръ дѣятельности министерства колоній, поскольку она затрогивается въ докладъ бюджетной комиссіи, критическимъ же замѣчаніемъ мы начнемъ зоръ министерства иностранныхъ дѣлъ. Тутъ критика наша коснется ять-таки принципіальной стороны вопроса. Докладчикъ палатской бюд-

жетной комиссіи Поль Дешанель, бывшій до Бриссона предсѣдателемъ палаты депутатовъ, начинаетъ свой докладъ съ заявленія, что служебный персоналъ вѣдомства внѣшней политики въ общемъ внѣ упрековъ. Предположимъ, что дѣйствительно въ извѣстномъ отношеніи дипломатическіе представители Франціи находятся внѣ упрековъ, но можно ли обобщать вопросъ, когда самъ министръ иностранныхъ дѣлъ г. Пишонъ заявилъ какъ-то, что нужно еще *создать* республиканскую дипломатію? По странной и ничѣмъ теперь не могущей быть оправданной традиціи, дипломатическіе посты занимали представители родовой или финансовой аристократіи, присвоившей себѣ эту привилегію, такъ какъ де они одни могутъ достойно «представлять» великую страну (о «великой республикѣ» они не говорятъ).

Большой вопросъ, въ блестящемъ ли представительствѣ заключается задача дипломата, но дипломаты-аристократы, по большей части, еще и консерваторы, противники демократической республики, чего послѣдняя уже никакъ терпѣть не должна. Пишонъ недавно назначилъ консуломъ въ Дамаскъ соціалиста, сотрудника *Humanité*, и принялъ отставку трехъ чиновниковъ его вѣдомства, не согласныхъ съ общимъ направленіемъ нынѣшней политики республики и съ ея антиклерикализмомъ въ особенности, и замѣнилъ ихъ республиканцами. Но послѣдніе все еще не въ большинствѣ среди дипломатовъ. Къ этимъ двумъ качествамъ—аристократизму и консерватизму стоящаго «внѣ упрековъ» дипломатическаго персонала, надо прибавить еще одно (это послѣднее не скрываетъ и г. Дешанель)—стремленіе не покидать Парижа и служить при главномъ управленіи министерства. Такихъ, дѣлающихъ свою дипломатическую карьеру въ Парижѣ господъ—видимо-невидимо и, насколько они предпочитаютъ «представительство» на балахъ и въ салонахъ защитѣ интересовъ своихъ соотечественниковъ въ какой-либо зарубежной странѣ, показываетъ случай съ вакантнымъ постомъ посла въ Буэносъ-Айресѣ, куда долго никто не хотѣлъ ѣхать («далеко»... «семья»... «климатъ»... и т. д.). Случай этотъ, однако, будетъ послѣднимъ, такъ какъ послѣдовало распоряженіе о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ по очереди, съ исключеніемъ со службы лицъ, нежелающихъ занять опредѣленный постъ. Намъ этотъ вопросъ о характерѣ дипломатическихъ представителей—вопросъ касающійся не только Франціи—кажется очень важнымъ, и поэтому мы остановимся еще на одномъ мѣстѣ доклада Дешанеля, касающемся обстоятельствъ, дѣлающихъ невозможнымъ доступъ къ дипломатической карьерѣ молодымъ людямъ безъ состоянія: «...расходы, которые вызываетъ положеніе секретаря посольства, въ особенности въ столицахъ Европы, дѣлаютъ необходимымъ имѣть и собственные годовые доходы, не меньшіе получаемаго жалованія, т.-е. отъ 7 до 10 тыс. фр., чтобы жить *прилично*» (курсивъ нашъ. С. Ф.) *). Г. Дешанель и предлагаетъ весьма раціонально повысить оклады, сокративъ, экономіи ради, ненужныя должности и заставляя чиновниковъ министерства больше работать. Г. Дешанель указываетъ еще на необходимость усиленія требованій къ

*) Chambre des députés. Ministère des affaires étrangères, № 333

кандидатамъ на консульскія мѣста въ области коммерческихъ знаній и знаній языка, а также уменьшенія случаевъ назначеній по протекціи. Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ главъ бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ (всего=*19.110,000*), отмѣтимъ, что въ эту сумму вошли сокращенія въ 2.810,000 фр., сдѣланныя бюджетной комиссіей, главнымъ образомъ на счетъ построекъ новыхъ зданій для посольствъ (въ Вашингтонѣ и др. мѣстахъ), а также остановимся на главѣ 4-й бюджета, включающей въ себѣ архивы, библіотеку и публикацію дипломатическихъ документовъ. Въ 1906 г. на эти надобности было отпущено 40 тыс. фр., а въ этомъ году палаты и правительство сочли нужнымъ сократить эту сумму до 35 тыс. Намъ кажется, что экономія эта неумѣстна, такъ какъ, не говоря уже о расходахъ по печатанію «желтыхъ книгъ», одни архивы требуютъ значительныхъ заботъ и затратъ. Современная постановка исторической науки ставитъ на первый планъ при историческихъ изысканіяхъ изученіе эпохи по первоисточникамъ, т.-е. хранящимся въ архивахъ подлиннымъ документамъ. Эта важность архивовъ для научныхъ работъ и заставляетъ извѣстнаго французскаго историка Сеньобоса видѣть въ изученіи подлинныхъ документовъ одинъ изъ главныхъ моментовъ трансформаціи исторіи, какъ науки, превращенія ея изъ собранія анекдотовъ и легендъ въ систематическое собраніе точныхъ свѣдѣній. Можно ли при этихъ условіяхъ сокращать кредиты на содержаніе архивовъ?

Что, несомнѣнно, можетъ быть поставлено въ заслугу французской дипломатіи—это ея миролюбіе, связанное съ общими принципами демократической государственности тѣснѣйшими узами. Миролюбіе это сказалось какъ въ поддержкѣ мира въ послѣдніе годы, такъ и въ укрѣпленіи и поддержкѣ учрежденій, имѣющихъ цѣлью мирное улаженіе международныхъ конфликтовъ. Такъ, 20 тыс. фр. составляютъ долю Франціи въ расходахъ гаагскаго третейскаго суда, имѣются и особые кредиты на поддержку другихъ интернаціональныхъ предпріятій, имѣющихъ задачей поощреніе идей мира или же улучшеніе быта подданныхъ различныхъ государствъ *).

Такимъ образомъ, резюмируя въ немногихъ словахъ все сказанное относительно министерства иностранныхъ дѣлъ, мы должны повторить, что дѣло защиты интересовъ Франціи и охраненія внѣшняго мира было бы поставлено лучше, если бы оно было передано въ болѣе надежныя руки. Словъ нѣтъ, и теперешняя организація дипломатіи сумѣла съ достоинствомъ поддержать миръ, но все же надежнѣе будетъ, когда веденіе этого деликатнаго дѣла перейдетъ всецѣло въ руки убѣжденныхъ демократовъ, совершенно чуждыхъ шовинистическихъ и ложно-патріотическихъ мыслей, для которыхъ интересы труда и трудового населенія всегда выше иныхъ соображеній, матеріальнаго и даже политическаго характера. Переходимъ къ бюджету вѣдомства внутреннихъ дѣлъ.

С. Федоровичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

*) Своего рода „бюджетъ мира“ въ миніатюрѣ, о которомъ мечтаетъ В. Стодъ.

Военная бюрократія въ цифрахъ *).

II.

Статистика адмираловъ.

Для полноты картины россійской военной бюрократіи необходимо теперь сдѣлать краткій обзоръ высшихъ чиновъ морского вѣдомства, воспользовавшись для этого опять-таки официальными данными. Такія данныя мы находимъ въ «Спискѣ лицамъ состоящимъ въ морскомъ вѣдомствѣ и флота адмираламъ и штабъ-офицерамъ и чинамъ зачисленнымъ по флоту. Ч. I. Спб. Типографія морского министерства. 1905 г.».

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о господахъ адмиралахъ, содержащіяся въ этомъ «Спискѣ», грѣшатъ еще большей неполнотой, чѣмъ свѣдѣнія, вошедшія въ «Списокъ генераламъ». Такъ, напримѣръ, образовательный цензъ господъ адмираловъ совершенно покрытъ мракомъ неизвѣстности. Разумѣется, очень жаль, что господа адмиралы скромно умалчиваютъ о своемъ образовательномъ цензѣ. Но отъ этого дѣло не измѣняется. По теоріи вѣроятностей, во всякомъ случаѣ надо предположить, что и среди россійскихъ адмираловъ, какъ и среди россійскихъ генераловъ, имѣются такіе господа, которые не очень-то обременены научными знаніями и которые тоже получили «общее образованіе—дома, а военное—на службѣ».

По крайней мѣрѣ, иностранные спеціалисты на этотъ счетъ очень невысокаго мнѣнія о россійскихъ адмиралахъ и неудачи русско-японской войны приписываютъ въ значительной степени невѣжеству нашей морской бюрократіи.

«Эскадра адмирала Рожественскаго погибла прежде всего *отъ недостатка знаній*»,—говоритъ бывшій французскій морской министръ Пельтанъ. Спеціалистъ по военно-морскому дѣлу, Локруа, выражается еще болѣе рѣзко. «Эскадра адмирала Рожественскаго, — говоритъ онъ, — погибла вслѣдствіе невѣжества ея командировъ, неспособности ея главнокомандующаго и... неподготовленности ея матросовъ».

---

*) *Русская Мысль*, кн. I—II, 1907 г.

Конечно, неподготовленные командиры, невѣжественные вожаки, не могутъ дать и хорошо подготовленныхъ матросовъ. Это ясно само собой. А въ результатѣ всего этого къ концу войны мы не досчитались 14 броненосцевъ, 5 броненосныхъ крейсеровъ, 6 бронепалубныхъ крейсеровъ, нѣсколькихъ транспортовъ, 20 контръ-миноносцевъ, нѣсколькихъ канонерокъ, миноносцевъ и т. д.—всего 64 судна, стоимостью въ 350 мил. руб.!

Но перейдемъ къ «Списку адмираловъ». Скромно умалчивая о своемъ образовательномъ цензѣ, господа адмиралы не даютъ никакихъ свѣдѣній и о своемъ цензѣ земельномъ, о «священной земельной собственности», находящейся въ ихъ владѣніи. Не находимъ мы въ «Спискѣ» и многихъ категорій разныхъ денежныхъ получекъ, которыхъ, разумѣется, не лишены и высшіе морскіе чины. Таковы, напр., получки «за засѣданія», «наградныя», получаемыя періодически, затѣмъ «награды», получаемыя не-періодически, затѣмъ пособія «на заграничные отпуски», «въ курорты» и т. п. Обо всемъ этомъ «Списокъ» молчитъ, и свѣдѣнія, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи о господахъ адмиралахъ, не могутъ дать даже того матеріала для ихъ характеристики, какой даютъ официальныя свѣдѣнія о генералахъ. Тѣмъ не менѣе, даже краткія и неполныя свѣдѣнія, какъ намъ кажется, представляютъ нѣкоторый общественный интересъ, и во всякомъ случаѣ ими не мѣшаетъ воспользоваться.

Въ россійскомъ флотѣ въ 1905 году числилось: 1 генералъ-адмиралъ (в. к. Алексѣй Александровичъ), 12 адмираловъ, 23 вице-адмирала и 39 контръ-адмираловъ, всего 75 высшихъ морскихъ чиновъ. Если сопоставить эту цифру съ числомъ судовъ русскаго флота къ концу 1905 года, то окажется, что на каждое бронированное судно приходится въ Россійской имперіи ровно по два съ половиной адмирала. Это если считать и строющіяся суда. Если же взять только число судовъ наличныхъ, то на каждое изъ нихъ придется почти по три съ половиной адмирала. Даже минный флотъ едва только въ четыре раза превышаетъ число россійскихъ адмираловъ, такъ что на каждаго изъ нашихъ высшихъ морскихъ чиновъ приходится всего лишь около четырехъ минныхъ судовъ *).

Такимъ образомъ, въ нашемъ флотѣ наблюдается такое же самое явленіе, какое замѣчается и въ арміи: перепроизводство высшихъ чиновъ. Это явленіе покажется еще болѣе поучительнымъ, если мы, вмѣсто официальнаго «Списка», примемъ въ разсчетъ тѣ свѣдѣнія о господахъ адмиралахъ, какія появлялись въ русской періодической печати за послѣднее время. Такъ, напримѣръ, газета *XX вѣкъ* (№ 96 за 1906 годъ) указываетъ, что къ вышеприведенной наличности адмираловъ слѣдуетъ прибавить еще 29 адмираловъ же «по адмиралтейству и по морской артиллеріи». Всего же всѣхъ адмираловъ насчитывается такимъ образомъ 104 человѣка. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что многіе изъ нихъ—адмиралы сухопут-

*) Цифры взяты нами изъ „Морской справочной книжки“ и относятся къ 1 января 1906 года. Суда, устарѣвшія или утратившія боевую способность, исключены [illegible].

наго плаванія. Нѣкоторые (8 чел.) засѣдаютъ тихо и мирно въ Адмиралтействъ-совѣтѣ, 5 числятся въ Морскомъ Штабѣ, 4 отдыхаютъ въ Александровскомъ комитетѣ о раненыхъ, 2 состоятъ градоначальниками (Загорянскій-Кисель и Спицкій), тоже 2—въ Морскомъ военномъ судѣ, 4 плаваютъ не по столь бурнымъ волнамъ моря придворнаго, — состоятъ при Высочайшихъ особахъ и въ свитѣ Е. И. В.,—а 9, «ничтоже сумняшеся» просто-напросто «прикомандированы для денежнаго довольствія» къ Петербургской почтовой конторѣ (?!) (*Око*, 1906 г., № 31). Но если наши высшіе морскіе чины не особенно обременены заботами по части пріисканія мѣстъ «для денежнаго довольствія», то зато они, можно сказать, гнутся подъ бременемъ лѣтъ.

Среди русскихъ адмираловъ нѣтъ ни одного, который состоялъ бы на службѣ менѣе 26 лѣтъ. Зато есть одинъ, который служитъ ни больше, ни меньше, какъ 71 годъ, другой—66 лѣтъ, четверо служатъ по 61 году, столько же по 56 лѣтъ, семеро по 51 году, 12 по 46 лѣтъ и 37 не менѣе 36 лѣтъ. Только восемь человѣкъ находится на службѣ отъ 26 до 36 лѣтъ. Изъ этихъ цифръ можно видѣть, что если не морской, такъ, по крайней мѣрѣ, житейскій опытъ у господъ русскихъ адмираловъ довольно солидный. Изъ тѣхъ же данныхъ необходимо сдѣлать еще одинъ выводъ, что моряки, состоящіе на службѣ по 50 слишкомъ лѣтъ, въ сущности, не могутъ быть моряками хорошими. Не только они не могутъ за флотомъ присматривать, но и за самими ими, по дряхлости ихъ лѣтъ, необходимъ присмотръ. «Нѣкоторыхъ изъ нихъ *приводятъ* каждое 20-е число за жалованіемъ, такъ какъ сами они, за старостью лѣтъ, не могутъ двигаться» (*XX вѣкъ*, № 97, за 1906 годъ).

Нечего и говорить, что такіе господа совсѣмъ не бываютъ ни на какихъ засѣданіяхъ, хотя эти засѣданія и устраиваются-то всего разъ въ мѣсяцъ. Припомнимъ, напримѣръ, газетные отчеты о нѣкоторыхъ засѣданіяхъ Государственнаго совѣта съ описаніями того, какъ сладко дремали надъ вопросами «дорогого отечества» присутствовавшіе тамъ господа адмиралы.

Очевидно, старость беретъ свое. Статистика показываетъ, что такихъ морскихъ старичковъ, до сего времени состоящихъ во флотѣ и начавшихъ свою службу до 1855 года, оказывается 17 человѣкъ.

Статистика раскрываетъ далѣе слѣдующій не безынтересный фактъ: изъ 75 адмираловъ оказывается православныхъ всего лишь 55, то-есть, около 66 процентовъ, 17 лютеранъ и 3 католика. Есть основаніе предполагать, что среди православныхъ имѣется 10 человѣкъ русскихъ только по вѣроисповѣданію, и во всякомъ случаѣ, далеко не чистокровныхъ. Чисто русскихъ фамилій среди адмираловъ мы встрѣчаемъ всего лишь 45 (изъ 75), далѣе 26 фамилій нѣмецкихъ (болѣе 33 процентовъ) и четыре польскихъ. Характерно, что въ то время, какъ между адмиралами и вице-адмиралами совсѣмъ нѣтъ князей, графовъ и бароновъ, между контръ-адмиралами они уже появляются, а именно два: баронъ Штакельбергъ и

печальной извѣстности «Портъ-Артурскій неудачникъ» кн. Ухтомскій. Если мы спустимся по военно-морской іерархической лѣстницѣ нѣсколько ниже, то увидимъ, что процентъ титулованныхъ въ составѣ нашего флота замѣтно возрастаетъ. Очевидно, за послѣднія два царствованія господа титулованные обратили свое милостивое вниманіе и на русскій флотъ.

Ужъ не для того ли, чтобъ подготовить его къ Цусимѣ?

По крайней мѣрѣ, пока среди нашихъ флотоводцевъ были нетитулованные Нахимовы и Корниловы, были и Синопы. А когда завелись среди этихъ флотоводцевъ князья, графы, бароны и т. п., не замедлили явиться Портъ-Артуры и Цусимы.

Дѣйствительно, среди штабъ-офицеровъ (капитановъ 1 и 2 ранговъ) мы уже встрѣчаемъ: трехъ бароновъ, двухъ графовъ, шесть князей, восемь фоновъ, двухъ «де». Всего 21 титулованный.

Впрочемъ, на этомъ совпаденіи мы еще не желаемъ строить никакихъ выводовъ, по той простой причинѣ, что и нетитулованные, какъ извѣстно, могутъ быть тоже очень хороши...

Посмотримъ теперь, какъ обставлены господа адмиралы русскаго флота по части полученъ изъ казеннаго сундука. Къ сожалѣнію, размѣры получаемаго этими господами содержанія не у всѣхъ изъ нихъ указаны. Словно по какой-то досадной случайности, не указаны именно у тѣхъ именъ, которыя для русскаго общества особенно интересны.

Такъ, напримѣръ, «Списокъ» ровно ничего не говоритъ о томъ, какое собственно содержаніе получалъ въ 1905 году знаменитый Евгеній Ивановичъ Алексѣевъ, членъ Государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ и намѣстникъ Дальняго Востока. У этого славнаго имени въ «Спискѣ» сказано: «получаетъ вознагражденіе за командованіе 450 рублей, по званію генералъ-лейтенанта 1,332 рубля въ годъ». Объ остальныхъ получкахъ браваго адмирала «Списокъ» не говоритъ ни слова. Между тѣмъ, какъ извѣстно изъ газетъ, жалованье этого адмирала доходило до 150,000 р. Въ государственной росписи 1899 года мы находимъ, что на расходы по Квантунской области было ассигновано 5 милліоновъ рублей; въ послѣдующіе годы расходы эти возросли до 10 слишкомъ милліоновъ (въ 1905 г. 10.346,575 руб.), которые, разумѣется, проходили черезъ руки намѣстника. Сколько изъ этихъ денегъ осталось въ его карманѣ «по намѣстническому положенію»? Этотъ вопросъ приходится оставить безъ отвѣта.

Но посмотримъ, какъ обставлено вообще матеріальное положеніе полныхъ адмираловъ. Ихъ содержаніе, какъ и содержаніе генераловъ, составляется изъ трехъ главныхъ статей: «жалованья», «столовыхъ» и «арендъ». Средній окладъ «жалованья» полнаго адмирала 6,841 руб. 50 коп. Къ этому необходимо прибавить средній окладъ «столовыхъ» 3,771 р. 50 к. и средній окладъ «арендъ» 2,250 руб. Но и эти цифры далеко еще не характеризуютъ адмиральскаго благополучія. Шесть адмираловъ получаютъ, кромѣ того, «квартирныя», четыремъ идетъ какая-то «личная добавка», семерымъ — «вознагражденіе за долгія кампаніи». Размѣры этихъ всѣхъ

получекъ колеблются въ очень обширныхъ предѣлахъ,—такъ, напримѣръ, жалованье—отъ 3,400 руб. до 18,000 руб., аренды—отъ 1,500 руб. до 4,000 руб., столовыя — отъ 3,400 руб. до 4,320 руб., квартирныя—отъ 1,700 руб. до 2,160 руб. Нѣкоторые адмиралы получаютъ за долгое командованіе всего лишь 387 рублей въ годъ, тогда какъ другіе по 1,080 руб. Личная добавка идетъ, напримѣръ, В. П. Шмидту «за Севастополь»—315 р., не считая 360 руб. пенсіи тоже «за защиту Севастополя» и пенсіи за «раны»—245 р., да за «Георгія»—630 р., идущихъ ему же. Н. И. Казнаковъ получаетъ по званію генералъ-адъютанта «личной добавки»—1,332 рубля. Какъ видно изъ сопоставленія этихъ цифръ, трудное и опасное плаваніе по придворному паркету вознаграждается въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ защита Севастополя или раны.

Сводя къ одному всѣ получки господъ адмираловъ, занесенныя въ «Списокъ», мы находимъ, что 11 адмираловъ обходятся ежегодно казнѣ въ 155,125 р. 70 к. То-есть, въ то время какъ сухопутный генералъ стоитъ казнѣ 12,906 руб., морской цѣнится въ среднемъ по 14,102 руб. съ копейками въ годъ. Это «на берегу», «на сухопутномъ положеніи», не считая разныхъ наградныхъ и другихъ получекъ, которыя увеличиваютъ адмиральское содержаніе не только не въ меньшемъ, но гораздо въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ содержаніе генеральское.

Но не надо забывать, что господа адмиралы, вице-адмиралы и контръ-адмиралы среднимъ числомъ отъ 4 до 6 мѣсяцевъ въ году, если и не бываютъ, то по крайней мѣрѣ «числятся» въ плаваніи, то во «внутреннихъ», то во «внѣшнихъ водахъ». При плаваніи по внутреннимъ водамъ размѣры всякихъ адмиральскихъ получекъ увеличиваются почти въ два раза. Но особенно пріятно нашимъ адмираламъ плаваніе заграничное (или въ Финляндіи). Всѣ получки, уже повышенныя плаваніемъ, «столовыя», «за командованіе» и т. д. складываются вмѣстѣ и, въ честь заграничныхъ водъ и во славу русскаго флота, еще разъ удваиваются. Являются новые виды дохода, въ видѣ прилатъ за «разность на курсѣ» и т. п. (ст. 146—152. XIII т. «Свод. морск. постан.). Все это, вмѣстѣ взятое, сильно поднимаетъ оклады. Такъ, содержаніе мичмановъ въ заграничномъ плаваніи доходитъ до 4,000 руб., лейтенантовъ до 5,000 руб. Еще сильнѣе вздуваются, конечно, оклады гг. адмираловъ.

Вице-адмиралы въ экономическомъ отношеніи обставлены со стороны казны, конечно, нѣсколько хуже, чѣмъ полные адмиралы. Средній окладъ ихъ «жалованья» равняется по «Списку» 4,416 р. 33 к., средній окладъ «столовыхъ» около 4,355 р., средній окладъ «арендъ» 1,582 руб. Кромѣ того, вице-адмиралы получаютъ «квартирныхъ» до 2,160 р., «за долгую кампанію» до 1,080 руб., разныхъ «личныхъ добавочныхъ» до 1,332 р., «пенсіи»—832 руб. 50 коп. Пять человѣкъ изъ нихъ пользуются, кромѣ того, казенными квартирами. Есть среди вице-адмираловъ такія имена, на которыхъ слѣдуетъ немножко остановиться.

Возьмемъ, напримѣръ, Ф. В. Дубасова, бывшаго героя русско-турецкой

войны, который началъ свою карьеру взрывомъ турецкаго броненосца и закончилъ разгромомъ первопрестольной столицы. Въ 1905 году Дубасовъ состоялъ въ званіи генералъ-адъютанта и постояннаго члена Совѣта Государственной обороны. Экономическое положеніе браваго адмирала характеризуется по «Списку» такими цифрами: жалованья — 4,000 руб., «столовыхъ» столько же, «квартирныхъ»—2,000 р., вознагражденіе «за кампанію»—540 р., «по званію генералъ-адъютанта»—1,332 руб., аренды—2,000 р., всего—13,872 р.

Возьмемъ еще одного героя сухопутныхъ усмиреній,—Г. П. Чухнина, который состоялъ въ 1905 году, какъ извѣстно, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря, и членомъ конференціи Николаевской морской академіи. Въ этихъ своихъ званіяхъ Чухнинъ получалъ, если вѣрить «Списку», всего лишь 11,730 рублей въ годъ. Это не считая квартиры съ освѣщеніемъ и отопленіемъ. Но въ «Спискѣ» мы находимъ еще одну интересную статью казенныхъ получекъ прославленнаго севастопольскаго героя, а именно 3,900 рублей «на представительство». Эту самую статью получекъ мы находимъ и у кронштадтскаго героя, К. П. Никонова, получающаго столько же, какъ и Чухнинъ. З. П. Рожественскій, бывшій начальникъ главнаго Морского штаба, членъ конференціи Николаевской морской академіи, бывшій командующій второю эскадрою флота Тихаго океана и генералъ-адъютантъ, получалъ въ 1905 году—5,000 р. «берегового» жалованья, 5,000 р. «береговыхъ»-же столовыхъ, да 630 р. пенсіи, да вознагражденія за командованіе 640 р. (тоже по «береговому разсчету»), да «по состоянію въ свитѣ Е. И. В.»—792 руб., да «аренды»—1,200 р. и «квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ». Въ плаваніи же, да еще во внѣшнихъ водахъ, да въ военное время—Рожественскій, какъ сообщалось въ печати, получалъ на свое содержаніе больше 100,000 руб.

Но особенно интересны цифры, относящіяся къ А. А. Бирилеву, морскому министру. Его жалованье всего лишь—6,000 р. Но къ этому прибавляется ни больше, ни меньше, какъ 12,000 руб. столовыхъ. Но и это еще не все: морскому министру, какъ извѣстно, полагается великолѣпная казенная квартира, а такъ какъ по этой причинѣ получка «квартирныхъ» отпадаетъ, то, для возмѣщенія этого пробѣла, изъ казны идетъ морскому министру на «отопленіе и освѣщеніе» казенной квартиры, ни больше, ни меньше, какъ 3,500 рублей въ годъ. Такимъ образомъ, цифра ежегодныхъ получекъ названнаго адмирала вздувается до 22,040 рублей. Изъ всѣхъ адмираловъ его перещеголялъ по части вознагражденія одинъ лишь адмиралъ Авеланъ, получающій 18,000 руб. содержанія, 4,000 руб. аренды, 080 руб. вознагражденія за командованіе и 1,332 руб. «по званію генералъ-адъютанта», всего 24,412 руб. въ годъ.

Въ общемъ, всѣ 23 вице-адмирала обходятся народу въ 252,626 руб. коп., что въ среднемъ выходитъ около 10,984 р. на человѣка.

Переходимъ теперь къ контръ-адмираламъ. Изъ 39 контръ-адмираловъ

размѣры содержанія указаны только у 36. Средній окладъ контръ-адмиральскаго «жалованья» составляетъ всего лишь 2,610 р., средній окладъ «столовыхъ»—3,094 р. «Аренда» уже вовсе не входитъ въ контръ-адмиральское содержаніе, какъ его постоянная, составная статья, такъ какъ изъ всѣхъ контръ-адмираловъ получаютъ аренду всего лишь 4 человѣка (отъ 1,000—3,000 руб.). Почти всѣ контръ-адмиралы, какъ и вице-адмиралы, за исключеніемъ четырехъ, получаютъ по 540 руб., и одинъ—1,080 р. «за долгое командованіе».

Въ общемъ, содержаніе контръ-адмираловъ обходится въ 236,460 р., или по 6,568 р. 33 к. въ среднемъ. Такимъ образомъ, высшій составъ русскаго флота, судя по неполнымъ даннымъ офиціальнаго списка, беретъ ежегодно 644,211 руб. 91 коп., т.-е. по 8,705 руб. съ копейками на одного въ среднемъ. Если же мы возьмемъ позднѣйшія данныя, которыя приводитъ газета *XX вѣкъ* (1906 года, № 96), то выходитъ, что всѣ эти «адмиралы безъ флота» обходятся народу, только по «береговому положенію» въ 880,056 руб. 50 коп., т.-е. безъ малаго въ 900,000 руб. ежегодно.

Принимая же въ разсчетъ всякія плаванія, необходимо эту цифру увеличить, по меньшей мѣрѣ, въ 3 раза. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что и эта цифра еще дальше отъ дѣйствительности, чѣмъ цифра генеральскаго содержанія. По крайней мѣрѣ, такъ заставляетъ думать офиціальный документъ — «Всеподданнѣйшій отчетъ Государственнаго контролера» за 1893 годъ; тамъ дается блестящій подсчетъ «неправильностей», которыя въ конечномъ итогѣ ведутъ къ увеличенію матеріальнаго благополучія заинтересованныхъ лицъ.

Вотъ что напр., говорится въ Отчетѣ: «по поставкамъ въ разныя учрежденія Морского министерства, при ревизіи отчетности, хотя и замѣчались нѣкоторыя отступленія отъ условій пріема и переплаты противъ справочныхъ цѣнъ (удивительная мягкость выраженій), но по маловажности (?) замѣчаній я не смѣю утруждать изложеніемъ ихъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе» (еще бы!)

Несравненно болѣе замѣчаній послѣдовало при ревизіи отчетностей по содержанію судовъ и разныхъ учрежденій морского вѣдомства и по довольствію командъ. Вызвавшія же эти замѣчанія «неправильности» заключались: въ неудержаніи слѣдующихъ въ казну вычетовъ при увеличеніи содержанія; въ раздачѣ въ награды и пособія суммъ, *подлежащихъ обращенію въ доходъ казны*, или перечисленію въ судостроеніе; въ перетребованіи для морскихъ командъ провіантскаго и приварочнаго довольствія, которое выводилось на большее противъ дѣйствительно состоявшаго на довольствіи числа людей и т. п.» (Отч. 1893 г., стр. 52—3).

Это «и т. п.» показываетъ, что и такой блестящій списокъ далеко не полонъ. Далѣе тамъ же читаемъ слѣдующія пикантныя строки: «въ заключеніе позволяю себѣ остановить Высочайшее вниманіе вашего Императорскаго Величества на получившемъ въ отчетномъ 1893 г. должное направленіе вопросѣ о необходимости пересмотра нынѣ дѣйствующаго устава матеріаль-

наго счетоводства и отчетности на судахъ флота, оказавшагося на практикѣ крайне неудовлетворительнымъ, въ особенности *въ отношеніи веденія инвентарной отчетности*. Всѣ принятыя морскимъ министерствомъ въ послѣдніе годы мѣры къ упорядоченію этой отчетности и къ облегченію труда судовыхъ приходо-расходчиковъ, *не привели къ желаемой цѣли*, и вслѣдствіе такой неудачи въ морскомъ министерствѣ возникла даже мысль совсѣмъ освободить судовыхъ чиновъ отъ веденія инвентарной отчетности» (стр. 54).

Изъ приведеннаго видно, что и у высшихъ морскихъ чиновъ есть очень многочисленныя статьи доходовъ, которыя совсѣмъ не значатся не только въ какихъ-либо «спискахъ», но даже и въ законахъ Россійской имперіи. Гораздо лучшей иллюстраціей этихъ доходовъ могутъ служить вовсе не «списки», а судебные процессы, къ которымъ мы и отсылаемъ нашихъ читателей.

«Говорить ли о хищническомъ воровствѣ и грабежахъ, царящихъ въ нашей арміи,— спрашиваетъ господинъ «Волонтеръ», авторъ интересной книжки «Русско-японская война» (на стр. 165). Распространяться ли о тѣхъ чудовищныхъ суммахъ, которыя ежегодно кладутъ въ свой карманъ высшіе представители нашихъ министерствъ военнаго и морского? Здѣсь, какъ и въ остальныхъ отрасляхъ нашего управленія, господствуетъ такое беззастѣнчивое присвоеніе трудовыхъ народныхъ денегъ, передъ которымъ совершенно блѣднѣетъ и превращается въ самую невинную продѣлку всякая французская панама. И все это совершается изо дня въ день, какъ самое законосообразное и нормальное явленіе, не вызывая никакихъ неудобствъ для виновниковъ этой системы. При каждомъ заказѣ броненосца, или крейсера, цѣлыя сотни тысячъ рублей распредѣляются по карманамъ различныхъ высшихъ чиновниковъ и ихъ подчиненныхъ, составляются подходящіе контракты съ соотвѣтствующими фирмами, которыя нарочно представляютъ вздутыя фиктивныя цѣны, чтобы угодить заказчикамъ, которые, понятно, кладутъ себѣ въ карманъ всю разницу между дѣйствительной и фиктивной цѣной броненосца. Съ фирмами, которыя отказываются принимать участіе въ этомъ шантажѣ, прекращаютъ разъ навсегда всякія сношенія. Но много ли такихъ фирмъ? Вообще же крупные заграничные военные заводы и судостроительныя верфи имѣютъ фактически на всѣ предметы своего производства, начиная отъ гигантскихъ броненосцевъ и кончая маленькими ружьями, два прейсъ-куранта: одинъ нормальный, съ обыкновенными цѣнами,—для своихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, японскихъ и другихъ кліентовъ, другой—фиктивный, со вздутыми цѣнами, для нашей бѣдной разоренной, умирающей отъ голода Россіи, а можетъ быть, и для столь же благоденствующей Турціи...»

Припомнимъ исторію съ консервами, закупленными для надобностей нашего флота на Дальнемъ Востокѣ по непомѣрно высокой цѣнѣ, и затѣмъ оказавшимися настолько гнилыми, что къ раскупоренной банкѣ такихъ консервовъ нельзя было даже подойти на близкое разстояніе. Всѣмъ извѣстно, что послѣ попытки скормить эти протухлые консервы сухопутнымъ частямъ матросовъ, весь обширный запасъ казеннаго гнилья, принятый по

счету, сжигался въ зданіи стараго адмиралтейства, разумѣется, ужъ безъ счета, въ продолженіе полутора мѣсяцевъ распространяя невыносимый смрадъ въ окрестностяхъ. Обо всемъ этомъ еще такъ недавно появился цѣлый рядъ сообщеній въ газетахъ, равно какъ и о пожертвованіи такихъ же гнилыхъ консервовъ голодающимъ крестьянамъ, очевидно, по пословицѣ: «на тобі, Боже, що мені ны гоже».

Этими самыми гнилыми консервами начальство какъ бы старалось искупить свою вину передъ народомъ и, разумѣется, искупало такъ, какъ ему и подобаетъ, скармливая голодающій народъ гнильемъ. Припомнимъ еще, наконецъ, подвиги извѣстнаго корейскаго лѣсопромышленника, контръ-адмирала Абазы, подвиги, совершенные при покупкѣ для нуждъ русскаго флота такъ называемой «экзотической эскадры» въ Аргентинѣ. Къ счастію для русскаго народа, экзотическая эскадра такъ и не была пріобрѣтена, что, впрочемъ, не помѣшало ухлопать около двухъ милліоновъ народныхъ денегъ на операціи различнаго характера при ея покупкѣ, или, точнѣе говоря, на операціи *переговоровъ* (*XX вѣкъ*, 22 апрѣля 1900 г.). Припомнимъ еще кронштадтскую мясную эпопею, гдѣ дѣйствующими лицами, такъ сказать ея героями, являлось морское министерство, съ одной стороны, и мѣстный купецъ Батяевъ—съ другой. Вспомнимъ знаменитую постройку броненосца «Гангутъ», о которой въ томъ же Всеподданнѣйшемъ отчетѣ государственнаго контролера (за 1893 г., стр. 40—41), между прочимъ, читаемъ: «полная стоимость корпуса броненосца, безъ брони и предметовъ снабженія, опредѣлилась, по счетамъ петербургскаго порта въ 2.672,774 р., что составляетъ на тонну водоизмѣщенія 405 р. 46 к. Сравнивая эту цѣну со стоимостью почти одновременно строившагося на Балтійскомъ заводѣ и имѣющаго почти одинаковое съ броненосцемъ «Гангутъ» водоизмѣщеніе крейсера «Память Азова», который обошелся балтійскому заводу въ 281 руб. 22 коп. за тонну, оказывается, что стоимость корпуса броненосца «Гангутъ» дороже на 124 руб. 24 коп. за тонну, или всего на 818,990 р.». «Такимъ образомъ,—говоритъ тотъ же Всеподданнѣйшій отчетъ дальше,—сооруженіе броненосца «Гангутъ», къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать въ финансовомъ отношеніи крайне неудачнымъ (sic). Такое заключеніе пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія въ виду слѣдующаго обстоятельства. Вслѣдствіе признанной неготовности броненосца къ плаванію, для выясненія причинъ этой неготовности, по приказанію г. управляющаго морскимъ министерствомъ была назначена въ октябрѣ минувшаго года особая комиссія подъ предсѣдательствомъ младшаго флагмана контръ-адмирала Андреева. По заключенію этой комиссіи, для приведенія броненосца въ полную готовность кронштадтскому порту предстоитъ, кромѣ окончанія разныхъ недодѣлокъ, предусмотрѣнныхъ петербургскимъ портомъ, и кромѣ тѣхъ работъ, необходимость коихъ выяснилась въ теченіе двухмѣсячнаго плаванія броненосца, произвести еще работы, вызываемыя тѣмъ: а) что нѣкоторыя части броненосца, изготовленныя и поставленныя на мѣста около трехъ лѣтъ тому назадъ, *требуютъ уже ремонта;* б) что нѣкоторыя

работы, выполненныя недостаточно опытными мастеровыми, *нуждаются въ исправленіи*, и в) что употребленный на нѣкоторыя работы матеріалъ оказался *ниже требуемыхъ отъ него качествъ* и поэтому является надобность его замѣнить или исправить».

Далѣе читаемъ: «равнымъ образомъ нельзя признать удачною въ финансовомъ отношеніи и постройку петербургскимъ портомъ канонерской лодки «Гремящій». Стоимость этой постройки опредѣлилась въ 676,295 р., между тѣмъ какъ одновременно построенная на балтійскомъ заводѣ такая же лодка «Отважный» обошлась заводу въ 574,081 р., т.-е. дешевле на 102,214 р. При этомъ большая разница оказалась и въ скорости сооруженія: лодка «Отважный» была готова къ спуску черезъ 12 мѣсяцевъ послѣ начала постройки, а «Гремящій» черезъ 23 мѣсяца».

Обратимся теперь отъ крупныхъ хищеній къ мелкимъ, отъ 90-хъ годовъ къ нашимъ днямъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы казенныя носильныя рубашки для матросовъ россійскаго флота. Рубашки эти обходятся нашему морскому вѣдомству, въ среднемъ, около рубля за штуку и оказываются настолько плохими, что матросы продаютъ ихъ на рынкахъ по 20 коп., покупая себѣ взамѣнъ ихъ такъ называемыя «однофранковыя», которыя и дешевле, и лучше казенныхъ рублевыхъ.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ,—совсѣмъ свѣжее воровство на казенныхъ пароходахъ «Кубань» и «Терекъ». Оба эти судна обошлись казнѣ вмѣстѣ съ ремонтомъ безъ малаго въ $4^1/_2$ милл. р., а затѣмъ были запроданы частной пароходной компаніи за... 720,000 р. (*Русь*, 1906 г.). Но и эту сумму компанія отказывается выплачивать, такъ какъ при пріемкѣ этихъ судовъ на нихъ не оказалось самыхъ важныхъ частей,—все было заблаговременно раскрадено, а многое оказалось настолько проржавѣвшимъ и негоднымъ, что ни одно страховое общество не соглашается принять такую гниль на свой страхъ. Итакъ, по милости господъ высшихъ морскихъ чиновъ, потеряно по меньшей мѣрѣ 4 милліона народныхъ денегъ *только на двухъ* судахъ.

Врядъ ли нужно доказывать, что всѣ такія явленія вовсе не исключительныя, а самыя обычныя. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что десятки милліоновъ народныхъ денегъ пускаются на вѣтеръ. Чѣмъ бы это явленіе ни объяснять,—«маленькими ли недостатками механизма», «оплошностью» ли ревизоровъ, «недостаткомъ ли контроля», россійской ли халатностью, или корыстью, или даже преступными дѣяніями цѣлаго ряда «отвѣтственныхъ и безотвѣтственныхъ» чиновъ, во всякомъ случаѣ, при самодержавномъ режимѣ отвѣтственность лежитъ за всѣ такія дѣла на чинахъ высшихъ. о всему, что творится во флотѣ, народъ имѣетъ право предъявлять свои ебованія, и именно къ высшимъ чинамъ, и именно имъ напоминать объ ъ отвѣтственности передъ народомъ. Тѣмъ болѣе отвѣтственны эти ісшіе чины за всѣ панамы, которыя творятся вокругъ нихъ и которыхъ они не имѣютъ права не знать. «Незнаніе» ихъ не можетъ быть нято обществомъ иначе какъ въ смыслѣ попустительства, укрывательа или прямого участія. Позволяемъ себѣ такъ выразиться, имѣя пе-

редъ собой цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ, *имѣющихъ кое-что общее съ Гурко-Лидвалевской эпопеей*, или другихъ не менѣе скандальныхъ.

Припомнимъ, наприм., «Черноморскую панаму»—скандальное судебное дѣло о поставкѣ каменнаго угля для черноморскаго флота, постройки новыхъ броненосцевъ по непомѣрно дорогой цѣнѣ, констатированныя всеподданнѣйшимъ отчетомъ государственнаго контролера, всѣмъ извѣстныя дѣла о поставкахъ и поставщикахъ и т. д., и т. д., безъ конца длинный рядъ громкихъ и позорныхъ дѣлъ, благоухающихъ подчасъ нисколько не лучше, чѣмъ знаменитые консервы, которые цѣлыми тоннами выбрасывались еще такъ недавно въ море.

Даже сами господа адмиралы, хотя изрѣдка, но признаютъ наличность страшныхъ злоупотребленій нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Правда, такія признанія обыкновенно высказываются чрезвычайно осторожно и въ своей компаніи, среди своихъ людей, тѣмъ не менѣе всетаки они высказываются. Такъ, наприм., недавно вышедшій въ отставку морской министръ Бирилевъ въ письмѣ къ адмиралу Мессеру отъ 16 февраля 1898 г., то-есть еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны, считалъ возможнымъ и нужнымъ высказать такого рода признаніе. По его словамъ, нельзя было не признать строющагося флота «никуда негоднымъ». Господинъ Бирилевъ констатировалъ въ своемъ письмѣ, что «деньги зря растрачиваются», что творятся «непростительныя безобразія» во флотѣ и что вообще дѣла «изъ рукъ вонъ скверны» по всѣмъ «отраслямъ правленія». (*Русь*, 1906 г., дек.)

Характерно, что кражи, даже въ дружескомъ письмѣ, господа морскіе бюрократы боятся называть ихъ общимъ именемъ. Такъ, весьма подозрительный перерасходъ безъ малаго 900,000 руб. при постройкѣ броненосца «Сысой Великій» господинъ Бирилевъ мягко и деликатно квалифицировалъ такъ: «на достройку и исправленіе «Сысоя» израсходовано 900,000 руб.». Признанія г. Бирилева очень интересны и знаменательны. Изъ нихъ видно, что почтенный адмиралъ кое о чемъ зналъ и вѣдалъ. Вѣдалъ—и молчалъ. Свои же признанія онъ нашелъ возможнымъ высказать лишь въ частномъ письмѣ, т.-е. вовсе не для широкой огласки. Широкой гласности наша высшая правящая бюрократія боится, такъ какъ яркій свѣтъ гласности очень ужъ неудобенъ для кое-какихъ дѣлишекъ и для «престижа власти», стремящейся во что бы то ни стало позировать предъ всѣмъ свѣтомъ подъ видомъ власти «весьма добросовѣстной и стоящей выше всякихъ нареканій».

Рядъ возмутительныхъ и систематическихъ хищеній, практиковавшихся въ теченіе многихъ лѣтъ, фактически безконтрольное пользованіе казеннымъ сундукомъ, всевозможныя небрежности по отношенію къ дѣлу,—все это, сопровождаемое довольно блестящимъ невѣжествомъ нашихъ адмираловъ въ концѣ-концовъ сдѣлало свое дѣло. И результаты у всѣхъ на глазахъ. Съ одной стороны мы видимъ, что нашъ россійскій флотъ является однимъ изъ самыхъ дорогихъ (если не самымъ дорогимъ) по сравненію съ флотами другихъ великихъ державъ. Съ другой стороны, это не мѣша-

етъ нашему флоту быть однимъ изъ самыхъ слабыхъ. Нижеприведенная таблица, которую мы заимствуемъ изъ статьи «Буй-Тура (см. газету *Русь* отъ 9 ноября 1906 г.), очень ярко характеризуетъ вышеприведенныя заключенія.

По бюджетамъ 1901—1902 гг. отпущено на флотъ:

		Общій тоннажъ.	На 1 тонну приходит.
Въ Россіи . . .	116.255,417 руб.	459,000	253 руб.
» Германіи . .	68.835,600 »	395,371	174 »
» Англіи . . .	260.088,000 »	1.626,800	160 »
» Японіи . . .	39.676,700 »	249,425	159 »

Изъ этого видно, что одна тонна нашего флота обходится значительно дороже, чѣмъ въ Германіи, Англіи и Японіи. Одна тонна въ японскомъ флотѣ обходится *дешевле* всѣхъ остальныхъ державъ, указанныхъ въ вышеприведенной таблицѣ. Такимъ образомъ, флотъ нашего счастливаго противника оказывается не только лучше, но и дешевле нашего, тогда какъ этотъ послѣдній, благодаря стараніямъ нашихъ адмираловъ, строителей и разныхъ другихъ морскихъ бюрократовъ, оказывается *и дороже, и хуже*. Невольно возникаетъ вопросъ о близкомъ родствѣ Цусимы съ адмиральскими эполетами. Если бы у нашихъ адмираловъ и другихъ высокопоставленныхъ строителей, въ глубинѣ души, дѣйствительно теплилась любовь къ родинѣ и дѣятельное желаніе послужить именно родинѣ, а не своимъ эполетамъ, если бы наши высшіе морскіе чины обладали совѣстливостью японскихъ адмираловъ, то на этотъ же бюджетъ въ 116.000,000 мы могли бы содержать флотъ не въ 459.000 тоннъ, а въ 731,166 (по японской расцѣнкѣ).

Но кого теперь удивишь столь печальными выводами изъ цифръ, приведенныхъ въ нашей статьѣ? У насъ во флотѣ и необыкновенное стало обыкновеннымъ, и самое неожиданное—обычнымъ. Стоитъ лишь очень немного подумать надъ фактами и цифрами, которые намъ удалось собрать, чтобы придти къ выводу какъ разъ обратному. Въ этихъ фактахъ и цифрахъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго. Было бы гораздо болѣе удивительнымъ, если бы при нынѣ существующемъ режимѣ нашъ флотъ, какъ и армія, процвѣтали и удивляли бы своей силой, порядками и т. д. весь свѣтъ. Каковъ режимъ—таковы же факты и цифры. Все это не что иное, какъ вполнѣ естественное и логическое послѣдствіе отжившаго свой вѣкъ строя. Неудивительно и то, что самые поразительные факты и цифры такъ мало доходятъ до всеобщаго свѣдѣнія. Самодержавно-бюрократическій строй

бить скрывать въ своихъ нѣдрахъ даже самыя пахучія панамы, которыя ь же и высиживаетъ. Оно и понятно. Потому что всѣ онѣ—его родное гище, а всякая мать, какъ извѣстно, очень любитъ свое дѣтище, каково оно ни было. Только коренное преобразованіе существующаго строя кетъ положить конецъ не только ненормальному, но и просто-напросто тѣпому положенію дѣлъ въ русскомъ флотѣ, какъ и въ русской арміи.

Н. А. Рубакинъ.

Парламентарная монархія.

Извѣстно, что существуютъ двѣ формы конституціонной монархіи: одна изъ этихъ формъ называется монархіей парламентарною, а для другой формы нѣмецкая юридическая наука ввела терминъ дуалистической монархіи. Первая изъ этихъ формъ характеризуется тѣснымъ взаимодѣйствіемъ между законодательной и исполнительною властью, а вторая независимостью исполнительной власти отъ власти законодательной. Цѣль настоящей статьи показать, что нормальнымъ типомъ конституціонной монархіи является монархія парламентарная и что существованіе дуалистической монархіи обусловливается особыми спеціальными причинами.

На примѣрѣ Англіи, въ которой раньше всего развилась система парламентаризма, можно всего лучше прослѣдить, какъ конституціонная монархія постепенно принимаетъ форму монархіи парламентарной *). Вторая англійская революція упрочила въ Англіи конституціонную монархію, и съ этихъ поръ странѣ никогда уже больше не приходилось вести борьбы за основныя права народнаго представительства, за участіе въ законодательствѣ и за утвержденіе бюджета. Но Вильгельмъ III, возведенный на престолъ революціей 1688 года, сначала стремился править вполнѣ самостоятельно и независимо отъ партій въ парламентѣ и поэтому составлялъ свое министерство изъ членовъ обѣихъ партій: виговъ и тори. Но уже въ 1697 году Соундерландъ указалъ королю на важныя неудобства смѣшаннаго состава министерства. При такомъ составѣ министерство не могло руководить палатою общинъ, и это отсутствіе руководства вредно отражалось на ея засѣданіяхъ и тормозило обсужденіе законовъ. Сондерланд посовѣтовалъ Вильгельму III составить однородное министерство, т.-е. такое, въ составъ котораго входили бы политическіе дѣятели, принадлежа

---

*) Въ прошломъ году вышелъ второй томъ сочиненія нѣмецкаго ученаго Гатше: объ англійскомъ государственномъ правѣ, и первый отдѣлъ этого тома посвяще: обстоятельному изложенію англійской кабинетной системы.

щіе только къ одной партіи и притомъ, конечно, къ партіи, располагающей большинствомъ голосовъ въ палатѣ общинъ. Вильгельмъ послѣдовалъ этому совѣту и, такъ какъ въ то время большинство въ палатѣ общинъ принадлежало вигамъ, то онъ и составилъ министерство изъ виговъ. Англійскій историкъ Маколей указываетъ въ своей исторіи Англіи, какъ установленіе однороднаго министерства благопріятно отразилось на ходѣ парламентскихъ преній. Такимъ образомъ уже въ самомъ концѣ XVII вѣка въ Англіи устанавливается одно изъ основныхъ положеній кабинетной системы: однородность кабинета. Въ царствованіе Анны былъ періодъ, когда въ составъ кабинета входили представители обѣихъ партій: виговъ и тори, но съ вступленіемъ ганноверской династіи въ царствованіе Георга I окончательно торжествуетъ принципъ однородности кабинета. Въ это же царствованіе съ образованіемъ министерства Вальполя постепенно складывается система парламентаризма, которая затѣмъ развивается весь XVIII вѣкъ и первую треть XIX столѣтія. Знаменитый англійскій историкъ и политическій дѣятель Морлей въ біографіи Вальполя указываетъ на четыре характерныхъ черты кабинетной системы или системы парламентаризма: однородность кабинета, солидарность кабинета, преобладающее значеніе перваго министра и политическая отвѣтственность кабинета.

Всѣ эти черты развивались постепенно. Такъ, солидарность кабинета, т.-е. отвѣтственность кабинета за политическія дѣйствія всѣхъ его членовъ, окончательно установилась лишь къ началу XIX вѣка. Самое понятіе о политической отвѣтственности кабинета значительно расширилось въ XIX столѣтіи. Въ XVIII вѣкѣ отверженіе палатой общинъ важныхъ законодательныхъ мѣръ, предложенныхъ кабинетомъ, не вело ни къ отставкѣ кабинета, ни къ роспуску палаты общинъ. Между тѣмъ въ XIX вѣкѣ постепенно установилось правило, что если кабинетъ придаетъ большое значеніе внесенному имъ биллю, то онъ въ случаѣ отклоненія билля палатою общинъ обязанъ или распустить палату, или выйти въ отставку. Затѣмъ лишь въ XIX вѣкѣ окончательно восторжествовалъ тотъ принципъ, что кабинетъ несетъ политическую отвѣтственность только передъ палатою общинъ. Этотъ принципъ въ общемъ дѣйствовалъ и въ XVIII столѣтіи, но въ 1783 году Георгъ III, ненавидѣвшій Фокса, который въ то время стоялъ во главѣ министерства, воспользовался тѣмъ, что палата лордовъ отвергла министерскій билль объ Остъ-Индской компаніи, чтобы уволить кабинетъ. Въ XIX же вѣкѣ не было ни одного примѣра, чтобы враждебное голосованіе палаты лордовъ оказывало какое-либо вліяніе на политику кабинета.

...политическая отвѣтственность кабинета исключительно передъ палатою ...инъ въ свою очередь обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоя...ьствомъ, что контроль надъ бюджетомъ находится только въ рукахъ ...аты общинъ. Насколько примѣненіе системы парламентаризма облегчается ...такомъ условіи, видно изъ постановленій Англіи и Франціи. Во Фран... право сената утверждать бюджетъ вызывало министерскій кризисъ; въ ...6 году министерство Буржуа, располагавшее большинствомъ голосовъ въ

палатѣ общинъ, принуждено было выйти въ отставку вслѣдствіе отказа со стороны сената въ требуемыхъ кредитахъ *).

Понятно, насколько осложняетъ систему парламентаризма отвѣтственность кабинета передъ обѣими палатами. Въ XIX вѣкѣ также замѣчается все большее развитіе принципа политической отвѣтственности министровъ въ томъ отношеніи, что она распространяется и на лицъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ департаментовъ. Отъ нихъ требуется, чтобы они были членами парламента и чтобы могли непосредственно отвѣчать на всѣ вопросы и запросы со стороны палаты, которая такимъ образомъ получаетъ возможность болѣе тщательнаго контроля. Эта же причина ведетъ къ объединенію различныхъ должностей. Такъ, до 1855 года дѣла теперешняго военнаго министерства были распредѣлены между пятью отдѣльными вполнѣ независимыми другъ отъ друга коллегіями и лицами. Крымская война привела къ объединенію ихъ въ одно военное министерство, и лордъ Грей впослѣдствіи сказалъ, что истинная причина реформы заключалась въ томъ, что палата общинъ всегда контролировала и всегда должна контролировать администрацію арміи: она не можетъ ассигновать деньги на расходы по содержанію арміи, не провѣряя, какъ расходуются эти деньги.

Главная основа парламентаризма заключается, какъ извѣстно, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи между законодательной и исполнительной властью.

Беджготъ въ своей книгѣ объ англійской конституціи говоритъ, что кабинетъ по существу дѣла лишь одинъ изъ комитетовъ, избираемыхъ парламентомъ, но только самый важный изъ нихъ. Это опредѣленіе кабинета, сдѣланное однимъ изъ самыхъ тонкихъ знатоковъ системы парламентаризма, привело однако многихъ, какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ парламентаризма, къ ложному заключенію, что при системѣ парламентаризма исполнительная власть подчинена законодательной. На самомъ же дѣлѣ нельзя говорить о подчиненіи одной изъ нихъ другой, такъ какъ и органъ законодательной власти—парламентъ и органъ исполнительной власти—кабинетъ являются въ одинаковой степени органами выраженія народной воли или, точнѣе говоря, воли избирателей. Это видно изъ права кабинета распускать палату общинъ. Если кабинетъ имѣетъ основаніе предполагать, что большинство избирателей стоитъ на его сторонѣ по тому вопросу, который является предметомъ разногласія между нимъ и палатою общинъ, то онъ распускаетъ палату и обращается за приговоромъ къ народу. И въ англійской исторіи мы встрѣчаемъ немало примѣровъ того, какъ избиратели произносили на новыхъ выборахъ рѣшеніе въ пользу кабинета. Мало того, возможенъ даже случай выхода въ отставку кабинета, располагающаго большинствомъ голосовъ въ палатѣ общинъ, разъ кабинетъ убѣжденъ въ томъ, что палата уже болѣе не выражаетъ мнѣнія избирателей. Такъ министерство Бальфура въ концѣ 1905 года вышло въ

*) Еще раньше, въ 1890 году, министерство Тирара подало въ отставку вслѣдствіе голосованія сената.

отставку, несмотря на то, что имѣло большинство въ палатѣ. Выборы въ палату, произведенные вслѣдъ за тѣмъ новымъ либеральнымъ кабинетомъ, показали, что народъ на сторонѣ либеральной партіи и поэтому вполнѣ оправдали предположеніе консервативнаго кабинета, что онъ болѣе не выражаетъ настроенія страны. Право роспуска палаты общинъ даетъ также возможность кабинету поддерживать дисциплину въ рядахъ своей партіи въ парламентѣ и поэтому упрочиваетъ положеніе кабинета. Насколько неосновательно утвержденіе, что при парламентаризмѣ исполнительная власть подчинена законодательной, видно изъ интересной книги Сиднея Лоу, вышедшей въ свѣтъ въ 1904 году. Въ этой книгѣ авторъ доказываетъ, какъ въ Англіи за послѣднее время усилилось значеніе кабинета, но это усиленіе нисколько не мѣшаетъ разрѣшенію главной задачи парламентарной системы, которая состоитъ въ томъ, чтобы страна управлялась согласно съ желаніями народа. Наоборотъ можно утверждать, что эволюція въ политической жизни Англіи за послѣднія десятилѣтія ведетъ все болѣе и болѣе къ усиленію вліянія общественнаго мнѣнія на законодательство и на администрацію.

Цѣлый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ содѣйствовалъ развитію системы парламентаризма въ Англіи. Такими благопріятными условіями были: равнодушіе къ англійскимъ дѣламъ двухъ первыхъ Георговъ, которые смотрѣли на себя, какъ на правителей Ганновера, и мало вмѣшивались во внутреннее управленіе Англіи; существованіе въ теченіе долгаго времени въ палатѣ общинъ только двухъ большихъ политическихъ партій, что облегчало образованіе однороднаго кабинета, опирающагося на большинство въ палатѣ; наконецъ, развитіе мѣстнаго самоуправленія, которое было превосходной школой для подготовленія общества къ политической жизни.

Но что развитіе системы парламентаризма въ Англіи обусловливалось не только этими причинами, но заключалось въ томъ, что конституціонная монархія имѣетъ естественную тенденцію принять форму монархіи парламентарной, видно изъ того, что и на континентѣ Европы установленіе конституціонной монархіи влекло за собою очень часто и кабинетную систему.

Величайшій политическій геній первой французской революціи Мирабо ясно понималъ связь между конституціонной монархіей и системой парламентаризма. Извѣстно, какъ онъ горячо, хотя и тщетно, отстаивалъ въ учредительномъ собраніи необходимость выбора членовъ министерства изъ среды собранія и совѣтовалъ королю составить министерство, которое опиралось бы на большинство. Со стороны Мирабо такое предложеніе имѣло тѣмъ болѣе значенія, что онъ стоялъ за сильную королевскую власть. Если мы обратимся къ исторіи конституціонной монархіи во Франціи въ первой половинѣ XIX вѣка, то увидимъ, что одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ реставраціи Бурбоновъ—Шатобріанъ въ началѣ царствованія Людовика XVIII издалъ 2 брошюры, въ которыхъ энергически

отстаивалъ систему парламентаризма. «Отказаться отъ большинства въ палатѣ,—писалъ онъ,—не значитъ ли это желать—ходить безъ ногъ, летать безъ крыльевъ». Въ своей второй брошюрѣ онъ отстаивалъ всѣ четыре основныя положенія кабинетной системы: однородность кабинета, солидарность кабинета, главную роль перваго министра и политическую отвѣтственность министровъ. И надо замѣтить, что въ царствованіе Людовика XVIII, какъ справедливо указываетъ Эсменъ въ «Основахъ конституціоннаго права», парламентарная система функціонировала довольно правильно, хотя во многихъ пунктахъ еще очень въ несовершенномъ видѣ, склоняясь естественно на сторону королевскаго прерогатива. Въ царствованіе Карла X нарушеніе системы, парламентаризма привело къ извѣстнымъ ордонансамъ, которые и вызвали іюльскую революцію. Во время іюльской монархіи, въ царствованіе Луи Филиппа, вполнѣ торжествуетъ парламентарная система, и даже Гизо, отводившій видную роль въ конституціонной монархіи роли монарха, считалъ необходимымъ, чтобы кабинетъ имѣлъ большинство въ палатахъ.

Естественный переходъ конституціонной монархіи изъ дуалистической въ парламентарную можно видѣть на примѣрѣ Италіи. Въ началѣ 1848 г. сардинскій король Карлъ Альбертъ далъ конституцію. Въ этой конституціи ничего не говорится о политической отвѣтственности министровъ. Мало того, въ ней даже прямо сказано, что одному королю принадлежитъ исполнительная власть. Эта статья продолжаетъ дѣйствовать и до сихъ поръ, а между тѣмъ несомнѣнно, что въ итальянскомъ королевствѣ, образовавшемся въ 1861 г. изъ сардинскаго королевства, господствуетъ система парламентаризма. Дѣло въ томъ, что Викторъ Эммануилъ, вступившій на престолъ въ 1849 г. послѣ отреченія отъ престола Карла Альберта, понялъ, что Сардинія только тогда можетъ стать во главѣ Италіи и объединить ее, если онъ будетъ опираться на общія симпатіи всего итальянскаго народа. Онъ чутко прислушивался къ голосу общественнаго мнѣнія. Его министръ Кавуръ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей объединенія Италіи, всегда опирался на большинство, сначала въ сардинскомъ, а потомъ и въ итальянскомъ парламентѣ. Примѣръ, поданный имъ, продолжалъ дѣйствовать и послѣ его смерти. И въ настоящее время многіе итальянскіе юристы держатся того мнѣнія, что обычай выбирать министровъ изъ парламентскаго большинства сталъ обязательною частью конституціи. Характерно, что даже въ государствахъ, конституціи которыхъ были построены на принципѣ раздѣленія властей, т.-е. на принципѣ противоположномъ парламентаризму, а именно въ Норвегіи, въ концѣ-концовъ также устанавливалась парламентарная монархія. Норвежская конституція 1814 г., образцомъ которой въ значительной степени послужила французская конституція 1814 года, строго проводила раздѣленіе властей, поэтому, съ одной стороны, министры не могли участвовать въ преніяхъ норвежскаго парламента (стортинга), а съ другой стороны—король не имѣлъ права распустить стортингъ. Но съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія либерально-демократическая партія стала доби-

ваться того, чтобы король бралъ министерство изъ партіи, располагающей большинствомъ въ стортингѣ. Послѣ долгой борьбы, уже въ восьмидесятыхъ годахъ ей удалось, наконецъ, достигнуть своей цѣли и въ настоящее время Норвегія—парламентарная монархія съ тѣмъ однако отличіемъ отъ остальныхъ не только парламентарныхъ, но и вообще конституціонныхъ монархій, что король не можетъ распустить стортинга.

Въ общемъ къ началу XX вѣка въ большинствѣ конституціонныхъ монархій Европы установилась система парламентаризма. Правда, въ текстѣ самыхъ конституцій мы не найдемъ основного положенія этого типа—политической отвѣтственности кабинета. Повсюду, гдѣ говорится объ отвѣтственности министровъ, разумѣется отвѣтственность юридическая или судебная. Министры подлежатъ суду за нарушеніе закона. Въ этомъ случаѣ очень характерна бельгійская конституція, которая формально устанавливаетъ то, что въ англійской конституціи является неписаннымъ закономъ. Такъ, съ одной стороны, въ ней сказано: личность короля неприкосновенна, его министры отвѣтственны. Ни одинъ актъ короля не можетъ имѣть силу, если онъ не контрасигнованъ министромъ, который въ силу этого становится отвѣтственнымъ за данный актъ (69 статья). Ни въ какомъ случаѣ словесный или письменный приказъ короля не можетъ избавить министра отъ отвѣтственности (89 статья). Съ другой же стороны, бельгійская конституція лишь королю вручаетъ высшую административную власть. Въ 29 статьѣ сказано, что королю принадлежитъ исполнительная власть, а въ 65 статьѣ, что король назначаетъ и увольняетъ своихъ министровъ. И въ конституціяхъ другихъ континентальныхъ монархій мы находимъ статьи аналогичныя бельгійской и нигдѣ не встрѣтимъ требованія, чтобы монархъ бралъ министровъ изъ партіи, имѣющей большинство въ палатѣ.

Если мы обратимся къ самой родинѣ парламентаризма, къ Англіи, то и тамъ ни въ писанныхъ, ни въ неписанныхъ законахъ мы нигдѣ не найдемъ закона объ установленіи парламентской отвѣтственности кабинета. Эта отвѣтственность не конституціонный законъ, а конституціонное соглашеніе. Оно покоится на ежегодномъ утвержденіи парламентомъ бюджета и на ежегодномъ принятіи парламентомъ закона объ арміи. Около половины налоговъ, изъ которыхъ собираются доходы и большинство расходовъ, утверждаются парламентомъ ежегодно, и отказъ въ утвержденіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ неизбѣжно повлечетъ за собою отставку кабинета. Къ тому же результату приведетъ и отказъ парламента въ утвержденіи закона ь армія, такъ какъ только этотъ законъ устанавливаетъ дисциплину въ міи и безъ проведенія его невозможно содержаніе арміи. Надо замѣтить,) и на континентѣ Европы система парламентаризма въ значительной епени покоится на бюджетномъ правѣ палаты. И въ исторіи XIX вѣка ло не мало столкновеній, въ которыхъ палаты пользовались своимъ пра-ъ отказать въ утвержденіи бюджета, чтобы добиться отставки враждеб-о имъ министерства. Однако въ самой Англіи палатѣ общинъ никогда

не приходилось прибѣгать къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, какъ отказъ въ утвержденіи расходовъ.

На-ряду съ конституціонными парламентарными монархіями мы встрѣчаемъ и монархіи, въ которыхъ отъ собранія народныхъ представителей не зависитъ направленіе политики правительства и гдѣ нѣтъ системы парламентаризма. Такія государства въ Европѣ—Германская имперія, Пруссія и другія конституціонныя монархіи, входящія въ составъ этой имперіи, и въ значительной также степени Австрія. Остановимся подробнѣе на тѣхъ особыхъ историческихъ условіяхъ, которыя помѣшали установленію въ Пруссіи парламентарной монархіи. Послѣ мартовской революціи 1848 года прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV созвалъ національное собраніе для совмѣстной выработки конституціи. Это собраніе отвергло представленный правительствомъ проектъ и назначило комиссію для выработки проекта, который и былъ внесенъ на разсмотрѣніе собранія. Но собраніе не кончило обсужденія этого проекта, такъ какъ было распущено королемъ. Въ самый же день распущенія 5 декабря 1848 г. король обнародовалъ конституцію, которая, однако, должна была быть отдана на пересмотръ и утвержденіе палатъ. Но и эти палаты были распущены въ апрѣлѣ 1849 г. Вслѣдъ за тѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ указомъ ввелъ новый избирательный законъ, дѣйствующій и теперь въ Пруссіи. Этимъ закономъ не уничтожилась всеобщая подача голосовъ, но всѣ избиратели дѣлились на три класса по количеству уплачиваемыхъ ими налоговъ и каждый классъ выбиралъ одинаковое число выборщиковъ. По новому закону, который давалъ громадный перевѣсъ болѣе богатымъ классамъ, были произведены новые выборы, отъ участія которыхъ уклонилась демократическая партія. Въ результатѣ выборы дали собраніе угодное правительству. Палаты приняли съ небольшими измѣненіями конституцію составленную королемъ. И эта конституція была обнародована Фридрихомъ Вильгельмомъ IV 31 января 1850 г. Конституція 1850 г. устанавливала юридическую или судебную отвѣтственность министровъ: въ 61 статьѣ сказано, что по рѣшенію одной изъ палатъ противъ министровъ можетъ быть возбуждено обвиненіе въ нарушеніи конституціи.

О политической отвѣтственности министровъ въ прусской конституціи ничего не говорится, но мы видимъ также, что о политической отвѣтственности министровъ умалчиваютъ и остальныя конституціи ограниченныхъ монархій. Отъ будущаго хода прусской исторіи зависѣло рѣшеніе вопроса о томъ, разовьется ли въ Пруссіи система парламентаризма или нѣтъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, въ эпоху реакціи, выразительницей которой было министерство Мантейфеля, палата депутатовъ прусскаго ландтага была покорнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда вслѣдствіе сумасшествія Фридриха Вильгельма IV управленіе переходитъ въ руки его брата Вильгельма, составляется министерство въ умѣренно-либеральномъ духѣ и новые выборы въ палату депутатовъ даютъ въ ней большинство сторонникамъ министерства. Но не долго продолжается

согласіе между министерствомъ и палатою. Вильгельмъ составилъ планъ военной реформы, заключающейся въ томъ, что вмѣсто двухлѣтняго срока возстановлялся трехлѣтній срокъ военной службы, а въ резервѣ должны были служить вмѣсто двухъ лѣтъ четыре года. Эта реформа требовала увеличенія военныхъ расходовъ, и ландтагъ согласился разрѣшить дополнительные кредиты, но только на годъ. Новыя военныя реформы были непопулярны въ палатѣ депутатовъ, и палата разрѣшила дополнительный кредитъ лишь на временное содержаніе арміи. Но правительство, получивъ требуемыя деньги, провело окончательную реформу. Столкновеніе обострилось, когда въ 1861 г. послѣ смерти Фридриха Вильгельма IV вступилъ на престолъ Вильгельмъ I. Въ концѣ этого года произошли новые выборы въ палату депутатовъ. На выборахъ полную побѣду одержала партія прогрессистовъ, которая настаивала на двухлѣтнемъ срокѣ военной службы и на огражденіи бюджетныхъ правъ народныхъ представителей. Новой палатѣ пришлось засѣдать не долго: въ мартѣ 1862 г. она была распущена послѣ того, какъ отказалась вотировать бюджетъ цѣликомъ, какъ это дѣлалось прежде, а постановила разсматривать и утверждать его по отдѣльнымъ статьямъ. Одновременно съ роспускомъ палаты министерство было преобразовано въ реакціонномъ духѣ. Новые выборы еще болѣе увеличили прогрессистское большинство, и первымъ дѣломъ новой палаты былъ отказъ въ деньгахъ на содержаніе новыхъ полковъ. Тогда въ сентябрѣ 1862 г. король призвалъ къ управленію и поставилъ во главѣ министерства Бисмарка.

Бисмаркъ вступилъ въ политическую борьбу съ палатою депутатовъ и въ виду ея отказа утвердить бюджетъ онъ сталъ представлять бюджетъ на утвержденіе одной только палаты господъ и по бюджету, утвержденному этой палатой, собирать налоги и расходовать деньги. Въ этой борьбѣ палата депутатовъ стояла на конституціонной почвѣ. Въ 99 статьѣ прусской конституціи сказано: «Всѣ доходы и расходы государства должны быть на каждый годъ впередъ исчисляемы и внесены въ государственную роспись. Послѣдняя ежегодно устанавливается закономъ. А въ 100 статьѣ говорится, что подати и налоги въ пользу государственнаго казначейства могутъ быть взимаемы лишь поскольку они внесены въ государственную роспись или установлены особыми законами». Наконецъ въ началѣ 109 статьи упомянуто о томъ, что существующіе налоги и подати будутъ взиматься и впредь. Изъ всѣхъ этихъ статей ясно, что правительство могло брать только тѣ постоянные подати и налоги, которые взимались на основаніи особыхъ законовъ, но что оно не въ правѣ было собирать налоги, утверждаемые на годъ, разъ эти налоги не были утверждены палатой депутатовъ. Что же касается до расходовъ, то уже приведенная выше 99 статья запрещаетъ дѣлать какіе-либо расходы безъ согласія обѣихъ палатъ ландтага, т.-е. и палаты депутатовъ.

Бисмаркъ, въ свою очередь, признавалъ, что министерство вынуждено распоряжаться государственнымъ бюджетомъ безъ соблюденія условій,

предписанныхъ конституціею, но обвинялъ въ этомъ палату депутатовъ. По его словамъ для бюджета необходимо согласіе трехъ факторовъ: короля, палаты господъ и палаты депутатовъ. Въ случаѣ разногласія между этими тремя факторами конституція не указываетъ никакого выхода; она предполагала взаимное соглашеніе, основанное на компромиссѣ. Но если одна изъ сторонъ по своему доктринерству отказывается отъ компромиса, то наступаетъ конфликтъ, и въ борьбѣ торжествуетъ тотъ, на чьей сторонѣ сила. Затѣмъ и Бисмаркъ, и король указывали на то, что палата депутатовъ стремится установить въ Пруссіи систему парламентаризма и перенести центръ тяжести верховной власти отъ короны на народныхъ представителей. Въ свою очередь прогрессисты утверждали, что они вовсе не желаютъ затрогивать конституціонныхъ правъ короны, но что отстаивая бюджетное право палаты депутатовъ, они отстаиваютъ то право, при которомъ только народное представительство и имѣетъ смыслъ. И обѣ стороны были правы въ томъ отношеніи, что обезпеченіе бюджетнаго права за народными представителями влекло за собою или по крайней мѣрѣ облегчало установленіе системы парламентаризма, а съ другой стороны, отрицаніе этого права грозило фактическимъ возстановленіемъ абсолютизма.

Борьба между правительствомъ и палатою депутатовъ длилась нѣсколько лѣтъ. Напрасно въ 1863 году Бисмаркъ распустилъ палату. Новые выборы дали опять громадное большинство прогрессистамъ. Надо замѣтить, однако, что во время этой борьбы страна оставалась въ общемъ спокойна. Городскія думы представляли королю адреса, въ которыхъ выражали свое сочувствіе палатѣ депутатовъ и настаивали на отставкѣ министерства. Но народныя массы не были глубже затронуты борьбою между прочимъ потому, что сама палата вслѣдствіе трехклассной системы выборовъ въ сущности являлась выраженіемъ лишь небольшой части населенія.

Наступилъ 1866 годъ. Въ этомъ году, какъ извѣстно, разразилась давно подготовляемая Бисмаркомъ война Пруссіи съ Австріею. Она закончилась полною побѣдою Пруссіи, изгнаніемъ Австріи изъ Германскаго союза и образованіемъ сѣверо-германскаго союза подъ предсѣдательствомъ Пруссіи и она же рѣшила вопросъ о томъ, будетъ ли Пруссія парламентарной монархіей или нѣтъ. Въ самый день побѣды при Садовой 3 іюля 1866 г. происходили новые выборы въ палату депутатовъ. На нихъ партія прогрессистовъ потерпѣла пораженіе. Мало того, когда собрался новый ландтагъ, часть прогрессистовъ отдѣлилась отъ этой партіи и образовала новую партію національ-либераловъ, которая начала оказывать горячую поддержку Бисмарку въ его внѣшней политикѣ. Въ свою очередь и правительство желало скорѣйшаго прекращенія конфликта. Поэтому оно предложило законопроектъ о снятіи отвѣтственности съ министерства за управленіе безъ законнаго бюджета. Этимъ законопроектомъ правительство само признавало незаконность своего прежняго образа дѣйствій. Предложеніе было принято большинствомъ 230 голосовъ противъ 75. Бо-

роль заявилъ однако, что онъ и впредь будетъ также поступать, если повторятся подобныя условія.

Такъ закончился знаменитый конфликтъ. Побѣда несомнѣнно осталась фактически за правительствомъ. И эта побѣда въ значительной степени обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что либеральная прусская буржуазія въ сущности стремилась къ этой же цѣли, которую поставилъ себѣ Бисмаркъ, а именно къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. И многіе изъ прежнихъ членовъ оппозиціи, ведшіе борьбу противъ Бисмарка въ періодъ времени отъ 1862 до 1866 года, впослѣдствіи заявили, что ихъ борьба обусловливалась незнаніемъ той цѣли, къ которой стремился Бисмаркъ. Удачное для правительства окончаніе конфликта и упрочило въ Пруссіи дуалистическую монархію. Надо, однако, замѣтить, что и въ Пруссіи за послѣднія сорокъ лѣтъ ея политической жизни т.-е. со времени окончанія австро-прусской войны, министерство располагало большинствомъ голосовъ въ палатѣ депутатовъ и такимъ образомъ въ ней фактически осуществлялось одно изъ требованій парламентаризма.

Германская имперія есть также монархія дуалистическаго типа. Исполнительная власть въ ней независима отъ законодательной: имперскій канцлеръ не несетъ никакой политической отвѣтственности передъ рейхстагомъ. Его назначеніе и смѣщеніе вполнѣ зависитъ отъ воли императора. Даже юридическая или судебная отвѣтственность канцлера не установлена точно конституціей, такъ какъ въ ней только сказано, что для дѣйствительности предписаній императора необходима скрѣпа канцлера, который такимъ образомъ и принимаетъ за нихъ отвѣтственность. Но нѣтъ статьи, которая бы точно формулировала, въ какой именно формѣ должна проявляться эта отвѣтственность. Нѣсколько обстоятельствъ содѣйствуютъ тому, что въ германской имперіи нѣтъ системы парламентаризма. Прежде всего установленію этой системы мѣшаетъ неразрывная связь между строемъ Германской имперіи и строемъ Прусскаго королевства. Не только прусскій король въ то же время и германскій императоръ, но и прусскій военный министръ въ то же время и военный министръ Германской имперіи; наконецъ и имперскій канцлеръ почти всегда стоитъ во главѣ прусскаго министерства. Въ виду такой тѣсной связи между Прусскимъ королевствомъ и Германской имперіею установленіе парламентаризма въ Германіи станетъ возможнымъ только тогда, когда и въ Пруссіи установится парламентарная монархія. Мѣшаетъ установленію парламентаризма въ Германіи также и чрезвычайная дробность партій. Въ германскомъ рейхстагѣ не только нѣтъ ни одной партіи, которая располагала бы абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, но даже очень трудно составить такую коалицію партій, въ которую входили бы партіи близкія между собою. Поэтому нерѣдко составляются случайныя коалиціи совершенно разнородныхъ партій. Достаточно вспомнить ту коалицію католическаго центра и соціалъ-демократіи, которая вызвала распущеніе послѣдняго рейхстага. При партійномъ составѣ герман-

скаго рейхстага нельзя было бы образовать однороднаго кабинета, который бы опирался на прочное большинство. Само правительство обыкновенно находитъ опору то въ одной, то въ другой группѣ партій. Въ случаѣ же серьезнаго разногласія по важному вопросу съ большинствомъ рейхстага правительство распускаетъ рейхстагъ. До сихъ поръ эти распущенія всегда оканчивались побѣдою правительства, хотя порою правительственное большинство бывало очень незначительно.

Въ Австріи фактически также нѣтъ системы парламентаризма. Отсутствіе парламентаризма обусловливается, какъ и въ Германіи, дробленіемъ партій въ австрійскомъ парламентѣ, такъ называемомъ рейхсратѣ. Это дробленіе, крайне затрудняющее образованіе однороднаго кабинета, въ свою очередь зависитъ отъ борьбы различныхъ національностей Австріи. Борьба идетъ не только между нѣмцами и различными славянскими народностями, но и среди самихъ славянскихъ народностей постоянная рознь. Насколько національная рознь является главною причиною отсутствія парламентаризма въ Австріи, можно видѣть на примѣрѣ другой половины Австро-Венгріи, на примѣрѣ Венгріи. Хотя венгры составляютъ меньшинство населенія венгерскаго королевства, но имъ удалось обезпечить за собою большинство въ парламентѣ этого королевства и поэтому въ немъ нѣтъ такого дробленія партій, какъ въ австрійскомъ рейхсратѣ. Въ свою очередь благодаря отсутствію дробленія является возможность образованія однороднаго министерства. Поэтому въ Венгріи можетъ дѣйствовать система парламентаризма и Венгрія парламентарная монархія. Различіе между обѣими половинами Австро-Венгріи характерно въ томъ отношеніи, что если мы обратимся къ тексту конституцій Австріи и Венгріи, то мы найдемъ, что параграфы обѣихъ конституцій относительно организаціи исполнительной власти составлены приблизительно въ одинаковомъ духѣ; и та, и другая конституція предоставляетъ монарху право назначенія и смѣщенія министровъ, и та и другая устанавливаетъ судебную отвѣтственность министровъ, причемъ венгерская конституція только точнѣе и подробнѣе формулируетъ эту отвѣтственность. Между тѣмъ Венгрія парламентарная монархія, а Австрія монархія дуалистическая. На этомъ примѣрѣ можно видѣть, какъ часто при внѣшнемъ формальномъ сходствѣ конституцій, условія, при которыхъ дѣйствуютъ эти конституціи, могутъ дать совершенно различные результаты.

Наконецъ къ дуалистическимъ монархіямъ слѣдуетъ причислить Швецію и можетъ быть Данію. Надо замѣтить, что по отношенію къ Даніи существуетъ разногласіе между такими двумя видными спеціалистами по государственному праву, какъ Боргманъ и Эсменъ. Боргманъ считаетъ Данію дуалистическою монархіею, а Эсменъ парламентарною. Изъ этого разногласія видно, какъ иногда трудно установить точную грань между обоими видами конституціонной монархіи.

Несмотря на существованіе въ Европѣ нѣкоторыхъ дуалистическихъ монархій, обусловленное спеціальными причинами, типичной формой кон-

стиціонной монархіи является монархія парламентарная. На это указываетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ государственнаго права въ Соединенныхъ Штатахъ Борджесъ. Въ интересной статьѣ, помѣщенной въ послѣдней книгѣ американскаго журнала *Political Science* за 1904 годъ онъ говоритъ, что историческій опытъ выработалъ три главныхъ формы взаимнаго отношенія между исполнительною и законодательною властью. Одна президентская, другая парламентарная и третья директорія. Первая характеризуется независимостью исполнительной власти отъ законодательной, вторая—гармоніей между тою и другою, а третья подчиненіемъ исполнительной власти законодательной. По мнѣнію Борджеса президентская система естественно связана съ избраніемъ главы государства, т.-е. съ республиканскою формою правленія. Поэтому онъ недовѣрчиво относится къ прочности парламентарной республики во Франціи. За то для наслѣдственной монархіи естественной формою является форма парламентарной монархіи. Затѣмъ, указавъ на то, что въ большинствѣ европейскихъ монархій развивается система парламентаризма, онъ замѣчаетъ, что для всѣхъ ихъ образцомъ служитъ Англія и что поэтому для нихъ лучше всего руководиться опытомъ Англіи, насколько это позволяетъ различіе условій. Затѣмъ онъ говоритъ: «Для самихъ королей и императоровъ очень важно, чтобы они признали, что парламентарная система отношеній между исполнительною и законодательною властью есть необходимое условіе для примиренія современной политической мысли и современныхъ политическихъ условій съ наслѣдственностью главы исполнительной власти». И я думаю, что всякій безпристрастный наблюдатель согласится со словами американскаго ученаго.

С. Фортунатовъ.

Вопросъ о безработныхъ, какъ соціально-экономическая проблема.

Таковъ характеръ почти всякой соціальной проблемы: она рождается такъ же внезапно и неожиданно для общества, какъ взрывъ ужъ много лѣтъ молчавшаго вулкана. Обыкновенно, въ заботахъ своего трудового дня общество не замѣчаетъ, какъ гдѣ-то тамъ въ глубинѣ его тайниковъ капля за каплей зрѣетъ и растетъ огромный соціальный вопросъ. И только, когда онъ во всей своей силѣ и ужасѣ подымается со дна на поверхность соціальной жизни, общество вдругъ тревожно пробуждается и лихорадочно ищетъ вокругъ средствъ для разрѣшенія вновь народившейся проблемы.

Безработица, какъ случайное частное явленіе, отличается такою же древностью, какъ сама хозяйственная жизнь человѣка на землѣ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ были излишнія рабочія руки, не находившія для себя приложенія. Но въ періоды закрѣпощенія рабочей силы такія явленія, какъ безработица, не выходятъ за предѣлы даннаго единичнаго хозяйства и не отражаются на экономической сторонѣ жизни всей страны или всего народа. Съ юридической свободой труда и промышленности, съ образованіемъ особаго обширнаго класса промышленнаго пролетаріата, безработица совершенно мѣняетъ свой прежній характеръ и изъ явленія частнаго и случайнаго все болѣе и болѣе переходитъ въ явленіе соціальное и постоянное; и, наконецъ, съ теченіемъ времени входитъ одной изъ главнѣйшихъ составныхъ частей всего соціально-экономическаго строя капиталистическаго хозяйства.

Явленіе безработицы переходитъ въ *проблему* о безработныхъ.

Вопросъ о безработныхъ, какъ соціально-экономическая проблема, даже въ такихъ высоко развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ, какъ Англія, является вопросомъ исключительно нашихъ дней.

До самаго послѣдняго времени въ Англіи не было ни одного публичнаго акта, въ которомъ бы безработица разсматривалась, какъ особый спеціальный и самостоятельный вопросъ соціальной политики. До цирку-

ляра 1905 г. безработные не отдѣлялись отъ пауперовъ, и вопросъ о безработицѣ входилъ составною частью въ общій вопросъ о пауперизмѣ; а въ законодательныхъ актахъ онъ трактовался въ связи съ вопросомъ о бродяжничествѣ *).

Въ спеціальной экономической литературѣ также еще до сихъ поръ отсутствуетъ ясная и отчетливая формулировка вопроса о безработныхъ, какъ самостоятельная соціальная проблема.

Поэтому, раньше чѣмъ идти дальше, необходимо условиться, что понимать подъ самымъ терминомъ—«безработица» и «безработные».

Для этого, прежде всего, нужно выдѣлить вопросъ о безработицѣ изъ общаго вопроса о нуждѣ и бѣдности, съ которымъ его часто смѣшиваютъ. Не всякая нужда имѣетъ своимъ источникомъ безработицу и не всякій нуждающійся въ пропитаніи тѣмъ самымъ является безработнымъ. Далѣе, изслѣдуемую нами проблему мы должны очистить отъ всякой примѣси криминалистики; элементы преступности играютъ весьма значительную роль еще и въ настоящее время во многихъ мѣропріятіяхъ, предпринимаемыхъ для рѣшенія вопроса о безработныхъ. Всѣ эти примѣси, какъ физическая или умственная слабость, преступность, порочность и проч., только затемняютъ собою дѣйствительную сущность проблемы о безработныхъ, какъ проблемы прежде всего *экономической*.

Итакъ, подъ «безработнымъ» мы будемъ понимать лицо, совершенно дѣеспособное, ищущее работы и не находящее примѣненія своему труду. И подъ «безработицей»—такое соціально-экономическое явленіе, которое характеризуется тѣмъ, что при современныхъ формахъ промышленности предложеніе труда всегда превышаетъ его дѣйствительный спросъ **).

Что современная «безработица» явленіе не случайное, вызываемое временнымъ разстройствомъ хозяйственной жизни, упадкомъ промышленности или такъ наз. «промышленными кризисами», а явленіе *постоянное* и необходимо связанное со всѣмъ современнымъ экономическимъ строемъ,—въ этомъ насъ убѣждаетъ статистика англійскихъ трэдъ-юніоновъ: въ лучшее время для промышленности среди обученыхъ и хорошо организованныхъ рабочихъ ежегодно до 2% остается незанятыми, т.-е. по меньшей мѣрѣ до 30,000 человѣкъ ежегодно. Для низшихъ разрядовъ рабочихъ, такъ наз. чернорабочихъ (unskilled), неорганизованныхъ въ промышленные союзы, нѣтъ точныхъ данныхъ; по приблизительнымъ подсчетамъ можно предположить, что, по крайней мѣрѣ, до 200—300 тыс. народу ежегодно остаются безъ

*) Такъ, въ 1904 г. палатой общинъ былъ принятъ законопроектъ о безработ-ъ, представленный сэромъ Дж. Горстомъ (J. Gorst), какъ дополненіе къ старому ону о бродяжничествѣ (Vagrancy Act, 1824).

**) Разборъ этого основного положенія современнаго капитализма отвлекъ бы ъ слишкомъ далеко отъ изслѣдуемой нами здѣсь проблемы. Необходимо лишь от-тить, что основной причиной, порождающей этотъ „избытокъ" труда, или какъ) принято называть „резервную армію рабочихъ"—слѣдуетъ признать отсутствіе современномъ соціальномъ хозяйствѣ регулированія и общей организаціи націо-чаго производства, какъ одного цѣлаго.

приложенія своего труда. И это, разумѣется, въ нормальное время; въ періоды «кризисовъ» эти цифры должны быть значительно увеличены. Достаточно указать на тотъ фактъ, что, наприм., на лондонскихъ докахъ рѣдкій чернорабочій занятъ ежедневно, огромное большинство ихъ получаютъ работу черезъ день, а то и черезъ два-три дня и это опять-таки не въ худшее время для торговли и промышленности *).

Необходимо замѣтить, что, вообще говоря, % незанятыхъ рабочихъ сильно колеблется въ зависимости отъ данной отрасли промышленности. Такъ, наприм., въ то время какъ въ кораблестроительномъ производствѣ въ Англіи въ 1896—97 гг. % безработныхъ достигалъ 50 и больше, въ промышленности ткацкой онъ не подымался выше 10. Разумѣется, тутъ необходимо принять въ разсчетъ степень организованности рабочихъ. Въ кораблестроительствѣ и въ работахъ на докахъ % организованныхъ рабочихъ наименьшій. Но это еще не служитъ объясненіемъ факта неодинаковости % безработныхъ въ разныхъ производствахъ. Достаточно, напримѣръ, вспомнить все огромное количество «временной» или такъ наз. «сезонной» работы,—каковой являются работы въ портахъ и гаваняхъ, въ конфекціонныхъ мастерскихъ модныхъ вещей, работы земляныя, строительныя, ремонтныя и проч.

Чтобы яснѣе себѣ представить дѣйствительные размѣры безработицы изъ-за «сезонной» работы, приводимъ нѣкоторыя цифровыя данныя:

По германской статистикѣ о безработныхъ въ 1895 г.: 1 іюня было зарегистровано 179,004 безработныхъ, а 2 декабря 553,640 чел. По отдѣльнымъ отраслямъ производства они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Въ іюнѣ.	Въ декабрѣ.
Сельское хозяйство	17,150	153,139
Кирпичное производство	708	13,073
Строительныя работы	6,107	21,043
Каменщики	6,023	79,918
Прислуга въ увеселительныхъ и др. заведеніяхъ	5,048	11,818 и т. д.

Временную или «сезонную» работу нельзя смѣшивать съ современными заработками такъ наз. «подсобнымъ» трудомъ. Въ отличіе отъ послѣдняго «сезонный» трудъ всегда *главное* занятіе рабочаго и—съ ростомъ промышленности, съ большимъ раздѣленіемъ труда и спеціализаціи—можно утверждать, что онъ все болѣе и болѣе дѣлается *единственнымъ* источникомъ дохода рабочаго.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ вопроса о безработныхъ, *какъ современной проблемы*, выше былъ отмѣченъ присущій этому вопросу соціальный характеръ, т.-е. что «безработица» въ настоящее время не огра-

*) Изъ 22,000 доковыхъ рабочихъ въ восточной части Лондона ежедневно остаются безъ работы болѣе 5,000 чел., т.-е. около 25%.

ничивается тѣснымъ кругомъ единичнаго частнаго хозяйства и степень ея интенсивности всецѣло отражается на всей общественной жизни страны. Рѣзко и опредѣленно выражается онъ во внѣ въ тѣхъ яркихъ демонстративныхъ проявленіяхъ, какія мы видимъ, наприм., въ зимніе мѣсяцы въ Лондонѣ—по улицамъ каждый день съ знаменами и съ барабаннымъ боемъ, и трубами изъ одного конца города въ другой шествуютъ печальныя процессіи безработныхъ (Unemployed), демонстрирующихъ передъ обществомъ свой голодъ и его причину. Такіе же примѣры находимъ мы и въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки: «Около 500 поляковъ и славянъ собрались передъ городской думой (City Hall) въ Питсбургѣ 4 октября (1893 года), требуя «хлѣба или работы» («bread or vork!...») и были разогнаны полиціей *). «Армія безработныхъ (The army of unemployed) подъ предводительствомъ Мг. Сохеу вышла изъ Филадельфіи и 21 апрѣля пришла въ Вашингтонъ съ требованіемъ работы». Такія же «арміи» выступали не разъ и изъ другихъ городовъ Сѣв. Америки, но всюду ихъ ждали войско и полиція, рьяно охраняющія интересы и покой добродѣтельныхъ американскихъ гражданъ...

Но, разумѣется, соціальный элементъ въ проблемѣ о безработныхъ не исчерпывается, но только иллюстрируется подобными демонстраціями. Хотя эти движенія, принимая все болѣе внушительные размѣры, и сами получаютъ все большее значеніе, въ особенности если принять во вниманіе сопровождающія ихъ проповѣди и воззванія къ соціальной революціи.

Вопросъ о безработицѣ имѣетъ въ настоящее время по существу огромное соціальное значеніе. Прежде всего надо замѣтить, что «резервная армія» промышленнаго пролетаріата служитъ всегда главнымъ препятствіемъ въ прогрессивныхъ стремленіяхъ рабочихъ улучшить свое положеніе. Огромное большинство требованій рабочихъ—въ формѣ забастовокъ—кончается неудачей для нихъ именно потому, что предприниматели-капиталисты имѣютъ возможность всегда замѣнить забастовавшихъ рабочихъ свѣжими силами. И въ странахъ, гдѣ еще слабо классовое самосознаніе и гдѣ еще недостаточно развита союзная рабочая организація—это ощущается наиболѣе рѣзко.

На-ряду съ этимъ современная безработица сама по себѣ непосредственно крайне деморализуетъ рабочія силы страны. Такъ, наприм., уже давно замѣченъ фактъ, что хорошо обученый и старательный рабочій, разъ попавъ въ категорію безработныхъ, рѣдко и съ огромнымъ трудомъ вновь въ состояніи подняться до того положенія, которое онъ занималъ раньше. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ вынужденной праздности и голода онъ падаетъ все ниже и ниже, пока, наконецъ, вовсе не выбываетъ изъ класса рабочихъ, заполняя собою полчища пауперовъ.

По мѣрѣ роста городовъ и промышленныхъ центровъ безработица все болѣе стоитъ на пути къ нищетѣ.

---

*) *Labour Gazette Nov.* 1893, p. 171 и слѣд.

Итакъ, вотъ главныя основанія, почему вопросъ о безработицѣ въ настоящее время перешелъ въ соціальную проблему. Общая деморализація трудящихся классовъ, главный тормозъ на пути улучшенія быта рабочихъ, средство, которымъ такъ легко разжечь страсти уличной толпы—все это привело и приводитъ къ тому, что такъ или иначе правительство и общество во всѣхъ почти странахъ вынуждено считаться съ вновь растущимъ обще-народнымъ бѣдствіемъ.

Къ сожалѣнію, исторія правительственныхъ мѣропріятій и общественныхъ начинаній въ этомъ отношеніи очень не богата ни самими средствами, ни тѣмъ еще менѣе достигнутыми при помощи этихъ средствъ результатами.

Англійскіе законы о бѣдныхъ уже съ XVI вѣка предписываютъ мировымъ судьямъ и другимъ властямъ въ графствахъ изыскивать средства для занятія свободныхъ рабочихъ рукъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для того правительствомъ рекомендуется закупка необходимаго матеріала для раздачи его ищущимъ работы. Но ужъ очень скоро подобныя невинныя мѣропріятія замѣняются болѣе жестокими и суровыми: безработные смѣшиваются съ преступниками и бродягами и для нихъ по всей странѣ учреждаются знаменитые въ исторіи англійскаго пауперизма такъ назыв. «рабочіе дома», учрежденія, по преимуществу, карательно-исправительнаго характера.

Этого же рода заведенія и съ тѣми же цѣлями переносятся съ теченіемъ времени и на континентъ.

До самаго послѣдняго времени всѣ мѣропріятія, предпринимаемыя въ Соединенномъ королевствѣ относительно безработныхъ, носятъ на себѣ печать или полицейской «безопасности и благосостоянія» или случайной частной благотворительности.

Въ 1885—86 гг. лордъ-мэромъ Лондона составляется особый комитетъ и собирается изъ частныхъ пожертвованій спеціальный фондъ (the Mansion House Fond) для организаціи работъ нуждающимся въ заработкѣ. Въ результатѣ предпринятыхъ работъ было занято 394 чел. и израсходовано на нихъ 5,303 ф. ст. (около 50 т. руб.). Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1892 г. по иниціативѣ аббата Mills'a вновь учреждается такого же рода Mansion House Conference въ Stratford'ѣ. Въ этомъ случаѣ было занято 865 чел. и израсходовано на нихъ 1,315 ф. ст. (т.-е. около 10 т. руб.), изъ которыхъ 732 ф. ст. (7 т. руб.) осталось (?!) изъ прежняго фонда. Черезъ годъ, въ зиму 1893—94 г., производится правительствомъ попытка общественныхъ работъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Лондона—West Ham и Puplar; въ первой на это израсходовано около 2,000 ф. ст. (20 т. руб.), во второй—около 3,000 ф. ст. (30 т. р.); часть этихъ суммъ была выдана муниципальными учрежденіями, часть составлена изъ частныхъ пожертвованій. Работа въ обѣихъ мѣстностяхъ ограничивалась грабарствомъ и ре-

монтомъ дорогъ; рабочіе нанимались лишь на 4 дня въ недѣлю и по 6 час. въ день съ вознагражденіемъ 6 ш. (около 24 коп.) за 1 часъ.

На-ряду съ этими первыми болѣе чѣмъ скромными опытами общественныхъ работъ правительство предписываетъ приходскимъ настоятелямъ (the guardians), чтобы они съ прочими мѣстными властями изыскали средства для немедленнаго занятія на мѣстѣ ищущихъ заработка чернорабочихъ (unskiled labour) *). Циркуляръ перечисляетъ всякаго рода занятія, но особенно обращаетъ вниманіе на земляныя работы. Далѣе, рекомендуется, «чтобы заработокъ былъ на много ниже обычной платы за подобную же работу, дабы предупредить обманъ (?!) и послужить стимуломъ для возможно скорѣйшаго возвращенія рабочихъ къ ихъ прежнимъ занятіямъ». Для организаціи этихъ работъ обѣщается оказаніе содѣйствія въ необходимомъ кредитѣ.

Парламентъ также предпринимаетъ со своей стороны попытки подойти къ вопросу, такъ сильно возбудившему общественное вниманіе. Съ 1892 по 94 годъ засѣдаетъ особая королевская комиссія, учрежденная для спеціальнаго изслѣдованія всѣхъ вопросовъ, касающихся положенія труда въ промышленности. Большое мѣсто въ работахъ комиссіи отводится обслѣдованію вопросовъ о безработицѣ. Труды комиссіи, опубликованные въ нѣсколько десятковъ томовъ **), представляютъ по богатству своего содержанія рѣдкій источникъ для знакомства съ рабочимъ вопросомъ во всемъ его цѣломъ. Къ сожалѣнію, труды эти еще до сихъ поръ остаются совершенно не изслѣдованными. Практическихъ результатовъ послѣ засѣданій этой комиссіи никакихъ не послѣдовало.

Въ 1895 г. вновь предпринимается обслѣдованіе вопроса о нуждѣ и безработицѣ. На этотъ разъ образуется особый комитетъ изъ членовъ нижней палаты (Select Committee on Distress from Want of Employment). Со своей стороны Local Government Board (нѣчто вродѣ министерствъ внутреннихъ дѣлъ на континентѣ) разсылаетъ вопросные листы; и въ результатѣ получается опять весьма солидный трудъ по знакомству съ вопросомъ о безработицѣ. Такъ, между прочимъ, выясняется, что въ 454 мѣстахъ (localities) съ населеніемъ въ 10.381,607 чел. свирѣпствуетъ исключительная нужда (exceptional distress), а въ 154 другихъ мѣстахъ съ населеніемъ въ 3.722,372 чел. ощущается особенный недостатокъ въ заработкѣ ***).

Никакихъ практическихъ результатовъ и послѣ этого обслѣдованія не воспослѣдовало.

Въ періодъ между 1896 и 1903 гг. совершенно замолкаетъ всякая дѣятельность по вопросу о безработныхъ. Наступившая война въ южной Африкѣ поглощаетъ часть «резервной арміи промышленнаго пролетаріата» вопросъ о безработицѣ теряетъ свой жгучій и острый характеръ.

*) „Circular of President of the Local Government Board", March 15 th 1886.

**) Royal Commission on Labour 22 vols., or 67 parts.

***) Report of Select Committee on Distress etc., 1895—96.

Но вотъ война кончилась, въ страну обратно хлынули цѣлыми массами оторванные отъ работы и развращенные солдатской жизнью волонтеры; какъ бы эти массы ни были малоспособны къ производительному труду, все же имъ нужно пропитаніе, и вотъ начинается вновь ростъ резервныхъ рабочихъ и вопросъ о безработицѣ всплываетъ вновь на поверхность соціальной жизни. Общество вновь пробуждается и начинаетъ пытаться принимать мѣры...

Уже весною 1903 г. собирается національный совѣтъ (National Conference) спеціально по вопросу о безработицѣ. Состоитъ онъ изъ 587 делегатовъ отъ 123 городовъ, городскихъ и сельскихъ совѣтовъ, приходовъ и проч. и 118 представителей отъ рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ. Послѣ двухъ дней засѣданій собраніе вырабатываетъ рядъ резолюцій, которыя и направляетъ правительству.

Наиболѣе интересная и важная первая резолюція. Она гласитъ слѣдующее:

«Конференція, находя, что интересы промышленности являются главнѣйшими интересами всего общества (of the community), что проблема о безработныхъ (the problem of the unemployed) требуетъ не однихъ только выраженій сочувствія (sympathetic), а въ такой же степени и практическихъ мѣропріятій (practical manner), настаиваетъ на необходимости, чтобы правительство учредило должность министра труда (a Minister of Labour) на правахъ члена кабинета (with a seat in the Cabinet); на обязанностяхъ вновь учреждаемаго министра лежитъ прежде всего устройство спеціальнаго министерства (a special department), дабы оно возстановляло періодически падающую промышленность и уничтожало растущую нужду (recurring periods of depression and distress), дабы оно слѣдило и извѣщало заранѣе о приближающемся недостаткѣ въ спросѣ на трудъ (lack of employment), и эти свѣдѣнія должны служить дополненіемъ къ статистикѣ Board of Trade'a *); дабы вновь учрежденное министерство получало и широко распространяло всякаго рода извѣщенія о мѣстахъ, гдѣ можно найти заработокъ, дабы оно помогло лучшему распредѣленію работъ тамъ, гдѣ это особенно нужно и, наконецъ, сверхъ всего этого дабы оно изыскивало средства для временнаго и постояннаго утилизированія незамѣщеннаго народнаго труда **).

Тотчасъ вслѣдъ за этой конференціей было созвано совѣтомъ лондонскаго графства особое собраніе изъ всѣхъ административныхъ властей Лондона для изысканія средствъ уменьшить недостатокъ въ спросѣ на трудъ. Спеціальный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго John Burns'a ***), выпустилъ отчетъ о засѣданіяхъ этого собранія ****). Въ немъ

*) Соотвѣтствуетъ министерству промышленности и торговли на континентѣ.

**) Guildhall Conference, Febr. 1903.

***) Членъ нижней палаты, бывшій рабочій, одинъ изъ самыхъ популярныхъ вождей рабочихъ во время великой забастовки на лондонскихъ докахъ въ 1889 г.—нынѣ членъ кабинета и занимаетъ должность президента (министра) Local GovernmentBoard.

****) London County Council Report on Lack of Employment in London.

особенно рекомендуются публичныя работы, преимущественно въ періодъ промышленнаго застоя (slack seasons); въ періодъ острой общенародной нужды должно предпринимать работы на мѣстахъ; далѣе, въ отчетѣ высказывается пожеланіе, чтобы правительство выработало схему работъ общенароднаго характера; наконецъ, вновь повторяется требованіе учрежденія особой должности министра промышленности (a Minister of Industry).

Въ ту же зиму 1903—4 года комитетъ при лордъ-мэрѣ Лондона (Mansion House Committee) предпринимаетъ рядъ опытовъ съ рабочими колоніями. Въ отчетѣ по дѣятельности этого комитета *) между прочимъ отмѣчается тотъ фактъ, что лучшіе рабочіе, въ особенности члены рабочихъ союзовъ, не склонны покидать города для временной работы въ рабочей колоніи и что этого рода установленія пригодны болѣе для занятія труда чернорабочихъ (unskilled) и неорганизованныхъ въ союзы. Изъ 407 занятыхъ въ этой колоніи рабочихъ лишь 5 чел. принадлежали къ рабочимъ союзамъ.

На слѣдующій годъ въ нижнюю палату вносится законопроектъ (о которомъ мы упоминали выше) сэра Дж. Госта (J. Gost) и палата принимаетъ его какъ дополненіе къ закону 1824 г. (Vagrancy Act). Новый законодательный актъ направленъ къ облегченію устройства рабочихъ колоній; явился онъ въ результатѣ изслѣдованій Fovr'омъ и Marriott'омъ нѣкоторыхъ бельгійскихъ рабочихъ учрежденій. Но и этотъ законъ не даетъ никакихъ практическихъ результатовъ.

Въ томъ же 1904 г. Board of Trade выпускаетъ очень обширное обслѣдованіе вопроса о безработицѣ въ чужихъ странахъ **).

Въ это же время благотворительное общество «Charity Organisation Society» опубликовываетъ отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ наглядно представлена картина постепеннаго ухудшенія въ положеніи о безработныхъ ***).

Наконецъ, осенью 1905 г. выходитъ циркуляръ президента Local Government Board ****), которымъ учреждаются особые городскіе и сельскіе комитеты по вопросу о нуждахъ (distress committee) съ центральнымъ совѣтомъ въ Лондонѣ; обязанность этихъ комитетовъ принимать всякаго рода мѣры противъ безработицы.

Этотъ актъ прошлаго (торійскаго) правительства врядъ ли окажется жизнеспособнымъ. Дѣло въ томъ, что послѣ послѣднихъ обще-парламентскихъ выборовъ въ Англіи съ этого года функціонируетъ новое (либеральное) правительство, обѣщавшее въ лицѣ J. Burns'a очень серьезныя и коренныя реформы именно по вопросу о безработицѣ. Если принять во вниманіе, что въ новомъ парламентѣ впервые образовалась самостоятельная

*) Report of the Mansion House Committee on the Unemployed, 1903—4.

**) „Agencies and Methods for dealing with the Unemployed in certain Foreign untries", 1904.

***) „The Relief of Distress due to Want of Employment".

****) Statury Rules and Orders, 1905, № 1034. Unemployed Workmen.

рабочая партія (Independent Labour Party), $^2/_3$ которой соціалисты и что либеральное большинство настроено теперь особенно доброжелательно къ рабочему классу, то, дѣйствительно, можно ожидать, что мы наканунѣ очень важныхъ не для одной только Англіи соціальныхъ реформъ.

Какъ ни малозначительна по своимъ практическимъ результатамъ была до сихъ поръ въ Англіи правительственная и общественная дѣятельность по вопросу о безработицѣ—все же, несомнѣнно, много труда было положено для выясненія размѣровъ и общаго значенія выступившей вдругъ соціальной проблемы. И надо отдать справедливость, подобнаго матеріалу по обслѣдованію этой проблемы мы не находимъ ни въ одной другой странѣ.

Да и по практическимъ результатамъ Англія не бѣднѣе другихъ странъ или, вѣрнѣе сказать, другія страны такъ же бѣдны въ этомъ отношеніи, какъ и Соединенное королевство. Поэтому и нѣтъ особеннаго смысла останавливаться на исторіи мѣропріятій, предпринимаемыхъ на континентѣ; вопросъ о безработицѣ едва нарождается и врядъ ли дождется своего скораго разрѣшенія въ странахъ съ такимъ тяжелымъ механизмомъ, какой имѣютъ страны Стараго Свѣта. Для того, чтобы ясно себѣ представить, въ какомъ положеніи стоитъ вопросъ о безработныхъ вообще въ Западной Европѣ, совершенно будетъ достаточно познакомиться съ главнѣйшими изъ мѣропріятій, направленныхъ противъ безработицы и вызываемыхъ ею народныхъ бѣдствій.

Въ Голландіи, Бельгіи и Германіи мы видимъ попытки разрѣшить вопросъ о безработицѣ путемъ учрежденія особыхъ земледѣльческихъ рабочихъ колоній; цѣль ихъ, съ одной стороны, вернуть къ сельскимъ работамъ оторванныхъ отъ земли и переполняющихъ собой рабочее населеніе промышленныхъ центровъ; съ другой стороны—этимъ путемъ стремятся колонизировать малокультурныя области болѣе отдаленныхъ странъ. Поэтому земледѣльческія рабочія колоніи устраиваются не только на родинѣ, но часто переносятся за океанъ и заселяютъ такимъ образомъ обширныя пустыя пространства Сѣверной и Южной Америки. Особенно широкое распространеніе эти колоніи получили въ Голландіи. Въ Германіи онѣ насаждаются съ 1882 г. и до сихъ поръ неособенно многочисленны: въ 1898 г. было всего 29 колоній.

Подобнаго же рода колоніи устраиваются и во Франціи подъ названіемъ «Assistance par le travail».

Въ послѣднее время въ Англіи и Америкѣ предпринимаются колонизаторскія попытки въ довольно широкихъ размѣрамъ такъ называемой Арміей Спасенія (Salvation Army).

Не останавливаясь подробно на размѣрѣ этого рода средствъ для борьбы противъ безработицы, можно лишь замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ эти колоніи несомнѣнно могутъ занять свободный трудъ и дать заработокъ ищущему пропитанія; но въ большіе періоды сколько-нибудь

обострившейся безработицы подобнаго рода учрежденія были и должны быть совершенно безсильны.

Въ Германіи съ 1884 г. существуютъ, кромѣ того, такъ называемые Naturalverpflegungsstationen для кратковременныхъ занятій рабочихъ, ищущихъ заработка въ отдаленныхъ отъ мѣста ихъ родины мѣстностяхъ. За ночевку и пропитаніе на этихъ станціяхъ они расплачиваются непосредственной работой. Эти установленія имѣютъ чисто временный характеръ, число ихъ изъ года въ годъ сильно колеблется, достигая иногда 2,000 и болѣе, и для рѣшенія вопроса о безработицѣ не имѣютъ абсолютно никакого значенія; эти установленія прежде всего благотворительныя учрежденія и притомъ крайне примитивной формы.

Болѣе значительными, чѣмъ упомянутыя выше рабочія колоніи, слѣдуетъ признать учрежденія, которыя имѣютъ цѣлью предупредить безработицу, каковыми являются, наприм., всякаго рода «посредническія конторы». Цѣль ихъ служить посредникомъ между предложеніемъ труда со стороны рабочихъ и спросомъ на трудъ со стороны предпринимателей-капиталистовъ. Организація ихъ въ разныхъ странахъ различна. Тамъ, гдѣ особенно широко развиты рабочіе союзы, обязанности этого рода обыкновенно возлагаются на секретарей или бюро этихъ союзовъ. Въ Англіи на-ряду съ этимъ очень широко распространено обыкновеніе, чтобы всякій членъ рабочаго союза, узнавъ о какомъ-нибудь освободившемся мѣстѣ для работы, тотчасъ же увѣдомлялъ объ этомъ бюро своего союза или непосредственно посылая на освободившееся мѣсто кого-нибудь изъ своихъ сочленовъ. Это дѣлается въ большинствѣ случаевъ такъ быстро и негласно, что предприниматель совершенно этого и не замѣчаетъ.

Во Франціи посредничество между трудомъ и капиталомъ выражается въ многочисленныхъ (нѣсколько десятковъ) «биржъ труда». Онѣ получили свое широкое распространеніе съ 1887 г. и явились въ результатѣ все болѣе и болѣе развивающагося стремленія рабочихъ къ союзной организаціи. Обыкновенно «биржа труда» представляетъ обширное зданіе съ многочисленными залами по разнымъ отдѣламъ труда и промышленности; въ нихъ устраиваются многочисленные и многолюдные митинги рабочихъ для обсужденія всѣхъ своихъ дѣлъ и вопросовъ. Къ сожалѣнію, республиканское правительство не разъ пугалось слишкомъ радикальнаго характера рабочихъ собраній, и нѣкоторыя изъ такихъ «биржъ труда» временно закрывались правительствомъ и такимъ образомъ прекращалась ихъ и посредническая дѣятельность. Такъ, наприм., нѣкоторое время была закрыта знаменитая парижская биржа труда, самое грандіозное учрежденіе въ этомъ родѣ, стоившее болѣе 2 милл. фр. Съ 1901 г. въ Парижѣ учреждена еще другая «биржа труда»; она стоитъ въ сторонѣ отъ крайнихъ болѣе радикальныхъ теченій среди рабочихъ, находящихъ себѣ пріютъ въ старой Парижской «биржѣ труда».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на континентѣ посредническая дѣятельность по найму рабочихъ сосредоточивается въ рукахъ представителей общинныхъ

учрежденій; этого рода посредничество направлено по преимуществу для найма сельскихъ рабочихъ.

Точныхъ данныхъ о дѣятельности всѣхъ этихъ посредническихъ учрежденій не существуетъ, но несомнѣнно они заслуживаютъ особеннаго вниманія и, какъ учрежденія предупредительнаго характера, имѣютъ свое и очень не малое значеніе въ вопросѣ о безработицѣ.

Самымъ прямымъ и радикальнымъ средствомъ для разрѣшенія проблемы о безработныхъ принято считать тотъ или иной видъ страхованія отъ безработицы.

Общаго государственнаго страхованія этого рода еще нигдѣ не существуетъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ страхованіе отъ безработицы можно встрѣтить въ разнаго рода рабочихъ союзахъ самопомощи. Кромѣ этого, извѣстны нѣкоторыя попытки городовъ. Такое страхованіе существуетъ въ Cöln'ѣ и Bern'ѣ; предпринимали этого рода попытки въ St. Gallen'ѣ и Basel'ѣ, но безуспѣшно. Между прочимъ муниципалитеты часто высказывались противъ, опасаясь слишкомъ большого наплыва рабочихъ изъ деревень въ промышленные центры.

Существующее городское страхованіе отъ безработицы въ обоихъ вышеуказанныхъ городахъ крайне ничтожно и ограничивается помощью преимущественно въ болѣе тяжелые зимніе мѣсяцы.

Интересно остановиться на очень распространенномъ мнѣніи, будто введеніе общаго обязательнаго страхованія отъ безработицы окончательно сниметъ съ очереди и самый вопросъ о безработныхъ.

Не говоря уже о практическихъ трудностяхъ при современныхъ общественныхъ условіяхъ ввести принудительное страхованіе этого рода, но и чисто теоретически врядъ ли эта мѣра въ состояніи разрѣшить проблему о безработныхъ.

Прежде всего, сторонники этого взгляда какъ бы забываютъ, что *всякое* страхованіе по самому смыслу своему *не уничтожаетъ* самаго зла, противъ котораго оно направлено, а только распредѣляетъ *убыточныя послѣдствія*, отъ этого зла на большее или меньшее число лицъ, и тѣмъ *уменьшаетъ* тяжесть этихъ послѣдствій для того, кого данное бѣдствіе постигаетъ, не устраняя, но разлагая ихъ на всѣхъ участниковъ данной организаціи. Утерянное благо страхованіе не возстановляетъ. Признаемъ, что общее обязательное страхованіе отъ безработицы въ отдѣльныхъ случаяхъ облегчитъ положеніе свободнаго отъ занятій рабочаго. Но самый фактъ безработицы какъ уничтоженіе одного изъ самыхъ цѣнныхъ благъ въ жизни народа—*потеря труда—остается невозмѣщеннымъ*. Поэтому, очевидно, страхованіе этого рода само по себѣ еще далеко недостаточно для разрѣшенія вопроса о безработицѣ, какъ прежде всего *соціальнаго* явленія.

Если принять, что вопросъ о безработныхъ долженъ найти свое разрѣшеніе не въ уничтоженіи самаго факта безработицы—пока существуетъ капиталистическое производство, всегда нѣкоторый % рабочихъ будетъ ли-

шенъ возможности быть замѣщеннымъ,—а въ уменьшеніи слишкомъ большого роста процента безработныхъ, то, дѣйствительно, наиболѣе существенными надо признать два рода мѣропріятій: посредническую дѣятельность по найму труда, съ одной стороны, и страхованіе отъ безработицы—съ другой. Необходимо при этомъ помнить, что какъ то, такъ и другое прежде всего предполагаютъ въ той или иной формѣ *рабочую союзную организацію*.

Но если хоть нѣсколько глубже взглянуть на вопросъ о безработицѣ, если въ немъ видѣть дѣйствительно *соціальную проблему*, то, разумѣется, недостаточность этихъ мѣръ сама собою становится очевидной. И это уже сознается самими рабочими. Такъ, въ программѣ вновь образовавшейся рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ по вопросу о безработныхъ (Unemployed) выставлены слѣдующіе пункты:

Восьмичасовой рабочій день.

Запрещеніе дѣтскаго труда до 16 лѣтъ.

Непосредственное государственное и городское производство главныхъ предметовъ общаго пользованія.

Возможно широкое активное участіе муниципалитетовъ по вопросу объ удовлетвореніи всего необходимаго и главнымъ образомъ санитарнаго положенія рабочихъ.

Въ особыхъ случаяхъ устройство дѣйствительно полезныхъ общественныхъ работъ *).

Выставленныя положенія сами по себѣ такъ просты, что врядъ ли нуждаются въ толкованіи. Съ другой стороны, они такъ существенны, что ссылкой на нихъ, какъ на примѣръ попытки по существу отнестись къ затронутому вопросу, пока закончимъ нашъ обзоръ вопроса о безработицѣ, какъ соціальной проблемы.

Г. Швиттау.

---

*) The Labour Party what it is, and what is wants, by Conrad Noel, London, 1906, pp. 44 и слѣд.

Письма Гапона *).

Лѣтомъ 1899 года намъ пришлось познакомиться со священникомъ Георгіемъ Аполлоновичемъ Гапономъ. Мы жили тогда близъ Севастополя, а о. Георгій, съ разрѣшенія епархіальнаго епископа, жилъ въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ для поправленія своего здоровья, расшатаннаго постигшимъ его несчастьемъ—смертью первой его жены.

На видъ о. Георгій имѣлъ въ то время лѣтъ около тридцати. Средняго роста, стройный, ловкій, о. Георгій обладалъ недюжинной физической силой. Черты его очень смуглаго лица, окаймленнаго густыми волнистыми волосами и бородой цвѣта воронова крыла, были правильны и красивы. Особенно хороши были на этомъ лицѣ черные мягкіе глаза, съ прекраснымъ разрѣзомъ и густыми совершенно черными рѣсницами. Обладая недурнымъ голосомъ, о. Георгій охотно и помногу пѣлъ и чаще всего—пѣсни на слова Шевченка, котораго онъ очень любилъ читать вслухъ.

Темпераментъ о. Георгія былъ типичный малорусскій: впечатлительный, особенно къ красотамъ природы, мягкій, нѣжный и въ то же время пылкій, рѣшительный, увлекающійся и гордый. Онъ былъ очень податливъ на ласку, но задѣвать свое достоинство, самолюбіе не позволялъ никому, не взирая на ранги.

Предлагаемыя вниманію общества 12 писемъ покойнаго о. Георгія—это, къ сожалѣнію, все, что удалось найти и, повидимому, все, что уцѣлѣло изъ его переписки съ нами.

Интересъ этихъ писемъ, во-первыхъ, въ томъ, что въ нихъ отразилась крупная перемѣна въ міровоззрѣніи о. Георгія, происшедшая въ немъ въ теченіе 1899 и 1900 годовъ и, во-вторыхъ, въ томъ, что въ нихъ видны первые шаги о. Георгія на пути, приведшемъ его къ событію 9 января 1905 года.

---

*) Редакція *Русской Мысли* получила настоящія письма вмѣстѣ съ небольшой вступительной замѣткой отъ лица, свидѣтельство котораго ставитъ внѣ сомнѣнія автентичность ихъ текста. Редакція печатаетъ письма Гапона, полагая, что въ качествѣ любопытнаго „человѣческаго документа“ они представятъ интересъ для читателей независимо отъ оцѣнки той роли, которую сыгралъ этотъ загадочный человѣкъ въ нашемъ освободительномъ движеніи. *Ред.*

(Письмо 1-е.)

15 октября 1899 г.

Многоуважаемый Г. И.!

Посылаемъ съ о. Петромъ на добрую о себѣ память свои фотографическія карточки.

Дорогой Г. И. Если бы вы знали, какъ мнѣ хотѣлось о многомъ и многомъ поговорить съ вами. Или—покориться своей судьбѣ, выражаясь словами Никитина: «Мнѣ, видно, нѣтъ иной дороги—она лежитъ... иди впередъ, тащись, покуда служатъ ноги, впереди—что Богъ пошлетъ...» или же съ гордыми и смѣлыми словами (на устахъ) извѣстнаго и любимаго вами стихотворенія *) перейти Рубиконъ.

Смиренный послушникъ о. Георгій.

P.S. Въ воскресенье думаю прослужить во Владимірскомъ соборѣ **), что наверху.

Мисяцю ясный,
Зирки прекрасны,
Божіи очі вы въ темної ночи.
(Припѣвъ) Васъ я благаю грудь облегчите—
Вість принесіте зъ дальнего краа.
Орлеку сызій, соколе быстрій,
Що вік на волі въ свободной долі,
Васъ я благаю...
Тыхій Дунаю, зеленый гаю,
Хвылі кіпучі, вітры жъ могучи,
Васъ я благаю...

(Письмо 2-е.)

1899 г. 7 ноября.

Глубокоуважаемый Г. И.!

Съ признательностью вспоминаю ваше доброе отношеніе ко мнѣ, источникъ коего заключается единственно въ гуманно-благородномъ вашемъ сердцѣ. Навсегда останутся въ моей памяти нѣсколько минутъ, проведенныхъ съ вами вечеромъ въ бесѣдкѣ, когда вы, подъ аккомпанементъ шумящихъ волнъ Чернаго моря, обнаружили столько теплаго участія къ дѣйствительно несчастному собрату ***), случайно встрѣтившемуся на пути вашей жизни.

Да, тяжелъ крестъ послѣдней почти для всѣхъ, у кого есть внутренняя работа совѣсти и мысли. Но во стократъ тяжелѣе онъ для тѣхъ ...здоленныхъ, которымъ приходится *одиноко*, среди упрековъ любимыхъ ...ць и при враждебномъ ропотѣ нѣкоторыхъ, идти тернистой дорожкой

---

*) Рѣчь идетъ о стихотвореніи Вейнберга—„Къ морю".

**) Херсонесскаго монастыря близъ Севастополя.

***) Въ началѣ этого года (?) о. Георгій потерялъ жену, смерть которой произвела на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и онъ часто говорилъ, что съ этою ...ртью онъ утратилъ и смыслъ жизни.

къ намѣченной цѣли. Вотъ почему я благословляю Провидѣніе, столкнувшее меня съ вами и глубокоуважаемой А. К., и молю высшаго всеблагого Духа, да сохранитъ на долгіе годы ваше сердце благосклоннымъ ко мнѣ, чтобы вы и А. К. въ трудную минуту моей жизни, въ минуту безысходной тоски и отчаянія, были бы для меня въ житейскомъ морѣ тѣмъ, чѣмъ явился для апостола Петра Христосъ на Геннисаретскомъ озерѣ съ знаменательными словами: «Что же ты усомнился, маловѣре». Со 2 ноября я въ Петербургѣ. Не заѣзжалъ до свого батька и матери потому, что, отдавъ 22 руб. долгу о. Петру, едва-едва достигъ столицы. Въ академіи приняли хорошо, отвели комнату и засчитали сочиненіе (вышло очень хорошо). Признаюсь, всякое выраженіе участія со стороны академіи болѣзненно отзывается въ моемъ сердцѣ. Но что же дѣлать? Бѣдность! А жить въ Петербургѣ приходится ради хлопотъ по своему дѣлу. Ректоръ историко-филологическаго института, съ семействомъ котораго я знакомъ, сообщилъ, что мнѣ поступить въ университетъ можно двумя путями: 1) держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и 2) поступить пока вольнослушателемъ; держать же экзаменъ черезъ годъ, два... Только вопросъ, можно ли поступить до Рождества Христова. Узнаю—напишу. Хорошо, если бы позволили поступить въ этомъ учебномъ году. Послѣдній путь мнѣ симпатичнѣе, такъ какъ переходъ отъ священства былъ бы болѣе постепеннымъ, что очень важно, имѣя въ виду мою *среду*, и еще потому, что держать экзаменъ на аттестатъ не такъ скоро. Однимъ словомъ, такъ или иначе я почти безповоротно рѣшилъ измѣнить свою судьбу: силъ нѣтъ болѣ *). Глубокоуважаемый и дорогой Г. И., меня мучитъ еще одно обстоятельство, это проявленіе въ вашемъ домѣ мелкой мести по отношенію къ Л. Хотя во всемъ мною сказанномъ нѣтъ ни одной іоты неправды, но я страдаю. Видно и на самомъ дѣлѣ мой поступокъ нехорошъ. Великодушно простите: слишкомъ уже я находился въ разстроенномъ состояніи. Я думаю, незабвенный Г. И., что вы меня понимаете.

Мой искренній привѣтъ А. К. и В. С. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта и адреса. Искренно и глубоко уважающій васъ, смиренный послушникъ пока, о. Георгій.

Къ морю *(Пушкина)*.

Прощай, свободная стихія.
Послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

*) Рѣчь идетъ о рѣшеніи о. Георгія поступить въ университетъ, чтобы изучить медицину и сдѣлать себя болѣе вооруженнымъ для помощи людямъ. Утративъ надежду на личное счастье, о. Георгій, послѣ тяжелой борьбы, рѣшился искать этого счастья въ служеніи ближнему.

Моей души предѣлъ желанный,
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ твои отзывы
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы...
Прощай же, море, не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы...

(Письмо 3-е.)

30 ноября 1899 г.

Глубокоуважаемая А. К.!

Вашъ мужъ заповѣдуетъ мнѣ приняться, подъ знаменемъ Креста Христова, «за серьезный трудъ съ цѣлью принести пользу людямъ или облегчить ихъ страданія».

Бываютъ драгоцѣннѣйшія минуты, когда человѣческое сердце вдругъ раскрывается для глубокаго воспріятія какой-либо высокой идеи, когда послѣдняя мгновенно пронзаетъ мятущуюся душу, глубоко западаетъ на днѣ ея и начинаетъ, подобно прекрасной закваскѣ, дѣйствовать въ жизни извѣстнаго человѣка. Въ одну изъ подобныхъ минутъ нашелъ откликъ въ моей душѣ благородный призывъ, вышедшій искренно отъ благороднаго и убѣжденнаго человѣка.

Но—теперь перехожу къ изложенію самой трудной части моего письма. Не знаю, поймете ли вы и Г. И. меня? Проникнетесь ли прежней симпатіей ко мнѣ? Не отбросите ли меня, подобно сору, попавшемуся на пути вашей жизни?

Видите ли? Великъ, повидимому, человѣкъ въ своей свободѣ. Благодаря ей, онъ мыслью произвольно поднимается то въ заоблачную высь, спускается на дно океана и въ нѣдра земли, благодаря ей, человѣкъ съ волей двигаетъ горы, проходитъ моря и узнаетъ, при помощи ума, въ какомъ мѣстѣ и въ какой точкѣ прорѣжетъ молнія тучи предъ устрашенными и изумленными взорами другихъ людей. Однимъ словомъ, повидимому, благодаря свободѣ, человѣкъ со своей высшей организаціей все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ право называться царемъ природы, достоинство, данное ему еще Творцомъ при созданіи міра.

Но вникните поглубже и вы увидите только призракъ свободы, самообольщеніе человѣка относительно своей высшей принадлежности, но не самую свободу. Подобно вѣтвямъ лiаны, «царь природы» опутанъ разнообразными и безчисленными вліяніями окружающаго. Воспоминанія дѣтства, предразсудки среды и общества, чувство долга, эгоистическое чувство и т. д.—все это составляетъ тѣ сѣти жизни, въ которыхъ и среди которыхъ бьется человѣкъ. Ему часто кажется, что отъ него зависитъ

выборъ того или другого пути, той или другой дѣятельности, но это ему кажется въ самообольщеніи. На самомъ же дѣлѣ онъ всовываетъ свою голову въ то ярмо, которое выработала жизнь извѣстнаго времени. Вотъ почему фатализмъ оказывается не такъ пустъ, какъ представляется съ перваго разу. Напримѣръ, возьму себя. Не я ли съ 4 класса семинаріи хотѣлъ устроить жизнь по-своему. Но всѣ мои усилія сокрушались, встрѣчаясь съ несокрушимыми препятствіями. Я понимаю «несокрушимость» по отношенію къ себѣ *въ данное время*. И теперь не я ли рѣшилъ перейти Рубиконъ? Но получилъ два письма отъ честнаго и любимаго отца (одно изъ нихъ прилагаю при семъ), гдѣ онъ открываетъ горе, такъ долго скрываемое отъ меня: болѣзнь тяжелая «неньки» *), слабость его (67 л.) и вообще разстройство семьи. Неужели не мой долгъ *пожертвовать собой, своимъ собственнымъ «я» для блага и успокоенія тѣхъ*, которые меня вскормили и возрастили? И вотъ, уразумѣвъ истину, возвѣщенную Г. И., я уразумѣлъ и другую теперь истину—это *жертва собой* **). Не даромъ символъ нашей жизни—крестъ. *Только жертва собой для серьезнаго и упорнаго труда во благо и для душевнаго спокойствія ближайшихъ и ближнихъ могутъ доставить человѣку, такъ называемое, условное счастіе, т.-е. нѣкое удовлетвореніе собой. Если человѣкъ проникнется этой идеей, то возможно будетъ для него примиреніе и съ фатализмомъ, т.-е. съ тѣмъ ярмомъ, которое приготовила ему жизнь.* Глубокоуважаемая А. К., вотъ мое убѣжденіе, которымъ я теперь проникнутъ. Преклоняюсь предъ Провидѣніемъ и думаю идти, саморазвиваясь, по предначертанному имъ пути. Адресъ: Петербургъ, Духовная академія, студенту-священнику Георгію Гапону.

(Письмо 4-е.)

1899 г., 31 декабря.

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И. и А. К.

Слѣдуя древнему обычаю, сердечно поздравляю васъ съ наступленіемъ, такъ называемаго, Новаго года. Но не желаю обычнаго ни «новаго счастія», ни новаго чего-либо другого, такъ какъ не говоря уже о томъ, что отъ однихъ пожеланій толку мало,—не все и не всегда хорошо то, что ново, даже и «счастіе». Лучше возведу свой умственный взоръ къ безспорно существующему и все надзирающему премірному Духу и скорѣе сердцемъ, чѣмъ устами произнесу: да пребудетъ Его искра, искра божественнаго огня въ вашихъ сердцахъ, до предѣла, его же не прейдеши».

Да, вы дѣйствительно владѣете частицей божественнаго. Доказательство передъ глазами. Это письмо отъ 21 декабря, гдѣ такъ ярко обнару-

---

*) По-малорусски, мать „ненька". О. Георгій по національности былъ малороссъ и, по его словамъ, предки его были запорожцами.

**) О. Георгій разумѣетъ необходимость пожертвовать своею рѣшимостью снять священство и идти въ университетъ.

живается братская любовь ко мнѣ—сопутешественнику въ сей жизни. Принявшись за серьезный и упорный трудъ самопознанія и саморазвитія, я чувствую себя и физически и душевно несравненно лучше; но мнѣ бы не хотѣлось *пока* разбрасываться...

Вотъ мое pia desideria. Чувствую и сознаю, что только очень благородное, вполнѣ христіанское, великодушное сердце можетъ почувствовать и помочь на дѣлѣ...

Привѣтъ высокоуважаемымъ В. С. и вашей мамашѣ. Смиренный послушникъ, глубокоуважающій васъ о. Георгій. О. Петръ прислалъ письмо и телеграмму.

Увлекаюсь бесѣдами. Замѣтно массовое стеченіе народа, такъ что подумываемъ съ Галерной администраціей, во главѣ съ Саблеромъ (былъ у нихъ 28), воспользоваться религіозно-нравственнымъ подъемомъ и создать Общество. Такъ какъ я не хорошо изучилъ народонаселеніе Галерной гавани и вижу пока, что главные пороки здѣсь—пьянство и безпорядочное поведеніе праздничныхъ (нерабочихъ) дней, то предлагаю создать Общество ревнителей разумно-христіанскаго проведенія праздничныхъ дней съ раздѣленіемъ района на 12 участковъ. Объ этомъ подробно поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

(Письмо 5-е.)

19 января 1900 г.

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И. и А. К.

Мои занятія идутъ довольно сносно. *Изучивъ славяно-фильское движеніе*, главнымъ образомъ, по сочиненіямъ Хомякова, я теперь изучаю движеніе 40-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Именно хочется узнать отношеніе Тургенева къ движенію 60-хъ годовъ. Убѣдительно прошу васъ, Г. И., вы всетаки больше моего знаете, напишите, по какимъ источникамъ наилучше изучать эти замѣчательныя движенія въ русской жизни. Буду очень благодаренъ. Я не смѣю васъ утруждать высказать по этому вопросу свой взглядъ, хотя глубоко убѣжденъ, онъ бы мнѣ весьма пригодился. Бесѣды идутъ довольно хорошо. На нихъ собирается все болѣе и болѣе народа. Представляю, между прочимъ, на вашъ и А. К. судъ въ сокращенномъ видѣ первую бесѣду въ этомъ новомъ году. Тѣмъ болѣе, что она плодъ вашего вліянія и есть искреннее выраженіе моего теперешняго душевнаго склада.

«Слѣдуя старинному обычаю, я, друзья, поздравляю васъ съ Новымъ годомъ (громогласное спасибо) и съ новымъ счастіемъ (долго неумолкаемое «спасибо» и «васъ также поздравляемъ»). Странный, право, человѣкъ, адуется наступленію Новаго года. Вѣдь мы всѣ такъ страстно любимъ изнь—и молодые, полные силъ, здоровья, надеждъ, и старики, у кото-ыхъ, по выраженію одного изъ нашихъ поэтовъ «пропала сила, притуился взглядъ, смерть въ могилу уложила дѣтокъ и внучатъ». Мнѣ при-

поминается одна старушка. Около двухъ лѣтъ лежитъ она, не вставая, на палатяхъ. Только по временамъ ее приподнимаютъ для того, чтобы надѣть чистое бѣлье или переворотить на другой бокъ. Вся она такая худенькая, почти высохшая, зубы всѣ вывалились, подбородокъ и носъ заострились, глаза потускнѣли. Сердце сжималось при видѣ такого жалкаго существованія. Но и этой старушкѣ еще хотѣлось жить, не только для того, чтобы порадоваться счастью внучки Маши, выходящей замужъ, но и чтобы увидѣть, хорошо ли вылупятся цыпленочки въ томъ лукошкѣ, что подъ ея палатями. Правда, еще въ простомъ народѣ, сильномъ своею вѣрой, можно замѣтить безропотное, спокойное ожиданіе неизбѣжнаго конца, но зато въ высшемъ кругу почти никогда. Не случалось ли вамъ видѣть, какъ какая-нибудь барыня, весь свой вѣкъ проведшая въ пустыхъ хлопотахъ и заботахъ, стоя уже одной ногой въ гробу, кокетливо убираетъ свою безволосую голову, ожидая гостей, такихъ же пустыхъ, какъ сама. Одинъ извѣстный пессимистъ (Шопенгауэръ) во все время своего сознательнаго земного существованія, повидимому, проклинавшій жизнь, предъ смертью искренно воскликнулъ: «Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось еще разъ родиться».

Слѣдовательно, человѣкъ *при наступленіи Новаго года долженъ бы скорбѣть*, такъ какъ 365 дней его жизни кануло въ вѣчность, такъ какъ онъ приблизился еще на одинъ шагъ къ могилѣ, къ той минутѣ, когда бренные его останки заколотятъ въ гробъ и опустятъ въ сырую землю при пѣніи «Святый Боже». А между тѣмъ, человѣкъ радуется. Чѣмъ это объяснить, гдѣ разгадка? «Съ новымъ счастьемъ». Вотъ гдѣ разгадка. Вся жизнь человѣка есть исканіе счастія. Съ той минуты, когда человѣкъ сознательно начинаетъ себя чувствовать, на какой бы ступени развитія онъ ни находился, его охватываетъ неодолимая жажда счастія и уже не истощается, не прекращается до гробовой доски. Одна монгольская сказка это безконечное стремленіе къ счастію представляетъ въ видѣ старой женщины съ однимъ глазомъ на макушкѣ, потерявшей свое единственное любимое дитя. Съ дикими взглядами, съ распущенными сѣдыми волосами, въ рваномъ платьѣ, босая она ходитъ и въ жару, и въ холодъ по полямъ, лѣсамъ, горамъ и дебрямъ, вездѣ отыскивая свое дитя. Но вотъ, наконецъ, находитъ. Дрожащими руками беретъ она его, прижимаетъ къ своей груди, поднимаетъ вверхъ, всматривается своимъ единственнымъ глазомъ и въ ужасѣ, и въ гнѣвѣ бросаетъ свою находку, не свое дитя и опять бѣгаетъ искать... Такъ и человѣкъ и все человѣчество ищетъ счастія. Подобно спицамъ въ громадномъ колесѣ, родъ людской вертится въ круговоротѣ жизни; и только что какой-нибудь спицѣ блеснетъ лучъ яснаго солнца, какъ она опять ударяется о каменную мостовую и вкушаетъ грязь, пыль.

Человѣкъ, имѣя въ своей душѣ живое сознаніе возможности счастія, почти всегда смутно представляетъ себѣ то счастіе, котораго жаждетъ. Одно онъ твердо знаетъ, что разъ счастіе придетъ, то будетъ заклю-

чать какую-нибудь новую черту; одно онъ знаетъ, что это счастіе чѣмъ-нибудь да будетъ новымъ, и эта новизна, неизвѣданность чего-то главнымъ образомъ и привлекаетъ его. Вотъ почему восклицанія: «Съ Новымъ годомъ и новымъ счастіемъ» бываютъ почти всегда пріятны людямъ. Имъ кажется и хочется вѣрить, что вотъ наступитъ Новый годъ, авось блеснетъ и новое счастіе.

Но, друзья, полнаго счастія на землѣ нѣтъ, потому что оно необъятно и потому что грѣхъ вошелъ въ міръ. Придите къ намъ для чистосердечнаго признанія, могучіе, богатые, знатные, здоровые не только прошедшихъ вѣковъ, но и настоящаго».

Раскрываю и доказываю слушателямъ, что ни могущество, ни богатство, ни знатность, ни здоровье не доставляютъ полнаго счастія. Примѣръ Соломона и друг. Приглашеніе спросить и настоящихъ сильныхъ міра сего.

Если что и можно назвать возможнымъ, хотя и условнымъ, но дѣйствительнымъ и истиннымъ счастіемъ, такъ это нѣкое душевное самоудовлетвореніе, достижимое при упорномъ серьезномъ трудѣ, направленномъ къ исполненію своего долга, какъ гражданина земли и небесъ. Только честно и серьезно исполняющій свой долгъ можетъ безтрепетно проходить какое бы то ни было земное поприще и даже съ ясной улыбкой и съ свѣтлымъ лицомъ встрѣтить неизбѣжный, и даже преждевременный конецъ. Предъ моими глазами проносится сейчасъ картина Новосольцева въ музеѣ Александра III «Послѣднія минуты митрополита Филиппа». Представляю въ живыхъ краскахъ эту дѣйствительно, на мой взглядъ, замѣчательную картину и дѣлаю выводъ, припоминая его жизнь. Окончаніе: «въ чемъ же состоитъ именно нашъ долгъ и какъ мы должны его исполнять— объ этомъ вамъ скажу въ слѣдующихъ бесѣдахъ». Привѣтъ В. С. и мамашѣ. Искренно и глубоко уважающій всѣхъ васъ, смиренный послушникъ Георгій Гапонъ.

P.S. Извините, Г. И., что письмо написано не такъ разборчиво.

(Письмо 6-е.)

7 марта, 1900 г.

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И. и А. К.!

Горячее спасибо за то, что меня не забываете. Глубоко убѣжденъ, что всемогущій Богъ воздастъ вамъ добромъ за то, что вы такъ безкорыстно дѣлаете добро своему нуждающемуся ближнему.

Мое здоровье удовлетворительно. Энергія растетъ. Дѣло проповѣди въ церкви «Милующей Божіей Матери, что на Галерной гавани», процвѣтаетъ. На прошлое воскресенье здѣсь служилъ вечерню и слушалъ мою бесѣду архимандритъ Сергій, инспекторъ духовной академіи. Въ будущее же воскресенье 12-го будетъ служить по приглашенію Саблера, еп. Веніаминъ. Настоятель предполагаетъ пригласить протодіакона Исаакіевскаго собора

Малинина. Поэтому мнѣ придется потрудиться надъ бесѣдой. Основная мысль всѣхъ моихъ бесѣдъ это та истина, на которую вы намекнули и которую я позналъ своею жизнью, т.-е. только серьезнымъ, честнымъ и упорнымъ трудомъ въ духѣ православія возможно достигнуть хотя условнаго, но все-таки лучшаго человѣческаго счастія. Народъ не вмѣщается въ церкви. Приходитъ много пашковцевъ. Вступаютъ иногда въ разговоръ. Братство открывается въ этомъ мѣсяцѣ. По первому полуприглашенію уже подписалось болѣе 200 человѣкъ. *Цѣль* братчиковъ показывать на дѣлѣ и обнаруживать *своею жизнью*, особенно въ праздничные дни, свою православную вѣру. Для достиженія этой цѣли каждый членъ братства *обязанъ:* a) по возможности неопустительно посѣщать богослуженіе въ нерабочіе дни; b) содѣйствовать процвѣтанію внѣбогослужебныхъ собесѣдованій посредствомъ собственнаго на нихъ присутствія; c) самимъ приходить и дѣтей посылать на народныя чтенія внѣ церкви по общеобразовательнымъ предметамъ (курсы въ систематическомъ порядкѣ); d) заботиться объ устройствѣ массоваго церковно-народнаго хора, который могъ бы пѣть не только во время бесѣдъ, но и всю раннюю службу, а также гимны и народныя пѣсни во время народныхъ чтеній; e) постепенное образованіе изъ среды братчиковъ общества трезвости; f) помогать другъ другу совѣтами матеріально, а въ случаѣ смерти бѣднаго члена позаботиться о достойномъ его погребеніи и о сиротахъ. Вотъ суть предполагаемаго братства. Въ такомъ видѣ мой уставъ почти одобренъ. Какъ только онъ будетъ отпечатанъ, я вамъ непремѣнно пришлю. Однимъ словомъ, дѣло, повидимому, хорошее, но я всячески стараюсь провести его какъ можно скорѣе и безъ рекламы. Спасибо вамъ Г. И. и Григорію Аветовичу *) за указанныя пособія. Въ книгѣ «Эпоха великихъ реформъ» мнѣ пригодилась особенно статья «Какъ возникло московское юридическое общество». Крѣпко, крѣпко жму вашу руку и остаюсь глубокоуважающій всѣхъ васъ смиренный послушникъ о. Георгій.

(Письмо 7-е.)

24 мая 1900 г.

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И. и А. К.!

Экзамены прошли благополучно и я теперь студентъ 2 курса **).

Послѣдняя бесѣда была 26 марта, въ присутствіи Саблера и преосв. Веніамина. Получилъ благодарность. Отпущено, главнымъ образомъ, изъ морского вѣдомства 51 тыс. на устройство при самой церкви читальнаго зала съ электрическимъ освѣщеніемъ. Если буду живъ и здоровъ, то съ осени опять начну бесѣды; тогда же предполагается и открытіе братства (соедин... го съ церковнымъ попечительствомъ о бѣдныхъ).

---

*) О. Геор... ворит... о покойномъ Григоріи Аветовичѣ Джаншіевѣ, съ которымъ онъ позн... ся въ 1899 г. въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, вблизи котораго ... ъ тогда Джаншіевъ.

**) Петербург... уховной академіи.

Посредствомъ баллотировки (съ разрѣшенія своего начальства) 11 мая избранъ единогласно членомъ комиссіи московскаго нарвскаго отдѣла 2 убѣжища (общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Маврикіевны).

Усвоивъ вашъ принципъ трудовой жизни, незабвенный Г. И., я чувствую себя болѣе или менѣе здоровымъ, я рѣшился работать въ каникулярное время и потому не буду нуждаться въ вашей денежной помощи до августа мѣсяца включительно. Надѣюсь, что и въ будущемъ учебномъ году буду имѣть возможность самъ помогать моимъ бѣднымъ роднымъ (мама очень больна).

Спасибо, горячее спасибо вамъ, Г. И. и А. К., за вашу поддержку; только сильно скорблю, не получая отъ васъ прежнихъ хорошихъ писемъ. Привѣтъ вашей мамашѣ и В. С. Какъ поживаетъ о. Никандръ, о. Петръ. Въ какомъ состояніи вашъ хуторъ? Привѣтъ и Джаншіеву. Надѣюсь, что вы найдете хоть нѣсколько минутъ, чтобы утѣшить меня своимъ письмомъ: пренебреженіе человѣка не свойственно вамъ. Мой адресъ: Петербургъ, Васильевскій островъ, Большой проспектъ, 22 линія, № 11 дома. Смиренный послушникъ о. Георгій.

(Письмо 8-е.)

2 сентября 1900 г.

Видитъ Богъ, насколько я признателенъ вамъ, Г. И. и глубокоуважаемая А. К., за ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Одно скажу и совершенно откровенно: мнѣ совѣстно и скорбно, что я ничѣмъ еще не заслужилъ его.

Тяжело также и за В. С. Хотя предѣлъ человѣческой жизни неизбѣженъ, но всетаки, сжимаясь, невольно вздрагиваетъ сердце при одномъ представленіи, что вотъ любимое и уважаемое нами существо приближается къ нему. Жутко... Хочется отдалить этотъ моментъ. Будемъ вѣрить, что ангелъ хранитель осѣнитъ своими невидимыми крылами маститаго старца и поддержитъ его. Надѣюсь, что и я еще увижу его сидящимъ на балконѣ вашего гостепріимнаго дома и любующимся пылающимъ шаромъ дневного свѣтила, которое иногда такъ красиво погружается въ воды бурнаго Чернаго моря. Боже мой! Если бы вы знали, Г. И., какъ сейчасъ, въ эту секунду живо до осязательности представились мнѣ вашъ хуторъ, обвѣваемый дыханіемъ могучей водной стихіи, и Георгіевскій монастырь со своими обитателями! Представляю, какъ съ Петромъ или съ многопретерпѣвшимъ Никандромъ неоднократно шествовали къ вамъ, гдѣ мы слушали музыку моря, купались, пѣли пісні України и, опьяненные чуднымъ морскимъ воздухомъ и видомъ природы, то приходили въ веселое состояніе, особенно при остротахъ умнаго Григорія Аветовича, то притихали, задумываясь надъ судьбой человѣка. Но довольно! Теперь, сидя въ маленькой комнаткѣ и ежась отъ сырого и холоднаго воздуха, я только могу вспо-

минать, представлять все это и съ благодарностью въ душѣ думать о всѣхъ васъ. Передъ поѣздкой домой у меня было накоплено до 150 руб., но при видѣ больной мамы (наростъ въ желудкѣ, необходима операція, хотя мама не хочетъ), находясь среди бѣдныхъ родныхъ, я такъ истратилъ свои деньги, что едва доѣхалъ въ Петербургъ. А между тѣмъ нужно было уже думать о теплой одеждѣ (почти всю прошлую зиму я проходилъ въ осенней рясѣ Петра). Хотя лѣтомъ я и получалъ за свой трудъ довольно много (70 р.), но теперь—передъ началомъ занятій (4 сентября) раздумываю и не знаю, на что рѣшиться: или заниматься своимъ дѣломъ, или же разбрасываться изъ-за презрѣннаго металла...

Что касается дѣтей, то Маруся бой дѣвочка, а Алеша блѣдненькій и худой *). Родные, за исключеніемъ мамы и старшей сестры, находятся въ довольно удовлетворительномъ состоянiи. Молиться за В. С. такъ же, какъ и за всѣхъ васъ я считаю своимъ долгомъ. Въ воскресенье (т.-е. 3 сентября) отслужу молебенъ за недужнаго... Сердечный привѣтъ В. С., вашей мамѣ, Петру, о. Никандру и всѣмъ вашимъ. Прошу васъ, Г. И. и А. К., не забывайте меня.

Уважающій и любящій васъ преданный о. Георгій.

Недавно писалъ Петру. Получилъ ли онъ мое письмо?

(Письмо 9-е.)

19 декабря 1900 г.

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И и А. К.!

Отъ всей души поздравляю васъ съ наступающими великимъ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ годомъ. Дай, Боже, чтобы образъ Богомладенца Іисуса, изволившаго родиться не въ золотыхъ чертогахъ, а въ простой землянкѣ, положеннаго не въ богатую и пышную колыбель, а въ убогія ясли, повитого не драгоцѣнными, теплыми и мягкими тканями, а бѣдными пеленами, умиротворилъ до гробовой вашей доски ваши добрыя сердца и низвелъ въ ваши сострадательныя души тихую, спокойную радость. Теперь осмѣливаюсь изъ далекаго, сурово-жестокаго для бѣдняковъ Петербурга пасть мысленно къ вашимъ стопамъ и просить помощи доброму дѣлу—помощи второму убѣжищу общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ его стремленіи устроить ясли при убѣжищѣ для многочисленныхъ дѣтей, обездоленныхъ злой мачехой судьбой, гаваньскихъ жителей столицы. Хотя это не хорошо говорить, но признаюсь, что, пораженный настоящимъ людскимъ горемъ, я отказался хотя, правда, и отъ незначительной платы за преподаваніе Закона Божія во второмъ убѣжищѣ въ пользу добраго начинанія. Я предчувствую, я знаю, что Г. И. будетъ мнѣ помогать лично,—но тутъ я готовъ отказаться даже съ большимъ удовольствіемъ отъ предназначенной мнѣ суммы въ пользу устройства при

*) О. Георгій говоритъ о своихъ двухъ дѣтяхъ, оставшихся отъ его первой жены и жившихъ у его родителей.

второмъ убѣжищѣ школы и яслей для дѣтокъ, часто посинѣвшихъ отъ холода и стужи, часто бѣгающихъ безъ призора, ласки и свѣта.

Глубокоуважаемая и незабвенная А. К. Передъ вами особенно падаю ницъ и прошу замолвить слово, доброе слово, за доброе дѣло передъ Владиміромъ Сергѣевичемъ, этимъ глубокоуважаемымъ старцемъ разума, которому я шлю сердечный привѣтъ. Шлю также сердечный привѣтъ вашей мамѣ. Прошу также, если будете писать, передать привѣтъ оо. Никандру, Филадельфу, Петру, всей Георгіевской монастырской братіи.

Смиренный и глубокоуважающій васъ о. Георгій Гапонъ.

Посылаю при семъ 8 экземпляровъ воззваній для раздачи знакомымъ. Прошу. Квитанція, въ случаѣ пожертвованія, *будетъ немедленно выслана*. За единовременное пожертвованіе около 500 рублей комиссія, членомъ которой и я состою, съ разрѣшенія и благословенія митрополита Антонія и ректора, въ первомъ же засѣданіи постановитъ выразить письменную благодарность и выдать *золотой знакъ* нашего общества, знакъ довольно рѣдкій и цѣнимый даже въ Петербургѣ, *съ правомъ ношенія* на груди. Если же будетъ пожертвовано единовременно 300 руб., то—письменная благодарность и серебряный знакъ. Разослано въ Петербуръ и Москву около 5,000 воззваній (къ подпис. около 2 тысячъ), но что-то пожертвованія поступаютъ туго.

Мнѣ страстно хочется, чтобы именно вы положили первый камень для фундамента добраго дѣла, и потому я буду молить Господа, чтобы пожертвованіе отъ васъ поступило къ Новому году и тѣмъ осчастливило бы всю нашу комиссію, второе убѣжище и будущихъ питомцевъ.

Вѣрьте, глубокоуважаемые Г. И. и А. К., что если бы я самъ не былъ убѣжденъ въ пользѣ и чисто христіанскихъ качествахъ предпринимаемаго дѣла, то никогда не смѣлъ бы васъ безпокоить.

Смиренный послушникъ о. Георгій.

Съ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ отвѣта.

(Письмо 10-е.)

6 февраля 1901 г.

Глубокоуважаемый и незабвенный Г. И.!

Сегодня получилъ ваше письмо. Спасибо вообще за то, что вы меня не забываете. Что же касается перемѣны въ вашей жизни, то я твердо убѣжденъ, что при вашей энергіи, трудѣ и помощи со стороны А. К. и мамаши, Богъ вамъ поможетъ. Я же лично теперь особенно не нуждаюсь и могу пока обойтись и безъ помощи, о чемъ уже я и писалъ въ заказномъ письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, я просилъ *только* помочь моему бѣдному пріюту, къ которому имѣю отношеніе. Причемъ долженъ сознаться, что я зналъ *о болѣзни* В. С., но не *о смерти*. Вѣчная память. Поэтому я *очень безпокоюсь*, получили ли вы мое заказное письмо *съ воззваніями*.

Глубоко преданный вамъ о. Георгій.

(Письмо 11-е) *).

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И. и А. К.!

Что сказать о себѣ? Перехожу на послѣдній курсъ духовной академіи, которая совершенно мнѣ не по душѣ. Въ маѣ конецъ экзаменамъ. Работалъ въ году очень и очень усердно, но не надъ академическими предметами.

По секрету вамъ говорю, что работа моя была представлена на Высочайшее усмотрѣніе и назначена въ очередномъ порядкѣ для разсмотрѣнія въ комитетъ министровъ. Какъ мнѣ хочется увидѣть васъ, А. К., Петра, Георгіевскій монастырь, скалы и море...

Но придется занять... презрѣнный металлъ. Боже мой, какъ хочется, такъ и тянетъ. Хоть бы пожить недѣльки двѣ.

Если Богу угодно (будетъ дать мнѣ) заѣхать въ Крымъ этимъ лѣтомъ, то я привезу вамъ и экземпляръ моей работы, напечатанный въ государственной типографіи на казенный счетъ.

Если пріѣду въ Крымъ, то пріѣду съ своей дочуркой.

Привѣтъ вашей мамѣ и всѣмъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ

о. Георгій Гапонъ.

P. S. въ Петербургѣ только до 2 іюня. А затѣмъ на одинъ мѣсяцъ поѣду сначала на родину (пробуду тамъ дней 9—10), 2 года какъ не былъ

(Письмо 12-е) **).

Глубокоуважаемые и незабвенные Г. И. и А. К.!

Поздравляю васъ съ наступающими великими праздниками и съ Новымъ годомъ.

Не пріѣзжалъ лѣтомъ въ Крымъ и ничего вамъ не писалъ потому, что надо мною разразилась ужасная буря испытаній, закончившихся было увольненіемъ меня изъ академіи и чуть ли не выѣздомъ изъ столицы.

Только въ ноябрѣ небо прояснилось и я опять въ академіи уже на IV (послѣднемъ) курсѣ.

Васъ я всегда храню въ сердцѣ—никогда не забывалъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ совсѣмъ заканчиваются мои занятія въ академіи и я навѣрное останусь въ Петербургѣ же.

Твердо надѣюсь васъ видѣть—очень соскучился. Привѣтъ вашей мамѣ, Петру и всѣмъ меня знающимъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ

о. Георгій Гапонъ.

---

*) Письмо это не имѣетъ даты, но, повидимому, относится къ первой половинѣ 1903 г.

**) Письмо не имѣетъ даты, но относится, повидимому, къ концу 1903 г.

Памяти В. А. Гольцева *).

I.

18 ноября прошлаго года скончался 56 лѣтъ отъ роду Викторъ Александровичъ Гольцевъ, видный ученый, популярный общественный дѣятель и талантливый журналистъ.

Напомнимъ вкратцѣ главныя событія его жизни.

По окончаніи Московскаго университета со степенью кандидата правъ Гольцевъ былъ оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію. Сдавъ экзамены по финансовому праву и по политической экономіи, онъ былъ въ серединѣ 70-хъ годовъ отправленъ за границу; изъ отчетовъ, присылавшихся имъ въ факультетъ въ 1876 и 1877 годахъ, мы узнаемъ, что онъ прежде всего направился въ Гейдельбергъ, въ эту колыбель государственныхъ наукъ, гдѣ въ то время преподавалъ Блюнчли; Гольцевъ работалъ преимущественно у экономиста Книса и посѣщалъ также лекціи Куно Фишера. Изъ старѣйшаго германскаго университета Гольцевъ перекочевалъ въ Вѣнскій университетъ и здѣсь подъ руководствомъ основателя современной науки административнаго права Лоренца фонъ-Штейна онъ занялся изученіемъ права управленія и пополнялъ свои знанія по политической экономіи; занятія у Штейна оказали рѣшающее вліяніе на его научныя воззрѣнія, что проявилось въ особенности въ его магистерской диссертаціи, изготовленной главнымъ образомъ за границею. Вслѣдъ за тѣмъ, побывавъ въ Грацѣ, онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ слушалъ политическую экономію у Рошера и различные отдѣлы государственныхъ наукъ у Фрикера и Штоббе. Вернувшись въ Россію, онъ сдалъ по желанію факультета еще и магистерскій экзаменъ по полицейскому праву и кромѣ того въ 1878 году защитилъ диссертацію о государственномъ хозяйствѣ во Франціи XVII вѣка. Изъ западной Европы онъ вынесъ преклоненіе передъ конституціоннымъ строемъ культурныхъ государствъ; онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій, и это-то и послужило причиною дальнѣйшихъ гоненій, которыя обрушились на него и доставили ему немало испытаній и непріятностей въ жизни.

*) Сообщеніе, сдѣланное въ Ярославскомъ юридическомъ обществѣ 17 февраля 7 года.

Такъ, хотя въ 1879 году онъ былъ избранъ въ доценты Новороссійскаго университета по энциклопедіи права, однако онъ не былъ въ состояніи, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, приступить въ Одессѣ къ чтенію лекцій и открыть курса.

Избранный вслѣдъ за тѣмъ въ доценты московскаго университета по полицейскому праву, онъ послѣ долгихъ мытарствъ и проволочекъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи въ 1881 году, но по его собственнымъ ироническимъ словамъ онъ преподавалъ лишь въ теченіе однихъ каникулъ. Уже въ отчетѣ московскаго университета за 1882 годъ мы читаемъ, что «уволенъ отъ службы доцентъ Гольцевъ — по прошенію;» онъ пробылъ преподавателемъ въ родномъ университетѣ лишь съ февраля 1881 года по августъ 1882 года. Выходъ изъ университета или, вѣрнѣе говоря, изгнаніе изъ университета представляетъ для Гольцева тотъ рѣшающій моментъ, когда его жизнь какъ бы переломилась на-двое. Подъ угрозой быть уволеннымъ по третьему пункту онъ былъ принужденъ принести въ жертву свою любовь къ наукѣ и подать въ чистую отставку; отказъ отъ надежды на университетскую каѳедру представлялъ для него тяжелое нравственное лишеніе, которое, по свидѣтельству близко знавшихъ его лицъ, онъ не переставалъ чувствовать до конца своихъ дней: человѣкъ рожденный для аудиторіи, многообѣщавшій ученый, обладавшій блестящимъ даромъ слова, глубокимъ аналитическимъ умомъ, неотразимой діалектикой и разносторонними познаніями, онъ долженъ былъ смолкнуть и перестать дышать университетской атмосферой.

Покинувъ университетъ послѣ вынужденнаго отказа отъ научной дѣятельности, Гольцевъ продолжалъ служить русскому обществу на иномъ поприщѣ. Но и здѣсь его путь былъ усѣянъ терніями: какъ заподозрѣнный человѣкъ, надъ которымъ заживо поставленъ крестъ, онъ продолжалъ оставаться подъ сомнѣніемъ, и все, за что бы онъ ни брался, доставалось ему лишь послѣ долгихъ усилій.

Мало того; что касается его общественной дѣятельности, то ни въ одной изъ должностей, на которыя его призывало общественное избраніе, онъ не былъ утверждаемъ. Но если ему не удалось послужить Москвѣ въ качествѣ должностного лица или даже простого гласнаго (онъ не долгое время былъ тверскимъ земскимъ гласнымъ), то зато онъ принималъ широкое участіе въ той общественной дѣятельности, которая въ 80 и 90 годы предоставлялась на свободное усмотрѣніе гражданъ. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ предсѣдателя юридическаго общества, принималъ участіе въ психологическомъ обществѣ, былъ секретаремъ общества любителей россійской словесности, членомъ распорядительнаго комитета, а подъ конецъ и временнымъ его предсѣдателемъ, онъ работалъ въ комитетѣ, а впослѣдствіи въ обществѣ грамотности, участвовалъ во всевозможныхъ учрежденіяхъ, ставившихъ своею цѣлью вспоможеніе литераторамъ, народнымъ учителямъ, руководилъ преніями въ различныхъ педагогическихъ обществахъ и родительскихъ кружкахъ.

Если отъ ухода Гольцева изъ университета проиграла наука, то зато выиграли общественное дѣло и публицистика. Неутомимый работникъ, Гольцевъ превратился въ литератора по профессіи; его плодовитость поистинѣ изумительна; его вниманіе привлекалъ всякій насущный и животрепещущій вопросъ современности и на все онъ отзывался съ своей неизмѣнной горячностью. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Голосѣ*, въ *Русскомъ Курьерѣ*, помѣщалъ статьи въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Русскомъ Богатствѣ*, въ *Дѣлѣ*, въ *Артистѣ*; онъ редактировалъ *Юридическій Вѣстникъ* и въ теченіе почти четверти вѣка, съ 1885 года, состоялъ фактическимъ редакторомъ *Русской Мысли*, гдѣ ежемѣсячно помѣщалъ свои обозрѣнія. Помимо газетной и журнальной дѣятельности онъ составлялъ общедоступныя юридическія брошюры для народа.

Но и въ этой сферѣ Гольцевъ далеко не далъ — опять-таки по независящимъ отъ него обстоятельствамъ—того, что могъ бы дать. Даже выставить свое имя на книжкахъ *Русской Мысли* ему разрѣшили лишь за годъ или за два передъ смертью. И его писательская и редакторская дѣятельность встрѣчала на каждомъ шагу всевозможныя препоны и преграды. Этимъ только и объясняется та усиленная осторожность тона, въ которой упрекали *Русскую Мысль* въ послѣдніе особенно годы; но только не знающій тѣхъ условій, въ которыхъ работалъ Гольцевъ, рѣшится обвинить его въ намѣренной уступкѣ «эпохѣ безвременья», именно той эпохѣ, когда жизнью вмѣсто живыхъ людей сталъ, какъ будто, руководить чеховскій «человѣкъ въ футлярѣ». И въ журналистикѣ Гольцевъ встрѣтилъ то же, передъ чѣмъ онъ долженъ былъ отступить (но не капитулировать) въ наукѣ и общественной дѣятельности.

До конца своей жизни онъ продолжалъ отстаивать тѣ начала, которыя онъ научился уважать въ молодости. Убѣжденный индивидуалистъ, онъ былъ противникомъ умаленія и приниженія личности, откуда бы ни шло внѣшнее давленіе и стѣсненіе свободы индивида. Мягкій, уступчивый и деликатный въ житейскомъ обиходѣ, онъ былъ неподатливымъ, стойкимъ и прямолинейнымъ человѣкомъ, разъ дѣло касалось принципіальныхъ вопросовъ, для него священныхъ. Въ эпоху реакціи и застоя людямъ, подобнымъ Гольцеву, не было простора для дѣятельности. И надо сказать, что его требованія были далеко не требованіями крайняго утописта и наивнаго мечтателя: напротивъ, они были весьма скромны, осуществимы и могли казаться руководящимъ кругамъ опасными лишь въ то тяжелое и безотрадное время, когда жилъ Гольцевъ.

Судьба сыграла обидную и горькую шутку надъ Гольцевымъ: все, чего онъ такъ страстно и напрасно добивался въ теченіе всей своей жизни, онъ получилъ въ концѣ-концовъ,- но слишкомъ поздно. Уже въ концѣ 0 годовъ всякаго видѣвшаго его поражали его усталый видъ и глубоко чальный взглядъ больного человѣка. Силы его были окончательно разты и сердце переставало правильно функціонировать, когда, наконецъ,

въ 1905 году Россія превратилась въ государство конституціонное и сами собою получили свободу дѣятельности прежніе опальные люди. Передъ Гольцевымъ открылись двери московскаго университета: онъ былъ приглашенъ къ чтенію здѣсь лекцій. Онъ отдался кромѣ того всей душой и съ юношескимъ пыломъ осуществленію идеи народнаго университета. Онъ участвовалъ въ предвыборной работѣ по образованію первой Государственной Думы, дѣятельно велъ пренія на собраніяхъ. Но это было его лебединою пѣснью; его истощенный организмъ не выдержалъ неожиданной и рѣзкой перемѣны, и онъ скончался, не успѣвъ воспользоваться въ полной мѣрѣ тѣми свободами, для полученія которыхъ онъ боролся упорно и словомъ и дѣломъ всю жизнь.

II.

Попробуемъ теперь разобраться въ научномъ наслѣдіи, оставленномъ Гольцевымъ.

Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ: онъ изучалъ и финансовую науку, и науку о народномъ хозяйствѣ, и административное, и государственное право, не говоря уже о томъ, что онъ живо интересовался и другими отраслями знанія. Въ области правовыхъ явленій онъ не замыкался въ тѣсной сферѣ дѣйствующихъ юридическихъ нормъ и шире ставилъ свою задачу.

Онъ полагалъ, что прошло уже то время, когда отдѣльныя отрасли государствовѣдѣнія и обществовѣдѣнія имѣли рѣзко опредѣленныя границы, когда юристу не было дѣла до экономическихъ отношеній, когда экономистъ не считалъ нужнымъ справляться съ государственнымъ правомъ. Кромѣ того, онъ думалъ, что юристъ не долженъ пренебрегать и нравственной оцѣнкой наблюдаемыхъ имъ фактовъ, и вслѣдствіе этого его работы по исторіи общественныхъ нравовъ нерѣдко содержали въ себѣ элементъ морали, проповѣдничества, бичеванія людскихъ пороковъ и страстей. Наконецъ, онъ былъ глубокомысленнымъ соціологомъ и осторожнымъ изслѣдователемъ въ области исторіи культуры, считая необходимымъ, чтобы идеалы общежитія, выставляемые отдѣльными мыслителями-поэтами и смутно чаемые обществомъ, свѣрялись бы прежде приложенія ихъ къ жизни съ уже опредѣлившимся ходомъ народной жизни и, какъ бы заманчивы и прекрасны эти идеалы ни были сами по себѣ, ихъ необходимо оставить безъ примѣненія, если они противорѣчатъ историческому теченію.

Исторія общества есть тотъ фундаментъ, на которомъ онъ строитъ свои научныя теоріи. Предметомъ его изысканій были главнымъ образомъ XVI, XVII, XVIII вѣка, эпоха наивысшаго развитія началъ, имъ отрицаемыхъ; но рисуя мрачныя картины, онъ всегда утѣшается надеждою на лучшее будущее. И это упованіе проскальзываетъ на каждой страницѣ, несмотря на то, что онъ скупъ и сдержанъ на громкія слова и на тре

скучія фразы. О многомъ онъ даетъ лишь намеки, предоставляя читателю самому догадаться о его мысляхъ. Въ одной изъ своихъ работъ онъ даже сообщаетъ о своихъ умышленныхъ стараніяхъ сжать по мѣрѣ возможности изложеніе книги: не надо никогда, говоритъ онъ, исчерпывать предметъ настолько, чтобы устранить всякую умственную работу читателя; дѣло не въ томъ, чтобы дать занимательное чтеніе, а въ томъ, чтобы заставить задуматься надъ вопросомъ и побудить поискать путей для его разрѣшенія. И его работы приковываютъ къ себѣ вниманіе не только по чарующей формѣ изложенія, по простотѣ слога, по отсутствію вычурности и напыщенности, по легкому блестящему языку, но и потому, что онѣ будятъ мысль и, такъ сказать, наталкиваютъ ее на желательную для автора дорогу.

Основная мысль, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ работы Гольцева, есть мысль о тѣсной связи, существующей между политическими учрежденіями страны, ея экономическимъ строемъ и господствующей системой воспитанія и обученія: политическій, соціальный и культурный элементы народной жизни соединяются у него въ живое единое и нераздѣльное цѣлое. Гольцевъ прежде всего борецъ за гарантіи политической свободы, за правду и законность, за представительныя учрежденія, поборникъ демократическихъ началъ, другъ трудового народа и сельскаго, и городского; но въ то же время онъ не ограничивается требованіемъ конституціонныхъ началъ, онъ считаетъ необходимымъ обезпечить странѣ богатство, дать родинѣ просвѣщенное населеніе. Однимъ словомъ, онъ не только пылкій конституціоналистъ-государственникъ, но и мудрый полицеистъ, видящій залогъ благополучія Россіи въ просвѣщеніи и матеріальномъ благосостояніи народныхъ массъ. И эта мысль о тріединомъ благѣ государства является его любимой мыслью, лейтмотивомъ всѣхъ его произведеній. Вся задача правленія сводится къ обезпеченію народной свободы и къ дарованію странѣ богатаго и культурнаго населенія,—въ этомъ лежитъ будущее страны и только въ удовлетвореніи всѣхъ этихъ требованій лежитъ это будущее. Мало одной конституціи; необходимо кромѣ того болѣе или менѣе справедливое распредѣленіе богатствъ и широкое распространеніе просвѣщенія. Экономически необезпеченная жизнь, утверждаетъ онъ, подвергаетъ опасности всѣ добродѣтели, и имущество составляетъ необходимое условіе для совершенствованія наукъ, для поступательнаго развитія искусствъ и политической свободы, вообще для осуществленія высокихъ общественныхъ и личныхъ задачъ; полуголодному труженику не до вымысловъ, не до фантазій и не до борьбы за гармонію въ обществѣ, тѣмъ паче не до мысли. Съ другой стороны, безъ образованія, распространенного во всѣхъ слояхъ народа, политическая свобода не прочна, и только ...тъ порядокъ крѣпокъ, гдѣ каждый можетъ развивать безпрепятственно ...и умственныя силы, трудиться для полезной цѣли, вліять на общество ...работать для него. И всюду Гольцевъ подчеркиваетъ взаимодѣйствіе ...ду матеріальнымъ благосостояніемъ и умственнымъ прогрессомъ народа, ...но какъ и движеніемъ впередъ въ политическомъ отношеніи. Изъ на-

блюденія исторической жизни на большомъ пространствѣ и въ продолжительное время онъ выноситъ убѣжденіе въ непрерывномъ ростѣ знанія и въ прогрессивномъ накопленіи имущества: человѣчество не топчется на одномъ мѣстѣ, оно совершенствуется и движется впередъ къ осуществленію идеальныхъ началъ. Гольцевъ вѣритъ въ прогрессъ, въ безконечное и послѣдовательное улучшеніе человѣческой природы; въ концѣ-концовъ, утверждалъ онъ въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, водворится когда-либо наконецъ и наиболѣе совершенный политическій строй.

И совершенно послѣдовательно Гольцевъ приходитъ къ идеалу всеобщаго и всемірнаго братства народовъ. Въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ въ *Русской Мысли* онъ обращаетъ живое вниманіе на мирныя завоеванія международнаго права, на выясненіе соціально-культурнаго значенія международнаго союза, на распространеніе третейскихъ судовъ, какъ единственно справедливаго юридическаго способа рѣшенія международныхъ несогласій, на усилія друзей мира къ водворенію принципа нейтрализаціи и вѣчнаго мира, къ прекращенію войнъ и пролитія крови на землѣ и къ учрежденію Соединенныхъ Штатовъ Европы. И въ этомъ идеалѣ о семьѣ цивилизованныхъ народовъ находятъ свое завершеніе мысли Гольцева объ идеальномъ благоустроенномъ культурномъ государствѣ.

III.

Несомнѣнно, не всѣ работы Гольцева одинаковаго качества; журнальныя и газетныя статьи и замѣтки написаны часто курсорно и фрагментарно, спѣшно и отрывочно. Мы разсмотримъ три его наиболѣе обработанныхъ научныхъ труда, въ которыхъ были формулированы его основные взгляды.

Предметомъ для его магистерской диссертаціи «Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка. Историческій очеркъ, Москва 1878 г., 171 стр.» было выбрано сопоставленіе финансовой политики предшественниковъ Людовика XIV на Западѣ и Петра I на Востокѣ Европы. Эта тема представляла особенный интересъ потому, что для исторіи финансовъ XVII столѣтіе имѣетъ особенно важное значеніе, какъ эпоха перехода отъ феодальнаго и патримоніальнаго государства къ государству въ современномъ смыслѣ. Параллельное изложеніе французскаго финансоваго строя съ финансовыми порядками Московскаго государства дало Гольцеву возможность придти къ поучительнымъ и плодотворнымъ выводамъ. Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что французское и русское правительства XVII вѣка задались весьма схожими цѣлями, для достиженія которыхъ избрали одинаковыя мѣры. Сломить самостоятельное значеніе высшихъ сословій и корпорацій, превратить простой народъ въ однообразную послушную верховной власти массу, сосредоточить такимъ образомъ въ рукахъ правительства подавляющую силу и добиться политическаго преобладанія надъ сосѣдями—вотъ стремленія какъ Ришелье и Людовика XIV, такъ и московскихъ царей новой династіи. Для борьбы требовались средства и эти сред

ства изыскивались всѣми способами, причемъ непосредственныя выгоды фиска нерѣдко ставились выше экономическихъ интересовъ страны и пускались въ ходъ выжиманіе и выколачиваніе податей съ наименѣе зажиточныхъ слоевъ населенія; населеніе голодало, опускалось умственно и нравственно, дичало, гибло тысячами и десятками тысячъ, томилось по тюрьмамъ за неплатежъ налоговъ. Очевидно, что тѣ задачи, которыя преслѣдовало правительство, были не по средствамъ и не по силамъ народу. И этотъ народъ далеко не выигрывалъ отъ перемѣны: государственные расходы въ Россіи и Франціи непрерывно и быстро растутъ въ теченіе всего столѣтія, но лишь весьма незначительная доля ихъ идетъ на дѣйствительныя нужды государства: на поднятіе народнаго благосостоянія, на судъ, на учебное дѣло; военныя и дворцовыя траты, непроизводительные расходы поглощаютъ громадныя суммы; только въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ филантропическихъ идей времени государство обратило вниманіе на положеніе деревень, стало заботиться о сельскихъ дорогахъ, о здоровьѣ крестьянъ, объ ихъ образованіи. Внѣшнее могущество государства и мощь центральной верховной власти внутри страны вмѣстѣ съ расширеніемъ государственной области были куплены тяжелой и дорогой цѣной: государство потратило много силъ и времени безъ пользы, даже во вредъ общественному благосостоянію: населеніе во Франціи и въ Россіи подъ вліяніемъ опустошительныхъ войнъ къ концу XVII вѣка сильно уменьшилось и массы народа обнищали и захирѣли. Можно пожалѣть объ этой безплодной тратѣ народныхъ усилій и средствъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе государственной идеи до ея кульминаціоннаго пункта привело къ новымъ взглядамъ, къ теченію въ обратную сторону, и въ XVIII вѣкѣ здравыя экономическія идеи постепенно проникали въ глубину общества и видоизмѣняли его внутренно, чтобы измѣнить затѣмъ и наружно.

Такимъ образомъ въ рукахъ Гольцева исторія финансовъ Россіи и Франціи въ XVII вѣкѣ послужила матеріаломъ для построенія основъ для теоріи правильнаго государственнаго хозяйства; въ самомъ дѣлѣ, далеко не безразлично для народа, какъ употребляется государственное имущество, въ цѣляхъ ли всеобщаго благосостоянія или нѣтъ. Въ результатѣ долженъ быть осужденъ, какъ несправедливый, тотъ порядокъ, когда ради усиленія государственнаго могущества, не всегда притомъ вѣрно понимаемаго, въ угоду эгоистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ лицъ и нѣкоторыхъ общественныхъ группъ приносятся въ жертву существенные интересы народныхъ массъ.

Для своей докторской диссертаціи Гольцевъ выбралъ вопросъ о взаимоотношеніи между личностью и государственной властью въ Россіи въ VIII вѣкѣ; но степени доктора ему получить не удалось. «Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1886 г. (2-е изданіе: іб., 1896 г. VIII+164+XXXII стр.)» было написано имъ большею частію во время его одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ въ 1884 году, при чемъ ему приходилось, за отсутствіемъ предшественниковъ въ этой области,

самому собирать и группировать факты по исторіи русскихъ нравовъ, характерныхъ для избраннаго имъ столѣтія, разсѣянные по многочисленнымъ источникамъ и сочиненіямъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Онъ придавалъ этой работѣ большое значеніе потому, что въ ней были высказаны его задушевныя мысли о наилучшемъ государственномъ строѣ, и любилъ ее цитировать въ своихъ рѣчахъ и бесѣдахъ. Свою мысль о необходимости введенія въ Россіи конституціи Гольцевъ облекъ въ форму разсужденія о вліяніи законодателя на нравы; эту мысль онъ обосновалъ на острыхъ, жгучихъ и обличительныхъ фактахъ, искусно имъ подобранныхъ и скомбинированныхъ. Его работа носила характеръ не столько спокойнаго кабинетнаго труда, сколько политическаго памфлета; онъ какъ будто забывалъ, что имѣетъ дѣло съ матеріалами, относящимися къ давно прошедшимъ временамъ, и въ его страстномъ обличеніи старинныхъ порядковъ чувствовалось безусловное и суровое порицаніе современнаго ему режима, который слегка лишь измѣнилъ свою форму сравнительно съ XVIII вѣкомъ, но оставался неизмѣннымъ въ своей сущности.

Работа, какъ сказано, посвящена вопросу о вліяніи законодательства на нравы, правительства на народъ. Гольцевъ старается дать отвѣты на вопросы о томъ, справедлива ли мысль о безсиліи закона, когда ему не соотвѣтствуютъ нравы, другими словами, можно ли отрицать всякое благотворное значеніе за правительствомъ, которое пытается быть самостоятельнымъ факторомъ въ историческомъ развитіи, или же, наоборотъ, справедливъ тотъ взглядъ, по которому законодатель можетъ творить нравы, хотя бы подобно ваятелю: какъ этотъ послѣдній изъ куска дерева или мрамора можетъ создать статую бога или скамейку, такъ и законодатель, быть можетъ, образуетъ по своей волѣ героевъ, геніевъ, добродѣтельныхъ людей и обладаетъ силою высоко поднять нравственный уровень народа?

Правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ, по мнѣнію Гольцева, немыслимо безъ историческаго изученія взаимодѣйствія между нравами и законодательствомъ и безъ соображеній, опирающихся на психологическія данныя. Никто не споритъ противъ той мысли, что путемъ воспитанія можно ослабить въ человѣкѣ одни инстинкты, развить другіе, придать его міропониманію тотъ или иной характеръ; въ жизни народа роль сходная съ ролью воспитателя выпадаетъ на долю правительства. Являясь въ извѣстныхъ случаяхъ выразителемъ народныхъ стремленій, а въ другихъ случаяхъ служа орудіемъ для защиты интересовъ завоевателей или отдѣльныхъ сословій, власть путемъ законодательства, суда и управленія въ большей или меньшей степени вліяетъ на народъ. Въ ея распоряженіи находятся матеріальныя и духовныя средства, съ помощью которыхъ достигаются опредѣленныя цѣли и къ числу этихъ цѣлей относится воздѣйствіе на характеръ и образъ мыслей гражданъ, конечно въ желательномъ для правительства смыслѣ.

Въ Россіи въ эпоху начиная съ петровскихъ реформъ и кончая послѣдними годами XVIII вѣка законодательство значительно вліяло на высшія

сословія, а черезъ нихъ (въ меньшей степени и прямо) на складъ воззрѣній, привычекъ и наклонностей низшихъ общественныхъ классовъ. Вліяніе это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было благодѣтельно, въ другихъ вредно. Русскій народъ до Петра I въ большинствѣ случаевъ цѣпко и крѣпко держался старины; образованіе было мало распространено, вліяніе иностранцевъ незначительно; верховная власть пользовалась громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ народныхъ массъ. И вотъ царская власть начинаетъ наносить многимъ старымъ нравамъ и обычаямъ ударъ за ударомъ, призывая себѣ на помощь и западно-европейское просвѣщеніе и прямо самихъ иноземцевъ.

Правда, при этомъ было много радикальной ломки и крутыхъ мѣръ и слишкомъ мало заботы о живомъ человѣкѣ; кромѣ того при поверхностномъ воздѣйствіи просвѣщенія происходитъ цѣлый рядъ печальныхъ явленій: легкомысленное пренебреженіе ко всему родному, чрезвычайное развитіе роскоши и т. п.; но воспитательное и въ высокой степени благотворное вліяніе западно-европейскихъ идей заключается въ томъ, что оно пробудило заглохшее было чувство человѣческаго достоинства. Поэтому энергичный протестъ противъ крѣпостного права послышался къ концу вѣка именно изъ рядовъ европейски-образованнаго меньшинства. Но эти и сродныя ему стремленія образованнаго меньшинства встрѣтились съ враждебнымъ теченіемъ, причемъ власть стала на защиту узко-сословныхъ дворянскихъ интересовъ.

При чрезмѣрномъ сосредоточеніи власти ея вмѣшательство не могло не сопровождаться пагубными послѣдствіями для правильнаго развитія личности гражданина. Правосудіе находилось въ рукахъ администраціи и вмѣшательству послѣдней въ самыя интимныя стороны народной жизни не было какихъ-либо принципіальныхъ и практическихъ границъ. Въ самой постановкѣ власти заключалась неустранимая причина злоупотребленій администраціи и вреднаго правительственнаго вліянія на нравы. Между закономъ и распоряженіемъ, между юстиціей и полиціей, между правомъ и произволомъ у насъ не было въ XVIII столѣтіи сколько-нибудь опредѣленныхъ границъ. Чувство законности не получало широкаго распространенія въ русскомъ обществѣ. Не было уваженія закона къ личности, не было прочнаго правового порядка; личные взгляды и даже капризы администраторовъ являлись могущественнымъ факторомъ всей общественной жизни. Однимъ словомъ главное зло заключалось въ томъ, что принципъ, положенный въ основу власти, не допускалъ существованія свободнаго развитія личности, не признавалъ дѣйствительно свободнаго гражданина и дѣйствительно свободнаго общества. Этотъ принципъ дозволялъ компромиссы, шелъ на второстепенныя уступки и самъ призывалъ европейское просвѣщеніе и уступалъ нѣкоторымъ его требованіямъ, но только до поры до времени, до того момента, когда встревожился въ немъ инстинктъ самосохраненія: непомѣрныя бюрократическія притязанія парализовали многія добрыя личныя и общественныя начинанія, и слѣдовательно все

благо сводилось къ усвоенію внѣшнихъ, показныхъ европейскихъ обычаевъ и навыковъ и къ подавленію тѣхъ взглядовъ, которые коренились единственно и исключительно на суевѣріи, грубости и невѣжествѣ; основное пріобрѣтеніе западно-европейской культуры, идея о свободѣ личности не могла дать плодовъ на русской почвѣ въ виду противорѣчія ея основнымъ, исконнымъ началамъ русскаго государственнаго быта.

Такимъ образомъ и здѣсь Гольцевъ свелъ весь вопросъ къ соотношенію между властью и подданными, къ опредѣленію идеальныхъ и справедливыхъ между ними отношеній.

Характеристика Гольцева, какъ политическаго мыслителя, была бы не полна, если не прибавить къ его воззрѣніямъ на экономическую и политическую жизнь народа также и его взгляды на духовную сторону народной жизни. Въ своей книгѣ «Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII столѣтія) Москва, 1880 г., 153 стр.» Гольцевъ не можетъ скрыть своихъ симпатій къ гуманизму, оживившему эпоху возрожденія и замѣнившему собою средневѣковую схоластику и теологію съ ихъ мертвящимъ богословскимъ вліяніемъ, съ суровымъ аскетическимъ идеаломъ, съ безполезной игрой словами и понятіями, съ близорукимъ поклоненіемъ буквѣ. Схоластика преслѣдовала всякое проявленіе личной самодѣятельности, всякую живую мысль и разсматривала преступленіемъ несогласіе съ установленными авторитетами. Методы средневѣковья нашли себѣ примѣненіе у іезуитовъ, полагавшихъ, что окончательная цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы образовать рабски послушныхъ и слѣпо покорныхъ подданныхъ или на все согласныхъ, ко всему готовыхъ сторонниковъ ультрамонтантскаго Рима. Напротивъ, идеи новаго времени представляли собою отраженіе свѣтлаго, жизнерадостнаго міросозерцанія античнаго міра, задачу воспитанія гуманисты видѣли въ воспитаніи здороваго человѣка съ бодрой пытливой мыслью, съ гармонически развитыми способностями; цѣлью воспитанія смѣло и твердо былъ поставленъ высокій идеалъ человѣка, крѣпко стоящаго за истину и справедливость. Слѣпая вѣра въ авторитеты была впервые разбита къ университетахъ, въ этихъ очагахъ новыхъ идей, въ этихъ свободныхъ твердыняхъ науки. Матеріаломъ для обученія послужили произведенія классическаго міра и природа съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, что пробудило въ европейскомъ обществѣ умѣніе наслаждаться прекраснымъ и красивымъ въ природѣ и въ искусствѣ.

Изъ этой привязанности Гольцева къ гуманизму вытекало его стремленіе оживить въ русскомъ обществѣ интересъ къ гуманитарному образованію; онъ стоитъ за тѣсную и неразрывную связь педагогическихъ вопросовъ съ вопросами нравственности и права, а въ дѣлѣ воспитанія постоянно указываетъ на необходимость пользоваться совѣтами естествоиспытателя и врача. На основаніи опыта прошлаго онъ высказываетъ нѣсколько пожеланій о наилучшей политикѣ народнаго образованія, характерныхъ для той эпохи, когда эти пожеланія были выражены.

Онъ настаиваетъ на необходимости обязательнаго и безплатнаго начальнаго народнаго образованія; элементарное образованіе есть необходимое предположеніе дальнѣйшаго духовнаго развитія отдѣльнаго лица и этого образованія не имѣютъ права лишить ребенка ни его родители, ни государство.

Гольцевъ вооружается противъ крайняго увлеченія римскими и греческими античными писателями; онъ соглашается съ тою мыслью, что традиціонная лже-классическая школа, основанная на чрезмѣрномъ преобладаніи древнихъ языковъ, устарѣла, что она не отвѣчаетъ потребностямъ нашего времени, что она въ нынѣшней ея постановкѣ до крайности обременительна для большинства учащихся, надрываетъ ихъ физическія силы и въ то же время, подавляя самодѣятельность, не даетъ естественнаго хода развитію умственныхъ способностей. Общественное мнѣніе на Западѣ давно уже требуетъ облегчить среднюю школу отъ чрезмѣрной тяжести занятій, обновить учебныя программы приноровленіемъ ихъ къ требованіямъ страны и времени, сдѣлать обученіе болѣе осмысленнымъ и освободить его отъ пріемовъ рутины.

Однако, этого мало; нужны особые способы обученія и воспитанія. Необходимо достичь, чтобы дѣти стали честными и свободными, трудолюбивыми и свѣдущими людьми. На насъ, говоритъ Гольцевъ, лежитъ прямая обязанность настаивать на дѣтскихъ правахъ, требовать изгнанія машинности въ преподаваніи и казарменной строгости въ воспитаніи. Давно замѣчено, что въ современныхъ дѣтяхъ мало дѣтскаго, что у нихъ мало искренней и шумной радости, веселаго смѣха и горячаго желанія. Нельзя воспитать гражданина грамматикой и алгеброй; надо сызмала развивать въ ребенкѣ любовь къ правдѣ и добру, чувство прекраснаго, стремленіе къ истинѣ и благоговѣйное уваженіе къ справедливости. Все, что можетъ раздѣлить дѣтей, должно быть исключено изъ школы. Нѣтъ никакого основанія ребенку-магометанину, ребенку-іудею не посѣщать училища вмѣстѣ и наравнѣ съ христіанскими мальчиками. Воспитанныя на почвѣ взаимныхъ уступокъ, единенія и любви, здоровые физически и умственно, богатыя знаніями, полезными для дѣйствительной жизни, дѣти будутъ, такъ сказать, нивелированы подъ одинъ общій уровень образованнаго культурнаго человѣка. Пусть только воспитатели не мѣшаютъ природѣ сдѣлать изъ дѣтей людей, пусть они избѣгаютъ тенденціознаго воспитанія и руководятся «Эмилемъ» Жана-Жака Руссо; эта работа, сожженная рукою палача въ Женевѣ въ 1762 г., доселѣ остается естественнымъ евангеліемъ воспитанія, она концентрируетъ въ себѣ всѣ лучшія стремленія вѣка и выдвигаетъ на первый планъ свѣтлый образъ человѣка; въ жизни для всякаго ребенка должно быть одно общее правило: свобода и достоинство личности прежде всего и выше всего.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ женское воспитаніе и борьба за женскія права: семейный разладъ, такъ часто вызываемый глубокимъ различіемъ въ воспитаніи мужа и жены, вноситъ горе въ общественную

жизнь и уродуетъ дѣтей, живущихъ подъ перекрестнымъ вліяніемъ отца и матери. Не къ разрушенію семьи стремятся русскіе либералы, требуя для женщины одинаковыхъ съ мужчиною образованія и правъ, а къ ея обновленію. Только получившая общее образованіе дѣвушка будетъ наилучшей матерью, воспитательницей дѣтей, подругой мужа и гражданкой; необходимо, чтобы жена и мать стояли на высотѣ своего положенія. Да, наконецъ, пусть дѣвушка лучше будетъ хорошимъ врачомъ, архитекторомъ или юристомъ вмѣсто того, чтобы быть плохою матерью или совсѣмъ не выйти замужъ и влачить такимъ образомъ безполезное существованіе.

Наконецъ, въ области высшаго образованія наиболѣе пригоднымъ является германскій типъ университетовъ; одной изъ самыхъ дорогихъ услугъ, оказанныхъ обществу уставомъ 1863 г., было возвращеніе университетамъ права самоуправленія. Безъ этого права все университетское тѣло обращается въ трупъ, отдѣльныя составныя части котораго не объединены и не оживлены общимъ началомъ; члены университетской коллегіи, не имѣющей самоуправленія, превращаются въ чиновниковъ, равнодушныхъ другъ къ другу и къ общему дѣлу.

Остается добавить, что въ настоящее время нѣкоторая часть начертанной Гольцевымъ программы нововведеній, желательныхъ и необходимыхъ, уже осуществлена на практикѣ, остальная же часть до сихъ поръ ожидаетъ своего осуществленія.

Слѣдуетъ упомянуть также и о другихъ работахъ Гольцева по вопросамъ воспитанія, литературы и искусства, по историческимъ и философскимъ вопросамъ; онѣ частью остались въ газетахъ и журналахъ, частью собраны и перепечатаны въ особыхъ сборникахъ, изданныхъ подъ слѣдующими заглавіями: «Воспитаніе, нравственность, право. 1889 г.», «Объ искусствѣ. Критическія замѣчанія. 1890 г.» и «Вопросы дня и жизни. 1893 г.». И здѣсь Гольцевъ проявилъ себя убѣжденнымъ гуманистомъ.

IV.

Подведемъ итоги.

Въ Гольцевѣ русское общество потеряло глубоко симпатичнаго человѣка, честнаго и смѣлаго гражданина, отзывчиваго на все доброе, проникнутаго гражданской этикой и живымъ общественнымъ чувствомъ, готоваго поднять на себя высокій и благородный подвигъ. Его научная, общественная и литературная дѣятельность нормировалась началами гуманности и свободы. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ западно-европейской культуры, и его великая, неизмѣримая заслуга состоитъ въ томъ, что онъ говорилъ и возвышалъ свой голосъ тогда, когда многіе, раздѣлявшіе его взгляды, молчали. Онъ не уставалъ повторять «забытыя», по словамъ нашего сатирика, слова: честь, совѣсть, свобода, отечество, человѣчество. И если его жизненный корабль терпѣлъ неоднократно крушенія, то это лишь потому, что онъ плылъ противъ теченія.

Н. Н. Голубевъ.

Общественное движеніе въ Россіи.

(Замѣтки публициста.)

Польское коло.—Выдвинутый имъ проектъ автономіи Царства Польскаго.—Отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія.—Новыя теченія въ соціалъ-демократіи.—Статьи Аксельрода и Хрусталева.—Тактическія резолюціи большевиковъ и меньшевиковъ.—Взгляды г. Плеханова на революцію и на тактическія задачи соціалъ-демократовъ.

Вѣжливо-холодно держатъ себя поляки въ Государственной Думѣ. Они чувствуютъ себя нѣсколько гостями. На сторонѣ, на родинѣ о «польскомъ коло» идутъ разные не совсѣмъ хорошіе толки. Въ Польшѣ ихъ считаютъ чуть ли не реакціонерами. Но тутъ на людяхъ они держатъ себя вполнѣ корректными джентльменами. Ихъ ни въ ничемъ нельзя упрекнуть. Отдавая дань уваженія радикальному настроенію русскаго общества, они потребовали себѣ мѣсто лѣвѣе кадетъ. Говорятъ, что они реакціонеры въ земельной политикѣ. Но, вѣроятно, если въ Думѣ будетъ разсматриваться вопросъ о землеустройствѣ крестьянъ великорусскихъ губерній, польское коло не будетъ особенно противорѣчить предложеніямъ лѣвыхъ партій.

Поляки вѣжливы и корректны со всѣми группами русскаго парламента. Страсти, волнующія эсъ-дековъ, кадетовъ, эсъ-эровъ, разбиваются у островка, занятаго польскимъ коломъ. Только когда какой-либо дикарь съ правой стороны позволитъ себѣ чѣмъ-либо задѣть поляковъ и Польшу, съ островка несется спокойная, корректная отповѣдь. Какъ парламентаріи, поляки ведутъ себя великолѣпно. Ихъ дисциплина, выдержка, умѣнье—изумительны. Ораторы, говорящіе отъ имени коло, всегда знаютъ то дѣло, о которомъ говорятъ, знаютъ и аудиторію, передъ которой выступаютъ. Поляки знаютъ себѣ цѣну и потому соотвѣтственно смотрятъ и на своихъ осѣдей. Быть можетъ, только десятокъ-два избранныхъ ка-детовъ, въ редставленіи поляковъ, могутъ конкурировать съ такими конституціонными европейцами, какъ члены польскаго коло. Но такъ какъ дисциплина «коло» прочнѣе, чѣмъ въ партіи «народной свободы», то и послѣдняя е можетъ вполнѣ импонировать колу. Правда, къ ней коло относится, къ равный къ равному, но тщательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы кому-бо не показалось, будто коло утрачиваетъ свою самостоятельность.

Время отъ времени «коло» даетъ это почувствовать кадетамъ и послѣдніе никогда не могутъ быть увѣрены, что поляки всегда будутъ съ ними. Тутъ, вѣроятно, заложенъ корень одного изъ тѣхъ фатальныхъ трагическихъ недоразумѣній, которыя развернутся позже. Партія «народной свободы», не увѣренная въ поддержкѣ коло, вынуждена искать другихъ союзниковъ, которые могли бы во всякую минуту покрыть отпадъ поляковъ. Поляки, въ свою очередь, слѣдя за этими поисками, склонны думать, что ка-детамъ не слѣдуетъ особенно довѣрять, что они могутъ отказаться отъ того пункта своей программы, который говоритъ объ автономіи Царства Польскаго. Опасенія поляковъ, конечно, неосновательны. § 25 программы конституціонно-демократической партіи, гласящій, что «немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами, въ Царствѣ Польскомъ вводится автономное устройство съ сеймомъ, избираемымъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и общегосударственное представительство, при условіи сохраненія государственнаго единства и участія въ центральномъ представительствѣ на одинаковыхъ съ прочими частями Имперіи основаніяхъ», будетъ, конечно, выполненъ партіей, какъ только она получитъ къ тому возможность. Сами поляки отлично понимаютъ, что это случится не скоро и не безъ серьезной политической борьбы. Между тѣмъ взаимное недовѣріе, разстраивая всѣ политическіе разсчеты и разрушая серьезные планы, разсчитанные на значительный промежутокъ времени, приноситъ огромный вредъ какъ русскому освободительному движенію, такъ и самимъ полякамъ. Поляки должны рѣшить, кто можетъ служить имъ вѣрнымъ сотрудникомъ для достиженія свободы и, опредѣливъ направленіе, связать свою судьбу съ судьбой данной русской силы. Поляковъ, вѣроятно, смущаетъ роль ирландцевъ въ англійскомъ парламентѣ. Мы опасаемся, что, идя по этому пути, поляки могутъ впасть въ ошибку, что, держась въ сторонѣ отъ русскаго либерализма и хладнокровно относясь къ его пораженіямъ, поляки только усилятъ русскій шовинистскій націонализмъ.

И въ первой Думѣ поляки въ парламентскомъ отношеніи держали себя безукоризненно. Надо признаться, что въ послѣдній моментъ жизни перваго русскаго парламента поляки правильнѣе учли соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи, чѣмъ сдѣлали это русскіе депутаты, увлеченные шумомъ отдѣльныхъ кружковъ и пѣной «лѣваго» настроенія. Въ первой Думѣ поляки, какъ таковые, выступали только одинъ разъ. Это было въ третьемъ засѣданіи Думы, 30 апрѣля, когда они выступили съ протестомъ противъ устраненія изъ «основныхъ законовъ» упоминанія про «престолъ Царства Польскаго». «Упомянутое устраненіе названія Царства Польскаго изъ основныхъ законовъ,—говорили поляки,—представляется со стороны правительства попыткою изъять, по формальнымъ основаніямъ, изъ обсужденія Государственной Думы существенный и назрѣвшій вопросъ о *возстановленіи* надлежащихъ правъ нашего края». Противъ этого по-

ляки энергично протестовали. Они указывали, что «Царство Польское было соединено съ Россійской имперіей на основаніи *международныхъ* актовъ», они ссылались на трактаты Россіи съ Австріей и Пруссіей отъ 3 мая 1815 г. и на заключительный актъ вѣнскаго конгресса отъ 9 іюня 1815 г. «Наши права,—заканчивало польское коло свою декларацію,—неотъемлемы и святы и *изъ нихъ исходитъ* необходимость автономіи Царства Польскаго, какъ завѣтное требованіе всего населенія нашего края. Съ этимъ требованіемъ являемся мы въ Государственную Думу бороться за наши права и за общую свободу».

Разгорѣвшаяся борьба съ министерствомъ Горемыкина отвлекла вниманіе и Думы, и общества отъ польской декларацiи, и она прошла почти совершенно незамѣченной. Но не подлежитъ сомнѣнію, что та постановка, которую придали поляки своему требованію автономіи, расходилась съ тѣми соображеніями, на которыхъ партія «народной свободы» основывала свое требованіе автономнаго устройства для Царства Польскаго. Поляки основывались на историческомъ правѣ, призывали на помощь международные трактаты. Польское коло дѣлало попытку говорить съ Россіей отъ имени Царства Польскаго, какъ государство съ государствомъ. Такая постановка не была, понятно, пріемлема для партіи, ставившей исходнымъ пунктомъ «сохраненіе государственнаго единства». Кадетское требованіе автономіи для Польши опиралось не на международные трактаты, а на политическую цѣлесообразность такой мѣры. Руссификація, явно безплодная, Польши, безсмысленное давленіе, тяготѣвшее надъ этимъ краемъ, не только озлобляли поляковъ, но и приносили вредъ самой Россіи какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Польша служила разсадникомъ администраторовъ Муравьевско-Апухтинскаго типа и для внутренней Россіи. Угнетеніе Польши подчиняло нашу внѣшнюю политику вліянію Германіи, и германскій императоръ становился чуть ли не вершителемъ русскихъ судебъ. Русское національное самолюбіе очень остро почувствовало всю оскорбительность такого положенія, когда въ иностранной печати въ связи со смутами въ Россіи заговорили о предстоящей оккупаціи Царства Польскаго войсками Вильгельма II. Государственная мудрость требовала, чтобы ненормальному положенію въ Польшѣ былъ положенъ конецъ, но отсюда, понятно, еще очень далеко до возстановленія польскаго государства, до признанія въ этомъ вопросѣ руководящаго значенія за международными трактатами.

Польское коло, видимо, поняло основы тѣхъ возраженій, которыя встрѣтила его декларація въ прогрессивныхъ русскихъ кругахъ. Во второй Государственной Думѣ оно дѣйствуетъ нѣсколько иначе. Оно уже не ставитъ вопросъ польской автономіи на скользкую почву протеста противъ новыхъ законовъ и борьбы съ ними. Это, неправильное и юридически, положеніе обращало польскую автономію въ безнадежное дѣло. Оно какъ бы шло навстрѣчу русскимъ революціонерамъ, вторя имъ, что польская автономія есть вопросъ революціи, а не законодательства.

10 апрѣля нынѣшняго года 46 депутатовъ-поляковъ внесли въ Государственную Думу законопроектъ автономнаго устройства Царства Польскаго съ объяснительной запиской. Въ этой запискѣ вы встрѣтите много такого, что было уже и въ прошлогодней декларации. Такъ, ссылка на заключительный актъ вѣнскаго конгресса сохранена, но упоминаніе о трактатахъ Россіи съ Австріей и Пруссіей выброшено. Объяснительная записка подчеркиваетъ, что «никогда не были и *не могли быть* отмѣнены сами основы отношенія Царства Польскаго къ Россіи и его автономности», но въ то же время при обоснованіи польской автономіи исходитъ изъ соображеній совсѣмъ иного порядка.

Польское коло указываетъ, что Высочайшіе манифесты 1905 г. ознаменовали начало новой эпохи въ исторіи развитія русской государственности. «Внутренній смыслъ этой новой политической системы—желаніе укрѣпить цѣлость и прочность государства... механическую связь отдѣльныхъ частей государства замѣнить связью духовною». Автономія Польши является, по мнѣнію авторовъ записки, логическимъ выводомъ изъ этихъ началъ. «Царство Польское—край однородный и особый». Поляковъ въ Царствѣ Польскомъ свыше $^3/_4$ всего населенія (евреевъ—14,6%, литовцевъ—2,7%, малороссовъ—2,5%). Край уже давно не знаетъ сословности и всѣ жители въ немъ равны передъ закономъ. Отсутствіе сословныхъ началъ «въ связи съ окончательно установившеюся свободой собственности» не могли не повліять на развитіе у поляковъ «индивидуализма въ противоположность общинному характеру русской жизни». Авторы записки подчеркиваютъ, что двѣ трети польской земли принадлежатъ мелкимъ собственникамъ, отмѣчаютъ любовь поляковъ къ «родинѣ и къ проявленіямъ національной жизни». «Несмотря на неслыханный гнетъ въ послѣднія 40 лѣтъ,—говоритъ записка,—польскій народъ не только сохранилъ, но и развилъ свою культурную самостоятельность». Царство Польское и по сію пору отличается отъ коренной Россіи особымъ гражданскимъ кодексомъ съ особымъ наслѣдственнымъ правомъ, вотчиннымъ устройствомъ (ипотекой), особымъ торговымъ и вексельнымъ правомъ, собственной кредитной системой для поземельныхъ владѣльцевъ, особеннымъ ремесленнымъ законодательствомъ, цѣлымъ рядомъ другихъ спеціальныхъ узаконеній. Все это даетъ право авторамъ записки заявить, что по ихъ глубокому убѣжденію «мѣстныя дѣла Царства Польскаго не могутъ быть ведены общегосударственными властями и учрежденіями и не могутъ быть поручены людямъ не мѣстнаго происхожденія безъ постояннаго ущерба для мѣстныхъ интересовъ». По словамъ коло, «стремленіе къ автономному устройству Царства Польскаго проникло все его населеніе, охватило всѣ умы и выросло выше всѣхъ иныхъ пожеланій».

Въ заключительной части записки отмѣчаются тѣ выгоды, которыя автономія можетъ дать русскому государству какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Фундаментомъ этихъ выгодъ является «возвращеніе правительству довѣрія польскаго народа». Отмѣтимъ еще слѣдующее

характерное мѣсто въ запискѣ: «Въ тотъ моментъ, когда самъ русскій народъ собирается взять на себя великое дѣло преобразованія государственнаго строя и обновленія склада жизни, для него не будетъ безполезно *живое*, *доброжелательное*, *свободное и всестороннее* соучастіе того народа, который уже второе столѣтіе посвящаетъ всѣ свои силы и напрягаетъ всѣ свои духовныя способности для *созидательнаго* общественнаго труда, для регулированія своей общественной жизни и *борьбы съ разрушающими и обезличивающими ее силами*». Дипломатамъ предоставляется рѣшить, имѣетъ ли въ виду упоминаемая здѣсь «борьба» только «обрусителей» или также и соціалистовъ... Наконецъ, и самъ проектъ «автономнаго устройства», говоря въ ст. 1 о границахъ Царства Польскаго, «опредѣленныхъ въ 1815 г.», въ ст. 2 спѣшитъ заявить, что «Царство Польское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго»... Такъ, проектъ, какъ видимъ, дѣйствительно, нѣсколько иной, чѣмъ тонъ прошлогодней деклараціи...

Каковы же предполагаемыя основы «автономнаго устройства?» Наиболѣе выдающейся чертой проекта польскаго коло является то, что въ законѣ содержится перечень не тѣхъ дѣлъ, которыя передаются въ вѣдѣніе автономныхъ учрежденій, а тѣхъ, которыя изъ вѣдѣнія сейма изъяты. Все остальное входитъ въ кругъ компетенціи Царства Польскаго, и такъ какъ «никакія измѣненія въ настоящемъ уставѣ безъ одобренія сейма Царства Польскаго не допускаются» (ст. 23), то очевидно, что все усложненіе жизни, нарожденіе новыхъ потребностей можетъ учитываться только польскимъ сеймомъ, но никакъ не Россіей. Между Россіей и Германіей создается, несомнѣнно, буферъ. Отношенія, намѣченныя проектомъ, носятъ характеръ междугосударственный, а не характеръ отношенія государства къ своей провинціи, автономной въ мѣстныхъ дѣлахъ, въ мѣстномъ частноправовомъ законодательствѣ.

Центральная статья проекта, четвертая, постановляетъ: «Изъ вѣдѣнія сейма Царства Польскаго изъемлются слѣдующія дѣла: a) содержаніе членовъ императорскаго дома, а равно дѣла и учрежденія императорскаго двора; b) дѣла православной церкви; c) иностранныя дѣла; d) армія и флотъ, а также всѣ принадлежащія военному и морскому вѣдомствамъ пути сообщенія и сооруженія; e) монетное дѣло; f) таможенное и акцизное *законодательство;* g) почтовое, телеграфное и общегосударственное телефонное *законодательство*, а также тарифы международнаго и общегосударственнаго почтоваго, телеграфнаго и телефоннаго сообщенія; h) желѣзнодорожные *тарифы* международнаго и прямого внутренняго съ Имперіей сообщенія; i) законодательство, касающееся товарныхъ знаковъ и привилегій, а также литературной и художественной собственности; k) головное законодательство по дѣламъ о бунтѣ противъ верховной власти, государственной измѣнѣ, смутѣ, нарушеніи постановленій о воинской повинности, о поддѣлкѣ монеты, цѣнныхъ бумагъ и знаковъ, о нарушеніи карантинныхъ, таможенныхъ, акцизныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и те-

лефонныхъ уставовъ; l) общегосударственные займы и обязательства». Всѣ остальныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію сейма и другихъ учрежденій Царства Польскаго. Изъ приведеннаго списка всѣ дѣла, упоминаемыя въ пунктахъ отъ *e* до *l*, осуществляются мѣстными установленіями Царства Польскаго (ст. 12). Мы не станемъ въ настоящее время разбирать этотъ перечень. Укажемъ только, что по проекту завѣдываніе желѣзными дорогами изымается изъ рукъ общегосударственныхъ учрежденій. Желѣзные пути въ наше время имѣютъ такое значеніе, что можно сказать безъ преувеличенія: кто владѣетъ желѣзными дорогами, владѣетъ страной.

Кромѣ сейма, Царство Польское получаетъ особые: казну, роспись, административное управленіе съ намѣстникомъ во главѣ, судебныя учрежденія съ особымъ сенатомъ и министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, назначаемаго изъ поляковъ-гражданъ этого края. Сеймъ избирается на началахъ четырехчленной формулы, причемъ первый сеймъ опредѣляетъ отношеніе намѣстника къ сейму, устройство органовъ управленія и самоуправленія и т. д.

Распредѣленіе взимаемыхъ доходовъ и расходовъ, идущихъ на общегосударственныя нужды, производится по тому же типу, какъ распредѣленіе расходовъ между Австріей и Венгріей. Размѣръ падающей на казну Царства Польскаго доли по всѣмъ общегосударственнымъ расходамъ опредѣляется пропорціонально численному отношенію населенія края къ населенію всего государства, согласно даннымъ переписи народонаселенія, производимой каждыя 10 лѣтъ.

Все производство законодательныхъ, судебныхъ, административныхъ учрежденій и казенныхъ школъ ведется на польскомъ языкѣ. Для сношенія съ имперскими учрежденіями принятъ русскій языкъ. Русскіе имѣютъ право обращаться на русскомъ языкѣ съ прошеніями, жалобами и заявленіями во всѣ административныя и судебныя установленія края и требовать отвѣтовъ и документовъ на томъ же языкѣ. Для русскаго населенія будутъ учреждены среднія и низшія учебныя заведенія. Особыми законами должны быть обезпечены права литовскаго и малорусскаго языковъ.

На-ряду съ участіемъ въ сеймѣ жители Царства Польскаго участвуютъ и въ общегосударственномъ представительствѣ посредствомъ представителей, избираемыхъ на общихъ съ населеніемъ имперіи основаніяхъ.

Таковы главныя черты проекта, внесеннаго 10 апрѣля 1907 г. польскимъ коло въ Государственную Думу. Эта дата безспорно историческая и этотъ проектъ-документъ первостепенной исторической важности. Отнынѣ польскій народъ высказалъ свое слово и польское общественное мнѣніе получило лозунгъ, вокругъ котораго и сосредоточится политическая жизнь края. Интересно поэтому отмѣтить, какъ отнеслись въ Польшѣ и въ Россіи къ этому крупному политическому шагу польскихъ депутатовъ.

Вся націоналистическая и буржуазная Польша встрѣтила внесеніе проекта съ восторгомъ. Народовая демократія этимъ шагомъ еще болѣе укрѣпила свою позицію въ Царствѣ Польскомъ, хотя она и безъ того тамъ

была очень сильна. Надо отмѣтить, что польское коло въ своемъ проектѣ подвинулось значительно дальше, чѣмъ предполагали вожди народовой демократіи, наприм., Стецкій. На проектѣ, выдвинутомъ отъ имени коло, на девять десятыхъ народовскаго, лежитъ рѣзкая печать прогрессивно-демократическихъ теченій. Это, конечно, способствовало большей популярности проекта, но въ то же время дало возможность «реалистамъ» подчеркнуть, что едва ли польское коло поступило вполнѣ тактично, избравъ нынѣшній моментъ для внесенія столь широкаго проекта въ Думу. Даже нѣкоторыя прогрессивныя газеты упрекнули коло за то, что оно дѣйствовало въ данномъ вопросѣ, не заручившись предварительно одобреніемъ партіи «народной свободы». Изъ группъ польскаго населенія враждебными проекту оказались только соціалъ-демократы, ведущіе безпощадную борьбу съ народовой демократіей, и евреи. Послѣдніе отнеслись къ проекту автономіи очень подозрительно. Еврейская печать не только подчеркнула то, что, обезпечивая права языковъ русскаго, литовскаго и малорусскаго, проектъ ничего не говоритъ о еврейскомъ, но высказала даже подозрѣніе, что поляки намѣрены лишить евреевъ избирательныхъ правъ, такъ какъ въ формулу «всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго» они не внесли словъ: безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Надо думать однако, что эта мнительность евреевъ едва ли имѣетъ подъ собою почву.

Въ Россіи проектъ «автономнаго устройства Царства Польскаго» встрѣтилъ живой откликъ. Нечего и говорить, что реакціонная печать, начиная отъ *Русскаго Знамени*, откровеннаго органа громилъ съ дрючками, до націоналъ-либеральнаго *Новаго Времени* и министерской *Россіи*, набросились на поляковъ, какъ стая голодныхъ волковъ на добычу. Высыпанъ былъ весь запасъ крѣпкихъ и ядовитыхъ словечекъ. Говорилось, конечно, и о расчлененіи Россіи, и объ измѣнѣ, и о растаскиваніи національнаго добра. Громъ и молніи обрушились на предсѣдателя Думы, который принялъ такой преступный документъ и позволилъ себѣ его огласить. Мимоходомъ, конечно, доставалось и кадетамъ, благодаря «попустительству» которыхъ поляки до того «обнаглѣли», что позволили себѣ бросить Россіи такой «дерзкій вызовъ» и проч., и проч. Пламенные «патріоты» не преминули, конечно, воспользоваться и образомъ умирающаго льва, котораго лягаетъ оселъ. Много было сказано по этому поводу жалкихъ словъ, но во всѣхъ этихъ причитаніяхъ было много лжи, и не было искренности, и неподдѣльнаго чувства. Ясно сознавалось, что рѣчь шла вовсе не о взрывѣ патріотическаго негодованія, а просто ставился актъ дурно-сыгранной политической комедіи. Наши реакціонеры твердо помнятъ изъ русской исторіи, что польское возстаніе 1863 года пріостановило ходъ реформъ, дало возможность Каткову вызвать націоналистическій шовинизмъ и сдѣлать изъ него опору для реакціи. Точно также и современные реакціонеры все время выискиваютъ случай, который бы помогъ имъ построить фундаментъ для реакціи изъ національныхъ страстей. Публицисты *Новаго Времени* и *Московскихъ Вѣдомостей* наперерывъ мечтаютъ о роли Каткова

и, судорожно хватаясь за каждый поводъ, только срамятъ и себя, и своихъ патроновъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Попытка изобразить внесеніе въ Думу польскимъ коло законопроекта объ автономіи, какъ второе изданіе польскаго мятежа, была до того нелѣпа и явно недобросовѣстна, что не могла ни на одну минуту смутить русское общественное мнѣніе, хотя послѣднее и отнеслось къ шагу польскихъ депутатовъ довольно холодно.

Безусловнаго одобренія польскій проектъ не встрѣтилъ ни у одной крупной русской газеты. Даже отнесшіеся къ нему съ наибольшимъ сочувствіемъ *Товарищъ* и *Русь* поспѣшили заявить, что проектъ можетъ быть принятъ съ весьма значительными поправками. Сенсацію въ польскомъ, а отчасти и въ русскомъ обществѣ вызвала статья въ № 96 *Рѣчи*, отразившая собой, какъ можно думать, среднее общественное мнѣніе въ Россіи по этому вопросу. Польскій законопроектъ, по мнѣнію *Рѣчи*, «ставитъ предѣлы національныхъ требованій такъ широко, что на осуществленіе ихъ въ этомъ размѣрѣ едва ли можно сколько-нибудь серьезно разсчитывать». Газета отмѣчаетъ три главныхъ черты проекта, дѣлающихъ его непріемлемымъ въ настоящей формѣ. Во-первыхъ, «методъ разграниченія общегосударственныхъ дѣлъ отъ мѣстныхъ». Есть два метода: перечисленіе того, что остается въ общегосударственномъ вѣдѣніи или того, что отдается въ вѣдѣніе мѣстное. Поляки избрали первый методъ, который газета считаетъ свойственнымъ скорѣе политическимъ соединеніямъ федеративнаго характера, чѣмъ провинціальнымъ автономіямъ. Во-вторыхъ, проектъ, предоставляя сейму опредѣлить свои отношенія къ намѣстнику, а также внутреннее устройство края, вводитъ тотъ самый учредительный сеймъ, отъ котораго на словахъ формально польское коло отказалось. Въ-третьихъ, отрасли управленія, выдѣленныя, какъ общегосударственныя, передаются въ завѣдываніе не представителямъ центральной администраціи (какъ это мы видимъ, наприм., въ Соединенныхъ Штатахъ Америки), а той же мѣстной польской администраціи.

Газета напоминаетъ, что видный лидеръ польскихъ національ-демократовъ, Янъ Стецкій, подписавшій и настоящій проектъ, два мѣсяца тому назадъ выпустилъ въ Краковѣ брошюру о польской автономіи, причемъ высказывался за построеніе ея по типу провинціальной автономіи, проводя между нею и государственною уніей такое различіе:

«Два организма, связанные взаимными отношеніями, будутъ государственными, если отношеніе между ними вытекаетъ изъ взаимнаго соглашенія, и компетенція каждаго не можетъ быть измѣнена безъ обоюднаго сговора. Напротивъ, если предѣлы власти и устройство одного зависитъ исключительно отъ воли другого, то послѣдній есть государство, а первый—автономная провинція... Компетенція, составъ и строеніе мѣстныхъ автономныхъ властей опредѣляются государствомъ при помощи положительнаго метода, т.-е. посредствомъ указанія сущности порученныхъ имъ дѣлъ и точнаго опредѣленія властей, имѣющихъ выполнять дѣла само-

управленія... Общегосударственныя власти имѣютъ доступъ на автономную территорію и право исполнять свои обязанности, временно или постоянно, на-ряду съ автономными властями, во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ дѣлъ, которыя не переданы автономному управленію. Поэтому, не можетъ быть и рѣчи о замкнутости и цѣлостности всего мѣстнаго управленія и невозможна исключительность происхожденія и назначенія персонала чиновниковъ».

Проектъ, выдвинутый коло, по мнѣнію *Рѣчи*, можетъ означать или что поляки не разсчитываютъ на проведеніе автономіи въ ближайшемъ времени и хотятъ произвести только демонстрацію, или же, что они разсчитываютъ на такую перемѣну соотношенія общественныхъ силъ, которая дозволитъ осуществить его. *Рѣчь* считаетъ послѣдній взглядъ черезчуръ оптимистичнымъ, первый—излишне пессимистичнымъ и думаетъ, что если бы проектъ былъ составленъ въ формѣ провинціальной автономіи, то онъ могъ бы разсчитывать на успѣхъ. Теперь же «думское большинство едва ли окажетъ поддержку проекту безъ существенныхъ измѣненій», и газета высказываетъ сожалѣніе, что «политическій шагъ, столь важный и такъ давно подготовлявшійся, совершонъ былъ въ такой неблагопріятный моментъ и въ такой трудно защитимой формѣ».

Эта статья *Рѣчи* вызвала большой переполохъ среди поляковъ, которые не вполнѣ основательно увидѣли въ ней отзвуки *рѣшенія* партіи «народной свободы», тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только отражала настроеніе нѣкоторыхъ, правда, очень вліятельныхъ, круговъ партіи. Было не мало членовъ партіи, которые считали замѣчанія *Рѣчи* не вполнѣ обоснованными во всѣхъ частяхъ, а главное черезчуръ рѣзкими по тону и неумѣстными въ данное время. Поляки въ Государственной Думѣ такъ живо восприняли статью *Рѣчи*, что чуть ли не на другой же день сочли нужнымъ реагировать на нее и при обсужденіи одного второстепеннаго дѣла, признанія срочности за соціалъ-демократическимъ запросомъ объ инцидентахъ на фабрикѣ Чешера, вотировали вмѣстѣ съ соціалъ-демократами противъ партіи «народной свободы». Этотъ шагъ поляковъ нельзя не признать серьезной тактической ошибкой, такъ какъ онъ заставилъ кадетовъ задуматься о настоятельной необходимости созданія въ думѣ такого большинства, которое бы не зависѣло отъ поляковъ. Въ политикѣ, вообще, не руководствуются чувствомъ, а отъ поляковъ, являющихся общественно-образованными, реальными политиками, менѣе всего можно было этого ожидать. Увлекшись непріятнымъ чувствомъ, вызваннымъ довольно рѣзкой критикой, раздавшейся оттуда, откуда поляки ея, быть можетъ, менѣе всего ждали, поляки проглядѣли ту реальную пользу, которую статья *Рѣчи* принесла ихъ дѣлу. О тонѣ этой статьи и объ отдѣльныхъ ея частностяхъ мы говорить не станемъ. Но несомнѣнно, что она ставила вопросъ о польской автономіи на реальную почву, сдѣлала возможнымъ дѣловое обсужденіе этого столь остраго вопроса, къ которому еще недавно нельзя было прикоснуться безъ боли. Когда раздался муже-

ственный и серьезный голосъ самой вліятельной русской прогрессивной партіи, русское общество увидѣло, что ей нечего опасаться національнаго умаленія Россіи, что національные интересы въ хорошихъ рукахъ, и потому о польской автономіи можно разсуждать безъ всякихъ опасеній. Въ значительной мѣрѣ, благодаря статьѣ *Рѣчи*, кончилась позорнымъ крахомъ и націоналистическая травля нашихъ мракобѣсовъ, пытавшихся отыграться на спинахъ поляковъ.

Мы увѣрены, что когда первое впечатлѣніе отъ обиды нѣсколько сгладится, поляки болѣе трезво оцѣнятъ создавшееся положеніе и не допустятъ впредь, чтобы ихъ политическая ладья находилась во власти порыва чувствъ...

Картина, какъ двѣсти, триста русскихъ соціалъ-демократовъ скитались по городамъ и морямъ Европы въ поискахъ за мѣстомъ для своего съѣзда, полна глубокаго драматизма и серьезнаго политическаго интереса. Въ ту минуту, когда пишутся эти строки, мы еще не знаемъ, встрѣтятъ ли россійскіе соціалъ-демократы въ Англіи больше сочувствія, чѣмъ въ Даніи и Швеціи, не пожелавшихъ ссориться съ могущественнымъ сосѣдомъ изъ-за какихъ-то таинственныхъ незнакомцевъ, о которыхъ по міру гуляетъ много тревожныхъ сказокъ. Когда съѣздъ состоится и будутъ опубликованы результаты его работъ, мы поговоримъ о немъ подробнѣе. Теперь же коснемся только того настроенія, въ которомъ одна часть меньшевиковъ соціалъ-демократовъ отправлялась на съѣздъ.

Офиціозная печать, объясняя отказъ датскаго и шведскаго правительствъ допустить на своей территоріи устройство съѣзда русскихъ соціалъ-демократовъ, заявляла, что наши соціалъ-демократы не похожи на европейскихъ, что это заговорщики, собиравшіеся на съѣздѣ обсуждать вопросъ объ организаціи вооруженнаго возстанія для насильственнаго ниспроверженія монархической власти. Такого съѣзда не могла, по словамъ офиціозовъ, допустить ни одна монархическая держава. Какъ и обыкновенно въ этихъ утвержденіяхъ офиціозовъ, небольшая доза истины перемѣшана съ огромной дозой сознательной лжи. Несомнѣнно, что на соціалъ-демократическомъ съѣздѣ будетъ обсуждаться *вопросъ* о вооруженномъ возстаніи, но лживо утвержденіе, что тамъ будетъ обсуждаться *организація* такого возстанія. Есть всѣ основанія утверждать, что по меньшей мѣрѣ половина членовъ съѣзда поѣхали на него съ твердымъ намѣреніемъ въ той или иной благовидной формѣ снять вопросъ о вооруженномъ возстаніи съ реальной политической платформы партіи. Точно также правильны указанія офиціозовъ, что въ россійской соціалъ-демократической партіи очень сильны заговорщическіе элементы. Но это только половина истины. Другая половина заключается въ томъ, что въ той же партіи очень вліятельныя группы ведутъ безпощадную борьбу съ этими заговорщическими элементами. Предстоящій съѣздъ и долженъ былъ быть ареной такой борьбы. Вопросы объ общей тактикѣ, объ отношеніи къ Государственной Думѣ, о

партизанскихъ боевыхъ выступленіяхъ (попросту—убійствахъ и грабежахъ), о рабочемъ съѣздѣ—и должны были послужить полемъ для цѣлаго ряда схватокъ между большевиками и меньшевиками, которыя могли легко закончиться расколомъ «единой» партіи на двѣ. По крайней мѣрѣ, въ недавно написанномъ предисловіи одного виднаго меньшевика П. Б. Аксельрода къ его книгѣ «Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи», говорится: «прогрессъ рабочаго движенія и донельзя обострившійся партійный кризисъ превратили нашихъ охранителей («большевиковъ») въ реакціонеровъ соціалъ-демократической партіи, которые своей борьбой противъ преобразовательныхъ стремленій внутри ея *дѣлаютъ неизбѣжнымъ революціонный путь для устраненія указаннаго противорѣчія въ русской соціалъ-демократіи*». Это—открытый призывъ къ расколу партіи.

Тотъ же П. Б. Аксельродъ такъ характеризуетъ болѣзнь, губящую теперь партію: «Демонстраціонное движеніе подготовило въ партіи сильное предрасположеніе къ такой тактикѣ и къ такимъ практическимъ задачамъ, которыя требуютъ прежде всего, чтобы пролетаріатъ являлся «массой, готовой къ повиновенію и открытому возстанію», а отнюдь не организованной самостоятельной политической силой. Идея подготовки заговорщицкимъ путемъ «вооруженнаго возстанія» и захвата власти для выполненія задачъ буржуазной революціи является логическимъ концомъ усилій нашей партіи рѣшить свои историческія задачи въ этой революціи примитивными методами и средствами организаціи, сложившейся изъ подпольныхъ кружковъ, возникшихъ и упрочившихся въ ту эпоху, когда въ странѣ царила политически мертвая атмосфера и единственной носительницей соціалистической сознательности являлась радикальная интеллигенція. Но эти методы и средства, какъ продуктъ отжившей эпохи, также должны отойти въ вѣчность, какъ и общественно-политическій строй Россіи этой эпохи. И весьма характерно, что въ нашей партіи еще такъ много элементовъ, съ такимъ же отчаяніемъ отстаивающихъ существованіе пережившихъ себя методовъ и пріемовъ революціонной борьбы, съ какимъ представители стараго порядка борются за сохраненіе послѣдняго» (XIX—XX). Эта выдержка изъ статьи виднаго соціалъ-демократа, долгое время бывшаго эмигрантомъ, показываетъ, какая большая доза сознательной лжи кроется въ огульномъ обвиненіи *всей* соціалъ-демократіи въ подготовкѣ вооруженнаго возстанія. Политическій дѣятель обязанъ умѣть различать оттѣнки, между тѣмъ какъ наши правители до сихъ поръ не могутъ отвыкнуть отъ старой схемы дѣленія всѣхъ жизненныхъ явленій только на два ряда: правительственный и противоправительственный.

Но еще характернѣе, чѣмъ предисловіе П. Б. Аксельрода, статья Хрусталева, являющаяся, такъ сказать, програмной рѣчью, при помощи которой бывшій предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ добылъ себѣ мандатъ на съѣздъ отъ петербургскихъ рабочихъ *). Хрусталевъ, недавно бѣжавшій

*) „О рабочемъ съѣздѣ", Г. Хрусталева. *Народная Газета*, 1907 г., № 1.

изъ мѣста своей ссылки Березова и приславшій статью изъ-за границы, одинъ изъ тѣхъ немногихъ интеллигентныхъ русскихъ соціалъ-демократовъ, которымъ, дѣйствительно, пришлось окунуться въ рабочую массу. И это дѣйственное соприкосновеніе съ рабочимъ міромъ произвело на Хрусталева очень сильное впечатлѣніе, освободивъ его въ значительной мѣрѣ отъ доктринерскихъ предубѣжденій и заставивъ искать реальнаго выхода изъ того тупика, въ который загнана жизнью соціалъ-демократическая партія. Выходъ этотъ Хрусталевъ, какъ и нѣкоторые другіе видные соціалъ-демократы, усматриваетъ въ рабочемъ съѣздѣ, который подставилъ бы подъ политическую работу партіи солидный фундаментъ сознанныхъ классовыхъ и профессіональныхъ интересовъ. Но противъ идеи безпартійнаго рабочаго съѣзда очень энергично возстали большевики, усмотрѣвшіе въ этомъ походъ противъ соціалъ-демократической партіи, «провокацію класса противъ партіи», какъ говорятъ они на своемъ жаргонѣ, проще говоря, стремленіе вырвать у нихъ изъ рукъ «дирижерскую палочку». Съ большевиками и борется въ своей статьѣ Хрусталевъ, взгляды котораго, судя по вручению ему мандата на съѣздъ, раздѣляются и значительной частью «организованныхъ рабочихъ».

«Всякому, кто не зараженъ вреднымъ приходскимъ патріотизмомъ своей колокольни,—пишетъ онъ,—извѣстно роковое несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ вліяніемъ нашей партіи. Въ узкихъ *нелегальныхъ рамкахъ* (курсивъ вездѣ Хрусталева) нашей партіи, носящей на себѣ худшіе слѣды подполья, не могутъ вмѣститься широкіе круги рабочаго класса. Массовая организація мыслима, какъ *открытая* организація. У насъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ приведены были въ движеніе широкіе низовые круги рабочихъ, въ процессѣ борьбы выработались кадры активныхъ и авторитетныхъ рабочихъ. Первые не могутъ вмѣститься въ *нелегальной* партіи, если бы они этого и желали, а вторые и не хотятъ въ нее идти. Отсутствіе активности и самодѣятельности отталкиваетъ ихъ. Не тайна, что многіе рабочіе, оставаясь соціалъ-демократами, уходятъ изъ партійной организаціи и ищутъ новыхъ путей. Этому не въ малой степени способствовала проповѣдь партизанскихъ выступленій, пресловутыя двойки и тройки, метеорологическія предсказанія вооруженныхъ возстаній à la Демчинскій и другія вещи».

Видимые внѣшніе успѣхи соціалъ-демократіи нисколько не импонируютъ Хрусталеву. «Не будемъ обольщаться показной стороной. 400 делегатовъ на предстоящій съѣздъ, избранныхъ отъ 200,000 «организованныхъ» рабочихъ соціалъ-демократовъ, и 65 членовъ парламентской фракціи—могутъ импонировать только несвѣдущимъ людямъ. Наша соціалъ-демократія—это большой генеральный штабъ и маленькая армія. Независимая отъ рабочихъ массъ штабная политика можетъ привести къ окончательному распыленію и этой арміи».

Единственное спасеніе для партіи Хрусталевъ видитъ только въ рабочемъ съѣздѣ и въ рабочихъ заводскихъ комитетахъ этого съѣзда. Но этот

результатъ будетъ достигнутъ только тогда, «если партія отрѣшится отъ своей заговорщической тактики и если надъ всякими поползновеніями «использовать» новое движеніе для «боевыхъ выступленій будетъ поставленъ крестъ». Поэтому Хрусталевъ настаиваетъ, что какъ мѣстные комитеты рабочаго съѣзда (сюда онъ причисляетъ: профессіональные союзы, потребительныя общества, рабочія кассы, рабочія общества взаимопомощи, заводскіе комитеты, спеціально съѣздовскіе комитеты), такъ и весь съѣздъ должны сдѣлать попытку легализироваться. «Новая организація,—говоритъ онъ,—формируется не для «использованій», а для борьбы за интересы наемнаго труда. Такая организація по самой своей природѣ принуждена будетъ вести классовую политику. И въ ней-то и только въ ней сейчасъ нуждается рабочій классъ». «Сторонники боевыхъ выступленій,—пишетъ Хрусталевъ,—увидятъ въ этомъ измѣну революціи. Въ ихъ глазахъ это проповѣдь малыхъ дѣлъ». Бывшій предсѣдатель «совѣта рабочихъ депутатовъ» не смущается этими обвиненіями, онъ даже съ нѣкоторымъ вызовомъ принимаетъ бросаемые ему упреки и заявляетъ: «да, это—малыя дѣла, мы этого не скрываемъ», но эти «малыя дѣла» оказываются огромными по своимъ результатамъ. Вотъ какой съ Божьей помощью оборотъ! Для насъ ни эта критика соціалъ-демократической партіи, ни эта положительная программа не представляютъ, конечно, ничего новаго. Мы все это говорили давно, повторяли неустанно почти тѣми же самыми словами, которыя теперь употребляетъ г. Хрусталевъ. Внимательное наблюденіе за русскимъ соціалъ-демократическимъ движеніемъ и писательская добросовѣстность, не признающая за журналистомъ обязанности скрывать тѣневыя стороны явленій въ надеждѣ, что это будетъ полезно дѣлу, давно уже позволила намъ указать на тѣ самые «пороки» русской соціалъ-демократіи, къ признанію которыхъ Хрусталевъ и Аксельродъ пришли послѣ тяжелыхъ личныхъ разочарованій. Не мало пришлось за это вынести нападокъ, не мало выслушать обвиненій въ измѣнѣ, предательствѣ и проч., и проч. Теперь очередь за Хрусталевымъ и его товарищами. Такъ медленными шагами движется впередъ политическое сознаніе русскихъ гражданъ.

И заявленія Хрусталева, Аксельрода и другихъ, а въ особенности, агитація за рабочій съѣздъ—все это признаки одного крайне важнаго процесса, переживаемаго всѣми нашими партіями. Всѣ онѣ зародились въ видѣ чисто-интеллигентскихъ кружковъ и всѣ онѣ ищутъ тѣ реальныя общественныя силы, на которыя онѣ могли бы опереться. Въ этихъ поискахъ приходится отказываться отъ фантазій, съ облаковъ спускаться на землю, считаться не только со своими желаніями, но и съ реальными силами. Отъ этого и происходитъ такъ называемый «сдвигъ вправо», переживаемый всѣми партіями, и въ настоящее время трудно еще опредѣлить, гдѣ этотъ «сдвигъ» остановится. Не только стремленія опереться на чисто-рабочія организаціи, но также и попытки измѣнить свои тактическія задачи показываютъ, что соціалъ-демократія переживаетъ теперь періодъ приспособленія къ реаль-

нымъ условіямъ жизни. Къ сожалѣнію, это приспособленіе идетъ и медленно и съ большими колебаніями. Взять бы хоть тактическія резолюціи, какъ онѣ выработаны были большевиками и меньшевиками для предстоящаго съѣзда, и то, какіе взгляды, положенные въ ихъ основу, проводятся въ жизнь.

Обѣ группы считаютъ, что революція у насъ еще не завершена, а продолжается. Но въ то время какъ большевики считаютъ ее демократической и идущей къ новому подъему, болѣе скромные меньшевики называютъ ее просто буржуазной, цѣль которой образованіе новаго строя, въ которомъ будетъ господствовать буржуазія. Дѣйствующія силы революціи: пролетаріатъ, средняя буржуазія, мелкая буржуазія и крестьянство, и реакція. Изъ дѣйствующихъ политическихъ силъ наибольшее вниманіе обѣихъ соціалъ-демократическихъ группъ привлекаютъ кадеты. Но въ опредѣленіи ихъ соціальной природы онѣ расходятся. По мнѣнію большевиковъ, экономической основой кадетовъ является часть среднихъ помѣщиковъ, средней буржуазіи и главнымъ образомъ часть буржуазной интеллигенціи. По мнѣнію меньшевиковъ, кадеты—это городская буржуазная демократія. Большевики же отрицаютъ за кадетами всякій демократизмъ, соглашаясь признавать его только за соціалистами-революціонерами и трудовиками, партіями мелко-буржуазной демократіи и крестьянства.

По мнѣнію большевиковъ, кадеты уже давно отвернулись отъ революціи и только благодаря «контръ-революціонному поведенію либеральной буржуазіи» бойкотъ Думы не удался. Меньшевики съ этими взглядами несогласны, а бойкотъ Думы въ меньшевистскомъ лагерѣ съ самаго начала считался ошибкой. Вслѣдствіе «предательства буржуазіи» соціалъ-демократамъ пришлось идти въ Думу, но это обстоятельство не побуждаетъ большевиковъ измѣнить свою старую оцѣнку этого учрежденія; они только согласны участвовать въ немъ, поскольку это участіе будетъ способствовать подготовленію главной цѣли движенія. Меньшевики же считаютъ, что въ настоящее время ведется борьба со старымъ режимомъ посредствомъ Государственной Думы, которая можетъ стать дѣйствительнымъ центромъ общерусской борьбы за свободу.

Большевики настроены очень воинственно. Они настаиваютъ, что пролетаріатъ долженъ тащить за собой крестьянскую массу, придавая политическую сознательность ея борьбѣ. Соціалъ-демократія должна вести безпощадную борьбу съ кадетами и стремиться вырвать изъ-подъ ихъ вліянія демократическую мелкую буржуазію. «Вмѣстѣ съ послѣдней соціалъ-демократія должна начать общую атаку какъ противъ реакціи, такъ и противъ измѣннической либеральной буржуазіи». Меньшевики не столь свирѣпы. Они признаютъ, что у пролетаріата есть рядъ задачъ общихъ съ задачами всѣхъ буржуазно-демократическихъ элементовъ. Кадеты, правда, заражены оппортунизмомъ, соглашательскими и конституціонными иллюзіями, но и крестьянство и народническія партіи тоже болѣютъ «мелко-буржуазнымъ революціонизмомъ и аграрными утопіями». Поэтому соціалъ-демократія своей

самостоятельной политикой должна вліять на эти оппозиціонныя и революціонныя партіи; бороться противъ оппортунизма однихъ и экономически-реакціонныхъ проектовъ другихъ и въ то же время стремиться комбинировать свои дѣйствія съ дѣйствіями этихъ партій, направленныхъ противъ реакціи.

Меньшевики подвергаютъ суровой и справедливой теоретической критикѣ тактическіе взгляды большевиковъ, но самые сильные удары наносятъ имъ своими дѣйствіями въ Думѣ, практически доказывая ошибочность и вредоносность большевистской тактики. Ко всеобщему изумленію, меньшевики, численно впятеро превышающіе большевиковъ въ думской фракціи, въ Думѣ проводили большевистскую тактику. Въ теоріи они признаютъ работу въ Думѣ и считаютъ, что она можетъ стать «центромъ общерусской борьбы за свободу». На практикѣ же они предлагаютъ Думѣ совершать революціонные шаги», то и дѣло наталкиваютъ ее на мелкіе и вздорные инциденты, которые безъ всякой пользы для дѣла свободы могутъ только погубить Думу и отнимаютъ у нея массу времени и мѣшаютъ заняться той законодательной работой, которая только и можетъ укрѣпить непрочное пока положеніе Думы. Въ своей резолюціи меньшевики предлагаютъ вести самостоятельную политику и, разоблачая какъ «оппортунизмъ» кадетовъ, такъ и «утопизмъ» народниковъ, въ то же время «комбинировать свои дѣйствія съ дѣйствіями этихъ партій, направленными противъ реакціи». На самомъ же дѣлѣ меньшевики въ Думѣ повели совершенно большевистскую тактику. Они вступили «въ ожесточенную борьбу какъ съ реакціей, такъ и съ кадетами», и съ послѣдними даже въ болѣе ожесточенную, чѣмъ съ реакціей. Поэтому понятно, что ихъ обѣщанія бороться съ утопизмомъ народниковъ должны были остаться мертвой буквой. Поднимая борьбу противъ кадетовъ и желая притянуть къ этой борьбѣ соціалистовъ-революціонеровъ и трудовиковъ, соціалъ-демократы, въ томъ числѣ и меньшевики, неизбѣжно должны были щадить «аграрныя утопіи» народниковъ. Въ дѣйствительности же они пошли еще дальше и въ своей демагогіи, въ своихъ выпрыкахъ «земли и воли!» пожелали оставить за флагомъ даже утопичнѣйшихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Признавая въ теоріи, что весь смыслъ совершающагося переворота въ установленіи буржуазнаго конституціонализма, признавая, что реакція еще очень сильна, меньшевики на практикѣ занимаются только тѣмъ, что дискредитируютъ и обезсиливаютъ единственную конституціонную партію, которая способна установить въ Россіи новый строй. Меньшевики не дѣти, они отлично сознаютъ, что ни трудовики, ни соціалисты-революціонеры этой задачи выполнить не могутъ и въ то же время, тормозя на каждомъ шагу работу кадетовъ въ Думѣ, они, какъ дѣти, радуются своимъ шалостямъ, хвастаютъ своими «побѣдами», дающими только новую силу реакціи.

Причина этого курьезнаго явленія лежитъ и въ составѣ самой соціалъ-демократической думской фракціи, а въ особенности въ составѣ ея избирателей. Хрусталевъ зналъ, что говорилъ, когда утверждалъ, что 65 депу-

татовъ соціалъ-демократической фракціи могутъ импонировать только людямъ несвѣдущимъ. Избралъ этихъ депутатовъ вовсе не пролетаріатъ. Пролетарскаго помазанія на нихъ нѣтъ никакого и вести классовой политики они не могутъ. Ихъ избирали отуманенные революціонной фразой «буржуа», которые по своей наивности полагали, что первую Думу кадеты прогадали по своей трусости, а вотъ если бы на ихъ мѣстѣ были бы люди болѣе смѣлые, то вышло бы не то. Для оправданія этого политическаго суевѣрія въ Думу и посланы были соціалъ-демократы, очутившіеся тамъ въ очень тяжеломъ положеніи. Придя въ Думу, они скоро сообразили, что смѣлымъ натискомъ на правительство при необезпеченности тыла многаго не достигнешь. Принять же участіе въ общей закономѣрной освободительной борьбѣ, въ дарованіи народу черезъ Думу необходимѣйшихъ законовъ, они не хотѣли, потому что въ этомъ случаѣ они вошли бы только третьестепенной частью въ общее войско, генеральскія мѣста въ которомъ по необходимости пришлось бы передать кадетамъ, какъ людямъ болѣе знающимъ и болѣе талантливымъ. Рѣшиться на такое самопожертвованіе могли только политически очень развитые люди, которые бы сообразили, что, предоставивъ теперь кадетамъ осуществить свою миссію, они тѣмъ самымъ значительно облегчаютъ и свою будущую работу. Вступая на такой путь, меньшевики должны были опасаться, что ихъ избиратели, всѣ эти кипящіе граждане, «революціонно настроенные», однако, не въ такой степени, чтобы идти на баррикады, отвернутся отъ нихъ, какъ отъ «презрѣнныхъ кадетовъ». Другой путь, на который указывали большевики, представлялся болѣе заманчивымъ и болѣе доступнымъ. Вступивъ въ «ожесточенную борьбу съ кадетами», соціалъ-демократы сразу пріобрѣтали полную гегемонію въ лѣвой половинѣ Таврическаго зала, которая совсѣмъ ужъ бѣдна умственными силами. Теряющіеся гдѣ-то на задворкахъ во время серьезной борьбы съ реакціей, соціалъ-демократы пріобрѣтали большую славу своей борьбой съ кадетами. Сочувствіе молодежи имъ обезпечено. Соображеніе, что отъ этого могутъ пострадать существенные интересы народа, что обезсиливать кадетовъ значитъ усиливать реакцію, что большевистская тактика является въ сущности обструкціей противъ думской законодательной работы, что эта тактика подвергаетъ опасности самое существованіе Думы—всѣ эти соображенія мало интересовали соціалъ-демократовъ. О Думѣ должны заботиться кадеты. Въ этомъ соціалъ-демократы были увѣрены, какъ и въ томъ, что кадеты свое дѣло сдѣлаютъ. А если имъ придется потратить вслѣдствіе соціалъ-демократической тактики втрое больше времени и силъ, чѣмъ слѣдовало бы, то на это нечего пенять: надо же думскимъ соціалъ-демократамъ чѣмъ-либо заслужить свою славу революціонеровъ. Къ тому же вождь большевиковъ Алексинскій оказался самымъ талантливымъ ораторомъ изо всей думской соціалъ-демократической фракціи, наиболѣе находчивымъ и остроумнымъ. Какъ видно по работамъ коммиссій, огромное большинство соціалъ-демократическихъ депутатовъ оказались неспособными ни къ какой серьезной законодательной работѣ: для этого у нихъ

нѣтъ ни знаній, ни умѣнья работать. Та коммиссія, въ которой крайніе лѣвые преобладаютъ, созданія которой соціалъ-демократы требовали съ такимъ шумомъ, коммиссія о безработныхъ до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлала, если не считать дѣломъ помѣщеніе, вопреки волѣ думскаго президіума, демонстраціоннаго объявленія въ *Новомъ Лучѣ*. Съ такой арміей не станешь, конечно, развертывать столь сложный, разсчитанный на сознательныхъ политиковъ, стратегическій планъ, задуманный меньшевиками, и послѣднимъ ничего не оставалось, какъ покатиться въ Думѣ по наклонной плоскости большевизма...

Когда это стало совершившимся фактомъ, и Церетели увидѣлъ, что его войско маршируетъ въ ногу только по командѣ Алексинскаго, меньшевистскіе теоретики стали подыскивать философію, оправдывающую создавшееся положеніе... Такая философія всегда найдется. Нашлась и тутъ. Обидно читать, когда такой, наприм., умный и образованный политикъ, какъ Плехановъ, чтобы спасти проигранную кампанію, вынужденъ пускать въ ходъ пріемы, не достойные его репутаціи.

Въ апрѣльскомъ сборникѣ *Отголосковъ* г. Плехановъ, разбирая одну мою газетную замѣтку, пытается разоблачить «кадетскую софистику» и намѣтить въ общихъ чертахъ соціалъ-демократическую тактику. Къ сожалѣнію, обѣ попытки г. Плеханова надо признать неудавшимися, такъ какъ онѣ построены на ложномъ основаніи. «Главная отличительная черта кадетской партіи,—говоритъ онъ,—вовсе не въ томъ, что она считаетъ революцію невозможной въ настоящую минуту—въ настоящую минуту революція въ самомъ дѣлѣ невозможна,—а въ томъ, что она вообще стремится убѣжать революціи, почему и отрицаетъ революціонную идею полновластнаго народнаго представительства». Положительно непонятно, почему г. Плеханову, считающему себя «діалектическимъ матеріалистомъ», понадобилось стать на чисто метафизическую точку зрѣнія и проводить фантастическое различіе между «революціей вообще» и «революціей въ настоящую минуту». Не знаю, гдѣ г. Плехановъ нашелъ такихъ политическихъ дѣятелей, которые отрицали бы «революцію вообще», развѣ только среди толстовцевъ. Вѣдь даже А. И. Гучковъ признаетъ «вообще» за народомъ право на революцію. У насъ рѣчь идетъ не объ историческомъ трактатѣ, а о политикѣ. Политическимъ же дѣятелемъ мы называемъ того, кто работаетъ въ данную, «настоящую минуту». Поэтому тотъ политикъ, который, подобно г. Плеханову, сознательно говоритъ, что «въ настоящую минуту революція въ самомъ дѣлѣ невозможна», не можетъ одновременно и стремиться къ революціи «въ настоящую минуту». Что значитъ «признавать» или «отрицать» революціонную идею? Для политика это не значитъ держать ее въ умѣ и исповѣдовать про себя, а проводить ее въ жизнь, пропагандировать, стараться доставить ей торжество. Но какъ? законнымъ ли путемъ или революціоннымъ? Въ этомъ весь вопросъ. Насколько «полновластіе» народнаго представительства предусмотрѣно въ

кадетской программѣ, они не отрицаютъ его и тактически, пропагандируютъ и добиваются установленія его законодательнымъ путемъ черезъ Думу. Насколько же для завоеванія его предлагается революціонный путь, они его отрицаютъ. Почему? По метафизическимъ или реальнымъ соображеніямъ? Думается намъ, что и соображеній, приводимыхъ самимъ Плехановымъ, вполнѣ достаточно. «Звать народъ въ бой,—говоритъ г. Плехановъ,—въ такое время, когда онъ не готовъ къ бою, могутъ только глупцы или провокаторы». Далѣе г. Плехановъ приглашаетъ свою партію «отказаться отъ заговорщицкихъ иллюзій». Все это прекрасныя мысли, но продуманы ли онѣ до конца самимъ г. Плехановымъ, отказался ли онъ самъ отъ «заговорщицкихъ иллюзій»? Большой вопросъ. Интересно бы знать, задумывался ли онъ надъ тѣмъ, какъ возможно опредѣлить, когда «народъ готовъ къ бою», когда не готовъ, кто укажетъ этотъ моментъ и на основаніи какихъ соображеній? Не лежитъ ли въ самой Плехановской постановкѣ вопроса одна изъ тѣхъ «заговорщицкихъ иллюзій» о возможности подпольнымъ путемъ «подготовить народъ къ бою», отъ которыхъ онъ предлагаетъ отказаться своимъ товарищамъ? Если г. Плехановъ захочетъ быть искреннимъ, то онъ признаетъ, что отвѣтъ на вопросъ, готовъ ли былъ народъ къ бою, или не готовъ, давался всегда на другой день послѣ «боя», когда извѣстенъ былъ результатъ...

Въ самой постановкѣ вопроса о «революціи», о признаніи или отреченіи отъ нея, о «боѣ» г. Плехановъ одной ногой стоитъ въ заговорщицкой плоскости. На самомъ дѣлѣ, въ настоящихъ, подлинныхъ революціяхъ такъ называемый «бой» игралъ всегда второстепенную, если даже не третьестепенную роль. «Бой» всегда былъ скорѣе поэтическимъ, чѣмъ реально-политическимъ фактомъ. Героями и жертвами революціонныхъ сраженій, большею частью, оказываются вовсе не тѣ люди, которые сознательно подготовляли возстаніе, доставали оружіе, а дѣятели, весьма часто къ предварительной заговорщицкой работѣ не имѣвшіе никакого касательства. Когда старое правительство уступаетъ или даже гибнетъ «подъ ударами революціи», то это происходитъ вовсе не потому, что наступательныя физическія силы революціи очень велики, а оборонительныя физическія силы правительства слабы. Старое правительство гибнетъ не отъ физическаго безсилія, а отъ моральнаго, отъ разложенія, отъ внутренней измѣны, отъ психической угнетенности, испытываемой представителями старой власти при сознаніи, что на нихъ ополчается *единогласная* народная воля. Г. Плехановъ хорошо знакомъ съ исторіями революцій, чтобы не знать этого основного факта. 14 іюля у Людовика XVI было вполнѣ достаточно войска, чтобы раздавить повстанцевъ, осаждавшихъ Бастилію. Въ мартовскіе дни король прусскій могъ бы тоже безъ особеннаго труда одолѣть революціонеровъ. Наконецъ, и успѣхъ нашихъ октябрьскихъ дней доказываетъ, что сила движенія была не въ физическомъ [illegible]ществѣ забастовщиковъ, а въ психической подавленности старой власти, испугавшейся *единодушнаго* осужденія народа. Кровавая погромная

волна, прокатившаяся вслѣдъ за манифестомъ 17 октября, достаточно ясно обнаружила всю незначительность физическихъ силъ прогрессистовъ. Изъ исторіи революцій г. Плеханову должно быть также извѣстно, что съ того момента, какъ прекращается *единодушіе* наступающихъ прогрессивныхъ силъ и въ лагерѣ ихъ создается расколъ, вызываемый, конечно, не случайными, а глубокими органическими причинами, нѣсколько обновившаяся власть оправляется отъ психической подавленности. Нападающіе уже не могутъ разсчитывать застать ее въ состояніи прострація, а потому всякія революціонныя попытки (не считая чисто военныхъ или дворцовыхъ pronunciamento) осуждены на вѣрную неудачу. Поэтому вопросъ о возможности или невозможности революціи опредѣляется не фантастическимъ подсчетомъ, «готовъ» ли народъ къ бою или не готовъ, а тѣмъ, существуетъ ли единодушіе въ лагерѣ наступающихъ прогрессивныхъ силъ, создалъ ли народъ ту единую, общую народную волю, которая ясно сознается всѣми, даже властью и притомъ въ такой степени, что парализуетъ всѣ ея оборонительныя силы. Въ настоящее время при существованіи Государственной Думы нѣтъ болѣе единодушія въ русскомъ освободительномъ движеніи. Но если черносотенцы добьются своего, Государственная Дума и манифестъ 17 октября будутъ уничтожены, учреждена диктатура и проч., и проч., то можно, кажется, быть увѣреннымъ, что національное единодушіе возстановится, и мы снова будемъ свидѣтелями такихъ «выступленій», за которыми исторія признаетъ почетный титулъ «революціи» въ отличіе отъ уничижительнаго прозвища: «бунтъ» или «мятежъ»...

Такова основная ошибка Плеханова, не сумѣвшаго, несмотря на весь свой умъ и политическую трезвость, отрѣшиться отъ заговорщицкаго взгляда на революцію, какъ подготовляемый кѣмъ-то «бой». Посмотримъ теперь, какова та тактика, которую онъ рекомендуетъ соціалъ-демократіи.

«Было бы очень хорошо,—говоритъ онъ,—если бы за Думой стояла организованная сила народа. Но, во-первыхъ, такой силы еще нѣтъ налицо, а, во-вторыхъ, она явится только тогда, когда народъ сумѣетъ взглянуть на Думу съ правильной точки зрѣнія. Теперь же народъ смотритъ на Думу какъ на какое-то властное присутствіе; такъ онъ смотрѣлъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1902 г. на стачечный комитетъ. «Исторія пріучила нашу народную массу къ политической пассивности». Необходимо поэтому выяснить народу истинное положеніе дѣлъ, «высказать народу, что есть,—освѣтить передъ нимъ яркимъ свѣтомъ идею народовластія». «Единственнымъ способомъ борьбы съ кадетской опасностью является систематическое, непрерывное и неустанное распространеніе въ массѣ идеи полновластнаго народнаго представительства». «Мы будемъ говорить народу о нынѣшнемъ жалкомъ состояніи его представительства».

Наиболѣе любопытныя мысли слѣдуютъ, однако, дальше, когда г. Плехановъ объясняетъ, какъ надо это сдѣлать. «Выяснить это можно не митинговымъ способомъ, не сногсшибательными резолюціями въ Думѣ или въ собраніяхъ, а систематической работой надъ пробужденіемъ народнаго

сознанія,—работой, которая чрезвычайно облегчалась бы всѣмъ тѣмъ, что происходитъ или произойдетъ въ Думѣ или съ Думой. Когда принесетъ желанные плоды эта работа? Не знаю... Высказать это надо такъ, чтобы народъ услышалъ и понялъ революціонеровъ. А для этого необходимо избѣгать революціонной фразы и псевдо-революціонной торопливости. Самыя простыя и ясныя тактическія соображенія говорятъ за то, что за высказываніе того, что есть, должны взяться *не члены Думы* (курсивъ Пл.), а сознательные элементы народа» и т. д.

Не буду останавливаться на нѣкоторыхъ характерныхъ мелочахъ. Плехановъ какъ будто не замѣчаетъ параллелизма между тѣмъ, что «исторія пріучила нашу народную массу къ политической пассивности» и пропагандой идеи «полновластнаго» представительства, т.-е. конвента, соединяющаго въ себѣ всѣ власти. Народъ смотритъ на Думу, какъ всевластное присутствіе, потому и постараемся сдѣлать ее таковымъ. До сихъ поръ народъ всего ждалъ отъ Царя, теперь научимъ его ждать всего отъ конвента. Не думаю, чтобы такого рода пропаганда помогла «освободиться русскому народу», чтобы она хоть сколько-нибудь отучила его отъ «политической пассивности». Перемѣнится только объектъ вѣры, но самая вѣра во всемогущество и всевластіе лица или учрежденія останется. Но не это важно. Не то также важно, что протесты г. Плеханова противъ «революціонной фразы» и «митинговыхъ способовъ» отдаютъ «кадетизмомъ». Послѣднее можно только привѣтствовать. Чрезвычайно характерно, что г. Плехановъ, рисуя «тактику», яко бы противоположную кадетской, тутъ же заявляетъ, что проводить ее должны *не члены Думы*. Но что же должны дѣлать эти послѣдніе?

«Сознательные элементы народа» внѣ Думы «будутъ говорить народу о жалкомъ состояніи его нынѣшняго народнаго представительства», пропагандировать идею «полновластнаго представительства», а члены Думы этого дѣлать не должны. Трудно разобраться въ этой паутинѣ. Должны ли они фактически «демонстрировать» это «жалкое состояніе», т.-е. создавать инциденты, вродѣ Зурабовскихъ, которые ставили бы Думу дѣйствительно въ тяжелое положеніе, мѣшать безчисленными запросами ея законодательной работѣ, толкать ее къ разгону, заставляя юридически невѣжественныхъ крестьянъ переступать границы «основныхъ законовъ»? Но вѣдь это и есть та самая большевистская тактика, которую г. Плехановъ такъ энергично осуждаетъ. Что же дѣлать соціалъ-демократамъ въ Думѣ? Развивать сознаніе народа, охраняя насколько возможно существованіе Думы? Это, однако, не что иное, какъ кадетская тактика, т.-е. замѣна революціонныхъ методовъ борьбы оппозиціонными. Что соціалъ-демократы въ своей оппозиціи пойдутъ дальше кадетовъ, будутъ стоять на непримиримо-принципіальной точкѣ зрѣнія, предоставляя кадетамъ осуществленіе реальныхъ реформъ—это понятно. Но при этомъ соціалъ-демократы должны имѣть въ виду одно. Благодаря правительственной политикѣ, выхъ» во второй Думѣ такъ много, что они легко могутъ затормозить

всякую положительную работу, за которую берутся кадеты. Для послѣднихъ существованіе Думы имѣетъ смыслъ только тогда, когда возможна эта работа. Поэтому, если «лѣвые» послушаются большевиковъ и направятъ свои усилія на то, чтобы «оторвать трудовиковъ» отъ кадетовъ, то послѣдніе едва ли будутъ считать своей обязанностью таскать для соціалъ-демократовъ каштаны изъ огня. Кадеты обнаружили бы полное отсутствіе политическаго смысла, если бы въ отвѣтъ на большевистскую тактику не предоставили бы «лѣвымъ» роль большинства въ Думѣ и не возложили бы на нихъ всю отвѣтственность за то, что произойдетъ.

Высшіе интересы родины требуютъ, чтобы кадеты были избавлены отъ необходимости произвести такой экспериментъ. Соціалъ-демократы первые должны это понять...

А. С. Изгоевъ.

Законодательство и жизнь.

Дѣятельность Государственной Думы въ апрѣлѣ.—Законопроектъ о новобранцахъ и происшедшій при обсужденіи его инцидентъ.—Продовольственная ассигновка.—Отмѣна военно-полевыхъ судовъ.—Запросъ о рижскихъ пыткахъ.—Значеніе Думской дѣятельности для народной жизни.—Явленія экономической борьбы въ Лодзи, въ Баку и др. мѣстахъ.—Аграрные безпорядки.—Переселенческое движеніе.—Народная бѣдность.—Пониженіе народной энергіи умственной и нравственной.

Трудныя условія, въ которыхъ приходится работать Государственной Думѣ, и непрочность ея положенія никогда еще не обрисовывались такъ ясно, какъ за нѣсколько дней до пасхальныхъ каникулъ, когда внезапно произошелъ инцидентъ, который въ другой странѣ и при другихъ условіяхъ не представлялъ бы ничего чрезвычайнаго, но у насъ чуть-было не погубилъ самоё Думу. Случай этотъ произошелъ при обсужденіи въ закрытомъ засѣданіи Думы предложенія военнаго министра о контингентѣ новобранцевъ на 1907 годъ. Былъ моментъ, когда этотъ вопросъ представлялъ дѣйствительную опасность, такъ какъ всѣ соціалистическія партіи и значительная часть трудовой группы рѣшили вовсе отвергнуть законопроектъ о новобранцахъ и не давать правительству ни одного солдата; поэтому пока неизвѣстно было рѣшеніе польскаго коло, то число голосовъ за и противъ законопроекта было приблизительно одинаково и не было ничего невозможнаго въ томъ, что при баллотировкѣ онъ будетъ отвергнутъ. Практическаго значенія такое отрицательное постановленіе Думы не имѣло бы никакого, такъ какъ на осн. 119 ст. основныхъ законовъ, если по внесеніи въ Думу предположеній по сему предмету соотвѣтствующій законъ не будетъ изданъ къ 1 мая, «то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году». Даже и послѣдняя оговорка нисколько бы не стѣснила правительство, такъ какъ прошлогодній контингентъ новобранцевъ былъ исчисленъ въ размѣрѣ свыше необходимаго. Такимъ образомъ отклоненіе военнаго законопроекта было бы только демонстраціей, но эта демонстрація могла бы повлечь за собою весьма неблагопріятныя послѣдствія для народнаго представительства. Съ одной стороны, и правительство, и высшія сферы особенно чувствительны ко всему, что касается войска, частію со-

знательно, частію инстинктивно понимая, что за отсутствіемъ нравственнаго авторитета и общихъ интересовъ правительства съ народомъ, войско въ настоящее время есть единственная и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ реальная сила, поддерживающая существующій строй. Съ другой стороны, столкновеніе Думы съ правительствомъ по вопросу о пополненіи арміи было бы невыгодно для Думы, такъ какъ въ обществѣ и въ народѣ, несмотря на скептицизмъ нѣкоторыхъ круговъ и партій, продолжаетъ существовать твердое убѣжденіе въ необходимости для Россіи многочисленной и сильной арміи. Сколько въ этомъ убѣжденіи приходится на долю обдуманнаго и обоснованнаго сужденія и сколько на долю традиціоннаго предразсудка,—опредѣлить очень трудно; но въ данномъ случаѣ важно то, что и разумное сужденіе и предразсудокъ съ одинаковой силой направляли-бы общественное мнѣніе скорѣе въ пользу правительственнаго проекта, чѣмъ противъ него. Всѣ эти соображенія не могли измѣнить рѣшенія соціалистическихъ партій, но такъ какъ въ послѣдній моментъ за принятіе законопроекта высказалось польское коло, то стало ясно, что онъ будетъ принятъ большинствомъ. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла правительство должно было считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, тѣмъ болѣе, что, сколько извѣстно, и представитель правительства, военный министръ, заявилъ о своемъ согласіи съ высказанными въ Думѣ замѣчаніями о нежелательности несенія войсками полицейской службы. Оказалось однако, что во время преній о военномъ законопроектѣ возникъ еще новый инцидентъ, имѣвшій въ сущности совершенно частный характеръ, но давшій правительству поводъ сразу занять угрожающее положеніе по отношенію къ Думѣ. Такимъ поводомъ явилась рѣчь соціалъ-демократическаго депутата Зурабова, въ которой правительствомъ было усмотрѣно «оскорбленіе арміи». Всего вѣроятнѣе это усмотрѣніе произошло подъ вліяніемъ высшихъ сферъ, все время съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдившихъ за ходомъ Думскихъ преній по военному закону. Такъ какъ засѣданіе, въ которомъ обсуждался этотъ вопросъ, было закрытое, то неизвѣстно съ точностію, что именно было сказано депутатомъ Зурабовымъ. Возможно, что выраженія, въ которыя была облечена его мысль, носили характеръ, недопустимый въ парламентскихъ преніяхъ. Но, что касается до самой мысли, то, если вѣрны тѣ отрывочныя свѣдѣнія о ней, которыя попали въ газеты (*Новое Время*), сущность сказаннаго Зурабовымъ состояла въ томъ, что если въ будущемъ не измѣнится общій строй нашей государственной жизни, то, въ случаѣ войны, наша армія будетъ опять терпѣть пораженія. Въ такой мысли едва ли можно видѣть что-нибудь не только чрезвычайное, но даже оригинальное. Сужденія вродѣ того, что севастопольское пораженіе было подготовлено предшествовавшимъ крѣпостнымъ строемъ русской жизни, или что пораженіе Франціи въ 1870 году имѣло свое основаніе въ наполеоновскомъ режимѣ,—сдѣлались почти банальными афоризмами, также какъ и общая мысль о тѣсной связи, существующей между общимъ государственнымъ строемъ и военной силой государства, выражающейся въ

результатахъ войны. Во время послѣдней японской войны эта мысль открыто высказывалась почти всей литературой и даже, можно сказать, всѣмъ народомъ. Обстоятельства складывались такъ, что для усвоенія этой мысли не требовалось никакихъ глубокихъ общихъ соображеній: даже въ отдѣльныхъ фактахъ войны ясно выражалась ихъ прямая зависимость отъ нашихъ общихъ порядковъ въ государственномъ управленіи и хозяйствѣ. Рѣшающимъ моментомъ войны было Цусимское пораженіе, бывшее результатомъ, какъ это для всѣхъ было ясно, совершенно неудовлетворительнаго состоянія нашего флота и его вооруженія. Само собой разумѣется, что указывавшіе на это обвиняли не тѣхъ моряковъ, которые шли на явную гибель, также какъ и не тѣхъ солдатъ, которые сражались и погибали при Ляоянѣ и Мукденѣ, а тѣхъ, кто ихъ послалъ на ненужную и безполезную войну, къ которой мы, вдобавокъ, оказались неподготовленными. Если депутатъ Зурабовъ хотѣлъ сказать лишь то, что безъ измѣненія общихъ причинъ останутся неизмѣнными и вытекающія изъ нихъ слѣдствія, то въ этомъ очевидно не было ничего раздражающаго или обиднаго для кого-либо. Если же употребленныя имъ выраженія были недостаточно корректны, то онъ за нихъ и подвергся цензурѣ предсѣдателя. Правда, что, какъ разсказываютъ, онъ не обратилъ вниманіе на предсѣдательскія предостереженія и продолжалъ говорить въ томъ же духѣ. Это вызвало шумный протестъ со стороны правыхъ, требовавшихъ удаленія Зурабова на основ. 38 ст. Военный министръ и бывшіе въ министерской ложѣ чины военнаго министерства покинули свои мѣста. Начался общій шумъ и крикъ слѣва и справа, среди котораго ничего нельзя было разобрать. Попытки предсѣдателя возстановить порядокъ оказались тщетными; часть депутатовъ ушла изъ залы. Наконецъ, объявленъ перерывъ, по окончаніи котораго предсѣдатель заявляетъ, что, ознакомившись со стенограммой рѣчи Зурабова, онъ находитъ, что въ ней дѣйствительно заключались выраженія оскорбительныя для арміи. Поэтому онъ лишаетъ Зурабова слова и предлагаетъ Думѣ высказаться, одобряетъ ли она дѣйствія его, предсѣдателя, въ этомъ случаѣ. Происходитъ новый шумный скандалъ. Соціалъ-демократы протестуютъ противъ мѣры, примѣненной къ Зурабову, и вмѣстѣ съ другими соціалистами и большей частью трудовиковъ въ крайнемъ возбужденіи уходятъ изъ залы. Засѣданіе въ 9 часовъ было закрыто до слѣдующаго дня, а думскія фракціи въ тревожномъ ожиданіи собрались на частныя совѣщанія; особенно пессимистическое настроеніе вызвало полученное извѣстіе о томъ, что представители правительственныхъ вѣдомствъ въ Думской бюджетной комиссіи отказались участвовать далѣе въ ея работахъ, конечно получивши соотвѣтствующія инструкціи. Въ 12-мъ часу ночи предсѣдатель Думы отправился къ премьеръ-министру, съ которымъ долго бесѣдовалъ по поводу Зурабовскаго инцидента и его возможныхъ послѣдствіяхъ.

Впечатлѣніе этого разговора было то, что самъ Столыпинъ не желаетъ роспуска Думы, но что за него стоитъ много вліятельныхъ людей и положеніе вообще очень напряженное. Все 16-е число телефонъ съ Цар

окимъ Соломъ дѣйствовалъ не переставая; всѣ видные представители реакціи были тамъ въ сборѣ и продолжавшееся весь день совѣщаніе въ концѣ-концовъ склонялось къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Всему этому вопросу была придана такая важность и возбужденныя имъ въ обществѣ ожиданія были настолько тревожны, что предсѣдатель Думы послѣ окончанія сужденій о новобранцахъ, счелъ необходимымъ сдѣлать заявленіе, съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что въ Думѣ «по отношенію къ нашей доблестной арміи было высказано мнѣніе, которое конечно должно быть признано для нея обиднымъ. Я считаю—сказалъ онъ,—что наша армія всегда отличалась своею самоотверженностью въ исполненіи тяжелаго долга, высокой дисциплиной и непоколебимой преданностью отечеству и своему Верховному Вождю. Такія достоинства арміи признаны всѣми... и Государственная Дума безъ сомнѣнія, протестуетъ противъ выраженій высказанныхъ однимъ изъ членовъ Думы». Заявленіе Головина признано было повидимому достаточнымъ, а когда и самый законопроектъ былъ принятъ Думой большинствомъ 193 голосовъ противъ 129 (въ числѣ послѣднихъ были всѣ соціалисты и большая часть трудовиковъ), то инцидентъ, угрожавшій роспускомъ Думы, признанъ уже былъ исчерпанымъ и положеніе Думы временно прочнымъ, по крайней мѣрѣ до новаго случая. Самыя пренія о законопроектѣ прошли сравнительно спокойно, хотя нѣсколько представителей соціалъ-демократической фракціи были лишены слова предсѣдателемъ. По существу дѣла—докладъ о военномъ законопроектѣ, представленный отъ большинства разсматривавшей его комиссіи депутатомъ Кузьминымъ-Караваевымъ, предлагалъ, принявши законопроектъ, въ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ указать на необходимость стремиться къ уменьшенію арміи, что вполнѣ возможно, если выдѣлить изъ нея тѣхъ солдатъ, которые въ настоящее время несутъ полицейскую службу, а также исполняющихъ обязанности офицерской прислуги, т. е. денщиковъ. Военный министръ доказывалъ, что предлагаемыя въ докладѣ мѣры министромъ уже проектированы и постепенно будутъ проводиться въ жизнь, но что сразу уничтожить денщиковъ нельзя. Такимъ образомъ военныя реформы, о желательности которыхъ высказывалось съ обѣихъ сторонъ, всетаки не войдутъ въ законъ, а такъ и останутся на степени благихъ пожеланій съ одной стороны и неисполненныхъ обѣщаній—съ другой. А это очень жаль, такъ какъ, не говоря уже о деморализирующемъ вліяніи на войска полицейской службы, исполненіе солдатами обязанности прислуги при условіяхъ военной службы и существующихъ между солдатами и офицерами отношеніяхъ военной дисциплины и подчиненности, прямо ставятъ денщиковъ въ положеніе крѣпостныхъ или бывшихъ помѣщичьихъ дворовыхъ, съ той разницей не въ пользу денщиковъ, что они не пріучаются къ своему рабскому положенію съ малолѣтства, а волею судьбы попадаютъ въ него уже взрослыми людьми, подъ фирмой защитниковъ отечества, которымъ при всякомъ болѣе или менѣе торжественномъ случаѣ поются дифирамбы, про которыхъ сохрани Богъ сказать что-нибудь

непочтительное, но которыхъ каждаго въ отдѣльности «баринъ» можетъ когда угодно безнаказанно бить по зубамъ. Какъ крѣпостное право, такъ и подобныя отношенія одинаково деморализуютъ какъ рабовъ, такъ и рабовладѣльцевъ, т.-е. въ данномъ случаѣ и солдатъ-денщиковъ и офицеровъ, и сохраненіе ихъ само по себѣ наноситъ тѣмъ и другимъ гораздо большее оскорбленіе, чѣмъ какое-нибудь сказанное по адресу арміи рѣзкое слово.

Если мы теперь сдѣлаемъ общіе выводы изъ сейчасъ разсказаннаго эпизода, то мы найдемъ въ немъ много поучительнаго, какъ въ смыслѣ характеристики общаго положенія вещей и тѣхъ условій, въ которыхъ находится Дума и ея дѣятельность, такъ и въ смыслѣ опредѣленія дальнѣйшаго ея образа дѣйствій. Прежде всего онъ даетъ еще новое и ясное доказательство того, что рѣшающими факторами въ нашемъ законодательствѣ и государственномъ управленіи являются не тѣ, которые указаны въ основныхъ законахъ и даже не правительство въ смыслѣ совѣта министровъ, а то негласное правительство, обозначаемое обыкновенно различными описательными названіями, которое не имѣетъ ни опредѣленнаго, постояннаго состава, ни опредѣленной компетенціи, ни всего менѣе какой-либо отвѣтственности. Съ одной стороны, оно, повидимому, находится въ близкой связи съ реакціонно-дворянскими кругами, съ другой—съ представителями явнаго правительства, т. е. министрами и другими главами бюрократіи. Передвиженія въ ту или другую сторону и различія лицъ и настроеній создаютъ то постоянно колеблющееся и измѣнчивое положеніе, при которомъ дѣлается невозможнымъ никакой разсчетъ, основанный на чемъ-нибудь положительномъ. И такая неувѣренность не ограничивается высшей политикой; напротивъ, она въ настоящее время красной нитью проходитъ по всей русской жизни: не увѣрена въ завтрашнемъ днѣ Государственная Дума, но не очень-то увѣренъ въ немъ и каждый обыватель, даже очень мало причастный къ политикѣ. Что касается до Думы, то ея положеніе тѣмъ болѣе шатко, что въ высшихъ сферахъ ея не любятъ и перестаютъ бояться: она имъ антипатична по своему принципу народовластія и по своему происхожденію 17 октября 1905 г., и если она до извѣстной степени терпится, то терпимость эта лишь для немногихъ власть имѣющихъ обусловлена болѣе или менѣе серьезными причинами, хотя бы напр. такой: какъ взглянутъ на роспускъ Думы европейскіе финансовые круги; для другихъ же всѣ эти причины могутъ сбалансироваться съ какой-нибудь фразой того или иного депутата, въ которой будетъ усмотрѣно «оскорбленіе арміи», или что-нибудь другое такой же важности. При такихъ обстоятельствахъ,—какой образъ дѣйствій должна была избрать Дума? Многіе высказывали неодобреніе Думѣ, и въ особенности ея предсѣдателю, за слишкомъ большую уступчивость и угодливость, выказанную ими при этомъ случаѣ и выразившуюся внѣшнимъ образомъ въ поѣздкахъ Головина къ Столыпину и Редигеру. Но въ этомъ случаѣ дѣйствія Думы и предсѣдателя надо оцѣнивать въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ имъ приходилось дѣй-

ствовать и по соображенію съ полученными и возможными результатами. Можно было, конечно, подобно прошлогоднему депутату Лосеву, припомнить библейскій образъ связаннаго и слѣпого Самсона и сказать, какъ онъ: «умри душа моя вмѣстѣ съ филистимлянами». И мы думаемъ, что, если бы дѣло шло о личныхъ чувствахъ членовъ Думы, то большинство бы выбрало этотъ путь. Но когда вопросъ касался не личностей, а Думы, какъ народнаго представительства, то подражать Самсону можно было только при увѣренности, что и въ данномъ случаѣ произойдетъ то же, что въ библейской легендѣ, т. е. что вмѣстѣ съ гибелью Самсона рухнетъ и филистимскій храмъ. Но можно ли было на это разсчитывать? А если нѣтъ, то не было ли бы такой неудавшейся попыткой доставлено только лишнее удовольствіе филистимлянамъ и не пострадалъ ли бы отъ этого престижъ Думы гораздо больше, чѣмъ теперь?

Законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ, утвержденный Государственной Думой, былъ немедленно переданъ въ Государственный Совѣтъ, имъ также тотчасъ утвержденъ и по полученіи санкціи Верховной Власти уже 21-го апрѣля сдѣлался дѣйствующимъ закономъ. Также быстро прошелъ всѣ законодательныя инстанціи другой принятый Думою законопроектъ объ ассигнованіи 6.000.000 руб. на расходы по оказанію населенію мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ, сверхъ общаго продовольственнаго пособія, врачебно-питательной и благотворительной помощи. Изъ доклада Думской продовольственной комиссіи видно, что на дѣло продовольственной помощи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ израсходовано по 10 марта нѣсколько болѣе 142 милл. руб. и на окончаніе кампаніи 22.300.000 руб., изъ которыхъ $17^1/_2$ мил. на окончаніе разсчетовъ по прежнимъ поставкамъ, остальные 5 милл. на благотворительную помощь населенію, въ томъ числѣ 300.000 руб. на врачебную помощь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развились эпидемическія заболѣванія. Продовольственная комиссія, обсудивъ вопросъ на основаніи данныхъ, доставленныхъ предсѣдателемъ общеземской организаціи, нашла, что средства, ассигнованныя на разсчеты, подлежатъ еще повѣркѣ, средства же, назначенныя на благотворительную продовольственную помощь, нужны сейчасъ же и количество ихъ должно быть увеличено до 6.000.000 руб. Пренія возбудилъ почти исключительно только вопросъ о томъ, въ чье распоряженіе должны быть переданы эти деньги. Нѣкоторые лѣвые депутаты настаивали на томъ, что ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ давать въ руки правительства, къ которому ни Дума, ни страна не имѣютъ ни малѣйшаго довѣрія. Поэтому дѣлались предложенія передать всю ассигнованную сумму въ распоряженіе общеземской организаціи; но на это было сдѣлано возраженіе, что общеземская организація какъ общегосударственное учрежденіе не существуетъ и поэтому ассигнованіе въ ея распоряженіе практически окажется невыполнимо, такъ что голодающее населеніе не получитъ ни гроша. Въ силу этого соображенія рѣшено передать ассигнованныя суммы въ распоряженіе центральнаго комитета по оказанію врачебно-питательной помощи. Это

особое учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Ермолова, которое само не производитъ никакихъ операцій, но распредѣляетъ имѣющіяся у него средства на общественныя учрежденія, въ томъ числѣ и общеземскую организацію.

Другой утвержденный Думой за эти дни законопроектъ не получилъ такъ скоро утвержденія Государственнаго Совѣта и Верховной Власти,— это законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, за то онъ, по крайней мѣрѣ въ главной своей части, фактически оказался исполненнымъ; извѣстно, что законъ о военно-полевыхъ судахъ былъ введенъ въ промежуткѣ между двумя Думами и потому, за невнесеніемъ его правительствомъ во вторую Думу, дѣйствіе его само собой прекращалось черезъ два мѣсяца послѣ ея открытія, т.-е. 20 апрѣля. Нѣкоторыми депутатами указывалось на это обстоятельство, превращавшее, по ихъ мнѣнію, вотированіе этого законопроекта въ безцѣльную демонстрацію. Но Дума сочла нужнымъ своимъ постановленіемъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ еще разъ рѣшительно подчеркнуть свое отношеніе къ нимъ; кромѣ того Дума внесла въ законопроектъ еще вторую часть: совершенно отрицая военно-полевые суды, какъ органы правосудія, и считая поэтому, что приговоры этихъ судовъ равняются отсутствію всякаго суда, Дума дополнила ихъ отмѣну еще такимъ постановленіемъ: всѣ дѣла, по которымъ приговоры военно-полевыхъ судовъ не приведены еще въ исполненіе, или по коимъ осужденные отбываютъ наказанія, безотлагательно передать въ общія судебныя мѣста для направленія и разсмотрѣнія согласно уставу уголовнаго судопроизводства. Правые дѣлали попытки оттянуть принятіе законопроекта, представляя противъ обсужденія его формальныя основанія, когда же онъ всетаки былъ поставленъ на баллотировку, то они ушли, едва ли не съ разсчетомъ, что Дума окажется не въ законномъ числѣ. Поэтому законопроектъ о военно-полевыхъ судахъ былъ принятъ единогласно всѣми 174 депутатами, бывшими въ засѣданіи (наименьшее число 168).

Очень большое впечатлѣніе не только на самую Думу, но и на все русское общество произвели пренія по запросу о томъ, что происходило въ рижскихъ тюрьмахъ. Изъ доклада комиссіи, собравшей весьма обстоятельныя, поскольку это возможно было въ существующихъ условіяхъ, свѣдѣнія, видно, что въ Прибалтійскомъ краю еще одновременно съ началомъ дѣйствія карательныхъ отрядовъ стали примѣняться пытки и истязанія, имѣвшія цѣлью доставить данныя для разстрѣла лицъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ революціонномъ движеніи. Особенно прочно система пытокъ установилась въ Ригѣ. Пытки при допросахъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ прикосновенности къ боевымъ организаціямъ, производились въ рижскомъ сыскномъ отдѣленіи уже давно, но съ декабря 1905 года для этого образована была особая комиссія изъ полицейскихъ служащихъ и сыщиковъ, которой, по собственному ея заявленію, прокурорскимъ надзоромъ и жандармскимъ правленіемъ поручено было производить слѣдствіе надъ политическими, а губернаторомъ, тоже по заявленію самой комис

сіи, представлено было ей «убивать политическихъ безъ суда и слѣдствія». Пытки для полученія требовавшихся свѣдѣній производились въ систематической постепенности, отъ простого избіенія до полнаго изувѣченія съ переломомъ костей, послѣ чего изувѣченные разстрѣливались. Въ докладѣ приводятся подробно факты пытокъ отдѣльныхъ лицъ съ именами пытаемыхъ и палачей. Пытки сопровождались издѣвательствомъ: въ то время какъ выдергивали волосы и ногти, жгли на огнѣ и ломали кости, мундирные палачи забавлялись шутками, пили водку, играли на гармоникѣ, будучи вполнѣ увѣрены въ полной своей безнаказанности. И что всего страшнѣе, какъ справедливо сказалъ депутатъ Алашеевъ,—это то, «что такое озвѣреніе человѣческой природы искусственно культивируется, что оно спеціально поддерживается правительственной властью... Развѣ гг. Грегусы и другіе не были убѣждены, что они творятъ волю пославшаго ихъ и что имъ не будетъ за ихъ подвиги ни суда, ни наказанія? Трагизмъ положенія въ томъ и заключается, что съ этой безнаказанностью никто не можетъ бороться. Лица подобныя Грегусу ждутъ не суда, а награды, и нѣкоторые изъ нихъ такія награды уже получили, а другіе конечно получатъ въ непродолжительномъ времени. Казалось бы, что къ такого рода фактамъ, какъ происходившіе въ рижскихъ застѣнкахъ, не можетъ быть никакого партійнаго отношенія. Однако оба говорившіе по поводу запроса представителя правительства отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи старались придать рижскимъ происшествіямъ возможно смягченную окраску: все это не представляетъ ничего особеннаго, чѣмъ бы стоило много тревожиться: если и были въ тюрьмахъ избіенія, то они объясняются раздраженіемъ и малокультурностью полиціи; никакихъ жалобъ не поступало; произведенное изслѣдованіе показало, что сообщенныя частнымъ путемъ свѣдѣнія были преувеличены. Притомъ оба представителя правительства особенно останавливались на вошедшемъ въ тотъ же запросъ случаѣ столкновенія заключенныхъ съ тюремной стражей, причемъ изъ заключенныхъ нѣсколько человѣкъ было убито и ранено; что же касается до практиковавшихся истязаній, то они отодвигались на задній планъ. Вообще въ рѣчахъ представителей правительства слышалось не негодованіе, не желаніе раскрыть преступленія и злоупотребленія, а напротивъ желаніе все затушевать и свести на нѣтъ. Особенно характерно было требованіе подтвердить офиціальными доказательствами указанные факты, какъ будто Дума можетъ нарядить отъ себя слѣдователей, которые бы допросили на мѣстѣ потерпѣвшихъ и свидѣтелей, оградивъ ихъ отъ возможности еще болѣе пострадать за свои показанія; какъ будто попытка подобнаго разслѣдованія бѣлостокскаго погрома, сдѣланная первой Думой, была ей поставлена въ вину, и не была офиціально выставлена какъ одна изъ причинъ ея роспуска. Еще удивительнѣе было отношеніе къ запросу крайнихъ правыхъ депутатовъ. Они продолжали въ Думѣ то глумленіе надъ жертвами, которое проявляли въ рижскихъ тюрьмахъ полицейскіе и сыщики. Партійная и классовая борьба заглушила въ нихъ, повидимому, всякія есте-

ственныя человѣческія чувства. Только Пуришкевичъ договорился до словъ, совершенно для него невѣроятныхъ. Припомнивъ сцену изъ «Тараса Бульбы», когда на крикъ Остапа во время предсмертной пытки: «слышишь ли, батько»!. раздался голосъ Тараса: «слышу»! и затѣмъ въ разсказѣ говорится что: «отыскался слѣдъ Тарасовъ. Тридцать тысячъ казацкаго войска явились въ Польшѣ и начали жечь и громить—это были поминки по Остапѣ», Пуришкевичъ продолжалъ затѣмъ: Господа, если все, что здѣсь говорилось, правда, то въ Россіи совершенно невозможно жить и надо ожидать съ часу на часъ, что и у насъ начнутъ справлять поминки по Остапѣ». Конечно, эта фраза имѣла въ виду не доказательство неизбѣжности кровавой революціи, а доказательство неправдоподобности самыхъ фактовъ. На этой же неправдоподобности особенно настаивалъ товарищъ министра юстиціи Лютце, вся рѣчь котораго сводилась къ одному положенію: не можетъ быть, чтобы полиція устраивала пытки, не можетъ быть, чтобы прокуратура этому покровительствовала: почему невозможно? Потому, что это неправдоподобно. Требуя отъ Думы точныхъ и опредѣленныхъ доказательствъ, противники запроса отдѣлываются сами такими заявленіями о неправдоподобности обвиненія, не сознавая того, что, если въ данномъ случаѣ неправдоподобное оказывается дѣйствительнымъ, то тѣмъ большая вина ложится на правительство, спокойно допускающее такія невѣроятныя вещи. Насколько вѣроятны свѣдѣнія, изложенныя въ докладѣ Думской комиссіи, видно изъ того, что запросъ, за уходомъ немногихъ правыхъ, былъ принятъ Думой единогласно въ такой редакціи: обратиться къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи съ запросомъ: 1) извѣстны ли имъ указанные факты систематическаго истязанія заключенныхъ въ тюрьмахъ и арестныхъ помѣщеніяхъ Прибалтійскаго края; 2) какія приняты ими мѣры къ устраненію установившагося порядка примѣненія пытокъ къ заключеннымъ и глумленія надъ ними, а равно привлечены-ли къ суду виновныя въ этомъ должностныя лица. Къ этому предложенію комиссіи Дума отъ себя добавила третій пунктъ: обратиться къ предсѣдателю совѣта министровъ съ вопросомъ: намѣрено ли правительство впредь до окончанія разслѣдованія устранить въ Прибалтійскомъ краѣ отъ должности нѣкоторыхъ представителей власти въ цѣляхъ огражденія населенія отъ повторенія издѣвательствъ надъ арестованными.

Мы конечно не можемъ здѣсь привести хотя бы и въ короткомъ изложеніи всѣхъ постановленій Думы и потому ограничились тѣми изъ нихъ, которыя возбуждали къ себѣ наибольшій интересъ въ обществѣ и народѣ. Главныя работы Думы до сихъ поръ еще подготовительныя. Важнѣйшій и сложнѣйшій вопросъ, предстоящій разрѣшенію Думы—аграрный, еще не вышелъ изъ фазиса предварительной разработки общихъ основаній и едва-ли аграрный законопроектъ будетъ скоро внесенъ въ Думу въ разработанномъ видѣ. Зато имѣются много другихъ законопроектовъ преимущественно политическаго характера, которые могли бы быть внесены и обсуждены немедленно, если бы Дума не была обременена огромнымъ количе-

ствомъ разныхъ запросовъ и другихъ заявленій, вродѣ напр. пресловутаго требованія высказать порицаніе политическимъ убійствамъ, не имѣющихъ непосредственно практическаго значенія, но отнимающихъ очень много времени, котораго поэтому остается сравнительно очень мало для законодательныхъ работъ. Между тѣмъ изъ провинціи отовсюду идутъ слухи о начинающемся проявленіи нетерпѣнія. Слышатся голоса, что за два мѣсяца Дума ничего не сдѣлала, кромѣ принятія двухъ законовъ, которые оба были бы осуществлены и безъ Думы. Конечно, въ этомъ нетерпѣніи много несправедливаго, конечно, упреки Думѣ за ея медленность въ значительной мѣрѣ основаны на несовершенномъ знакомствѣ съ тѣми затрудненіями, въ которыхъ протекаетъ вся Думская работа; конечно, необходимо принимать въ разсчетъ и то, что подготовительная работа иногда требуетъ гораздо больше времени и труда, чѣмъ окончательное обсужденіе и рѣшеніе, а между тѣмъ результаты ея не видны. Тѣмъ не менѣе и проявляющееся нетерпѣніе имѣетъ свои основанія и съ нимъ нельзя не считаться. Весь народъ смотритъ на Думу, какъ на единственное средство установить хотя бы нѣкоторый порядокъ въ жизни, который бы могъ содѣйствовать ея оздоровленію. Только Дума до сихъ поръ не обманула этой надежды; всѣ же другія силы, какъ правительственныя, такъ и антиправительственныя, поглощенныя взаимной борьбой, только ухудшаютъ общее положеніе; таково по крайней мѣрѣ непосредственное впечатлѣніе средняго обывателя, составляющаго большинство населенія. Средній обыватель всегда и вездѣ относится пассивно къ политическимъ и соціальнымъ движеніямъ. Какъ бы онъ ни оцѣнивалъ ихъ и съ какимъ бы сочувствіемъ или антипатіей ни относился къ борющимся революціоннымъ или реакціоннымъ направленіямъ, во всякомъ случаѣ онъ чувствуетъ себя болѣе или менѣе въ положеніи китайца въ Манчжуріи во время русско-японской войны. Кто бы ни побѣждалъ, для него результатомъ и побѣды и пораженія того или другого противника была гибель и разореніе, хотя, можетъ быть, въ конечномъ результатѣ для манчжурскаго китайца побѣда японца и была пріятнѣе и выгоднѣе. И русскій обыватель помимо Думы не видитъ никакихъ признаковъ улучшенія ни общаго, ни своего личнаго положенія. Куда ни посмотришь, всюду видишь или произволъ и угнетеніе, или дикую борьбу. Казалось бы, въ борьбѣ долженъ быть источникъ жизни, источникъ прогресса: въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое,—говоритъ извѣстный девизъ соціалистовъ-революціонеровъ. Но вѣдь и борьба имѣетъ разныя формы. Бываетъ борьба героическая, поднимающая силы борцовъ на такую высоту, что въ моменты этого подъема они совершаютъ чудеса. Но такого подъема, промелькнувшаго передъ нами полтора года тому назадъ, сейчасъ нѣтъ. Остается вести борьбу холодную, медленную, систематически отвоевывая шагъ за шагомъ позиціи противника и укрѣпляя свои. Такая борьба можетъ вестись только такимъ организованнымъ учрежденіемъ, какъ Дума, при непремѣнномъ конечно условіи сочувствія къ ней и хотя бы моральной поддержки ея въ массѣ народа. Можно, конечно, говорить,

что Дума, какъ законодательное учрежденіе, не имѣетъ никакого практическаго значенія, такъ какъ права ея настолько ограничены, что изъ выработанныхъ ею законопроектовъ могутъ получить дѣйствительное осуществленіе лишь тѣ, съ которыми будетъ согласно правительство. Конечно, въ этомъ смыслѣ нельзя возлагать на Думское законодательство очень обширныхъ надеждъ. Несомнѣнно, что лишь немногое изъ того, что будетъ принято Думою, пройдетъ и черезъ Государственный Совѣтъ и будетъ санкціонировано Верховной Властью, но все же это немногое будетъ ступенью для дальнѣйшей борьбы въ томъ же направленіи, и эта борьба, въ которой будетъ морально участвовать весь народъ, съ одной стороны, будетъ все-таки двигать жизнь въ томъ направленіи, которое будетъ указано народными стремленіями, а съ другой, будетъ содѣйствовать и уясненію самихъ этихъ стремленій и организаціи вокругъ нихъ народныхъ силъ. Указываютъ на то, что непосредственной борьбой на почвѣ классовыхъ интересовъ можетъ быть достигнуто больше, при чемъ ссылаются на результаты, достигнутые рабочими. Дѣйствительно, за послѣднее время, отчасти благодаря собственному опыту, полученному въ практической борьбѣ, рабочій классъ значительно объединился и сорганизовался; но признавая вполнѣ этотъ достигнутый имъ успѣхъ, нельзя все-таки не видѣть, что условія дальнѣйшей борьбы крайне для него неблагопріятны; еще болѣе неблагопріятны они для крестьянства и для разрѣшенія аграрнаго вопроса. Если Дума хотя нѣсколько повліяетъ на измѣненіе этихъ условій къ лучшему, то она избавитъ населеніе отъ безчисленныхъ несчастій. Къ какимъ тяжелымъ положеніямъ можетъ приводить населеніе экономическая борьба въ существующихъ условіяхъ можно видѣть на примѣрѣ того, что происходило и до сихъ поръ происходитъ въ Лодзи. Тамъ, какъ извѣстно, еще въ концѣ прошлаго ноября организовался локаутъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, поставившій своею цѣлью борьбу съ требованіями рабочихъ. Слѣдствіемъ закрытія фабрикъ членами союза объединившихся фабрикантовъ было то, что на улицу было выброшено свыше полутораста тысячъ человѣкъ. Нѣкоторое время рабочіе стойко держались, получая поддержку отчасти и изъ другихъ мѣстъ; но скоро менѣе стойкіе элементы стали отпадать; и тогда на общемъ фонѣ экономической борьбы рабочихъ съ предпринимателями началась внутренняя партійная борьба между самими рабочими, къ которой скоро присоединилась язва разбойничества. Начались массовыя убійства, стрѣльба на улицахъ, въ которой невозможно даже было разобрать, кто кого и за что убиваетъ. Бывали дни, когда убивалось болѣе двадцати человѣкъ. Жертвами были лишь немногіе полицейскіе служители, большею же частію страдали рабочіе и простые обыватели. Трудно съ точностію сказать, насколько именно въ развитіи убійствъ играли роль партійныя несогласія; нѣкоторыя изъ убійствъ несомнѣнно были актами мести противъ нарушителей партійной дисциплины, соглашавшихся на требованія хозяевъ. Но вина за нихъ должна быть возложена не и партійныхъ руководителей, которые неоднократно обращались къ рабочимъ

съ воззваніями, направленными противъ убійствъ. Мало того, соціалистическія партіи приглашали даже рабочихъ фабрики Познанскаго снова стать на работу. Скорѣе продолжающіяся убійства должны быть объяснены дезорганизаціей рабочихъ вслѣдствіе ухода ихъ съ фабрикъ, отчаяннымъ матеріальнымъ положеніемъ ихъ, гибельно дѣйствующимъ и на психику рабочихъ массъ и потерей руководящими партіями доли своего вліянія на эти массы, изъ которыхъ многія отдѣльныя личности были поглощены подонками городского населенія, въ средѣ которыхъ и ранѣе убійства и грабежи были обыденнымъ явленіемъ. И теперь главнымъ театромъ кровавыхъ событій является предмѣстіе Лодзи, такъ наз. Балуты, гдѣ сосредоточиваются наименѣе культурные элементы рабочаго класса, въ томъ числѣ и профессіональные воры. Пока была сильна организація рабочихъ, она сдерживала эти элементы, когда же подъ вліяніемъ локаута она ослабѣла, то наоборотъ, эти общественные отбросы стали организовываться подъ видомъ будто бы антиреволюціонной боевой дружины. Администрація и полиція, конечно, этому не препятствовали, а когда на улицахъ начиналась перестрѣлка, или вооруженные люди врывались въ дома и лавки, то полицейскіе начинали зря стрѣлять вдоль улицъ и съ своей стороны убивали и ранили ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Всѣми этими безпорядками воспользовалось католическое духовенство для травли новой появившейся въ средѣ католиковъ болѣе свободомыслящей секты маріавитовъ, а разныя другія темныя силы для травли евреевъ, съ прямымъ разсчетомъ на устройство еврейскихъ погромовъ, къ которымъ и призывали населеніе вмѣстѣ съ призывомъ къ истребленію соціалистовъ ходившія по городу прокламаціи. Въ послѣднее время, когда локаутъ, за подчиненіемъ рабочихъ, прекратился и рабочіе стали возвращаться на фабрики, спокойствіе все же не наступило, отчасти вслѣдствіе того, что самыя работы сразу еще не налаживаются, и нѣкоторая часть рабочихъ не находитъ приложенія своему труду, частію же вслѣдствіе того, что разстроенная рабочая организація не имѣетъ силы бороться противъ элементовъ, производящихъ погромъ и убійства. Недавно вооруженными ворами въ числѣ двѣнадцати человѣкъ были убиты пятеро членовъ боевой дружины польской соціалистической партіи, намѣревавшіеся отобрать у воровъ шелковую пряжу, украденную на фабрикѣ Мака. Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ приводятъ тѣ условія, въ которыя въ настоящее время поставлены рабочіе, когда они предоставлены собственнымъ своимъ силамъ. Еще хуже иногда бываетъ, когда правительство само активно вмѣшивается въ отно-
ленія между представителями капитала и труда, какъ это было напр. въ
ку. Тамъ произошла забастовка судорабочихъ, принявшая очень боль-
ie размѣры и очень важная въ торгово-промышленномъ отношеніи, такъ
къ три четверти всего количества нефтяныхъ продуктовъ, отпускаемыхъ
ь Баку, этого мірового центра нефтянаго производства, вывозится мо-
мъ на судахъ. Говорятъ, что значительная часть предпринимателей го-
ва была идти на уступки требованіямъ рабочихъ, но противъ этого были

наиболѣе крупныя фирмы, обладающія своими судами и пароходами. Вмѣсто того чтобы попытаться разрѣшить споръ путемъ примирительнаго соглашенія представители этихъ крупныхъ фирмъ обратились въ петербургскія министерства съ жалобами на «слабость власти» и на отсутствіе правительственныхъ мѣропріятій для обузданія рабочихъ. Разумѣется, всѣ эти жалобы и просьбы по нынѣшнему времени охотно выслушивались, хотя для вмѣшательства правительства не было никакого основанія, такъ какъ забастовка протекала совершенно мирно безъ всякаго проявленія насилія. Весьма вѣроятно, что конфликтъ въ концѣ концовъ разрѣшился бы мирнымъ образомъ путемъ взаимныхъ уступокъ и для этого были достаточныя данныя. Со стороны судовладѣльцевъ уступки вызывались требованіями момента, такъ какъ на нефтяные продукты съ весны начиналось требованіе по всей Волгѣ; поэтому локаутъ подобный лодзинскому въ Баку былъ невозможенъ; но и рабочіе со своей стороны находились въ крайне стѣсненномъ положеніи и по всей вѣроятности пошли бы на уступки. Но въ Петербургѣ рѣшили, что нельзя предоставить дѣло его естественному теченію, а нужно правительству встать на защиту интересовъ предпринимателей. Для этого не нашли ничего лучше, какъ командировать въ Баку командира корпуса жандармовъ генерала Таубе съ диктаторскими полномочіями, какъ будто дѣло шло не о мирной забастовкѣ, а по крайней мѣрѣ о вооруженномъ возстаніи. Цѣль посылки генерала Таубе,—какъ сообщаетъ «Освѣдомительное бюро»—«немедленное возстановленіе спокойствія (котораго никто не нарушалъ), а равно и изслѣдованіе ближайшихъ поводовъ къ возникновенію и развитію забастовки». Уже одна редакція этой фразы звучитъ довольно странно: сначала усмирить, а потомъ изслѣдовать. Затѣмъ, если еще съ извѣстной точки зрѣнія можно понять, что жандармскому генералу поручается «немедленно возстановить спокойствіе», то уже со всякихъ точекъ зрѣнія странно поручать ему изслѣдованіе причинъ забастовки, которая даже по офиціознымъ свѣдѣніямъ носила чисто экономическій характеръ. Но эта странность объясняется безъ сомнѣнія тѣмъ, что ближайшимъ поводомъ забастовки, какъ и всякаго другого общественнаго явленія, представляющаго собою симптомъ протеста или борьбы, по бюрократическому пониманію, можетъ быть не что иное, какъ подговоръ или пропаганда какихъ-нибудь агитаторовъ; дальше этого въ объясненіи причинъ соціальныхъ явленій чиновничья мысль не идетъ; а всякіе подговоры и агитаторы представляютъ собою какъ разъ сферу, наиболѣе подходящую для «изслѣдованія» жандармскихъ генераловъ. Для этого изслѣдованія предполагаются и соотвѣтствующіе методы, и генералъ Таубе уполномочивался дѣлить отданную на его усмотрѣніе мѣстность на военные районы, съ отдачей каждаго района во власть назначенныхъ имъ воинскихъ начальниковъ, учреждать особыя военно-полевыя команды въ помощь полиціи, передавать дѣла о преступленіяхъ военному суду, устранять отъ должности чиновниковъ, высылать кого и куда сочтетъ нужнымъ, запрещать собранія, пріостанавливать газеты, закрывать промышленныя и

торговыя предпріятія; однимъ словомъ, всякій нормальный ходъ жизни отмѣнялся и замѣнялся личнымъ произволомъ жандармскаго генерала. И генералъ Таубе счелъ возможнымъ и нужнымъ использовать на дѣлѣ свои полномочія. Прибывши на мѣсто и переждавши нѣсколько времени, онъ нашелъ, что переговоры длились достаточно и поэтому объявилъ: «мною были приложены всевозможныя усилія для достиженія соглашенія между судовладѣльцами и рабочими съ цѣлью улучшенія быта послѣднихъ. Результатъ, достигнутый цѣною весьма серьезныхъ жертвъ со стороны судовладѣльцевъ, я признаю удовлетворительнымъ и обезпечивающимъ существованіе судовыхъ командъ. Находя вслѣдствіе этого дальнѣйшее веденіе переговоровъ безполезной тратой времени... и въ виду Высочайшаго указа отъ 10 апрѣля 1906 г., согласно коему забастовка судовыхъ служащихъ и рабочихъ является преступленіемъ, я, на основаніи предоставленной мнѣ власти, объявляю..... обязательныя постановленія». Такъ просто разрѣшаются всякіе сложные экономическіе вопросы и устраняются всѣ противоположности интересовъ. Генералъ Таубе нашелъ, что все устроилось прекрасно, а если кто изъ заинтересованныхъ лицъ съ этимъ будетъ не согласенъ, то подвергается или тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ, или штрафу до 3000 рублей, или высылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста. Для произведенія большаго впечатлѣнія на населеніе это объявленіе сопровождается военными демонстраціями, передвиженіями пѣхоты, артиллеріи и казаковъ. Все это естественно производитъ въ городѣ вмѣсто успокоенія тревогу. Столь же успокоительно дѣйствуетъ, конечно, запрещеніе газетамъ давать какія-либо свѣдѣнія о забастовкѣ. Къ экономической забастовкѣ судовыхъ рабочихъ, приходившей уже къ концу безъ всякихъ военныхъ мѣропріятій, присоединяется общая политическая забастовка; остановилась вся торговая и промышленная жизнь въ городѣ; забастовали рабочіе всѣхъ промысловъ и заводовъ, закрылись магазины, перестала ходить конка. Начались и террористическія дѣйствія, правильно или нѣтъ приписываемыя судовымъ командамъ. 1 мая тяжело раненъ неизвѣстно кѣмъ произведеннымъ выстрѣломъ командиръ одного изъ пароходовъ Восточнаго общества Воронинъ. Генералъ Таубе, совершивъ свою миссію, возвратился въ Петербургъ, но въ правительственныхъ сферахъ докладъ его по слухамъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе, такъ какъ онъ не достигъ тѣхъ результатовъ, которые отъ него ожидались. Мы привели эти два примѣра, для того, чтобы на нихъ показать, что какъ при пассивномъ, такъ и при активномъ отношеніи правительства къ столкновеніямъ, возникающимъ на почвѣ борьбы капитала съ трудомъ, правительственная власть, становясь на сторону перваго, мѣшаетъ установленію какихъ-либо правильныхъ отношеній между ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сколько-нибудь прочному улучшенію положенія рабочихъ. Происходитъ это не только отъ отсутствія безпристрастія по отношенію къ спорящимъ сторонамъ, но еще чаще отъ отсутствія пониманія условій, въ которыхъ возможно хотя бы фактическое разрѣшеніе задачъ такого рода. Пока экономическая борьба бу-

детъ вестись въ этой атмосферѣ безправія и произвола, которая проникаетъ въ настоящее время всю русскую жизнь, и при той системѣ рѣшенія самыхъ сложныхъ соціальныхъ вопросовъ посредствомъ военной команды, ближайшимъ примѣромъ которой служатъ дѣйствія генерала Таубе, до тѣхъ поръ въ классовой экономической борьбѣ будетъ безплодно теряться масса силъ, гибнуть масса жизней и понижаться общій уровень культуры. Дать возможность вести эту борьбу на легальной почвѣ, въ условіяхъ, равныхъ для обѣихъ сторонъ, было бы одною изъ важнѣйшихъ задачъ народнаго представительства. Если Дума сама не разрѣшитъ рабочаго вопроса, если рабочій классъ долженъ стремиться къ его разрѣшенію собственными усиліями, то она можетъ снять съ его пути тѣ лишнія препятствія, которыя даже не лежатъ въ существѣ дѣла, а загромождаютъ его совершенно внѣшнимъ образомъ. Снятіемъ этихъ внѣшнихъ препятствій во всякомъ случаѣ много убавится горя и страданій, совершенно не нужныхъ для достиженія окончательнаго результата. А этихъ страданій много и теперь, много предвидится и впереди, такъ какъ разъ начавшаяся экономическая борьба, конечно, не можетъ прекратиться ни сама по себѣ, ни еще менѣе подъ вліяніемъ правительственныхъ репрессій. Самосознаніе рабочаго класса растетъ, растетъ и его солидарность. Экономическія стачки сдѣлались совершенно обыденнымъ явленіемъ. Недавно была забастовка въ Керчи, сопровождавшаяся столкновеніемъ, лишь благодаря случайности обошедшимся безъ кровавыхъ жертвъ. Восемьсотъ портовыхъ рабочихъ пытались снять съ работы артель агентства русскаго общества. Когда рабочіе агентства отказались прекратить работу, то сдѣлана была попытка принудить ихъ къ этому насильно. Тогда городовые разогнали толпу выстрѣлами изъ револьверовъ; къ счастію, никто не былъ раненъ. Въ Кіевѣ въ началѣ апрѣля была забастовка извозчиковъ, жаловавшихся на притѣсненія и взяточничество полиціи и добивавшихся уменьшенія установленнаго городской управой промысловаго налога и легализаціи учрежденнаго ими союза. Слѣдствіемъ былъ арестъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Нѣкоторые забастовки явились отраженіемъ Бакинской. Такъ, правленіе нефтяныхъ Нобелевскихъ складовъ въ Москвѣ объявило своимъ возчикамъ, что они будутъ разсчитаны, такъ какъ вслѣдствіе бакинской забастовки произошли пріостановки въ дѣлахъ. Тогда возчики тотчасъ же прекратили доставку нефти на дома, чѣмъ поставили правленіе въ необходимость нарушить контракты о доставкѣ. До сихъ поръ наиболѣе удачными для рабочихъ были забастовки въ области печатнаго дѣла. Бывшая въ апрѣлѣ въ Москвѣ забастовка окончилась, какъ извѣстно, рѣшеніемъ, бывшаго подъ предсѣдательствомъ М. М. Ковалевскаго, третейскаго суда, признавшаго большую часть требованій рабочихъ. Послѣ того въ серединѣ апрѣля въ Петербургѣ состоялась конференція союзовъ рабочихъ печатнаго дѣла, въ которой участвовали 71 депутатъ, бывшіе представителями около 57.000 рабочихъ. Почти всѣ они или принадлежатъ къ соціалистическимъ партіямъ, или къ сочувствующимъ этимъ партіямъ

Конференція постановила учредить центральный совѣтъ, установить восьмичасовой рабочій день и вмѣсто сдѣльной—плату по часамъ, допустить сверхурочныя работы не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю и установить обязательный воскресный отдыхъ. Признано необходимымъ направить всѣ усилія къ проведенію по всѣмъ областямъ минимума заработной платы; для разрѣшенія столкновеній съ предпринимателями признаны желательными камеры соглашенія, рѣшенія которыхъ однако не должны считаться обязательными, а передаваться на утвержденіе мѣстныхъ союзовъ. Третейскіе суды могутъ быть допущены лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы привлечь на сторону стачечниковъ общественное мнѣніе. Наконецъ,—что весьма интересно,—конференція рекомендовала рабочимъ печатнаго дѣла сорганизоваться вокругъ представителей рабочаго класса въ Думѣ. Солидарность рабочаго класса и трудныя условія, въ которыя онъ поставленъ вслѣдствіе подозрительнаго и недоброжелательнаго отношенія къ нему правительства и правящихъ классовъ, особенно ясно выразились во время празднованія 1-го мая. Въ Петербургѣ въ этотъ день не работали 236 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ числится 93.000 рабочихъ, т.-е. около половины всѣхъ Петербургскихъ рабочихъ, въ томъ числѣ почти всѣ типографіи; на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ работы производились, но или не при полномъ числѣ рабочихъ, или не весь день. Никакихъ безпорядковъ не предполагалось; тѣмъ не менѣе всюду на окраинахъ города и въ фабричныхъ районахъ собраны были усиленные наряды полиціи, жандармовъ и войскъ. Полиція всюду «разсѣивала» всякія собранія рабочихъ, принимавшія митинговый характеръ. Вслѣдствіе мирнаго настроенія рабочихъ, которые по требованію полиціи расходились, столкновеній почти не было. Только по дорогѣ въ Лѣсное произошла перестрѣлка между разъѣздомъ конныхъ городовыхъ и небольшой толпой рабочихъ, которую городовые сочли нужнымъ разгонять и преслѣдовать. При этомъ съ обѣихъ сторонъ были раненые. Въ Москвѣ большинство крупныхъ фабрикъ и заводовъ не работало, а также и почти всѣ типографіи; но въ общемъ день прошелъ спокойно, кромѣ столкновенія въ Сокольникахъ, гдѣ полиція разгоняла митингъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ были выстрѣлы, и нѣкоторые изъ рабочихъ ранены; нѣсколько человѣкъ было арестовано. Приблизительно то же происходило и въ другихъ городахъ: въ однихъ изъ нихъ бастовала большая часть фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ въ Одессѣ, Ригѣ, Астрахани, Архангельскѣ, Елисаветградѣ, Костромѣ, Либавѣ; въ другихъ городахъ, какъ напр. въ Кіевѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, были только частичныя забастовки. Въ Двинскѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Казани, Калугѣ, Тулѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ работы совсѣмъ не прекращались. Но и тамъ, гдѣ были забастовки, большею частію все проходило спокойно, кромѣ случаевъ, когда полиція принималась разгонять мирныя собранія и митинги. Въ Воронежѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Черниговѣ было произведено много арестовъ, такъ сказать, предупредительныхъ.

Никакихъ столкновеній и никакой стрѣльбы, конечно, не было бы, если-бы администрація и полиція могла себѣ представить не поддающуюся его пониманію возможность допустить свободное собраніе рабочихъ. Таковы условія, въ которыхъ долженъ разрѣшаться рабочій вопросъ внѣ думскаго законодательства, силами самихъ рабочихъ. Преслѣдованію подвергаются не только самостоятельныя попытки самихъ рабочихъ къ улучшенію своего положенія. Та политическая партія, которая по преимуществу ставитъ своею задачею разрѣшеніе рабочаго вопроса и которая—думаемъ по недоразумѣнію—возражаетъ противъ всякихъ надеждъ въ этомъ дѣлѣ на Думу,—партія соціалъ-демократовъ при существующемъ положеніи вещей тоже оказывается поставленной внѣ закона всюду, кромѣ Думы. Когда она хотѣла собраться для совершенно мирнаго обсужденія своихъ будущихъ дѣйствій, то оказалось, что такое собраніе невозможно не только въ Россіи, но даже въ Даніи и Норвегіи, которымъ очевидно русскимъ правительствомъ было внушено не допускать съѣзда русскихъ соціалъ-демократовъ. Хорошо, что есть на свѣтѣ Англія, свободная страна и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественное государство, которое не боится сторонникъ угрозъ. Зато появились слухи о намѣреніи властей арестовать на границѣ всѣхъ участниковъ съѣзда, говорятъ даже не исключая и депутатовъ. И опять, слѣдовательно, будутъ непроизводительныя потери и лишнія страданія благодаря тому, что существующій режимъ не въ состояніи понять того, что если даже соціалъ-демократическое ученіе ошибочно, — мы тоже вовсе не признаемъ его идеально истиннымъ,—то для уясненія его ошибочности лучшимъ средствомъ было-бы предоставить ему совершенно свободно высказаться. Загонять всякую оппозицію въ подполье и превращать ее въ конспирацію въ сущности невыгодно для правительства, но нельзя однако не видѣть, что это невыгодно и для самой оппозиціи, поскольку цѣлью ея является распространеніе своихъ политическихъ убѣжденій и пріобрѣтеніе имъ сочувствія въ народѣ. То, что мы говоримъ о рабочемъ вопросѣ, еще въ большей степени можетъ быть примѣнено и къ аграрному вопросу. Тутъ, можно сказать, не можетъ быть и рѣчи о самостоятельномъ разрѣшеніи его помимо законодательнаго собранія, ибо въ этомъ случаѣ у крестьянъ нѣтъ даже и той сознательной солидарности, какая до извѣстной степени существуетъ между рабочими. Правда, есть другого рода солидарность, стихійная, представляющая собою большую силу, но силу, могущую что-либо создать лишь при условіи, если она будетъ организована и цѣлесообразно направлена, а въ противномъ случаѣ способную только къ разрушенію, и даже не только къ разрушенію того, что будетъ противостоять на ея пути, но и къ саморазрушенію. Всѣ наши, такъ называемые аграрные безпорядки, какъ бы они ни были распространены одно время, все же составляютъ совершенно отрывочныя явленія, не объединенныя общимъ соглашеніемъ, не систематизированныя, а потому при всей своей стихійности не представляющія даже такого общаго явленія, какъ Пугачевщина, съ которой ихъ

часто сравниваютъ; это лишь повторныя явленія, происходящія приблизительно по одному шаблону: захватъ помѣщичьей земли, рубка помѣщичьяго лѣса, нерѣдко разгромъ, поджогъ и грабежъ помѣщичьихъ усадьбъ, очень рѣдко насилія надъ личностью помѣщиковъ или управляющихъ; за тѣмъ являются стражники, казаки, войска; начинается такъ называемое усмиреніе: избіеніе и сѣченіе, насилія надъ виновными и невиновными, отбираніе того, что было взято у помѣщиковъ и почти всегда грабежъ и разореніе и собственнаго крестьянскаго имущества, и почти всегда отсутствіе какого бы то ни было сопротивленія, колѣнопреклоненная встрѣча губернатора, выдача зачинщиковъ и въ крайнемъ случаѣ убѣганіе въ лѣса. Въ результатѣ получается и матеріальное разореніе, и нравственное угнетеніе, и безпросвѣтная злоба, но злоба безсильная. Если ожиданіе результата аграрной работы Думы способствуютъ по мѣстнымъ свѣдѣніямъ пріостановленію такихъ самостоятельныхъ аграрныхъ выступленій крестьянства, то уже одно это составляетъ заслугу Думы, т.-е. самаго факта ея существованія, независимо даже отъ того, какіе аграрные законопроекты будутъ ею приняты. Конечно, если правительство полагаетъ, что аграрные безпорядки пріостановились вслѣдствіе проявленія имъ «твердой власти» и жестокости репрессій и что этими же средствами оно удержитъ и дальнѣйшее ихъ развитіе и въ томъ случаѣ, если Думскіе аграрные проекты не будутъ приведены въ исполненіе, то оно глубоко ошибается; и пожалуй на этомъ вопросѣ оно рискуетъ больше, чѣмъ на какомъ-нибудь другомъ. Но если бы слѣпота правительства или его реакціонно-помѣщичьихъ совѣтниковъ заставила бы его пойти по пути отказа отъ радикальныхъ аграрныхъ реформъ и примѣненія полицейскихъ и военныхъ репрессій, то это было-бы величайшимъ несчастіемъ, чѣмъ бы ни кончилась борьба, потому что ни при какой борьбѣ не было бы столько слезъ и крови, столько горя и страданій, ни одна бы не довела русскій народъ до такого истощенія физическаго и нравственнаго. А это можетъ случиться, потому что на благоразуміе правительства въ этомъ случаѣ трудно разсчитывать; съ другой стороны, и огонь аграрнаго движенія не потушенъ, а тлѣетъ подъ пепломъ. За послѣднее время изъ разныхъ сторонъ Россіи стали приходить сообщенія объ аграрныхъ безпорядкахъ. Такъ, изъ Рязани недавно были получены извѣстія отъ страховыхъ агентовъ о томъ, что въ разныхъ мѣстахъ губерніи горятъ усадьбы; помѣщики покидаютъ ихъ и перебираются въ города, бросая хозяйство и инвентарь. Рядъ пожаровъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, объясняемыхъ умышленными поджогами, происходилъ этимъ временемъ также въ Чернскомъ и Епифанскомъ уѣздахъ Тульской губерніи. Въ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда сожжена усадьба при селѣ Ропачевѣ, будто-бы подъ вліяніемъ пріѣзжихъ агитаторовъ, которые однако скрылись, а арестовано 11 мѣстныхъ крестьянъ. Въ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, крестьяне деревни Бангровки распахали и засѣяли землю помѣщика Татаринцева; въ той же губерніи очень много рубится казеннаго и частнаго лѣса. Извѣ-

стія о крупныхъ порубкахъ приходятъ и изъ многихъ другихъ губерній. Въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи помѣщикъ Березовскій отказалъ крестьянамъ деревни Зарожанъ въ арендѣ; тогда крестьяне самовольно захватили землю и приступили къ вспашкѣ. На мѣсто происшествія прибылъ губернаторъ Харузинъ съ драгунами. Тотъ же бессарабскій губернаторъ доносилъ въ департаментъ полиціи, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ Оргѣевскаго уѣзда крестьяне приступили къ запашкѣ и посѣву на помѣщичьей землѣ; въ селѣ Ниспоренахъ крестьяне для своихъ работъ взяли и помѣщичій инвентарь. Туда тоже посланы драгуны. Что и тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ самовольныхъ или насильственныхъ дѣйствій въ аграрной сферѣ, крестьянину - земледѣльцу живется тяжело, доказывается усиленіемъ переселенческаго движенія. Офиціальное сообщеніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» констатируетъ, что переселенческое движеніе 1906 года превысило размѣры всѣхъ предшествующихъ лѣтъ и хотя началось лишь въ концѣ марта, послѣ возстановленія дѣйствія переселенческаго тарифа, тѣмъ не менѣе къ концу года достигло 220 тысячъ душъ обоего пола. На усиленіе переселенія повліяли, по словамъ сообщенія, задержка предшествующихъ лѣтъ и законъ 6 іюня 1904 года, объявившій переселеніе вполнѣ свободнымъ. Въ текущемъ году черезъ Челябинскъ прослѣдовали въ Сибирь 117,120 человѣкъ. Но какъ ни велико переселенческое движеніе, которому въ настоящее время правительство покровительствуетъ, такъ какъ оно представляетъ нѣкоторый палліативъ противъ малоземелья, тѣмъ не менѣе оно не можетъ удовлетворить земельной нужды и не предотвратитъ аграрныхъ требованій. Весь вопросъ теперь только въ томъ, будутъ ли удовлетворены эти требованія путемъ мирной и хотя трудной, но выполнимой реформы, или же путемъ потрясеній, могущихъ поставить государство на край гибели. Здѣсь опять нельзя не повторить, что только Дума имѣетъ нѣкоторые шансы провести аграрную реформу безъ такихъ потрясеній. Опасность ихъ заключается не въ ихъ революціонности. Сильный организмъ можетъ перенести такія энергическіе методы лѣченія, которые не примѣнимы къ болѣе слабому. Но можно ли считать не только государственный, но и народный организмъ Россіи въ настоящее время настолько сильнымъ, чтобы для нея не страшенъ былъ рискъ никакихъ потрясеній,—не рискъ революціи въ смыслѣ переворота, замѣны стараго новымъ, но рискъ остаться безъ стараго и безъ новаго, придти къ полному разложенію и безсилію, однимъ словомъ, повторить во всемъ государствѣ то, что мы видѣли въ Лодзи. Прежде всего, сравнивая себя съ другими народами, переходившими черезъ крутые переворотъ, мы должны констатировать нашу матеріальную бѣдность. Это очень важное обстоятельство: бѣдность ведетъ къ матеріальной и моральной слабости. Когда масса населенія живетъ въ проголодь, когда ежегодно чуть не половина Россіи должна кормиться на государственный счетъ тогда есть полная вѣроятность, что народъ будетъ доведенъ до отчаянія и способенъ кинуться на какія угодно дѣйствія; но очень мало вѣро

ятности, чтобы у него оказалось достаточно энергіи, чтобы выдержать упорную, систематическую борьбу для улучшенія своего положенія. Между тѣмъ статистика говоритъ слѣдующее (Докладъ С. Н. Прокоповича въ Вольно-экономическомъ обществѣ): Годовой доходъ на душу населенія въ Америкѣ 346 руб., въ Англіи 273 руб., во Франціи 233 руб., въ Германіи 184 руб., наконецъ, въ такихъ сравнительно мало культурныхъ странахъ, какъ Сербія и Болгарія, 101 руб., а въ Россіи 63 руб. Такимъ образомъ американецъ почти въ шесть разъ богаче русскаго, англичанинъ въ четыре раза, нѣмецъ въ три и даже сербъ и болгаринъ въ полтора раза. Это значитъ, что каждый изъ нихъ во столько же разъ больше имѣетъ возможности и поддерживать свои матеріальныя силы, и, отвлекая свое вниманіе отъ чисто животныхъ потребностей, направлять его на развитіе своихъ духовныхъ силъ; наконецъ, каждый изъ нихъ больше чѣмъ русскій можетъ откладывать про запасъ на черный день, или на то время, когда требуется временное усиленіе матеріальной и моральной энергіи. Онъ можетъ поэтому позволить себѣ и нѣкоторую растрату этой энергіи въ разсчетѣ на достиженіе такихъ условій, которыя дадутъ возможность снова возобновить и усилить ее. У насъ это гораздо труднѣе и опаснѣе. Малѣйшая излишняя растрата матеріальной и моральной энергіи можетъ повести у насъ къ величайшимъ бѣдствіямъ. Физическое вырожденіе русскаго народа уже не разъ было констатировано и указанія на него было сдѣланы не далѣе какъ на окончившемся на-дняхъ въ Москвѣ Пироговскомъ съѣздѣ. Но возможно и нравственное вырожденіе, и для него есть очень много условій въ русской жизни, особенно въ нашемъ безправіи и отсутствіи всякой законности, которое входитъ въ общественныя привычки. Противовѣсомъ этому служитъ пока та масса энергіи, тотъ подъемъ духа въ народѣ, которыя явились результатомъ освободительнаго движенія послѣднихъ лѣтъ. Но надолго ли ихъ хватитъ? Во всякомъ случаѣ необходимо беречь народныя силы, а для этого беречь и Думу, дающую нѣкоторую возможность направить эти силы по сравнительно торному пути.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Бельгія.

Въ исторіи европейской политической свободы и представительныхъ учрежденій Бельгія занимаетъ мѣсто далеко не пропорціональное ея незначительной территоріи.

Бельгійская конституція 1830 г., подобно французской 1791 года и хартіи 1814 г., имѣетъ огромное значеніе для всей конституціонной исторіи Западной Европы, бо́льшія или меньшія заимствованія изъ нея мы найдемъ и въ Германіи, и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ ней, казалось, рѣшенъ вопросъ о возможности сосуществованія монархической власти и началъ народнаго суверенитета, широкой политической отвѣтственности министровъ и широкаго обезпеченія правъ гражданъ. Когда время и ростъ политическаго вѣса широкихъ классовъ, ростъ рабочаго движенія нарушилъ традиціонное равновѣсіе политическаго механизма Бельгіи и выдвинутъ былъ вопросъ о реформѣ избирательнаго права, то и здѣсь рѣшеніе, данное ему Бельгіей, пріобрѣло интересъ общеевропейскій. И не только учрежденія, но и стоящія за ними партіи и группы, стоящіе за ними соціальные процессы заставляютъ видѣть въ Бельгіи одну изъ странъ, наиболѣе достойныхъ вниманія тѣхъ, кто хотѣлъ бы познать движущія причины современныхъ политическихъ и соціальныхъ конъюнктуръ, а можетъ быть намѣтить линіи грядущаго развитія западно-европейскихъ народовъ.

Въ настоящее время мы не можемъ говорить о кризисѣ, но бельгійская политическая жизнь подвергается интересной трансформаціи. Система управленія страной, какъ она установилась во время господства католической партіи, начиная съ 1884 г., показываетъ очевидные признаки внутренняго разложенія; событія послѣднихъ мѣсяцевъ здѣсь являются достаточно характернымъ симптомомъ.

Выборы прошлаго года не разрушили католическаго большинства, которое неизмѣнно держится со времени выборовъ 1884 г., когда бельгійскій либерализмъ потерпѣлъ такое тяжкое пораженіе, но они его ослабили. Оппозиція выиграла у католиковъ 4 депутатскихъ мѣста, перевѣсъ послѣднихъ вмѣсто 20 голосовъ ограничивался теперь 12. Но важнѣе этого количественнаго ослабленія была качественная перемѣна: нѣкоторые изъ

вновь выбранныхъ представителей правой, на мѣсто духа дисциплины и послушанія, отличавшаго ихъ предшественниковъ, принесли стремленіе къ сепаратизму и увеличили ту группу правыхъ, которая подъ руководствомъ Бернарта и Верхагена уже давно ведетъ осторожную, мало замѣтную для поверхностнаго наблюдателя, но упорную и неизмѣнную борьбу. Это такъ называемая «молодая правая» (jeune droite), которая стремится внести существенныя поправки въ чрезмѣрно консервативную программу и тактику правящей партіи и даже не отказывается отъ болѣе или менѣе прочныхъ соглашеній съ либералами. Либеральный *Journal de Mons* прямо возвѣщалъ чуть ли не распаденіе партіи бельгійскихъ католиковъ. Несомнѣнно, что среди нихъ не мало различныхъ политическихъ и соціальныхъ оттѣнковъ.

Въ 1884 г. католическій міръ объединился на борьбѣ противъ либераловъ, въ особенности противъ ихъ школьной политики, и на этой благодарной почвѣ можно было дѣйствительно достигнуть общей солидарности. Но по мѣрѣ того, какъ на очереди ставились вопросы о демократизаціи избирательнаго права, о дальнѣйшемъ урегулированіи между капиталомъ и трудомъ, наконецъ, вопросы государственнаго хозяйства и отношенія Бельгіи къ столь своеобразно связанному съ ней государству Конго—эта конфессіональная основа партіи оказывалась недостаточной. Это уже сказалось и раньше, когда создалась такъ называемая партія христіанской демократіи, съ аббатомъ Дансомъ во главѣ—партія, развивавшая программу христіанскаго соціализма и безъ сомнѣнія по своимъ практическимъ стремленіямъ стоящая ближе къ Ансееле и Вандервельде, чѣмъ къ Вусту и другимъ ортодоксальнымъ католикамъ-консерваторамъ. Правда, аббатъ Дансъ, повидимому, подъ давленіемъ изъ Рима недавно отказался отъ своихъ заблужденій, но его партія не послѣдовала за нимъ, а, напротивъ, отреклась отъ него, такъ что прекращеніе «схизмы» все-таки не послѣдовало.

Что касается до бельгійскихъ либераловъ, то безъ сомнѣнія эти люди многому научились со времени 1884 г. Традиціи классическаго либерализма Рожье и Фреръ Орбана, которыя были слишкомъ близки къ міросозерцанію Гизо и вообще правящихъ французскихъ круговъ іюльской монархіи—традиціи «цензоваго либерализма» оказывались безсильными въ новой обостряющейся борьбѣ народныхъ элементовъ; старому либерализму предстояло какъ бы быть раздавленымъ между надвигающимся соціализмомъ и католическимъ консерватизмомъ, который въ дѣлѣ охраны существующаго порядка внушаетъ себѣ гораздо болѣе довѣрія. Образовалось радикальное крыло партіи, которое передъ реформой 1893 г. отстаивало всеобщее избирательное право, а въ настоящее время готово бороться за переходъ отъ дѣйствующаго vote plural (при немъ одинъ избиратель, обладающій благопріятными цензовыми, имущественными и семейными условіями, можетъ получить 2 и 3 голоса) къ равенству избирательныхъ правъ. Необходимость борьбы съ клерикалами заставляетъ иногда вступать въ сношенія и дѣйствовать совмѣстно съ соціалистами, что привело бы въ ужасъ Фреръ-Орбана.

Пишущему эти строки пришлось весной 1903 г. присутствовать при конгрессѣ либеральной партіи въ Брюсселѣ; слушая эти рѣчи, гдѣ говорилось о необходимости идти по пути широкой политической демократизаціи въ соціальныхъ реформахъ, о необходимости совмѣстныхъ усилій для побѣды надъ общимъ врагомъ, клерикализмомъ, для спасенія подрастающихъ поколѣній отъ католической тираніи, можно было себя представить на конгрессѣ французскихъ радикалъ-соціалистовъ. Высказывалось много такого, что является въ глазахъ *Independance Belge* или *Temps* несомнѣнной ересью. И это движеніе среди бельгійскихъ либеральныхъ группъ все продолжается.

Остается третья изъ главныхъ бельгійскихъ партій—соціалистическая. Бельгійскій соціализмъ не даромъ получилъ имя интегральнаго, въ немъ политическая борьба занимаетъ не меньшее мѣсто, чѣмъ у нѣмецкой-соціалъ-демократіи, но рядомъ съ этимъ могущественно развилось кооперативное движеніе, а также особый интересъ къ муниципальной политикѣ, наконецъ, ему не чужды настроенія въ пользу «прямого дѣйствія» (action directe),—настроенія типа анархическаго. Очевидно, при такомъ разнообразіи внутреннихъ теченій въ бельгійской соціалистической партіи не можетъ быть господства замкнутаго догматизма. Внутри ея также замѣчается достаточно много партій. Среди представителей рабочихъ синдикатовъ за послѣднее время замѣтно стремленіе эмансипироваться отъ контроля партій; это особенно замѣтно сказалось на послѣднемъ конгрессѣ синдикальныхъ организацій. Въ самой программѣ дѣятельности этихъ организацій характернымъ образомъ возражали противъ словъ объ освобожденіи рабочихъ путемъ классовой борьбы: терминъ «классовой борьбы» казался слишкомъ партійно-соціалистическимъ. Возражали также противъ спеціальнаго представительства партій въ этихъ организаціяхъ. Впрочемъ, и среди самой партіи ощущалось сильное стремленіе стать на почву опредѣленнаго соціальнаго реформизма и порвать съ революціонными ожиданіями.

Съ чувствомъ раздраженія и разочарованія писалъ въ *Peuple* Вандервельде: «мы видимъ, какъ они входятъ въ жизнь, воспламененные желаніемъ бороться до конца за освобожденіе ихъ класса. Они кидаются въ политическую жизнь, они отдаются цѣликомъ созидательной работѣ, они основываютъ кооперативныя организаціи съ горячей надеждой замѣнить этой республиканской формой современную монархическую форму промышленности. Но подождемъ нѣсколько лѣтъ: нашъ кооператоръ сдѣлался ловкимъ дѣльцомъ, въ глазахъ котораго «коллективная лавка», коей онъ завѣдуетъ, не есть учрежденіе болѣе революціонное, чѣмъ сосѣдняя лавка частнаго владѣльца.

Нашъ синдикалистъ получаетъ хорошее вознагражденіе за свои обязанности, которыя онъ, впрочемъ, выполняетъ съ совершенной пунктуальностью, онъ полагаетъ, что соціальный вопросъ разрѣшенъ вообще, такъ какъ онъ разрѣшенъ для него лично. Нашъ политикъ, наконецъ, на мѣсто борьбы классовъ ставитъ сотрудничество классовъ, и провозглашаетъ

что соціализмъ торжествуетъ, если одинъ или два соціалиста входятъ въ министерство».

Среди самой партіи ясно выдвигаются двѣ тенденціи (*Berl. Tag.* 17 апрѣля): одна направлена къ блоку съ лѣвыми либеральными группами, другая—къ самостоятельной рѣзкой тактикѣ. Очевидно, эта работа внутренняго разложенія замѣчается въ бельгійскихъ партіяхъ, измѣненіе ими первоначальнаго характера должно было сопровождаться тѣмъ болѣе глубокими послѣдствіями, чѣмъ тверже и установленнѣе въ Бельгіи принципъ парламентаризма. Классически чистое функціонированіе парламентской системы было связано съ тѣмъ, что много лѣтъ на политической сценѣ дѣйствовали двѣ главныя партіи—католиковъ и либераловъ. Появленіе соціалистовъ, очевидно, осложнило эту систему, которая будетъ видоизмѣняться и далѣе, по мѣрѣ того, какъ число партій увеличивается и партійные оттѣнки и отклоненія становятся разнообразнѣе. Все труднѣе и труднѣе будетъ создавать прочное большинство, пока какой-нибудь крупный вопросъ не расколетъ активныя политическія силы и не создастъ двухъ блоковъ, какъ то было во Франціи въ эпоху Вальдека Руссо и появленія республиканскаго блока. Въ особенности такое значеніе могъ имѣть начинающійся расколъ среди самой крупной католической партіи. Одинъ изъ лидеровъ либеральной партіи бельгійскій депутатъ Гюисманъ выразилъ увѣренность, что этотъ расколъ долженъ привести къ власти дѣловое министерство и такимъ образомъ пробить брешь въ господствѣ католиковъ.

«Я вѣрю,—говорилъ онъ въ интервью съ корреспондентомъ *Journal de Liège*,—что правая раздѣлена серьезно. Если тѣ, которыхъ по совокупности называютъ «молодой правой», нанесутъ министерству пораженіе съ помощью группы лѣвой, я думаю, образуется министерская комбинація, въ которой эта молодая правая будетъ принимать участіе и, можетъ быть, руководящее участіе. Но я предвижу, что существованіе этого министерства будетъ весьма кратковременнымъ и что старая правая въ свою очередь скоро его опрокинетъ. Но тогда большинство палаты покажетъ, что изъ его среды невозможно никакое министерство. И мы тогда очутимся передъ такимъ рѣшеніемъ: или немедленный роспускъ, или образованіе дѣлового министерства, которое само, конечно, въ скоромъ времени прибѣгнетъ къ роспуску и къ новымъ выборамъ».

Каковы же теперь законодательные конфликты, о которые разбивалась сплоченность правящаго большинства?

На первый планъ здѣсь выдвигаются вопросы, связанные съ столь зконечно важной для Бельгіи угольной промышленностью. Еще въ прошмъ году на выборахъ министерство внесло въ палату законопроектъ о ыдачѣ концессій на разработку недавно открытыхъ каменноугольныхъ астовъ, принадлежащихъ государству, въ бассейнѣ Кампинъ. Палата чала разсматривать этотъ законопроектъ передъ выборами и продолжала весьма медленно; министерство же во время парламентскихъ вакацій олевскимъ указомъ выдало цѣлую серію концессій, которыя захваты-

вали лучшую половину бассейна, подлежащаго эксплоатаціи. Министерство оправдывалось тѣмъ, что нельзя долѣе оставлять лежать втунѣ минеральныя богатства Кампина; оправданіе встрѣчено палатой весьма холодно: простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, предложенный послѣ его объясненія, былъ вотированъ большинствомъ лишь 4 голосовъ, включая сюда голоса министровъ. Министерству, правда, удалось отстоять, чтобы особый сборъ, взимаемый согласно законопроекту съ эксплоатирующаго копи въ пользу государства не былъ ретроспективно распространенъ на старыхъ концессіонеровъ; но нѣкоторымъ параграфамъ закона всетаки дана была обратная сила именно по отношенію именно къ концессіямъ, выданнымъ правительствомъ во время послѣднихъ вакацій.

Еще большую принципіальную и практическую важность представлялъ вопросъ о регулированіи труда въ каменоугольныхъ копяхъ. Палата уже приняла нѣсколько рѣшеній, касающихся именно бассейна Кампина, напримѣръ запрещалось употреблять здѣсь на работу дѣтей моложе 14 лѣтъ; обязательство устраивать для рабочихъ прачечныя, и т. д.

Но самая ожесточенная борьба касалась поправки къ законопроекту о копяхъ, устанавливающая въ нихъ 8-часовой рабочій день для взрослыхъ. Могло казаться на первый взглядъ, что вопросъ болѣе идетъ о провозглашеніи принципа: 8-часовой рабочій день предполагалось установить лишь въ новомъ бассейнѣ Кампина, а остальныя копи Бельгіи не будутъ затронуты этимъ закономъ. Но не было сомнѣнія, что введеніе такой законодательной мѣры въ одномъ районѣ должно привести къ общему ея распространенію. Естественно, что противники мѣры указывали на болѣе отдаленныя ея послѣдствія, когда вся страна въ каменоугольной промышленности перейдетъ къ 8-часовому рабочему дню. «Только международное соглашеніе,—писало антверпенское *Matin*,—и то еще насколько это дѣло деликатное и трудное!—могло бы насъ успокоить относительно результатовъ сокращенія рабочаго дня; распространеніе мѣры сократило бы старыя отношенія между издержками производства и цѣною продажной. Но чтобы страна, подобная нашей, которая должна отправлять за границу подъ страхомъ гибели $^{9}/_{10}$ своего производства, сдѣлала одинъ шагъ столь смѣлый по пути сокращенія рабочаго дня—на это нельзя глядѣть безъ серьезнаго опасенія. Увеличеніе цѣны на уголь, происходящее изъ уменьшенія производства, вредно отразится на всей промышленности, которая зависитъ отъ угля, начиная съ металлургической. Разсчитано, что при вздорожаніи тонны угля съ 2 ф. на 2 ф. 50 с. издержки производства тонны чугуна возвысились бы до 4 ф. 50 с., стали на 7 ф., тонкихъ металлургическихъ издѣлій и машинъ отъ 15 до 30 ф. Вся наша промышленность должна продавать свои продукты болѣе дорого, но способна ли она это сдѣлать?» Защитники регламентаціи указываютъ, что и въ старыхъ бассейнахъ обычно на днѣ копій не работаютъ болѣе 8 часовъ; указывалось на постепенность перехода къ новому режиму, который сначала могъ бы получить распространеніе лишь въ сѣверномъ бассейнѣ (предложеніе Леви).

Словомъ, они старались указать, что дѣло идетъ не о радикальной ломкѣ, а о необходимомъ экспериментѣ.

Правительство твердо стояло на отрицаніи всякой регламентаціи для взрослыхъ, и Бернартъ, представитель «непокорной правой», не надѣясь, безъ сомнѣнія, провести черезъ палату закономѣрное установленіе 8-часового дня, провелъ сначала формулу, предлагающую правительству регламентировать трудъ взрослыхъ королевскимъ указомъ—и это предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ; вслѣдъ за этимъ новыя поправки объясняли, въ какихъ предѣлахъ правительство можетъ употреблять свою новую власть, рабочіе въ копяхъ не могутъ быть заняты подъ землей больше десяти часовъ, считая время спуска и подъема и дѣйствительная работа выламывающихъ уголь не можетъ превосходить 8 часовъ. Эти поправки, проведенныя и многими голосами католиковъ и многими голосами либераловъ, ясно показывали, какія успѣхи сдѣлала идея регламентаціи рабочаго времени.

Нечего говорить, что и за предѣлами палаты, среди рабочихъ было единодушное настроеніе въ пользу 8-часового рабочаго дня; плебисцитъ, произведенный по этому поводу среди бельгійскихъ рудокоповъ, далъ полное подтвержденіе. И среди этого общаго движенія правительство, которое давно не пользовалось особой популярностью, теперь оказывалось изолированнымъ въ палатѣ, все труднѣе становилось ему удерживать власть.

Другой вопросъ, ставшій весьма острымъ, касался африканскаго государства Конго. Это государство, организованное на Брюссельской конференціи 1885 г., было признано тогда нейтральнымъ, на условіяхъ сокращенія свободной торговли; верховныя права переданы были бельгійскому королю Леопольду II, который всегда особенно интересовался африканскими предпріятіями и умѣлъ заинтересовать ими европейскую haute finance; онъ былъ вдохновителемъ Association internationale de Congo, изъ котораго возникло это оригинальное политическое образованіе въ центральной Африкѣ. Образовалось, такимъ образомъ, личная унія, но финансовыя затрудненія колоніи заставляли короля стремиться къ болѣе тѣсной связи ея съ Бельгіей. Таковъ былъ очевидный смыслъ и завѣщанія Леопольда отъ 2 авг. 1889 г.; онъ выражалъ здѣсь рѣшимость передать послѣ своей смерти Бельгіи всѣ принадлежащія ему верховныя права надъ Конго. Предоставивъ главѣ кабинета довести это завѣщаніе до свѣдѣнія палаты въ удобное время, король въ письмѣ къ нему отъ 5 августа добавляетъ, что если палата, не ожидая его смерти, нашла бы возможнымъ раньше скрѣпить узы, соединяющія Бельгію съ Конго, онъ готовъ на это согласиться.

Палата встрѣтила это предложеніе довольно сочувственно, являлась возможность обезпечить за бельгійской промышленностью важный колоніальный рынокъ, и это въ минуту, когда всюду въ Европѣ замѣчался съемъ имперіалистическихъ тенденцій и настроеній. Согласно конвенціи 90 г. Бельгія обѣщалась выплатить Конго на извѣстныхъ условіяхъ въ ч. 25 милл. франковъ. Черезъ 10 лѣтъ государство Конго должно при-

соединиться къ Бельгіи, если послѣдняя на это согласится; иначе Конго въ слѣдующія 10 лѣтъ выплачиваетъ ей свой долгъ.

Эти планы соединить Конго и Бельгію встрѣтили особенно ожесточенное сопротивленіе у бельгійскихъ соціалистовъ и ихъ вліянію надо приписать въ значительной мѣрѣ то обстоятельство, что соединеніе не состоялось. Между тѣмъ всегдашнее желаніе короля — достигнуть этого соединенія, но при этомъ избѣгнуть всякаго дѣйствительнаго контроля парламента надъ дѣлами африканской державы. Проектъ Леопольда, который въ концѣ прошлаго года поддерживало министерство Десмета-Денайра, заключался въ томъ, что онъ ввѣряетъ управленіе Конго своимъ повѣреннымъ, которые въ свою очередь должны избрать себѣ преемниковъ и т. д. до безконечности. Такимъ образомъ, Бельгія отъ этого присоединенія получала лишь новые расходы, но власть оставалась попрежнему въ безотвѣтственныхъ рукахъ африканскихъ министровъ короля Леопольда и его преемниковъ.

Само министерство, которое очевидно находилось подъ личнымъ давленіемъ короля, чувствовало извѣстную неловкость, защищая проектъ, который встрѣтилъ въ палатѣ единодушное враждебное отношеніе. Члены палаты вспомнили, что за королемъ бельгійскимъ и раньше было признано право получить Конго безъ всякихъ предварительныхъ условій и они настояли на выборѣ особой комиссіи, которая въ скорѣйшемъ времени должна выработать режимъ, могущій быть введеннымъ въ Конго въ случаѣ его присоединенія, а также получить отъ правительства подробныя свѣдѣнія о состояніи колоніи. Послѣднее оправдывалось фактическими постоянными разоблаченіями, которыя появляются въ международной, болѣе всего англійской прессѣ, которыя вызываютъ длинные отвѣты различныхъ заинтересованныхъ организацій, вродѣ Fédération pour la défense des intérêts belges à l'étranger, отвѣты, къ сожалѣнію, далеко не доказывавшіе то, что они хотѣли доказать, будто извѣстія о жестокостяхъ—тенденціозные вымыслы англійскихъ недоброжелателей. (Наиболѣе обстоятельныя описанія режима, господствующаго въ Конго, заключаетъ въ себѣ анонимная книга, преслѣдующая впрочемъ апологетическія цѣли: la vérité sur la civilisation au Congo, par Belge.) Требованія разъясненій и свѣдѣній были и въ парламентской комиссіи настолько настойчивы, что они смущали осторожную Independance belge, не выйдетъ ли изъ ея работы лишь рядъ скандалезныхъ разоблаченій! (21 февраля). Точно такъ же комиссія высказала свой рѣзко отрицательный взглядъ на проектъ устройства верховнаго колоніальнаго совѣта изъ 4 членовъ, которыхъ назначаетъ король; представитель правыхъ, Бернартъ протестовалъ не менѣе горячо противъ абсолютистическихъ тенденцій проекта, чѣмъ представитель лѣвыхъ Гюисманъ. Напрасно Вустъ, лидеръ чистыхъ консерваторовъ, старался перевести вопросъ на почву довѣрія къ королю. Этого довѣрія не чувствовалось, и министерству не разъ приходилось выслушивать рѣзкіе упреки за его антиконституціонный сервилизмъ.

А на политическомъ горизонтѣ подымаются новые вопросы капитальной важности. Если вопросъ объ употребленіи фламандскаго языка въ су-

немъ образованіи, который былъ поставленъ на очередь немедленно вслѣдъ за пасхальными каникулами не казался чреватымъ роковыми столкновеніями, гораздо опаснѣе въ этомъ отношеніи былъ проектъ реформы провинціальнаго и коммунальнаго избирательнаго права, выработанный оппозиціей. Какъ извѣстно, въ бельгійскомъ мѣстномъ самоуправленіи, какъ и въ бельгійскихъ парламентскихъ выборахъ примѣняется vote plural: въ мѣстныхъ выборахъ избиратель при квалифицированныхъ условіяхъ можетъ получить даже 3 добавочныхъ голоса (въ политическихъ не больше 2). При чрезвычайной роли, которую играетъ мѣстное самоуправленіе въ этой странѣ, представляющей полный контрастъ съ Франціей въ смыслѣ децентрализаціи, эта реформа имѣетъ огромное значеніе. Наконецъ, не надо забывать, что значительная часть бельгійскаго сената избирается провинціальнами совѣтами. Многіе бельгійскіе публицисты, сторонники всеобщаго избирательнаго права въ общихъ выборахъ, относятся къ нему болѣе чѣмъ скептически по отношенію къ выборамъ мѣстнымъ. Достаточно указать на предисловіе къ извѣстной переведенной на русскій языкъ книгѣ Пиффероуна объ избирательныхъ системахъ въ Европѣ. Новый проектъ являлся извѣстнымъ компромиссомъ; избирательное право получалъ каждый гражданинъ, достигшій 25-тилѣтняго возраста, имѣющій годъ осѣдлости въ коммунѣ; добавочные голоса уничтожаются за исключеніемъ второго голоса отца семейства. Соціалисты, естественно, не сдѣлали бы этой уступки и стояли за пониженіе возрастного ценза до 21 года, но практически они были бы готовы поддерживать и этотъ смягченный проектъ, который и въ такомъ видѣ былъ крайне непріятенъ клерикально-консервативному министерству.

Передъ такими затрудненіями, оставшимися отъ прошлаго и намѣчающимися въ будущемъ, между растущими притязаніями короля и растущимъ неудовольствіемъ парламента противъ этихъ притязаній, что оставалось министерству?

Въ засѣданіи 11 апрѣля министерство потерпѣло рѣшительное пораженіе по вопросу о длинѣ рабочаго дня въ копяхъ. Наканунѣ было полное засѣданіе правой: здѣсь министръ-президентъ заявилъ, что онъ согласенъ на примирительную поправку, согласно коей правительство должно заботиться, дабы длина рабочаго дня не вредила здоровью углекоповъ. Думали такимъ образомъ, что кризисъ благополучно избѣгнутъ. Но во время засѣданія Бернартъ, лидеръ правыхъ диссидентовъ отъ себя внесъ предложеніе, которое не предоставляетъ правительству судить, какъ услоились консерваторы и кабинетъ, нужно ли ограниченіе рабочаго дня, а явило такое ограниченіе обязательнымъ, обязывало правительство принять принципъ вмѣшательства. Сразу обнаружилось, что положеніе министерства неблагопріятное; лѣвая и молодая правая быстро вотировали окращеніе преній, примирительная поправка была отвергнута, а поправка онарта, отвергнутая правительствомъ, принята 76 голосовъ противъ 70 3 воздержавшихся. Министерство осталось въ меньшинствѣ: 14 депу-

татовъ католиковъ и притомъ такихъ вліятельныхъ, какъ Бернартъ, Верхагенъ и др., вотировали противъ правительства. Слабое утѣшеніе, что правительство могло спокойно разсчитывать на сенатъ, который навѣрно отвергъ поправку Бернарта! само оно потерпѣло пораженіе по вопросу такой важности, при которой могъ быть выборъ лишь между роспускомъ и отставкой кабинета. Это вытекало изъ самаго существа парламентарнаго строя, который съ чрезвычайной яркостью былъ выставленъ уже въ бельгійскомъ учредительномъ конгрессѣ 1831 г. «Въ конституціонной монархіи,— говорилъ тогда Лебо,—принципъ избранія господствуетъ надъ всѣмъ; онъ вліяетъ не только надъ внѣшней и внутренней администраціей, но онъ оказываетъ руководящее вліяніе на исполнительную власть. Палата одна составляетъ, поддерживаетъ, измѣняетъ или свергаетъ министерство сообразно со степенью довѣрія или недовѣрія, которую оно ей внушаетъ. Палата, пополняемая путемъ избранія, открывая или закрывая кошелекъ, держитъ въ своихъ рукахъ судьбу кабинета; она указываетъ королю, кого она предпочитаетъ; и въ сущности именно она избираетъ фактически все министерство хотя и не прямымъ образомъ». Въ Бельгіи парламентаризмъ такъ же древенъ, какъ самостоятельность страны.

На другой день министерство дѣйствительно вышло въ отставку все, а не одинъ министръ, наиболѣе заинтересованный въ такомъ исходѣ, и предсѣдатель совѣта министровъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «вотумъ 11 апрѣля показываетъ, что правительство не можетъ разсчитывать на большинство. Съ другой стороны, оно не можетъ принять отвѣтственности за извѣстныя дополненія, введенныя въ законъ, цѣль и характеръ которыхъ достаточно были опредѣлены въ рѣчахъ говорящихъ; поэтому всѣ члены кабинета приняли рѣшеніе вручить свои отставки королю. Я просилъ бы палату отсрочить свои засѣданія». Это было въ порядкѣ вещей, но то, что затѣмъ послѣдовало, шло вразрѣзъ со всѣми парламентскими традиціями.

Съ изумленіемъ на другой день депутаты могли читать въ официальномъ *Journal de Bruxelles* королевскій указъ, коимъ законопроектъ о копяхъ, вотированный палатой, просто бралъ назадъ. Указъ помѣченъ Passable и 11 апрѣля, тогда какъ палата вотировала его цѣликомъ 12.

Въ этомъ Бельгія не имѣла прецедентовъ и далеко не только крайняя лѣвая склонна была здѣсь видѣть государственный переворотъ. Даже нѣкоторые католическіе органы оспаривали законность указа. Всего болѣе раздражало, что королевскій указъ подписанъ министерствомъ, официально заявившимъ о своей отставкѣ и не имѣющимъ никакого авторитета въ глазахъ парламента.

Говоря юридически, такъ какъ правительство вноситъ законопроектъ не въ палату, а въ парламентъ вообще, то оно можетъ взять назадъ этотъ законопроектъ, пока онъ не прошелъ черезъ сенатъ. Но безспорно правительство здѣсь сдѣлало весьма странное примѣненіе изъ своего права взять назадъ законъ лишь послѣ своей отставки, убѣдившись, что за нимъ

стоить не болѣе 32 депутатовъ въ палатѣ и заставивъ, наконецъ, палату отсрочить свои засѣданія, лишая ее такимъ образомъ возможности протеста. Косвенно здѣсь какъ бы задѣвались и права сената, которому предстояло разсматривать законъ, вотированный палатой.

Не надо забывать, какъ мы уже указывали, насколько прочно укоренились въ Бельгіи традиціи парламентаризма. Достаточно сказать, что два случая примѣненія королевскаго veto въ 1845 и 1854 гг. за всю исторію Бельгіи связаны съ перемѣнами, наступившими за время прохожденія закона черезъ различныя инстанціи, перемѣнами настроенія и (во второмъ случаѣ) даже партійнаго состава палаты; король здѣсь какъ бы лишь регистрировалъ перемѣны.

Самъ Леопольдъ II меньше, чѣмъ кто-нибудь, имѣетъ преувеличенныя представленія о своей власти налагать veto. Достаточно вспомнить, какъ онъ вмѣсто этой почетной и безполезной прерогативы хотѣлъ получить право въ случаѣ разногласія съ парламентомъ передавать законопроектъ на референдумъ. И вотъ на фонѣ этой незыблемо установившейся парламентской традиціи указъ 11 апрѣля, казалось, тѣмъ болѣе проникнутъ абсолютистическими тенденціями.

Представители оппозиціи не скрывали своего негодованія. Вотъ какъ выражался Поль Жансонъ, лидеръ радикальной части либераловъ: «Министерство знало объ указѣ, когда оно присутствовало на засѣданіи 12 апрѣля, когда проектъ въ цѣломъ былъ принятъ. Въ продолженіе двухъ дней члены кабинета предоставили палатѣ разсуждать о законопроектѣ, который былъ взятъ назадъ. Это оскорбленіе парламенту и націи. Монархъ имѣетъ право на уваженіе, но парламентъ имѣетъ его также, а министры заставили парламентъ играть смѣшную роль.

Это недопустимо. Правительство можетъ позволить себѣ взять назадъ законопроектъ, но здѣсь оно само лишило себя власти. Королевскій указъ офиціально утверждаетъ, что палата будетъ поставлена въ извѣстность о взятіи назадъ проекта. Министерство этого не сдѣлало; оно предложило отсрочить засѣданія, потомъ черезъ офиціальную газету увѣдомило, что проектъ взятъ назадъ. Оно должно было сказать палатѣ уже 12 апрѣля, что предметъ преній болѣе не существуетъ. Обращеніе къ народу является теперь необходимостью. Палата должна быть распущена. Важно, чтобы палата отвѣтила достойнымъ образомъ на оскорбленіе, нанесенное ея достоинству. Здѣсь уже нѣтъ вопроса, либеральная, соціалистическая или клерикальная палата; здѣсь есть вопросъ высшаго интереса, не имѣющій ничего общаго съ духомъ партіи. Если мы допустимъ это, мы должны быть готовы допустить все».

Можно себѣ представить, какимъ языкомъ говорили соціалисты. Ихъ главный органъ *Le Peuple* пишетъ, что конфликтъ въ настоящее время образовался между королемъ и парламентомъ. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ соціалистическихъ депутатовъ Бертранъ писалъ, что королю остается только подчиниться національной волѣ или отречься отъ престола.

Соціалистическій органъ *Dernière Heure* обвиняетъ короля въ желаніи вопреки волѣ парламента сохранить у власти предсѣдателя совѣта министровъ, человѣка въ высшей степени угодливаго. Надо прибавить, что среди рабочихъ вообще вызывалось крайнее раздраженіе не только актомъ произвола, но и тѣмъ, что здѣсь министерство, находящееся, по общему мнѣнію, въ особой близости къ королю, выступило противъ реформы, особенно для нихъ цѣнной, и отстаивало не только полновластіе короны, но и интересы предпринимателей. Трудно было бы въ самомъ дѣлѣ представить комбинацію болѣе пагубную для монархическаго авторитета. Появились извѣстія, впрочемъ скоро опровергнутыя, что соціалистическая партія организуетъ широкое республиканское движеніе по странѣ. У многихъ было чувство, что монархія дѣйствительно въ опасности.

Конечно, это бурное негодованіе не могло не смутить правительства. *Journal de Bruxelles* утверждалъ, что министры получили подлинникъ указа лишь 13 апрѣля. И среди болѣе умѣренныхъ сторонниковъ либеральной партіи начавшаяся агитація казалась опасной. «Время, наконецъ, реагировать,—писала *Indepandence Belge*—противъ этой истеріи, которая овладѣла политическимъ міромъ. Страхъ личной власти—это болѣзнь парламентской чувствительности «фобія», извѣстная всѣмъ наблюдателямъ.»

Очередь была за королемъ, котораго ожидали въ Брюссель съ Ривьеры. Онъ дѣйствительно тотчасъ же выѣхалъ и, переночевавъ лишь въ Парижѣ, который до сихъ поръ сохранилъ для него притягательную силу, 18 апрѣля былъ въ Брюсселѣ. Личность Леопольда II могла бы дать интересный матеріалъ для того, кто хотѣлъ бы изучать современную политическую психологію. Онъ любитъ власть, не свободенъ отъ нѣкоторыхъ деспотическихъ замашекъ, но въ этомъ властолюбіи нѣтъ ничего романтическаго, нѣтъ никакихъ переживаній стараго легитимизма. Въ этомъ отношеніи Леопольдъ II совершенно не похожъ на императора Вильгельма, и если въ ряду монарховъ XIX вѣка искать ему параллелей, то взоръ невольно обращается къ Людовику Филиппу.

Конечно, Леопольдъ имѣетъ преимущество бо́льшаго опыта. Онъ крупный финансистъ и дѣлецъ и, по отзывамъ людей, близко его знающихъ, могъ бы быть прекраснымъ министромъ финансовъ для Бельгіи. Нельзя оспаривать за нимъ смѣлости и талантливости, проявлявшихся при созданіи государства Конго. Къ высшимъ моральнымъ запросамъ онъ, повидимому, довольно равнодушенъ, и его личная мораль стоитъ не выше уровня, господствующаго въ средѣ богатой бельгійской буржуазіи. Точно такъ же нѣтъ у короля склонности къ проблемамъ соціальной политики, которая иногда удерживаетъ на себѣ безпокойный взоръ императора Вильгельма. Едва ли какими-нибудь софизмами удалось бы примѣнить къ Леопольду теорію «соціальной монархіи», стоящей надъ борющимися классами и являющейся источникомъ соціальной справедливости. Слишкомъ прозрачна въ Бельгіи связь короля съ опредѣленнымъ классовымъ интересомъ.

Король посмотрѣлъ на кризисъ съ точки зрѣнія холодно-практической.

Онъ могъ быть въ достаточной мѣрѣ раздраженъ противъ позиціи, которую заняла «молодая правая», но онъ понималъ, что роспускъ палаты послужитъ только на пользу оппозиціи; послѣдняя получаетъ на выборахъ чрезвычайно благодарную платформу защиты конституціонныхъ правъ парламента, съ одной стороны, и защиты рабочихъ интересовъ, съ другой. Къ тому же послѣдніе выборы указывали на ростъ недовольства правленіемъ католиковъ. Наконецъ, король по этому одному не могъ желать роспуска, что его горячо рекомендовали какъ разъ представители болѣе яркихъ оппозиціонныхъ оттѣнковъ, увѣренные, что обращеніе къ странѣ дастъ наилучшіе результаты. Съ другой стороны, нечего было и думать о сохраненіи у власти Десмета-Денайра, съ которымъ король обошелся чрезвычайно любезно и котораго, по крайней мѣрѣ, въ первую минуту, онъ, повидимому, считалъ возможнымъ оставить. Оставалось найти какую-нибудь комбинацію, причемъ особенно необходимо было примирить «молодую правую» и возстановить консервативное большинство. Трудности усугублялись упорнымъ требованіемъ короля, чтобы новое министерство въ вопросѣ о государствѣ Конго отстаивало его планъ соединенія съ Бельгіей.

Въ концѣ-концовъ, такъ какъ рѣчь шла о примиреніи «молодой правой» съ остальной частью католической партіи, то на очередь стало образованіе министерства католической концентраціи, и въ качествѣ послѣдняго оно уже не могло обладать однородностью кабинета Десмета-Денайра. Во главѣ сталъ де-Троозъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ бывшемъ кабинетѣ. Съ одной стороны, лично онъ не принималъ участія въ ссорѣ между различными фракціями католической партіи, съ другой—его консерватизмъ, какъ и консерватизмъ его сотоварища по старому и новому кабинету, министра финансовъ Либарта, не могъ внушать подозрѣній: оба подписали королевскій указъ о взятіи назадъ рабочаго законопроекта. Но рядомъ съ нимъ въ совѣтѣ министровъ будетъ засѣдать Эльпютъ, назвавшій это взятіе назадъ законопроекта «неоправдываемымъ насиліемъ надъ правами парламента». Вмѣстѣ съ этимъ Эльпютъ сторонникъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія между предпринимателями и рабочими и его воззрѣнія здѣсь также противоположны де-Троозу, какъ и воззрѣнія новаго министра общественныхъ работъ Дельбека, горячаго сторонника свободной торговли. (Троозъ убѣжденный протекціонистъ.) Такимъ образомъ внутреннія столкновенія среди кабинета и притомъ самыя серьезныя неизбѣжны. Внѣшнія условія тоже далеко не были благопріятны для кабинета. Лидеръ правыхъ консерваторовъ, Вустъ утверждалъ, что разногласія въ его партіи сильно преувеличены, вѣдь говорили даже о соціалистическихъ тенденціяхъ «молодой правой»; въ существующемъ кризисѣ всѣ католики всетаки въ концѣ-концовъ объединятся и поддержатъ де-Троза. Либералы съ своей стороны нисколько не считаютъ появленіе этого министерства началомъ примиренія. Говорилось о бойкотѣ министерства, о «парламентской стачкѣ» (grève parlementaire). Всегда умѣренная «Independance Belge» заявляла, что парламентъ долженъ протестовать противъ королевскаго

указа; но, можетъ быть, новое министерство добьется отмѣны указа? Въ соціалистическихъ кругахъ говорили, что само правительство окончательно дискредитировано, что къ срединѣ ноября должна быть объявлена всеобщая стачка, политическая сила которой извѣстна бельгійцамъ. Наконецъ, англійскіе органы и при томъ столь различные, какъ *Times* и *Tribune*, энергично осуждали уступчивость новаго кабинета королевскимъ притязаніямъ въ вопросѣ о Конго, и давали открыто понять, что Англія не останется здѣсь равнодушной свидѣтельницей и сумѣетъ заставить произвести серьезныя реформы въ этой полунезависимой отъ Бельгіи колоніи.

Первое выступленіе министерства Трооза въ палатѣ вызвало настоящую бурю. Министръ-президентъ не могъ даже прочесть правительственную декларацію—настолько великъ былъ шумъ. Засѣданіе было прекращено 7 мая. Къ слѣдующему засѣданію однако дѣло нѣсколько измѣнялось: палата отвергла предложенную либераломъ Жансономъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, формулу, гдѣ содержалось выраженіе недовѣрія министерству и большинствомъ 11 голосовъ (79 противъ 68) вотировало довѣріе.

Что произошло за это время между первымъ засѣданіемъ и вотумомъ довѣрія? Очевидно, «молодая правая», представитель которой Эльпютъ вошелъ въ министерство, оказалась болѣе сговорчивой. При этомъ министерство сдѣлало одну капитальную уступку: оно внесло законопроектъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ прямо въ сенатъ. Такимъ образомъ злополучный королевскій указъ какъ бы молчаливо признавался потерявшимъ силу.

Это несомнѣнная побѣда оппозиціи; министерству Трооза и въ будущемъ придется сильно считаться съ ней, если оно хочетъ сохранить даже это хрупкое большинство въ палатѣ. Во всякомъ случаѣ глава изъ исторіи бельгійской государственной жизни, которая открывается 1884 г. появленіемъ у власти католиковъ, приходитъ къ концу. Самая продолжительность католическаго господства можетъ объясняться только тѣмъ, что правящая партія держалась въ извѣстныхъ предѣлахъ, что въ странѣ оставался неприкосновеннымъ извѣстный минимумъ свободы. Бельгійскіе консерваторы должны были бы раньше уступить власть, если бы они были болѣе консервативны. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ и этого сравнительно мягкаго господства обнаруживается несомнѣнный запросъ на режимъ болѣе либеральный и болѣе демократическій, и сообразно съ этимъ старая группировка по этимъ партіямъ оказывается не совсѣмъ отвѣчающей политической дѣйствительности. Группа Жансона является какъ бы переходнымъ мостомъ отъ либерализма къ соціализму. И едва ли будетъ неосторожнымъ предположеніе, что въ перемѣщеніи политическихъ слоевъ именно этой группѣ, которая соединяетъ важнѣйшія тенденціи вѣка—начала свободы и демократіи съ послѣдовательнымъ соціальнымъ реформизмомъ, будетъ принадлежать блестящая роль.

Въ концѣ концовъ въ Бельгіи выдвигается та же самая проблема, которая поставлена нынѣшними выборами передъ Германіей.

С. Котляревскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы, критика.— Политическая экономія. — Юридическія книги.— Публицистика. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го апрѣля по 1-е мая 1907 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сергѣй Городецкій. Ярь. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе.—*Викторъ Стражевъ.* О печали свѣтлой.

Сергѣй Городецкій. Ярь. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе. Спб., 1907 г. Цѣна 60 коп. Стихи г. Городецкаго замѣчательны, какъ характерный для послѣдняго времени поворотъ отъ тонкой культуры къ грубой первобытности. С. Городецкій не есть только „пѣвецъ природы“; онъ не пейзажистъ, каковъ, наприм., г. Бунинъ,—онъ врагъ „Города“, поэтъ дикаго, стоящаго за гранью культуры, міра. Отъ изощреннаго мудростью человѣчества г. Городецкій вернулся къ зеленымъ косматымъ предкамъ, отъ остывающаго земного шара къ юной „Яри“, непочатой и глубокой, полной благодатныхъ могучихъ силъ. Онъ груститъ по шумящимъ необозримымъ трущобамъ, никогда еще не вѣдавшимъ топора, по степямъ, не оскверненнымъ плугомъ корыстнаго землероба, по бездоннымъ тихимъ заводямъ и величавымъ рѣкамъ, гдѣ только русалки плещутся въ лунныя ночи. Онъ присутствуетъ при кровавыхъ жертвоприношеніяхъ добродушно-свирѣпыхъ предковъ, слышитъ удары кремневаго топора по живому тѣлу, веселые вопли изступленныхъ жрицъ, звонко поющихъ дубовому Яриламъ. Лѣшіе, водяницы, огневики, чертяки встаютъ изъ туманной нежити, какъ далекіе братья, забытые братьями-людьми.

Какъ поэтъ, г. Городецкій не вполнѣ еще овладѣлъ собой. Среди превосходныхъ выдержанныхъ стихотвореній („Ярила“, „Оборотень“, „Предки“) попадаются у него вещи слабыя и плохія („Улица“). Нерѣдко слышатся чуждые напѣвы, заимствованные то у Вячеслава Иванова, то у Блока. Есть у г. Городецкаго и еще одинъ недостатокъ, общій большинству молодыхъ поэтовъ: это упорное желаніе во что бы то ни стало вводить въ свои стихи новые размѣры и риомы. Оригинальность, хотя бы и вымученная, предпочитается естественной простотѣ стиха: нѣкоторые поэты не творятъ, а выписываютъ изъ словаря труднѣйшія риомы и къ нимъ подбираютъ содержаніе, забывая, что такого рода „оригинальность“ годится развѣ лишь для буриме. Пушкинъ проще смотрѣлъ на дѣло:

Вѣдь риемы запросто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

Но г. Городецкаго нельзя окончательно зачислить въ ряды усидчивыхъ стихописателей, которые выдѣлываніемъ стиховъ замѣняютъ токарный станокъ въ послѣобѣденные часы. Онъ дѣйствительно „творитъ“, творитъ искренно и вдохновенно; напрасно только онъ оглядывается на другихъ и хочетъ быть непремѣнно современнымъ и оригинальнымъ. Его новыя попытки въ области словообразованія иногда удачны, иногда слишкомъ рискованны и переходятъ мѣру („Монастырская пѣсня“). Г. Городецкій—поэтъ, а для поэта главное—не эффектное сочетаніе трудныхъ и рѣдкихъ словъ, не за волосы притянутые размѣры, а свѣжесть непосредственнаго вдохновенія и самобытность напѣва, не всегда зависящаго отъ воли художника.

Борисъ Садовской.

Викторъ Стражевъ. О печали свѣтлой. К-во Заратустра. М., 1907 г. Ц. 60 к. Небольшое число стихотвореній, собранныхъ въ этой книжкѣ, отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и художественной отдѣлкой. Риемы богаты, но богатствомъ не грузнымъ; слова—тонки и граціозно сплетены между собою какими-то легкими связками. Воздушность и свѣтлость не покидаютъ автора даже и тогда, когда онъ касается (именно—касается) темъ зловѣщихъ и тяжкихъ,—когда, напримѣръ, акварельно рисуетъ вѣчную неподвижность, „perpetuum immobile“, города съ его рабами-рабочими, или молчаніе вошедшей Бѣды, или чугунное кольцо Ужаса, или Голодъ деревни, который шуршитъ въ сучьяхъ мертвой березы. Не отчаяніе и скорбь, не метаніе встревоженной души, а печаль красивая и свѣтлая, дѣйствительно, какъ и гласитъ заглавіе сборника, характеризуетъ нашего поэта. „Печаль моя свѣтла“,—говорилъ о себѣ и Пушкинъ, но Пушкинъ былъ глубокъ; а когда вы читаете свѣтлую печаль Виктора Стражева, вы о глубинѣ не думаете,—въ глубинѣ темно, а у Стражева свѣтло. И такъ это подходитъ къ нему, что онъ часто съ любовью и лаской упоминаетъ о дѣтяхъ, посвящаетъ имъ прелестные и нѣжные стихи, и даже Богъ, которому поетъ онъ свое шестипсалміе, представляется ему какъ міровое Дитя, какъ Младенецъ въ „изначальной колыбели“. Все это придаетъ его музыкальной книжкѣ особый, эѳирный духъ. На ней лежитъ счастливый отпечатокъ истиннаго, симпатичнаго дарованія, — вѣроятно, сильно воспринявшаго и душу дарованій чужихъ.

Можно еще замѣтить и то, что въ стихахъ г. Стражева слова, въ сущности, часто изысканы, одѣты по-праздничному, но хорошо прячутъ, удачно скрываютъ свою изысканность и близко, очень близко подходятъ къ дорогой простотѣ. Какъ образчикъ творчества г. Стражева приведемъ слѣдующіе прекрасные стихи:

Полдень, марный и лѣнивый,
Легъ на ложе грузныхъ нивъ.
Переклоны, переливы—
Ржи сверкающей разливъ.

Сонны облачныя груды.
Жгучій лучъ отвѣсно крутъ.
Звоны, пѣвы, гулы, гуды
Въ тишинѣ полей плывутъ.

Ю. Айхенвальдъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА.

Проф. Брюкнеръ. Исторія русской литературы въ 2-хъ частяхъ. Перев. Саввинскаго подъ ред. Битнера.—*П. Кропоткинъ.* Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Перев. съ англійск. В. Батуринскаго.—*Кн. А. И. Урусовъ.* Статьи его о театрѣ, о литературѣ и объ искусствѣ. Письма его. Воспоминанія о немъ. Т. I—III.—*Ник. Поярковъ.* Поэты нашихъ дней.—*Г. Аванасьевъ.* Исторія Ирландіи.—*И. И. Ювачевъ* (*И. П. Миролюбовъ*). Шлиссельбургская крѣпость.—Записки Вас. Петр. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ примѣч. и предисл. *Б. Л. Модзалевскаго.*

Проф. Брюкнеръ. Исторія русской литературы въ 2 частяхъ. Перев. А. Г. Саввинскаго подъ редакц. В. В. Битнера. Съ портретами и снимками съ картинъ. Изд. „Вѣстника Знанія". Спб., 1906 г. Ц. 70 к.+1 р. 60 к., обѣ части вмѣстѣ 2 р. Трудъ берлинскаго профессора-слависта, писанный для заграничнаго коллективнаго изданія, представляетъ собою сжатое обозрѣніе русской литературы въ связи съ культурной исторіей. Онъ написанъ съ знаніемъ дѣла и довольно живо, такъ что могъ бы быть не безполезенъ для русской публики, несмотря на сквозящій мѣстами недостатокъ спокойствія и безпристрастія въ сужденіяхъ о русскомъ народѣ. Въ общемъ авторъ отдаетъ должное нашей литературѣ, хотя и не увлекается ею; но въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ какое-то полу-снисходительное, полу-недовѣрчивое отношеніе иностранца, крѣпко засѣвшаго въ „единоспасающей" западной культурѣ. Всего ярче и страннѣе это проявилось во взглядѣ Брюкнера на роль Кирилла и Меѳодія среди славянства. Созданіе ими для славянъ роднаго языка религіи и литературы онъ разсматриваетъ, какъ коварный, гибельный „даръ данайцевъ", отрѣзавшій восточныхъ славянъ отъ западной культуры и обрекшій древнюю Россію на невѣжество. Сами братья-первоучители задумали и провели свое дѣло безъ всякаго интереса къ славянамъ, которыхъ они въ качествѣ истыхъ грековъ презирали, какъ собакъ; они видѣли здѣсь лишь ловкій шахматный ходъ, который помогалъ Византіи въ борьбѣ съ Римомъ удержать за собой славянъ. Принимая греческую церковь и славянское богослуженіе, Русь, по мнѣнію Брюкнера, промѣняла право европейскаго первородства на чечевичную похлебку. Проведи авторъ свою точку зрѣнія послѣдовательно, это испортило бы совершенно его книгу; къ счастію, этого не случилось и въ общемъ ее можно читать,—повторяемъ, она заслуживала перевода.

Теперь передъ нами этотъ переводъ, напечатанный на веленевой бумагѣ, съ портретами и иллюстраціями, данный въ приложеніи къ журналу, редактированный самимъ издателемъ-редакторомъ.

И всетаки приходится повторить: „книга Брюкнера заслуживаетъ перевода"; про трудъ же гг. Саввинскаго и Битнера надо сказать то, что говорятъ про очень несчастныхъ людей: лучше бы ему не родиться на свѣтъ, онъ покрылъ позоромъ своихъ родителей! Не то бѣда, что большинство портретовъ напечатано съ безсовѣстно сбитыхъ клише, что идеализированная картина проповѣди Кирилла и Меѳодія красуется на той самой страницѣ, гдѣ славянскіе апостолы обдаются грязью, что Лермонтовъ въ буркѣ сошелъ за императора Александра I (I, 87), худо то, что переводъ сдѣланъ и редактированъ лицами, не знающими ни нѣмецкаго, ни русскаго языка, ни русской, ни нѣмецкой литературы. Вотъ доказательства. Заглавія русскихъ произведеній и цитаты изъ нихъ очень часто взяты не подлинныя, а самостоятельно переведены. Получилось въ результатѣ, что у какого-то „Мапнѣева" есть сочиненіе „Зерно" (это—

„Ядро россійской исторіи“ Манкѣева), что Екатерина составила сочиненіе „Инструкція“ (это „Наказъ“), Чулковъ написалъ „Прекрасную кухарку“, а Крыловъ басню „Дукаты“, Чаадаевъ—„Защиту дурака“, Клюшниковъ—романъ Fata Morgana, Чернышевскій переводилъ „великаго“ Вебера (читай—*большою*), а Екатерина II—„Мармонтелевскую Белизаиру“ (читай—Велизарія). Нехудо также свѣдѣніе, гласящее, что большой популярностью пользовались „Бесѣды святителей“, особенно Василія, Григорія и „Хризостомъ“ (II, 13), или, что въ 1618 г. былъ „московскій синодъ“ (I, 26). Пушкинъ, оказывается, находилъ, что „можно сочетать вмѣстѣ Венеру и *Стоа*“ („съ Киѳерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ“). Если укажемъ, что Кольцовъ названъ „русскимъ Берне“ (I, 140), а Каменевъ написалъ балладу „Кромвель“ (I,104), то это можетъ еще сойти за опечатки; но вотъ два классическихъ перевода: 1) „Нѣмцы въ Москвѣ, начиная отъ профессоровъ Шварца и Шадена до Штюрмера и Дренгерленца“ (I, 71); несчастный Ленцъ, поэтъ эпохи „бури и натиска“ (Sturm und Drang), много страдавшій при жизни, и теперь еще безпощадно разсѣкается на двѣ непохожія на него личности. 2) Тушинъ изъ „Обрыва“ есть не что иное, какъ „русскій выродокъ гордости“ (II, 79) (ясно, что Брюкнеръ называетъ Тушина „русскимъ Штольцемъ“). На этой же страницѣ Марѳинька и Вѣра названы „противоположностью Ларинымъ въ Онѣгинѣ“ (вмѣсто „параллели“). Нѣмецкія слова до такой степени плохо слушаются переводчика и редактора, что пара ихъ, вырвавшись изъ-подъ рукъ, убѣжала и скрылась на 46 страницу II части, гдѣ изумленный читатель среди текста неожиданно видитъ: So manches—и только!

Повидимому, примѣровъ достаточно; прибавимъ, что желающіе могутъ найти безсмыслицы отъ неправильнаго перевода въ I части на стр.: 49, 67, 99, 102, 119; во II части на стр.: 31, 67, 72, 73, 85, 90, 98, 148. И это далеко не исчерпываетъ нашего запаса.

Пушкинъ говорилъ, что переводчики—подставныя лошади просвѣщенія; что бы сказалъ онъ, пробѣжавъ этотъ переводъ?

А. Е. Грузинскій.

П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Переводъ съ англійскаго В. Батуринскаго. Изд. товарищества „Знаніе“. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Популярное имя Кропоткина несомнѣнно привлечетъ къ этой книгѣ вниманіе русскаго общества: она почти исключительно сосредоточена на XIX вѣкѣ (предыдущему времени отдано всего страницъ 40), знакомство Кропоткина и съ идеалами новой Россіи и съ русской дѣйствительностью убѣдительнѣйшимъ образомъ засвидѣтельствовано всей его жизнью,—естественно, что русскій читатель съ большимъ интересомъ беретъ въ руки новую работу автора „Записокъ революціонера“. Нѣкоторое разочарованіе ожидаетъ его уже въ первыхъ строкахъ „Предисловія къ англійскому изданію“ *): книга составляетъ курсъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ 1901 г. въ Бостонѣ. Ясно, что для русскаго читателя легко можетъ оказаться лишнимъ многое такое, что необходимо для ознакомленія американца съ чуждой ему литературой, почти не существующей въ англійскомъ переводѣ. Но это обстоятельство, измѣняя характеръ интереса къ книгѣ, отнюдь не уничтожаетъ самаго интереса; взглядъ на нашу литературу такого выдающагося писателя и общественнаго дѣятеля, хотя бы высказанный пр

*) Въ книгѣ отсутствуетъ „Предисловіе къ русскому изданію“, указанное одна въ оглавленіи. Что это значитъ?

особыхъ условіяхъ, не можетъ пройти незамѣченнымъ; при томъ значительная часть нашей публики все еще напоминаетъ нерѣдко Гоголевскаго „господина, нѣсколько беззаботнаго насчетъ литературы“, и ей небезполезно посидѣть на одной лавкѣ съ слушателемъ бостонскаго института Лоуэлля. Наконецъ, большое количество учащейся молодежи и лицъ, занимающихся самообразованіемъ—вотъ обширный кругъ, къ которому естественно обращается у насъ подобная книга. Но мы должны сказать, что и съ этой точки зрѣнія она даетъ меньше, чѣмъ бы желалось получить отъ такой работы. Очень сжатый обзоръ, въ которомъ Бѣлинскому отведено двѣ страницы и Салтыкову—четыре, могъ бы получить важное значеніе лишь при строгомъ выборѣ матеріала и неукоснительномъ проведеніи основной точки зрѣнія. Этой цѣльности часто нехватаетъ книгѣ Кропоткина. Стремясь захватить какъ можно больше литературныхъ явленій, онъ впадаетъ въ очевидную ошибку, когда пытается охарактеризовать на 12 страничкахъ 15 беллетристовъ, въ числѣ которыхъ стоятъ Гаршинъ и Короленко, или обозрѣваетъ цѣлую группу поэтовъ 40—60-хъ годовъ (15 именъ, въ томъ числѣ Кольцовъ, Никитинъ, Тютчевъ, Майковъ, Фетъ, А. Толстой)—на 6 страницахъ! По характеру очерки отдѣльныхъ писателей тоже слишкомъ пестры: здѣсь и біографическія данныя, и пересказы произведеній, и эстетическія оцѣнки, иногда даже выдержки. Отъ этого книга не разъ производитъ впечатлѣніе бѣглости, калейдоскопа; неторопливо, вдумчиво охарактеризовано четыре-пять лицъ: Гоголь, Толстой, Тургеневъ, Горькій и Чеховъ. Основная идея въ книгѣ есть,—русская литература правильно представлена, какъ главный органъ общественной мысли, непрестанно въ той или иной формѣ боровшійся съ дѣйствительностью,—но необходимый при такой концепціи фонъ не всегда выступаетъ ясно и полно; напримѣръ, нѣтъ общей, отчетливой картины Николаевской эпохи, и читатель ловитъ лишь раздробленныя черты дореформеннаго режима въ отдѣльныхъ, бѣглыхъ указаніяхъ и намекахъ; переходъ отъ 60-хъ къ 70-мъ годамъ тоже нуждался бы въ связномъ очеркѣ не только для русскихъ читателей. Народничество 70-хъ годовъ съ развившейся на его почвѣ политической борьбой, естественно, должно было всего полнѣе отразиться въ трудѣ Кропоткина, именно въ эту эпоху сложившаго свои убѣжденія и дѣйствовавшаго; это до извѣстной степени чувствуется въ подборѣ матеріала, въ цѣломъ рядѣ живыхъ впечатлѣній современника и придаетъ книгѣ особый интересъ.

Переходя къ отдѣльнымъ замѣчаніямъ, прежде всего отмѣтимъ, что фактическая сторона общаго обзора литературы до XIX вѣка не разъ поражаетъ странностями. Если съ характеристикой общаго хода нашей образованности здѣсь и можно согласиться въ цѣломъ, то примѣры и факты литературной исторіи приводятъ подчасъ въ тяжелое недоумѣніе. Въ народной словесности авторъ находитъ, кромѣ лирики и былинъ, еще какія-то „пѣсни, распѣваемыя каликами перехожими, почти цѣликомъ заимствованныя съ востока, героями которыхъ являются: Акибъ, царь ассирійскій, Прекрасная Елена, Александръ Великій, Рустемъ Персидскій“ (стр. 10). Не беремся разгадывать эту странную фантасмагорію! Въ до-петровской эпохѣ есть еще нѣсколько странныхъ ошибокъ, вродѣ утвержденія, будто пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ сравниваетъ пѣсни Бояна съ вѣтромъ, несущимся по вершинамъ деревьевъ (стр. 16) или, что въ X—XII вѣкахъ Владиміръ и Москва были въ числѣ главныхъ центровъ развитія (стр. 17). Но оставляемъ въ сторонѣ это время такъ же, какъ и XVIII вѣкъ, и переходимъ прямо къ Пушкину. Нашего великаго поэта авторъ оцѣнилъ недостаточно внимательно и вдумчиво.

Вотъ его общій взглядъ: „Необыкновенное изящество, простота и выразительность образовъ, необычайное умѣнье владѣть формой,—короче говоря, красота формы, а не красота идей,—отличаютъ поэзію Пушкина. Но люди ищутъ въ поэзіи болѣе всего высокихъ вдохновеній, благородныхъ идей, которыя дѣлали бы ихъ лучшими. А этого у Пушкина мало!“ (стр. 45). А этого у Пушкина мало?!—повторяемъ мы. У Пушкина, одного изъ великихъ нашихъ гуманистовъ! Кропоткинъ, говоря о Некрасовѣ, высказалъ очень вѣрную и хорошую мысль: „Поэзія Некрасова сыграла такую значительную роль въ моемъ личномъ развитіи во время моей юности, что я не рѣшаюсь довѣриться собственной высокой оцѣнкѣ этой поэзіи и съ цѣлью провѣрки моихъ впечатлѣній сравнилъ ихъ съ отзывами русскихъ критиковъ“. Какъ жаль, что авторъ не послѣдовалъ этому примѣру относительно Пушкина! Гарантировать свой отзывъ отъ чрезмѣрной субъективности не менѣе важно, когда говоришь и о „героѣ не своего романа“. Имя Пушкина обязываетъ, должно обязывать—при всей свободѣ сужденія, къ большой взвѣшенности его, по крайней мѣрѣ. Иначе, приходится читать черезъ нѣсколько страницъ послѣ приведенной цитаты другую, гдѣ говорится, что сила Пушкина „въ широкихъ гуманитарныхъ взглядахъ, которыми проникнуты его лучшія произведенія, въ его жизнерадостности и въ его уваженіи къ женщинѣ“ (стр. 53). Читаемъ также, на протяженіи двухъ страницъ,—сперва, что къ концу жизни „онъ уже расходился съ тѣми изъ своихъ читателей, которые находили, что описывать прелести зимняго сезона скучающихъ баръ въ Петербургѣ—еще не значитъ описывать русскую жизнь, въ которой ужасы крѣпостного права и абсолютизма съ каждымъ годомъ становились невыносимѣе“; а потомъ, что къ концу жизни у Пушкина „начинаютъ появляться признаки болѣе глубокаго жизнепониманія... онъ началъ понимать и сочувственно относиться къ внутренней жизни русскаго крестьянства; онъ началъ смотрѣть шире и глубже на народную жизнь“. А вообще, нельзя называть Пушкина „блестящимъ, до извѣстной степени избалованнымъ и поверхностнымъ ребенкомъ“, даже сравнивая его съ Шиллеромъ (стр. 46), какъ нельзя изображать Онѣгина только „молодымъ хлыщемъ“ (стр. 54 и 55).

Субъективность оцѣнокъ, такъ рѣзко и непріятно давшая себя знать по поводу Пушкина, выступаетъ въ книгѣ не разъ въ той же позиціи, не оправданная никакими серьезными доводами. Мы не возражаемъ ничего противъ черезчуръ высокой оцѣнки Григоровича, когда авторъ говоритъ, что Антонъ Горемыка научилъ цѣлое поколѣніе молодежи любить крестьянина и сыгралъ вмѣстѣ съ М. Вовчкомъ крупнѣйшую роль въ развитіи народничества; здѣсь авторъ, конечно, правдиво передаетъ подлинныя впечатлѣнія свои и своего поколѣнія,—пусть тутъ есть доля иллюзіи, но самая иллюзія эта есть неоспоримый фактъ. Но нельзя согласиться, наприм., что пьеса „Не въ свои сани не садись“ принадлежитъ къ замѣчательнымъ, лучшимъ вещамъ Островскаго; нельзя признать, что Катерина въ „Грозѣ“ удачно характеризуется лишь такими словами: это—поэтическое существо, которое выросло на свободѣ, а теперь чувствуетъ себя очень несчастной подъ гнетомъ ужасной тещи (!) и страшно боится грозы.

Въ итогѣ, читатель далеко не всегда удовлетворенъ; живыхъ впечатлѣній, свѣжихъ точекъ зрѣнія немного, отзывы часто бѣглы и пестры, иногда банальны, пусты (особенно о поэтахъ не перваго ранга). Съ удовольствіемъ прочтутся главы о Толстомъ, Тургеневѣ, Горькомъ, Чеховѣ.

А. Е. Грузинскій.

Князь Александръ Ивановичъ Урусовъ. Статьи его о театрѣ, о литературѣ и объ искусствѣ. Письма его. Воспоминанія о немъ. Томъ I. Томъ II и III. М., 1907 г. Ц. 5 р. Эти двѣ роскошно изданныя книги посвящены человѣку, который самъ книгъ не писалъ и котораго привлекательность заключалась, повидимому, въ одномъ лишь устномъ словѣ. Всѣ воспоминанія объ Урусовѣ, помѣщенныя въ лежащихъ передъ нами томахъ, рисуютъ его какъ необычайно-привлекательнаго собесѣдника съ искрящимся остроуміемъ и живою, изящной мыслью. Но эти бесѣды, эти разговоры, виртуозомъ которыхъ былъ покойный князь, отзвучали, отлетѣли, и вмѣстѣ съ ними долженъ былъ отойти въ забвеніе и умолкнувшій ораторъ. Его друзья и почитатели захотѣли спасти своего даровитаго собесѣдника отъ этой печальной участи, и вотъ, когда онъ ушелъ изъ ихъ гостиной, изъ жизни вообще, они собрали его газетныя статьи, замѣтки, его письма и, какъ уже сказано, свои воспоминанія о немъ. Нельзя сказать, чтобы дружеская цѣль поклонниковъ Урусова была вполнѣ достигнута. Читатель, не знавшій покойнаго лично и судящій о немъ только по объективнымъ даннымъ его печатныхъ вещей, выноситъ такое впечатлѣніе, что въ самой натурѣ князя не было задатковъ на прочную и долгую жизнь въ памяти общества. Урусовъ былъ страстнымъ театраломъ, и писалъ онъ преимущественно объ эфемерномъ,—о вчерашнемъ спектаклѣ: большинство его статей—тусклыя, отрывочныя, мало-интересныя рецензіи. У него, повидимому, не было нравственной мощи, для того чтобы создать что-нибудь цѣльное и внутренне-большое. Ему недоставало того, что Гёте называетъ des Lebens ernstes Führen; не чувствуется этой глубокой серьезности духа. Г. Волынскій отмѣчаетъ его „охоту за комизмами“; г-жа Хинъ говоритъ про него, что онъ „былъ коллекціонеръ по природѣ“ и этимъ въ сущности выноситъ ему тяжкій приговоръ. Урусовъ одинаково коллекціонировалъ интересныхъ людей, интересныя вещи и книги; онъ тщательно каталогизировалъ свою библіотеку въ прекрасныхъ переплетахъ и оставилъ многіе десятки записныхъ книжекъ. Онъ былъ поверхностенъ, онъ былъ только сосѣдомъ великаго, но органически великимъ не проникался. Онъ былъ въ своемъ эстетизмѣ больше другомъ краснваго, чѣмъ прекраснаго. Талантливая натура, онъ прошелъ по жизни какъ дилеттантъ, и оттого оглянуться на него, вспомнить о немъ могли сперва только его личные знакомые. И осуждаетъ Урусова, какъ писателя, то обстоятельство, что воспоминанія этихъ знакомыхъ гораздо, несравненно интереснѣе и значительнѣе, чѣмъ его собственныя статьи (изъ нихъ заслуживаетъ вниманія и сочувствія почти только одна: „О памятникѣ Гоголю“).

Но если Урусовъ не обладалъ силой творчества и не создалъ ничего глубокаго для печати, то большую цѣнность представляетъ его личная переписка, которая и заняла много страницъ разбираемаго изданія. Здѣсь чаруетъ изящный стиль, сверкаютъ красивыя и вѣрныя мысли о жизни и людяхъ, мѣткія характеристики, тонкія сентенціи о произведеніяхъ искусства; здѣсь мы видимъ много „ума холодныхъ наблюденій“ и даже „сердца горестныхъ замѣтъ“. Урусовъ-корреспондентъ примиряетъ съ Урусовымъ-писателемъ, такъ что въ общемъ всетаки онъ—интересное человѣческое явленіе, въ извѣстномъ смыслѣ, и поучительное. Оттого какъ человѣческій документъ, его страницы вполнѣ сохраняютъ свое значеніе. Надо еще отмѣтить, что изъ переписки Урусова видно, какъ принималъ онъ надвигавшуюся, довольно раннюю смерть: этотъ эпикуреецъ и эстетикъ остался вѣренъ себѣ до конца, и умиралъ онъ смѣло, изящно,—мы бы сказали,—умиралъ остроумно и литературно...

Ю. Айхенвальдъ.

Ник. Поярковъ. Поэты нашихъ дней (критическіе этюды). М., 1907 г. Ц. 1 р. Въ послѣднее десятилѣтіе русская поэзія расцвѣтилась пышнымъ цвѣтомъ, народились новыя формы и новое содержаніе вливается въ нихъ. Высокой степени совершенства достигла красота русскаго слова, сильно развилась техника стихосложенія и опирающееся на нее риѳмотворчество. Поэзія нашихъ дней имѣетъ въ рядахъ своихъ нѣсколько выдающихся именъ, подлинныхъ талантовъ. Большинство ихъ вышло изъ рядовъ новой литературной школы такъ называемаго декадентства и символизма. Въ первыхъ своихъ выступленіяхъ даже такіе безспорные таланты первой величины, какъ Бальмонтъ и Брюсовъ, были встрѣчены почти всеобщимъ глумленіемъ критики, теперь же читатель, а за нимъ и критика, внимательно прислушивается къ самымъ послѣднимъ, начинающимъ и молодымъ поэтамъ. Новѣйшая русская поэзія пробилась сквозь сомкнутый строй глумленія и высмѣиванія, завоевала свое мѣсто въ литературѣ и создала критику критиковъ.

Попытка разобраться въ главнѣйшихъ теченіяхъ новѣйшей русской поэзіи, дать серьезную, вдумчивую и безпристрастную характеристику поэтовъ нашихъ дней какъ нельзя болѣе умѣстна теперь. Такую задачу взялъ на себя г. Поярковъ. Въ сжатомъ вступленіи авторъ даетъ краткія историческія свѣдѣнія, разсказываетъ о первыхъ шагахъ новаго движенія, о первыхъ ласточкахъ новыхъ вѣяній въ современной русской поэзіи. Далѣе, въ рядѣ критическихъ этюдовъ даетъ краткую характеристику главнѣйшихъ выразителей поэзіи нашихъ дней; отдѣльные этюды посвящены Брюсову, Бальмонту, Мережковскому, Гиппіусъ, Вяч. Иванову, Соллогубу, Бунину, Лохвицкой, Фофанову, Александру Добролюбову, Блоку, Бѣлому и др., о многихъ молодыхъ современныхъ поэтахъ г. Поярковъ дѣлаетъ бѣглыя замѣчанія въ статьѣ „Поэты альманаховъ“.

Характеристики поэтовъ нашихъ дней въ книжкѣ г. Пояркова очень не ровны, многія неполны, случайны. Характеристики А. Добролюбова и Коневскаго хрестоматичны, составлены изъ отрывковъ, извлеченныхъ изъ уже имѣющихся о нихъ статей. Вообще авторъ слишкомъ прислушивается къ тому, что уже сказано раньше тѣми или другими авторитетными цѣнителями новой поэзіи; часто въ этюдахъ г. Пояркова чувствуются слѣды того, что имъ вынесено изъ общенія въ кругахъ новыхъ поэтовъ, того, что услышано тамъ. Больше всего недостаетъ въ книжкѣ г. Пояркова синтетической характеристики поэзіи нашихъ дней, въ силу чего этюды его порою кажутся случайными, разорванными, внутренно необъединенными. Если авторъ разсчитывалъ на широкаго читателя, ему нужно было остановиться на предварительномъ выясненіи многихъ понятій, съ которыми онъ оперируетъ. Самыя выраженія „декадентство“, „символизмъ“ употребляются имъ некритически, въ случайномъ, расплывчатомъ употребленіи, которое осорено временемъ. Мѣстами тѣ или другія сужденія, оцѣнки, критическія замѣчанія имѣютъ кружковой оттѣнокъ. Основная же задача характеристики поэтовъ нашихъ дней какъ разъ должна состоять въ стремленіи освободиться въ оцѣнкѣ и пониманіи ихъ, въ самыхъ словахъ и опредѣленіяхъ отъ кружковщины, выйти на вольную волю всеобщаго сознанія...

Вообще же, несмотря на всѣ свои недостатки и недочеты, на неровность и неполноту, книга о поэтахъ нашихъ дней г. Пояркова—хорошая книга, подсказанная автору искренней любовью къ тому, о чемъ онъ пишетъ. Она можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ читателю ищущему. Г. Поярковъ не только пишетъ о поэзіи нашихъ дней, онъ живетъ ею, это порою сильно чувствуется въ его книжкѣ, какъ чувствуется

и то, что самъ онъ поэтъ, хотя и очень еще неустоявшійся въ своемъ основномъ, влекущемъ. Въ книжкѣ его замѣтнѣе *то, о чемъ* онъ пишетъ, но слабо запоминается, не индивидуализируется *то, что онъ пишетъ*...

Волжскій.

Г. Аѳанасьевъ. Исторія Ирландіи. Изъ серіи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время". Изд. подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к. Г. Аѳанасьевъ начинаетъ свою „Исторію Ирландіи" съ древнѣйшихъ временъ (заселенія Ирландіи иберами) и доводитъ ее до смерти Гладстона въ 1898 г. Но времени до XV вѣка посвящено только 25 страницъ (изъ 312), и поэтому книга г. Аѳанасьева касается главнымъ образомъ исторіи Ирландіи въ новое время, причемъ по мѣрѣ приближенія къ современности изложеніе становится все болѣе подробнымъ. Содержаніе книги сосредоточено вокругъ національныхъ, религіозныхъ и земельныхъ отношеній. Авторъ подчеркиваетъ связь между религіознымъ и національнымъ положеніемъ ирландцевъ, которая вытекала изъ стремленія англичанъ придать государственное значеніе церковному единству, и поэтому религіозныя и національныя отношенія въ его изложеніи тѣсно сплетаются. Что касается земельныхъ отношеній въ Ирландіи, то въ нихъ авторъ видитъ столкновеніе двухъ міровоззрѣній—одного, построеннаго на принципѣ абсолютной земельной собственности, представителями котораго были англичане, и другого—принадлежащаго ирландцамъ и исходящаго „изъ понятія о землѣ, какъ собственности цѣлаго племени, находящейся только въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ его". Сначала побѣждаетъ англійское міровоззрѣніе, но затѣмъ англичане „сами приходятъ къ мысли о необходимости ограниченія правъ земельныхъ собственниковъ". Эти общія тенденціи ирландской исторіи выступаютъ въ книгѣ г. Аѳанасьева довольно ярко, несмотря на то, что она вообще чужда схематизма и что практическій матеріалъ въ ней очень обиленъ и въ немъ много иногда и нѣсколько сухихъ подробностей. Въ общемъ книга читается съ большимъ интересомъ, а ея научная цѣнность несомнѣнна въ виду обширной эрудиціи автора; поэтому знакомство съ ней желательно для широкихъ круговъ читающей публики.

В. Перцевъ.

И. П. Ювачевъ (И. П. Миролюбовъ). Шлиссельбургская крѣпость. М., 1907 г. Изданіе книгоиздат. „Посредникъ". Ц. 80 к. Страшныя тайны Шлиссельбургской крѣпости стали раскрываться въ послѣднее время передъ читающей публикой. Въ печати уже появился рядъ воспоминаній бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ, которыя хорошо было бы собрать въ одну книгу. Воспоминанія И. П. Ювачева займутъ среди нихъ не послѣднее мѣсто. Написанныя чрезвычайно живо и литературно, они цѣликомъ переносятъ читателя въ міръ каменныхъ тилъ, именуемыхъ крѣпостными казематами. Въ противоположность уарамъ нѣкоторыхъ другихъ шлиссельбуржцевъ, И. П. Ювачевъ не ается въ своемъ повѣствованіи тѣхъ страшныхъ драмъ, которыя ыгрывались въ стѣнахъ крѣпости на почвѣ постоянныхъ столкновеній ду узниками и тюремщиками. Онъ описываетъ лишь обыденный, такъ зать, заурядный обиходъ крѣпостной жизни, но впечатлѣніе отъ зказа въ силу этого обстоятельства не только не понижается, но оборотъ, оказывается еще болѣе сильнымъ. Для читателя выясняется полной наглядностью, что не только отдѣльныя насилія и жестокости

единичныхъ представителей тюремной администраціи, но и вся крѣпостная жизнь съ ея обычнымъ режимомъ являлась самой страшной пыткой, соединенной съ непрестанными величайшими страданіями для заключенныхъ. Авторъ воспоминаній рисуется въ разсказѣ человѣкомъ большого самообладанія и большой выдержки, и тѣмъ большимъ трагизмомъ вѣетъ отъ тѣхъ страницъ его разсказа, на которыхъ изображены посѣщавшіе его приступы отчаянія и душевнаго изнеможенія. Есть еще одна знаменательная подробность въ этихъ мемуарахъ, сгущающая зловѣщій смыслъ всего повѣствованія: авторъ воспоминаній былъ замурованъ въ русскую Бастилію и обреченъ на нечеловѣческія мученія по обвиненію въ преступныхъ сношеніяхъ съ людьми, *которыхъ онъ вплоть до своего заключенія въ крѣпости никогда не видѣлъ, даже по фотографіи и съ которыми не имѣлъ никакихъ дѣлъ* (стр. 5). Sapienti sat.

Вторая часть книги посвящена историческому очерку Шлиссельбургской крѣпости и описанію ея современнаго состоянія. Высокій интересъ представляетъ разсказъ о дѣятельности кн. Дондуковой-Корсаковой, замѣчательной старушки, которая съ конца 1903 г. несмотря на 78-лѣтній возрастъ, всецѣло отдалась хлопотамъ и заботамъ объ облегченіи участи шлиссельбуржцевъ, въ мрачные дни правленія Плеве сумѣла получить для себя пропускъ въ казематы страшной крѣпости и материнскимъ вниманіемъ окружила шлиссельбуржцевъ, освобожденныхъ въ 1904 и 1905 годахъ.

Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ шлиссельбуржцевъ, а также видовъ и плановъ крѣпости.

А. Кизеветтеръ.

Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго, портретами и рисунками. Спб. Первое печатное упоминаніе о запискахъ Зубкова сдѣлалъ А. Ѳ. Кони въ предисловіи къ изданному имъ письму Пушкина къ Зубкову, письму, въ которомъ поэтъ говоритъ о своемъ увлеченіи свояченицей Зубкова С. Ѳ. Пушкиной. Упоминая о запискахъ Зубкова, А. Ѳ. Кони далъ имъ слѣдующую характеристику: „Онѣ исполнены историческаго и бытового интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ слѣдственной коммиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени". Знакомство съ текстомъ записокъ вполнѣ подтверждаетъ эту характеристику и потому изданіе г. Модзалевскаго должно быть признано цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для печатной литературы по исторіи декабристовъ. Двѣнадцатидневное заключеніе въ казематахъ Петропавловской крѣпости описаны Зубковымъ чрезвычайно живо, подробно изображена вся внѣшняя обстановка крѣпостной жизни, ярко обрисовано и внутреннее душевное состояніе человѣка, внезапно брошеннаго въ тюрьму безъ всякой вины; Зубковъ не только не участвовалъ въ заговорѣ, но даже и не зналъ о его существованіи, хотя и былъ лично близокъ съ нѣкоторыми изъ его участниковъ. Для исторіи декабристовъ въ запискахъ Зубкова особенно важны тѣ страницы, на которыхъ авторъ излагаетъ свои бесѣды съ Якубовичемъ, оказавшимся сосѣдомъ съ Зубковымъ по камерѣ. Тексту записокъ предпосланъ тщательно составленный г. Модзалевскимъ біографическій очеркъ, подробно рисующій жизнь Зубкова его служебную дѣятельность, его разнообразныя общественныя отношенія и связи. Зубковъ не былъ посвященъ не только въ тайну заговора но даже и въ существованіе сѣвернаго и южнаго обществъ. И тѣм

любопытнѣе слѣдить на примѣрѣ его дѣятельности, въ какихъ формахъ выражалось косвенное вліяніе тайныхъ обществъ на людей, не привлеченныхъ къ участію въ замыслахъ декабристовъ, но живо откликавшихся душой на ихъ разнообразныя культурныя начинанія. Эта сторона исторіи тайныхъ обществъ начала XIX ст. еще совершенно не изслѣдована.

Біографія Зубкова даетъ интересные матеріалы, бросающіе свѣтъ на роль, сыгранную тайными обществами въ отношеніи культурнаго воспитанія современнаго имъ поколѣнія въ такихъ кругахъ, которые не имѣли ничего общаго съ планами государственнаго переворота и даже и не подозрѣвали, изъ какихъ источниковъ исходитъ осѣнявшее ихъ вѣяніе свѣжихъ и благородныхъ идей.

А. Кизеветтеръ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Я. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 5-е изд.

В. Я. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 5-е изданіе, перепечатан. съ 4-го изданія безъ перемѣнъ. „Библіотека для Самообразованія". Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 2 р. 50 к. Появленіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ 5 изданій показываетъ съ достаточной ясностью, что книга г. Желѣзнова пользуется большимъ почетомъ въ средѣ лицъ, желающихъ довершить свое образованіе въ области теоретической экономіи и экономической политики. Мы говоримъ теоретической экономіи и экономической политики, такъ какъ фактически очень значительная часть книги посвящена именно вопросамъ, входящимъ въ прикладную политическую экономію, такъ что книга даетъ читателямъ, собственно говоря, значительно больше того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Съ другой стороны, впрочемъ, такое совмѣщеніе отзывается иногда очень невыгодно на характерѣ изложенія теоріи, такъ какъ по нѣкоторымъ вопросамъ (напр., по вопросу о формѣ предпріятій, о банкахъ и т. д.) ей удѣляется слишкомъ мало мѣста. Для того круга читателей, для котораго книга, главнымъ образомъ, предназначается, этотъ послѣдній недостатокъ, быть можетъ, впрочемъ, не очень чувствителенъ, и это тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ русскихъ учебникахъ вопросамъ чистой теоріи удѣляется иногда даже слишкомъ много мѣста, такъ что внесеніе г. Желѣзновымъ въ свою книгу цѣлаго ряда проблемъ изъ области экономической политики и въ особенности рабочаго вопроса и повлекло, пожалуй, за собой ея широкое распространеніе.

Считая, такимъ образомъ, книгу г. Желѣзнова однимъ изъ лучшихъ курсовъ политической экономіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и желая ей дальнѣйшаго быстраго распространенія, я не могу тѣмъ не менѣе не указать здѣсь на то обстоятельство, что разъ авторъ ея считаетъ необходимымъ удѣлить столько мѣста экономической политикѣ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является необходимость подновить приводимыя имъ данныя фактами изъ новѣйшаго времени. Ибо въ противовѣсъ теоріи, которая лишь медленно подвигается впередъ, экономическая политика постоянно нуждается въ новѣйшихъ данныхъ.

Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно указать на недостаточность для вышедшей въ 1906—7 г. книги приведенія данныхъ о трэдъ-юніонахъ (стр. 633 и 635) только до 1900 или 1901 г., тогда какъ именно за послѣдніе годы въ данной области замѣчались временно нѣсколько

иныя, заставляющія студентовъ лучше вдумываться въ обсуждаемыя проблемы, явленія. Не менѣе неудобной слѣдуетъ назвать отпечатанную на стр. 636 таблицу съ данными относительно организованныхъ рабочихъ въ другихъ странахъ, гдѣ приводятся устарѣвшія данныя съ 1896 по 1899 г. Пополненія новѣйшими данными требуютъ, затѣмъ, и главы, въ которыхъ обсуждаются вопросы о примирительныхъ палатахъ, третейскихъ судахъ, фабричной инспекціи, желѣзныхъ дорогахъ, акціонерныхъ компаніяхъ и т. д. и т. д.

На-ряду съ этими крайне необходимыми многочисленными поправками въ смыслѣ *подновленія* матеріала, автору слѣдовало бы затѣмъ исправить и нѣкоторыя неточности, а иногда даже и положительныя ошибки, проходящія, къ сожалѣнію, черезъ всѣ изданія. Къ числу такихъ требующихъ поправокъ мѣстъ слѣдуетъ причислить даваемое авторомъ опредѣленіе понятія хромающей валюты (стр. 401). Не совсѣмъ удачно, затѣмъ, и опредѣленіе формы заработной платы, извѣстной подъ именемъ „скользящей скалы“ (стр. 560) и т. д. и т. д. Пора, затѣмъ, исправить, наконецъ, вводящую студентовъ въ заблужденіе неправильную цитату изъ Шмоллера, въ которой Желѣзновъ, какъ въ 3-мъ (стр. 261), такъ въ 4-мъ и 5-мъ изданіи (стр. 257), повѣствуетъ о числѣ мастеровъ и рабочихъ на 100,000 жителей, когда въ дѣйствительности соотвѣтствующія цифры высчитаны на 1,000 жителей.

Въ значительномъ измѣненіи и пополненіи нуждается, затѣмъ, и глава VI, въ которой авторъ посвящаетъ такому важному въ настоящее время вопросу, какимъ является образованіе безчисленныхъ картелей, синдикатовъ и трестовъ всего какихъ-нибудь 4 странички. Съ дополненіями и поправками въ вышеотмѣченномъ смыслѣ книга проф. Желѣзнова несомнѣнно пріобрѣтетъ себѣ еще большее число читателей.

І. М. Гольдштейнъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Прив.-доц. С. К. Гогель. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью.

Пр.-доц. С. К. Гогель. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. Тема, выбранная г. Гогелемъ, нова и интересна. Изъ ученія, сдѣлавшагося теперь господствующимъ, что преступленіе есть больше всего плодъ общественныхъ условій, вытекаетъ вопросъ, въ чемъ можетъ проявиться и въ чемъ дѣйствительно проявляется самодѣятельность общества въ борьбѣ съ преступностью. Этотъ столь важный и, казалось бы, столь естественный вопросъ въ своемъ цѣломъ объемѣ до сихъ поръ не подвергался разсмотрѣнію ни въ русской, ни въ западно-европейской литературѣ. Сдѣлать его предметомъ научной обработки,—такова задача, которую поставилъ себѣ г. Гогель.

Новизнѣ вопроса соотвѣтствуетъ интересная постановка его. Идея, которую, пользуясь французскимъ выраженіемъ, можно назвать idée maîtresse книги г. Гогеля, можетъ быть коротко формулирована такимъ образомъ: основную причину преступности въ современномъ обществѣ составляетъ „соціальный атомизмъ“, который представляетъ собою прямой результатъ распаденія корпоративнаго строя среднихъ вѣковъ: личность, освобожденная отъ узъ своего сословія, своего цеха, своей гиль ч, оказалась одинокой въ тяжелой борьбѣ за существованіе; потреб ть въ единеніи стала создавать новыя группировки, но онѣ мал

устойчивы; разрушившій средневѣковые устои капитализмъ, создавая новые общественные классы, въ то же время отнимаетъ у несмѣтнаго числа своихъ жертвъ ту соціальную позицію, которую они раньше занимали; отсюда столь распространенное явленіе деклассаціи; одиночество составляетъ удѣлъ деклассированныхъ; это-то одиночество, подъ которымъ слѣдуетъ понимать и отсутствіе матеріальной поддержки, и неимѣніе нравственныхъ связей съ окружающей средой, и порождаетъ, главнымъ образомъ, преступленія. Одинокому не на кого опереться; поэтому малѣйшій толчокъ—и онъ падаетъ. Слѣдовательно, устраненіе матеріальнаго и нравственнаго одиночества людей-песчинокъ, ураганомъ капитализма разсѣянныхъ по лицу земли, есть лучшій путь борьбы съ преступностью. Г. Гогель въ общихъ чертахъ намѣчаетъ этотъ путь въ своей книгѣ, но дѣлаетъ это, къ сожалѣнію, чрезвычайно небрежно.

Лучше другихъ первыя три главы его книги: „Ростъ преступности въ европейскихъ государствахъ“, „Факторы преступности“ и „Репрессія“. Первая изъ названныхъ главъ содержитъ въ себѣ сравнительный обзоръ статистики преступности въ Германіи, Италіи, Австріи, Россіи, Франціи и Англіи. Авторъ приводитъ свидѣтельствующія о ростѣ преступности, впрочемъ, недостаточно точныя цифры иностранной статистики, и подвергаетъ мѣткой критикѣ пріемы веденія русской статистики преступности, которая, по его выраженію, находится у насъ въ такомъ же „хаотическомъ состояніи“, какъ и самое дѣло правосудія. Весьма удачно онъ подмѣтилъ невѣроятность итоговъ нашей статистики за время съ 1894 по 1903 г., изъ которыхъ слѣдуетъ, что только число осужденныхъ за тѣлесныя поврежденія повысилось, число же осужденныхъ по обвиненію въ остальныхъ преступленіяхъ уменьшилось,—и это въ то время, какъ число возникшихъ дѣлъ по всѣмъ родамъ преступленій значительно увеличилось.

Вторая глава посвящена обоснованію воззрѣнія автора на факторы преступности,—воззрѣнія, занимающаго среднее мѣсто между ученіемъ индивидуалистовъ и моралистовъ, которые видятъ причину всѣхъ соціальныхъ золъ, въ томъ числѣ и преступности, въ порокахъ и безнравственности отдѣльныхъ личностей, и тѣмъ взглядомъ, который всѣ явленія преступности сводитъ, какъ къ причинѣ, къ условіямъ общежитія, совершенно игнорируя при этомъ личность преступника. Соглашаясь, что личность преступника сама по себѣ не объясняетъ преступленія, авторъ настаиваетъ на важности положенія, что „соціальные факторы дѣйствуютъ не непосредственно, а черезъ посредство индивидуальныхъ факторовъ, что непосредственнымъ факторомъ преступности является нравственное состояніе личности. Это положеніе представляетъ собою для автора предпосылку для всѣхъ его дальнѣйшихъ разсужденій. Изъ него слѣдуетъ, что для борьбы съ преступностью недостаточно широкихъ соціальныхъ реформъ, имѣющихъ цѣлью подъемъ матеріальной культуры, а необходима самодѣятельность общества, которою достигается пріобщеніе „одинокихъ“ и нравственно заброшенныхъ лицъ къ господствующимъ въ обществѣ понятіямъ о нравственности и представленіямъ о добропорядочности.

Мысль автора совершенно вѣрна; напрасно только онъ дѣлитъ случаи совершенія преступленій подъ вліяніемъ соціальныхъ условій на такіе, въ которыхъ эти условія непосредственно порождаютъ преступленія, и такія, въ которыхъ соціальныя причины приводятъ къ совершенію преступленія черезъ посредство индивидуальной психики: вѣдь само собою понятно, что индивидуальная психика является неизбѣжнымъ по-

средствующимъ звеномъ между соціальными факторами и преступнымъ результатомъ.

Третья глава посвящена той эволюціи, которая наблюдается въ области борьбы съ преступностью. Въ этой эволюціи авторъ различаетъ двѣ главныхъ стадіи. Первую изъ нихъ составляетъ переходъ отъ идеи устрашенія къ идеѣ исправленія. Здѣсь мы встрѣчаемъ у автора, правда, нерѣшительно высказанную, но не лишенную оригинальности мысль, что „быть можетъ... отказавшись отъ устрашенія, отъ причиненія зла, логически слѣдовало бы отказаться отъ самаго наказанія".

Вторая стадія въ развитіи мѣръ борьбы съ преступностью—переходъ отъ репрессіи къ превенціи. Единственная надежная форма этой превенціи—помощь личности, которая не въ состояніи собственными силами удержаться на уровнѣ нормальнаго существованія. Эта помощь оказывается всевозможными союзами и группами, развитіе и умноженіе которыхъ составляетъ знаменіе новаго времени.

Соглашаясь въ общемъ съ тѣми соображеніями, которыя высказаны авторомъ въ 3-й главѣ, мы отмѣтимъ только, какъ безусловно невѣрное, категорически и безъ всякихъ оговорокъ высказанное авторомъ утвержденіе, будто „уголовная кара перестала защищать своекорыстные классовые интересы". Г. Гогелю остались, повидимому, неизвѣстными ни та глава въ „Новомъ ученіи о государствѣ" Антона Менгера, въ которой онъ изображаетъ дѣйствующее уголовное право, какъ отраженіе современнаго общественнаго строя, покоющагося на началѣ господства сильныхъ надъ слабыми, ни книга Виккаро, доказывающаго, что „уголовные законы имѣютъ своею цѣлью защищать... главнымъ образомъ, интересы тѣхъ, въ чью пользу установлена политическая власть", не говоря уже о работахъ другихъ авторовъ, имена которыхъ не пользуются авторитетомъ въ академическомъ мірѣ.

Соотвѣтственно той идеѣ противодѣйствія развитію пауперизма, одиночества, деклассаціи путемъ организаціи союзовъ, которой г. Гогель придаетъ такое большое значеніе, центральное мѣсто въ его книгѣ принадлежитъ главѣ IV („Единенія и союзы въ прошломъ") и гл. V („Современное союзное движеніе"). Между тѣмъ именно эти главы написаны съ чрезвычайной поверхностностью.

Въ гл. IV, вмѣсто того чтобы изслѣдовать на фактическомъ матеріалѣ, какимъ образомъ корпораціи, которыми такъ богато было средневѣковье, противодѣйствовали росту преступности, авторъ ограничивается самымъ бѣглымъ очеркомъ корпоративной полиціи нравовъ и ремеслъ. Ни фактовъ, ни документовъ! Бездоказательность характеризуетъ также и слѣдующую, V главу. Вмѣсто всякихъ аргументовъ, авторъ неизмѣнно повторяетъ: „несомнѣнно", „разумѣется"; „несомнѣнно, что всѣ требованія, предъявляемыя союзами къ членамъ, проникнуты этическими началами", „союзы, несомнѣнно, самые сильные охранители общественнаго строя" и т. д. По вопросу о профессіональной этикѣ, который одинъ могъ бы послужить предметомъ обширнаго изслѣдованія, авторъ счелъ достаточнымъ привести этическія требованія вѣнской корпораціи врачей. Между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія именно съ точки зрѣнія автора. Вѣдь профессіональная этика—это кодексъ требованій, которыя ограничиваютъ область дозволеннаго болѣе узкими предѣлами, чѣмъ уголовный кодексъ. Поэтому союзы, принимая на себя надзоръ за выполненіемъ требованій профессіональной этики, тѣмъ самымъ предупреждаютъ совершеніе преступленій.

Въ главѣ о филантропіи, какъ средствѣ удержанія отъ паденія въ

преступленіе лицъ, экономически и нравственно несостоятельныхъ, г. Гогелю удалось избѣжать того фальшиво-сантиментальнаго тона, который такъ обыченъ въ работахъ по этому предмету. Для него филантропія не благотворительность, не дѣло любви, и даже не работа для нуждающихся, а „работа вмѣстѣ съ ними". Филантропію онъ выводитъ не изъ велѣній сердца, а изъ той „антисептической идеи" (какъ онъ выражается), что всякое общество есть организмъ и что поэтому слѣдуетъ предупреждать зараженіе соціальной гангреною отдѣльныхъ его членовъ, такъ какъ она легко можетъ распространиться и на другія части общественнаго тѣла. Впрочемъ, къ концу главы авторъ уже забываетъ о своемъ опредѣленіи филантропіи и подмѣняетъ слово „филантропія" словомъ— „благотворительность".

Какъ эта, такъ и слѣдующія главы поражаютъ читателя случайностью соединеннаго въ нихъ матеріала и отсутствіемъ планомѣрности въ его изложеніи. Почему авторъ говоритъ объ однихъ филантропическихъ учрежденіяхъ и умалчиваетъ о другихъ не меньшей общественной важности? Почему онъ счелъ нужнымъ выдѣлить въ особыя главы описанія дѣятельности Арміи Спасенія и германской Innere Mission? Исключеніе, которое авторъ дѣлаетъ для названныхъ учрежденій, онъ объясняетъ тѣмъ, что они „наиболѣе пенитенціарны". Но изъ его описанія этого не видно: онъ много говоритъ объ организаціи Innere Mission и Арміи Спасенія и ничего—о результатахъ ихъ усилій противодѣйствовать преступности. Въ числѣ средствъ борьбы съ преступностью авторъ называетъ здѣсь, придавая имъ большое значеніе, „чтеніе проповѣдей" и „нравственное увѣщаніе". Едва ли нужно говорить, какъ это мало гармонируетъ съ убѣжденіемъ автора, что пауперизму принадлежитъ первенствующее мѣсто въ числѣ факторовъ преступности.

Въ главѣ о „союзахъ для поднятія уровня общественной нравственности" авторъ окончательно впадаетъ въ то морализированіе, которое такъ мало умѣстно въ научной работѣ и опасность котораго онъ самъ, повидимому, предвидѣлъ въ главѣ о „филантропіи". Онъ скорбитъ о томъ, что „въ современномъ обществѣ нѣтъ ни настоящей справедливости, ни любви къ истинѣ, ни солидарности, ни взаимнаго уваженія" и рекомендуетъ въ цѣляхъ борьбы съ преступностью, чтобы „люди, любящіе истину, понимающіе недостатки современнаго общественнаго строя, объединились въ общества для совмѣстной дѣятельности по распространенію тѣхъ принциповъ, которые могутъ поднять уровень общественной нравственности".

Впечатлѣніе крайней поверхностности производитъ глава объ „участіи общества въ отправленіи правосудія". Достаточно сказать, что суду присяжныхъ, который является главной формой несенія представителями общества судебныхъ функцій, авторъ посвящетъ ровно полстраницы. Правда, онъ ссылается на другія свои работы о судѣ съ присяжными засѣдателями, но отъ этого глава не выигрываетъ въ полнотѣ и цѣльности.

Въ послѣдней главѣ авторъ подводитъ итоги своей работѣ. Съ большимъ удовольствіемъ мы прочли заключительныя страницы въ книгѣ, на которыхъ г. Гогель, характеризуя отношеніе современной науки уголовнаго права къ перевороту, наблюдаемому въ дѣлѣ практической борьбы съ преступностью, горячо протестуетъ противъ той растраты силъ на разработку догмы уголовнаго права, которая совершается въ ущербъ сближенію науки съ жизнью.

Въ работѣ г. Гогеля совершенно нѣтъ того, что называется „на-

правленіемъ". По крайней мѣрѣ, нѣтъ опредѣленнаго направленія. Едва ли въ этомъ можно видѣть достоинство книги, написанной на тему общественнаго характера. Насколько наше утвержденіе справедливо, видно хотя бы изъ слѣдующихъ сопоставленій. На стр. 36 и слѣд. г. Гогель яркими красками изображаетъ угнетенное состояніе рабочаго класса, а на стр. 83 онъ уже упоминаетъ, какъ о совершившемся фактѣ (ссылаясь на проф. Кистяковскаго), о „прекращеніи эксплоатированія одного класса другимъ?" На стр. 147 онъ признаетъ, что мы присутствуемъ при экономической и соціальной эволюціи, совершающейся въ согласіи съ предсказаніями Маркса; на стр. 199 онъ говоритъ: „важно поднятіе общественнаго духа, пониманіе общихъ интересовъ, на что обращаетъ такое вниманіе современное соціалистическое движеніе" (слѣдуетъ ссылка на проф. Исаева); можно было бы подумать, что авторъ приверженецъ такъ наз. научнаго соціализма, а между тѣмъ не только многія страницы, но и цѣлыя главы книги написаны въ столь примирительномъ тонѣ, что въ немъ можно заподозрѣть развѣ только сторонника христіанскаго соціализма.

Языкъ книги г. Гогеля всего болѣе свидѣтельствуетъ о той небрежности, съ которой онъ отнесся къ выполненію своей работы. Въ ней встрѣчается множество стилистическихъ погрѣшностей вродѣ слѣдующихъ: „кооперація не есть въ сущности самая сущность современной демократіи" (стр. 142); подтвержденія этому утвержденію я нигдѣ не нашелъ (стр. 246); „усиленіе" (вмѣсто: увеличеніе) „населенія" (стр.47); „помощь личности, которой *непосильна* борьба собственными *силами* за нормальное существованіе" (стр. 80). На стр. 13 безразлично употребляются термины „осужденный" и „подсудимый".

Въ общемъ слѣдуетъ признать, что книга г. Гогеля по своимъ качествамъ значительно уступаетъ его статьямъ, соединеннымъ имъ въ сборникѣ „Вопросы уголовнаго права, процесса и тюрьмовѣдѣнія".

Н. Полянскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ ред. *Гернета, Гольдовскаго и Сахарова.*

Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. Изд. второе, дополненное. Ц. 1 р. 25 к. Противъ смертной казни можно приводить аргументы двоякаго рода: можно доказывать, что смертная казнь несправедлива и нецѣлесообразна, что она противорѣчитъ основамъ современной морали и заповѣдямъ Евангелія, что въ борьбѣ съ преступностью она безсильна и безсмысленно жестока. Но можно ничего не *говорить* о смертной казни, можно только *описывать* ея исполненіе, рисовать печальныя картины того, какъ человѣкъ убиваетъ человѣка. И это описаніе—простое, безыскусственное—является лучшимъ аргументомъ противъ смертной казни.

Въ „Сборникѣ" есть одна статья, которая только описываетъ, как происходятъ смертныя казни. Это блестящая, потрясающая статья г. Вл димірова. Онъ разсказываетъ о „казняхъ безъ суда" и „казняхъ п суду". „Казни безъ суда"—это тріумфальное шествіе полковника Рима съ солдатами семеновскаго полка. „Казни по суду"—это разстрѣлы приговору военныхъ судовъ, это *публичное* исполненіе смертныхъ пр

говоровъ гвардейскими офицерами. И при чтеніи объ этихъ казняхъ невольно возникаетъ вопросъ: нормальны ли тѣ люди, которые въ наше время защищаютъ смертную казнь?

Аргументы научные и этическіе приводятся въ статьяхъ Вл. Соловьева, свящ. Г. Петрова, Н. В. Давыдова и др. Трудно теперь привести какіе-нибудь *новые* доводы противъ „законнаго убійства". Но постольку, поскольку старые общеизвѣстные доводы имѣютъ значеніе, въ упомянутыхъ статьяхъ они оттѣнены съ надлежащей полнотой.

Кромѣ этихъ статей заслуживаютъ вниманія письма иностранцевъ-мыслителей, ученыхъ, писателей—о смертной казни въ Россіи, статистическое значеніе имѣютъ цифры смертныхъ приговоровъ, вынесенныхъ въ Россіи съ 1826 по 1906 г., приводимыя пр.-доц. Гернетомъ, наконецъ, величайшій интересъ представляетъ стенографическій отчетъ тѣхъ засѣданій первой Государственной Думы, на которыхъ такъ страстно обсуждался вопросъ о смертной казни.

Я считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе читателя еще на слѣдующія статьи: во-первыхъ, на статью Н. Н. Баженова („Психологія казнимыхъ"), въ которой раскрывается весь ужасъ сознанія человѣка, увѣреннаго, что черезъ нѣсколько мгновеній онъ долженъ умереть; и, во-вторыхъ, на статью проф. Чубинскаго. Въ ней сообщается, что военные суды получили неопубликованный циркуляръ приговаривать за нѣкоторыя преступленія исключительно къ смертной казни!

Таково содержаніе „Сборника". Оно говоритъ само за себя, мы же можемъ только желать самаго широкаго распространенія такой книги, которая ставитъ своей цѣлью борьбу со смерной казнью.

Г. Зак.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1907 г.

Акты царствов. Екатерины II: учрежденія для управл. губерній и жалов. грамоты дворянству и городамъ. Изд. моск. высш. женскихъ курсовъ. М., 1907 г. Ц. 60 к.

Анцыферовъ, А. Н. Кооперація въ сельск. хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ, 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Башкинъ, Б. Стихотворенія. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Берлинъ, П. А. Политическія партіи въ Западной Европѣ. Спб., 1907 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека „Просвѣщенія“. № 43) *Марксъ, К.* Восемнадцатое брюмера Люд. Наполеона. Ц. 30 к. № 44) *Энгельсъ, Фр.* Антидюрингъ. Ц. 1 р. № 45) *Люксембургъ, Роза.* Соціальная реформа или революція? Ц. 30 к. № 46) *Іекка, Г.* Интернаціоналъ. Ц. 80 к. Спб.

Библіотека для дѣтей И. Горбунова-Посадова. 1) Желѣзная дорога. Ц. 40 к. 2) Шалуны. Ц. 30 к. 3) Друзья-пріятели. Ц. 25 к. 4) Черезъ рѣчку. Ц. 40 к. 5) Снѣгурка. Ц. 30 к. 6) Теремокъ мышки. Ц. 30 к. 7) Любимая книжка. Ц. 30 к. 8) Лѣсные звѣри. Ц. 20 к. 9) Первые цвѣточки. Ц. 12 к. 10) Рождественскій подарокъ. Ц. 15 к. М., 1907 г.

Боголѣповъ, М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. Спб. Ц. 1 р.

Бондаревъ, С. Тактика трудовой группы. Спб., 1907 г. Ц. 10 к.

Вѣлый, Я. М. Изъ недавней старины. Новгородъ, 1907 г.

Бэльше. Происхожденіе человѣка. Перев. съ нѣмец. Б. Г. Брауна. Спб., 1907 г. Ц. 45 к.

Вахтеровъ, В. П. Библіотека для учащихъ. Вып. I и II. Ц. 50 к. и 25 к. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 г.

Вейнбергъ, Б. П. Люди жизни, думайте о грядущихъ поколѣніяхъ. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Вилліамъ, Г. Рабство и освобожденіе негровъ. Изд. М. Н. Прокоповича. М., 1907 г. Ц. 6 к.

Виташевскій, Н. А. Старая и новая якутская ссылка. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Вопросы государ. хозяйства и бюджетнаго права. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вяткинъ, Г. Стихотворенія. Томскъ, 1907 г. Ц. 25 к.

Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ. Ч. I. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Гельдъ. Соціальная исторія Англіи. Перев. П. Шутякова. Вып. I. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Генигинъ, Ив. Зарницы. Рига, 1907 г. Ц. 45 к.

Гёре, П. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. М., 1907 г. Ц. 75 к.

Глѣбовъ, Ив. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Новочеркасскъ, 1907 г. Ц. 1 р.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Братская кровь. Изд. „Посредника“. М., 1907 г. Ц. 3 к.

Гуревичъ, С. Радикальная буржуазія и профессіональные союзы. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Денисюкъ, Н. Начало политической экономіи. М., 1907 г. Ц. 1 р. 89 к.

Джонъ Дьюи. Школа и общество. Перев. съ англ. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Джорджъ, Генри. Земельный вопросъ. Перев. съ англ. С. Николаева. М., 9107 г. Ц. 10 к.

Диллетантъ. Попытка сказать правдивое слово о земельн. вопросѣ. М., 1907 г. Ц. 25 к.

Дицгенъ, Іосифъ. Философія соціалъ-демократіи. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 60 к.

— Сущность головной работы человѣка. Изд. П. Г. Дауге. М., 1907 г. Ц. 80 к.

Доклады моск. губ. земск. управы по врач. санитар. организаціи. Декабрь 1906 г.

Евалинъ, З. Бюджетный контроль и система государственной отчетности при конституціонномъ образѣ правленія Спб. Ц. 1 р.

Исторія Россіи въ XIX в. Вып. I. Цѣна отдѣльн. вып. 1 р. 35 к. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. М., 1907 г.

Источники по исторіи реформаціи. Вып. II. Изд. высш. женск. курсовъ. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Теорія личности П. Л. Лаврова. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Козловъ, Петръ. „Экзерсисы". Вологда, 1907 г.

Корабли. Сборникъ стиховъ и прозы. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Краткій обзоръ дѣятельности рижской городской управы за 1906 годъ. Рига, 1907 г.

Кречетовъ, С. Алая книга. Стихотворенія. Изд. „Грифа". М., 1907 годъ. Ц. 60 к.

Кузьминъ, М. Крылья. Изд. „Скорпіонъ". М., 1907 г. Ц. 80 к.

Ландау, Г. Безсиліе націоналистскаго творчества. Спб., 1907 г. Ц. 10 к.

Леманскій, Янъ. Басни. Перев. съ польск. Е. Шведеръ. 1906 г.

Лотоцкій, А. И. На поворотѣ. Спб., 1907 г.

Лукьянская, В. Другъ за дружкой. Разск. для дѣтей. М., 1907 г. Ц. 40 к.

Люблинскій, П. И. Право амнистіи. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.

Маклецова, Н. (Дегаева). Предатель. Повѣсть изъ жизни „Народной воли". Спб.,1907 г. Ц. 75 к.

Матусевичъ, І. То были не крылья. Ростовъ-на-Д., Ц. 20 к.

Марксъ, К. и Энгельсъ, Фр. Литературное наслѣдство. Т. I. Изд. т-ва „Міръ". М., 1907 г. Ц. 2 р. 25 к.

Махъ, Э. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Перев. съ нѣм. Г. Котляра. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 75 к.

Мельниковъ, Н. К. (Сибирякъ). Два міра. Берлинъ, 1907 г. Ц. 90 к.

Метерлинкъ. Т. II. Перев. Л. Вилькиной. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Ц. 2 р.

Морозовъ, Николай. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 35 к.

Наживинъ, Ив. На высотѣ. Ц. 2 к.
— Благодѣтели. Ц. 4 к. Изд. „Посредника". М., 1907 г.

Озеровъ, И. Х. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги? Ц. 1 р.
— На борьбу съ народной тьмой. Ц. 10 к.
— Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа. Ц. 10 к. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 г.

тчетъ Тверской губ. земск. управы за 1904 годъ и приложенія къ нему. Тверь, 1906 г.

тчетъ комиссіи безплатн. народн. библіотекахъ-читальн. об-ва распр. полезныхъ книгъ. М. 1907 г.

четы санитарн. врачей спб. земства за 905 г. Спб. 1906 г.

этровъ, Т. В. Основы общественной жизни по ученію Евангелія. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Поповъ, В. И. Химія для самообразованія. М., 1907 г. Ц. 90 к.

Постниковъ, А. П. Систематич. курсъ практич. работъ по общей химіи. М. 1907 г. Ц. 60 к.

Поступаевъ, Ѳ. Жена рабочаго и друг. разск. Ц. 3 к.
— У земли и у котла. Ц. 20 к. Изданіе „Посредника". М., 1907 г.

Протоколы и труды об-ва калужскихъ врачей за 1903, 1904, 1905 и 1906 гг. Калуга, 1907 г.

Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ редакц. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. Изд. второе дополненное. Ц. 1 р. 25 к.

Розингъ, Б. Физика для народа. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Сахаровъ, А. А. На пути къ братству народовъ. Казань, 1907 годъ. Ц. 60 к.

Спекторскій, Е. Очерки по философіи общественныхъ наукъ. Вып. I. Варшава, 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1906 г.

Стенографическій отчетъ засѣданій Тверской губ. земск. собр. сессіи 1904 года. Тверь, 1906 г.

Степнякъ-Кравчинскій, С М. Штундистъ Навелъ Руденко. Спб.,1907 г. Ц. 1 р.

Тардье. Скука. Психологич. изслѣдов. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Тацына, Лидія. Искорки. Изд. 2-е. 1907 г.

Темный, Н. Наслѣдство. Изд. „Посредника". М., 1907 г. Ц. 3 к.

Тимковскій, Н. Передъ судомъ. Изд. „Посредника". М., 1907 г. Ц. 2 к.

Толстой, Л. Н. Божеское и человѣческое. М., 1907 г. Ц. 25 к.

Уваровъ, М. С. и Лялинъ, Л. М. Охрана жизни и здоровья работающихъ. М., 1907 г. Ц. 3 р.

Чайковскій, Модестъ. Катерина Сіенская. Мистерія. М., 1907 г.

Чернобаевъ, Евгеній. Стихи. Спб., 1907 г. Ц. 60 к.

Чернышевъ, В. И. Изъ исторіи русскаго правописанія. Спб. 1907 г.

Чернышевъ, В. Школьникъ. Русск. учебн. хрестоматія. Спб., 1907 г. Цѣна 60 к.

Чуковскій, К. Поэтъ анархистъ Уотъ Уитманъ. Перев. въ стих. и характеристика. Ц. 50 к.

Шелли. Ченчи. Трагедія. Перев. К. Д. Бальмонта. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Шницлеръ, Артуръ. Діалоги. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. Ц. 1 р.

Шторнъ, І. Государство будущаго. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. Ц. 8 к.

Юшкевичъ, С. Человѣкъ. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. Ц. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Библіографическаго отдѣла.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *Сергѣй Городецкій.* Ярь. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе.—*Викторъ Стражевъ.* О печали свѣтлой 85

Исторія, исторія литературы, критика: *Проф. Брюкнеръ.* Исторія русской литературы въ 2-хъ частяхъ. Перев. Саввинскаго подъ ред. Битнера.—*П. Кропоткинъ.* Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Перев. съ англійск. В. Батуринскаго.—*Кн. А. И. Урусовъ.* Статьи его о театрѣ, о литературѣ и объ искусствѣ. Письма его. Воспоминанія о немъ. Т. I—III.—*Ник. Поярковъ.* Поэты нашихъ дней.—*Г. Аванасьевъ.* Исторія Ирландіи.—*И. П. Ювачевъ* (*И. П. Миролюбовъ*). Шлиссельбургская крѣпость.—Записки Вас. Петр. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ примѣч. и предисл. *Б. Л. Модзалевскаго* 87

Политическая экономія: *В. Я. Железновъ.* Очерки политической экономіи. 5-е изд. 95

Юридическія книги: *Прив.-доц. С. К. Гогель.* Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. 96

Публицистика: Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ ред. *Гернета, Гольдовскаго и Сахарова.* 100

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1907 г.

БОЛЬНЫМЪ

Настоящее объявленіе просимъ вырѣзать для себя или передать нуждающемуся въ лѣченіи **Сперминомъ.**

Французскій врачъ профессоръ Броунъ-Секаръ, 72-лѣтній старикъ, вынужденъ былъ старческимъ ослабленіемъ силъ къ отказу отъ врачебной практики и чтенія лекцій. Въ ослабѣвшемъ тѣлѣ профессора еще работала мысль и, понятно, особенно сильно надъ тѣмъ, какъ бы возвратить себѣ энергію молодости. Растеревъ железы только что убитаго здороваго кролика въ солоноватой водѣ и процѣдивъ черезъ батистъ полученную въ ступѣ жидкость (сперминъ), Броунъ-Секаръ впрыснулъ себѣ подъ кожу и послѣ перваго же впрыскиванія почувствовалъ себя бодрѣе. Послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній онъ сталъ снова читать лекціи, увлекая ясностью изложенія своихъ слушателей-студентовъ.

Съ тѣхъ поръ врачи установили, что сперминъ незамѣнимъ при упадкѣ силъ отъ старости, малокровія (анэміи, блѣдной немочи, рахита) чахотки или друг. тяжкихъ заболѣваній, при разстройствѣ нервной системы отъ умственнаго и физическаго переутомленія, половыхъ излишествъ, онанизма, при сухоткѣ и параличахъ, при мужскомъ слабосиліи, при водянкѣ отъ неправильной дѣятельности сердца, сахарномъ мочеизнуреніи и для очистки организма при золотухѣ, не вполнѣ излѣченномъ сифилисѣ, подагрѣ и пр.

„Я предвижу въ недалекомъ будущемъ моментъ, когда всѣ и каждый, испытавъ сперминъ на себѣ и своихъ близкихъ, отдадутъ себѣ отчетъ въ удивительныхъ свойствахъ ихъ поддержанія здоровья и силъ, а также излѣченія болѣзней". Проф. д-ръ Гуазэ.

Выдержки изъ отзывовъ больныхъ о получ. отъ Калениченко сперминѣ.

Г. Калениченко! Шесть лѣтъ я страдаю лихорадкой, сильно истощился, ничто мнѣ не помогало. Съ постели почти не вставалъ. Пришлось отказаться отъ физической и умственной работы. Послѣ пріема высланнаго вами 1 флакона спермина результатъ поразительный: боли и ломота исчезли, силы возвратились и работа не очень тяготитъ меня. Чувствительно благодарный вамъ *Варлаамъ Ва-нія.* М. Сальяны, Бакинской губ., Водок. кн. діани. 6/XII, 1906 г.

Глубокоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Результаты пріема 2-хъ флаконовъ спермина восходятъ всѣ самыя радужныя ожиданія мои. флакона спермина сдѣлали то, чего не могли лать два сезона на Кавказѣ, за что приношу свою чую благодарность за сперминъ, буквально вер-шій меня къ жизни. Готовый къ услугамъ *П. В. ивановъ.* Г. Липецкъ, Маріинскій заводъ, 25-го ября 1906 г.

ажаемый г. *Калениченко!* Мой мужъ болѣлъ атизмомъ нѣсколько лѣтъ, былъ истощенъ и слабъ и не оставлялъ постели. Аппетитъ и сонъ отсутствовали. Но какъ только началъ употреблять вашъ сперминъ, то сталъ сейчасъ поправляться, появились аппетитъ и сонъ, страданія прекратились, сталъ веселъ и теперь совершенно здоровъ. Вѣсъ тѣла увеличился на 11 фунтовъ. *Съ почтеніемъ А. В—цель. Рига, Перновская ул., д. № 7, кв. 7.*

Г. Калениченко, Д. К. По причинѣ тяжелаго горя и болѣзни, у меня разстроилось здоровье, силы совершенно ослабли; жизненный интересъ ко всему былъ потерянъ. Послѣ пріема присланныхъ вами 4-хъ флаконовъ спермина почувствовала возрожденіе своихъ силъ и энергіи, аппетитъ и сонъ теперь хороши, чувствую себя великолѣпно и намѣрена принимать сперминъ и на дальнѣйшее время. Дворянка Екатерина Петровна Микулина. Херсонской губ., гор. Ананьевъ.

М. г., *г. Калениченко!* Я испытывалъ сильную боль головы и позвоночнаго столба, престрашный шумъ въ ушахъ, и все это, по принятіи мною 2-хъ флаконовъ вашего спермина, прекращается. Бывшіе на яичкахъ большіе придатки (затвердѣнія) совершенно уничтожились; сонъ хорошъ, какого раньше не было; ѣмъ за троихъ, чувствую силу и бодрость, словомъ, скажу, что сперминъ спасъ меня отъ смерти, которой я уже желалъ. Съ почтеніемъ къ вамъ С. Кудряшевъ, Самаркандъ. 9/II 1907 г.

Доброжелательный *Д. К. Калениченко!* Я рѣшилъ загубить 10 р. и попробовать ваше средство. Два года тому назадъ я болѣлъ сифилисомъ и до сихъ поръ не могъ избавиться отъ его послѣдствій, но послѣ пріема только 3-хъ флаконовъ спермина я положительно не узнаю себя: изъ очень худого и блѣднаго я превратился въ довольно свѣжаго человѣка (за 28 дней прибавилось 5 фунтовъ вѣса). Если сперминъ такъ будутъ поддерживать мой организмъ, то я согласенъ истратить на нихъ треть своего жалованья. Механикъ *Ѳ. В. Эль—ръ,* Москва, Арбатскія ворота. 25/I 1907 г.

Имѣется нѣсколько сотъ восторженныхъ отзывовъ больныхъ о прекрасномъ дѣйствіи на нихъ спермина лабораторіи Д. Калениченко и почти ежедневно поступаютъ новые.

Сперминъ (extractum testiculorum)

для внутренняго употребленія д-ра медицины А. Тельнихина, лаборат. Д. Калениченко. Директоръ лабор. д-ръ І. Ив. Соллогубъ, ассистен. наблюдат. д-ра С. Д. Языковъ и А. Е. Левинъ. Цѣна 1 флакона спермина 2 руб. 50 коп. Пересыл. 1—3 предм. 50 коп. Высыл. и наложен. платежомъ.

Брошюра о сперминѣ со отзывами о немъ врачей и больн. высылается безплатно.

Адресъ Д. КАЛЕНИЧЕНКО: Москва, Петровскій бул., д. № 182. („Эрмитажъ").

Фабрики существуютъ съ 1833 г.

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха СОФІЙКА.

Основной капиталъ общества 6.000.000 р.

Дамское и дѣтское ПРИДАНОЕ

ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ.

Получены ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ дамскихъ сорочекъ, кофтъ, матинэ, юбокъ, постельныхъ приборовъ и пр. Роскошный выборъ МОДНЫХЪ ДАМСКИХЪ БЛУЗОКЪ.

ДЛЯ МУЖСКОГО БѢЛЬЯ имѣются послѣднія новости ЗАГРАНИЧНЫХЪ ЗЕФИРОВЪ.

МАГАЗИНЪ

КАНЦЕЛЯРСКИХЪ И ПИСЧЕБУМАЖНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

МОСКВА, Никольская, д. Чижовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ на исполненіе типографскихъ работъ, конторскихъ книгъ, доставку всевозможныхъ канцелярскихъ принадлежностей въ учебныя и общественныя учрежденія.

Обширный выборъ НОВОСТЕЙ.

XXXIX г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки. **5 руб.** съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ.

(„Дѣтское Чтеніе“.)

Вышла майская книга журнала „Юная Россія“ за 1907 г.

Содержаніе: I. Келейникъ. **А. Е. Архипова.** Рисунокъ на отдѣльной страницѣ. II. Въ свѣтлый день. (Сироткѣ). Стихотвореніе. **Анатолія Доброхотова.** III. Свѣтлая утреня голодныхъ. (Эпизодъ изъ жизни Юліаніи Лазаревской). **Е. Н. Опочинина.** Съ рисунками художника **Турманскаго.** IV. Старые хомуты. **Т. Щепкиной-Куперникъ.** V. Разливъ Волги. Стихотвореніе. **Анатолія Доброхотова.** VI. Крестьянскія дѣти. Окончаніе. Съ рисунками. **П. и А. Сергѣенко.** VII. Чернобыль. Стихотвореніе. **К. Бальмонта.** VIII. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. **Джека Лондона.** Переводъ съ англійскаго **Р. Рубиновой.** Глава II.—Неволя. Глава III.—Отщепенецъ. Съ рисунками. Продолженіе. IX. Голубь. **Н. Кузнецова.** X. Безсмертная любовь. (Индійская сказка.) Съ англійскаго. Проф. **А. Л. Погодина.** Окончаніе. XI. Красота-побѣдительница. (Ассирійская сага о сотвореніи розы). **В. Гатцука.** XII. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна). Глава V.—Абе задумывается. **Ал. Алтаева.** Съ рисунками художника **Гарнана.** Продолженіе. XIII. На Балхашѣ. Съ рисунками. Продолженіе. Проф. **А. М. Никольскаго.** XIV. Весна. Стихотвореніе. **Ив. Назарева.** XV. Приходъ весны. Стихотвореніе. **Анатолія Доброхотова.** XVI. Изъ исторіи общества и государства. Очеркъ первый.—Исторія трудового народа. V.— Городской рабочій людъ. **Я. А. Берлина.** Съ рисунками. Продолженіе. XVII. Замокъ въ морѣ. Стихотвореніе. **Н. Фольбаума.** XVIII. Какъ погибли Нарты-Эрхстуа. (Чеченское преданіе). **В. Гатцука.** XIX. Изъ жизни людей.—Промысловая охота въ Вишерскомъ краѣ. **М. Робуша.** Съ рисункомъ.—Соль. **Е. Т.** XX. Объявленія.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

1 р. 75 к. безъ перес. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 Г.** **2 р.** съ перес.

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Вышла майская книжка журнала „Педагогическій Листокъ“ за 1907 г.

Содержаніе: I. Моя жизнь. Записки **Н. Ѳ. Бунакова.** Продолженіе.—II. Изъ воспоминаній инспектора народныхъ училищъ. **Н. Синицына.** III. Святыя слова. **Сергѣя Булгакова.** IV. Темпераменты и характеры. **К. Тюлеліева.** Продолженіе. V. Весною Стихотвореніе. **Е. Буланиной.** VI. Дѣятели освобожденія. VII. А. С. Пушкинъ и декабристы. **Н. Я. Абрамовича.** VI. Изъ весеннихъ думъ. Стихотвореніе. **И. Бѣлоусова.** VIII. Наша школа. **Н. А. Скворцова.** IX. Англійскій билль по народному образованію 1906 г. X. Изъ отчета Общества попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ. XI. Н. П. Вагнеръ. **В.** XII. Среди журналовъ и газетъ. **В.** XIII. Библіографія. **Е. Елачичъ.** О жизни на морскихъ глубинахъ. **Д. В.**—Ѳ. И. Егоровъ. Методика ариѳметики. **Д. Л. В—скаго.**—Е. Елачичъ. Пять разсказовъ и Фыръ-Фырка. Его же „Вана“ или то, что можетъ случиться съ каждымъ. **Д.**—Н. А. Скворцовъ. Какъ животныя защищаются отъ враговъ. **Л—ча.**—Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Л. Н. Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. **В.**—Г. И. Россолимо. Планъ изслѣдованія дѣтской души. **В.**—Л. и О. Рудевичъ. Дѣтская душа. Сборникъ художественныхъ отрывковъ изъ произведеній русскихъ писателей, обрисовывающихъ психологію дѣтей **В.**—Труды перваго всероссійскаго съѣзда по экспериментальной психологіи въ С.-Петербургѣ въ 1906 г. Отчетъ, составленный секретаремъ съѣзда М. М. Коноровымъ. **Д. Л. В—скаго.**—П. Знаменскій. Памятная книжка для дѣтей, любителей природы. **В.** XIV. Списокъ книгъ, поступившихъ для отзыва. XV. Постороннія сообщенія. XVI. Приложеніе. Какъ постепенно дошли люди до настоящей ариѳметики. Общедоступные очерки для любителей ариѳметики. **В. Беллюстина.** Листъ тринадцатый. Окончаніе.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова и у книгопродавцевъ.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ И. Тихомировъ.**

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Серія періодическихъ сборниковъ, издаваемая при Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, подъ редакціей пр.-доц. Н. Д. Виноградова (философск. отд.), М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ), пр.-доц. І. М. Гольдштейна (эконом. отд.), Б. А. Кистяковскаго (юридическій отд.), пр.-доц. Н. К. Кольцова (естеств.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

ЦѢЛЬ ИЗДАНІЯ:

поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

Программа изданія: 1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библіографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученыя и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4 до 6 печ. листовъ, цѣной отъ 25 до 40 к. за книжку. Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за стран.

20 апрѣля поступилъ въ продажу первый выпускъ, содержащій 3 обзора и 53 рецензіи; 128 стр., ц. 40 коп. 15 мая выйдетъ второй выпускъ.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, С. М. Барацъ, М. В. Бернацкій, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, М. И. Боголѣповъ, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив. доц. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, М. И. Бѣлоруссовъ, Андрей Бѣлый, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынскій, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, Б. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. П. П. Гензель, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, доц. В. М. Гессенъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. Б. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Ѳ. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. Денъ, Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, доц. В. Б. Ельяшевичъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, прив.-доц. А. А. Ивановскій, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, прив.-доц. В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, А. Н. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, Т. П. Кравецъ, прив.-доц. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крашенинн, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Мировичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, прив.-доц. С. В. Познышевъ, прив.-доц. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М. Рыкачевъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Ѳ. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Семененко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. П. П. Соколовъ, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, проф. Ѳ. В. Тарановскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, прив.-доц. А. Ѳ. Флеровъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Франкъ проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, проф А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Г. Г. Шпетъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ. Е. Н. Ященко, акад. И. И. Янжулъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, прив.-доц. А. С. Ященко.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семеновича, кв. 16.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Никольская.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

Открыта подписка на 1907 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ВОРОНЕЖСКОЕ СЛОВО.

(Второй годъ изданія).

Газета проводитъ взгляды партіи «народной свободы» (конституціонно-демократической партіи).

Въ газетѣ принимаютъ участіе: гг. **Арнольдъ, Баженовъ, Брюхатовъ, Вергежскій, Вернадскій, Винаверъ, Гессенъ В., Гессенъ І., Гредескулъ, Гуревичъ, кн. Петръ Долгоруковъ, Дживелеговъ, кн. Пав. Долгоруковъ, Ефросъ, Ждановъ, Зубрилинъ, Игнатовъ, Изгоевъ, Іорданскій, Киссеветтеръ, Кокошкинъ, Колюбакинъ, Комиссаровъ, Котляревскій, кн. Крапоткинъ, Левинъ, Ледницкій, Липманъ, Маклаковъ, Максимовъ, Мендельштамъ, Мельгуновъ, Милюковъ, Набоковъ, Новгородцевъ, Петрункевичъ, Плетневъ, Пржевальскій, Родичевъ, Родіоновъ, Розенбергъ, Соколовъ, Сперковъ, Струве, Устиновъ, Фридманъ, Шершеневичъ, Щепкинъ, Якушкинъ** и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ):

	12 м.	11 м.		10 м.		9 м.		8 м.		7 м.		6 м.		5 м.		4 м.		3 м.		2 м.		1 м.	
	Р.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Съ доставкой въ г. Воронежѣ или перес. въ др. мѣсти. Имперіи	6	5	50	5	10	4	65	4	20	3	75	3	20	2	90	2	50	2	10	1	50		80
За границу . . .	12	11	5	10	10	1	15	8	20	7	20	6	20	5	40	4	50	3	60	2	50	1	30

Отдѣльный № 5 к.

Учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народнымъ учителямъ, безплатнымъ народнымъ библіотекамъ, крестьянамъ и рабочимъ, подписывающимся черезъ свои организаціи, допускается съ объявленной подписной платы скидка въ 20%.

Объявленія принимаются на первой страницѣ 10 коп. за строчку петита, на четвертой 5 коп. за строчку, многократныя объявленія по особой удешевленной таксѣ.

Подписка принимается и въ Острогожскѣ въ аптекарскомъ магазинѣ **М. И. Карачунскаго.**

Редакторъ **А. Г. Михайловскій.** Издатель **В. И. Колюбакинъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ

КОСТРОМИЧЪ.

ъ газетѣ печатаются письма и телеграммы костромскихъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта

леграммы С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства. Кромѣ того, редакція будетъ лучать телеграммы и сообщенія собственныхъ столичныхъ корреспондентовъ о занiяхъ Государственной Думы и о всѣхъ наиболѣе выдающихся событіяхъ русской жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 1 годъ.	На ½ года.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
иногородныхъ . .	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	60 к.
гор. Костромѣ . .	5 „	2 „ 50 „	1 „ 25 „	— „ 90 „	50 „

Открыта подписка на 1907 годъ

НА ТОВАРИЩЕСКІЕ СБОРНИКИ

НОВОЕ СЛОВО.

Подписная цѣна на ЧЕТЫРЕ сборника 3 рубля

(съ пересылкой и доставкой).

ВЫШЕЛЪ ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Иванъ Бунинъ—Тезей, Берегъ, Наслѣдство, Стамбулъ (стихи). Цифры (разсказъ). **Скиталецъ**—Манифетъ. **А. Ѳедоровъ**—стихи и очеркъ «Азорскіе острова». **Н. Крашенинниковъ**—Восемь лѣтъ. **Е. Чириковъ**—Соломонъ и Розалія. **Н. Тимковскій**—Мечты. **С. Юшкевичъ**—Панорама. **С. Найденовъ**—Дѣти Ванюшина. Неизданный IV актъ. **П. М. Чеховъ**—Объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. **С. Глаголь**—И. И. Левитанъ (съ неизданными снимками съ картинъ и рисунковъ художника).

Цѣна сборника 1 рубль.

Для второго сборника намѣчаются: **М. Арцыбашевъ** — Счастіе. **И. Бунинъ**—Разсказъ и стихотворенія. **Т. Шевченко**—Иванъ Гусъ, неизданная поэма въ переводѣ И. А. Бѣлоусова. **Н. Гаринъ**—Встрѣча. **Н. Телешовъ**—Цвѣтокъ папоротника. **Б. Зайцевъ**—Разсказъ. **А. Купринъ**—Разсказъ. **С. Найденовъ**—Пьеса. **Ю. Бунинъ**—Изъ прошлаго. **Ю. Айхенвальдъ**—Критическіе этюды. Кромѣ того:

неизданныя письма изъ Сибири и Сахалина

Антона Павловича Чехова.

Розничная цѣна каждаго сборника—**одинъ рубль**, но предварительная **подписка** опубликовывается теперь же **на четыре сборника** съ подписною цѣной **три рубля.**

Подписка принимается въ конторѣ сборниковъ: **Москва, Тверская, Мамоновскій пер., д. Карякиной,** а также въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ (магазины удерживаютъ прежніе 5%).

Складъ изданій „Новаго Слова", кромѣ конторы редакціи, находится при книжныхъ магазинахъ С. А. Скирмунта „Трудъ": 1) въ Москвѣ—Тверская, д. 38, 2) въ Петербургѣ—Невскій, д. 60.

Подписная цѣна на четыре сборника **три рубля.** Отдѣльный сборникъ **одинъ рубль.** За границу—**вдвое.**

Объявленія принимаются **только** при **наличномъ** разсчетѣ. Цѣлая страница—**200 р.**, 1/2 стр.—**100 р.**, 1/4 стр.—**50 р.** При годовыхъ заказахъ скидка. На обложкѣ объявленія не помѣщаются.

Отъ саратовскаго отдѣленія комитета Императорскаго вольно-экономическаго общества и московскаго комитета общественной помощи голодающимъ.

Населеніе Саратовской губерніи переживаетъ послѣдствія 2-лѣтнихъ подъ рядъ полныхъ неурожаевъ хлѣбовъ. У большинства населенія, особенно сѣверныхъ уѣздовъ, нѣтъ ни хлѣба, ни корма для скота. Много не только мелкаго, но и крупнаго скота, и лошадей еще съ осени распродано за безцѣнокъ, а вырученныя деньги проѣдены... Нужда пріобрѣтаетъ особенно острый характеръ теперь—передъ весною: на почвѣ недоѣданія появляются массовыя заболѣванія тифомъ и цынгою, особенно среди татаръ, гдѣ при недостаткѣ хлѣба нѣтъ и овощей—картофеля, капусты и проч. (овощной голодъ). Правительственная ссуда (выдаваемая только нерабочему населенію въ мѣсяцъ по пуду на взрослаго и $^1/_2$ пуда дѣтямъ) и благотворительная помощь земства и общества Краснаго Креста *далеко недостаточны* для удовлетворенія всей огромной продовольственной нужды. *Поэтому нужна широкая частная помощь.* Она не стѣсняемая предрѣшенными впередъ шаблонами и нормами, съ достаточною гибкостью, полнотой и скоростью, надежнѣе всего дойдетъ туда, гдѣ продовольственная нужда въ ней больше, острѣе. Для осуществленія этой задачи, объединенія и возможно широкаго развитія частной благотворительной помощи въ Саратовѣ открылось недавно отдѣленіе комитетовъ Императорскаго вольно-экономическаго общества и московскаго общественной помощи голодающимъ, въ составъ котораго вошли нѣкоторые общественные дѣятели, земскіе служащіе и др. лица. Представителями отдѣленія на мѣстахъ (въ деревнѣ) являются по преимуществу земскіе служащіе (врачи, учителя, ветеринары, страховые агенты и пр.), а также и другія интеллигентныя лица, лично извѣстныя членамъ отдѣленія. Просьбы, мольбы о помощи поступаютъ въ массѣ, какъ отъ общественныхъ учрежденій (земства и города), крестьянскихъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. (*Къ сожалѣнію, большинство просьбъ за неимѣніемъ средствъ, остаются безъ удовлетворенія.* Отдѣленіемъ пока открыто до 20 столовыхъ въ разныхъ частяхъ губерніи, притомъ почти исключительно для дѣтей. Напоминая о голодѣ, холодѣ и болѣзняхъ отъ недоѣданія среди крестьянства Саратовской губерніи, саратовское отдѣленіе обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ гражданамъ обновляющейся великой родины придти съ посильною помощью голодающимъ, не стѣсняясь размѣрами ея:—дорога, нужна каждая копейка, вѣдь за 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ спасается голодный человѣкъ не только отъ физическаго голода, но и многихъ нравственныхъ мукъ, связанныхъ съ недоѣданіемъ. Хочется вѣрить, что жестокое, безумное время не заглушило въ русскомъ обществѣ отзывчивости и энергіи, не убило въ немъ любви къ страдающимъ братьямъ! Придите же, граждане, съ вашей помощью и вѣрьте, что каждая ваша копейка дойдетъ по назначенію. *Пожертвованія* просятъ направлять уполномоченному комит. Импер. вольно-экономич. общества врачу *Н. И. Тезякову* по адресу: г. Саратовъ, губернское земство, отдѣленіе народнаго здравія, а равно и въ редакціи мѣстныхъ газетъ—*Саратовскій Вѣстникъ*, *Саратовскій Листокъ* и *Приволжскій Край*. Отчеты какъ по бору пожертвованій, такъ и по расходу ихъ будутъ печататься въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ.

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 30 руб.; за $^1/_2$ страницы 25 и 15 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

Телеграфный адресъ: Москва, „ТИПОКУШ.“

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

ПЕЧАТНАГО ДѢЛА и ТОРГОВЛИ

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
ЛИТОГРАФІЯ, ФОТОТИПІЯ,
ЦИНКОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ КІЕВѢ, Караваевская ул., домъ № 5,
въ ПЕТЕРБУРГѢ (Минист. Пут. Сообщ.),
Фонтанка, домъ № 117.

МАГАЗИНЪ

конторскихъ книгъ и писчебумажныхъ принадлежностей.

Москва, Никольская ул., домъ бр. Чижовыхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

для продажи изданій собственныхъ и отпечатанныхъ въ типографіяхъ Т-ва.

Подробный каталогъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.

Продолжается подписка на 1907 г.

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изюева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

За перемѣну адреса взимается **30** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **55** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе **10** числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. П. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.

Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ІЮНЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. уд., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ЛѢТНІЙ ОТДЫХЪ. Наброски.—**Гольдебаева.** *Окончаніе*	1
II.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Н. Н. Новича**	65
III.	ДИНГЛИ. Романъ **Жерома и Жана Таро**.—Перев. съ французскаго **Ал. Чеботаревской**	66
IV.	У СТАНЦІИ.—**Л. П. Сокальскаго**	127
V.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Максимиліана Волошина**	138
VI.	ПО СПѢШНОМУ ДѢЛУ. Очеркъ.—**Ивана Шмелева**	139
VII.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Эразма Штейна**	154
VIII.	ОКОЛО УГОДНИКА. (Изъ лѣтнихъ скитаній).—**Е. М. Милицыной**	155
IX.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Л. М. Василевскаго**	171
X.	РАСХОДНЫЙ БЮДЖЕТЪ ФРАНЦІИ НА 1907 ГОДЪ.—**С. Федоровича.** *Окончаніе*	1
XI.	НЕПОЛНОМОЩНЫЕ ЗАКОНЫ.—**А. фонъ-Брикмана**	17
XII.	О ВАЖНѢЙШИХЪ ПРОБЛЕМАХЪ И ЗАДАЧАХЪ ПРЕПОДАВАНІЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.—**І. М. Гольдштейна**	29
XIII.	НОВАЯ КНИГА О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. (*Иванов-Разумникъ*: „Исторія русской общественной мысли". „Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.". Томы I II.)—**Волжскаго**	45
XIV.	УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ МИНИСТРА ЮСТИЦІИ.—**Н. Н. Полянскаго**	68
XV.	БЕЗПРОВОЛОЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ.—**А. Л. Лѣтина**	87
XVI.	ДЕКАДЕНТСТВО И МИСТИЧЕСКІЙ РЕАЛИЗМЪ.—**Николая Бердяева.**	114
XVII.	ОБЩЕСТВЕННАЯ МЕДИЦИНА ВЪ БУДУЩЕМЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМЪ СТРОѢ РОССІИ.—**А. И. Шингарева**	124
XVIII.	КАКЪ ОСУЩЕСТВИТЬ ЕДИНОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО?—**Б. А. Кистяковскаго.** *Окончаніе*	156
XIX.	АГРАРНАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ П. А. СТОЛЫПИНА.—**А. А. Кауфмана**	169
XX.	ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—**В. Н. Линда**	177
XXI.	ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—**С. А. Котляревскаго**	195
XXII.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги**: Беллетристика.—Исторія.—Публицистика.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 мая по 1 іюня 1907 г.**	105
XXIII.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

VIII 3 34
БИБЛИОТ... САЛЕРН... ГО ...

Объявленія.

Книжный складъ при типографіи

Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

МОСКВА, Пименовская ул., собств. д.

Изданія редакціи „Всемірнаго Вѣстника", неизданныя въ Россіи

сочиненія гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Исповѣдь (второе изданіе). Ц. 20 к.
Къ политическимъ дѣятелямъ (второе изданіе). Ц. 5 к.
Единственное средство (второе изданіе). Ц. 5 к.
Въ чемъ моя вѣра? Ц. 50 к.
О половомъ вопросѣ. Мысли Л. Н. Толстого, собр. В. Чертковымъ (второе изданіе). Ц. 20 к.
Христіанское ученіе. Ц. 25 к.
О жизни. Ц. 35 к.
О смыслѣ жизни. Мысли Л. Н. Толстого, собранныя В. Чертковымъ. Ц. 12 к.
Мысли о Богѣ, собранныя В. Чертковымъ, Ц. 8 к.
Ученіе 12 апостоловъ.—Трудъ, смерть и болѣзнь. (Легенда). Цѣна 5 коп.
О вѣротерпимости. Ц. 3 к.
Жизнь и ученіе Іисуса. Ц. 10 к.
Такъ что же намъ дѣлать? Ц. 85 к.
Мысли о воспитаніи и обученіи. Ц. 8 к.
Голодъ или не голодъ? Ц. 5 к.
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Ц. 5 к.
Гоненіе на христіанъ въ Россіи. Письмо къ редактору англійской газеты и послѣсловіе гр. Л. Н. Толстого. Ц. 10 к.
За что? Повѣсть. Ц. 6 к.
Корней Васильевъ. Повѣсть. Ц. 3 к.
Божеское и человѣческое. Ц. 5 к.
Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій. Ц. 2 р.

Другія изданія ред. „Всемірнаго Вѣстника":

КЕННАНЪ. Петропавловская крѣпость и русскіе государственные преступники (второе изданіе). Ц. 8 к.

ЕГО ЖЕ. Сибирь! Перев. д-ра Генр. Руэ и д-ра Алекс. Вольфа (Перепечат. съ берлинскаго изданія). Ц. 1 р.

Дѣло 1862 г. № 230, III отдѣленія собственной Е. И. Величества канцеляріи о графѣ Львѣ Толстомъ. Ц. 25 к.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В. Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи. Цѣна 20 к.

ЕГО ЖЕ. Святые отцы революціи, вып. I. М. А. Бакунинъ. Ц. 20 к.

СТЕПНЯКЪ, С. Домикъ на Волгѣ. Повѣсть. Ц. 25 к.

ВЛАДИМІРОВЪ, В. Бѣгство изъ тюрьмы. Ц. 10 к.

40 дней передъ казнями. Отрывокъ изъ воспоминаній пролетаріатки. Ц. 8 к.

Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 20 к.

Для гг. книгопродавцевъ при непосредственной выпискѣ изъ склада УВЕЛИЧЕННАЯ УСТУПКА.

Русская Мысль.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ:

А. Крубером, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

„Азія".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 548 стр. съ 7 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. листахъ. М. 1904 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. Въ 1-мъ изданіи Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн. муж. и жен., реальн. уч., учител. инст. и семин.—Во 2-мъ изданіи Учебн. Ком. М. Фин. **одобренъ** для ученич. и фундаментальн. библ. коммерч. учебн. зав.

„Америка".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 640 стр., съ 59 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣл. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р. 25 к., въ изящномъ перепл. 2 р. 85 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **одобренъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. муж. и жен. гимн., реальн. уч., въ библ. учит. институт. и семин. и въ безпл. народн. читал.—Уч. Ком. М. Фин. **одобренъ** въ учен. библ. коммер. уч. зав.—Уч. Ком. М-ва Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учеб. зав.

„Европа".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 775 стр., съ 82 иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. лист. М. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к., въ изящ. пер. 3 р. 35 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. Ком. М. Фин. **допущенъ какъ пособіе** для клас. и дом. чит. въ ком. уч. зав.—Уч. К. М. Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учебн. зав.

„Африка".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 536 стр., съ 54 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безплат. народ. читал.—Уч. Ком. М. Фин. **рекомендованъ** какъ сборникъ, полезный для чтенія.

„Австралія и Полярныя страны".—469 стр., съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 14 на отд. лист. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1907 г. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. читал.—Уч. Ком. М. Фин. **допущенъ** въ ученич. библ. коммер. учебн. завед.

„Азіатская Россія".—2-е исправл. изданіе, 584 стр., съ 84 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣл. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изящ. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библіот. средн. учебн. зав., муж. и жен. (для старш. и средн. возр.), въ гор. учил., въ библ. учит. сем. и инст. и въ безпл. нар. чит. и библ.—Учен. Ком. М. Фин. **одобренъ** для пріобр. въ учен. библ. уч. зав. вѣд. М. Ф.

„Европейская Россія".—2-е исправлен. и дополнен. изданіе, 621 стр. съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лис. М. 1906 г. Ц. 2 р., въ изящн. переплетѣ 2 р. 60 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученическ. библіот. **всѣхъ учебн. завед.**, а равно и городскихъ по Положенію 31 мая 1872 г. училищъ.—Учебн. Ком. Мин. Фин. **одобренъ** для ученическ. и фундаментал. библіот. коммерч. учебн. заведеній.

Учебники географіи тѣхъ же авторовъ:

Начальный курсъ географіи. 4-е изданіе. 10 цвѣтныхъ картъ и 150 діаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ. Ц. 75 к., въ коленк. пер. 90 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущенъ въ качествѣ руководства* для средн. учебн. завед.—Учен. Ком. при Святѣйш. Синодѣ *допущенъ* въ ученич. библ. мужск. и женск. духовн. училищъ—Учен. Комит. М. З. и Г. И. *допущенъ* въ качествѣ учебн. пособія въ подвѣдомст. М-ву учебн. завед.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка, Австралія). 2-ое изд. 35 цвѣтныхъ картъ и 200 иллюстрацій и діаграммъ въ текстѣ. Ц. 85 к., въ коленкор. пер. 1 руб.—Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущенъ въ качествѣ руководства* для средн. учебн. завед. (Журн. М. Н. П. 1906 г., февраль).

О. Шмейль.—Очерки изъ жизни растеній. Перев. съ нѣмец. С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 520 стр. со многими рисунками въ текстѣ и 38 *цвѣтными таблицами*. М. 1903 г. Ц. 3 р. 75 к., въ изящн. переплетѣ 4 р. 50 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библ. всѣхъ средн. учебн. зав., а также для выд. въ видѣ награды учащим. въ сихъ завед., равно какъ и въ безпл. народн. читал. и библ.—Уч. Ком. М. Ф. *одобрена*, а Уч. Ком. М. Земл. и Гос. Им. *рекомендована въ качествѣ учебнаго пособія* и для выдачи въ нагр. учащ. въ учеб. зав. этихъ М-въ.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 *картинами* на отдѣл. листахъ. М. 1903 г. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. пер. 1 р. 75 к. — Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библ. средн. учебн. зав. и для раздачи учащимся въ сихъ завед. въ награду, а также въ безпл. народн. читал. и библ.—Глав. Упр. Воен.-Учебн. Зав. *рекомендована* въ роты. библ. стар. клас. кадет. корп.—Уч. Ком. М. Ф. *допущена* въ учен., средн. и старш. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства Мин. Фин. и для выдачи въ качествѣ награды учащ. въ сихъ учебн. заведен.

Р. Киплингъ.—Смѣлые мореплаватели. Повѣсть, *полный* пер. съ англ. А. Карнкъ. Съ 38 иллюстр. М. 1903 г.—Цѣна 1 р. 25 к., въ изящ. папкѣ 1 р. 50 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен., средн. и стар. возр., библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народ. читал. и библ.—Уч. Ком. М. Ф. *допущена* въ учен., сред. и стар. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства М. Фин.

VIII/372

Объявленія.

Книги по географіи С. П. Меча:

Первые уроки географіи. Изд. 12-е, со многими рисунками въ текстѣ Ц. 40 к.

Финляндія. Изд. 5-е. Ц. 50 к. М. Н. Пр. 5-е изд. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Центральная Азія. Изд. 8-е. Ц. 30 к.

Сахара и Нилъ. Изд. 7-е. Ц. 30 к.

Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 9-е. Ц. 1 р.

Парижъ. Публичная лекція, съ 32 рис. Ц. 50 к. М. Н. Пр. одобрена для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ всѣхъ среднихъ учебн. заведеній.

Уроки географіи Европы. 4-е изд. Ц. 50 к. 4-е изданіе М. Н. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Италія. Съ 40 рисунками. Ц. 50 к. М. Н. Пр. допущена въ ученическ. старш. возр. библіотеки среднихъ учебн. заведен. и въ безплатн. народн. читальни и библіотеки.

Палестина и Аранія. Изд. 7-е. Ц. 30 к.

Гренландія. Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи **Ф. Нансена.** Съ 11 рис. въ текстѣ. Изд. 5-е. Ц. 50 к.

Альпы. 7-е исправленное изданіе. Ц. 30 к.

Австралія и Тасманія. Изд. 6-е, исправлен. Ц. 50 к.

Швейцарія. Изд. 2-е. Съ 24 рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к. 2-е изд. М. Н. Пр. допущено въ ученическія старшаго возраста библіотеки среднихъ учебн. заведеній и въ безплатн. народн. библіотеки и читальни.

Географическіе этюды. Сборникъ чтеній по всеобщей географіи. Изд. 2-е. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 70 к.

Россія. Учебникъ отечественной географіи. Изд. 20-е. Ц. 50 коп. М. Н. Пр. 17-е изданіе допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебн. завед. М-ва.

Кавказъ. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

Швеція и Норвегія. Очеркъ, съ 30-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 50 к. М. Н. Пр. допущена въ ученическія старшаго возраста библіотеки среднихъ учебн. заведеній, а равно и въ безплатныя народн. читальни и библіотеки.

Англія. Съ 30 рисунк. въ текстѣ. Ц. 50 к.

Географія какъ наука и какъ учебный предметъ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Географическаго отдѣла Общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

Маленькая географія Россіи. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 30 к., въ прочн. коленкоров. переплетѣ 45 к.

СОЛОВЬЕВЪ, С. М. Учебная книга русской исторіи. Изд. 12-е, сокращенное. Ц. 1 р. Мин. Народ. Пр. рекомендована какъ руководство въ „каталогѣ учебн. руководствъ и пособій" изд. М. Н. Пр.

ЕГО ЖЕ. Общедоступ. чтенія по русской исторіи. 3-е изд. Ц. 75 к.

ЕГО ЖЕ. Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Изданіе 4-е. Ц. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Курсъ новой исторіи. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

БОЛЛЪ, Р. Страна звѣздъ. Популярная астрономія. Переводъ съ англійскаго. Со множествомъ рисунковъ. Ц. 85 к. Содержаніе: Солнце.—Луна.—Ближайшія планеты (Меркурій, Венера, Марсъ).—Исполинскія планеты (Юпитеръ, Сатурнъ и др.).—Кометы и падающія звѣзды.—Звѣзды и туманности.—Заключительная глава.

ВИЛЬМОРЕНЪ, Г. Наслѣдственность у растеній; лекція, съ предисловіемъ рофессора К. А. Тимирязева. Ц. 25 к.

ДЮРИНГЪ, Е. Критическая исторія общихъ принциповъ механики, съ приеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Перецъ съ нѣмецкаго Н. Маракуева. Ц. 4 р.

ЕГО ЖЕ. Мысли о лучшей постановкѣ преподаванія и изученія математики въ едней и высшей школѣ и о самостоятельныхъ штудіяхъ. Съ приложеніемъ этюда ритика основъ диференціальнаго исчисленія". Перев. съ нѣм. Н. Маракуева. Ц. 1 р.

КРАСНОВЪ, М. Методика естествовѣдѣнія для учителей народныхъ училищъ. р. 50 к.

МАКСУЭЛЛЬ, Д. К. Рѣчи и статьи. (О дѣйствіи на разстояніи. Молекулы. Атомъ. Притяженіе. Эфиръ.) Переводъ Н. Н. Маракуева. Ц. 80 к.

МАРАКУЕВЪ, Н. Н. Элементарная алгебра. Курсъ систематическій, въ двухъ томахъ. **Томъ I. Теорія.** Изданіе второе, исправленное и дополненное. Ц. 6 р. **Томъ II.** Задачи. Съ 255 чертежами въ текстѣ. Свыше 3,500 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями. Ц. 6 р.

ЕГО ЖЕ. Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фигурами въ текстѣ. Ц. 3 р. М. Н. Пр. допущена въ ученическ., старш. возраста, библіот. средн. учебн. завед. и читальни.

ЕГО ЖЕ. Изъ исторіи физики XIX столѣтія. Очерки трудовъ ея выдающихся дѣятелей. **Густавъ-Робертъ Кирхгоффъ.** Съ портретомъ. Ц. 30 к.

ЕГО ЖЕ. То же. Михаилъ Фарадей. Съ портретомъ. Ц. 45 к.

ЕГО ЖЕ. То же. Робертъ Майеръ. Съ портр. Ц. 65 к.

ЕГО ЖЕ. Ньютонъ, его жизнь и труды. Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное, съ портретомъ, 29 чертежами въ текстѣ и ландшафт. Ц. 1 р. Во 2-мъ изд. включена въ каталогъ книгъ, допущенныхъ для безплатн. народныхъ читаленъ.

ЕГО ЖЕ. Галилей, его жизнь и ученые труды. Изд. 3-е, съ портретомъ и рисунками въ текстѣ. Ц. 60 к. Во 2-мъ изд. включена въ каталогъ книгъ, допущенныхъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

МЕНЗБИРЪ, М. А., профессоръ Императорскаго московскаго университета. **Начальный курсъ зоологіи.** Примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть первая: Позвоночныя. 288 страницъ текста съ 309 рисунками и тремя таблицами въ краскахъ. Второе, пересмотрѣнное изданіе. Ц. 1 р. 30 к. Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. книга **допущена въ качествѣ учебнаго руководства** для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для учительскихъ институтовъ и семинарій. Главнымъ управленіемъ военно-учебн. заведеній **рекомендована** для фундаментальн. библ. кадетск. корп. Учебн. Ком. Мин. Фин. одобрена какъ учебное пособіе для коммерческ. учебн. заведеній.

ЕГО ЖЕ. Начальный курсъ зоологіи. Часть вторая: Безпозвоночныя. 174 стр. текста съ 198 рисунками и таблицею въ краскахъ. 2-е, пересмотрѣнное изданіе. Ц. 1 р. М. Н. Пр. **допущена** въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ завед. М-ва.

Новыя изданія, поступившія на складъ:

АИУЧИИЪ, Д. Н. Изверженіе Везувія и землетрясеніе въ Калифорніи въ апрѣлѣ 1906 г. Съ 19 видами и планами. Ц. 30 к.

ЕГО ЖЕ. Японія и японцы. Географическій, антропологическій и этнографическій очеркъ. Съ 30 рисунк. и картами. Ц. 50 к.

ЛЕМЭРЪ, Г. Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Задачи на построеніе. 211 фигуръ въ текстѣ. Переводъ съ франц. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Сила и здоровье. Продленная жизнь посредствомъ метода пр. Броунъ-Секара. Составилъ д-ръ медиц. Гуазе, основатель Броунъ-Секаровскаго института въ Парижѣ. Перев. съ франц. Е. Кулябко, подъ редакц. д-ра Г. Петрова. Цѣна 1 р.

Печатается новымъ изданіемъ съ дополненіями и выйдетъ осенью текущаго года: **„Практика Судебнаго Департамента Правит. Сената по торговымъ дѣламъ“,** въ 2-хъ томахъ, составл. **А. А. ДОБРОВОЛЬСКИМЪ.**

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1907.

Slav 30.11

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ЛѢТНІЙ ОТДЫХЪ. Наброски.—Гольдебаева. *Окончаніе* . .	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Н. Новича	65
III. ДИНГЛИ. Романъ Жерома и Жана Таро.—Перев. съ франц. Ал. Чеботаревской	66
IV. У СТАНЦІИ.—Л. П. Сокальскаго	127
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Максимиліана Волошина.	138
VI. ПО СПѢШНОМУ ДѢЛУ. Очеркъ.—Ивана Шмелева	139
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Эразма Штейна	154
VIII. ОКОЛО УГОДНИКА. (Изъ лѣтнихъ скитаній).—Е. М. Милицыной.	155
IX. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Л. М. Василевскаго	171
X. РАСХОДНЫЙ БЮДЖЕТЪ ФРАНЦІИ НА 1907 ГОДЪ.—С. Федоровича. *Окончаніе*	1
XI. НЕПОЛНОМОЩНЫЕ ЗАКОНЫ.—А. фонъ-Бринкмана	17
XII. О ВАЖНѢЙШИХЪ ПРОБЛЕМАХЪ И ЗАДАЧАХЪ ПРЕПОДАВАНІЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.—І. М. Гольдштейна .	29
III. НОВАЯ КНИГА О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. (*Ивановъ-Разумникъ*. «Исторія русской общественной мысли». «Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.». Томы I и II).—Волжскаго	45
V. УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ МИНИСТРА ЮСТИЦІИ.—Н. Н. Полянскаго	68

Стр.

XV. БЕЗПРОВОЛОЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ.—А. Л. Лѣтника 87

XVI. ДЕКАДЕНТСТВО И МИСТИЧЕСКІЙ РЕАЛИЗМЪ.—Николая Бердяева. 114

XVII. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЕДИЦИНА БЪ БУДУЩЕМЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМЪ СТРОѢ РОССІИ.—А. И. Шингарева 124

XVIII. КАКЪ ОСУЩЕСТВИТЬ ЕДИНОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО?—Б. А. Кистяковскаго. *Окончаніе* 156

XIX. АГРАРНАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ П. А. СТОЛЫПИНА.—А. А. Кауфмана. 169

XX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда. 177

XXI. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 195

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія.—Публицистика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1907 г. 105

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ЛѢТНІЙ ОТДЫХЪ *).

Наброски.

(Посвящается А. Р. Крандіевской.)

Встрѣча съ Ипатовымъ была въ понедѣльникъ; во вторникъ Елена Даниловна ѣздила съ бабами въ луга и разучивала съ ними выводить пѣсню: «Въ понедѣльникъ я влюбился; весь о-вторникъ прострадалъ; всею середу проплакалъ, на четвертый день сказалъ»... въ среду пріятели, Минька и Костенька, возвращаясь съ Еленой Даниловной изъ степи, предложили ей:

— Эхъ, тетя Леля, вотъ ка-бы на водоемъ сходить!—началъ Минька, старшій и наиболѣе изобрѣтательный изъ двоихъ кузеновъ.

— А гдѣ этотъ водоемъ?

— Та-а-амъ!—протянулъ Костенька, указывая черезъ кудерьки рукой.—Да-ле-еко...

— А ты ладно врать-то!—заворчалъ Минька.—Далеко!... Нешто это далеко? Какъ черезъ Паликанову балочку перемахнешь, такъ и стѣну видать... Айда тетя?

— Пойдемте. Завтра ужъ, конечно?

— Завтра,—тоскливо вымолвилъ Костенька.—Я притомился.

— Ки-и-шка!—обругалъ его Митька.—Не ходи.

— Да-а!—протестовалъ малышъ.—Чай мы мальковъ въ балочкѣ ловить станемъ!... Ишь, какой!

— Эхъ, и то!—согласился Минька.—Ужъ и малька тебѣ этого ловимъ, тетя!... Только, дѣвчатъ не бери!... Ну ихъ, паршихъ!

— Нѣтъ, не возьму. Съ вами пойдемте.

И въ четвергъ, такимъ образомъ, около обѣда она съ пріятелями занималась рыболовствомъ, уйдя отъ села верстъ съ шесть. Сама

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1907 г.

сидѣла на берегу, крутомъ и глинистомъ, а ребятишки барахтались въ ручьѣ. Вдали виднѣлась стѣна бассейна, возведеннаго въ голодный годъ, и его массивъ въ безлюдной, открытой степи напоминалъ что-то до излишества древнее, Великую Китайскую стѣну, хотя бы.

Измѣряя взглядомъ разстояніе, Елена Даниловна оглянулась на желѣзнодорожную насыпь. По ней скатывалась, вертя ногами, бѣлая фигурка. Она сползла на лужокъ, стала приближаться, расти и оказалась крупной, полной фигурой въ чесунчевомъ костюмѣ, вверху замаранномъ большой чернильной кляксой... Конечно, это была не клякса, а борода, и принадлежала она не кому иному, какъ Сергѣю Филиппычу Ипатову.

Онъ подходилъ несмѣло, то замедляя шагъ, то совсѣмъ пріостанавливаясь въ раздумьѣ. Чтобы дойти сюда, ему немало пришлось поколесить, навѣрное... И Еленѣ Даниловнѣ стало вдругъ жаль его.

— Не прогоните?—проговорилъ онъ, остановившись шаговъ за десятокъ и просительно скрутивши голову къ плечу.

— Здравствуйте! — равнодушно кивнула она, стараясь быть сухой.

Онъ виновато приплелся ближе, всталъ сзади... Такъ это было нелѣпо, ей-Богу, такъ безъ нужды напоминало побитую собаку!... Елена Даниловна и не подумала дать руку.

— Ну,—садитесь,—циркнула она. И прибавила, нѣсколько подобрѣе: «Гуляли?»

— Да!—отвѣтилъ онъ, садясь, почему и отвѣтъ вышелъ похожимъ на вздохъ.—Пріѣхалъ почти утромъ... Къ вамъ мѣтилъ. Но васъ, оказывается, можно застать у себя только отъ десяти вечера до пяти утра; въ остальные же часы вы принимаете въ степи... Побродилъ таки я по ней!... Хорошо еще, что дѣвчонки указали, гдѣ ваша гостиная сегодня!

Ипатовъ хотѣлъ шутить, но голосъ его былъ печаленъ.

— Я пріѣхала сюда баклуши бить,—сказала Елена Даниловна,—и... видите сами, что я добросовѣстно выполняю это занятіе,—закончила она болѣе мягко, чѣмъ начала.—Густера! густера!—закричала она, нагнувшись такъ далеко впередъ, что Ипатовъ вскочилъ, готовясь удержать ее отъ паденья съ крутояра.—Минька, вотъ, вотъ густера играетъ!... Ловите! Ловите!... Костя, хватай, хватай!... Ха-ха-ха!—Ну, ловко!... Ай да Мироны!... Упусти-и-ли!... Эхъ, вы!

Мальчишки бросались на воду, сшибая съ ногъ другъ друга. Но рыбешка не далась, ускользнула, и оба забавно переругивались, пристыженные неудачей. А Елена Даниловна поддразнивала съ бережку.

— Мужики, батъ, мы!... Туда же!... Такую рыбищу проворонили!... Жди теперь, когда она подвернется!... Мироны!

— А ты сама попрыгала бы за ей!—плаксиво ворчалъ тонколицый Костенька, поднявши бѣлокурую головенку отъ воды, гдѣ онъ стоялъ по грудь въ намокшей рубашонкѣ.—Пымала бы, шла, коль ты больно не Мирониха-то!

— Гоже на травѣ-то, подожмя ножки, сидѣть!—хмуро упрекнулъ ее коренастый Минька, глядя на Ипатова исподлобья, какъ мужики, когда бранятся.

— Ну, вотъ!—возьмите ихъ... Да не вы ли сами сказали мнѣ: «сиди, тетя, а мы тебѣ малька наловимъ?!»

— Наловишь тутъ!—буркнулъ Минька, ковыряя палкой комъ глины.

— А ты пошто зашумѣла намъ: «Густера-а, густера-а!»—досадовалъ на нее Костенька.—Метнулись, знашь, за ей, всею рыбу и распугали... Не шумѣла-ба!...

Елена Даниловна заливалась хохотомъ, любуясь сердитыми личишками смущенныхъ пріятелей.

— Ахъ, медвѣжата!—хохотала она.—Совершенные медвѣжата!—забавные, уморительные!... Это мои неизмѣнные спутники,—повернула она голову къ сосѣду.—Только эти двое изъ всѣхъ маровскихъ парней и не гнушаются моимъ обществомъ; всѣ же остальные меня бойкотируютъ. Дѣвки еще ничего,—«примаютъ къ сабѣ»,—ну, а парни—«отказать!» Какъ завидятъ, что иду,—одинъ по одному—разсыпались!...

Ипатовъ пристально, пытливо глядѣлъ на ея оживленное, разрумянившееся, сильно загорѣвшее лицо и строилъ болѣзненную гримасу.

— Тѣ не смѣютъ,—промолвилъ онъ едва слышно, скорѣе себѣ, чѣмъ вслухъ.—Вы для нихъ... недоступное божество...

— Что это у васъ за манера, Сергѣй Филиппычъ!—вспылила она.—Слова вы не скажете безъ вычуръ!... Противно слушать, ей-Богу!

— Простите!—шепнулъ онъ, блѣднѣя.—Я невольно... То, что самъ... Нельзя же отрицать, что между вами и... гм!... остальными—громная разница, и не въ нашу пользу...

— Перестанемъ лучше говорить!—быстро отрѣзала она, хмурясь.

Онъ долго молчалъ, не смѣя открыть рта,—до нелѣпости долго. Мальчишки далеко ушли по ручью, охотясь за мальками, и ихъ гооски едва доходили до ушей, звеня, какъ бубенчики стада въ тишинѣ знойнаго послѣ обѣда.

Появленіе Ипатова испортило день у Елены Даниловны. Ей уже не хотѣлось идти на водоемъ, не хотѣлось говорить... Эта широкоплечая фигура въ чесунчѣ становилась между ней и степью, какъ препона!

— Не мѣшаю я вамъ?—наконецъ-то вымолвилъ Ипатовъ.—Я уйду...

«Назаказъ бо́льшаго дурака не выдумаешь!» подумала Елена Даниловна.

Но въ тонѣ этихъ словъ: «я уйду» было такъ много покорной тоски, что Елена Даниловна не рѣшилась прогнать его.

— Чего же?—хмуро сказала она,—разъ пришли, то... Пойдемъ ко мнѣ.

Ипатовъ поплелся за ней. Молча прошли они безконечнымъ лугомъ, молча прошли пролетъ подъ мостомъ, гдѣ было такъ свѣжо въ глубокой выемкѣ, полной травы, цвѣтовъ и влаги, молча брели, усталые и разомлѣвшіе отъ зноя, по селу, обезлюженному зноемъ.

— Что же вы все молчите?—раздражительно спросила Елена Даниловна.

— Я съ удовольствіемъ бы... Но... Какъ же... Что же говорить-то?

— Удивительный вы человѣкъ!—воскликнула она, повернувшись къ нему и глядя ему въ лицо изумленно.

— Я?—спросилъ онъ какъ-то оторопѣло.—Я, удивительный?... Что вы это, Елена Даниловна!—я самый заурядный, обыкновенный... Это вотъ вы... Вы то вотъ, да, удивительный!

Онъ высказалъ это съ увѣренностью, съ воодушевленіемъ, котораго нельзя было ждать отъ него; даже голосъ у него пріобрѣлъ какую-то теплую, прозрачную звучность. Видимо, и у него были въ душѣ ключики, «головушки», въ которыхъ онъ почерпалъ свѣжесть и силу. И Елена Даниловна, едва ли не обрадованная счастливой перемѣной съ нимъ, мягко возразила, улыбаясь тому, какъ они оба забавно «побиваютъ рекордъ» на заурядность.

— Будетъ вамъ, Сергѣй Филиппычъ! Ничего во мнѣ нѣтъ удивительнаго.

— Нѣтъ, ужъ вы не... Я не могу согласиться. Развѣ не удивительно одно то, что вы смѣло рѣшились поѣхать сюда, одна, безъ знакомства, за двѣ тысячи верстъ, въ глухой край, гдѣ не встрѣтишь человѣка, подобнаго вамъ, гдѣ приходится ѣсть черный хлѣбъ спать на сѣнѣ, жить въ убогой обстановкѣ?!

— Подвигъ, можно сказать!—засмѣялась Елена Даниловна.

— Да и подвигъ!... Надо же принять во вниманіе ваши привычки!

— Гм!... А вы знаете, будто, каковы мои привычки!

— Конечно!—воскликнулъ Ипатовъ съ чарующей простотой.—Юрій мнѣ говорилъ. Да и я самъ,—почти каждую зиму въ Питерѣ.—Слыхивалъ, наблюдалъ, какъ живутъ подобные вамъ люди, взысканные судьбой.

— Ну вотъ ужъ и взысканные судьбой!... Еще завидовать начнете.

— Нѣтъ,—не завидовать, а... Зачѣмъ, по какому праву сталъ бы я вамъ завидовать?

Они сравнялись съ воротами Майорова.

— Зайдете?... Обѣдать будемъ. Черный хлѣбъ,—улыбалась Елена Даниловна.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ онъ, польщенный этой честью.

— Едва ли найдется для васъ удовольствіе въ меню моей Анисьи Марковны: окрошка, щи изъ крапивы, гречневики съ молокомъ...

— Превосходно!—воскликнулъ Ипатовъ, втягивая воздухъ.

Елена Даниловна смѣялась вполнѣ ужъ весело: ее располагала эта готовность Ипатова находить хорошимъ все, что ни предложи ему.

Обѣдъ, сервированный, какъ всегда, подъ сараемъ, въ тѣни,—какъ бы въ подтвержденіе словъ Ипатова, вышелъ крайне неудачнымъ: хлѣбъ былъ сыроватъ, отъ кислаго кваса въ носу свербило, щи пахли кизяками... Тѣмъ не менѣе, оба ѣли съ большимъ аппетитомъ.

— Мнѣ то что!—смѣялась Елена Даниловна.—Мнѣ сполагоря!... Когда я на курсахъ была, приходилось въ дни безденежья питаться селедкой, а молоко и колбаса были уже роскошью. Вы же вотъ, богатый человѣкъ, милліонеръ, вамъ-то не приходилось, вѣроятно, жить впроголодь.

— Нѣтъ, я тоже. Въ Парижѣ я сильно голодалъ, случалось,—отозвался Ипатовъ тихо, съ неохотой.

— Это какъ такъ?!

— Да такъ, какъ-то... Не было сантимовъ, чтобы пообѣдать [т]я бы у доступнаго Аміо, на Са-Мишѣ... Бульваръ Сан-Мишель [к]ъ называютъ студенты,—пояснилъ онъ.

— Ну, полноте!... Какъ же это?—такой богачъ и безъ сантивъ даже!

— Богачъ отецъ, а не я,—сказалъ едва слышно Ипатовъ.—Не [х]емъ говорить объ этомъ!—добавилъ онъ еще тише, съ болѣзненной усмѣшкой, густо краснѣя.

Краснѣлъ онъ очень часто, по самымъ незначительнымъ причинамъ; то выразится слишкомъ по книжному,—вспыхнетъ; то обмолвится непредумышленнымъ комплиментомъ уму, образованности, красотѣ,—даже красотѣ!—Елены Даниловны, станетъ красенъ, какъ заря... И все потиралъ руки о домотканую синюю скатерть, о салфетку, о край скамейки, нервничалъ, путался въ словахъ, говорилъ запутанно, не договаривалъ, смущался, употреблялъ туземные обороты и, поправляясь, совсѣмъ терялся.

По временамъ же на него вдругъ наплывала теплая струя увѣренности въ себѣ, и онъ становился задушевенъ, рѣчистъ, остроуменъ. Говорилъ безъ смущенія, съ какой-то дѣтски-чистосердечной прямотой, о предметахъ, которые только старыхъ друзей-собесѣдниковъ не шокируютъ. Держался мило и непринужденно... А черезъ пятокъ-другой минутъ снова овладѣвала имъ безъ всякой видимой причины эта непостижимая боязнь, которая заставляла его и лепетать смущенно, и краснѣть, и тереть руки.

Такая смѣна настроеній у солиднаго сорокалѣтняго мужчины очень занимала, увлекала вниманіе Елены Даниловны. Когда Ипатовъ становился простъ, уменъ, спокоенъ, она радовалась за него, любовалась имъ, находила самимъ собой, естественнымъ; когда же имъ овладѣвала малодушная робость, она досадовала. Тогда ей хотѣлось дружески разругать его, усовѣстить, ободрить... И она спѣшила направить, по крайней мѣрѣ, разговоръ такъ, чтобы къ нему вернулось его хорошее, увѣренное настроеніе.

Говорили, большей частью, о путешествіяхъ, о Европѣ, о степи, о воздухѣ.

Было уже свѣтло, когда Ипатовъ объявилъ, забавно давя вздохъ:

— Пора, видно, отправляться... До свиданья, Елена Даниловна. Я такъ благодаренъ вамъ, что не... Что удостоили!... Не прогоняйте, когда приплетусь еще!... Вы понимаете,—быть, говорить съ вами, слушать васъ,—отрада, наслажденіе!—закончилъ онъ съ какимъ-то восторгомъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—приплетайтесь: буду рада даже. Только оставьте вы эти ваши гиперболы, ради Христа! Я люблю простыхъ людей, простыя рѣчи, неходульныя чувства... И страшно ненавижу романтизмъ, превыспренность, хотя бы въ обыденныхъ, разговорныхъ словахъ: отрада, наслажденіе!... Человѣкъ вы, оказывается, недурной, симпатичный, а выражаете восторги, точно первый любовникъ карамзинскаго времени!

Онъ благодарно хихикалъ и долго пожималъ ей руку, на этотъ разъ, сухой и горячей ручищей.

Только когда затихли его шаги на безмолвной, еще спящей улицѣ,—тогда только сообразила, смѣясь, Елена Даниловна, что она прочитала нравоученіе сорокалѣтнему мужчинѣ, который годится въ отцы ей, въ сравненіи съ нимъ—дѣвченкѣ!

— Но онъ, ей-Богу... такая тѣлка!—оправдывала себя Елена Даниловна, вытягиваясь на своей телѣгѣ.—Возьми его, и веди, куда угодно!

Съ этой ночи Инатовъ зачастилъ къ маровской «воздушницѣ». Сначала черезъ каждые три дня, подъ конецъ, почти ежедневно,—появлялся онъ съ наступленіемъ сумерекъ на маровской территоріи, и гдѣ бы ни была Елена Даниловна,—въ степи, на улицахъ, дома, непремѣнно ее отыскивалъ. Да потомъ и сама она стала уже поджидать несмѣло-настойчиваго гостя, щадя его ноги.

И всегда онъ оставался до свѣта. Привыкъ, осмѣлѣлъ, научился держаться съ ней по-товарищески, безъ излишнихъ чиновъ, хотя и съ изумляющей ее почтительностью, хотя и съ комплиментами, вырывавшимися у него всегда непроизвольно.

Елена Даниловна также, съ своей стороны, быстро освоилась съ Ипатовымъ и его искренней лестью, въ первое время сердившей ее: она отнесла восторженность степняка-самоучки на счетъ своего писательства, и перестала обращать на его комплименты вниманіе. Но не могла рѣшить, отнести ли сейчасъ же его самого къ разряду «хорошихъ человѣковъ», или оставить пока подъ сильнымъ сомнѣніемъ: ей впервые приходилось встрѣчаться съ подобнымъ индивидомъ.

У Ипатова были хорошія, задушевныя рѣчи, и были крайне неясныя мнѣнія. По внѣшности помѣщикъ, если не столичный адвокатъ-цивилистъ, крѣпкій, солидный, всегда корректный, всегда въ шелку, вычищенномъ до педантизма, онъ производилъ бы впечатлѣніе реальнѣйшаго, прозаичнѣйшаго дѣльца, если бы не сѣтовалъ такъ часто, такъ тоскливо и такъ неясно на недостатокъ поэзіи и въ жизни, и въ политикѣ, и въ отношеніяхъ людей между собою. Интеллигентъ, дѣйствительно, несомнѣнный, вполнѣ оправдавшій отзывъ своего друга, Юрія; человѣкъ много перестрадавшій въ душѣ и выстрадавшій далеко не дюжинный взглядъ на жизнь; честный по убѣжденіямъ, мягкій и философически глубокій анархистъ, наконецъ, Ипатовъ долженъ былъ бы жить независимой, свободной отъ упрековъ, самостоятельной жизнью... А онъ торчитъ въ семьѣ, несомнѣнно тяготясь ея затхлой атмосферой и... конечно ужъ,—пользуется отцовскими тысячами для своихъ не малыхъ нуждъ, на разъѣзды, на книги, на костюмы, на... если, конечно, допустимы предположенія Дарьи

Антиповны, на любовницъ, среди которыхъ найдутся, пожалуй, куда болѣе требовательныя, чѣмъ Анютка Корявая. Пользоваться же средствами отца, въ условіяхъ ипатовскаго уклада, это значитъ... воровать, какъ Олюша, «у папашеньки изъ касы!» Вѣдь нельзя же допустить, чтобы Филиппъ Семенычъ собственноручно «отмусливалъ» сыну пятокъ-другой тысячъ въ годъ:—«На, дескать, сынокъ, на карманные расходы, поддерживай своихъ исчадій ада, побочныхъ дѣтей сатаны, хороводься себѣ съ безбожниками, съ висѣльниками!»...

Все это были противорѣчія, которыя мѣшали Еленѣ Даниловнѣ взять за опредѣленную скобу Ипатова; и она, еще внервые, находила себя въ очень любопытномъ затрудненіи: съ одной стороны, личность Ипатова возбуждала въ ней глубокую симпатію, а съ другой—оставалось слишкомъ много загадочныхъ тайниковъ въ его натурѣ, не позволявшихъ ей успокоиться на привычномъ опредѣленіи: «вотъ это хорошій человѣкъ».

Появлялся Ипатовъ всегда въ сумерки. Бочкомъ, озираючись какъ-то, пролѣзалъ въ калитку и неувѣренно подходилъ, со шляпой въ рукѣ, всегда начиная визитъ неувѣренно-церемоніальнымъ поклономъ,—какъ бы въ ожиданіи поощренія, теплаго слова. Ему охотно, хотя и не безъ пожиманія плечами, давалось это поощреніе, и онъ или садился, или начиналъ ходить по двору,—смотря по настроенію. Анисья Марковна, ложившаяся съ курами, подавала большой самоваръ, разсчитанный на нѣсколько послѣдовательныхъ чаепитій, ставила на столъ индѣйку или порося, а подъ столъ—челякъ съ углями. И когда у нихъ пересыхало горло отъ разговоровъ, то Елена Даниловна вспоминала, что самоваръ остылъ, тащила челякъ изъ-подъ стола... Но Ипатовъ срывался съ мѣста и раздувалъ самоваръ съ забавной неумѣлостью рабовладѣльца, не щадя своего чесунчоваго жакета.

Говорили они въ эти ихъ ночи о «тысячѣ» предметовъ, разумѣется. Но такъ какъ часто возвращались къ облюбованнымъ темамъ, то эта тысяча сводилась къ какому-нибудь десятку. И только одного щекотливаго, для обоихъ несомнѣнно интереснаго пункта отнюдь не касались: семейнаго положенія Сергѣя Филиппыча Ипатова.

Елена Даниловна старательно—тактично, какъ думалось ей—избѣгала всякаго намека на этотъ жуткій предметъ. Она была увѣрена, что ея гостю не только тяжело, но, пожалуй, и совѣстно упоминать о Горѣломъ. Бывали минуты теплаго, располагающаго къ откровенности единодушія, когда ихъ бесѣда порхала, какъ мотылекъ вокругъ свѣчи, около «ипатовщины»: въ такія минуты Сергѣй Фи-

липпычъ, случалось, заводилъ туманныя рѣчи о несбыточности надеждъ, о безволіи слабыхъ, несмѣлыхъ натуръ... У иныхъ такихъ «ветошныхъ натуръ» оказывались въ наличности сестренки, которыхъ такъ бы вотъ и увезъ куда-нибудь подальше, за границу!... Но Елена Даниловна зорко слѣдила за нитью разговора, и спѣшила перебросить ее во-время подальше отъ щекотливаго предмета, угрожающаго самолюбію ея гостя, мужчины зрѣлаго, но какъ дѣвица неосмотрительнаго: она выдерживала паузу, вмѣсто поощряющаго вопроса, и начинала о китайскомъ императорѣ. А то и о ближайшемъ.

Эти разговоры до свѣту были въ общемъ очень занимательны, и оставляли такъ много поводовъ къ размышленію, что Елена Даниловна начала просыпаться по питерски: около обѣда; даже телѣгу передвинула подъ навѣсъ, чтобы солнышко не пекло. Ея первое впечатлѣніе, къ счастію Ипатова, не оправдалось: стоило ему привыкнуть, осмѣлѣть, и онъ явился въ ея глазахъ человѣкомъ, съ которымъ и хочется, и есть о чемъ поговорить.

Какъ-то разъ они набрели на вопросъ о любви,—совершенно теоретическій, конечно. Ипатовъ договорился, въ концѣ всѣхъ абстрактностей, что онъ *безумно* полюбилъ бы того, долго жданнаго имъ спасителя, который *заставилъ* бы его жить и работать съ пользой для міра, который *любить бы себя заставилъ* властнымъ приказаніемъ, родящимся только въ глубокихъ нѣдрахъ сердца.

— Вѣдь она не въ головѣ, эта могучая, геніальная власть, а въ глубочайшихъ тайникахъ сердца зарождается!—говорилъ онъ.—Тамъ-то она и дѣлается сталью не земного происхожденія, куется въ могучую волю, передъ которой пасть и преклониться—блаженство!...

Снова Елена Даниловна не понимала. Она говорила, что у ней, напротивъ, должна произойти вспышка такой любви, которая обычно называется безумной, а потомъ ужъ,—своимъ чередомъ,—все дальнѣйшее, что любовь внушаетъ дѣлать. *Заставить* же любить она даже себя не могла бы, не имѣя такихъ,—разумныхъ или роковыхъ, основаній, при которыхъ въ ней вспыхнула бы любовь, все равно, и съ усилій воли. Полюбить можно тогда, когда нельзя не полюбить: когда личныя качества возлюбленнаго неотразимы, когда страсть выше всѣхъ, когда, наконецъ, любить человѣка до смерти хочется... И ужъ если полюбить такъ, то полюбить, значитъ, не на шутку, а на всю жизнь!

Онъ скорбѣлъ и всю эту ночь говорилъ, что любовь для него не наслажденіе, само себѣ довлѣющее, а... «дверь во спасеніе».

Ничего не понимала Елена Даниловна!

Вдругъ визиты Ипатова прекратились!... Елена Даниловна подождала одну ночь до утра, другую—до первыхъ кочетовъ... А на третій вечеръ нашла, что ожиданье вообще вызываетъ странную тоску, отъ которой не знаешь, куда дѣваться, чѣмъ заняться, и легла спать спозаранокъ.

Благодаря этому, поднялась она рано, съ поэтическимъ восторгомъ приняла холодный душъ, и, чувствуя себя бодрой, крѣпкой, наливной, долго пила чай съ густыми сливками.

Внезапный перерывъ въ свиданіяхъ и бесѣдахъ, за послѣднюю недѣлю ставшихъ ежедневными, не могъ ее не изумлять, конечно, хотя... Не могли же, на самомъ дѣлѣ, вѣчно длиться эти ночныя бесѣды!... Даже, пожалуй, не худо и отдохнуть отъ нихъ, пока не надоѣли. Лучше же всего не думать о такихъ пустякахъ, какъ случайный перерывъ въ общеніи съ человѣкомъ, къ которому привыкла.

Стараясь не думать, она бродила по двору безъ желанія чѣмъ-либо заняться и все спрашивала себя: «почему же это онъ не идетъ?... Уже три дня!»... И, очутившись въ избѣ, очень обрадовалась: Ипатовъ выпрыгнулъ у ея оконъ изъ коляски, очень недурной для степи. Елена Даниловна поспѣшила накинуть подвернувшійся капотъ, дивясь столь раннему визиту, да еще въ колескѣ.

Онъ вошелъ, блѣдный, но удивительно радостный,—съ блестящими глазами, съ увѣренной, почти торжественной улыбкой.

— Къ намъ, Елена Даниловна!—торжественно сказалъ Ипатовъ, стоя въ двери.

— Къ вамъ?!... Вотъ такъ разъ!... Это что же значитъ?... Съ чего это вы вдругъ?

— Мать проситъ васъ. Даже сама пріѣхала. Ждетъ у отца Діомида, попа и кума.

— Да что вы?!... Дарья Антиповна?... Но она же такъ опасалась, что мнѣ ночевать у васъ...

Она не договорила, увидѣвши, какъ густо, страдальчески покраснѣлъ Ипатовъ, и поспѣшила загладить оплошность.

— Что же у васъ, Сергѣй Филиппычъ?—празднество какое-нибудь?... Именины?... День рожденія?

— Нѣтъ, ничего такого нѣтъ, а... Ну,—какъ сказать?—обвелъ онъ глазами жасмины и фуксіи на окнахъ.—Нравитесь вы ей ужъ очень, матери... Вотъ и рѣшилась просить васъ...

Онъ уже почти утратилъ торжественное возбужденіе, сталъ ужъ путаться въ словахъ, смущаться.

— Вы простите меня... я не съумѣю сейчасъ же уяснить вамъ...

Это вышло нѣсколько не... Мать, собственно, не такъ, какъ... Хотя и она...

И наступила пауза,—одна изъ тѣхъ неуклюжихъ, неуютныхъ паузъ, которыя давно уже не повторялись. Ипатовъ смущенно поглаживалъ ленту шляпы, и то розовѣлъ, то бѣлѣлъ еще сильнѣе. Онъ страдалъ...

— Нѣтъ, Сергѣй Филиппычъ,—тихо и до грустнаго мягко сказала Елена Даниловна,—я не поѣду...

Онъ поднялъ глаза, теперь уже безцвѣтные, испуганные, болѣзненно скривилъ поблѣднѣвшія губы. Онъ страдалъ...

— Почему?—прошепталъ онъ убито.

— Почему? А вотъ почему, Сергѣй Филиппычъ... Я хочу быть съ вами откровенна. Вы знаете, я была у васъ, ночевала. Ѣхала я познакомиться съ вами, по совѣту вашего друга, все это вы знаете. Но вотъ, что было промахомъ съ моей стороны: онъ, Надеинъ, сказалъ: «познакомьтесь съ Ипатовымъ», а не «побывайте у нихъ». И надо было только познакомиться, не заглядывая на Горѣлый! Вы отлично понимаете меня, Сергѣй Филиппычъ... Мой визитъ вышелъ совершенно случайнымъ, но, благодаря чистой случайности, я узнала многое такое, чего... лучше бы не знать, ей-Богу! Олюша удручала меня откровенностями, которыя... Ну, однимъ словомъ,—вы прекрасный, милый, симпатичный человѣкъ, Сергѣй Филиппычъ, и я охотно готова съ вами проводить часы въ дружескихъ бесѣдахъ, какъ всегда, но... къ вамъ я, простите, не поѣду.

Ипатовъ опустился на стулъ, гладилъ ленту, темнѣлъ, болѣзненно сутулился. Онъ страдалъ. Еленѣ Даниловнѣ больно стало смотрѣть на это бородатое лицо, казавшееся безжизненнымъ, измятымъ, до темнаго синимъ.

— Послушайте,—спѣшила она поправить дѣло,—я съ удовольствіемъ встрѣтила бы Дарью Антиповну у меня, если бы она сдѣлала мнѣ эту честь. Она мнѣ очень нравится, ваша добрая, открытая старушка. Мы съ ней болтали, какъ старыя подруги, ей-Богу! И если, откровенно-то говоря, я и замѣтила въ ней кое-какія непріятныя мелочи, то всецѣло приписываю ихъ не ей, а вліянію на нее вашего отца, который мнѣ страшно антипатиченъ...

Моментъ, котораго она такъ всегда опасалась, насталъ: Ипатовъ вздрогнулъ, выронилъ шляпу и скрипнулъ зубами. Глаза его, вспыхнувши злобными искрами, совершенно несвойственными его «ветошной» мечтательной природѣ, тотчасъ же потухли, стали темными, неподвижными, какъ у эпилептика. Онъ опустилъ голову на руку и прошепталъ какимъ-то дрожащимъ отъ ненависти шопотомъ:

— Ни одна ядовитая гадина не могла бы причинить мнѣ столько зла, какъ мой отецъ!

Низко согнувшись, глядя въ полъ, онъ продолжалъ слабымъ, точно рыдающимъ голосомъ:

— Никогда, отъ первыхъ, дѣтскихъ дней, никогда я не видѣлъ въ его лицѣ, въ глазахъ доброты, отеческой ласковости, вниманія! суровое, злобное и всегда искаженное гнѣвомъ... За что?! На ребенка?!.. И самое яркое воспоминаніе моего дѣтства,—унылаго, одинокаго, сцена внизу нашего стараго городского дома. На порогѣ кухни! Я какъ сейчасъ вижу эту дверь со двора въ кухню, благодаря той сценѣ... Три-четыре ступеньки внизъ, дверь, небольшая площадка и, еще пара ступеней до пола кухни... Направо—большая печь съ плитой, налѣво—столъ у окна во дворъ, и противъ стола—лѣстница наверхъ, въ нашу квартиру... Какъ я помню все это!... А мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ. Неудивительно, что я утратилъ изъ памяти, чѣмъ занятъ былъ я на дворѣ, у окна въ кухню: мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ! Игралъ, вѣроятно, какъ умѣютъ играть одинокія дѣти: тихо, безшумно и увлеченно... Это я угадываю только потому, что испугъ, ужасъ разомъ, грубо поразили, заставили занѣть, задрожать меня: я увидѣлъ отца... Онъ встрѣтился съ матерью на дворѣ, за моей спиной, я слышалъ его голосъ... и тотчасъ же увидѣлъ, что онъ поволокъ мать въ кухню съ хриплыми ругательствами, колотя ее кулаками по лицу, пиная ногами... Я замеръ, услышавши, какъ она рухнула съ площадки на полъ... И я... Ну, что я испытывалъ въ эту минуту, когда угадалъ, что это ударилась объ полъ мать? я не могу же помнить этого: мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ! Но ясно помню, что на порогѣ лежала отцовская фуражка, опрокинутая... И когда отецъ обернулся, когда я взглянулъ въ его перекошенное, блѣдное лицо, слюни на блѣдныхъ, кривыхъ губахъ, я схватилъ эту фуражку, и подалъ ее отцу и прошепталъ: «извольте, папашенька!» Онъ рванулъ и ушелъ. Что было потомъ,—совершенно не помню... Все послѣдующее забылось. Да и и неудивительно! вѣдь мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ! Только вотъ это и осталось: я подалъ фуражку, смутно, по-дѣтски, какъ звѣрокъ, надѣясь, что меня пощадитъ онъ, не броситъ объ полъ, какъ мою мать бросилъ, и я прошепталъ, все въ томъ же упованіи: «извольте, папашенька!»

Ипатовъ поднялъ голову съ тѣмъ же неподвижнымъ, маніакальнымъ взглядомъ. Но глаза его были полны слезъ.

— Отравлена моя душа! Отравлена съ колыбели!—прошепталъ онъ, запрокинувши голову.—Вѣчный ужасъ, вѣчный трепетъ... И

не только въ присутствіи отца, а даже при мысли объ отцѣ! Уже я былъ гимназистомъ,—мать настояла, чтобы я учился,—уже былъ юношей, а встрѣчаясь съ отцомъ... дрожалъ, леденѣлъ, опускалъ глаза передъ его свирѣпымъ, вѣчно искрящимся взглядомъ, не зналъ, куда укрыться. А онъ молчалъ! Онъ презиралъ меня, какъ и всѣхъ, кромѣ себя... и Бога, отъ котораго вполнѣ зависитъ его спасеніе. Онъ не говорилъ со мной, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо было поругать меня, прочесть сухое, библейское нравоученіе, назвать обидной, въ библіи же вычитанной, злобной кличкой... И я заискивалъ, подло и неумѣло заискивалъ, дрожащимъ голосомъ, рабьимъ хихиканьемъ, жалкими попытками сострить, разсмѣшить его.

Не то смѣясь, не то плача, Ипатовъ трясся всѣмъ тѣломъ, а изъ открытыхъ, неподвижныхъ глазъ текли слезы.

— Вамъ тяжело вспоминать это, Сергѣй Филиппычъ,—сказала Елена Даниловна.—Оставьте, не мучьте себя, дорогой мой...

— Нѣтъ, пускай, пускай... хе-хе!—смѣялся онъ сквозь слезы.—Я скажу, я долженъ! Вотъ, до сорока лѣтъ, я еще храню отъ дѣтства мою рабью привычку: сжимаюсь, втягиваю голову передъ всякимъ человѣкомъ съ надменной миной, съ повелительнымъ голосомъ. Боюсь все, не швырнули бы меня о полъ, не стали бы бить, пинать, топтать и тѣло, и самолюбіе, и совѣсть! Все мое киченіе одинокаго, одиноко играющаго, одиноко думающаго ребенка теряю я и... спѣшу подать я фуражку, чтобы остаться цѣлымъ, не оскорбленнымъ до смерти. Потомъ, давясь собственной подлостью, презираю себя, презираю! Ненавижу жизнь, себя и...

Онъ стиснулъ зубы.

— Его! Отца! Всю силу моей ненависти, всю злобу, на которую только могу быть способнымъ я, все наиболѣе черное, ядовитое въ душѣ, въ совѣсти, все имѣю я для него, только для него! И у меня, съ дѣтства обезволеннаго, смятаго еще въ побѣгѣ, выросшаго криво, надломленно, не знавшаго ничего, кромѣ ожиданія зла, обиды, у меня въ юношествѣ, замирала рука на ножѣ, и я говорилъ матери: «зарѣжу я эту гадину!» Ха-ха! Кто это говорилъ?! Взрывы разрѣшались шлепкомъ бумажной хлопушки! И не потому, что благоразуміе верхъ брало: ни о судѣ, ни о каторгѣ не вспоминались, а потому... потому, что я былъ бы не я, если бы оказался способнымъ на преступленіе! Вѣдь я обнаружилъ бы смѣлость, которой нѣтъ и не было у меня!... Я не могу смѣть, о, я не могу смѣть, не могу, не могу!...

Ипатовъ катался головой по спинкѣ стула.

Елена Даниловна отвела свои влажные глаза къ окну. Въ него врывались могучіе лучи яркаго, радостнаго, себѣ довлѣющаго свѣта; они золотомъ катились съ желтой соломенной крыши база, стоявшаго черезъ улицу. Нѣжный и какъ дитя игривый вѣтерокъ шевелилъ лепестки жасмина, и доносилъ до лица отрадный запахъ, который ласкался къ щекамъ, трогалъ ноздри, крутилъ колечки волосъ на шеѣ и скользилъ въ широкій воротникъ капота, гдѣ округлялъ свѣжей струйкой грудь, давая впечатлѣніе упругой полноты, волнистой, плавной, счастливящей. Такъ хорошо чувствовать жизнь! А онъ— мечется головой по стулу. Бѣдный, бѣдный Сергѣй Филиппычъ! Какъ, однако, понятно становится многое, что казалось нелѣпымъ, дикимъ!

Она снова поглядѣла на эту мечущуюся голову.

И она осуждала Ипатова. Пошловато осуждала, употребляя шаблонъ общепринятыхъ взглядовъ на поведеніе мужчины, этого пресловутаго «сильнаго пола». Но откуда она могла бы знать, что у него съ дѣтства, уже съ трехъ лѣтъ «душа отравлена». Судя по себѣ, по своему свѣтлому дѣтству, окруженному любовью, благотворнымъ уходомъ, вниманіемъ высоко культурныхъ людей, она и представить себѣ не могла чего-либо похожаго на чувство ребенка, у котораго на глазахъ отецъ бьетъ и пинаетъ мать. Бѣдный, хорошій Сергѣй Филиппычъ! какъ онъ мечется, страдаетъ!

— Сергѣй Филиппычъ. Да что же вы не бросили, не ушли прочь отъ вашего отца, мой бѣдный?—спросила Елена Даниловна тихо, сочувственно.—Тогда же, когда начали понимать, что семейная обстановка пагубно дѣйствуетъ на вашу волю, мнетъ ее, губитъ! Уйти бы вамъ тогда же!

— Да, да...—шепталъ онъ сокрушенно,—уйти бы! Я былъ бы свободнымъ тогда, смѣлымъ, честнымъ... Не ветошкой, которая легко грязнится...

Блѣдно улыбнувшись, глядя на Елену Даниловну пристыженными и красными отъ слезъ глазами, Ипатовъ вспомнилъ:

— Да и уходилъ вѣдь! Еще ребенкомъ, лѣтъ шести, я отправлялся, отъ тоски, отъ томительнаго ожиданія чего-то смертельнаго, въ поле... Но не вдохновляла меня даль, какъ другихъ, а... пугала, я утрачивалъ рѣшимость, и бѣжалъ, не помня себя, домой. Какъ наблудившій котенокъ, прокрадывался я въ калитку, придумывалъ ложь, чтобы оправдать свое долгое отсутствіе. Вѣдь я зналъ, что меня высѣкутъ, если скажу правду, зналъ, что больнѣе боли—стыдъ, обида, отчаянный мой шопотъ послѣ порки, въ пустомъ, темномъ чуланѣ: «скверный я, скверный, погибшій рабъ Божій!» И радовал-

ся, когда ложь удавалась, спасала меня отъ отчаянія за самого себя.

— И это все онъ, отецъ?—воскликнула, негодуя, Елена Даниловна.

— Поролъ? Нѣтъ, это мать. И очень понятно было мнѣ, почему. Вѣдь она,—разсуждалъ я,—накидывается на меня, желая на мнѣ сердце отвести. За всѣ тѣ синебагровыя пятна, кровоподтеки, которые ее самое укладывали въ постель на цѣлыя недѣли. Да и какъ обвинять ее? она же вѣдь темная, замуштрованная бабенка, озлобленная, обиженная, чуть не помѣшанная. До галлюцинацій вѣдь доводило ее одиночество, когда мужъ изобьетъ ее, молоденькую и исчезнетъ съ монахинями на мѣсяцъ!—«видѣнія видѣла»,—разсказывастъ! Да и била-то она не больно, хотя багровѣла, зубы стискивала. Ну, а отецъ... Онъ всего только разъ выпоролъ меня, и то не помню самъ: мать же разсказывала. Былъ я тогда, по ея словамъ, мѣсяцевъ четырнадцати. Отецъ пришелъ разъ съ какимъ-то купцомъ, тоже богомольнымъ, повидимому, и захотѣлъ показать ему, какъ мальчишка по другому году умѣетъ Богу молиться. А мальчишка заупрямился. У маленькихъ это бываетъ: добрый, послушный, даже забитый ребенокъ возьметъ да ни съ того ни съ сего и заупрямится, если онъ по другому-то году! И отецъ, по словамъ матери, сѣкъ меня за непослушаніе такъ долго и вразумительно, что я заболѣлъ. Но его взглядъ на меня, мрачный, злой, свирѣпый, поученія его, всегда презрительныя, высокомѣрныя, страшнѣе побоевъ были для меня! Лучше бы онъ сѣкъ, но былъ бы отцомъ! Сѣкла же мать! А я до сихъ поръ сохранилъ къ ней любовь и нѣжное сожалѣніе...

Ипатовъ вздохнулъ, задумчиво усмѣхнулся, удобнѣе сѣлъ.

— Зачѣмъ все это я выкладываю?—сказалъ онъ тихо про себя.—Не Богъ вѣсть какая рѣдкость все это въ семьяхъ, какъ наша! Только вотъ... поразило, опечалило меня, что вы такъ рѣшительно... не желаете поѣхать ко мнѣ.

— Да для чего, голубчикъ Сергѣй Филиппычъ? Что хорошаго-то у васъ, въ Горѣломъ? И почему вы такъ настаиваете, почему огорчаетесь, что я отказываюсь?

— Почему? Вы простите меня,—поднялъ онъ руку ко лбу,—я не спалъ нѣсколько дней подъ рядъ, и у меня... мысли какъ-то не того... Я не умѣю сказать... Вотъ, вы говорите: зачѣмъ я не ушелъ. ... какъ?

Она не поняла вопроса, не могла объяснить себѣ его маніакальнаго и напряженнаго взгляда, съ которымъ Ипатовъ ждалъ отвѣта на свой вопросъ.

— Уходилъ я отъ семьи и взрослымъ, и уже вполнѣ зрѣлымъ,— снова вернулся Ипатовъ къ автобіографіи, не дождавшись отвѣта, покорившись рѣшенію Елены Даниловны, нѣсколько успокоившись, наружно, по крайней мѣрѣ:—уходилъ надолго... Живалъ въ Москвѣ, въ дальнихъ селахъ, у родственниковъ, у друзей ранней юности... Ничего не дѣлалъ, читалъ; пилъ, ѣлъ чужое, слонялся... И тосковалъ. Былъ и за границей два года, въ Бельгіи жилъ, въ Англіи, всего дольше—въ Парижѣ, который всегда любилъ и люблю. Тамъ, за границей, я жилъ на деньги, которыя накралъ у отца, когда его хлѣбной торговлей завѣдывалъ...

— Что же не остались вы за границей?—быстро спросила Елена Даниловна, которую покоробилъ цинизмъ признанія въ воровствѣ.

— Трудно сказать... Не оттого, что пришли къ концу три тысячи, накраденныя у отца. Хотя удивительно быстро были прожиты! И жилъ-то вѣдь скромно, почти скупо! въ театры ходилъ рѣдко, на верхи, питался въ дешевыхъ ресторанахъ, въ кучерскихъ гарготкахъ... Въ Лондонѣ же единственной роскошью у меня было выпить бутылку стэута, этого чуднаго англійскаго пива, двѣнадцать пенсовъ цѣной, да и то разъ въ недѣлю. Жилъ скудно, монахомъ, читалъ, слонялся и... И тосковалъ опять. Но и не тоска помѣшала остаться. Чувства ностальгіи я не зналъ... Напротивъ, Парижъ я такъ нелѣпо люблю и всегда, съ юношества, любилъ, что не разстался бы съ нимъ!

Ипатовъ выпрямился, оживившись.

— Я удивительно люблю Парижъ!—сказалъ онъ съ затеплившимся взглядомъ.—Я полюбилъ его еще въ дѣтствѣ, когда читалъ «Мушкетеровъ» и прочую беллетристическую чушь, гдѣ всадники въ шляпахъ съ перьями, въ ботфортахъ и нерѣдко въ маскахъ мчатся ночью по улицамъ Парижа, сверкаютъ шпагами, храбро сражаются, весело умираютъ, еще веселѣе пьютъ стаканы добраго бургонскаго и, между глоткомъ вина и послѣднимъ вздохомъ, разрушаютъ ковы дьявольски хитрыхъ кардиналовъ. А когда я дорось до пониманія героизма ситуайеновъ великой революціи, мой возлюбленный Парижъ сталъ мечтой для меня! И мнѣ былъ дорогъ именно старый Парижъ: кривыя улочки, старые дома... Я ходилъ по улицамъ Парижа благоговѣйно, памятуя слова Бёрне, что въ Парижѣ нѣтъ камня, не освященнаго кровью народа-героя. Мысль, что я долженъ покинуть Парижъ, вызывала кошмарные сны: я видѣлъ себя дома... и просыпался почти въ ужасѣ! Поднималъ голову, узнавалъ свою комнату на улицѣ дель-Орійонъ и счастливо смѣялся: нѣтъ, я еще пока въ Парижѣ...

Елена Даниловна улыбнулась.

— Мнѣ удивительно глядѣть на васъ,—сказала она,—на такого большого матераго бородача, сіяющаго, какъ дитя, отъ воспоминаній о Парижѣ.

— Я говорю, что нелѣпо люблю Парижъ!—воскликнулъ Ипатовъ.—Есть, на самомъ дѣлѣ, что-то дѣтское, ребячливое въ этомъ. Смѣшно вѣдь это?

— Смѣшно? Нѣтъ. Теперь, зная васъ, я нахожу, что это скорѣе... мило.

— Не деньги, не тоска, не недостатокъ желанія помѣшали мнѣ остаться тамъ, за границей,—заговорилъ снова Ипатовъ, послѣ мечтательной задумчивости.—Но, куда бы я надолго ни уѣхалъ, старики писали мнѣ... И я начиналъ ныть. Ну, зачѣмъ бы я ихъ покинулъ? И главное, для кого? Я ужъ не говорю: для чего! Вѣдь я могъ бы пристроиться... если бы была цѣль остаться въ Парижѣ: одинъ мой пріятель, полякъ, Феликсъ, гарсонъ,—то-есть, тотъ комми, который доставляетъ товары и получаетъ деньги съ покупателей, Феликсъ, гарсонъ магазиновъ Бо-Марше, договорилъ мнѣ мѣсто продавца у своихъ патроновъ; были нужны люди, знающіе русскій языкъ, и я получилъ предложеніе: двѣсти франковъ, готовый столъ и комната... Но старики писали. Мать спрашивала, на кого я ее покинулъ... И я поѣхалъ, какъ ни мучительны были кошмары... И такъ всегда!

Ипатовъ помолчалъ, глядя въ полъ.

— Одиночество,—тихо заговорилъ онъ,—сознаніе ненужности своей, неумѣнье, нежеланіе устроиться для личной жизни. А дома, въ Горѣломъ, дома хоть тоскуешь съ комфортомъ...

Онъ умолкъ, точно забылся. Елена Даниловна глядѣла съ грустной улыбкой на его понуренную голову.

— Сергѣй Филиппычъ,—начала она,—такъ мнѣ жаль васъ, ей-Богу! Если бы знала, чѣмъ помочь вамъ... Но, къ моему глубокому сожалѣнію, я не понимаю васъ!

— Да, да!—поднялъ онъ голову.—Я знаю, что безтолковъ, непонятенъ, не могу ясно формулировать... И вотъ оттого-то и кажусь мнѣ, что... Вотъ если бы вы были у меня, въ моей комнатѣ сидѣли... Мнѣ все думается, что вы лучше поняли бы меня, а я умѣлъ бы лучше высказать вамъ... смѣлой, самостоятельной, сильной духомъ. Сказалось бы, можетъ быть, все, что томитъ, что мучило... Если бы вы...

Ипатовъ не договорилъ, замѣтивши ея грустную улыбку. Елена

Даниловна долго крошила лепестокъ жасмина, прежде чѣмъ отвѣтить тихо, но твердо:

— Къ вамъ? Нѣтъ. Я ужъ сказала...

— Окончательно?—спросилъ Ипатовъ страннымъ, беззвучнымъ тономъ.

Елена Даниловна молчала. Ее охватила томящая жалость. Она плотнѣе втиснулась въ уголъ между столомъ и подоконникомъ, стиснула виски руками.

Послышались шаркающіе, тяжелые шаги въ проѣздѣ, медленно и безнадежно звякнула щеколда калитки, тихо чмокнули губы кучера, беззвучно загуркотали колеса дорогого экипажа. Ипатовъ вышелъ неслышно, уныло исчезъ, уѣхалъ.

— Ну, зачѣмъ я, зачѣмъ это?—встала Елена Даниловна, когда рокочущіе звуки колесъ, постепенно замирая, умолкли и въ улочкѣ стало тихо.—Только что говорила о желаніи помочь! А когда онъ потребовалъ милости, отказала въ ней. Вѣдь это—себялюбіе, ей-Богу! Ну, пускай тамъ тяжело, непріятно быть; но если жаль его, то... Зачѣмъ еще я-то удручаю бѣднаго?

Она поспѣшно вышла, услышала въ тишинѣ голоса пріятелей за заборомъ.

— Миша, Костя,—сейчасъ уѣхалъ отсюда Ипатовъ, Сергѣй Филиппычъ, что съ Горѣлаго Креста. Бѣгите скорѣе, скорѣе къ попу,—онъ туда уѣхалъ,—и скажите ему, что... я ѣду.

— Попу-то?—спросилъ недогадливый малышъ.

— Пòшто попу?—пробасилъ Минька.—Чай, тому... Ипатову! Чай не попъ, а онъ, Ипатовъ, уѣхалъ-то, тебѣ баютъ, лѣшманъ!.. Айда-а ты, побѣжимъ!

Оба залились: кряжистый Минька впереди, за нимъ, часто сѣменя ноженками, тоненькій, крошечный лѣшманъ.

— Застанутъ ли?—безпокоилась Елена Даниловна, вернувшись въ избу, ходя въ волненіи, прислушиваясь.—Не уѣхалъ бы... Такъ жаль его почему-то, что... готова поѣхать догонять, если не застанутъ!

Ожиданіе казалось безконечнымъ!

Когда ей почудился среди ненарушимой тишины мягкій рокотъ коляски и она пріотворила калитку, у ней застучало въ вискахъ: въ началѣ улочки мелькнули сіяющія рожицы пріятелей, очень довольныхъ, что ѣдутъ въ колескѣ, рядомъ съ горѣловскимъ «дикимъ бариномъ». Елена Даниловна поспѣшила отбѣжать, теряя туфли, къ плантаціямъ.

Ипатовъ вошелъ во дворъ снова сіяющій, розовый.

— Какъ я вамъ благодаренъ!—сказалъ онъ, протягивая къ ней руки.—Вы оживили меня, спасли...

— Ну-у... какой вы!—затянула она, согнувши къ плечу голову.—Зачѣмъ вы такой? Такъ васъ жалко, ей-Богу...

— Спасибо вамъ, спасибо!—говорилъ Ипатовъ сочнымъ, напоеннымъ радостью и надеждой голосомъ.

Радость, счастье переполняли, опьяняли его; Еленѣ Даниловнѣ казалось, что онъ готовъ махать руками, плыть, летѣть. И ей это было пріятно.

— Только, вотъ что,—вдругъ пришло ей въ голову,—было бы лучше, если бы я поѣхала потомъ. Или же съ Дарьей Антиповной...

— А она ужъ уѣхала!—весело схлопнулъ руками Ипатовъ.—Какъ узнала, что вы къ ней въ гости, тотчасъ же домой, въ поповой плетюшкѣ. Такія гостьи-то у ней разъ во сто лѣтъ.

— Ну, когда такъ... Нате-ка, поливайте пока сады, а я пойду одѣнусь.

— Да не нужно!—молилъ Ипатовъ, глядя на ея капотъ съ художественнымъ восторгомъ.—Вы и такъ... Ѣдемте такъ, пожалуйста!

Она улыбалась ему, какъ ребенку, уходя въ избу.

— Подождете? Я не задержу.

— Да сколько угодно! Не нанятыя лошади. Готовъ теперь хоть недѣлю ждать...

Онъ ждалъ значительно меньше недѣли, но однако такъ долго, что успѣлъ превратить плантаціи въ сплошную топь, поливая ихъ съ усердіемъ дурака, котораго заставили Богу молиться: у Елены Даниловны не спорилось, она искала бѣлье, бѣлье искало ее, лифъ намѣревался угодить пазухой на спину. А она, останавливаясь въ недоумѣніи, не сердилась на непослушные чулки, туфли, но улыбалась, глядѣла на яркій свѣтъ солнца, на голубыя тѣни подъ окнами и твердила:

— Какъ онъ радъ! Какъ онъ радъ!

Утро было чудное: тихое, ясное, ласково-знойное. Оно напоминало то незабвенное утро, начала мая, когда Елена Даниловна впервые пьянѣла отъ степного воздуха. Но тогда природа только еще заводила свой веселый праздникъ, улыбаясь свѣтло и безгрѣшно, какъ юная дѣвушка; теперь же, въ половинѣ іюля, созрѣли силы, набухли злаки и сочный наливной плодъ уже изнывалъ среди родной пустыни отъ желанія осчастливить глаза и губы: въ дыханіи степи, знойномъ и волнующемъ, таилось что-то несдержанное, торопящее, повелительное.

Кругомъ, куда только хваталъ взглядъ, степь была покрыта, жила, двигалась валами зеленыхъ сыртовъ, золотистыхъ нивъ, цвѣтныхъ ковровъ, и ковры тамъ, въ дали, убѣгали внизъ, къ бѣлымъ кудрямъ облачковъ, отъ которыхъ лился синеватый свѣтъ, освѣжающій, что-то обѣщающій. И все цвѣло, рдѣло вокругъ, все пѣло, стрекотало, заставляя сухими, каленными звуками мѣрно колебаться воздухъ, томный отъ зноя, отъ пряного благоуханія, которымъ хотѣлось дышать, дышать... До опьянѣлой дрёмы, до сна наяву, до осуществленія какой-то полноты неяснаго, но упоительнаго желанія.

И Елена Даниловна, покачиваясь въ колескѣ, подъ мягкое гуркотанье колесъ, дышала умиротворенно, любовно, какъ дитя, радующееся стихійной радостью жизни, какъ тонкій знатокъ-гастрономъ, который пьетъ капля по каплѣ напитокъ, не имѣющій цѣны и подобія. Она чувствовала себя, сидя напротивъ Ипатова, помѣстившагося на передней скамейкѣ, такъ чудно, такъ отрадно, какъ будто отдыхала отъ напряженной работы: она пожертвовала для него себялюбивымъ влеченіемъ къ покою души, ѣхала ради него въ ипатовское «логово». Это сознаніе расширяло грудь, счастливило: оно давало право наслаждаться ощущеніемъ жизни, пьянѣть отъ нея и смѣяться.

Онъ подтверждалъ это право, сидя напротивъ, блаженной улыбкой, глазами: онъ глядѣлъ на нее упоенно, восторженно. Такъ любовался бы художникъ античной статуей, поэтъ—мечтой, богомолецъ—чудотворнымъ ликомъ.

Было нѣсколько стѣснительно чувствовать на себѣ этотъ восторженный взглядъ, но пріятно, очень пріятно. Хотѣлось помнить, что обладаешь не только свойствами души, счастливящими ближняго, но и стройнымъ станомъ, привлекательнымъ, матово-смуглымъ лицомъ, недурными глазами. Эти маленькіе дары природы хороши ужъ тѣмъ, что избавляютъ отъ необходимости тревожиться вопросомъ, нравишься ли ты, не нужно ли прибавить еще что-нибудь обдуманное во взглядѣ, въ граціи движеній, въ обаятельности улыбки. А нравиться—пріятно, человѣколюбиво, «соціабельно». И самая глупая красавица менѣе несчастна, чѣмъ самая умная дурнушка: послѣдней чаще выпадаютъ случаи негодовать и завидовать.

Да, это такъ!—для каждаго, каковы бы ни были его мнѣнія, наступаетъ моментъ, въ иное чудное, ласково-знойное утро, когда становится пріятнымъ, что нравишься... Особенно, если взглядъ, любующійся тобою, не циниченъ, а чистъ, какъ созерцаніе художника; когда онъ не раздѣваетъ тебя; когда ты не ощущаешь жуткой и зябкой оголенности паціента или рабыни подъ испытующими глазами.

Но встрѣтясь разъ и другой съ этимъ взглядомъ, такъ спокойно и благоговѣйно экстатическимъ, Елена Даниловна нашла, что сама-то она еще далека отъ безумной мысли обожествлять себя, и поспѣшила нарушить созерцательный восторгъ Ипатова.

— Что это тамъ зрѣетъ, Сергѣй Филиппычъ, на той полосѣ? Я, къ стыду моему, не совсѣмъ тверда въ «наукѣ колосовѣдѣнія». Пшеница? Какая же?

Онъ охотно приступилъ къ объясненіямъ. Его голосъ былъ полонъ музыкальной красоты, слова лились оживленно. Онъ увлекался до морфологическихъ тонкостей, описывалъ усики, пересчитывалъ число зеренъ, взвѣшивалъ ихъ.

— Да всего лучше, если вы вотъ взглянете на колосъ кубанки и египетки, сравните ихъ,—сказалъ Ипатовъ, поднимая руку къ спинѣ кучера.—Прохоръ, будь другомъ, поищи-ка намъ того и другого.

Коляска остановилась, краснощекій парень спрыгнулъ съ козелъ, побѣжалъ къ волнамъ хлѣбовъ, желтѣясь вмѣстѣ съ ними щегольской рубахой, теперь золотисто-желтой.

«Прохоръ!—мысленно воскликнула Елена Даниловна, провожая его глазами.—Такъ это Прохоръ! Еще одна изъ раскрытыхъ передо мной тайнъ горѣловскаго двора. Понятно теперь, почему такъ хороши на немъ рубахи: Олимпіадушка!... Но это—драма! страсть пожилой, хитрой полумонашенки, женщины, несомнѣнно, съ характеромъ, къ этому цвѣтущему здоровяку. Грозитъ это финаломъ не шуточнымъ!»

Прохоръ подавалъ колосья хозяину, а Елена Даниловна смотрѣла прямо въ пригожее молодое лицо парня, въ его синіе глаза. И онъ понялъ, что она хочетъ прочесть на его румяныхъ губахъ тайну поцѣлуевъ, украденныхъ у старика: онъ улыбнулся смущенно, скользнувши глазами по ея насмѣшливымъ глазамъ.

Какъ чуденъ, какъ жизненъ былъ этотъ мимолетный разговоръ двухъ паръ человѣческихъ глазъ среди зелени и золота степи, въ чистомъ и горячемъ благовоніи іюльскаго утра. Жизнь, это—благо! жизнь, это—священная тайна! Что думаютъ о ней тѣ, по чьему приказу каждое утро закрываются навѣки, подъ выстрѣлами и въ петлѣ, юные человѣческіе глаза?

А Сергѣй Филиппычъ увлеченно говорилъ о колосьяхъ, о былыхъ урожаяхъ, о недородахъ послѣднихъ лѣтъ, о голодѣ, о пролетаризаціи. Слова пѣли, смыслъ ихъ таялъ, едва касаясь сознанія. Въ голосѣ, въ глазахъ, въ посадкѣ, въ движеніяхъ Ипатова подмѣчала Елена Даниловна то плавное, прекрасное, какъ бы пѣвучее оживле-

ніе, которое дается глубокой радостью, восторгомъ послѣднихъ минутъ мученика... быть можетъ, глоткомъ «сомы», этого неземного вина индусской миѳологіи... Его также опьяняло это чудное утро, и едва ли не больше, чѣмъ ее.

Она была рада придти въ себя, отрезвиться, отвлечься хоть на минуту отъ внутренняго блаженства, которое почти уже пугало ее новизной, силой. Она ухватилась за случай поговорить о чемъ-либо постороннемъ, сухомъ, прозаическомъ, когда Ипатовъ, окончивши свою лекцію «колосовѣдѣнія», выразилъ изумленіе, что и ему вотъ довелось-таки сообщить кое-что новое публицисту.

— Ахъ, вы неисправимый упрямецъ!—весело сказала она, снявши шляпу и кладя ее рядомъ.—Все-то вы не вѣрите, что мы, газетчики,—цехъ оторванныхъ отъ живой жизни искусниковъ своего ремесла.

Она не докончила, увидѣвши на отлогомъ возвышеніи глиняную и лохматую стѣну знакомыхъ саманныхъ базовъ, Горѣлый Крестъ былъ уже неподалеку. Пора собрать силы, чтобы отнестись спокойно къ ипатовщинѣ, живя здѣсь до вечера.

Но она безпокоилась напрасно: ея усилій не потребовалось.

Можно было подумать, что въ Горѣломъ забастовка: плужки валялись неприбранными, воза съ гречихой загораживали дорогу, среди двора на солнцѣ золотилась гора пшеницы, окруженная мѣшками, челяками, гирями, а подъ доской вѣсовъ спалъ какой-то бородатый дядя. Мужики и бабы, разодѣтые по праздничному, слонялись безъ дѣла, и увидѣвши Ипатова съ гостьей, окружили ихъ кольцомъ смѣющихся лицъ.

— У васъ праздникъ?—спросила Елена Даниловна.

Ипатовъ не разслышалъ ея вопроса. Выпрыгнувши изъ коляски, онъ вопросительно оглянулся, точно не узналъ своего двора, посмотрѣлъ на флигель, на крыльцо, гдѣ стояла худощавенькая, не молодая женщина, одѣтая, какъ одѣваются городскія горничныя. Она поняла его взглядъ по-своему.

— Пожалуйте, барышня, Елена Даниловна!—защебетала она, подбѣгая, кивая, мило улыбаясь, гостьѣ.—Позвольте пыльцу отряхнуть.

— Благодарю васъ...

— ...Марѳуша,—подсказала ей горничная.

— Ахъ, это вы, Марѳуша!—воскликнула Елена Даниловна, отклоняя ея руку и выходя на землю.—Обѣщали мнѣ прислать васъ

съ квасомъ прошлый разъ, а я такъ и не видала, какая вы,—ни съ квасомъ, ни безъ кваса.

Горничная смѣялась и заботливо хлопала вѣничкомъ по подолу гостьи.

— Не трудитесь, Марѳуша, въ степи ни пылинки. Благодарю васъ.

Елену Даниловну изумляла эта предупредительность, эти ласковыя улыбки мужиковъ въ чистыхъ рубахахъ, бабъ въ новыхъ ситцевыхъ и сарпинковыхъ платьяхъ. Еще болѣе поразилась она, увидѣвши Олимпіадушку: пригожая смиренница, стоявшая на терраскѣ, не поджимала губокъ, не опускала долу очей, а улыбалась гостьѣ совершенно мірской, не иноческой улыбкой. Елена Даниловна руку даже подала черничкѣ, пріятно ошеломленная ея хорошимъ выраженіемъ.

Она еще разъ оглянулась на дворъ, на мужиковъ и бабъ. Они тѣснились къ Ипатову, смѣялись, подмигивали; онъ спѣшилъ выбраться изъ ихъ круга, подняться на крыльцо.

— Что у васъ сегодня, Сергѣй Филиппычъ?—шепнула Елена Даниловна.

Ипатовъ посмотрѣлъ ей въ глаза, въ лицо. Какъ будто онъ еще въ первый разъ видѣлъ это лицо, столь достойное восторга. Но не сказалъ ни слова. Елена Даниловна замѣтила, что онъ, входя въ коридоръ, поднимаетъ ноги выше, чѣмъ надо, какъ подвыпившій. Но она была увѣрена, что Ипатовъ трезвъ: не видѣла ли она его сегодня съ семи часовъ утра.

Широкоплечій бородатый мужикъ, тотъ самый, который ужиналъ съ нею и со ученицы, низко поклонился ей, стоя въ глубинѣ черной терраски, и скрылся за угломъ флигеля, стараясь держаться на носкахъ огромныхъ сапожищъ, чтобы не произвести шума.

Все было такъ странно, такъ не похоже на то, чего она должна была ждать. Какой-то непонятный праздникъ, какое-то тихое торжество по секретному поводу.

Тиха и торжественна была сегодня и Дарья Антиповна. Одѣтая въ широкое платье стараго фасона—«принцессой», съ пелериной—изъ темно-коричневаго кашмира, съ ковровой шалью на плечахъ, съ черной сѣткой на сѣдоватыхъ, гладко причесанныхъ волосахъ, старуха сидѣла на диванѣ у чайнаго стола, держась прямо, сложивши на животѣ руки. Она поднялась при появленіи Елены Даниловны, но не выразила ни радости, ни готовности начать разговоръ: ждала, какая-то грустная, покорная, мигала припухшими вѣками, блѣдная и точно помятая.

— Какъ я рада, что вижу васъ, дорогая Дарья Антиповна!— подошла къ ней гостья, протягивая руки, цѣлуя старуху.—Здоровы ли вы?

— Богъ милуетъ,—тихо проговорила Дарья Антиповна.—Знамо, дѣло-то не молодое ужъ. Присаживайтесь. Какъ Господь донесъ, благополучно ли? Марѳуша,—повернулась она къ горничной, слѣдовавшей за гостьей,—неси самоваръ, матушка. Садитесь, Елена Даниловна.

Какой-то убитый голосъ, какой-то болѣзненный тонъ. Елена Даниловна не узнавала свою болтливую собесѣдницу.

Ушла Марѳуша, ушелъ Ипатовъ, почему-то выжидавшій, когда поздороваются и сядутъ обѣ женщины; онѣ остались вдвоемъ. Елена Даниловна смотрѣла на опечаленное лицо, на опущенные глаза старухи и удивлялась ея неожиданной молчаливости.

— Что у васъ произошло, Дарья Антиповна?—спросила она.— Я узнать не могу Горѣлый сегодня! Все ли благополучно?

— Ничего... Слава Богу.

Старуха вяло улыбнулась, подняла припухшіе глаза на гостью, подавила вздохъ. Не было сомнѣнія, что она хотѣла выйти изъ состоянія печальной торжественности, поговорить. Но не рѣшилась и только обвела гостью пытливымъ, грустнымъ и чего-то просящимъ взглядомъ.

Въ двери налѣво показалась Олюша. Она была въ новенькомъ ситцевомъ платьѣ, неумѣло сшитомъ, но зато шумящемъ и розовомъ; и сама была вся розовая. Глазенки блестѣли сдержанной радостью, которую приходилось ей побѣждать, чтобы оставаться такой важной.

Елена Даниловна подтянула ее за руку къ себѣ, поцѣловала. Дѣвочка зардѣлась отъ удовольствія, но тотчасъ же высвободилась и встала у поручня дивана, на которомъ сидѣла мать.

«Сегодня, пожалуй, и отъ Олюши слова не добьешься,—подумала Елена Даниловна, глядя на торжественно-радостное лицо дѣвочки.—Всѣ точно переродились въ Горѣломъ. Но что же у нихъ случилось? Это удивительно и страшно любопытно!»

Она еще разъ взглянула на хозяйку, кротко и уныло заваривавшую чай, встала и, ни слова не говоря, пошла посмотрѣть, что дѣлается въ остальныхъ уголкахъ дома. Тишина, прибранность, торжественность царили повсюду, какъ на Пасху, а знойное солнце іюля, золотя стѣны, цвѣты, занавѣски, придавало всему воздушный блескъ, легкій и жизненный.

Елена Даниловна заглянула даже въ кухню. Та же чистота, праздничная умильность. Рядъ кастрюлей на полкѣ горѣлъ огнемъ. Му

жички и бабочки, сидѣвшіе на лавкахъ чинно и радостно, поднялись, ласково поклонились, увидѣвши на порогѣ гостью.

«Ничего не понимаю, хоть пришиби ты меня на этомъ мѣстѣ!— подумала Елена Даниловна, употребляя реченіе своей Марковны.— Всѣ умылись, облагородились, забыли, какъ ругаться, ворчать. И, что всего пріятнѣе, даже не пахнетъ чернецами. Какая-то революція въ Горѣломъ!»

Возвращаясь другими комнатами, Елена Даниловна нашла въ одной изъ нихъ и «самого». Филиппъ Семенычъ читалъ въ уголкѣ, за круглымъ столикомъ, книгу, очень черную отъ долгаго употребленія, съ осыпавшимися углами, пропитанными елеемъ,—требникъ какой-нибудь. У грознаго самодержца видъ былъ также необыкновенный: сѣдыя кудри и борода тщательно расчесаны, на широкихъ плечахъ тонкій черный сюртукъ, на шеѣ галстукъ. Онъ всталъ, увидѣвши гостью, низко поклонился, произнесъ какъ-то покорно: «подика, добро жаловать» и глядѣлъ въ полъ, здороваясь. Она тщетно старалась увидѣть его глаза, говоря комплименты его здоровью и старческой красотѣ съ умышленной оживленностью: старикъ былъ чѣмъ-то смущенъ, чѣмъ-то ошеломленъ какъ будто, и глядѣлъ въ полъ.

Когда она вошла въ комнату, гдѣ пили чай, тамъ уже сидѣлъ Ипатовъ. Онъ оборвалъ разговоръ съ матерью, повидимому, очень интимный и волнующій, что было замѣтно по ихъ лицамъ: Олюша нѣсколько поблѣднѣла, Дарья Антиповна казалась еще болѣе убитой, чѣмъ самъ Ипатовъ. Впрочемъ, онъ засіялъ, увидѣвши входящую Елену Даниловну.

— Кушайте, Елена Даниьевна,—болѣзненно просила старуха.—Вареньица получайте, сливочекъ... Стаканьи-то ужъ замерзли! Олюша, пей, сядись, матушка... Сережа... Что не кушаете?

Она склонилась черезъ поручень къ двери.

— Старикъ... Филиппъ Семенычъ,—взывала она скорбнымъ, поминальнымъ тономъ,—чего не идешь? Чай кушать жалуй.

Тотъ вышелъ, медленно, чинно ступая, сѣлъ съ краю, скромно подвинулъ къ себѣ стаканъ, широко перекрестился. Такъ не шла къ старому самодуру эта скромность, стѣснительная сдержанность. Невольно думалось, глядя на его матерую фигуру, согнувшуюся надъ блюдцемъ, вотъ-вотъ не выдержитъ, вскочитъ, рявкнетъ: «исчадія ада! бѣгите, чтобъ волкъ васъ не догналъ!» Но онъ былъ изумительно тихъ, чиненъ, молчаливъ, и присутствовалъ тутъ какъ будто бы ишь «для прилику». Не рыгалъ, тихо хлебалъ чай, вздыхалъ какъ-то троекратно, шепча молитвы. Когда Елена Даниловна, смущаемая взглядомъ Ипатова, все такимъ же экстатическимъ, вызвала его на разго-

воръ, старикъ даже вставлялъ замѣчанія, поправки въ объясненія сына; но опять лишь для прилику. Разговоръ ученыхъ, образованныхъ не могъ казаться дѣльнымъ благочестивому мужу. Елена Даниловна читала на лицѣ мирнаго старца, снисходительно-равнодушномъ, его любимую цитату: «Ученіе вмалѣ полезно, благочестіе же на все полезно».

Посидѣвши съ полчаса, «самъ» всталъ, помолился, поклонился гостьѣ и тихо удалился.

Встала и Елена Даниловна. Ей уже было неловко оставаться при матери и сестрѣ Ипатова подъ его восторженнымъ взглядомъ. Да и не узнаетъ она, очевидно, ничего отъ нихъ о томъ, что же, наконецъ, случилось въ Горѣломъ.

— Не пройдете ли ко мнѣ?—предложилъ ей Ипатовъ съ какимъ-то страннымъ вопросомъ, ожиданіемъ въ глазахъ.

— Да,— простонала Дарья Антиповна, — подите-ка, побесѣдуйте...

Елена Даниловна поцѣловала ее, вышла. Ипатовъ замедлилъ съ матерью.

Елена Даниловна откинула портьеру въ кабинетъ и увидѣла, что сюда также «докатилась волна революціи», какъ выражаются корреспонденты изъ Мамадыша и Царевосанчурска: не было ни велосипеда, ни болотныхъ сапоговъ, ни грудъ чертежной бумаги и газетныхъ обрывковъ на полу. Все вычищено, вылощено, вплоть до глобуса, куда, какъ знала Елена Даниловна, Ипатовъ пряталъ отъ родителей свои папиросы. На вымытыхъ подоконникахъ акуратно стояли головки, въ открытыхъ окнахъ синѣлись марлевыя рамки отъ мухъ, стекла шкафовъ стали незамѣтными отъ тщательной чистоты, мебель была разставлена съ декораторской симетричностью.

Полная гармонія порядка, чистоты, аккуратности!

Тѣмъ большимъ диссонансомъ въ этой гармоніи являлась качалка: она стояла подъ угломъ къ столу, на которомъ не было ни пылинки, ни лоскутка лишняго, ничего, кромѣ лампы на краю, гдѣ ее поставила Елена Даниловна; а подъ столомъ, за качалкой валялась открытая книжка «Revue».

Елена Даниловна вглядѣлась въ качалку, въ лампу, въ книгу, и закусила губу, почувствовавши приливъ горячей крови къ лицу и глазамъ. Ее охватила умиленная признательность къ чудаку, хранившему неприкосновенными предметы, «освященные ея прикосновеніемъ». Философія, анархизмъ—вещи огромной мудрости, конечно; но и самому мудрѣйшему изъ философовъ, презрѣвшему все че-

ловѣческое, не безразлично, помѣщенъ ли онъ во вниманіи людей ближе къ богу или къ мокрицѣ раздавленной.

Она поспѣшила опустить портьеру, не рѣшаясь войти въ убѣжище Ипатова, гдѣ онъ такъ смѣшно и такъ трогательно хранилъ тайну. Чего? Все равно. Здѣсь оставаться съ глаза на глазъ съ нимъ неудобно. Притворяться, что не замѣчаетъ,—глупо; переставить мимоходомъ, поднять книгу,—онъ признаетъ за ней это право, но... жаль! А показать ему, что замѣтила,—видѣть, какъ онъ вспыхнетъ, значитъ... Зачѣмъ! Со всѣми его слабостями и наивностями, пресимпатичный онъ, ей-Богу!

«Фу, до чего, до какихъ тонкостей дохожу,—улыбнулась Елена Даниловна, завертывая въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ.—Даже въ правовѣдѣніе ринулась!»

Она встала у окна, выходившаго въ цвѣтничекъ. Солнце свѣтило такъ знойно, такъ ласково глядѣли скорминькія петуньи... такъ хорошо было жить и знать, что люди къ тебѣ относятся тепло и ласково. Много ли счастливцевъ, которые могутъ признать, какъ она, что удивительно легко удается внушить къ себѣ симпатію большого, очень большого числа людей?

Такое хорошее, широкое чувство—чувство признательности за симпатію. Клянись онъ съ утра до вечера и съ вечера до утра, она не почувствовала бы себя болѣе тронутой и благодарной, чѣмъ теперь, когда случайно подмѣтила въ его кабинетѣ что-то такое въ положеніи качалки и книги.

Послышались шаги, медленные, нерѣшительные. Сергѣй Филиппычъ подошелъ, всталъ у ней за спиной. Она не спѣшила обернуться. Если бы въ этой комнатѣ, безъ свидѣтелей, ему пришло желаніе тихо обвить ея талію рукой, она не разсердилась бы. Даже отвѣтила бы, пожалуй, благодарнымъ поцѣлуемъ на его робкую попытку... дружескимъ, конечно, ничего не обѣщающимъ, но сердечнымъ.

Однако, съ нимъ это могло длиться безконечно! Стоитъ такъ близко, что его взглядъ, казалось бы, щекочетъ шею, колечки волосъ на ней, и всетаки...

Она не вытерпѣла, повела головой въ его сторону, встрѣтила его взглядъ, сіяющій, восторженный, чистый и... пожала ему руку. Но тотчасъ же поспѣшила отойти и сѣла.

— Слушайте,—начала она дурачливо,—зачѣмъ онъ такой красавецъ, вашъ старикъ? Какъ жаль, что я не художникъ!—я все писала бы съ него однихъ Саваоѳовъ... И вы будете такой же въ старости?—вы такъ похожи на отца и лицомъ, и фигурой. Но онъ крѣпче, монументальнѣе васъ. А вѣдь ему, вѣроятно, лѣтъ восемьдесятъ?

— Семьдесятъ шесть,—отвѣтилъ Ипатовъ тихо, глядя ей въ глаза.

— Семьдесятъ шесть!—воскликнула она.—Вотъ что значитъ жизнь безъ эксцессовъ нашей проклятой борьбы во имя борьбы. Ни за что не дотянешь до такого возраста! А вы?... Я отъ души желаю вамъ жить такъ же долго и такъ же благополучно. И быть въ старости такимъ же милымъ, красивымъ Саваоѳомъ. Знаете, не вѣрится даже, что онъ такой... Ну, такой, какъ о немъ вы и Дарья Антиповна разсказываете.

— Это всегда такъ!—улыбнулся Ипатовъ спокойно.—Никто не хотѣлъ бы вѣрить, глядя на него впервые.

— И особенно сегодня! Но что вы съ нимъ сдѣлали? Что вы съ ними сдѣлали, со стариками? Что, вообще, сдѣлали вы съ вашимъ Горѣлымъ?

Онъ молча смотрѣлъ ей въ глаза, улыбался. Потомъ сѣлъ противъ нея на диванъ, въ уголокъ. Тихо такъ, спокойно, созерцательно. Крутилъ въ пальцахъ трубочку изъ бумаги, улыбался, смотрѣлъ на нее. Ее сталъ тревожить, странно тревожить этотъ взглядъ.

— Я хорошо сдѣлала, что поѣхала къ вамъ,—не то спросила, не то заявила она.—Такъ мило у васъ сегодня. Какъ-то даже объ отъѣздѣ не думается.

— И не надо!—взмолился онъ вполголоса, становясь печальнымъ.—Зачѣмъ вы говорите объ отъѣздѣ!

— Конечно!—согласилась она.—До ночи еще далеко.

— До ночи?—встревожился Ипатовъ.—Развѣ вы не ночуете у насъ?—спросилъ онъ, выпрямившись.—Я надѣялся, что вы проведете у насъ и ночь... И не одну, быть можетъ...

Они встрѣтились взглядами. Она спрашивала. Его взглядъ не давалъ отвѣта на ея вопросъ, неясный и ей самой. Онъ опустился въ уголъ дивана, потеръ лобъ, стараясь овладѣть собой, снова вернулъ себѣ ясную улыбку, сіяющій взглядъ.

— Почему бы не жить вамъ здѣсь?—началъ онъ размышленія вслухъ.—Никакого сравненія и быть не можетъ съ Шестиглавымъ Маромъ и съ избой саманной! Жили бы здѣсь, не зная заботъ. Никто не посмѣлъ бы помѣшать вамъ ни въ чемъ. Я окончательно переселился бы въ сарай, а вы здѣсь, въ кабинетѣ моемъ, въ спальнѣ.

— Какой вы... милый!—прошептала она, чувствуя то же пріятное головокруженіе, отъ котораго не могла отдѣлаться дорогой.—Жить? нѣтъ... Зачѣмъ жить? Это странно. Я не понимаю... Но пожить, отчего же? Ахъ, ей-Богу, сегодня все: воздухъ, солнце, люди все какъ-то кружитъ голову, опьяняетъ... Хочется вѣрить въ пев!

роятное, въ жизнь-сказку... Отчего не пожить въ Горѣломъ?... Такъ хорошо...

Она подперла голову рукой; ея глаза встрѣтились съ его взглядомъ. Чуточку покраснѣла, прочтя въ его взглядѣ задумчивый, пытливый вопросъ; въ отвѣтъ на него она ощутила въ себѣ что-то смутное, что-то осязательно-тѣлесное...

И выпрямилась, отвела глаза къ окну, стараясь овладѣть мыслями.

— У васъ отличныя лошади,—поспѣшила заговорить она живо,—я ѣздила бы верхомъ, не правда ли, Сергѣй Филиппычъ? Какъ давно я не скакала!

— Счастливица! вы ѣздите верхомъ?!—удивился Ипатовъ.

— Чудесно! У меня дядя былъ кавалерійскимъ полковникомъ, и пріучилъ меня съ дѣтства къ верховой ѣздѣ.

— Какая вы, право, Елена Даниловна!... Все вы умѣете... Я же,—деревенскій мужикъ,—до сихъ поръ боюсь подойти къ лошади! Мать задумала учить меня ѣздить. Она всегда сердилась на меня, что я увалень и трусишка. Лѣтъ семи, вѣроятно, я былъ. Выбрали смирную, лѣнивую лошадь, огромнаго роста, помню, усадили меня, какъ я ни плакалъ, ни молилъ. Хохота было на дворѣ!... А я—ни живъ, ни мертвъ. И кончилось тѣмъ, что лѣнивая лошадь пошагала назадъ въ конюшню, а всадникъ-смѣльчакъ не преминулъ удариться лбомъ о перекладину. И повалился на руки дворника замертво. Такъ всѣ хохотали! А я чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ.

— И не умѣете ѣздить?—смѣялась Елена Даниловна.—Хотите,—выучу?

— Теперь ужъ не къ чему. А, впрочемъ... Если хотите. Я готовъ. Вотъ, рѣшайте, оставайтесь. И дѣлайте со мной, что только пожелаете!

— Мнѣ лучше удастся, чѣмъ Дарьѣ Антиповнѣ?—подняла она глаза къ нему.

Снова его пытливый, странный взглядъ вызвалъ въ ней странное ощущеніе. Снова поспѣшила она отвлечься быстрымъ вопросомъ:

— А купанье?... Я безъ ума люблю барахтаться!

— О, купанье у насъ дивное!—Пьяное озеро,—назвалъ онъ почему-то робко, едва слышно.—Далеко, правда, но лошади,—когда вамъ угодно.

— Охъ, искушаете вы меня... А не перегрыземся мы за эти дни, пока я буду жить у васъ... Не съ вами, разумѣется, а съ Филиппомъ Семенычемъ...

Ипатовъ молчалъ. Его взглядъ сталъ рѣшительно ненормальнымъ какимъ-то,—упорнымъ, магнетизирующимъ.

— Я не совсѣмъ довѣряю его сегодняшней кротости,—сказала Елена Даниловна.—Мнѣ все думалось за чаемъ, что онъ вдругъ прорвется, раскричится, какъ на Олюшу,—тогда,—прогонитъ и меня, и васъ вмѣстѣ со мной... Вотъ была бы потѣха!—засмѣялась она.

— Это отъ васъ вполнѣ зависитъ!—сказалъ Ипатовъ глухо, твердо,—загадочно.

Она не поняла, что онъ хочетъ сказать. Вѣроятно,—то, что она сумѣетъ быть тактичной со старикомъ, и не подастъ ему повода къ ссорѣ за эти два-три дня.

— Ну, ладно!—кивнула она головой.—Я гощу.—А теперь пойду съ Дарьей Антиповной пошушукаю. Кстати она сегодня что-то удивительно печальна. Вы не знаете отчего?—спросила Елена Даниловна отъ двери.

Ипатовъ загадочно улыбнулся, глядя на трубочку, которую держалъ около лица. Но не сказалъ ни слова. Она шутливо вздернула плечи и вышла.

Дарью Антиповну нашла она въ одной изъ лучшихъ «горницъ», которой выпала честь,—ради гостьи, служить столовой; старуха, все такая же тихая, покорная, съ растянутыми бровями, съ понурымъ лицомъ, медленно выкладывала серебро изъ тяжелаго сундучка. На столѣ розовѣлъ обѣденный сервизъ изъ тонкаго фарфора, лежала грудочка чудныхъ, слегка пожелтѣвшихъ салфетокъ.—«Изъ запаса для той свадьбы, отъ которой Ипатовъ бѣжалъ за границу!»—подумала Елена Даниловна.

— Милая, дорогая моя старушка!—подошла къ Дарьѣ Антиповнѣ съ открытыми руками Елена Даниловна.—Что же такое съ вами?... Зачѣмъ это моя лепетунья стала такая кисленькая, кисленькая?

— Охъ, ужъ и не говори, родная!—простонала хозяйка, поцѣловавшись.—Разстроилась, такъ ли разстроилась, матынька ты моя Елена Даниьевна... Ты гляди-ка-сь, что дѣется-то у насъ!... Ни—Пасха свѣтлая, ни—похороны... Ума не приложу!... Всѣ-то всѣ, кажись, голову потеряли...

— Да что же случилось, наконецъ?... Скажите!... Если не секретъ, конечно.

— Солучилось-то?... Ужъ и не знаю... Да какъ бы опять Сережа не пожурилъ, что бахарю, мѣры не чуть,—промолвила она уныло.

— А опъ,—знаете,—убѣждаетъ меня остаться пожить у васъ!—весело сказала Елена Даниловна.

— Ну, что-жъ!—ничего, поживи... Посмотришь, подумаешь... Оно лучше, ежели...

Дарья Антиповна не договорила, сжала губы, занялась салфетками.

— Живи, касатка,—снова заговорила она глухимъ, печальнымъ тономъ,—живи... Може полегчаетъ при тебѣ-то всѣмъ намъ... Живи, родная. Да и самъ-то кстати уѣдетъ се-дни: на Москву гурта погнали,—такъ онъ спѣшитъ; въ нынѣшнюю ночь выѣдетъ... И,—Господь съ вами!—слободно вамъ будетъ... Живи, лапынька!—кончила она, всхлипнувши.

— Дарья Антиповна! — ради Бога,— что это?... Пугаете вы меня... Что съ вами? О чемъ вы это?... Разскажите, откройтесь мнѣ, что произошло у васъ?

— Охъ, милая... Ужъ такое превозошло, ажъ душа изъ тѣла вонъ!... Николи ничего такого не было... Эти дни, матынька, не повѣришь,—сама не домекнусь: жива я, ай отошла ужъ!... Хожу,—ногъ подъ собой не чую; прилягу,—мерещиться алала какая-то почнетъ... Да и всѣ-то мы!—ну, какъ въ полонъ турецкій забраные, скажи... Сережа...

Она выронила салфетку, неся ее къ глазамъ. Голосъ у ней дрогнулъ.

— Разстроилъ онъ меня, такъ разстроилъ!—прошептала она, плача.—За самое за ретивое тронулъ... «Оди-инъ, говоритъ, я!...» А самъ—темный, темный; касатикъ мой... «Жить, говоритъ, такъ—совѣсти больше нѣтъ... Нешто, говоритъ, это жизнь,—какъ, т.-е., мы-то живемъ?—Это, говоритъ, не жизнь, а—цѣпи, говоритъ, путы, вериги сатанинскія!...» Молвилъ онъ эти слова изъ души, и у меня самой вся душа заныла: «Цѣпи, цѣпи!»—думаю,—«Истинно,—путы, вериги сатанинскія!...» Не жили, а только Божье долготерпѣнье искушали, думаю. Людей обижали, да сами себя изводили, безъ всякаго безъ толку!

Она обернулась, заслышавъ шаги. Входила Матрена, сегодня чистенько одѣтая, улыбающаяся, любопытная.

— Ступай, Матреша,—кротко сказала Дарья Антиповна.—Я позову, какъ понадобишься. Иди, матушка.

Дождавшись, когда та уйдетъ, старуха продолжала:

— А со старикомъ-то у нихъ что было!... Стоны стояли... Тотъ, извѣстно,—въ гору, старикъ-то,—какъ допрежде. Кричитъ, храпитъ... вотъ-вотъ бросится, увѣчить почнетъ. А Сережа-то,—не

уступилъ ужъ теперь,—кротко таково, жалобно: «Это,—говоритъ, вы никчему, отецъ». Такъ и молвилъ: «отецъ»! «Потому,—говоритъ,—что не исполнили вы заповѣди Божьей. Сказано, говоритъ, въ апостолѣ: родители, не раздражайте чадовъ вашихъ. А вы, говоритъ, всю жизнь у меня перехорячили ндравомъ своимъ, вздохнуть мнѣ съ-из-малѣтства слободно не дали, и мнѣ бы, говоритъ, отъ такой-то моей жизни—босякомъ, мазурикомъ быть,—вотъ вы чего изъ меня тирянствомъ могли сдѣлать! Примѣровъ, говоритъ, массыя у насъ такихъ, какъ наша семья: вьюноша крутится, крутится, что береста на огнѣ, подъ лапой-то подъ отцовской,—а тамъ—или во гробъ или на балчугъ! Вы, говоритъ, не можете никакихъ чувствъ чувствовать теперь, потому—какъ только о томъ и печетесь, а-бы свою душу спасти. Ну, только, помните, говоритъ, что мнѣ черезъ васъ жизнь опротивѣла! До той поры-степени опротивѣла, говоритъ, что я въ петлю готовлюсь. Вотъ, въ ту́-поры, какъ не буду я въ живыхъ, тутъ-то и скажется вся совѣсть въ васъ: все припомните, чѣмъ меня смертно огорчали! Да ужъ поздно будетъ, отецъ, отецъ, говоритъ!

Она вытерла слезы, переждала минуту волненія и заговорила тверже:

— Тотъ и оробѣй,—старикъ-то! Ну-ка, шутка ли сказать,—родной единый сынъ, и черезъ него жизни рѣшится!? Нешто это ужъ спасенье? Сѣлъ въ кутокъ, глазами водитъ,—что корьсюкъ который затравленный.—«Чего же ты требуешь отъ меня, Сергѣй?»—спрашиваетъ. А Сережа-то: «Ничего, говоритъ, отъ васъ не требую. А только, говоритъ, жить вотъ такъ, какъ живу,—силы-мочи не стало. Умереть-то, говоритъ, я давно готовлюсь, да все жду чего-то, надѣюсь.—Вотъ-вотъ, говоритъ, увижу человѣка этакого, по душѣ и по совѣсти,—обнадежитъ меня, говоритъ, жить заставитъ. Одинъ, говоритъ, я теперь. А человѣкъ-то тотъ душевный ласковое слово молвитъ мнѣ, спасетъ меня. И почну, говоритъ, жить при немъ,—какъ въ свѣтломъ раю; вы же, говоритъ, родители, придете радоваться на меня». Ну,—слезно, слезно расписываетъ. Ажъ плачемъ мы оба со старикомъ. «Нашелъ,—говоритъ, я такого человѣка! И одно только надобно мнѣ, чтобы вы не воспрепятствовали на моей дорогѣ. Вы, говоритъ, сами знаете, что пожилой ужъ я, могу собой распорядиться, волю взять, на свой солтыкъ все сдѣлать и безъ вашего согласія обойтиться. Ну только то, говоритъ, что душа не позволяетъ васъ, стариковъ, изобидѣть, маму мою, говоритъ, бѣдную обездолить: я хочу, говоритъ, съ согласія. А то и счастье мнѣ не въ счастье. А вы, говоритъ, этимъ дорожить должны! Останная, гово

ритъ, попытка въ моей жизни: ежели обмишулюсь, обманусь,—кончено! Такъ и молвилъ: «кончено», говоритъ.

Серебро звякало въ дрожащихъ рукахъ; старуха качала головой.

— Извелась я эти дни, Еленушка, вся извелась! «Господи,—думаю,—ай я прогнѣвила тебя чѣмъ?—нѣшто. Ты у меня разумъ отнялъ?! Не домекнусь, Господи Милосливый, я, чего дѣется-то: твоя ли святая воля, али попущенье діявольское? Николи такого не бывало, чтобы родному сыну потворствовать на беззаконіе, а теперь вотъ... А?!

Она схлопнула руками въ ужасѣ и прошептала, заставивши похолодѣть слушательницу:

— Съ чужой, съ дѣвушкой родного сына готова свести-и! Безъ закону, и то-о! На ея волю-у! Какъ сама усмотритъ! Что же это, Господи?! Не сатана ли осѣтовалъ, во образѣ свѣтлѣ?! Молюсь, а сердце-то кипитъ, кипитъ. Жаль мнѣ его, Сережу-то. «Може,—говоритъ это онъ, таково кротко, да покорливо,—може не достоинъ я того человѣка. Ну, да,—говоритъ,—останная въ жизни попытка. Ужъ два мѣсяца, говоритъ, думаю денно-нощно о человѣкѣ объ этомъ, а теперь, говоритъ, порѣшилъ: все равно!—останная въ жизни попытка. Дѣло—сперва за вами, говоритъ,—выбирайте, уважить ли мнѣ васъ, а потомъ, говоритъ, за ней: какъ она мнѣ укажетъ, какъ распорядится».

Елена Даниловна опустилась на стулъ, рядомъ съ широкимъ бедромъ старухи, обвела растерянным взглядомъ «горницу», негодуя, изумляясь, соболѣзнуя. «Два мѣсяца!»—думала она.—«Ошибается: не больше одного. Или—недѣль пять, шесть. Но какъ я не подумала объ этомъ?!» А Дарья Антиповна говорила, повышая шопотъ до страстнаго напряженія:

— Метнулась я къ самому-то: «Старикъ, а старикъ,—говорю.—Нюжлишь, говорю, донустимъ мы свое дѣтище душу погубить?! Богъ съ нимъ,—пущай ужъ говорю, какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ, чѣмъ давиться-то!—прегрѣшитъ,—покаяніе принесетъ; а руки на себя наложитъ,—чорту баранъ! Богъ съ ними, старикъ, говорю: люди молодые, новые, у нихъ и совѣсть не та,—новая, чуая для насъ, а имъ—своя да милая. Нешто, говорю, указъ мы для ѣхъ? Будетъ ужъ, говорю, намъ людей-то подъ свой ноготь подбать!—пора и честь знать, старикъ!» Онъ и совсѣмъ утихомился старикъ-то.—«Не мое дѣло,—говоритъ.—Теперь, говоритъ, е—верхъ тормашками: попы—мерзавцы, старики—дураки, законъ! Ужъ чего про насъ разсусоливать, говоритъ, коли ежели позанника Божія и того хотятъ на отчетъ посадить,—какъ я моихъ

приказчиковъ! Дѣлайте, какъ знаете. Ну, только, говоритъ, послѣднее мое слово тебѣ, Сергѣй: ежели по закону,—ты мой наслѣдникъ, и вся половина—твоя. Тутъ ли вамъ жить, другой ли участокъ облюбуете, въ Самарѣ ли, въ Москвѣ ли, въ Питерѣ ли,—все единственно: ты мой наслѣдникъ, и что мое—твое. Пополамъ съ Ольгой. Ну, а ежели, говоритъ, по вашему, по лярюціонному,—нѣтъ тебѣ ни гроша! Пущай Ольга все своему будущему мужу законному вручитъ, что мной нажито!» А самъ всталъ и—къ образу,—крестится: передъ Богомъ, вѣдаешь, слова свои подтвердить чтобы. А тотъ, Сергѣй-то:—«Да нешто, говоритъ, въ деньгахъ образъ-то и подобіе человѣка суть? Жизнь, говоритъ, себѣ за деньги не купишь. У насъ, говоритъ, доходу восемьдесятъ тысячъ, а любой кузнецъ, говоритъ, счастливѣе меня, ежели у него душа спокойствія да радости полна. Я може, говоритъ, горя не зналъ бы, когда не жилъ бы въ довольствѣ, а работалъ съ зари до зари! Ну, а работать,—мнѣ душевная поддержка нужна. Вся моя причина, говоритъ, въ поддержкѣ: поддержитъ ежели, говоритъ, меня тотъ человѣкъ словомъ да понятіемъ,—Богъ, говоритъ, на меня возрадуется! Вы, говоритъ, законами мнѣ тычете; а по закону вы, говоритъ, всю внутренность мою отравили? У насъ, говоритъ, сегодня все начистоту пошло,—въ первый, можетъ, въ останный разъ.—Такъ вотъ, говоритъ, я и открываюсь вамъ: не было у меня черезъ родного отца радости со дня рожденья, и вся, говоритъ, моя внутренность полынь-травой горькой пропитана!»

Дарья Антиповна трепетно зарыдала и упала на стулъ, закрывши лицо салфеткой.

Елена Даниловна чувствовала, какъ похолодѣли ноги, какъ сжало въ груди.—Вѣдь эта бѣдная Дарья Антиповна всю свою изжитую жизнь оплакивала!

— Да пожалѣйте вы меня, мученицу!—причитала Дарья Антиповна, глуша слова и звуки салфеткой.—Двѣ ноченьки сна-покою я, старуха, не вижу! Всю жизнь я жила—мучилась. А и при старости мнѣ нѣтъ радости. Дайте мнѣ хошь при смерти-то вздохнуть легонечко на вашихъ порядкахъ новенькихъ. Люди вы умные, люди ученые,—совѣсть у васъ, что кожица молодая,—чуткая: облегчите вы мое горюшко. Живите вы, съ Богомъ, какъ знаете.

Она умолкла, перестала рыдать, трястись. Успокоилась, опустила въ колѣни салфетку. Слезы облегчили ее: старуха покорно, не примиренно улыбнулась Еленѣ Даниловнѣ, которая поблѣднѣла, хмурила брови.

— Ничего, живите себѣ съ Богомъ,—шепнула Дарья Антипов

на.—Грѣхъ, пущай, нарушенье. Дѣло ваше. Все одно,—правды-то не стало: старая вся погнила, а новая, вишь, не дозрѣла пока. И не понять, кто по закону, кто не по закону живетъ. Людей убиваютъ, стрѣляютъ, вѣшаютъ. А они—за другихъ.—Тѣ же мученики! Вонъ, духоборовъ нашихъ: изъ родины вытурили, божью правду захотѣли поповскимъ петрахилемъ домѣрить.

Елена Даниловна крѣпко пожала ей руку, мокрую отъ слезъ, встала и быстро вышла въ переднюю. Мимоходомъ сняла она зонтикъ съ вѣшалки и пошла, какъ была, во дворъ, въ степь. Съ Ипатовымъ встрѣтиться ей было... непріятно. Не то, чтобы негодовала она очень ужъ на него, не то, чтобы смущалась заранѣе его смущеніемъ. Было и то, и это. Но, главное, поразило ее, потрясло все то, что перевидѣла она, переслышала сегодня, съ утра до полдня. Жалобы Ипатова; его глаза восторженные, экстазъ, пріятно щекотавшій нервы; качалка. Горькій плачъ старухи, наконецъ. Вѣдь какую катастрофу пережила, бѣдная лепетуха, ей-Богу!—«спопашилась» «въ одночасье», на «останныхъ»-то дняхъ жизни, что и у сына душа полынью отравлена, и у ней самой жизнь цѣлая была не жизнь, а—цѣпи, путы, вериги дьявольскія, сатанинскія. Сколько горя-то! какая драмища-то! А ей, случайной гостьѣ, пришлось—да!—это ужъ несомнѣнно—пришлось сыграть въ этой ипатовщинѣ роль какого-то бога изъ машины. Можно, конечно, негодовать на Сергѣя Филиппыча, что безъ хозяина разсчитывалъ, строилъ планы своей «останной попытки», ничѣмъ ее не предувѣдомивъ. Но... Случай поставилъ ее въ такую позицію, которая налагаетъ отвѣтственность. И, слѣдовательно, надо уйти куда-нибудь подальше, одной побыть, съ мыслями разобраться.

У воротъ, въ тѣни, сидѣли мужики, бабы, грызли сѣмена. Они встали и поклонились Еленѣ Даниловнѣ съ той уповательной ласковостью, съ которой зависимые люди встрѣчаютъ новаго хозяина. Она даже вспыхнула, кивая имъ, спѣша миновать ихъ поскорѣе. Отвѣтственность, отвѣтственность!—такъ и ловила за плечи эта нежданная, негаданная гостья случайной гостьи. Въ кухнѣ давно ужъ «всѣмъ хотѣлось»! И они вотъ,—ужъ кланяются. Ахъ, искушенье!

Но... Что отвѣтила бы она Сергѣю Филиппычу, если бы онъ осмѣлился, рѣшился поставить ей вопросъ о... Ну,—о «поддоржкѣ»-то, однимъ словомъ? А онъ рѣшится, какъ ни робѣетъ при мысли о писателяхъ. Ха!—да она слѣпа была!—развѣ онъ робѣлъ при ней только потому, что она писательница?! Сантиментализмъ пожилого ребенка, романтизмъ смѣшной,—качалка намекнула ей,—тоже «въ одночасье»,—объ истинной причинѣ его робости! Онъ любитъ! И

этотъ взглядъ его безконечный,—развѣ признательность одна?! Да любовь это, любовь!—трогательная, глубокая... безпримѣрная какая-то. И онъ рѣшится! Совсѣмъ ужъ онъ не такая ветошка, какъ самъ привыкъ о себѣ думать: нашелъ же вотъ въ себѣ силы, чтобы не уступить отцу-самодуру, при одной мысли о которомъ всю жизнь съёживался, въ комочекъ сжимался! И,—ну, не чудо ли, не счастье ли?—вѣдь это любовь же и укрѣпила въ немъ рѣшимость, смѣлость, мужество! Чего только не натворила бы съ нимъ его любовь, если относиться къ нему деликатно, направляя его, руководя!—вѣдь онъ же пресимпатичный, ей-Богу. Ну,—смѣшной, неуклюжій, застѣнчивый, какъ дѣвчонка, а пресимпатичный. И такъ много, такъ глубоко страдалъ, и такъ томится по живому дѣлу. Замѣчательнаго подвижника-человѣколюбца можно изъ него выдѣлать, если... Ахъ, искушенье!

Елена Даниловна шла быстро. Яркій солнечный свѣтъ, зной она всегда любила, а послѣ скорбнаго шопота Дарьи Антиповны, вызывавшаго подавленную зябкость, этотъ полуденный зной бодрилъ и радовалъ. Она миновала длинную стѣну, повернула въ тѣнь другой стѣны, миновала и ее, вышла на бугорокъ; онъ обрывался, почти отвѣсно, надъ извилистой балочкой, по дну которой пробѣгалъ ручей. Она оглянулась. Въ десяткѣ саженей отъ нея сѣрѣлась лохматая саманная стѣна Горѣлаго. А тамъ, по ту сторону балочки, развертывалась во всѣ стороны безпредѣльная даль. Не хотѣлось измѣнять направленіе, которое принимали думы, не хотѣлось поворачивать. Пошла прямо. Спустилась, чуть не ползкомъ, хватаясь за выступы, съ обрыва, разулась, подобрала бѣлье, перебралась черезъ отрадныя, ледяныя струйки, освѣжила лицо, промочила горло, обулась и влѣзла на другой, отлогій яръ безъ усилій.

Степь, широкая, неоглядная, великая степь развернулась передъ ней, какъ ласковое зеленое море. Радушно и уступчиво опускаясь къ далекимъ холмамъ и рощицамъ, эта равнина, обмытая ливнемъ прошедшей ночи, манила затеряться въ ея цвѣтущей зелени, обѣщала что-то, обнадеживала достиженіемъ полноты чего-то желаннаго. Неусыпно и бодро конючилъ ястребъ вверху, увѣренно трещали стрекозы въ травѣ, дерзко бубнилъ шмель, злобясь на зонтъ. Но гвоздичка и синяя ночка такъ покойно млѣли на солнцѣ, невинная ромашка такъ довѣрчиво улыбалась, такъ крѣпко держались и рдѣли гроздья пышнаго чертополоха, что всѣ эти звуки только углубляли тишину, знойную, благовонную тишину неоглядной, зеленой, безлюдной степи. И стоило дошагать вонъ туда, къ густымъ лопухамъ

съ парой золотыхъ коронъ подсолныша, или,—еще,—вонъ до этого бугорка съ тѣнистыми кустиками,—ничего больше и не захочется!

Елена Даниловна шагала, шагала. Такъ легко было идти, такъ сладко пахла душица. Когда она оглянулась, пройдя не одну тысячу шаговъ, сзади нея была пологая зеленая стѣна, а Горѣлый потонулъ безъ остатка. Вокругъ, куда ни взгляни,—степь, и она—одна... Какъ неограниченный властелинъ всего этого раздолья! Широко кругомъ, широко въ груди. Необыкновенный, небывалый притокъ силъ, вѣры въ себя, въ свою необходимость для жизни, для счастья людей! О, степь!—ты уже—своя, родная. Какъ съ тобой разстаться?!

«Вотъ,—еще мѣсяцъ, много—два,—думаетъ Елена Даниловна,—и она вернется въ Питеръ, чтобы снова надѣть себѣ на шею тотъ же хомутъ. Снова—та же горячка работы. Снова—та же пропитанная сигарнымъ дымомъ, душная редакція, тѣ же коллеги, остроуміе, блескъ, мелкоплавающая энциклопедичность которыхъ лишь въ гомеопатическихъ дозахъ сносна, «вмалѣ полезна». Ихъ софистическій скептицизмъ, воспитанный привычкой все видѣть мелкомъ, ничѣмъ не дорожить, цѣнить явленія жизни по ихъ пригодности для «слѣдующаго номера» и для четырехсотъ восьмидесяти строкъ по патіалтынному; ихъ скептическій цинизмъ, едва-едва прикрытый лоскомъ, тактичностью, но «раздѣвающій взглядомъ женщину». Наконецъ,—эта ихъ ледяная безчувственность къ горю и неудачамъ безвѣстныхъ, но страшно многочисленныхъ «малыхъ силъ» литературы,—быть можетъ, будущихъ коллегъ, такихъ же себялюбивыхъ! Все это не замѣчается или сносится безъ негодованія по привычкѣ лишь, но все оставляетъ черный налетъ на душѣ. И,—снова,—тѣ же собранія, тѣ же вечера литераторовъ, гдѣ всѣ клевещутъ, всѣ клянутъ, всѣ сплетничаютъ по угламъ, дружа и подло заискивая внѣ угловъ, внѣ интимнаго шопота. Тѣ же концерты, примѣры, чествованія памяти уже замученныхъ общими силами коллегъ, обѣды по подпискѣ, жур-фиксы, бѣготня, суета, обезьянная встревоженность, дрязги, хлопоты, мелочи. Тѣ же комнаты у генеральши. До новаго обморока на будущую весну!»

— Что собственно могу я требовать отъ Сергѣя Филиппыча?—задаетъ онъ себѣ вопросъ, задумчиво внюхиваясь въ какой-то желтый цвѣтокъ.—Онъ, конечно, не молодъ, почти вдвое старше меня, но его здоровью позавидуетъ юноша. Пріятенъ внѣшностью, отлично сложенъ, свѣжъ душой, какъ подростокъ. Ветошка? Но сегодня я убѣдилась въ достаточной степени, что проявить характеръ онъ можетъ, если есть на что ему опереться. Эти его признанія, что онъ отравленъ съ дѣтства ядомъ приниженности, способенъ рабски заис-

кивать,—преувеличенія! Это ему такъ кажется только. Осчастливька его,—какой гордый, да великодушный станетъ! И такъ поэтически-красиво вышло бы это: обновить, вылѣчить его отравленную душу, возродить его къ жизни. Прекрасная, завидная доля! Она стоила бы «Исайя ликуй»,—какъ Парижъ стоилъ обѣдни. Глупо отказываться, ради обѣдни, отъ Парижа, гдѣ можно стать добрымъ королемъ и заслужить безсмертіе, благодарную память навѣки. Съ милліонами удобнѣе и вѣрнѣе корчевать гнилые дупла стараго міра, чѣмъ съ пятью голыми пальцами. Тайнобрачіе же достижимо когда угодно,—задолго до Исайи,—была бы лишь охота.

Елена Даниловна, утомленная, а больше того—томная отъ мысли, что вольна творить съ собой, что хочетъ, сѣла на кучу верблюжьихъ череповъ, сложенныхъ кѣмъ-то въ степи и утонувшихъ въ травѣ, среди цвѣтовъ. Дикій макъ, златоцвѣтъ, ярко-красные лепестки чего-то вродѣ мальвы. А изъ низинки, изъ-за стѣны кустовъ, тянетъ душистой кашкой. И зной, зной. Воткнула она за черепами сухую вѣтку, къ вѣткѣ приладила зонтъ и, устроивши кое-какую тѣнь, принялась плести вѣнокъ.

«А что собственно ждетъ меня впереди?» думала она.

Напряженная и нервная работа,—этотъ «сизифовъ трудъ», какъ говоритъ ея превосходительство,—долго длиться не можетъ и даромъ не пройдетъ: упадутъ силы, мозгъ обезкровится, рука будетъ писать механически. И написанное будетъ печататься по традиціи,—въ теченіе нѣкотораго, очень быстротечнаго времени. Отойдутъ въ сторону старые сочлены-инвалиды,—мѣсто и кормило уступятъ новымъ, новымъ... И эти будутъ строить кислыя мины, когда придется имъ посылать въ типографію блѣдный «взглядъ и нѣчто» исписавшейся ветеранки. А затѣмъ...—«О, несомнѣнно,—ваша вещичка великолѣпна, какъ всегда, но... Злободневнаго-то характера нѣтъ, вы сами понимаете. Придется повременить съ ней. И гонораръ, знаете! Издатели, говоря откровенно, начинаютъ ужъ поварчивать. «Потомъ,—вполнѣ ужъ откровенно.—Неудобно, знаете, Елена Даниловна. Вы меня извините, но... я не могу, къ сожалѣнію».

Finita la comedia!

Ну,—воспользуется она своимъ дипломомъ и, при содѣйствіи вліятельнаго знакомства, поступитъ преподавательницей... на какія-нибудь пятьдесятъ рублей,—какъ «не имѣющая педагогическаго опыта». Новыя приглаживанія къ новымъ условіямъ, новыя приспособливанія къ новымъ требованіямъ. И—чиноподчиненіе, и—необходимость быть въ струнѣ, и—формалистика педагогическаго бюро

кратизма. И все это—при отсутствіи любви къ дѣлу, все—ради куска! Безрадостная перспектива!

Но и такая-то перспектива—счастіе въ сравненіи съ долей пожилой, изработавшейся женщины, у которой нѣтъ гроша на черный день, дѣти же—въ наличности. Сколько ихъ въ Питерѣ, этихъ отставныхъ знаменитостей, народившихъ кучу ртовъ и перебивающихся переводами!

Пальцы быстро прядаютъ межъ стебельковъ, вѣнокъ-красавецъ растетъ, а голова никнетъ.

Сегодняшній зной,—густой какой-то, насыщенный испареніями полныхъ жизни и силъ луговъ, полей,—чего-то требуетъ, чего-то ждетъ. Какъ-то осязательнѣе чувствуешь ношу тѣла, которая тяготитъ. Ощущаются члены, ихъ упругость щупаетъ бѣлье и томится въ немъ,—сухая, горячая. Какъ будто зной проникъ въ кровь, переполнилъ всѣ жилки. Размышлять лѣнь, трудно. Такъ,—закрыла бы глаза съ единственной думой въ кружащейся головѣ: «будь твоя воля!» Какъ,—неужели же я люблю... Но... почему же бы и не...

Въ груди—ширь, воздушность свѣтлая. Какъ будто рѣшеніе уже принято и уже облегчило тяготу. Весело. Хочется расти, расти, летать, распластаться въ воздухѣ, въ зноѣ, въ тонкомъ благоуханіи кашки.

Она надѣла вѣнокъ, встала, ей смѣшно.

— Что изъ того, что любовь скороспѣлая?—поетъ Елена Даниловна, оправляя стебельки.—Полюбили же съ быстротой взрыва Ромео и Юлія! Да и какъ еще, даже самъ Шекспиръ нашелъ ихъ романъ достойнымъ своего генія, и далъ намъ повѣсть о Ромео и Джульеттѣ, печальнѣйшую въ свѣтѣ, съ присущей ему добросовѣстностью. Милый Шекспиръ!—какъ онъ зналъ человѣческое сердце... А идетъ ли ко мнѣ мой вѣнокъ? Что бы еще выразили глаза Сергѣя Филиппыча, если бы онъ меня увидѣлъ? Но, такъ далеко, такъ безлюдно, безлюдно, что... Жаль, нѣтъ зеркала, нѣтъ и лужицы! А кашка-то, вѣдь она съ тростникомъ дружна!

Контральто, полное зноя—его некому было слушать, кромѣ сусликовъ—наполняло степь и отдалось въ шири того же сердца, гдѣ оно почерпало страстную звучность. Никто на десятокъ верстъ вокругъ не услышалъ и словъ этой деревенской, грустно-тягучей пѣсни, со всѣми ея выводами, надломленными прерывами, удвоеніями слоговъ:

Му-у-дрено-о-о на свѣтѣ да жити,
Лю-у-бовь-ю-у шути-и-ити,

Да во-вотъ любилъ маль-чи-чи-къ дѣвчен-а-ку,
Лю-у-у-билъ да вспоки-и-и-ну-у-улъ...

Она пѣла и спѣшила къ нѣжнымъ, бѣлымъ кистямъ кашки, глядѣвшей на нее сквозь кустарникъ, точно дитя съ серебристой головкой. Она громко, счастливо пѣла грустную деревенскую пѣсню, и всей грудью пила медвяный запахъ кашки, близъ которой—знала уже это она—всегда любитъ дремать влюбленный въ бѣлоголовое дитя тростникъ, качая своими бронзовыми султанами. А гдѣ тростникъ, тамъ и водички хоть съ ложечку, и это ужъ знала она. Такъ и есть, вотъ онъ, сонный красавецъ, чутко задремалъ надъ своей бѣленькой дамой, и видитъ рыцарскіе сны, и дышитъ ея ароматомъ, и шепчетъ, вѣроятно, ей о быломъ, нѣжно лязгая листьями. Дремлите, дремлите подъ зноемъ, друзья!

Вспа-а-кидамши да и... а и бросам-а-ши,
Е-е-й въ глаза-а-а смѣя-а-а-л-ся
Да ты... ты не смѣйся, мой раз-любе-зы-най,
На-а-а мнѣ не-е-жена-а-а-ты-ы-й.

— Вода, вода!—радостно кричитъ она, прерывая пѣніе.—Кашка, тростникъ не обманули: за кустами—болотце. А за болотцемъ—цѣлое озеро. Удивительно мнѣ везетъ!—смѣется она,—и среди людей, и въ совершенномъ безлюдьи. Вонъ и песочекъ: есть мѣсто положить платье.

Два удовольствія сразу: искупается и посмотритъ, хорошъ ли вѣнокъ на головѣ, хороши ли темные волосы въ красныхъ цвѣтахъ.

Снова поетъ, раздѣваясь. Одна! Быть можетъ, послѣднія минуты одна. Такъ сладко-грустно, такъ вдохновенно-темно. Какъ будто передъ алтаремъ возлюбленнаго бога, пожертвовать которому собой отрадно.

Только меня разогорчаютъ
Дорогія очи!
Э-эти о-очи рас-расплелес-а-ны,
Не-не спала-а я но-о-о-о-чи-и.

Шмели гудятъ вокругъ голыхъ плечъ; но она знаетъ, что у нихъ только «кадыкъ зѣвластъ», а зла нѣтъ. Вода скучно теплая у бережка; но, и это все знаетъ она, степныя озерца питаются ключиками, «головушками», и тамъ глубже, вода пойдетъ самая студёная. Такъ много, вообще, узнала она въ этой ласковой, родной степи: мужиковъ, бабъ, ихъ грубую сердечность, ихъ трогательную темноту, довѣрчиво ждущую вниманія. Хорошо чувствовать близость родного народа. И хорошо, вообще, жить, быть здоровой, свѣжей, любимой.

Вода по колѣно. Она стоитъ неподвижно, чтобы рябь успокоилась. Тихо-тихо сгибаетъ станъ, придерживая вѣнокъ на волосахъ. Ниже, еще ниже. Тише, тише. Сначала въ игривыхъ, бѣгающихъ штрихахъ, затѣмъ плотнѣе, сочнѣе, тверже и упруже обрисовывается въ водѣ розоватая, какъ персикъ спѣлый, молодая особа, вся, вся, вплоть до пальцевъ, бѣлѣющихъ тонкими червячками въ черныхъ волнахъ. Та, въ водѣ, впивается пытливо расширенными глазами въ эту, и этой дѣлается даже жутко. Но она спѣшитъ ободрить себя улыбкой, и та кажетъ ей бѣлые зубы въ пунцовомъ атласѣ. И къ ней такъ отлично идетъ вѣнокъ, смотрѣть хочется.

— А ты ничего, дѣвка!—говоритъ эта той, а та улыбается, киваетъ красными цвѣтами, шевелитъ пунцовыми губами,—нагуляла жирокъ-то въ Шестиглавомъ! Видишь, плечи-то: сахарныя.

Обѣ смѣются, обѣ любуются другъ другомъ. Обѣимъ хотѣлось бы сблизить тѣла, цѣловаться. Эта, надъ водой, сгибается ниже, та приподнимаетъ голову и грудь, и та грудь уже касается, точно сонная струйка, щекочетъ эту...

Но жаль портить стройное созданіе рябью: обѣ тихо разлучаются.

— Ахъ!—вскрикиваетъ Елена Даниловна. Обѣ разомъ выпрямились. Въ тишинѣ, царившей вокругъ далекаго озера, въ полномъ безлюдьи, вдругъ раздался оглушительный шлепокъ. Та исчезла, спрятавшись за рябью. Этой некуда спрятаться. И она повертываетъ голову въ царственномъ негодованіи, чтобы сразить взглядомъ нахала.—Лягушка! Ха-ха-ха! Вотъ она забавно корячится на мшистый камень.

— Провалиться бы тѣ, карамола!—смѣясь ворчитъ она, какъ Анисья Марковна.—Ужъ я подумала, не Шапиро ли какой ляпнулся, да вмѣстѣ и съ аппаратомъ.

А кругомъ тихо, тихо. И безлюдно, какъ въ первые дни міросданія. Но безпримѣрная бесѣда прервана. Да и ненужно больше: рѣшеніе готово. Вопросъ времени—и только. Рѣшено—подписано. Сказано—сдѣлано. Теперь купаться.

Озерцо маленькое-маленькое, но глубокое, не достать дна ногой, чадя вѣнокъ. Оттуда всплываютъ лѣнивыя ледяныя волны, ихъ чередованіе съ теплыми нѣжитъ спину, дразня и волнуя. И водица таая чистая, прозрачная. Какъ слеза Дарьи Антиповны, замедлившая ь извилинахъ морщинистой руки: просвѣчивала коричневая кожа. Дайте мнѣ передъ смертью пожить легонечко,—вспоминаются пританія бѣдной старушки,—облегчите вы мое горюшко!»

Да, да, и ее. Всѣхъ!—рѣшеніе принято. Послѣднее купанье «дѣ-

выньки». Невѣроятно сладкое! Какъ стаканъ вина передъ казнью, мысль о которой уже не страшитъ, которая неизбѣжна.

То поплыветъ, глядя на вѣнокъ, то полежитъ, глядя на ноги. Покидать не хочется озера. И лежа, она слышитъ въ тишинѣ кузнечиковъ, шмелей, лепетъ какой-то птички, озабоченный и забавный, точно разспрашиваетъ о чемъ-то. И удивится потомъ такъ смѣшно,— вскрикнетъ съ звонкимъ резонансомъ. А гдѣ-то далеко-далеко кричитъ тонкимъ, чуть различимымъ голоскомъ другая птичка: у... у...

Какихъ только голосовъ нѣтъ въ степи, богатой звуками!

— У... у...—доносится яснѣе звонкій голосокъ. Елена Даниловна прислушивается: какъ будто дѣтскій голосокъ. Кто бы это могъ быть?

— А-у!—наконецъ, ясно слышитъ она.—Е-ле-на Да-ни-и...

— Олюша!—узнаетъ Елена Даниловна, какъ ни слабъ отдаленный голосокъ. И перевертывается, плыветъ къ песочку.—Ищутъ! Соскучились!—смѣется она, нащупывая дно, снимая вѣнокъ.—Надо скорѣе, скорѣе. Чтобы не нашли моего озера.

Она прыгаетъ на песокъ, торопливо одѣвается, смѣясь, не попадая крючками въ петли. Готово! А вѣнокъ колышется на разбуженной водѣ, стебельки мокнутъ, цвѣты расплываются, тихо качаясь.

— Это—тебѣ, милое озерцо, помни меня, какъ я въ тебѣ наслаждалась, дурачилась. Вѣдь никто, кромѣ насъ, не узнаетъ, не такъ ли? А если увидимся мы съ тобой еще разъ, я уже буду не та. Прощайте!

Она смѣется надъ собой, но тепло, сочувственно. «Совсѣмъ дура стала и сентиментальничаю, не во злую голову». Однако старается отбѣжать подальше, держась кустовъ и потомъ уже выходитъ на отлогій бугоръ. Вдали шагомъ движется отъ нея крошечный экипажикъ, а Олюша на ногахъ, держась за плечи сѣдого кучера, озирается и кричитъ во всѣ стороны:

— А-у! Е-ле-на Да-ни-ль-ев-на-а!

Долго еще забираетъ въ сторону Елена Даниловна. Наконецъ, кричитъ и она:

— А-у!

Дѣвочка оглядывается, тормошитъ старика., Поворачиваютъ мчатся вскачь.

— Господи, да гдѣ вы пропали?—говоритъ Олюша.—Часа, не какъ, два ужъ колесимъ.

— Развѣ такъ долго?—удивляется Елена Даниловна.

— Ужъ мы не знали, что и подумать! Мамашенька ахаютъ, въ Маръ верхового гоняли, а братецъ...

— Ну, ѣдемъ скорѣе,—прерываетъ ее Елена Даниловна, вскочивши въ экипажикъ.

И ѣдутъ молча. Елена Даниловна чувствуетъ на себѣ горящій взглядъ Олюши. Дѣвочка всю дорогу нервно шевелится, вздыхаетъ, приподнимается, садится. И только въ темномъ коридорѣ флигеля рѣшается, наконецъ: она поднимаетъ руки, хочетъ обнять.

— Ахъ, какъ я люблю, люблю васъ!—шепчетъ она, торопливо и страстно цѣлуя Елену Даниловну.—Не покидайте меня, если съ братцемъ поѣдете, возьмите! Я ручки, ножки буду вамъ цѣловать!

— Да, да!—говоритъ знойнымъ контральто Елена Даниловна, прижимая къ груди Олюшу.—И тебя, огневая моя дѣвочка! И тебя спасу отъ цѣпей, путъ, веригъ сатанинскихъ! Всѣхъ!

Поняла ли Олюша, что это значило? Скользнула она въ какую-то дверь осчастливленная, съ радостными слезинками на сіяющихъ глазахъ.

Сама же Елена Даниловна стала какъ-то подавлена, тиха, разсѣянна.

Марѳуша встала на ея пути изъ коридора.

— Къ вамъ, барышня, пройдете?

И Елена Даниловна пошла за ней «къ себѣ», въ знакомую спальню. Утомленно сѣла въ уголокъ на кресло, положила руки. Точно забыла, о чемъ ей думалось и гдѣ она. А глаза все еще видѣли золотой лучъ на водѣ и зеленый кружокъ, который расплывался яркокрасными лепестками.

— Долгонько изволили погулять!—сказала Марѳуша, стоявшая у двери, въ ожиданіи распоряженій.—Мы всѣ диву дались!—ухмыльнулась она. И покачала головой съ сочувственной меланхоличностью.

— Да?—разсѣянно изумилась Елена Даниловна. Она скользнула глазами по циферблату почника-часовъ, стрѣлка торчала около пяти, а ушла она въ двѣнадцатомъ. Какъ незамѣтно пролетѣло время.

— Ничего не прикажете?—спросила Марѳуша вполголоса.

— А? Нѣтъ, ничего. Развѣ вотъ патлы причесать!—вяло улыбнулась Елена Даниловна.—И не найдется ли у васъ, Марѳуша, капли одеколону, лицо вытерла бы.

— Господи!—всхлопнула та руками.—Да чего у насъ не найдется теперь при нашей барышнѣ.

Все покачивая головой, она достала откуда-то флаконъ, ловко вскрыла, подала съ свѣжимъ полотенцемъ. Потомъ подала новую расческу, зеркало. И пока Елена Даниловна оправляла голову, Марѳуша развлекала ее пѣвучимъ полушепотомъ, съ тѣми же сочувственными покачиваніями:

— А ужъ какъ Сергѣй Филиппычъ-то безпокоился, Елена Даниловна! Мѣста не могъ себѣ найти, пока вы гуляли!

III.

О б а.

— Елена Даниловна!—выдавилъ хриплый, но что-то рѣшительное сулившій возгласъ Ипатова.—Вамъ скучно?—вдругъ съѣхалъ онъ на робкій вопросъ.

Онъ дожидался отвѣта съ замирающимъ дыханіемъ. Она молчала.

— А?—наконецъ-то сжалилась она.—Скучно? Нѣтъ, напротивъ. Что вы это, Сергѣй Филиппычъ?—выпрямила она надъ стуломъ грудь и поглядѣла на Ипатова съ веселымъ упрекомъ.—Какое, скучно! Я въ жизни еще не переживала болѣе полнаго дня! Мнѣ думается, что прошло лѣтъ съ десятокъ, пока я у васъ тутъ. Какой-то романъ, ей-Богу! Феерія! Себѣ не вѣришь!

— Вамъ не скучно?—спросилъ, сказалъ, воскликнулъ, изумился Ипатовъ. Это вышло такъ у него: ладони на столѣ, голову откинулъ, все лицо, до запрыгавшихъ бровей, засмѣялось, порозовѣло, а голосъ, счастливый и звучный, вибрировалъ, медленно повышаясь. И глаза засіяли тѣмъ мечтательнымъ свѣтомъ, который такъ тревожилъ Елену Даниловну въ колескѣ.

Онъ вскочилъ, уронилъ стулъ, гибко склонился, подхватилъ его на-лету и поставилъ съ такимъ одушевленіемъ, что упала дубовая спинка, какъ-то изумленно крякнувши.

— Вотъ медвѣдюшка-батюшка!—испуганной скороговоркой молвила Елена Даниловна.—Что вы это? Обрадовался, что Богъ силушки далъ.

— Ха-ха-ха!—залился Ипатовъ, какъ пьяный.—Да развѣ Богъ? Вы, вы!

И началъ кружиться по комнатѣ, шагая по всѣмъ направленіямъ, смѣясь, лохматя бороду, ероша волосы. Елена Даниловна провожала его туда и сюда теплымъ, пытливымъ взглядомъ.

— Что же это мы?—улыбнувшись, заговорила, наконецъ, она тихо.—Наступательный союзъ противъ мебели? Одинъ будетъ давать силу, другой—ломать стулья.

— Ха-ха!—снова расхохотался было Ипатовъ, но вдругъ остановился, посмотрѣлъ на нее вопросительно, неувѣренно.—Елена Даниловна,—началъ онъ громкимъ шепотомъ, въ себя,—вѣдь я хочу.. поговорить... спросить васъ...

Но умолкъ, лохматый, растерянный, поблѣднѣвшій, смѣшной.

— Да ну же, ну!—тепло и нетерпѣливо поощрила она.—Скажите!

— Силъ нѣтъ,—теръ онъ смущенно лобъ.—Не могу! Не умѣю.

Она сердилась, жалѣла, возмущалась. Чего онъ еще хочетъ, нелѣпый, удивительный колоссъ-ребенокъ?!

— Какъ длиненъ день!—тосковалъ Ипатовъ, переминаясь уже въ углу и теребя волосы на затылкѣ.—Шелъ бы скорѣе вечеръ! Елена Даниловна,—повернулся онъ къ ней,—у меня такая просьба къ вамъ...

— Ну?—спросила она утомленно, не дождавшись конца его колебаній.—О, это невыносимо, наконецъ! Что вамъ нужно, моего позволенія убить меня, что ли? Только этого, кажется, и недостаетъ!—добавила она раздражительной скороговоркой.

— Елена Даниловна,—молилъ онъ о чемъ-то, страдая,—я теряюсь, словъ не найду. Мнѣ все казалось, что я сумѣю спросить васъ вотъ такъ, ежели вы... вотъ такъ, у меня... У насъ... Но... Вотъ что, Елена Даниловна... поѣдемте на Пьяное?—рѣшился-таки онъ вымолвить, но едва слышно, съ встревоженнымъ взглядомъ на нее.

— Да по-ѣ-дем-те, поѣдемте!—прокричала она ему, смѣясь, досадуя.—Чудной человѣкъ! Ждешь, что онъ головы, не мало не много, потребуетъ, а онъ—на Пьяное? Что это такое Пьяное? Я уже слышала что-то о Пьяномъ.

— Пьяное, озеро такое. Хорошее озеро!

— Маленькое? Въ кусточкахъ?—спросила Елена Даниловна быстро. Въ ея памяти промелькнуло, съ томящей несбыточностью волшебнаго сна, уплывающее видѣніе: стройная дѣвушка съ руками у головы, дремотныя колебанія золотыхъ струекъ, тихо плывущій по нимъ вѣнокъ, растающійся съ красными лепестками. И эта дѣвушка была кто-то, не она. И таяла въ дали. И этотъ вѣнокъ хотѣлъ, чтобы не видѣли, какъ онъ расплывется, потонетъ.

А Ипатовъ говорилъ, между тѣмъ, отвѣчая:

— Огромное! Въ глубинѣ не малой рощи!

— Пьяное?—задумчиво полуспросила она, вздохнувши съ мечтательной полуулыбкой.—Ну, что-жъ, все равно.

Робко скрипнула дверь. Олюша заглянула и исчезла.

— Олюша!—позвала Елена Даниловна.—Верните ее, Сергѣй Ильичъ.

— Оля!—крикнулъ Ипатовъ въ дверь.—Иди сюда, къ Еленѣ Даниловнѣ.

Олюша вошла, смущенная и осчастливленная.

— Поди ко мнѣ,—протянула къ ней руку Елена Даниловна.

И она обняла дѣвочку медленнымъ, плавнымъ объятіемъ, прижимая ее къ себѣ все ближе и крѣпче, и она цѣловала ее въ глаза и въ губы долгими поцѣлуями.

А Ипатовъ хмелѣлъ все больше и счастливѣе, глядя на нихъ, и шагалъ, высоко поднимая ноги, и говорилъ объ озерѣ, и смѣялся.

— Оно большое, Пьяное,—говорилъ Ипатовъ шумливо, безсвязно, шагая, толкая стулья, стремившіеся угождать ему подъ ноги.—Оно версты три въ окружности. На немъ много, очень много островковъ. Всѣ заросли дубочками, осокорями, чилигой, ветлами. И травой, травой... цвѣтами. Да, Олюша? Она была, я ее бралъ раза два. Ночью не была, а ночью Пьяное... О, какъ я радъ, что мы ѣдемъ на Пьяное!

Ипатовъ тихо, безумно смѣялся, шагалъ, издали глядѣлъ на обнявшихся и снова смѣялся, и ходилъ, и говорилъ, не оканчивая фразъ:

— Единственное такое озеро. Чудное и... А на Оранѣ, намъ необходимо заѣхать на Оранъ, на Оранѣ я велю лодку... И съ Друганкинымъ познакомитесь, Елена Даниловна. Чудный человѣкъ, Алексѣй Иванычъ! Ха-ха! Это не то, что я! О, замѣчательный характеръ! Волкъ степной! Но добрый, сердечный такой. Нашъ приказчикъ на Оранѣ. Пятнадцать лѣтъ ужъ! Представьте! И сумѣлъ сохранить независимость! Отецъ избѣгаетъ его! Каково? Ха-ха-ха! Такой-то левъ рыкающій! А на Оранъ—ни шагу, вотъ уже лѣтъ около десяти. Съ сильнымъ характеромъ, Алексѣй Иванычъ! Я уважаю его. И вы будете уважать его, Елена Даниловна. Какъ меня—можно только жалѣть, такъ Друганкина—можно только уважать. Такимъ людямъ ненужно сожалѣніе. Вотъ вы увидите. Какъ немного попозже, то мы поѣдемъ, а? Ну, вотъ! Посидимъ у Друганкина, чаю напьемся. Я пошлю парня верхомъ къ нему. А отъ него на Пьяное, а?

— Ну, да, да! Но почему такое названіе: Пьяное?

— Да, на самомъ дѣлѣ, почему? Ха-ха-ха! Но кто же знаетъ? Далъ кто-нибудь изъ предковъ. Опьянило! Чудное озеро! А Оранъ! Почему такое названіе? Да какое мнѣ дѣло до всѣхъ названій, ха-ха-ха! Елена Даниловна.

— Ну?

— А? Да я ничего. Ха-ха-ха! Вотъ просто названіе Е-л-е-н-а Д-а...

— А, да ну васъ, ей-Богу! Вы съ ума сходите, дорогой мой.

— И схожу! И пусть! Ахъ, вы не понимаете, не понимаете! какъ я...

Ипатовъ прервалъ свой восторженный крикъ, остановился, потеръ лобъ. Вынулъ часы, долго смотрѣлъ на нихъ, что-то считая. И сказалъ тоскливо:

— Что мы ведемъ время? Скоро шесть! Олюша, бѣги, вели заложить лошадь.

— Какую, братецъ?—спросила Олюша, отдѣлившись отъ Елены Даниловны.

— Все равно. Вели Сметанку. Она рѣзвая, а добрая. Чтобы въ шарабанчикъ.

Олюша ушла. Елена Даниловна проводила дѣвочку глазами и сказала:

— Мнѣ ее жалко... Ну, что она останется, бѣдная!... Надо ее взять. А?

— Олюшу?... Да, если хотите!

— Она не помѣшаетъ,—сказала Елена Даниловна, глядя вопросительно въ его глаза.—Вы при ней... скажете?

— А что-жъ?

Онъ разсмѣялся безъ шума, стѣсняемый чѣмъ-то.

— Если ужъ я... смогу, сумѣю вамъ сказать, то... Что же—Олюша-то?

Онъ тихо отошелъ къ окну и долго стоялъ, держась за откосъ вытянутой рукой. Чего-то думалъ. Давно ужъ вернулась Олюша,—въ тѣ же раскрытыя ей объятія, а Ипатовъ все думалъ. Наконецъ, «спопашился», заторопился, пошагалъ къ двери.

— Что же это я!... Надо спѣшить. Пойду, велю—долгушу, если всѣмъ... А то плетюшку еще, для Олюши.

— Ты поѣдешь съ нами?—спросила Елена Даниловна.

— Да! — просіяла Олюша. А мамашенька?—вспомнила она испуганно.

— Ничего!—крикнулъ Ипатовъ въ дверь.—Все позволитъ, чего Елена Даниловна захочетъ. Я отпрошу тебя, Олюша.

Елена Даниловна осторожно внушала Олюшѣ материнскія наставленія, какъ держать себя, и что хорошо, что дурно. Олюша на этотъ разъ слушала охотно, несмотря на краску смущенія и опущенные глаза: она улыбалась, украдкой цѣловала руку.

Онѣ и поѣхали вмѣстѣ: Елена Даниловна захотѣла править сама, почему ей былъ данъ шарабанчикъ «подъ Сметанкой», скотиной доброй и умной; а Ипатова она послала въ плетюшкѣ впередъ, чтобы указывалъ дорогу на Оранъ.

Онѣ цѣловались и дорогой. Елена Даниловна нашла, что у Олюши красиво очерченныя губы, какъ у брата. Олюша сіяла, говорить

же много уже не рѣшалась. Когда же близъ оранскихъ клёновъ показались дѣти, бѣжавшія къ Олюшѣ, дѣвочка засмѣялась имъ, запросилась изъ шарабанчика и кинулась къ нимъ. Зазвенѣли голосочки. Вся кучка сгрудилась вокругъ Олюши, и побѣжала въ припрыжку къ дому.

Навстрѣчу Сметанкѣ, пошедшей шагомъ, подходилъ Ипатовъ, со шляпой на затылкѣ, большой, кудрявый, смѣющійся.

— Надо заняться Олюшей, Сергѣй Филиппычъ,—дѣловито сказала Елена Даниловна, опираясь на его руку и выходя.—Она гораздо развитѣе своего возраста, и если взять ее въ руки, то это будетъ такая головка! У ней, что называется, богатая натура.

Она не глядя чувствовала, что у него теплятся глаза тихимъ восторгомъ. И не глядя пожала ему руку, горячую, огромную, утопившую ея руку въ трепетныхъ пальцахъ.

Они медленно шли къ сѣрому деревянному дому, на высокомъ крыльцѣ-помостѣ котораго ждалъ ихъ коренастый, плечистый мужчина, лѣтъ пятидесяти, весь, по самые глаза, обросшій волосами, не черными, не бѣлыми, а сѣрыми, что пакля.

А Ипатовъ все говорилъ. На него нашла неудержимая говорливость, какая-то лихорадочная, дергающая. Такъ нервно говорятъ дѣти, оправляясь отъ болѣзни, и евреи, чѣмъ-нибудь возбужденные: онъ лепеталъ, смѣялся. Елена Даниловна слушала съ лѣнивой, доброй улыбкой. Ее уже не поражало теперь, что этотъ большой Ипатовъ такой ребячливый.

— И знаете,—продолжалъ онъ,—скажите вы мнѣ: я буду счастлива... Или нѣтъ: буду довольна даже, ну, понравится мнѣ, скажите, если ты бросишься въ Пьяное и захлебнешься... Я брошусь и захлебнусь!... Вотъ такъ все во мнѣ и говоритъ, что я сдѣлаю это съ увлеченіемъ, такъ все и ширится во мнѣ!... А между тѣмъ... А я, между тѣмъ, швейцаровъ трушу!... Если мнѣ, бывало, удастся преодолѣть нерѣшительность передъ дверью какого-нибудь музея этакого,—проскользну если въ великолѣпную дверь, малодушничаю, пасую передъ надменными халуями!... И они понимаютъ, что за ку руша передъ ними: важничаютъ, глядятъ свысока... А только чт гнули спину передъ какимъ-нибудь выскочкой, съ апломбомъ!... Ну, я спѣшу купить ихъ почтеніе крупной бумажкой, чтобы не оскорбляла самолюбія ихъ надменность. Горю весь отъ зла на себя, а сам швыряю трешницы... Все фуражки подаю!—вдругъ сказалъ он убито, понуро.

— Это Друганкинъ?—поспѣшила указать на крыльцо Елена Даниловна.—Вы съ нимъ большіе пріятели?

— Да, это онъ,—кивнулъ головой Ипатовъ Друганкину, который точно горѣлъ, облитый послѣдними лучами солнца.—Ей, Алексѣй Иванычъ! чаемъ напоите насъ?—крикнулъ онъ въ кулакъ.

— Какъ же, какъ же!—отозвался тотъ, сбѣгая по ступенькамъ.—Самоваръ ужъ надсѣлся кипѣвши, въ ожиданіи дорогихъ-то гостей.

Онъ подошелъ, и его смѣющееся лицо вдругъ стало серьезнымъ, важнымъ.

— Считаю за большую честь познакомиться съ вами, Елена Даниловна!—сказалъ онъ строго, убѣжденно какъ-то, кряжисто. И низко поклонился.

Она пожала ему руку, глядя съ улыбкой въ его сѣрые, искрящіеся, нѣсколько приподнятые къ вискамъ глаза.

— Прошу покорно, пожалуйте!—выпрямился Друганкинъ, протянувши руку къ лѣстницѣ.

Поднимаясь на помостъ, Елена Даниловна видѣла, какъ облѣпили ноги Сергѣя Филиппыча дѣтишки, высыпавши изъ-подъ тераски, гдѣ они сидѣли вокругъ Олюши, уже переодѣвавшей куклу. Онъ кричалъ и хохоталъ, едва удерживаясь на ногахъ, отбивался отъ нихъ, кидалъ ихъ кверху, вызывая оглушительный серебристый звонъ смѣха и голосочковъ, сажалъ ихъ цѣлыми гроздьями на руки, прыгалъ, визжалъ съ ними, цѣловалъ ихъ. Когда онъ вырвался, наконецъ, отъ этой друганковской мелкоты и вбѣжалъ на помостъ, то былъ красенъ, сіяющъ, какъ юноша свѣтелъ.

— Вы такъ любите дѣтишекъ?—не могла не изумиться Елена Даниловна.

— Ужасно!—сказалъ Ипатовъ, отирая лицо.—Я безумѣю, плачу съ ними. Да какъ же ихъ не любить?... Да все можно отдать, всѣмъ поступиться для нихъ, милыхъ, такихъ чистыхъ, довѣрчивыхъ...

Онъ сѣлъ, задумчиво-грустно усмѣхнулся.

— Моя мечта,—сказалъ онъ тихо,—отрадная мечта: имѣть дѣтей, обожать ихъ... Со дня рожденія окружать ихъ ласками, вниманіемъ... Вырастить ихъ друзьями себѣ!... Это,—понизилъ онъ прогнувшій голосъ, месть прошлому будущимъ, счастливымъ, полнымъ любви... Это реваншъ мой!—прошепталъ онъ со слезами въ глазахъ.

«Обиженъ!—думала Елена Даниловна, глядя въ его лицо. Глухо, на всю жизнь обиженъ, бѣдный! Но...»

— А... у васъ нѣтъ дѣтей?—спросила она быстро и едва слышно.

Ипатовъ зардѣлся, но безъ смущенія: спокойно, откровенно.

— Какъ сказать?... Не знаю, право. Дѣло въ томъ, Елена Даниловна, что... я не могу скрыть, что женщины не гнушались мной. Было не мало интимныхъ знакомствъ, иногда пренелѣпыхъ... А потому, могли быть и дѣти, конечно.

— А Аннушка?—шепнула Елена Даниловна, сама вспыхнувши.

Теперь Ипатовъ покраснѣлъ уже по-своему: густо, оторопѣло, и до того неловко, что Елена Даниловна опустила глаза къ его штиблетамъ.

— Аннушка?—спросилъ онъ растерянно.—Это, видите ли... Она, такъ сказать... Мнѣ удивительно, какъ вы это знаете?... Но ужъ если знаете, тѣмъ легче: не трудиться начинать съ абцуга. Дѣло, собственно говоря, не важное, но... Всетаки, какъ ни какъ, щекотливое, если начинать-то разговоръ. А теперь...

Онъ быстро, на этотъ разъ, оправился и спокойно продолжалъ:

— Она, бѣдная, такъ странно, дико полюбила!... Простая дѣвушка, безграмотная, темная, и... такая страсть!... Умоляла, право, точно просила... Настойчиво преслѣдовала... И все такъ ловко, таинственно, что никто и подумать не могъ. Это удивительное самообладаніе! Я долго избѣгалъ, принималъ всѣ мѣры, иногда суровыя, право... Отговаривалъ, убѣждалъ, мягко доказывалъ все безуміе любви съ ея стороны... Какъ отецъ дочери, говорилъ: «Ну, подумай, Анюта, вѣдь не люблю я тебя, нисколько не люблю, какъ женщину. Да и любить не могу, ты сама это понимаешь. Конечно, всѣ люди, и ты, и я; но есть проклятая разница между нами, которая меня не поощряетъ любить тебя». А она, подумайте! «Я ничего не прошу, не жду отъ васъ, Сергѣй Филиппычъ, а и подѣлать ничего не могу съ собой: мнѣ такъ стало жить горько, что повѣшусь!» Что на это отвѣтишь?... Ужасъ!... Хорошо, говорю, Анюта, допустимъ, что ты стала мнѣ близкой: къ чему это поведетъ? Я не знаю, говоритъ, только, говоритъ, ежели не такъ, то мнѣ все равно: я жить не могу. И вижу: тоскуетъ, вянетъ... Такая, право, нелѣпая, глупая исторія!... Только, кажется, съ такимъ неудобнымъ человѣкомъ, какъ я, и могутъ подобныя вещи случаться!... Билися, билися... Преслѣдуетъ!... Даже ѣздить стала за мной: въ Покровскую, въ Саратовъ, по селамъ... Ну, и... того, наконецъ. У каждаго любящаго человѣка есть грація, которая дѣлаетъ его, въ концѣ-концовъ, привлекательнымъ, будь онъ хоть чудовище. Я палъ...

Елена Даниловна расхохоталась: такъ убито шепнулъ онъ эт-

признаніе, смѣшной и милый чудакъ! Хотѣлось взъерошить ему волосы, оттаскать за кудри, поцѣловать.

Но она тотчасъ же оборвала смѣхъ: ей вспомнился горящій и гордый, прекрасный по выразительности взглядъ Анютки корявой, глядѣвшей на нее изъ-за косяка. Это была кипучая ревность страстно любящей женщины, у которой похищаютъ самое дорогое, цѣль жизни,—это была любовь. И вотъ какъ сплетаются доли людскія! та должна уступить, отказаться, вырвать собственное сердце.—Да, жизнь.

— Да-а, жизнь!—вздохнулъ Ипатовъ, повторивши, какъ эхо, восклицаніе, вырвавшееся у Елены Даниловны вслухъ.

Елена Даниловна помолчала, подумала и спросила:

— А гдѣ Аннушка? въ Горѣломъ, конечно?

— Нѣтъ. Ужъ около мѣсяца... недѣли съ три, по крайней мѣрѣ, какъ уѣхала въ Туркестанъ.

— Зачѣмъ?

— У ней братъ тамъ въ солдатахъ. Шьетъ она недурно. Не глупа. Она сможетъ хорошо пристроиться тамъ.

Была пауза.

— Видѣлись вы съ ней... передъ отъѣздомъ?—спросила Елена Даниловна.

— Да... пришлось... Что же подѣлаешь, если такъ плачетъ!... Желала счастія... А отъ денегъ рѣшительно отказалась... Едва удалось всучить четвертную на дорогу, на первое обзаведеніе. Ужасно нелѣпая исторія!

Была еще пауза, подлиннѣе двухъ первыхъ.

— Меня не проклинала?—глядя въ упоръ, исподлобья, прошептала Елена Даниловна съ виноватой улыбкой.

— Что вы! ни слова... Только и говорила: «будь счастливъ...» А въ день отъѣзда казалась такой спокойной... Удивительное самообладаніе!

Ипатовъ улыбнулся ясно и грустно.

— Знаете, Елена Даниловна,—сказалъ онъ не торопясь, вдумчиво,—если бы она была интеллигентна...

— То что?—спросила она, не дождавшись продолженія.

— Я готовъ думать, что она сумѣла бы заставить меня жить. Она любила бы тогда и душой.

— Гм!

Ипатовъ сталъ ходить, закидывая волосы, гладя бороду. Онъ былъ спокоенъ.

— Это прошлое,—говорилъ онъ.—Она забудетъ эту страсть. Все, что можно было взять, она взяла. И у нея окажется не плохое будущее. Не знаю, исполнится ли ея желаніе: «будь счастливъ», но мнѣ думается, что она будетъ счастливѣе, чѣмъ здѣсь; она найдетъ человѣка по себѣ, любящаго ее... И я считаю вопросъ покончennымъ. Мнѣ жить, жить хочется!

— О, жизнь!—снова сказала Елена Даниловна, уже съ ясной и примиренной улыбкой.

— О, жизнь!—громко и протяжно воскликнулъ Ипатовъ.— Проклятая! Блаженная!

— Когда же мы поѣдемъ?—томился Ипатовъ.—Пьяное хорошо ночью особенно, а велика ли ночь?

— Ну, пожалуй, ѣдемъ,—сказала Елена Даниловна вставая.

Луна поднялась высоко, но даль еще была прозрачно-розовата тамъ, гдѣ сѣло солнце. А сзади, на востокъ, небо сплошь задернулось густой темно-синей эмалью, которая затаила въ себѣ покой и отраду. Далеко-далеко на южномъ краю степи вспыхивали, прыгая широкими шагами, двѣ фіолетовыя молніи, показывали крутые завитки тучъ, спавшихъ у самой земли. Вѣтра не было, воздухъ не дышалъ, но отовсюду вставали и качались въ тонкомъ неподвижномъ воздухѣ знойные запахи ночи. Ласковой, что-то сулящей степной ночи, страстно льнущей къ лицу, какъ доспѣвшая дѣвушка, которую томятъ желанья. А тамъ, въ безбрежной степи, на краю свѣта, трещалъ коростель.

Елена Даниловна задумчиво и медленно поднялась въ шарабанъ.

— А гдѣ же Олюша?—хватилась она, глядя на Ипатова, около себя, на Друганкина, поодаль, у крыльца.

— Хватились!—сказалъ Друганкинъ.—Наигралась съ моими дѣвчурками и всѣ давно уже свернулись на сѣнѣ. Ей,—прибавилъ онъ тише и искреннѣе—дома и порѣзвиться не съ кѣмъ.

— Бѣдная дѣвочка!—отъ души вздохнула Елена Даниловна.—А отецъ позаботился таки!—подумала она о Друганкинѣ. И почувствовала тотчасъ же, что ее снова охватываетъ могучее изъ могучихъ ощущеній этого дня—истома. Ипатовъ вскочилъ въ шарабанъ какъ-то лихорадочно торопливо. Съ его близостью это ощущеніе стало нестерпимымъ. Платье душило, жгло кожу.

— Я стану править. Вы указывайте, куда ѣхать. И не дергайтесь. Сидите смирно. У меня голова кружится.

Она говорила отрывисто, повелительно-вызывающе. Если бы не

эта безвольная лѣнь, переполнявшая всѣ члены, она хотѣла бы запальчиво спорить, бить руками и ногами, кусаться.

Дорога была не наѣзженная, а вѣрнѣе, не было никакой дороги: шарабанъ прыгалъ то по лѣтошнему пару, то шуршалъ въ волнахъ сѣдого ковыля, серебрившагося подъ луной, какъ старческія головы, мирныя и добрыя. Чѣмъ больше было покорнаго ковыля, чѣмъ плавнѣе качался шарабанъ, тѣмъ меньше оставалось желанія борьбы: брала верхъ лѣнь и истома. Слабѣли мускулы, голова опускалась.

И она правила не глядя, на волю случая и Сметанки. Но лошадь шла лѣниво, дремотно, а случай шалилъ: онъ трафилъ ступицей на деревья, которыя стали наплывать чаще и чаще.

— Вы совсѣмъ не указываете дороги,—уже томно пѣла Елена Даниловна, стараясь отцѣпить ступицу крутымъ поворотомъ.

— Лошадь знаетъ!—шепталъ Ипатовъ, сцѣпивши зубы, вздрагивая.

— Что вы дрожите?—спрашивала она.—Неужели вамъ еще холодно?... И чего вы все молчите?

Онъ молчалъ. Онъ утратилъ все то возбужденіе, которое кричало въ немъ на террасѣ Орана. Его страшило, что и на поэтическомъ озерѣ онъ не будетъ понятъ, и не сумѣетъ заставить понять себя. Онъ сжималъ зубы, чтобы не стучали отъ волненія. И въ то же время было невѣроятно, страшно хорошо гдѣ-то въ сердцѣ; тамъ какъ будто свѣтило солнце безъ свѣта. Зловѣщій разладъ ума и тѣла. Такъ позывало смѣяться, говорить, мечтать вслухъ о счастіи, о жизни: такъ сильно воспринималась эта тишина, покой, благовоніе, лунный свѣтъ, коростель. А въ мозгу мрачно зіяла черная пропасть, грозившая всѣмъ похмельнымъ словамъ и звукамъ. Тамъ давилъ могильный холодъ безволія, неувѣренности, погибели. А сердце билось отъ восторга, что спасеніе близко, что обожаемый человѣкъ рядомъ.

Онъ дрожалъ и стискивалъ челюсти, опасаясь, что вырвется крикъ, который похититъ у него остатокъ надежды.

Елена Даниловна, лѣниво досадуя, что сосѣдъ молчитъ, молчала и сама. Она уходила въ свои лѣнивыя думы о томъ, что «все равно». Будущее отодвинулось, ушло за прозрачную даль, а даль тихо дремала. Прошлое казалось минутой, которую удалось пережить, какъ тяжелую болѣзнь; о немъ не хотѣлось вспоминать. Было настоящее: чутко спящая степь, теплый запахъ меда, лившійся въ грудь и разнимавшій все тѣло.

Какой день сказочно длинный, сказочно пріятный. Люди вокругъ точно милыя куколки, которыя глядятъ въ глаза молящими глазами

и хотятъ, чтобы ими играли, цѣловали ихъ, жали къ груди. Они стоютъ того, добрыя куколки, любящія жить, чтобы наслажденіе длило жизнь, даже цѣною мукъ сладкихъ, священныхъ. Такъ хорошо бы уложить ихъ всѣхъ на эту траву, любовно облитую луннымъ свѣтомъ, лечь среди нихъ, широко-широко раскинуть руки и всѣхъ обнять.

Лодка была самодѣльная, смѣшная; короткая, безъ бортовъ и очень широкая, съ широкими по бокамъ лавками. Елена Даниловна сѣла; потомъ, глядя на воду, на лунный свѣтъ, на островки, опустилась на локоть, на другой и легла, подперевши щеки; такъ было лучше всего любоваться озеромъ. Ипатовъ съ весломъ сидѣлъ на кормѣ. Онъ сильно кренился на правую сторону, чтобы уравновѣсить тяжесть лѣвой, на которой лежала Елена Даниловна, и старался выпрямить колѣно, чтобы не мѣшать ея туфелькамъ.

Она глядѣла, и передъ ея глазами развертывалась серебристо-синяя риза, вся исполосованная темными, задумчиво-дремлющими пятнами: изорванные края ризы вытягивались круглыми, длинными, тонкими, короткими кусками мечтательнаго свѣта, убѣгая, ненарушимо покоясь между островковъ, между нависшихъ вѣтвей. Сказочные своды, темные, пробитые бликами, свѣтлые въ глубинѣ. Зубчатыя башни, выходящія изъ воды, задумчиво дремлющія. А тамъ еще, еще, маленькія, улыбающіяся, манящія, сулящія.

Влекло туда, туда... Взглянуть, увидѣть, не тамъ ли, за вѣтвями дерева, высоко повисшаго, какъ между островками, не тамъ ли, гдѣ серебряное пятно въ кудряхъ травы заснуло и видитъ сны, не тамъ ли, куда тянется тонкая полоса свѣта, выводящая къ загадочной шири... что-то, обѣщающее достиженіе?

Лодка неслышно скользила, утопая въ прозрачной тьмѣ межъ вѣтвей, тихо шурша, выплывала на новую ширь синеватаго блеска, и острова, какъ высокіе стога, кружились вмѣстѣ съ травой у воды, съ кудрявыми головами на лунѣ и плыли назадъ внимательные, что-то таящіе въ густотѣ ихъ деревьевъ. Желанія утомляли, обезсиливали. Хотѣлось углубиться въ таинственный мракъ островка, припасть тамъ къ землѣ и слушать шепотъ травы, замереть на мѣстѣ и смотрѣть, ловя блики, безконечные блики, томящіе блики...

Сонно шелеститъ высокій тростникъ, замечтавшійся подъ луной и разбуженный лодкой. Онъ рѣдокъ и межъ его стволовъ видно широкое море свѣта. Поплыли къ лодкѣ бутоны водяной лиліи, ярко-бѣлой и золотистой. Рука ловитъ ихъ, чтобы поднести къ самому лицу эту дѣтскую бѣлизну восковыхъ лепестковъ, но за ними съ тревогой

тянутся длинные-длинные желѣзные стебли, боясь лишиться красиваго дитяти. Рука опускаетъ цвѣтокъ и тянется къ другому, и стебли тихо тонутъ, успакаиваются, повисаютъ зелеными колоннами въ прозрачной, молочно-зеленой водѣ, до дна пронизанной свѣтомъ.

Знойно. Не въ воздухѣ: онъ спитъ, опьяненный собой, и нѣжно ласкаетъ. Купанье не облегчило: кожа суха, горяча. А тамъ, въ глубинѣ,—сказочные лѣса, колонны храма. На днѣ, у ихъ корней, тьма, густая и рыхлая, въ которой тоже что-то таится; оттуда, танцуя вокругъ зеленыхъ колоннъ, шевеля спящіе въ водѣ листочки, плывутъ искры пузырьковъ, спѣшатъ вверхъ,—прильнуть къ лиліямъ, и еле-еле слышно лопнутъ. Бѣдняжки!—такъ весело танцовали. Зачѣмъ было покидать родную тьму, гдѣ онѣ жили?

Стражъ водяного храма—толстая, короткая рыба, черная риза которой змѣится перламутровыми червячками, подплываетъ ближе, ближе,—почти къ упавшимъ на воду волосамъ; она смотритъ круглымъ, изумленнымъ взглядомъ въ лицо и, опасливо вильнувъ хвостомъ, исчезаетъ: спѣшитъ сказать тамъ, въ недоступныхъ тайникахъ, что кто-то смотритъ. И возвращается уже съ другой стороны. А, можетъ быть, это—вторая? Вотъ еще двѣ: та сказала! Тихо, осторожно подплываютъ, уставляютъ желто-зеленый глазъ, и вдругъ, вильнувъ хвостами разомъ, бѣгутъ прочь. Свѣжо имъ, привольно.

Она приподнялась, разстегнула лифъ, освободила руку и опустила ее по плечо въ воду,—отрадно, свободно. Лодка накренилась въ уровень съ водой, тамъ, сзади, чувствуется опасливое движеніе вправо... Но ласковая, холодная вода льнетъ къ кожѣ, нѣжно щекочетъ ее струйками, игрой пузырьковъ, кружевомъ травы. И мягкіе, ледяные рты сторожей теперь уже смѣло толкаютъ въ руку, у самой груди, пріятно пугая, щекотя все тѣло, до пальцевъ ногъ, ощущеніемъ нервнаго трепета. Одна. Кто-то: не хочется, лѣнь вспоминать... Признавалась, что «его поцѣлуи» щекотятъ все тѣло до ногтей. Не такъ ли же? Душно. Когда же?

Она роняетъ голову на руку въ рукавѣ, горячо, болѣзненно царапающемъ лицо и губы, замираетъ въ томленіи, тяжело, мучительно гудящемъ повсюду, до ногтей. А рыбы цѣлуютъ, цѣлуютъ кожу, страстно щекочатъ подъ мышкой. Милыя рыбы! Страстныя рыбы! Упасть, скользнуть бы къ нимъ туда, въ ихъ тайны: тамъ жизнь, жизнь вездѣ, великая, повелительная, неотразимая! Постичь, какова жизнь тамъ, стать пузырькомъ, играть со сторожами храма, цѣловать вмѣстѣ съ ними чью-нибудь руку. Жизнь, жизнь!

Стараясь овладѣть собой, она поднимаетъ глаза къ серебристой ризѣ, снова видитъ тоннели, башни, спящіе въ кружевѣ травы

острова. Гдѣ жизнь? Развѣ тамъ, въ дымныхъ улицахъ съ высокими домами? Она здѣсь, въ степи, гдѣ ее такъ томительно хочешь! Гдѣ ощущаешь ее всѣмъ горящимъ тѣломъ, какъ прикосновеніе повелительной ласки? здѣсь, о, здѣсь! А тамъ! Люди забываютъ о человѣкѣ тамъ, даже въ тотъ моментъ, когда говорятъ и пишутъ о человѣкѣ. Тамъ рисуютъ сѣрыми и мутно темными красками туманы, пишутъ о туманахъ умышленно, изъ послѣднихъ силъ огромныхъ дарованій, сгущая ихъ циничную желтизну, чтобы жизнь яснѣе казалась сплошной могилой, чтобы совсѣмъ сгноить въ затуманенныхъ душахъ радость жизни! Придите, придите сюда! Покорно лягте у ногъ жизни, у ея корней, и смотрите! Вы здѣсь нужны умные, чуткіе, гдѣ ждетъ васъ милый, родной народъ. А не тамъ, гдѣ въ свалкѣ, въ тѣснотѣ душатъ другъ друга борцы за благо. Идите жить! Давайте жить!

Не поднимаясь, она повернулась на спину и удивилась, что тутъ, около ея ногъ, Ипатовъ. Какъ странно, что она о немъ забыла.

Она хотѣла прикрыть голую руку полой лифа, но только улыбнулась: зачѣмъ?

А Ипатовъ сидѣлъ прямо, не имѣя надобности крениться, чутко сидѣлъ, насторожась, какъ будто прислушивался къ чему-то. Его лицо, бѣлое отъ свѣта, казалось отдѣленнымъ отъ желтоватаго жилета чернымъ шарфомъ бороды, на головѣ же, безъ шляпы, замѣтно дрожали кольца волосъ. Глаза его странно, тревожно свѣтились, блуждая по извилинамъ воды, ища тамъ чего-то, скользя по фигурѣ дѣвушки, лежащей передъ нимъ.

— Вѣдь вы же хотите все время что-то сказать!—упрекнула его она. Ея голосъ, прозвучавшій такъ густо, такъ сочно, отдался гуломъ въ деревѣ лавки и вернулся въ ея тѣло щекочащимъ трепетомъ.

— Я? Да... Хочу,—началъ Ипатовъ торопливымъ, срывающимся крикомъ.—Я хочу сказать, я скажу!...

Но увернулся отъ желанія: захохоталъ нервно, заговорилъ отчаянно.

— Не правъ ли я, что мое Пьяное озеро—чудо? Ха-ха-ха!... Я глупый, неудобный человѣкъ, вспоминалъ вѣдь о немъ даже на Комо, въ Женевѣ! въ Лазенкахъ!

Хъ-а, хъ-а!—прокатилось отчаянно испуганное эхо въ глубинѣ рощи. Ха-а!—сонно и грустно повторила потревоженная степь. Ахъ! шлепнулось насмѣшливо въ воду около камышей рядомъ. Бронзовые

султаны укоризненно покачались и снова задремали. Тишина вернулась. Кто-то вздохнулъ. Гдѣ-то тихо журчали струйки, пробиваясь между спящими стволами. И гусь вскрикнулъ какъ валторна, потерянная на далекомъ краю степи.

— Но вы хотѣли что-то сказать,—ноющимъ отъ нетерпѣнія голосомъ пропѣла она.

— Я? Да. А, знаете, лодка течетъ!... Вы не боитесь?... Вода, смотрите, уже проступила сквозь стлань, и вы лучше не опускайте ногу на дно: промочите туфли.

— Какое мнѣ дѣло!—металась она, ставя ноги на поперечную лавку.—Ахъ, все равно, говорите!... Что вы хотѣли сказать! Охъ, говорите!... Вы боитесь? Но зачѣмъ вы боитесь?... Тогда... плывите къ берегу... Ну, не потонемъ же мы!...

Ипатовъ слушалъ этотъ обезумѣвшій голосъ, то молящій, то требующій, и застывалъ, леденѣлъ. Нѣтъ, все погибло, даже она не способна понять то, чѣмъ больна его душа.

— Говорите, говорите скорѣе!—шептала она, задыхаясь.—Я все слушаю, пойму... Я такъ мучительно хочу понять все, васъ!... Говорите! Проклятый вы! Милый! Да что же!

Ипатовъ всталъ. Она задрожала, закрыла глаза. Онъ поставилъ ногу на бортъ, стиснулъ голову руками. И сказалъ робко, неувѣренно:

— Вы не боитесь за себя... одна, въ безлюдномъ мѣстѣ... съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, обожествившимъ васъ? Вы не боитесь, что вы... Да не то, не то!—крикнулъ онъ отчаянно.—Слушайте, Елена Даниловна!—взывалъ онъ, впившись руками въ волосы, расширяя глаза.—Постарайтесь понять меня... Я говорю о боязни души за всю будущность... Да вы не понимаете!—заломилъ онъ руки.

Она смотрѣла на него. Онъ казался воздушнымъ въ лунномъ свѣтѣ, съ ногой на бортѣ, съ возведенными руками. И ей приходилось напрягать неимовѣрныя усилія, чтобы удержать себя во что бы то ни стало отъ безумнаго желанія: кинуться къ нему.

— Ночь святая!—началъ онъ какимъ-то жалкимъ, плачущимъ олосомъ.—Какое очарованіе! Но это—банальщина!—прервалъ онъ ебя злобнымъ визгомъ.—Надо молча чувствовать, упиваться, если в боитесь!

— Утонуть?—спросила она, стиснувши дрожащія челюсти.

— Нѣтъ, не утонуть... Что утонуть!... Нѣтъ, быть со мной ереди этого чарующаго...

Она нетерпѣливо повернулась на бокъ, стиснула локтями голову.

Ипатовъ онустился на корму, уронилъ голову.

— Ну, вотъ,—забормоталъ онъ бредящимъ голосомъ.—Я такъ и зналъ, что ничего не выйдетъ... Все свелось къ точкѣ зрѣнія моей матери... Я такъ вожделѣлъ этой ночи на Пьяномъ... Такъ надѣялся, что она проникнетъ въ душу, покоритъ... Какъ покоряла меня всегда... Какъ навѣвала мнѣ мечты, что придетъ человѣкъ, который пойметъ меня, полюбитъ, покоритъ, спасетъ. Спасетъ меня отъ меня!... Я вѣдь ждалъ, что волшебство этой ночи, такое сильное надо мной, очаруетъ и васъ, и вы отдадитесь ему, что оно будетъ опаснымъ для васъ, что просто, по-человѣчески, полюбите, дадите руку. И я, тогда, жилъ бы всѣми силами... Или умеръ бы съ отрадой... утонулъ бы тихо, блаженно... увидѣвши во взглядѣ, только въ одномъ лишь взглядѣ, душу родную, порывъ не здѣшній, надземный... И... ничего не вышло!—кончилъ онъ убито.

— Но чего вы еще хотите... нелѣпый, безумный?—отчаяннымъ тономъ воскликнула она, подбирая ноги, садясь, протягивая къ нему обнаженную руку.—Вы видите, неужели луна вамъ не свѣтитъ?... Надо мной нѣтъ ферулы... Мнѣ некого бояться!... Я вольна собой распорядиться, какъ хочу... Чего же вамъ еще?—спросила она глубокимъ, страстнымъ пѣніемъ, трепещущая, оскорбляемая, но еще покорная желанію.

Она подалась къ нему, стараясь заглянуть въ его лицо, закрытое руками. Упругіе валы, слѣпившіе ея глаза молочной бѣлизной, жгли подбородокъ, опьяняя запахомъ согрѣтой кости.

Онъ былъ неподвиженъ, жалкій, непостижимый человѣкъ. Низко уронилъ голову, уныло говорилъ что-то бредовое.

— Мнѣ стыдно за васъ!—сказала она сквозь зубы, лихорадочно надѣвая рукавъ, который рвался.—Я знала, что вы—тряпка, но я не ждала, что вы такъ скверны. Въ васъ нѣтъ ничего живого!... Вы отвратительны!

— Да не правда!—стоналъ Ипатовъ, протягивая къ ней руки.—Вы ошибаетесь, дорогая моя, обожаемая... Я согласенъ... я готовъ. Но вѣдь не въ этомъ дѣло. Это все пришло бы само собой...

Она не слушала его. Трепеща отъ негодованія, она гребла къ берегу, спѣшила, зачерпывала лодку.

И Ипатовъ, сидя въ водѣ, ныл:

— О, горе... даже она! Какое несчастье вѣчно томиться отъ желанія вывернуть душу... и не находить словъ!... Развѣ я только этого желалъ? Даже она не могла понять!

Елена Даниловна уѣзжала изъ Шестиглаваго Мара черезъ день. Бабы сокрушенно качали головами, провожая ее; нѣкоторыя даже всплакнули. Елена Даниловна только хмурилась и спѣшила, торопила старика Шеломова.

Изъ степи она увозила возобновленное здоровье, но страшную раздражительность. Это сказалось въ заграничномъ путешествіи: она кипѣла гнѣвомъ на кѣльнеровъ, на «идіотовъ», удаляющихся парочками въ темныя аллеи, на фотографіи, на открытки.

IV.

Одно и то же!

Вернулась въ Петербургъ Елена Даниловна въ октябрѣ, объѣхавши Египетъ, Алжиръ, Ривьеру и т. д.

Дѣла было страшно много.

О Шестиглавомъ Марѣ она вспоминала, какъ о расплывающемся пріятномъ сновидѣніи, которое вызывало добрую улыбку. Но не требовало повторенія. Съ Ипатовыми разсталась она, «на другой день», довольно недурно: цѣловала Дарью Антиповну, которая окончательно разнедужилась и лежала, не открывая глазъ; съ Ипатовымъ... Олюши не было дома въ день ея разлуки съ Горѣлымъ: злоупотребляя установившимися свободами, дѣвочка осталась гостить на Оранѣ. Такимъ образомъ, они были съ Ипатовымъ одни, и она имѣла мужество принудить себя къ непринужденному съ нимъ разговору,—избѣгая, однако, встрѣчаться съ нимъ глазами. А онъ, напротивъ, старался заглянуть ей въ глаза и твердилъ, провожая Елену Даниловну:

— Я не теряю надежды, дорогая моя, я всетаки не теряю надежды!

Надежды-то, собственно говоря, не потеряла и она. То, что произошло между ними, уже утратило жгучій характеръ, а симпатичный обликъ степного чудака-горюна все еще сохраняетъ свои права на вниманіе. Эс-эръ Юрій, котораго она мелькомъ видѣла тотчасъ же по возвращеніи въ Питеръ, накидалъ ей мимоходомъ кучу свѣдѣній о Горѣломъ: все по старому тамъ,—до чернецовъ, до верховодства тихони Олимпіядушки; старуха поправилась, Сергунька сбирается зимой въ Петербургъ заглянуть. Ну, и ладно. Она не забыла своихъ лановъ, не потеряла независимости, и все такая же, какой была въ вѣнкѣ. Раздумывать же обо всемъ этомъ нѣтъ минуты свободной. Елена Даниловна не замѣтила, какъ прошла осень, какъ пришла зима, какъ прошли праздники: Новый годъ, кружки, собранія, жур-

фиксы, премьеры, чествованія памятей... И работа, работа,—просто голова кругомъ!

Въ половинѣ января, когда предвыборная горячка достигла высшихъ градусовъ, Елена Даниловна была на одномъ предвыборномъ собраніи, гдѣ обѣщаны были ораторы, волновавшіе своимъ краснорѣчіемъ. Она заняла мѣсто на одной изъ верхнихъ скамей, идущихъ амфитеатромъ: тамъ было свободно. Ораторы чередовались, споры кипѣли, публика рукоплескала и кадету, и соціалъ-демократу. Поднялся па трибуну соціалистъ-революціонеръ. Мягкимъ, едва уловимымъ голоскомъ началъ онъ прекрасную рѣчь, пропитанную поэзіей негодованія и политической мечтательности. Ему кричали: «Громче!» Онъ мило улыбался, но не повышалъ тона. Ему кричали: «Ничего не слышно!» Онъ отвѣчалъ съ томной улыбкой, что говоритъ такъ, какъ это обусловлено его голосовыми средствами,—ни громче, ни тише. И продолжалъ еще поэтичнѣе. Елена Даниловна находила, что онъ говоритъ очень внятно и весьма красиво. Вдругъ онъ осѣкся, замолкъ, опустилъ глаза. Быстро справившись съ собой, отпилъ воды, снова пропѣлъ пару чарующихъ стоновъ и... снова замеръ, глядя на то же мѣсто, гдѣ нашелъ и прежде источникъ своего замѣшательства—на верхній рядъ амфитеатра.

Елена Даниловна и смѣялась, и негодовала на Юрія Надеина. Такъ глупо провалиться, такъ омироиться,—пользуясь степнымъ терминомъ! И только потому, что встрѣтился съ ней глазами, увидѣлъ, что она улыбается ему. Какой это, къ чорту, ораторъ! Сидѣлъ бы въ своей Пономаревкѣ!

А онъ ужъ извинялся передъ «гражданами», что продолжать не можетъ, что потерялъ послѣдніе остатки голоса. Ему рукоплескали. Но Елена Даниловна готова была шикать: ее лишили лучшей рѣчи этого собранія.

Выждавши, когда вниманіе аудиторіи сфиксируется на слѣдующемъ ораторѣ, Надеинъ поднялся къ Еленѣ Даниловнѣ.

— Вотъ вы что надѣлали, акушорка!— укоризненно поколебалъ онъ свои три султана, пожимая ей руку.

— А кто вамъ велитъ лѣзть въ ораторы! Торчали бы себѣ з трактирной стойкой въ вашемъ Нахоѣ.

— Но вы, вы же, какъ будто сердитесь еще?

— Да вѣдь это же возмутительно, что вы дѣлаете! Подавился собственнымъ языкомъ, оттого что увидѣлъ знакомую. Тогда, почем бы вамъ не анонсировать передъ началомъ: «Покорнѣйше прош гражданокъ, лично мнѣ знакомыхъ, отвернуться къ стѣнѣ».

— Погодите-ка,—сказалъ онъ, садясь,—чего же вы это кипятитесь такъ?

— Да вы такъ прекрасно говорили. И только что я развѣсила уши, вы и языкъ прикусили.

— А васъ, я вижу, муха укусила. Что съ вами?—оглянулся на нее эс-эръ.

— Ну, не будемъ ссориться,—тиснула тыльную сторону его руки Елена Даниловна.—Мы такъ рѣдко встрѣчаемся... А я, на самомъ дѣлѣ, стала зла, какъ вѣдьма. Но и вы, ей-Богу, хорошъ!—снова вернулась она къ воркотнѣ, уже съ улыбкой.

Да это же такъ естественно!—воскликнулъ онъ.—Что вы это, на самомъ дѣлѣ!—поглядѣлъ онъ на Елену Даниловну.

— Это, что меня-то увидѣлъ?

— Во-первыхъ; но съ этимъ несчастьемъ я еще примирился бы какъ-нибудь, въ интересахъ партіи, если бы, во-вторыхъ, не вспомнилъ очень ужъ до дна души глубоко нашего бѣднаго покойника.

Елена Даниловна выпрямилась. Что-то больно кольнуло ее въ сердце.

— Какого покойника?—прошептала она, поблѣднѣвши.

— Такъ вы развѣ не знаете?—удивился Надеинъ, глядя на нее недовѣрчиво.—Вы ни съ кѣмъ не переписываетесь тамъ, въ Горѣломъ? А я вѣдь думалъ... Да-а, Елена Даниловна, кончилъ нашъ бѣдный Сергѣй! Но какъ же вы не знаете?

Однако, удивляться и разспрашивать надобности уже не представлялось: онъ видѣлъ, что Елена Даниловна, одеревенѣвши въ вытянутой позѣ, стала блѣдна до землистости и глядѣла на него совершенно черными остолбенѣвшими зрачками во весь глазъ. Губы у ней втянулись и посинѣли.

— Такъ вы не знаете,—грустно помоталъ онъ султанами.—Замерзъ, бѣдный, Сергунька мой... На своемъ любимомъ Пьяномъ озерѣ. Отправился пѣшкомъ, въ буранъ, послѣ Рождества, какъ-то, будто бы на Оранъ, а самъ намѣтилъ прямо на Пьяное. Тамъ его и нашли дня черезъ два: сидитъ себѣ подъ деревомъ, да думу [illegible]аетъ!... Ахъ, дѣла, дѣла!—вздохнулъ Юрій.

— Заблудился, быть можетъ,—сдѣлала безнадежное предположіе Елена Даниловна, едва шевеля синими губами. И у ней изъ закрытыхъ глазъ потекли слезы.

— Такъ оно и было пущено въ оборотъ, ради благочестія, на [illegible] полезнаго—заблудился; лѣшій завелъ въ омутъ, какъ человѣка, [illegible]ста на шеѣ не носящаго. Но вотъ что проливаетъ свѣтъ истины

на истинную-то причину,—говорилъ онъ, разстегивая пиджакъ и вынимая какую-то тощую брошурку,—его завѣщаніе, въ нѣкоторомъ родѣ. И я обязанъ передать его вамъ, что и сдѣлаю теперь съ легкимъ сердцемъ: вижу, что вы не знали.

Онъ быстро перелисталъ книжонку и вытянулъ узкій, перемятый, изветшавшій обрывокъ бумаги.

— Друганкинъ,—говорилъ онъ,—который и нашелъ Сережу, увидѣлъ это у него зажатымъ въ ладони, скрылъ, прислалъ мнѣ въ письмѣ, гдѣ и сообщалъ о нашей утратѣ.

Осторожно погладивши обрывокъ, онъ положилъ его въ руку Елены Даниловны. Она видѣла то что-то черное, какъ занавѣсъ, отдѣлявшій залъ и эту бумажку отъ ея глазъ, то бумажку, на которой концомъ обожженной спички были начерчены какія-то буквы, большія и маленькія. Она подняла лоскутокъ къ глазамъ, смигнувши слезы.

И она едва могла разобрать, что на бумажкѣ написано:

«Ave Еленочка Еле moriturus te salut».

— Помогите мнѣ выйти... Наймите мнѣ извозчика,—прошептала она.

Онъ свелъ, почти снесъ ее на рукѣ: у нея не сгибались колѣни.

— Не проводить ли васъ до дому?—услышала она встревоженный вопросъ Надеина, очутившись въ санкахъ.

— Одну... оставьте... одну,—прошептала Елена Даниловна.

Ее везли, она глядѣла. Неслись встрѣчу синіе шары фонарей, проплывали экипажи, автомобили, рычавшіе, какъ животныя, толпами бѣжали люди. И ея неподвижные, болѣзненно сухіе глаза искали среди нихъ плотную фигуру, которой уже не было, такъ странно не было, такъ безжалостно не было.

Хотѣлось вызвать слезы. Она принуждала себя думать скорбныя, жизненныя, хватающія за сердце думы. Его нѣтъ... Вѣрить этому больно! Его не будетъ, никогда не будетъ... «Еленочка!» такъ нѣжно, такъ сердечно... Услышать бы отъ него это сердечное слово!... А онъ молилъ... Теперь стало вдругъ понятно, онъ молилъ... любить его... И жилъ бы! Зачѣмъ, зачѣмъ?

Глаза горѣли, были сухи. Она пыталась сердиться на него, на себя.

— Не могъ подождать! Зналъ же, что у меня минуты нѣтъ свободной! Вѣдь, въ ту ночь, видѣлъ же, что она—его! Откровенно свободно, всѣмъ желаньемъ! Но кто виноватъ? Она!... Жеманство извращенный стыдъ условностей, эгоизмъ, тупоуміе, наслѣдіе от

цовъ, женщина, ея женственность! Надо было взять... Надо было взять, не ожидая, владѣть, приказывать: вѣдь онъ только объ опекѣ надъ нимъ и молилъ, когда говорилъ: «не боитесь ли вы въ эту чудную ночь быть со мной»: вѣдь онъ зналъ меня, какъ пять пальцевъ, вѣдь онъ говорилъ о боязни сердца. Бѣды не было бы для него, что я не влюбилась бы: я не могу, не могу любить! И была бы, всетаки, тѣмъ болѣе, только для него, всегда... Зачѣмъ была эта обывательщина: ожиданіе? И онъ покорился бы, онъ жилъ бы, смѣшной, милый, чудный... незабвенный!

Глаза оставались горячи и сухи.

Но поднялась она въ квартиру съ страшнымъ усиліемъ: ноги не двигались, голова упадала къ откосу окна на каждой площадкѣ, ротонда давила, какъ чугунный панцырь инквизиціи. Спина омертвѣла, ноги и руки были посторонними, мертвыми предметами. И тамъ, гдѣ сердце, тяжело лежалъ свинецъ, стиснутый жомомъ. Едва удержавшись на ногахъ около Каролины, она шепнула ей: «Одну оставьте, ничего не нужно, ничего», и пошла къ себѣ. Заломила руки, сжала до боли пальцы и сказала, ощущая безнадежную, ледяную пустыню въ груди:

— Я убила его, я!

Вѣдь она только при сообщеніи о самоубійствѣ Ипатова ясно сообразила это: онъ писалъ ей два раза, съ промежуткомъ въ мѣсяцъ. И одеревенѣла, и увидѣла что-то черное передъ глазами. Два длинныя письма, наполненныя туманными, его, ипатовскими, сѣтованіями, робкими просьбами. Она глядѣла на нихъ однимъ глазомъ, пробѣгая середину листа, выхватывая отдѣльныя слова, и говорила: «послѣ, некогда, все то же!» Хотѣла отвѣтить что-нибудь, прочитать, когда будетъ свободнѣе. А работы было такъ много. Обезьянья напуганность! Стоютъ ли всѣ вороха политическихъ и общественныхъ писакъ единаго слова въ письмѣ человѣка, закоченѣвшаго тамъ, на Пьяномъ?

Она долго читала, опустивши голову на руки, его письмо. Одно, то первое, попало въ черняки черняковъ, въ корзину, въ печь... исчезло, какъ и онъ, внѣ предѣловъ вниманія: она уже не могла найти его, при самыхъ терпѣливыхъ, страстныхъ, тоскливыхъ поискахъ.

Каждое слово, полуфраза, полунамекъ, многоточія принимали теперь ясность, которая жгла и леденила мозгъ, становились выпуклыми, какъ члены тѣла, живого, ощутимаго. Расширялись, какъ родная, безграничная степь, развертывались въ программу цѣлой жизни, теперь навсегда утраченной,—вдругъ, жестоко, безжалостно.

Одна, одна... Никому не нужна, никому не дорога. Открытое письмо, пара строкъ могли бы спасти эту чудную душу, мимозу, страдавшую отъ неделикатнаго прикосновенія, скорбѣвшую, что такъ мало поэзіи въ жизни, въ людяхъ...

Съ безсильной тоской затираннаго ребенка чувствуетъ Елена Даниловна, что она не одна въ комнатѣ, что кто-то стоитъ за спиной, смотритъ на нее. Это вызываетъ въ ней мучительное раздраженіе, бѣситъ.

— Ну,—злобно, грубо рветъ она звукъ, повертывая голову.— Что вамъ отъ меня нужно, Каролина? Просила я васъ: оставьте меня въ покоѣ! Дайте мнѣ хоть въ моей то...

И опускаетъ голову: его крикъ!

— Простите, Елена Даниловна,—лепечетъ перепуганная небывалымъ тономъ Каролина, горничная очень респектабельная и вполнѣ добросовѣстная.—Я долго не имѣла смѣлости обезпокоить васъ, но посыльный изъ редакціи уже въ третій разъ... Приказано не уходить безъ...

— Ничего не будетъ,—мрачно говоритъ Елена Даниловна.— Пусть уйдетъ.

— Простите, Елена Даниловна, ради Бога простите!—но ему не приказано уходить безъ вашей статьи. Типографія задерживается. Первый часъ ночи, смѣю доложить. Надо же и посыльнаго пожалѣть, третій разъ... Ужъ я ли не принимала мѣръ, чтобы отдѣлаться.

Елена Даниловна покорно встала.

«Что же, зачѣмъ же кудахтала я ему о смѣлости, о свободѣ?— подумала она.—Гдѣ же моя свобода? Гдѣ же у меня-то самой смѣлость для свободы? Обезьянья жизнь! И не жизнь,—путы, цѣпи, вериги сатанинскія!»

— Пусть подождетъ,—слабо сказала она горничной.—Принесите стаканъ крѣпкаго чаю, Каролина.

Гольдебаевъ.

Изъ Петёфи.

Любовь великую ношу я
Въ моей груди. Ея предметъ
Происхожденья неземного.
Сильнѣе чувства въ мірѣ нѣтъ.

Предметъ любви моей—богиня;
Свобода—вотъ мечта моя!
Увы! изгнанницу земную
Лишь ночью въ грезахъ вижу я.

Зато ужъ ночью неизмѣнно
Она мнѣ видится во снѣ.
И въ эту ночь мы были съ нею
Въ цвѣтущей дальней сторонѣ.

Я въ страсти пылкой изъяснялся
У ногъ богини неземной
И, ей цвѣтокъ сорвать желая,
Я наклонился надъ землей.

Но тутъ палачъ, стоявшій сзади,
Вдругъ на меня обрушилъ мечъ...
И ей въ рукахъ своихъ поднесъ я
Главу, скатившуюся съ плечъ.

Н. Н. Новичъ.

ДИНГЛИ.

Романъ Жерома и Жана Таро *).

(Съ французскаго.)

I.

Въ странахъ, гдѣ распространенъ англійскій языкъ, не найдется человѣка, которому было бы неизвѣстно имя прославленнаго писателя Дингли. Его знаютъ даже дѣти, и многіе по немъ учатся читать. То былъ человѣкъ неистощимой веселости, съ необыкновенною фантазіей и свѣжестью воображенія. Казалось, онъ родился на зарѣ міра, въ ту эпоху, когда чувства человѣка соперничали съ инстинктами животныхъ. Описывалъ ли онъ дѣвственный лѣсъ Индіи, торговую контору въ центрѣ Лондона, восходъ солнца на морѣ подъ тропиками, сумерки гдѣ-нибудь въ западной Европѣ,—эти картины словно принадлежали человѣку, впервые раскрывшему глаза на міръ. Его разсказы отличались точностью японскаго реалиста и роскошною фантазіей персидскаго поэта. Дѣйствующія лица, имъ выводимыя, обитали большею частью въ тѣхъ странахъ, гдѣ мощная фантазія человѣка заставляетъ цвѣсти чудеснѣйшіе цвѣты—въ долинахъ рѣки Ганга, этихъ свидѣтельницахъ самыхъ отчаянныхъ стараній философовъ раскрыть смыслъ жизни. Его умъ тѣшился заботами селившихся тамъ европейцевъ и грезами мыслителей, умершихъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ немъ соединялся конкретный разумъ англичанина съ безпокойною и мечтательною душою индуса; на-ряду съ пыломъ норманскаго пирата въ немъ жила любовь къ часамъ полуденнаго отдыха, въ тѣни, когда въ душѣ проходятъ, словно воспоминанія другого міра, событія изъ жизни людей, принадлежащихъ къ другимъ націямъ. Такимъ именно произведеніемъ его фантазіи была одна

*) Этотъ романъ молодыхъ братьевъ-писателей удостоенъ въ текущемъ году премія Гонкура, въ размѣрѣ 5,000 франковъ.

изъ прекраснѣйшихъ его сказокъ, въ которой изображенъ молодой лондонскій конторщикъ, воспроизводящій со всею точностью, на которую способенъ только человѣкъ, ее перенесшій,—жизнь греческаго гребца, прикованнаго къ скамьѣ финикійской галеры, за десять вѣковъ до Рождества Христова.

Успѣхъ, выпавшій на долю его произведеній, распространился далеко за предѣлы Англіи. Дингли познакомился со славою еще въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ не въ состояніи ее оцѣнить. Портреты его были разсѣяны повсюду—въ журналахъ, въ сборникахъ, въ газетахъ, въ книжныхъ лавкахъ стараго и новаго свѣта. На огромныхъ корабляхъ, возившихъ его по всѣмъ океанамъ, въ роскошныхъ дворцахъ-отеляхъ, служившихъ ему кратковременнымъ пріютомъ, молоденькія англичанки указывали пальцемъ другъ другу этого малорослаго человѣка, съ угловатыми и сухими чертами лица, съ жесткими, нависшими надъ ртомъ усами и сѣрыми глазами, глядѣвшими изъ-за очковъ въ стальной оправѣ.

Ему было сорокъ лѣтъ. Жатва юности была имъ собрана; теперь ему хотѣлось знать, какіе плоды принесетъ ему осень жизни; онъ спрашивалъ себя, сможетъ ли одинъ какой-нибудь его стихъ, одна какая-нибудь строка, черезъ сто лѣтъ, удержать бодрствующимъ человѣка, котораго клонитъ ко сну. Онъ писалъ для дѣтей, для артистовъ, для женщинъ; онъ боялся, что эта легкомысленная публика забудетъ его и, стремясь одержать побѣду надъ временемъ (самымъ горячимъ его желаніемъ было пережить себя въ человѣческихъ сердцахъ), онъ искалъ ухватиться за нѣчто прочное.

Изо всѣхъ событій, со временъ Рима, вліявшихъ на судьбы міра, ни одно не казалось ему столь важнымъ, какъ постепенное покореніе земного шара его расой, и онъ чувствовалъ себя призваннымъ Провидѣніемъ быть провозвѣстникомъ и пѣвцомъ этого дѣла.

Имперія создалась изъ мечты романиста: Дизраэли, сидя въ своей комнатѣ поэта, за тридцать лѣтъ до этого событія, написалъ фантастическій романъ человѣка, который собралъ всѣ британскія колоніи подъ одну патріархальную мантію огромной монархіи, милостивой или грозной на манеръ восточныхъ деспотій, и короновалъ королеву Великобританіи императрицей Индіи. Въ то время, какъ старѣвшійся Гладстонъ противоставлялъ воинственной политикѣ тщетныя усилія въ области морали и теологіи, Дизраэли, сдѣлавшись всемогущимъ, шагъ за шагомъ осуществлялъ мечту своей романтической юности. Великолѣпный примѣръ человѣка, написавшаго свою жизнь раньше, чѣмъ ее прожить! Еврей, и въ то же время типичнѣйшій англичанинъ, благодаря двойному могуществу своему: въ грезѣ и въ прак-

тической жизни. Дингли завидовалъ такой полнотѣ славы. Признавая въ Дизраэли неоспоримаго мастера, создателя этого великаго дѣла, онъ оставлялъ за собою роль честнаго работника.

Уже восемь мѣсяцевъ, какъ въ Трансваалѣ крестьяне бьютъ Англію. Величайшая имперія, многочисленная храбрая армія, генералы, наученные опытомъ стольких походовъ,—должны отступать передъ нѣсколькими тысячами необразованныхъ людей, предводимыхъ случайными вождями. Дингли никогда не могъ представить себѣ пораженія своей родины. Онъ страдалъ, какъ страдалъ послѣдній гражданинъ королевства, отъ обиды, нанесенной презрѣннымъ врагомъ; онъ вѣрилъ въ моральное значеніе побѣды, а побѣжденнаго считалъ всегда достойнымъ презрѣнія. Неужели же на человѣческой лѣстницѣ солдаты ея величества стоятъ ниже неопытныхъ мужиковъ Жубера и Кронье? Неужели же сила англо-саксовъ разобьется о героизмъ нѣмецкихъ, голландскихъ и французскихъ выходцевъ? Онъ мечталъ соединить свою славу со славою Британской имперіи, которая сгруппируетъ подъ своимъ владычествомъ самые разнообразные народы, самыя далекія страны.

Неужели эта надежда должна разсыпаться подъ градомъ пуль одичалыхъ европейцевъ, прячущихся за скалами и въ кустарникахъ?

Лондонъ, надъ которымъ нависли печаль и тревога за исходъ битвъ, представлялъ зрѣлище, неожиданное для его жадныхъ взоровъ. Дингли ходилъ по бѣднѣйшимъ кварталамъ, посѣщалъ грязныя конуры, прислушивался къ разговорамъ бродягъ, простаивалъ часами въ вестибюлѣ биржи, вмѣшивался передъ редакціями газетъ въ толпу людей съ головами, приподнятыми къ транспарантамъ, на которыхъ черными буквами выставлялись телеграммы о южно-американской войнѣ.

Въ зданіи военнаго министерства, гдѣ ежедневно вывѣшивались столбцы съ именами раненыхъ и убитыхъ, онъ пережилъ незабвенныя минуты, наблюдая за читавшими эти списки. То былъ единственный въ своемъ родѣ случай наблюдать за выраженіемъ страха на лицахъ людей! Свѣтъ едва проходилъ сквозь слой грязи на стеклахъ, и въ этомъ тускломъ полусвѣтѣ самыя ослѣпительныя краски дѣвичьихъ лицъ казались мертвенными. До опубликованія именъ собравшіеся тамъ люди, чтобы обмануть тревогу, разговаривали между собою в полголоса, словно боясь разбудить въ сосѣднемъ залѣ какого-нибудь страшнаго звѣря. Различіе между классами исчезало, наступали минуты полнаго равенства—до появленія списковъ. Тутъ начиналась давка, кто прочтетъ раньше! Люди, не нашедшіе въ таблицахъ близкаго имени, уходили, унося съ собою кратковременную радость

Дингли заставалъ ихъ на другой день на томъ же мѣстѣ, и съ тѣмъ же выраженіемъ ужаса на лицѣ, какъ наканунѣ.

Когда толкотня утихала и толпа медленно расходилась, онъ видѣлъ, какъ къ таблицамъ робко подходила маленькая старушка, въ синей соломенной шляпѣ кибиткой. Изъ худыхъ башмаковъ просвѣчивали пальцы. Она кутала руки въ зеленоватую шаль, которая покрывала ей плечи и угломъ спускалась на спинѣ. Пряди сѣрыхъ волосъ падали на воротникъ, безупречная бѣлизна котораго внушала Дингли мысль о томъ, что единственною чистой вещью на ея тѣлѣ была рубашка. Безпрестанно шевелившіяся губы придавали ей видъ трусливой, глупой и доброй самки кролика. Она не умѣла читать, и ежедневно просила кого-нибудь сказать ей, нѣтъ ли въ спискѣ имени: «Джемса Крука? Крука, не такъ ли? Крука, Джемса?»

Дингли часто просматривалъ за нея списокъ и даже предупреждалъ ея желаніе: «Крукъ, не такъ ли? Крукъ Джемсъ?—говорилъ онъ.—Нѣтъ, его нѣтъ въ спискѣ».

Старушка благодарила взглядомъ. Но однажды, прочитавъ въ спискѣ имя Джемса Крука, онъ отошелъ въ сторону, стараясь быть незамѣченнымъ.

— Джемсъ Крукъ? Онъ убитъ!—отвѣтилъ незнакомецъ, къ которому старуха обратилась съ вопросомъ: «Джемсъ Крукъ? Крукъ? Крукъ? Крукъ, Джемсъ?» Она опустила руки, съ видомъ безграничной усталости; шаль ея упала, и Дингли увидѣлъ ея худыя, но красивыя руки. Онъ шелъ за нею въ теченіе нѣкотораго времени по предмѣстью, пока она не затерялась въ толпѣ.

Романистъ вернулся домой съ чувствомъ собирателя рѣдкостей, удовлетворившаго свою страсть. Жена спросила у него,—она ежедневно предлагала ему одинъ и тотъ же вопросъ:

— Ну, что же Крукъ?

— Убитъ!—отвѣчалъ Дингли со спокойною улыбкой.

— Вы видѣли его мать?

Дингли кивкомъ головы отвѣтилъ:

— Да.

Помолчалъ, госпожа Дингли пробормотала:

— Ужасная война! Офицеровъ погибаетъ почти столько же, сколько и солдатъ!

— Всѣ офицеры ранены въ голову,—разсѣянно добавилъ романистъ.—Эти буры изумительные стрѣлки! Но пусть!... Какой удивительный урокъ хладнокровія даетъ міру Англія!

Нѣсколько дней спустя, вечеромъ, Дингли остановился у Трафальгарской колонны, гдѣ вербовщикъ солдатъ, унтеръ-офицеръ,

расхваливалъ передъ собравшимися зѣваками службу въ рядахъ ея величества.

— Милостивые государи!—кричалъ солдатъ,—вы родились не сыновьями пэровъ! Но правительство заботится о васъ! Здѣсь вы умираете съ голоду и жажды. Въ Капской землѣ—водка, вкусные бифштексы и слава! Къ свѣдѣнію молодежи! Служа въ развѣдчикахъ, напримѣръ, вы имѣете пріятную службу, подчиненіе, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ легкому роду службы, вы получаете одежду, которой не найдете ни въ одной арміи въ мірѣ! Кто хочетъ поступить въ развѣдчики?

Впередъ вышелъ жалкій бродяга и, поднявъ руку, произнесъ:

— Я, сударь!

— Молодчина! Храбрецъ! Патріотъ!—заревѣлъ унтеръ-офицеръ, опустилъ руку на картузъ рекрута, приходившагося ему по плечо.—Главнокомандующій требуетъ отважныхъ людей для артилеріи и кавалеріи. Пусть всякій, кто жаждетъ скорѣйшаго окончанія войны, дѣлаетъ сборы и присоединяется!

Другая жалкая фигура выступила впередъ; унтеръ-офицеръ прижалъ головы обоихъ бродягъ къ своей груди:

— Храбрые ребята! Если бы у родины были тысячи такихъ, буры недолго заставили бы плакать нашу королеву! Итакъ, джентльмены, больше энтузіазма!

Любопытные мало-по-малу разсѣялись, и фонарь освѣщалъ теперь въ туманѣ только Дингли и трехъ бѣдняковъ, отмѣченныхъ нищетою и порокомъ. Вербовщикъ рекрутъ взялъ двоихъ подъ руки, а третій стоялъ неподвижно на панели, словно одинокое дерево среди сквера. Романистъ послѣдовалъ за унтеръ-офицеромъ и за рекрутами, вошелъ за ними въ трактиръ, сѣлъ за сосѣдній столикъ и началъ прислушиваться къ ихъ разговору. Сначала они пили виски съ содовой водой, а затѣмъ чистый джинъ. Солдатъ разсказывалъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ: противъ племени Африди, Магда, противъ бирманцевъ; свои побѣды онъ обильно поливалъ виномъ; при каждой новой битвѣ онъ поднималъ стаканъ:

— Выпьемъ, ребята, по стаканчику виски!

Дингли съ восторгомъ глядѣлъ на огромныя ноги этого человѣка, измѣрившія всю Британскую имперію, какъ вдругъ дверь отворилась.

Вошелъ юноша, скорѣе большой ребенокъ, хотя и походившій на старика. То былъ третій герой. Его взглядъ, не останавливаясь на унтеръ-офицерѣ, обошелъ медленно всю залу, и встрѣтился съ глазами романиста. Взоръ у него былъ тусклый, какъ блескъ той

жемчужины, которую писатель въ числѣ другихъ брелоковъ носилъ на цѣпочкѣ, и которая потускнѣла отъ постояннаго тренія о столъ; его бумажный воротникъ былъ не чище закоптѣлой курильной трубки. Дингли не упускалъ изъ вида ни одного изъ его движеній, отмѣчая въ своемъ умѣ ту нерѣшительность, съ которою бродяга терся возлѣ унтеръ-офицера, словно желая обратить на себя его вниманіе. Вербовщикъ на ходу охватилъ его рукою за талію:

— Джину?

— Чего хотите, я страшно хочу пить.

Унтеръ-офицеръ понялъ, что слова были излишни; онъ увлекъ юношу за собою и заставилъ его пить. Двое другихъ уже храпѣли, положивъ головы на столъ; онъ разбудилъ ихъ и далъ имъ подписать бумагу, которую вытащилъ изъ-за подкладки своего мундира. Осушили послѣдніе стаканы. Бродяги вышли потихоньку съ унтеръ-офицеромъ изъ трактира; солдатъ отвелъ патріотовъ въ казарму.

Дингли долго еще сидѣлъ въ трактирѣ. Онъ съ отвращеніемъ думалъ о той жизни, которую эти отверженные вели въ Лондонѣ; теперь они уснутъ, будутъ спать на голой землѣ, будутъ рисковать жизнью. На службѣ королевы они нѣсколько облагородятся. Хотя онъ и былъ аристократъ по рожденію и по образованію, но чувствовалъ себя братомъ этихъ бродягъ, скромныхъ орудій огромнаго дѣла. Древо Британской имперіи коренилось въ этой нищетѣ, въ этомъ пьянствѣ; и тема для романа, которую онъ тщетно искалъ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, всплыла въ его головѣ, какъ солнце появляется лѣтомъ на горизонтѣ долины: то была исторія лондонскаго бродяги, возрожденнаго войною.

Сквозь дымъ своей трубки, въ тяжеломъ воздухѣ этого грязнаго трактира Дингли съ удивительною легкостью угадывалъ тайны европейской жизни, подобно тому, какъ срѣди кислаго запаха куриленъ опіума онъ иногда воображалъ, что проникаетъ въ тайны Востока. Онъ ничего не слышалъ, не видѣлъ—то была заря новаго произведенія, и онъ переживалъ самыя высокія минуты жизни, болѣе блаженныя, чѣмъ минуты любви.

Его трубка погасла, стѣнные часы показывали восемь; снаружи среди тихой ночи засвѣтились газовые рожки, онъ позвалъ проѣзжавшаго извозчика.

Когда онъ вернулся домой, жена его тотчасъ же угадала его радость. Немедленно, не снимая плаща, слегка нагнувшись впередъ, онъ разсказалъ ей, какое на него нашло вдохновеніе. Онъ любилъ испытывать на ней, какъ на человѣкѣ удивительно чуткомъ, вліяніе своихъ вымысловъ.

— Понимаете ли вы, моя дорогая, молодой человѣкъ вродѣ того, котораго я только что видѣлъ, съ бѣгающимъ взоромъ, съ рѣдкими волосами, малокровный, въ послѣдней степени нужды, длинный, гибкій, съ безбородымъ лицомъ, вялыми движеніями, съ внѣшностью дѣвушки. Если онъ останется въ Лондонѣ, онъ впадетъ въ непробудное пьянство. Онъ поступаетъ на службу королевы, движимый не патріотизмомъ, а ради нѣсколькихъ шиллинговъ. Благодаря войнѣ онъ становится вновь человѣкомъ.

— А какъ вы его назовете?

— Барромъ, конечно. Какъ же иначе мнѣ его назвать? Барръ! Барръ!

Онъ повторилъ нѣсколько разъ это односложное имя, нравившееся ему своею краткостью и звучностью. Одно имя только шло къ каждому изъ его героевъ: онъ гордился тѣмъ, что всегда его находилъ.

— Какъ же вамъ нравится мой романъ? Поймите,—повторялъ онъ съ нервною настойчивостью,—я покажу, какъ война превращаетъ мерзавца въ героя!

— Сомнѣваюсь,—отвѣчала госпожа Дингли,—чтобы люди, набранные въ пьяномъ видѣ, превратились въ героевъ.

— Солдаты Веллингтона набирались такимъ же образомъ,—отвѣчалъ романистъ, въ глазахъ котораго вѣковые обычаи его родины словно пріобрѣтали неизбѣжность явленій природы,—а они одержали побѣду надъ самыми храбрыми войсками въ мірѣ.

— Какъ можете вы думать, другъ мой, что Барръ сдѣлается лучше, если будетъ убивать людей, грабить фермы, насиловать дѣвушекъ? Война дѣлаетъ героевъ только изъ тѣхъ, кто способны стать героями; въ прочихъ она развиваетъ лишь звѣрскіе инстинкты.

— Мораль священника или француза! Вѣчная ваша забота о правотѣ и неправотѣ. Для меня человѣкъ великъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ отдастъ себя великому дѣлу. Разумѣется, мои бродяги никогда не превратятся въ джентельменовъ, а на ихъ звѣрскихъ инстинктахъ, какъ вы выражаетесь, строится Британская имперія.

Госпожа Дингли отъ своихъ предковъ, французовъ, переселившихся въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Луизьяну, унаслѣдовала тонкое пониманіе людей. Ея преклоненіе передъ мужемъ не мѣшало ей знать предѣлы его таланта: онъ родился, чтобы чаровать воображеніе людей, а не философствовать о войнѣ.

— Бойтесь,—сказала она,—стать апостоломъ жестокаго и эгоистичнаго имперіализма. Не забывайте ни деревьевъ, ни животныхъ.

— Я ничего не забываю, моя дорогая. Ни одинъ романистъ не сказалъ намъ, что такое были солдаты Веллингтона. Мои книги

кажутъ, чѣмъ являются солдаты королевы. Барръ будетъ воплощеніемъ терпѣнія, иниціативы, хладнокровія, человѣчности и англійскаго добродушія. Онъ заставитъ насъ понять круглоголовыхъ, гренадеровъ Монъ-Сенъ-Жана, наши индѣйскую и египетскую арміи и, наконецъ, самую Англію.

Онъ положилъ трость на столъ, разстегнулъ пальто и подошелъ къ окну.

Онъ жилъ въ пятомъ этажѣ огромнаго дома, стоявшаго надъ Темзой, и гдѣ, когда туманъ окутывалъ рѣку, сосѣдніе дома и набережную, онъ воображалъ себя внутри маяка. Его умъ унесся въ прошлое. По Темзѣ приплывали на своихъ корабляхъ викинги; завыванія сиренъ будили воспоминанія о трубныхъ звукахъ морскихъ королей. Кельты, саксы, норманны поднимались вверхъ по рѣкѣ; каждый приносилъ съ собою свою тайну: одни свою вѣру въ судьбу, другіе—любовь къ приключеніямъ. Всѣ эти народы смѣшались въ туманѣ: то были буревѣстники, кричавшіе среди завываній сѣверныхъ вѣтровъ.

«Для меня, какъ и для нихъ,—думалъ онъ,—не существуетъ границъ между реальнымъ и нереальнымъ, между возможнымъ и невозможнымъ. Племена коршуновъ и вороновъ! Товары, лежащіе на днѣ этихъ кораблей, снующихъ взадъ и впередъ по рѣкѣ, награблены, какъ и тѣ, которые нѣкогда увозили викинги. Только формы грабежа стали иныя, нежели десять вѣковъ тому назадъ. Викинги превратились въ маклеровъ».

Съ улицы долетали крики газетчиковъ, объявлявшихъ вечернія новости; огни, которые зажигались на противоположномъ берегу, заставили его мысли уклониться въ сторону:

«Надъ чьими существованіями горятъ эти огни? Они возникаютъ среди ночи, какъ желанія. Подъ чьею лампою пріютилась въ Лондонѣ сегодня величайшая мысль, прекраснѣйшая жертва, дѣятельнѣйшая надежда? Направиться къ этому огню, третьему слѣва, и шестому снизу, и захватить врасплохъ человѣческое существо, живущее въ этомъ свѣтломъ кругѣ! Этотъ незнакомецъ, находящійся отъ меня въ нѣсколькихъ сотняхъ саженъ, на самомъ дѣлѣ болѣе далекъ отъ меня, чѣмъ мой пріятель Симпсонъ, наиболѣе отдаленный изъ великобританскихъ телеграфистовъ, живущій тамъ, гдѣ замираетъ послѣднее дрожаніе телеграфной проволоки, въ самомъ центрѣ лѣсистой Африки. Въ эту минуту этотъ славный малый зажигаетъ надпись изъ электрическихъ буквъ, мигающихъ какъ рѣсницы—надъ дверью своего лѣсного поста: Британская имперія. А что дѣлаетъ въ настоящую минуту Паже? Нашелъ ли онъ въ далекой африканской землѣ

ту ночную бабочку, въ погонѣ за которою онъ проводитъ уже десять лѣтъ? Этому Паже принадлежитъ въ городѣ около ста домовъ; если каждый домъ имѣетъ по ста оконъ, то это составитъ десять тысячъ оконъ, платящихъ въ эту ночь дань этой бабочкѣ, которая указана въ сочиненіи одного нѣмецкаго путешественника и которая, безъ сомнѣнія, не существуетъ вовсе.

«Въ какой казармѣ проводитъ свою первую ночь мой бродяга? Какую судьбу готовитъ ему мое воображеніе? Убью ли я его или оставлю въ живыхъ? Жизнь и смерть его въ моихъ рукахъ. Жизнь героевъ, создаваемыхъ поэтами, обладаетъ иною реальностью, чѣмъ жизнь уличныхъ прохожихъ! Найдется ли скелетъ, болѣе крѣпкій, чѣмъ скелетъ короля Лира? Онъ переживетъ насъ всѣхъ».

Въ эту минуту позвонилъ телефонъ. Дингли бросился къ нему опрометью.

Вѣсть о первыхъ успѣхахъ въ Трансваалѣ пробудила въ Лондонѣ безумную радость, при видѣ которой можно было судить, насколько велика была боязнь пораженій, хотя и скрываемая изъ гордости. Преслѣдованіе англійскою арміей генерала Кронье захватило общественное мнѣніе. И въ то время, когда буры бѣжали со своими телѣгами, нагруженными женщинами и дѣтьми, телеграфъ отмѣчалъ мельчайшія подробности этой погони. Уже пять дней, какъ одинъ изъ служащихъ газеты *Times* передавалъ Дингли по телефону послѣднія депеши, и уже пять дней, какъ Дингли съ ярымъ интересомъ внималъ хриплому, петрушечьему голосу, который повѣствовалъ о послѣднихъ часахъ Кронье и его арміи. По мѣрѣ полученія, Дингли передавалъ эти вѣсти женѣ, ходившей взадъ и впередъ по комнатѣ, и глубоко потрясенной этою отдаленной бойней:

— Они окопались въ высокихъ берегахъ Моддера. Двѣсти орудій палятъ по нимъ день и ночь лиддитомъ. Повозки въ огнѣ. Надъ пламенемъ поднимаются столбы красной пыли... все!

За обѣдомъ снова повелительно зазвонилъ телефонъ, положенный Дингли рядомъ съ его приборомъ.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ онъ радостно.

— Онъ взятъ?—спросила жена.

— Онъ сдался, —отвѣчалъ Дингли съ презрѣніемъ.

Группа манифестантовъ, проходившая передъ отелемъ, разразилась подъ окнами троекратнымъ громовымъ «ура» въ честь романиста, и удалилась при отсвѣтахъ иллюстрированныхъ газетъ, пылавшихъ на концѣ палокъ.

— Видите,—сказалъ Дингли, улыбаясь,—вѣра въ колдовство

еще не исчезла! Наши современники сжигаютъ изображеніе Крюгера, какъ нѣкогда пронзали сердце врага булавкой.

— О,—отвѣчала жена,—дикіе инстинкты въ насъ очень живучи.

Тогда, поднимая нѣжнымъ движеніемъ шаль, соскользнувшую съ плечъ жены, романистъ сказалъ:

— Тѣмъ лучше, моя дорогая, ибо они—самые прекрасные.

Когда Дингли исчерпалъ весь запасъ впечатлѣній, доставляемый ему городомъ, погруженнымъ въ отчаяніе, трепещущимъ отъ страха въ ожиданіи вѣстей и обезумѣвшимъ отъ успѣха, то, влекомый своею любовью перемѣнъ, онъ рѣшилъ отправиться за своимъ воображаемымъ героемъ въ Южную Африку, захотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ изъѣздить Вельдъ *), преслѣдуя всадниковъ Девета и Боты.

Дингли былъ романистъ, но еще болѣе любитель опасностей. Одному американскому репортеру, освѣдомлявшемуся однажды о его вкусахъ, онъ отвѣтилъ, что четыре десятыхъ въ немъ приходится на долю художника, а шесть десятыхъ—на долю искателя приключеній. Онъ любилъ повторять также, что если бы добрая фея предложила ему подарокъ, то онъ пожелалъ бы обладать магической силой переноситься въ каждую данную минуту въ ту часть свѣта, гдѣ разыгрывается наиболѣе глубокая драма.

Развѣ телеграфъ и газеты могли доставить ему тѣ мелкіе факты, которые даютъ романисту возможность сообщать разсказу иллюзію жизни? Въ Трансваалѣ онъ хотѣлъ уловить тѣ специфическія формы, въ которыя облекаются тамъ жизнь и смерть.

— Васъ трудно понять,—говорила ему жена, которая никакъ не могла привыкнуть къ его человѣческой любознательности;—страданія собачки, раздавленной экипажемъ на улицѣ, вызываютъ у васъ крикъ ужаса, а бѣдствія людей васъ притягиваютъ къ себѣ.

Дѣло въ томъ, что любовь къ живописному убивала въ немъ жалость. Въ Индіи онъ посѣтилъ голодающія деревни, а въ вечеръ Омдурмана—поле битвы, усѣянное трупами нѣсколькихъ тысячъ дервишей. Охотно вспоминалъ онъ эти зрѣлища, какъ минуты, когда онъ всего сильнѣе ощущалъ жизнь; онъ только о томъ и заботился, чтобы видѣть лучше, чтобы никакое волненіе не нарушало въ немъ умѣренной чувствительности художника, вперяющаго въ человѣчество взоръ хирурга, обращенный на паціента.

---

*) Степь, поле.

Напрасно госпожа Дингли умоляла его подумать о хрупкомъ здоровьѣ ихъ сына, о трудностяхъ долгаго пути,—онъ рѣшилъ ѣхать.

Его отъѣздъ былъ настоящимъ тріумфомъ. Огромная толпа на набережной Соутгэмптона привѣтствовала писателя, стоявшаго на палубѣ рядомъ съ женой и сыномъ. Глубокое чувство гордости охватило Дингли. Эта толпа привѣтствовала въ немъ народную совѣсть: Шекспиръ и тотъ не зналъ такого торжества. Поднявъ сына, онъ показалъ его толпѣ. Крики «ура» раздались еще необузданнѣе; шляпы и трости полетѣли вверхъ; звуки національнаго гимна вырвались изъ тысячи грудей. Дитя захлопало въ ладоши. Госпожа Дингли забыла несправедливость этой войны. Ея мужъ былъ великъ. Армія Кронье разбита, Преторія взята, убійства прекратятся, кровь перестанетъ заливать Южную Африку.

Дингли чувствовалъ, какъ трепетало въ его рукахъ тѣло ребенка. Гордясь этимъ человѣкомъ, въ которомъ начинали пробуждаться его инстинкты, какъ лучшимъ произведеніемъ, имъ когда-либо написаннымъ, Дингли, прежде чѣмъ поставить его на палубу, поцѣловалъ его съ такимъ видомъ, словно цѣловалъ свою славу. Онъ долго смотрѣлъ еще на эту толпу, опьяненную его искусствомъ, и берегъ Англіи казался ему въ отдаленіи свѣтлой, изогнутой, какъ лезвіе косы, полосой.

Во время переѣзда по океану Дингли употреблялъ свободное время на пріобрѣтеніе довѣрія среди пассажировъ, которые, какъ ему казалось, были способны доставить нѣкоторую пищу его воображенію. Обычно онъ чуждался своихъ соотечественниковъ, изумительныхъ въ дѣлѣ, но весьма скучныхъ собесѣдниковъ. Однако молодой ирландскій офицеръ, раненый при Колензо, и поступившій вновь на службу въ африканскую армію, заинтересовалъ его тотчасъ же свѣжестью впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ этой войны. Ежедневно съ терпѣніемъ оператора вырывалъ Дингли у него по нѣсколько воспоминаній въ тотъ благопріятный для изліяній часъ, когда они курили сигары.

— Какое впечатлѣніе,—спросилъ онъ однажды у офицера, производили ядра, когда они летѣли на васъ?

— Каждое изъ нихъ казалось мнѣ въ воздухѣ черной точкой летѣвшей прямо на меня. Мнѣ казалось, что наводчики ясно ме видѣли и цѣлились прямо въ меня. Нелѣпая мысль, такъ какъ м были обычно раздѣлены разстояніемъ въ нѣсколько верстъ и защ щены холмистою мѣстностью. Но всего мучительнѣе было встав

и садиться въ сѣдло, чтобы проѣхать открытое пространство тысячи въ полторы метровъ. Вы не можете вообразить себѣ состоянія духа солдата, скачущаго подъ огнемъ невидимаго непріятеля. Онъ словно бросается въ атаку. На дѣлѣ же онъ бѣжитъ.

— Итакъ, по-вашему, атака есть бѣгство впередъ?—спросилъ романистъ.

— Вы сказали. Въ атакѣ нѣтъ героизма, а есть лишь вынужденное желаніе спасти свою жизнь. Человѣкъ думаетъ: опасность повсюду; нѣтъ повода скорѣе избѣжать ее здѣсь, чѣмъ тамъ. Тогда онъ бросается впередъ, движимый ощущеніемъ, что единственное средство избавиться отъ ужаса, это—опрокинуть противника.

— Но вѣдь это—страхъ,—замѣтилъ Дингли.

— Кто отличитъ страхъ отъ мужества? Одно изъ худшихъ страданій во время битвы заключается именно въ конфликтѣ между инстинктомъ самосохраненія и чувствомъ чести. Однажды непріятель открылъ насъ во рву, гдѣ мы залегли; онъ тотчасъ же началъ осыпать насъ картечью. Мы не шевельнулись, и тотъ, кто видѣлъ въ эту минуту нашу неподвижность и наше молчаніе, могъ принять насъ за безстрастныхъ героевъ; но какъ только генералъ отдалъ приказъ выходить другъ за другомъ, мы повиновались ему съ такою поспѣшностью, которая давала возможность судить о глубинѣ нашего тайнаго ужаса. Я былъ совершенно разбитъ, а между тѣмъ мы провели въ сѣдлѣ всего два часа. Страхъ истощилъ всѣ силы.

— А солдаты?—спросилъ Дингли.

— Они удалялись другъ за другомъ, чтобы удовлетворить неотложной потребности.

— Обычная вещь въ арміи въ минуту опасности!—замѣтилъ Тиберъ (французскій репортеръ, командированный въ Южную Африку журналомъ *Иллюстрація*, и встрѣчавшійся уже съ Дингли во время похода противъ Африки).

— А что испытали вы, когда были ранены?

— Состояніе, сходное, какъ мнѣ кажется, съ состояніемъ приговореннаго къ смерти. Я не могъ себѣ вообразить, чтобы моя рана была не смертельна. По всей вѣроятности немедленная помощь могла спасти меня, но я говорилъ себѣ, что никто не поможетъ мнѣ во-время, потому что никто обо мнѣ не думаетъ, и я завидовалъ тѣмъ, кто умеръ сразу. Человѣкъ здоровый рѣдко бываетъ героемъ; раненый не всегда не болѣе, какъ ребенокъ.

— Однако вы снова поступили на службу?

— Что будешь дѣлать въ Лондонѣ? Я провелъ тамъ нѣсколько

недѣль. Клубъ, охота, поло, ничто меня болѣе не интересовало... Извините, меня зовутъ играть въ теннисъ.

— Любопытный народъ, эти ирландцы,—сказалъ Дингли, обращаясь къ Тиберу.—Они насъ, англичанъ, ненавидятъ, а въ минуту опасности поставляютъ лучшихъ солдатъ въ нашу армію. Мы примиряемся съ ними въ нѣдрахъ Британской имперіи.

— Въ Англіи всѣ—имперіалисты, не такъ ли?—спросилъ французъ.

— Да, подобно тому, какъ во Франціи есть націоналисты.

— О, націонализмъ—мертвое дѣло, созданіе профессоровъ и писателей. У насъ революціонныя и космополитическія традиціи. Самое слово націонализмъ недавняго происхожденія. Оно распространено только въ Парижѣ, да въ большихъ городахъ. Это—система, взглядъ на прошлое. Націонализмъ никому не опасенъ, въ то время какъ вашъ имперіализмъ есть сѣть, которую вы раскидываете по всему міру.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дингли, съ англо-саксонскимъ юморомъ,—мы не завоеватели; мы устроители земли, предприниматели, строящіе дома на пустыряхъ, телеграфисты, вожатые локомотивовъ, искатели золота, скотоводы; мы занимаемся мелкими ремеслами; насъ много, и мы бѣдны; наша земля безплодна; мы вынуждены покидать нашъ островъ, чтобы искать пропитанія. Мы продолжаемъ дѣло, начатое вами два вѣка тому назадъ и впослѣдствіи вами брошенное. Тяжелый трудъ! Вы, французы, предпочли оставаться дома. Но кто захотѣлъ бы, не будучи къ тому вынужденнымъ, покинуть прекрасную Францію? Мы—оверянцы міра!

— Да, но оверянцы немного жестокіе.

— Ахъ, Богъ мой, небольшая доля жестокости необходима. Позвольте мнѣ привести слова одного вашего соотечественника, сильно меня поразившія. Во время моего путешествія въ Алжиръ на пароходѣ французской компаніи, я случайно познакомился съ однимъ молодымъ преступникомъ, котораго ваше правительство ссылало въ африканскій батальонъ за то, что однажды вечеромъ онъ сторожилъ одну изъ улицъ предмѣстья, въ то время какъ его пріятели душили одну старую даму. Онъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти разсказывалъ намъ объ этомъ. А когда я спросилъ у него, не испытывалъ ли онъ упрековъ въ ту минуту, когда его друзья совершали свое дѣло: «Что подѣлаешь?—отвѣчалъ онъ съ небесною улыбкой,—въ жизни надо имѣть немного жестокое сердце». Я не защищаю бродягу, но признаюсь, я предпочитаю его бродягѣ сантиментальному.

Мальчикъ, бросившись съ разбѣгу въ колѣна Дингли, прервалъ

бесѣду романиста съ французомъ. Онъ попросилъ отца показать ему механизмъ корабля. Дингли взялъ его за руку, и всѣ трое спустились въ нѣдра парохода, вплоть до дрожавшей платформы, съ которой были видны огромные рычаги, блестящіе и безмолвные.

Дитя хотѣло знать, какъ звали человѣка, выдумавшаго эти машины. Дингли отвѣчалъ ему съ серьезнымъ видомъ, никогда его не покидавшимъ во время бесѣды съ сыномъ:

— У него нѣтъ имени, Арчи.

— Онъ очень умный?

— Очень.

— А когда онъ жилъ?

— Онъ живетъ всегда.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Вездѣ, гдѣ можно ѣсть и пить.

— Какой онъ съ виду?

— Какъ ты и я.

— Знаешь ли ты его?

— Разумѣется.

— Ты мнѣ его покажешь?

— Какъ-нибудь послѣ.

Дингли еще улыбался той сказкѣ, которую онъ выдумалъ для сына, когда, переодѣвшись въ смокингъ, онъ появился уже въ столовой.

Обѣдъ былъ самою веселою минутою дня. Всѣ эти люди, чистившіе груши или скоблившіе честеръ, изъѣздили весь міръ, одни въ поискахъ приключеній, другіе—по долгу службы. Скитанія не ослабили въ нихъ расовыхъ различій, но утонченная вѣжливость скрывала антипатіи подъ лоскомъ любезности.

Въ ту минуту, когда вошелъ романистъ, великобританскій репортеръ, которому платили на вѣсъ золота, говорилъ о томъ, что его ремесло испортили глупцы. Онъ весьма сожалѣлъ объ этомъ, ибо относился къ нему съ большимъ уваженіемъ.

— Въ концѣ-концовъ,—сказалъ Дингли,—вы рисовальщики и военные корреспонденты осуществляете новѣйшій типъ героизма: вы жертвуете собою ради послѣднихъ вѣстей и снимковъ.

— О,—отвѣчалъ репортеръ, скромно поджимая губы,—мы въ томъ дѣлѣ—дѣти. Тиберъ, знавшій мулата Нельсона Шортино, корреспондента *Daily News,* подтвердитъ вамъ мои слова. То былъ настоящій герой послѣдней вѣсти и снимка, какъ вы говорите! Послѣдняя, снятая имъ фотографія изображаетъ артиллериста, раненаго наповерть въ ту минуту, какъ онъ собирался поджечь фитиль своего

орудія. То же самое ядро, которое разорвало артиллериста, отправило на тотъ свѣтъ и бѣднаго Шортино.

Но романистъ перешелъ уже къ другому. Перегнувшись черезъ столъ, онъ узналъ отъ человѣка, сидѣвшаго противъ него,—бывшаго агента компаніи Нигеръ въ Верхней Бенуэ, чѣмъ онъ занимался во время жаркаго сезона: растянувшись въ палаткѣ, этотъ человѣкъ ждалъ минуты, когда заходящее солнце позволитъ ему снять каску.

Такъ воображеніе Дингли питалось всѣмъ, что попадалось ему подъ руку.

Дни переѣзда часто для романиста являлись днями плодотворной работы. Въ каютѣ парохода онъ написалъ лучшія свои сказки. Запахъ дыма, одиночество, качка, мощь машиннаго механизма, заставлявшая дрожать его столъ,—располагали къ мечтательности. Онъ надѣлся и на этотъ разъ поддержать въ себѣ божественное состояніе длительнаго вдохновенія.

Въ залѣ, гдѣ онъ работалъ, жена его играла банальныя музыкальныя пьесы, вальсы, кафешантанныя пѣсенки, отрывки изъ оперъ. Качество музыки имѣло для Дингли мало значенія: его воображеніе вдохновлялось шумомъ. Когда онъ только что начиналъ свою литературную дѣятельность, онъ нанялъ себѣ комнату въ одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, чтобы слышать шумъ омнибусовъ, катившихся по мостовой. Въ Тиролѣ онъ устроился въ отелѣ близъ лѣсопильни, шумъ которой сливался съ журчаніемъ воды, падавшей съ мельничнаго колеса. Въ Каирѣ онъ платилъ большія деньги суданскому негритенку, взятому въ плѣнъ побѣдоноснымъ войскомъ Магди, за то, что тотъ пѣлъ ему безконечныя пѣсни, аккомпанируя себѣ на особаго рода трехструнной лирѣ. Онъ писалъ тогда знаменитую исторію Магараджи, получившаго воспитаніе въ Оксфордѣ, и въ концѣ-концовъ сознавшаго, что онъ никогда не будетъ счастливъ, ибо счастіе европейцевъ не для него, а счастіе индусовъ стало ему уже чуждымъ. Дингли посадилъ негритенка на циновку у своего письменнаго стола, и описывалъ тоску своего индуса въ поискахъ собственной души, между тѣмъ какъ негръ, съ головой, повязанной окровавле нымъ тюрбаномъ, цѣлыми часами воспѣвалъ военные или любовн подвиги; на улицѣ кричали продавцы лимонаду, а погонщики муло оглашали воздухъ проклятіями, осыпая ударами своихъ животных Жена Дингли, плохая музыкантша, замѣнила ему теперь омнибус мельницу, лѣсопильню и негра.

Дингли остановился въ томъ мѣстѣ своего романа, гдѣ его ге

на бортѣ корабля увозятъ въ Африку. Но такъ какъ Дингли былъ плохо знакомъ съ условіями и обстановкой, въ которыхъ перевозили солдатъ по океану, то въ Санта-Круцъ-де-Тенериффа, гдѣ пароходъ стоялъ нѣсколько часовъ, онъ посѣтилъ одно такое транспортное судно, на которомъ Англія перевозила боевые и съѣстные припасы, солдатъ и лошадей.

Пространство, гдѣ помѣщались солдаты, издавало запахъ лошадинаго навоза, человѣчьяго пота, кухни и разсола. Солдаты были сбиты въ кучу, одни лежали, другіе стояли, нѣкоторые пѣли, другіе курили, но большинство были безмолвны и неподвижны. Въ одномъ углу нѣсколько человѣкъ упражнялись въ борьбѣ, булочникъ черпалъ воду въ отхожемъ мѣстѣ.

— Сколько ихъ?—спросилъ Дингли.

— Полторы тысячи,—отвѣчалъ капитанъ.

— Полторы тысячи!—повторилъ романистъ, пораженный.

Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ съ трудомъ могли бы помѣститься триста человѣкъ.

Онъ обошелъ всѣ помѣщенія этого дорожнаго ада, начиная съ палубы и кончая трюмомъ, гдѣ подстилки для лошадей и муловъ отдѣлялись низенькой загородкой отъ соломенныхъ тюфяковъ, на которыхъ спали люди. Дингли ощутилъ грусть при видѣ того, что эта толпа англійскихъ солдатъ, подобно всякой другой человѣческой толпѣ, была вслѣдствіе такого неудобнаго размѣщенія сведена на положеніе животныхъ. Онъ думалъ, что его соотечественники стоятъ въ этомъ отношеніи выше прочихъ народовъ міра. Однимъ изъ предметовъ его патріотической гордости была мысль, что среди другихъ армій одна лишь англійская состоитъ изъ свободныхъ и чистоплотныхъ людей. Но напрасно искалъ онъ сейчасъ на этихъ блѣдныхъ лицахъ выраженія отваги и радости; онъ читалъ въ нихъ только одно тоскливое отчаяніе, свойственное глазамъ животныхъ, запертыхъ въ клѣтку; это выраженіе сильнѣе, чѣмъ всякое иное зрѣлище, трогало его всегда въ звѣринцахъ.

Подавивъ въ себѣ отвращеніе, онъ поднялся въ салонъ, гдѣ беретовые офицеры, устроившіе въ честь писателя пуншъ, встрѣтили
о съ тѣмъ восторгомъ, какой онъ возбуждалъ во всѣхъ англичанахъ.

Какъ только онъ появился, одинъ изъ капитановъ поднялъ свой
аканъ:

— Господа, здоровье королевы!

Дингли отвѣтилъ:

— Здоровье королевы! Богъ да хранитъ королеву!

Дингли покинулъ корабль среди восторженныхъ восклицаній. Солдаты, услыхавъ его имя, протискались къ борту, чтобы увидѣть его, и вдругъ грянули воинственную пѣснь его сочиненія. Успѣхъ ни одной изъ книгъ романиста не внушилъ ему такого глубокаго чувства гордости: люди отправлялись на смерть, съ его пѣснью на устахъ! Про себя, сжавъ зубы, онъ повторялъ припѣвъ:

Англія, темная скала,
Мѣсто отдыха для усталыхъ птицъ,
Рубинъ въ серебряныхъ волнахъ, неприступное гнѣздо
Сильнѣйшаго народа среди людей...

Пѣсня стлалась по морю, словно крылья гигантской птицы; она вырывалась изъ груди этихъ молодцовъ такими полными, такими сильными звуками, что казалась импровизаціей самихъ солдатъ и моряковъ. Онъ припомнилъ минуту, когда ему запала идея этой пѣсни, мѣсто, гдѣ она была имъ написана, и усилія, которыхъ она ему стоила. Онъ забылъ всю грязь, безпокойство, мрачную тоску и болѣзни, которыя этотъ корабль везъ на себѣ черезъ океаны, отъ Портсмута до Капштадта, и вернулся на пароходъ, съ соломинками въ волосахъ, съ ботинками, запачканными навозомъ, но опьяненный мыслью, что его искусство подняло на минуту упавшее въ людяхъ мужество, и что онъ оказался сильнѣе нужды и страха смерти.

— Вообразите себѣ,—говорилъ онъ женѣ, которую засталъ въ каютѣ,—полторы тысячи человѣкъ въ грязной ямѣ, въ повалку, вмѣстѣ съ лошадьми и съ мулами, отупѣвшихъ отъ этого переѣзда. Когда я уходилъ, все это пробудилось и запѣло одну изъ моихъ пѣсенъ. Вы здѣсь ничего не слыхали?

— Нѣтъ, ничего не слыхала.

Онъ былъ раздосадованъ тѣмъ, что доказательство его славы не одолѣло пространства въ двѣсти ярдовъ...

Дингли любилъ изображать своихъ соотечественниковъ физически чистоплотными; ему трудно было представить ихъ въ грязи трюма, плохо питаемыхъ, угнетенныхъ, болѣе похожихъ на Ла-Платскихъ барановъ, отправляемыхъ въ Буэносъ-Айресъ, чѣмъ на побѣдителе... Изо всѣхъ животныхъ, человѣкъ, запертый въ стойло, какъ скот на, распространяетъ самый отвратительный запахъ. Романистъ л малъ голову, придумывая сцены, въ которыхъ его герой оказался б выше своего жребія, но ничего не могъ придумать. Чтобы прерва заколдованный рядъ этихъ бѣлыхъ страницъ, раскрытыхъ пере нимъ, Дингли прибѣгъ къ обычной своей вдохновительницѣ, инд

ской дѣвушкѣ, встрѣченной имъ лѣтъ десять тому назадъ въ одной курильнѣ опіума подъ вывѣской: *Врата ста тысячъ мукъ*. Тамъ она набивала посѣтителямъ трубки. Она знала множество сказаній о богахъ и герояхъ индійскихъ легендъ; нѣкоторыя изъ лучшихъ сказокъ романиста были не болѣе какъ транскрипціями разсказовъ этой дѣвушки, съ неподвижнымъ взоромъ. Она, какъ рабыня, привязалась къ Дингли, къ его женѣ и къ Арчи. Романистъ говорилъ съ нею всегда съ такими церемоніями, словно обращался къ индійской Шехеразадѣ. Она была для него живою легендой и наиболѣе родственною ему по духу изо всѣхъ людей, имъ когда-либо встрѣченныхъ.

Для ея одежды не существовало достаточно цѣнныхъ и рѣдкихъ матерій. Дингли выбиралъ сй самыя необыкновенныя ткани; созданныя фантазіей японскихъ, индусскихъ и ліонскихъ ткачей, широкіе четырехугольные куски матеріи, которыми она окутывала свой станъ. Складки этихъ легкихъ шелковъ, въ которые она драпировалась, согласно вѣковымъ индійскимъ обычаямъ, располагались каждый разъ по иному. Большіе пальцы ея ногъ, продѣтые въ кожаное кольцо, поддерживали узкія деревянныя сандаліи. Ея волосы, подобранные узломъ на затылкѣ, блестѣли подъ золотой сѣткой, а на вискахъ висѣли двѣ широкія серебряныя пластинки тонкой работы.

— Знаешь ли ты,—спросилъ ее Дингли,—исторію канала Амритзара?

— Да, господинъ. Это я тебѣ ее разсказывала много лѣтъ тому назадъ, еще до рожденія Арчи.

— Помню, это было въ Калькуттѣ, въ курильнѣ.

— Да, это было тамъ,—прервала она его съ живостью, такъ какъ не любила вспоминать грязнаго трактира, гдѣ прислуживала грубымъ посѣтителямъ.—Помнишь ли ты Чамбу близъ Амритзара?

Романистъ тотчасъ же увидѣлъ передъ собою долину, раскаленную солнцемъ, у подножія Гималайскихъ горъ.

— Однажды въ этой странѣ былъ такой голодъ, что почти всѣ женщины и дѣти погибли. Тогда рѣшили построить каналъ, который ты видѣлъ, чтобы отвести воду съ горъ въ долину Чамба.

— Каналъ, осѣненный высокими деревьми?

— Да; къ концу двухъ лѣтъ каналъ былъ прорытъ. Но вода изъ озеръ, зачарованныхъ драконами, не хотѣла стекать въ каналъ. Засуха была ужасная, и грозилъ голодъ. Браманы такъ усердно молились геніямъ дождя, что послѣдніе открыли, на какихъ условіяхъ они позволятъ водѣ стекать въ каналъ Чамбы. Они потребовали, чтобы красавица Гарибакти, дочь царя, прошла по берегу канала совершен-

но нагая вплоть до озеръ, гдѣ она должна была отдаться ихъ царю. Жрецы долго не рѣшались предстать царю Джеангиру.

Дингли, подперевъ подбородокъ руками и облокотившись на колѣна, смотрѣлъ на индусскую дѣвушку, сидѣвшую прямо, съ вытянутыми вдоль боковъ руками, въ позѣ древней богини.

— Три дня и три ночи браманы не рѣшались выполнить возложеннаго на нихъ порученія, и у нихъ никогда не хватило бы мужества, если бы взбунтовавшійся народъ не заставилъ бы ихъ выполнить это. Они вышли, съ великимъ жрецомъ во главѣ, и направились ко дворцу, опустивъ голову, словно люди, которыхъ ведутъ на казнь. Царь принялъ ихъ во внутреннемъ дворѣ своего дворца, въ тихомъ дворѣ, на которомъ смолкли всѣ фонтаны.

— Господинъ,—сказалъ первый изъ брамановъ,—драконы требуютъ, чтобы твоя дочь красавица Гарибакти поднялась по каналу вплоть до озеръ... Джеангиръ нахмурилъ брови.

— Совсѣмъ нагая.

Царь всталъ съ своего трона.

— На глазахъ у всего народа.

— Никогда!—воскликнулъ царь.

— Слушай,—сказалъ браманъ,—ты еще не все выслушалъ.

— Чего они требуютъ еще?—спросилъ Джеангиръ.

— Они хотятъ, чтобы она погрузилась на дно озера, гдѣ ее ждетъ царь дождей.

Въ отчаяніи царь поднялъ глаза къ небу, въ надеждѣ увидѣть какое-нибудь облачко, идущее съ запада. Но небо оставалось синимъ, а голодъ продолжалъ опустошать страну. Народъ принудилъ Джеангира, какъ заставилъ брамановъ. Царь долженъ былъ объяснить дочери, чего требовали отъ нея драконы. Прекрасная Гарибакти сидѣла со своими женщинами въ единственномъ дворцовомъ дворикѣ, гдѣ еще журчалъ одинъ фонтанъ. Она сдѣлалась краснѣе шелка, покрывавшаго ея плечи, когда услыхала, что должна пройти нагая на глазахъ у всего народа; она побѣлѣла, какъ мраморъ ея трона, когда узнала, что должна спуститься на дно озера къ царю дождей.

Дингли слушалъ эту сказку, какъ слушалъ многія сказки, въ качествѣ положительнаго поэта, для котораго всякое новое слово ест. добыча.

— Царь Джеангиръ живъ до сихъ поръ,—сказалъ онъ,—и люди разучились узнавать себя въ герояхъ легендъ. Джеангиръ живетъ въ мелкомъ англійскомъ чиновникѣ, умирающемъ отъ скуки на своемъ невѣдомомъ посту въ глубинѣ Рогильканда или Синда. Палящее солнце жжетъ крышу на его домѣ; онъ постоянно высматрив-

етъ, не покажется ли на небѣ облачко, между тѣмъ какъ его дочь дрожитъ отъ лихорадки и глотаетъ хининъ. Ничто не можетъ излѣчить ея болѣзни (такъ сказали врачи), кромѣ влажнаго воздуха возвышенностей Симлы или Даржилинга (гдѣ ее ожидаетъ царь водъ)— въ огромныхъ отеляхъ Гималайскихъ горъ.

Пока воображеніе романиста устанавливало такимъ образомъ связь между прошедшимъ и настоящимъ, часовой на мачтѣ, смотрѣвшій впередъ, заявилъ о военной эскадрѣ, плывшей на югъ. Покинувъ тотчасъ же индусскую дѣвушку, Дингли вмѣшался въ толпу пассажировъ, смотрѣвшихъ съ носа корабля на проявленіе британскаго могущества — на двадцать кораблей-громадъ, казавшихся издали букашками,—носителей Англіи и ея удачъ.

Трудно было на такомъ маломъ пространствѣ соединить столько моральной и матеріальной силы: Дингли зналъ, что на каждой изъ этихъ маленькихъ, черныхъ точекъ было столько-то людей, столько-то пушекъ; все было строго обдумано; начиная съ командира и кончая послѣднею заклепкою, и предметы, и люди словно слились въ одно цѣлое; начиная съ торпедныхъ лодокъ, двигавшихся впереди, какъ сяжки насѣкомаго, и кончая крейсеромъ, замыкавшимъ шествіе, эскадра составляла какъ бы одно тѣло; пространство, раздѣлявшее корабли, словно входило также въ ея существованіе; сигналы и телеграфъ объединяли между собою движенія ея членовъ, она подвигалась впередъ вся цѣликомъ, словно чудовище, одаренное разумомъ. Дингли зналъ, что по всѣмъ океанамъ плавали подобныя же эскадры изъ крейсеровъ и броненосцевъ,—сторожевые псы Британской имперіи, внушавшіе міру уваженіе къ самому смиренному изъ англійскихъ гражданъ.

Но созерцая эту картину, онъ гордился особенно тѣмъ, что когда-нибудь ему удастся вызвать образы, съ помощью которыхъ онъ внушитъ обитателямъ суши, которые будутъ читать его вечеромъ, въ деревенской глуши, или въ тиши какого-нибудь предмѣстья,—все величіе этого зрѣлища. Онъ нарисуетъ океанъ, словно натянутый ткацкій станокъ, по которому снуютъ корабли, какъ челноки, ткущіе основу Имперіи; онъ нарисуетъ военный флотъ—ядро человѣческой воли и могущества, скользящій по поверхности водъ. Отъ такихъ разска-овъ его соотечественники задрожатъ, какъ телеграфные столбы при рохожденіи тока. Онъ заставитъ ихъ гордиться тѣмъ, что они— рвый народъ въ мірѣ, что они переживаютъ минуту, никогда и ни-мъ еще не испытанную. Въ этотъ вечеръ на носу этого корабля ъ самъ казался себѣ караульщикомъ на посту времени и не могъ азать, чему онъ радовался больше, могуществу ли своей родины, ч своей собственной силѣ и власти.

Островокъ св. Елены, голыя скалы и искривленныя деревца котораго показались нѣсколько дней спустя, не тронулъ его. Что могло сказать ему это узкое плоскогорье, послѣдній пріютъ побѣжденнаго героя? Планы Наполеона были ограничены; онъ расширилъ свою кратковременную власть на нѣсколько сотъ миль по Европѣ; его честолюбіе не превышало честолюбія любого итальянскаго кондотьера.

Одинокая скала располагала Дингли къ мечтамъ менѣе, чѣмъ гробница Дизраэли въ Вестминстерѣ или скрипъ того стула, на которомъ однажды сидѣлъ отяжелѣвшій отъ нездороваго жира Сесиль Родсъ и обсуждалъ въ его присутствіи планъ желѣзной дороги отъ Капштадта до Каира.

Уступы холмовъ, простирающихъ надъ Капштадтомъ свои горизонтальныя линіи, показались надъ моремъ. Пассажиры устремили взоры на эту землю, ароматъ которой они вдыхали еще задолго до той минуты, какъ она показалась. Дингли увидѣлъ, что навстрѣчу ему двигалась и Африка. Но мысли, занимавшія его въ эту минуту, лучше сохранились въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Проѣзжая по міру, спроси себя, о, путешественникъ, каково основное правило въ жизни народа, который ты посѣтилъ и безъ котораго онъ не въ состояніи жить.

За плоскими вершинами холмовъ, ограничивающихъ Африку, борются два народа, знаешь ли ты, о, путешественникъ?

Одинъ изъ нихъ гордится своимъ невѣжествомъ и своею грубостью, негостепріимствомъ, непросвѣщенный и ханжескій. Онъ живетъ на своихъ обширныхъ равнинахъ, среди своихъ стадъ, едва ли болѣе дикихъ, чѣмъ онъ самъ. Отнимите у него лошадей и быковъ, и тогда у него не останется цѣли въ жизни.

Другой народъ—счастливѣйшій въ мірѣ. Отнимите у него всѣ богатства и этимъ вы его не разорите. Но если вы отнимете у него *возможность дѣйствія* и *грезы,*—то пусть оборвутся канаты якоря, на которыхъ держится въ глубинѣ водъ зеленая Англія; пусть островъ будетъ снесенъ вѣтромъ и пусть океанъ поглотитъ его въ своихъ волнахъ. Намъ останется тогда только умереть».

II.

Дингли на берегу моря, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Капштадта, нанялъ для жены виллу Доссиклипъ, утопавшую въ зелени и цвѣтахъ, которыми такъ богата южная оконечность негостепріимной Африки; затѣмъ самъ онъ поспѣшилъ присоединиться къ фронтовой арміи.

Радостный отъѣздъ! Онъ напоминалъ писателю лучшія времена его юности...

Госпожѣ Дингли трудно было скрыть свою печаль. Она всегда стремилась къ тому, чтобы узы, связывавшія ее съ мужемъ, были легки, чтобы ея присутствіе не тяготило его, и въ то же время старалась быть ему прочною, дружескою опорою, флагомъ, развѣвающимся на плывущемъ кораблѣ. Но она съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе ненавидѣла это любопытство, которое постоянно влекло Дингли къ отвратительнымъ зрѣлищамъ. Она съ ужасомъ взирала на эту профессіональную храбрость, заставлявшую его подвергаться ужаснѣйшему риску изъ-за пріобрѣтенія какого-нибудь мелкаго факта, которымъ онъ потомъ забавлялъ любопытствующую публику. И тайная ревность къ ремеслу, отнимавшему у нея лучшую часть ея мужа, поднималась и росла въ ней съ невѣдомою силой.

Ближайшими сосѣдями ея въ ея одиночествѣ на виллѣ Доссиклипъ были африкандеры, фамилія которыхъ свидѣтельствовала объ ихъ французскомъ происхожденіи. Движимая желаніемъ найти товарища для Арчи, она отправилась къ нимъ, на ихъ ферму Розендааль.

Хозяинъ фермы, Преторіусъ дю-Туа, съ гордою и суровою наружностью кальвиниста, никогда не забывавшій даже среди своихъ лошадей и быковъ того, что онъ былъ министромъ въ капскомъ парламентѣ, принадлежалъ къ тѣмъ голландцамъ, которые рѣшили подчиниться англійскому владычеству. Но мать его, проведшая дѣтство и юность въ телѣгахъ, влекомыхъ двадцатью парами быковъ и преслѣдуемыхъ по пустыннымъ степямъ Оранжевой рѣки и Трансвааля ненасытными побѣдителями, не могла простить ему того, что онъ далъ приручить себя англійскимъ чиновникамъ.

Госпожа дю-Туа почувствовала склонность къ новой сосѣдкѣ отчасти вслѣдствіе ихъ общаго французскаго происхожденія, отчасти же благодаря тому, что за сдержанностью госпожи Дингли она угадывала ея отвращеніе къ этой войнѣ. Она охотно приводила въ Доссиклипъ младшаго изъ своихъ внуковъ. Дѣти своими играми еще болѣе скрѣпили близость обѣихъ женщинъ, и вскорѣ между ними установились тѣ отношенія, которыя часто наблюдаются между людьми совершенно различнаго возраста и тайна которыхъ заключается въ обоюдномъ довѣріи и тяготѣніи другъ къ другу.

Въ Розендаалѣ разыгрывалась въ то время семейная драма. Въ ту минуту, когда разразилась война, старшій сынъ г. дю-Туа оканчивалъ курсъ ученія въ Оксфордѣ, куда онъ поѣхалъ съ цѣлью пріобщиться къ европейской культурѣ. Но при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ молодой человѣкъ почувствовалъ себя въ Оксфордѣ, какъ въ

плѣну. Онъ покинулъ свой Тринитиколледжъ и вопреки желанію отца рѣшилъ пристать къ бурскимъ отрядамъ на сѣверѣ.

Господа Дингли видѣла его всего разъ. Онъ былъ верхомъ и въ этомъ всадникѣ, въ которомъ дикость бура соединялась съ изяществомъ англійскаго юноши, она признала такую гордую силу, что развязка этого семейнаго конфликта показалась ей неизбѣжной. Госпожа дю-Туа воспитала внука на разсказахъ о своей кочевой жизни, но не скрывала своего желанія, чтобы тотъ принялъ участіе въ войнѣ. При этомъ госпожа Дингли убѣдилась въ томъ, насколько душа этой женщины была чужда ея душѣ. Такой пылъ казался ей нечеловѣческимъ. Она смотрѣла на сосѣдку, какъ на явленіе историческое, какъ на пережитокъ старой Европы, какъ на современницу гёзовъ, открывавшихъ шлюзы рѣкъ и затоплявшихъ свою страну, чтобы не присутствовать при вторженіи непріятеля.

Патріотизмъ въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову народы, постоянно угрожаемые непріятелемъ, есть чувство, котораго Англія не знаетъ и которое національная гордость не можетъ замѣнить. Госпожа Дингли не понимала, чтобы можно было пожертвовать сыномъ ради такой смутной идеи, какъ отечество.

Война была кончена, хотя отдѣльныя партизанскія выступленія продолжались. Дингли уже нѣсколько недѣль сопровождалъ колонну генерала Гарланда, преслѣдующую бурскіе отряды.

«Раздраженіе солдатъ противъ невидимаго врага,—писалъ Дингли,—песчаные шквалы, поиски брода, споры кавалеристовъ съ цѣлью узнать по слѣдамъ подковъ, какой полкъ прошелъ по этому мѣсту, прилетъ хищныхъ птицъ, ржаніе коней у привязи, во время схватокъ нарушающихъ однообразіе нашей жизни, удовольствіе созерцать предательски спокойный характеръ мѣстности, съ ея скалами, низкимъ кустарникомъ, серебристымъ чертополохомъ, среди котораго падающая граната поднимаетъ легкое облачко пыли, подобное яблонѣ въ цвѣту: вотъ впечатлѣнія, которыми питается въ настоящую минуту моя жизнь. Мы ѣдемъ верхомъ по каменистымъ степямъ, въ которыхъ священникъ, принадлежащій къ нашему отряду, старается уловить черты библейскаго пейзажа. На протяженіи одного и того же дня южный полюсъ посылаетъ намъ ледяные вѣтры пустыня—знойныя песчаныя бури, тропики—остатки своихъ дождей, а по вечерамъ для нашего развлеченія солнце испускаетъ ослѣпительный фейерверкъ.

Эти переходы по пустынямъ въ теченіе дней, недѣль и мѣсяцевъ имѣютъ свое суровое величіе. Невидимыя сокровища этой страны, по которой золото течетъ, какъ подземная рѣка, придаютъ таинстве-

ный оттѣнокъ ея невыразимо унылому пейзажу. Нѣтъ солдата, который этого не чувствовалъ бы. Но всѣ мы отдали бы золотую жилу за ручей свѣтлой воды!

«Я еще разъ провѣряю, насколько скудны факты, которые можетъ уловить самый внимательный наблюдатель, и я смѣюсь при мысли о томъ, что публика можетъ подумать, что я вырѣзалъ сцены жизни Барра изъ моего опыта подобно тому, какъ провинціальный журналистъ дѣлаетъ ножницами вырѣзки изъ *Times* и *Daily Mail!* Жизнь всегда даетъ только мелкія детали, хотя и неоцѣненныя—и безграничное воображеніе артиста блуждаетъ по мелкимъ ничтожнымъ приключеніямъ.

«Подъ моею каскою и за моими очками, плохо предохраняющими меня отъ пыли, мало-по-малу складывается моя повѣсть. Барръ, сынъ древней торговой націи, подаетъ примѣръ рыцарской храбрости противнику. Бурскіе фермеры имѣютъ непреодолимое отвращеніе къ схваткамъ въ рукопашную, низменный страхъ за свою шкуру, неистовую любовь къ жизни—плоское чувство цивилизованныхъ народовъ, которое въ этихъ варварахъ отталкивающе!

«Романъ, въ которомъ я выведу моего лондонскаго бродягу, послужитъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто въ своихъ произведеніяхъ ищетъ убѣжища отъ тоски англійскихъ воскресныхъ дней; для тѣхъ, кто во время длинныхъ желѣзнодорожныхъ переѣздовъ, не любитъ останавливать свои взоры на мимо бѣгущихъ пейзажахъ; для выздоравливающихъ, утомленныхъ ходьбою по своей комнатѣ; для пятнадцатилѣтнихъ школьниковъ; для тѣхъ, кто хочетъ хотя бы въ своемъ воображеніи вознаградить себя за безцвѣтное существованіе; для тѣхъ, кто по десяти часовъ въ день изнываетъ въ канцеляріяхъ, наблюдаетъ за выставкой товару въ шесть метровъ длиною; для англичанъ, влачащихъ за собою по всѣмъ океанамъ свою тоску и свою энергію. Всѣ они, эти лица, будутъ въ моемъ романѣ упиваться крѣпкимъ виномъ грубой дѣятельности; въ немъ будетъ чувствоваться человѣкъ, въ которомъ пробуждаются первобытные инстинкты—насилія и борьбы, усыпляемые культурною жизнью. Это будетъ пѣснь въ честь отваги и терпѣливой работы. Жизнь будетъ ограничена въ ней стремленіемъ проѣхать извѣстное разстояніе, настичь непріятеля, разбить палатку, спасаясь отъ вѣтра. Смерть не возбудитъ иныхъ чувствъ, кромѣ гордости и сознанія силы. По окончаніи войны, полѣ того, какъ Барръ изъѣздитъ страну во всѣхъ направленіяхъ, преслѣдуя неуловимаго врага, онъ вернется въ Лондонъ облагороженнымъ и побѣдителемъ. Здѣсь, однако, я затрудняюсь. Что я сдѣлаю затѣмъ изъ этого честнаго человѣка? Солдата арміи спасенія,

сторожа городского сада, или же онъ снова вернется въ ту грязь, изъ которой я его вытащилъ? Пусть кончаетъ, какъ знаетъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла! У него будетъ въ жизни нѣсколько свѣтлыхъ минутъ и это уже прекрасно!

«Въ поискахъ такой счастливой минуты пріѣхалъ сюда французскій дворянинъ де Вильбоа-Марель, о смерти котораго мнѣ только что сказали. Онъ пріѣхалъ въ Трансвааль сражаться за бурскія республики, получивъ отвращеніе къ безпорядку, царящему на его родинѣ, и побуждаемый, по слухамъ, къ тому же и несчастною любовью. Его героическая смерть напоминаетъ самоубійство. Во всякомъ случаѣ, это безполезная жертва. Такой типъ авантюриста принадлежитъ еще къ лучшимъ изъ тѣхъ, что порождаются Франціей, но ничего не можетъ быть печальнѣе зрѣлища загубленной силы. Онъ ненавидѣлъ насъ, а между тѣмъ ему приписываютъ сожалѣніе по поводу того, что онъ родился не въ Англіи. У насъ, разумѣется, онъ нашелъ бы себѣ мѣсто и цѣль!

«Какъ вы поживаете? Что подѣлываетъ Арчи? Какъ идутъ дѣла въ Розендаалѣ?»

Госпожа Дингли писала въ отвѣтъ:

«Ваша поѣздка по Вельду, ваше возбужденіе и все, что вы видите и слышите, не могутъ вызвать въ васъ того волненія, которое испытываю я при одномъ ожиданіи писемъ отъ васъ. Я живу напряженнѣе въ моемъ одиночествѣ, чѣмъ вы. Повѣрьте мнѣ, ни одинъ изъ фактовъ, собираніе которыхъ стоитъ вамъ такого труда, не заслуживаетъ улыбки вашего сына, и ваша слава никогда не окупитъ ни одной секунды моего безпокойства. Искусство не можетъ быть сутью, хлѣбомъ насущнымъ жизни; я допускаю, что оно является цвѣтомъ жизни. Часто, когда вы бывали со мною, и когда взоры ваши встрѣчались съ моими, я чувствовала, что вы находитесь на разстояніи тысячъ верстъ отъ меня. Такова участь женъ бродячихъ геніевъ—обладать ими лишь вполовину. Ваша жена и вашъ сынъ, которыхъ вы любите больше всего на свѣтѣ, составляютъ для васъ міръ черезчуръ тѣсный, за предѣлы котораго вы уноситесь вашимъ воображеніемъ. Но на этотъ разъ вы уѣхали на самомъ дѣлѣ... Гдѣ застанетъ васъ это письмо? Вы прочтете его съ радостью и тотчасъ же его позабудете. Вы такъ увѣрены въ своей любви къ намъ, что часто бываете въ намъ небрежны.

«Я только что узнала, что лордъ Китченеръ, съ цѣлью помѣшать снабженію непріятеля съѣстными припасами, задумалъ сжечь всѣ фермы Вельда и устроить для бурскихъ женщинъ и дѣтей обширные лагери. Здѣсь разсказываютъ, что воспаленія кишекъ, тифъ и другія

болѣзни, появляющіяся обычно среди людскихъ массъ, когда у нихъ плохія помѣщенія, дурная пища и недостатокъ въ одеждѣ, производятъ страшныя опустошенія. Мнѣ грустно думать, что вы относитесь къ этому ужасу такъ снисходительно.

«Арчи счастливъ въ паркѣ Доссиклипъ. Маленькій Давидъ дю-Туа, взъерошенный видъ и дикая независимость котораго вамъ понравились бы, является отличнымъ товарищемъ ему.

«Вы хотите знать, чѣмъ окончилась драма въ Розендаалѣ? Скажу вамъ слѣдующее: прошлою ночью Лука дю-Туа вошелъ въ комнату бабушки, съ сапогами въ рукахъ, чтобы никого не разбудить. Изъ того, что я вамъ говорила про эту старуху и про молодого человѣка, вы можете представить себѣ, каково было ихъ прощаніе; самое трогательное зрѣлище однако происходило въ эту минуту, не въ этой комнатѣ, а въ сосѣдней, гдѣ спали почтенный г. дю-Туа и его жена. Услыхавъ, что Лука всталъ, его мать поняла, что онъ уходитъ. Но она и не пошевелилась изъ боязни разбудить мужа, со стороны котораго она опасалась гнѣва и насилія. Дю-Туа ушелъ, какъ воръ, въ сопровожденіи слуги и взявъ съ собою двухъ лучшихъ своихъ лошадей. Спокойствіе его бабушки приводитъ меня въ ужасъ:

«— Богъ справедливъ,—сказала она мнѣ,—Лука не можетъ умереть.»

«Сколько бы вы ни придумывали исторій, способныхъ въ теченіе цѣлаго вѣка занимать воображеніе читателей, одно ваше слово съ извѣстіемъ, что вы возвращаетесь, будетъ для меня наилучшею изъ сказокъ».

Едва окончивъ это письмо, госпожа Дингли была отвлечена отъ тѣхъ заботъ, о которыхъ она въ немъ писала, болѣе серьезнымъ безпокойствомъ.

Шестнадцать мѣсяцевъ войны и болѣзней заразили южную Африку. Арчи заболѣлъ одною изъ тѣхъ лихорадокъ, которыя въ областяхъ Ваала и Оранжевой рѣки уносили массу жертвъ среди дѣтскаго населенія.

Госпожа Дингли тотчасъ же телеграфировала мужу, прося его пріѣхать; но никто не зналъ, какого пути держалась колонна генерала Гарланда, и ея депеши оставались безъ отвѣта.

Невозможно описать словами отчаяніе госпожи Дингли въ этой чуждой странѣ, среди чуждой обстановки, гдѣ ничто не проявляло къ ней того дружескаго участія, которое выказываютъ намъ въ минуту горя наши постоянныя жилища. Видъ знакомыхъ предметовъ, порядокъ которыхъ не нарушенъ нашими страданіями, словно внушаетъ

намъ увѣренность въ томъ, что жизнь наша защищена отъ перемѣнъ; но подъ случайнымъ ковромъ общество этихъ предметовъ насъ не успокаиваетъ.

Обѣ дамы дю-Туа осыпали ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ; но госпожа Дингли не могла отдѣлаться отъ чувства, заставлявшаго ее ненавидѣть въ этихъ женщинахъ тотъ народъ, который она винила въ своемъ несчастіи, и ихъ присутствіе становилось для нея тягостнымъ.

Она чувствовала, что разсудокъ мутился въ ней при мысли о томъ, что Арчи могъ умереть ранѣе, чѣмъ его отецъ даже узнаетъ о болѣзни сына. Мысль о томъ, что онъ въ эту минуту беззаботно путешествуетъ по Вельду, что онъ счастливъ и что разстояніе, трудность сообщеній, перерѣзанныя телеграфныя проволоки, пустынныя пространства, неизвѣстность въ передвиженіяхъ войскъ,—все соединилось, чтобы поддерживать это ужасное счастье—только усиливало ея отчаяніе.

Наконецъ, отъ Дингли пришло письмо.

«Представьте себѣ рядъ холмовъ амфитеатромъ,—писалъ Дингли;—на эти холмы поставьте солдатъ и пушки; въ этомъ гигантскомъ полукругѣ замкнуты быки, лошади и люди. Деветъ со своимъ отрядомъ. Уже трое сутокъ королевскій беркширскій полкъ, камерунскіе горцы, сѣрые шотландцы, бригада Гарланда, легкая пѣхота герцога Корнуэльскаго гнали его, съ его солдатами, къ горному проходу, узкому, какъ горлышко бутылки, надъ которымъ господствовали двѣ возвышенности, подобныя пасти щипцовъ. Я стоялъ высоко, чтобы лучше видѣть, какъ богъ на облакѣ, поверхъ цѣлаго ряда шрапнелей и густого дыма, поднимавшагося надъ Вельдомъ, на которомъ непріятель зажегъ траву. Я ждалъ минуты, когда обезумѣвшая толпа людей и животныхъ наткнется на колючую проволоку, растянутую между холмами наподобіе стальной сѣти. Представьте себѣ волну, разбивающуюся въ брызги о подводный камень! Однако, эта волна не разбилась. Къ вечеру Деветъ зажегъ соломенные факелы, прикрѣпленные къ хвостамъ быковъ, которые ринулись на протянутую проволоку, вырвали и унесли ее, вмѣстѣ съ кольями. Вслѣдъ за быками прошелъ и весь отрядъ! Великолѣпное зрѣлище! Вашъ другъ Тиберъ въ восторгѣ. Онъ снялъ нѣсколько чудесныхъ фотографій, столь же драматическихъ, сколь и интересныхъ съ научной точки зрѣнія: гранату, падающую и разгоняющую толпу солдатъ, шрапнель, разрывающуюся надъ повозкою съ припасами, лошадь, разорванную картечью. Никогда еще не удавалось представить въ столь ужасномъ видѣ людей и животныхъ, застывшихъ отъ ужаса или разсыпаю-

щихся во всѣ стороны. Бѣдный малый былъ въ отчаяніи, что ему пришлось сфотографировать однихъ только англичанъ, такъ какъ непріятель не подпускалъ къ себѣ близко, и сожалѣлъ, что не присутствовалъ ни при одной картинѣ общаго бѣгства, которому предается обезумѣвшая толпа людей; такія картины для любителя изобилуютъ трагическими неожиданными и невообразимыми положеніями! На этотъ разъ онъ былъ все же удовлетворенъ и могъ не безъ основанія хвалиться, посылая на-дняхъ клише въ свои газеты, тѣмъ, что отправляетъ на родину войну. Благодаря ему, послѣдній лавочникъ Лондона, Парижа или Нью-Йорка получитъ вѣрное представленіе о здѣшней войнѣ.

«Бѣдные писатели! фотографы составляютъ имъ опасную конкуренцію! Самая живописная фраза менѣе выразительна, нежели копеечная картинка! Неужели намъ придется обратиться къ психологическимъ романамъ, описаніямъ французскихъ адюльтеровъ и къ славянскимъ нравоученіямъ? Боже сохрани! Я собралъ также нѣкоторыя черты, слова, умолчанія и дѣйствія, которыя не могутъ быть воспроизведены никакою фотографіей.

«Барръ поживаетъ хорошо. Онъ разрушаетъ фермы, но милостивъ къ женщинамъ и дѣтямъ. Война опрощаетъ людей и дѣлаетъ ихъ чище. Онъ чистъ. Я удивляюсь тому старанію, съ которымъ онъ полощется въ лужахъ дождевой воды. Въ своемъ полку онъ пришелъ и къ сознанію той солидарности, которая должна связывать между собою людей. Положительно провидѣніе лондонскихъ бродяхъ представляется мнѣ въ мундирѣ вербовщика.

«Я, такъ же, какъ и вы, въ отчаяніи отъ смертности, царящей среди дѣтей. Но что тутъ подѣлаешь? Если бы главнокомандующій оставилъ ихъ на фермахъ, они умерли бы тамъ съ голоду. Отвѣтственность за пролитую кровь падаетъ на тѣхъ, кто съ какимъ-то тупымъ упрямствомъ желаетъ продолжать эту войну. Всякій уцѣлѣвшій домъ служилъ бы убѣжищемъ и оплотомъ для непріятеля. Скажите Арчи, что я привезу ему бурскій кнутъ, длиною въ девять футовъ, и капсули изъ-подъ картечи».

Наступалъ вечеръ и часъ, когда у ребенка усиливался жаръ. Арчи, заснувшій было, раскрылъ глаза, взглянулъ на мать и, увидѣвъ у ней въ рукахъ письмо, спросилъ съ радостнымъ движеніемъ: письмо отъ отца? Онъ пожелалъ узнать тотчасъ же, о чемъ пишетъ отецъ. Супруга Дингли прочла ему письмо вслухъ, но не могла дочитать его до конца; рыданія подступили къ горлу; только женщина, знающая, что мужъ ея сидитъ за игорнымъ столомъ, въ то время какъ она сидрствуетъ надъ больнымъ ребенкомъ, знаетъ подобное отчаяніе!...

Памятный вечеръ!... Солдаты разбивали палатки на ночь. Опрокинутый локомотивъ, съ потемнѣвшими мѣдными частями, съ проломленною грудью и погасшими фонарями, вызывалъ въ Дингли желаніе вылить въ слова всю силу и напряженность жизни, кипѣвшей нѣкогда въ этомъ гигантѣ, и грезы, которыя снились въ эту минуту, на насыпи, храброму воину, рожденному въ мастерскихъ Ливерпуля и раненому на смерть подъ созвѣздіемъ Южнаго креста, на службѣ королевѣ и отечеству. Буры—(какъ муравьи, объѣдающіе кость)—очистившіе эти опрокинутые вдоль разрушеннаго пути вагоны отъ съѣстныхъ и воинскихъ припасовъ, оставили нетронутымъ лишь одинъ ненужный грузъ: письма, которыя по песку и шпаламъ разсыпались изъ прорванныхъ мѣшковъ. Концомъ своей тросточки Дингли потрогивалъ эти разбросанныя письма, на которыхъ виднѣлись почтовыя марки Англіи, Канады, Австраліи, Новой Зеландіи, Индіи, Тасманіи, Сингапура, Египта и другихъ странъ, гдѣ у Англіи есть колонисты и защитники. Онъ поднялъ наугадъ одно письмо; оно было изъ Лондона; въ опредѣленный день и часъ его бросили въ городской почтовый ящикъ; адресъ былъ написанъ нетвердымъ почеркомъ, зелеными чернилами. Дингли сказалъ себѣ: «Я сейчасъ узнаю, какъ въ настоящую минуту выражаютъ свою тревогу мои соотечественники. Если это письмо мнѣ ничего не откроетъ, то ихъ здѣсь десятки, сотни, тысячи, и въ какомъ-нибудь изъ нихъ я навѣрное найду такое глубоко-человѣчное слово, что люди, читая меня потомъ, подумаютъ: «гдѣ это Дингли нашелъ эту мысль? Этого не сочинишь». Но когда, разорвавъ конвертъ, онъ прочелъ: «мой дорогой Дикъ», то его охватили угрызенія совѣсти, и онъ не сталъ читать дальше.

Пройдя часть бивуака, занятую плѣнными,—женщинами и дѣтьми, захваченными отрядомъ въ разрушенныхъ фермахъ,—Дингли вернулся къ развалинамъ дома, въ которомъ офицеры откупоривали ножами коробки съ консервами. Одинъ поручикъ наигрывалъ шотландскую балладу на фортепіано,—которое не успѣли вывезти его прежніе владѣльцы и которое, стоя на выжженной травѣ, еще сильнѣе обвалившихся стѣнъ и опрокинутаго локомотива говорило объ ужасахъ войны. «Ты намъ вѣчно памятна, зеленая Шотландія», наигрывалъ поручикъ.

Народныя мелодіи, напѣваемыя вполголоса, подъ аккомпанементъ простыхъ и трогательныхъ звуковъ аккордеона, раздавались вокругъ костровъ. Ночь, спускавшаяся надъ этою равниною, представляла картину, которая никого не трогала и которая была бы навсегда утрачена, если бы ее не восприялъ своими взорами Дингли.

Развѣ люди, склоненные въ кофейняхъ Европы надъ иллюстри

рованными газетами, могли представить себѣ тишину этого бивуака, безхитростную отраду дисциплины и порядка? Ни одна забота не омрачала юности этихъ людей. Ихъ не губили здѣсь ни сырость большихъ городовъ, ни отправленіе рабскихъ обязанностей. Что могли бы дѣлать сейчасъ въ Лондонѣ эти свободные люди? Ожидать у дверей ночлежнаго дома права переночевать за копейку въ самой ужасной обстановкѣ, наблюдать за какою-нибудь машиною, подсчитывать ряды цифръ, пьянствовать въ трактирѣ, гоняться за сомнительною и опасною любовью? Гдѣ съ такимъ спокойствіемъ курили бы они свои трубки? Гдѣ съ большею безпечностью осушали бы свой стаканъ водки? Что могли взамѣнъ всего этого предложить имъ тупоголовые проповѣдники мира, оплакивающіе ихъ судьбу? Эти люди жили здѣсь самою естественною жизнью, не замѣчая мимо бѣгущихъ часовъ, подобно тому племени индусовъ, у котораго существуетъ одно лишь слово для обозначенія и вчерашняго, и сегодняшняго, и завтрашняго дня. На разсвѣтѣ они уйдутъ, оставивъ послѣ себя лишь нѣсколько почернѣвшихъ камней.

Въ эту именно минуту, среди этого бивуака Дингли былъ сраженъ, какъ пулею, вѣстью, не имѣвшею никакого отношенія къ судьбамъ имперіи и не могшею вызвать въ отдѣльныхъ частяхъ ея никакого волненія: его сынъ боленъ, жена зоветъ его пріѣхать на бе́регъ моря.

Тогда, среди этихъ пустынь и этой ночи, ему представилась и все заслонила собою свѣча, зажженная у изголовья дѣтской постели.

Безконечныя пространства Оранжевой республики,—владѣнія колонистовъ, золотыя жилы, поля алмазовъ, будущіе города—все превратилось вдругъ лишь въ пространство, которое нужно было во что бы то ни стало перемахнуть.

Двадцать разъ, стоя у разрушенной желѣзной дороги, къ которой онъ вернулся, привлекаемый этими рельсами, убѣгавшими на югъ, Дингли снова и снова высчитывалъ часы, отдѣлявшіе его отъ морского берега... Безсмысленное занятіе, въ виду того, что онъ былъ во власти всевозможныхъ случайностей, связанныхъ съ войною!...

Станція Клипсдрифтъ находилась въ разстояніи двадцати миль. Въ надеждѣ захватить тамъ на разсвѣтѣ поѣздъ, Дингли приказалъ осѣдлать рыжую, кривую, безхвостую лошадь, сбѣжавшую отъ буровъ и проданную ему однимъ кавалеристомъ,—и простился съ офицерами, удивленными столь неожиданнымъ отъѣздомъ; ни одинъ изъ нихъ, однако, не измѣнилъ своей сдержанности (которую романистъ почиталъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ качествъ своей расы) и не

побезпокоился узнать, по какой причинѣ Дингли покидаетъ колонну. Начальникъ предложилъ ему проводника, но Дингли отъ него отказался.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—павшія лошади указываютъ дорогу.

Созвѣздіе Южнаго креста, блиставшее на небѣ, освѣщало огромную равнину, безъ единаго дерева, безъ кустика, изборожденную песчаными дюнами, едва достигавшими человѣческаго роста, и придававшими ей видъ моря, съ застывшими волнами. Путь, по которому онъ направлялся и по которому проходили безконечныя колонны солдатъ и обозы, былъ усѣянъ павшими животными. Среди нихъ нѣкоторыя были еще живы. При проѣздѣ всадника они поднимали головы и ржали, или вставали на ноги, и съ развѣвавшейся по вѣтру гривой бѣжали растерянно впередъ, чтобы упасть нѣсколькими шагами далѣе; красноватые огни, надъ которыми въ теченіе нѣкотораго времени стоялъ густой дымъ, указывали мѣста бивуаковъ, а затѣмъ гасли...

Человѣкъ, котораго случай заставилъ родиться и жить постоянно въ деревнѣ, и которому пришлось внезапно бѣжать въ городъ ночью за докторомъ, пойметъ состояніе Дингли во время его путешествія черезъ Вельдъ. Онъ ѣхалъ, погруженный въ свою тревогу, подобно человѣку, охраняющему отъ сильнаго вѣтра пламя фонаря. Никогда не приходило ему въ голову, чтобы эта война могла оказать вліяніе на его собственную жизнь; онъ велъ съ судьбою игру, въ которой всегда выигрывалъ, и приписывалъ постоянство своего счастія своей энергіи, убѣжденный въ томъ, что твердыя намѣренія гораздо прочнѣе внезапныхъ рѣшеній. Судьба ничего не могла подѣлать противъ него, поэтому она плутовала, нападая на его сына.

Лошадь Дингли, свернувъ съ проложеннаго слѣда, брела по волѣ случая. Вдругъ она остановилась. Дингли сошелъ на землю; взрытая почва уходила подъ его ногами, сапогъ коснулся лица человѣка, похороненнаго въ землѣ и грязи. Несомнѣнно, здѣсь происходила битва. Нѣсколько минутъ онъ велъ свою лошадь подъ уздцы; ноги его вязли въ землѣ; ему казалось, что онъ наступаетъ на человѣческія головы, на груди, на руки, и что мертвецы хватаютъ его за сапоги.

Могли ли читатели, наслаждавшіеся въ эту минуту его произведеніями, представить его себѣ одиноко блуждающимъ, среди этого хранилища костей, и погоняющимъ разбитую на ноги лошадь? Немало было на свѣтѣ мѣстъ, гдѣ онъ могъ бы найти себѣ въ этотъ вечеръ пріютъ—каюты пароходовъ, совершающихъ рейсы между Европой и Америкой, гостиницы Индіи, его квартира въ Лондонѣ, вилла Дос

сиклипъ, гдѣ жили жена его и больной ребенокъ. Почему самъ онъ находился въ этомъ глухомъ углу? Это объяснялось самою простою логикой, но развѣ логика когда-нибудь что-либо объясняетъ? На ней Дингли построилъ самыя фантастическія изъ своихъ сказокъ. Онъ ясно видѣлъ всю цѣпь событій, приведшихъ его къ этому путешествію, не понимая однако, какъ онъ тутъ очутился; такъ разорившійся купецъ двадцать разъ получаетъ одинъ и тотъ же итогъ, но, несмотря на это, отказывается признать вѣрность своего счета.

На другое утро Дингли узналъ, что въ этомъ мѣстѣ происходила небольшая схватка, и что двое были убиты. Подъ впечатлѣніемъ страха ночью ему представилось, что онъ шлепалъ по кровавой кашѣ, въ то время какъ онъ шелъ по размякшей землѣ.

Онъ снова сѣлъ въ сѣдло; его лошадь насторожила голову, словно прислушиваясь, и понесла его галопомъ къ песчаному холму. На немъ высились одинокія стѣны разрушенной фермы.

— Это ты, Пье-Ретифъ?—спросилъ чей-то голосъ на бурскомъ нарѣчіи.

Страхъ, который охватилъ при этомъ Дингли, напомнилъ ему то чувство, которымъ онъ былъ объятъ, когда, войдя однажды въ туннель для сокращенія пути, увидѣлъ вдругъ передъ собою фонари желѣзнодорожнаго поѣзда. Загипнотизированный огнями локомотива, онъ остановился неподвижно среди дороги, и вагоны, наполненные его соотечественниками, читавшими огромныя, развернутыя газеты, прошли въ нѣсколькихъ дюймахъ разстоянія отъ него. Такъ же замерла его жизнь и сейчасъ, такъ же безконечно тянулись минуты. Онъ вонзилъ шпоры въ бока лошади, которая поднялась на дыбы, и стала на мѣстѣ. Крестьянинъ схватилъ ее за удила, и принявъ Дингли по его костюму за англійскаго офицера на рекогносцировкѣ, отвелъ его въ зданіе фермы, служившее въ эту ночь пріютомъ для бурскаго отряда.

Прислонясь къ стѣнной трещинѣ, тамъ стоялъ молодой человѣкъ и курилъ короткую трубку; онъ предложилъ Дингли, слѣдуя обычаямъ войны, вывернуть карманы.

Малѣйшая игра свѣта и тѣни, которую отбрасывалъ фонарь на стѣны этой развалины, среди которыхъ словно слышался еще шумъ возимой мебели, шорохъ людей, потревоженныхъ среди сна—напоминается романисту такъ же живо, какъ картинки той книги, по которой ребенокъ учится читать; и когда онъ вспоминаетъ фигуру того человѣка, ставшаго его господиномъ, и депешу о болѣзни своего отца, то онъ чувствуетъ все то же униженіе.

Съ тѣхъ далекихъ поръ, когда голоднымъ восемнадцатилѣтнимъ

юношей, Дингли скитался по Лондону и пытался прочесть по глазамъ газетныхъ редакторовъ, дадутъ ли они ему нѣсколько шиллинговъ за сказки, которыя онъ имъ предлагалъ,—съ тѣхъ поръ Дингли ни разу еще не слѣдилъ съ такимъ страхомъ за выраженіемъ человѣческихъ глазъ. Его юношеская ненависть къ покупателямъ рукописей, отъ которыхъ зависѣли его обѣды, пробуждалась въ немъ снова, свѣжая и живучая, и устремлялась на этого врага, державшаго въ своихъ рукахъ его судьбу.

«Онъ знаетъ,—думалъ Дингли,—съ какимъ жаромъ требовалъ я этой войны и какой я драгоцѣнный заложникъ».

Начальникъ поста вернулъ ему бумаги и сказалъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ:

— Я не ожидалъ, что буду имѣть честь принимать у себя сегодня перваго романиста Англіи.

Подобно всѣмъ людямъ, привыкшимъ пользоваться насмѣшкою, Дингли не любилъ, когда это орудіе обращалось противъ него. Та же гордость, которая заставляла его молчать передъ ироническими предложеніями газетныхъ редакторовъ, помѣшала ему отвѣтить и на этотъ разъ.

— Бѣдный Арчи!—прибавилъ молодой человѣкъ, выпуская изъ трубки клубы дыма,—что же это съ нимъ, съ дорогимъ малюткой?

Дингли взглянулъ на него пораженный. Изъ этихъ словъ было видно, что молодой человѣкъ зналъ его сына.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ мое имя. Меня зовутъ Лука дю-Туа. Мой отецъ, живущій въ Розендаалѣ,—ближайшій сосѣдъ госпожи Дингли.

Случалось, что какая-нибудь неожиданность поражала воображеніе романиста съ необыкновенною силою; тогда ему казалось, что онъ пережилъ уже нѣкогда всѣ перипетіи этого событія, по мѣрѣ того, какъ оно развертывалось. Такъ было и въ этотъ вечеръ. Ему показалось, что онъ встрѣчалъ уже этого молодого бура на этой самой фермѣ, каждая трещина которой казалась ему знакомой; голосъ, только что произнесшій имя Арчи, уже касался его слуха, неожиданный, какъ звукъ гонга среди сна; онъ цѣлую вѣчность зналъ, что молодой человѣкъ былъ африкандеръ, подданный королевы и мятежникъ, что онъ обучался въ Оксфордѣ, что отецъ его былъ нѣкогда членомъ Капскаго парламента, и что сынъ пошелъ на войну противъ воли отца. Его воображаемый опытъ не открывалъ ему, однако, какъ кончится это приключеніе. Между тѣмъ, въ ту минуту, когда буръ сказалъ ему: «Вы можете идти спать, вы находитесь въ двухъ часахъ ѣзды отъ Клипсдрифта; васъ проводятъ туда завтра на разсвѣтѣ»,

ему показалось тотчасъ же, что онъ зналъ и это, и что иначе случиться не могло.

Передъ фермою ходилъ взадъ и впередъ часовой. Лежа на голой землѣ, Дингли не спалъ. Ему казалось, что онъ уже не принадлежитъ себѣ, что онъ сталъ отпущенникомъ молодого человѣка, благодаря тому, что провелъ ночь въ этой развалинѣ, плѣнникомъ уснувшихъ крестьянъ, лицъ которыхъ онъ даже не разобралъ. Удивительная тишина, окутывавшая этотъ домъ, не походила на ту тишину, которую онъ наблюдалъ подъ другими небесами. Безъ сомнѣнія, думалъ онъ, звѣзды, будучи такими яркими, увлекали душу въ свое головокружительно-спокойное царство; на самомъ дѣлѣ молчаніе вызывалось его тревогой.

Онъ различалъ неясную фигуру Луки дю-Туа, закутанную въ плащъ, и его грязные сапоги, освѣщенные фонаремъ. Этотъ молодой человѣкъ сжалился надъ нимъ: Дингли не могъ ему этого простить! Дингли всего болѣе ненавидѣлъ жалость и втайнѣ былъ униженъ тѣмъ, что его аресту придали здѣсь такъ мало значенія. А между тѣмъ развѣ существовалъ воинъ, который пользовался бы такимъ вліяніемъ на судьбы Имперіи, какъ онъ? Онъ не хотѣлъ признаться себѣ въ томъ, что только увѣренность въ своемъ отъѣздѣ на другой день допускала эти несвоевременныя размышленія о своей чести.

Онъ заснулъ съ чувствомъ злобы, и по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе углублялся въ сонъ, онъ сдѣлался игрушкой страннаго воспоминанія. Онъ блуждалъ по сельской мѣстности Ирландіи, въ глубинѣ дикой Коннемары. Холмъ и деревья, поднимавшіе на фонѣ сѣраго неба свои черныя вѣтви, растаяли въ отдаленіи, въ сумеркахъ и туманѣ. Онъ отошелъ далеко отъ той гостиницы, въ которой онъ могъ бы сейчасъ пообѣдать, если бы демонъ, толкнувшій его осмотрѣть эти мѣста, не завелъ бы его подъ проливной дождь. Не видно было ни неба, ни земли, не слышно было никакого шума. Онъ упалъ бы въ эту грязь, если бы не былъ увѣренъ въ томъ, что когда-нибудь, подъ солнечнымъ небомъ, воспоминаніе объ этомъ путешествіи черезъ залитыя водой пустыни не сожметъ ему сердце тоскливымъ желаніемъ пріѣхать еще разъ въ Ирландію, чтобы помокнуть по поясъ подъ ливнями. Къ счастью, навстрѣчу ему случайно ѣхалъ фермеръ, остановившійся у края дороги съ тѣмъ, чтобы починить при свѣтѣ фонаря свой испортившійся велосипедъ. Дингли былъ внезапно перенесенъ въ домъ крестьянина, въ которомъ было всего двѣ кровати: одна принадлежала ему, а другая—его дочерямъ. Фермеръ заставилъ дочерей подняться. Дингли легъ въ ихъ теплыя простыни. Дождь лилъ,

не переставая, и стучалъ по крышѣ. Сквозь досчатую перегородку ему слышался заглушаемый смѣхъ дѣвушекъ. Онъ засыпалъ подъ звуки ихъ голосовъ и согрѣваемый тепломъ ихъ тѣлъ.

Едва забрезжилъ разсвѣтъ, какъ всѣ крестьяне были на ногахъ, суетясь вокругъ лошадей. Дингли стоялъ на дворѣ въ глупомъ положеніи праздпаго человѣка среди людей, занятыхъ дѣломъ, и дожидался разрѣшенія уѣхать.

Пятнадцатилѣтній мальчикъ подошелъ къ нему, держа въ поводу двухъ лошадей.

— Вотъ вамъ проводникъ,—сказалъ Лука дю-Туа, подходя къ романисту.

Дингли думалъ о томъ, какъ бы прилично отблагодарить молодого человѣка, и въ концѣ-концовъ сказалъ:

— Я передамъ вашему отцу о томъ, что видѣлъ васъ.

— Безполезно,—отвѣчалъ дю-Туа. — Этимъ вы его не порадуете.

Онъ протянулъ ему руку. Дингли долженъ былъ принять вѣжливость молодого побѣдителя.

Солнце на горизонтѣ имѣло видъ огромнаго золотого шара, стоявшаго надъ Вельдомъ; вдали отрядъ Луки дю-Туа казался стадомъ крысъ, бѣжавшихъ по равнинѣ.

Чувство свободы, радость дня, быстрый бѣгъ лошади—вселили въ Дингли бодрость, и прогнавъ его ночные страхи, заставили исчезнуть и злобу на черезчуръ великодушнаго врага.

«Завидная судьба!—подумалъ онъ.—Этотъ человѣкъ подвергаетъ себя огромному риску. Подданный королевы, и мятежникъ, если онъ будетъ схваченъ, то его повѣсятъ. Вѣсти о войнѣ застигли его въ Тринити-колледжѣ, въ Оксфордѣ. Онъ былъ еще ребенокъ, но эта новость превратила его въ мужа, подобно тому, какъ счастливая капля дождя заставляетъ распускаться почку. Онъ покинулъ друзей, Темзу и игры, Англію, которую онъ безъ сомнѣнія любилъ, какъ всѣ тѣ, кто испыталъ на себѣ ея широкое гостепріимство. Онъ, съ удивительною неблагодарностью, прискакалъ сюда драться. Доброму старому духу Оксфорда онъ предпочелъ грубость крестьянъ своего племени. Въ настоящую минуту онъ испытываетъ противъ насъ всѣ чувства любви и ненависти. И вотъ онъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ разъѣзжаетъ по Вельду, съ англійскою трубкою въ зубахъ, верхомъ на лошади, и съ ружьемъ за плечами. Великолѣпное вступленіе въ жизнь! Онъ молодъ и повелѣваетъ людьми. Это—высшія преимущества. У меня нѣтъ ни того, ни другого. Моя власть надъ людьми чисто духовная, слабая, робкая, результатовъ которой я не

когда не вижу. Какъ ошибаются въ своихъ ожиданіяхъ молоденькіе поручики, которые встрѣчаются мнѣ повсюду, и слушаютъ меня съ такою жадностью! Что я могу имъ сказать? Ихъ жизненный опытъ глубже и богаче моего. Они командуютъ людьми, набранными отовсюду, пришедшими невѣдомо откуда, не могущими предъявить ни документовъ о своей личности, ни справокъ о своей прежней жизни, добрыми и злыми героями, и людьми, испорченными въ конецъ. Неоцѣненный жизненный опытъ!

Отдавшись быстрому бѣгу своей лошади, онъ думалъ о томъ, что, быть можетъ, онъ глупо испортилъ свою жизнь, и что было бы лучше, если бы, презрѣвъ съ раннихъ лѣтъ литературу, онъ сдѣлался однимъ изъ этихъ офицеровъ, молокососовъ, облеченныхъ въ глазахъ людей, надъ которыми они повелѣваютъ, безспорнымъ авторитетомъ, и находящихъ въ своемъ ремеслѣ такое прекрасное оправданіе своей жизни!

— Пріѣхали,—сказалъ проводникъ, останавливая лошадь; и указывая пальцемъ на тощее дерево, походившее на тополь, единственное, которое возвышалось среди этой равнины, онъ прибавилъ: здѣсь нельзя уже заблудиться, направляйтесь къ тому дереву.

Дингли собирался отъѣхать, какъ вдругъ ребенокъ придержалъ за уздцы его лошадь.

— Извините,—сказалъ онъ,—эта лошадь, на которой вы ѣздили, наша.

Дингли взглянулъ на него съ удивленіемъ, не зная, слѣзть ли ему съ лошади, или однимъ ударомъ хлыста заставить мальчика отказаться отъ своего намѣренія; но, поразмыслив надъ тѣмъ, что лошадь эта дѣйствительно ему не принадлежала, онъ слѣзъ съ нея. Ребенокъ повернулъ и быстро ускакалъ съ обѣими лошадьми.

Проводникъ высчитывалъ разстояніе, на манеръ крестьянъ, для которыхъ время—ничто. Дингли шелъ уже три четверти часа по песчаному грунту, а станція Клипсдрифтъ все еще не показывалась; солнце, стоявшее высоко, жгло ему лицо, покрытое потомъ. Въ этой пустынѣ взоръ могъ остановиться только на деревѣ, на обломкѣ рельса, на телеграфныхъ столбахъ и на сверкающей проволокѣ. По этимъ тонкимъ мѣднымъ лучамъ тревога его жены дошла вчера до его сердца. Не дрожали ли онѣ еще для него и сегодня утромъ?... Его душа художника, дикаря и ребенка, оживлявшая всѣ предметы и создававшая ежеминутно свою особую миѳологію, оживила и эти металлическія проволоки. Внутренно онъ пѣлъ имъ хвалебный гимнъ, словно желая расположить ихъ въ свою пользу:

— Тонкіе волосы, металлическіе нервы, лучи свѣта, струны

лиры, звучащей по всему земному шару, золотая арфа, на которой радость и горе наигрываютъ мелодію жизни,—что вы мнѣ готовите?

Свистъ поѣзда, несшагося надъ Вельдомъ, какъ ракета, прервалъ эти размышленія, которыми онъ старался усыпить свою боль. Онъ побѣжалъ лѣтомъ, досадуя на то, что бросилъ свою лошадь и уступилъ движенію глупой честности. Вскорѣ онъ задохнулся и долженъ былъ пойти снова шагомъ. Свистки становились все настойчивѣе, перегоняли другъ друга, какъ ласточки передъ бурей. Дингли поспѣшилъ на ихъ призывъ.

Онъ добрался до края дороги, между двухъ столбовъ, гдѣ лежали спутанныя нити телеграфа: то была надежда на депешу, разбитая сегодня ночью непріятелемъ. Не останавливаясь надъ сожалѣніями, онъ все бѣжалъ по рельсамъ къ локомотиву, блестѣвшему издали на солнцѣ и ржавшему, какъ кобыла на привязи. Весь въ поту, задыхаясь, онъ добѣжалъ наконецъ до станціи и тутъ узналъ, что непріятель взорвалъ мостъ въ десяти верстахъ отъ станціи, и что локомотивъ отправлялся одинъ на развѣдки.

Пріютившись въ тѣни сарая на изломанной повозкѣ, Дингли долженъ былъ ожидать нѣсколько часовъ возвращенія машины. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, несчастнымъ, постарѣвшимъ. Онъ былъ силенъ только своимъ умомъ и властенъ лишь среди людей. За предѣлами городовъ онъ дѣлался безпомощнымъ. Пустыя, безцвѣтныя минуты, когда воображеніе не работало, когда онъ чувствовалъ свою изношенность—испорченные зубы, рѣдѣющіе волосы, увеличивающіяся морщины, убывающія надежды—когда все говорило ему: «Ты побѣжденъ!»... О! Тогда онъ съ ужасомъ обращался мысленно къ своей юности, къ тому лѣту, когда онъ сопровождалъ въ Верхнемъ Египтѣ своего друга, ослѣпшаго рисовальщика; послѣдній, обманувшись въ любви наивной молодой дѣвушки, хотѣлъ еще разъ передъ смертью почувствовать горячее солнце на своемъ темени, а на лицѣ, осѣненномъ каскою,—отражаніе песковъ. Тогда Дингли чувствовалъ себя, словно жеребенокъ, выпущенный на волю. Животныя, люди, города, моря, пустыни жадно пожирались его взорами. Онъ никогда не оставлялъ за собою ни сожалѣнія, ни любви, ни одной частицы своего сердца. Мало-по-малу въ его душѣ установилось какое-то равновѣсіе между тѣмъ, что ему давала и что у него брала любовь. Сначала жена, за тѣмъ сынъ, словно сговорились суживать ежедневно его горизонтъ. Въ этой нѣжной близости его жизнь потеряла свой блескъ жизни искателя приключеній. Чтобы помѣшать этимъ докучливымъ мыслямъ, онъ прибѣгалъ къ умственной гимнастикѣ. Онъ выбиралъ около себя предметъ, долго смотрѣлъ на него и за-

тѣмъ искалъ словъ, въ которыхъ можно было бы передать его внѣшность. На этотъ разъ въ ожиданіи прихода поѣзда онъ принялся наблюдать геометрическія соединенія тѣней на землѣ, усыпанной, какъ алмазами, блестящими осколками угля,—но эти стремленія обыкновенно безсильны обмануть ожиданіе и не приводятъ ни къ чему! Ему казалось, что онъ интересуется формою тѣней; а между тѣмъ онъ зналъ, что онъ къ нимъ равнодушенъ, и что ничто его не интересуетъ, кромѣ его горя.

Но стóитъ ли останавливаться на этихъ болѣзненныхъ выдумкахъ, въ которыхъ искалъ забвенія Дингли до той минуты, когда его умчалъ поѣздъ, вслѣдъ за этимъ тотчасъ же погрузившій его впрочемъ въ отчаяніе своимъ медленнымъ ходомъ?

Насыпь, недавно исправленная, была непрочна. Поѣздъ скользилъ по рельсамъ, какъ плохой рубанокъ по узловатой доскѣ. Иногда онъ останавливался среди поля. Не было ли то нападеніе непріятеля? Вчера еще Дингли почелъ бы себя счастливымъ, если бы на его долю выпало присутствовать при нападеніи на поѣздъ; сегодня онъ былъ самымъ нетерпѣливымъ изъ пассажировъ. Почему поѣздъ остановился? Невозможно догадаться... Приближаясь къ мосту, локомотивъ еще больше замедлялъ свой ходъ: временные пѣшеходные мосты были такъ легки, что поѣздъ, даже со скоростью двадцати миль въ часъ могъ ихъ раздавить. Время отъ времени виднѣлись стѣны разрушенной фермы... То здѣсь, то тамъ—бѣгущія стада животныхъ... Эта страна, по которой писатель путешествовалъ уже нѣсколько недѣль, казалось, ждала того дня, когда онъ будетъ несчастливъ, чтобы раскрыть передъ нимъ весь ужасъ своего опустошенія.

Онъ задремалъ было на кушеткѣ, которая была поставлена ему, благодаря любезности начальника станціи, среди ящиковъ съ припасами, какъ вдругъ его разбудили крики и топотъ. Надъ Вельдомъ стояла ночь, усѣянная звѣздами. У края насыпи солдаты дѣлили между собою патроны; человѣкъ, въ разорванной рубашкѣ, лежалъ на землѣ; всадники, окружавшіе его, горячо бесѣдовали съ вожатымъ поѣзда.

— Что мы съ нимъ подѣлаемъ?

— Что хотите! У меня нѣтъ мѣста! Этому конца не будетъ, если мы будемъ подбирать всѣхъ!

— Но вѣдь онъ не можетъ сидѣть въ сѣдлѣ!

— Посмотрите,—сказалъ тогда одинъ изъ всадниковъ, отводя Дингли въ сторону,—развѣ это не позоръ бросить человѣка въ подобномъ состояніи?

Онъ разсказалъ ему, что они стояли въ двадцати миляхъ отъ

этого мѣста и ѣхали по дѣлу, какъ вдругъ дорогою подверглись обстрѣливанію со стороны буровъ въ засадѣ. Никто не былъ раненъ, кромѣ одной лошади и бѣдняги, лежавшаго на землѣ.

— Какъ, вы ранены?—спросилъ Дингли у человѣка, распростертаго на землѣ и слѣдившаго полными ужаса глазами за споромъ.

Солдатъ раскрылъ ротъ, но не могъ издать ни одного звука.

— Онъ понимаетъ все, что ему говорятъ,—сказалъ всадникъ, но не можетъ говорить. Пуля, слегка задѣвшая его по спинѣ, тѣмъ не менѣе лишила его рѣчи. Видите, рана ничтожная.

Онъ потихоньку приподнялъ раненаго, и сквозь отверстіе рубахи Дингли увидѣлъ на спинѣ кровоточившую царапину въ нѣсколько миллиметровъ.

— Въ путь!—крикнулъ машинистъ.—Намъ надо поспѣть вовремя.

— Нельзя ли,—попросилъ Дингли,—положить этого человѣка на мое мѣсто? Я какъ-нибудь устроюсь.

— Это ваше дѣло. Ваше мѣсто принадлежитъ вамъ.

Дингли уложилъ его на свою кушетку. Несчастный поблагодарилъ его взглядомъ, полнымъ признательности, которой не могли выразить ни жесты, ни голосъ, взглядомъ, напоминавшимъ взглядъ умирающихъ животныхъ.

Локомотивъ свистнулъ; всадники скакали нѣсколько минутъ рядомъ съ поѣздомъ; слышны были ихъ крики: «До свиданья, Гёмфри, до свиданья!» Затѣмъ поѣздъ пошелъ быстрѣе и обогналъ ихъ.

Дингли влилъ нѣсколько капель шампанскаго раненому въ ротъ, укрылъ его своимъ плащомъ и подложилъ ему подъ голову, на манеръ подушки, свое дорожное одѣяло.

Стиснутый между двумя ящиками, съ подвернутыми ногами, за неимѣніемъ мѣста вытянуться, Дингли отнюдь не былъ безчувственъ къ тому свертку одѣялъ, который мучился на его кушеткѣ; но, перенося съ трудомъ зрѣлище физической боли и болѣзни, онъ избѣгалъ предаваться состраданію:

1) Потому что оно безполезно.

2) Потому что оно нелогично (признавъ необходимость войны, не слѣдуетъ плакать надъ потерями).

3) Потому что въ большихъ предпріятіяхъ жизнь человѣка считается ни во что.

Въ этомъ вагонѣ, мчавшемся среди ночи, раненый спутникъ далъ богатую пищу воображенію романиста. Дингли никогда не видѣлъ такого раненаго, какъ этотъ странный путешественникъ, ни живой, ни мертвый. Дингли хотѣлось бы разспросить его, узнать, кто онъ,

откуда родомъ, что онъ видѣлъ, о чемъ онъ сожалѣетъ. По всей вѣроятности бѣдняга отдалъ бы всѣ сокровища міра за то, чтобы пошевелить только кончикомъ языка. И въ теченіе нѣкотораго времени Дингли преслѣдовалъ вопросъ:

— Какое слово произнесъ бы умирающій, если бы онъ могъ выговорить одно, только одно слово?

Когда въ утреннемъ туманѣ показалась печальная Блюмфонтейнъ, Дингли сдалъ больного на руки дежурнаго станціоннаго врача. Разставаясь съ нимъ, онъ пожалъ ему руку и сказалъ неувѣренно: «До свиданья!»

Раненый хотѣлъ отвѣтить, но слезы катились по угольной пыли, покрывавшей его лицо, и его гримаса превратилась въ нѣчто вродѣ дѣтской улыбки.

— Онъ умретъ?—спросилъ Дингли.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ врачъ;—возможно, что онъ останется живъ.

Дингли поспѣшилъ на телеграфъ; но въ конторѣ, гудѣвшей отъ стука аппаратовъ, для него не было ни слова. Онъ собирался уже выйти изъ дома безчувственныхъ машинъ, какъ вдругъ телеграфистъ подсунулъ ему подъ руку четвертушку бѣлой бумаги. Дингли взглянулъ на него недоумѣвающе: телеграфистъ желалъ получить его автографъ! То былъ корректный англійскій чиновникъ, безъ бороды, съ гладко-причесанными на проборъ волосами, жизнь котораго романистъ такъ часто изображалъ, съ ея минутами усталости и тоски, съ послѣобѣденными отдыхами при сорокаградусной жарѣ въ тѣни, когда горячій вѣтеръ гонитъ сухой воздухъ, и съ припадками лихорадочной дѣятельности въ тѣ минуты, когда термометръ спускается до 30°, съ переѣздами въ нѣсколько миль по лѣсу, чтобы сыграть партію въ карты съ ближайшимъ европейцемъ и выпить стаканъ содовой воды—жизнь въ Египтѣ, въ Индіи,—повсюду, гдѣ британское правительство въ отдаленныхъ мѣстахъ имѣетъ чиновниковъ... Дингли написалъ на бумагѣ свое имя и вышелъ.

У выхода изъ конторы онъ увидѣлъ О'Рейли, ирландскаго поручика, раненаго при Колензо, съ которымъ онъ встрѣтился на пароходѣ и который шелъ къ нему съ протянутой рукой:

— Уже вернулись?

— Арчи заболѣлъ.

— Бѣдный мальчикъ! А что съ нимъ?

— Дизентерія, боюсь... Есть ли сегодня поѣздъ въ Капштадтъ?

— Не знаю. Всѣ поѣзда заняты подъ войска и подъ съѣстные

1-го ... БИБЛИОТ...

припасы. Если вы хотите ѣхать, вамъ нужно испросить разрѣшенія у мѣстнаго коменданта. Я дойду съ вами.

Дорогою онь разсказалъ ему безконечную исторію сѣдла, съ инкрустаціями изъ мѣди и слоновой кости, которое онъ нашелъ въ Омдурманѣ, и пользоваться которымъ ему запретилъ полковникъ.

Дингли улыбался этому разсказу, злясь на этого человѣка, преслѣдовавшаго его, и на себя, не могшаго ничѣмъ интересоваться, кромѣ своего горя. Онъ спѣшилъ очутиться въ присутствіи генералъ-майора Кари, мѣстнаго коменданта. Какъ только онъ отъ него узналъ, что поѣздъ въ Капштадтъ отправляется въ десять часовъ вечера, существованіе генерала сдѣлалось для него безразличнымъ, и онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать минуты отъѣзда.

Остатокъ дня онъ бродилъ по улицамъ Блюмфонтейна. Съ самаго перваго своего путешествія въ южную Африку онъ съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщалъ этотъ городъ или скорѣе деревню, съ его широкими улицами и телѣгами, выстроенными на площади рядами, какъ палатки лагеря. Сегодня изъ-за очковъ его глаза охотника ничего не видѣли... Между нимъ, предметами и людьми стояла комната больного ребенка...

Передъ зданіемъ парламента Оранжевой республики, превращеннымъ въ госпиталь, онъ остановился на минуту послушать священника, восхвалявшаго практическую дѣятельность, опутывая ее въ то же время безсмысленной метафизикой и кончавшаго отдѣльныя мѣста своей рѣчи словами: «Съ нами Богъ!», подобно клоуну, послѣ нѣсколькихъ фокусовъ всегда становившемуся на ноги.

— Къ чему,—сказалъ себѣ Дингли,—обезцвѣчивать жизнь обѣщаніями вѣчности, въ то время, какъ главная красота ея заключается въ томъ, что она коротка и никогда не начинается сызнова?

Равнина Блюмфонтейнъ, безплодная и утоптанная, какъ мѣсто для военныхъ упражненій, представляла изъ себя одинъ изъ тѣхъ огромныхъ лагерей, наполненныхъ женщинами и дѣтьми, гдѣ, съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели пули и шрапнели, болѣзнь косила надежды побѣжденнаго народа. Солдаты были заняты натягиваніемъ проволочной рѣшотки, чтобы облегчить работу часовымъ; черезъ каждые десять ярдовъ въ отвѣтъ на всякую попытку приступа звонилъ колокольчикъ. Тутъ снова пасторъ (на этотъ разъ буръ)—говорилъ рѣчь на открытомъ воздухѣ. Дингли не слышалъ словъ, но угадывалъ смыслъ. Онъ также кричалъ передъ своей голодной и тифозной аудиторіей: «Съ нами Богъ! Съ нами Богъ!»

Дингли бродилъ до ночи по улицамъ этого холщевого города, палатки котораго хлопали отъ вечерняго вѣтра. Вѣтеръ, дувшій надъ

долиной, уносилъ, вмѣстѣ съ пылью, за горы и рѣки, сѣмена смерти. Вдыхалъ ли ихъ его Арчи?

Комендантъ объявилъ, что Дингли будетъ обѣдать за офицерскимъ столомъ въ полку. И когда романистъ вошелъ, зала была переполнена.

Офицеры, собравшіеся за столомъ, только что перенесли всѣ трудности похода; завтра они снова отправятся въ Вельдъ; этимъ обѣдомъ они наслаждались, какъ праздникомъ. Шампанское, мороженое, портвейнъ,—послѣ консервовъ и напитковъ, согрѣтыхъ солнцемъ! Анекдоты сыпались одинъ за другимъ, безъ числа, нелѣпые,—ибо многіе гости уже сильно выпили. Разговоръ обратился въ спортъ, вродѣ состязанія, въ которомъ побѣда принадлежала наибольшей глупости. Среди этого пустословія вдругъ проскальзывала одна мелочь, одна черта, одно выразительное слово, которыя Дингли заносилъ въ свою память, безъ удовольствія, по привычкѣ. Но что значила для него война, и слова, и движенія, и лица этихъ людей, занятыхъ питьемъ и ѣдою? и этотъ покинутый заводъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Преторіи, на которомъ забыли запереть электрическій счетчикъ, и который освѣщался огнями каждый вечеръ среди пустыни? и стадо, по которому буры упражнялись въ стрѣльбѣ изъ пушекъ, и которое подъ выстрѣлами увеличилось на одну голову, такъ какъ одна изъ коровъ отелилась? и плѣнный капитанъ, сошедшій съ ума, когда у него отняли рубашку и сапоги? и поручикъ, позорившій полкъ шотландскихъ стрѣлковъ своею страстью къ віолончели?

Среди этихъ офицеровъ—единственный, который могъ бы заинтересовать въ эту минуту Дингли, былъ его товарищъ г. Джесперъ Кольгрэвъ, военный хирургъ, котораго онъ зналъ въ Индіи и который, чувствуя на себѣ взоръ писателя, внезапно воскликнулъ:

— Дингли! Вы знаете Тоби Шоу, полковника сѣрыхъ шотландцевъ? Я дѣлалъ ему третьяго дня трепанацію черепа. Я держалъ въ рукѣ половину его головы, когда мы получили извѣстіе о томъ, что онъ назначенъ генераломъ. Онъ тотчасъ же всталъ и направился къ двери. Я ему кричу: «Тоби Шоу, вы позабыли ваши мозги!» А онъ въ отвѣтъ: «Мозги? на что? Они мнѣ болѣе не нужны, я—генералъ!»

Эта шутка, отмѣченная чисто британскимъ юморомъ, возбудила среди гостей шумную веселость. На уста Дингли она вызвала лишь снисходительную улыбку; ему показалось неприличнымъ, что этотъ старикъ, котораго онъ любилъ за то, что тотъ видѣлъ, какъ умирало огромное количество людей, забавлялся такою глупою исторіей.

Тогда въ одномъ изъ военныхъ кварталовъ раздался сигналъ гасить огни, сигналъ протяжный и печальный, замиравшій въ одномъ углу города, чтобы зазвучать въ другомъ, и такъ болѣе четверти часа. Дингли прислушивался къ грустнымъ призывамъ горна. Скрипка обладаетъ меньшею нѣжностью, чѣмъ эти замирающіе мѣдные звуки. Они выражали стремленіе ко сну и къ забвенію, отвращеніе къ безполезному труду и грусть по поводу того, что приходилось начинать завтра все сызнова. Въ то же время бабочка, летавшая между свѣчами и обѣдавшими гостями, пробудила въ глубинѣ его души воспоминаніе о птичкѣ саксонскихъ легендъ, влетѣвшей однажды зимнимъ вечеромъ въ залу пиршествъ, гдѣ король нортумберландскій угощался со своими воинами. Она прилетаетъ изъ мрака, пролетаетъ, какъ стрѣла, черезъ освѣщенную комнату и исчезаетъ затѣмъ снова въ потемкахъ—символъ жизни, быстраго прохожденія черезъ пространства свѣта между двумя безднами вѣчнаго мрака.

Въ эту минуту генералъ-майоръ провозгласилъ здоровье романиста:

— Я поднимаю стаканъ за того, кто своими поэмами и сказками завязалъ между метрополіей и колоніями нашей имперіи узы, болѣе прочныя, чѣмъ смерть; кому мы обязаны тѣмъ, что видѣли, какъ въ братскомъ порывѣ спѣшили на защиту угрожаемой имперіи канадцы, австралійцы, индусы, новозеландцы; здоровье герольда Британской имперіи, нашего гостя, Дингли!

Когда утихли восторженные «ура», романистъ всталъ и сказалъ въ отвѣтъ, отчеканивая слова:

— Я поднимаю стаканъ за здоровье того, кто создалъ и упрочилъ союзъ Англіи съ остальной имперіей; благодаря которому мы собрались здѣсь всѣ; кто заставилъ прибыть въ Южную Африку дѣтей снѣжной Канады, пустынной Австраліи, сыновъ гористой и лѣсистой Новой-Зеландіи, сипаевъ Индіи, пастуховъ Шотландіи и крестьянъ Ирландіи: здоровье Іоанна Павла Крюгера!

Всеобщій хохотъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Одинъ и тотъ же образъ предсталъ взорамъ каждаго: старый, полуослѣпшій Крюгеръ, объѣзжающій Европу и ищущій сочувствія у различныхъ народовъ, курящій и плачущій въ комнатахъ гостиницъ.

Послѣ этого торжества Дингли простился.

О'Рейли проводилъ его до станціи; онъ сказалъ ему дорогой:

— Вы сообщите мнѣ, неправда ли, о здоровьѣ Арчи?

— Въ Блюмфонтейнъ?

— Нѣтъ. Въ Преторію. Я только что получилъ приказъ присоединиться къ Френчу. Мнѣ это пріятнѣе, чѣмъ киснуть здѣсь.

— Конечно, конечно.

— Не будетъ ли нескромностью,—продолжалъ поручикъ,—просить васъ, когда вы будете въ Капштадтѣ, передать отъ меня привѣтъ миссъ Мабель Хазлитъ, моей невѣстѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Дингли разсѣянно.

А про себя подумалъ съ презрѣніемъ:

«Еще одинъ, воображающій, что молоденькая дѣвушка можетъ доставить полное счастье человѣку!»

Когда поѣздъ тронулся, Дингли, высунувшись изъ окна вагона, смотрѣлъ въ теченіе нѣкотораго времени на молодого человѣка, махавшаго ему рукой,—послѣдній образъ, который ему суждено было сохранить о пріятелѣ: О'Рейли былъ убитъ нѣсколько недѣль спустя въ одной изъ схватокъ Френча съ войсками Боты.

Медленный ходъ поѣзда, нетерпѣніе души при видѣ безконечнаго калейдоскопа новыхъ мѣстъ, возбужденіе, въ которомъ оживаютъ угасшія воспоминанія, короткія сновидѣнія, боль, утихающая, чтобы пробудиться съ бо́льшею остротою!... Находясь между сномъ и бодрствованіемъ, запертый въ своей катящейся тюрьмѣ, Дингли въ теченіе тридцати часовъ былъ погруженъ въ безплодныя обращенія ко всѣмъ силамъ, къ которымъ люди взываютъ въ горѣ, и которыя сводились всѣ къ нѣмому вопросу: «Какой богъ, какой врачъ, какой случай спасетъ моего сына?»

Въ ту минуту, когда онъ толкнулъ калитку парка Доссиклипъ, жена его уже отчаялась въ его возвращеніи. Въ безпокойствѣ своемъ она думала о немъ только съ болѣзненной досадой, которую мы испытываемъ иногда по отношенію къ лицамъ, наиболѣе намъ дорогимъ. Но когда онъ отперъ дверь и вошелъ въ комнату, она разомъ забыла свою досаду. Она ощутила радость, спокойствіе и увѣренность въ томъ, что теперь Арчи не умретъ!

Ребенокъ тотчасъ же потребовалъ, чтобы отецъ разсказалъ ему сказку; Дингли понялъ, что тутъ только начинается настоящая пытка.

Исполняя мольбу лихорадочно-блестѣвшихъ глазъ, Дингли придумывалъ сказки, и въ то же время испытывалъ сильнѣйшее желаніе плакать. Но въ этомъ испытаніи его воображеніе сослужило ему вѣрную службу. У кроватки сына онъ сочинялъ удивительныя сказки, оставшіяся тайной между нимъ и ребенкомъ. «Остерегайтесь утомить его,—сказалъ докторъ;—его жизнь зависитъ отъ малѣйшаго пустяка». Дингли долженъ былъ подчиниться и прекратить разсказывать сказки, отказывать молящимъ глазамъ ребенка, въ которыхъ

жажда сказокъ, казалось, только и поддерживала еще жизнь... Но развѣ есть сказка, которая могла бы помѣшать серебряной жидкости въ термометрѣ подниматься до ужасной цифры: 41?

— Господинъ,—сказала ему однажды индійская служанка,—отпустите меня въ страну Чамба. Я знаю тамъ цѣлебныя травы. На пароходѣ я вернусь менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ.

Дингли покачалъ головой:

— Ни цвѣты, ни травы изъ страны Чамба, ни мои сказки не спасутъ мальчика.

При этихъ словахъ онъ на нѣсколько часовъ заснулъ мучительнымъ сномъ. Ему приснилось, что по широкой равнинѣ, на грузной лошади скачетъ карликъ, одѣтый то въ красныя лохмотья, то въ темный плащъ. Несмотря на разныя одежды, Дингли узналъ его: то былъ «Малѣйшій Пустякъ». Онъ ѣздилъ по всему Вельду, входилъ въ дома фермеровъ, въ палатки, и днемъ и ночью, переплывалъ черезъ рѣки, переходилъ горы, сбрасывалъ съ коней всадниковъ, загонялъ до смерти лошадей, садился въ поѣзда, катился по гладкимъ рельсамъ. Вагоны тогда соскакивали съ рельсовъ и падали въ пропасть. «Малѣйшій Пустякъ» всегда спасался. Сейчасъ онъ перелѣзъ черезъ ограду парка, вошелъ въ широкую аллею, двигался подъ деревьями...

Раздался крикъ. Дингли проснулся. Жена и докторъ стояли, наклонившись надъ Арчи, который въ бреду кричалъ:

— Побѣдъ, я хочу побѣдъ!

Онъ смолкъ. Ужасная тишина. Его мать вдыхала изъ его устъ смертельный ароматъ горячки. Врачъ подалъ знакъ, въ значеніи котораго Дингли не ошибся. Тогда, чувствуя, что съ этой минуты всякая медицина безполезна, и что только чудо можетъ спасти ребенка, Дингли схватилъ его на руки и, нося его по комнатѣ, началъ разсказывать веселымъ и бодрымъ, какъ утренній сигналъ, тономъ, съ яростью солдата, заряжающаго ружье:

— Ты знаешь, Арчи, 2-й полкъ королевскихъ гусаровъ привелъ съ собою изъ Тибета козу, нѣжную, кроткую, бѣлую Чари. Я сопровождалъ по Вельду 2-й королевскій гусарскій полкъ...

Но никогда еще сказка никого не воскресила...

III.

Смерть ребенка пустякъ, ничего не измѣняющій въ мірѣ.

Дингли сосредоточилъ на маленькомъ существѣ, рожденномъ отъ него, всю нѣжность, на которую было способно его сердце. Поэтому онъ и очутился въ той области страданія, гдѣ нѣтъ различія между

геніемъ и глупцомъ. Его отвращеніе къ литературѣ и ощущеніе литературной суетности достигли такой степени, что онъ думалъ, что воображеніе умерло въ немъ навсегда и что онъ никогда болѣе ничего не напишетъ. Газеты скоплялись грудами на биллiардѣ, но онъ не развертывалъ ни одной изъ нихъ. Міръ утратилъ для него всякій интересъ.

Онъ проводилъ время въ паркѣ, сидя въ деревянномъ креслѣ, близъ муравейника, погруженный въ однѣ и тѣ же мысли:

«Я напрасно мечталъ, думалъ, писалъ. Мое искусство улыбалось лишь моей радости. Въ моихъ разсказахъ обманъ, живописность, веселость, грубость, остроуміе! Нигдѣ нѣтъ отклика на мою печаль».

Но романистъ ошибался относительно своей способности страдать. Онъ безсознательно стремился уже къ тому, чтобы ускользнуть отъ боли. Его отвращеніе къ работѣ было именно тѣмъ лицемѣрнымъ обходнымъ путемъ, который возвращалъ его къ мысли и къ жизни. Мелкими трещинами, незамѣтными, какъ разсѣлины скалы, черезъ которыя сочится вода, въ его мозгу появлялись вновь обычныя заботы и хлопоты.

Жена угадала въ немъ эту убыль его горя раньше, чѣмъ онъ самъ ее заподозрѣлъ. Однажды вечеромъ, когда ея печаль грозила вырваться изъ ея души крикомъ, она пришла и облокотилась на балконное окно въ комнатѣ Дингли, выходившее на стѣну зелени, въ которой замерли всѣ звуки, кромѣ пѣнія соловья—сладкаго и громкаго, простого и разнообразнаго, нескончаемаго, создающаго тишину и уносящаго вдаль, которое, какъ капли смолы, и какъ слезы льда, западало въ ея душу.

Внезапно эта тишина и это пѣніе были нарушены звукомъ словъ. Подъ балкономъ Дингли просилъ индійскую дѣвушку:

— Доскажи, пожалуйста, исторію прекрасной Гарибакти.

Вслѣдъ за этимъ до госпожи Дингли долетѣли острые звуки калькутскаго нарѣчія:

— ...Принцесса покинула дворецъ нагая. Ея волосы упадали на ея тѣло, какъ вѣтви ивы. По мѣрѣ того, какъ она шла вдоль канала, на обоихъ берегахъ его вырастали бамбуковыя деревья, болѣе частыя, чѣмъ нити кашемировой шали. Никто такимъ образомъ не видѣлъ нагой принцессы, но богиня или богъ...

Пока индусская служанка разсказывала сказку, съ длинными отступленіями, въ которыя уходила печаль ея господина, госпожа Дингли, раздраженная этимъ голосомъ, уносившимъ романиста такъ далеко отъ нея и отъ самого себя, вглубь жестокой Индіи, гдѣ жизнь

человѣка цѣнилась низко, жизнь женщины еще ниже, а жизнь ребенка считалась за ничто,—госпожа Дингли покинула балконъ и, удалившись въ свою комнату, одна (соловей смолкъ) пробормотала слова, въ которыхъ смѣшивались нѣжность, снисхожденіе и досада:

— Сказки! Онъ способенъ слушать сказки!

Событіе, возможность котораго она предвидѣла, но въ которомъ она вовсе не думала играть роли, съ еще большею ясностью показало госпожѣ Дингли, что горе ничего не измѣнило въ чувствахъ ея мужа.

Будучи раненъ пулею въ ногу, Лука дю-Туа въ теченіе нѣсколькихъ дней слѣдовалъ за своимъ отрядомъ въ старой изломанной колясклѣ. Когда лопнула ось экипажа, то дю-Туа былъ оставленъ въ одной изъ фермъ и порученъ уходу кучера. Здѣсь-то онъ и былъ открытъ англійскою колонною.

Госпожа Дингли увидѣла у себя однажды утромъ г. дю-Туа. Его сопровождала жена. Они пришли просить Дингли вступиться передъ судьями за ихъ сына. Госпожа Дингли провела ихъ въ паркъ, къ романисту, сидѣвшему надъ муравейникомъ и наблюдавшему его жизнь. Замѣтивъ Дингли издали, госпожа дю-Туа бросилась къ нему и нервнымъ голосомъ заговорила нѣчто непонятное.

Отвратительное зрѣлище представляла собою эта женщина плакавшая, бормотавшая и не могшая выразить ясно то, чего ей было нужно! Дингли слушалъ ее въ смущеніи, которое онъ всегда испытывалъ при видѣ безпорядочнаго выраженія чувства, не въ силахъ сдержаться. Она схватила его за руку и ставъ на колѣна въ муравьиную кучу, силилась его убѣдить:

— Скажите только, что онъ не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Уже нѣсколько недѣль какъ онъ не сражался. Пожалѣйте ребенка... Г. дю-Туа былъ всегда вѣрнымъ подданнымъ королевы. Лука ушелъ противъ воли отца. Одно слово, одно ваше слово! Вамъ они не откажутъ въ помилованіи.

Дингли разсѣянно давилъ ногою муравьевъ, которые бѣжали изъ разореннаго муравейника. Жена, угадывая его раздраженіе, вмѣшалась въ разговоръ:

— Другъ мой, наши добрѣйшіе сосѣди желали бы получить одно ваше слово для судей ихъ сына. Безъ сомнѣнія, если вы напишете, каково было поведеніе г. Луки дю-Туа по отношенію къ вамъ, судьи окажутъ ему снисхожденіе.

Онъ посмотрѣлъ на нее скучающимъ взглядомъ. А когда госпожа дю-Туа возобновила свои страстныя мольбы, онъ сказалъ ей сухо:

— Сударыня, я сожалѣю о томъ, что не могу ничего сдѣлать для вашего сына. Онъ находится въ рукахъ честныхъ людей, которые будутъ судить его по совѣсти и по закону.

Г. дю-Туа собирался заговорить, когда его жена встала, и таща его съ силою за руку, сказала:

— Иди, Преторій, этихъ людей не тронешь!

Госпожа Дингли, сраженная, смотрѣла, какъ несчастные фермеры исчезли на поворотѣ аллеи. Она съ изумленіемъ взглянула на Дингли, усѣвшагося снова въ кресло, и въ первый разъ въ своей жизни, нарушивъ сдержанность, которую она на себя налагала, чтобы не вліять на рѣшенія мужа, проговорила:

— Вы знаете, какъ тяжело потерять сына. Десять строкъ, написанныхъ вашей рукой, могутъ спасти дю-Туа. Неужели же этого не сдѣлаете? Вы, умѣющій извлекать пользу изъ мельчайшихъ событій вашей жизни, неужели вы упустите самое трагическое? Разскажите судьямъ ночь, проведенную вами въ разрушенномъ домѣ на Вельдѣ.

Тихій вѣтеръ, дувшій съ моря, шелестѣлъ листвою деревьевъ, словно струнами арфы.

Дингли сказалъ:

— Дю-Туа обошелся со мною какъ джентльменъ. Если бы представился случай, я охотно ради него рискнулъ бы моею жизнью. Но вы невѣрно ставите вопросъ. Для чего вмѣшивать личное событіе, касающееся одного только меня, въ государственныя дѣла.

Въ нѣсколькихъ фразахъ, въ которыхъ звучало раздраженіе англійскаго гражданина противъ безконечной и безславной войны, онъ изобразилъ вѣроломство колонистовъ, недовольство африкандеровъ Капштадта и Наталя, готовыхъ примкнуть къ непріятелю. Если бы къ виновнымъ не прилагали самаго строгаго исполненія законовъ, то съ британскимъ владычествомъ въ Южной Африкѣ надо было бы проститься.

Госпожа Дингли, не сомнѣвавшаяся въ добротѣ его сердца, но съ другой стороны и не знавшая, какъ объяснить его поведеніе, спрашивала себя, въ какихъ областяхъ, ей неизвѣстныхъ, черпаетъ онъ мужество казаться до такой степени безчувственнымъ? Какія невѣдомыя пропасти лежатъ между душою женщины и душою мужчины? Нѣтъ словъ, чтобы ихъ заполнить!

Она предоставила ему размышлять въ одиночествѣ. Онъ остался въ тѣни этихъ высокихъ деревьевъ, покой которыхъ былъ на минуту смущенъ тяжелою и нелѣпою сценой. Съ самой смерти сына ему не удавалось овладѣть своими мыслями и онѣ летали по волѣ вѣтра

словно безформенныя водоросли, ускользавшія отъ рукъ. Приключеніе съ дю-Туа показалось ему событіемъ, на которомъ его умъ могъ остановиться.

Весьма несправедливо, думалъ онъ, старательно придвигая ногою сосновыя хвои къ муравейнику, если я показался отвратительнымъ женѣ и этимъ людямъ. Между тѣмъ у меня, кромѣ братской симпатіи къ этому молодому человѣку, ничего нѣтъ. И я, и онъ, мы находимся во власти однихъ и тѣхъ же чувствъ. Онъ считаетъ, что его народу должно принадлежать преимущество въ Африкѣ, а я думаю, что Англія должна занимать первое мѣсто въ мірѣ. Существованіе, сведенное къ личной или семейной жизни, не стоитъ влачить. Оно пріобрѣтаетъ истинное величіе только тогда, когда къ нему примѣшивается гордое сознаніе того, что участвуешь въ жизни какого-нибудь большого цѣлаго—народа, расы или имперіи. Выйти изъ себя, забыть свой маленькій мірокъ, унизиться и возвеличиться въ то же время въ такомъ дѣлѣ, которое превосходитъ и въ то же время напрягаетъ всѣ силы человѣка,—вотъ въ чемъ тайна счастія.

Я люблю этого бура и оксфордскаго студента, за то, что онъ пріѣхалъ защищать культуру, которую онъ на дѣлѣ отвергъ. Разумѣется, онъ болѣе походитъ на офицеровъ той арміи, противъ которой онъ сражался, чѣмъ на некультурныхъ людей своего отряда! Пріѣхавъ сюда, онъ повиновался самымъ глубокимъ побужденіямъ. Въ защитѣ своихъ родныхъ степей онъ видѣлъ самое высокое дѣло своей жизни. Онъ все поставилъ на карту и проигралъ. Быть можетъ, мнѣ удалось бы спасти его, но, умоляя судей о снисхожденіи къ мятежнику, я оказалъ бы плохую услугу родинѣ. А этотъ мальчикъ заслуживаетъ лучшей доли, чѣмъ сожалѣніе! Я посвящу ему единственный даръ, который могу предложить ему, не унижая его: мое воспоминаніе о немъ, выраженное въ стихахъ. Когда-нибудь, въ тѣни оксфордскихъ дубовъ, его прежніе товарищи студенты, читая мои произведенія, почтутъ память молодого человѣка, который достоинъ былъ родиться англичаниномъ.

Вернувшись въ домъ, онъ былъ удивленъ, заставъ жену за письмомъ; ибо со смерти Арчи міръ для госпожи Дингли былъ пустъ, и друзья для нея не существовали. Не обнаруживая ничѣмъ своего изумленія, онъ развернулъ газету, только что доставленную почтой изъ Капштадта. На второй страницѣ онъ увидѣлъ:

«Сегодня въ 8 ч. 45 м. утра были разстрѣляны Лука дю-Туа и его кучеръ Корнелій. Ихъ вывезли за городъ, на плоскогорье, поднимающееся противъ Драконовыхъ горъ. Осужденные обнялись. Дю-Туа не позволилъ завязать себѣ глаза. Когда солдаты прицѣлились,

онъ самъ, махнувъ шляпой, подалъ знакъ стрѣлять. Корнелій упалъ первымъ; дю-Туа упалъ на него, почти покрывъ его своимъ тѣломъ. Казнь совершилась безъ инцидентовъ».

Дингли, съ газетой въ рукахъ, старался, по скуднымъ даннымъ, которыя содержались въ телеграммѣ, возстановить сцену во всей ея живой сложности; въ эту минуту къ нему подошла жена:

— Извините меня, мой другъ; я не могла устоять, и не попытаться помочь человѣку, которому вы обязаны тѣмъ счастіемъ, что застали вашего сына въ живыхъ.

Она протянула ему письмо, написанное въ защиту дю-Туа, предсѣдателю военно-полевого суда.

— Слишкомъ поздно,—отвѣчалъ Дингли; дю-Туа разстрѣлянъ сегодня утромъ.

— О,—воскликнула она, закрывая лицо руками, между тѣмъ какъ слезы подступили къ ея глазамъ.

Не проговоривъ болѣе ни слова, она погрузилась въ ту печаль, когда, словно по волшебству, расторгаются узы, связывающія насъ съ самыми дорогими намъ людьми, когда кажется, будто гаснетъ самая прочная любовь, когда человѣкъ не видитъ конца отчаянію. Затѣмъ, испуганная опустошеніями, которыя она открыла въ своемъ сердцѣ, и съ цѣлью освѣжить свою пылавшую голову съ наступленіемъ вечера, она направилась къ Розендаалю, намѣреваясь посѣтить сосѣдей. Она шла по той самой кедровой аллеѣ, окаймленной красными цвѣтами шалфея, гдѣ въ одинъ изъ такихъ же вечеровъ, старуха дю-Туа сказала ей, что Богъ справедливъ, и что Лука не можетъ умереть. Чудесный вечеръ, когда тѣнь играющаго ребенка бѣжала за деревьями! Крики дѣтскихъ восторговъ, застывшіе, казалось, подъ сводами древесной листвы. Развѣ существовала гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ подобная аллея?

Дойдя до опушки парка, воплотившаго въ себѣ всю красоту лѣта и все ея горе, она увидѣла Розендааль, освѣщенный послѣдними лучами заката. За этими горѣвшими стеклами сидѣли старики дю-Туа, склонившись надъ очагомъ. Какими глазами посмотрятъ они на нее, когда она отворитъ дверь? Нѣтъ, это посѣщеніе невозможно! Ея мѣсто болѣе не тамъ, не въ этой комнатѣ, не среди этихъ людей. Она не можетъ уже привычнымъ движеніемъ толкнуть эту скромную запертую дверь.

Она хотѣла однако, чтобы что-нибудь засвидѣтельствовало сосѣдямъ ея приходъ и дружескія чувства. На скамейкѣ лежалъ однажды забытый ею томъ съ поэмами Шелли. Она отыскала тѣ пылкія строфы, въ которыхъ поэтъ въ американскихъ испанцахъ, возстав-

шихъ противъ метрополіи, привѣтствуетъ бунтъ всѣхъ гордыхъ сердецъ.

«*Носитесь свободными, о всадники, по вашимъ широкимъ степямъ.*

«*Вы можете увѣнчать ваши чела фіалками и розами, всѣми цвѣтами надежды и вѣчности!*»

Чтобы книга не закрылась на этомъ мѣстѣ, она положила въ нее цвѣтокъ шалфея и оставила ее на той скамьѣ, куда обыкновенно приходила посидѣть старуха дю-Туа.

Нѣсколько дней спустя г-жа дю-Туа нашла увядшіе цвѣты и стихи, почти смытые росой; они не зажгли въ ея сердцѣ ни малѣйшей надежды, словно вмѣстѣ съ Лукою умерла и свобода родины.

Что еще сказать?... На другое утро коляска уносила Дингли и его жену далеко отъ Доссиклипа.

Когда они проѣзжали мимо фермы Розендааль, молчаливой и печальной подъ лучами солнца, какъ остановившаяся молотилка, они увидѣли маленькаго Давида, игравшаго у края дороги. Г-жа Дингли отвернулась. Тогда подумавъ о плодовитости побѣжденнаго народа, и о ненависти, запавшей ему въ душу, романистъ сказалъ себѣ:

— Вотъ, безъ сомнѣнія, истинные побѣдители въ этой войнѣ...

IV.

Роскошная, хотя и шаблонная гостиница Моунтъ-Нельсонъ, стоящая со своими садами и террасами высоко надъ печальнымъ Капштадтомъ и его рейдомъ, въ ту минуту, когда пріѣхалъ въ нее Дингли, была самымъ чувствительнымъ пунктомъ земного шара. Въ ней были собраны офицеры, владѣльцы копей, спортсмены, друзья и родные людей, которые сражались на войнѣ, родовитые, чиновные или денежные тузы, которыхъ привлекли въ Африку дѣла, тревога, любопытство, выгода... То были самыя громкія и блестящія имена Англіи.

По внѣшности жизнь въ этой гостиницѣ ничѣмъ не отличалась отъ образа жизни международныхъ туристовъ на Лазоревомъ берегу, на Болеарскихъ островахъ или въ Каирѣ—тѣ же прогулки, тотъ же флиртъ, тѣ же балы, тѣ же концерты; но надъ этими изящными забавами проносилось постоянно дуновеніе трагическихъ извѣстій. Не проходило дня, чтобы телеграфъ не принесъ кому-либо изъ гостей этого отеля—отеля молчаливыхъ сердецъ, какъ прозвалъ его Дингли,—вѣсти о смерти родственника или друга; не было человѣка надъ головою котораго не собиралась бы уже угроза. И вмѣстѣ с

тѣмъ всѣ эти люди были спокойны и непринужденны съ виду, словно война не касалась ни ихъ душъ, ни ихъ интересовъ.

Эта твердость, съ которою гости отеля Моунтъ-Нельсонъ старались ничѣмъ не проявлять своихъ внутреннихъ чувствъ, возбуждало въ Дингли восторгъ, какъ прекраснѣйшее зрѣлище въ мірѣ, имъ когда-либо видѣнное; тамъ, гдѣ его жена усматривала лишь условность, онъ видѣлъ проявленіе стойкой души своего народа и доказательство того, что высшее англійское общество въ силу своего самообладанія, есть единственная, истинная аристократія, достойная повелѣвать міромъ.

Среди лицъ, дышавшихъ гордымъ спокойствіемъ, особенно привлекательно показалось ему лицо Мабель Хазлитъ, невѣсты поручика О'Рейли. Подъ дѣтскою внѣшностью она скрывала твердость и энергію. Вся красота ея лица заключалась въ фіалковыхъ глазахъ ирландской крестьянки, въ которыхъ свѣтятся и умъ, и мечта, и въ ослѣпительномъ цвѣтѣ лица,—цвѣткѣ дождливаго климата. Если бы, между прочимъ, она обладала инымъ типомъ красоты... Однажды вечеромъ, за обѣдомъ, ей подали телеграмму. О'Рейли былъ убитъ на днѣ безвѣстнаго оврага, въ окрестностяхъ Босгофа. Она поблѣднѣла, но не вышла изъ-за стола. Въ слѣдующіе дни она аккуратно появлялась за обѣдомъ. Никто, по ея поведенію, не могъ бы заподозрѣть ея горя.

Эта гордая рѣшимость пробудила въ Дингли опьянѣніе, бывшее для него лучшею радостью его жизни. Только въ Англіи и возможно встрѣтить такое мужество! Женщины въ этой странѣ являются вѣрными подругами мужчинъ; въ остальномъ же мірѣ онѣ лишь орудія наслажденія. Случаю съ Мабель Хазлитъ суждено было играть впредь роль мѣрки для оцѣнки человѣческихъ поступковъ и словъ. Первое примѣненіе, сдѣланное изъ него Дингли, относилось къ Сесилю Родсу.

Въ магазинахъ Пиккадили и Странда въ теченіе долгаго времени можно было видѣть фотографію, изображающую Родса и Дингли на палубѣ парохода. Кто изъ многочисленныхъ прохожихъ, смотрѣвшихъ на эту картинку и словно желавшихъ угадать слова, которыми обмѣнивались эти двое людей, кто могъ прервать это безмолвіе, благодаря которому самая скромная фотографія дѣлается до извѣстной степени причастной къ прелести тайны?

Былъ часъ, когда низшіе слои населенія—англичане, нѣмцы, голландцы, итальянцы, кафры, матабеле,—эта сила новыхъ городовъ, передъ наступленіемъ ночи одурманивали себя въ трактирахъ виномъ. Дингли собирался уѣзжать: Родсъ пришелъ пожать у руку.

— Помните ли вы, Дингли, годы, проведенные нами въ Оксфордѣ; какимъ несчастнымъ студентомъ я былъ тогда?—сказалъ Родсъ.

— Да,—отвѣчалъ романистъ.—Я часто думаю о нашихъ школьныхъ годахъ. Вы были самымъ безцвѣтнымъ, самымъ скучнымъ изъ товарищей. Кто могъ бы заподозрить въ васъ генія?

— Вы вѣрите въ геній?—спросилъ Родсъ.—Вотъ поистинѣ идея литератора! Геніальныхъ людей не существуетъ, есть люди удачи. Я былъ человѣкомъ удачи. Вы знаете мою исторію. Логически разсуждая, я долженъ былъ умереть въ двадцать лѣтъ, въ Лондонѣ, отъ чахотки. Семья отправляетъ меня въ Африку, съ цѣлью на нѣсколько мѣсяцевъ продолжить мнѣ жизнь. Я выздоровѣлъ. Два-три предпріятія мнѣ удаются. И въ теченіе долгаго ряда лѣтъ все мнѣ удается, до невѣроятности удается. Это не значитъ, чтобы я былъ особенно уменъ, дѣятеленъ, честолюбивъ. Нѣтъ. Мои промахи и тѣ шли мнѣ на пользу. Въ одинъ прекрасный день одна изъ моихъ комбинацій рушится. Съ тѣхъ поръ все валится у меня изъ рукъ. Счастіе измѣнило! Отъ меня отвертываются. Кончено; очарованіе разрушено. Вы съ этимъ согласны?

— Быть можетъ, вы и правы; то, что принято считать геніемъ, есть несомнѣнно счастіе, удача. Я также былъ счастливымъ человѣкомъ; помню время, когда мысли безъ малѣйшаго усилія укладывались въ головѣ. Во мнѣ было сокровище, и я считалъ его неистощимымъ, а сегодня мнѣ кажется, что у меня нѣтъ ни копейки въ карманѣ.

— Такъ, такъ,—подхватилъ съ живостью Родсъ.—У каждаго человѣка есть свой запасъ счастія, я истощилъ мой фондъ.

Охваченные горячкой отъѣзда, пассажиры останавливались взглянуть на этихъ двухъ могучихъ поборниковъ своего народа, двухъ самыхъ значительныхъ въ имперіи представителей ума и капитала. Рядомъ съ Родсомъ, жирнымъ и вульгарнымъ, въ клѣтчатомъ костюмѣ, имѣвшимъ видъ грузнаго коммивояжера, съ отвислыми щеками, съ печальнымъ выраженіемъ рта подъ усами, подстриженными ножницами, Дингли испытывалъ ощущеніе, котораго онъ не зналъ ни въ чьемъ присутствіи: онъ чувствовалъ себя мальчикомъ! Хотя онъ ничѣмъ такъ не восхищался, какъ вѣрою англичанъ въ свою силу и въ могущество создавать самимъ свою судьбу, онъ зналъ, что то не болѣе, какъ прекрасная иллюзія. Признавая неумолимую силу рока, онъ увлекался практическимъ дѣйствіемъ, любилъ усиліе безкорыстно, ради самаго усилія, удовлетворяясь тѣмъ, что, благодаря счастливому совпаденію, эта затрата энергіи согласовалась съ успѣхами его націи, но не вѣрилъ, чтоб

человѣкъ могъ вліять на судьбы міра. Родсъ колебалъ эту философію.

— Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Оксфордѣ я былъ несчастнымъ студентомъ,—продолжалъ Родсъ, съ особенною грустью въ голубыхъ глазахъ.—И вотъ я вновь сталъ несчастнымъ человѣкомъ! Чтобы излѣчить меня, нужна новая Африка, но для меня она болѣе не существуетъ. Нѣтъ болѣе довѣрія! Мой врачъ даетъ мнѣ шесть мѣсяцевъ жизни!

Скорбь въ его глазахъ усилилась, морщины, шедшія отъ угла губъ къ подбородку, сдѣлались глубже и его лицо пріобрѣло такое выраженіе дѣтской печали, что романистъ, вопреки привычкѣ, далъ себѣ увлечься банальными утѣшеніями.

— О, другъ мой,—отвѣчалъ Родсъ,—я не нуждаюсь въ фразахъ! Ничего нѣтъ глупѣе человѣка, дрожащаго за свои шансы на жизнь!

Въ короткихъ словахъ онъ разобралъ болѣзненныя явленія, которыя въ себѣ заключалъ. Передъ этимъ человѣкомъ, не думавшимъ ни о чемъ, кромѣ своего угасанія, и плакавшимъ по жизни, какъ влюбленный приказчикъ, Дингли чувствовалъ, что его восторгъ передъ Родсомъ разсѣивается, и испытывалъ къ нему только жалость. Какая духовная нищета скрывается подъ жиромъ героевъ! Образъ Мабель Хазлитъ пришелъ на память Дингли: у маленькой англичанки было больше внутренней силы. Нелегко однако умѣть служить чистымъ представителемъ всего этого скопища мыслей, чувствъ, стремленій, и желаній, которымъ является раса! Что касается Дингли, то онъ былъ проникнутъ глубокою гордостью, думая о томъ, что отдалъ самое драгоцѣнное свое сокровище Британской имперіи. Смерть маленькаго мальчика отнынѣ прочнѣе связала его съ этимъ уголкомъ міра, нежели онъ былъ связанъ съ Австраліей, съ Новой землей, съ Индіей, съ Египтомъ,—со всѣми углами земного шара, о которыхъ онъ написалъ по книгѣ. Ничто не можетъ такъ прочно прикрѣпить память человѣка къ какому-либо мѣсту земного шара, какъ громкое несчастіе. Байронъ и Миссолонги!

Когда-нибудь Капштадтъ раскинется у подножія этихъ лиловыхъ горъ, уходящихъ въ небо, какъ красавица, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ міра, какъ маякъ, воздвигнутый на мысу этого континента. Онъ услышитъ здѣсь напѣвы толпы, которая баюкала его юность. Какое мѣсто займетъ въ его исторіи смерть маленькаго мальчика, крошечная капля крови, выпитая жадною землей? Будетъ ли забыта могила Арчи, холмикъ, наподобіе тѣхъ, которые насыпаетъ изъ песка самый легкій вѣтеръ?...

Такъ боролся герольдъ имперіи со своимъ горемъ. Если тяжелые пароходы продолжаютъ свой путь, нечувствительные по внѣшности къ ярости вѣтра и волнъ, тѣмъ не менѣе буря потрясаетъ ихъ съ верхушки мачтъ до самой послѣдней заклёпки. Дингли чувствовалъ себя постарѣвшимъ, неспособнымъ вернуть утраченное вдохновеніе; онъ припоминалъ торжественный отъѣздъ изъ Саутгэмптона, надежды, которыя влекли его за океанъ... Съ чѣмъ возвращался онъ изъ варварской Африки? Нѣсколько сценъ войны, солдатскіе разговоры, воспоминанія объ усталости, ничтожный жизненный опытъ въ сравненіи съ неожиданнымъ горемъ. Онъ оставлялъ тамъ, позади себя, вмѣстѣ съ могилою сына свою лучшую тайну: удачу.

Но когда онъ увидѣлъ зеленыя лужайки Великобританіи; когда почувствовалъ подъ ногами почву этого острова; когда поѣздъ мчалъ его по зеленой жирной и влажной странѣ, гдѣ старинныя каменныя жилища хранятъ, въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, святыни пышнаго прошлаго; когда онъ замѣтилъ на ночномъ небѣ, сіяніе, стоявшее надъ Лондономъ; когда среди грохота стали и желѣза онъ увидѣлъ подъ собою низкіе домики, улицы, въ глубинѣ которыхъ толпы людей спѣшили, объятыя грустью вечера; когда подъ сводами моста черезъ Темзу показались отдаленныя верфи и доки, онъ ощутилъ что эти лужайки, эта сельская мѣстность, эти сокровища, эта рѣка, этотъ городъ, съ его богатствомъ и съ его нищетою—все это принадлежитъ ему; когда локомотивъ остановился въ Ватерлоо, онъ выпрыгнулъ на платформу, гордясь тѣмъ, что вновь обрѣлъ себя, нетронутымъ, превозмогшимъ и старость и горе, опьяненный желаніемъ въ этомъ многолюдномъ собраніи своихъ соплеменниковъ вернуться къ своей публикѣ и къ своей славѣ.

V.

Лондонъ обманулъ ожиданія романиста: онъ слишкомъ многаго ожидалъ отъ игры солнца и тумановъ, отъ одинокихъ грёзъ въ толпѣ, одинаково спѣшащей и къ мелкимъ и къ крупнымъ успѣхамъ и дѣламъ... Онъ увидѣлъ снова Трафальгарскій скверъ, таверну, въ которой онъ нѣкогда сопровождалъ блестящаго унтеръ-офицера и его рекрутъ, зданіе военнаго министерства, куда его не тянуло болѣе (человѣкъ утомляется всѣмъ, даже зрѣлищемъ горя); онъ замкнулся въ себѣ, но гармонія между разсказомъ о бродягѣ и его собственными чувствами была нарушена. Только одно воспоминаніе мирило его воображеніе съ его сердцемъ: то былъ его переѣздъ черезъ Вельдъ.

Пока будетъ живъ Дингли, степи Оранжевой рѣки никогда не исчезнутъ изъ его памяти. Безпрестанно носится онъ по нимъ, и его мысль окутываетъ ихъ то потемками ночи, то блескомъ дня. Міръ безъ конца населенъ подобнымъ же образомъ невидимыми сожалѣніями и желаніями. Всадникъ, носившійся нѣкогда по выжженной травѣ подъ яркими звѣздами, не свѣтившими ему болѣе, былъ въ меньшемъ отчаяніи, чѣмъ пѣшеходъ, влачившій за собою вдоль Темзы свои сожалѣнія и свою тоску. Въ то время онъ считалъ, что достигъ крайняго предѣла горя. Онъ не зналъ еще, сколько счастья лежитъ на днѣ безпокойства. Теперь у него уже нѣтъ никакой надежды. Никакого событія, никакого приключенія среди этой пустыни горя. Комнатка, куда онъ входилъ каждый вечеръ, была пуста...

Среди его отчаянія жило, однако, его тщеславіе. Такъ какъ онъ не могъ отказаться отъ того, чтобы занимать вниманіе публики (была ли то искренность, страсть къ борьбѣ, злоба на свою безплодность), то онъ написалъ статью, вызвавшую громкій скандалъ въ англійскомъ мірѣ: «Мечъ съ изъяномъ», статью, лишенную красочности, наполненную фактами, яспую и точную, представлявшую собою грубую критику британскаго военнаго дѣла. Дингли требовалъ полнѣйшаго переустройства арміи, обязательной службы взамѣнъ устарѣвшей вербовки милиціи. Онъ припоминалъ унизительныя пораженія Спіонскопъ, Бельмонтъ, Маггерсфонтейнъ, за которыя Британской имперіи едва не пришлось заплатить чрезвычайно дорого. Если взбунтовавшіеся пастухи могли держать подъ страхомъ первую націю въ мірѣ и почти разбили ее, значитъ армія имѣла недостатки.

Несмотря на то, что романистъ написалъ свою статью съ тою легкостью, которою онъ измѣрялъ качество работы, онъ почувствовалъ себя еще легче, когда отослалъ ее въ редакцію *Times* и когда листки ея перестали валяться на его письменномъ столѣ, ибо онъ всегда испытывалъ къ написанному имъ глухую ненависть, столь знакомую многимъ художникамъ.

Два часа спустя Эбенезеръ Адамсъ былъ у него.

Дингли презиралъ его, какъ лавочника, не имѣющаго ничего общаго съ литературой, но считалъ за лучшаго редактора англійской ежедневной газеты, такъ какъ Адамсъ не любилъ общихъ мыслей, никогда не подписывалъ своимъ именемъ ни одной статьи, не дѣлалъ различія между газетнымъ дѣломъ и коммерческимъ предпріятіемъ; и наконецъ, за то, что, обладая умомъ культурнаго человѣка и въ то же время умомъ извозчика, въ силу какой-то тайны, являющейся преимуществомъ вожаковъ людей, Адамсъ постоянно подчинялъ пер-

вую—второй. Поэтому романистъ устремилъ глаза на морщинистое лицо старика съ любопытствомъ ребенка, ожидающаго, чтобы кукушка пропѣла часъ, и ждалъ минуты, когда Адамсъ заговоритъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Адамсъ,—за то, что вы прислали мнѣ вашую статью. Она справедлива: наша система набора ужасна; наши солдаты храбры, но плохо обучены; наши офицеры болѣе увлечены крокетомъ и поло, чѣмъ дѣломъ; наше интендантское вѣдомство—въ плачевномъ состояніи; наши врачи мало свѣдущи, а въ высшемъ управленіи военнаго вѣдомства царятъ фаворитизмъ и удивительная бездарность. Короче говоря, у насъ нѣтъ арміи. Война явилась явнымъ подтвержденіемъ этого факта. Но время провозглашать это еще не наступило. Предоставимъ это дѣло оппозиціи, которая отлично справляется съ своей задачей. Публика еще не созрѣла для того, чтобы выслушивать подобныя истины. А главное, если и есть у насъ люди, критику которыхъ Англія захочетъ терпѣть, то, позвольте мнѣ это вамъ сказать,—вы не изъ ихъ числа. Насколько я понимаю,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на нетерпѣливый жестъ романиста,—вы... какъ бы выразиться? вы—герольдъ, провозвѣстникъ и пѣвецъ успѣха...

Дингли зналъ эту старую пѣсню, которую всегда начинаютъ пѣть, когда поэтъ позволитъ себѣ перейти къ дѣйствію. Раздраженный этими мудрыми совѣтами, ограничивавшими его власть, Дингли защищалъ свою статью съ ожесточеніемъ человѣка, не желающаго сознать, что совершилъ глупость. Ему нѣтъ дѣла, что статья можетъ не понравиться! Дѣло идетъ объ общественномъ спасеніи...

— Я достаточно трубилъ во славу имперіи! Въ настоящую минуту я кричу: «отечество въ опасности!» Я хочу, чтобы меня слышали! И повѣрьте, Адамсъ, только одинъ человѣкъ въ Англіи можетъ высказывать въ настоящую минуту нѣкоторыя истины. Этотъ человѣкъ—я!

Старый журналистъ слушалъ романиста, и удивлялся, открывая такія наивныя иллюзіи въ человѣкѣ, который обычно интересовалъ его своимъ тонкимъ чувствомъ реальности; и не безъ внутренняго презрѣнія онъ удостовѣрилъ еще разъ тотъ фактъ, что художники всегда преувеличиваютъ свое вліяніе на массы и не хотятъ ограничиться ролью забавниковъ.

Статья была напечатана: въ ней было сто пятьдесятъ строкъ. Но этихъ ста пятидесяти строкъ оказалось достаточно, чтобы подорвать популярность, основанную на двадцати томахъ,—трудъ цѣлой жизни.

Порицаніе было всеобщимъ.

Растрачивать въ казармѣ энергію и силу молодости, спуститься до положенія Франціи или Германіи, стонущихъ подъ тяжестью военныхъ издержекъ,—этого было болѣе чѣмъ нужно для приведенія въ негодованіе купеческой и полной традицій Англіи. Съ кучкой солдатъ и моряковъ она завоевала міръ. Блестящій успѣхъ и малая затрата капитала,—вотъ въ чемъ чудо Англіи. Неужели Дингли этого не помнитъ?

Кафе-концерты высмѣивали его съ эстрады въ своихъ пѣсняхъ; сатирическіе журналы помѣщали его карикатуры; ему совѣтовали отправиться законодательствовать къ буйволамъ и обезьянамъ и диктовать правила въ индійскихъ джунгляхъ.

Низведенный съ высоты своего величія, онъ познакомился съ тою меланхоліей, которую влачатъ съ собою по Лондону низвергнутые владыки Востока; онъ узналъ печаль, свойственную состарившимся актрисамъ, комедіантамъ, поэтамъ, всѣмъ, живущимъ за счетъ человѣческихъ чувствъ, подателямъ мимолетныхъ радостей; онъ долго старался опредѣлить это горькое чувство, дотолѣ ему неизвѣстное, которое въ концѣ-концовъ онъ призналъ чѣмъ-то вродѣ ненависти къ человѣчеству.

Онъ не пожелалъ оправдываться: исторія Барра будетъ лучшимъ его отвѣтомъ.

Но (былъ ли то упадокъ, старость, досада?) воображеніе, капризная птица, прирученная имъ нѣкогда, не повиновалось его призывамъ. Какъ понятно стало ему тогда отчаяніе художника, друга его юности, когда тотъ почувствовалъ, что слѣпнетъ, и что сверкающій міръ погружается для него во мракъ! Дингли боялся, что состарился безвозвратно, что истощилъ запасъ грезъ, отпускаемый природою каждому артисту; онъ чувствовалъ себя похожимъ на мистика, не видящаго болѣе своего бога, и міръ для него потерялъ всѣ краски. Но люди, никогда не пытавшіеся писать на радость невѣдомому читателю (верхъ безумія!), не смогутъ понять всей горечи этого человѣка, которому упоеніе чувствъ даже въ раннюю пору его творчества, никогда не приносило творческаго волненія, и который не могъ ничего извлечь изъ сухого мозга.

Среди этой тяжелой тоски его потянуло въ одну изъ публичныхъ музыкальныхъ залъ, которыя онъ любилъ за то, что въ нихъ обнаруживалось иногда много изящества, изобрѣтательности, силы и ловкости.

Когда онъ входилъ въ залу въ воскресный день, около четырехъ

часовъ пополудни, спектакль близился къ концу. На полотнѣ кинематографа, натянутаго передъ сценой, проходили портреты генераловъ, командовавшихъ арміей въ Южной Африкѣ. Всѣхъ, и побѣдителей и побѣжденныхъ, толпа привѣтствовала одинаково восторженно, ибо всѣ были равно почтенными представителями британской силы; зрѣлище было банальное и онъ видѣлъ его сто разъ. Вдругъ, на полотнѣ появилась палатка; подъ этою палаткою двигалась тѣнь. Дингли узналъ Луку дю-Туа.

Буръ держалъ въ зажатой рукѣ коротенькую трубку, огонь которой Дингли видѣлъ собственными глазами; тою же грязью были выпачканы его сапоги, а на плечи былъ накинутъ тотъ же плащъ, въ которомъ Дингли видѣлъ его спящимъ. Молодой человѣкъ, въ томъ видѣ, какимъ Дингли видѣлъ его въ ту ночь, при свѣтѣ фонаря, среди развалинъ фермы, державшій въ рукахъ его судьбу, всталъ передъ его глазами и заслонилъ собою этотъ дрожащій призракъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ романистъ жилъ снова въ южно-африканской степи, подъ ночнымъ звѣзднымъ небомъ... Яркій свѣтъ полотна, съ котораго все исчезло, вдругъ ударилъ ему въ глаза, какъ человѣку, пробуждающемуся отъ сна, и видящаго въ свое слуховое окно полную луну.

Снова холстъ населился человѣческими фигурами. Пустынное мѣсто, съ взъерошенною растительностью, напоминавшей флору дюнъ; въ глубинѣ—Драконовыя горы; дю-Туа и кучеръ Корнелій стоятъ у песчаной насыпи передъ взводомъ солдатъ... То же молчаніе царитъ въ пустынѣ, что и въ этой залѣ, которая вся замерла въ ожиданіи, гдѣ нѣтъ иного звука, кромѣ скрипа прожектора, гдѣ нѣтъ свѣта, кромѣ лучей волшебнаго фонаря.

Вдругъ за кулисами раздалось нѣчто вродѣ ружейнаго залпа; оба человѣка упали на землю; зала наводнилась свѣтомъ; яростные «ура» и припѣвы «джинго» наполнили концертный залъ и подъ шумъ оркестра, бѣшено заигравшаго знаменитую арію:

«Впередъ, солдаты королевы,
За Англію и за Британскую имперію!
Мы будемъ повелителями міра!»

романистъ понялъ, что толпа своимъ энтузіазмомъ явно одобряла его патріотическую неблагодарность по отношенію къ бунтовщику-африкандеру.

Въ тотъ день, когда въ паркѣ Доссиклипа, принося личную благодарность въ жертву интересамъ имперіи, Дингли остался глухъ къ мольбамъ женщинъ, онъ дѣйствовалъ въ согласіи со своимъ наро-

домъ. Въ этомъ, впрочемъ, онъ ни на минуту не сомнѣвался, будучи увѣренъ, что обладаетъ самымъ вѣрнымъ чутьемъ затаенныхъ желаній англійской души. Что значилъ минутный разладъ? Романистъ сохранилъ самую рѣшительную власть надъ этой публикой: власть увлекать ее на тѣ пути, которые были имъ избраны. Конецъ духовной угнетенности! Онъ возбудитъ въ этихъ людяхъ, разсказомъ о приключеніяхъ Барра, то простое, грубое и сильное волненіе, которое они только что испытали при видѣ на этомъ полотнѣ казни героя; но возбудитъ его въ бо́льшей степени, ибо жизнь кинематографа бѣдна и мимолетна, а искусно построенный разсказъ будетъ долго властвовать надъ людьми путемъ всей былой энергіи, воплощенной въ слова!

Съ давно неиспытанною радостью шелъ онъ пѣшкомъ по Странду, когда изъ узкихъ переулковъ Флитъ-Стрита выбѣжали разносчики первыхъ вечернихъ газетъ, и возгласы: «миръ! миръ!»—зашумѣли, какъ капли дождя по сухимъ листьямъ.

Двадцать пять словъ, подписанныхъ Китченеромъ, содержали въ себѣ эту вѣсть. Отправленная наканунѣ въ 11 ч. 15 м. изъ Преторіи, и прибывшая въ военное министерство, телеграмма все утро обходила короля и министровъ. Въ будни она тотчасъ бы сдѣлалась извѣстною публикѣ, но это было англійское воскресенье, и кромѣ того лѣтній день, съ запертыми редакціями и агентствами, съ пустыми лондонскими улицами. Вѣсть, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, разнеслась только позднимъ вечеромъ, когда въ церквахъ служили вторую службу, а омнибусы и поѣзда начинали привозить въ городъ его разсѣявшихся жителей.

На глазахъ романиста, въ нѣсколько минутъ, городъ загудѣлъ необыкновенною жизнью, которая могла повѣдать міру, что изъ всѣхъ человѣческихъ массъ въ минуту радости англо-саксонская толпа торжествуетъ особенно буйно. Но человѣкъ, какъ Дингли, воспламеняется лишь въ одиночествѣ и надъ своими собственными мыслями. Онъ позвалъ проѣзжавшаго извозчика, приказалъ везти себя домой, по улицамъ, на которыхъ вырвавшаяся изъ оконъ побѣда, казалось, остановила день, и долго мечталъ въ этотъ вечеръ, облокотясь на балконъ своего жилища... Пастухи укрощены, разсѣянныя колонны скоро объединятся, и палубы пароходовъ, отъ устья рѣкъ Ламанша и до южныхъ морей, зазвучатъ шумомъ возвращающихся на родину армій.

На Вельдѣ гаснутъ уже послѣдніе огни. Триста тысячъ человѣкъ поѣхали туда. Насколько потучнѣли въ эту минуту его безплодныя пространства? Но что же дѣлать! Имперія не созданіе ангеловъ. Она

построена человѣческими руками, скрѣплена честною человѣческою кровью и омыта людскими слезами. Развѣ жизнь столь драгоцѣнна, что надо скупиться ею, какъ перцемъ или корицею, во времена Георга I? Въ то время, когда онъ сопровождалъ бригаду Гарланда, близъ Тугелы, онъ видѣлъ плотоядные цвѣты, которые питаются насѣкомыми, падающими въ ихъ чашечки. Они были наполнены мухами, привлеченными нѣсколькими черезчуръ поспѣшно похороненными трупами. Кому придетъ въ голову жалѣть этихъ мертвыхъ мухъ?

Онъ покинулъ балконъ. Жена думала, что онъ выйдетъ на улицу и затеряется въ толпѣ. Она ошиблась. Онъ сѣлъ за свой рабочій столъ; и подъ пронзительный свистъ картонныхъ трубъ и копеечныхъ свистковъ Дингли снова принялся за описаніе приключеній лондонскаго бродяги, который становится человѣкомъ, познакомившись на королевской службѣ съ тяжелымъ трудомъ и испытавъ не разъ, какъ по его лицу пробѣгало дыханіе смерти—разсказъ, имѣвшій въ британскомъ мірѣ колоссальнѣйшій успѣхъ, ибо никогда еще писатель не воспѣвалъ съ бо́льшимъ чувствомъ гордости эгоизмъ своей родины...

Перев. **Ал. Чеботаревская.**

У СТАНЦІИ.

I.

Въ ожиданіи

Сырой, туманный день ужъ меркнулъ.

Въ сторонѣ отъ станціи, на третьемъ пути, стоялъ длинный товарный поѣздъ, и изъ раскрытыхъ вагоновъ вытягивались морды лошадей и фыркали, а между ними мелькали головы драгунъ въ красныхъ фуражкахъ.

На карнизахъ зданія и по краямъ крышъ медленно наливались капли отъ влажности, моросившей въ воздухѣ, и, срываясь, падали на цементную площадку. Платформа была мокра и черна. Мѣстами скапливались лужицы, издали онѣ отливали неповоротливымъ блескомъ, темнымъ и тяжелымъ, точно подъ ними уходила бездонная глубь. На скамьѣ, подъ вывѣской «почтовое отдѣленіе», у сѣрой стѣны, по которой переплетался дикій виноградъ, сидѣла женщина, и съ пурпурно-янтарныхъ листьевъ распускавшагося винограда отъ времени до времени слетали капли на ея сѣрую свиту, на темный головной платокъ съ бабьимъ узломъ на шеѣ и на торбочку, лежавшую рядомъ. Въ пазухѣ свиты она согрѣвала, прижимая къ себѣ, спавшаго ребенка.

Передъ ней протягивались и скрещивались ржавые и холодные рельсы, а дальше по ту сторону пути разстилалась ровная, вспаханная на весну, черная, какъ уголь, степь. Наискось виднѣлись прильнувшія къ землѣ, точно уснувшія, одиночныя хаты поселка. На станціи было безлюдно, и сѣрое зданіе безжизненно и печально высилось надъ пустынной степью. Лицо женщины, высохшее, стянутое въ желтую маску, было утомлено, а красные, усталые глаза напряженно окидывали даль степи, точно ища тамъ покоя. И только что-то неуловимое, что пробивалось на лицѣ и въ глазахъ сквозь утомленіе, говорило о томъ, что она еще молода.

На другой скамьѣ, по ту сторону замкнутыхъ дверей, лежалъ на боку бродяга въ опоркахъ, въ истрепанномъ пиджакѣ, подложивъ подъ голову какое-то свернутое одѣяніе. Онъ спалъ, надвинувъ на лицо издерганную барашковую шапку, и по временамъ его черные усы изъ-подъ шапки нервно подергивались.

Изъ какихъ-то дверей вылѣзъ другой бродяга, неуклюжій, съ мѣшкомъ на спинѣ. Онъ былъ въ огромномъ картузѣ, обмотанный въ изношенную хламиду,—не то пальто, не то свита,—съ оттопыренной пазухой надъ ременнымъ кушакомъ и въ тяжелыхъ широкихъ сапогахъ. Фигура его и то широкое, коричневое цѣлое, въ которое сливались борода, шарфъ, воротникъ, темное лицо и картузъ, представляли видъ свирѣпый и мрачный.

Потоптавшись, онъ, тяжело ступая, повернулъ къ скамьѣ, гдѣ сидѣла женщина. И когда онъ подошелъ близко къ скамьѣ, вдругъ стало замѣтно, что въ сапогахъ болтались костлявыя ноги, картузъ былъ несоразмѣрно великъ для худой головы, воротникъ хламиды слишкомъ широко окружалъ тощую шею, растрепанная, развѣвавшаяся борода скрывала изможденное лицо, а недалекіе, круглые глаза смотрѣли умоляюще и робко, тщетно стараясь постигнуть и уяснить что-то неизвѣстное, что всегда носилось передъ нимъ.

Онъ спустилъ со спины мѣшокъ и поставилъ его на скамью. Спина его все оставалась согнутой. Такъ согбенный онъ и сѣлъ рядомъ съ женщиной.

— Поѣзда дожидаете?...—спросилъ мужичокъ.

Голосъ у него былъ слабый и прерывистый, точно клапанъ открывался и закрывался самъ по себѣ, когда хотѣлъ, а не когда нужно было.

Женщина печально покачала головой.

— На почту ходила. Письма отъ человѣка своего спрашивала. На войну пошелъ онъ—и до этихъ поръ не вертается. Всѣ наши уже поприходили. Кто раненый былъ, кто здоровый—вернулись. Вернулись и кто у плѣну былъ. Про моего не чули... Никто не знаетъ...

Женщина концомъ платка вытерла красные глаза.

— Очи повыплакала. Болятъ все и текутъ. Будто туманомъ застилаетъ... Годъ и три мѣсяца уже, какъ послѣднее письмо было А послѣ—нѣтъ и нѣтъ. Ни письма, ни его. Какъ почую, что пришелъ кто съ войны или съ плѣну, такъ и бѣгу за сколько верстъ... Ничего ни чуть. Живу со старухой. Черезъ силу бѣгала, просила чтобъ пособіе и на ребенка дали—безъ отца онъ родился, да на старуху чтобъ отпускали. Всю зиму бѣгала. Четыре рубля дали въ мѣсяцъ. Да, сказываютъ, отнимутъ теперь, война кончилась...

Она замолчала. На площадкѣ появился дежурный, отзвонилъ въ колоколъ и скрылся. Отъ далекаго паровоза повалилъ густой дымъ и, клубясь, опускался на землю, мягко обволакивая влажные и холодные чугунные колеса и рельсы, и казалось, что имъ отъ объятій дыма становилось тепло и покойно.

— Готово!...—донеслось откуда-то.

Прозвучалъ сигнальный кондукторскій свистокъ, ему отвѣтилъ протяжнымъ, скучающимъ свистомъ локомотивъ, вагоны дрогнули, столкнулись, и поѣздъ сталъ удаляться. Въ выемкѣ за оврагомъ вагоны одинъ за другимъ скрывались изъ глазъ, и лишь иногда вырывались надъ землей клубы дыма и быстро таяли. Потомъ и дымъ исчезъ.

Стало пусто, глухо, мертво. Только капли все срывались съ вѣтокъ винограда и докучно, однотонно разбивались о цементъ.

— И я былъ на призывѣ,—говорилъ мужичокъ,—отписали негоднымъ. Питанія, доктора сказывали, нѣтъ никакого. Только на поглядъ человѣкъ, а въ серѣдени нема ничего.

Онъ поднялъ голову и развелъ руками.

— А работать надо... жинка, пятеро дѣтей, пить-ѣсть надо и обуться...

Точно забывшись, какъ въ дремѣ, онъ продолжалъ бормотать вслухъ, какъ будто самому себѣ то, что тысячи разъ думалъ, прикидывалъ на всѣ лады, перебирая однѣ и тѣ же мысли, какъ богомолъ свои четки:—какая была скотина, пришло время—продалъ. Деньги далъ за землю, зерно надо было куплять, потому своего не было ни горсточки, не уродило... Высѣяли пять мѣрокъ... и все...

Онъ снова развелъ шершавыми, одеревенѣлыми ладонями и вперилъ расширенный, неподвижный взглядъ въ мокрый цементъ. За этимъ «все» начиналось темное, неизвѣстное, спутанное и тягучее.

— Въ осени,—заговорила женщина,—ходила я въ колоскй, по жнивью колоски ячменя подбирала. По колосу-по колосу за день полмѣрки набиралося. Насобирала десять пудовъ до зимы...

Мужичокъ оживился.

— Посѣяла иль продала?

На лицѣ солдатки мелькнула стыдливая и горькая улыбка и красные глаза заблистали.

— Было тяжко, чуть не продала, да перетерпѣла. Для хозяина берегу, вернется—будетъ что посѣять...

— Такъ... такъ...

И мужичокъ отвернулъ голову, чтобы не смущать ея своимъ неловѣрчивымъ, безнадежнымъ взглядомъ.

— На деревнѣ выйду на гору и все смотрю на дорогу... Ходила у волость и до начальника, сказываютъ, подожди... Каждое воскресенье и каждый праздникъ хожу на почту за письмомъ. Пока сюда идешь, будто легче, все письма ожидаешь, а назадъ какъ идешь... будто въ серѣдени что влѣзло и ползаетъ... сырое та острое и тянетъ...

Мужикъ сокрушенно поникъ головой и пошевелилъ большими ушами, такъ что задвигался его огромный картузъ.

— Ждать надо... Всѣ ждутъ. Люди вотъ земли все ожидаютъ—къ осени, сказываютъ, землю давать будутъ... Кто знаетъ, правда то или нѣтъ, а ждать надо... надо ждать...

И въ прерывистомъ, дребезжащемъ голосѣ его зазвучали твердыя нотки.

— Ждите!...—вдругъ пробасилъ тотъ, который лежалъ на другой скамьѣ. Онъ привсталъ, потягиваясь и разминаясь.—Ждите...—говорилъ онъ, опершись о спинку, зорко и пронизывающе оглядывая женщину:—такъ вамъ и полегчаетъ... Мать моя учила: проклятъ тотъ, кто думаетъ, что будетъ лучше!

Онъ лѣнивымъ, мѣрнымъ движеніемъ досталъ жестяную табачницу и закрутилъ папироску, продолжая говорить:

— Ну... и я думаю такъ. При всякихъ способахъ человѣкъ ѣстъ человѣка. Ни кола у меня, ни двора, а никого и ничего я не жду. А меня вотъ ждутъ, бываетъ, очень даже поджидаютъ...

И усы его нервно передернулись и чуть-чуть блеснули бѣлые зубы.

Мужичокъ, покашливая и мигая своими круглыми глазами, спросилъ:

— А съ какой стороны будете?

— Я самъ сторона. Гдѣ я, тамъ и сторона моя.

На площадкѣ снова появился дежурный и сталъ звонить повѣстку. Хаты, виднѣвшіяся у оврага, закурили: то надъ одной, то надъ другой показались сѣрые клубы дыма, извивались и падали, стелясь по чернымъ комьямъ земли. Хозяйки варили «вечеру». Запахло тлѣющимъ кизякомъ и перегорѣвшей соломой. Звонарь ушелъ, а колоколъ еще долго издавалъ въ тишинѣ вечерѣвшаго дня слабый, точно далекій-далекій церковный звонъ невидимаго за далью села.

— Надо идти...

Женщина поднялась, поправила ребенка и взяла торбочку. Ребенокъ проснулся и смотрѣлъ въ глаза матери. Поднялся и мужикъ и кряхтя взвалилъ на спину мѣшокъ.

— А ты не жди, молодайка, понапрасну...—говорилъ черно

усый бродяга, измѣряя ее вдоль и поперекъ взглядомъ:—иди въ городъ, жить будешь. Еще какъ заживешь!

— Привычная я до деревни...—нехотя, смотря внизъ, отвѣтила женщина.

Бродяга отвернулся и, снова примащиваясь къ отдыху, замѣтилъ:

— Человѣкъ—не лягушка, не долженъ къ болоту привыкать.

Мужичокъ и женщина прошли мимо него по платформѣ и пошли вдоль рельсъ, и когда очутились у сторожевой будки на переѣздѣ, мужикъ пошелъ вдоль пути, а женщина свернула въ сторону и направилась широкой, полевой дорогой. Дорога была изборождена колесами и изрыта слѣдами лошадиныхъ ногъ. Мутная вода длинными полосками скопилась въ продольныхъ колеяхъ и въ круглыхъ ямкахъ отъ копытъ.

Стемнѣло. Только у горизонта еще свѣтлѣла бѣлесоватая полоска, сгущаясь постепенно, неуловимо.

Становилось трудно различать путь глазомъ, и она угадывала дорогу, направляя свой привычный шагъ по бороздамъ пути, звучно шлепая по раскисшему грунту.

И дорога, и степь стелились впереди одной черной массой. Казалось, что это огромное чудище, передъ каждымъ шагомъ ей впередъ, тяжело вздымалось и колебалось, точно дорога и степь шли ей навстрѣчу. И чѣмъ болѣе темнѣло въ воздухѣ, тѣмъ смѣлѣе приближалось чудище, выростало у ногъ, перекатывалось у самыхъ глазъ и вновь начинало подниматься. А когда на горизонтѣ исчезла послѣдняя сумеречная полоска угасшей зари и глухая, холодная ночь, стелившаяся у земли по кочкамъ, стала подниматься, черная степь медленно выросла въ послѣдній разъ до самаго неба и поглотила въ свои нѣдра путницу.

II.

Пытались бѣжать...

Демьянъ Бурукъ сидѣлъ на землѣ у какой-то стѣны, въ концѣ анціоннаго поселка, и смотрѣлъ передъ собой вдаль. Онъ приходилъ на станцію справиться у знакомаго смазчика, не будетъ ли на ути какой работы, и теперь, передъ дорогой въ свою деревню, отдыхалъ. Недалеко отъ него подъ заборомъ на камнѣ сидѣлъ парень ъ косовороткѣ, будто городской, въ такомъ картузѣ, какъ въ городѣ ходятъ,—и читалъ газету. Уперся въ газету, точно кладъ тамъ шелъ.

Еще былъ день, а казалось, будто клонило къ вечеру. На западѣ склонились тяжелыя темно-синія тучи и оттого было сумрачно. Отъ поселка шелъ широкій трактъ въ уѣздный городъ, и среди темной зелени, разросшейся по жнивью, въ косыхъ скользившихъ по землѣ лучахъ заходившаго за тучи солнца, дорога казалась малиновой. Демьянъ смотрѣлъ на зеленое поле и думалъ: хлѣба вотъ не уродились, а отава какая пошла—скотина поправится. Лицо у него было молодое, безволосое, а глядѣло старческимъ, перекошеннымъ и изломаннымъ, цвѣта изжелта-въ-темное, и казалось, что ни смѣхъ, ни улыбка никогда не сдвигали и не могли сдвинуть его застывшую угрюмость. Хотя онъ былъ босъ, въ портахъ и въ рваномъ картузѣ, но считался на деревнѣ хозяиномъ, а себя признавалъ человѣкомъ съ понятіемъ и старался при всякихъ обстоятельствахъ изворачиваться. Вотъ и теперь—другіе сидятъ, пока еще есть хлѣбъ, а онъ уже бродитъ по всей округѣ—ищетъ работы. Главное—умѣючи надо съ каждымъ слово сказать, какъ подойти. Потрафить надо. Прикинешься дуракъ-дуракомъ, бываетъ и выгоритъ.

Вдоль тракта бѣжала линія телеграфныхъ столбовъ, и въ верстахъ двухъ столбы и дорога круто спускались куда-то и исчезали. А затѣмъ, далеко, уже справа, снова показывались, поднимались вмѣстѣ съ землей и скрывались за гранью полей. Тамъ за гранью и былъ городъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ трактъ и столбы ниспадали, проходила глубокая и широкая балка. Она называлась «Волчья балка»,—въ одномъ изъ отроговъ ея спускался оврагъ, поросшій терновникомъ, бузиной и берестюкомъ. Въ этомъ оврагѣ Демьяну не разъ приходилось ночевать.

Какъ будто что-то его толкнуло—и онъ повернулъ голову къ поселку. На концѣ базарной площади, гдѣ была винная лавка, шевелилась толпа. Внутри у него что-то екнуло. Едва онъ успѣлъ приподняться, какъ стали доноситься крики, непонятно что кричали, а народъ бросился вразсыпную. Раздался выстрѣлъ, другой, третій. Неизвѣстно, что тамъ было, но онъ рѣшилъ уходить подальше. Парень тоже уходилъ, запихивая въ карманъ газету. Повернулся Демьянъ, хотѣлъ податься въ степь, къ балкѣ, какъ увидѣлъ казаков на рыжихъ лошадяхъ въ бѣлыхъ рубахахъ; пригнувшись, они скакали по за домами поселка, чтобы окружить и захватить бѣжавшихъ. Держать путь къ балкѣ—поздно, а бѣжать нужно. Попадешься имъ въ руки и не уйдешь еще, человѣкъ онъ здѣсь неизвѣстный, незамѣтный, скрутятъ и дыхнуть не дадутъ. Онъ двинулся въ переулокъ. Впереди его бѣжалъ подъ заборомъ парень. Главное—до

жать бы къ станціоннымъ постройкамъ, къ разнымъ разбросаннымъ пакгаузамъ и садкамъ, залечь тамъ и переждать.

Бѣжитъ и слышитъ, что и толпа свернула за нимъ отъ казаковъ. Мчатся по переулку. А за ними—топотъ лошадей и гиканіе. Кричатъ:—ратуйте!... А-а!... О-о...

Оглянулся Демьянъ—летитъ казакъ на него. Какъ-то рѣзко бѣлѣютъ зубы, а лицо спокойное, твердое, какъ кирпичъ. И страшно такъ стало отъ этой твердости у человѣка, гнавшаго другого человѣка, что онъ крикнулъ, не зная зачѣмъ и для чего, какъ другіе:—А-а!... и побѣжалъ.

Вдругъ около почувствовалъ дыханіе лошади, мелькнула морда, и въ то же мгновенье полоса раскаленнаго желѣза протянулась по плечу и груди. Онъ зашатался, казакъ круто повернулъ передъ нимъ лошадь и прижалъ его къ стѣнѣ.

— Стой!...

Запыхавшись, подбѣжалъ стражникъ, темный, съ черными усами, подбѣжалъ вплотную и молча ударилъ кулакомъ по лицу, потомъ подъ челюсть, а когда Демьянъ укрылъ голову руками, сталъ бить его ножнами съ шашкой по чемъ попало.

— Ступай, окаянная морда!...

Стражникъ толкнулъ его въ спину и пошелъ, тяжело дыша, рядомъ. Впереди ѣхалъ казакъ и смотрѣлъ по сторонамъ. Поникнувъ головой, шелъ Демьянъ и ничего не могъ взять въ толкъ. Въ головѣ ныло, что-то кружилось...

Его и еще двоихъ собрали у дома урядника и ввели въ низкую душную комнату. У окна стоялъ некрашеный столъ, на немъ валялись разныя бумаги, чернильница, бутылка со вставленной свѣчой и окурки. Вслѣдъ вошелъ урядникъ. Въ каждаго пойманнаго онъ впивался взглядомъ, точно старался на всю жизнь запечатлѣть физіономію, и по частямъ медленно осматривалъ съ ногъ до головы.

— Обыскать!

Понемногу Демьянъ отошелъ отъ страха, осмотрѣлся и сообразилъ, что дѣло плохо. Хай ему бѣсъ, кто натворилъ все это. Два другихъ приведенныхъ съ нимъ были молодые парни, одинъ тотъ, городской, что сидѣлъ около него и газету читалъ, а другой вродѣ мастерового. Волосы у нихъ были сбиты и спутаны, прилипали ко лбу, у одного разорвана рубаха, подбитъ глазъ, у другого раскровавлена скула и по лбу шла косо царапина. Самые арестанты... Демьянъ вздохнулъ, подумавъ, что и его, значитъ, разукрасили въ такомъ же видѣ.

Въ комнату вошелъ худой, высокій, изможденный человѣкъ съ бѣльмомъ на глазу. Прерывисто дыша, онъ бросился на стулъ и вперилъ въ урядника свой другой черный глазъ.

— Узнаете, подлецовъ?

— А чортъ ихъ узнаетъ,—отвѣчалъ человѣкъ съ бѣльмомъ:— десять ихъ было, а то и больше!... Дождались вотъ. Давно мнѣ передавали: на монополькy собираются. Просилъ я стражу дать. Вотъ теперь...

Демьяна встряхнуло и стало ему жарко. Рѣшиться надо, а то пропадешь. Ратовать себя надо, вызволять, пока можно. Человѣкъ съ бѣльмомъ ему былъ немного знакомъ. Вспомнитъ ли только онъ его? Демьянъ рѣшился. Онъ вдругъ бухнулъ на колѣни, состроилъ тупое, глупое лицо и глухимъ, хриплымъ голосомъ сталъ молить:

— Господинъ урядникъ... не виненъ я... только теперь услыхалъ... ничего не зналъ... Господи милостивый, Боже мой, не виненъ я... за водокачкой сидѣлъ, на самомъ краю, у тракта и не видалъ ничего... денно и нощно буду молить Бога, а я невиненъ...

— Невиненъ, мерзавецъ!

Урядникъ подошелъ къ нему и, стиснувъ зубы, двинулъ кулакомъ по лицу. Потомъ поднесъ руку къ глазамъ, приблизился къ окну и сталъ у свѣта разсматривать ссадины на рукѣ отъ удара.

Демьянъ только заморгалъ глазомъ и виду не показалъ, что ударили его, думая этимъ угодить.

— Ей-Богу невиненъ... Они вотъ знаютъ меня... и духу моего тамъ не было...

Онъ указалъ на человѣка, который смотрѣлъ на него въ упоръ своимъ здоровымъ чернымъ глазкомъ. Урядникъ вопросительно обратился къ нему.

— Чортъ его теперь узнаетъ—голова распухшая, глазъ подбитъ... морда будто знакомая... кажется, что-то такое... А скажи-ка, тебя какъ звать?

— Демьянъ Бурукъ, господинъ, Демьянъ Бурукъ...

— Вѣрно, знаю! Изъ Завертайловки. Ты это солому мнѣ перевозилъ?

— Солому и полову, господинъ, въ самую грязь въ осени, а что тамъ было, ей-Богу не видалъ и не знаю ничего...

— Это онъ, Завертайловскій. Ничего мужикъ, хозяинъ...

Урядникъ взглянулъ на его босыя ноги и сердито проворчалъ:

— Ну, это мы разберемъ... своевременно...

Но Демьянъ уже почуялъ по всему разговору, взглядамъ и лицамъ, что на него смотрятъ теперь иначе и чего добраго, можетъ, і

сегодня отпустятъ. И онъ только теперь рѣшился потрогать свой глазъ и утереться. Послѣ обыска стражники и казаки выложили на столъ табакъ въ бумажкѣ, складной ножикъ, засаленный паспортъ, три рубля денегъ и газету. Доставая ее изъ кармана парня, стражники протянули:—А-а... вотъ и газеты...

И урядникъ прежде всего схватилъ газету и принялся ее разсматривать. Всѣ глянули на парня, точно поймали его на чемъ-то, что не предвѣщало ничего добраго, и съ любопытствомъ смотрѣли на печатный листъ.

— Чья газета?—спросилъ урядникъ.

— Моя...—отвѣчалъ парень:—Я, господинъ урядникъ, къ этому дѣлу непричастенъ. Чего тамъ случилось, чего народъ собрался—я неизвѣстенъ. Я на другомъ краю сидѣлъ, поѣзда дожидаючи, и вотъ эту газету читалъ. Вотъ онъ, этотъ самый, сидѣлъ со мной, гдѣ трактъ.

— Непричастенъ! Всѣ вы непричастны, когда попадаетесь. Ангелы, а не люди...

Урядникъ разсматривалъ паспортъ и бормоталъ: «керченскаго градоначальства... нигдѣ не прописанный... Эти нигдѣ не прописанные самый безпардонный народъ...» И вдругъ спросилъ у Демьяна:

— Ты съ нимъ сидѣлъ на тракту?

Демьянъ своимъ подбитымъ и здоровымъ глазомъ сколько могъ вникъ во взоры урядника и ловилъ скрытыя нотки прозвучавшаго вопроса. Чуялось ему, что дѣло здѣсь идетъ не столько объ этомъ парнѣ, сколько о немъ. Приналечь еще, высказать такое подходящее и смотри—выскочишь изъ всего этого. Коли урядникъ спрашиваетъ его, тутъ уже значитъ выходитъ оборотъ. Онъ посмотрѣлъ на парня, обвелъ его глазомъ и потомъ съ грустнымъ видомъ человѣка, которому могутъ не вѣрить, но который рѣшилъ говорить одну только правду, гулко высказалъ:

— Первой разъ вижу. Около тракту за водокачкой, помню какъ сейчасъ, не было никого и никто не проходилъ. Кабы кто шелъ или сидѣлъ, я бы примѣтилъ.

Оглядывая людей и, какъ бы оправдывая себя и его, онъ добавилъ:

— Можетъ, онъ тамъ былъ, только я не видѣлъ.

Въ низинѣ «Волчьей балки» Демьянъ свернулъ въ сторону и у оврага среди зарослей бузины присѣлъ. Тѣхъ двоихъ погонятъ въ станъ, а его освободили, и теперь онъ думалъ, какъ ему показаться на деревнѣ въ такомъ видѣ.

Синія тучи сгустились и нависли мрачной свинцовой массой. Потемнѣло. Было тихо и парило. Въ балкѣ стоялъ густой, удушливый запахъ отъ осыпавшихся сѣмянъ бурьяна и сухихъ листьевъ, и дышать было нечѣмъ. Демьянъ рѣшилъ, что къ ночи будетъ дождь. Онъ хотѣлъ было перейти къ заброшенному куреню, который темнѣлъ надъ скатомъ, какъ вдругъ на трактѣ, надъ самой балкой, показалось облачко пыли, а потомъ выросли странныя фигуры. Демьянъ припалъ къ землѣ, зарылся въ самую гущавину и осматривалъ снизу сквозь вѣтви появившихся путниковъ. На гребнѣ склона, надъ гранью земли, лошади, всадники и пѣшеходы казались огромными чудищами. Они будто отдѣлялись отъ земли и своими необыкновенными длинными ногами шагали въ воздухѣ. Когда они спустились ниже, диковинныя фигуры преобразились въ двухъ всадниковъ и двухъ пѣшеходовъ.

Они медленно приблизились ко дну балки и на насыпи остановились. Верховые что-то говорили пѣшимъ и указывали рукой въ сторону. А тѣ неподвижно стояли посреди дороги... Вдали загремѣло, и тяжелые перекаты угрюмо поползли по балкѣ... Вслѣдъ за этимъ на трактѣ случилось такое, что Демьянъ затаилъ дыханіе, тѣснѣе припалъ къ землѣ и едва только улавливалъ однимъ глазомъ сквозь маленькое пространство между листьями, что тамъ происходило. Всадники напирали своими лошадьми на путниковъ, а потомъ принялись стегать ихъ бичами по чемъ попало—одинъ изъ нихъ побѣжалъ съ насыпи въ сторону, а другой шарахнулся, уцѣпился за стремя и повисъ. Конь взвился съ мѣста, путникъ упалъ, поднялся и побѣжалъ назадъ, по склону. Гулко разнеслись два выстрѣла. Одинъ, на склонѣ, упалъ навзничь, а другой бѣжалъ прямо на Демьяна, въ оврагъ. Раздались еще два выстрѣла—и этотъ, согнувъ странно передъ собой руки, свалился впередъ, будто споткнулся.

Всадники понеслись по балкѣ и стали быстро подниматься на верхъ... Темныя тучи остро прорѣзала сверху до низу яркая молнія, и, когда они достигли гребня и вновь понеслись по ровному, исчезая за склономъ, загрохоталъ громъ. Своимъ рокотомъ и перекатами онъ, тяжело громыхая, точно гнался вслѣдъ за исчезавшими ѣздоками.

Изъ зарослей поднялся Демьянъ и быстро полѣзъ верхъ по овр гу. Онъ хватался за кустики травъ, за комья, за обнаженные ко ни, срывался, скребъ землю, точно страшное цѣплялось за его бос ноги. Поднявшись наверхъ, онъ что было духу пустился по сте къ своей деревнѣ.

Когда наступила ночь, разразилась гроза. Ливень пошелъ ли

Балка наполнилась шумомъ и грохотомъ—со склоновъ неслись бурные потоки, разрывая землю, скатывая камни, роя ямы и овраги. Они подмыли трупъ, лежавшій на скатѣ, и снесли его на низъ. А внизу уже бурлила рѣчка и бѣшено мчалась въ водоворотахъ по балкѣ, перекатывая, поднимая и унося все встрѣчное. Съ верховьевъ вода прибывала, поднималась, разорвала насыпь и неистовый потокъ, подхвативъ трупы, понесъ ихъ далеко внизъ. У зарослей терновника, гдѣ воды разлились и кружились на мѣстѣ, они уткнулись въ кусты и осѣли. Ихъ стало заносить илomъ и пескомъ.

Л. П. Сокальскій.

Діана де-Пуатье.

Надъ блѣднымъ мраморомъ склонились къ водамъ низко
Струи плакучихъ ивъ и нити блѣдныхъ вербъ.
Дворцовъ Фонтенебло торжественный ущербъ
Тобою осіянъ—Діана одалиска.

Богиня строгая съ глазами василиска,
Надъ трономъ Валуа воздвигла ты свой гербъ
И въ замкахъ Франціи сіяетъ лунный серпъ
Межъ лилій Генриха и Саламандръ Франциска.

Въ безстрастной наготѣ среди охотницъ-нимфъ
По паркамъ ты идешь, волшебный свой заимфъ
На шею уронивъ Оленя-Антеона.

И онъ—влюбленный принцъ, съ мечтательной тоской
Глядитъ въ твои глаза, владычица!—Такой
Ты намъ изваяна на мраморахъ Гужона.

Максимиліанъ Волошинъ.

ПО СПѢШНОМУ ДѢЛУ.

Очеркъ.

I.

Капитанъ Дорошенковъ прислалъ изъ роты записку:

«Милая Сафа! задержало неожиданное дѣло. Вернусь, можетъ быть, поздно. Твой Костя».

Серафима Сергѣевна прочла и пожала плечами. Какъ разъ сегодня Вовочкѣ минуло три года, а вечеромъ собирались ѣхать въ театръ.

— Капитанъ въ собраніи?

— Никакъ нѣтъ, уѣхали.

— Одинъ?

— И никакъ нѣтъ... Ихъ благородіе поручикъ Бурхановскій съ ими.

Она подумала.

— Тамъ... въ полку... ничего не случилось?

— Не могу знать... и никакъ нѣтъ. Только что ихъ высбродіе приказали вечорнія занятія чтобъ безъ ихъ...

«Какое дѣло? и почему онъ не могъ ясно написать? могъ бы заѣхать, сказать... А теперь надо ждать до ночи... Поѣхалъ съ этимъ пьянчужкой!...»

Она чувствовала себя обиженной. Конечно, она увѣрена въ своемъ Костѣ, какъ въ себѣ. Всегда уравновѣшенный, онъ не способенъ бѣгать за всякой «пошлой бабенкой», какъ Бурхановскій, и пропадать по ночамъ, какъ капитанъ Устиновъ. Этотъ серьезный человѣкъ умнѣе всѣхъ товарищей по полку, и только неудачныя обстоятельства толкнули его въ казарму. Онъ могъ бы поступить въ академію, но у него мало характера, и дѣти не даютъ ему заниматься. Когда онъ приходитъ изъ роты и пообѣдаетъ, вся «тройка» отправляется съ

нимъ къ большому дивану. Они виснутъ у него на ногахъ, ерошатъ курчавые волосы, и онъ забываетъ съ ними скучную службу и смѣется такъ заразительно.

— Барыня, усё справилъ... готово,—доложилъ денщикъ въ бѣлой гимнастеркѣ.

— Что?... Ахъ, да... подавай. Дѣти, обѣдать!

Они всегда обѣдали вмѣстѣ. Изъ дѣтской выбѣжалъ Костя, плотный шестилѣтній, большеглазый мальчуганъ, сестренка Ляля, годомъ моложе брата, и толстякъ Вовочка, неповоротливый «капитанъ».

— Папа гдѣ?—закричали дѣти, смотря на пустой стулъ у окна.

— Папа занятъ. Молитесь Богу. Вовочка, ты садишься не на свое мѣсто. Въ чемъ у тебя руки, грязнуха?

— Онъ, мамочка, угольки изъ печки вытащилъ...

— Сама вытасила...

— Ляка мальчикъ. Кононенко, вымой ему руки, грязнухѣ...

— Безъ папы я обѣдать не буду,—рѣшительно заявилъ Костя и засунулъ руки въ карманы.

— Безъ разговоровъ... Ты сидишь, какъ мужикъ...

— А я, мамочка, знаю, что у насъ будетъ... а Костя не знаетъ...—затараторила Ляля.

— Знаю... трубочки. Мнѣ Кононенко сказалъ.

Обѣдъ тянулся скучно. Поджидая «пирожки», Вовочка плохо ѣлъ супъ и пускалъ пузыри. Найдя жареный лукъ, онъ сморщился и заявилъ, что въ супѣ плаваетъ тараканъ. Серафима Сергѣевна чувствовала себя обиженной. За столомъ водворялась анархія. Вовочка уже макалъ въ супъ пальцы и водилъ по столу.

Звонокъ.

— Папа! папочка пришелъ!—крикнули три голоска.

Но пришелъ не папа: пришелъ капитанъ Саввичъ, «забытый капитанъ», какъ звали его въ полку. Это былъ сухенькій старичокъ, прихрамывавшій отъ турецкой пули.

Приходъ капитана былъ необыченъ. Онъ обыкновенно являлся къ вечеру, бралъ стаканъ чаю и трунилъ надъ «семейнымъ счастіемъ». А сегодня онъ пришелъ въ два часа и имѣлъ настороженный видъ.

— Видѣли мужа? Ахъ, простите... здравствуйте... Видѣли Костю?

— Видѣлъ... гм... а что-съ?

— Онъ прислалъ записку...

— А-а... да... да... Спѣшное дѣло... А что?

Капитанъ отстегнулъ шашку съ орденскимъ темлякомъ, распра вилъ сѣдыя бачки и откашлялся.

— Я собственно и зашелъ... «Забѣги, говоритъ, скажи женѣ...» Безпокойная вы барыня... хе-хе...

— Но что же у васъ тамъ за дѣла?... вы-то знаете?

— То-есть что я знаю?... Порученіе какое-нибудь... Поѣхалъ съ Бурхановскимъ, вотъ и все.

— Хотите обѣдать? Да что вы сегодня такой...

— То-есть какой «такой?...» Самый обыкновенный... Водки рюмку выпить могу... гм... гм... Только водку и пить теперь...

Онъ сдѣлалъ гримасу, вспомнивъ что-то непріятное, и причмокнулъ.

— Ну, какъ, кочерыжка, живешь?—спросилъ онъ, ероша стриженую голову Кости.

— А у насъ трубочки,—сказала Ляля.

— Ахъ ты, сдѣлайте ваше одолженіе... трубочки!... Хорошее дѣло—трубочки...

— А папы нѣтъ,—сказалъ Костя, пересчитывая пуговицы на потертомъ мундирѣ капитана.—Папа страсть любитъ трубочки!

— Ага... Мало ли кто что любитъ. Такъ-то, братъ...

Сѣли за столъ, гдѣ Вовочка успѣлъ разсыпать соль и теперь размазывалъ горчицу.

— Вовка, я тебя выведу... Видите, какой хаосъ... Нянька ушла со двора. Кононенко, дай водку!...

Капитанъ выпилъ рюмку, закусилъ корочкой, потомъ выпилъ еще. Онъ сидѣлъ, разглаживая бачки и покашливалъ.

— Такъ вотъ-съ... теперь пойду-съ,—вдругъ заторопился онъ.—Отдохну, а тамъ и въ роту... Въ театръ собираетесь сегодня... Кто это мнѣ говорилъ?...

— Думали... да вотъ какъ Костя...

— А-а...да... «Корневильскіе колокола...» такъ-съ... такъ-съ... очень хорошо... Ну, прощай, кочерыжка...

— Послушайте, Иванъ Петровичъ... Вы что-то знаете... Скажите же, что такое?

Смутная тревога не покидала ея, глядѣла изъ ея глазъ.

«Забытый капитанъ» внимательно посмотрѣлъ на нее, и его глаза сказали ей что-то, но что они сказали, она не могла понять.

— Говорите, говорите!... Я знаю, что есть что-то... Иванъ Петровичъ!...

Ей почему-то казалось, что она такъ несчастна сегодня. Она готова была заплакать.

— Что «что-то?»—передернулъ плечами «забытый».—Да что вы, ей-Богу!... Ничего нѣтъ... дѣло...

— Какое дѣло?...

— Не знаю, не знаю, не знаю... Вотъ пристали... Эй, ты... какъ тебя... ты!—Онъ защелкалъ пальцами, смотря на Костю.—И отдохнуть не успѣешь... Э-эхъ, барынька... Ну, такъ и зналъ—плакать... Сдѣлайте ваше одолженіе... А, чортъ меня понесъ... Ты, кочерыжка!... Гдѣ моя шашка? куда я ее дѣвалъ?... Костя! давай шашку!...

Онъ заторопился, зацѣпилъ коврикъ и чуть не упалъ.

— Скажу завтра Костькѣ... Поучилъ бы васъ, что ли... До свиданія...

Онъ хлопнулъ дверью, и слышно было, какъ стучала его шашка по лѣстницѣ.

Кононенко подалъ трубочки и на цыпочкахъ отошелъ къ двери. Дѣти притихли: они чувствовали, что случилось что-то.

— Не хочу,—сказалъ Костя, впиваясь глазами въ трубочки:—я буду ждать папу.

Ляля протянула тарелку, взглянула на мать и поставила тарелку на мѣсто. Но Вовочка попросилъ «пирожковъ». Ему положили двѣ трубочки, и онъ, осматривая ихъ глазами лакомки, сталъ вытягивать язычкомъ кремъ.

Изъ кухни донесся быстрый говоръ: вернулась нянька.

— Слышали, барыня?

— Что?—вздрогнула Серафима Сергѣевна.

— Пристава-то на Варягинской, сказываютъ, убили...

Дѣти съ широко раскрытыми глазами смотрѣли на красное лицо няньки. Вовочка кушалъ трубочку.

II.

Въ семь часовъ позвонили въ передней. Явились Ивановы: высокій, какъ жердь, штабсъ-капитанъ съ полненькой брюнеткой Люси.

— Ты еще не одѣта? Боже мой, восьмой часъ...

— Я не ѣду... Кости нѣтъ...

— Какіе пустяки!...

— Погоди... Капитанъ, вы знаете, конечно... Какое у него дѣло?... Заходилъ Саввичъ, какой-то странный...

Штабсъ-капитанъ насторожился.

— Да, да... Пришелъ транспортъ... патроны... Онъ и поѣхалъ принять... и Бурхановскій... Нельзя такъ вѣдь...

— Замолчи!—крикнула Люси.—Эти ваши патроны... Одѣвайся, одѣвайся... нечего ждать...

— Оставь... Но почему же такъ долго?

— Да вѣдь... принять надо, повѣрить... разгрузить...

— Захлопни свою пасть... До чего онъ мнѣ надоѣлъ съ своей дурацкой службой!...

— Я хочу объяснить Серафимѣ Серг...

— Уйди... замолчи... Какая-то статья на костыляхъ...

Ивановъ скучно повелъ глазами, а самъ подумалъ:

«Тряпки вы тряпки. Вамъ глаза отводятъ... а вы...»

Серафимѣ Сергѣевнѣ ѣхать не хотѣлось.

— Пристава сегодня убили?—спросила она.

— Ахъ, эти... «исподпріятели...» Представь, мой ухитрился выиграть вчера. Изъ театра ѣдемъ ужинать...

— А не прихватить ли «забытаго?» все равно билетъ пропадаетъ...—предложилъ Ивановъ.

— Ну, конечно... все веселѣй, чѣмъ съ тобой...

Штабсъ-капитанъ отвернулся и посвисталъ.

Беззаботность Люси и дѣловой тонъ Иванова успокоили Серафиму Сергѣевну. Если бы было что-нибудь, конечно ее не стали бы звать въ театръ. Да что же могло случиться? Конечно, ничего. Просто разстроены нервы отъ всѣхъ этихъ происшествій, убійствъ, казней... Но «забытый» былъ такой странный сегодня. Впрочемъ, онъ всегда какой-то такой...

Серафима Сергѣевна приказала нянькѣ укладывать дѣтей не позднѣе восьми и сказала, что ѣдетъ въ театръ.

Когда всѣ уѣхали, нянька накормила Лялю и Вовочку и увела въ дѣтскую. Тамъ Вовочка и Ляля, стоя въ кроваткахъ, въ коротенькихъ рубашонкахъ, прочли «Богородицу», и Вовочка, дѣлая земной поклонъ, поглядывалъ изъ-подъ руки, кланяется ли Ляля, и потомъ долго упирался головкой въ подушку.

— Ну, ты... «капитанъ», не фасонься,—торопила нянька, давая легкій шлепокъ.—Спать пора, сорока ночная.

— Сама солока. Пусти Вовоську къ Лялѣ... Пойду къ Лялѣ ба-бай...

— Я те пойду! Ну, спи... а то Боженька съ розгой придетъ.

Вовочка поднялъ голову и долго вглядывался въ образъ въ углу съ вербочкой, и ему казалось, что вотъ-вотъ раскроется стеклышко, черный Боженька протянетъ оттуда длинную-длинную руку и будетъ грозить розгой.

— А папа-то насъ и не перекрестилъ... Гдѣ папа? позови папу,— протянула Ляля.

— Па-пу... па-пу хотю... па-а-пу...—сталъ плакать Вовочка.

Сегодня они не видали отца, и имъ было скучно.

— Спите,—строго сказала нянька.— Ишь темень-то какая... Но-очь идетъ. Волки ходятъ у двора.

Вовочка юркнулъ подъ одѣяло и уже оттуда взглянулъ на темное окно дѣтской. Ляля, стоя въ кроваткѣ, съ голыми ручками и сбившимися черными локонами, напряженно, съ скрытымъ страхомъ смотрѣла на окно.

— А большіе волки?

— До потолка. Ну, ложись, ложись... Ужнать скоро. Костюшка не ложится... опять на куфнѣ... Ты это чего?...

Вовочка нылъ подъ одѣяломъ. Онъ по опыту зналъ, что если хорошенько поплакать, то няня сейчасъ же начнетъ гладить его по спинкѣ, тихо-тихо похлопывать по ножкамъ, и потомъ... потомъ сразу наступаетъ яркое утро, и солнышко играетъ по потолку.

— Няня... заклой окно... ночь тамъ...

— То-то ночь... А ты спи... Чего глаза пучишь, стрекоза беззубая...

Нянька задернула окно и стала гладить Вовочку. Сперва онъ думалъ, какая хорошая няня, какъ тепло отъ ея рукъ; потомъ вспомнилъ темное окно, волковъ, которыхъ онъ представлялъ похожими на большихъ «тпрукъ», какъ они ходятъ «у двора» и махаютъ большими хвостами; потомъ вдумчиво посмотрѣлъ на бѣгающую по потолку тѣнь отъ вербы, вспомнилъ трубочки и улыбнулся... уже во снѣ.

Ляля спала. Лампада тихо мигала. Въ дѣтской носились тѣни сна. Нянька скрипнула дверью и вышла.

А Костя сидѣлъ въ кухнѣ и смотрѣлъ, какъ Кононенко начищалъ собственные сапоги. Плюнетъ на щетку, повертитъ и шмыгъ-шмыгъ; потомъ на сапогъ плюнетъ, и сапогъ становится яснымъ: въ немъ дрожитъ матовое пламя лампы. Костя проситъ почистить, и Кононенко не въ силахъ отказать. Громадный сапогъ болтается на тоненькой ручкѣ, съеживается въ гармонью, и отъ него такъ пріятно пахнетъ варомъ и мужиками.

— А ты ево не сусоль... ишь кольки наплевалъ...

— Такъ, Кононенко? а? я могу чистить?

— Могёшь... Пускай, я ево цычасъ вгоню... Я-асный буде..

Костя смотритъ на печку и дѣлаетъ испуганное лицо.

— Кононенко!... слышишь...—шепчетъ онъ.—Гу-у... у-у.

— Крутить... воетъ... Ишь якъ дуже забираетъ... у-у...

Костя отодвигается отъ окна и задумывается.

— Кононенко, а у тебя есть папа?

— Батько-то? у селѣ... Ста-арый мой-то... ся-адой...

— Какъ «забытый», а?

— Лы-ысый... тошшо̀й...

— А у него жернова есть?... вотъ какъ у старичка?

— Нѣ... то у мельника... А ему какой...

— А баринъ злой есть... у мельника? онъ не укралъ у него жернова, а?

— Баринъ-то...—Кононенко оглянулся.—Злющіе есть... бяда... Богатые паны́... и во кольки земли... и-и...

Въ столовой ударили часы.

— Ишь девять вдарило. Гляди, тебя у разъ Палагея забереть... ужнать...

Костя вздохнулъ.

— Кононенко, ты ѣлъ трубочки?

— Баки трубочки?... давешни-то... Одноѣ съѣлъ, подавамши... Ты не сказывай.

— А какъ ды думаешь, Кононенко, онѣ могутъ протухнуть?

— Звѣстно... Мягкія-то навсягды лучше. А у насъ, пишутъ, и хлѣба нѣтъ. Лебяду ѣдять.

— Какую лебяду?

— Лебяда-то?... травка такая. А какъ надысь зачали трафиться на бариновъ хлѣбъ, ихъ цычасъ усѣхъ и забрали...

— Скажи мнѣ сказочку, Кононенко... про пѣтушка.

Кононенко любитъ говорить сказки. Такъ хорошо сидѣть, смотрѣть на красивое личико и горящіе глазки Кости и говорить. Родная сторона вспоминается, село на горкѣ съ высокими осокорями и озерко подъ горой, и вербы́ надъ нимъ «схилилися, мовъ журятся воны́». Давно погасла заря, давно поблѣднѣлъ червонный мѣсяцъ. Гуси уснули въ лугахъ. Спятъ на селѣ. Бѣлыми пятнами разбросались мазанки. Кажется, ночь задремала. Скоро забѣлѣетъ востокъ. А въ тѣни осокорей сторожко движутся дівчата, придерживая звякающія мониста.

...И, стало тутъ, старичокъ заканючился: «А идѣ мои жернова-а». Ши-ибко плачетъ. И услышь кочетокъ его слезы горючія и цычасъ якъ гавкнетъ: «отдай стариковы жернова!» И покатился по землѣ крикъ, и слышно всей громадѣ. Спужалси баринъ дюже. Ни спитъ, ни ѣстъ. Осерчалъ. И цычасъ приказъ по командѣ: взять того кочетка и представить по начальству. Сидитъ кочетокъ на...

— Спать, спать пора... десятый часъ. Опять на куфнѣ,—крикнула нянька.

— Про кочетка имъ больно охота...

— Не пойду я спать...

— Ладно, ладно... Я те не пойду... Ну!...

Она взяла Костю за руку и потащила.

— Папу, папу буду ждать!... дура, дура!...

Кононенко вздохнулъ, прилегъ на лавку и сталъ вспоминать.

III.

Около 11 рѣзко рванулся звонокъ въ передней: вернулся домой капитанъ Дорошенковъ, засыпанный снѣгомъ. Онъ остановился передъ зеркаломъ и медленно стягивалъ перчатки. Медленно отстегнулъ онъ пуговицы и, когда Кононенко тронулъ за обшлага, только тогда понялъ, что онъ не одинъ.

— Ты... барыня дома?—усталымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, вашскбродь... въ кіятры сказались!

— Какъ?—рѣзко спросилъ Дорошенковъ.

— Въ кіятрахъ! Такъ что ихъ выскбродь капитанъ сѣмой роты... опосля уѣхали... съ барыней ёйной.

Дорошенковъ тупо посмотрѣлъ на денщика, точно старался понять, что онъ сказалъ, и медленно отстегнулъ шашку.

— Ваше высокбродіе,—затянулъ Кононенко,—обѣдъ гутовить?

Капитанъ не отвѣтилъ и прошелъ въ гостиную.

«На барыну серчаетъ»,—рѣшилъ Кононенко. Онъ пристроилъ шашку на вѣшалку, посмотрѣлся въ зеркало и на цыпочкахъ понесъ на кухню пальто.

Въ темной гостиной, куда скользнула изъ передней узкая полоска свѣта, глухо отдавались шаги по ковру. Въ квартирѣ была тишина: нянька спала, спала кухарка, въ дѣтской давно спали дѣти. Только Кононенко шмыгалъ на кухнѣ щеткой.

Скучно горѣла лампа въ столовой.

Дорошенковъ щелкнулъ портсигаромъ, рванулъ спичкой и закурилъ.

...Все такъ скоро, сразу, и уже прошло. И онъ опять у себя, въ чистой гостиной съ мягкимъ ковромъ. Все такъ же, какъ было раньше, вчера и еще сегодня утромъ. Налетѣлъ какой-то кошмаръ, закрутилъ и понесся... и все попрежнему... Да, тутъ все попрежнему. Да и было ли все *то?*

И ему вдругъ показалось, что ничего не было и не могло быть... Нѣтъ, было. Вотъ оно, какъ живое, бритое лицо бригаднаго, желтое, раздраженное. А этотъ скрипящій, ржавый голосъ!... Онъ катается какъ тысячи желѣзныхъ колецъ, ширится и растетъ въ пустотѣ

залѣ, стучитъ въ громадныя черныя окна. Онъ даже прорвался сюда, въ тихіе уголки гостиной и прыгаетъ подъ потолкомъ.

Да, все *это* было. Все прочно слилось съ его существомъ, всосалось въ мозгъ и теперь выплываетъ частями.

Этотъ кошмаръ вошелъ въ душу и перепуталъ въ ней все. Оттого такъ болитъ голова и такъ тяжело на сердцѣ. Всѣ мысли пропали, и нельзя разобрать, что было, чего не было и что будетъ... Да, что теперь будетъ?

И Дорошенковъ почувствовалъ, какъ въ самомъ сокровенномъ уголкѣ мозга родилась мысль и сказала: «ничего не будетъ». Ничего... Значитъ, все покатилось въ прошлое. Но отчего же такъ тяжело и такъ темно?

Онъ остановился у портьеры и прислушался. Тихо-тихо. Отчего такъ тихо?

...Да... теперь ночь... А... а гдѣ же... день?...

Онъ старался понять, почему же онъ не помнитъ дня, свѣжаго, веселаго дня, дѣтскаго смѣха, шума и гомона, несвязнаго лепета и этихъ большихъ сѣрыхъ глазъ въ рамкахъ чудныхъ волосъ. Пропалъ день, его поглотила эта проклятая ночь.

— Кононенко!

Въ кухнѣ сорвалось что-то, точно завозилось сто человѣкъ,—такъ было тихо,—и стриженая голова высунулась изъ-за портьеры.

— Лампу зажги... Такъ... ступай.

Сверкнулъ край картины, матовый блескъ піанино ударилъ въ глаза холоднымъ и скучнымъ пятномъ, въ углахъ задвигались тѣни, спѣшили укрыться за спинки креселъ въ бѣлыхъ чехлахъ. Широколистый филодендронъ, казалось, ожилъ и засверкалъ каплями съ кончиковъ листьевъ. Со стѣны, изъ черной дубовой рамы, строго взглянулъ генералъ съ крутыми плечами и высокимъ хохломъ.

Пунцовый абажуръ покрывалъ все пурпуровымъ тономъ, напоминалъ о гостяхъ. Но какъ пусто и тихо, точно всѣ гости ушли въ столовую и оставили его одного съ разбившимися на куски мыслями. Былъ свѣтъ, но не было дня.

И всѣ эти хорошо знакомые предметы вызывали въ памяти то живое и дорогое, что наполняло и красило жизнь, но забравшійся въ душу кошмаръ не пускалъ ихъ, окутывалъ грязной сѣтью. Нѣтъ, лучше не видѣть ничего, ничего и не думать.

Дорошенковъ подошелъ къ лампѣ и потушилъ. Вспыхнули тѣни, и тьма упала на все.

...Скррык... хрустнуло подъ ногами. Онъ вздрогнулъ и чиркнулъ спичкой.

На коврѣ валялись кусочки фарфоровой куколки, любимой куколки Ляли.

...Она забѣгала сегодня въ гостиную и забыла куколку на коврѣ. Завтра она будетъ искать ее... Но все это не то, совсѣмъ не то... Надо же, наконецъ, вытѣснить этотъ ужасный сонъ, выяснить все, обдумать. Скоро пріѣдетъ жена, завтра наступитъ день, жизнь побѣжитъ и не позволитъ остановиться и разрѣшить все.

Дорошенковъ закрылъ ладонью глаза и сталъ думать. Черный кошмаръ отдѣлялся, принималъ опредѣленную форму, выросталъ въ высокую сѣрую стѣну, и эта стѣна закрывала все чистое, свѣтлое, что было до сихъ поръ въ жизни. Дорошенковъ понялъ, что нашелъ конецъ спутанныхъ мыслей.

Послѣ занятій узнали о случившемся сегодня утромъ въ городѣ. Смолкли надоѣдные разговоры, оборвалась затасканная нитка сѣренькой жизни. Новое и жгучее своей неожиданностью и неотвратимостью ударило по всѣмъ, выхватило всѣхъ изъ хорошо накатаннаго обихода и вызывающе крикнуло: «нечего думать!» И всѣ сжались отъ этого окрика, смутились, притаились и украдкой заглядывали другъ другу въ глаза. Какая жуткая тишина! Только буфетчикъ звякнулъ неосторожно рюмкой, да «забытый» какимъ-то не то испуганнымъ, не то злымъ голосомъ крикнулъ:

— Н-ну... ты!... водки дай!...

Отъ этого окрика очнулись всѣ, засуетились, говорили громче, чтобы прогнать непріятную тревогу и жуть. Рѣзко простукивалъ голосъ Бурхановскаго. Кто-то заигралъ на роялѣ въ концертной... Это игралъ поручикъ Шумиловъ, эта нѣжная душа въ армейскомъ мундирѣ. Сразу все стихло въ буфетной. Дежурные прислонились къ дверямъ. Звуки то выростали въ грозу, то сѣнялись печалью. И чудилось, что чья-то больная душа мечется, ищетъ покоя, протестуетъ и плачетъ по жизни. И снова могучій порывъ, и снова жалобный плачъ. Низко опустилъ голову «Забытый», закрылъ рукою лицо...

Рѣзко оборвались печальные звуки, точно не выдержали струны и лопнули. Вошелъ блѣдный Шумиловъ и потребовалъ водки. И снова смутный говоръ загудѣлъ въ волнахъ табачнаго дыма.

Дорошенковъ вспомнилъ, какъ жуткая мысль забилась въ его головѣ, а въ душѣ выросталъ страшный вопросъ. И всякій изъ нихъ думалъ о томъ же. Оттого такъ смотрѣли они другъ другу въ глаза и торопливо выпивали у стойки. Еще недавно, читая газеты, онъ пытался рѣшить этотъ страшный вопросъ. Къ чему? Вѣдь *это* дѣлается гдѣ-то тамъ, кѣмъ-то. И онъ даже не могъ представить себѣ

этихъ «кого-то». Они казались ему туманными пятнами. И не вѣрилось, чтобы это было въ дѣйствительности. Нѣтъ, это невозможно. Онъ, конечно, не можетъ. Сейчасъ онъ пойдетъ домой, по мирнымъ улицамъ, позвонитъ, его веселая «тройка» сорвется какъ съ цѣпи, Костя взберется на столикъ и будетъ тащить пальто, а Вовочка потребуетъ шашку и будетъ прыгать по комнатамъ.

Полковой адъютантъ, розовый, кудрявый мальчикъ съ закрученными усиками, быстро подбѣжалъ и щелкнулъ шпоркой.

— Васъ проситъ полковой командиръ, капитанъ.

Загудѣли голоса, зашумѣли группы, какъ вспугнутый рой. А адъютантъ уже подбѣжалъ къ Бурхановскому и звякнулъ шпоркой.

И тогда Дорошенковъ понялъ, что его зацѣпила зловѣщая, гдѣ-то прячущаяся и не отдающая никому отчета сила. И не было уже силъ думать, и не было времени что-нибудь рѣшить.

— Что-жъ, капитанъ, идемъ?

Съ поблѣднѣвшимъ лицомъ стоялъ противъ него Бурхановскій и какъ-то пугливо смотрѣлъ: въ немъ боролись два чувства—пошлость и страхъ.

Они пошли. Всѣ смотрѣли имъ вслѣдъ. Было такъ тихо въ собраніи.

Полковой командиръ встрѣтилъ ихъ бѣгающимъ взглядомъ и дѣланно-суровымъ голосомъ. Этотъ румяный, веселый старикъ былъ смѣшонъ, даже жалокъ въ своей напряженной серьезности. Сейчасъ, казалось, запрыгаютъ морщинки у глазъ, прорвется неудержимый смѣхъ, и старикъ крикнетъ:

— А ловко я васъ напугалъ, капитанъ.

И нѣтъ смѣха, и не играютъ морщинки.

— Вотъ приказъ... въ половинѣ третьяго... торопитесь...

Водянистые глаза скользятъ поверхъ, рука машинально открываетъ часы.

— Слушаю, г. полковникъ.

И Дорошенковъ сказалъ это. Онъ такъ хорошо сказалъ это «слушаю»,—точно ему поручили выполнить какой-то военный маневръ. Бурхановскій ушелъ, а онъ все стоялъ у стола, съ бумагой въ рукѣ.

— Капитанъ... отнеситесь съ должнымъ спокойствіемъ... гм... гм... долгъ солдата...—услыхалъ онъ, вздрогнулъ и пошелъ къ выходу. Его обогналъ крикливый голосъ:

— Попросите ко мнѣ адъютанта!

Потомъ какъ-то все спуталось. Они ѣхали. Было пусто на сердцѣ, спокойно, мертво, какая-то тяжесть давила на мозгъ.

Дорошенковъ вздрогнулъ. Въ гостиную тоненькой ноткой донес-

ся знакомый голосокъ изъ дѣтской. Скрипнула дверь, послышалось бульканье фильтра.

Тихій внутренній свѣтъ блеснулъ передъ нимъ, въ душѣ проснулось безконечно дорогое и чистое.

...Дѣти!

Онъ подошелъ къ портьерѣ, взглянулъ на огонекъ лампы, постоялъ и повернулъ въ темноту.

...Нѣтъ, не надо.

Онъ зашелъ въ уголъ, забился подъ филодендронъ и сжался, чуя забирающуюся въ сердце тоску. А завтра? Завтра они будутъ льнуть къ нему, тереться о его щеки.

Далеко завтра... Впереди еще цѣлая ночь. А впереди еще такъ много хорошихъ минутъ, дней, годовъ. Весной они собирались ѣхать на югъ, любоваться моремъ, котораго еще не знали, и жгучимъ солнцемъ, громаднымъ шаромъ, опускающимся въ синеву волнъ, котораго они не видали. Дѣти будутъ ножонками мять скрипучій песокъ, играть набѣгающей пѣной, а они будутъ сидѣть, прижавшись другъ къ другу, и молча глядѣть въ необъятную синюю даль, откуда тянетъ соленой свѣжестью моря.

Но эта проклятая сѣрая стѣна... Она заслонила все, что есть впереди хорошаго.

Потомъ онъ увидалъ *ихъ*. Они сидѣли, плотно прижавшись другъ къ другу. Возлѣ стояли солдаты съ винтовками. Кучка случайныхъ свидѣтелей темнѣла въ глубинѣ зала. А подъ громаднымъ портретомъ засѣдали они, какъ на походѣ, и бригадный скрипучимъ голосомъ быстро велъ дѣло.

Но что же чувствовалъ онъ, Дорошенковъ, такъ внезапно брошенный въ этотъ пустой залъ? Онъ видѣлъ блѣдныя лица, угрюмыя, сознающія гибель. Тяжелая гиря давила голову и парализовала все. Онъ сидѣлъ, онъ боялся смотрѣть на *нихъ*, боялся конца. Лучше бы тянулся этотъ судъ безконечно, только бы не приходилось что-то рѣшить и рѣшить безповоротно, потомъ уйти, остаться одному. И онъ зналъ, что конецъ идетъ и придетъ. Сѣрыя фигуры говорили что-то. Ихъ оборвалъ и покрылъ трескучій голосъ. Они говорили еще надорванно, переводили глаза съ одного края стола къ другому, искали глазами. Жизнь уходила отъ нихъ. Они обводили глазами стѣны и темныя окна, глядѣли въ глубину зала, но тамъ было темно и пусто.

Старый подполковникъ пролилъ стаканъ, всѣ точно проснулись.

— Судъ удаляется для совѣщанія.

Дорошенковъ поднялъ глаза и увидалъ капли пота на лбу предсѣдателя.

Шли темнымъ коридоромъ, глухо отдавались шаги по асфальту, стучали шашки.

Тамъ, въ совѣщательной комнатѣ, всѣ они избѣгали глядѣть другъ на друга, боялись задѣть другъ друга локтемъ. Тамъ, у покрытаго клеенкой стола, ломалась жизнь. И было страшно нарушить скользнувшую сюда изъ того зала тишину, тишину конца.

Всѣ молчали. На столѣ лежалъ листъ бѣлый, бѣлый.

Говорилъ одинъ генералъ. Сбивчиво возражалъ старый подполковникъ и пилъ воду.

— Вы, капитанъ...

Генералъ глядѣлъ на него пытливо, сурово. И тогда онъ сталъ говорить, говорилъ раздраженно, но не то, что нужно было сказать.

— Вы, капитанъ... И ему протянули листъ.

Потомъ онъ услышалъ конецъ...

— Подлецы!!—рѣзко прокатился надорванный крикъ, и въ отвѣтъ упали слова:

— Стража! увести ихъ!

Кошмаръ пронесся.

Снѣгъ съ мягкимъ звономъ стучалъ въ темныя окна. За стеклами висѣла тьма ночи. Призраки копошились въ ней.

... Да, призраки... Сейчасъ ихъ «готовятъ», за стѣнами тюрьмы идетъ спѣшка, ихъ поведутъ въ глухой закоулокъ, и тамъ перейдутъ они въ вѣчную ночь...

...И онъ связанъ теперь съ ними... Изъ-за красивой головки жены, изъ-за нѣжныхъ фигурокъ дѣтишекъ, въ темныхъ углахъ комнатъ, въ тихихъ лучахъ лампады, ночью, изъ-за портьеры спальной—будутъ глядѣть они. Ночью на улицѣ, въ дождь и метель они будутъ прятаться въ переулкахъ, безшумно ходить по пятамъ, выглядывая изъ тьмы...

Листъ филодендрона зацѣпилъ за голову, и Дорошенковъ вздрогнулъ. Какъ яркій шаръ, снопъ лучей вспыхнулъ въ его мозгу, освѣтилъ уголокъ зала и ищущіе глаза.

Узкая полоска свѣта изъ-за портьеры манила къ себѣ. Онъ пробѣжалъ къ передней, стукнулъ дверью. Въ столовой все также скучно горѣла лампа.

...Никого нѣтъ.

Онъ взглянулъ на часы. Было 12 ночи. Онъ слѣдилъ за стрѣлкой, стараясь не думать. Загудѣли часы и всполохнули тишину спящей квартиры. Мягкимъ звономъ отвѣтило имъ изъ темной гостиной.

...Куда же идти? Дѣти!

Онъ прошелъ въ коридорчикъ, послушалъ, осторожно открылъ

дверь дѣтской и остановился на порогѣ. На него пахнуло тепломъ, запахомъ деревяннаго масла и давно знакомымъ ароматомъ дѣтскаго тѣла.

Онъ слышалъ, какъ ясно дышали три молодыхъ грудки, спокойно, ровно, точно дѣлали пріятную и важную работу. Старуха нянька, въ темномъ платьѣ, спала на лежанкѣ. Его охватила тишина и тихія грезы дѣтскихъ сновъ.

...Онъ не можетъ уйти отсюда.

Здѣсь онъ—прежній папа и папочка, папа-Котя, какъ картавилъ Вовочка. Сюда не посмѣютъ проникнуть призраки. Они остались тамъ, во тьмѣ безпокойной ночи.

Онъ старался не думать, смотрѣлъ и слушалъ, какъ дышатъ эти чистенькія тѣльца, подымаются грудки, шевелятся розовые ротики.

Вовочка спалъ голый. Одѣяло сползло, голова уперлась въ подушку, рубашонка собралась къ спинкѣ. Онъ жался отъ холода, но во снѣ не зналъ, что надо сдѣлать.

Дорошенковъ смотрѣлъ на его толстыя ножки, на розовыя пяточки, торчавшія черезъ сѣтку кровати. Ему захотѣлось цѣловать эти розовые кружочки, изрѣзанные мелкой сѣткой морщинъ. Онъ коснулся, но ножка ушла и заерзала по кроваткѣ.

Ляля спала спокойно. Ея черные локоны разметались по бѣлой подушкѣ, отъ рѣсницъ легли тѣни.

«Завтра она будетъ искать свою куколку»,—подумалъ Дорошенковъ.

Костя спалъ какъ всегда: голова лежала не на подушкѣ, одѣяло сбилось къ ногамъ. Широкая спина ровно поднималась и опускалась.

— Сынъ!—съ силой прошепталъ Дорошенковъ и прильнулъ губами къ теплой спинѣ.

Быстрымъ движеніемъ Костя перевернулся навзничь, открылъ глаза, улыбнулся и снова закрылъ.

— Милый мальчушка!—почти громко сказалъ Дорошенковъ.

Глаза Кости открылись.

— Папа!—быстро и глухо сказалъ онъ, точно во снѣ.—Папа!

Дорошенковъ вздрогнулъ, отошелъ въ сторону и сѣлъ.

Снова тяжелыя думы начинали ползти, вырастать, громоздиться. Еще сегодня утромъ онъ былъ самимъ собою, не носилъ въ сердцѣ тяжести и пустоты. Ничто не стояло за его спиной. Не висѣлъ надъ головой тяжкой гирей. Жизнь сломалась. Имъ онъ не скажетъ ничего, никогда не скажетъ. Но сколько мученій, думъ, тяжелыхъ ночей и дней! Они также будутъ ласкаться къ нему, довѣрчиво обни

мать за шею. Но, можетъ быть, все *это* пройдетъ, забудется, какъ забываются сны.

...А когда это время придетъ, вырастетъ Костя и спроситъ: «Отецъ, а ты былъ съ *ними*?

...Конечно, онъ не повѣритъ, что его отецъ надѣвалъ петлю. Но это тайна для всѣхъ... но онъ былъ *тамъ*!... И ничѣмъ нельзя сбросить клеймо!

На дворѣ играла метелица.

Звонокъ. Онъ вздрогнулъ, хотѣлъ подняться и не нашелъ въ себѣ силы идти навстрѣчу. Онъ услыхалъ торопливые шаги, шуршанье шелковыхъ юбокъ. Скрипнула дверь.

— Милый!... Здѣсь ты...

Онъ поднялъ голову и, растерянный, смотрѣлъ на ея возбужденное, пылающее отъ вѣтра лицо, блестящіе глаза, на ея зовущую, ищущую его фигуру. Тонкая струйка духовъ отъ ея молодого, упругаго тѣла пахнула на него знакомымъ ощущеніемъ страсти.

Она увидала его измятое, осунувшееся лицо.

— Костя... Котя... ты что?... какъ ты смотришь...

Онъ поднялся, съ болью взглянулъ на нее, увидалъ тревогу въ глазахъ, испугъ и любовь, положилъ на ея вздрагивающія плечи тяжелыя руки. Жгучее чувство обиды за все, что случилось, поднялось въ немъ, тяжкая жалость къ себѣ. Горячая волна подымалась отъ сердца къ глазамъ. Онъ уронилъ голову на грудь жены и заплакалъ.

Она не поняла ничего: такъ внезапно случилось все. Она принесла съ воздуха свѣжесть, веселость, бодрое настроеніе и вдругъ...

— Пи-ить... ня-ня... пи-ить...—заплакалъ Вовочка.

Иванъ Шмелевъ.

Сестра Беатрисса.

Бѣлый парусъ тихо клонится
Вновь къ окну монастыря.
Онъ зоветъ меня, затворницу,
Въ темно-синія моря.

Ахъ, покинуть сонъ обители,
Кроткихъ келій благодать;
И мольбы у ногъ Спасителя
По утру не лепетать...

Сестры, звоны колокольные
Осѣнятъ ли мой пріютъ.
Ихъ просторы своевольные
И развѣютъ, и спугнутъ.

Сестры, сердце окрыляется...
Отвращу ли грѣшный взоръ.
Бѣлый парусъ наклоняется,
Ждетъ прекрасный Беллидоръ.

На поля, луга росистые
Онъ затворницу унесъ.
Разметалъ мнѣ золотистыя
Пряди дѣвственныхъ волосъ...

Слово грѣшное проронится:
Я покину свой затворъ...
Бѣлый парусъ тихо клонится,
Ждетъ прекрасный Беллидоръ.

Эразмъ Штейнъ.

ОКОЛО УГОДНИКА.

(Изъ лѣтнихъ скитаній.)

Темною осеннею ночью поѣздъ, переполненный богомольцами, прорѣзавъ высокіе мѣловые кряжи и лѣса, остановился невдалекѣ отъ монастыря, смотрѣвшаго ярко освѣщенными окнами гостиницы во тьму ночи. Было холодно и моросилъ дождь. Пріѣхавшіе торопливо выскакивали изъ вагоновъ прямо на полотно дороги и устремлялись къ гостиницѣ, спѣша опередить другъ друга.

Еще издали имъ были видны окружавшія ее густыя толпы народа. Съ мѣшками, котомками на плечахъ, народъ толокся около нея и жался къ ея стѣнамъ, стараясь найти укромное мѣстечко отъ дождя и вѣтра, то затихавшаго, то налетавшаго рѣзкими порывами. Ненашедшіе такихъ мѣстечекъ безпомощно грудились на широкой убитой площадкѣ, напротивъ гостиницы, освѣщенной яркимъ фонаремъ, и располагались на мокрой землѣ, покорно подставляя дождю и вѣтру свои иззябшіе члены.

Сѣни, узкая деревянная лѣстница и длинные полутемные коридоры гостиницы были также биткомъ набиты богомольцами. Въ сыромъ, промозгломъ и до нельзя спертомъ воздухѣ стоялъ тревожный шопотъ сотенъ голосовъ, слышались скорбные вздохи, дѣтскій крикъ и разбитый, настуженный, кашель.

Прибывшіе съ поѣздомъ горожане съ трудомъ пробирались черезъ ноги и согнутыя фигуры сидѣвшихъ въ сѣняхъ, на ступенькахъ лѣстницы, и въ коридорахъ.

— О Господи!... Да куда же это они лѣзутъ?—слышались слабо протестующіе женскіе голоса.—Яблоку упасть негдѣ! Дѣтей всѣхъ передавятъ!

— Номера есть?—словно не слыша этихъ замѣчаній, спрашивали пріѣзжіе, ни къ кому не обращаясь.

— Какіе номера? Аль не видите—все занято?

— Куда же мы теперь, ночью-то?

— Куда хотите... Все занято.

Тѣсня и давя сидѣвшихъ на полу, вновь прибывшіе ходили по коридорамъ, толкаясь въ каждый номеръ. Имъ отворяли, отвѣчали: «Куда вы? Занято», и захлопывали двери подъ носомъ. Въ иныхъ номерахъ впускали одного, двухъ. Остальные шли дальше, спотыкаясь о богомольцевъ, возвращались и въ недоумѣніи останавливались другъ противъ друга.

Незапертымъ оказался всего одинъ номеръ. Сквозь неплотно притворенныя двери его можно было видѣть длинный столъ посрединѣ, освѣщенный висячею лампою, и десятка полтора потныхъ, раскраснѣвшихся лицъ стражниковъ и урядниковъ вокругъ него. На столѣ виднѣлся большой кипящій самоваръ, булки, колбаса, селедки и порожнія, и полныя бутылки съ водкой.

— Охъ, батюшки! Не вздышешься! Куда же теперь еще итить?— остановился противъ номера сильно запыхавшійся купецъ, въ дорогой лисьей шубѣ.—Да гдѣ-жъ гостиникъ-то! Куда-жъ гостиникъ подѣвался? Провалился, что-ль?—закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ.—Гостиника сюда!

Возлѣ него остановилась рыхлая жена и семнадцатилѣтній сынъ, съ наѣденной шеей и круглыми румяными щеками. Къ нимъ подошли и остальные, не нашедшіе себѣ номеровъ, и также стали требовать гостиника и спрашивать о немъ у полицейскихъ.

Дверь номера напротивъ отворилась, и, въ чаду угара и человѣческихъ испареній, передъ пріѣзжими выросла тучная приземистая фигура монаха-гостиника, съ желтовато-сѣдою бородою и такими же волосами, выбивавшимися густою гривою изъ-подъ вытертой бархатной скуфейки.

Придвинувшись вплотную къ вновь прибывшимъ и заложивъ руки въ карманъ подрясника, до нельзя затертаго и залитаго на большомъ животѣ воскомъ и саломъ, гостиникъ поочередно осмотрѣлъ каждаго изъ нихъ проницательнымъ взглядомъ, потомъ медленно проговорилъ:

— Номеровъ нѣтъ. Все занято.

— Такъ какъ же намъ теперь; на дождь, что-ль?—съ безпокойствомъ столпились вокругъ него пріѣзжіе.

— Ну, зачѣмъ на дождь?... Какъ-нибудь размѣститесь.

— Да какъ же? Гдѣ? Укажите. Дайте мѣсто:

— Другіе вонъ богомольцы и на дождѣ мокнутъ, да не ро щутъ,—наставительно произнесъ монахъ.—Къ намъ если кто пріѣхалъ, Богу молиться, тотъ можетъ и потерпѣть... Стукнитесь по н

мерамъ,—можетъ, кто и впуститъ... Тутъ четыре тысячи мокнутъ, не жалуются,—бросилъ онъ небрежно и, скользнувъ еще разъ пытливымъ взглядомъ по богатому купцу, медленно пошелъ по коридору.

Богомольцы всею толпою двинулись за нимъ.

— Для васъ-то у меня номерокъ, такъ и быть, найдется,—зашепталъ онъ на ухо купцу, останавливаясь противъ какого-то номера.—Только дорогонекъ-а?

— Да ладно,—громко отвѣчалъ купецъ.—Давайте хоть дорогой, только скорѣй.

Услышавъ эти слова, остальные также столпились у номера.

— Не всѣ, не всѣ!—обернулся къ нимъ гостинникъ и, отперевъ номеръ, хотѣлъ впустить въ него только купца; но за нимъ успѣли войти еще нѣсколько человѣкъ. Монахъ поспѣшилъ захлопнуть дверь и заперъ ее на ключъ.

— Вотъ, смотрите. Коль нравится, могу уступить.

— Ну, сколько же, сколько вамъ за него, батюшка?

— Да какъ вамъ сказать,—растягивая слова и напуская на себя кроткое смиреніе, отвѣчалъ гостинникъ, снова испытующе оглядывая всѣхъ вошедшихъ.—Сосѣдній, вотъ, номерокъ, вдвое меньше—за него три рубля дали.

Снаружи продолжали стучать и требовать, чтобы отворили дверь.

— А не угодно—другимъ отдамъ.

— Ну что же вамъ—пять, что-ль?

— Конечно, я бы могъ и дороже пустить, но у насъ правило: кто что дастъ. Такъ и быть, оставайтесь... Сколько васъ? Десять... Ну, всѣмъ мѣста хватитъ на полу, въ покатъ. Хе-хе-хе. Кто платить-то будетъ? Вы, господинъ?—обратился онъ къ богатому купцу.—Я ужъ такъ и буду считать, что вамъ одному отдалъ номеръ, а то—грѣхъ какой выйдетъ, и денегъ не соберешь... А вы ужъ сами тутъ съ кого хотите собирайте.

— Да ладно, ладно.

— Ну, вотъ и хорошо, хорошо... просторно... А то понабьются въ иной номеръ душъ двадцать—шумъ, крикъ... Охъ, хо-хо, грѣхи, грѣхи... Только вы ужъ деньги-то мнѣ нельзя ли впередъ, а то старъ, немощенъ, памяти нѣтъ.... Охъ, хо... А тамъ стойте хоть два дня, молитесь... Никто не обезпокоитъ...

И, обобравъ деньги, монахъ съ трудомъ отворилъ дверь, къ которой уже успѣлъ нагрудиться изъ коридора усталый народъ, и вытекъ изъ номера.

Богомольцы зажгли свѣчу и стали осматривать другъ друга.

Знакомыхъ не нашлось, но всѣхъ соединяло общее положеніе.

Одинъ только купецъ подозрительно осмотрѣлъ своихъ непрошенныхъ соночлежниковъ. Въ компаніи оказалось: двѣ беременныя женщины, въ ковровыхъ платкахъ, старикъ портной, съ густыми сѣдыми бровями и мясистымъ носомъ, желѣзнодорожникъ, двое какихъ-то юношей, въ пиджакахъ и русскихъ рубашкахъ,—съ виду приказчиковъ, и молодая дѣвушка, робкая и застѣнчивая. Всѣмъ предстояло лежать рядомъ на грязномъ, некрашенномъ, полу. Вся мебель номера состояла изъ двухъ жесткихъ деревянныхъ диванов, монастырскаго издѣлія, на которые поспѣшилъ заявить свои права купецъ—для себя и своей супруги, и трехъ табуретокъ. Надъ однимъ изъ диванов висѣло, написанное масляными красками, изображеніе какого-то молодого инока въ скуфьѣ, съ выпученными, остановившимися, глазами, повѣшенное, очевидно, для украшенія «дорогого номера». Подъ изображеніемъ были видны многочисленные слѣды прилѣпковъ отъ восковыхъ свѣчъ, какими наивныя души считали нужнымъ почтить его. И мѣстами оно было прожжено и сильно обуглилось отъ этихъ знаковъ его почитанія.

Напившись чаю, богомольцы стали размѣщаться на полу. Плохо притворявшіяся окна потѣли и плакали, и изъ нихъ сильно несло. Изъ коридора и, сквозь тонкія досчатыя перегородки, изъ сосѣднихъ переполненныхъ номеровъ шелъ непрерывный гулъ. Внизу поминутно хлопала тяжелая входная дверь и неслись еще какіе-то стуки, отъ которыхъ дрожала вся, на живую нитку слѣпленная, деревянная гостиница. За одинарными окнами глухо гудѣлъ народъ. Къ освѣщенному фонаремъ пространству изъ тумана и сырости подходили новыя толпы его, ища пріюта, и снова уходили, словно поглощались тьмой.

Порою въ этотъ гулъ врывалась громкая брань и слышались рѣзкія угрозы, и гулъ словно становился еще гуще отъ этихъ криковъ.

Народъ, словно подтолкнутый этимъ гуломъ, оставлялъ свое мѣсто подъ фонаремъ и подступалъ вплотную къ освѣщеннымъ сѣнямъ гостиницы.

Его встрѣчали изъ сѣней громкіе окрики полицейскихъ: «Куда лѣзете, черти-дьяволы! Шашекъ захотѣли отвѣдать! Осади назадъ!»

И пришедшіе на богомолье «черти-дьяволы», волнуясь и негодуя, опять шли на свои мокрыя мѣста, подъ фонарь.

— Сарая плетневаго и того не сдѣлаютъ для народа,—слышались голоса.

— Кажный годъ такую муку принаемъ.

— Задавились лѣсомъ, а на сарай хворосту жалко.

— Полицейскихъ выписали, толстопузые. Шашками потчивать... Допрежъ хошь этого не было.

И было что-то тревожное во всемъ этомъ приливѣ и отливѣ народа, въ ночную пору, въ виду освѣщенныхъ, словно дразнившихъ его, оконъ гостиницы, въ топотѣ сотенъ ногъ, въ неумолчномъ гулѣ, крикахъ и стукахъ.

Но монахи хорошо знали психологію пришедшихъ къ нимъ и не обращали никакого вниманія на переносимыя народомъ лишенія и его ропотъ. Они знали, что, пришедшій на богомолье, онъ все вынесетъ, все вытерпитъ отъ нихъ, ради спасенія души, и что съ нимъ можно не церемониться. И только въ виду другихъ, смущавшихъ ихъ слуховъ, рѣшили вызвать стражниковъ.

Встревоженное воображеніе пріютившихся въ номерахъ рисовало имъ въ чаду и духотѣ коридоровъ, въ сырой мглѣ, окутывавшей гостиницу, городскихъ громилъ; рисовало полицейскихъ, руководившихъ этими громилами и дѣлившихъ съ ними добычу пополамъ. Вспоминались крестьяне, какъ воронье слетавшіеся на эти погромы изъ окрестныхъ деревень и селъ; вспоминались толстыя, самодовольныя лица урядниковъ и стражниковъ, занимавшихъ номеръ противъ кельи отца-гостиника, и груды бутылокъ на ихъ столѣ.

Богомольцы не спали. Тяжесть кошмара, угара и гула давила имъ голову. Беременныя женщины поминутно вскакивали съ пола и подбѣгали то къ окнамъ, когда имъ казалось, что оставшіеся наружи хотятъ выбить стекла въ гостиницѣ, гдѣ ютятся теперь другіе, въ то время какъ они зябнутъ и мокнутъ на дождѣ. То имъ казалось, что пахло дымомъ и начинается пожаръ отъ уроненной лампы или угля, выпавшаго изъ самовара, которые служки весь вечеръ таскали черезъ народъ по номерамъ, и что сотни бабъ и дѣтей, тѣсня и давя другъ друга, въ паникѣ бѣгутъ съ обоихъ концовъ коридора къ узкой деревянной лѣстницѣ, которая уже вся въ огнѣ. Женщины бросались къ двери и силились ее отворить, пока, успокоенныя мужчинами, не ложились опять спать.

Въ полночь гулъ сталъ стихать, и казалось, что тысячная толпа удаляется куда-то. Размѣстившіеся въ номерахъ, наконецъ, забылись желымъ, кошмарнымъ сномъ.

Было еще совсѣмъ темно, какъ ихъ разбудилъ громкій, несмолкавшій звонъ въ коридорѣ и крики: «Вставать! Вставать!»

Женщины опять было бросились къ двери. Желѣзнодорожникъ отперъ ее и выглянулъ въ коридоръ. Звонилъ монахъ, идя съ фонаремъ, а сзади него шелъ полицейскій и ножнами своей шашки подымалъ сонныхъ людей. Тѣ вскакивали, одурманенные проведенною

ночью и, не понимая, куда ихъ и зачѣмъ гонятъ, собирали свои армяки, шушпаны и котомки, и толпились къ выходу.

— Куда-жъ это? Вѣдь ночь на дворѣ—стыдь. Народъ распарился весь,—слышались протестующіе голоса.

— У меня хряшки всѣ простужены. На погибель, что ли, выходить?

— Хорошій хозяинъ собаку не выгонитъ въ такую пору.

Протестующіе голоса, однако, тонули въ оглушительномъ звонѣ колокольчика и властныхъ окрикахъ: «Выходите! Выходите!» сопровождаемыхъ пинками и ударами шашки полицейскаго, и толпа продолжала грудиться къ выходу.

— Охъ, смёртынька. Вотъ стыдь-то!—доносилось изъ низу.

Выходившихъ принимала и проглатывала темная ночь.

Занимавшіе номера долго еще тревожно прислушивались къ гомону голосовъ выправаживаемыхъ изъ коридоровъ. Прошло еще съ полчаса, и гдѣ-то, въ монастырѣ, послышался жидкій ударъ колокола; за нимъ другой, третій.

Стало ясно, что народъ будили и гнали къ заутренѣ, и что не одна затеплится свѣчка, добытая такимъ путемъ изъ его трудового кармана.

— Теперь ужъ не будутъ бить оконъ,—рѣшили занимавшіе номера,—и можно будетъ, наконецъ, покойно уснуть.

Но и тутъ разсчеты ихъ не оправдались. Монахи заставили богомолокъ, изъ числа спавшихъ въ коридорахъ, мести полы—«потрудиться для Бога», и онѣ подняли такія облака пыли, въ которыхъ ихъ самихъ скоро стало не видно. Пыль лѣзла во всѣ щели, подъ двери номеровъ, и спавшимъ въ нихъ на полу богомольцамъ поневолѣ пришлось вставать.

Въ окна чуть начиналъ брезжить разсвѣтъ. Въ сыромъ туманѣ, послѣ прекратившагося дождя, сталъ вырисовываться монастырь, окруженный высокою стѣною, поднимавшагося въ гору, вѣкового дубоваго лѣса и какъ бы охранявшаго монастырь съ трехъ сторонъ отъ остальнаго міра.

Скучная, монотонная заутреня, съ полусонными монахами и народомъ, отошла. Туманъ разсѣялся, обѣщая хорошій погожій ден
Изъ-за лѣса выглянули первые лучи солнца и освѣтили больш
храмъ, гдѣ лежалъ угодникъ, молчаливо вѣдавшій всѣ тайны, пр
носимыя къ его гробу богомольцами, и пестрыя разнородныя тол
народа, заполнявшаго весь монастырскій дворъ и прилегавшій
нему монастырскій лугъ. Одежды были разныя и типы были разн
но выраженіе во всѣхъ—и круглыхъ, и исхудалыхъ, загорѣлы

лицахъ, во взглядахъ свѣтлыхъ и темныхъ, молодыхъ и старыхъ, глазъ, было одно, запечатлѣнное какою-то скорбью и цѣлью прихода въ монастырь. Оно носилось и въ звукахъ, стоявшихъ надъ громадной толпою, и въ жалобныхъ стонахъ и причитаніяхъ слѣпыхъ, калѣкъ и убогихъ, сошедшихся сюда съ разныхъ сторонъ, и казалось, что ихъ голосомъ стоналъ и жаловался весь народъ.

— Мірушка! Мірушка православный! Людушка Христовъ! — взгляните на мои темныя очи,—неслись, полные тоски, вопли слѣпого деревенскаго парня.—Возлюбители Христовы, народушка Божій, мірушко милостливый!... трудовнички... оброчнички Божіи... разумѣйте, какъ я міру докучаю... Какъ мнѣ темно, какъ я скорблю.

Одни подходили къ слѣпому и клали въ лежавшее передъ нимъ блюдечко гроши, другіе, молча постоявъ возлѣ него, шли дальше по толпѣ, къ другимъ калѣкамъ и болящимъ.

— Воспомните часъ смертный!—раздается гдѣ-то въ самой гущѣ толпы надтреснутый дѣтскій голосокъ.—Ужахнитесь, устрашитесь суда страшнаго, огня вѣчнаго! Приготовьте себѣ ризу нетлѣнную и свѣчу неугасимую. Положите безрукому трудовую мать-копеечку.

Толпа колыхается и то открываетъ, то закрываетъ собою мальчика лѣтъ десяти, съ взъерошенной головой и усталымъ конопатымъ лицомъ, по которому текутъ грязные потоки пота. Мальчикъ взмахиваетъ, какъ обрубленными крыльями, безобразными культышками у плечъ. На груди его, худой и грязной, виситъ коробочка изъ-подъ килекъ, найденная гдѣ-нибудь въ мусорной ямѣ города.

— Незнамо и невѣдомо, когда придетъ судъ страшный, вострубятъ во трубушки ангелы-архангелы,—мучительно надрывается мальчикъ, стараясь запугать толпу и вымолить у нея «трудовую мать-копеечку».

Вонъ, шатаясь и еле переступая съ ноги на ногу, тащится черезъ лугъ скелетъ-лошадь, въ мочальной сбруѣ, съ тусклымъ мертвеннымъ взглядомъ и изъѣденной ранами спиной, запряженная въ двухколеску въ видѣ длиннаго ящика-гроба, въ которомъ, вплотную прижавшись другъ къ другу, лежатъ на рогожкѣ двѣ высохшія фигуры, съ темными лицами и красными, гноящимися вѣками. Повязанныя грязными тряпками головы ихъ, на тонкихъ, длинныхъ, высохшихъ шеяхъ, безпомощно бьются при каждомъ толчкѣ дороги о дно и стѣнки ящика-гроба. Изъ-подъ неподымающихся рѣсницъ, съ подкаченными подъ лобъ остановившимися глазами брезжитъ что-то тусклое, тяжелое, какъ агонія; съ гнойныхъ вѣкъ не слетаютъ мухи. Изъ-подъ пропитанной грязью дерюжки, закрывающей ихъ туловища, болтаются темныя, сухія какъ кости, покрытыя застарѣлыми рубца-

ми и язвинами, кривыя ноги. Возлѣ ящика, переваливаясь съ ноги на ногу, идетъ толстый субъектъ, съ краснымъ опухшимъ лицомъ и коротко стриженой головой и, указывая на близнецовъ-скелетовъ, сипло выкрикиваетъ: «Взгляните, народъ православный, на ихъ муки, на ихъ страданія ужасныя. Сорокъ три года, какъ они страдаютъ, съ самаго несчастнаго дня рожденія своего; сорокъ три года не знаютъ себѣ никакой радости, терпятъ одну муку мученическую, которой нѣтъ на свѣтѣ больше. Помогите имъ, православные. Утолите ихъ муку лютую—васъ Господь за это не оставитъ».

Народъ православный въ нѣмомъ ужасѣ разступался передъ живымъ призракомъ—воплощеніемъ знакомаго ему голода, болѣзней и безпомощности и, боязливо засматривая въ подкаченные глаза близнецовъ, обильно сыпалъ свои гроши въ большую деревянную чашку, стоявшую у нихъ на груди, не видя, что эти гроши шли не на утоленіе «лютыхъ мукъ» несчастныхъ, а въ бездонный кошель проходимца, эксплоатировавшаго ихъ убожество и ихъ тьму.

Народъ словно забылъ и про давно уже начавшуюся обѣдню; словно не слышалъ громкаго пѣнія, долетавшаго къ нему изъ раскрытыхъ оконъ храма. Въ жалобныхъ воплях слѣпого, въ выкрикиваніяхъ мальчика, выпрашивавшаго «трудовую мать-копеечку», въ скелетѣ-лошади и скелетахъ-близнецахъ—въ гробу, и причитаніяхъ другихъ калѣкъ, ему словно слышалась другая обѣдня, полная живого приложенія его чувства къ реальному страданію.

По толпѣ медленно двигались упитанные монахи, съ тарелочками и, навѣшенными на рукахъ и плечахъ, домотканными полотенцами—подаяніемъ богомольцевъ.

У монастырской стѣны и близъ разбросанныхъ кое-гдѣ могилъ, виднѣются разставленные столики, вокругъ которыхъ толпятся старухи, съ озабоченными лицами. Идетъ торгъ. Старухамъ хочется какъ можно больше вписать въ свои поминанія; монахамъ, сидящимъ за столиками, за недосугомъ — какъ можно меньше и побольше взять.

Снаружи, у одного изъ открытыхъ оконъ въ алтарь, виднѣется небольшого роста, плотная дѣвушка, въ поношенной монашенской скуфейкѣ, изъ-подъ которой выбиваются непослушные русые волосы и въ длинномъ черномъ платьѣ, на манеръ монашескаго же подрясника. Въ бѣловатыхъ, слегка выпученыхъ глазахъ ея, подъ длинными полуопущенными рѣсницами, стоитъ какой-то тусклый свѣтъ поблекшее, желтоватое лицо нѣсколько припухло и выражаетъ ленивый покой. Съ боковъ и позади нея, вплотную придвинувшись к ней, стоитъ народъ. Тѣсня и толкая другъ друга, стараются заг

нуть ей въ лицо, вытягиваютъ шеи, становятся на цыпочки, раздвигаютъ болѣе высокихъ, стоящихъ впереди.

— Гдѣ? Гдѣ?—слышится шопотъ.

— Да, вонъ—впереди-то, въ скуфейкѣ.

— Ахъ, хоть бы однимъ глазикомъ на нее глянуть!

— Зиму и лѣто въ пещерѣ живетъ. Ефимьей звать. Наши авчерась ходили къ ней, послѣ вечерни. Дала имъ по листику; предсказывала. Охъ, ужъ и тружно-жъ, говорятъ, добраться къ ней туда: по надъ самой надъ кручью надо итить. Того и гляди, нога оступится,—разобьешься въ прахъ. А въ самую-то пещеру, гдѣ она, угодница, живетъ, ползкомъ надо ползть. А ужъ сама-то кра...са... ви...ца, какой и не сыскать; да моло...о...денькая: семнадцати годочковъ всего, матушка, а ужъ угодила Господу Богу.

И толпа сильнѣе напираетъ другъ на друга, стараясь хоть издали, въ умиленіи души, посмотрѣть на угодницу, о которой еще часъ тому назадъ не знала ровно ничего.

Ближайшіе къ Ефиміѣ впивались взглядомъ въ ея полуопущенныя рѣсницы, словно стараясь поднять ихъ своимъ напряженнымъ желаніемъ—прочесть подъ ними то, что подсказывало имъ чувство. Когда же толпа, подталкиваемая сзади, колыхалась и, казалось, готова была поглотить собою Ефимью, дѣвушка быстро взмахивала на нее рѣсницами, кидая безпокойный взглядъ, смѣшанный съ тонкимъ самодовольнымъ торжествомъ, и опять молитвенно потуплялась, опуская рѣсницы. Сотни глазъ жадно ловили ея взглядъ...

И долго потомъ недоумѣлое выраженіе не сходило съ лицъ, старавшихся понять и проникнуть въ значеніе этого взгляда...

— Знаемъ, какая она угодница: недалече отсуль живетъ, и мы сами здѣшніе,—слышались иногда насмѣшливыя замѣчанія.—Любого парня у насъ о ней спроси. Всѣмъ дюже знакома. Она и въ пещеру-то свою только передъ памятью да обнесеньемъ приходитъ. Въ другое время ее туда и колбмъ не загонишь. Чего ей тамъ дѣлать?... Вторую избу себѣ нынѣшнимъ лѣтомъ поставила, пещерница... Хе-хе-хе.

Но толпа съ неохотой выслушивала замѣчанія скептиковъ и оторачивалась отъ нихъ. Ей пріятно было вѣрить въ святость дѣвушки, въ святость той тьмы, какая жила въ душѣ у ней самой. И бородатые мужики, полные, въ общемъ, реальнаго пониманія жизни, прямо продолжали вытягивать шеи, стараясь заглянуть въ лицо угодницѣ»...

И тѣмъ ярче вырисовывались на этомъ фонѣ духовнаго голода тѣльныя фигуры, не подходившія подъ общее настроеніе. Вонъ вид-

нѣется высокій, широкоплечій мужикъ, съ большой лохматой головой и крѣпкими ногами, въ разбитыхъ лаптяхъ. Рука его размашисто оперлась на суковатую палку; нога широко отставлена отъ другой.

Вокругъ его коренастой фигуры сами собою создаются картины погромовъ имѣній. Отъ всего облика: отъ загорѣлаго лица, отъ рыжей, пыльной бороды и рваного зипуна, подпоясаннаго веревкой, словно еще пахнетъ дымомъ пожарищъ. Отъ маленькихъ сѣрыхъ блестящихъ глазъ, затаившихъ въ себѣ остроту долгой обиды и хитрость, выработанную въ борьбѣ, вѣетъ дикой, необузданной, силой и какимъ-то здоровымъ добродушіемъ, отъ котораго всѣ, содѣянныя имъ на погромахъ звѣрства, кажутся совсѣмъ не страшными.

— Что, и ты пришелъ Богу молиться?—спрашиваетъ его молодой человѣкъ въ синей блузѣ, и оба смотрятъ другъ на друга, читая что-то въ лицахъ.

— Да, неудовольствіе у насъ маленькое въ селѣ вышло,—отвѣчаетъ погромщикъ, съ непередаваемой улыбкой, въ которой сквозитъ и разочарованіе, и стыдъ, и еще что-то неуловимо-наивное.—Больше отъ этого неудовольствія и Богу пошелъ помолиться.

— Какое же неудовольствіе?

— Ну, вотъ, какое?—подмигиваетъ онъ.—Небось, слыхалъ—какое?

— Помѣщика, что-ль, сожгли?

— Это самое. Казаковъ теперь понагнали, стражниковъ. Порятъ насъ несудомъ при всемъ народѣ. Совсѣмъ мы голову потеряли. Плохо стало; плохо... Попрятались теперь, всякъ по своимъ избамъ; только о себѣ и думаютъ, да другъ на дружку вину сваливаютъ.

Онъ замолчалъ. Глаза его уставились куда-то вдаль и потеряли свой хитрый блескъ, задернувшись дымкой.

— А за што?—повернулся онъ опять къ молодому человѣку въ блузѣ, и въ глазахъ его опять зажегся живой огонекъ:—Это они сами себя жгутъ, помѣщики-то. Значитъ, имъ насъ хочется передъ царемъ плохо поставить, утопить—штобы земли намъ не давать ни горсти.

На лицѣ молодого человѣка изображается презрительное удивленіе. Мужикъ отводитъ отъ него глаза, и оба теряются въ толпѣ.

Въ другомъ мѣстѣ, на ея сѣромъ фонѣ, выдѣляется еще болѣе яркимъ пятномъ высокій деревенскій парень, въ бѣлой холщевой рубахѣ. Сразу видно молодого сельскаго революціонера. Онъ стоитъ на могильной плитѣ, и его тонкая молодая фигура выше толпы. Что-то гордое, экзальтированное, свѣтится въ его лицѣ, сохранившемъ

еще свои прежнія очертанія простоты. Мысль оформила это деревенское лицо, сдѣлало его худощавымъ, утоньшило, освѣтило темные глаза. Получилось совершенно новое, какое никогда не встрѣчалось раньше въ деревнѣ. Оно дышитъ вдохновеніемъ, жаждой борьбы, и можетъ встрѣтиться гдѣ-нибудь на баррикадахъ.

Рядомъ съ нимъ стоитъ деревенскій хулиганъ. У него блѣдное, конопатое лицо, съ вздернутымъ носомъ. Въ тусклыхъ голубыхъ глазахъ его свѣтится лихорадочное озлобленіе, безъ мысли, безъ широкаго размаха. Онъ малъ ростомъ, слабъ и голоденъ, и звѣрски жестокъ на погромахъ надъ беззащитною скотиною, которую бросаетъ въ огонь, рубитъ ей ноги, вырѣзываетъ языки и наслаждается ея мученіями. То онъ трусливъ, то дерзокъ, но всегда ничтоженъ.

Сѣрая масса поглощаетъ и эти типы, и выдвигаетъ другія. Многотысячная, объединенная тьмою и духовнымъ голодомъ, умиляясь надъ своею громадностью и сознаніемъ безпомощности въ чемъ-то большомъ, идущемъ на нее, что лишь странными слухами доносилось до ея глухихъ угловъ, она сама создавала въ себѣ тревожное ожиданіе чего-то страшнаго.

— Говорятъ, забастовка будетъ?—то тутъ, то тамъ слышатся разговоры въ толпѣ.

— Насъ и изъ деревни не пускали, да мы, почитай, силомъ ушли: все одно, гдѣ не помирать.

— Безвинная смерть на томъ свѣтѣ зачтется. Слышали и мы, што народъ будутъ бить.

— Ну, бить-то, пожалуй, зачѣмъ же?

— А Богъ его знаетъ. Вѣдь осенью-жъ били.

— Да, то по городамъ били.

— Все молвятъ—въ церкви хотятъ бить; угодника выбросить.

— Охъ, што-то будитъ! Што будитъ!

— Наро...о...ду...шку-то, наро...о...ду...шку што!—слышатся умиленные возгласы, и слезящіеся глаза молитвенно окидываютъ толпу, и вся она молится этой молитвой какого-то жалкаго объединенія, гдѣ каждая отдѣльная личность становится ничтожной крупинкой.

Въ церкви происходитъ что-то необычайное. Изъ раскрытыхъ настежь дверей бурнымъ потокомъ показывается народъ, и толпа, стоящая во дворѣ, замираетъ. Потокъ растетъ, и вдругъ шумно бросается къ стоящимъ впереди его рядамъ, опрокидываетъ ихъ и несется дальше. Толпа вздрагиваетъ, какъ одинъ человѣкъ, и бросается вразсыпную, въ паническомъ ужасѣ топча слѣпыхъ, калѣкъ и стариковъ. Передніе ряды ея лѣзутъ черезъ ограду, пугая народъ, со-

бравшійся на лугу, и тамъ поднимается шумъ, какъ отъ приближающейся бури.

Остальные, сбитые потокомъ, въ нѣмомъ ужасѣ жмутся къ церкви и монастырскимъ службамъ.

Но вотъ опять на опустѣвшемъ дворѣ собирается народъ; отдѣляются отъ стѣнъ, подходятъ остальные изъ церкви; нѣкоторые изъ бѣгущихъ поворачиваются и останавливаются. Около одинокихъ фигуръ образовываются кучки.

И вскорѣ опять вырастаетъ толпа, блѣдная, испуганная, трясущаяся.

— Бомбу бросили?

— Народъ побили?

— Нѣтъ, только цѣпью махнули.

— Какой цѣпью?

— А кто-жъ ее знаетъ. Народъ видѣлъ, какъ отъ угодника дымъ пошелъ. Церковь, знать, стали бить.

— Да, нѣтъ. Съ хоръ кто-то шапку уронилъ, а народъ подумалъ—ни вѣсть что.

— Ну, слава Богу, слава Богу. Пронесъ Господь. Замолилъ, видно, угодникъ Божій.

Испуганные люди возвращаются на свои мѣста.

— Ахъ, батюшки! Гдѣ-жъ сумочки-то? Сумочки наши пропали!—слышатся возгласы.—Пропа...а...ли!

Ищутъ сумочекъ, поднимаютъ калѣкъ и слѣпыхъ, стоятъ возлѣ помятыхъ въ бѣгствѣ; жалуются другъ другу на пропажу. Кое-гдѣ слышится плачъ. Кто-то стонетъ.

И долго еще толпа переживаетъ свой испугъ, разсказывая про пережитые ею ужасы, про то, что видѣла и испытала на другихъ обнесеніяхъ; и опять молится, чуя какую-то опасность и свою безпомощность передъ ней, и опять ждетъ чего-то страшнаго, рисуя себѣ картины того свѣта, гдѣ за безвинную смерть простятся всѣ грѣхи.

Долгая, утомительная, обѣдня кончилась. Отпущенный на волю народъ бросается къ бассейну съ водою, и скоро весь дворъ покрывается группами отдыхающихъ. Развязываются сумочки и набитые до верху мѣшки; достаются ситники, бублики и цѣлыя ковриги домашняго, деревенскаго хлѣба. Крестятся и медленно принимаются за ѣду. Разговоры рѣдкіе, медленные, съ неуловимымъ оттѣнкомъ какой-то торжественности и сосредоточенности, особенно у мужчинъ, какая еще долго потомъ стоитъ въ лицахъ, не сходитъ со строгихъ, и въ то же время добрыхъ, глазъ.

Между сельскимъ людомъ прохаживаются городскіе богомольцы,

ночевавшіе въ номерахъ. Видны бритыя лица и жилистыя шеи мѣщанъ въ длиннополыхъ сюртукахъ; и ихъ супруги въ старинныхъ ковровыхъ шаляхъ.

Взявшись за руки, прогуливаются бойкія городскія дѣвушки, въ яркихъ шелковыхъ платочкахъ. За ними неотступно слѣдуетъ группами какая-то безусая молодежь, въ черныхъ суконныхъ блузахъ, съ широкими кожаными поясами и фуражкахъ съ синими околышами. Барышни охорашиваются, поправляютъ начесанные на лобъ волосы, грызутъ сѣмечки и лукаво улыбаются своимъ ретивымъ кавалерамъ. Съ обѣихъ сторонъ видно страстное желаніе поскорѣе познакомиться и вступить въ разговоры.

Наслушавшись всякихъ молебновъ и панихидъ, заказанныхъ для себя отдѣльно, плыветъ въ свой номеръ пить чай богатый купецъ съ семьей.

Собравшись въ кучки, городскія старухи показываютъ другъ другу пріобрѣтенныя въ монастырской лавочкѣ сокровища: крестики, образочки, листики.

— Ну, ужъ нынче отецъ архимандритъ за обѣдней былъ прямо, что ангелъ Божій,—умиленно разсказываетъ одна изъ нихъ, въ старинной, вылинявшей кофтѣ и лиловой атласной косынкѣ, смотря подслѣповатыми глазами на своихъ собесѣдницъ.—И голосъ-то у него, у батюшки, ангельскій. «Крамольники, говоритъ, они всѣ... душегубцы... Имъ, говоритъ, мало суда здѣшняго. Ихъ и на томъ свѣтѣ ждутъ муки геенскія». Ужъ такъ складно, такъ складно говорилъ; словно все это у него въ самомъ сердцѣ напечатано. «Какъ, говоритъ, землѣ безъ неба нельзя стоять, такъ и народу безъ вышняго начальства». А они, вишь, насупротивъ пошли.

— Охъ, Господи, до чего мы дожили,—хоромъ вторятъ ей старухи.—Времена-то какія. Хошъ ложись и помирай.

— Только и душу отведешь, какъ на богомолье куды съѣздишь.

Мимо проходитъ кучка желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

— А вы, бабушка, развѣ еще не слышали,—серьезно говоритъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ старухѣ, умилявшейся архимандритомъ,—со вчерашняго дня попы вездѣ забастовали.

— Попы?—всплескиваетъ та руками, выражая на лицѣ испугъ и удивленіе.—Да...ка...а...къ же теперь помирать-то? Вѣдь у меня и смѣртное приготовлено.

— Э, бабка, помирай, не бойся!—подхватываетъ изъ группы другой громкій голосъ, и въ немъ слышится какое-то радостное одухотвореніе смерти.—Мы тебя и безъ поповъ отпоемъ, еще лучше. Съ марсельезой понесемъ; красными флагами обовьемъ.

— Зачѣмъ же, батюшка, краснымъ? У меня черное все болѣ двадцати лѣтъ припасено. Въ красномъ-то и на томъ свѣтѣ не примутъ.

— И не надо, бабушка.

— У, непутевые!—ворчитъ старуха, понявъ, наконецъ, что надъ ней потѣшаются.

Рабочіе весело смѣются и трогаются дальше.

— Попы забастовали—скажутъ тоже. Пропасти на васъ нѣтъ,—ворчатъ собесѣдницы, глядя во слѣдъ удаляющейся молодежи.—Нѣ...ѣ...тъ; эти, небось, не забасту...у...ютъ.

Въ шесть часовъ большой монастырскій колоколъ сталъ подымать отоспавшійся и отдохнувшій народъ ко всенощной.

Снова слышатся жалобные вопли и причитанія калѣкъ и слѣпыхъ, и снова народъ молится общею молитвою, полною безпомощности и скорби.

Послѣдніе лучи солнца меркнутъ за лѣсомъ. Быстро наступаютъ осеннія сумерки. Толпа сливается во что-то неопредѣленное, и въ ней теряются отдѣльныя фигуры, ярко выдѣлявшіяся днемъ на ея сѣромъ фонѣ. За ними не слѣдятъ уже зоркіе взгляды полицейскихъ, ночевавшихъ въ номерѣ, напротивъ комнаты отца гостиника, и другихъ вольныхъ и подневольныхъ сыщиковъ. Народъ какъ-то притихъ. Умолкли и слѣпые съ убогими.

Изъ-за темнаго лѣса показывается луна. Большой монастырскій дворъ кажется теперь еще просторнѣе. Кое-гдѣ опять уже замѣтны на немъ группы лежащихъ на землѣ, истомленныхъ долгою службою. Между ними, легко и призрачно, вырисовываются, облитыя яснымъ свѣтомъ, одинокія фигуры молящихся на колѣнахъ. Только церковь, въ которой лежитъ угодникъ, окружаетъ еще густая толпа народа, кое-гдѣ освѣщенная полосами свѣта, падающими на нее изъ оконъ храма.

— Земля-то,—раздается въ темнотѣ голосъ,—она Божія. Сказано: «Архангелы передъ Господомъ не могутъ прекословить», а дворяне, значитъ, могутъ—забрали ее всю себѣ.

— Не платите податей, не давайте солдатъ,—слышится въ отвѣтъ молодой голосъ.—Земля ваша будетъ.

— Подати рѣшено не платить; ну, а насчетъ солдатъ—никакъ нельзя не давать, потому—не у каждаго онъ въ семьѣ есть. Остальные не заступятся; по одиночкѣ всѣхъ перехватаютъ. Только мы теперь съ солдатъ своихъ присягу рѣшили брать.

— Тише ты, Пётра. Аль не знаешь, какія нонѣ времена?—останавливаетъ его старческій голосъ.

— Што тише? Да я правду говорю.

— Охъ, и... тру...у...дно же, тру...у...дно стало,—раздается еще голосъ, и тоска звучитъ въ его тонѣ.—Все прахомъ идетъ. Повержется теперь наша Рассея... И помочь незнамо какъ.

— Выходъ есть,—страстно отвѣчаетъ второй говорившій.—Это на васъ такъ все обрушилось сразу, и вы не можете въ этомъ разобраться; а мы давно все видимъ и знаемъ.

— Вотъ такихъ-то намъ и хочется послухать.

Разговаривающіе сдвигаются ближе. Мужики всматриваются въ скрытое въ полутьмѣ лицо своего собесѣдника, стараясь прислушаться къ тону его рѣчей. Голоса всѣхъ падаютъ до шопота и совсѣмъ смолкаютъ, когда мимо проходятъ монахи, полицейскіе или другіе подозрительные имъ люди.

— Ты бы къ намъ пріѣхалъ. Заѣзжихъ-то у насъ на селѣ лучше слухаютъ. Онъ былъ, да и нѣтъ его, а ты попробуй, поговори—вотъ хоть и я: не оберешься потомъ горя. Гдѣ што не случится, все ты въ отвѣтѣ будешь. Што подѣлаешь—общество у насъ не дружное.

— Семенъ, ты это што?—подходитъ къ кучкѣ еще мужикъ.—Не дюжа, смотри.

— Што? да ничего,—неохотно отзывается Семенъ.—Говоримъ; человѣкъ вотъ хорошій попался.

— Все просвѣ...шша...ешься,—насмѣшливо тянетъ подошедшій.—Все людей ишшышь. Смо...о...три, Семенъ.

И онъ опять отходитъ куда-то въ сторону.

— Вотъ они, совѣтники-то,—глядя ему въ слѣдъ, горько говоритъ Семенъ.—И всегда такъ... Охъ, и надоѣли-жъ! Не знай, куда бы ушелъ отъ нихъ... Такъ ты, говоришь, комиссіи эти насчетъ земли обманъ одинъ?—продолжаетъ онъ прерванную рѣчь.

— Чистѣйшій.

И говорящій съ мужиками начинаетъ подробно излагать имъ свой взглядъ на мотивы учрежденія землеустроительныхъ комиссій. Голосъ его звучитъ страстною, непримиримою ненавистью и призывомъ къ борьбѣ.

Около его ногъ лежитъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати, выдѣляясь въ полумракѣ своей бѣлокурою головкою. Онъ внимательно слушаетъ разговоръ и иногда вставляетъ въ него свои замѣчанія, полныя заботъ о землѣ.

Незнакомецъ смотритъ на него, и что-то горячей волной подступаетъ къ его сердцу. Ему хочется поднять эту, словно прибитую къ землѣ, бѣлокурую головку, обхватить ее обѣими руками, прижать къ сердцу, заглянуть въ ея недѣтскія думы.

«Какъ хочется счастія вотъ такимъ, свѣта!—мелькаютъ у него мысли.—За что онъ прибитъ къ землѣ?»

— Какъ хочется открыть вамъ все!—вырываются у него страстныя слова.—Какъ хочется повѣдать о той тьмѣ кромѣшной, какая держитъ васъ въ своей страшной власти. Насъ много, такихъ-то, хотящихъ открыть ваши слѣпыя очи. Много, любящихъ васъ... Знаетъ ли про насъ народъ?

— Знаетъ, знаетъ; теперь знаетъ,—слышатся въ отвѣтъ теплые, поспѣшные голоса.

— Вѣритъ ли онъ намъ?

— Семенъ, иди Богу молиться,—говоритъ подошедшій опять мужикъ.—Иди.

— Иди, молись. Я и тутъ помолюсь,—иносказательно отвѣчалъ ему Семенъ.

— Мы тутъ горячѣй молимся,—подхватываютъ еще два голоса.

— Ну, спать иди,—упрямо настаиваетъ подошедшій, подыскивая предлогъ увести Семена.—Што мы разбились по разнымъ сторонамъ. Иди... Мы вонъ всѣ тамъ, у ограды.

— Иди, иди. Я приду... Вотъ тоска-то.

Изъ церковныхъ оконъ неслось громкое пѣніе. Мужики то прислушивались къ нему, то къ голосу незнакомца. Незамѣтно летѣло время. Бесѣда иногда смолкала, и въ молчаніи рождались новые вопросы, новыя мысли...

Затянувшейся, по случаю предстоявшаго на утро перенесенія угодника, торжественной всенощной, казалось, не будетъ конца. Порѣдѣла толпа и у церкви. Остальной весь монастырскій дворъ былъ устланъ тѣлами, словно на полѣ брани послѣ сраженія. Луна освѣщала ихъ, и казалось, что эти лежавшія тысячи были убиты тьмою, и какъ сонъ, какъ бредъ, проносился надъ ними торжествующій звонъ колоколовъ.

Обступившій съ трехъ сторонъ темный лѣсъ шепталъ имъ что-то свое.

Е. М. Милицына.

Прощеніе.

Не унижай любви прощеньемъ,—
Великодушіемъ царей!
Прочь съ покаяннымъ пѣснопѣньемъ
Отъ величавыхъ алтарей!
Прощенья молитъ—рабъ покорный,
Его даруетъ—господинъ,
И оба лгутъ въ любви притворной,
И вѣрь, не любитъ—ни одинъ.
Прощать не надо! Тотъ, кто любитъ,
Кто душу въ жертву отдаетъ,
Не сына блуднаго голубитъ,
А нѣжность равнаго береть!

Л. М. Василевскій.

Мнѣ стыдно чего-то... и жаль...
Какъ будто я друга покинулъ,
Какъ будто я чью-то печаль
Унизилъ, отринулъ.

Какъ будто во тьмѣ оттолкнулъ
Я руку несчастнаго брата,
Чужую тоску обманулъ,—
Навѣкъ, безъ возврата.

Какую-то новую нить,
Быть можетъ, порвалъ я невольно
И сердце не въ силахъ забыть,—
Такъ стыдно, такъ больно...

Л. М. Василевскій.

Расходный бюджетъ Франціи на 1907 г. *).

Мы только что отмѣчали отсутствіе разумной экономіи въ бюджетѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; въ отношеніи къ министерству внутреннихъ дѣлъ того же сказать нельзя. Абсолютная цифра бюджета за этотъ годъ даже повысилась: въ 1906 г.—89.113,117, а въ 1907 г.—*104.066,146*, но увеличеніе это вызвано расширеніемъ функцій этого министерства, сообразно все углубляющемуся процессу демократизаціи французской жизни. Экономія сдѣлана на счетъ уничтоженія ненужныхъ административныхъ и полицейскихъ должностей и уменьшенія канцелярщины. Въ основу отдѣла этого министерства, касающагося собственно администраціи и управленія, положенъ принципъ децентрализаціи. Экономія же вызвана болѣе разумнымъ распредѣленіемъ административныхъ обязанностей и выдачей содержанія, согласно количеству часовъ труда и образованію, а не высотѣ занимаемаго поста или званію. Бюджетная коммиссія и сдѣлала въ этомъ отношеніи экономію на сумму, превышающую милліонъ франковъ, энергично борясь съ «перепроизводствомъ» чиновничества, часть обязанностей котораго является синекурой. Но въ этомъ году реализована только $^1/_2$ предложеннаго, чтобы дать возможность постепенно и безъ крупныхъ скачковъ провести намѣченныя реформы. Во 2-й же части этого бюджета, имѣющей соціальный характеръ, по сравненію съ прошлыми годами сдѣланы извѣстныя увеличенія, «и мы нисколько не жалуемся на это, такъ какъ благодаря этимъ увеличеніямъ должно быть дано немного больше счастья несчастнымъ, справедливости—униженнымъ» **).

Эта вторая часть составлена очень разнообразно: тутъ и выдача пособій семьямъ неимущихъ запасныхъ (гл. 16—500,000 фр.), и субсидіи гимнастическимъ и спортивнымъ обществамъ (гл. 18—167,000 фр.), и вспомоществованіе яслямъ и обществамъ борьбы съ туберкулезомъ (гл. 35—160 тыс. и 36—100 тыс.), въ распоряженіе «туберкулезной» коммиссіи гл. 41—3,500) и т. д. Сюда же можетъ быть отнесена и ассигновка въ

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1907 г.

**) См. № 335. Chambre des députés. Session 1906, стр. 4 предисловіе докладчика, депутата Fernand Rabier.

120 тыс. (гл. 81) на празднованіе дня 14 іюля, торжества въ честь и память взятія Бастиліи, символизирующаго для современнаго поколѣнія паденіе твердынь стараго порядка. Но первое мѣсто среди соціальной части бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ занимаетъ помощь старикамъ, немощнымъ и неизлѣчимо больнымъ, вызвавшая главное увеличеніе кредитовъ (съ 400 тыс. до 23 милл. фр.). Подобныя обремененія бюджета можно только привѣтствовать, и сенаторъ Savary въ своемъ докладѣ *) выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «наше демократическое общество поставило себѣ задачею уменьшить нищету и страданіе, насколько это зависитъ отъ человѣческихъ силъ. Оно поставило себѣ цѣлью не только прійти на помощь человѣку въ моментъ, когда онъ страдаетъ, будь это страданіе слѣдствіемъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ его воли—старость, болѣзнь, безработица, или вызвано оно по его неосторожности или ошибкѣ, но стремится къ болѣе высокой цѣли—оно хотѣло бы, чтобы человѣкъ къ концу дней своихъ имѣлъ обезпеченный кусокъ хлѣба, когда онъ самъ не можетъ уже его зарабатывать, не будучи принужденнымъ обращаться къ благотворительности, частной или общественной». Передъ страною стоитъ вопросъ о пенсіяхъ трудящимся извѣстнаго возраста. Эта цитата показываетъ, какъ высоко ставится въ парламентскихъ кругахъ соціальная сторона каждаго вопроса. Въ отношеніи къ министерству внутреннихъ дѣлъ и администрація, по крайней мѣрѣ глава ея—Клемансо, обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на эту именно сторону. На первую очередь необходимыхъ реформъ ставится, думается намъ, коренное преобразованіе тюремной и вообще исправительно-карательной части, а также измѣненія въ организаціи полиціи. Полиція—только крайніе утописты могутъ утверждать противное — организація насущно-необходимая, и никакія самыя радикальныя реформы не исправятъ человѣческой породы настолько, чтобы не было надобности въ полиціи. Клемансо, этотъ недавній «сенаторъ-анархистъ», по чьему-то выраженію, недавно выяснилъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ въ рѣчи, произнесенной имъ на общемъ собраніи членовъ ассоціаціи служащихъ въ полиціи. Французскіе полицейскіе или, выражаясь парижскимъ арго «флики» («flics»), по словамъ Клемансо, являются не только представителями закона, но законовъ, основанныхъ на справедливости, свободѣ и равенствѣ. Точка зрѣнія, несомнѣнно, правильная, но нужно требовать отъ полицейскаго раньше всего знанія законовъ и вообще извѣстныхъ юридическихъ познаній. Нужно, далѣе, полное отрѣшеніе отъ преклоненія передъ капиталомъ, и носитель рабочей куртки долженъ всегда встрѣчать то же отношеніе, что и носитель богатой одежды. Въ трудовомъ государствѣ обязанность полиціи не столько въ разгонѣ какой-либо манифестаціи, а въ борьбѣ съ порнографіей, азартными играми, и т. д. Изъ этого положенія вытекаетъ—и этого-то многіе не хотятъ признать—требованіе, предъявляемое

*) См. Sénat. № 444. стр. 4 и сл.

къ трудящимся, о преклоненіи передъ закономъ: своею самодѣятельностью они никогда не должны нарушать воли всенародныхъ избранниковъ.

Недавно въ Парижѣ была запрещена манифестація въ пользу воскреснаго отдыха, и многіе обвиняли за это Клемансо въ измѣнѣ народнымъ интересамъ, между тѣмъ какъ запрещеніе было вызвано случаемъ насилія рабочихъ-булочниковъ надъ предпринимателями и отсутствіемъ гарантіи, что манифестація не превратится въ массовое насиліе. Требовать справедливости и законности могутъ только лица, сами преклоняющіяся передъ ними, и, въ частности, святая цѣль раскрѣпощенія рабочихъ не должна ни въ коемъ случаѣ допускать актовъ насилія, такъ какъ не насиліями цѣль эта будетъ достигнута. Однако, случаи нарушенія законовъ и даже посягательствъ на чужую жизнь или имущество—не рѣдкость въ наши дни, и въ этой области царитъ извѣстное равенство между трудящимися и трутнями, между рабочими и представителями имущихъ классовъ. Тюрьмы, исправительные пріюты для малолѣтнихъ преступниковъ—необходимы, но не въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время. Наказаніе, какъ того требуетъ современная постановка вопроса въ наукѣ уголовнаго права, является синонимомъ лѣченія и исправленія лицъ, совершившихъ данный проступокъ подъ вліяніемъ недостатка образованія, ослѣпленныхъ страстію или толкаемыхъ на него голодомъ. Межъ тѣмъ французскія тюрьмы, по общимъ отзывамъ, поставлены изъ рукъ вонъ плохо, и знаменитая Saint-Lazare, заключающая въ одномъ зданіи больницу для лѣченія венерическихъ болѣзней и тюрьму, является тому доказательствомъ. Тюрьма, вмѣсто того чтобы исправлять, является школой порока и преступленія; вмѣсто организаціи работъ и моральнаго воспитанія заключенныхъ, послѣдніе современнымъ тюремнымъ режимомъ толкаются въ бездну порока. Saint-Lazare—не исключеніе, въ прессѣ и парламентѣ указывалось еще на рядъ тюремъ съ самыми отвратительными условіями, рядъ домовъ заключенія, гдѣ не обращаютъ никакого вниманія на индивидуализацію даннаго случая, на колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, выпускающихъ изъ своихъ стѣнъ преступниковъ созрѣвшихъ.

Радикально-соціалистическому министерству, ставящему себѣ высокія цѣли по пути прогресса, должно быть стыдно, что подобные порядки еще существуетъ. Одинъ изъ членовъ кабинета, ген. Пикаръ, заявилъ уже въ палатѣ о скоромъ уничтоженіи «biribi»—африканскаго дисциплинарнаго баталіона, сколка съ временъ инквизиціи и мрачнаго средневѣковья; въ области гражданскаго управленія Клемансо намѣренъ заняться реформой въ области тюремнаго вѣдомства, согласно новѣйшимъ требованіямъ тюрьмовѣдѣнія. Реформа эта необходима и откладывать ее въ долгій ящикъ не слѣдуетъ какъ изъ состраданія къ жертвамъ современныхъ порядковъ, такъ и имѣя въ виду педагогическую цѣль воспитанія уваженія къ идеѣ демократической государственности. Уваженіе это можетъ быть всеобщимъ въ трудовомъ населеніи, когда не будетъ болѣе такихъ пятенъ на общемъ свѣтломъ фонѣ организованной демократіи. Министерство Клемансо какъ будто бы

склонно заняться этимъ вопросомъ и кое-какія подготовительныя работы уже начались. При этомъ возникаетъ вопросъ, не лучше ли перевести тюрьмы изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство министерства юстиціи, съ которымъ онѣ связаны органически? Намъ кажется, что эта сторона вопроса является частностью и разрѣшеніе ея зависитъ отъ практическихъ удобствъ. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ детали послѣднихъ, отмѣтимъ только, что министерство юстиціи само нуждается въ извѣстныхъ преобразованіяхъ и врядъ ли удобно расширять теперь кругъ его вѣдомства. Думается, что сенаторъ Reppiet *) нѣсколько сгустилъ краски, заявивъ, что французская судебная организація не находится въ гармоніи съ нуждами, тенденціями и новыми идеями нашего времени и что Франція теперь сильно отстала въ этомъ отношеніи. Отрицательныя стороны французской юстиціи являются слѣдствіемъ общаго всѣмъ странамъ кризиса въ области судопроизводства. Рядъ изслѣдователей и ученыхъ показали шаткость свидѣтельскихъ показаній, этой основы современнаго процесса, судебныя ошибки не прекращаются даже въ странахъ, гдѣ судъ скорый, правый и милостивый не является только красивой фразой. Но есть и специфически французскія недостатки и ихъ исправить легче, чѣмъ вышеуказанные, находящіеся въ тѣсной зависимости отъ прогресса міровой теоретической и экспериментальной мысли. Говоримъ мы о реформѣ въ области пополненія кадровъ чиновъ судебнаго вѣдомства, объ уменьшеніи числа апелляціонныхъ судовъ и сокращеніи судебныхъ издержекъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что необходимо имѣть въ числѣ судей людей съ извѣстными профессіональными познаніями, двигающимися по службѣ въ опредѣленномъ порядкѣ. Не подлежитъ также сомнѣнію идея апелляціонныхъ судовъ, единственнаго средства отъ и безъ того частыхъ судебныхъ ошибокъ; но во Франціи апелляціонныхъ инстанцій слишкомъ много, что и выдвигаетъ вопросъ о сокращеніи ихъ числа. Въ докладахъ бюджетныхъ коммиссій приводятся факты существованія судилищъ, состоящихъ изъ 10 членовъ и разобравшихъ въ теченіе года около 250 дѣлъ, т.-е. по 25 въ среднемъ дѣлъ на члена суда. Но эти два замѣчанія являются частностями по сравненію съ подтвержденнымъ статистическими данными фактомъ распредѣленія судебныхъ издержекъ обратно пропорціонально суммѣ иска. Лица несостоятельныя находятся подъ бременемъ громадныхъ судебныхъ издержекъ: для суммы, не превышающей 500 франк., издержки равняются 99,47% присуждаемой суммы, отъ 501 до 1,000 — 39,52%, съ суммы же свыше 10 тыс. франк. взимается всего 2,05%. Это представляетъ собою чудовищную аномалію, не единственную, впрочемъ, во французскомъ законодательствѣ. Экономистъ Поль Леруа-Больe **), котораго въ демократизмѣ обвинить было бы

*) См. его докладъ сенату за № 463, предисловіе.

**) Не имѣя подъ рукой его „Traité de la science des finances“, цитирую по „Основнымъ началамъ финансовой науки“ И. И. Янжула. Спб., 1904 г., стр. 463.

грѣшно, говорить, что весь французскій гербовый сборъ вызываетъ много жалобъ и нареканій и осуждается учеными и публицистами: важнѣйшій недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ ложится гораздо тяжелѣе на мелкія сдѣлки (т.-е. на недостаточные классы), чѣмъ на крупныя. Выводы изъ всего этого ясны сами по себѣ: судопроизводство должно быть, если не безплатнымъ, то дешевымъ и не ложиться бременемъ на неимущихъ. Эта, какъ и другія указанныя реформы не требуютъ увеличенія бюджета министерства и, наоборотъ, на сокращеніи числа членовъ апелляціонныхъ судовъ можно нагнать кое-какую экономію. Величина бюджета министерства юстиціи сравнительно не велика—*38.719,250 фр.* и съ года въ годъ почти не измѣняется. Въ этомъ году, какъ разъ, имѣется почти двухмилліонная надбавка, вызванная необходимостью перестроить и наново оборудовать государственную типографію, но единовременный расходъ этотъ дастъ возможность въ будущемъ произвести извѣстныя экономіи—раньше всего даетъ возможность уничтожить 109-тысячный кредитъ на изданіе собранія узаконеній («Bulletin des lois»), которое, съ расширеніемъ типографіи, сможетъ печататься въ видѣ приложенія къ *Правительственному Вѣстнику* Франціи («Journal officiel»), который и теперь печатаетъ часть матеріала «Bulletin des lois», вызывая этимъ двойные расходы. Изъ другихъ главъ бюджета министерства юстиціи остановимся на орденѣ почетнаго легіона, представляющемъ собою въ финансовомъ отношеніи автономную организацію, пользующуюся, однако, крупной поддержкой правительства. Орденъ имѣетъ свои спеціальные доходы, которые и даютъ ему возможность покрывать огромные расходы, изъ которыхъ главное мѣсто занимаетъ содержаніе неимущихъ кавалеровъ, принадлежащихъ къ военному сословію (около 15 милл. франк.), громадное жалованье, получаемое великимъ канцлеромъ ордена (40 тыс. франк. въ годъ, плюсъ квартиру и пенсію по прежде занимаемой имъ должности въ арміи) и воспитательные дома для дѣтей и сиротъ неимущихъ кавалеровъ ордена. Расходы, вызываемые орденомъ почетнаго легіона, аристократическій характеръ его внутренней организаціи, ненужность спеціальныхъ школъ для дѣтей кавалеровъ ордена, наконецъ, недемократичность самаго существованія ордена, усугубляемая тѣмъ, что вызываемые имъ расходы могли бы быть употреблены на общеполезныя цѣли—все это заставляетъ многихъ требовать его уничтоженія. Но требованіе это пока неосуществимо, такъ какъ французы до смѣшного падки на ордена, носятъ розетки легіонъ въ петлицахъ всѣхъ одеждъ до шубы включительно, и «кандидаты» подняли бы бунтъ, если бы къ новому году честолюбіе ихъ не было удовлетворено.

Отмѣтимъ, чтобы покончить съ министерствомъ юстиціи, одинъ пунктъ его бюджета, представляющій, какъ намъ кажется, выдающійся интересъ. Мы говоримъ о собираніи иностранныхъ законовъ (гл. 20 и 21, всего 20 тыс. фран.): эта скромная рубрика и не менѣе скромные кредиты достойны быть отмѣченными, какъ полезное, всячески достойное вниманія

и подражанія учрежденіе. Включаетъ оно въ себѣ единственное въ мірѣ хранилище изъ 50 тыс. томовъ законодательныхъ актовъ, 300, приблизительно, эпохъ, странъ и народовъ. Коллекція эта полезна не только при научныхъ изысканіяхъ, при работахъ по международному праву и сравнительно-историческомъ изученіи правовыхъ нормъ, но и для практической жизни, давая возможность адвокатамъ, нотаріусамъ или банкирамъ получать точныя справки какъ для дѣлъ съ зарубежными странами, такъ и для ведомыхъ во Франціи дѣлъ, для которыхъ необходимо принять во вниманіе постановленія какого-либо иноземнаго кодекса. Персоналъ этого книгохранилища, обладающій лингвистическими и юридическими познаніями, обязанъ по требованію отдѣльныхъ вѣдомствъ давать сводку постановленій иностранныхъ законоположеній по стоящему на очереди въ данномъ министерствѣ вопросу, помогать парламентскимъ дѣятелямъ, занятымъ выработкою законопроектовъ и вообще руководить работами лицъ, не знающихъ иностранные языки, въ ознакомленіи съ постановленіями зарубежныхъ законодательствъ. Организація эта, интересная сама по себѣ, интересна также какъ показатель стремленія французскаго законодателя вносить въ бюджетъ страны рубрики, имѣющія касательство къ международнымъ отношеніямъ и правоотношеніямъ. Въ бюджетѣ министерства труда мы упоминали о субсидіи международному бюро труда, касались интернаціональныхъ предпріятій, поддерживаемыхъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отмѣтимъ еще, чтобы потомъ болѣе не возвращаться къ этому пункту, гл. 42 бюджета министерства общественныхъ работъ—24 тыс. фр. на центральное бюро международныхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній и интернаціональные желѣзнодорожные конгрессы; главу 43 того же министерства—5 тыс. франк., доля Франціи въ расходахъ международнаго конгресса мореплаванія; гл. 9, 27 и 32 министерства торговли и промышленности—первая, включающая въ себѣ ассигновку въ 10,500 фр. по раскладкѣ на долю Франціи расходовъ по содержанію бюро мѣръ и вѣсовъ, вторая—кредитъ въ 3,700 фр. на расходы интернаціональнаго бюро въ Бернѣ для защиты промышленной собственности, третья—долю Франціи въ 6,900 фр. по содержанію международнаго бюро въ Брюсселѣ для опубликованія таможенныхъ тарифовъ. Ко всему этому надо прибавить ассигновку въ 29,400 фр. на интернаціональный земледѣльческій институтъ, которая значится въ бюджетѣ министерства земледѣлія. Сумма эта, которую со временемъ предполагается повысить, дѣйствительно невелика, если принять во вниманіе задачи института. Основанный 24 января 1905 г. по почину итальянскаго короля, институтъ этотъ имѣетъ цѣлью улучшеніе быта земледѣльческаго населенія отдѣльныхъ странъ, невозможное безъ связи и сношеній между ними: ни улучшеніе различныхъ культуръ, ни ихъ распредѣленіе, согласно требованіямъ потребителей, ни защита интересовъ земледѣльца на всемірномъ рынкѣ не могутъ быть достигнуты усиліями одного государства. Римскій международный институтъ и имѣетъ цѣлью изученіе условій земледѣльческаго труда въ различныхъ странахъ,

періодическія опубликованія свѣдѣній объ урожаяхъ для руководства земледѣльца и торговца, сообщенія, особенно цѣнныя для эмигрантовъ, о цѣнѣ рабочихъ рукъ земледѣльческихъ рабочихъ, борьбу съ болѣзнями растеній и скота, наконецъ, заботу о развитіи въ земледѣльческихъ странахъ кооперацій и мелкаго амельоративнаго кредита. Нужно ли распространяться о важности подобной организаціи, дающей свѣдѣнія объ экономической, технически-агрономической и статистической сторонахъ вопросовъ земледѣлія? Можно безъ преувеличеній сказать, что въ широкихъ размѣрахъ программа дѣятельности римскаго института можетъ быть mutatis mutandis названа программой дѣятельности всего французскаго министерства земледѣлія. По крайней мѣрѣ, палатскій докладчикъ *) приходитъ къ подобному плану, особенно горячо рекомендуя, какъ средство борьбы за существованіе мелкаго землевладѣнія, ассоціацію во всѣхъ видахъ и формахъ: союзы для покупки удобреній и всего необходимаго для раціональной эксплоатаціи почвы; синдикаты для продажи земледѣльческихъ продуктовъ; кооперативныя общества производства; общества взаимнаго страхованія отъ града и т. д. Министерство земледѣлія, поддерживая эти и подобныя имъ ассоціаціи, въ то же время старается поставить на должную высоту статистическую часть, агрономическія станціи, земледѣльческій кредитъ, борьбу съ эпидеміями и эпизоотіями, агрономическое образованіе на всѣхъ его ступеняхъ и т. д. Въ области распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній дѣлается особенно много и, между прочимъ, въ послѣднее время организованы въ войскахъ курсы и собесѣдованія по вопросамъ агрономіи, имѣющіе цѣлью увеличить познанія молодыхъ солдатъ, оторванныхъ военной службою отъ сохи и имѣющихъ вновь къ ней вернуться. Нужно даже при перечисленіи этой части круга вѣдѣнія министерства земледѣлія вспомнить централизованный характеръ административнаго строя Франціи, низводящій органы мѣстнаго самоуправленія до положенія совѣщательныхъ коллегій **). И слѣдовательно, переносящій главную тяжесть заботъ на центральное правительство. Въ области земледѣлія, въ которой обыкновенно, въ особенности въ Россіи, привыкли видѣть работу органовъ мѣстнаго самоуправленія, эта особенность еще ярче бросается въ глаза. При этомъ нужно еще отмѣтить несоотвѣтствіе размѣровъ бюджета министерства земледѣлія съ ролью, которую играетъ эта отрасль производства. Во Франціи около $^1/_2$ населенія кормится такъ или иначе отъ земледѣлія; въ среднемъ годовой оборотъ производства земледѣльческаго населенія доходитъ до $18^1/_2$ милліардовъ. Между тѣмъ, бюджетъ министерства земледѣлія, основаннаго 25 лѣтъ назадъ, за это время не только что не повышался, но понизился на 13%, тогда какъ общая сумма бюджета Франціи значительно возросла. Въ 1882 г. бюджетъ этотъ равнялся 42.734,990 фр.,

*) См. № 348 палатскихъ докладовъ за 1906 г., стр. 137 и сл.

**) См. *Коркунов*: „Русск. госуд. право“, т. II, 1903 г., стр. 363—365, 366, 379—385.

въ 1906 году 38.554,684 франк., на 1907 годъ ассигновка увеличена до *45.215,146 фр.*, т.-е. составляетъ 1,09 всего бюджета, при 45% земледѣльческаго населенія страны. Но мало того; какъ было высчитано въ 1905 г., земледѣльцы, кромѣ общихъ всѣмъ гражданамъ косвенныхъ и прямыхъ налоговъ, имѣютъ особыя повинности, въ среднемъ доходящія до 47 фр. на душу земледѣльческаго населенія; съ доходовъ земли платится въ общемъ 42,8%, а съ движимой собственности всего 11%, да и продажа земли обходится втрое дороже продажи любого вида собственности. Не характерно ли это пренебреженіе интересами земледѣльческаго населенія, являющагося пасынкомъ не въ одной только Франціи? Исторіей экономическаго развитія современныхъ государствъ эта печальная роль предоставлена ему почти во всѣхъ странахъ, тогда какъ роль «маменькинаго сынка» играютъ трудящіеся въ области промышленности и торговли, если позволено уподоблять баловню судьбы какую бы то ни было группу трудящихся при современномъ капиталистическомъ строѣ. Нужно добавить, что республика еще сравнительно много сдѣлала для земледѣльческаго населенія и авторы вышецитированной мною брошюры «La France sous la 31-ème République» на стр. 47 и сл. доказываютъ фактами и цифрами, насколько больше заботятся при современномъ режимѣ о земледѣліи, чѣмъ при монархіи. Эти обстоятельства должны сильно вліять на отливъ изъ деревни въ городъ, а также земледѣльческій отходъ изъ малоплодородныхъ въ болѣе плодородныя мѣста, что должно создать отчаянную конкуренцію въ мѣстахъ благопріятныхъ для занятія земледѣліемъ; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ данный моментъ точныхъ свѣдѣній по этому вопросу, играющему, главнымъ образомъ въ видѣ земледѣльческаго отхода, такую роль въ русской жизни *). Мы выше говорили о сравнительно незначительныхъ размѣрахъ бюджета министерства земледѣлія. Это несоотвѣтствіе многообразныхъ интересовъ и отражающихъ эти интересы кредитовъ становится еще болѣе поразительнымъ, если принять во вниманіе, что въ кругъ вѣдомства этого министерства, кромѣ собственно земледѣлія, входитъ еще поощреніе коннозаводства, лѣсоводства, виноградарства, руководство гидравлическими работами и вообще мѣрами къ улучшенію производительности почвы, наконецъ, ветеринарное образованіе и ветеринарный надзоръ (согласно гл. 29-й ассигнуется 800 тыс. фр. на вознагражденіе владѣльцевъ скота, убитаго по распоряженію администраціи, какъ подверженнаго заразительной болѣзни—туберкулезу и т. д.); при изученіи отдѣльныхъ главъ бюджета, а также при чтеніи цифровыхъ анализовъ и экономико-техническихъ изслѣдованій бюджетной комиссіи мы не нашли ничего такого, что противорѣчило бы интересамъ сельской демократіи, кромѣ, конечно, самаго факта незначительности мѣста, занимаемаго земледѣліемъ во французскомъ бюджетѣ. Фактъ этотъ, являющійся послѣдствіемъ историческихъ условій, съ одной стороны, и невозможность въ настоящемъ повысить сумму бюд-

*) См. объ этомъ статью *С. Н. Прокоповича:* „Земледѣльческій отходъ“ въ № 11 *Вѣстника знанія* за 1906 г.

жета соотвѣтственно необходимости—съ другой, краснорѣчивѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій показываютъ важность сокращенія, а порою и полнаго уничтоженія отжившихъ и ненужныхъ для демократіи кредитовъ, а также полезность совмѣстной дѣятельности государства и частнаго почина, частной иниціативы въ области улучшенія жизни трудящихся. По существу своему государство не всегда можетъ взяться за извѣстнаго рода дѣла, для пользы которыхъ необходимо завѣдываніе и созданіе ихъ частными лицами или организаціями.

Нельзя сказать, чтобы очень велика была сумма бюджета министерства торговли и промышленности (всего *56.490,303 фр.*), въ какову̀ю сумму̀ входятъ расходы по департаменту мѣръ и вѣсовъ, выдачѣ патентовъ и привилегій, дающіе казнѣ доходъ въ 12, приблизительно, милліоновъ, проходящіе мимо кассы этого министерства, занимая только въ смѣтѣ его расходовъ извѣстное мѣсто. Вопросы, составляющіе кругъ вѣдомства этого министерства, важны уже потому, что цѣлью его существованія является посильное развитіе производительныхъ силъ страны, а также и потому, что не подлежитъ сомнѣнію, что сейчасъ, а еще больше въ будущемъ, конфликты между великими націями будутъ происходить на почвѣ экономической, точнѣе, торговой и промышленной. Особыя свойства натуры коренного француза не даютъ ему первенства на товарномъ рынкѣ: во-первыхъ, нежеланіе покинуть родную страну для завязанія торговыхъ сношеній съ зарубежными странами, и, во-вторыхъ, неумѣніе пускать въ оборотъ свои продукты, часть которыхъ и поступаетъ въ продажу при посредствѣ иностранныхъ фирмъ. Важность подлежащихъ вѣдѣнію этого министерства вопросовъ заставила недавно заняться его внутренней реорганизаціей (декреты 25, 31 октября и 3 ноября 1906 г.). Раньше министерство это называлось министерствомъ торговли, промышленности и труда, послѣдняя часть теперь выдѣлена въ особое министерство.

Но, какъ бы взамѣнъ, принимая во вниманіе потребности времени, къ его старымъ функціямъ прибавлены новыя: коммерческое мореходство, участіе въ установленіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ и перенесеніе на дипломатическихъ представителей Франціи за границею обязанностей по вопросамъ экономическимъ, коммерческимъ и таможенно-тарифнымъ. Въ торговлѣ, какъ и въ промышленности, чуть ли не первое мѣсто занимаетъ изученіе теоретической и практической сторонъ соприкасающихся съ ними вопросовъ, поэтому министерство и торговли и промышленности ставитъ себѣ одной изъ задачъ подготовку молодыхъ поколѣній къ ремесленной и торгово-промышленной дѣятельности. Профессіональное образованіе во всѣхъ его видахъ и ступеняхъ и составляетъ главный пунктъ его вниманія, и въ бюджетѣ субсидіи школамъ или самостоятельное ихъ содержаніе беретъ не малую долю (школы искусствъ и ремеселъ, коммерческія, торговаго мореплаванія, обучающія часовому дѣлу и т. д.). Изъ отдѣльныхъ главъ въ бюджетѣ министерства торговли отмѣтимъ гл. 6, 3 тыс. фр. на почетныя награды старымъ рабочимъ, прослужившимъ

свыше 30 л. на томъ же мѣстѣ или перемѣнившимъ мѣсто по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, а также и служащимъ въ государственныхъ мануфактурахъ и изобрѣтателямъ полезныхъ нововведеній. Укажемъ еще на гл. 30—124 тыс. фр. на устройство выставокъ и поддержку французскихъ торговыхъ палатъ за границею, гл. 31—70 тыс. фр. на справочное бюро по вопросамъ внѣшней торговли (office national du commerce extérieur), гл. 33—2.800,000 фр.—поощреніе рыболовамъ, гл. 34—7 милл. франковъ субсидіи торговому флоту и гл. 36—4 милл. фр. на поддержку шелководства и ткачества.

Ясно, что для поддержанія на извѣстномъ уровнѣ внутренней торговли, для успѣшной конкуренціи въ торговлѣ внѣшней, для процвѣтанія промышленности и земледѣлія необходимы пути и способы сообщенія, хорошо поставленные почта, телеграфъ и телефонъ, что и составляетъ кругъ вѣдомства министерства общественныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ. Бюджетъ этого министерства великъ—*519.164,555*, но и увеличенія на улучшенія общественно-необходимыхъ предпріятій всегда желательны и затраты на нихъ всегда продуктивны.

Первую часть вѣдомства этого министерства составляетъ завѣдываніе общественными дорогами, мостами, каналами, портами, морскими и рѣчными пристанями. На одни мосты и дороги тратится свыше 29 милл., причемъ въ области дорожнаго дѣла предпринимается серьезная реформа—смоленіе (goudronage) дорогъ, какъ средство борьбы съ быстрой порчею и пылью, особенно обильной со времени развитія автомобилизма (въ нѣкоторыхъ департаментахъ, наприм., Alpes Maritimes, возникли «лиги борьбы съ пылью общественныхъ дорогъ»). Экономическое развитіе страны требуетъ оборудованія новѣйшими приспособленіями также портовъ и пристаней, постройку новыхъ маяковъ и даже такихъ грандіозныхъ сооруженій, какъ симплонскій и предполагаемый ламаншскій туннели. Сюда же входятъ расходы по содержанію различныхъ техническихъ учебныхъ заведеній, по борьбѣ съ наводненіями (249,500 фр.), по изданію геологической карты и т. д. Вторую часть обязанностей министерства общественныхъ работъ составляетъ надзоръ за горнымъ промысломъ, какъ въ смыслѣ охраны труда рабочихъ отъ катастрофъ, такъ и въ отношеніи охраны минеральныхъ богатствъ страны отъ расхищенія и нераціональной эксплоатаціи. Сюда же относится и контроль за желѣзными дорогами и трамваями въ отношеніи техническомъ, коммерческомъ и обезпеченія пассажирамъ удобствъ, а служащимъ сносныхъ условій работы,—контроль этотъ обходится государству въ 4 милл. въ годъ. Желѣзнодорожное дѣло эксплоатируется во Франціи двумя способами: частными компаніями капиталистовъ, получающихъ субсидіи отъ государства, меньшая—самимъ государствомъ. Послѣдній способъ желѣзнодорожнаго хозяйства вызываетъ много возраженій, главное изъ которыхъ сводится къ неумѣнію государства вести коммерческія предпріятія. Но, во-первыхъ, примѣръ государствъ націонализировавшихъ уже свою желѣзнодорожную сѣть (Бельгія, Пру-

сія, Швейцарія и др.), показываетъ, что доходы ихъ не только что не уменьшились, но даже увеличились со времени перехода желѣзныхъ дорогъ въ руки государства. Затѣмъ, желѣзныя дороги не должны преслѣдовать исключительно коммерческихъ цѣлей, онѣ являются мощнымъ двигателемъ экономическаго прогресса и важнымъ орудіемъ въ дѣлѣ національной обороны. Эти соображенія пользуются и сочувствіемъ палаты депутатовъ, вотировавшей въ декабрѣ 1906 г. выкупъ западной желѣзнодорожной линіи, каковой вотумъ однако еще не получилъ одобренія сената. Частное желѣзнодорожное хозяйство, находящееся въ рукахъ исключительно крупныхъ собственниковъ, для которыхъ биржа—повелитель, а рента—владычица, допускаетъ, наприм., такой фактъ, какъ скидка для билетовъ «туда и обратно» (aller et retour) въ 25% для I класса и всего 20% для остальныхъ *). Примѣръ эксплоатируемыхъ теперь во Франціи государствомъ линій показываетъ (предположено въ 1907 г. около 15 милл. чистаго дохода), что и съ коммерческой точки зрѣнія государственное хозяйничаніе возможно въ этой области. Современная же система положительно никуда не годится. Компаніи деньги получаютъ съ двухъ сторонъ, контроль юридически существуетъ, но фактически компаніи дѣлаютъ, что и какъ хотятъ, въ ущербъ пассажирамъ и находящимся у нихъ въ услуженіи представителямъ чиновнаго пролетаріата. Выходъ одинъ—переходъ отъ теперешней системы къ системѣ государственной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Перейдемъ, однако, къ 3 части круга вѣдомства интересующаго насъ въ данный моментъ министерства—къ почтамъ, телеграфамъ и телефонамъ. Насколько важную роль играетъ почтовое и т. д. дѣло во Франціи, показываетъ величина отпускаемыхъ на него кредитовъ, растущихъ изъ года въ годъ—на 1907 г.—290.030,085 фр., т.-е. больше $^1/_2$ всего бюджета этого министерства. Можно себѣ представить, что представляетъ собою почтовое, телеграфное и телефонное дѣло во Франціи при обиліи торговыхъ сношеній и при сравнительно высокомъ % грамотности населенія. Можемъ отмѣтить въ этой области пониженіе тарифа внутренней корреспонденціи, развитіе пневматическихъ картъ (городскихъ телеграммъ стоимостью въ 12, приблизительно, копеекъ, независимо отъ количества словъ, но въ зависимости отъ вѣса), двигающихся посредствомъ сжатаго воздуха, работы по устройству безпроволочнаго телеграфа (354 тыс.), устройство при почтовыхъ отдѣленіяхъ общедоступнаго телефона съ платой по 3 су за 3 минуты разговора, проектъ понизить стоимость телефонныхъ абонементовъ, наконецъ кое-какія улучшенія быта служащихъ, добившихся таки, хотя и частичнаго, воскреснаго отдыха (отдѣленія поочередно закрываются по воскресеньямъ).

---

*) У насъ, въ Россіи, какъ указывалось въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, при дѣйствующемъ тарифѣ жел. дороги получаютъ съ пассажира и версты—въ I кл.—убытокъ въ 4,59 к., во II—убытокъ въ 0,50 к., въ III кл.—*прибыль* въ 0,08, въ IV—прибыль въ 0,27, т.-е. берутъ деньги съ бѣдняковъ и возятъ на нихъ богатыхъ (см. выше цитир. ст. Прокоповича).

Намъ остается закончить нашъ обзоръ бюджетовъ различныхъ составныхъ частей французской государственной машины, сказавъ нѣсколько словъ о министерствѣ финансовъ. Министерство это имѣетъ бюджетъ въ *1.557.541,989 фр.*, что составляетъ около $^5/_6$ всего государственнаго бюджета страны. Но громадность бюджета министерства финансовъ проистекаетъ изъ обилія возложенныхъ на него обязанностей, обнимающихъ собою весь финансовый механизмъ Франціи. Здѣсь, кромѣ расходовъ собственно министерства финансовъ, находятся кредиты по выполненію долговыхъ обязательствъ, взиманію налоговъ, таможенному дѣлу, выдачѣ пенсій, содержаніе президенту республики, депутатамъ и сенаторамъ, расходы по государственнымъ мануфактурамъ и т. д., платежи процентовъ и частичныя погашенія различнаго рода денежныхъ обязательствъ государства занимаютъ значительную часть разсматриваемаго бюджета. Но еще бо́льшую часть занимаютъ платежи по безсрочному долгу (dette viagère), включающемъ въ себѣ платежи пособій и пенсій, и суммѣ этой предстоитъ еще расти, сообразно съ ростомъ потребностей государства и, слѣдовательно, увеличенія числа лицъ, оказывающихъ націи услуги и достойныхъ пенсіи. Въ до-республиканской Франціи существовала такъ называемая «красная книга»—регистръ пенсій и концессій принцамъ, дворянамъ и вообще приближеннымъ королей, опубликованіе которой, по словамъ историка Мишлэ, внѣдрило идеи революціи въ сердца людей,—настолько красноречиво было ея содержаніе. Теперь пенсіи получаютъ люди, оказавшіе услуги *націи*, но приходится еще имѣть дѣло и съ частью пенсіонеровъ стараго режима, такъ что, въ общемъ, количество пенсіонеровъ со времени монархіи увеличилось разъ въ 40, причемъ значительно уменьшилась величена каждой пенсіи. Бюджетныя комиссіи сдѣлали кое-какія сокращенія въ первоначально представленномъ имъ проектѣ, но, думается, палатамъ можно было бы еще посокращать, чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить бремя въ 300 милліоновъ фр., которымъ пенсіонеры ложатся на государственный бюджетъ. Кто только ни получаетъ пенсіи: и гражданскіе чины, и военные, и профессора уничтоженныхъ теологическихъ факультетовъ (52,445 фр.), и жертвы наполеоновскаго coup d'Etat 2 дек. 1851 года (2.526,000 фр.), и бывшіе министры культовъ (11.183,921 фр.), и потомки раненыхъ во время февральскихъ событій 1848 г. (470,000) и какіе-то потомки придворныхъ короля Луи-Филиппа (1,784)—всѣхъ и не перечислишь. Затѣмъ слѣдуетъ 1.200,000 фр., поступающіе на содержаніе президента республики, 6.430,000 фр.—на содержаніе сената и вознагражденіе сенаторамъ и 11.767,500 фр.—на расходы палаты и вознагражденіе депутатовъ. Расходы по общему управленію министерствомъ = = 45.803,599 фр., взиманіе налоговъ, пошлинъ, гербовыхъ сборовъ, и дастръ и эксплоатація государственныхъ мануфактуръ—225.363,929 ф и т. д., наконецъ, дѣло монетное и медальное, дающее, за покрытіе расходовъ, доходъ въ 1.194,170 фр. На этомъ заканчивается первая часть нашей работы, состоящей въ обозрѣніи бюджетовъ всѣхъ министерствъ.

основанномъ на изученіи докладовъ о финансово-политическомъ положеніи даннаго министерства, сдѣланныхъ бюджетными коммиссіями, извлеченіи изъ цифръ принциповъ, кое-какихъ критическихъ замѣчаній и, наконецъ, выдѣленіи внѣ очереди отдѣльныхъ главъ, по той или иной причинѣ показавшихся намъ интересными.

II.

Въ 1890 г. депутатъ Б. Пельтанъ писалъ въ своемъ докладѣ о финансовомъ положеніи Франціи: цифры налоговъ не имѣютъ никакого значенія безъ сравненія съ богатствомъ страны въ различныя эпохи. Ясно, что никакія среднія величины налогового обложенія не могутъ быть оцѣнены безъ параллельной оцѣнки экономическаго состоянія страны, ея торгово-промышленнаго развитія и политическаго устройства. Французскій бюджетъ великъ, многіе приходятъ въ ужасъ при видѣ длиннаго ряда цифръ, составляющихъ его сумму *), но нельзя забывать долговыхъ обязательствъ, переданныхъ республикѣ старымъ режимомъ, не нужно также упускать изъ виду и стоящихъ на очереди, и частично уже реализованныхъ соціальныхъ реформъ, требующихъ напряженія платежныхъ силъ фиска. Далѣе, Франція—одна изъ богатѣйшихъ странъ міра, ежегодно сберегающая до 3 милліард. фр., имѣющая громадное состояніе въ заграничныхъ бумагахъ. Высота богатства Франціи, имѣющаго кстати исключительный характеръ суммы большого количества мелкихъ капиталовъ, можетъ быть измѣрена, напримѣръ, по движенію въ ней цѣнностей, согласно реестровымъ записямъ наслѣдственныхъ и дарственныхъ переходовъ имуществъ. Согласно вычисленіямъ одного финансиста (причемъ вычисленія эти, несомнѣно, ниже дѣйствительности въ виду частыхъ случаевъ утайки) въ 1904 г. общая сумма частновладѣльческихъ богатствъ равнялась 231,995 милл. фр., что составляетъ за 35 лѣтъ повышеніе богатствъ на 72,080 милл., т.-е. *2 милліарда* въ годъ. Можно было бы взять другой способъ измѣренія народнаго богатства (напримѣръ, по сборамъ съ движимой собственности), и мы пришли бы къ тѣмъ же результатамъ, показывающимъ благосостояніе и экономическое благоденствіе страны. Все растущее количество выдаваемыхъ патентовъ свидѣтельствуетъ о неизмѣнномъ развитіи торговли и промышленности. Таковы данныя народно-хозяйственнаго актива. Что касается пассива, то государственные долги составляются изъ 10 милліардовъ наслѣдія стараго р жима и 13 милліардовъ, какъ послѣдствія войны 70-го года, дѣтища т го же режима, всего 22 съ лишнимъ милліард.; таковъ былъ размѣръ д лга въ началѣ 3-й республики, въ 1906 же году онъ дошелъ до 29,301

*) Напомнимъ, что на высоту бюджета на 1907 г. повліяли значительные расх ы при улаженіи марокканскихъ осложненій, а также, что въ него не входитъ Ал ръ, имѣющій особый бюджетъ.

милл. фр. *), что, принимая во вниманіе предпринятыя за это время реформы и продуктивность затраченныхъ на увеличеніе народнаго богатства капиталовъ, составляетъ очень незначительное увеличеніе, свидѣтельствующее о богатствѣ страны, рѣдко прибѣгающей къ займамъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что богатство это будетъ расти, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что можно быть неудержимо щедрымъ въ увеличеніи бюджета, хотя есть полныя основанія предполагать, что бюджетъ будетъ значительно возрастать изъ года въ годъ; такъ, по вычисленіямъ извѣстнаго финансиста Штурма въ 1910 г. онъ превзойдетъ 4 милліарда, въ 1925 г.—будетъ выше пяти, въ 1937 г.—будетъ равняться 6 милліардамъ, а въ 1947 г.—7, причемъ ростъ этотъ особенно интересенъ, если принять во вниманіе сказавшуюся за послѣдніе годы тенденцію къ стаціонарности французскаго населенія.

Намъ уже неоднократно приходилось указывать на экономію, какъ первооснову разумнаго финансоваго хозяйства, и къ этому вопросу мы еще вернемся ниже. Пока же отмѣтимъ подчеркиваемую французскими изслѣдователями экономію, которую проявляетъ французскій гражданинъ въ личномъ бюджетѣ и которую онъ позволяетъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ позволялъ, попирать своимъ представителямъ, руководящимъ государственнымъ хозяйствомъ. Кайо, теперешній министръ финансовъ, въ вышедшей въ 1904 г. книгѣ **) объясняетъ это непонятное на первый взглядъ явленіе тѣмъ, что въ общественное сознаніе проникла мысль, что всякій плательщикъ налога долженъ пользоваться благами бюджетной манны, но что этому мѣшаетъ современная налоговая система, хитрая механика которой и заключается въ неравномѣрномъ распредѣленіи благъ государственнаго союза между ними. Тотъ же писатель замѣчаетъ, что необходимо бороться съ ходячимъ утвержденіемъ касательно совпаденія общаго интереса съ суммой интересовъ отдѣльныхъ индивидовъ, подъ каковымъ утвержденіемъ кроется плохо замаскированное стремленіе подчинить интересы большинства выгодамъ имущаго меньшинства. Къ тому же, какъ ни богато французское населеніе, богатство его не безконечно и напрягать платежныя силы населенія было бы опасно. Населеніе ясно дало понять, что оно не желаетъ ни займа, ни налоговъ, но желаетъ экономій. При анализѣ бюджетныхъ ассигнованій мы указывали на источники возможныхъ экономій. Искать послѣднія нужно, главнымъ образомъ, въ бюджетахъ военномъ, морскомъ, колоній, иностранныхъ дѣлъ и почетнаго легіона. Докладчикъ палатской бюджетной комиссіи по морскому министерству такъ и заявляетъ ***), что нужно, чтобы въ бюджетъ морског

*) Интересно сопоставить государственные долги различныхъ странъ (цифры в милл. фр.): въ 1905 г. Франціи—29,347; Германіи—4,155; Англіи—20,124; Соединенныхъ Штатовъ=11,830; Японіи—2,586; Россіи—20,485.

**) Notre système d'impots J. Caillaix, page 134 и сл.

***) № 333, стр. 225.

министерства «проникло немного воздуха и свѣта». Въ настоящій моментъ происходитъ переоцѣнка бюджетныхъ цѣнностей, и министерства, раньше наиболѣе щедро субсидировавшіяся, должны теперь стушеваться передъ новыми пришельцами. Центръ тяжести переносится теперь на министерства, прямая цѣль которыхъ развитіе народно-хозяйственной жизни. Кромѣ этого вида и источника экономіи, есть и другой—уничтоженіе канцелярщины и бюрократизма, сокращеніе числа служащихъ съ увеличеніемъ имъ содержанія, что все же дастъ излишекъ казнѣ, прекративъ къ тому же постыдную эксплоатацію государствомъ труда своихъ служащихъ. Сокращеніе числа чиновниковъ дастъ къ тому же экономію не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, избавивъ отъ необходимости выдавать имъ пенсіи.

Увеличеніе бюджета не является вовсе синонимомъ грядущаго соціализма, оно, попросту, есть слѣдствіе роста демократіи и расширенія заботъ государства о нуждахъ трудящихся. Демократія понемногу превращается—да простится намъ неологизмъ—въ лабораократію или понократію, въ царство труда, для котораго увеличеніе бюджета не страшно, лишь бы бюджетныя ассигнованія шли на удовлетвореніе нуждъ трудящагося большинства: кому много дано, съ того много и требуется. Г. Монсанъ, извѣстный публицистъ и депутатъ, сказалъ какъ-то по этому поводу, что нужно, чтобы капиталъ работалъ, а трудъ владѣлъ. Въ этихъ словахъ цѣлая соціальная программа, очень однако далекая отъ ходячаго соціализма, какъ и авторъ ея, индивидуалистъ-радикалъ, но ярый демократъ. Говорятъ о необходимости поддержки бюджетнаго равновѣсія, о невозможности введенія новыхъ налоговъ, а забываютъ, что раньше всего нужно радикально измѣнить нынѣ дѣйствующую налоговую систему. Налогъ долженъ быть обращенъ на всѣ виды богатствъ, въ особенности на роскошь, на состоянія, пріобрѣтенныя путемъ спекуляцій и вообще не добытыя трудомъ. Прогрессивный подоходный налогъ и налогъ на наслѣдства не только будутъ налогами справедливыми, не только дадутъ новый притокъ доходовъ казнѣ, но и облегчатъ положеніе массы населенія. Бѣда въ томъ, что капиталистъ привыкъ видѣть опредѣленный %, который приноситъ ему его состояніе, онъ возмущенъ, если съ теченіемъ времени, благодаря новому болѣе равномѣрному распредѣленію налоговъ, % этотъ уменьшается, онъ угрожаетъ выселеніемъ капиталовъ изъ государства, въ которомъ трудовые принципы начинаютъ брать вверхъ. Однако эти опасенія для современной Франціи не имѣютъ значенія. При введеніи новыхъ налоговъ нужно только не забывать старыхъ, но вѣчно юныхъ «максимъ» Ад. Смитъ, не потерявшихъ значенія и по сіе время, хотя о нихъ въ наши дни многіе и забываютъ. Палата депутатовъ ввела было рядъ новыхъ налоговъ (на піанино и др.), одни расходы по взиманію которыхъ были бы такъ велики, что игра не стоила бы свѣчъ, но сенатъ отвергъ это, что дало поводъ одной газетѣ расхвалить двухпалатную систему, какъ гарантію отъ

ошибокъ и заблужденій. Проф. Альглавъ предлагаетъ реформировать налоговую систему введеніемъ винной монополіи, имѣющей, по его мнѣнію, сдѣлать излишними чуть ли не всѣ остальные налоги.

Намъ кажется, что не эти и имъ подобныя мѣропріятія вызовутъ оздоровленіе народно-хозяйственнаго организма страны, а серьезная экономія, борьба съ бюрократизмомъ, равномѣрное распредѣленіе налогового бремени, развитіе индивидуальнаго почина. Страшна не высота бюджета, страшно сознаніе, что народныя средства не идутъ на общенародныя нужды.

С. Федоровичъ.

Неполномощные законы.

(Къ психологіи русской исполнительной власти.)

Іоаннъ Грозный любилъ останавливать тѣхъ рѣдкихъ совѣтчиковъ, которые отваживались иногда возражать ему въ его велѣніяхъ, указаніемъ на то, что онъ устрояетъ свою державу не на годъ и не на два, а въ долготу вѣковъ. И, дѣйствительно, болѣе трехъ столѣтій ни бурный потокъ смутнаго времени, ни столь же бурныя преобразованія Петра Великаго, ни реформы Александра II—ничто не можетъ смыть съ лица русской земли тѣхъ рѣзкихъ чертъ, которыя наложило на нее самовластіе Іоанна Грознаго. Геніальнымъ для самодержца ударомъ онъ разслоилъ свою державу на опричнину и земщину и этимъ въ долготу вѣковъ предначерталъ всѣ ея историческія судьбы.

Другого подобнаго самобытнаго и истинно-русскаго явленія не представляетъ исторія ни одного государства въ мірѣ, и вотъ почему западно-европейскому наблюдателю такъ трудно разобраться въ сущности нашихъ внутреннихъ дѣлъ и оцѣнить значеніе того или иного факта для грядущаго. Думается также, что и русскимъ изслѣдователямъ современнаго положенія, при оцѣнкѣ текущихъ событій необходимо всегда имѣть въ виду эту коренную реформу Іоанна Грознаго, безъ чего многое исторически необходимое останется для нихъ непонятнымъ или представится явно нелѣпымъ.

I.

Для цѣли настоящаго очерка совершенно безразличны тѣ сокровенные замыслы, которые руководили Іоанномъ при учрежденіи опричнины. Хотѣлъ ли онъ оградиться отъ правительственнаго боярскаго класса, предполагалъ ли только создать высшую полицію по дѣламъ государственной измѣны, или задавался опредѣленной цѣлью сломить традиціонныя права и преимущества потомства удѣльныхъ князей, дабы опереть зданіе своего самодержавія на прочный фундаментъ демократическихъ слоевъ,—важно не это, а то, въ чемъ выражалась опричнина и чѣмъ отразилось ея учрежденіе на государственной физіономіи Руси.

По авторитетному утвержденію С. Ф. Платонова («Очерки по исторіи смуты»), опричнина выражалась прежде всего въ отобраніи въ непосредственное вѣдѣніе особаго государева двора обширныхъ земельныхъ площадей, выбираемыхъ изъ общаго пространства государства не подрядъ, а по особому плану. Населеніе этихъ земель въ противоположность остальной государственной территоріи, получившей самоуправленіе и оставшейся въ вѣдѣніи Боярской думы, подлежало личному распоряженію государя черезъ его ставленниковъ помимо послѣдней во всѣхъ отрасляхъ. Кромѣ того, извѣстная категорія дѣлъ для всей государственной территоріи была отнесена также къ личному вѣдѣнію государя. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ произведенной перетасовкой вотчинниковъ изъ родовыхъ гнѣздъ на новыя помѣстья и испомѣщеніемъ взамѣнъ въ ихъ родовыя вотчины новыхъ «опричныхъ» людей Іоаннъ достигъ совершеннаго умаленія государственнаго значенія родовой вотчинной знати и создалъ служилое помѣстное дворянство.

«Вопреки обычному мнѣнію,—говоритъ С. Ф. Платоновъ,—опричнина вовсе не стояла «внѣ» государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было «удаленія главы государства отъ государства», какъ выражался С. М. Соловьевъ,—напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ «земскому» управленію рубежи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя перемѣны въ составъ служилаго землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, опричнина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не «противъ лицъ», какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ административной организаціи опричнина не являлась какимъ-либо особымъ учрежденіемъ. «Переводя области въ опричнину,—утверждаетъ С. Ф. Платоновъ,—Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленіе особымъ лицамъ «изъ двора», и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами «изъ земскаго». Вотъ почему иногда только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричнинѣ или въ земщинѣ; или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ мы судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ ли распоряженіемъ, или съ земскимъ» **). «Весьма соблазнительна мысль,—продолжаетъ С. Ф. Платоновъ,—что отдѣльныхъ отъ «земщины» административныхъ учрежденій опричнина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только одинъ

*) Op. cit., стр. 116.
**) Ibid., стр. 117.

Разрядъ, одинъ Большой приходъ, но въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Такъ, въ Разрядѣ въ 1574—1576 гг. земскими дьяками были Щелкаловы, а дворовыми—Андрей Шерефединовъ и Андрей Арцыбышевъ. Первые вели свои обычные доклады черезъ думу (почему и назывались «думными»), вторые же черезъ «дворъ» (почему и назывались «дворовыми»). Очевидно, что старый административный механизмъ не былъ разрушенъ опричниной. Въ немъ все осталось на своихъ мѣстахъ и все по старому обращалось «о большихъ дѣлахъ» къ боярской думѣ—къ боярамъ, которымъ государь «велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ив. Дм. Бѣльскому, князю Ив. Өед. Мстиславскому и *всѣмъ боярамъ*». Дума сама рѣшала всѣ обычныя «большія» дѣла, о дѣлахъ же экстренной важности должна была докладывать государю. Все, что перешло въ опричнину, было изъято изъ этого порядка въ томъ смыслѣ, что было выведено изъ подчиненія «земскимъ» боярамъ, т.-е. боярской думѣ. Дѣла «опришныя» восходили къ государю мимо думы, но, кажется, шли они изъ тѣхъ же приказовъ. По лѣтописи, въ опричнинѣ не было устроено особыхъ, параллельныхъ земскимъ приказовъ, а только были «учинены» особо «всякіе приказные люди». Отсюда у насъ и возникаетъ предположеніе, что при единствѣ присутственныхъ мѣстъ существовалъ двоякій служебный штатъ. Одна его часть вѣдала дѣла, подчиненныя боярской думѣ въ земщинѣ; другая вѣдала дѣла «дворовыя», изъятыя изъ вѣдомства думы» *).

Такимъ образомъ, весь смыслъ опричнины заключался въ томъ, что, будучи совершенно неопредѣленной, какъ государственное учрежденіе, а потому и неуловимой для гнѣва народнаго правосознанія, она окончательно разрушала это правосознаніе и пріучала населеніе какъ бы къ закономѣрности самодержавнаго произвола. Наоборотъ, «земщина», которая по существу и являлась именно государствомъ, была рѣзко выдѣлена Грознымъ въ отдѣльное цѣлое, противоположное государеву двору, и, кажется, что С. Ф. Платоновъ не правъ, утверждая, что возведеніе Іоанномъ Симеона Бекбулатовича въ санъ земскаго великаго князя всея Руси «была какая-то игра или причуда, смыслъ которой неясенъ, а политическое значеніе ничтожно» **). Не ничтожно, а громадно! Создавъ въ лицѣ Симеона верховнаго представителя земщины и не давъ ему никакой власти; поставивъ его въ такое положеніе, что дьяки на грамоты его даже не отписывались, предпочитая отвѣчать «одному государю князю Ивану Васильевичу Московскому»,—Іоаннъ Грозный тѣмъ самымъ воочію показалъ странѣ все безсиліе ея передъ самодержавной властью и не могъ придумать злѣйшаго способа для большаго уничиженія въ глазахъ народа самой идеи земскаго самоуправленія. Это былъ со стороны Іоанна ядовитѣйшій

*) Ibid., стр. 117—118.

**) Ibid., стр. 119.

плевокъ на весь земскій укладъ государственной жизни, и даже самая кратковременность великаго княженія Симеона особенно рѣзко это подчеркиваетъ.

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ шагъ помогъ земщинѣ въ идейномъ отношеніи съ другой, совершенно непредвидѣнной Грознымъ стороны; съ этихъ поръ «земщина» стала идейнымъ выраженіемъ *страны*, какъ противоположеніе «*двору*». Выраженіе это въ представленіи современниковъ было, конечно, слабо, почти ничтожно, но съ развитіемъ внутренняго самосознанія народа оно неминуемо должно было получать все большее и большее значеніе и стать, наконецъ, лозунгомъ объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ государства.

По мысли же Грознаго, «земщина», будучи выдѣлена въ самостоятельное цѣлое, отнюдь не должна была противополагаться «опричнинѣ», какъ нѣчто враждебное. «Изслѣдователямъ,—говоритъ С. Ф. Платоновъ,—еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія... Всѣ... факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричнины, по словамъ Ив. Тимофеева, произошелъ «земли всей великъ расколъ», то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія» *). Послѣднее замѣчаніе С. Ф. Платонова для насъ особенно важно.

II.

Я нарочно дѣлалъ дословныя и длинныя выписки изъ труда С. Ф. Платонова—«Очерки по исторіи смуты», дабы не получить упрека въ умышленномъ подборѣ положеній, ради большей доказательности. Трудъ С. Ф. Платонова изданъ впервые въ 1899 году, и почтенный ученый не можетъ быть заподозрѣнъ въ желаніи придать опричнинѣ Іоанна Грознаго черты переживаемой нами современности. Но кому же не бросится въ глаза не только сходство, но порой даже полное тожество двухъ раздѣленныхъ трехсотлѣтнимъ періодомъ эпохъ?... И корень переживаемаг нами, повторяю, заложенъ именно триста лѣтъ тому назадъ Іоанном Грознымъ. Его политика, его раздѣленіе Руси на опричнину и земщин дали всему служилому сословію и всей заправляемой послѣднимъ стран ясную и опредѣленную директиву—тянуть къ двору. Эта директива был

*) Ibid., стр. 118—119.

поставлена выше интересовъ земщины, какъ олицетворенія народа, выше закона, какъ охранителя правъ послѣдняго. Предполагалось, что по справедливымъ и непосредственнымъ докладамъ опричныхъ людей царь можетъ скорѣе и вѣрнѣе внести на мѣста ту правду, которая была бы поколеблена тѣмъ или инымъ способомъ. На дѣлѣ, конечно, получилось обратное. Опричные люди, облеченные полнымъ довѣріемъ царя, обратили это довѣріе на пользу себѣ и во вредъ презираемой земщинѣ. Они знали, что по каждому обвиненію они же являются единственными достовѣрными свидѣтелями; что голосъ представителей земщины «во дворѣ» не имѣетъ значенія, какъ пристрастный голосъ подавляемой крамолы, и имъ было выгодно создавать эту крамолу даже тамъ, гдѣ не было ни звука протеста противъ царя, какъ носителя верховной власти.

«Около 1572 г.,—замѣчаетъ С. Ф. Платоновъ,—слово «опришнина» въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ «дворъ». Думаемъ, что это не случайность, а достаточно ясный признакъ того, что въ самомъ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ» *). Измѣненіе это и состояло именно въ томъ, что директива—«тянуть ко двору» получила всеобщее признаніе и слово «опричнина» сдѣлалось не только излишнимъ, но и для этого «двора» вреднымъ.

Слово исчезло, но *сущность опричнины, какъ управленіе страною черезъ чуждыхъ ей и близкихъ ко двору лицъ,—управленія, въ которомъ усмотрѣніе попечительной власти ставится выше твердыхъ указаній закона, а голосъ народа заранѣе подозрѣвается въ крамолѣ противъ этой попечительной власти,*—эта сущность осталась и опредѣляетъ исторію Россіи вплоть до настоящаго времени.

Помѣстное служилое дворянство взамѣнъ родового вотчиннаго боярства и чиновничество взамѣнъ земскаго самоуправленія,—вотъ наслѣдіе, оставленное грядущимъ вѣкамъ Іоанномъ Грознымъ, и вся наша исторія, если не считать смутнаго времени, въ сущности, является лишь легкими видоизмѣненіями отношеній верховной власти къ земщинѣ, но къ опричнинѣ эти отношенія остались непоколебимыми въ томъ видѣ, какъ они сложились во второй половинѣ XVI столѣтія.

Я сказалъ «если не считать смутнаго времени», и его поистинѣ можно не считать въ данномъ случаѣ. Та неосязательность внѣшней организаціи, которую придалъ Іоаннъ Грозный опричнинѣ, сдѣлала изъ послѣдней надежный брекватеръ, который пропускалъ волну народной смуты, лишалъ ее силы въ отношеніи воздѣйствія на государственный строй и оставался самъ несокрушимымъ. Поэтому и самое смутное время вылилось именно въ форму смуты, а не опредѣленной революціи, и заключилось сохраненіемъ и укрѣпленіемъ самодержавія и всего созданнаго Грознымъ строя.

Послѣдующіе самодержцы не только не отмѣняли заповѣданной директивы—«тянуть ко двору», но въ каждомъ особенно важномъ актѣ своей

*) Ibid., стр. 115.

государственной дѣятельности отмѣчали его преемственную связь съ завѣтами вѣнценосныхъ предшественниковъ и тѣмъ указывали исполнительной власти ея должное отношеніе къ этому акту. Съ наступленіемъ императорской эпохи земщина уже стушевалась окончательно и опричнина поглотила ее совершенно, чему видимымъ знакомъ возникла формула присяги на вѣрность подданства, пріобщавшая къ опричнымъ цѣлямъ все населеніе государства.

Нѣкоторыя колебанія Екатерины II и Александра I въ сторону земщины,—колебанія, проявлявшіяся въ болѣе чѣмъ осторожной формѣ и, тѣмъ не менѣе, давшія первой наименованіе Великой, а второму—Благословеннаго,—эти колебанія уступали къ концу ихъ же царствованій мѣсто сперва Потемкинскому самовластію, а потомъ Аракчеевскимъ палкамъ; въ эпоху же Николая I опричнина была даже почти возстановлена, какъ учрежденіе, въ видѣ корпуса жандармовъ. Если сравнить инструкцію чинамъ жандармскаго надзора съ тѣми рѣчами, которыми Іоаннъ Грозный разъяснялъ значеніе опричнины и направлялъ ея представителей,—въ полномъ тождествѣ этихъ учрежденій, въ ихъ отношеніяхъ къ государству, т.-е. къ земщинѣ, не останется никакого сомнѣнія.

Немудрено, что въ результатѣ столь послѣдовательно проводимой директивы русская исполнительная власть прониклась твердымъ сознаніемъ, что неукоснительному и твердому исполненію подлежатъ лишь тѣ законодательные акты и распоряженія верховной власти, которые «тянутъ въ опричнину», тѣ же, которые имѣютъ въ виду интересы «земщины», подлежатъ въ лучшемъ случаѣ лишь формальному выполненію; предпочтительнѣе же ихъ неисполнять вовсе, такъ какъ, во-первыхъ, при добросовѣстномъ выполненіи верховная власть можетъ убѣдиться въ ихъ полезности и радикально измѣнить директиву, что грозитъ ущербомъ для представителей исполнительной власти, какъ опричнины, а во-вторыхъ, если подобный актъ представляется явленіемъ случайнымъ, то черезчуръ ревностный его исполнитель подвергается опасности быть заподозрѣннымъ въ тяготѣніи къ земщинѣ, т.-е. eo ipso—къ крамолѣ!...

Какъ звукъ большого колокола неясенъ самому звонарю и выражается опредѣленно лишь на извѣстномъ разстояніи, такъ и абсолютизмъ въ лицѣ исполнителей верховной воли пріобрѣтаетъ совершенно опредѣленное выраженіе, не совпадающее подчасъ съ представленіемъ самого монарха. Абсолютизмъ чистой воды неминуемо создаетъ опричнину, а опричнина рождаетъ такое положеніе, при которомъ оцѣнка желательности и сила изданнаго закона находится въ рукахъ не самодержца, а исполнительной власти, и указы одного и того же неограниченнаго монарха одни выполняются, другіе—остаются подъ спудомъ или явно искажаются въ исполненіи.

Такимъ образомъ создается цѣлая категорія *неполномощныхъ* законовъ къ которымъ исполнители при самомъ ихъ появленіи относятся или явно враждебно, или просто непочтительно. Въ первомъ случаѣ исполнители

защищаются фразой, что противятся волѣ монарха изъ высшей преданности къ нему же, и въ этомъ разсчитываютъ получить милостивую оцѣнку своихъ чувствъ, а во второмъ, не видя отмѣны «опричнинской» директивы, просто говорятъ: «Все равно, изъ этого ничего не выйдетъ».

III.

Въ силу указанной исторической традиціи исполнительной власти, въ Россіи наибольшей устойчивостью или, какъ принято выражаться, порядкомъ отличаются именно эпохи наибольшаго напряженія абсолютизма, какъ, наприм., Николая I и Александра III. Въ такія эпохи опричнина твердо выполняетъ опредѣленныя ей функціи, а земщина твердо знаетъ, что ей рѣшительно не на что надѣяться, что лучше даже не обращать на себя вниманія опричнины; вслѣдствіе чего ея наиболѣе талантливые представители устраняются отъ дѣлъ и воздерживаются отъ какихъ-либо активныхъ выступленій.

Совершенно иное происходитъ въ такія эпохи, когда, уступая давленію созрѣвшихъ потребностей, власть начинаетъ оказывать вниманіе земщинѣ, не разрывая въ то же время своей крѣпкой связи съ опричниной. Наиболѣе рельефной въ этомъ отношеніи по ясности положеній представляется эпоха Александра II. Начало этого царствованія, ознаменовавшееся явнымъ тяготѣніемъ *законодательства* къ земщинѣ при явномъ же рѣшеніи сохранить опричнину, сразу же внесло въ укладъ государственной жизни ту путаницу представленій и понятій, которая такъ блестяще обрисована Тургеневымъ въ «Дымѣ».

Проросшая подъ снѣгомъ многовѣковаго самовластія, земщина почуяла приливъ силы и стала выбрасывать колосъ; многіе представители опричнины сбились, въ свою очередь, съ историческаго пути своего и вообразили, что, дѣйствительно, наступило время господства земщины. Но громадное большинство этихъ представителей отлично понимало, что тяготѣніе это, вынужденное обстоятельствами, не является окончательнымъ стремленіемъ перемѣстить центръ тяжести государственнаго управленія съ опричнины на земщину. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать высокую правдивость извѣстнаго выраженія въ адресѣ старообрядцевъ императору Александру II: «въ новизнахъ Твоихъ, Государь, намъ старина наша слышится»,—хотя, конечно, правдивость эта явилась помимо воли составителей адреса *).

Поэтому опричнина въ массѣ продолжала «тянуть ко двору» и рисовать послѣднему пробудившуюся дѣятельность земщины, какъ явную крамолу. Дѣйствительность не замедлила подтвердить дальновидность этой

*) П. Н. Милюковъ въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“ отмѣчаетъ, что эта фраза явилась простымъ красивымъ оборотомъ рѣчи, т.-е. сущность реформы Александра II заключалась именно *въ ихъ совершенной новизнѣ и отсутствіи прецедента въ прошедшемъ*. Моя точка зрѣнія съ этимъ взглядомъ расходится.

группы опричнины. Характеристика эпохи Александра II двумя такими діаметрально расходящимися въ направленіяхъ дѣятелями, какъ П. Кропоткинъ («Записки революціонера) и А. И. Кошелевъ («Записки»), точно устанавливаетъ, что укрѣпленіе самодѣятельности земщины вовсе не вошло прочнымъ звеномъ въ программу правительственной политики. Вотъ почему ни одна изъ «великихъ реформъ» при самомъ своемъ обнародованіи уже не могла разсчитывать на добросовѣстное выполненіе, ни одна не была *полномощна*, такъ какъ заключала въ себѣ роковое внутреннее противорѣчіе. И при первыхъ же шагахъ молодыхъ учрежденій, въ которыя ликующая земщина полилась широкой волной, имъ тотчасъ же противопоставили старую опричнину, долженствовавшую яко бы руководить, въ сущности,—подавлять!... Ни одинъ законъ, отмежевавшій хоть малую долю самостоятельности земщинѣ, не проходилъ въ жизнь такимъ, какимъ былъ Высочайше утвержденъ. Параллельно съ нимъ издавались «дополненія», въ корнѣ расходившіяся съ самимъ закономъ, или создавались учрежденія, парализовавшія его силу. Въ чистомъ видѣ выходили лишь законы, издававшіеся для опричнины,—она уже знала, какъ ихъ исполнять!

Въ результатѣ, изумленному взору историка представляется такая картина, что самыя жизненныя учрежденія, корни которыхъ, казалось, исходятъ изъ самаго сердца народнаго организма, какъ, наприм., земство, независимый судъ и т. п.,—глохнутъ и едва влачатъ свое существованіе, въ то время какъ совершенно произвольные и безсмысленные институты, вродѣ урядниковъ,—распускаются пышнымъ цвѣтомъ, годъ отъ году расширяя свои «компетенціи». Но неправъ будетъ тотъ историкъ, который на этой картинѣ построитъ заключеніе о ненормальности самаго сердца народнаго организма. Это могло быть простительно французу Мериме, но намъ, очевидцамъ освободительнаго движенія, слишкомъ ясны теперь тѣ факторы, которые до сихъ поръ дѣлали нашу исторію. Послѣдующее, надѣвая маску предыдущаго, должно ее съ него снять, и мы теперь видимъ лицо этого предыдущаго и знаемъ, какія черты обыкновенно скрываютъ отъ нескромныхъ взоровъ современниковъ.

IV.

Изученіе настоящаго нерѣдко проливаетъ яркій свѣтъ на событія, истинный смыслъ которыхъ въ минувшемъ былъ неясенъ. Такимъ образомъ все значеніе опричнины можетъ быть оцѣнено по достоинству лишь теперь, когда именно ей мы обязаны всѣмъ, совершающимся вокругъ насъ.

Десятилѣтіе 1894—1903 года, хотя и представляло собой рѣдкій примѣръ инерціи прежняго государственнаго режима при измѣнившихся условіяхъ, интересно однако для моей темы не въ этомъ смыслѣ. Оно интересно, какъ новая попытка согласовать принципы опричнины съ допущеніемъ нѣкотораго пробужденія земщины. Попытка эта, возвѣщенная по-

рицаніемъ безсмысленныхъ мечтаній о полномъ освобожденіи земщины отъ опричнины и указаніемъ на незыблемость завѣтовъ предшествующаго царствованія, началась указомъ о взаимодѣйствіи властей. Указъ этотъ, въ силу разъясненной выше основной психологіи русской исполнительной власти, былъ неполномощенъ: укрѣпленная предыдущей ссылкой на прежнюю директиву, опричнина истолковала его, какъ призывъ къ совершенному покоренію земщины въ цѣляхъ единства государственнаго управленія, хотя данный указъ, въ сущности, и не имѣлъ въ виду земщины. Но зато послѣдняя была уже не та, что прежде.

Существуютъ полевыя растенія, которыя при началѣ всходовъ обязательно долженъ побить морозъ для лучшаго ихъ развитія впослѣдствіи. Такимъ растеніемъ оказалась наша земщина. Трехсотлѣтній періодъ до реформъ Александра II былъ для нея той зимой, которая вскариливаетъ озимое зерно; эпоха Александра III явилась для нея тѣмъ морозомъ, который побилъ ея первые всходы,—и къ началу новаго царствованія она уже скопила въ себѣ всѣ соки, необходимые для близкаго урожая. Съ голосомъ ея пришлось считаться, и учрежденіе особаго совѣщанія и комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности дало, хотя и узкій, выходъ этимъ голосамъ. Но, какъ бы для того, чтобы яснѣе подчеркнуть всю разницу между опричниной и земщиной, все несоотвѣтствіе ихъ внутреннихъ задачъ,—программа этихъ комитетовъ была составлена лицомъ враждебнымъ представителю опричнины, а руководительство ихъ работами возложено на послѣдняго.

Для всякаго маломальски смышленаго чиновника было ясно, куда «тянуть», не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что законъ объ учрежденіи совѣщанія и комитетовъ неполномощенъ. Правда, и тутъ повторились прежнія случайности, и нѣсколько губернаторовъ не поняли смысла законодательнаго акта; но зато большинство отнеслось къ нему вполнѣ трезво и было глубоко убѣждено, что «все равно изъ этого ничего не выйдетъ». Затѣмъ, каждый поступалъ сообразно своему темпераменту: одни старались свести работу комитетовъ на пустое выполненіе формальности, другіе оказывали давленіе для полученія заключеній въ желательномъ для центральнаго органа направленіи.

Прямымъ послѣдствіемъ работы комитетовъ, хотя и совершенно неожиданно для страны, появился манифестъ 26 февраля 1903 года, впервые возвѣстившій укрѣпленіе началъ законности и указывавшій на предстоящую организаторскую дѣятельность правительства, преимущественно въ сферѣ крестьянскаго законодательства. Манифестъ этотъ не носилъ опредѣленной директивы, и всѣмъ памятно то недоумѣніе, которое было имъ вызвано. Чувствовалось, что манифестъ неполномощенъ, но почему? Недоумѣніе это, однако, быстро разсѣялось подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: во-первыхъ, указаній офиціозной печати на то, что отсутствіе директивы возмѣщаетъ въ данномъ случаѣ дата манифеста, совпадающая съ днемъ рожденія незабвенной памяти Царя-Миротворца, а во-вторыхъ, се

кретнаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ Плеве губернаторамъ о томъ, что настоящій манифестъ рѣшительно ничего не измѣняетъ и губернаторы обязаны попрежнему руководствоваться разъясненіями центральнаго правительства, изданными въ развитіе различныхъ узаконеній. При этомъ предлагалось принять мѣры, чтобы смыслъ манифеста отнюдь не истолковывался населенію *).

Какъ извѣстно, разъясненія центральнаго правительства шли зачастую вразрѣзъ съ тѣми законами, укрѣпленіе которыхъ возвѣщалъ манифестъ, и, такимъ образомъ, циркуляръ министра сводилъ значеніе послѣдняго къ нулю, что особенно характерно для картины взаимоотношеній опричнины и самодержавной власти. Несмотря на это, Плеве не постѣснился высказать въ своемъ извѣстномъ возраженіи на статью аглійскаго журналиста Стэда, что если бы представители русской земщины стремились только къ установленію въ Россіи началъ строгой законности, съ нихъ довольно было бы одного манифеста 26 февраля 1903 г., который именно таковое возвѣщалъ; но, что продолженіе недовольства въ странѣ, даже послѣ этого манифеста, явно указываетъ на исключительно крамольный характеръ ихъ вожделѣній. Это писалось вскорѣ послѣ того, какъ многіе изъ представителей «близкой къ народу власти» получили замѣчанія за разъясненія манифеста подвѣдомственному имъ населенію въ смыслѣ недѣйствительности отнынѣ разныхъ внѣзаконныхъ ограниченій. Фактъ этотъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ особенно жирнымъ шрифтомъ на страницахъ исторіи послѣдняго времени.

Не менѣе яркій примѣръ неполномощнаго закона представляетъ и учрежденіе редакціонной коммиссіи и совѣщаній по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Согласно предначертаніямъ Высочайшаго повелѣнія 14 января 1902 г. и манифеста 26 февраля 1903 г., труды редакціонной коммиссіи должны были совершаться на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. и представлять собой ихъ дальнѣйшее развитіе, послѣ чего подлежали обсужденію на мѣстахъ при ближайшемъ участіи «достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ». Между тѣмъ, редакціонная коммиссія, вопреки всѣмъ историческимъ и логическимъ даннымъ признала, что главнымъ, одухотворяющимъ весь законодательный актъ 19 февраля 1861 г. началомъ является обособленность крестьянскаго строя, а министерство внутреннихъ дѣлъ, вопреки точному смыслу манифеста, организовало губернскія совѣщанія изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ *не общественнымъ, а правительственнымъ*. Для санкціонированія точки зрѣнія, установленной редакціонной коммиссіей, потребовалось изданіе спеціальнаго Указа 8 января 1904 г., отмѣна же категорическаго требованія манифеста 26 февраля 1903 г. была произведена министерствомъ Плеве совершенно самостоятельно. И насколько Высочайшее повелѣніе 14 января 1902 г. и

*) Циркуляръ этотъ извѣстенъ автору настоящаго очерка, какъ близко стоявшему въ то время къ губернскому управленію,

манифестъ 26 февраля 1903 года были неполномощны безъ упраздненія опричнины, настолько же Указъ 8 января 1904 г. сразу воспринялъ, при участіи послѣдней, безусловную силу, и всѣ губернскія совѣщанія хоромъ привѣтствовали незыблемость крестьянскаго обособленія. Нѣкоторыя исключенія въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ совѣщаній только подчеркивали полномощность указа, любезнаго опричнинѣ.

Послѣдовавшая за смертью Плеве эпоха «довѣрія» Святополкъ-Мирскаго сразу открываетъ цѣлую серію неполномощныхъ законовъ. Безъ перечисленія каждаго въ отдѣльности можно сказать, что всѣ законодательные акты этой эпохи, кромѣ манифеста 18 февраля 1905 года, были неполномощны. Всѣ они пытались удовлетворить земщину, но каждый начинался съ указаній на его преемственную связь съ завѣтами предшественниковъ, и этого было для исполнительной власти-опричнины совершенно достаточно, чтобы держаться исторической традиціи, т.-е. подавлять крамольную земщину. Даже изданный одновременно съ манифестомъ 18 февраля рескриптъ на имя министра Булыгина, представлявшій съ виду изъявленіе рѣшительной воли къ перемѣщенію центра тяжести государственнаго управленія, былъ воспринятъ страной именно такъ, какъ онъ отражался въ представленіи исполнительной власти,—«все равно, изъ этого ничего не выйдетъ».

Значительно большее впечатлѣніе произвелъ Высочайшій пріемъ депутаціи съ кн. Трубецкимъ во главѣ 6 іюля 1905 г. Это былъ первый новый шагъ, почти тотъ поворотъ, котораго жаждала вся страна. Къ сожалѣнію, цензура ген. Трепова и отклики офиціозовъ испортили все дѣло. Тяжелаго впечатлѣнія не исправилъ и манифестъ 6 августа, которымъ Государственная Дума стала совершившимся фактомъ. Проявлявшаяся въ немъ особенная заботливость поставить издаваемый актъ въ тѣсную связь съ мѣропріятіями предшествующихъ царствованій, направленными яко бы къ согласованію «выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями», ясно устанавливали директиву, слишкомъ любезную опричнинѣ и ненавистную земщинѣ. Для послѣдней этотъ законъ былъ явно неполномощнымъ. Страна продолжала волноваться. Наступило 17 октября.

V.

Новизна формы появившагося 17 октября манифеста, отсутствіе ссылки на преемственную связь его съ завѣтами предковъ, призывъ къ объединенію всѣхъ *вѣрныхъ сыновъ Россіи*, вмѣсто прежнихъ «*вѣрныхъ подданныхъ*», и, наконецъ, рѣшительность выраженія воли къ дѣйствительному перемѣщенію центра тяжести государственнаго законодательства—все это было до того необычно, что заставило даже вѣчно сомнѣвающуюся земщину увѣровать въ фактъ совершившагося поворота. Не повѣрила этому только опричнина. Она ясно прочла въ словахъ манифеста объ объединеніи дѣятельности высшаго правительства и о порученіи *ему* выполненія Высочайшей воли, что она остается попрежнему.

Основанный на завѣтахъ предковъ и зиждущійся на строгомъ раздѣ-

леніи опричнины и земщины строй сохранился во всей неприкосновенности. *Опричнина осталась и никакими правами земщины нельзя парализовать ея значеніе, нельзя уравновѣсить ея вліяніе.*

Что удивительнаго въ томъ, если во время засѣданій Государственной Думы *Правительственный Вѣстникъ* печатаетъ телеграммы, ее оскорбляющія? Опричнина осталась, и глубоко неправъ былъ С. А. Муромцевъ, когда отожествлялъ слово «правительство» съ Думой. Въ манифестѣ 17 октября разница этихъ словъ указана весьма опредѣленно.

Что удивительнаго въ томъ, если союзъ русскаго народа требуетъ отмѣны «подлой конституціи», установленной Высочайшей волей?—опричнина осталась, и ея смыслъ именно въ этомъ усердіи.

Что удивительнаго въ томъ, если неполномощный законъ 5 октября отмѣняетъ ограниченія для крестьянъ, а циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ успокаиваетъ земскихъ начальниковъ сохраненіемъ ихъ полномочій? Опричнина осталась и послѣ 17 октября прошлаго года, и она офиціально заявила о своемъ существованіи какъ въ правительственномъ сообщеніи 17 декабря м. г., такъ и въ постановленіи совѣта министровъ нынѣшняго года о несовмѣстимости «государственной» службы съ принадлежностью къ политическимъ партіямъ.

Этими актами государственная служба формально отожествлена со службой правительству, т.-е. наречена опричниной въ противоположность земщинѣ.

Вотъ законъ о военно-полевыхъ судахъ оказался полномощнымъ даже болѣе того, чѣмъ предполагалъ его составитель, и напрасно послѣдній старался ограничить его дѣйствіе своими разъясненіями: въ данномъ случаѣ исполнительная власть, привыкшая игнорировать законъ и трепетать передъ циркуляромъ, поступала какъ разъ обратно, потому что законъ опредѣленно тянулъ въ опричнину, а разъясненіе какъ будто ограничивало его въ пользу земщины. И опричные генералъ-губернаторы знали, что *никакія разъясненія не могли умалить ихъ власть отмѣнять приговоры военно-полевыхъ судовъ, если послѣдніе недостаточно сохраняютъ опричнину.* Они знали, что могутъ пострадать только въ случаѣ такой отмѣны приговора военно-полевого суда, которая будетъ идти въ пользу земщины, а если въ пользу опричнины, никогда!

И жалко, до боли обидно видѣть повседневныя старанія прогрессивной печати разъяснить правительству вредъ или незакономѣрность тѣхъ или иныхъ его дѣйствій. Оно само все это отлично знаетъ и само оцѣниваетъ полномощность каждаго закона гораздо раньше, чѣмъ это сдѣлаетъ страна.

При существованіи опричнины обязательная сила всякаго закона въ Россіи будетъ неизмѣнно измѣряться его направленіемъ—въ земщину или въ опричнину?—и *хотя бы законъ тянулъ въ земщину, исполнительная власть все же будетъ тянуть въ опричнину, оставляя всѣ прерогативы земщины неполномощными.*

А. фонъ-Брикманъ.

О важнѣйшихъ проблемахъ и задачахъ преподаванія экономической политики *).

Отъ всякаго новаго преподавателя какой-либо изъ общественныхъ наукъ вообще, а въ особенности отъ преподавателя политической экономіи, слушатели имѣютъ право требовать выясненія его *profession de foi,* такъ какъ, только зная его отношеніе къ важнѣйшимъ проблемамъ, выдвигаемымъ современной намъ общественной жизнью, они могутъ воспитать въ себѣ чувство довѣрія къ своему учителю, безъ котораго всякое успѣшное преподаваніе будетъ, по моему мнѣнію, немыслимымъ.

Желая вамъ выяснить свое profession de foi, я позволилъ себѣ выбрать два кардинальныхъ вопроса соціально-экономической жизни переживаемой нами исторической эпохи. Однимъ изъ этихъ вопросовъ является образованіе безчисленныхъ, обладающихъ неслыханно громадными матеріальными средствами всевозможныхъ союзовъ предпринимателей, старающихся захватить въ свои руки, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, не только національное, но и міровое производство множества важныхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно упомянуть, что производство ртути, хлорной извести, динамита, рельсовъ, зеркальнаго стекла, соды и цѣлаго ряда другихъ продуктовъ цѣликомъ или въ значительной степени находится въ рукахъ такихъ интернаціональныхъ картелей.

Другимъ, отчасти параллельно протекающимъ, отчасти нѣсколько предупреждающимъ процессомъ, является созданіе многочисленныхъ профессіональныхъ союзовъ рабочихъ, которые, послѣ долголѣтняго тяжелаго опыта, мало-по-малу пришли къ сознанію, что успѣшная борьба съ крупнымъ капиталомъ на почвѣ поднятія такъ называемаго Standard'a of life, то-есть образа жизни рабочаго класса, мыслима только при помощи сильныхъ располагающихъ крупными матеріальными средствами организацій. Изслѣдованіе этихъ проблемъ, то-есть опредѣленіе причинъ возникновенія какъ союзовъ предпринимателей, такъ и союзовъ рабочихъ, ихъ исторія, задачи,

*) Извлеченіе изъ вступительной лекціи къ курсу экономической политики, читанной въ московскомъ университетѣ 11 октября 1906 г.

конфликты между ними и т. д., и т. д., будетъ фундаментомъ, на которомъ мной будетъ впослѣдствіи построено преподаваніе той части политической экономіи, которая изучаетъ проблемы распредѣленія произведенныхъ продуктовъ, причемъ изученіе вопроса о соотношеніяхъ между союзами рабочихъ и союзами предпринимателей дастъ намъ, вдобавокъ, возможность рѣшить и основной вопросъ экономической политики новѣйшей эпохи, а именно: желательно ли и возможно ли въ теченіе, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ десятилѣтій,—о далекомъ будущемъ я здѣсь говорить не буду,—сравнительно мирное разрѣшеніе конфликтовъ между капиталомъ и трудомъ, или же, наоборотъ, положеніе вещей сдѣлалось уже въ настоящій моментъ такимъ, что единственнымъ исходомъ является уже въ ближайшее время коренной переворотъ, подрывающій всѣ устои такъ называемаго буржуазнаго строя.

Мои взгляды и выводы въ этомъ отношеніи, поскольку дѣло касается ближайшихъ десятилѣтій, будутъ мною охарактеризованы въ заключительной главѣ курса, посвященной проблемамъ распредѣленія. Здѣсь же намъ прежде всего необходимо бросить ретроспективный взглядъ на отношеніе къ такъ называемому «рабочему вопросу» различныхъ политическихъ партій, такъ какъ только познакомившись съ этимъ, мы сможемъ выяснить себѣ съ достаточною ясностью тѣ крупныя задачи, которыя предстоитъ разрѣшить на основаніи изученія фактовъ реальной жизни и созданныхъ при помощи такого изученія экономическихъ теорій—*практической* экономической политикѣ ближайшихъ десятилѣтій.

Если мы станемъ внимательно присматриваться къ программамъ крупныхъ политическихъ партій въ главнѣйшихъ культурныхъ государствахъ нашего времени, то мы сможемъ раздѣлить всѣ эти программы на двѣ большія группы. Мы встрѣтимся здѣсь, во-первыхъ, съ воззрѣніемъ, слѣдуя которому, всѣ печальныя стороны современной намъ экономической и общественной жизни являются неизбѣжнымъ и, если можно такъ выразиться, естественнымъ послѣдствіемъ нашего развитія, такъ сказать обратной стороной медали, представляющей собою человѣческій прогрессъ.

Въ высшей степени характерно это воззрѣніе было впервые высказано нѣкоторыми представителями англійской, такъ называемой «классической» школы политической экономіи. Богатство немыслимо безъ бѣдняковъ, которые служили бы богачамъ,—говорили эти экономисты. Богатство—цѣль, нищета и притомъ крайняя нищета—движущій рычагъ экономическаго прогресса. Это воззрѣніе на цѣль и средства прогресса поддерживалось и укрѣплялось долгое время ученіемъ Мальтуса—и его можно часто встрѣтить въ трудахъ европейскихъ экономистовъ первой половины XIX столѣтія, то-есть того времени, когда, по прекрасному выраженію Ланге, ученые и политики не научились еще стыдиться, высказывая подобныя мысли.

Бѣднякъ,—говорили представители этого ученія,—бѣднякъ обязанъ своимъ существованіемъ заработной платѣ, которую онъ получаетъ за свой

трудъ отъ предпринимателя. Если бы этого промышленнаго предпріятія не существовало, то и рабочій не могъ бы существовать, такъ какъ у него не было бы средствъ къ жизни. Бѣднякъ не имѣетъ поэтому права жаловаться. За пиршественнымъ столомъ природы для пролетарія, являющагося лишнимъ для предпринимателя, нѣтъ мѣста. Его единственное право—это голодать и умереть отъ голода и, такимъ образомъ, черезъ свое исчезновеніе, возстановить равновѣсіе между числомъ живущихъ и количествомъ находящихся въ ихъ распоряженіи жизненныхъ средствъ. Если такой пролетарій умудрится—при помощи безконечно удлиненнаго и плохо оплаченнаго труда—прозябать въ состояніи, похожемъ на безконечную агонію, то это его дѣло. Если бы предприниматель не имѣлъ и безъ него достаточнаго количества «рабочихъ рукъ», то онъ оплачивалъ бы его трудъ несомнѣнно лучше. Если же онъ въ немъ не нуждается, то онъ можетъ заставить его исчезнуть. Естественный процессъ голодовки сдѣлаетъ это скоро и незамѣтно, и капиталисту нѣтъ до этого никакого дѣла. Ибо капиталистъ вычеркиваетъ только имя изъ списка своихъ рабочихъ. Остальное же ставилось какъ капиталистами, такъ и поддерживавшими послѣднихъ тогда экономистами въ счетъ неизмѣнныхъ законовъ природы.

Эта точка зрѣнія, такъ блестяще охарактеризованная знаменитымъ историкомъ матеріализма Фридрихомъ Альбертомъ Ланге, имѣетъ, къ сожалѣнію, еще и въ настоящее время, въ особенности въ экономически отсталыхъ странахъ, довольно значительное число послѣдователей. Число сторонниковъ этихъ взглядовъ съ каждымъ днемъ, однако, уменьшается и, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что не только въ области рабочаго вопроса, но и въ области экономической политики вообще, послѣдовательное примѣненіе этихъ взглядовъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ, какъ это было въ прекрасной формѣ высказано на международномъ конгрессѣ по вопросамъ рабочаго законодательства, засѣдавшемъ въ 1900 г. въ Парижѣ, итальянскимъ министромъ торговли, Луццати, заботиться только о безжизненномъ товарѣ, создавая для него высокія покровительственныя пошлины и совершенно пренебрегать въ то же время *живымъ* рабочимъ. И, во-вторыхъ, число сторонниковъ этихъ взглядовъ уменьшается еще потому, что при крайне быстромъ ростѣ живущихъ наемнымъ трудомъ рабочихъ массъ, столь характернымъ для современной намъ эпохи экономическаго развитія, всякій мыслящій политикъ и государственный дѣятель не можетъ не понять, что систематическое нежеланіе признать даже сравнительно очень скромныя требованія рабочаго класса—такая тактика неминуемо должна повлечь за собой насильственный переворотъ, который можетъ, пожалуй, низвергнуть всѣ теперешніе устои общества.

Подъ вліяніемъ выше охарактеризованныхъ причинъ большинство виднѣйшихъ представителей политической экономіи, какъ и большинство выдающихся государственныхъ дѣятелей новаго времени, стали мало-по-малу признавать необходимость болѣе или менѣе крупныхъ соціальныхъ реформъ

и, что, пожалуй, важнѣе всего, стали допускать даже полную возможность ихъ проведенія въ жизнь—*безъ замедленія человѣческаго прогресса,* тогда какъ всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ почти неограниченно господствовала противоположная точка зрѣнія.

Сообразно съ этимъ мы видимъ, что почти во всѣхъ культурныхъ государствахъ нашего времени громадное большинство крупныхъ политическихъ партій приняли въ свою программу рядъ болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ въ области рабочаго вопроса. Намъ необходимо въ виду этого остановиться на классификаціи этихъ попытокъ.

При разсмотрѣніи различныхъ реформъ въ этой области, предлагаемыхъ въ программахъ различныхъ политическихъ партій въ различныхъ государствахъ, мы наталкиваемся прежде всего на воззрѣніе, будто всѣ темныя и печальныя стороны нашей общественной и экономической жизни являются продуктомъ новѣйшаго времени, тогда какъ предшествовавшія историческія эпохи представляются ихъ воображенію добрымъ старымъ временемъ, почти что золотымъ вѣкомъ.

Сторонники такихъ воззрѣній выходятъ, главнымъ образомъ, изъ круга мелкихъ и среднихъ промышленниковъ, источники существованія которыхъ все болѣе и болѣе подрываются быстро развивающимся крупнымъ производствомъ. Сообразно съ этимъ они ищутъ спасенія въ возвратѣ къ средневѣковой организаціи труда, то-есть въ возвратѣ къ цехамъ, съ ихъ ограниченіями числа мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ и т. д., и т. д. Свое политическое представительство сторонники этихъ воззрѣній находятъ въ консервативныхъ, узконаціоналистическихъ и антисемитическихъ партіяхъ.

Чтобы показать, насколько ненадежны соціальныя реформы, предлагаемыя вышеназванными политическими партіями для исцѣленія темныхъ сторонъ нашего времени, здѣсь достаточно привести нѣсколько цитатъ, характеризующихъ жизнь массъ въ предшествовавшія историческія эпохи, когда общественные и экономическіе идеалы этихъ партій, если и не господствовали неограниченно, то, по крайней мѣрѣ, играли важную роль.

Что касается, во-первыхъ, Англіи, т.-е. страны, въ которой крупное производство раньше всего развилось, то извѣстный англійскій экономистъ—Сидни Вэббъ, въ своемъ трудѣ «*Рабочій классъ Англіи въ 1837 и 1897 гг.*», вышедшемъ по поводу 60-лѣтняго юбилея англійской королевы Викторіи, пишетъ по этому поводу слѣдующее: Кромѣ заработной платы, когда хочешь правильно охарактеризовать образъ жизни наемнаго рабочаго, необходимо обратить вниманіе еще и на другіе моменты. Однимъ же изъ важнѣйшихъ моментовъ, съ точки зрѣнія культуры, служитъ продолжительность рабочаго дня. «Человѣкъ, работающій съ утра до ночи, въ особенности, если трудъ монотоненъ и не соединенъ съ истинно духовными интересомъ, теряетъ человѣческій обликъ. Вмѣсто того, чтобы быть человѣкомъ и гражданиномъ, онъ становится попросту рабочей рукой. Я думаю поэтому, что ничто такъ не способствовало поднятію уровня жизни

нашихъ наемныхъ рабочихъ, какъ всеобщее сокращеніе рабочаго дня. Фабричные законы спасли Ланкаширъ отъ гибели. 100 лѣтъ тому назадъ,—заканчиваетъ Вэббъ свою характеристику,—англійскій рабочій работалъ обыкновенно 72 часа въ недѣлю. Это является притомъ большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ половиною XVIII вѣка, такъ какъ тогда большинство рабочихъ (мужчинъ) работало 75 или 80 часовъ въ недѣлю».

Нисколько не лучше, чѣмъ въ Англіи, было за тѣ же эпохи положеніе народныхъ массъ во Франціи. Относительно конца XVII и начала XVIII столѣтія знаменитый писатель—епископъ Фенелонъ, воспитатель французскаго наслѣдника престола, писалъ Людовику XIV слѣдующее: «Вашъ народъ, государь, который вами долженъ быть любимъ, какъ собственныя дѣти, и который до сихъ поръ былъ такъ преданъ вамъ, вымираетъ отъ голода. Земледѣліе почти совершенно заброшено. Города и деревни пустуютъ! Всѣ ремесла въ застоѣ и не даютъ пропитанія рабочимъ» *). Совершенно то же самое сообщалъ затѣмъ правительству приблизительно въ ту же эпоху одинъ изъ генеральныхъ контролеровъ финансовъ, Бувилль. По его словамъ, во Франціи тогда ежедневно умирало такое множество людей отъ голода, что скоро можно будетъ найти приходы, въ которыхъ только одна треть населенія осталась въ живыхъ. «Въ высшей степени тяжело,—прибавляетъ Bouville къ своему отчету,—видѣть, какъ люди умираютъ, не будучи въ состояніи помочь имъ» **).

Въ томъ же родѣ гласятъ сообщенія знаменитаго французскаго маршала Вобана. По его вычисленіямъ въ началѣ XVIII вѣка цѣлая десятая часть французскаго народа жила попрошайничествомъ, тогда какъ пять десятыхъ, т.-е. половина всего населенія государства, находились въ едва ли лучшемъ положеніи, чѣмъ вышеупомянутая десятая часть, живущая непосредственно нищенствомъ ***).

И точно такимъ же, какъ въ Англіи и во Франціи, было—за немногими исключеніями—положеніе большей части народныхъ массъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ послѣдовавшую за этимъ эпоху разложенія стараго экономическаго строя и въ Германіи, въ Австріи, Италіи, Швейцаріи и т. д., и т. д. Почти всюду, если исключить переходную эпоху процвѣтанія той или иной отрасли производства, вызваннаго какими-либо спеціальными условіями, положеніе народныхъ массъ было въ эту эпоху въ общемъ одинаково безрадостнымъ. Мы находимъ, однако, и въ настоящее время ту же безрадостную обстановку повсюду, гдѣ крупная промышленность и торговля, создавшія богатство культурныхъ странъ, слабо развиты, напримѣръ: въ Галиціи, Болгаріи, Румыніи, Турціи, многихъ мѣстностяхъ Россіи и т. д., и т. д.

Я съ умысломъ остановился такъ подробно на характеристикѣ положенія народныхъ массъ и въ особенности крестьянства въ вышеупомяну-

*) Относительно подробностей ср. *I. M. Гольдштейнъ:* „Проблемы населенія во Франціи". Спб., 1903 г., стр. 240 и слѣд.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

тыя эпохи, чтобы тѣмъ самымъ лучше выяснить, какъ странны и необоснованы съ научной точки зрѣнія соціально-политическіе требованія и идеалы тѣхъ партій, которыя желали бы вернуться къ такъ называемому доброму старому времени.

Научный изслѣдователь не можетъ, правда, отрицать, что это доброе старое время, какъ и все на свѣтѣ, имѣло и кое-какія свѣтлыя стороны. Нашимъ предкамъ были, напримѣръ, незнакомы безпрерывное напряженіе нервовъ, вѣчная сутолока большихъ городовъ и множество другихъ непріятныхъ сторонъ нашей цивилизаціи.

Зато это доброе старое время имѣло, на-ряду съ этимъ, такую массу темныхъ сторонъ, какъ, напримѣръ: крѣпостничество, господство кулачнаго права, хроническія голодовки, крайняя узость умственныхъ интересовъ, полнѣйшее господство обскурантизма и т. д., и т. д., что возвращеніе къ нему, хотя бы на короткое время, для большинства культурнаго человѣчества было бы равносильно съ повтореніемъ *татарскихъ нашествій*...

Охарактеризовавъ такимъ образомъ неосуществимость идеаловъ тѣхъ экономическихъ программъ, которыя стараются вернуть доброе старое время, мы можемъ перейти теперь къ соціальнымъ реформамъ, предлагаемымъ тѣми партіями, которыя желаютъ сохранить всѣ экономическія и политическія пріобрѣтенія и завоеванія новѣйшаго времени.

Представителями такихъ стремленій являются обыкновенно либеральныя и демократическія партіи.

Цѣли, преслѣдуемыя ими, заключаются въ томъ, чтобы—при помощи болѣе или менѣе крупныхъ уступокъ въ пользу рабочаго класса—примирить этотъ послѣдній съ существующимъ строемъ, и такимъ образомъ добиться *мирнаго* прогресса, безъ гражданскихъ междоусобій и безъ крупныхъ потрясеній всей внутренней жизни государства.

Наибольшихъ успѣховъ добилась на этомъ поприщѣ Англія, гдѣ, несмотря на преобладаніе крупной промышленности и наемнаго рабочаго класса, и въ настоящее время рабочій классъ не организованъ еще въ одну крѣпко сплоченную рабочую партію, цѣлью которой являлось бы полное, *коренное* измѣненіе существующаго теперь экономическаго строя.

Исходной точкой зрѣнія только что названныхъ партій является простой разсчетъ, что такъ называемое національное богатство культурныхъ націй за послѣднія столѣтія, и въ особенности за послѣднія десятилѣтія, до того быстро возросло, что рабочему классу могутъ быть сдѣланы крупныя уступки, безъ всякаго пониженія благосостоянія господствующихъ классовъ.

Чтобы выяснить только что сказанное, здѣсь достаточно указать хотя бы на тотъ фактъ, что національное богатство Англіи, раздѣленное на число душъ населенія, исчислялось въ концѣ XVII столѣтія приблизительно въ 500 рублей на душу, тогда какъ уже въ концѣ 80-хъ гг. XIX стол. на душу приходилось приблизительно 2,600 рублей, т.-е. въ 5 разъ большая сумма.

То же самое можетъ быть установлено и для другихъ культурныхъ странъ, напримѣръ, для Франціи, гдѣ на душу населенія приходилось въ началѣ XIX столѣтія приблизительно 670 рублей, въ новѣйшее же время около 2,300 руб., т.-е. въ $3^1/_2$ раза больше *).

Эти данныя показываютъ съ достаточною ясностью, какія громадныя уступки могутъ быть сдѣланы *господствующими классами* въ пользу рабочихъ, положеніе которыхъ за то же время хотя и улучшилось, но, къ сожалѣнію, *далеко не въ той степени*, въ какой возросло національное богатство большинства культурныхъ странъ.

Чтобы покончить съ характеристикой стремленій, направленныхъ на проведеніе прогрессивныхъ мѣропріятій въ этой области, остается прибавить еще нѣсколько словъ о политическихъ организаціяхъ рабочаго класса, являющихся, какъ это было признано даже Бисмаркомъ, *главнымъ* рычагомъ на поприщѣ проведенія соціальныхъ реформъ.

Что касается требованій рабочихъ партій въ различныхъ странахъ, предъявляемыхъ ими къ *современному* государству, то они, какъ извѣстно, лишь немногимъ отличаются отъ требованій радикаловъ и демократовъ. Разница здѣсь проявляется скорѣе въ темпѣ, чѣмъ въ сути дѣла. Характеристика же требованій, направленныхъ къ переходу въ общественное владѣніе земли и орудій производства, требованій, являющихся *конечной* цѣлью большинства рабочихъ партій, то этотъ вопросъ будетъ мною освѣщенъ въ слѣдующихъ лекціяхъ.

Здѣсь же, наоборотъ, я желаю прежде всего дать характеристику тѣхъ проблемъ, разрѣшеніе которыхъ является, по моему мнѣнію, главной задачей *практической* экономической политики въ данной области въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій. Важнѣйшими изъ этихъ проблемъ являются:

Во-первыхъ, развитіе рабочаго законодательства въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова;

и, во-вторыхъ, развитіе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ рабочихъ.

Поскольку дѣло касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то цѣли, преслѣдуемыя современнымъ рабочимъ законодательствомъ, заключаются въ томъ, чтобы, по возможности, оградить наемныхъ рабочихъ всякаго рода отъ различныхъ притѣсненій со стороны предпринимателей, оградить ихъ здоровье отъ угрожающихъ ему опасностей и обезпечить ихъ на случай невозможности работать. Сообразно съ этимъ постановленія рабочаго законодательства должны касаться вопроса о регулированіи рабочаго дня, о способахъ и времени выдачи заработной платы, вопроса о фабричныхъ уставахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вопроса о регулированіи споровъ между рабочими и работодателями, объ организаціи фабричной инспекціи, вопроса о санитарномъ положеніи фабрикъ, заводовъ и

*) Тамъ же, стр. 145 и слѣд.

всякихъ другихъ предпріятій, вопросовъ о допущеніи того или иного способа производства, поскольку онъ является вреднымъ въ гигіеническомъ отношеніи, вопроса о допущеніи дѣтей и женщинъ въ промышленныя предпріятія вообще или объ ограниченіи ихъ труда, вопросовъ о страхованіи рабочихъ отъ старости, болѣзней, увѣчій, безработицы и т. д., и т. д.

Уже изъ этого краткаго перечня можно легко понять громадную важность вопросовъ, болѣе или менѣе полное разрѣшеніе которыхъ ожидается отъ рабочаго законодательства. Ибо при его помощи государственной власти, пользуясь поддержкой представителей рабочаго класса и сочувствующихъ мирному соціальному прогрессу представителей другихъ партій,—предстоитъ добиться физическаго, интеллектуальнаго и моральнаго *возрожденія рабочаго класса*, давъ этому послѣднему возможность вкусить плоды почти до послѣдняго времени совершенно недоступной ему культуры.

Чтобы показать при этомъ, какъ высоко цѣнили даже такіе радикальные выразители стремленій пролетаріата, какъ Марксъ и Энгельсъ, значеніе рабочаго законодательства, здѣсь достаточно привести слѣдующія двѣ цитаты. Въ предисловіи къ вышедшему въ 1892 г. вторымъ изданіемъ своему труду о положеніи рабочаго класса въ Англіи Энгельсъ ставитъ вопросъ объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ положеніи англійскихъ рабочихъ во второй половинѣ XIX столѣтія и даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

«Постоянное улучшеніе замѣчается только въ двухъ отрасляхъ рабочаго класса. Первой отраслью являются фабричные рабочіе. Предпринятое закономъ установленіе сравнительно-раціональнаго нормальнаго рабочаго дня въ ихъ пользу возстановило ихъ физическую конституцію... Ихъ положеніе *несомнѣнно* лучше, чѣмъ до 1848 года».

И въ томъ же духѣ высказался Карлъ Марксъ, когда писалъ по этому поводу:

«Поразительный прогрессъ съ 1853 до 60-го года, рука объ руку съ физическимъ и моральнымъ возрожденіемъ фабричныхъ рабочихъ, бросались въ глаза даже тупицамъ. Сами фабриканты, у которыхъ предпринятое закономъ ограниченіе рабочаго дня было добыто только шагъ за шагомъ—при помощи полустолѣтней гражданской войны, сами фабриканты указывали теперь съ торжествомъ на контрастъ между положеніемъ рабочихъ въ отрасляхъ производства, на которыя фабричное законодательство распространялось, и въ такихъ областяхъ, гдѣ рабочіе остались безъ защиты. А фарисеи политической экономіи прокламировали необходимость законодательнаго регулированія рабочаго дня, какъ характеристичное пріобрѣтеніе ихъ науки».

Такъ отзываются о рабочемъ законодательствѣ виднѣйшіе вожди западно-европейскаго рабочаго класса.

И къ такимъ же выводамъ пришли въ настоящее время и почти всѣ выдающіеся экономисты, занимавшіеся изученіемъ этого вопроса. Въ виду

всего этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ фактовъ въ новѣйшее время почти что во всѣхъ культурныхъ государствахъ на *первомъ* планѣ стоятъ вопросы объ организаціи и реорганизаціи различныхъ отдѣловъ рабочаго законодательства.

Чтобы выяснить громадную разницу между стремленіями, господствовавшими *первоначально* на этомъ поприщѣ, и стремленіями, господствующими въ этой области въ настоящее время, здѣсь необходимо, однако, прибавить еще нѣсколько словъ.

Развитіе капиталистическаго производства и сопряженное съ его первоначальными стадіями страшно бѣдственное положеніе рабочаго класса бросилось, какъ извѣстно, наблюдателямъ въ глаза прежде всего въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ быстрое размноженіе машинъ способствовало широкому распространенію женскаго и дѣтскаго труда. При этомъ, такъ какъ примѣненіе машинъ въ широкихъ размѣрахъ мыслимо только въ крупныхъ предпріятіяхъ, то поневолѣ наблюдателямъ прежде всего бросилось въ глаза печальное положеніе рабочихъ на фабрикахъ.

Сообразно съ этимъ первыя попытки на этомъ поприщѣ ограничивались въ большинствѣ случаевъ мѣрами въ пользу *фабричныхъ* рабочихъ, почему издаваемые въ пользу рабочихъ законы и назывались въ прежнее время фабричными законами, а все законодательство «*фабричнымъ законодательствомъ*».

Въ настоящее время, въ особенности въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ проведены уже болѣе или менѣе далеко идущіе фабричные законы, произведенныя въ новѣйшее время научныя изслѣдованія показали, что фабричное законодательство—само по себѣ—т.-е., если ему не сопутствовали другія законодательныя мѣропріятія, о которыхъ мы поговоримъ подробно впослѣдствіи, что фабричное законодательство,—говорю я,—улучшая положеніе одной части рабочихъ, можетъ повлечь за собой иногда довольно серьезное ухудшеніе въ положеніи той части рабочаго класса, которую фабричное законодательство не охватываетъ. Наглядньшъ примѣромъ подобныхъ явленій можетъ служить фактъ, что даже введеніе 10 или 11-часового рабочаго дня *для фабрикъ и заводовъ* вело за собой иногда закрытіе крупныхъ предпріятій, такъ какъ нѣкоторые фабриканты находили послѣ этого болѣе выгоднымъ для себя давать работу своимъ бывшимъ фабричнымъ рабочимъ на домъ, гдѣ рабочій день оставался неограниченнымъ и надъ работами не было контроля фабричной инспекціи.

Въ послѣднее время—въ виду этого—стремленія какъ представителей рабочаго класса, такъ и передовыхъ государственныхъ дѣятелей стараго и новаго свѣта направлены на то, чтобы взять подъ защиту закона не только фабричныхъ рабочихъ, но и распространить дѣйствіе законодательства на *наемныхъ* рабочихъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Сообразно съ этимъ въ настоящее время вмѣсто термина «*фабричное законодательство*» все чаще и чаще сталъ употребляться терминъ «*рабочее законодательство*», такъ какъ только послѣдній терминъ вполнѣ

соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя нынче предъявляются къ соотвѣтствующимъ законодательствамъ передовыми экономистами и политиками всѣхъ странъ.

Второе отступленіе, которое здѣсь необходимо сдѣлать, состоитъ въ краткой характеристикѣ тѣхъ моментовъ, которые побудили государственную власть взять на себя защиту рабочаго класса. Одной изъ главнѣйшихъ причинъ было на континентѣ Европы быстрое физическое вырожденіе рабочаго класса, дѣлавшее его неспособнымъ для военной службы. Чѣмъ быстрѣе былъ при этомъ приростъ той части населенія, которая работала въ промышленности и торговлѣ (а процентъ лицъ, занимающихся этими промыслами, повсюду быстро увеличивается), тѣмъ бо́льшая опасность угрожала, понятно, государству въ случаѣ физическаго вырожденія рабочаго класса и его негодности къ военной службѣ. Насколько значительной могла сдѣлаться опасность такого вырожденія, можно судить хотя бы на основаніи того факта, что, напр., въ Пруссіи въ началѣ XIX стол. въ земледѣліи было занято около $^4/_5$ всего населенія страны, тогда какъ теперь на земледѣльческій классъ приходится около $^1/_3$.

Само собой разумѣется, что при громадномъ значеніи, которое придавали своей арміи прусскіе короли, какъ и государи другихъ государствъ, этотъ моментъ повсюду игралъ болѣе или менѣе важную роль.

Быстрое распространеніе примѣненія крупнаго производства вообще и развитіе примѣненія машинъ въ частности, не сопровождавшіяся введеніемъ рабочаго законодательства, должны были повести за собой однако не только ослабленіе военной силы націи, какъ это было доказано многочисленными изслѣдованіями на этомъ поприщѣ въ различныхъ странахъ, но и множество другихъ чрезвычайно непріятныхъ послѣдствій.

Оставляя въ сторонѣ множество другихъ причинъ, заставившихъ то тамъ, то здѣсь государственную власть взять подъ свою защиту интересы рабочаго класса, я остановлюсь здѣсь подробно только на *двухъ* въ высшей степени важныхъ моментахъ.

Во-1-хъ, на томъ въ высшей степени интересномъ фактѣ, что не только рабочіе, но даже нерѣдко и союзы фабрикантовъ требовали отъ правительства введенія или усовершенствованія фабричнаго законодательства. Такъ, напр., владѣльцы хлопчато-бумажныхъ фабрикъ въ Эльзасъ-Лотарингіи подавали въ 30-хъ и 40-хъ гг. XIX столѣтія французскому правительству петиціи, въ которыхъ ими требовалось ограниченіе продолжительности рабочаго дня и цѣлый рядъ другихъ реформъ въ этой области. И то же самое явленіе наблюдалось въ сравнительно недавнее время въ Россіи. А именно, крупные фабриканты петербургскаго района, точно такъ же, какъ и фабриканты царства Польскаго, не разъ обращались къ правительству съ подобными же предложеніями.

Нисколько не желая отрицать факта, что среди фабрикантовъ встрѣчаются и высокогуманные, искренно заботящіеся объ интересахъ своихъ рабочихъ личности, никто, кто знакомъ съ условіями примѣненія наемнаго

труда въ Россіи въ концѣ XIX столѣтія, не станетъ, конечно, сомнѣваться въ томъ, что, выставляя такія требованія, петербургскіе и польскіе фабриканты прежде всего руководились своими *личными* выгодами. Личныя же выгоды, заставлявшія ихъ требовать сокращенія рабочаго дня и другихъ реформъ въ пользу рабочаго класса, заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что при слишкомъ длинномъ рабочемъ днѣ рабочій до того вырождался въ физическомъ и умственномъ отношеніи, что становился совершенно неспособнымъ для присмотра и ухода за новѣйшими, крайне сложными машинами, требующими громаднаго вниманія и высокой интеллигентности рабочаго.

При громадномъ вліяніи, оказываемомъ крупными предпринимателями на законодательную власть, мы легко поймемъ громадное значеніе раскола между ними, проявившагося въ томъ отношеніи, что одна часть фабрикантовъ стала требовать—вмѣстѣ съ рабочими и представителями науки—введенія или распространенія области примѣненія рабочаго законодательства.

Не менѣе интересенъ, затѣмъ, и другой фактъ, о которомъ я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ, фактъ, оказавшій въ большинствѣ государствъ *сильное давленіе* на правительство въ пользу рабочаго класса. Такимъ моментомъ являлось во многихъ случаяхъ соперничество между быстро богатѣвшей и стремившейся къ господству буржуазіей и стремившейся къ сохраненію своихъ старыхъ привилегій поземельной аристократіей.

А именно, какъ въ Англіи и Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, поземельная аристократія старалась нерѣдко переманить на свою сторону рабочій классъ, выступая рьянымъ сторонникомъ рабочаго законодательства, поскольку дѣйствіе послѣдняго распространялось, само собой разумѣется, только на промышленниковъ. Цѣлью, преслѣдуемой при этомъ поземельной аристократіей, было, само собой разумѣется, не что иное, какъ желаніе ослабить быстрый ростъ политическаго вліянія крупной буржуазіи.

Что касается *второй* центральной проблемы экономической политики новѣйшаго времени, а именно: вопроса о профессіональныхъ союзахъ рабочихъ и отношеніи къ нимъ государства, то чрезвычайно интересныя сообщенія по этому поводу мы находимъ уже въ трудахъ отца политической экономіи—Адама Смита.

Во всѣхъ случаяхъ, писалъ этотъ геніальный ученый, когда законодательство вмѣшивается въ конфликты между работодателями и рабочими—это вмѣшательство совершается по почину предпринимателей. Сообразно съ этимъ мы не имѣемъ законовъ, направленныхъ противъ коалицій предпринимателей, стремящихся понизить заработную плату, тогда какъ коаліціи рабочихъ, стремящіяся повысить заработную плату, строго преслѣдуются. Предприниматели, продолжаетъ Адамъ Смитъ, участвуютъ, однако, въ постоянныхъ соглашеніяхъ, чтобы не повышать заработной платы,

и всякій предприниматель, который осмѣлится нарушить эти постановленія, ими сурово бойкотируется. Иногда же, продолжаетъ Адамъ Смитъ, работодатели заключаютъ даже коалиціи для прямого пониженія заработной платы. Такія коалиціи предпринимателей вызываютъ, само собою разумѣется, соотвѣтствующія коалиціи рабочихъ. Какъ только послѣднія возникаютъ, предприниматели начинаютъ, однако, взывать къ полиціи и требуютъ строгаго проведенія варварскихъ законовъ, запрещающихъ коалиціи рабочихъ.

Рабочіе получаютъ поэтому, заканчиваетъ свои наблюденія Адамъ Смитъ, отъ своихъ коалицій очень мало выгодъ, отчасти вслѣдствіе отмѣченнаго выше вмѣшательства полиціи, отчасти вслѣдствіе того, что предприниматели могутъ легче выжидать, такъ какъ они не принуждаются къ уступкамъ голодомъ.

Изъ этихъ сообщеній Ад. Смита, крайне характерныхъ не только для тогдашняго времени, но и совершенно подходящихъ къ современнымъ намъ условіямъ во многихъ отсталыхъ странахъ, къ которымъ принадлежала до послѣдняго времени и Россія, можно сдѣлать слѣдующіе *четыре* крайне важныхъ вывода:

А именно, во-первыхъ, что Адамъ Смитъ уже 130 л. тому назадъ хорошо понималъ или, вѣрнѣе, со свойственной ему геніальностью предсказалъ чрезвычайно могущественную позицію, которую займутъ крупные предприниматели по отношенію къ отдѣльному рабочему. Я говорю—предсказалъ, такъ какъ крупное производство находилось въ то время лишь въ первыхъ стадіяхъ своего развитія.

Во-вторыхъ, изъ этихъ сообщеній Ад. Смита видно, что онъ не былъ *принципіальнымъ* противникомъ рабочихъ организацій, какими были нѣкоторые изъ его эпигоновъ.

Въ-третьихъ, изъ этихъ сообщеній Ад. Смита видно, что предприниматели уже въ его время были *ярыми* противниками рабочихъ организацій, хотя эти послѣднія были въ то время крайне слабы и, обладая незначительными матеріальными средствами, само собою разумѣется, не могли представлять собой для предпринимателей особой опасности.

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ этихъ сообщеній Адама Смита видно, что государственная власть Англіи мѣрила въ то время организаціи рабочихъ и организаціи предпринимателей совершенно инымъ масштабомъ, а именно, запрещая организаціи рабочаго класса, она смотрѣла сквозь пальцы на союзы предпринимателей, т.-е., иными словами, государственная власть становилась тогда въ Англіи цѣликомъ на сторону капитала.

Въ самой Англіи отношеніе государственной власти къ профессіональнымъ союзамъ съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, радикально измѣнилось. Причины этого явленія мною будутъ подробно изслѣдованы въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я ограничусь констатированіемъ факта, что сознаніе *полной* невозможности открывать *свободный* путь синдикатамъ, трестамъ и всякаго рода другимъ организаціямъ предпринимателей и закрывать въ

то же время дорогу рабочимъ организаціямъ,—сознаніе невозможности такой политики сдѣлало за послѣдніе годы громадный шагъ впередъ даже въ сравнительно отсталыхъ странахъ.

Въ этомъ отношеніи здѣсь достаточно указать на отзывы далеко не радикально настроеннаго германскаго канцлера, князя Бюлова, во время послѣдней стачки германскихъ углекоповъ, на не менѣе характерныя рѣчи бывшаго любимца аграріевъ и крупныхъ промышленниковъ Германіи, министра внутреннихъ дѣлъ—графа Посадовскаго, и въ особенности на крайне характерную рѣчь итальянскаго министра-президента Джолитти, произнесенную имъ въ декабрѣ 1904 г. по поводу поднятой реакціонными элементами сената интерпеляціи о стачкахъ. «Правительство,—заявилъ Джолитти,—оказало бы монархіи плохую услугу, если бы оно стало примѣнять къ стачечникамъ насильственныя мѣры. Созданіе рабочими и крестьянами организацій, преслѣдующихъ экономическія цѣли, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего хода нашего развитія. Ибо послѣ того, какъ *третье* сословіе добилось того, что стало играть кое-какую роль, и *четвертое* сословіе стало стремиться къ тому же, желая создать себѣ лучшія жизненныя условія.

Никакой законъ не сможетъ поэтому сдержать этого охватившаго весь міръ движенія.

Чего слѣдуетъ желать—это, чтобы отдѣльные классы общества не нарушали насильственнымъ образомъ порядка, что несомнѣнно никогда не сможетъ наступить, если мы станемъ заниматься ложными доносами, называя эти стремящіеся къ улучшенію своего матеріальнаго и соціальнаго положенія классы—исконными врагами монархіи.

Ибо монархія и государство, закончилъ Джолитти, не должны защищаться при помощи массовыхъ разстрѣловъ, а при помощи внушенія рабочимъ массамъ любви къ нашимъ государственнымъ учрежденіямъ, что можетъ быть достигнуто, однако, только тогда, когда мы сами станемъ во главѣ соціальнаго прогресса, къ которому эти массы стремятся».

Вы видите слѣдовательно, что взгляды, которые такъ давно уже высказывались съ каѳедры профессорами-идеологами, которые, по мнѣнію многихъ промышленниковъ, не имѣютъ будто бы представленія объ «истинномъ» положеніи дѣлъ, что эти взгляды раздѣляются нынче какъ многими союзами предпринимателей, такъ и далеко *не радикальными* политическими дѣятелями, въ практическомъ знакомствѣ которыхъ съ этими вопросами трудно усомниться.

Подъ воздѣйствіемъ всѣхъ этихъ вліяній и соображеній политическаго и экономическаго характера какъ защита старой политики репрессій по отношенію къ рабочимъ союзамъ, такъ и доктрина «laisser faire, laisser aller» были, наконецъ, покинуты, и виднѣйшіе государственные дѣятели передовыхъ культурныхъ странъ стали мало-по-малу признавать старую экономическую истину, что товаръ, который продается рабочимъ предпринимателю, т.-е. его рабочая сила, не можетъ отождествляться съ другими, поступающими на рынокъ товарами, такъ какъ онъ имѣетъ нѣкоторыя

только ему свойственныя качества, которыя, если государство не будетъ брать рабочій классъ подъ свою защиту и не станетъ споспѣшествовать развитію профессіональныхъ союзовъ, должны сдѣлать рабочаго *рабомъ* крупнаго капитала, такъ какъ продаваемый рабочимъ товаръ—*его рабочая сила*—не можетъ быть отдѣлена отъ персоны рабочаго.

Само собою разумѣется, однако, что теоретическое познаніе могло дать въ данной области крупные *практическіе* результаты *только* въ тѣхъ странахъ, гдѣ быстрое развитіе крупной промышленности успѣло создать многочисленный, сконцентрированный въ большихъ промышленныхъ центрахъ рабочій пролетаріатъ. Ибо теоретическое познаніе превращается въ практически дѣйствующее законодательство въ громадномъ большинствѣ случаевъ только тогда, когда за нимъ—въ видѣ могучаго рычага—стоятъ многочисленныя или, по крайней мѣрѣ, хорошо организованныя группы или классы.

Этимъ обстоятельствомъ и объясняется тотъ фактъ, почему я избралъ *главной* темой своей вступительной лекціи вышеназванныя двѣ проблемы: значеніе организацій труда и капитала и соотношенія между ними. Въ одной изъ слѣдующихъ лекцій мы приступимъ поэтому къ исторіи развитія рабочихъ организацій и союзовъ предпринимателей, какъ важнѣйшихъ фактовъ соціальнаго прогресса.

Здѣсь же—въ заключеніе—я считаю необходимымъ, для избѣжанія въ будущемъ какихъ бы то ни было недоразумѣній, прибавить еще нѣсколько словъ о задачахъ и обязанностяхъ преподавателя, читающаго политическую экономію и экономическую политику, такъ какъ въ виду множества задѣваемыхъ этими предметами какъ личныхъ, такъ и групповыхъ, а затѣмъ и партійныхъ интересовъ, *научное* преподаваніе именно этого предмета соединено съ громадными затрудненіями.

Наука признаетъ, какъ на это правильно указывалъ, между прочимъ, и мой многолѣтній учитель, мюнхенскій профессоръ Луйо Брентано, только *одну* цѣль: стремленіе къ познанію истины. Этой цѣли: стремленію къ познанію истины—преподаватель долженъ подчинить свою личность, оставивъ въ сторонѣ свои эгоистическія стремленія и пожеланія, свои симпатіи и антипатіи и свои личные интересы. Никакіе идолы и меньше всего тѣ или иные минутные интересы опредѣленной группы или партіи не должны стоять для преподавателя политической экономіи и экономической политики выше стремленія способствовать *по возможности объективному познанію* дѣйствительнаго положенія вещей со стороны своихъ слушателей.

И точно такъ же преподаватель этихъ наукъ не долженъ останавливаться передъ критикой и анализомъ даже въ *тѣхъ* случаяхъ, когда дѣло касается его *любимыхъ* политическихъ и экономическихъ идеаловъ, высказывая открыто результаты своихъ научныхъ изслѣдованій, безъ стремленій къ похваламъ и популярности и безъ боязни вызвать порицаніе или даже

месть со стороны той или иной преслѣдующей *личные* интересы и цѣли могущественной группы или партіи.

Сообразно съ этимъ, въ своей 8-лѣтней академической дѣятельности въ заграничномъ университетѣ я постоянно стоялъ на точкѣ зрѣнія, что, какъ представитель науки, доцентъ—въ своей педагогической дѣятельности—*никогда* не долженъ являться одностороннимъ служителемъ одной какой-либо преслѣдующей узко эгоистическія цѣли группы.

А потому я всегда защищалъ по отношенію къ стоящимъ *направо* партіямъ—точку зрѣнія, что всякаго рода насильственныхъ переворотовъ и опасныхъ вспышекъ можно избѣжать только при помощи уступокъ со стороны господствующихъ классовъ, т.-е., иными словами, только при помощи далеко идущихъ соціальныхъ и тѣсно связанныхъ съ послѣдними политическихъ реформъ.

По отношенію же къ партіямъ, стоящимъ налѣво, я стоялъ *въ своей преподавательской дѣятельности* всегда на точкѣ зрѣнія, что такъ наз. «Zukunftstaat», т.-е. новый соціальный строй, *несомнѣнно* будетъ осуществленъ, если громадное большинство культурнаго человѣчества убѣдится въ его желательности и необходимости.

До этого момента, т.-е. до того, пока этотъ строй осуществится, могутъ, однако, пройти десятилѣтія, а, быть можетъ, даже и цѣлыя столѣтія. И мы совершили бы въ такомъ случаѣ *несомнѣнно* страшное преступленіе по отношенію къ сотнямъ милліоновъ бѣдняковъ и несчастныхъ, страждущихъ отъ теперешняго порядка вещей, если бы мы, вмѣсто того чтобы дружно взяться за проведеніе по всей линіи широкихъ соціальныхъ и политическихъ реформъ, стали бы утѣшать страждущіе классы общества только указаніями на могущій исцѣлить всѣ ихъ страданія грядущій соціальный строй.

Относясь такимъ образомъ къ своей преподавательской дѣятельности безъ всякихъ предубѣжденій къ различнымъ соціально-экономическимъ группамъ, я тѣмъ не менѣе отношусь совершенно отрицательно къ примѣняемому многими, въ особенности нѣмецкими преподавателями, методу, идущему такъ далеко, что, стараясь дать безпартійную оцѣнку того или иного экономическаго или соціальнаго явленія, они заполняютъ свои лекціи такой массой мелкихъ фактовъ и такимъ множествомъ ничего незначущихъ ограниченій, что слушатели въ концѣ-концовъ абсолютно не знаютъ, какъ примѣнить на дѣлѣ свои знанія. Ибо задачей преподаванія наукъ, называемыхъ политической экономіей и экономической и соціальной политикой, вовсе не является расположеніе всякаго рода индиферентовъ и лицъ, не умѣющихъ *практически* примѣнять свои знанія, такъ какъ такихъ лицъ, къ сожалѣнію, и безъ того слишкомъ много на свѣтѣ.

Наоборотъ, задачей академическаго преподаванія должно быть со стороны доцента политической экономіи и экономической и соціальной политики стремленіе: освѣтить важнѣйшія проблемы со всѣхъ точекъ зрѣнія, указать слушателямъ ихъ значеніе для *даннаго историческаго* момента и

помочь своимъ слушателямъ вмѣстѣ съ тѣмъ составить себѣ общее, научно-обоснованное и—по возможности—*практически* примѣнимое міровоззрѣніе. Ибо не знаніе—само по себѣ,—а умѣніе *практически применить свои знанія,*—является главнымъ фактическимъ двигателемъ экономическаго и соціальнаго прогресса.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, я и буду вести свое преподаваніе, не забывая ни на минуту того факта, что тяжелая и кровавая эпоха, которую переживаетъ теперь наша родина, въ виду вызваннаго ею неслыханно глубокаго экономическаго, финансоваго, соціальнаго и политическаго кризиса, не можетъ долго продолжиться.

А за ея окончаніемъ Россіи предстоитъ пережить новую эпоху великихъ реформъ, благополучное проведеніе которыхъ въ жизнь невозможно безъ цѣлой арміи широконаучно смотрящихъ на дѣло прогресса и въ то же время *практически* подготовленныхъ дѣятелей.

Къ подготовкѣ такихъ людей и будутъ направлены мои лекціи и руководимыя мной практическія занятія.

І. М. Гольдштейнъ.

Новая книга о русской интеллигенціи.

(*Ивановъ-Разумникъ*. «Исторія русской общественной мысли». «Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка». Томы I и II, 328+493 стр. Спб., 1907 г.)

Переживаемая нами эпоха русской жизни въ высшей степени чревата глубочайшими послѣдствіями, которыя во всей ихъ силѣ и значительности теперь еще нѣтъ возможности учесть. Пока мы слишкомъ недостаточно осмысливаемъ то, что переживаемъ, пока мы больше живемъ, чѣмъ понимаемъ, больше свершаемъ и наблюдаемъ совершающееся, чѣмъ оцѣниваемъ и усчитываемъ его смыслъ и значеніе, теперь мы еще слишкомъ ослѣплены и оглушены, замучены близостью исторической огромности, слишкомъ захвачены ею въ переживаніяхъ, подавлены ея тяжестью, давящей насъ, чтобы осмыслить и выявить въ сознаніи, въ пониманіи всю мощь и глубину гигантскихъ потенцій, заложенныхъ въ сокрытомъ ходѣ времени, въ темной утробѣ современности. Разумъ великой современности намъ еще не раскрытъ, вѣрнѣе, раскрытъ ея «малый разумъ», но теменъ, смутенъ, сумеречно неясенъ ея «большой разумъ». Но если смыслъ великой вѣсти русской жизни еще теменъ, то все-таки уже всѣ «чуютъ надъ собой зорю новыхъ дней».

И передъ лицомъ этого новаго весьма цѣнно, нужно и важно посчитаться со старымъ, подвести итоги минувшему, былому, осмыслить и понять его. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе серьезной и умной книги г. Иванова-Разумника, пытающагося въ своемъ двухтомномъ трудѣ «Исторія русской общественной мысли», заглянуть въ лицо литературѣ истекшаго столѣтія, окинуть ее общимъ взоромъ, понять и философски осмыслить русскую литературу и жизнь XIX столѣтія.

Наканунѣ новаго грядущаго дня русской литературы какъ нельзя болѣе умѣстно подвести итоги старому, прожитому.

Сейчасъ о текущей нашей литературѣ, особенно художественной, можно сказать, что старое ушло, а новое еще не народилось; здѣсь мы болѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, на распутьи, на гребнѣ великаго перевала. Оторвавшись отъ прошлаго, еще не сжились, не сроднились съ тѣмъ, что

идетъ ему на смѣну, здѣсь все въ мукахъ рожденія, въ предродовыхъ схваткахъ.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ уже приходилось отмѣтить, до какой степени все текущее въ современной литературѣ, при всемъ обильномъ многописаніи о современности, не досягаетъ значительности переживаемаго, насколько то, что пишется, слабѣе, блѣднѣе того, что совершается, насколько жизнь еще превозмогаетъ литературу, обезсиливая ее. Современная литература, несомнѣнно, отстаетъ отъ жизни, не поспѣваетъ за нею, не добирается до ея глубей, и они, эти глуби, еще неосвѣщенныя свѣтомъ разума и не просвѣтленныя имъ, текутъ темныя и холодныя гдѣ-то тамъ далеко, въ подсознательной сферѣ, въ подсознательныхъ тайникахъ современности.

Самосознаніе русской жизни еще очень слабо и безсильно въ ней, и она все еще не сказала и, быть можетъ, долго не скажетъ о себѣ настоящаго, истиннаго слова. Но тѣмъ внутренно свободнѣе она въ сужденіяхъ о прошломъ, въ пониманіи его.

И еще потому нужны теперь итоги прожитаго русской литературы, что она находится на нѣкоторомъ поворотѣ. Это можно видѣть отчасти и теперь. Освободительное движеніе уже сказывается, и въ ближайшемъ будущемъ, когда общественно-политическая жизнь войдетъ въ новое русло и затемненныя пріобрѣтенія ея выявятся, скажется еще явственнѣе освобожденіемъ литературы въ частности, культуры вообще, отъ подчиненно-зависимаго положенія ея въ отношеніи общественно-политическаго момента русской жизни. Культура освободится отъ ярма и, признанная въ своемъ вѣчно-цѣнномъ, не конфузясь, пойдетъ по пути автономнаго свободнаго творчества, не боясь окриковъ и обвиненій, стыдящихъ, негодующихъ упрековъ. Отчасти это уже можно въ послѣднее время наблюдать, правда частично, въ художественной литературѣ и литературной критикѣ. Послѣдняя, какъ самостоятельная, внѣслужебная, только еще начинаетъ у насъ появляться и расправлять крылья, смятыя и подрѣзанныя въ прошломъ за немногими, чаще непризнанными и завиненными, исключеніями.

И еще до самаго послѣдняго времени литература наша, да и вся культура, тоже за немногими, правда, блестящими исключеніями, почти сплошь носила ярко выраженную печать исключительно кружковой, партійной, направленской, строго *интеллигентской* литературы и культуры, *интеллигентскость*—это, быть можетъ, не очень точное, но весьма выразительное опредѣленіе. И теперь, когда самая интеллигентская природа, когда самая русская интеллигенція переживаетъ глубочайшій внутренній кризисъ, процессъ перерожденія и обновленія, когда въ ней самой (еще глухо и смутно) идетъ значительная переоцѣнка цѣнностей,—понять и осмыслить ея великое былое—задача въ высшей степени достойная, важная и значительная.

Этому, главнымъ образомъ, и посвящена книга г. Иванова-Разумника. Такъ и понимаетъ свою задачу авторъ «Исторіи русской общественной мысли». «Исторія русской общественной мысли есть исторія русской ин-

теллигенціи: этой формулой яснѣе всего опредѣляется содержаніе лежащей передъ читателемъ книги» (предисловіе, т. I.).

Но г. Ивановъ-Разумникъ стремится дать даже, въ сущности, не исторію русской интеллигенціи, а философію этой исторіи, которая въ его совершенно вѣрномъ пониманіи является также и философіей исторіи русской литературы XIX в., потому что почти вся исторія русской литературы есть исторія русской интеллигенціи.

«Цѣль настоящей работы—не внѣшняя сторона исторіи русской интеллигенціи, а внутреннее содержаніе ея, не исторія развертыванія фактовъ, а исторія развитія идей; иначе говоря, въ настоящей книгѣ читатель найдетъ не столько *исторію* русской интеллигенціи, сколько *философію* этой исторіи. Разумѣется, внѣшніе факты и внутреннее содержаніе всякой исторіи находятся между собой въ тѣснѣйшей связи, въ связи не только синтетической, но и логической; необходимо параллельное изученіе фактовъ и идей: факты должны быть правильно освѣщены идеями и идеи должны правильно освѣщать факты. Читатель найдетъ поэтому въ предлагаемой книгѣ и исторію фактовъ, внѣшнюю исторію русской интеллигенціи, но лишь постольку, поскольку эта внѣшняя сторона исторіи необходима для изученія развитія идей, для философіи исторіи русской интеллигенціи.

«Философія исторіи русской интеллигенціи есть въ то же время отчасти и философія русской литературы. Литература есть тотъ фокусъ, въ которомъ собирается безконечное количество лучей, преломленныхъ жизнью. Русская литература въ этомъ отношеніи сыграла совершенно особую, неизмѣримую по значенію роль: условія русской жизни, жизни русской интеллигенціи складывались такъ, что только въ одной литературѣ горѣлъ огонь, насильно погашенный въ сѣрой и слякотной общественной жизни русской интеллигенціи; только въ одной литературѣ Бѣлинскій видѣлъ жизнь и движеніе впередъ. Отсюда громадное этическое значеніе русской литературы, ея столь ненавистное многимъ «учительство»; отсюда строгое и требовательное отношеніе къ ней, чуждое всякихъ компромиссовъ, далекое отъ малѣйшихъ уступокъ. Все, что преломляла и отражала жизнь, вся любовь и вся ненависть, все горѣло яркимъ огнемъ въ русской литературѣ; общественная ненависть, политическая борьба, глубокіе этическіе запросы—ничто не было ей чуждо. Русская литература—Евангеліе русской интеллигенціи; изучая постепенное развитіе идей въ русской интеллигенціи, мы обратимъ поэтому глубокое вниманіе на значеніе русской литературы; для исторіи русской интеллигенціи Пушкинъ или Чеховъ имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ Пестель или Бакунинъ. Поэтому предлагаемая книга, будучи философіей исторіи русской интеллигенціи, неизбѣжно является въ то же время отчасти и философіей русской литературы» (I т., 11—12 стр.).

Но исторія интеллигенціи все же не покрываетъ собой исторіи русской литературы, не объемлетъ всѣхъ ея явленій. Исторія русской литературы

все же шире русской интеллигенціи и не исчерпывается ею; и даже по тому опредѣленію, которое даетъ самъ г. Ивановъ-Разумникъ, многое въ исторіи русской литературы оказывается, такъ сказать, *внѣинтеллигентскимъ*. Самый яркій примѣръ въ книгѣ г. Иванова-Разумника—И. А. Гончаровъ, на котораго въ «Исторіи русской общественной мысли» высказывается совершенно опредѣленный, свой особенный взглядъ. Въ произведеніяхъ Гончарова авторъ видитъ «пѣснь торжествующаго мѣщанства», въ самой личности Гончарова—апологета мѣщанскихъ идеаловъ, типичнаго мѣщанина. Въ своемъ мѣщанствѣ Гончаровъ оказывается внѣ всей наростающей интеллигентско-индивидуалистической волны русской литературы. Самое значеніе и мѣсто Гончарова въ русской литературѣ, по мнѣнію г. Иванова-Разумника, «до сихъ поръ слишкомъ преувеличивалось», «не справедливо выдвигать его въ первые ряды литературы».

Гончаровъ не единственное крупное проявленіе русской литературы, которое остается внѣ исторіи интеллигенціи. Эти изъятія вытекаютъ изъ самаго опредѣленія интеллигенціи, которое г. Разумникъ кладетъ въ основу своей книги.

«На вопросъ, «что такое интеллигенція?» мы можемъ дать слѣдующій отвѣтъ: *интеллигенція есть* этически-*антимѣщанская*, соціологически-*внѣсословная*, *внѣклассовая*, *преемственная группа*, характеризуемая *творчествомъ* новыхъ формъ и идеаловъ и *активнымъ* проведеніемъ ихъ въ жизнь въ *направленіи* къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности» (I т., 10 стр.).

Первымъ въ глаза бросающимся недостаткомъ этого опредѣленія интеллигенціи является его формальная безпсихологичность. Та живая соціально-психологическая сложность, которая объемлется словомъ «*интеллигенція*», вообще очень трудно поддается логическому анатомированію; въ логическихъ, слишкомъ логическихъ опредѣленіяхъ ускользаетъ здѣсь живая душа самаго существа опредѣляемаго объекта, неуловимо сложнаго въ своихъ развѣтвленіяхъ и утонченіяхъ, неразложимаго въ изяществѣ узоровъ своей тонкой, всегда индивидуальной психологической ткани.

Въ своемъ опредѣленіи интеллигенціи г. Ивановъ-Разумникъ намѣчаетъ уже основные моменты своего освѣщенія исторіи русской общественной мысли, своей, какъ онъ иначе еще называетъ ее, философіи русской интеллигенціи. Съ перваго взгляда его подхожденіе къ своей темѣ напоминаетъ точку зрѣнія покойнаго Евг. Соловьева (Андреевича) въ его «Опытѣ философіи русской литературы», вышедшемъ въ 1906 году *). Господствующую идею русской литературы Андреевичъ опредѣлялъ здѣсь, какъ «аболиціонистскую, освободительную». «Для меня,—писалъ онъ,—литература—борьба за освобожденіе *личности* и *личнаго начала* прежде всего Въ пестромъ разнообразіи историко-литературныхъ фактовъ я ищу господ-

*) Объ этой книгѣ Е. Соловьева см. мою статью въ „Вопросахъ жизни“ 1905 г. № 5. „Литературные отклики. Христіанскія переживанія въ русской литературѣ“.

ствующую идею, общій центръ притяженія. Для меня такимъ центромъ является борьба за *освобожденіе личности*». Но сходство точекъ зрѣнія только кажущееся, внѣшнее. Идея освобожденія личности берется у Е. Соловьева чисто догматически и понимается только *отрицательно*. «Основное противорѣчіе, — писалъ Андреевичъ, — я вижу между литературой и офиціальной жизнью: литературой, всѣ требованія, «надежды и основанія» которой сводятся къ тому, чтобы обезпечить свободное проявленіе творческой личности человѣка, и офиціальной народностью съ ея единственной задачей приготовить нужныхъ государству слугъ и плательщиковъ налоговъ. Это великій споръ и великая борьба, далеко еще не рѣшенная...» Въ книгѣ г. Иванова-Разумника, напротивъ, выдвигается *положительная* сторона борьбы за освобожденіе въ русской литературѣ—индивидуализмъ, въ немъ полагается «главное содержаніе исторіи русской интеллигенціи, центральная идея, аріаднина нить ея развитія».

«Мѣщанство» понимается г. Разумникомъ не какъ соціальная категорія, а въ смыслѣ, приданномъ этому понятію еще Герценомъ. Логическое опредѣленіе такого мѣщанства есть полная противоположность данному опредѣленію интеллигенціи. Борьба противъ мѣщанства за индивидуализмъ — такова формула исторіи русской интеллигенціи у г. Разумника.

«*Индивидуализмъ*, — пишетъ г. Ивановъ-Разумникъ, — *есть примат личности*—вотъ самое широкое, общее опредѣленіе; индивидуализмъ есть признаніе человѣческой личности первой и главной цѣнностью, индивидуализмъ есть признаніе, что благо реальной человѣческой личности должно служить критеріемъ нашихъ поступковъ, нашего міровоззрѣнія. Каждое міровоззрѣніе является или индивидуализмомъ, или анти-индивидуализмомъ, въ зависимости отъ того, доминируетъ ли въ немъ человѣческая личность надъ другими его элементами, или человѣческая личность является подчиненной какому-нибудь иному элементу міровоззрѣнія. Или—или: tertium non datur; всякое міровоззрѣніе должно быть или индивидуалистическимъ, или анти-индивидуалистическимъ. Однако было бы ошибкой полагать, что индивидуалистическое міровоззрѣніе характеризуется подавленіемъ всѣхъ другихъ элементовъ личности: индивидуализмъ есть *примат* личности, въ ея гармоническомъ сочетаніи со всѣми прочими элементами міровоззрѣнія, но никакъ не деспотическое подчиненіе всего другого человѣческой личности, какъ какому-то самодержавному идолу; индивидуализмъ не идолопоклонство. Когда мы будемъ встрѣчаться съ такимъ идолопоклонствующимъ индивидуализмомъ, то будемъ обозначать его терминомъ *ультра-индивидуализмъ*» (I т., 16—17 стр.).

Мѣщанство, индивидуализмъ и ультра-индивидуализмъ—вотъ схема, въ которой г. Разумникъ стремится размѣстить все содержаніе исторіи русской интеллигенціи, русской литературы XIX вѣка. Кромѣ того различаются виды индивидуализма: этическій, соціологическій, эстетическій. Дѣло въ томъ, что индивидуализму вообще, индивидуализму, какъ примату личности, можно противопоставить что бы то ни было не раньше,

чѣмъ поставленъ вопросъ о *какомъ* примать, о примать *надъ чѣмъ* здѣсь идетъ рѣчь? Пока мы не поставили этого вопроса, мы могли говорить объ индивидуализмѣ, какъ о примать личности вообще, объ *этическомъ индивидуализмѣ*, какъ мы его будемъ называть. Лучшая изъ возможныхъ формулъ этого индивидуализма была дана Кантомъ въ знаменитыхъ словахъ: человѣкъ есть цѣль въ себѣ самомъ (an sich) и ни въ коемъ случаѣ никому и никогда не можетъ служить только средствомъ». «Человѣкъ—самоцѣль», такова эта сокращенная формула, которой мы будемъ пользоваться ниже; человѣкъ ни для кого и ни для чего не можетъ быть средствомъ и только средствомъ—таково это общее значеніе принимаемаго нами принципа примата личности; въ этомъ заключается содержаніе этическаго индивидуализма, въ этомъ — рѣшеніе индивидуализма, какъ этической проблемы. Но очевидно, что индивидуализмъ въ то же время есть примать личности прежде всего надъ обществомъ; это приводитъ насъ къ индивидуализму какъ проблемѣ соціологической, къ соціологическому индивидуализму» (I т., 18 стр.).

Эстетическій индивидуализмъ понимается г. Разумникомъ «какъ теорія искусства для искусства и примать личности художника».

Въ основу всѣхъ этихъ квалификацій полагается нѣкоторая философская конструкція личности, личность понимается здѣсь эмпирически. Вотъ неустойчивое опредѣленіе ея. «...Мы будемъ понимать подъ индивидуальностью сумму *всѣхъ* типично-общечеловѣческихъ чертъ, при неизбѣжной яркости и характерности *нѣкоторыхъ* изъ этихъ чертъ». Г. Ивановъ-Разумникъ, впрочемъ, оговариваетъ, что онъ «не стоитъ на точкѣ зрѣнія позитивизма, будучи сторонникомъ имманентной школы. Однако въ предлагаемой работѣ идетъ рѣчь исключительно объ эмпирической личности, ибо метафизическая сторона этого вопроса вышла на «большую дорогу» исторіи русской интеллигенціи только въ началѣ XX вѣка, почему мы и считали себя въ правѣ миновать эту проблему, изучая исторію интеллигенціи XIX столѣтія» (I т., 19 стр.).

Но основной ошибкой, налагающей свою печать на весь трудъ автора, какъ разъ и является его чисто позитивная конструкція личности. Понимая личность эмпирически, г. Разумникъ философски обезсиливаетъ свой опытъ философіи русской литературы. Изъ того, что религіозно-метафизическое пониманіе личности вышло на «большую дорогу» русской интеллигенціи только у порога XX столѣтія, еще не слѣдуетъ для автора необходимость отказаться отъ нея въ своемъ изслѣдованіи исторіи русской общественной мысли, этимъ свою *философію* русской интеллигенціи изслѣдователь сознательно принижаетъ до *исторіи* ея, подчиняя, такимъ образомъ, точку зрѣнія самому объекту. Суживая и обезцвѣчивая этимъ свой индивидуализмъ, какъ исходный пунктъ пониманія и оцѣнки, г. Ивановъ-Разумникъ въ самое построеніе исторіи русской общественной мысли вводитъ уже нѣкоторый антииндивидуализмъ или, примѣняясь къ терминологіи самого г. Разумника, ультра-индивидуализмъ, выражающійся въ

подчиненіи религіозно-метафизическаго существа личности ея эмпирическому идолу. Невѣрно и то, что метафизическая конструкція личности чужда «большой дорогѣ» русской литературы XIX вѣка; уже въ 70 годы художественная литература выдвинула ее въ лицѣ Достоевскаго, философская — въ лицѣ Вл. Соловьева, и раньше явственные слѣды разработки этой стороны проблемы о личности нельзя не видѣть въ славянофильствѣ.

Нѣкоторый анти-индивидуализмъ г. Разумника сказался уже въ самомъ изложеніи исторіи русской общественной мысли, въ томъ, что *распространенностью* идейнаго содержанія онъ въ концѣ-концовъ измѣряетъ *значительность* его. Самимъ авторомъ этому дается чисто внѣшнее объясненіе. «Размѣры настоящаго труда позволяютъ намъ держаться только главнаго ствола, слѣдить только за «большой дорогой» исторіи русской интеллигенціи и только самыми общими штрихами набрасывать рядомъ направленіе громаднаго числа тѣхъ «проселочныхъ дорогъ», которыми шли представители русской интеллигенціи...» (I т., 12 стр.). Но часто эти «проселочныя дороги» болѣе значительны и выразительны, чѣмъ «большія дороги», въ нихъ таится и возрастаетъ то, что не видно, не ощутимо, затоптано и замощено на большихъ дорогахъ. Психологическая глубь иныхъ литературныхъ переживаній здѣсь въ нѣкоторомъ затишьи захолустья, можетъ быть, виднѣе, прозрачнѣе; именно въ этихъ побочныхъ канальцахъ образуются характерныя отложенія. Напримѣръ, г. Ивановъ-Разумникъ очень общими штрихами, грубыми мазками, однокрасочными тонами очерчиваетъ 80-ые года. Онъ называетъ ихъ: «*эпохой общественнаго мѣщанства*» въ противоположность *эпохѣ офиціальнаго мѣщанства*, какъ названо въ его книгѣ время литературнаго развитія 1825—1855 гг. Онъ характеризуетъ мѣщанство 80-хъ гг., главнымъ образомъ, по сатирѣ Щедрина, останавливается на толстовствѣ, какъ типическомъ этическомъ мѣщанствѣ. И только возрожденіе эстетики отмѣчено здѣсь нѣкоторымъ все же положительнымъ знакомъ. Но кризисъ народничества въ 80-ые годы, ея внутренняя трагедія, самый переходъ отъ такъ называемыхъ «семидесятыхъ годовъ» къ «восьмидесятымъ» не можетъ быть понятъ безъ пристальнаго, внимательнаго изученія такихъ типически интеллигентскихъ писателей, какъ Глѣбъ Успенскій, Всеволодъ Гаршинъ, отчасти даже Осиповичъ-Новодворскій и Надсонъ. Г. Разумникъ очень мало и вскользь говоритъ объ Успенскомъ, вовсе не касается Гаршина, о Надсонѣ, Новодворскомъ и другихъ даже не упоминаетъ. А между тѣмъ Успенскій и даже Гаршинъ въ нѣкоторыхъ моментахъ не менѣе значительны для исторіи развитія русской интеллигентской мысли, русской интеллигентской души, чѣмъ Лавровъ и Михайловскій, которымъ, особенно послѣднему, въ книгѣ г. Разумника удѣлено очень много мѣста. Раціоналистическій индивидуализмъ Н. К. Михайловскаго, смѣло забирающій вширь и порою, какъ это отмѣчаетъ и самъ г. Ивановъ-Разумникъ, обходящій глуби, находитъ въ тонкихъ психологическихъ извивахъ сложной души Глѣба Успенскаго

и В. Гаршина свое живое, быть можетъ больное, но углубляющее восполненіе. Здѣсь въ полубезсознательной художественно-расирывающейся живой боли уже расшатывалось и мучительно стонало то, что невидимо сдерживалось въ сильныхъ крѣпяхъ раціонализма, въ общественной, слишкомъ общественной и слишкомъ позитивной спайкѣ ключей отъ индивидуалистическихъ и религіозно-метафизическихъ замковъ. Тотъ потокъ думъ и чувствъ, который развернулся въ изящно-гармоническихъ и блестящихъ узорахъ ученій и теорій Михайловскаго, въ иныхъ устремленіяхъ своихъ дерзновеннѣе и психологически послѣдовательнѣе, а главное безмысленнѣе, оголеннѣе, непосредственнѣе доведенъ у Успенскаго и отчасти у Гаршина до своего послѣдняго трагическаго выраженія, до великаго отчаянія.

Вообще г. Ивановъ-Разумникъ предпочитаетъ расирывать смыслъ исторіи русской интеллигенціи болѣе черезъ критику, чѣмъ черезъ художественную литературу. Но русская художественная литература болѣе непосредственное выраженіе русскихъ переживаній, и часто въ своемъ важномъ и глубокомъ совершенно не объемлется критикой. Исторія критики, конечно, очень значительна для философіи русской интеллигенціи, но еще значительнѣе самая художественная литература. И теперь уже слишкомъ мало основаній долѣе настаивать на томъ, что критика у насъ руководила художественной литературой, нельзя даже сказать, чтобы она давала ея адэкватное выраженіе. Та и другая шли параллельно своими, часто вплотную сходящимися путями, часто же расходящимися до того, что живое и значительное въ русской художественной литературѣ попадало на долгое время въ колею проселочной дороги исторіи русской интеллигенціи. Во всякомъ случаѣ если въ критикѣ выражалось то, о чемъ думала и что о себѣ думала русская интеллигенція, русская жизнь, то въ художественной литературѣ она выражалась такою, какою была, и здѣсь, слѣдовательно, оказывалась много болѣе сама собой.

И въ самой критикѣ и публицистикѣ г. Ивановъ-Разумникъ многое заслоняетъ отъ себя излишней внимательностью къ «большимъ дорогамъ», и излишнимъ равнодушіемъ къ «проселочнымъ». Славянофильство г. Разумникъ разсматриваетъ внимательно, высказывая немало интересныхъ мыслей и значительныхъ признаній, но разсматриваетъ слишкомъ вообще, безъ индивидуализаціи отдѣльныхъ представителей его; Хомяковъ или Константинъ Аксаковъ, какъ живое лицо, въ своей отдѣльности совсѣмъ не виденъ въ его книгѣ, тогда какъ Герцену, Бѣлинскому и какъ лицамъ удѣлено много вниманія. Совсѣмъ не затронуты такіе писатели, какъ хотя бы Аполлонъ Григорьевъ или Константинъ Леонтьевъ; они не видны просто непривычны для современнаго интеллигентскаго глаза, но значительны внутренно для русской литературы, и въ нихъ высвѣчиваетъ то что не такъ живо у болѣе видныхъ представителей или тѣхъ группъ, тѣхъ теченій, въ общей скобкѣ которыхъ они потопляются и растворяются. Нель также понять, почему хоть Бердяеву или Струве удѣлено болѣе вниман

чѣмъ Владиміру Соловьеву или Мережковскому, почему о Гончаровѣ цѣлая глава, а Островскаго чуть удается коснуться, и то вскользь.

И если г. Разумникъ руководствовался болѣе всего распространенностью тѣхъ или иныхъ теченій, разливомъ ихъ вширь по лицу русской интеллигенціи, просто популярностью именъ и направленій, то онъ несомнѣнно погрѣшилъ противъ индивидуализма и правильности выясненія его развитія въ русской литературѣ, той же боязнью затягивающихъ топей глубины, pavor profundi, т.-е. тѣмъ же грѣхомъ, который онъ очень вѣрно отмѣчаетъ какъ постоянную и неизлѣчимую болѣзнь Н. К. Михайловскаго. Этотъ внѣшній недостатокъ изложенія въ концѣ-концовъ тѣснѣйшимъ образомъ срастается у г. Разумника съ самымъ внутреннимъ строеніемъ его философіи русской литературы.

Стремясь «прослѣдить послѣдовательное развитіе и развѣтвленіе различныхъ общественныхъ группъ, въ которыхъ безпрерывно совершается процессъ выработки опредѣленныхъ міросозерцаній», г. Разумникъ располагаетъ все идейное содержаніе русской литературы XIX столѣтія въ нѣкоторой схемѣ, построенной на тѣхъ исходныхъ принципахъ, которые намѣчены здѣсь выше. Этотъ схематизмъ сообщаетъ книгѣ г. Иванова-Разумника цѣльность и внутреннее единство, но этимъ же схематизмомъ объясняется абстрактность, нѣкоторая безжизненность и пустота иныхъ его характеристикъ. На заранѣе заготовленные идейные шаблоны, на сухія и мертвыя спицы схемъ и обобщеній послѣдовательно нанизываются тѣ и другіе представители литературы, литературныя теченія, и порою приходится жертвовать живымъ и индивидуальнымъ ради общаго, типическаго. Все систематизируется и схематизируется по рубрикамъ индивидуализма соціологическаго, этическаго, эстетическаго и т. д., антииндивидуализма, ультра-индивидуализма и т. п. Эта заблаговременная пріуготовленность иногда утомляетъ, усыпляетъ читателя, центральная проволочная нитка продергивается дальше и дальше, и часто заранѣе знаешь, слишкомъ предугадываешь, куда она пойдетъ еще отсюда, чего коснется и чего не коснется. Но эти тиски схематизма болѣе всего чувствуются только при разборѣ представителей художественной литературы, и то далеко не вездѣ. Вообще книга г. Разумника, написанная по опредѣленной, строго продуманной схемѣ, очень неровна въ выполненіи. Порою, разбираясь въ писателяхъ и теченіяхъ особенно интересныхъ ему, авторъ вдругъ увлекается, страницы его книги оживляются, дѣлаются яркими, порою блестящими, полными тонкихъ замѣчаній и интересныхъ сопоставленій. Здѣсь его схемы сразу обрастаютъ плотью и кровью, идейная канва изслѣдователя живо соединяется съ тонкими узорами идей самихъ разбираемыхъ имъ писателей, оживляется, одухотворяется ими. Чувствуется, что авторъ объ этомъ особенно много думалъ. Напротивъ, важная глава о Достоевскомъ и Толстомъ написана хотя очень внимательно и серьезно, но совершенно неоригинально. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ Достоевскомъ г. Разумникъ совсѣмъ вычеркиваетъ положительную сторону его увлеченій, его «Осанну»;

для автора философіи русской литературы весь смыслъ Достоевскаго исчерпывается его вопросами, отвѣты же совершенно почти сброшены со счетовъ.

Но, несмотря на всѣ недостатки и неровности книги г. Разумника, его «Исторія русской общественной мысли»—результатъ вдумчиваго, основательнаго и серьезнаго изученія, и по значительности ее ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнить съ безпорядочнымъ, фельетоннымъ «Опытомъ философіи русской литературы» покойнаго Е. А. Соловьева.

Г. Разумникъ начинаетъ свое изложеніе съ характеристики «Предверія XIX столѣтія». Здѣсь онъ намѣчаетъ два теченія: *общественное* (примать общества надъ личностью) у Новикова, Фонвизина, Пнина, и *индивидуалистическое*—у Державина. «Восемнадцатый вѣкъ—лучшее и наиболѣе ясное предисловіе ко всей русской жизни и литературѣ XIX вѣка. Индивидуалистическое и общественное теченія, переплетавшіяся, боровшіяся и сливавшіяся на всемъ протяженіи послѣдняго вѣка, проявились уже въ восемнадцатомъ столѣтіи. Знамя Радищева—абстрактный человѣкъ, Державина—реальная личность; синтезъ этихъ началъ—вотъ задача, поставленная на разрѣшеніе грядущимъ поколѣніямъ русской интеллигенціи» (т. I, стр. 43). Затѣмъ г. Разумникъ переходитъ уже къ характеристикѣ сантиментализма и романтизма. Здѣсь отмѣтимъ его оригинальный взглядъ на Карамзина; этотъ взглядъ совсѣмъ свой, въ немъ переоцѣнка общеустановившихся цѣнностей въ исторіи русской литературы.

«Письма русскаго путешественника», дѣйствительно, «произведеніе великое», ибо насквозь проникнуто «гуманическими» идеалами; сантиментализмъ есть теченіе, дѣйствительно, замѣчательное и имѣющее глубокое значеніе, ибо служащее первой ступенью къ этическому индивидуализму. Сантиментализмъ впервые подошелъ къ реальному человѣку отъ человѣка—интеграла, человѣка съ большой буквы, и въ то же время былъ далекъ отъ того наивнаго эпикуреизма, съ какимъ относилась къ реальной личности поэзія Державина» (т. I, стр. 55). Въ сантиментализмѣ же «*непосредственныя переживанія индивидуума ставятся на первое мѣсто*». «*Сантиментализмъ не только совершилъ переходъ отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности, но и порвалъ всякія связи съ абстрактнымъ человѣкомъ*» (т. I, стр. 56). Но въ дальнѣйшемъ «*проповѣдью самоусовершенствованія, какъ панацеи соціальныхъ золъ, Карамзинъ толкнулъ сантиментализмъ на путь этико-соціологическаго номинализма и ультраиндивидуализма,* ибо только крайнее презрѣніе къ абстрактному человѣку и своеобразная фетишизація реальной личности могутъ привести къ мысли о возможности общественно-политической эволюціи путемъ усовершенствованія отдѣльныхъ индивидовъ. Но Карамзинъ пошелъ еще дальше этого: постепеновство и теорія самосовершенствованія привели его въ концѣ-концовъ къ самому безнадежному квіетизму» (т. I, стр. 57). Положительная же заслуга Карамзина все же остается несомнѣнной. «*Сантиментализмъ впервые началъ сознательную борьбу съ литературнымъ мѣщан-*

ствомъ—и въ этомъ еще одна его большая заслуга въ исторіи русской культуры» (т. I, стр. 58). Г. Разумникъ подчеркиваетъ «анти-мѣщанское значеніе такъ называемой «мѣщанской драмы», сантиментализма въ драматической формѣ. Одновременно съ нарушеннымъ равновѣсіемъ сословныхъ слоевъ въ эпоху великой французской революціи, ложно-классическая трагедія была отодвинута на задній планъ «мѣщанской драмой», параллельно съ выступленіемъ буржуазіи, tiers-état передъ высшимъ дворянствомъ, аристократіей. Поэтому несомнѣнно, что *«мѣщанская драма» была сословно мѣщанской,* но настолько же несомнѣнно, что *въ то же время она была литературно анти-мѣщанской:* она была протестомъ противъ узкихъ, заледенѣлыхъ формъ псевдо-классицизма. Мѣщанская драма, вскорѣ выродившаяся въ ультра-сентиментальную мелодраму, была и на Западѣ и въ Россіи однимъ изъ проявленій сантиментализма, объявившаго войну шаблонному литературному мѣщанству. Въ этой борьбѣ съ литературнымъ мѣщанствомъ сантиментализмъ былъ ярко-прогрессивнымъ направленіемъ; подъ знаменемъ «борьбы съ мѣщанствомъ» соединилось все молодое, свѣжее, живое». «Сантиментализмъ былъ однако не только литературно, но и этически анти-мѣщанскимъ направленіемъ: это вполнѣ послѣдовательно вытекало изъ его постоянной вражды къ регламентаціи, къ холодной напыщенности, къ размѣренности и шаблону» (т. I, стр. 59).

Эволюцію индивидуализма въ первой четверти XIX вѣка г. Разумникъ разсматриваетъ, какъ «неуклонное движеніе по направленію отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности».

«Въ сантиментализмѣ реальная личность впервые выступила впередъ изъ-за абстрактнаго человѣка, поставила на первое мѣсто непосредственныя переживанія индивидуума; еще болѣе пошелъ впередъ по этому направленію Жуковскій, этотъ поэтъ субъективнаго чувства. Въ общественномъ отношеніи это ознаменовалось и у Карамзина и у Жуковскаго проповѣдью философіи квіетизма, а значитъ и окончательнымъ, демонстративнымъ разрывомъ всякой связи съ абстрактнымъ человѣкомъ. Выступленіе впередъ реальной личности стало еще болѣе яснымъ въ байронизмѣ Пушкина, но въ то же самое время Пушкинъ отказался отъ философіи политическаго и общественнаго застоя и велъ борьбу за самоосвобожденіе реальной личности, признавая одновременно и необходимость борьбы за права абстрактнаго человѣка. Въ этомъ связь Пушкина съ освободительнымъ движеніемъ декабристовъ, и поэтому онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ, подобно Карамзину, заслужить упрека ни въ соціологическомъ, ни въ этическомъ номинализмѣ. Его Алеко—попытка разрубить гордіевъ узелъ проблемы индивидуализма, крайняя ступень достигнутаго въ то время въ русской литературѣ индивидуализма соціологическаго». Далѣе отмѣчается «постепенный переходъ отъ первыхъ проблесковъ этическаго индивидуализма Карамзина къ зачаткамъ эстетическаго индивидуализма Жуковскаго и къ болѣе яркому по своей опредѣленности соціологическому индивидуализму Пушкина. Мы увидимъ, что Пушкинъ соединилъ въ своемъ творчествѣ всѣ

три рода индивидуализма и явился такимъ образомъ заключительнымъ аккордомъ всей первой четверти XIX вѣка» (т. I, стр. 91).

Въ Пушкинѣ и Лермонтовѣ г. Ивановъ-Разумникъ видитъ апогей индивидуализма и анти-мѣщанства въ художественной литературѣ первой четверти XIX столѣтія. Здѣсь уже въ противоположеніи Пушкина и Лермонтова намѣчается основная канва для узоровъ всего послѣдующаго литературнаго развитія.

«Пушкинъ и Лермонтовъ,—пишетъ г. Разумникъ,—это двѣ стороны одной и той же медали, знаменующія собою высшую точку волны индивидуализма въ русской художественной литературѣ первой половины XIX в.; оба они двумя діаметрально противоположными путями пришли къ одной и той же цѣли. Пушкинъ шелъ отъ признанія правъ личности, отъ индивидуализма къ борьбѣ съ этическимъ мѣщанствомъ; Лермонтовъ отъ признанія мѣщанства жизни самой по себѣ пришелъ къ рѣзкому индивидуализму: разными путями они сошлись на ненависти къ мѣщанству и на провозглашеніи принципа эстетическаго и соціологическаго индивидуализма. *Въ этой полярности Пушкина и Лермонтова—главная сторона ихъ взаимоотношенія.* Впослѣдствіи мы встрѣтимся еще два раза съ подобной же полярностью путей Герцена и Михайловскаго, а отчасти Чехова и Горькаго; подобно Лермонтову, Герценъ и Чеховъ пришли отъ анти-мѣщанства къ индивидуализму; подобно Пушкину, Михайловскій и Горькій отъ индивидуализма подошли къ мѣщанству.

«Однако полярность Пушкина и Лермонтова идетъ глубже тѣхъ путей, которыми шло построеніе ихъ воззрѣній: мы уже видѣли, что полярность эта восходитъ до послѣднихъ глубинъ духовной сущности обоихъ поэтовъ. Пушкинъ—яркій и цѣльный представитель реалистическаго типа, никогда не чувствовавшій стремленій и порывовъ за предѣлы предѣльнаго; Лермонтовъ—не менѣе характерный представитель *раздвоенности* типовъ реалистическаго и романтическаго; кристальная, эллински-гармоничная личность Пушкина является полярной противоположностью раздвоенной личности типичнаго «іудея»—Лермонтова. Критеріемъ и мѣриломъ всего окружающаго для Пушкина является человѣческая личность, для Лермонтова же личность эта только на груди великаго духа природы получаетъ свое объясненіе. У Пушкина природа живетъ жизнью человѣка, сливается съ нимъ; у Лермонтова природа живетъ своей собственной жизнью, съ которой сливается и жизнь человѣка. Пушкинъ—цѣльность, единство, гармонія; Лермонтовъ—раздвоенность, раздробленность, непримиримость противорѣчій. Пушкинъ—геніальное завершеніе стараго и высшее воплощеніе реалистическаго типа; Лермонтовъ—геніальное начало новаго, хотя только проблесками, намеками (новое иначе выражаться и не можетъ). Гоголь Тургеневъ, Л. Толстой—вотъ главнѣйшіе наслѣдники Пушкина; Достоевскій, Чеховъ и современные художники мысли и слова—вотъ духовныя дѣти Лермонтова» (I, 135—6 стр.).

Не будемъ передавать дальнѣйшее содержаніе книги г. Иванова-Разу

ника; общій взглядъ его на послѣдующее развитіе русской литературы, русской интеллигенціи ясенъ уже теперь, онъ предвосхищается уже здѣсь въ различеніи и противоположеніи Пушкина и Лермонтова. Г. Разумникъ здѣсь уже устанавливаетъ свою основную точку зрѣнія, исходящую изъ представленія о двухъ психологическихъ типахъ, реалистическомъ и романтическомъ. «Реализмъ и романтизмъ—двѣ вѣчныхъ, основныхъ категоріи человѣческаго духа, рѣзко враждебныя другъ другу. Конечно, такое подраздѣленіе (какъ и всякое) по существу своему схематично, но за этой схемой лежитъ дѣйствительность: хотя въ одномъ и томъ же человѣкѣ могутъ совмѣщаться, чаще всего полубезсознательно, элементы и реализма, и романтизма, однако преобладающій элементъ ярче всего опредѣляетъ собой индивидуальность. Бываютъ трагическіе случаи, когда оба эти элемента находятся въ человѣкѣ какъ бы въ состояніи подвижнаго равновѣсія, и мы тогда присутствуемъ при той мучительной борьбѣ раздвоенія... въ Лермонтовѣ и въ лишнихъ людяхъ. Бываютъ случаи, когда человѣкъ насильственно хочетъ привить своей душѣ несродный ей типъ міросознанія: такъ русскіе псевдо-романтики, типичные реалисты въ глубинѣ души, тщетно силились возжечь въ себѣ стремленіе за предѣлы предѣльнаго; такъ нѣкоторые типичные романтики гибли и задыхались въ несвойственномъ имъ реализмѣ (наиболѣе яркіе примѣры—Успенскій и Гаршинъ). Какъ бы то ни было, но раздѣленіе людей по психологическимъ типамъ на романтиковъ и реалистовъ является однимъ изъ основныхъ и особенно интересныхъ для насъ въ данную минуту, ибо именно Пушкинъ... первый закрѣпилъ въ русской литературѣ и русской жизни тотъ реализмъ, который затѣмъ полновластно царилъ въ ней почти три четверти вѣка. Мы, конечно, говоримъ здѣсь о реализмѣ не только какъ о литературномъ теченіи, но и какъ объ опредѣленномъ психологическомъ типѣ» (I, 104—5 стр.). Это объясненіе нашего литературнаго развитія при посредствѣ двухъ противоположныхъ и въ существѣ расходящихся психологическихъ типовъ, какъ его беретъ г. Разумникъ, примѣнительно къ исторіи развитія русской интеллигенціи, нѣсколько напоминаетъ точку зрѣнія г. Овсянико-Куликовскаго, высказанную имъ по поводу появленія «Проблемъ идеализма» и всего этого теченія (*Журналъ для всѣхъ*, 1903 г.).

Преобладающимъ, даже господствующимъ типомъ русскаго литературнаго развитія, русской интеллигенціи г. Разумникъ считаетъ реализмъ; романтизмъ начала XIX вѣка у насъ онъ считаетъ неподлиннымъ; искренній, природный романтизмъ, съ точки зрѣнія г. Разумника, явился возможнымъ у насъ только тогда, когда путь реализма былъ уже весь пройденъ, весь до конца изжитъ. Этотъ моментъ наступаетъ только въ преддверіи XX вѣка, въ идеалистическихъ, мистическихъ теченіяхъ послѣднихъ лѣтъ истекшаго столѣтія, въ XIX же столѣтіи ростъ нашего интеллигентскаго самосознанія развивается въ предѣлахъ реалистическаго типа. «Чѣмъ объясняется эта полоса реализма въ русской жизни и русской литературѣ? Во всякомъ случаѣ не одними общественными, [illegible]

турно-историческими причинами; тутъ есть налицо еще тотъ ирраціональный остатокъ, который присущъ всему индивидуальному. Стремленіе «за предѣлы предѣльнаго» могло быть въ то время среди русской интеллигенціи только случайнымъ, мимолетнымъ, такъ какъ стремленіе это только тогда имѣетъ крылья, *когда „предѣлы“ эти дѣйствительно твердо и до конца пройдены;* молодая же русская интеллигенція того времени еще только робко подступала ко всему «предѣльному», а потому и не могла не стать реалистической. Всякая попытка искренняго романтизма должна была или впасть въ псевдо-романтизмъ, или закончиться неминуемымъ быстрымъ крахомъ» (I, 105 стр.). Это разъясняетъ авторъ, во-первыхъ, на примѣрѣ Жуковскаго, какъ типичнаго *псевдо-романтика*, во-вторыхъ, на примѣрѣ «шеллингіанцевъ, людей 30-хъ годовъ».

Романтизмъ въ XIX вѣкѣ выявляется только черезъ смутныя боренія въ двойственномъ Лермонтовѣ и истекающей отъ него литературной волнѣ—съ силой заявившей о себѣ въ Достоевскомъ, и раньше въ славянофильствѣ, психологическую сущность котораго г. Разумникъ сводитъ къ романтическому типу. «Романтизмъ и мистицизмъ славянофиловъ—реализмъ и раціонализмъ западниковъ, философскій индивидуализмъ западниковъ—философскій универсализмъ славянофиловъ; признаніе особаго этическаго пути развитія Россіи славянофилами — отрицаніе его западниками,—все это было непримиримымъ противорѣчіемъ двухъ группъ интеллигенціи», благодаря которому «между этими двумя теченіями русской мысли лежала цѣлая пропасть» (I, 275 стр.).

Но зрѣлое проявленіе подлиннаго романтизма г. Разумникъ видитъ только на рубежѣ XX в., въ современныхъ идеалистическихъ и мистическихъ теченіяхъ. Онъ пишетъ по этому поводу. «Мы можемъ только заявить, что, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣніямъ людей противоположнаго психологическаго типа, мы въ то же время стоимъ на реалистической почвѣ (хотя и далеки отъ вульгарнаго позитивизма); эта субъективная сторона нашего міровоззрѣнія не мѣшаетъ намъ вполнѣ объективно признать, что въ преддверіи XX вѣка на русской почвѣ дѣйствительно проявился и появился тотъ истинный романтизмъ, къ которому тщетно стремились въ первой половинѣ XIX столѣтія представители русской интеллигенціи, въ то время еще типично реалистической по типу сознанія; мы имѣли случай отмѣтить, что молодая русская интеллигенція той эпохи, еще только подступавшая съ пытливыми запросами духа ко всему «предѣльному», не могла не стать характерно реалистичной. Всѣ попытки логическаго, этическаго и эстетическаго, равно какъ и философскаго романтизма, не говоря уже о романтизмѣ религіозномъ, были обречены на фатальное банкротство, и русская творческая мысль къ началу сороковыхъ годовъ остановилась на реалистическомъ типѣ міропониманія въ области философской мысли, и, одновременно съ этимъ, на соціалистическомъ міровоззрѣніи въ сферѣ мысли общественной» (II т., 477 стр.).

Но проводимое въ книгѣ г. Разумника логическое расчлененіе психоло-

гическихъ типовъ въ отношеніи подлинной реальности историческаго развитія русской интеллигенціи кажется намъ внѣшнимъ, поверхностнымъ и недостаточно глубокимъ. Это внѣшнее различіе и противоположность типовъ здѣсь ослабляется и въ конечномъ счетѣ снимается нѣкоторымъ внутреннимъ реальнымъ единствомъ обоихъ психологическихъ типовъ, загадочнымъ сращеніемъ романтизма и реализма въ глубинахъ русской интеллигентской души. Свѣтлый, ясный Пушкинъ и мглистый туманный Лермонтовъ, раціоналистическій Л. Толстой и мистическій Достоевскій, западничество и славянофильство, все дневное, солнечное, ярко-лучистое и ночное, лунное, тайно-звѣздное въ литературѣ и жизни русской интеллигенціи имѣетъ какой-то внутренно-связующій узелъ сращенія, разрѣшающій двойственность въ нѣкоторое единство. То, что въ ученіяхъ и увлеченіяхъ, въ идеяхъ и лозунгахъ—реалистично, раціоналистично, то часто въ полусознательной подпочвѣ, въ психологической глуби переживаній романтично, мистично.

Г. Ивановъ-Разумникъ почти не касается внѣшней исторіи русской интеллигенціи, исторіи фактовъ, самой практики общественныхъ теченій и психологіи общественной мысли, а между прочимъ здѣсь-то на практикѣ реализма въ ирреальной политикѣ, въ ирраціональныхъ переживаніяхъ интеллигентскаго раціонализма, въ живомъ опытѣ *сверхобщественной общественности*, во всей этой сложной сѣти психологической діалектики внутреннихъ интеллигентскихъ противорѣчій съ особенною силою можно было бы ощутить и демонстрировать *романтизмъ русскаго реализма* въ развитіи русской общественной мысли, и далѣе, переходя къ первымъ шагамъ XX вѣка, наметить также нѣкоторый зарождающійся *реализмъ романтизма*.

Общественная политическая жизнь въ Россіи, въ сущности, теперь только еще зарождается, политики настоящей, реальной, трезвой и практической у насъ еще не было,—не было до возникновенія «Союза Освобожденія». 17 октября и возникновеніе партіи к.-д., а затѣмъ и другихъ подобныхъ же уже зазнамо трезвыхъ, реально-политическихъ соединеній—вотъ первые ростки соціально-политической дѣйствительности на русской почвѣ. Въ XIX столѣтіи въ Россіи переживалась дополитическая, внѣобщественная эра, психологія реальной политики, трезвой общественности была чужда русскому сознанію, сознанію не общественному, а интеллигентскому по преимуществу. Хотя съ самаго Новикова и Радищева, съ самаго возникновенія русской журналистики, а, быть можетъ, въ первичныхъ своихъ зарожденіяхъ даже и раньше, съ Петра Великаго,—русская литература и русская жизнь вся въ общественномъ притяженіи, все свое лучшее и сильное положила въ соціально-политическихъ проблемахъ, идеалахъ, практически-жизненныхъ, вдохновенныхъ устремленіяхъ, ими терзалась, болѣла, въ нихъ искала спасенія, оправданія, за нихъ боролась, гибла. Несмотря на все это, русская литература и русская жизнь не только въ XVIII, но и въ XIX столѣтіи, стоящемъ вездѣ въ Европѣ подъ знакомъ

соціальности, находилась еще въ стадіи, въ общественномъ смыслѣ, доисторической. И не потому такъ было, что политика и общественность не получила еще въ русской исторіи офиціальной легализаціи, которой и нынѣ такъ трудно добиваться политическимъ партіямъ и союзамъ, несмотря на непрерывно растущій ихъ реализмъ, а скорѣе потому, что общественность и политика русская доселѣ все еще странно требуетъ въ нашемъ духовномъ сознаніи «интеллигентской,—слишкомъ интеллигентской» легализаціи; политика до сихъ поръ еще не перестаетъ быть всѣмъ, слишкомъ всѣмъ для насъ, въ ней весь законъ и пророки, русское интеллигентское сознаніе все еще полагаетъ въ ней все свое главное, высшее, послѣднее, всерѣшающее. Общественно-политическая мысль наша отчасти потому-то и не была еще общественно-политической реальностью, что ей мѣшала быть самой собой наша интеллигентская «политика», романтическая, метафизическая и въ конечномъ смыслѣ даже мистическая въ существѣ своемъ. Это всевмѣщающее общественно-политическое сознаніе и стремленіе русской интеллигенціи, дѣлающей исторію въ мечтахъ и грезахъ своего идеалостроительства, идеалослуженія, возводило на степень «политики» все: литературу и искусство, философію и науку, мораль и религію, всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ стремленія и упованія свои,—словомъ все, все, всю полноту жизни желало оно исчерпать, понять и разрѣшить въ «политикѣ», въ «общественности», но не прикоснулось, не могло прикоснуться по своей духовной конституціи къ политикѣ и общественности трезво, внѣ того тайно пьянящаго ея религіознаго хмеля, который всегда бродилъ въ крови интеллигенціи, вызывая молитвенную жажду великихъ возможностей, историческихъ чудесъ, толкая на высокіе подвиги, могучія дерзновенія, трагическія страсти.

Казалось бы, волею судебъ съ самаго возникновенія русской журналистики, съ самаго «Трутня» Новикова, съ «Путешествія» Радищева все у насъ посвящено общественному служенію, все живетъ и дышитъ этимъ служеніемъ, горитъ имъ, протестуя противъ личнаго отъединенія, личнаго спасенія, самосовершенствованія личности. Казалось бы, русская интеллигенція съ ея героизмомъ и мученичествомъ вся ушла въ этотъ трагическій разрывъ съ своимъ собственнымъ, личнымъ, во имя общественнаго, слишкомъ общественнаго служенія; все свое, всю культуру души отдала интеллигенція за идеалы общественнаго устроенія, свою живую, конкретную личность отвергла во имя универсальной, абстрактной личности созидаемаго ею царства грядущей праведной общественности.

Съ первыхъ шаговъ своихъ русская журналистика начала борьбу противъ личнаго самосовершенствованія.

А затѣмъ въ XIX столѣтіи въ трехъ высочайшихъ точкахъ сказалось противленіе противъ интеллигентскаго общественнаго догматизма, въ Гоголѣ, Толстомъ и Достоевскомъ; и всѣ эти три точки бунта личности, три непокорныя вершины горнаго хребта русскаго самосознанія были обойдены интеллигенціей, отчуждены сознаніемъ, не приняты волею. Русское общ

ственное интеллигентское сознаніе съ ужасомъ отшатнулось, какъ отъ бездны, развергнувшейся на его пути, отъ затуманившагося лица великаго Гоголя, оно подозрительно, недовѣрчиво, съ испугомъ озиралось на богатырскій размахъ великаго духа Л. Толстого, оно отдало подъ подозрѣніе, не понято и осудило вѣщіе сны и пророческія слова Достоевскаго, его страшныя вопрошанія и тайныя откровенія. И несмотря на сопротивленіе, все это, явно отвергнутое, отринутое, тайно бродитъ въ крови интеллигенціи, сознаніемъ отчужденное, отброшенное, безсознательно остается своимъ, близкимъ, невидимо присутствуетъ въ движеніяхъ и увлеченіяхъ, таится, прячется въ душѣ, живетъ въ ней скрыто. Живетъ, куда-то запрятанная глубь страшныхъ тумановъ, окутавшая собою душу Гоголя, и тѣмъ болѣе живетъ религіозно-раціоналистическая толстовская стихія и религіозно-мистическая стихія Достоевскаго.

Русская интеллигенція отрицалась всяческаго «романтизма», стремясь облечься въ «реализмъ», все вѣчное отдавала на потребу дня и злобы его, отвергала его ради временнаго, ради живого дѣланія настоящей минуты общественнаго служенія; отвергала религію и церковь, становясь атеистической, отвергала философію, метафизику, цѣпляясь за позитивизмъ; матеріализмъ предпочитала идеализму, мораль замѣняла утилитаризмомъ или даже аморализмомъ; отвергала искусство, отдавая его на служеніе потребностямъ времени, отдавая все на служеніе единаго бога своей всевмѣщающей соціальной политики. Науку приспособляла интеллигенція къ тѣмъ же задачамъ своимъ. Все, что имѣла, она отдала, отдала на служеніе имъ всю культуру, все внутреннее, вѣчное, всѣ высшія цѣнности, и въ соціально-политическомъ идолопоклонствѣ своемъ искони влеклась къ нигилизму, соблазнялась имъ, сознательно или безсознательно ища здѣсь послѣдней крѣпости, убѣжища, пристани, почвы...

Но на всѣхъ этихъ увлеченіяхъ легла только укороченная внѣшняя тѣнь сложнаго внутренняго міра, тѣнь, странно преломленная и принятая интеллигентскимъ сознаніемъ за свою подлинную реальность. Реальность же глубинная, безсознательная была иной,—настолько иной, что все сознательное исповѣдованіе обращается во что-то только кажущееся, иллюзорное, въ обманчивое марево внѣшнихъ показаній, скрывающее настоящую реальность внутреннихъ переживаній. Часто вскрывалось это по тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ поводамъ, и черезъ эти отдѣльности просвѣчиваетъ общая мысль о томъ, что въ русскомъ атеизмѣ, реализмѣ, матеріализмѣ, позитивизмѣ, утилитаризмѣ, нигилизмѣ невидимо и тайно прячется религія, идеализмъ, романтизмъ и мистицизмъ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы разсмотрѣть всю исторію русской журналистики, исторію русской культуры, какъ исторію интеллигенціи съ ея увлеченіями, стремленіями, движеніями, показывая de facto, какъ скрытая мистическая душа жила и живетъ, затемненная подъ внѣшней эмпирической личиной.

Мѣстами и г. Ивановъ-Разумникъ какъ бы невольно наталкивается въ своей книгѣ на тайное, потому что невыявленное въ сознаніи, внутреннее

сродство русскаго «реализма» и «романтизма», несмотря на психологическую враждебность и логическую непримиримость этихъ двухъ типовъ русской интеллигенціи. Разбираясь во взаимоотношеніяхъ славянофильства и западничества, указывая ту пропасть, которая лежала между этими двумя теченіями русской мысли, г. Разумникъ намѣчаетъ невидимый обоимъ враждующимъ сторонамъ соединяющій ихъ мостъ. «Нетрудно было бы,—пишетъ г. Разумникъ,—найти и то наиболѣе узкое мѣсто пропасти, гдѣ можно было, даже не перекидывая моста, перешагнуть съ одного края на другой; края пропасти почти сходились въ одномъ мѣстѣ, именно въ томъ, которое возбуждало наиболѣе ожесточенную борьбу и казалось наиболѣе раздѣляющимъ враждебныя стороны: мы говоримъ о проблемѣ индивидуализма. *Соціологическій индивидуализмъ западничества и этическій индивидуализмъ славянофильства былъ рѣшеніемъ съ двухъ различныхъ сторонъ одной и той же проблемы,* рѣшеніемъ взаимно-дополнительнымъ и истиннымъ только въ своей цѣлостности. Славянофилы и западники сами не сознавали, до какой степени близко подошли они другъ къ другу какъ разъ тамъ, гдѣ они считали себя раздѣленными неизмѣримымъ разстояніемъ» (т. I, ст. 275). Въ позднѣйшемъ почти то же соотношеніе намѣчается въ книгѣ г. Разумника между индивидуализмомъ Михайловскаго и индивидуализмомъ Достоевскаго, какъ ни расходятся многія устремленія въ узорахъ ихъ увлеченій. И у самыхъ, наиболѣе выдвигаемыхъ г. Разумникомъ, представителей «реализма» русской интеллигенціи часто приходится видѣть, какъ «романтическая» струя мучительно стремилась прорваться сквозь плотины позитивно-раціоналистическихъ заграждений, безпомощно плескалась о берегъ, томилась, тоскуя о чемъ-то затаенномъ, умерщвленномъ. «Герценъ,—пишетъ о немъ г. Разумникъ,—былъ реалистомъ, не вполнѣ подавившимъ романтическіе запросы своего духа, въ его эллинствѣ всегда пробивались іудейскія черточки, какъ ни старался онъ вытравить изъ себя всякое стремленіе за предѣлы предѣльнаго (эту тему читатель можетъ найти подробно развитой въ статьѣ г. Булгакова: «Душевная драма Герцена»)» (т. I., стр. 327). А статья Булгакова, къ которой отсылаетъ читателя г. Разумникъ, какъ разъ и пытается вскрыть противорѣчивыя боренія въ сложной личности Герцена, тайнаго мистическаго зова и явнаго позитивнаго питанія, выявить скрытое присутствіе «романтизма» въ открытомъ «реализмѣ» Герцена въ смыслѣ г. Иванова-Разумника. О Н. К. Михайловскомъ г. Разумникъ съ признаніемъ повторяетъ слова Струве: «Михайловскій всю свою жизнь сидѣлъ въ клѣткѣ позитивизма и терзался тоскою по цѣльной и глубокой системѣ двуединой правды» (т. II, стр. 186). И г. Разумникъ хорошо понимаетъ, почему эта тоска Михайловскаго была только неутоленной тоской, почему его индивидуалистическая боль была неразрѣшимой болью. «Все громадное и стройное зданіе этого міросозерцанія,—говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ о міросозерцаніи Н. К. Михайловскаго,—стоитъ на неглубокомъ фундаментѣ позитивизма, оно построено на пескѣ» (т. II, стр. 188). Г. Разумникъ очень

цѣнитъ Михайловскаго; очевидно, авторъ философіи русской интеллигенціи, какъ и всѣ русскіе интеллигенты послѣдней четверти XIX вѣка, сильно пережилъ вліяніе Н. К. Михайловскаго, онъ съ вниманіемъ и съ любовью разбирается въ идеяхъ великаго русскаго писателя-интеллигента, но съ полнымъ безпристрастіемъ видитъ и указываетъ его ошибки.

«Отстаивая широту личности, онъ,—пишетъ г. Разумникъ о Михайловскомъ,—неизмѣнно испытывалъ *«pavor profundi» (боязнь глубины)—это было его постоянной и неизлѣчимой болѣзнью.* Это намъ все объясняетъ въ его изящномъ и гармоническомъ міровоззрѣніи—и его отношеніе къ «метафизикѣ», и его полнѣйшее равнодушіе къ правдѣ-красотѣ и совершенное отсутствіе гносеологическаго фундамента во всѣхъ его построеніяхъ; но все это, съ другой стороны, нисколько не мѣшаетъ намъ признавать громадное значеніе за этимъ замѣчательно широкимъ міровоззрѣніемъ, блестяще разрѣшившимъ въ одинъ гармоническій аккордъ всѣ диссонансы анти-индивидуализма и индивидуализма эпохи шестидесятыхъ годовъ. Многія изъ положеній Михайловскаго непріемлемы въ настоящее время, многія требуютъ переработки и обоснованія, многія же и до сихъ поръ сохранили свою цѣнность; во всякомъ случаѣ весь XIX в. не далъ болѣе цѣльнаго и цѣннаго рѣшенія проблемы индивидуализма, чѣмъ то, съ которымъ мы встрѣтились у Михайловскаго. Если это рѣшеніе и не удовлетворяетъ насъ, то оно даетъ богатый матеріалъ для критическаго изслѣдованія индивидуалистической проблемы и показываетъ, какимъ яркимъ индивидуалистомъ былъ этотъ замѣчательный наслѣдникъ Бѣлинскаго и Герцена. Это три неразъединимыхъ имени. Въ области живого творчества, въ царствѣ яркой поэзіи мы видѣли великій тріумвиратъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, видѣли ясный и гармоническій индивидуализмъ Пушкина, рѣзкое антимѣщанство Гоголя, и неистовый индивидуализмъ Лермонтова. Въ сферѣ критической мысли, въ области созиданія міровоззрѣній мы имѣемъ такой же тріумвиратъ, развивавшійся въ обратномъ порядкѣ: передъ нами проходитъ «неистовый Виссаріонъ», со своимъ неистовымъ индивидуализмомъ третьяго періода жизни, далѣе Герценъ, проклинающій мѣщанство во всѣхъ его проявленіяхъ, и, наконецъ, Михайловскій, со своимъ яснымъ, стройнымъ и гармоническимъ индивидуализмомъ. Критическая мысль прошла въ обратномъ порядкѣ всѣ фазисы индивидуализма и безпредѣльно расширила его горизонты. *Идти дальше въ ширь было некуда, и русская мысль только послѣ четвертьвѣкового промежутка стала въ началѣ XX в. идти въ глубь индивидуализма;* восьмидесятые и девяностые годы въ этомъ отношеніи безплодно стояли на одномъ мѣстѣ и даже нѣсколько отодвинулись назадъ. Но движеніе назадъ часто выигрываетъ мѣсто для разбѣга; такъ было и въ этомъ случаѣ... Какъ бы то ни было, но индивидуализмъ Михайловскаго закончилъ собой XIX в.: *никто въ этой области не пошелъ дальше его;* въ сферѣ художественнаго творчества одновременно съ нимъ дѣйствовали такіе *титаны индивидуализма,* какъ Достоевскій и Л. Толстой, въ сферѣ

критической мысли онъ самъ былъ *титаномъ индивидуализма* и ему не съ кѣмъ было «помѣряться главами» въ семидесятые и восьмидесятые годы» (II т., стр. 198—9).

Лучшей иллюстраціей неизлѣчимой болѣзни Михайловскаго, его pavor profundi могло бы служить его отношеніе хотя бы къ Достоевскому, въ особенности къ его подпольному человѣку, отъ котораго когда-то Михайловскій просто отмахнулся насмѣшливымъ указаніемъ на городового и участокъ. Но боязнь глубинъ въ міросозерцаніи Михайловскаго, стремящагося прежде всего развернуть сознаніе интеллигенціи вширь, собрать ее и вести, не могла закрыть трагически разверзающей глуби; образы Гл. Успенскаго и Вс. Гаршина, поставленные въ судьбахъ жизни русской интеллигенціи около фигуры Михайловскаго, страстно-выразительно, мучительно больно напоминаютъ и вопрошаютъ о страшно зовущихъ топяхъ обойденной глубины.

«Проблема индивидуальности,—говоритъ и г. Ивановъ-Разумникъ,—имъ (Михайловскимъ) не была разрѣшена, а только уяснена и поставлена». Не была даже уяснена и поставлена во всей своей обнаженности и остротѣ. О постановкѣ проблемы индивидуализма у Михайловскаго можно сказать, пародируя его же дѣленіе въ вопросѣ объ отношеніи интеллигенціи и народа, «мнѣній» и «интересовъ» народа,—можно сказать, что Н. К. Михайловскій въ своемъ индивидуализмѣ стоялъ больше всего тоже за *«интересы» личности, а не за ея «мнѣнія»*, т.-е. за эмпирическую, реально мыслимую личность, *а не за свободную индивидуальность въ ея неповторяющейся единственности*. Вотъ отчего ему при всемъ индивидуализмѣ все же было чуждо то послѣднее остріе постановки проблемы о личности, какъ ее выдвинулъ въ своемъ художественномъ творчествѣ Достоевскій. До конца продуманный, насквозь пройденный индивидуализмъ, къ которому была всегда такъ чутка въ своихъ переживаніяхъ русская интеллигенція, поднимается въ истинныхъ высотахъ своихъ къ религіозно-метафизическимъ, мистическимъ облакамъ, которыхъ эта интеллигенція въ сознаніи своемъ, въ исповѣдованіи всегда такъ пугалась, страшилась и избѣгала. И въ этомъ своеобразномъ страхѣ, въ этомъ pavor profundi обнажалось, если угодно, *мѣщанство въ самомъ ея индивидуализмѣ*.

Индивидуалистическая боль, неугасимая мысль о личности очень рано обнажилась и обострилась въ переживаніяхъ русской интеллигенціи; для утоленія этой боли, для разрѣшенія этой мысли она стремилась въ своихъ ученіяхъ и увлеченіяхъ, въ художественной литературѣ и въ философской публицистикѣ пойти путями общественными, слишкомъ общественными, удержаться въ предѣлахъ реализма; она чаще всего стремилась именно здѣсь справиться во что бы то ни стало съ растущимъ трагизмомъ души, съ трагизмомъ гибнущей индивидуальности, стремилась здѣсь найти разрѣшеніе, примиреніе, чтобы принять міръ, чтобы жить и учить, идти и вести... Неутоленная боль загонялась внутрь, въ подполье, и тамъ, не освѣщенная, темная, смутно томила и жгла безысходностью. Боязнь г

бины сказалась не только у Н. К. Михайловскаго, еще сильнѣе, еще виднѣе она заявила о себѣ и въ 60-е годы, убѣжавшіе въ дѣло, въ душевное равновѣсіе матеріализма, утилитаризма, раціонализма и тому подобныхъ, благополучіе обѣщающихъ, измовъ; убѣжали 60-е годы сюда, отъ напугавшаго ихъ идеалистической мутью и жуткой сложностью вопрошаній «романтизма» 40-хъ годовъ, уже заболѣвшихъ великою болью «реалистически» неразрѣшимаго трагизма.

Сложная и тонкая въ своихъ мельчайшихъ развѣтвленіяхъ, въ своихъ конкретно-историческихъ преломленіяхъ проблема индивидуальности, которая мучаетъ русскую литературу XIX в. на всемъ ея протяженіи въ безчисленныхъ рѣшеніяхъ и перерѣшеніяхъ, эта проблема, которую г. Разумникъ основательно выдвигаетъ впередъ, какъ центральный нервъ философіи русской интеллигенціи, самыми тѣсными, интимнѣйшими нитями срослась со всѣмъ психологическимъ существомъ русской интеллигенціи, съ самимъ ея трагизмомъ, трагизмомъ положенія ея въ русской жизни, въ исторіи и общественности. Трагедія индивидуальности есть трагедія русскихъ лишнихъ людей по преимуществу, а русская исторія волею судебъ всю русскую интеллигенцію поставила въ положеніе *лишнихъ*, сама же интеллигенція въ иныхъ, очень характерныхъ устремленіяхъ своихъ всю литературу нашу, всю культуру ставила въ положеніе лишней, и себя самое, свое наиболѣе цѣнное, живую глубь свою, свое интеллигентское—порою отчуждала отъ себя, какъ лишнее... И вполнѣ основательно г. Ивановъ-Разумникъ дѣлаетъ свой «окончательный выводъ» о «лишнихъ людяхъ». Они «были лишними не по отношенію къ обществу, а только по отношенію къ самимъ себѣ» (т. I, стр. 207). Конечно, ихъ угнетала также и «эпоха офиціальнаго мѣщанства», какъ и позже внѣшній гнетъ иныхъ эпохъ. Но справедливо говоритъ г. Разумникъ—«это только, такъ сказать, внѣшняя сторона истины; внутренняя ея сторона лежитъ неизмѣримо глубже: она лежитъ въ той раздвоенности между реалистическими и романтическими элементами сознанія, которую мы уже видѣли у Лермонтова. *Умъ съ сердцемъ* не въ ладу не у одного Чацкаго, но и у всѣхъ лишнихъ людей; борьба интеллекта съ инстинктомъ по существу тождественна противорѣчію между реалистическими тяготѣніями и романтическими порывами: это то же самое, выраженное nur mit ein bisschen andern Worten. Но раздвоенность эта никогда не восходила до сознанія лишняго человѣка: онъ всегда смутно чувствовалъ весь безысходный трагизмъ своего положенія, но никогда не могъ формулировать и понять всего вопроса во всей его сложности» (т. I, стр. 204—205).

И интеллигенція бѣжала этой сложности; отдаться ей, заняться собой мѣшалъ ей исконній, вѣками взращенный, восходящій къ древнѣйшимъ источникамъ питанія, аскетизмъ, неосознанный и затемненный православно-христіанскій аскетизмъ. Отрицая себя, интеллигенція стремилась, уйдя отъ глуби своей собственной сложности, разлиться вширь, потонуть въ народѣ, въ массѣ, растворить въ *общественной* мысли свою боль

о *личности*, стремилась на просыпающіяся, еще смутныя индивидуалистическія вопрошанія отвѣтить своеобразной прививкой тѣхъ или иныхъ формъ европейскаго соціализма. Виднѣе это въ западничествѣ, а также и въ ранѣе предваряющихъ его и позднѣйшихъ, смѣнившихъ его переживаніяхъ, въ которыя оно переродилось. Но и *не о себѣ* помышляя, въ развитіи *общественной* мысли своей, русская интеллигенція все же оставалась сама собой, общественная мысль ея таила въ себѣ неугомонъ все тѣхъ же тревожныхъ думъ о личности, все того же неразрѣшеннаго трагизма индивидуальности. И вотъ такъ создалась своеобразная, русско-интеллигентская *сверхобщественная общественность, центръ тяжести которой всегда въ самой интеллигенціи, въ личности, въ личномъ*. И этотъ отрывъ личности отъ общественности, интеллигентскую окрашенность общественной мысли можно видѣть не только въ стремленіяхъ къ самосовершенствованію, но, можетъ быть, еще болѣе въ стремленіяхъ къ общественности, въ народническихъ, соціалистическихъ увлеченіяхъ. Это можно и нужно вскрыть не только въ славянофильствѣ, но и въ западничествѣ, не только въ художественной литературѣ, но и въ публицистикѣ, въ критикѣ, не только у Гоголя, Достоевскаго и Толстого, но и у Герцена, Бѣлинскаго, Михайловскаго, особенно у Успенскаго, Гаршина и многихъ, многихъ другихъ выразителей русской интеллигенціи. Здѣсь получилось какое-то перенесеніе общественности въ себя, въ личность. Въ сущности и не было общественности, а была только личность, болѣющая объ истинной, праведной, настоящей общественности, объ общественной правдѣ, которая и есть ея личная правда. Личность искала яркою мыслью, пламеннымъ чувствомъ, героической, страдающей волею разрѣшенія трагизма индивидуальности, сознательно заострившагося до послѣдней степени только у Достоевскаго, личность и живая боль о ней искала всеразрѣшенія, всеоправданій, всеспасенія. Все время, не угасая, горѣла пламенно воспаленная общественная мысль о своемъ интеллигентскомъ спасеніи, оправданіи. Только не нужно понимать это слишкомъ грубо, чтобы было вѣрно.

Какъ христіанство (я болѣе всего имѣю въ виду восточное, православное христіанство), несмотря на долгую исторію свою и длительное видимое участіе въ жизни и строительствѣ, осталось въ подлинной правдѣ своей только съ мыслью о личности, личномъ спасеніи, въ религіозномъ отшельничествѣ, не проникающемъ въ общественность и не срастающемся съ ея правдой, такъ и русская интеллигенція XIX в. при всемъ своемъ устремленіи въ общественность, въ сферу соціально-политическихъ отношеній, вопросовъ и интересовъ, осталась во власти *глубоко личной мысли объ общественности*. И теперь христіанское сознаніе мучительно озабочено проблемой религіозной общественности, пока все еще практически-безплодно; интеллигенція русская также только теперь входитъ въ сферу реальной общественности широкаго историческаго опыта и переживаетъ свой сложный и томительный кризисъ.

И какъ по видимости русская литература XIX столѣтія ни чуждается

прямыхъ, явныхъ вліяній христіанства, косвенно, тайно въ ней присутствуютъ и все еще очень сильны христіанскія переживанія, обнаружить которыя можно только своего рода рентгеновскими лучами пристальнаго историко-психологическаго изученія; раскрывать ихъ приходится уже по вторичнымъ признакамъ, по смутнымъ отраженіямъ. Тѣнь христіанства рѣетъ надъ исторіей русской интеллигенціи XIX в., и продуманная до конца философія ея должна войти къ далекимъ источникамъ религіознаго питанія русской литературы и всей русской культуры, скрытымъ въ вѣкахъ нашего историческаго прошлаго.

Здѣсь по поводу книги г. Разумника можно было только вскользь, отрывочно коснуться этой точки зрѣнія; чтобы развить ее, пришлось бы написать книгу, по размѣрамъ своимъ не меньшую, чѣмъ «Исторія русской общественной мысли» г. Иванова-Разумника.

Волжскій.

Уголовные законопроекты министра юстиціи *).

Изъ всѣхъ областей права, затронутыхъ внесенными въ Государственную Думу проектами министра юстиціи, больше всего посчастливилось уголовному праву. Обиліе уголовныхъ законопроектовъ объясняется, вѣроятно, чисто случайнымъ обстоятельствомъ: тѣмъ, что самъ министръ юстиціи и по своей прошлой практической дѣятельности и по своей научной спеціальности — криминалистъ. Въ этихъ законопроектахъ легко подмѣтить общую черту: всѣ они написаны на темы, которыя наиболѣе оживленно трактуются въ новѣйшей, по преимуществу, западно-европейской литературѣ по уголовному праву **). Вопросы объ условномъ осужденіи, условномъ освобожденіи, защитѣ на предварительномъ слѣдствіи и другіе, вошедшіе въ программу реформъ, намѣченныхъ уголовными законопроектами министра юстиціи,—все это наиболѣе модные вопросы современной науки уголовнаго права: имъ посвящаются дебаты на національныхъ и международныхъ съѣздахъ криминалистовъ; они обсуждаются не только въ спеціальной научной, но и въ общей прессѣ, причемъ мнѣніе въ пользу ихъ положительнаго рѣшенія считается проявленіемъ либеральнаго образа мыслей. Что же касается практическаго осуществленія тѣхъ мѣръ, разработкѣ которыхъ посвящены разсмотрѣнные ниже законопроекты, то эти мѣры и для Запада являются новинками, по большей части, не получившими того широкаго примѣненія, какого заслуживаютъ ***). Заграничными новинками и стремится, видимо, прельстить общественное мнѣніе министерство юстиціи. Напротивъ, оно мало думаетъ объ удовлетвореніи коренныхъ, давно назрѣвшихъ нуждъ русскаго правосудія. Пред-

*) Въ настоящемъ очеркѣ мы не имѣемъ въ виду законопроектовъ, внесенны на основаніи 87 ст. Осн. Зак.

**) Исключеніе составляетъ только проектъ объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ: для Западной Европы это—вопросъ сравнительно мало интересный, та какъ въ западно-европейскихъ законодательствахъ уже давно преобладаетъ начал что для должностныхъ лицъ нѣтъ основанія дѣлать исключенія изъ общаго поряд уголовной отвѣтственности.

***) Впрочемъ, въ Англіи защита на предварительномъ слѣдствіи была допущ еще въ прошломъ столѣтіи.

положеній, направленныхъ на огражденіе независимости судейской дѣятельности, на расширеніе до нормальныхъ границъ сферы дѣятельности суда присяжныхъ, на сокращеніе участія полиціи въ выполненіи функцій судебнаго характера, на измѣненіе весьма несовершенныхъ постановленій Уголовнаго Уложенія о политическихъ преступленіяхъ и т. п. мы напрасно стали бы искать въ законопроектахъ министерства юстиціи.

I.

Менѣе всего возраженій можетъ вызвать *проектъ о мѣрахъ пресѣченія торга женщинами въ цѣляхъ разврата*. Какъ и другіе проекты министерства юстиціи—это проектъ показной. Онъ не можетъ пройти неотмѣченнымъ сочувственно западно-европейскою печатью, такъ какъ представляетъ собою осуществленіе пожеланій, высказанныхъ на международныхъ лондонскомъ конгрессѣ 1899 г., амстердамской конференціи 1901 г. и парижской конференціи 1902 г., созванныхъ для выработки мѣръ борьбы съ торгомъ женщинами, а также на будапештскомъ и петербургскомъ съѣздахъ международнаго союза криминалистовъ (въ 1899 и 1902 гг.).

Торгъ женщинами получилъ развитіе со времени введенія системы правительственной регламентаціи проституціи. Такая регламентація, дѣлая возможнымъ открытое содержаніе публичныхъ домовъ съ обширнымъ контингентомъ проститутокъ *), тѣмъ самымъ создаетъ рынки для сбыта «живого товара», который въ публичныхъ домахъ быстро изнашивается и потому нуждается въ постоянномъ обновленіи: путемъ анкетъ и наблюденій установлено, что въ среднемъ проститутки остаются въ домѣ терпимости не болѣе 5—6 лѣтъ; изъ ночи въ ночь повторяющіяся оргіи, отравленіе алкоголемъ и сифилисомъ быстро подтачиваютъ ихъ здоровье, и переходя изъ «заведенія» въ «заведеніе», начиная съ наиболѣе фешенебельнаго и кончая притономъ самаго низкаго пошиба, онѣ, преждевременно дряхлыя, выбрасываются на улицу.

Торговля «рабынями веселья» существуетъ уже очень давно, но только за послѣднія 20—30 лѣтъ она получила международный характеръ. За это время она сдѣлалась такимъ же больнымъ вопросомъ, какимъ нѣкогда была торговля неграми—la traite des noirs. Отсюда произошло сдѣлавшееся техническимъ названіе торговли женщинъ—la traite des blanches.

Въ Англіи имѣются цѣлыя предпріятія для торговли женщинами съ филіальными отдѣленіями на континентѣ. Главными мѣстами сбыта являются Трансвааль и Южная Америка. Мѣста, откуда по преимуществу выво-

*) Въ Россіи въ началѣ девяностыхъ годовъ было 1,216 домовъ терпимости; въ 1895 г. въ одномъ Петербургѣ числилось 618 проститутокъ, проживающихъ въ домахъ терпимости. Съ тѣхъ поръ эти цифры должны были значительно вырасти. Въ 1895 г. въ парижскихъ публичныхъ домахъ было только *иностранокъ* 451, изъ нихъ 18—русскихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что официальныя цифры гораздо меньше дѣйствительныхъ.

зятся несчастныя жертвы позорнаго промысла,—Богемія, Галиція, Польша и южная Россія. Между прочимъ, къ числу наиболѣе извѣстныхъ рынковъ «живого товара» принадлежитъ г. Бѣлостокъ. Сотнямъ еврейскихъ женщинъ, охваченныхъ кошмаромъ ужасной дѣйствительности, мерещится вдали, за океаномъ, «блаженная страна», гдѣ онѣ сумѣютъ выбиться изъ нищеты, и гдѣ надъ ними не будетъ тяготѣть проклятіе родины-мачехи. Онѣ вѣрятъ—имъ такъ хочется вѣрить—обѣщаніямъ вербовщиковъ, которые сулятъ имъ въ заморскихъ краяхъ честныя и хорошія мѣста, а отвозятъ ихъ въ публичные дома Буэносъ-Айреса и Ріо-Жанейро, гдѣ больше половины проститутокъ—эмигрантки изъ Россіи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ «зухерамъ» (такъ называются лица, профессію которыхъ составляетъ вербовка молодыхъ женщинъ для притоновъ разврата) не приходится прибѣгать къ обману, и законтрактованныя ими женщины знаютъ, на что онѣ идутъ. Но куда же и идти изъ страны великой скорби и нищеты, куда идти, когда душа полна отчаянія и когда нѣтъ другого спасенія отъ голода себя самой и своей семьи? Если бы русское правительство отказалось отъ политики угнетенія еврейскаго населенія, оно сдѣлало бы больше для дѣла борьбы съ торговлей бѣлыми невольницами, чѣмъ своимъ проектомъ, содержащимъ въ себѣ одни только нарательныя постановленія. Разсчитываетъ ли министерство юстиціи уголовными законами «пресѣчь» торгъ женщинами въ цѣляхъ разврата, когда нигдѣ этотъ «товаръ» не стоитъ такъ дешево, какъ въ Россіи, гдѣ были обнаружены случаи продажи дѣвочекъ по 30 руб. за каждую (см. лекцію А. Ф. Кони, прочитанную 22 марта 1901 г. въ Соляномъ городкѣ).

Проектъ министерства юстиціи воспроизводитъ съ нѣкоторыми измѣненіями примѣнительно къ заключеніямъ парижской конференціи 1902 г. постановленія (утвержденнаго 22 марта 1903 г., но до сихъ поръ не введеннаго въ дѣйствіе) Уголовнаго Уложенія, предусматривающія задержаніе женщины, вопреки ея волѣ, въ притонѣ разврата, сводничество, принужденіе женщины къ занятію «непотребствомъ», склоненіе женщины, не достигшей совершеннолѣтія, къ выѣзду изъ Россіи «съ цѣлью обратить такое лицо на промыселъ непотребствомъ внѣ предѣловъ Россіи», сутенерство, «вербованіе въ видѣ промысла, съ цѣлью полученія имущественной выгоды, лицъ женскаго пола, для обращенія ими непотребства въ промыселъ въ притонахъ разврата», принятіе несовершеннолѣтней въ такой притонъ. (Кромѣ того, проектъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя процессуальныя постановленія, не представляющія интереса для читателей—не юристовъ). Какъ видно изъ этого перечня, содержаніе этого проекта шире его названія. Его постановленія направлены вообще противъ различныхъ видовъ эксплоатированія проституціи.

По существу, противъ этихъ постановленій трудно что-либо возразить, но, конечно, для той цѣли, ради которой выработанъ законопроектъ, они совершенно недостаточны, такъ какъ въ проектѣ спеціальныхъ мѣръ борьбы противъ злоупотребленій нуждою, безпомощностью или физическою сла

бостью женщинъ въ цѣляхъ разврата, конечно, на первомъ планѣ должны стоять мѣры административнаго, а не уголовнаго характера. Можно ли разсчитывать, что постановленія о наказуемости задержанія въ публичныхъ домахъ будутъ примѣняться со всею строгостью, пока эти дома будутъ оставаться въ вѣдѣніи полиціи, которая въ случаяхъ столкновенія хозяевъ съ проститутками почти всегда становится на сторону хозяевъ, вносящихъ въ бюджетъ полицейскихъ чиновниковъ весьма доходную статью. По свидѣтельству С. К. Гогеля *), между полиціею и хозяевами публичныхъ домовъ обычно существуютъ столь тѣсныя отношенія, что, когда отъ чиновъ полиціи, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по должности, требуется въ видѣ мѣры пресѣченія представленіе залога, то послѣдній зачастую представляется содержателями публичныхъ домовъ. Лишь очень рѣдко эти отношенія становятся предметомъ судебнаго разбирательства, но когда это случается, на судѣ раскрываются подробности, живописующія блюстителей общественной нравственности такими чертами, которыя низводятъ ихъ на одинъ уровень съ состоящими подъ ихъ надзоромъ хозяевами вертеповъ. Стоитъ только вспомнить о процессахъ кронштадтскаго полицеймейстера Головачева, николаевскаго—Берклева и уральскаго—Саратовцева, которые эксплоатировали сами публичные дома, хотя и подъ чужимъ именемъ. Поэтому, если только вообще дома терпимости и могутъ быть допускаемы,—а это весьма спорно **),—то они во всякомъ случаѣ должны быть изъяты изъ вѣдѣнія полиціи и поставлены подъ надзоръ органовъ самоуправленія, какъ это проектировалъ С. К. Гогель въ своемъ докладѣ лондонскому конгрессу 1899 г.

Далѣе, если только особый надзоръ за промысломъ разврата необходимъ, то спеціальнымъ закономъ должно быть опредѣленно подтверждено то начало, которое было высказано рѣшеніемъ общаго собранія сената 1892 г. за № 7, и которое на практикѣ почти повсемѣстно игнорируется, а именно, что этому надзору женщины подчиняются лишь по собственному ихъ желанію; если же женщина не желаетъ официально вступить въ ряды проститутокъ и тѣмъ не менѣе продолжаетъ предаваться разврату *по ремеслу*, то она можетъ быть привлечена къ отвѣтственности за тайную проституцію. Между тѣмъ у насъ, по словамъ проф. Тарновскаго, «на пять добровольныхъ записей въ число публичныхъ женщинъ въ большихъ городахъ приходится одно зачисленіе по настоянію полиціи противъ желанія самой женщины». Можно ли съ надеждою на успѣхъ объявлять войну «паразитамъ проституціи», когда полиція сама пополняетъ кадры проститутокъ, насильственно вручая, не смущаясь никакими мольбами, желтые

*) Вопросы уголовнаго права, процесса и тюрьмовѣдѣнія. Спб., 1906 г., стр. 256.

**) Г. Елистратовъ въ своей страстно написанной книгѣ о „прикрѣпленіи женщинъ къ проституціи“ (Казань, 1903 г.) горячо доказываетъ, что „пока открыто допускаются поднадзорные вертепы, раціональная борьба съ профессіональнымъ сводничествомъ и съ торговлею дѣвушками,—ихъ покупкою и продажою въ цѣляхъ разврата,—немыслима“.

билеты часто ни въ чемъ неповиннымъ женщинамъ по одному только подозрѣнію въ «распутствѣ» *)?

Конечно, реформа надзора за проституціею въ цѣляхъ предупрежденія эксплоатаціи ея не можетъ входить въ задачи министерства юстиціи, но вѣдь для того у насъ и существуетъ совѣтъ министровъ, чтобы объединять дѣятельность отдѣльныхъ министерствъ. Если зло закабаленія проституткъ такъ велико, какъ объ этомъ говорится въ министерскомъ проектѣ, то для искорененія его должны были бы быть приняты всѣ нужныя мѣры, независимо отъ того, къ вѣдомству какого министерства онѣ относятся. Такой же законъ, какой проектируетъ министерство юстиціи, будетъ, правда, служить показателемъ, что русское правительство прислушивается къ голосу ученыхъ конференцій и международныхъ конгрессовъ, но на дѣлѣ, какъ нетрудно предвидѣть, окажется мало полезнымъ украшеніемъ нашего уголовнаго законодательства.

II.

Проектъ объ изданіи Положенія о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ предполагаетъ, главнымъ образомъ, лишь законодательное признаніе фактически уже существующихъ правъ исправительныхъ заведеній и уже установившихся отношеній между правительствомъ и этими заведеніями. Проектъ предусматриваетъ съѣзды представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній для объединенія дѣятельности этихъ заведеній и для выясненія возникающихъ на практикѣ вопросовъ исправительнаго воспитанія, но такіе съѣзды уже и ранѣе, начиная съ 1881 г., безпрепятственно собирались; проектъ дозволяетъ воспитательно-исправительнымъ заведеніямъ производить сборы въ церквахъ, выставлять кружки для сбора пожертвованій, устраивать концерты и т. п., но все это и ранѣе дѣлалось и впредь могло дѣлаться безъ особаго законодательнаго разрѣшенія: проектъ предоставляетъ воспитательно-исправительнымъ заведеніямъ давать своимъ питомцамъ, въ награду за хорошее поведеніе, кратковременные отпуски къ роднымъ, но и этимъ правомъ исправительныя заведенія уже раньше пользовались съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Едва ли не самыми цѣнными постановленіями проекта являются ст. ст. 25 и 26. Изъ нихъ первая запрещаетъ примѣ-

*) Г. Рубиновскій въ статьѣ „Повинность разврата“ (*Вѣстникъ Права*, 1905 г № 8) приводитъ рядъ прямо-таки ужасающихъ примѣровъ полицейскаго произво въ дѣлѣ „надзора за общественною нравственностью“. Симферопольскій полицеймейстеръ распорядился выдать желтый билетъ замужней женщинѣ оттого только, чт нашелъ ее въ пивной ея же мужа и несмотря на протесты послѣдняго; въ Одес къ нѣкой Амфановой, молодой и красивой дѣвушкѣ, утромъ, когда она еще была в постели, ворвался полицейскій чиновникъ и потребовалъ обмѣна ея паспорта на п фессіональный билетъ проститутки. Не найдя нигдѣ правосудія, дѣвушка съ ножо въ рукахъ отомстила за свою поруганную честь. Аналогичныхъ случаевъ много.

ненiе къ питомцамъ исправительныхъ заведенiй тѣлесныхъ наказанiй и заключенiя въ карцерѣ. Ст. 26 устраняетъ совершенно безполезное уголовное преслѣдованiе несовершеннолѣтняго, уже помѣщеннаго въ исправительное заведенiе, за такое дѣянiе, за которое онъ по закону подлежитъ отдачѣ въ исправительное же заведенiе или подъ отвѣтственный надзоръ. Въ этомъ случаѣ уголовное преслѣдованiе, каковъ бы ни былъ его исходъ, не можетъ оказать вліянiя на судьбу несовершеннолѣтняго, а между тѣмъ вызовы несовершеннолѣтнихъ въ судъ, сопровождаемые иногда при отдаленности мѣста суда отъ мѣста нахожденiя заведенiя временнымъ помѣщенiемъ вызваннаго въ тюрьму или арестный домъ, отражаются весьма пагубно на уже начатомъ дѣлѣ его исправленiя (Объясн. записокъ проекту, стр. 36). Покойный В. В. Миклашевскiй, самъ стоявшiй во главѣ образцоваго исправительнаго заведенiя, говорилъ, что «нѣтъ другого вмѣшательства, приносящаго столько вреда для заведенiя, какъ входъ въ него судебной власти» *).

Непонятно, почему министерство юстицiи не сочло возможнымъ распространить ст. 26 на всѣхъ питомцевъ исправительныхъ заведенiй, ограничивъ ея примѣненiе несовершеннолѣтними, помѣщенными въ исправительное заведенiе по *опредѣленiю или приговору суда*. Въ объяснительной запискѣ по этому поводу говорится: «помѣщенiе ребенка въ воспитательно-исправительное заведенiе въ качествѣ административно-полицейской мѣры не можетъ останавливать дѣйствiя суда». Но, вѣдь, по общему правилу приговоръ, состоявшiйся по одному дѣлу, также не можетъ останавливать дѣятельности суда по другому уголовному дѣлу. Сочло же возможнымъ министерство юстицiи сдѣлать исключенiе изъ этого общаго начала въ интересахъ огражденiя несовершеннолѣтняго отъ развращающихъ вліянiй тюрьмы и судебной процедуры. По тѣмъ же соображенiямъ цѣлесообразности министерство юстицiи должно было бы правило о невозбужденiи уголовнаго преслѣдованiя въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не можетъ повлечь за собою удаленiя несовершеннолѣтняго изъ исправительнаго заведенiя, распространить также на всѣхъ «безпрiютно-безпризорныхъ» дѣтей, помѣщенныхъ въ исправительныя заведенiя по распоряженiю правительственныхъ учрежденiй, а также комитетовъ, правленiй и совѣтовъ обществъ, завѣдующихъ воспитательно-исправительными заведенiями. Замѣтимъ, что въ положенiяхъ, которыя были выработаны пятымъ съѣздомъ представителей исправительныхъ заведенiй для малолѣтнихъ, и на которыя министерство юстицiи ссылается, какъ на первоисточникъ статьи 26, не содержится того ограниченiя правила о невозбужденiи уголовнаго преслѣдованiя противъ питомцевъ исправительныхъ заведенiй, которое предположено министерскимъ проектомъ **).

---

*) Труды пятаго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведенiй для малолѣтнихъ, стр. 71.

**) Ibidem, стр. 531.

Однако, не въ этой подробности, конечно, заключается важнѣйшій недостатокъ проекта. Послѣдній лишенъ сколько-нибудь крупнаго значенія потому, что въ немъ правительство не беретъ никакихъ обязательствъ на себя въ выполненіи столь важной для общества и государства и вмѣстѣ съ тѣмъ столь благодарной задачи, какъ задача исправленія и воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Правда, по ст. 2 проекта «воспитательно-исправительныя заведенія учреждаются *правительствомъ*, земствомъ, городами, духовными и иными установленіями, а также частными обществами и лицами», но вѣдь и по смыслу дѣйствующаго нынѣ закона забота объ устройствѣ названныхъ заведеній лежитъ прежде всего на правительствѣ, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ съ 1867 г., когда законъ былъ изданъ, ни одного казеннаго правительственнаго заведенія въ Россіи не учреждено. Между тѣмъ, какъ указывалъ Е. Тарновскій въ докладѣ шестому съѣзду представителей исправительныхъ заведеній, существующіе въ Россіи пріюты, учрежденные и содержимые, за немногими исключеніями, частными обществами, вмѣщаютъ въ себя лишь около 20% изъ всего числа подлежащихъ помѣщенію въ пріюты малолѣтнихъ осужденныхъ *).

Въ проектѣ или, вѣрнѣе, въ объяснительной запискѣ къ нему правительство старательно отстраняетъ отъ себя сколько-нибудь широкое участіе въ дѣлѣ содержанія воспитательно-исправительныхъ заведеній. При обсужденіи закона 2 іюня 1897 г. въ Государственномъ Совѣтѣ была высказана мысль, что одинъ разрядъ исправительныхъ заведеній, а именно заведенія для несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ, правительство должно принять на себя. По этому поводу въ объяснительной запискѣ къ проекту министра юстиціи читаемъ: «Такое подраздѣленіе исправительно-воспитательныхъ заведеній на два разряда, въ зависимости отъ возраста помѣщаемыхъ въ нихъ несовершеннолѣтнихъ, *представлялось бы соотвѣтствующимъ существу дѣла во многихъ отношеніяхъ;* но на пути къ его практическому осуществленію встрѣчаются препятствія со стороны денежныхъ средствъ, которыя потребовались бы отъ государственнаго казначейства».—Какъ показываетъ опытъ, и какъ это само собою понятно, частыя перемѣны въ составѣ педагогическаго персонала не могутъ не отражаться весьма неблагопріятно на ходѣ дѣла въ исправительныхъ заведеніяхъ. Это отмѣчается и въ объяснительной запискѣ къ проекту министра юстиціи. Въ ней же вмѣстѣ съ тѣмъ указывается, что у служащихъ по исправительному воспитанію наблюдается естественное стремленіе къ перемѣнѣ своихъ занятій на другія, болѣе обезпечивающія. Однимъ изъ средствъ обезпеченія исправительнымъ пріютамъ болѣе или менѣе постояннаго педагогическаго персонала является назначеніе входящимъ въ составъ его лицамъ пенсій, но и въ такой формѣ,—въ формѣ назначенія пенсій служащимъ въ исправительныхъ заведеніяхъ,—прави-

*) „Труды шестого съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній", Москва, 1904 г., стр. 385.

тельство не хочетъ оказать поддержки этимъ заведеніямъ. «Само собою разумѣется,—говорится въ объяснительной запискѣ,—что предоставленіе педагогическому персоналу воспитательно-исправительныхъ заведеній пенсій изъ государственнаго казначейства было бы невозможно».

Изъ всѣхъ формъ преступности нѣтъ ни одной, которая въ большей мѣрѣ выдавала бы пороки, разъѣдающіе общество, чѣмъ дѣтская преступность. Изъ всѣхъ формъ борьбы съ уже проявившимися преступными наклонностями нѣтъ ни одной, раціональность которой была бы менѣе подвержена сомнѣнію, чѣмъ помѣщеніе дѣтей въ исправительные пріюты. Можетъ ли въ виду этихъ соображеній министерство юстиціи, проектирующее увеличить съ 1908 г. размѣръ кредита, отпускаемаго на содержаніе тюремной стражи, на 320 тысячъ рублей, въ то же время оттовариваться неимѣніемъ средствъ на содержаніе исправительныхъ пріютовъ? Какъ?! У правительства нѣтъ денегъ для того, чтобы избавить отъ ужасовъ тюремнаго заключенія, если не всѣхъ, то многихъ изъ тѣхъ двухъ съ лишнимъ тысячъ несовершеннолѣтнихъ, которые ежегодно приговариваются къ тюремному заключенію или къ заключенію въ особыхъ помѣщеніяхъ при тюрьмахъ и арестныхъ домахъ *), а деньги на проложеніе въ Персіи дороги, по которой въ теченіе восьми мѣсяцевъ проѣхало три пассажира, на субсидію пѣвцу, потерпѣвшему фіаско на нижегородской ярмаркѣ, на пріобрѣтеніе совершенно негодныхъ минныхъ катеровъ, за которые заплачено въ 3—4 раза дороже ихъ дѣйствительной стоимости **),—на все это и на многіе другіе болѣе значительные и столь же непроизводительные расходы у правительства деньги были?!

III.

Проектъ о введеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи—самый краткій изъ всѣхъ проектовъ. И немудрено, такъ какъ защиты на предварительномъ слѣдствіи онъ, вопреки своему названію, не вводитъ. Какъ правильно указалъ г. В. Набоковъ ***), болѣе подходящимъ названіемъ проекта было бы: «Законопроектъ объ измѣненіи порядка заключенія слѣдствія и обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій». Конечно, составитель объяснительной записки къ проекту начинаетъ съ заявленія, что «цѣлымъ рядомъ научныхъ изслѣдованій и законодательными работами иностранныхъ государствъ выяснена необходимость возможно бо̀льшаго приближенія предварительнаго слѣдствія къ началамъ обвинительнаго про-

*) По даннымъ, приведеннымъ Тарновскимъ въ упомянутомъ выше докладѣ, за трехлѣтіе съ 1899 г. по 1901 г. подлежащихъ къ заключенію въ пріютъ было 9,000 несовершеннолѣтнихъ, тогда какъ въ дѣйствительности въ пріюты могло быть помѣщено не болѣе 2,050.

**) *И. Х. Озеровъ:* „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги", Москва, 1907 г., стр. 33, 61, 185.

***) *Право,* 1907 г., № 14.

цесса», и что «первымъ и наиболѣе важнымъ шагомъ» для такого приближенія является допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи.

(Обвинительнымъ или *состязательнымъ* процессомъ, въ отличіе отъ слѣдственнаго, называется процессъ, состоящій въ спорѣ двухъ равноправныхъ сторонъ передъ третьимъ лицомъ—судьею, постановляющимъ окончательный приговоръ или производящимъ только слѣдствіе.) Едва читатель успѣваетъ проникнуться этою весьма справедливою мыслью, какъ составитель записки уже спѣшитъ разочаровать его. «*Однако,*—заявляетъ онъ, нисколько не смущаясь,—отсутствіе въ этой стадіи процесса (то-есть въ стадіи предварительнаго слѣдствія) какъ у насъ, такъ и во всѣхъ континентальныхъ государствахъ Европы состязательнаго начала... создаетъ немаловажныя затрудненія при разрѣшеніи вопроса объ огражденіи правъ обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи путемъ защиты» (стр. 17). Недоумѣвающій читатель чувствуетъ, что онъ попалъ въ заколдованный кругъ: съ одной стороны, допущеніе защиты является «первымъ и важнымъ шагомъ» для преобразованія предварительнаго слѣдствія по пути состязательнаго процесса, съ другой—введенію защиты на предварительномъ слѣдствіи препятствуетъ отсутствіе въ немъ состязательнаго начала.

Что касается возраженій, лежащихъ внѣ этого заколдованнаго круга, то ихъ въ объяснительной запискѣ два: 1) пока улики не приведены въ ясность, представляется опаснымъ для правосудія вооружить лицо, навлекшее на себя подозрѣніе въ совершеніи преступленія, содѣйствіемъ опытнаго совѣтчика; 2) участіе защиты въ предварительномъ слѣдствіи само собою предполагаетъ постоянное участіе въ немъ также прокурорскаго надзора, что невыполнимо при наличномъ составѣ чиновъ прокуратуры.

Первое возраженіе кажется совершенно вѣрнымъ, если въ уголовномъ процессѣ выдвигается на первый планъ только одна его цѣль, а именно, чтобы преступленіе не осталось ненаказаннымъ (impunitum non relinqui facinus), но оно весьма сомнительно, если не упускается изъ виду и вторая задача уголовнаго процесса: приведеніе дѣла въ такую ясность, чтобы невинный не былъ наказанъ (innocentem non condemnari). Ферри въ своей «Уголовной соціологіи» такъ опредѣляетъ отличіе матеріальнаго уголовнаго права отъ процессуальнаго: уголовное уложеніе есть законъ для преступниковъ (для злодѣевъ—per i birbanti); уголовно-судебный кодексъ есть гарантія для честныхъ людей, еще не признанныхъ преступниками. Съ этой точки зрѣнія законодатель долженъ быть больше всего озабоченъ, чтобы лицо, заподозрѣнное въ совершеніи преступленія, не было стѣснено въ средствахъ доказательства своей невинности. Противники защиты на предварительномъ слѣдствіи обыкновенно говорятъ, что для невиннаго лучшее средство оправдаться—говорить правду. Но развѣ правдивость показанія помогла Дмитрію Карамазову въ безспорно реальномъ романѣ Достоевскаго и развѣ искренность спасла Маслову въ безсмертномъ произведеніи великаго писателя,—произведеніи, для котораго если не вся фабула, то, по крайней мѣрѣ, исторія процесса Масловой взята изъ дѣйствительной жи

зни? А между тѣмъ при опытномъ руководительствѣ защитника и Карамазовъ, и Маслова могли бы не попасть на скамью подсудимыхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, когда начало гарантіи личной свободы получитъ въ уголовномъ процессѣ должное развитіе, указанное возраженіе противъ защиты на предварительномъ слѣдствіи станетъ такъ же невозможнымъ, какъ стало невозможнымъ возражать противъ защиты при окончательномъ разбирательствѣ дѣла, хотя цѣлесообразность ея и въ этой стадіи производства прежде горячо оспаривалась.

Опасность защиты на предварительномъ слѣдствіи, по мнѣнію составителя записки, въ нашемъ процессѣ тѣмъ болѣе велика, что у насъ нѣтъ отдѣльнаго отъ слѣдственной части правильно организованнаго розыска, въ смыслѣ предварительнаго, до поступленія дѣла къ судебному слѣдователю, собиранія особыми органами доказательствъ, изобличающихъ виновника преступнаго дѣянія. Этого указанія на сліяніе у насъ розыска съ предварительнымъ слѣдствіемъ, трудно устранимое, въ виду крайне неудовлетворительнаго устройства у насъ полицейской части, нельзя оспаривать, но изъ него логически вытекаетъ не отказъ защитѣ въ правѣ участвовать въ предварительномъ слѣдствіи, а лишь устраненіе ея отъ участія въ тѣхъ совершаемыхъ слѣдователемъ дѣйствіяхъ, которыя имѣютъ не слѣдственный, а розыскной характеръ, т.-е. дѣйствіяхъ, которыя направлены не на провѣрку или разсмотрѣніе уже наличныхъ доказательствъ, а на собираніе, отысканіе доказательствъ. Ясно, что, пока слѣдователь самъ бродитъ въ потьмахъ, еще только, такъ сказать, нащупываетъ доказательства, защита была бы неумѣстна, такъ какъ опытный защитникъ, даже дѣйствуя вполнѣ добросовѣстно, но увлекаясь интересами защиты, могъ бы сбить слѣдователя съ правильнаго пути, но когда путь разслѣдованія дѣла намѣченъ уже, защитникъ, безопасный для правосудія, можетъ оказаться полезнымъ для него.

Составитель записки цитируетъ соображенія тайнаго совѣтника Карніолинъ-Пинскаго, который въ стилѣ, достойномъ нашего геніальнаго сатирика, пишетъ: «Защитникъ не понесетъ наказанія за совѣтъ, который онъ подаетъ на запирательства; затѣмъ, какъ строгъ бы ни былъ надзоръ слѣдователя, но онъ не можетъ предупредить ни намековъ, ни взглядовъ, ни потаенныхъ знаковъ при свиданіи обвиняемаго съ защитникомъ; чѣмъ преступнѣе обвиняемый, тѣмъ болѣе ловкаго, пронырливаго и менѣе добросовѣстнаго защитника избираетъ онъ, и для подобнаго человѣка довольно одного взгляда на бумаги слѣдователя, чтобы устроить по-своему все предстоящее производство». Г. Карніолинъ-Пинскому всѣ защитники рисуются похожими на того щедринскаго адвоката, который въ каютѣ парохода пугалъ своихъ попутчиковъ разсказами о томъ, какъ ему ничего не стоитъ «кругомъ пальца обвернуть всякое дѣло» и «безъ мыла куда хочешь влѣзть» («Благонамѣренныя рѣчи»). Намъ казалось бы, что министерство юстиціи должно бы быть лучшаго мнѣнія о представителяхъ судебнаго вѣдомства и не приводить цитатъ, въ которыхъ судебные дѣя-

тели изображаются неспособными противостоять «тлетворному дыханію адвокатуры».

Не болѣе убѣдительнымъ представляется и второе возраженіе противъ защиты на предварительномъ слѣдствіи. Оно покоится на ошибочномъ допущеніи, что защита невозможна безъ обвиненія, или что обвиненіе является непремѣннымъ процессуальнымъ коррелатомъ защиты. Если бы это было такъ, то слѣдовало бы признать, что не только защита на предварительномъ слѣдствіи приводитъ къ необходимости участія въ дѣлѣ представителя обвиненія, но и, наоборотъ, представитель обвиненія можетъ быть допускаемъ къ участію въ предварительномъ слѣдствіи лишь при условіи такого же участія защитника. А такъ какъ, по уст. уг. судопр., прокуроры и ихъ товарищи имѣютъ право знакомиться съ дѣломъ во время предварительнаго слѣдствія, присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и предъявлять слѣдователю *требованія* по всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленій и собранію доказательствъ, то вытекающій отсюда выводъ ясенъ: онъ не въ пользу позиціи, занятой министерствомъ юстиціи по отношенію къ защитѣ на предварительномъ слѣдствіи.

Что же вноситъ новаго въ наше процессуальное право разсматриваемый министерскій законопроектъ?

1. Онъ разрѣшаетъ обвиняемому, уже по окончаніи предварительнаго слѣдствія, просить слѣдователя о предъявленіи слѣдственнаго производства защитнику. Если защитникъ укажетъ на какія-либо новыя обстоятельства, то слѣдователь обязанъ ихъ провѣрить, если, *по его мнѣнію*, они могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе его дѣла. Но предпринятыя для этой провѣрки дополнительныя дѣйствія производятся *во всякомъ случаѣ не въ присутствіи защитника обвиняемаго* (ст. 477).

Такъ какъ отъ самого слѣдователя зависитъ признать указанныя защитникомъ обстоятельства могущими или немогущими имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла, то понятно, что слѣдователь легко можетъ уклониться отъ провѣрки ихъ. Правда, законопроектъ обязываетъ его въ случаѣ оставленія ходатайства защиты о провѣркѣ новыхъ обстоятельствъ безъ удовлетворенія—письменно мотивировать свой отказъ. Но такъ какъ, по толкованію сената, которое раздѣляется и составителемъ объяснительной записки къ проекту, обвиняемый не имѣетъ права указывать въ кассаціонной жалобѣ на неполноту слѣдствія, то ясно, что эта мотивировка превратится въ ничего незначащую формальность.

2. Проектъ предоставляетъ обвиняемымъ право уполномочивать повѣренныхъ на обжалованіе отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Понятно, что это право могло бы имѣть значеніе только для обвиняемыхъ, заключенныхъ подъ стражу, такъ какъ обвиняемые, оставленные на свободѣ, и безъ особаго разрѣшенія закона могутъ пользоваться услугами повѣренныхъ для составленія жалобъ отъ своего имени. Между тѣмъ авторъ законопроекта позаботился о томъ, чтобы сдѣлать для заключенныхъ подъ

стражей право обращенія къ услугамъ повѣренныхъ почти фиктивнымъ, внеся статью, согласно которой «свиданія обвиняемаго съ защитникомъ допускаются не иначе, какъ подъ надлежащимъ присмотромъ, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, *когда судебный слѣдователь по ходу слѣдствія признаетъ это возможнымъ*» *).

По проекту, для участія въ предварительномъ слѣдствіи защитники не назначаются; обвиняемымъ въ этой стадіи производства предоставляется пользоваться лишь защитою по соглашенію. Укажемъ, что по французскому уст. уг. суд. защитникъ обвиняемому на предварительномъ слѣдствіи можетъ быть назначенъ отъ суда. По этому поводу составитель объяснительной записки къ министерскому проекту не забываетъ отмѣтить: «на будапештскомъ съѣздѣ международнаго союза криминалистовъ 1899 года было удостовѣрено, что представители французскаго адвокатскаго сословія большею частью уклоняются отъ участія на предварительномъ слѣдствіи». Но подписавшій объяснительную записку г. Щегловитовъ, самъ принимавшій участіе въ работахъ петербургскаго съѣзда международнаго союза криминалистовъ, не могъ не знать, какъ горячо на этомъ съѣздѣ профессоръ парижскаго университета Гарсонъ протестовалъ противъ утвержденія, будто законъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи остался во Франціи безъ примѣненія на практикѣ **).

Нельзя не отмѣтить, что страницы объяснительной записки, озаглавленныя «Постановка вопроса о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи въ западноевропейскихъ законодательствахъ», производятъ впечатлѣніе случайности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній. Почему изъ швейцарскихъ законодательствъ упоминается только женевское и невшательское? Почему относительно женевскаго процессуальнаго кодекса сообщается, что онъ даетъ защитнику факультативное право присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, но не упоминается, что по дѣламъ о преступленіяхъ (въ техническомъ смыслѣ слова, въ отличіе отъ проступковъ и правонарушеній) защитникъ назначается *обязательно*, по желанію же прокурора или обвиняемаго слѣдствію придается вполнѣ состязательный характеръ (art. 61 и слѣд.)? Почему авторъ не далъ себѣ труда классифицировать различныя формы участія защиты въ предварительномъ слѣдствіи по ихъ типичнымъ чертамъ, чѣмъ, конечно, задача сопоставленія проектируемыхъ министерствомъ юстиціи постановленій съ иностранными законодательствами была бы значительно облегчена?

Въ 1901 г. въ статьѣ, помѣщенной въ № 34 *Права*, г. Щегловитовъ писалъ: «Распространяться о необходимости коренной реформы нашего

---

*) Съ редакціонной стороны обращаетъ на себя вниманіе, что постановленіе, разрѣшающее обвиняемому, заключенному подъ стражею, свиданія только подъ надлежащимъ присмотромъ, повторяется въ проектѣ почему-то два раза въ ст. 432^1 и 476^2.

**) Mitteilungen der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung, 10 B., H. 2, Berlin, 290, 291.

слѣдственнаго производства мы считаемъ излишнимъ. Неотложность ея достаточно закрѣплена обширными указаніями практическаго опыта и наблюденія». Теперь г. Щегловитовъ вноситъ въ Государственную Думу проектъ, который, конечно, онъ не рѣшился бы назвать коренной реформой предварительнаго слѣдствія.

IV.

Проектъ о введеніи состязательнаго начала въ обрядѣ преданія суду. Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого мѣропріятія, мы должны сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній для читателя, незнакомаго или мало знакомаго съ уголовнымъ процессомъ.

Актъ преданія суду является посредствующимъ между предварительнымъ разслѣдованіемъ дѣла и окончательнымъ разбирательствомъ его, завершающимся постановленіемъ приговора. Этотъ актъ состоитъ въ судебной провѣркѣ, насколько предварительно собранныя данныя представляются достаточными для того, чтобы посадить лицо, противъ котораго возбуждено обвиненіе, на скамью подсудимыхъ. Преданіе суду возлагается или на представителя обвиненія, или на судебное учрежденіе. Нормальнымъ можетъ быть признанъ только второй порядокъ преданія суду, такъ какъ органъ, на которомъ лежитъ обязанность публичнаго обвиненія нарушителя уголовнаго закона, по самому роду отправляемой имъ функціи, не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ въ дѣлѣ оцѣнки доказательствъ вины или невинности лица, подозрѣваемаго въ совершеніи преступнаго дѣянія. Когда же преданіе суду выполняется судебнымъ учрежденіемъ—особымъ судомъ присяжныхъ (англо-американская система) или коронннымъ судомъ (французская система),—оно неизбѣжно превращается въ довольно сложную процедуру, замедляющую движеніе дѣла. Поэтому судебный порядокъ преданія суду повсюду примѣняется лишь къ важнѣйшимъ дѣламъ, т.-е. къ дѣламъ о преступленіяхъ, совершеніе которыхъ угрожаетъ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніемъ.

У насъ преданіе суду, осуществляемое судебною палатой, примѣняется лишь въ дѣлахъ, подвѣдомыхъ суду присяжныхъ, а такими являются дѣла о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Обрядъ преданія суду по нашимъ судебнымъ уставамъ представляется сколкомъ съ французскаго. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: прокуроръ окружнаго суда (или его товарищъ), получивъ отъ слѣдователя законченное предварительное слѣдствіе, если не находитъ нужнымъ дополнить его, составляетъ или заключеніе о прекращеніи его или обвинительный актъ, который черезъ прокурора судебной палаты поступаетъ в уголовное отдѣленіе послѣдней. Въ отличіе отъ французскаго Code d'instruction criminelle, судебные уставы не указываютъ срока, въ теченіе котораго обвинительный актъ долженъ быть доложенъ въ камерѣ предан

суду. На практикѣ время нахожденія дѣла въ обвинительной камерѣ *со дня его поступленія* до дня его доклада въ с.-петербургской судебной палатѣ=19 днямъ, въ московской судебной=36 днямъ, тогда какъ во Франціи генералъ-прокуроръ (состоящій при апелляціонномъ судѣ), обязанъ, по закону, доложить о дѣлѣ въ камерѣ преданія суду въ теченіе десяти дней *со времени полученія матеріаловъ предварительнаго слѣдствія* *). Внесенное въ судебную палату дѣло передается одному изъ членовъ ея уголовнаго департамента для изготовленія доклада. Выслушавъ докладъ, обвинительный актъ и заключеніе прокурора палаты или его товарища, судебная палата приступаетъ къ обсужденію дѣла. Обвиняемый и потерпѣвшій при этомъ не только не присутствуютъ, но, опять-таки въ отличіе отъ французскаго прототипа, не имѣютъ права представлять и письменныхъ объясненій по дѣлу. Въ результатѣ обсужденія дѣла палата или отвергаетъ обвинительный актъ, или составляетъ актъ о преданіи суду. Такъ какъ по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію суда присяжныхъ, обвинительный актъ непремѣнно поступаетъ для провѣрки (ревизіи) въ судебную палату, то изложенный порядокъ преданія суду называется *ревизіоннымъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является *слѣдственнымъ*, въ отличіе отъ состязательнаго, такъ какъ обвиняемому въ немъ не принадлежитъ никакой роли.

Министерство юстиціи въ своихъ новыхъ предположеніяхъ отправляется уже не отъ французскаго, а отъ австрійскаго образца, какъ на это прямо указывается въ приложенной къ проекту объяснительной запискѣ. Проектъ министерства юстиціи направленъ на то, чтобы, во-первыхъ, замѣнить въ процедурѣ преданія суду начало ревизіи началомъ обжалованія, и чтобы, во-вторыхъ, предоставить обвиняемому возможность участвовать самому или черезъ посредство защитника въ процедурѣ преданія суду судебною палатой. Посмотримъ, насколько желательно первое, и насколько второе нашло себѣ въ проектѣ дѣйствительное осуществленіе.

Въ основу австрійскаго закона, который, по выраженію Вульферта, представляетъ собою «замѣчательное соединеніе научной мысли и счастливой законодательной формулы, приспособленной къ реальнымъ потребностямъ процесса **), положена мысль, что настоящее назначеніе уголовнаго суда быть рѣшителемъ спора между обвинителемъ и обвиняемымъ, и что, поэтому, особый судебный порядокъ преданія суду умѣстенъ лишь въ томъ случаѣ, если обвиняемый возражаетъ противъ обвинительнаго акта. Мысль эта, будучи теоретически вѣрною, осуществленная практически, можетъ имѣть послѣдствіе, не соотвѣтствующее требованію наибольшей свободы суда, постановляющаго приговоръ, отъ всякихъ предубѣжденій противъ подсудимаго, а именно: если отъ самого обвиняемаго будетъ зависѣть потребовать разсмотрѣнія обвинительнаго акта особымъ органомъ преданія

*) *Garraud:* „Précis de droit criminel", Paris, 1901, стр. 682.

**) *Wulfert:* „Reforme de la procédure des mises en accusation", въ „Bulletin de Union Intern. de Droit Pénal", X, 264.

суду, то противъ лицъ, которыя этимъ правомъ не воспользуются, будетъ естественно создаваться презумпція ихъ виновности, между тѣмъ какъ дѣйствительнымъ поводомъ къ отказу отъ протеста противъ обвинительнаго акта могутъ быть желаніе сократить производство по дѣлу и надежда на судебное оправданіе. Мы вполнѣ соглашаемся съ В. Д. Набоковымъ *), что было бы болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать общимъ правиломъ разсмотрѣніе обвинительныхъ актовъ въ камерѣ преданія суду, предоставивъ обвиняемому право заявить *мотивированное* или немотивированное ходатайство о передачѣ дѣла непосредственно въ судъ.

Что касается допущенія обвиняемаго или его защитника къ участію въ процедурѣ преданія суду, то, конечно, оно желательно, но въ проведеніи этой мѣры, какъ и въ другихъ проектахъ, министерство юстиціи не сумѣло быть искреннимъ. Вѣдь если бы г. Щегловитовъ дѣйствительно считалъ «полезнымъ какъ въ видахъ всесторонняго освѣщенія дѣла въ обвинительной камерѣ, такъ и въ огражденіе интересовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ допускать ихъ или ихъ повѣренныхъ къ представленію судебной палатѣ словесныхъ объясненій **), то, разумѣется, онъ позаботился бы о томъ, чтобы эти лица были своевременно увѣдомляемы о времени слушанія дѣла. Между тѣмъ, проектъ устанавливаетъ лишь, что судебная палата обязана выслушать словесныя объясненія прибывшихъ въ засѣданіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (ст. 532), которымъ, такимъ образомъ, предоставляется самимъ хлопотать о выдачѣ имъ справки, когда слушается дѣло. Спрашивается, какимъ образомъ это могутъ сдѣлать заключенныя подъ стражу лица, если у нихъ нѣтъ ни повѣренныхъ, ни близкихъ, которые могли бы имѣть за нихъ «хожденіе по дѣлу». Составитель объяснительной записки къ проекту указываетъ, что такой порядокъ «имѣетъ мѣсто и нынѣ при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонной инстанціи, не вызывая на практикѣ какихъ-либо затрудненій». Что для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ неувѣдомленіе ихъ о слушаніи дѣла въ кассаціонномъ департаментѣ сената не вызываетъ никакихъ затрудненій, въ этомъ весьма позволительно сомнѣваться, но въ то время, какъ увѣдомленіе заинтересованныхъ лицъ о днѣ засѣданія по ихъ дѣлу въ сенатѣ, куда стекаются дѣла со всей безпредѣльной Россіи, и невозможно безъ ущерба для скорости въ отправленіи правосудія и въ огромномъ большинствѣ случаевъ было бы безполезно, такое же увѣдомленіе о времени слушанія дѣлъ въ обвинительной камерѣ (въ судебной палатѣ) не должно неизбѣжно сопровождаться замедленіемъ въ движеніи дѣлъ. Для того же, чтобы обязанность такого увѣдомленія не вызвала обремененія канцелярскаго дѣлопроизводства судебныхъ палатъ, можно было бы установить, чтобы оно дѣлалось лишь по желанію обвиняемаго, заявленному одновременно съ ходатайствомъ о перенесеніи на разсмотрѣніе обвинительной камеры распоряженія о преданіи его суду.

*) *Право*, 1907 г., № 15.

**) Объяснительная записка, стр. 28, 29.

V.

Проектъ объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ. Какъ ко всѣмъ остальнымъ, такъ и къ этому проекту приложена объяснительная записка. Составлена она приблизительно по тому же плану, какъ и записка къ проекту о введеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи. За широковѣщательнымъ началомъ, свидѣтельствующимъ, что министерство юстиціи стоитъ на высотѣ современной науки и принимаетъ ея выводы, слѣдуютъ разсужденія, смыслъ которыхъ заранѣе предрѣшаютъ зловѣщіе союзы «но» и «однако», и которые завершаются заключеніемъ, не оставляющимъ въ читателѣ сомнѣнія, что «вольная мысль», промелькнувшая было у автора записки въ началѣ ея, успѣла, пока дѣло дошло до заключенія, умереть въ оковахъ начальственныхъ предписаній.

Констатировавъ, что по дѣйствующему нашему праву лица прокурорскаго надзора устранены отъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія за должностныя преступленія, съ предоставленіемъ этого полномочія исключительно начальству обвиняемыхъ, составитель объяснительной записки весьма убѣдительно доказываетъ необходимость отмѣны заключающейся въ такомъ порядкѣ *административной гарантіи* для должностныхъ лицъ и устраненія «особыхъ судопроизводственныхъ преградъ, затруднявшихъ привлеченіе къ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ, совершившихъ преступленія по службѣ». Какъ нельзя лучше авторъ объяснительной записки уясняетъ всю несостоятельность административной гарантіи какъ съ теоретической, такъ и съ практической точекъ зрѣнія: съ теоретической—потому что, возлагая на административные органы совершенно несвойственныя имъ судебныя функціи, административная гарантія представляетъ собою рѣзкое нарушеніе начала раздѣленія властей; съ практической—потому что «сосредоточіе въ исключительномъ вѣдѣніи начальства всѣхъ полномочій по привлеченію служащихъ къ уголовной отвѣтственности, не удовлетворяя цѣлямъ быстрой, энергичной и дѣйствительной репрессіи должностныхъ преступленій, не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не подрывать вообще въ глазахъ населенія авторитета административной власти». Трудно повѣрить, но тѣмъ не менѣе фактъ, что послѣ столь здравыхъ разсужденій министерство юстиціи удерживаетъ въ проектѣ объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ, хотя и въ смягченномъ видѣ, административную гарантію, предоставляя чинамъ губернской администраціи весьма значительное вліяніе на преданіе суду лицъ, занимающихъ должности не выше пятаго класса (за исключеніемъ разнаго рода «служителей»), довѣряя (какъ и нынѣ) первому департаменту правительствующаго сената привлеченіе къ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею властью на должности не выше четвертаго класса, и сохранивъ безъ всякихъ измѣненій существующій порядокъ преданія суду «особъ» первыхъ трехъ классовъ.

Какъ не вспомнить еще разъ неувядаемой сатиры Щедрина. Читатель, вѣроятно, не забылъ писемъ «маменьки», которая въ наставленіе «милому сыну Николенькѣ» развивала такую теорію: «Есть люди высшіе, средніе и низшіе. Высшія лица опыты разные производятъ, а такъ безъ опытовъ нельзя, то и въ грѣхъ этимъ лицамъ ставить не слѣдуетъ. Низшій же человѣкъ, какъ скоро начинаетъ ненадлежащіе ему опыты производить, то сейчасъ же имъ воспламеняется—и оттого происходитъ злоумышленность». «Поэтому, другъ мой,—поучала маменька товарища прокурора,—ежели ты и видишь, что высшій человѣкъ проштрафился, то имѣй въ виду, что у него всегда есть въ отвѣтѣ: я по должности своей опыты производилъ. И все ему простится» («Благонамѣренныя рѣчи»).

Министерскій проектъ также дѣлитъ всѣхъ чиновниковъ на три категоріи: высшихъ, среднихъ и низшихъ. Къ низшимъ относятся «канцелярскіе служители всѣхъ вѣдомствъ и лица, занимающія низшія служительскія должности, а также лица, служащія въ правительственныхъ, городскихъ, сельскихъ и сословныхъ установленіяхъ по вольному найму, коимъ классовъ должности не присвоено».

Всѣ эти лица за преступныя дѣянія по службѣ привлекаются къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Для всѣхъ же своихъ болѣе значительныхъ и потому, въ случаѣ превышенія ими власти, болѣе опасныхъ агентовъ правительство желаетъ сохранить административную гарантію и притомъ тѣмъ болѣе серьезную, чѣмъ болѣе значительно служебное положеніе лица, обвиняемаго въ должностномъ преступленіи.

Читателей, интересующихся подробностями проекта о судебномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ, мы отсылаемъ къ статьѣ Е. М. Кулишера, помѣщенной въ № 3 *Русской Мысли* (1907 г.).

VI.

За недостаткомъ мѣста мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями по поводу *проектовъ объ условномъ осужденіи и объ условномъ досрочномъ освобожденіи*. Трудно, казалось бы, ожидать, что въ такихъ проектахъ, какъ эти два, можетъ прозвучать политическая нота, а между тѣмъ ее легко подмѣтить и безъ особой проницательности. По ст. I проекта объ условномъ осужденіи судъ въ правѣ постановить объ отсрочкѣ наказанія «по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, за учиненіе коихъ виновный присужденъ къ денежной пенѣ или взысканію не свыше пятисотъ рублей, къ аресту или къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не свыше одного года и четырехъ мѣсяцевъ». По ст. II проекта объ условномъ освобожденіи «приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ или работномъ домѣ на срокъ не менѣе восьми мѣсяцевъ, а также къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или домѣ, могутъ быть, съ ихъ согласія, условно освобождены изъ заключенія». Такимъ образомъ, ни условное осужденіе ни условное освобожденіе не примѣняются къ заключеннымъ въ крѣпост

а какъ извѣстно, наказанію заключеніемъ въ крѣпость подвергаются, главнымъ образомъ, политическіе преступники. Если бы только проектъ объ условномъ освобожденіи лишалъ права на досрочное освобожденіе заключенныхъ въ крѣпость, то можно было бы предположить, что министерство юстиціи поддалось вліянію лѣтъ научныхъ авторитетовъ, которые считаютъ принципіально недопустимымъ условное сокращеніе «почетнаго задержанія», какимъ считается заключеніе въ крѣпости. Но то обстоятельство, что приговоренные къ заключенію въ крѣпость по министерскимъ проектамъ не имѣютъ права не только на условное освобожденіе, но и на условное осужденіе, примѣнимость котораго ко всѣмъ видамъ краткосрочнаго лишенія свободы въ наукѣ не подвергается сомнѣнію, заставляетъ думать, что въ данномъ случаѣ министерство юстиціи руководилось не указаніями теоріи, а соображеніями политическаго характера.

Заднюю мысль автора проектовъ всего больше выдаетъ слабость аргументовъ, приводимыхъ въ объяснительной запискѣ въ пользу исключенія заточенія въ крѣпости изъ перечня наказаній, къ которымъ примѣняются условное освобожденіе и условное осужденіе. «Крѣпость,—говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту объ условномъ осужденіи,—это—custodia honesta (почетное задержаніе), почему къ ней не примѣнимы всѣ тѣ доводы, которые вынуждаютъ изыскать новую карательную мѣру, могущую устранить вредныя послѣдствія краткосрочнаго тюремнаго заключенія». Но вѣдь къ денежной пенѣ эти доводы еще менѣе примѣнимы, а между тѣмъ на нее проектъ распространяетъ условное осужденіе.—«Принимая за основаніе примѣненія условнаго освобожденія цѣль исправленія,—замѣчаетъ составитель объяснительной записки къ проекту объ условномъ освобожденіи,—слѣдуетъ признать, что на тѣ формы лишенія свободы, которыя такой цѣли не преслѣдуютъ, распространеніе этого института было бы неправильнымъ. Поэтому лишеніе свободы, имѣющее характеръ custodia honesta, не вызываетъ необходимости примѣненія условнаго освобожденія». Но вѣдь подъ исправленіемъ въ юридическомъ смыслѣ слова разумѣется созданіе въ психикѣ осужденнаго контръ-мотивовъ его преступнымъ побужденіямъ. Условное осужденіе достигаетъ этой цѣли, ставя условно-освобожденнаго подъ спеціальную угрозу возврата въ мѣсто заключенія въ случаѣ дурного поведенія или совершенія новаго преступленія (ст. 18). Не ясно ли, что эта угроза можетъ оказывать на лицъ, условно-освобожденныхъ изъ крѣпости, такое же воздѣйствіе, какое она оказываетъ на освобожденныхъ изъ всякаго иного мѣста заключенія?

Нашъ бѣглый обзоръ уголовныхъ законопроектовъ министерства юстиціи приводитъ насъ къ такому пессимистическому заключенію: подъ ихъ громкими названіями въ общемъ скрывается ничтожное содержаніе (по крайней мѣрѣ, по сравненію съ тою реформою, въ которой нуждается наше уголовное законодательство). Щеголяя ими, какъ фальшивыми брилліантами, министерство юстиціи явно ищетъ расположенія народныхъ представителей.

На условное осужденіе, защиту на предварительномъ слѣдствіи и т. п. либеральныя «предначертанія» министерство юстиціи смотритъ, какъ на прегрѣшенія передъ чистотою бюрократическихъ принциповъ,—прегрѣшенія, которыя оно не прочь совершить въ желанномъ ему союзѣ съ Думою *). Но оно съ своей стороны приложило всѣ старанія, чтобы этотъ союзъ былъ безплоднымъ для дѣла русскаго правосудія. Совсѣмъ, какъ та наивная бретонка, которая молила Пречистую Дѣву: Sainte Mère de Dieu, vous qui avez conçu sans pécher accordez moi la grâce de pécher sans concevoir.

Партія народной свободы отнесла проекты министерства юстиціи къ числу наиболѣе пріемлемыхъ. Конечно, отвергать ихъ не слѣдуетъ. Проектируемыя министерствомъ юстиціи постановленія заимствованы, хотя большей частью въ искаженномъ видѣ, изъ иностранныхъ кодексовъ, спеціальныхъ трактатовъ и постановленій ученыхъ съѣздовъ, проникнутыхъ прогрессивнымъ духомъ. Исправивъ эти постановленія, расширивъ ихъ и, вопреки желанію министерства юстиціи, оплодотворивъ ихъ живою мыслью представителей народа, болѣющаго тоской о правосудіи, Государственная Дума привьетъ нашему уголовному законодательству новые свѣжіе ростки. Но только ростки. Обновить его изгнившіе корни она можетъ лишь по собственному почину.

Н. Полянскій.

---

*) Интересно, что въ коммиссіи 1894 года, образованной для пересмотра судебныхъ уставовъ, г. Щегловитовъ высказался и противъ допущенія защиты даже въ моментъ заключенія предварительнаго слѣдствія и противъ замѣны ревизіоннаго порядка преданія суду порядкомъ обжалованія обвинительныхъ актовъ. Равнымъ образомъ на съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ въ 1899 г. г. Щегловитовъ (какъ это уже отмѣтилъ г. Жижиленко въ *Правѣ*, 1907 г., №№ 16—17) высказался противъ возможности и желательности ввести у насъ условное осужденіе до отмѣны судебно-административныхъ органовъ. Въ 1900 г. г. Щегловитовъ подписалъ объяснительную записку къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства, несмотря на то, что въ ней говорилось прямо: „преслѣдованіе должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ, въ видѣ общаго правила, должно быть допускаемо, какъ и нынѣ, лишь съ разрѣшенія начальства". Хотя, какъ мы видѣли, г. Щегловитовъ на дѣлѣ и теперь не рѣшается упразднить административную гарантію должностныхъ лицъ, но все же на словахъ онъ—ея убѣжденный противникъ. Что заставило его перемѣнить свои взгляды?

Безпроволочный телеграфъ.

„Wir stehen am Anfang einer unübersehbaren Entwicklung".

Prof. F. Braun *).

(„Мы стоимъ на порогѣ открытій, необъятныхъ по своимъ результатамъ".)

Открытіе безпроволочнаго телеграфа составляетъ эру въ исторіи естествознанія, въ частности физики. Въ то время, какъ наука обогащалась новыми открытіями—свойствъ урана, радія и другихъ подобныхъ имъ тѣлъ, молодой итальянскій изслѣдователь, G. Marconi, сообщилъ міру о необычайномъ успѣхѣ, котораго онъ достигъ въ своихъ опытахъ,—о полученіи возможности безпроволочнаго телеграфированія. Насколько важенъ былъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ этотъ новый способъ сообщенія, можно судить по дѣйствіямъ биржи, этого чуткаго органа повседневной жизни: на другой же день по полученіи извѣстія объ открытіи Marconi всѣ акціи телеграфныхъ обществъ сильно упали въ цѣнѣ,—такъ велика была надежда на новое, болѣе удобное телеграфное сообщеніе. Marconi не былъ одинокъ на своемъ долгомъ пути неутомимыхъ изслѣдованій; остался даже не вполнѣ выясненнымъ вопросъ о первенствѣ этого открытія; тѣмъ не менѣе ореолъ славы всецѣло окружаетъ имя Marconi.

Мы предпошлемъ описанію этого новаго способа телеграфированія краткій обзоръ тѣхъ необходимыхъ данныхъ, безъ которыхъ невозможно понять сущность открытія Marconi. Всѣмъ извѣстно, сколько затрудненій и неудобствъ имѣетъ современный способъ телеграфированія по проводамъ; однако до конца XIX столѣтія ключъ къ новому способу не былъ найденъ. Поэтому вполнѣ естественно наше утвержденіе, что открытіе безпроволочнаго телеграфа составляетъ эру въ исторіи естествознанія. «Телеграфированіе при помощи электрическихъ волнъ составляетъ одно изъ наиболѣе выдающихся приложеній извѣстныхъ уже фактовъ и изслѣдованій, геніальный переводъ на языкъ практики и промышленности тѣхъ открытій, которыя казались принадлежащими только области чистой науки и философскаго мышленія» **).

*) Rektoratsrede der Universität Strassburg.

**) *A. Righi e B. Dessau:* „La telegrafia senza filo". Bologna, 1905. Названная книга составляетъ основаніе нашей статьи.

I.

Если мы захотимъ заглянуть въ глубь исторіи, то увидимъ, что вопросъ о безпроволочномъ телеграфированіи не новъ; таинственное сообщеніе существовало и существуетъ до сихъ поръ въ Азіи, этой колыбели человѣческой культуры. Восточные народы обладаютъ удивительной способностью передачи сигнализаціи на большія разстоянія. Нѣсколько фактовъ могутъ иллюстрировать эту способность. Во время извѣстнаго индійскаго возстанія всѣ свѣдѣнія и распоряженія англійскихъ офицеровъ тотчасъ же передавались въ самыя отдаленныя мѣста. Такъ, напримѣръ, приказаніе, отданное офицеромъ или планъ дѣйствій, сообщенный имъ, дѣлался извѣстнымъ туземцамъ на разстояніи въ сотни миль въ теченіе самаго короткаго времени. Если бы допустить, что сообщеніе передано спеціальнымъ гонцомъ, то невѣроятно прибытіе самаго быстраго скакуна къ мѣсту назначенія въ такое короткое время. Всѣ попытки узнать эту тайну оставались тщетными; до сихъ поръ не открытъ секретъ этой передачи; остается заключить, что сообщеніе производилось совершенно неизвѣстнымъ намъ способомъ. Одинъ изъ участниковъ похода въ Афганистанъ выражаетъ предположеніе, что этотъ секретъ принадлежитъ религіи и что онъ никогда не будетъ сообщенъ чужестранцамъ. Не менѣе изумителенъ фактъ полученія извѣстія о смерти генерала Гордона въ Хартумѣ; извѣстіе это было получено въ Каирѣ къ вечеру того же дня, хотя между этими городами не было ни телеграфнаго, ни желѣзнодорожнаго сообщенія. Можно было бы привести еще много примѣровъ этой непостижимой способности сообщенія на разстояніи; но приведенные факты достаточно иллюстрируютъ эту таинственную сигнализацію. Какъ объяснить этотъ поразительный фактъ?

Керръ *) по этому поводу говоритъ: «Приходится предположить, что восточные способы сигнализаціи зависятъ всецѣло отъ высокаго психическаго напряженія». Такимъ образомъ, тутъ имѣетъ мѣсто, по мнѣнію Керра, проявленіе телепатіи. Насколько справедливо это предположеніе, совершенно неизвѣстно; во всякомъ случаѣ мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ загадочными явленіями, стоящими внѣ современнаго знанія. Таковы данныя о своего рода «безпроволочномъ телеграфѣ». Чтобы перейти къ исторіи современнаго телеграфированія безъ проводовъ, намъ необходимо познакомиться, какъ было указано выше, съ нѣкоторыми основными свѣдѣніями.

Всякій изъ насъ встрѣчался съ терминомъ «звуковыя волны». Постараемся уяснить себѣ значеніе этого термина и приложеніе его къ объясненію безпроволочнаго телеграфированія. Если бросить въ воду какой-нибудь тяжелый предметъ, то легко замѣтить, какъ вокругъ мѣста паденія образуются маленькія волны, усиливающіяся до нѣкотораго предѣла.

*) *Р. Керръ*: „Телеграфъ безъ проводовъ“. Изд. Риккера. Спб., 1902.

затѣмъ ослабѣвающія и, наконецъ, совсѣмъ сливающіяся съ остальнымъ воднымъ пространствомъ. При «звучаніи» какого-либо тѣла образуются подобныя же волны, которыя доносятъ къ намъ такъ называемый звукъ; если мы находимся за предѣлами распространенія волны, то звука мы не услышимъ, такъ какъ волны, идущія отъ звучащаго тѣла, сливаются за извѣстными предѣлами съ окружающей насъ средой. Эта среда играетъ огромную роль въ жизни окружающаго насъ міра и называется эѳиромъ. Эѳиръ находится всюду: въ твердыхъ тѣлахъ, въ газахъ, въ жидкостяхъ и во всемъ межпланетномъ пространствѣ. Несмотря на всеобщую распространенность эѳира, какъ окружающей насъ среды, полученіе его является до сихъ поръ неразрѣшенной задачей; не говоримъ «неразрѣшимой», такъ какъ успѣхи науки таковы, что самое невозможное становится обыденнымъ явленіемъ, не обращающимъ на себя особеннаго вниманія. Познаніе мірового эѳира представляетъ для многихъ выдающихся ученыхъ заманчивую цѣль, и много попытокъ дѣлалось для его тщательнаго изслѣдованія. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ, Д. И. Менделѣевъ, въ своей «Попыткѣ химическаго пониманія мірового эѳира» представляетъ себѣ его наиболѣе легкимъ, всепроникающихъ газомъ; мы находимъ эѳиръ въ ряду простыхъ тѣлъ, въ группѣ такъ называемыхъ аргоновыхъ элементовъ на ряду съ геліемъ, криптономъ и другими подобными тѣлами этой группы *).

Вотъ этотъ-то эѳиръ и играетъ особенную роль при телеграфированіи безъ проводовъ.

Выше мы упомянули о томъ, что мы можемъ воспринимать звуки, заключенные въ извѣстныхъ предѣлахъ распространенія волны въ эѳирѣ. Изслѣдуя это обстоятельство, пришли къ заключенію, что волны производятъ колебанія въ окружающей средѣ, и эти колебанія составляютъ существеннѣйшую часть всѣхъ видимыхъ, слышимыхъ и невидимыхъ явленій. Колебанія эти различны по своей частотѣ, и также различно ихъ значеніе: въ воздухѣ они выражаются тысячами волнъ въ секунду, въ эѳирѣ же—милліонами и выше. Колебанія въ воздухѣ—тѣ, которыя доступны нашему слуху; предѣлы ихъ—отъ 16 до 40 тысячъ въ секунду **). Колебанія въ эѳирѣ отстоятъ отъ нихъ на огромномъ разстояніи; они начинаются около 230 милліоновъ (волны Hertz'a) и достигаютъ до трилліоновъ (X—лучи). Въ этихъ границахъ заключаются и предѣлы человѣческаго зрѣнія отъ 400 билліоновъ (красный цвѣтъ) до 750 билліоновъ (фіолетовый). Различіе колебаній въ эѳирѣ чрезвычайно существенно; родъ лучей обусловливается частотой колебанія. Такъ, напримѣръ, для обыкновеннаго тока освѣщенія число колебаній въ секунду начинается отъ 50. Отъ этой цифры число колебаній идетъ увеличиваясь, и по мѣрѣ увеличенія числа колебаній различно и дѣйствіе этихъ лучей. Разрядъ лейденской банки начинается отъ 25 тысячъ колебаній въ секунду, затѣмъ

*) По періодическому закону Менделѣева.

**) Самая низкая музыкальная нота—32 колебанія, самая высокая—4,000.

идутъ волны Hertz'a отъ 10 до 500 милліоновъ и т. д. до тепловыхъ лучей Becquerell'я, число колебаній которыхъ неизмѣримо велико.

Мы видѣли, что въ предѣлахъ колебаній волны въ эѳиръ входятъ свѣтовые лучи и электричество, иначе говоря свѣтъ и электричество представляютъ собою колебанія волнъ въ эѳирѣ, различающихся только своею частотой и длиной волны. Самые низкіе предѣлы колебаній даютъ обыкновенныя электрическія явленія, средніе—даютъ свѣтъ и, наконецъ, къ высокимъ принадлежатъ новѣйшія излученія, какъ, напримѣръ X-лучи, лучи Becquerell'я и др. Первымъ, высказавшимъ такое положеніе, былъ Clerk Maxwell, положившій основаніе такъ называемой «электромагнитной теоріи свѣта». Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «A Treatise on Electricity and Magnetism» основательность такого положенія онъ доказалъ рядомъ теоретическихъ данныхъ и математическихъ формулъ; но теорія его долго оставалась непризнанной, такъ какъ не была подкрѣплена опытными данными, дающими возможность измѣрить число колебаній въ секунду, близко подходящее къ числу колебаній свѣтовыхъ лучей. Только 20 лѣтъ спустя молодой боннскій физикъ H. Hertz доказалъ справедливость теоріи Maxwell'я, получая въ своей лабораторіи при помощи геніально скомбинированныхъ данныхъ волны, длина и число колебаній которыхъ не далеко отстояли отъ свѣтовыхъ. При дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ Hertz'овскихъ приборовъ удалось получить до 50,000 милліоновъ колебаній въ секунду; это число составляетъ пока высшій предѣлъ извѣстнаго намъ числа колебаній. При изслѣдованіи свойствъ электромагнитныхъ волнъ было найдено, что они, равно какъ и свѣтовыя волны, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ: преломляются, отражаются, поглощаются, интерферируютъ и т. д.

Мы видѣли выше, какое громадное разстояніе отдѣляетъ число колебаній въ воздухѣ отъ числа колебаній въ эѳирѣ и заранѣе можемъ сказать, съ какими колебаніями имѣетъ дѣло безпроволочный телеграфъ. Конечно, съ колебаніями въ эѳирѣ.

Выше мы привели примѣръ звуковой волны и показали, что колеблющееся тѣло производитъ волны въ окружающей насъ упругой средѣ, которыя доходятъ до насъ въ видѣ звука; точно такое же электрическое колебаніе въ той же средѣ влечетъ за собою созданіе электромагнитной волны. Для наглядности воспользуемся примѣромъ маятника. Маятникъ движется, благодаря сообщенному ему достаточному количеству энергіи, и преодолѣваетъ препятствія окружающей его упругой среды вслѣдствіе большого запаса той же энергіи. Подобное же явленіе имѣетъ мѣсто и въ электричествѣ. Если мы имѣемъ два разноименно заряженныхъ тѣла *) и соединимъ ихъ проводникомъ, то получится электрическій токъ, представляющій собою особый видъ энергіи. Если же имѣющіяся у насъ заряженныя тѣла представляютъ собою шары и между ними будетъ не-

*) Одно—положительно, другое—отрицательно.

большой промежутокъ воздуха, то при извѣстномъ предѣлѣ накопленія электрической энергіи она не вмѣстится на шарахъ, преодолѣетъ слой воздуха между шарами и образуетъ между ними соединеніе въ видѣ искры, такъ называемый разрядъ, характеризующійся особеннымъ звукомъ. Накопленіе электричества на шарахъ производится при помощи присоединенія къ индуктивной катушкѣ Румкорфа, которая питается токомъ отъ батареи. При существованіи тока вокругъ проводника образуется магнитное поле, а при разрядѣ происходятъ послѣдовательныя перемѣны въ состояніи окружающей проводникъ среды. Вотъ это-то періодическое измѣненіе среды подъ вліяніемъ разряда и есть электрическое колебаніе; а направленія, по которому распространяются эти колебанія, носятъ названіе электромагнитныхъ лучей.

Для выраженія явленій, которыя происходятъ въ воздухѣ и въ эѳирѣ, мы пользовались одними и тѣми же наименованіями. Не удивительно поэтому, что основное явленіе резонанса или созвучія, имѣющее мѣсто въ ученіи о звуковыхъ волнахъ, играетъ такую же огромную роль и въ ученіи объ электрическихъ волнахъ, распространяющихся въ эѳирѣ. Всѣмъ хорошо извѣстно явленіе, часто наблюдаемое въ комнатѣ: если въ ней помѣщены два музыкальныхъ инструмента, и на одномъ изъ нихъ взять какую-нибудь ноту, то при нажатіи педали мы сейчасъ же услышимъ отзвукъ въ другомъ инструментѣ. Необходимое условіе для выполненія этого явленія это одинаковая ихъ настройка. Еще болѣе нагляденъ опытъ съ камертономъ, часто демонстрируемый при прохожденіи опытнаго курса физики. Два камертона одной и той же высоты, дающіе одинаковое число колебаній въ секунду, помѣщаются на ящикахъ, которые имѣютъ по одному отверстію, обращенному другъ къ другу; оба камертона помѣщаются въ одной и той же горизонтальной плоскости. Достаточно провести смычкомъ по вилкѣ одного изъ камертоновъ, чтобы тотчасъ услышать тотъ же звукъ, издаваемый уже сосѣднимъ камертономъ; заглушимъ его, откроемъ первый,—опять повторится то же явленіе и такъ дальше. Здѣсь, какъ и въ случаѣ съ инструментами, главную роль играетъ настройка, т.-е. полученіе одного и то же числа колебаній въ секунду. То же самое происходитъ и въ электрическихъ явленіяхъ, въ особенности въ вопросахъ о безпроволочномъ телеграфированіи. Для возможности телеграфированія необходима одинаковая настройка посылающей и принимающей станціи; къ этому вопросу мы впослѣдствіи возвратимся.

Электрическія явленія, о которыхъ мы только что говорили, могутъ принадлежать двумъ родамъ электричества: динамическому и статическому. Динамическимъ мы называемъ электричество, движущееся по проводамъ, иначе говоря, электричество, передаваемое изъ одно мѣста въ другое при помощи проводовъ. Статическое же электричество способно заряжать какое-нибудь тѣло, но не способно «къ движенію». И тѣмъ и другимъ электричествомъ пользовались при первоначальныхъ опытахъ съ безпроволочнымъ телеграфомъ; Hertz пользовался статическимъ, а Preece—динамическимъ.

Но не одно это электричество имѣло мѣсто въ опытахъ Preece'a. Одно изъ существеннѣйшихъ значеній имѣла индукція, указанная Faraday'емъ. Индукція состоитъ въ томъ, что вокругъ проводника, по которому протекаетъ токъ, образуется магнитное поле. Если въ этомъ магнитномъ полѣ въ свою очередь помѣстить второй проводникъ, то въ этомъ послѣднемъ наблюдается появленіе индуктированнаго тока, и притомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мѣняется напряженіе тока въ первомъ проводникѣ. Это явленіе разсматривалось только съ точки зрѣнія теоріи и прошло практически незамѣченнымъ; только въ послѣднее время, послѣ 70-хъ годовъ, обратили должное вниманіе на явленіе индукціи. Особенно важную роль сыгралъ телеграфъ, указавшій на возможность практическаго использованія указаннаго явленія. Нѣсколько случаевъ индукціи токовъ особенно замѣчательны; съ ними-то мы и познакомимъ читателя *).

На одной изъ лондонскихъ улицъ, на высотѣ 80 ярдовъ, въ телефонныхъ проводахъ было замѣчено явленіе индукціи; при тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что индуктируютъ ихъ телеграфные провода, расположенные подъ землей, параллельно телефоннымъ. Съ цѣлью окончательнаго разслѣдованія этого вопроса были произведены опыты въ брумгильскихъ угольныхъ копяхъ. Здѣсь, на днѣ копей (глубина 360 футовъ) былъ устроенъ треугольникъ изъ изолированной проволоки и параллельно ему надъ землей—второй изъ того же матеріала; въ тотъ и другой изъ треугольниковъ были введены аппараты, и всѣ разговоры, передаваемые по одному изъ треугольниковъ, были совершенно отчетливо слышимы во второмъ. Подобная возможность индуктированія токовъ, какъ бы безпроволочнаго телеграфированія на небольшія разстоянія, дала поводъ Preece'у высказать слѣдующее предположеніе о значеніи индукціи: «Если какая-нибудь изъ планетъ населена существами, намъ подобными, обладающими даромъ рѣчи и искусствомъ приноравлять къ своимъ цѣлямъ великія силы природы, и если бы они могли привести въ колебанія громадныя количества электрической энергіи въ порядкѣ телеграфныхъ сигналовъ, то для насъ оказалась бы возможность сноситься по телеграфу съ жителями, напримѣръ, Марса». Основываясь на этомъ принципѣ, Preece устроилъ на нѣкоторыхъ островахъ систему такого безпроволочнаго телеграфа. Неудобство такихъ телеграфныхъ линій очевидно; они должны быть чрезвычайно длинны и совершенно непригодны для сообщенія судовъ съ берегомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что попытка устройства безпроволочнаго телеграфа не нова; предлагаемыя до сихъ поръ системы были совершенно неудобны для практическихъ цѣлей. Познакомившись съ этимъ видомъ безпроволочнаго телеграфа, мы перейдемъ къ главнѣйшимъ приборамъ современной станціи телеграфа безъ проводовъ.

---

*) Факты эти заимствованы нами изъ книги *Р. Керра:* „Телеграфъ безъ проводовъ". Спб., 1902.

II.

Мы познакомились въ предыдущей главѣ въ самыхъ краткихъ чертахъ съ существеннѣйшими электрическими явленіями и уяснили себѣ—колебательное движеніе электричества при разрядѣ. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этихъ колебаній мы замѣтимъ, что они часты, но не превосходятъ 50,000 колебаній въ секунду, какъ, напримѣръ, въ опытахъ Феддерсена съ лейденскими банками. Между тѣмъ число колебаній свѣтовыхъ волнъ начинается отъ 400 билліоновъ въ секунду; такимъ образомъ между числами тѣхъ и другихъ колебаній заключается чрезвычайно большой промежутокъ съ невѣдомыми для насъ волнами. Hertz первый началъ восполнять этотъ пробѣлъ, и колебанія, полученныя имъ, выражались числами отъ 10 до 500 милліоновъ колебаній въ секунду. Чрезвычайно важно для насъ ознакомиться съ приборомъ, дающимъ такое большое число колебаній; этотъ приборъ и дастъ намъ возможность посылать въ пространство, въ окружающую насъ среду безчисленное количество волнъ. Подобно тому, какъ въ звуковыхъ явленіяхъ мы получаемъ возможность воспринимать звукъ при извѣстномъ числѣ колебаній въ секунду (мы упоминали объ этомъ въ первой главѣ) и при извѣстной длинѣ волны, такъ точно и въ электрическихъ явленіяхъ мы получаемъ возможность измѣренія и изслѣдованія электромагнитныхъ волнъ только тогда, когда онѣ достигаютъ извѣстной частоты и опредѣленной длины. Иначе говоря, въ звуковыхъ явленіяхъ мы получаемъ возможность изслѣдованія только при условіи непрерывной послѣдовательности колебаній звучащаго тѣла; то же явленіе имѣетъ мѣсто и въ электричествѣ. Для полученія подобной частоты колебаній употребляется проводникъ, оканчивающійся шарами или листами большой емкости, причемъ нужно принять во вниманіе рядъ необходимыхъ условій. Прежде всего, необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи возможно большее количество энергіи и наоборотъ стараться возможно уменьшить тѣ изъ окружающихъ препятствій, безъ которыхъ невозможно обойтись при какихъ бы то ни было опытахъ. Изъ этихъ препятствій укажемъ на главныя: 1) потеря электрической энергіи въ окружающей средѣ—нежелательное явленіе, постоянно имѣющее мѣсто при наблюденіяхъ; 2) переходъ части электрической энергіи въ тепловую,—проводникъ нагрѣвается во время прохожденія тока; наконецъ, 3) преодолѣніе сопротивленія воздуха, окружающаго шары во время проскакиванія искры между шариками, иначе говоря, во время разряда. Приборъ, наиболѣе удовлетворяющій всѣмъ необходимымъ условіямъ, былъ впервые построенъ Hertz'омъ и названъ вибраторомъ. Существенную часть этого прибора составляетъ катушка Румкорфа; къ одной изъ ея обмотокъ, вторичной, присоединены два стержня, заканчивающіеся латунными шариками, отстоящими на нѣкоторомъ растояніи другъ отъ друга. Эти шарики возможно приближать или удалять другъ друга при помощи особаго приспособленія. Первичная же обмотка катушки Румкорфа соединяется съ аккумуляторами,

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ тока, идущаго изъ аккумуляторовъ къ первичной обмоткѣ, индуктируется токъ во вторичной обмоткѣ. Подъ его вліяніемъ накопляется электричество на латунныхъ шарикахъ и, при извѣстномъ предѣлѣ накопленія, получается между шариками искра,—колебательный разрядъ. Этотъ разрядъ служитъ источникомъ зарожденія электромагнитныхъ волнъ, распространяющихся во всѣ стороны и носящихъ названіе герцевскихъ волнъ. При дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого прибора получилась возможность доводить число колебаній въ секунду до 500 милліоновъ. Для наилучшаго дѣйствія вибратора прежде всего требуется безукоризненная чистота поверхностей латунныхъ шариковъ: по мѣрѣ проскакиванія искры между ними поверхность этихъ шариковъ начинаетъ окисляться и тогда уже мы не получимъ первоначальнаго дѣйствія искры. Поэтому введеніе какой-нибудь среды, мѣшающей окисленію поверхностей, можетъ только улучшить дѣйствіе вибратора. Sarasin и de La Rive предложили окружать эти латунные шарики масломъ и такимъ образомъ предохранять ихъ отъ вреда окисленія. Послѣдующіе изслѣдователи измѣняли видъ вибратора, а также и среду, черезъ которую должна была проскакивать искра, какъ, наприм., Righi, который погружалъ шарики только наполовину въ масло, иначе говоря, только средняя искра проскакивала въ маслѣ, а остальныя въ воздухѣ. Причиной этого новаго метода при наблюденіи было, по мнѣнію Righi, то обстоятельство, что только среднія искры имѣютъ важное значеніе, между тѣмъ какъ внѣшнія искры производятъ только возмущеніе въ средѣ, окружающей латунные шарики. Число колебаній въ секунду въ вибраторѣ Righi достигаетъ до 10 милліардовъ въ секунду. Еще дальше пошелъ проф. Лебедевъ, помѣстивши платиновые шарики въ стеклянныхъ трубкахъ; вибраторъ этотъ, равно какъ и полуцилиндрическое зеркальце, служившее для уловленія колебаній, помѣщались въ керосинѣ. Число колебаній, полученныхъ въ этомъ послѣднемъ опытѣ, достигало до 50 милліардовъ колебаній въ секунду. Мы видимъ, такимъ образомъ, что промежутокъ, указанный нами выше, между числомъ электрическихъ и свѣтовыхъ колебаній начинаетъ уменьшаться. Число послѣднихъ колебаній, полученныхъ изслѣдователями, доходитъ до 50 милліардовъ, въ то время, какъ число свѣтовыхъ колебаній начинается отъ 400 билліоновъ. Итакъ, промежутокъ, который началъ восполнять Hertz, сокращается все болѣе и болѣе; невѣдомыя для насъ волны начинаютъ открываться. Можно надѣяться, что наука не сказала еще своего послѣдняго слова и что пробѣлъ этотъ будетъ восполненъ до конца.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ тѣмъ приборомъ, которы позволяетъ прослѣдить такое огромное число колебаній, т.-е. даетъ нам возможность численно ихъ измѣрить. Прежде чѣмъ говорить объ этом приборѣ, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Мы вы упомянули о томъ, что каждое колебаніе производится послѣдователы появляющимся и исчезающимъ токомъ въ проводникѣ. Если помѣстить ег проводникъ въ плоскости, параллельной нашему проводнику, и производ

въ этомъ послѣднемъ токъ, то въ параллельно расположенномъ второмъ проводникѣ появится токъ такого же направленія и притомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда исчезаетъ токъ въ первомъ проводникѣ. Если второй проводникъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ разрѣзанъ, разобщенъ, то въ этомъ промежуткѣ при появленіи тока будетъ проскакивать искра.

Вспомнимъ теперь систему двухъ камертоновъ, взятую нами выше, и явленіе резонанса одного изъ нихъ послѣ замиранія звука въ другомъ; мы видѣли, что главнымъ условіемъ резонанса была настройка обоихъ камертоновъ, полученіе одинаковаго числа колебаній въ секунду. Точно такое же явленіе наблюдается и въ электричествѣ. Если мы имѣемъ два вибратора, дающихъ одинаковое число колебаній въ секунду, то, будучи помѣщены въ одномъ и томъ же полѣ, они попеременно колеблются. Это явленіе носитъ названіе электрическаго резонанса, а второй проводникъ съ тѣмъ же числомъ колебаній, какъ и первый, называется резонаторомъ. Искровой промежутокъ въ резонаторѣ регулируется особымъ микрометрическимъ винтомъ для полученія наибольшей силы дѣйствія. Форма резонатора бываетъ различная: или въ видѣ кольца, какъ въ опытахъ Hertz'a, или въ видѣ прямоугольника. При помощи такого кольцевого резонатора можно прослѣдить характеръ волнъ, посылаемыхъ вибраторомъ. Опыты, произведенные Hertz'омъ съ этими двумя приборами, были повторены различными изслѣдователями въ различныхъ странахъ свѣта. Конечно, отъ размѣровъ вибратора будетъ зависѣть длина волны (она будетъ больше или меньше), а величина вибратора будетъ въ зависимости отъ той цѣли, для которой производятся опыты. Въ первоначальныхъ своихъ опытахъ Hertz имѣлъ дѣло съ волнами длиною около 9 метровъ.

При послѣдующихъ опытахъ изслѣдователи уменьшили длину посылаемыхъ волнъ, зато увеличили количество ихъ.

Умноживъ цифру, выражающую число колебаній вибратора въ секунду, т.-е. количество посылаемыхъ волнъ, на цифру, выражающую длину волны, мы получимъ число, имѣющее для насъ очень важное значеніе, а именно скорость движенія волны около 300,000 километровъ въ секунду. Говоримъ важное значеніе потому, что тѣмъ же числомъ выражается скорость движенія свѣтового луча по самымъ точнымъ измѣреніямъ. Этотъ опытъ является доказательствомъ нашего утвержденія объ однородности свѣтовыхъ и электрическихъ явленій; иначе говоря, мы получимъ явное подтвержденіе справедливости существованія электромагнитной теоріи свѣта, возвѣщенной Clerk'омъ Maxwell'омъ. Мы находимся теперь на половинѣ дороги для полнаго уясненія идеи безпроволочной телеграфіи. Приборъ, посылающій колебанія, которыя въ свою очередь служатъ центрами зарожденія электромагнитныхъ волнъ, намъ уже извѣстенъ, и вполнѣ ясна возможность посылки электромагнитныхъ волнъ въ пространство. Остается разсмотрѣть приборъ, который бы воспринималъ эти волны, выражаясь иначе, который бы увидѣлъ то, что мы не можемъ видѣть, благодаря несовершенству нашихъ зрительныхъ ощущеній.

Такой приборъ, «электрическій глазъ» былъ впервые предложенъ профессоромъ физики въ Парижѣ E. Branly и названъ въ его честь когереромъ или трубкой Branly. Изслѣдуя рядъ металлическихъ составовъ и ихъ отношеніе къ проходящему черезъ нихъ току, Branly пришелъ къ выводу, что мелкій металлическій порошокъ, состоящій изъ смѣси никкелевыхъ и серебряныхъ опилокъ съ небольшимъ количествомъ ртути, обладаетъ особеннымъ свойствомъ. Въ обыкновенномъ состояніи этотъ порошокъ представляетъ огромное сопротивленіе электрическому току, но чуть его коснется электромагнитная волна, сопротивленіе его падаетъ до очень низкой степени, и такимъ образомъ мы получаемъ проводникъ, по которому свободно можетъ проходить электрическій токъ. Вотъ на этомъ-то свойствѣ металлическаго порошка и основанъ когереръ Branly. Это—стеклянная трубка съ выкачаннымъ воздухомъ, внутрь которой введены до извѣстнаго мѣста двѣ пришлифованныя серебряныя пробки; между этими пробками остается небольшой промежутокъ, въ который насыпаютъ небольшое количество выше упомянутаго металлическаго порошка. Серебряныя пробки при помощи платиновыхъ стержней соединены съ одной стороны съ проводомъ, получающимъ электромагнитную волну изъ эѳира, съ другой стороны—съ батареей и реле (съ послѣднимъ мы познакомимся впослѣдствіи). Подъ вліяніемъ электрическихъ волнъ, доходящихъ до когерера, между частицами металлическаго порошка появляются безконечно малыя искры, которыя и увлекаютъ за собою мельчайшія частицы этого порошка *) и даютъ возможность сцѣпленія между ними, т.-е. появленія хрупкаго моста, служащаго для прохожденія электрическаго тока. Стоитъ теперь только встряхнуть когереръ (названіе происходитъ отъ слова «cohesion»—сцѣпленіе), сцѣпленіе между частицами опилокъ нарушится и наступитъ первоначальное состояніе смѣси, представляющее огромное сопротивленіе для прохожденія тока. Такимъ образомъ стоитъ намъ въ передатчикѣ (на посылающей станціи) послать электромагнитную волну, когереръ моментально откликнется и получитъ ее. Для полученія слѣдующей волны необходимо, какъ мы выше указали, встряхнуть когереръ и привести его такимъ образомъ въ первоначальное состояніе; для этого достаточно помѣстить на пути прохожденія электрическаго тока, какъ разъ надъ когереромъ небольшой молоточекъ, подобно тому, который употребляется въ электрическомъ звонкѣ.

Подъ вліяніемъ проходящаго тока этотъ молоточекъ ударитъ по когереру и заставитъ опилки придти въ первоначальное состояніе—декогерироваться. Волна отправлена на посылающей станціи и принята на пріемной; теперь необходимо познакомиться съ ней, понять ее. Если на пути прохожденія тока помѣстить телеграфный приборъ съ пишущимъ перомъ чертящимъ значки на проходящей передъ нимъ бумажной лентѣ (вращеніе ленты происходитъ при помощи часового механизма), то, при воспринятіи

*) По мнѣнію Lodge'a.

электромагнитной волны когереромъ, перо начертитъ на бумажной лентѣ длинный или же короткій знакъ, смотря по длинѣ полученной волны. Такъ какъ волны, доносящія до насъ тѣ или другіе сигналы, распространяются въ эѳирѣ, то требовалось бы устанавливать и вибраторъ и когереръ въ эѳирѣ, т.-е. на большой высотѣ (слои воздуха, лежащіе близъ земли, оказываютъ большое сопротивленіе электромагнитнымъ волнамъ). Неудобство такой установки вполнѣ очевидно; поэтому вибраторъ и когереръ помѣщаются на станціяхъ и соединяются съ проводами, идущими къ верхушкамъ близъ укрѣпленныхъ мачтъ. Этотъ проводъ присоединяется въ когерерѣ къ одному изъ платиновыхъ стержней, заканчивающемуся серебряной отшлифованной пробкой; на станціи же отправленія проводъ присоединяется къ одному изъ двухъ стержней вибратора. Такимъ образомъ получается возможность передачи электрическихъ волнъ эѳиру, который донесетъ ихъ до пріемной станціи. Однимъ изъ неудобствъ въ полученіи такихъ волнъ и улавливаніи ихъ проводомъ, идущимъ въ когереръ, является слабая сила производимаго ими тока; вѣдь волнамъ, переходящимъ изъ одного мѣста въ другое, необходимо преодолѣть сопротивленіе окружающихъ ихъ частицъ (эѳиръ—среда необычайно упругая), чтобы дойти до мѣста назначенія. Поэтому, онѣ являются на пріемную станцію значительно ослабленными и могутъ быть не въ состояніи произвести какое-нибудь дѣйствіе на аппараты пріемной станціи, за исключеніемъ, конечно, сцѣпленія опилокъ когерера между собой. Вотъ почему для полученія какихъ бы то ни было успѣшныхъ результатовъ при безпроволочномъ телеграфированіи необходимо усилить дѣйствіе получаемаго тока, иначе говоря, прибѣгнуть къ помощи телеграфнаго реле. Реле состоитъ изъ электромагнита, который притягивается даже очень слабыми токами; подъ вліяніемъ этого притяженія онъ соединяетъ полюсы болѣе сильной батареи, въ цѣпь которой включаются и пишущій приборъ съ двигающейся бумажной лентой, и встряхиватель. Встряхиватель, какъ мы выше указали, ударяетъ по когереру сверху внизъ, во избѣжаніе сцѣпленія металлическаго порошка послѣ встряхиванія. Мѣдная лента, предназначенная для полученія электромагнитныхъ волнъ изъ окружающаго ее эѳира, имѣла въ первоначальныхъ опытахъ около 10—12 метр. въ длину и около 0,71—1 дюйма въ ширину. Наиболѣе важнымъ условіемъ успѣшнаго дѣйствія является настраиваніе когерера въ униссонъ съ вибраторомъ, иначе говоря полученіе одинаковаго числа колебаній въ обоихъ приборахъ, явленіе резонанса пріемной станціи въ отвѣтъ на токъ, издаваемый посылающей станціей. Для настройки обоихъ приборовъ употребляется слѣдующій методъ: изъ когерера высыпаютъ содержащійся въ немъ металлическій порошокъ и держатъ его параллельно стержнямъ вибратора. Если пропускать токъ черезъ вибраторъ, то мы замѣтимъ, что и въ когерерѣ между находящимися въ немъ серебряными пробками проскакиваетъ искра (здѣсь имѣетъ мѣсто индукція токовъ, съ которой мы уже познакомились); намъ нужно изслѣдовать полученную въ когерерѣ искру. Если она блестящая, а звукъ при ея прохожденіи сухой и рѣзкій, то настройка достигнута: въ когереръ всыпается

обратно металлическій порошокъ и устанавливаютъ его для дѣйствія. Кромѣ того можно добиться улучшенія дѣйствія резонанса помощью удлиненія или укорачиванія мѣдныхъ лентъ, такъ называемыхъ собирательныхъ пластинокъ, служащихъ для полученія волнъ изъ эѳира. Мы видѣли, что отправленіе и полученіе электромагнитныхъ волнъ совершается на нѣкоторой высотѣ, при помощи высокихъ мачтъ (или особенныхъ змѣевъ, съ которыми мы познакомимся въ дальнѣйшемъ). Одинъ изъ шариковъ вибратора соединяется съ проводомъ, укрѣпленнымъ на высокой мачтѣ, другой же шарикъ вибратора отводится къ землѣ. На пріемной станціи мы наблюдаемъ ту же картину: одинъ изъ платиновыхъ стержней когерера присоединяется къ проводу, идущему на верхушку стоящей мачты, другой же платиновый стержень при помощи особаго провода отводится въ землю. Принципъ устройства проводовъ, идущихъ къ вибратору и когереру, на мачтахъ будетъ вполнѣ уясненъ, если мы вспомнимъ изложенное выше явленіе индукціи. Мачты съ укрѣпленными на нихъ проводами являются параллельно расположенными проводниками, сообщающимися между собой по правилу индукціи токовъ (мы познакомились съ этимъ правиломъ въ I-й главѣ). Теперь мы можемъ уяснить себѣ способъ дѣйствія на станціяхъ безпроволочнаго телеграфа.

На отправляющей станціи мы замыкаемъ токъ; токъ направляется отъ аккумуляторовъ черезъ катушку Румкорфа и заставитъ вибрировать шарики вибратора; вмѣстѣ съ этими послѣдними придетъ въ колебательное движеніе конецъ провода, идущій отъ одного изъ шариковъ вибратора къ верхушкѣ высокой мачты. Электромагнитныя волны, берущія начало въ этихъ колебаніяхъ, расходятся во всѣ стороны отъ посылающей станціи и доходятъ до провода, укрѣпленнаго на мачтѣ пріемной станціи. Электрическая волна спустится по проводу до когерера и произведетъ свое дѣйствіе на опилки, находящіяся между серебряными пробками. Подъ вліяніемъ полученной волны опилки эти слипаются, токъ получаетъ возможность дальнѣйшаго движенія и доходитъ до реле, замыкающаго въ свою очередь полюсы сильной батареи. Получающійся при этомъ замыканіи токъ устремляется по проводамъ къ телеграфному прибору и заставляетъ перо этого прибора опуститься на проходящую передъ нимъ бумажную ленту и начертить на этой послѣдней знакъ, зависящій отъ длины полученной волны; затѣмъ тотъ же токъ доходитъ до молоточка встряхивателя, послѣдній поднимается и опускается на лежащую передъ нимъ трубку когерера (радіокондуктора). Опилки расходятся подъ вліяніемъ этого удара, и токъ прекращенъ. На посылающей станціи опять замыкаютъ токъ, опилки снова слипаются, образуя мостъ для прохожденія тока, перо чертитъ значокъ на лентѣ, молоточекъ ударяетъ по трубкѣ когерера, опилки расходятся и т. д., до тѣхъ поръ, пока на посылающей станціи не перестанутъ отправлять волнъ. Такимъ образомъ мы получимъ возможность передачи сигнализаціи на разстояніи, возможность безпроволочнаго телеграфированія. Принципъ устройства безпроволочнаго телеграфа нами уясненъ; обратимся теперь къ

предисловію и вспомнимъ одну фразу оттуда, говорящую, что Marconi не былъ одинокъ на своемъ пути изслѣдованій и изысканій. Интересно поближе познакомиться съ исторіей открытія возможности безпроволочнаго телеграфированія.

Въ исторіи открытій можно найти много такихъ моментовъ, которые не даютъ возможности точно опредѣлить первенство времени появленія извѣстія о томъ или другомъ наблюденіи или изобрѣтеніи. Такое положеніе вещей имѣетъ мѣсто по отношенію къ открытію Нептуна: Levertier и Adams оба считаются первыми, оба пришли независимо другъ отъ друга къ конечной цѣли своихъ изысканій, тѣмъ не менѣе слава открытія Нептуна приписывается Леверрье, какъ первому гласно сообщившему о своемъ великомъ открытіи, составляющемъ гордость математической астрономіи *). Точно такое же явленіе имѣетъ мѣсто и въ исторіи открытія безпроволочнаго телеграфированія. Поповъ и Marconi оба пришли независимо другъ отъ друга къ этому важному открытію, тѣмъ не менѣе имя Marconi неразрывно связано съ изобрѣтеніемъ этого новаго способа телеграфіи. Прослѣдимъ и мы исторію этихъ открытій.

Въ апрѣлѣ 1895 г. проф. электротехническаго института А. С. Поповъ сдѣлалъ докладъ въ засѣданіи русскаго физико-химическаго общества о новоизобрѣтенномъ имъ приборѣ, при помощи котораго онъ могъ получать и записывать атмосферные разряды электричества. Этотъ приборъ, названный имъ «грозоотмѣтчикомъ», былъ установленъ на метеорологической обсерваторіи лѣсного института. Разсмотрѣвъ его, мы найдемъ почти всѣ составныя части станцій современнаго безпроволочнаго телеграфа. Пріемная станція А. С. Попова состояла изъ когерера, батареи, реле, звонка и пишущаго прибора, для полученія же воздѣйствія атмосфернаго электричества одинъ изъ проводовъ когерера былъ прикрѣпленъ къ громоотводу. Токъ проходилъ отъ атмосфернаго электричества по громоотводу, соединялъ опилки въ когерерѣ между собою и посредствомъ звонка или пишущаго прибора, установленнаго на станціи, давалъ знать о существованіи атмосфернаго разряда. Закончивъ объясненіе дѣйствія новоизобрѣтеннаго прибора, проф. А. С. Поповъ говоритъ: «если вмѣсто атмосфернаго электричества я буду дѣйствовать электрическими волнами, посылаемыми вибраторомъ Hertz'a, то возможно полученіе этихъ волнъ на разстояніи одного километра и дальше до разстоянія въ 5 километровъ». Фирма Ducretet въ Парижѣ взялась за постройку всѣхъ приборовъ, необходимыхъ для употребленія на станціяхъ безпроволочнаго телеграфа по системѣ Попова. Въ 1897 г. на выставкѣ французскаго физическаго общества было демонстрировано полное оборудованіе станціи безпроволочнаго телеграфа по системѣ Попова-Ducretet. Можно изъ этого убѣдиться, сколько существеннаго сдѣ-

*) Существованіе Нептуна было сперва доказано математическими формулами, а затѣмъ уже принялись за его отысканіе, руководствуясь теоретическими данными. Онъ былъ найденъ въ указанной части неба.

лалъ проф. Поповъ и какъ близко онъ былъ отъ возможности практическаго примѣненія своего изобрѣтенія. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ А. С. Поповъ неустанно производилъ опыты въ этомъ направленіи, но ему не суждено было довести свою работу до конца. Внезапная смерть *) прервала его научную дѣятельность и унесла съ собою въ могилу одного изъ немногихъ русскихъ ученыхъ электротехниковъ. Смерть А. С. Попова въ самомъ разгарѣ его плодотворной работы представляетъ тяжелую утрату не только для русской науки, но и для всего ученаго міра, вырвавъ изъ его среды одного изъ выдающихся дѣятелей.

Практическое примѣненіе идеи безпроволочнаго телеграфированія всецѣло принадлежитъ молодому итальянскому физику G. Marconi; то, что не могъ выполнить проф. Поповъ, то привелъ въ исполненіе G. Marconi.

Въ первомъ сообщеніи Marconi о новомъ изобрѣтеніи находится указаніе на аппаратъ, дающій начало интересующимъ насъ волнамъ; при сравненіи его съ подобными же приборами другихъ изобрѣтателей мы найдемъ полное сходство его съ аппаратомъ, предложеннымъ Righi. Въ обоихъ этихъ приборахъ электрическія волны зарождаются въ разрядахъ, которые имѣютъ мѣсто между двумя металлическими сферами; этотъ разрядъ имѣетъ видъ короткой искры, проходящей въ изолирующей жидкости. Въ то же время этимъ двумъ сферамъ сообщаются необходимые заряды при помощи искръ, проходящихъ между нашими сферами и двумя другими, соединенными съ полюсами источника электричества. Таково устройство прибора, посылающаго электрическія волны; аппаратъ же, получающій эти волны, состоитъ изъ трубки съ опилками или когерера, о которомъ мы уже говорили. Остальные необходимые приборы, какъ реле, молоточекъ для встряхиванія когерера и воздушный проводъ для полученія электрическихъ волнъ тѣ же, что и у проф. Попова. Мы видимъ, такимъ образомъ, что частности устройства станціи безпроволочнаго телеграфа были указаны раньше Marconi; ему же принадлежитъ соединеніе въ одно цѣлое составныхъ частей станціи и способъ приведенія ихъ въ дѣйствіе. Конечно, онъ ввелъ много новаго, по виду незначительнаго, на дѣлѣ же ускоряющаго проведеніе въ жизнь возможности безпроволочнаго телеграфированія. Это полное оборудованіе станціи безпроволочной телеграфіи и составляетъ ту особенную систему, которая носитъ названіе системы Marconi **).

Мы видѣли, какъ устраивалъ Marconi вибраторъ, наподобіе вибратора Righi, мы познакомились съ способомъ полученія электрическихъ волнъ, съ зарожденіемъ ихъ при разрядѣ между сферами, питаемыми токомъ отъ Румкорфовой катушки. Въ первичную обмотку этой катушки были включены, кромѣ батареи и обыкновеннаго прерывателя, еще и ключъ Morse'a для замыканія тока, причемъ волны посылались болѣе или менѣе длинныя, ъ

*) Скорбную вѣсть о смерти А. С. Попова газеты принесли намъ въ нач ъ января 1906 г. (*Р. Вѣд.*, № 2).

**) Описаніе системы G. Marconi взято нами изъ книги *A. Righi e B. Dea* ъ „Telegrafia senza filo". Bologna, 1905, parte 3, cap. II.

зависимости отъ того, какой долженъ былъ получиться знакъ по телеграфной азбукѣ Morse'a. Если же мы обратимся къ станціи полученія, то увидимъ, что существенныя ея части состоятъ изъ когерера (трубки съ опилками) соединеннаго съ одной стороны съ воздушнымъ проводомъ, а съ другой—съ землей. Въ то же время этотъ когереръ входитъ въ цѣпь, состоящую изъ чувствительнаго реле и довольно слабой батареи. Самъ же реле входитъ въ цѣпь болѣе сильной батареи, въ отвѣтвленіе которой входитъ приборъ наподобіе электрическаго звонка, устроеннаго такимъ образомъ, что молоточекъ въ моментъ притяженія электромагнитомъ сообщаетъ легкій ударъ когереру; затѣмъ токъ направляется къ телеграфному аппарату Morse'a. Вопросъ объ устройствѣ когерера Marconi тщательно разработалъ и даетъ рядъ указаній относительно его постройки и примѣненія.

Въ стеклянную трубку длиной отъ 4 до 6 сантиметровъ, имѣющую въ діаметрѣ 3—4 миллим., плотно входятъ два серебряныхъ цилиндра. Ихъ поверхности, хорошо выровненныя и идущія навстрѣчу другъ къ другу, имѣютъ между собою промежутокъ около полумиллиметра, который заполненъ смѣсью изъ металлическихъ опилокъ. Для полученія наилучшаго дѣйствія Marconi совѣтуетъ употреблять смѣсь изъ никелевыхъ и серебряныхъ опилокъ, причемъ количество никелевыхъ опилокъ составляетъ 96% всей смѣси, количество же серебряныхъ только 4%; эти послѣднія вводятся для повышенія чувствительности когерера къ приходящимъ къ нему электрическимъ волнамъ. Разстояніе между цилиндрами, конечно, можетъ быть измѣнено; чѣмъ оно шире, тѣмъ большее количество опилокъ приходится пускать въ дѣйствіе. Въ общемъ чувствительность лучше при меньшемъ разстояніи; лучшіе результаты получаются при разстояніи въ 0,5 мм., о которомъ мы уже упоминали. Для проведенія тока къ цилиндрамъ прикрѣпляются два платиновыхъ провода, впаянные въ стѣнки трубки; отъ этихъ же платиновыхъ стержней идутъ провода: одинъ къ верхушкѣ мачты, другой къ землѣ.

Ознакомившись такимъ образомъ съ приборами, входящими въ составъ посылающей и получающей станцій (станцій отправленія и пріемной), мы перейдемъ къ послѣдовательному разсмотрѣнію хода безпроволочнаго телеграфированія. На станціи отправленія замыкаютъ токъ при помощи ключа Morse'a, даютъ возможность теченію тока; токъ идетъ къ индуктивной катушкѣ Румкорфа, въ ея первичную обмотку. Подъ вліяніемъ индукціи возбуждается токъ во вторичной обмоткѣ, переходящій вслѣдъ затѣмъ къ шарикамъ вибратора. Между шариками проскакиваетъ искра, служащая источникомъ зарожденія электромагнитной волны, устремляющейся по проводу къ верхушкѣ близъ стоящей мачты. Эѳиръ подхватываетъ донесенную до него волну и несетъ ее со скоростью 300,000 километровъ въ секунду по всѣмъ окружающимъ направленіямъ; верхушка мачты съ укрѣпленнымъ на ней концомъ провода служитъ какъ бы центромъ окружности, являющейся предѣломъ распространенія волны. Направленіе распространенія ко-

лебаній суть радіусы этой окружности; чѣмъ длиннѣе волна, тѣмъ больше предѣлъ ея распространенія. Эти волны, расходящіяся отъ верхушки мачты по всѣмъ направленіямъ, достигаютъ воздушнаго провода пріемной станціи и спускаются по этому проводу до когерера. Послѣдній подъ вліяніемъ полученной волны становится проводникомъ, по которому токъ устремляется впередъ и доходитъ до релэ. Электромагнитъ послѣдняго притягивается и замыкаетъ токъ сильной батареи, въ цѣпь которой включены пишущій приборъ и молоточекъ-встряхиватель. Перо пишущаго прибора чертитъ знакъ на бумажной лентѣ, послѣ чего токъ заставляетъ молоточекъ встряхиваясь ударить по когереру и тѣмъ прекратить дѣйствіе полученной волны. Опилки расходятся, устанавливается первоначальное ихъ состояніе огромнаго сопротивленія проходящему электрическому току. Затѣмъ на станціи отправленія посылаютъ слѣдующій знакъ-волну, пріемная станція воспринимаетъ ее, и такъ до тѣхъ поръ, пока на станціи отправленія не перестанутъ посылать электрическія волны. На практикѣ, конечно, недостаточно, чтобы одна станція могла только отправлять волны, а другая только ихъ получать. Необходимо, чтобы обѣ станціи могли свободно дѣйствовать и въ томъ, и въ другомъ направленіи, т.-е. и отправлять и получать волны. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого требованія является необходимость установки на обѣихъ станціяхъ всѣхъ нужныхъ аппаратовъ, какъ станціи отправленія, такъ и станціи полученія. Поэтому воздушный проводъ при помощи особаго прибора присоединяется попеременно то къ аппаратамъ, посылающимъ электрическія волны, то къ принимающимъ ихъ. Это послѣдовательное соединеніе производится съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ моментъ бездѣйствія ключа, замыкающаго токъ отправленія, воздушный проводъ присоединялся бы черезъ вторичную обмотку катушки къ когереру и давалъ возможность полученія электрическихъ волнъ; при замыканіи же ключа это соединеніе прерывается, воздушный проводъ присоединяется къ вибратору и посылаетъ волны въ окружающее пространство подъ вліяніемъ дѣйствія индуктивной катушки. Въ виду вреднаго дѣйствія воздуха на аппараты (окисленіе и т. п.), почти всѣ они заключаются какъ на станціи отправленія, такъ и на пріемной станціи въ металлическіе ящики, за исключеніемъ ключа на станціи отправленія и пишущаго прибора на станціи полученія; въ этихъ ящикахъ сдѣланы небольшія дверки, служащія для возможности регулировки дѣйствія релэ. Такова, въ краткихъ чертахъ, система Маркони. Присматриваясь къ ходу дѣйствія въ этой системѣ, мы не можемъ не замѣтить въ ней одного, чрезвычайно непріятнаго обстоятельства. Вѣдь электрическія волны, идущія отъ передатчика, иначе говоря отъ воздушнаго провода въ эѳирѣ, распространяются во всѣ стороны. Такимъ образомъ, если въ сферѣ дѣйствія электрическихъ волнъ, исходящихъ отъ мачты посылающей станціи, находятся нѣсколько пріемныхъ станцій, то всѣ онѣ, а не одна только опредѣленная, получатъ ту депешу, которую мы посылали со станціи отправленія.

Не говоря о томъ, что это обстоятельство крайне неудобно при прак-

тическомъ употребленіи безпроволочнаго телеграфа, изобрѣтеніе такого телеграфа рискуетъ остаться безъ примѣненія въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, непріятель, установивъ свои станціи въ сферѣ электрическихъ волнъ, можетъ легко перехватывать посылаемыя телеграммы и такимъ образомъ быть посвященнымъ во всѣ планы передвиженія войскъ.

Къ этому важному недостатку безпроволочнаго телеграфа присоединяется еще одинъ, не менѣе важный въ смыслѣ урегулированія международныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что волны, идущія отъ сильнаго источника, дѣйствуютъ на болѣе слабыя волны источниковъ, находящихся съ ними въ сосѣдствѣ; дѣйствіе это выражается въ поглощеніи сильными волнами болѣе слабыхъ волнъ. Такимъ образомъ можетъ случиться, что всѣ телеграфныя сообщенія какого-нибудь государства будутъ совершенно поглощены, иначе говоря уничтожены болѣе сильными электрическими волнами, распространяющимися отъ болѣе крупныхъ электрическихъ установокъ сосѣдняго государства. Это явленіе настолько серьезно по своимъ послѣдствіямъ, что вызвало рядъ работъ по этому вопросу. Подобнаго рода фактъ имѣлъ мѣсто во время опытовъ Marconi на мысѣ Лизаръ: всѣ пріемники станцій, расположенныхъ въ окружности, на разстояніи около 20 миль отъ него, совершенно бездѣйствовали, такъ какъ посылаемыя ими волны всецѣло поглощались электрическими волнами большой иглы, идущими отъ громадной установки на мысѣ Лизаръ. Многіе физики, между ними Branly, предложили рядъ измѣненій въ аппаратахъ безпроволочнаго телеграфа, которыя могли бы устранить этотъ недостатокъ. Вопросъ этотъ окончательно не рѣшенъ, но нужно надѣяться что въ недалекомъ будущемъ будетъ рѣшенъ вполнѣ благопріятно.

Неудивительно, что полученные результаты не удовлетворили Marconi, а наоборотъ натолкнули его на путь новыхъ изысканій, чисто техническихъ, безъ которыхъ примѣненіе безпроволочнаго телеграфа являлось бы крайне нецѣлесообразнымъ. По этому пути дальнѣйшихъ изслѣдованій направились, кромѣ Marconi, нѣсколько выдающихся европейскихъ ученыхъ и, между прочими проф. Берлинскаго университета Slaby и Страсбургскаго университета F. Braun.

Первый изъ нихъ совмѣстно съ графомъ Arco внесли очень много существеннаго, уменьшающаго возможность захвата чужихъ телеграммъ. Для этой цѣли названные ученые воспользовались явленіемъ электрическаго резонанса, названнаго такъ по своему сходству съ акустическимъ резонансомъ, такъ хорошо всѣмъ извѣстнымъ.

Между этими двумя явленіями—акустическаго и электрическаго резонанса, существуетъ только одно различіе, чрезвычайно важное. Резонаторъ въ акустикѣ настраивается на извѣстный тонъ, иначе говоря на извѣстное число колебаній звучащаго тѣла въ секунду, резонаторъ отвѣчаетъ только на этотъ тонъ, совершенно игнорируя остальные тоны звучащаго тѣла. Резонаторъ же электрическій въ этомъ именно рѣзко и отличается: онъ отвѣчаетъ на какое-угодно число колебаній. Объясненія такого стран-

наго факта нужно искать въ явленіи индукціи *). Одинъ изъ великихъ физиковъ XIX столѣтія, Фарадей, первый открылъ это явленіе и указалъ на слѣдующее обстоятельство: при параллельно расположенныхъ двухъ проводникахъ и достаточной длинѣ ихъ во время прохожденія тока по одному изъ проводниковъ, въ другомъ изъ нихъ, не соединенномъ съ нимъ, также наблюдается появленіе электрическаго тока, причемъ явленіе увеличивается съ уменьшеніемъ разстоянія между проводниками. Если второй изъ проводниковъ разрѣзать пополамъ, то каждая половина его производитъ самостоятельное колебаніе, явленіе, вполнѣ аналогичное звуковому. Такимъ образомъ, если вблизи одной проволоки, по которой идетъ токъ, находится другая, не соединенная съ первой, то и она приходитъ въ состояніе электрическаго колебанія. Это явленіе индукціи тока въ параллельныхъ проводникахъ навело проф. Slaby на мысль о возможности примѣненія индукціи къ идеѣ безпроволочнаго телеграфа. Дѣйствительно, если по какому-нибудь воздушному проводу пропускать токъ, то эоиръ, благодаря своей чрезвычайной упругости, служитъ посредникомъ при передачѣ этихъ колебаній второму изъ проводовъ, который приходитъ въ колебательное состояніе. Наилучшее дѣйствіе получается, если провода настроены одинаково, какъ говорятъ, въ «унисонъ», а это бываетъ, когда они одинаковы по своимъ размѣрамъ.

Такимъ образомъ, знакъ, посылаемый какой-нибудь станціей, доступенъ только той станціи, провода которой имѣютъ одинаковое число колебаній съ посылающимъ проводомъ: возможность улавливанія чужихъ депешъ значительно уменьшается.

Мы говоримъ все время о воздушныхъ проводахъ, не упоминая о томъ, какъ сдѣлать эти провода воздушными, т.-е. помѣщать ихъ въ воздухѣ. Для этого существуетъ нѣсколько способовъ **), наприм., мачтъ, воздушныхъ шаровъ, змѣевъ и т. д. Мачты устраиваются обыкновенно въ 20—30 метровъ высоты; на верхушку такой мачты подымается помощью блока конецъ провода, идущаго на станцію. Кромѣ постоянныхъ мачтъ, укрѣпленныхъ вблизи данной станціи, употребляются еще переносныя мачты (полевыя), состоящія или изъ выдвигающихся лѣстницъ (около 30 метровъ высотой) или выдвигающихся трубъ (нижнія—желѣзныя, верхнія—бамбуковыя). Подобныя мачты устанавливаются при работахъ на небольшихъ разстояніяхъ, напр., на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. При работѣ на большихъ разстояніяхъ употребляется особое приспособленіе, такъ называемая воздушная сѣть, состоящая изъ ряда проволокъ отъ 50—500 и даже болѣе, укрѣпленныхъ на стальномъ тросѣ, натянутомъ между 2 мачтами, на высотѣ 50—75 метровъ. Эти проволоки на пути къ станціи укрѣпляются на отдѣльномъ горизонтальномъ шестѣ, откуда уже

---

*) *A. Slaby:* „Die neueste Fortschritte auf die Gebiete der Funkentelegraphie". (*Zeitschrift des Vereins d. deutch. Ingen.*, vol. 45).

**) *Критскій:* „Сущность и значеніе безпроволочнаго телеграфа". Спб., 1904 г.

направляются къ аппаратамъ станціи; отъ горизонтальнаго шеста и до аппаратовъ провода эти покрываются изоляціоннымъ слоемъ. Обѣ эти установки, мачты и воздушныя сѣти устраиваются при станціи и служатъ постоянными пунктами полученія и отправленія электрическихъ волнъ.

Кромѣ этихъ приспособленій вводятъ еще для поднятія проводовъ на воздухъ воздушные шары и змѣи. Употребленіе шаровъ не всегда удобно въ виду необходимости наполнять эти шары газомъ для ихъ поднятія; такой способъ поднятія проводовъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если есть возможность добыванія такого газа.

Гораздо чаще пускаютъ въ употребленіе змѣи съ прикрѣпленными къ нимъ проводами. При опытахъ найдено, что на высотѣ до 280 метровъ получаются успѣшные результаты на разстояніи около 130 верстъ (поднятіе провода змѣемъ). Мы познакомились такимъ образомъ съ приборами, дѣйствующими на станціяхъ отправленія и полученія, и съ ходомъ самого телеграфированія; для уясненія практическаго значенія безпроволочнаго телеграфированія крайне важно познакомиться съ тѣми опытами, которые были произведены при помощи этого новаго способа телеграфированія.

III.

При переходѣ къ разсмотрѣнію опытныхъ данныхъ, полученныхъ при безпроволочномъ телеграфированіи различными учеными, будетъ вполнѣ справедливо ознакомиться съ этими данными въ томъ порядкѣ, какой имѣлъ мѣсто при теоретическомъ разсмотрѣніи интересующаго насъ вопроса, а именно въ хронологическомъ порядкѣ открытій.

Проф. А. С. Поповъ первый изъ изслѣдователей произвелъ нѣсколько опытовъ на Финскомъ заливѣ съ цѣлью убѣдиться въ практическомъ значеніи своего открытія; разстояніе для телеграфированія постепенно увеличивалось, дойдя до цифры въ 35 верстъ. Достаточно было поднять проводъ на мачту высотой около 8 сажень, чтобы получить желаемые результаты. При послѣдующихъ опытахъ разстояніе было доведено до 46 вер. (островъ Гохландъ и сѣверный берегъ Финскаго залива); и въ этотъ разъ успѣхъ сопровождалъ энергично начатое дѣло. Къ сожалѣнію опыты на этомъ разстояніи были конечными; въ послѣднее время газеты сообщали объ устройствѣ безпроволочнаго телеграфа Гельсингфорсъ-Петербургъ *). Возможность телеграфированія на гораздо большія разстоянія впервые была доказана Маркони; къ его опытамъ мы и перейдемъ.

Не говоря о первоначальныхъ изысканіяхъ молодого итальянскаго ученаго,—изысканіяхъ, имѣвшихъ мѣсто около Болоньи, разсмотримъ тѣ данныя, которыя были имъ получены во время опытовъ въ Англіи. На разстояніи въ 100 ярдовъ **) (42⅞ саж.), между Лондономъ и спеціально

*) Извѣстіе это прошло незамѣченнымъ и недостаточно подтвержденнымъ.

**) Ярдъ=3 футамъ.

сооруженной станціей испытывалась система, предложенная Marconi; результаты были настолько успѣшны, что разстояніе было увеличено до 2 тыс. ярд. И въ этотъ разъ успѣхъ оправдалъ ожиданія. Тогда въ маѣ 1897 г. аппараты станціи Marconi были установлены на Бристольскомъ каналѣ, между Lavernoode, Flat Holin и Brean Down; разстояніе между двумя первыми пунктами было 53 кил., между вторыми 14 кил. Первый день опытовъ далъ нѣкоторые результаты, но крайне неясные; тогда удлинили воздушные провода, предполагая, что волны при своемъ распространеніи встрѣчаютъ большія препятствія. Результаты въ этотъ разъ получились блестящіе: всѣ сигналы доходили до пріемной станціи и притомъ совершенно ясно. Итальянское министерство морскихъ дѣлъ, узнавъ объ успѣшности опытовъ Marconi, пригласило его въ Спецію для производства дальнѣйшихъ опытовъ на военныхъ судахъ; въ случаѣ успѣшности наблюденій министерство предполагало ввести аппараты безпроволочнаго телеграфа по системѣ Marconi на всѣ военныя суда. Изслѣдованія производились съ 11—18 іюля того же 1897 г. Первые три дня опыты производились на сушѣ и только 14-го одна изъ станцій была перенесена на судно. При этомъ замѣтили особенно важный фактъ: въ незастроенныхъ мѣстностяхъ сигналы точно передаются и на небольшой высотѣ. Поэтому на судахъ нѣтъ надобности устраивать особенно высокія и дорогія мачты, столь необходимыя для возможности передачи сигналовъ въ городахъ и другихъ застроенныхъ центрахъ. Въ послѣдній день опытовъ разстояніе было доведено до 18 кил.; и на этомъ разстояніи сигналы, получаемые на броненосцѣ S.-Martino, были совершенно точны и ясны. Во время этихъ опытовъ было замѣчено еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: электрическія волны передаются одинаково во всякую погоду; кромѣ того было обнаружено, что возвышенности и неправильности почвы не оказывали никакого вліянія на сигналы, даже при передвиженіи судовъ съ одного мѣста на другое. Убѣдившись въ успѣшности своего открытія Marconi отправился въ Англію и взялъ патентъ на свое изобрѣтеніе. Тотчасъ же образовалась компанія безпроволочнаго телеграфа (Wireless Telegraph Company), которая занялась постройкой станцій безпроволочнаго телеграфа въ различныхъ странахъ. Первыми были построены 2 станціи для безпроволочнаго телеграфированія на берегу Ламанша, одна около Дувра, въ South Forland, другая—около Булони въ Wimereux. Разстояніе между этими станціями было около 46 кил., т.-е. около 46 вер., какъ разъ то разстояніе, на которомъ успѣшно выполнялъ безпроволочное телеграфированіе и проф. Поповъ. Установка этихъ двухъ станцій была отмѣчена засѣданіями 2 ученыхъ обществъ: «British Association for the Advancement of Science» въ Дуврѣ и «Association Française pour l'Avancement des Sciences» въ Булони. Обмѣнявшись между собой поздравительными телеграммами по только что установленному безпроволочному телеграфу, оба этихъ ученыхъ общества послали въ Сото такимъ же путемъ поздравительную телеграмму засѣдавшему тамъ интернаціональному конгрессу электриковъ

праздновавшихъ столѣтіе открытія электрическаго тока. Большой интересъ представляетъ опытъ, произведенный между Chamounix и обсерваторіей Vallot, устроенной на Mont-Blanc'ѣ. Весь интересъ этого опыта заключается не въ разстояніи, которое сравнительно небольшое (12 кил.), а въ той разницѣ высотъ, которая доходитъ до 3,350 метровъ (Mont-Blanc имѣетъ 4,350 метр. высоты, Chamounix лежитъ на 1,000 метр. выше уровня воды въ океанѣ). Воздушный проводъ на телеграфной станціи въ Chamounix былъ поднятъ на высоту 25 метр., на Mont-Blanc'ѣ же онъ помѣщался много ниже; станціи устраивались съ такимъ разсчетомъ, чтобы мачты были установлены другъ противъ друга. Результаты получились вполнѣ успѣшные и доказали лишній разъ, что электрическія волны преодолѣваютъ всѣ препятствія. Затѣмъ были произведены опыты безпроволочнаго телеграфированія между землей и воздушнымъ шаромъ; эти опыты производились во Франціи, въ Австріи и въ обѣихъ странахъ дали успѣшные результаты. Воздушный проводъ, идущій съ земли, поднимался на высоту 150 метр. (Австрія) и 40 метр. (Франція); проводъ же идущій отъ шара направлялся внизъ къ землѣ, причемъ длина его колебалась отъ 20—50 метр. Возможность обмѣниваться сигналами по безпроволочному телеграфу въ случаѣ воздушныхъ шаровъ продолжалась до высоты въ 8—16 кило̀м. Послѣ этого только были предприняты важные опыты сигнализаціи между 2 находящимися на морѣ судами. Морское министерство Соединенныхъ Штатовъ пригласило Marconi произвести опыты въ указанномъ направленіи, причемъ предлагало для этихъ опытовъ два военныхъ судна: броненосецъ «Массачузетсъ» и крейсеръ «Нью-Йоркъ». Результаты получались вполнѣ успѣшные на разстояніи, не превышавшемъ 57 кил.; при дальнѣйшемъ же увеличеніи разстоянія сигналы становились неясными, малопонятными. Подобнаго рода результатъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Marconi, поэтому въ установкѣ были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и опыты были повторены еще разъ, но уже на судахъ англійскаго флота. Разстояніе постепенно увеличивалось, и, наконецъ, было доведено до 100 кил.; результаты все время получались блестящіе. Въ 1900 г. разстояніе это было доведено до 136 кил. съ тѣмъ же неослабѣвающимъ успѣхомъ; послѣ этого англійское министерство морскихъ дѣлъ заключило контрактъ съ компаніей Marconi *) на устройство 12 станцій безпроволочнаго телеграфа, частью на берегу, частью на военныхъ судахъ. Условіе, поставленное министерствомъ въ этомъ контрактѣ, состояло въ томъ, чтобы разстояніе между судами и берегомъ могло быть произвольно измѣнено, не превышая при этомъ разстоянія между Портландомъ и Портсмутомъ (разстояніе между ними 105 кил.); условіе это было въ точности выполнено. Воспользовавшись этимъ изобрѣтеніемъ «Nord Deutcher Lloyd» заключилъ контрактъ съ Marconi на установку аппа-

*) „Wireles-Telegraph Company“ впослѣдствіи превратилась въ „Marconi's Internationale Marine Comunication Company“.

ратовъ безпроволочнаго телеграфа какъ на береговыхъ станціяхъ, принадлежащихъ этому обществу, такъ и на судахъ, совершающихъ рейсы между Бременомъ и Нью-Йоркомъ. Такимъ образомъ пассажиры, ѣдущіе въ Сѣверную Америку, имѣютъ возможность безостановочно получать свѣдѣнія о томъ, что происходитъ на континентѣ, а управленіе парохода—быть во время предупрежденнымъ въ случаѣ неожиданныхъ препятствій. Разсматривая ходъ дальнѣйшихъ опытовъ съ безпроволочнымъ телеграфомъ нельзя не отмѣтить установку такого сообщенія между Франціей и Корсикой, разстояніе между которыми около 175 кил. Слѣдующимъ важнымъ фактомъ является устройство Marconi двухъ станцій уже на разстояніи болѣе 300 кил.: островъ Уайтъ и мысъ Лизаръ. Дойдя до этого разстоянія, Marconi задумалъ смѣлый опытъ, который долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе: безпроволочное телеграфированіе черезъ Атлантическій океанъ Для приведенія въ исполненіе этого плана начата была постройка станціи въ Польдю (Корнвалисъ) съ воздушнымъ проводомъ, находящимся на высотѣ 70 метр.; получающая же станція была устроена съ проводомъ, поднятымъ на высоту 100 метр. при помощи воздушнаго змѣя въ Signal Hall около San Giovanni (въ Америкѣ) на разстояніи 3,400 кил. другъ отъ друга. 12 декабря 1901 г. Marconi въ первый разъ получилъ телеграмму изъ Signal Hall'я по ту сторону Атлантическаго океана; невыполнимое до сихъ поръ было достигнуто, благодаря неутомимой энергіи смѣлаго новатора. Успѣхъ достигнутый Marconi былъ однако омраченъ выраженіемъ неудовольствія со стороны англо-американской кабельной компаніи; изысканія на время прекратились, но только до возвращенія Marconi въ Европу. На обратномъ пути изъ Америки, установивъ свои приборы на пароходѣ «Филадельфія» уже на разстояніи 1,000 миль отъ Польдю, Marconi сталъ получать телеграммы, посылаемыя съ этой станціи.

Здѣсь было отмѣчено особое обстоятельство, имѣющее значеніе для хода телеграфированія: солнечные лучи вредно дѣйствуютъ на передачу волнъ. Это сказывается въ ясной сигнализаціи ночью и недостаточно ясной днемъ. Слѣдующее путешествіе съ научной цѣлью Marconi предпринялъ на военномъ итальянскомъ суднѣ «Carlo Alberto», отправлявшемся въ Кронштадтъ *). Во все время пути Marconi исправно получалъ телеграммы, посылаемыя со станціи Польдю, несмотря на то, что волнамъ приходилось не только проходить надъ водянымъ пространствомъ, но и надъ значительной частью континента, надъ застроенными мѣстностями. Послѣднимъ этапомъ въ ряду Marconi'евскихъ опытовъ является устройство двухъ большихъ станцій: одной на Table Head (Канада), другой—въ Wellfleete (Соединенные Штаты). 20 декабря 1902 г. первая изъ этихъ станцій начала свое сообщеніе со станціей въ Польдю (разстояніе 4,100 метр.), а въ январѣ 1905 г. началось сообщеніе и второй изъ вышеназванныхъ станцій съ Польдю на разстояніи 5,100 метр. Мы видимъ, какъ

*) *Адамовичъ*: Телеграфированіе безъ проводовъ.

постепенно Marconi увеличивалъ разстояніе въ своихъ опытахъ, начавъ съ величины въ нѣсколько сотъ сажень и дойдя до цифры въ 5,100 килом.; разстояніе все увеличивается,— безпроволочный телеграфъ побѣждаетъ окружающее пространство, связывая между собой самые отдаленные пункты земного шара!

Усовершенствованія, введенныя Marconi, показались недостаточными, вслѣдствіе чего извѣстный нѣмецкій физикъ проф. F. Braun занялся вопросомъ лучшаго устройства прибора, отправляющаго волны, т.-е. вибратора. Благодаря измѣненіямъ, введеннымъ этимъ ученымъ, въ цѣпи посылающаго прибора удалось повысить силу тока, иначе говоря сигнализировать на большее разстояніе. Въ послѣднихъ опытахъ, имѣвшихъ мѣсто между Корсикой и Франціей и въ Польдю Marconi воспользовался предложеніемъ Braun'a и достигъ, какъ мы видѣли, блестящихъ результатовъ.

Системы безпроволочнаго телеграфированія примѣняются разныя въ различныхъ странахъ. Это неодинаковое устройство безпроволочнаго телеграфа въ различныхъ странахъ ведетъ къ новому осложненію: невозможность устройства международныхъ сношеній. Вопросъ этотъ оживленно обсуждался на международной конференціи, имѣвшей мѣсто въ Берлинѣ въ 1903 г. Такъ какъ аппараты неодинаковаго устройства неспособны къ принятію волнъ, посылаемыхъ разнородными установками, то получается невозможность сообщенія между различными государствами. Между тѣмъ, если бы и было возможно установить сообщеніе между приборами различныхъ системъ (послѣднее, впрочемъ, сомнительно) *), то въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, но не научнымъ, а чисто-коммерческимъ. Дѣло въ томъ, что за всякой системой скрывается какая-нибудь компанія, эксплоатирующая эту систему. Всякая такая компанія заботится только о соблюденіи своихъ личныхъ интересовъ, т.-е. стремится монополизировать свою систему въ предѣлахъ даннаго государства. И дѣйствительно, соглашеніе по этому предмету не могло быть достигнуто на вышеупомянутой конференціи: делегаты Италіи и Англіи (странъ, въ которыхъ дѣйствуетъ система Marconi) не подписали общаго соглашенія. Въ Россіи и Франціи принята система Попова-Дюкрете, въ Италіи, Англіи, Америкѣ и Бельгіи—система Marconi, въ Германіи—система Slaby-Arco и Braun'a. Послѣдняя система примѣняется особенно въ германскихъ полевыхъ станціяхъ, которыя возможно транспортировать. Всѣ приборы для безпроволочнаго телеграфированія въ подобныхъ полевыхъ станціяхъ умѣщаются въ одну повозку, состоящую изъ 2 разборныхъ частей: передней—пріемной и задней—посылающей. Кромѣ того въ кузовѣ задней части помѣщается моторъ и небольшая динамо-машина, въ передней—резервуаръ, приспособленный для наполненія газомъ воздушнаго шара съ цѣлью поднятія провода на извѣстную высоту. Въ Парижѣ въ

*) *L. Rolland:* „La telegraphie sans fil et droit des gens. Revue générale du droit international public". 1906, № 1.

настоящее время основано общество для безпроволочнаго телеграфированія между южной Франціей и Тунисомъ и для обслуживанія городскимъ безпроволочнымъ телеграфомъ самого Парижа. Кромѣ того, аппаратами безпроволочнаго телеграфа снабжены теперь всѣ атлантическіе пароходы, причемъ между различными компаніями состоялось соглашеніе, въ силу котораго каждый пассажиръ въ любомъ мѣстѣ океана можетъ отправить нужную ему депешу.

Среди новѣйшихъ изслѣдованій надъ безпроволочнымъ телеграфомъ интересно сообщеніе, сдѣланное Tholdte *) о вліяніи іонизаціи на проводимость когерера. Авторъ сообщенія подвергалъ когереръ вліянію 0,5 gr. радіоактивнаго бромистаго барія и 5 mgr. чистаго бромистаго радія. Результаты, полученные имъ, чрезвычайно интересны: 1) подъ вліяніемъ радія сопротивленіе когерера уменьшается, 2) проводимость его увеличивается, 3) электрическія колебанія могутъ быть обнаружены даже при очень малой ихъ интенсивности.

Къ числу послѣднихъ сообщеній о примѣненіи безпроволочнаго телеграфа относится установка безпроволочнаго телеграфнаго сообщенія по линіи Петербургъ—Берлинъ. Установка эта не вполнѣ закончена, но опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи, дали весьма успѣшные результаты.

Передъ нами прошли имена лицъ, много сдѣлавшихъ въ дѣлѣ усовершенствованія безпроволочнаго телеграфа: проф. Поповъ, Marconi, Slaby, Arco, Braun; всѣ они внесли много труда и энергіи, всѣ они вложили много своего въ дѣло безпроволочной телеграфіи. Почему же имя Marconi выдѣляется среди всѣхъ другихъ, почему честь открытія принадлежитъ именно ему, почему вмѣстѣ съ понятіемъ безпроволочной телеграфіи само собою напрашивается имя Marconi?

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ лучше всего отвѣтить словами проф. Righi, сказанными относительно Marconi: «На его долю падаетъ неоспоримая заслуга смѣлой иниціативы, въ то время какъ другіе дѣлали только робкія предположенія; ему принадлежитъ честь перенесенія на практическую почву того, что другіе предполагали или даже, въ лучшемъ случаѣ, реализировали въ минимальныхъ размѣрахъ. Его умъ и созидающая способность обнаружились сравнительно недавно въ томъ умѣніи, съ которымъ онъ побѣдилъ безчисленныя затрудненія, встрѣчавшіяся на пути, въ тѣхъ нововведеніяхъ, которыя сыграли такую огромную роль въ практическомъ примѣненіи идеи безпроволочнаго телеграфированія. Эти нововведенія были предложены имъ и имъ же разумно скомбинированы: они-то и составляютъ *систему Marconi*» **).

Примѣненіе этого геніальнаго изобрѣтенія все болѣе и болѣе разрас-

---

*) *Tholdte*: „Drude's Annalen". September, 1905.

**) *A. Righi e B. Dessau*: „La Telegrafia senza filo". P. 346, Bologna, 1905.

тается. Достаточно указать на огромную роль безпроволочной телеграфіи на морѣ, гдѣ въ случаѣ бури есть возможность просьбы о помощи или предупрежденія съ берега (такіе случаи уже были). Примѣненіе его при военныхъ дѣйствіяхъ было нами уже отмѣчено, такъ же, какъ и общее его значеніе. Нужно надѣяться, что современемъ безпроволочный телеграфъ замѣнитъ кабель, съ такимъ трудомъ прокладываемый и стоящій огромное количество денегъ.

Въ послѣднее время возникъ вопросъ о правѣ безпроволочнаго телеграфированія черезъ чужія владѣнія, правда, владѣнія воздушныя, но все же надъ чужой землей. Поводомъ къ возникновенію этого вопроса послужилъ фактъ телеграфированія изъ Англіи въ Корсику черезъ всю Францію. Урегулированіе этого права предложено Германіей на обсужденіе всѣмъ государствамъ; отвѣтъ пока еще не вполнѣ опредѣленъ. По данному вопросу появилась статья Rolland'a, который указываетъ на нѣкоторыя соображенія, могущія пролить свѣтъ на этотъ чрезвычайно запутанный вопросъ *). Государство имѣетъ права надъ землей и сооруженіями на этой землѣ; имѣетъ ли оно право на окружающую ихъ атмосферу? Въ наше время развитія техники, воздушныхъ шаровъ и безпроволочнаго телеграфа этотъ вопросъ долженъ быть такъ или иначе разрѣшенъ. Въ виду того, что самыя высокія сооруженія не превышаютъ 300 метровъ въ высоту, то можно принять общимъ указаніемъ, что атмосфера до высоты 330 метровъ находится въ полномъ владѣніи того государства, чья земля находится подъ даннымъ слоемъ атмосферы, выше же атмосфера является международной, т.-е. на нее не могутъ быть выражены никакія притязанія. Такимъ образомъ, до высоты 330 метровъ безпроволочное телеграфированіе должно быть всецѣло во власти того или иного государства: оно можетъ запрещать или разрѣшать сообщеніе по безпроволочному телеграфу до означенной высоты. Сообщеніе же при помощи волнъ, распространяющихся выше этой зоны, должно быть совершенно свободно и не стѣснено никакими ограничительными условіями. Конечно, установка станцій безпроволочнаго телеграфа, какъ находящихся на землѣ, вполнѣ зависитъ отъ воли даннаго государства.

Къ числу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ примѣненіе безпроволочнаго телеграфа, относится медленное его дѣйствіе. Maximum скорости, достигнутой при передачѣ депешъ этимъ телеграфомъ, дается числомъ 27 словъ въ одну минуту (скорость, достигнутая самимъ Marconi), тогда какъ кабельный телеграфъ въ то же время передаетъ нѣсколько сотъ словъ. Къ этому нужно прибавить также большую дороговизну устройства станцій безпроволочнаго телеграфа, а слѣдовательно, и эксплоатаціи. Но можно предположить, что въ дальнѣйшемъ работа ученыхъ, успѣшная до сихъ поръ, внесетъ еще много новаго въ дѣло без-

*) *L. Rolland*, l. c.

проволочной телеграфіи и сдѣлаетъ ее дѣйствительно наиболѣе удобнымъ и скорымъ средствомъ сообщенія. Дѣло безпроволочнаго телеграфированія настолько расширилось и окрѣпло за послѣднее время, что осенью 1906 г. явилась необходимость созвать международную конференцію по вопросу о безпроволочномъ телеграфѣ для точной урегулировки всѣхъ правилъ, необходимыхъ при пользованіи этимъ новымъ видомъ телеграфа.

1887—88 годы являются для насъ пограничными вѣхами новаго физическаго ученія. Эти годы ознаменованы великимъ открытіемъ H. Hertz'a, доказавшаго опытнымъ путемъ то, что было теоретически высказано Clerc'омъ Maxwell'емъ. Имена этихъ двухъ великихъ ученыхъ неразрывно связаны съ началомъ новаго физическаго ученія,—ученія объ электромагнитныхъ волнахъ. Первое время, однако, и опыты Hertz'a имѣли единственное научное значеніе и только 90-ые годы прошедшаго столѣтія раскрыли всю необъятную величину возможности практическаго примѣненія новаго открытія. Безпроволочная телеграфія является однимъ изъ блестящихъ примѣненій этого геніальнаго открытія. Въ настоящее время идетъ только подготовительная работа къ его устройству, окончательное же введеніе въ жизнь принадлежитъ недалекому будущему. Кто знаетъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ безпроволочный телеграфъ станетъ обычнымъ средствомъ сообщенія, кабели будутъ забыты и отойдутъ въ область исторіи. Вѣдь мы живемъ въ такое время, когда научныя идеи распространяются съ быстротой молніи. По словамъ Ch. Guillaume'a «скорость распространенія научныхъ идей въ наше время такъ велика, что открытіе, поразительное въ одномъ поколѣніи даже для мыслителей, въ слѣдующемъ поколѣніи становится обыденнымъ уже для массъ *).

Принципъ безпроволочной телеграфіи настолько изумителенъ по своимъ результатамъ, настолько поразителенъ по простотѣ возможности передачи знаковъ черезъ эѳиръ, что порождаетъ надежду на еще болѣе удивительныя открытія, совершенно непредвидѣнныя. Недаромъ проф. Slaby заканчиваетъ свой докладъ о безпроволочномъ телеграфѣ на XLII съѣздѣ нѣмецкихъ инженеровъ въ Кіелѣ словами проф. Ayrton'a, ясно рисующими всеобъемлемлющее значеніе открытій человѣческой мысли. Мы позволимъ себѣ привести дословно заключительныя слова этого доклада **).

«Стоя лицомъ къ лицу съ чудесными явленіями, которыя природа открываетъ намъ въ таинственной игрѣ электрическихъ искръ, поневолѣ становишься поэтомъ. Даже такой строгій ученый, какъ профессоръ Ayrton, не могъ удержаться отъ грезъ, такими словами рисуя картину будущаго. «Придетъ нѣкогда день, когда мы всѣ будемъ забыты, когда мѣдные проводы, гуттаперчевая изоляція и желѣзная броня кораблей буду-ь

---

*) *F. Auerbach*: „Царица міра и ея тѣнь". Пред. V. Одесса, 1905 г.

**) *A. Slaby*: „Безпроволочный телеграфъ". Москва, 1902 г.

храниться только въ музеяхъ; тогда потомокъ человѣчества, который желаетъ бесѣдовать со своимъ другомъ и не знаетъ, гдѣ онъ находится, электрическимъ голосомъ броситъ въ пространство окликъ, который услышитъ тотъ, кто владѣетъ соотвѣтственно настроеннымъ электрическимъ ухомъ, раздастся окликъ: «Гдѣ ты?» и зазвучитъ отвѣтъ: «Я здѣсь», въ глубинѣ рудника, на вершинѣ Андовъ или среди шири океана. Или, можетъ быть, молчаніе будетъ ему отвѣтомъ, и онъ будетъ знать тогда, что другъ его мертвъ. Но, добавимъ мы, вѣчно и вѣчно юной живетъ наука, и вѣкъ за вѣкомъ черпаетъ все новыя и новыя сокровища изъ неисчерпаемыхъ нѣдръ природы».

А. Лѣтникъ.

Декадентство и мистическій реализмъ.

Декаденты охотно выдаютъ себя за мистиковъ, часто выражаютъ мистическія притязанія. Особенно русское декадентство тяготѣетъ къ мистикѣ, говоритъ о мистическомъ. Декадентство и мистику сближаютъ и смѣшиваютъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ, но «академизмъ» и «мистификація» вплетаются по пути и мѣшаютъ декадентству перейти въ подлинную реальную мистику. Въ избранныхъ, культурныхъ, литературно-утонченныхъ кружкахъ много говорятъ на мистическія темы, мистическую терминологію употребляютъ, но слишкомъ литературно говорятъ, слишкомъ историко-филологическое отношеніе обнаруживаютъ. Знатоки могутъ говорить о мистикѣ средневѣковой или мистикѣ античной, употребляютъ по характеру своей спеціальности мистическую терминологію, которой обучались на историко-филологическомъ факультетѣ, но значитъ ли это, что люди эти имѣютъ реальное отношеніе къ мистикѣ, что они мистики, полны мистическихъ надеждъ и упованій, мистической вѣры и любви?

Конечно, нѣтъ. Быть можетъ, они позитивисты, ни во что реально-мистическое не вѣрятъ, но могутъ академически разсматривать интересную тему прошлаго, мистическое сновидѣніе старины. Снимите литературно-историко-филологическій покровъ, заговорите языкомъ своей души, своихъ переживаній, реальныхъ своихъ надеждъ и вѣрованій, заговорите о современной, нашей мистикѣ, тогда посмотримъ, каково ваше подлинное, живое отношеніе къ мистикѣ. Вѣдь и мистику въ исторіи можно не мертво, реально воспринять лишь въ связи съ современной мистикой, съ мистической тревогой и упованіемъ нашихъ дней. Нужно держаться не за внѣшнюю историческую нить, а за внутреннюю, истинно-реальную мистическую нить, связывающую насъ и съ средними вѣками и съ античностью въ мистической ихъ дѣйствительности, въ ихъ вѣчности, а не временности. «Академическое», археологическое отношеніе мертво, при немъ такъ мало узнается, такимъ поверхностнымъ и словеснымъ все остается. Опасность «академическаго», литературнаго отношенія къ мистикѣ—въ полномъ отсутствіи реализма. Я бы больше повѣрилъ реализму мистическихъ словъ какого-нибудь физика или экономиста, чѣмъ литератора, прошедшаго историко-

филологическую школу, такъ какъ по характеру спеціальности физика или экономиста очень затрудняется «академическое», исключительно литературное отношеніе къ мистикѣ, нѣтъ въ ихъ распоряженіи терминологіи соотвѣтствующей, часто не знаютъ они словъ, обозначающихъ мистическое въ прошломъ, и потому ихъ собственное мистическое не будетъ только словомъ. А страшно становится, когда перестаешь реально различать мистическія слова отъ мистической дѣйствительности, литературу отъ бытія, рафинированныхъ позитивистовъ отъ подлинныхъ мистиковъ, когда все покрывается дымкой, когда туманность тонкаго позитивизма начинаетъ походить на мистику. Важно было бы установить настоящія различія, такъ какъ тогда только можно установить сходство и соединять. Обострять же различія можно лишь на почвѣ *реализма* въ мистикѣ, реальнаго отношенія къ мистикѣ. Всякая мистика, и наша современная, стремится къ *новому бытію*, а не къ новой только литературѣ, и всѣ связанныя съ ней различія—реально-бытійственныя, а не литературно-словесныя.

Я буду говорить не объ искусствѣ декадентскомъ, а о декадентскомъ состояніи современной души, о декадентскомъ міроощущеніи и міроотношеніи. Тема моя не литературно-эстетическая, а религіозно-философская. Заранѣе долженъ предупредить, что «декадентскую» литературу и искусство я здѣсь беру лишь какъ симптомъ болѣзни духа и лишь подъ однимъ угломъ зрѣнія буду эту болѣзнь разсматривать. Говорю «болѣзнь духа», хотя очень высоко ставлю такъ называемое декадентское искусство, считаю его единственнымъ настоящимъ искусствомъ въ нашу эпоху.

Декадентство критиковали съ разныхъ точекъ зрѣнія, обвиняли во многихъ прегрѣшеніяхъ: одни видѣли въ немъ безуміе и надругательство надъ здравымъ смысломъ, другіе усматривали безнравственность, третьи—противообщественность, четвертые находили нарушеніе эстетическихъ нормъ. Нельзя сказать, чтобы вся эта обычная критика декадентства отличалась особенной силой и была для декадентства опасной, въ большинствѣ случаевъ критика бьетъ мимо цѣлей. Но можно критиковать декадентское міроощущеніе и декадентское состояніе духа съ совсѣмъ особой точки зрѣнія, на которую очень рѣдко становятся. Ужасъ декадентства, подлинная его трагедія—въ потери ощущенія и сознанія реальностей, въ крайнемъ антиреализмѣ. Декадентство есть отраженіе иллюзорности бытія. Поэтому не безъ основанія называютъ декадентство нео-романтизмомъ: въ немъ есть тоска по бытію, но нѣтъ реальности бытія.

Анализируя отношеніе декадентства къ реальному, мистически-реальному, мы прежде всего должны отмѣтить крайній анти-индивидуализмъ, вражду къ личности. Очень поверхностно и ошибочно видѣть въ декадентствѣ индивидуализмъ, полагать его пафосъ въ утвержденіи личности. Въ декадентскихъ переживаніяхъ личность распадается на миги, на кажущіяся отрывочныя состоянія, теряется *центръ* личности и органическая, связующая *нить* жизни. Декадентство не имѣетъ права говорить объ индивидуальности, такъ какъ отрицаетъ ея объективную реальность. Для

утвержденія индивидуальности нужно собрать себя, сосредоточить вокругъ центра, а не расплываться въ мигахъ. Идея личности—нормативна, личность не есть совокупность какихъ угодно состояній, ни къ какому объективному центру не отнесенныхъ, это идея человѣка, которую должно осуществить; индивидуальность есть монада, занимающая свое объективное мѣсто въ міровомъ бытіи. Декадентству совершенно чуждо реальное ощущеніе личности, оно всегда подмѣняетъ личность дробнымъ переживаніемъ миговъ, ни съ какой реальностью не связанныхъ и ни къ какому реальному центру не отнесенныхъ. Чтобы ощутить границы личности, отличить ее отъ всего міра, чтобы личность не расплывалась и не истреблялась отъ раздуванія ея до размѣровъ универсума или отъ суживанія до размѣровъ низшихъ формъ бытія, нуженъ объективизмъ и реализмъ, необходимъ объективизмъ различій, ощущеніе и сознаніе реальностей міра въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Декадентское отношеніе къ личности иллюзорно, отражаетъ на себѣ ощущеніе міра, какъ бытія иллюзорнаго; декадентство ощущаетъ индивидуальность, какъ распадъ бытія, и хватается за куски, отрывки, въ переживаніи мига ищетъ полноты, такъ какъ отчаялось въ реальной полнотѣ личности, не вѣритъ въ достижимость бытія.

Потерявъ самоощущеніе и самосознаніе личности, декадентство тѣмъ самымъ теряетъ ощущеніе и сознаніе всѣхъ реальностей міра, всѣхъ объективныхъ различій бытія. Декадентское мироощущеніе смѣшиваетъ «я» съ «не я», смѣшиваетъ то, что есть, съ тѣмъ, чего нѣтъ. Декаденты какъ бы боятся реальныхъ встрѣчъ, хотятъ оставить за собой возможность сказать, что реальности нѣтъ, что ничего нѣтъ, отвращеніе питаютъ къ навязчивости всего реальнаго. Декадентскія переживанія слишкомъ разсчитываютъ на возможность расширить объемъ личности, признавъ иллюзорность бытія, уничтоживъ всѣ границы фиктивно, а не реально, преодолѣвъ эти границы въ преходящемъ настроеніи и словѣ, а не въ вѣчной дѣйствительности. Декаденты безнадежно смѣшали мистику съ психологической утонченностью, съ открытіемъ новыхъ эмпирическихъ состояній и на смѣшеніи этомъ основали свои мистическія притязанія. Лондонскіе и петербургскіе туманы давали много новыхъ переживаній, обогащали экспериментальную психологію, но въ нихъ таяло и растворялось мистическое бытіе, затуманивался мистическій реализмъ. На декадентствѣ, какъ проклятіе, лежитъ печать его происхожденія отъ натурализма: натурализмъ утончился, разложился, незамѣтно перешелъ въ свою противоположность. И въ грубыхъ линіяхъ натурализма и въ тончайшихъ линіяхъ декадентства одинаково торжествуетъ иллюзіонизмъ и не отражается абсолютно мистическое бытіе. Позитивный натурализмъ и есть корень всякаго иллюзіонизма и анти-реализма. Отъ корня этого декаденты съ трудомъ отрываются и всѣ они смѣшиваютъ съ мистикой рафинированные и красивые цвѣты, выросшіе на томъ же корнѣ.

Нельзя смѣшивать мистически реальнаго съ *переживаніемъ*, съ испытываніемъ фактическихъ состояній, съ субъективной данностью. Самое ярк

самое сильное, самое ирраціональное переживаніе не есть еще реальность и не есть еще мистика. Переживанія въ извѣстномъ смыслѣ — все, всеобщее безразличіе, переживаній нечего противополагать, не отъ чего отличать. И въ переживаніяхъ, съ субъективныхъ состояніяхъ можетъ царить полная иллюзорность, можетъ не быть ни одной капли реальности. Реализмъ наступаетъ лишь тогда, когда переживаніе, субъективное испытываніе отнесено къ объективнымъ центрамъ, къ сущимъ монадамъ, когда устанавливаются различія въ объективномъ бытіи. Самое интенсивное переживаніе—иллюзорно, если оно направлено на предметъ, не обладающій реальностью. Безпредметность переживаній, оторванность переживаній отъ объектовъ дѣлаетъ ихъ иллюзорными, не реальными: переживаніе любви не можетъ быть безпредметнымъ, переживаніе свободы не можетъ не имѣть объекта устремленія. Каждое переживаніе, чтобы стать подлинной дѣйствительностью, должно имѣть носителя, должно быть связано съ бытійственнымъ центромъ. Мистика, реальная мистика наступаетъ лишь тогда, когда переживаніе отнесено къ абсолютному бытію.

Декадентство въ темнотѣ хватается за бытіе и наталкивается на иллюзорное, на оторванные куски реальности, на осколки бытія,—въ темнотѣ трудно отличить то, что есть, отъ того, чего нѣтъ. Первое попавшееся хватаютъ въ темнотѣ, судорожно сжимаютъ, хотятъ почувствовать глубину, но слишкомъ часто обнимаютъ лишь пустоту.

Декаденты не пріемлютъ эмпирической реальности, ощущаютъ ея прѣсность и жаждутъ реальности мистической, но декадентское отношеніе къ мистикѣ тѣмъ ужасно, что такъ легко въ немъ подмѣняется мистика *мистификаціей*. Декадентская мистика насыщена мистификаціей. Вѣдь соблазнительно за отсутствіемъ реальной мистики утѣшиться мистикой не реальной, иллюзорной, выдуманной. Мистификація потому только и предосудительна, что въ ней не достигается реальность бытія. Не реальная, какъ бы идеалистическая мистика и есть мистификація, также какъ слишкомъ реальная мистификація становится мистикой. При декадентскомъ міроотношеніи грань, отдѣляющая мистику отъ мистификаціи, почти незамѣтна, слишкомъ истончена: мистика декадентская въ значительной степени мистификаторская, она не реальна, въ ней нѣтъ еще ощущенія, что шутки плохи, но и мистификація декадентская иногда близка къ мистикѣ, касается мистической реальности, не сознавая опасности игры съ огнемъ. Въ предѣлахъ декадентскихъ переживаній никогда не можетъ быть сознана вся безмѣрность различія между мистикой и мистификаціей, реальностью и иллюзорностью. Декадентство роковымъ образомъ остается въ замкнутомъ кругу субъективности, соблазняется солипсизмомъ, утончаетъ и усложняетъ человѣческое, но не соединяется съ божескимъ. Мистика всегда есть разрывъ границъ субъективизма, преодолѣніе человѣческаго, соединеніе съ сверхчеловѣческой реальностью. Декадентство приняло на себя муку томленія по мистической реальности, по бытіи сверхчеловѣческомъ, отразило на себѣ потерю вкуса къ міру обыденному, но страдаетъ бо-

лѣзнью безсилія достигнуть реальности бытія. Ужасъ декадентства въ томъ, что ничего не достигается, что нѣтъ радости встрѣчъ. Этотъ неоромантизмъ на еще большемъ находится разстояніи отъ бытія, чѣмъ романтизмъ старый.

Декадентство отрицаетъ истину, какъ объективную реальность, или признаетъ множество истинъ, что равносильно отрицанію. Истина навязчива, она насилуетъ и принуждаетъ, не допускаетъ къ себѣ мистификаторскаго отношенія. Только предметное пониманіе истины—реально. Знать истину—значитъ обладать реальнымъ предметомъ, сливаться съ реальнымъ предметомъ. Декадентское міроотношеніе желало бы сохранить иллюзорную свободу отъ истины, т.-е. отъ реальности. Декадентство хотѣло бы оставить за собой возможность отвергнуть всякую реальность, остановиться на какомъ угодно разстояніи отъ реальнаго бытія, задержаться передъ истиной, т.-е. передъ обладаніемъ реальностью, сліяніемъ съ реальностью. Декадентская чувственность направлена на себя, а не на міръ, и потому ни съ чѣмъ не соединяетъ; мистическая чувственность соединяетъ съ другими существами, проникаетъ въ интимное бытіе міра, она—брачна.

Мистическій реализмъ связанъ съ познаніемъ различій въ объективномъ бытіи. Реально-мистическія переживанія предполагаютъ нѣкоторый свѣтъ, гнозисъ, они не могутъ протекать въ полной темнотѣ и слѣпотѣ. Чтобы мистически пережить реальное, нужно знать истину, т.-е. обладать мистически-реальными предметами бытія, сливаться брачно съ тѣмъ, что подлинно есть. Ощущеніе и сознаніе мистическихъ реальностей есть ощущеніе и сознаніе реальныхъ *существъ*, реальнаго бытія съ именемъ собственнымъ. Мистическій реализмъ наступаетъ лишь тогда, когда все и всѣхъ называемъ по имени, узнаемъ существа, изъ которыхъ состоитъ міръ, когда можемъ сказать: вотъ тотъ-то, а вотъ тотъ-то. Догматизмъ, этотъ непріятный, отталкивающій догматизмъ и есть, быть можетъ, узнаваніе, обостреніе мистическаго зрѣнія, названіе по имени реальныхъ предметовъ міра. Въ этомъ смыслѣ мистическій реализмъ всегда догматиченъ, хочетъ узнать реальности, назвать ихъ, имѣть дѣло не съ переживаніями только, а и съ существами. Вѣдь реальны не переживанія, реальны только существа,—носители переживаній. Мистическій реализмъ предполагаетъ интуитивное постиженіе бытія, благодать абсолютной реальности, входящей въ человѣческое существо и какъ бы насилующей его. Этого благодатнаго озаренія нѣтъ еще въ декадентствѣ, такъ какъ декаденты имѣютъ дѣло лишь съ собой, имъ не дано еще вселенское бытіе.

Въ декадентскомъ міроощущеніи нѣтъ интуиціи, нѣтъ вхожденія вселенской реальности, это міроощущеніе замкнуто въ своей человѣческой субъективности. Мистика всегда благодатна, всегда заключаетъ въ себѣ интуитивное знаніе, въ ней Божество имманентно человѣческой душѣ. Утонченный позитивизмъ съ большой легкостью можетъ выдать себя за мистику, такъ какъ все—одного цвѣта, все смѣшивается, если нѣтъ об

ективнаго критерія, объективной нормы для установленія реальностей, для отличія бытія отъ небытія. Позитивизмъ нынѣ очень утончился и сталъ такъ либералепъ, что готовъ признать и сферу мистическихъ переживаній. Одного никогда не признаетъ никакой позитивизмъ, никакой субъективный психологизмъ—мистической реальности никогда не признаетъ, а мистическія иллюзіи уже признаетъ. Въ сферѣ мистической литературы можетъ вращаться культурный и рафинированный позитивистъ, академическій, археологическій интересъ тутъ можетъ быть, но окончательно не можетъ позитивистъ вступить въ сферу мистическаго бытія. Декадентство поддерживаетъ смѣшеніе утонченнаго позитивизма съ мистикой, сглаживаетъ различія, а не обостряетъ. И если мистика для насъ есть стремленіе къ новому бытію, то мы должны признать абсолютную норму, отличающую бытіе отъ небытія, не логическую и не моральную, а онтологическую норму, *норму бытія*. Только въ согласіи съ этой нормой міроощущеніе изъ декадентскаго становится мистически-реальнымъ.

Декадентство переживаетъ нынѣ кризисъ, хочетъ себя преодолѣть, перейти къ мистическому реализму, но не можетъ, не въ силахъ ощутить реальности, боится связаться съ бытіемъ. Безсиліе это, невозможность перейти къ реальной мистикѣ сказывается на «мистическомъ анархизмѣ»,— порожденіе кризиса декадентства. Мистическій анархизмъ не мистическій реализмъ, онъ слишкомъ боится истины, не хочетъ принять навязчиваго реализма истины.

Мистическій анархизмъ держится на значительномъ разстояніи отъ реальностей, на разстояніи, при которомъ нельзя назвать ни одной реальности по имени, нельзя ощутить существъ, изъ которыхъ состоитъ бытіе. Мистическій анархистъ оставляетъ за собой возможность отрицать всякую реальность, хочетъ, чтобы бытіе зависѣло лишь отъ его произвола, охраняетъ темноту, въ которой такъ мало можно различить. Въ этомъ—антиреализмъ и антимистика мистическаго анархизма.

Въ мистико-анархическомъ настроеніи свобода противополагается всякому бытію и потому свобода пуста, лишена реальнаго содержанія, въ своей иллюзорности враждебна ощущенію мистическихъ реальностей. Мистическій анархизмъ не преодолѣваетъ, а лишь усиливаетъ декадентское ощущеніе свободы, какъ желанія безпредметнаго и безсодержательнаго, какъ небытія въ противоположность бытію, пугающему своей навязчивостью.

Декадентство открываетъ сферу подсознательнаго, расширяетъ кругъ возможностей и даетъ экспериментальное оружіе въ борьбѣ съ раціонализмомъ, снимаетъ съ жизни оковы раціональности. Но подсознательное есть только стихія, въ которой должно начаться движеніе къ реальностямъ, къ новымъ, инымъ, неопостылѣвшимъ реальностямъ. Подсознательная стихія озаряется свѣтомъ, исходящимъ отъ реальнаго бытія, откровеніе абсолютной дѣйствительности въ ней происходитъ и тогда подсо-

знательное становится надсознательнымъ, сверхрацiональнымъ. Рацiонализмъ побѣждается не слѣпотой и темнотой, а окончательнымъ, абсолютнымъ свѣтомъ, призрачное, опостылѣвшее эмпирическое бытiе побѣждается бытiемъ абсолютно-реальнымъ.

Декадентству грозитъ вырожденiе и опошленiе, если не найдетъ оно силы побѣдить субъективизмъ, иллюзiонизмъ и иррацiонализмъ. Декадентство все остается отрицательной оппозицiей къ признаннымъ цѣнностямъ этого мiра, къ плоскости эмпирическаго бытiя, но пора уже повернуться къ цѣнностямъ иного мiра, къ глубинамъ мистическаго бытiя. Наша эпоха на вершинахъ своего сознанiя стоитъ подъ знакомъ перехода къ объективизму, реализму, вселенскому смыслу.

Декадентство смѣшиваетъ мистику съ эстетикой, эстетическiя переживанiя принимаетъ за мистическiя, въ эстетическомъ воспрiятiи ищетъ мистической дѣйствительности. Религiя эстетизма,—вотъ къ чему приходитъ декадентство, вотъ чѣмъ утѣшаетъ себя. Въ этомъ превращенiи эстетики въ религiю, въ этомъ смѣшенiи эстетической иллюзiи съ мистической реальностью сказывается болѣе всего анти-реализмъ и иллюзiонизмъ декадентскаго мiроощущенiя. Между переживанiемъ эстетическимъ и переживанiемъ мистическимъ есть огромная разница, лежитъ непроходимая пропасть и не такъ трудно опредѣлить, въ чемъ эта разница. Мистическое переживанiе тѣмъ отличается отъ эстетическаго, что оно реально, т.-е. сопровождается ощущенiемъ и сознанiемъ реальности предмета, объекта своего усмотрѣнiя; эстетическое переживанiе, отвлеченно взятое,—иллюзорно, такъ какъ не отнесено еще ни къ какой реальности. Предметомъ устремленiя всякаго эстетическаго переживанiя является красота, но остается неизвѣстнымъ, *есть* ли красота, бытiе ли она, реальность ли. Переживанiе мистическое также можетъ устремляться къ красотѣ, воспринимать красоту, но тутъ красота—реальность, красота—бытiе, красота—абсолютная дѣйствительность. Декадентская религiя эстетизма разочаровалась въ кажущихся и прѣсныхъ «реальностяхъ» позитивизма, уязвлена уродствомъ эмпирики, но противопоставить этому мiру можетъ лишь призрачный, не реальный мiръ красоты, такъ какъ не воспринимаетъ мистическую красоту, какъ сущее. Религiя эстетизма приводитъ лишь къ новой литературѣ, а не къ новому бытiю, это плохая, жалкая, не реальная религiя и предоставляетъ она своимъ послѣдователямъ жить, быть въ уродствѣ. Мы хотимъ воспринять абсолютно-дѣйствительную красоту мiра, хотимъ бытiя, какъ красоты, и красоты, какъ бытiя, а не иллюзорнаго лишь переживанiя красоты. Не въ искусствѣ только красота, не въ переживаніяхъ нашихъ, призрачныхъ и туманныхъ,—красота, а въ самомъ бытiи въ самомъ существѣ мiра. Красота есть высшая и подлинная реальность, дѣйствительность, но придти къ ней можно только мистически, а не отвлеченно-эстетически. Эстетизмъ оставляетъ въ сферѣ кажущагося, мистика переводитъ въ сферу реальнаго. Внутренняя кара всякаго опыта превр-

щенія эстетики въ религію въ томъ, что не достигается бытіе, что самое желанное, самое любимое,—красота—не ощущается, какъ реальность, что спасаясь отъ уродства бытія, остаются въ красотѣ небытія, что жизнь превращается въ литературу. Не упразднять нужно эстетическое, а преодолѣвать его самодовлѣющій, отвлеченный характеръ, подчинять эстетическое мистическому организму, переходить къ мистической эстетикѣ, въ которой красота не только воспринимается и переживается, но и обладаетъ реальностью, красота—бытійственна, а не только литературна.

«Декадентство»—единственная теперь у насъ литература и искусство. Только въ лагерѣ, обозначаемомъ этимъ неопредѣленнымъ словомъ, можно найти и талантъ, и настоящую любовь къ искусству, и творческіе порывы. Уже близится то время, когда споры литературныхъ направленій рѣшатся тѣмъ фактомъ, что никакого искусства кромѣ декадентскаго у насъ не будетъ, а потому и «декадентскаго» искусства не будетъ уже. Будетъ новое искусство, давно желанное, пока еще находящееся въ состояніи потенціальнаго бытія. Внутри декадентскаго лагеря происходитъ кризисъ, разложеніе, самопреодолѣніе. Декадентское искусство по внутренно неизбѣжной діалектикѣ разлагается на академическое, парнасское, классическое и на мистическое, религіозное, теургическое. Классическое искусство очень почтенное, хорошее искусство, имѣющее свою миссію въ мірѣ, оно покоится на отвлеченномъ идеалѣ художественной красоты и лишено всякихъ мистическихъ притязаній. Не имѣть мистическихъ притязаній, когда не можешь ихъ выполнить,—хорошее качество и съ этой точки зрѣнія уклонъ декадентскаго искусства къ академизму и классицизму (Валерій Брюсовъ) можно привѣтствовать.

Мистическое искусство имѣетъ предѣльнымъ своимъ устремленіемъ теургію. Теургическое искусство ставитъ своей цѣлью созданіе новаго бытія, новаго человѣчества. Это практика мистическаго реализма. Въ концѣ-концовъ только и есть два направленія въ искусствѣ—классическое и теургическое, все остальное лишь переходное состояніе. Такъ называемый реализмъ въ искусствѣ былъ лже-теургіей. Классицизмъ есть идеалъ искусства самодовлѣющаго, искусства, какъ отвлеченнаго начала, идеалъ литературный, а не бытійственный. Повторяю, что этимъ я не хочу его осудить, я высоко ставлю классическое искусство. Теургія есть идеалъ искусства религіознаго, преображающій бытіе, созидающій новаго человѣка, идеалъ бытійственный, а не только литературный. Теургическое искусство есть уже религіозное дѣйствіе, всегда было имъ въ органическія эпохи народной жизни.

Декадентское искусство, поскольку оно было настоящимъ искусствомъ, выше декадентской религіи, въ немъ были подлинныя прозрѣнія и есть потенція искусства теургическаго. Но въ великой русской литературѣ настоящіе мистическіе реалисты, полные чаяній—Тютчевъ и Достоевскій. Въ современной русской поэзіи («декадентскаго» лагеря) много талантовъ,

но никто еще не сравнился съ Тютчевымъ въ мистическомъ реализмѣ. Самое сильное пожеланіе, которое можно высказать новой русской литературѣ: да ищетъ она, подобно великому своему прошлому, не только жизни, но и смысла ея, т.-е. да будетъ религіозной, теургической. Тогда только кризисъ декадентства будетъ приведенъ къ отрадному концу. Но да сохранитъ насъ Богъ отъ фальшиваго пониманія задачъ религіознаго искусства: не на заданныя религіозныя темы и не съ религіозной тенденціей долженъ творить художникъ. Болѣе всего нужно понять, что нѣтъ религіозныхъ темъ, такъ какъ всѣ темы, всѣ безъ исключенія темы—религіозны. У художника должна быть не религіозная тенденція, *а религіозное міроощущеніе* и тогда выявится въ его искусствѣ религіозность всего въ мірѣ, религіозныя глубины всѣхъ темъ обнаружатся. Декадентское міроощущеніе мѣшаетъ художнику углубиться въ религіозную тайну міра и только большой художественный даръ прозрѣваетъ религіозныя реальности, несмотря на декадентскую оторванность отъ бытія. Настоящее искусство есть фотографированіе абсолютной дѣйствительности, отраженіе вѣчныхъ идей. Всего болѣе нужно отрѣшиться отъ того предразсудка, что религія есть что-то, какая-то спеціальная область. Религія—все, религія—во всемъ, или она—ничто. Религіозное міроощущеніе выявляетъ глубину бытія во всемъ, какъ бы пріоткрываетъ тайну творенія. Религіозное искусство, отражающее это міроощущеніе, не можетъ быть тенденціозной разработкой особыхъ темъ.

Мистическій реализмъ неизбѣжно носитъ характеръ религіозный, становится религіей, не остается мистикой. Разъ ясно сознаны, названы по имени мистическія реальности, то установить къ нимъ можно только религіозное отношеніе. Мистика есть лишь несовершенная и переходная форма религіи, это религія слѣпая и недостаточно еще реальная. Только религіозная мистика связывается не съ фиктивными переживаніями, а съ фактами міровой жизни. Лишь религіозное движеніе связывается съ вселенскими реальностями, съ тѣмъ, что—*бытіе* въ исторіи. Съ традиціями бытія,—бытія, а не быта, мистическій реализмъ не можетъ и не долженъ порывать, онъ продолжаетъ вселенскую линію подлиннаго бытія.

Анти-реалистическое декадентство живетъ мѣняющимися вкусами десятилѣтій, годовъ и мѣсяцевъ, а не вѣчностью, поддается соблазну моды и интересовъ сезона. Въ этомъ внутренняя кара декадентства и опасность его опошленія.

Декадентство есть превращеніе плоти въ слово, бытія въ литературу; мистическій реализмъ есть превращеніе слова въ плоть, созданіе новаго бытія. Могутъ сказать: всякая литература есть превращеніе плоти въ слово, вы хотите упразднить литературу, возставая противъ этого. Не то я хочу сказать: пусть превращается плоть въ слово въ литературѣ, хорошая литература отъ этого рождается и велико значеніе этой литературы, но да не превратится въ жизни, въ бытіи самомъ, плоть въ слово.

Декадентство имѣетъ уклонъ къ превращенію плоти въ слово въ самой жизни, а не только въ литературѣ, и въ этомъ его анти-реализмъ *). И вѣчнымъ критеріемъ раздѣленія, свѣтомъ, устанавливающимъ различія, не литературныя и академическія, а бытійственныя и живыя, остается отношеніе къ исторически-совершившемуся воплощенію Слова. Тѣ, для кого воплощеніе Слова совершилось не символически только, а мистически-реально, кто вѣритъ въ реальное воскресеніе Слова, тѣ могутъ быть только мистическими реалистами, стремиться къ новому бытію, для тѣхъ тоска по небу превращается въ жажду новой реальной плоти жизни. Мистическій иллюзіонизмъ переходитъ въ мистическій реализмъ или разлагается и опошляется, угашаетъ бытіе.

Николай Бердяевъ

---

*) Превращеніе плоти въ слово очень характерно для александрійской эпохи.

Общественная медицина въ будущемъ демократическомъ строѣ Россіи *).

Здоровье народа—основа благосостоянія государства и святой долгъ врачей.

Дорогіе товарищи!

На мою долю выпала высокая честь по порученію правленія нашего общества начертить, хотя бы въ краткихъ словахъ, основанія нашей будущей дѣятельности въ нарождающемся на нашей родинѣ демократическомъ строѣ государства.

Великая волна освободительнаго движенія, создавшаяся въ результатѣ упорной культурно-народнической работы русской интеллигенціи въ теченіе десятковъ лѣтъ и принявшая стихійно-стремительный характеръ въ силу революціоннаго настроенія широкихъ народныхъ массъ съ осени 1905 года, разбила старый самодержавно-бюрократическій строй русскаго государства и вынесла на свою вершину, по невѣдомой еще для насъ исторической равнодѣйствующей соотношенія силъ и различныхъ теченій,—народное представительство взамѣнъ прежняго абсолютизма.

Тяжелая, упорная, мучительная борьба пробуждающагося народа съ отживающимъ, но еще властнымъ, прошлымъ далеко не закончена.

На нашихъ глазахъ происходитъ продолженіе этой борьбы и ея формы, жестокія и кровавыя въ дни наибольшаго напряженія, все еще, къ сожалѣнію, не отошли въ область прошлаго.

Однако уже большинство сознательныхъ людей требуетъ, какъ необходимаго добавленія къ ликвидаціонной работѣ стараго порядка, новыхъ созидательныхъ построеній. Работа разрушенія должна постепенно уступать мѣсто творческому обновленію великаго русскаго государства.

Въ этомъ направленіи должна идти работа народнаго представительства, въ этомъ же направленіи должны быть приложены усилія всѣхъ культурныхъ работниковъ страны.

Въ освободительномъ движеніи нашей родины врачи приняли весьма дѣятельное участіе, и тотъ градъ преслѣдованій, арестовъ, ссылокъ и всевозможныхъ репрессій, который выпалъ на долю многихъ изъ насъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ этого факта.

*) Главныя положенія этого очерка произнесены авторомъ въ видѣ рѣчи на второмъ общемъ собраніи X Пироговскаго съѣзда врачей въ Москвѣ 2 мая.

Особенно энергично работали въ рядахъ борцовъ за нарождающуюся свободу врачи—представители общественной медицины, земства и городовъ. Во многихъ мѣстахъ обширной Россіи, во многихъ самыхъ глухихъ и темныхъ ея углахъ медицинскій персоналъ явился главнымъ проводникомъ идей освобожденія въ народныя массы.

Мы знаемъ, что̀ послѣ того случилось. Мы знаемъ, что административныя репрессіи, нерѣдко съ помощью реакціонныхъ органовъ самоуправленія, обрушились съ невиданной дотолѣ щедростью на медицинскія организаціи. Десятки врачебныхъ участковъ пустуютъ, иногда цѣлые громадные районы, цѣлые уѣзды остаются безъ врачебной помощи населенію.

Стоятъ пустыми когда-то биткомъ набитыя больными амбулаторіи, не работаютъ крупныя больницы, прежде развивавшія громадную спеціальную помощь населенію, свободно разгуливаютъ заразно-эпидемическія заболѣванія, и грозныя эпидеміи вспыхиваютъ, уносятъ сотни, тысячи жертвъ и угасаютъ вдали отъ малочисленныхъ разсѣянныхъ врачебныхъ силъ.

«Эпидеміи намъ не такъ страшны, какъ революція!»—цинично бросаетъ администрація летучія слова въ отвѣтъ на протесты противъ удаленія и массоваго неутвержденія врачей.

Ставшіе узко-сословными, рѣзко-реакціонными во многихъ мѣстахъ органы самоуправленія съ непонятной торопливостью начинаютъ свою разрушительную работу вмѣстѣ съ администраціей.

Уничтожаются санитарныя организаціи, прерывается многолѣтняя научная работа изученія причинъ заболѣваемости населенія, угнетается всякая попытка прежней коллегіальной работы, прекращаютъ дѣятельность наиболѣе давнія, наиболѣе прочныя врачебныя организаціи, съѣзды, санитарные совѣты.

Можно совершенно опредѣленно сказать, что никогда до сихъ поръ общественная медицина и ея работники не переживали такихъ тяжелыхъ дней, никогда до сихъ поръ не оставались безпомощными во многихъ районахъ земской Руси сотни тысячъ страдающаго населенія.

Освободительная борьба давалась нелегко, сотни ея лучшихъ участниковъ страдали и гибли сами, а кромѣ того, десятки сотенъ и десятки тысячъ лицъ вслѣдъ за ними страдали и гибли въ населеніи.

«Врачи занялись политикой!»—вызывающе и насмѣшливо кричатъ въ отвѣтъ гг. вершители мѣстнаго самоуправленія, съ радостью и злобой дикарей разрушающіе культурную работу ихъ предшественниковъ, кричатъ, совершенно забывая, что врачи взялись за освободительную борьбу во имя народнаго блага, а сами гг. разрушители также занялись политикой, но уже исключительно во имя дурно понятаго собственнаго благополучія!

Будемъ надѣяться, товарищи, что мы приходимъ къ концу этой тяжелой полосы переходнаго времени.

Наша прежняя работа, наши прежнія усилія не прошли даромъ, не пропали безслѣдно.

Мы наканунѣ крупныхъ реформъ земскаго и городского самоуправле-

нія; я увѣренъ, что вскорѣ должна послѣдовать полная демократизація ихъ состава и широкое развитіе самодѣятельности народныхъ массъ. Мы можемъ уже теперь провидѣть будущій громадный и пышный ростъ свободной общественной медицины.

Мы должны уже теперь приступить вновь къ созидательной работѣ, вновь предпринять строительство храма народнаго здоровья, въ которомъ столько лѣтъ до сихъ поръ мы были дѣятельными зодчими и каменщиками.

Мы должны уяснить себѣ уже теперь, каковы же будутъ наши задачи въ будущемъ, каковы будутъ тѣ основы, которыя мы будемъ проводить въ организаціи общественной медицины въ нарождающемся демократическомъ строѣ нашего государства.

Трудное, но въ то же время въ высокой степени важное и интересное дѣло. Я ни минуты не сомнѣваюсь, что оно будетъ выполнено нами шагъ за шагомъ, совмѣстно, общими усиліями, съ общаго обсужденія и при свѣтѣ свободной гласной товарищеской критики такъ же успѣшно, какъ выполнялось до сихъ поръ строительство земской медицины—этой крупнѣйшей отрасли великихъ начинаній шестидесятыхъ годовъ.

Рискуя сегодня намѣтить передъ вами первыя вѣхи будущей организаціи, я прекрасно сознаю всю трудность и отвѣтственность этой попытки. Оставаясь единоличной, она, меньше чѣмъ что-либо, можетъ претендовать на полноту, законченность и всего менѣе на непогрѣшимость.

Если я и рѣшаюсь набросать передъ вами нѣсколько общихъ положеній, кажущихся мнѣ наиболѣе важными и наиболѣе необходимыми, то только потому, что меня поддерживаютъ въ этомъ направленіи два соображенія. Во-первыхъ, и это самое главное, несомнѣнно, что наша будущая организація общественной медицины *должна всецѣло основаться на преемственной работѣ прошлаго,* должна изъ сорокалѣтняго опыта почерпнуть себѣ указанія и воспріять выработанныя и твердо установленныя начала медицинской организаціи земствъ и отчасти городовъ.

Будущее не можетъ явиться оторваннымъ отъ прошлаго, оно неизбѣжно и естественно возьметъ отъ него все жизнеспособное, все цѣнное. А такого матеріала, мы можемъ сказать это смѣло, создано не мало трудами нашихъ врачебныхъ организацій, съѣздовъ и совѣщаній.

Мы можемъ къ этому прибавить, что главная руководящая и объединяющая роль, выпавшая на долю наиболѣе культурныхъ земствъ въ началѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, какъ, наприм., московскаго, тверского, полтавскаго, самарскаго, курскаго, пермскаго, затѣмъ почти цѣликомъ перешла къ всероссійскому Пироговскому съѣзду врачей.

Этотъ прошлый коллективный опытъ и коллективная работа должны быть поставлены въ основу угла нашего будущаго зданія. Было бы чистѣйшимъ безумiемъ, непростительнымъ легкомыслiемъ, отвернувшись отъ своего прошлаго, строить какое-либо будущее.

Вотъ почему попытка намѣтить формы этого будущаго не безпочвенна

и не такъ отвѣтственна, какъ это казалось бы съ перваго взгляда. Это, во-первыхъ.

Во-вторыхъ, мнѣ представляется желательнымъ на первое время остановиться на общихъ руководящихъ основаніяхъ, ограничиться лишь главными наиболѣе существенными принципами будущей организаціи, детали которой, мелочныя или мѣстныя особенности и измѣненія не могутъ быть въ настоящій моментъ предвидѣны и опредѣлены. Ихъ урегулируетъ и устроитъ сама жизнь и творческая работа мѣстныхъ организацій въ ихъ безконечномъ разнообразіи свободнаго развитія.

Такая, болѣе общая, тема позволяетъ совершенно воздержаться отъ какихъ-либо вполнѣ готовыхъ конкретныхъ проектовъ, всегда чрезвычайно трудныхъ и спорныхъ.

Наконецъ, мнѣ думается, и это очень важно, что въ обсужденіи основъ нашей будущей общественной медицины должны принять наиболѣе активное, наиболѣе широкое участіе не только врачи-спеціалисты своего дѣла, но и всѣ общественные работники, для которыхъ всего ближе и всего понятнѣе останутся не спеціально медицинскіе вопросы, а общія руководящія основанія охраненія народнаго здоровья.

Общественная критика какъ въ общей, такъ и въ спеціальной прессѣ должна явиться необходимымъ дополненіемъ и разъясненіемъ затрогиваемаго мною вопроса.

Прежде чѣмъ перейти теперь къ непосредственному изложенію поставленной мною задачи, является совершенно неизбѣжнымъ, хотя бы въ очень немногихъ словахъ, остановиться на томъ, что̀ такое была у насъ общественная медицина до сихъ поръ, каковы итоги ея дѣятельности и каковы руководящіе ею принципы. Иначе говоря,—очертить тотъ опытъ прошлаго, ту пройденную нами дорогу, которая должна стать направляющимъ стимуломъ въ нашемъ будущемъ пути.

Медицина стара, какъ все человѣчество и какъ вся дорога человѣчества, медицина полна ошибокъ, минутныхъ заблужденій и противорѣчій.

Не только столѣтія въ ея развитіи вносятъ крупнѣйшія измѣненія, не только десятки лѣтъ вызываютъ совершенно новыя теченія, но иногда даже одинъ годъ причиняетъ крупнѣйшія перемѣны. Исторія медицины, особенно медицины лѣчебной, за одно только прошлое столѣтіе можетъ служить яркимъ образчикомъ этихъ быстрыхъ переворотовъ, этихъ научныхъ революцій въ области врачеванія. Однако, общій ходъ развитія медицины—неизмѣнно прогрессивенъ.

Стоитъ припомнить колоссальное развитіе хирургіи послѣ научныхъ завоеваній Листера, стоитъ только взглянуть на необъятное поле современной бактеріологіи послѣ геніальныхъ открытій Pasteur'a и послѣдующихъ работъ Коха.

Необычайному расцвѣту медицинской техники и врачеванія еще не вполнѣ соотвѣтствуютъ пріобрѣтенія общей гигіены и предохранительной медици-

ны, но и они, развиваясь въ свободныхъ странахъ Запада, съ широкимъ распространеніемъ тамъ народной самодѣятельности и тщательной законодательной охраны здоровья, смогли за послѣднія десятилѣтія достигнуть поразительныхъ результатовъ улучшенія здоровья широкихъ народныхъ массъ, значительнаго паденія смертности до невиданныхъ прежде размѣровъ.

Такое положеніе наблюдаемъ мы особенно въ Англіи, Швеціи, Даніи, Норвегіи, въ нашей Финляндіи и отчасти въ цѣломъ рядѣ другихъ иностранныхъ государствъ, гдѣ представительныя учрежденія гарантировали народу не только политическія свободы, но и улучшили его экономическое положеніе, возвысили уровень его культуры и образованія и охранили законами условія труда наиболѣе обездоленныхъ классовъ.

Работа въ этомъ направленіи тамъ далеко не закончена, но и тѣ результаты, къ которымъ пришли западные народы, для насъ еще надолго останутся желанными идеалами.

Однако, какъ ни велики эти результаты, какъ ни заманчивыми представляются они намъ въ данное время, мы все же должны помнить не только тотъ фактъ, что они явились послѣ упорной и многолѣтней культурной работы государственныхъ учрежденій и общественной самодѣятельности, но и то, что развитіе общественной медицины въ наиболѣе здоровыхъ и культурныхъ странахъ еще не можетъ считаться совершеннымъ, еще находится въ періодѣ своего развитія, а часто даже не имѣетъ тѣхъ жизненныхъ и необходимыхъ формъ организаціи, которые создались у насъ, въ нашей земской и городской медицинѣ. Этотъ фактъ открываетъ для насъ еще болѣе широкіе и свѣтлые горизонты будущаго.

И если мы видимъ въ настоящее время печальное положеніе несчастной Россіи, если мы съ тяжелымъ чувствомъ и горькимъ стыдомъ находимъ ее стоящей на самомъ послѣднемъ мѣстѣ по смертности ея населенія среди Европейскихъ государствъ, если даже убогая Испанія, малокультурныя Румынія, Болгарія и Сербія стоятъ выше насъ, если въ Бельгіи, Голландіи, Англіи, Швеціи, Даніи, Норвегіи умираетъ вдвое и даже въ два съ половиною раза меньше, чѣмъ у насъ *),—все это лишь позорное наслѣдіе

*) Вотъ сравнительныя данныя за 1903 и предшествующіе годы:

	Рождаемость на 1,000 жит.	Смертность.	Приростъ.
Россія	47,0	29,1	17,9
Венгрія	36,8	26,1	10,7
Испанія	35,5	26,0	9,5
Болгарія	39,3	24,0	15,3
Австрія	36,4	24,0	12,4
Сербія	40,9	23,4	17,5
Италія	31,0	21,9	9,1
Германія	34,1	20,1	14,0
Франція	21,1	19,3	1,8
Бельгія	27,6	17,0	10,6
Великобританія . .	27,9	15,8	12,1
Голландія	31,6	15,6	16,0
Швеція	25,6	15,0	10,6
Данія	28,5	14,5	14,0
Норвегія	29,1	13,9	15,2

нашего стараго бюрократическаго порядка, все это не безнадежное выраженіе немощи русскаго народа, а лишь неизбѣжныя послѣдствія его разоренія, невѣжества и порабощенія. Въ этомъ мы увѣрены всѣ до единаго!

Задача въ дѣлѣ оздоровленія народа, предстоящая передъ нами—громадна, работниковъ требуетъ она великое множество, но тѣмъ больше она должна привлечь наше вниманіе, тѣмъ настоятельнѣе мы должны использовать нашъ прошлый опытъ и завѣты нашей общественной, главнымъ образомъ земской медицины.

Ея недолгая исторія не только глубоко поучительна, но и является лучшимъ бодрящимъ стимуломъ.

Земская медицина родилась вмѣстѣ съ многими славными начинаніями на зарѣ шестидесятыхъ годовъ и въ настоящее время существуетъ въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи *). Въ тридцати изъ нихъ медицинская часть была передана земству съ 1865 по 1869 годъ, въ трехъ губерніяхъ (Бессарабская, Вологодская, Пермская) земство приступило къ завѣдыванію медициной въ 1870 г. и только въ одной Уфимской въ 1875 г. Введенное также кромѣ того и въ Донской области земство было въ ней отмѣнено въ 1882 г.

Въ этихъ губерніяхъ, а также въ немногихъ крупныхъ и наиболѣе культурныхъ городскихъ центрахъ, какъ Москва, Одесса, Петербургъ, Кіевъ, отчасти Харьковъ, Херсонъ и др., родилась, выросла и выработала свои принципы наша русская общественная медицина.

Вначалѣ она получила печальное наслѣдство отъ приказа общественнаго призрѣнія.

Въ губернскихъ городахъ были довольно крупныя больницы на 200—300 кроватей, съ отдѣленіемъ для душевно-больныхъ (сумасшедшіе дома), богадѣльнями, иногда родильными пріютами, пріютами для подкидышей, инвалидными и даже смирительными домами. Во многихъ уѣздныхъ городахъ были больнички на 10—25 кроватей.

Приказомъ завѣдывали собственно губернаторы, хотя въ присутствіяхъ участвовали больше въ качествѣ статистовъ представители дворянства, купечества и поселянъ.

Сельская медицина въ собственномъ смыслѣ слова отсутствовала совершенно.

Всего было передано земству отъ приказа 32 губернскихъ больницы съ 6,200 кроватей и 303 уѣздныхъ больницы съ 5,100 кроватей. Такимъ

---

*) Вотъ эти всѣмъ извѣстныя губерніи въ алфавитномъ порядкѣ: Бессарабская, Владимірская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, С.-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская и Ярославская.

образомъ на многочисленное населеніе уѣздовъ приходилось даже меньшее число кроватей въ больницахъ, чѣмъ въ губернскихъ городахъ.

И что это были за больницы! Акты пріема рисуютъ ужасающую картину дореформенныхъ порядковъ. Постройки почти всѣ были въ крайне запущенномъ состояніи: «крыши текли, стѣны были треснувшія и покошенныя, полы сгнившіе, печи дымили, ретирадныя мѣста поражали изумительнымъ своимъ устройствомъ и зловоніемъ» *). Во внутреннемъ распорядкѣ забывались самыя элементарныя требованія гигіены и санитаріи, палаты были заполнены хрониками, калѣками, которые вмѣстѣ съ нижними воинскими чинами и арестантами составляли почти исключительный контингентъ больныхъ.

На цѣлые обширные уѣзды приходилось по одному врачу, а иногда одинъ врачъ приходился на два, даже на три уѣзда. Да и эти врачи были завалены судебно-медицинскими и полицейскими обязанностями. Населеніе чувствовало крайнее отвращеніе къ больницамъ, къ тому же еще платнымъ (6 р. 30 к.—7 р. 50 к. за мѣсяцъ даже безъ расчлененія по днямъ) и было всецѣло предоставлено доморощеннымъ знахарямъ и бабкамъ. Лишь изрѣдка въ селеніяхъ съ государственными крестьянами имѣлись самостоятельные фельдшерскіе пункты съ весьма невѣжественнымъ персоналомъ. На всѣ 34 губерніи приходилось около 900 фельдшерскихъ пунктовъ и кое-гдѣ при нихъ были кровати въ пріемныхъ покояхъ (всего до 300 кроватей).

Медицинскій персоналъ сидѣлъ безъ лѣкарствъ, получалъ мизерное содержаніе и пробавлялся больше всего частнымъ иждивеніемъ.

Вопіющіе недостатки чиновничьей постановки дѣла бросались въ глаза даже бюрократическимъ учрежденіямъ.

«Одинъ и тотъ же врачъ,—указывалъ въ то время въ одномъ изъ своихъ докладовъ медицинскій департаментъ,—долженъ былъ исполнять въ уѣздѣ все, что ему ни предпишутъ; средствъ къ исполненію предписаннаго не полагалось, содѣйствія врачу почти никто не оказывалъ, а отвѣтственности о взысканіи онъ подвергался. *Отсюда произошло стремленіе соблюсти только форму, дѣло замѣнить перепиской.* Между тѣмъ народное здоровье не можетъ быть сохраняемо передвиженіемъ бумагъ изъ одного присутственнаго мѣста въ другое» **).

Одинъ изъ вліятельныхъ и образованнѣйшихъ защитниковъ нарождающагося самоуправленія, князь А. Васильчиковъ такъ характеризовалъ дореформенную медицину въ Россіи. «Какъ извѣстно, ни одна изъ многочисленныхъ отраслей общественнаго благоустройства не находится въ такомъ грубомъ и первобытномъ запущеніи, какъ народное здравіе, нигдѣ не обнаруживается такого глубокаго разлада между народнымъ бытомъ

*) „Русская земская медицина", стр. 63—66.

**) Цитирую по тому же источнику, напеч. въ *Архивѣ судебн. медицины и общ. гигіены*, 1865 г., № 2.

законодательствомъ, между предписанными установленными порядками и *дѣйствительнымъ повсемѣстнымъ безпорядкомъ*» *).

Вотъ при какой обстановкѣ пришлось начинать работу нашимъ піонерамъ-товарищамъ въ молодыхъ земскихъ учрежденіяхъ.

«Земской медицинѣ,—заявилъ нашъ великій учитель Пироговъ,—предстоитъ бороться съ невѣжествомъ народныхъ массъ и видоизмѣнить цѣлое ихъ міровоззрѣніе».

И она свято выполняла возложенную на нее задачу, причемъ бороться ей пришлось не только съ невѣжествомъ народныхъ массъ, но и съ сословными тенденціями правящихъ сферъ. Изъ года въ годъ росло количество лѣчебныхъ заведеній и врачебныхъ участковъ, народъ впервые вмѣсто чиновниковъ ненавистнаго приказа увидѣлъ врачей общественныхъ дѣятелей, беззавѣтно отдававшихъ ему свои силы, знанія и трудъ.

Довѣріе народа къ появившейся новой медицинской организаціи росло вначалѣ медленно, упорны и живучи оказались воспитанные приказомъ предразсудки и опасенія, но неуклонно наблюдался ростъ больничной и амбулаторной работы, заполнялись пустовавшія больницы, становились тѣсны пріемныя, а волны страждущихъ все увеличивались и увеличивались, крѣпло довѣріе народа къ его культурнымъ работникамъ и новой общественной организаціи.

Широкая волна горячаго народническаго движенія занесла въ деревню десятки лучшихъ представителей передовой русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, а живое общеніе съ народомъ, огромное и захватывающее практическое дѣло претворило ихъ въ піонеровъ и строителей русской земской медицины. Всѣмъ извѣстны имена Осипова, Пескова, Моллесона, Португалова, Сворцова, Капустина, Долженкова, Погожева, Святловскаго, Шебалдаева, Сычугова, Жбанкова и многихъ другихъ.

На-ряду съ ними нерѣдко дѣятельно и дружно работали земскіе дѣятели, тогда еще во многихъ земствахъ отзывчивые на народныя нужды, полные молодой энергіи и реформаторскихъ стремленій.

Уже очень скоро въ земско-медицинской жизни возникла идея *коллегіальнаго* обсужденія и систематической разработки новыхъ вопросовъ. По почину тверского губернскаго земства былъ созванъ первый въ Россіи губернскій съѣздъ врачей Тверской губерніи въ 1871 году, въ 1872 году уже состоялось пять губернскихъ врачебныхъ съѣздовъ (въ Самарской, Пермской, Нижегородской, Казанской и опять Тверской губерніи), въ 1874 г. было уже одиннадцать губернскихъ съѣздовъ врачей. Коллегіальность быстро завоевывала себѣ симпатіи земскихъ работниковъ и стала основнымъ принципомъ ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Вмѣстѣ съ нею шелъ интенсивный ростъ медицинской организаціи. Вотъ какъ увеличивалось по десятилѣтіямъ количество врачей въ земскихъ губерніяхъ.

---

*) К. А. Васильчиковъ, отецъ нынѣшняго главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ, авторъ обширнаго труда о „Самоуправленіи", l. c., стр. 70.

Губерніи.	Число всѣхъ земскихъ врачей.			
	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г. *)
Бессарабская	18 (71 г.)	38	48	92
Владимірская	29	36	57	79
Вологодская	5	23	31	29
Воронежская	28	40	57	78
Вятская	17	26	53	60
Екатеринославская .	21	34	53	?
Казанская	24	30	54	?
Калужская	16	22	36	?
Костромская	24	33	43	?
Курская	33	51	75	?
Московская	24	41	68	216
Нижегородская . . .	26	33	41	53
Новгородская . . .	18	30	50	59
Олонецкая	5	8	20	22
Орловская	20	34	57	55
Пензенская . . .	17	22	40	32
Пермская	19 (71 г.)	46	78	124
Полтавская	38	57	95	116
Псковская	14	24	37	29
Рязанская	23	36	50	63
Самарская	28	38	65	78
С.-Петербургская . .	17	37	44	124
Саратовская	35	42	64	89
Симбирская	24	43	46	39
Смоленская	19	29	42	63
Таврическая	19	31	49	110
Тамбовская	41	53	72	98
Тверская	24	38	50	73
Тульская	23	35	48	41
Уфимская	18 (76 г.)	22	41	50
Харьковская	22	41	62	111
Херсонская	23	43	67	151
Черниговская . . .	25	53	74	112
Ярославская	19	27	38	37
Итого . . .	756	1196	1805	2283?

За три десятилѣтія количество врачей увеличилось съ 756 человѣкъ до 3,000 слишкомъ, вмѣсто прежнихъ 350 уѣздныхъ врачей чиновниковъ въ уѣздахъ появилось свыше 2,500 тысячъ земскихъ участковыхъ врачей

*) Послѣдняя графа таблицы далеко не полна. Въ нее включены (по отч. медд. департ.) только земскіе врачи внѣ городовъ, затѣмъ по 5 губерніямъ раздѣльныя цифры отсутствуютъ. Общая сумма земскихъ врачей за 1900 г. выше по крайней мѣрѣ на 800—1000 человѣкъ.

выросло болѣе 1,500 участковыхъ лѣчебницъ съ амбулаторіями въ селеніяхъ. Вмѣстѣ съ врачами и отдѣльно работало среди населенія не 2,000 малоподготовленныхъ дореформенныхъ фельдшеровъ и повитухъ—повивальныхъ бабокъ, а свыше 8,000 лицъ вспомогательнаго медицинскаго персонала, нерѣдко имѣвшаго солидную школьную подготовку.

Коллегіальное веденіе дѣла, организація уѣздныхъ врачебныхъ совѣтовъ, губернскихъ съѣздовъ, появленіе массы научно-статистическихъ работъ земскихъ врачей, доклады ихъ въ земскихъ собраніяхъ и живое обсужденіе возникающихъ вопросовъ способствовали развитію громаднаго интереса къ этой области общественной медицины, оставшейся среди прочей земской дѣятельности областью наиболѣе свободной отъ административнаго воздѣйствія и наиболѣе доступной для творческой индивидуальной и коллективной работы. Земская медицина выростала и крѣпла въ сильную дружную организацію, руководимую свободнымъ коллегіальнымъ управленіемъ и гласной критикой дѣла.

Не безъ борьбы и не безъ громадныхъ усилій давалось ей развитіе, но это была борьба общественныхъ силъ и теченій, а не бездушный мертвящій застѣнокъ бюрократическаго самовластія. Коллегіальный принципъ и участіе врачей въ дѣлѣ руководства и строительства общественной медицины дался, повторяю, не легко и не сразу. Острая борьба за права медицинской коллегіи съ консервативными земскими элементами возникала чуть не во всѣхъ земскихъ уѣздахъ. Нерѣдко на почвѣ этой борьбы вспыхивали острые конфликты, и исторія земской медицины знаетъ много яркихъ примѣровъ такихъ конфликтовъ, въ ней записано немало крупныхъ побѣдъ и отдѣльныхъ пораженій врачебно-медицинскихъ силъ, но вмѣстѣ съ борьбой все крѣпче и обильнѣе распространялись коллегіальные органы медицинской корпораціи въ земскомъ хозяйствѣ, и можно сказать, что въ заключеніе, къ началу двадцатаго столѣтія, принципъ коллегіальности получилъ повсемѣстное распространеніе и всеобщее признаніе. Должны были уступить самые глухія, самыя консервативныя земскія собранія, уступить не только усиліямъ и домогательствамъ врачей, но главнымъ образомъ разумности и практичности самой идеи, самому принципу совмѣстнаго рѣшенія вопросовъ и совмѣстной работы.

Конечно, медицинская помощь населенію росла въ Россіи не только въ районѣ земскихъ губерній, но внѣ ихъ она далеко не была такъ полна, совершенна и близка къ населенію, далеко не удовлетворяла его многочисленнымъ потребностямъ и запросамъ.

Какъ ни утомительны цифровыя свѣдѣнія, но они все же даютъ яркую характеристику положенія дѣла. Для примѣра возьмемъ данныя за 1903 г. (по отчету главнаго врачебнаго управленія), какъ ближайшій къ намъ годъ типичнаго развитія дѣятельности земской медицины. Съ послѣдующаго уже года, въ силу начавшейся Японской войны и отвлеченія многихъ земскихъ работниковъ на Дальній Востокъ, а затѣмъ въ силу политическихъ осложненій внутренней жизни Россіи, медицинская организація стала приходить

въ значительное разстройство, и до сихъ поръ кризисъ не только не уменьшается, но даже увеличивается.

Въ 1903 г. на 1 врача приходилось жителей:

Въ неземскихъ губерніяхъ . . . 9,560
» земскихъ » . . . 7,310

Пространство на 1 мѣстожительство врача приходилось (въ квадратныхъ верстахъ):

Въ неземскихъ губерніяхъ . . . 2,020
» земскихъ » . . . 1,140

Одна больничная кровать приходилась:

Въ неземскихъ губерніяхъ на . . . 2,290 жителей.
» земскихъ » » . . . 1,280 »

Одна кровать психіатрическихъ заведеній въ среднемъ приходилась:

Въ неземскихъ губерніяхъ на . . . 8,500 жителей.
» земскихъ » » . . . 3,700 »

Обращаемость населенія къ врачебной помощи разнилась еще болѣе рѣзко, чѣмъ размѣръ организаціи.

Было зарегистрировано на 1,000 жителей больныхъ:

Въ неземскихъ губерніяхъ . . . 276 человѣкъ.
» земскихъ » . . . 547 »

При этомъ пользовано было врачами и фельдшерами такія количества больныхъ:

На 1,000 жителей.	Всего.	Врачами.	Фельдшерами.
Неземскія губерніи . . .	276	147	129
Земскія » . . .	547	375	172

Въ больницахъ спеціально лѣчились и пользовались постояннымъ уходомъ на 1,000 жителей:

Въ неземскихъ губерніяхъ . . . 2,9 чел.
» земскихъ » . . . 7,8 »

Такимъ образомъ, не только количественно была болѣе широка, но и качественно болѣе совершенна общественная медицинская помощь въ земскихъ губерніяхъ, причемъ во всѣхъ случаяхъ губерніи безъ земскихъ учрежденій отстали весьма значительно.

Соотвѣтственно этому расходовались средства на 1 жителя (въ среднемъ ежегодно въ рубляхъ):

Въ неземскихъ губерніяхъ . . . 0,21
» земскихъ » . . . 0,55 *)

Эти цифровыя указанія самымъ рѣзкимъ образомъ подчеркиваютъ крупную разницу въ постановкѣ дѣла въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ общественная медицина росла какъ свободное коллегіальное учрежденіе въ органахъ

*) Въ бюджетѣ уѣздныхъ земствъ расходы на медицину занимаютъ отъ 30 до 40 слишкомъ процентовъ общей расходной смѣты. Даже губернскія земства тратятъ на медицину (въ 1904 г.) 26,9% бюджета, причемъ эта цифра колеблется отъ 16,2% въ вятскомъ земствѣ до 40,4% въ пензенскомъ.

мѣстнаго самоуправленія сравнительно съ тѣми, гдѣ медицинская помощь населенію попрежнему находилась въ рукахъ бездушныхъ бюрократическихъ канцелярій. Данныя были бы еще болѣе демонстративны, если бы мы сравнили цифры спеціальной помощи населенію, количество оперативныхъ пособій, ихъ характеръ и проч. Отсталость, убожество, скудость обстановки и средствъ, мертвящій формализмъ и бумажная канцелярщина медицины въ неземскихъ губерніяхъ и донынѣ остаются ея главными недостатками.

Земско-медицинская жизнь помимо принципа коллегіальности выдвинула вскорѣ рядъ другихъ основаній устройства медицины. Такова система *стаціонарной* участковой медицинской помощи, при которой врачи не должны были тратить безполезно время на пріемы въ выѣздныхъ или фельдшерскихъ пунктахъ, а весь пріемъ больныхъ и госпитальная работа сосредоточивались въ мѣстѣ нахожденія участковой амбулаторіи и хорошо оборудованной больницы. Выѣзды же совершались лишь къ труднобольнымъ.

Необходимость при этой системѣ бо́льшаго количества врачебныхъ участковъ, приближенныхъ къ населенію, очень долго тормозила ея развитіе во многихъ уѣздахъ. Съ одной стороны, недостатокъ средствъ, а съ другой—сомнительное стремленіе приблизить врачебную помощь къ населенію не путемъ увеличенія количества врачей, а путемъ періодическаго посѣщенія ими различныхъ населенныхъ пунктовъ участка вызвали продолжительные споры въ земскихъ собраніяхъ и на земскихъ съѣздахъ, начиная уже съ конца семидесятыхъ годовъ. Во многихъ захудалыхъ глухихъ уѣздахъ и до нашихъ дней еще дожила прежняя разъѣздная система, при которой врачи ѣздили по пунктамъ, иногда тщетно ожидая больныхъ, а больные напрасно ждали врачей въ ихъ постоянныхъ амбулаторіяхъ. Невозможность пріурочить посѣщаемость больныхъ къ какимъ-либо опредѣленнымъ днямъ особенно въ острыхъ случаяхъ, съ одной стороны, а съ другой—напрасная трата времени и невозможность организаціи правильной медицинской помощи при вѣчныхъ разъѣздахъ привели къ паденію разъѣздной системы. Въ громадномъ большинствѣ уѣздовъ земской Россіи принципъ необходимости стаціонарной помощи населенію сдѣлался одной изъ аксіомъ общественной медицины *) и было закрѣплено рѣзкое осуженіе разъѣздной системы. «При ней,—говорилъ М. Я. Капустинъ еще въ 1889 г.,—врачъ мечется по уѣзду, всегда торопится, никогда почти не имѣетъ подъ руками нужныхъ пособій и инструментовъ, рѣдко видитъ результаты своихъ дѣйствій, и неудивительно, что иногда въ концѣ-концовъ утрачиваетъ интересъ къ своему дѣлу, перестаетъ читать и учиться и, въ лучшихъ случаяхъ, стремится убѣжать куда-нибудь въ другое мѣсто, въ худшихъ же погружается въ апатію и уѣздныя дрязги».

Вмѣстѣ съ энергичной работой проведенія въ жизнь стаціонарной си-

*) Впрочемъ, еще во многихъ случаяхъ встрѣчаются переходныя и смѣшанныя системы медицинской помощи между строго-стаціонарной и чисто разъѣздной.

стемы появилось и окрѣпло раціональное требованіе для населенія только *врачебной* помощи и борьба со всякими видами *самостоятельнаго фельдшеризма*.

Можно безъ преувеличенія сказать, что, вѣроятно, не обходилось ни одного врачебнаго съѣзда, ни одного земскаго собранія, гдѣ бы не дебатировались эти вопросы, гдѣ бы не находилось какъ энергичныхъ, настойчивыхъ раціоналистовъ, требовавшихъ уничтоженія фельдшеризма, этой фальсификаціи, суррогата медицинской помощи, причиняющаго населенію лишь зло, такъ и разныхъ защитниковъ необходимости, неизбѣжности и даже полезности фельдшеризма въ условіяхъ нашей русской убогой дѣйствительности и жизни сельскаго населенія.

Отдѣльные всплески этой борьбы иногда достигали даже всероссійскихъ пироговскихъ съѣздовъ врачей, и многіе еще помнятъ докладъ на V съѣздѣ защитника фельдшеризма Г. М. Герценштейна *) «Земство и фельдшеризмъ», вызвавшій бурныя, страстныя пренія, послѣ которыхъ секція общественной медицины постановила, въ виду полнаго противорѣчія положеній доклада съ основными требованіями раціональной организаціи земской медицины, всѣ выводы доклада отклонить.

Помнятъ земскіе врачи и попытку проф. Отта образовать для сельскаго населенія упрощенныхъ повитухъ, попытку, обсуждавшуюся сравнительно еще не такъ давно почти во всѣхъ земско-медицинскихъ организаціяхъ и вызвавшую рѣзкую отповѣдь на VII пироговскомъ съѣздѣ въ гор. Казани. Не обошлось безъ этого же вопроса и теперь на настоящемъ съѣздѣ и съ тѣмъ же результатомъ. Самостоятельный фельдшеризмъ, столь излюбленный ради мнимыхъ экономическихъ выгодъ и въ угоду принципу «числомъ поболѣе, цѣною подешевле», какъ пережитокъ дореформенныхъ крѣпостническихъ понятій, теперь уже безвозвратно осужденъ земско-медицинской семьей Россіи, его защитники уже почти исчезаютъ среди врачей и тѣмъ не менѣе онъ живетъ въ сотняхъ уѣздовъ, въ тысячахъ самостоятельныхъ пунктовъ, живетъ до сихъ поръ по инерціи, въ силу реакціонности массы земскихъ дѣятелей. И до сихъ поръ еще въ земскихъ губерніяхъ 39,0% всѣхъ больныхъ находятъ свою помощь не у врачей, а у фельдшерскаго персонала. Попрежнему остаются справедливыми слова М. Я. Капустина, сказанныя имъ почти двадцать лѣтъ тому назадъ.

«Противное наукѣ, положительному закону о правѣ самостоятельной практики только для врачей и даже экономическому разсчету, злоупотребленіе невѣдѣніемъ массы пустило глубокіе корни, создало привычку и, вѣроятно, долго еще будетъ возмущать душу и совѣсть всякаго свѣжаго человѣка, видящаго такое поруганіе научной медицины...»

Съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ стаціонарной участковой системой организація исключительно *врачебной* помощи населенію и постепенная замѣна самостоятельнаго фельдшеризма врачебными участками—стали опредѣленными руководящими лозунгами массы земскихъ врачей.

*) См. „Тр. V съѣзда", т. II, стр. 591—618.

Все то же стремленіе сдѣлать медицинскую помощь *раціональной*, ввести въ ея обиходъ всѣ пріобрѣтенія научной медицины и, по возможности, поставить ее въ уровень современнаго положенія науки, помимо устройства стаціонарной помощи и устраненія фельдшеризма, повело къ совершенствованію земскихъ врачей. Спеціалисты по необходимости въ рядѣ отраслей земской медицины, они требовали развитія *конечнаго* лѣченія больныхъ, устраивали больницы и сами постоянно должны были подновлять свои познанія, отправляясь въ научные центры заниматься въ столичныхъ клиникахъ и больницахъ, изучать хирургію, гинекологію, глазныя болѣзни, акушерство, сифилисъ, кожныя заболѣванія и рядъ другихъ медицинскихъ спеціальностей. Многіе изъ земскихъ врачей направлялись даже за границу, ища тамъ научныхъ авторитетовъ и новыхъ научныхъ познаній, совершенствуя технику. Такъ развились *научныя командировки* земскихъ врачей, ставшія необходимой принадлежностью правильнаго строя общественной медицины. Всѣмъ извѣстно, какіе громадные успѣхи сдѣлала въ послѣднее десятилѣтіе хирургическая, глазная, гинекологическая помощь населенію въ земской медицинѣ.

Всякое научное открытіе, всякое крупное завоеваніе быстро проникало въ глушь земскихъ селъ и деревень, и у многихъ изъ насъ свѣжо еще въ памяти, какъ быстро распространилось лѣченіе дифтеріи антитоксической сывороткой, какъ широко развилась и какой высоты достигла оперативная дѣятельность въ земскихъ больницахъ, какъ начала примѣняться теперь предупредительная вакцинація при скарлатинѣ.

Во имя того же принципа земскія лѣчебныя заведенія устраивались по опредѣленнымъ требованіямъ больничной гигіены, снабжались операціонными, инструментаріемъ, соотвѣтствующими приспособленіями и обстановкой. Чѣмъ научнѣе и раціональнѣе становилась постановка медицинской помощи, тѣмъ больше росло къ ней довѣріе населенія, тѣмъ многолюднѣе становились пріемы земскихъ врачей, тѣмъ болѣе переполнялись земскія больницы.

Земская медицина и ея работники дѣйствительно выполнили завѣты великаго Н. И. Пирогова и, борясь съ невѣжествомъ народныхъ массъ, «видоизмѣнили цѣлое ихъ міросозерцаніе».

Стремленіе увеличить раціональность земской медицины, сдѣлать ея помощь наиболѣе продуктивной для населенія продолжается и въ настоящее время. Если прошлые годы установили рядъ выработанныхъ положеній, то теперь формулируется взглядъ и образуются новыя теченія относительно *спеціализаціи* въ земской медицинѣ. Экстенсивный ростъ ея еще далеко не законченъ, хотя уже намѣчаются наиболѣе желательныя очертанія и предѣлы развитія, но интенсификація помощи и спеціализированіе ея видовъ требуютъ дальнѣйшей разработки и служатъ предметомъ горячихъ споровъ.

Можетъ и долженъ ли въ данное время земскій врачъ совмѣщать въ себѣ массу медицинскихъ спеціальностей, не является ли спеціализація

труда и здѣсь обязательнымъ требованіемъ и не надлежитъ ли уже теперь проводить въ земско-медицинскую организацію опредѣленныхъ врачей-спеціалистовъ? Таковы стоящіе на очереди и столь недавно волновавшіе еще насъ вопросы.—Въ послѣдніе годы большинство склонялось пока еще къ прежней ихъ постановкѣ, но внѣ всякаго сомнѣнія, что, съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, при законченности участковой организаціи, право населенія на наиболѣе раціональную помощь во всѣхъ областяхъ медицины выдвинетъ на первый планъ и вопросъ о дальнѣйшей спеціализаціи врачей.

Помимо раціональности медицинской помощи, слѣдующее за ней главное основаніе, съ самаго начала ставшее краеугольнымъ камнемъ дальнѣйшаго строительства, это—*доступность* ея населенію. Какъ бы раціональна ни была сама помощь, она никогда не станетъ достояніемъ народныхъ массъ, пока она не будетъ *близкой къ народу и доступной ему*.

Развитіе этого принципа, съ одной стороны, привело къ опредѣленію нормальнаго врачебнаго участка, нормальной потребности населенія во врачебной помощи, нормальнаго количества работы на одного врача.

Изученіе и регулированіе вытекающихъ отсюда построеній заняло и занимаетъ до сихъ поръ главное мѣсто въ работѣ санитарныхъ совѣтовъ, врачебныхъ съѣздовъ и земскихъ медицинскихъ комиссій.

Медленно, но неуклонно, нормы участковъ все сокращаются и сокращаются. На зарѣ земско-медицинской жизни радіусы участковъ врачей въ 25 верстъ казались во многихъ случаяхъ желаннымъ идеаломъ, затѣмъ, за исключеніемъ немногихъ слабонаселенныхъ губерній и отдѣльныхъ уѣздовъ (напр., Олонецкой, Вологодской, отчасти Новгородской губ. и др.), почти всѣ пережили стремленіе обезпечить населеніе врачебными участками съ пятнадцати-верстнымъ радіусомъ; онъ сталъ уже достигаться во многихъ уѣздахъ, но оказался далеко не достаточнымъ, кое-гдѣ перешли уже къ десятиверстному радіусу, а въ иныхъ случаяхъ даже къ семиверстному (Одесскій, Московскій, Воронежскій и нѣкоторые другіе уѣзды Московской, Полтавской, Курской губерніи *).

Изученіе обращаемости населенія указало, что далѣе 5-верстнаго разстоянія количество лицъ, получающихъ врачебную помощь, рѣзко падаетъ, чуть не въ два раза, а размѣръ потребности въ помощи, судя по этой обращаемости, становится все выше и выше по мѣрѣ приближенія къ амбулаторіи и больницѣ, достигая не только 80—100% жителей, но даже превышая 150—180% ихъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ. Весьма вѣроятно, что въ дальнѣйшемъ семиверстный радіусъ окажется великъ и неудобенъ для населенія.

Очевидно, что при полномъ обезпеченіи доступности лѣченія размѣръ

---

*) Во всей Московской губерніи средній радіусъ врачебнаго участка равенъ в послѣднее время 9,8 верстъ. См. В. С. Лебедева „Территорія и населеніе врачебныхъ районовъ Московской губерніи".

потребности превосходитъ всѣ бывшія до того опредѣленные разсчеты какъ размѣровъ участка, такъ и процента обращаемости населенія.

Нормировка врачебнаго труда, проявившаяся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ необходимый коррективъ къ непрерывному росту обращаемости населенія за помощью, въ интересахъ не только самаго медицинскаго персонала и его работоспособности, но, главнымъ образомъ, въ интересахъ продуктивности самого труда и наилучшихъ результатовъ его для населенія,—становится все болѣе и болѣе необходимой, хотя въ большинствѣ случаевъ пока только начинается.

Съ другой стороны, обезпеченіе доступности медицинской помощи привело насъ къ незыблемому и основному принципу общественной медицины *безплатности* этой помощи для всего населенія.

Этотъ принципъ, столь простой и ясный въ данное время, однако далеко не сразу завоевалъ себѣ всеобщее признаніе, и многимъ врачамъ пришлось вынести долгую и упорную борьбу изъ-за его проведенія въ жизнь. Принципіальные или не въ мѣру разсчетливые противники встрѣчались не только среди земскихъ дѣятелей, но даже среди самихъ общественныхъ врачей.

А между тѣмъ этотъ принципъ одинъ изъ наиболѣе глубокихъ, наиболѣе основныхъ и наиболѣе совершенныхъ во всей общественной медицинѣ. Безъ него она не можетъ и претендовать на правильность своего построенія. Онъ является величайшимъ пріобрѣтеніемъ именно русскаго земства, русскихъ земскихъ работниковъ.

Высоко-культурные народы Западной Европы въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ нашей общественной медицины. Тамъ въ основу врачебной помощи почти повсемѣстно положено начало лично-меркантильнаго свойства, медицина есть дѣло личной помощи больному и *лично его дѣло*. Лѣчащій врачъ служитъ этому больному на правахъ особаго рода ремесленника, почти торговца.

Развить общественную медицину во всю ширину, признать необходимость помощи страдающему—*общественной обязанностью*, особымъ видомъ взаимнаго страхованія, повысить борьбу съ заболѣваніемъ того или другого лица до уровня борьбы за общее народное благо и здоровье, поставить врача на высоту общихъ принциповъ общественнаго работника и служителя интересамъ не частныхъ лицъ, а всего народа,—было суждено русской земской медицинѣ, и въ этомъ ея величайшая заслуга не только передъ однимъ русскимъ народомъ.

До такого *общаго* рѣшенія вопроса совершенно не доходятъ ни больничныя рабочія кассы Германіи, имѣющія особую классовую организацію, особую оплату труда, нерѣдко ведущую даже къ своеобразнымъ врачебнымъ стачкамъ (!!), ни коммунальные врачи Франціи, живущіе главнымъ образомъ, какъ частные практики, да къ тому же еще торговцы лѣкарствами, ни приходская медицина Англійскихъ графствъ, столь отдающая благотворительностью и недостаточно планомѣрно организованная.

Безнадежно-буржуазный складъ западно-европейскаго общества роковымъ образомъ не далъ возможности правильно развиться общественной медицинѣ. Если принципъ общественной необходимости здѣсь и выступаетъ на видное мѣсто, то лишь съ чисто санитарно-полицейской стороны, въ борьбѣ съ заразно-эпидемическими заболѣваніями, въ улучшеніи санитарныхъ условій жизни путемъ спеціальнаго законодательства. А между тѣмъ всѣ условія здѣсь, казалось бы, наиболѣе благопріятны для общественной самодѣятельности: и политическая свобода, и высокій культурный уровень населенія, и большее его экономическое обезпеченіе.

Число врачей значительно выше, чѣмъ у насъ въ Россіи. Такъ, все въ томъ же 1903 году приходился 1 врачъ на такое количество жителей:

въ Великобританіи	на 1,100	челов.
во Франціи	» 1,800	»
въ Бельгіи	» 1,850	»
» Норвегіи	» 1,900	»
» Пруссіи	» 2,000	»
» Австріи	» 2,400	»
» Италіи	» 2,500	»
» Венгріи	» 3,400	»
» Россіи	» 7,930	»

Чтобы найти бо́льшую бѣдность врачами, чѣмъ въ Россіи, придется, вѣроятно, обратиться къ Турціи или Персіи, и просто поразительнымъ является тотъ фактъ, что въ Англіи относительно въ семь разъ больше врачей, чѣмъ въ Россіи, а между тѣмъ раціональной общественной лѣчебной медицины, кромѣ законодательныхъ санитарныхъ постановленій, въ Англіи весьма мало, несмотря на широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Частная практика и врачебная конкуренція составляютъ и здѣсь обычное и печальное явленіе.

Безплатность медицинской помощи — есть вовсе не выводъ логической необходимости общественной благотворительности въ бѣдномъ сельскомъ населеніи, она диктуется вовсе не филантропическими чувствами къ отдѣльнымъ неимущимъ больнымъ. Ея глубокая и коренная причина—общественная необходимость, требованіе общаго блага. Ея непосредственная причина развитія въ Россіи—глубоко-демократическій составъ нашего отечества и народническіе идеалы нашихъ піонеровъ на земской нивѣ.

Утрата здоровья есть не только несчастье отдѣльнаго лица, это есть несчастье всего общества. Если она сопровождается временной или постоянной потерей трудоспособности только личнаго свойства—она является уже бременемъ общества, отягощеніемъ его трудящихся членовъ. Если же нарушеніе здоровья одного сочлена можетъ угрожать здоровью и другихъ лицъ, оно становится большимъ несчастьемъ для окружающихъ и серьезной опасностью для общества. И въ томъ и въ другомъ случаѣ *индивидуальное заболѣваніе есть общественное бѣдствіе* и измѣняются толь

его размѣры. Иногда они ничтожны, еле учитываемы, совершенно незамѣтны, иногда они огромны, ужасны.

Между легкимъ разстройствомъ желудка, приступомъ головной боли или простуднымъ заболѣваніемъ, съ одной стороны, и грознымъ развитіемъ оспы, холеры, дифтеріи или постояннымъ прогрессированіемъ массового сифилиса и болотной лихорадки, съ другой—дистанція огромнаго размѣра, но переходы постепенны, незамѣтны, границы неопредѣленны. Нарушеніе здоровья одного сочлена общества неизбѣжно и неизмѣнно должно явиться общественнымъ несчастьемъ и, какъ таковое, или должно быть предупреждено, или, разъ оно появилось, уменьшено и устранено.

Личная оплата постигшаго заболѣванія является величайшей несправедливостью, *налогомъ на несчастье,* съ одной стороны, а съ другой,—задерживая обращаемость къ врачебной помощи наиболѣе обездоленныхъ, наиболѣе некультурныхъ слоевъ населенія, она способствуетъ распространенію опасныхъ для всего общества заразно-эпидемическихъ заболѣваній и развитію тяжкихъ хроническихъ недуговъ, преждевременной инвалидности работоспособныхъ элементовъ, повышенной смертности населенія.

Лѣченіе заболѣваній отдѣльныхъ лицъ есть поэтому общественная обязанность. Ради интересовъ всего общества оно должно быть совершенно безплатно для страдающихъ лицъ, при чемъ расходы необходимой организаціи должны ложиться въ видѣ опредѣленныхъ прямыхъ сборовъ на все населеніе.

Таковы вкратцѣ руководящія основанія этого важнѣйшаго принципа нашей общественной медицины.

Ближайшая практика многихъ земствъ показала съ наглядностью весь тяжкій общественный вредъ даже самой незначительной платы, взимаемой съ больныхъ. Даже съ виду ничтожный и какъ будто необременительный пятачковый сборъ, столь широко распространенный первое время въ земско-медицинской жизни, оказывался роковымъ камнемъ преткновенія для десятковъ и сотенъ тысячъ больныхъ. Можно было бы привести много примѣровъ, какъ вліяла пятачковая плата на обращаемость населенія, но я ограничусь лишь однимъ наиболѣе яркимъ случаемъ въ этой области, имѣющемъ наглядность чуть не клиническаго опыта.

Нижнедѣвицкое уѣздное земство съ 1898 года, послѣ губернскаго съѣзда врачей, отмѣнило плату съ больныхъ, и число обратившихся за помощью сразу же въ первый годъ увеличилось на сорокъ слишкомъ тысячъ человѣкъ. Подъ вліяніемъ своеобразныхъ теченій въ мѣстномъ земскомъ собраніи съ 1901 года плата была вновь введена, и количество больныхъ упало на 41,935 человѣкъ съ перваго же года. По обращаемости населенія къ врачебной помощи этотъ уѣздъ и донынѣ остается на послѣднемъ мѣстѣ въ Воронежской губерніи *). Паденіе обращаемости коснулось, глав-

*) *А. И. Шингарев:* „Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи 1898—1902 гг.", стр. 9.

нымъ образомъ, наименѣе состоятельныхъ и самостоятельныхъ элементовъ населенія. Особенно упала обращаемость женщинъ. Ихъ жизнь и здоровье въ суровыхъ условіяхъ убогой русской деревни, убогой матеріально и темной духовно,—стояли въ глазахъ населенія ниже пятачковой оцѣнки! Въ десяткахъ, сотняхъ и тысячахъ случаевъ помощь была искусственно устранена!

Случаи заразныхъ заболѣваній не попадали своевременно къ врачу, не обращались сифилитики, гибли напрасно въ острыхъ заболѣваніяхъ взрослые и дѣти, уродовались, мучились и калѣчились тысячи людей, отданныхъ вновь во власть доморощеннаго знахарства—и все это во имя дурно понятой экономіи и наивнаго представленія о пустячности пятачковаго сбора съ больныхъ.

Но безплатность медицинской помощи является краеугольнымъ камнемъ общественной медицины еще и съ другой, болѣе интимной стороны, не ограничиваясь непосредственнымъ велѣніемъ общественнаго блага.

Я говорю о *моральномъ* значеніи безплатности подаваемой помощи на институтъ самихъ общественныхъ врачей.

Низводящая врача на степень ремесленника-торгаша частная практика извращаетъ самую цѣнную, самую высокую сторону врачебной дѣятельности — непосредственную помощь страждущимъ, вноситъ острый диссонансъ въ великое дѣло облегченія страданій, служитъ источникомъ горькихъ укоровъ и нерѣдко справедливыхъ нареканій на врачебную коллегію, вызываетъ нездоровую конкуренцію, отравляя самую возможность коллективной, коллегіальной работы, и, что самое главное, неизбѣжно уничтожаетъ, убиваетъ высшіе интересы врачебной науки, какъ основы здравоохраненія народа, подмѣняя ихъ интересами личнаго меркантильнаго разсчета. Частная практика врачей въ конечномъ результатѣ становится могилой ихъ общественной дѣятельности.

Я не говорю, конечно, объ исключеніяхъ. Они вездѣ есть, были и будутъ. Можно встрѣтить выдающихся безсребренниковъ и крупныхъ общественныхъ работниковъ и среди вольнопрактикующихъ врачей, равно какъ среди врачей общественныхъ не рѣдки, къ сожалѣнію, примѣры людей, стремящихся къ той же частной практикѣ всѣми доступными имъ способами.

Эти исключенія только подчеркиваютъ общее положеніе дѣла, и всякій, конечно, знаетъ, какъ рѣзко отличаются врачи общественные отъ врачей-практиковъ въ массѣ ихъ представителей.

Событія послѣднихъ лѣтъ, выдвинувшія на первое мѣсто активную политическую борьбу съ умирающимъ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, особенно рѣзко подчеркнули эту разницу двухъ врачебныхъ типовъ. У меня нѣтъ въ данное время подъ руками сравнительной статистики врачей, пострадавшихъ отъ преслѣдованій администраціи, но даже приблизительно вспоминая массу жертвъ среди врачей общественныхъ, вспоминая случаи разрушенія цѣлыхъ врачебныхъ организацій, я могу имъ противо-

поставить сравнительно немного каръ и преслѣдованій среди вольно-практикующихъ врачей, хотя послѣдніе, обитающіе главнымъ образомъ въ крупныхъ культурныхъ центрахъ, скорѣе всего, казалось бы, должны были войти въ столкновеніе и борьбу за освобожденіе народа. Я увѣренъ, что % пострадавшихъ въ этой борьбѣ значительно выше у врачей общественныхъ.

Я очень далекъ отъ какой-либо мысли осужденія кого-либо изъ нашихъ товарищей, я менѣе всего желалъ бы быть понятымъ именно такимъ образомъ. Моя главная цѣль—показать весь общественный вредъ частной оплаты медицинской помощи и всю глубокую необходимость общественной медицины.

Первая,—есть тяжкое порожденіе буржуазнаго строя, гдѣ все продается и покупается, гдѣ личная состоятельность становится идеаломъ, гдѣ общественное благо признается постольку, поскольку оно не мѣшаетъ личному благополучію.

Вторая,—есть нормальное, неизбѣжное явленіе въ свободномъ демократическомъ строѣ общества, есть правильно сознанная общественная обязанность, удовлетворяющая право каждаго члена общества на помощь въ несчастьи и столь же далекая отъ благотворительности, какъ и отъ попечительства и благожелательной опеки.

Итакъ, безплатная медицинская помощь, какъ учрежденіе общественное, всѣмъ доступное и для всѣхъ равное, есть громадное пріобрѣтеніе русской земской медицины и необходимѣйшій принципъ будущаго строительства.

Онъ продолжаетъ усиленно развиваться еще и до сихъ поръ, онъ далеко еще не сдѣлался общепризнаннымъ и общераспространеннымъ и особенно мало развитъ въ нашихъ городскихъ организаціяхъ, но и здѣсь онъ уже дѣлаетъ рѣшительные успѣхи. Стоитъ припомнить врачебныя организаціи городскихъ самоуправленій Петербурга, Москвы, Кіева, Харькова и особенно Одессы. Расширенія и дальнѣйшаго развитія этого принципа по типу земской медицины требуютъ на Пироговскихъ съѣздахъ многіе изъ докладчиковъ, уже со II съѣзда и особенно съ VIII съѣзда въ Москвѣ въ 1902 году.

Указанія на вредъ платной частной практики даже въ спеціальной области научной медицины нашихъ высшихъ школъ вызвали цѣлую литературу въ послѣднее время по почину Д. Н. Жбанкова.

Особенно рельефно оттѣнилъ Д. Н. Жбанковъ тяжкое вліяніе и на врачей, и на общество частной платной практики въ его статьяхъ и возраженіяхъ на извѣстную нашумѣвшую книгу врача-беллетриста В. Вересаева, ибо въ области этическихъ отношеній врачей къ обществу и общества къ врачамъ частная оплата врачебнаго труда ничего не могла вызвать, кромѣ горькихъ обидъ, взаимныхъ укоровъ и серьезнаго вреда.

Я не буду далѣе останавливаться на этомъ вопросѣ и постараюсь въ

коротких словах очертить дальнейшие принципы общественной медицины нашего прошлаго. Мне осталось коснуться уже немногих из них.

Коллегіальность рѣшенія вопросовъ, стремленіе сдѣлать помощь населенію возможно болѣе раціональной, безплатной и доступной народу вызвали къ жизни въ огромной земско-медицинской организаціи, требовавшей крупных затратъ при бѣдности земскихъ плательщиковъ, особую заботу о *планомѣрности* развитія всей медицинской работы, о *равномѣрномъ* распредѣленіи ея среди населенія и, наконецъ, объ изученіи самыхъ коренных причинъ болѣзненности населенія для *предупрежденія* заболѣваній.

Такъ появились врачебно-санитарныя организаціи губернскихъ и нѣкоторых уѣздных земствъ. Мысли о предупредительной медицинѣ, о санитарных организаціяхъ возникли еще въ самомъ началѣ земской жизни. Въ казанскомъ губернскомъ земствѣ еще въ 1865 г. по почину профес. гигіены Якобія, въ казанской санитарной комиссіи въ 1870 г. подъ руководствомъ проф. А. В. Петрова, въ тѣхъ же годахъ въ московскомъ земствѣ Е. А. Осиповымъ, въ перискомъ губернскомъ земствѣ при участіи И. И. Моллесона, въ 1867 г. въ полтавскомъ земствѣ въ медицинской комиссіи подъ предсѣдательствомъ князя Н. А. Долгорукова, на первомъ въ Россіи губернскомъ тверскомъ съѣздѣ врачей въ 1871 г. и т. д., и т. д., уже настойчиво проводились мысли объ общественной гигіенѣ, о санитарномъ изученіи условій жизни населенія, объ организаціи санитарно-статистическихъ изслѣдованій,—словомъ, о развитіи и обоснованіи общественной *предупредительной* медицины.

На всероссійскихъ Пироговскихъ съѣздахъ въ 1888 г. со второго съѣзда образовалась, при дѣятельномъ участіи Е. А. Осипова, И. И. Моллесона и В. И. Долженкова, секція общественной медицины, которая съ тѣхъ поръ заняла выдающееся положеніе и руководящую роль, и очень способствовала развитію вопроса въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ. Въ послѣднее время санитарно-статистическія учрежденія, санитарныя бюро, отдѣленія не только дали громадный научный санитарно-статистическій матеріалъ, освѣщающій вопросы болѣзненности населенія, но еще явились органами, подготовляющими работы губернскихъ врачебных съѣздовъ, проводящими въ жизнь ихъ постановленія, руководящими рядомъ общегубернскихъ мѣропріятій, борьбой съ эпидеміями, школьно-санитарнымъ надзоромъ, организаціей лѣчебно-продовольственных пунктовъ для пришлых рабочихъ, устройствомъ яслей-пріютовъ, разработкой нормальной сѣти врачебных участковъ, санитарными изслѣдованіями фабрично-заводской и сельско-хозяйственной промышленности и проч.

Въ данное время уже всякій общественный врачъ видитъ въ этих объединяющихъ и организующихъ учрежденіяхъ необходимое добавле е лѣчебно-медицинскихъ учрежденій.

Карточная регистрація забольваемости, изученіе движенія населен , изученіе *условій его жизни и работы*, промысловъ и заработковъ, выр - ботка основъ раціональной борьбы съ народными недугами стали нес -

емлемой принадлежностью правильной и планомѣрной общественно-медицинской организаціи.

Ростъ санитарно-предупредительной медицины вполнѣ соотвѣтствовалъ ея громадному значенію для здоровья населенія.

Такъ складывалась жизнь общественной медицины въ нашемъ прошломъ, такъ вырабатывались и обосновывались ея принципы и въ такомъ видѣ застаетъ ее настоящій моментъ. Изложеніе заняло у меня очень обширное мѣсто, хотя я лишь бѣгло касался вопроса, но оно неизбѣжно затянулось, ибо моя основная точка зрѣнія на задачи общественной медицины въ будущемъ демократическомъ строѣ Россіи основывается на правильныхъ, жизненныхъ и незыблемыхъ принципахъ этого прошлаго.

Никакой коренной ломки, никакихъ рѣзкихъ уклоненій отъ прежняго, правильнаго, по моему, *пути*,—таково должно быть первое и главное основаніе нашего будущаго строительства.

Расширять, углублять и дополнять наши основные принципы должны мы въ будущемъ. Коллегіальность рѣшенія вопросовъ, раціональность постановки медицинской исключительно врачебной помощи населенію, полная доступность какъ общей, такъ и спеціализированной медицины для населенія, полная безплатность этой помощи равной для всѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ планомѣрное, гармоническое и широкое развитіе санитарно-предупредительнаго дѣла,—таковы должны быть наши ближайшія задачи! Они вполнѣ соотвѣтствуютъ демократическому свободному общественному строю и правильно понятымъ общественнымъ обязанностямъ охраны народнаго здоровья.

Мнѣ остается перейти теперь къ болѣе детальному опредѣленію этихъ будущихъ задачъ, руководствуясь установленными уже общими принципами. Прежде всего начну съ перваго изъ нихъ—*коллегіальности* рѣшенія вопросовъ общественно-медицинскаго характера.

Въ данномъ направленіи несомнѣнно намъ предстоитъ еще дальнѣйшее развитіе и расширеніе области примѣненія этого принципа.

Такъ, уже достаточно рельефно выразилось въ послѣдніе годы стремленіе ввести въ составъ нашихъ коллегіальныхъ органовъ, санитарныхъ совѣтовъ, губернскихъ съѣздовъ врачей, а въ настоящее время и Пироговскаго всероссійскаго съѣзда, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, представителей корпораціи нашихъ медицинскихъ помощниковъ.

Вначалѣ эти попытки встрѣчали страннымъ образомъ протестъ со стороны даже нѣкоторыхъ изъ насъ. Въ хроникѣ уѣздныхъ съѣздовъ и санитарныхъ совѣтовъ, начиная съ 1899—1900 гг., можно не разъ отмѣтить страстные споры по этому, казалось бы теперь безспорному вопросу, который въ то время для иныхъ имѣлъ видъ если не опасной ереси, то во всякомъ случаѣ ненужной затѣи. Здѣсь, какъ и всегда, сказалась старая истина, что расширеніе правъ круга лицъ или сословій никогда не обходится безъ нѣкоторой борьбы, въ которой наиболѣе активными

дѣятелями являются безправые элементы. Вначалѣ приглашеніе въ санитарные совѣты представителей помощниковъ врачей нерѣдко проваливалось не только въ земскихъ собраніяхъ, но даже и въ самихъ санитарныхъ совѣтахъ, еще такъ недавно боровшихся за тѣ же права самихъ врачей.

Однако время шло, разумная идея постепенно проникала въ медицинскую среду и ясная необходимость общаго принципа участія работника въ обсужденіи его работы, принципа столь жизненнаго и столь повышающаго энергію работающихъ,—наконецъ, убѣдила даже противниковъ участія помощниковъ врачей во врачебныхъ коллегіальныхъ органахъ. Въ данное время это участіе фактически осуществляется уже во многихъ общественныхъ организаціяхъ. Ему надлежитъ сдѣлаться въ дальнѣйшемъ повсемѣстнымъ явленіемъ.

Въ самое послѣднее время возникаетъ необходимость примѣненія того же начала не только во врачебныхъ коллегіальныхъ собраніяхъ уѣзда или губерніи, но и внутри отдѣльнаго медицинскаго участка, гдѣ врачи до сихъ поръ являлись почти единоличными вершителями всего дѣла, а ихъ помощники въ большинствѣ случаевъ были обречены на исполнительно-служебную роль.

Внести и въ эту совмѣстную работу принципъ общаго обсужденія, сочетать его съ различными условіями и сторонами дѣла—есть, по моему, весьма серьезная задача будущей организаціи. Всѣмъ извѣстно, какъ часты и какъ тяжелы разлады въ тѣсномъ кругу участковаго медицинскаго персонала, какъ много врачей, враждующихъ со своими помощниками, и какъ много помощниковъ, воюющихъ со своими врачами. Послѣ столкновеній съ земствомъ и реакціонными управами, это самыя больныя, самыя тяжкія страницы въ жизни общественно-медицинскаго персонала.

Конечно, очень многія изъ исторій, разыгрывающихся на этой почвѣ, коренятся въ личныхъ особенностяхъ характера и такта той и другой стороны, но все же основная причина есть *безправное положеніе помощниковъ врачей* и оно должно быть разумно исправлено. Недаромъ нѣкоторые изъ нихъ съ горькимъ чувствомъ говорятъ о «самодержавіи» участковыхъ врачей, и въ этихъ словахъ есть не малая доля истины.

Я не говорю про то, чтобы въ будущихъ коллегіальныхъ участковыхъ организаціяхъ, въ больничныхъ медицинскихъ совѣтахъ всѣ вопросы рѣшались съ общаго совѣщанія. Такая постановка дѣла немыслима уже просто потому, что въ области чистаго врачеванія, въ области спеціальнаго примѣненія врачебной помощи больному полное коллегіальное равенство можетъ быть лишь при равенствѣ уровня образовательнаго, т.-е. среди врачей (хотя и это очень условно, ибо есть врачи начинающіе, неопытные и есть очень свѣдущіе и богатые опытомъ, ихъ никакой дипломъ, конечно, не уровняетъ). Въ сферѣ лѣчебной больной остается цѣликомъ на отвѣтственности врача, а потому врачу же долженъ принадлежать и рѣшающій голосъ. Это несомнѣнно такъ должно быть просто уже въ интересахъ больного. Однако и въ этой области, особенно въ области

ухода за больнымъ—совершенно неизбѣжны и весьма полезны совѣщанія всего персонала участка.

Неужели врачамъ нужно совѣщаться съ фельдшерами и сестрами милосердія?—скажутъ мнѣ, быть можетъ, многіе изъ васъ. А отчего же и нѣтъ? спрошу я въ свою очередь. Развѣ въ совѣщаніи есть что-нибудь вредное для больного или унизительное для врача, если за нимъ остается рѣшающій голосъ. Умѣйте поддержать свой авторитетъ вашимъ превосходствомъ знанія, умѣйте обосновать вашу точку зрѣнія научно и это будетъ сильнѣе простого приказанія и во много разъ дѣйствительнѣе безпрекословнаго исполненія вашихъ распоряженій. Это принесетъ пользу и больнымъ и вашимъ помощникамъ.

Но затѣмъ, помимо области чисто-медицинской, въ жизни участка остается масса хозяйственныхъ, административныхъ, общественныхъ дѣлъ, въ которыхъ врачъ можетъ стоять уже совершенно на равной ногѣ со своими помощниками, въ которыхъ его дипломъ не играетъ никакой роли, а его помощники часто не только не меньше, но даже больше его приспособлены къ данной области.

Отчего въ такихъ вопросахъ не будетъ умѣстнѣе уже рѣшающее значеніе участковаго совѣта? Оно, думается мнѣ, устранило бы много шероховатостей въ жизни персонала участка и было бы наиболѣе подходяще при полной демократизаціи общества. Въ участковыхъ совѣтахъ или въ особыхъ ихъ засѣданіяхъ должны принять участіе и общественные дѣятели участка, особенно въ области общественной дѣятельности, устройствѣ участковаго попечительства, яслей, чтеній и т. д. Въ мелкой земской единицѣ организація участковыхъ санитарныхъ совѣтовъ совершенно неизбѣжна для правильнаго хода дѣла. Итакъ, по-моему участковые медицинскіе совѣты, теперь еще только организующіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, должны современемъ войти въ повсемѣстное распространеніе.

Послѣднее время, время широкаго пробужденія народныхъ массъ, не могло пройти безслѣдно, кажется, ни въ одной мало-мальски крупной организаціи. Коснулось оно и крупныхъ городскихъ больницъ, съ огромнымъ штатомъ служащихъ и прислуги. Оно здѣсь вылилось въ борьбу за автономное устройство такихъ больницъ, т.-е. за организацію въ нихъ особыхъ коллегіальныхъ органовъ, въ которые входили бы представители всѣхъ группъ служащихъ. Иногда эта борьба принимала уродливыя, некультурныя формы и сопровождалась насиліями и унизительными дѣйствіями безправнаго персонала (вывозъ на тачкѣ завѣдующихъ и пр.), но это лишь неизбѣжныя и прискорбныя послѣдствія остроты давно назрѣвшаго вопроса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что будущее всецѣло на сторонѣ распространенія принципа коллегіальности на весь персоналъ крупныхъ больницъ, и только наши старые предразсудки, столь отдающіе привычками прежняго режима, мѣшаютъ примѣнять этотъ принципъ въ данное время.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что автономія крупныхъ больницъ должна

вести къ ихъ полному сепаратизму и изолированной самостоятельности среди всей прочей общественной медицинской организаціи.

Такъ она, къ сожалѣнію, иногда и понималась въ совершенно неправильномъ представленіи иныхъ ея защитниковъ, то искренне преданныхъ такому узкому пониманію, то проводящихъ его ради побочныхъ, ничего общаго съ коллегіальностью не имѣющихъ цѣлей.

Очевидно, что всякая автономная коллегіальная единица все же должна составлять лишь часть общаго коллегіальнаго союза общественной медицины и ея рѣшенія должны быть согласованы и сообразованы съ общими руководящими принципами. Такъ, напримѣръ, какая-либо автономная губернская больница не можетъ уклоняться отъ общихъ коллегіальныхъ руководящихъ указаній съѣзда врачей всей губерніи и какая-либо автономная городская больница не можетъ игнорировать рѣшенія общегородского совѣта всѣхъ больницъ и т. д. Съ этими оговорками автономія крупныхъ больницъ должна явиться въ будущемъ неизбѣжнымъ отраженіемъ демократическихъ идей въ общественно-медицинской организаціи.

Самое послѣднее и наиболѣе отвѣтственное примѣненіе принципа коллегіальности въ выборѣ лицъ медицинскаго персонала должно въ будущемъ также несомнѣнно расширяться, а, быть можетъ, въ иныхъ случаяхъ и видоизмѣняться. Особенно развитіе мелкой земской единицы внесетъ въ эту область существенныя перемѣны. Мелкая земская организація часто будетъ имѣть лишь одинъ, много два врачебныхъ участка, организація санитарнаго совѣта здѣсь, какъ я уже сказалъ, будетъ имѣть характеръ участковаго совѣта съ значительнымъ преобладаніемъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, и весьма трудно въ настоящее время опредѣлить, что̀ окажется болѣе удобнымъ и болѣе совершеннымъ въ интересахъ дѣла,— выборы медицинскаго персонала въ такихъ участковыхъ совѣтахъ, или въ выборахъ должны принимать участіе какіе-либо общеуѣздные совѣты, чтобы сохранить большую однородность и сплоченность организаціи.

Иные думаютъ даже, что выборы участковаго медицинскаго персонала можно производить всѣмъ населеніемъ (четырехчленной формулой?). Трудно сказать, что̀ дадутъ такіе опыты и какъ могутъ они быть производимы, но одно несомнѣнно, что такіе выборы тяжеловѣсны, громоздки и въ спеціальныхъ случаяхъ едва ли дадутъ раціональные результаты.

Повидимому, все же приходится думать, что выборы медицинскаго персонала въ особыхъ смѣшанныхъ коллегіяхъ изъ представителей общественныхъ и медицинскихъ работниковъ будутъ и въ дальнѣйшемъ не только наиболѣе удобнымъ, но и наиболѣе совершеннымъ способомъ.

Высшимъ руководящимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ останутся в[ъ] россійскіе пироговскіе съѣзды, особенно съ привлеченіемъ на нихъ общ[е]ственныхъ дѣятелей и помощниковъ врачей.

Перехожу теперь къ другому основному принципу *раціональнос[ти]* общественной медицины. А priori уже можно сказать, что едва ли мож[ет] существовать какая-либо организація въ будущемъ безъ примѣненія [къ]

ней въ самомъ широкомъ направленіи принципа научности, раціональности въ постановкѣ дѣла.

Здѣсь прежде всего мы должны сказать, что организація *исключительно врачебной* помощи населенію должна быть нашей неотложной задачей.

Что бы ни говорили неистовые защитники самостоятельнаго фельдшеризма, какія бы удивительныя соображенія ни высказывали они въ своемъ пріобрѣвшемъ печальную репутацію «Фельдшерѣ», до какихъ бы геркулесовыхъ столбовъ, вродѣ утвержденія, что самостоятельный фельдшеризмъ будетъ даже въ соціалистическомъ строѣ общества,—они ни доходили,—остается все же незыблемой совершенно ясная и простая истина, гласящая, что широкія массы народа, какъ и всѣ отдѣльныя лица, должны получать самую совершенную медицинскую помощь, до какой только дошла медицинская наука.

Напрасно думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ помощниковъ, что требованіе уничтоженія самостоятельнаго фельдшеризма—есть какая-то групповая защита врачами своихъ правъ, боязнь конкуренціи и прочія экономическія причины. Эти догадки, при всей ихъ популярности въ нѣкоторыхъ кругахъ,—есть нездоровыя предположенія, создающіяся на почвѣ тяжелаго правового и матеріальнаго необезпеченія особенно нѣкоторыхъ наиболѣе обездоленныхъ категорій помощниковъ врачей.

Требованіе уничтоженія самостоятельнаго фельдшеризма есть велѣніе совѣсти и разума всякаго честнаго и мыслящаго человѣка, не позволяющее никому изъ страждущихъ, и тѣмъ паче въ случаѣ его принадлежности къ трудящимся классамъ общества,—отказать въ самой совершенной помощи.

И было бы полной нелѣпостью утверждать, что при меньшей спеціальной подготовкѣ, при меньшемъ уровнѣ общаго развитія (я говорю о массовомъ уровнѣ, а не объ исключеніяхъ)—возможна та же высота медицинской помощи.

Такого предположенія не дѣлаютъ даже самые ярые защитники фельдшеризма, хотя и весьма странно иногда аргументируютъ распредѣленіемъ заболѣваній на простыя и сложныя, причемъ простыя можно лѣчить и фельдшеру.

Въ прежнее доброе время многіе помѣщики изъ породы Ноздревыхъ и Собакевичей полагали, что хамы-мужики болѣютъ только «простыми» болѣзнями, достойными даже не фельдшеровъ, а просто знахарей и бабокъ, а ихъ барскому дебелому, нѣжному тѣлу свойственны тонкія и сложныя заболѣванія. Но вѣдь то, что было въ крѣпостническій періодъ безграмотности, не можетъ же считаться возможнымъ при нашемъ уровнѣ общественности. Всякому мало-мальски образованному человѣку ясно, что разобраться въ томъ—простое, легкое или сложное, тяжелое заболѣваніе у больного—немыслимо безъ его предварительнаго врачебнаго изслѣдованія. А разъ оно сдѣлано врачомъ—онъ же долженъ назначить и терапію.

Итакъ, борьба съ фельдшеризмомъ должна быть неослабной, просто во имя равенства всѣхъ гражданъ и права ихъ на наилучшую общественную помощь, она должна идти до полной своей побѣды, до полнаго развитія чисто-врачебной подачи помощи.

Таковы должны быть наши идеалы какъ теперь, такъ еще больше при демократизаціи общества. Никакія соображенія дешевизны, никакіе доводы бѣдности населенія не могутъ останавливать насъ, ибо мы больше, чѣмъ кто-либо знаемъ, что самая безумная расточительность народнаго достоянія—есть отсутствіе заботъ о народномъ здоровьи, что расходы на медицину всегда окупаются даже въ экономическомъ смыслѣ, что они могутъ быть названы мелiоративнымъ санитарнымъ кредитомъ, сторицей уплачиваемымъ возстановленіемъ здоровья и работоспособности.

Идемъ далѣе. Раціональность медицинской помощи населенію должна расширяться не только въ смыслѣ организаціи чисто-врачебной помощи. Эта помощь должна имѣть всѣ оттѣнки *спеціализированія*, доставить населенію самую совершенную обстановку для возстановленія здоровья.

Всѣмъ извѣстно, какъ плохи еще у насъ организованные виды спеціальной помощи сельскому и городскому населенію (конечно, не зажиточнымъ его элементамъ—къ ихъ услугамъ все имѣется со стороны врачебной торговли).

Психіатрическія лѣчебницы пока еще крайне централизованы и очень недостаточны по размѣру, родильные пріюты, пріюты для хрониковъ и неизлѣчимыхъ въ селахъ и деревняхъ почти отсутствуютъ, нѣтъ и помину объ ортопедіи, широкомъ примѣненіи массажа, электро-терапіи, водолѣченія. Я уже не говорю про лѣченіе курортное, лиманное, климатическое, кумысолѣченіе и т. д. Все это для массъ населенія недоступная роскошь, о которой общественному врачу и заикаться у насъ не приходится.

Несомнѣнно демократизація общества должна въ корнѣ измѣнить это явленіе и въ задачи общественной медицины должно войти, какъ обязательное ближайшее дѣло,—*расширеніе и организація спеціальныхъ видовъ помощи населенію* по тѣмъ же принципамъ доступности и безплатности, которые лежатъ въ основѣ всей общественной медицины.

Наши будущіе органы мѣстнаго самоуправленія, съ помощью государственныхъ организацій, и сами по себѣ, должны устроить и мелкія, близкія къ населенію психіатрическія лѣчебницы и всѣ виды призрѣнія хрониковъ и неизлѣчимыхъ, и родильные пріюты, и водо-электролѣчебницы и ортопедическіе институты. Я ни минуты не сомнѣваюсь, что у насъ возникнутъ общественные курорты, общественные санаторіи, вполнѣ доступные всѣмъ слоямъ населенія. Они станутъ особенно легко осуществимы, если въ помощь общественной медицинѣ придетъ государственное страхованіе трудящихся отъ заболѣваній, инвалидности и проч.

Я оставлю пока въ сторонѣ вопросъ о спеціализаціи самихъ общественныхъ врачей. Онъ въ данное время всего менѣе можетъ стать предметомъ обсужденія, ибо еще надолго въ массѣ случаевъ общественный врачъ и

сельскомъ населеніи останется однимъ работникомъ и будетъ вынужденъ подновлять и пополнять свои знанія по многимъ отраслямъ медицины. Въ крупныхъ же городахъ вопросъ стоитъ совсѣмъ не такъ остро, и здѣсь, конечно, возможно и въ настоящее время участіе въ общественно-медицинской организаціи врачей, строго спеціализировавшихся въ опредѣленныхъ областяхъ или въ качествѣ самостоятельной отрасли дѣла, или хотя бы въ видѣ консультативной помощи. Въ сельской медицинѣ вопросъ о спеціализаціи даже и въ будущемъ пока является преждевременнымъ.

Перехожу теперь къ дальнѣйшимъ принципамъ раціональной медицины.

Помощь населенію должна стать совершенно *доступной* и абсолютно *безплатной*.

Въ этомъ отношеніи будущимъ организаціямъ предстоитъ еще очень много дѣла. Уже самое постепенное уменьшеніе радіуса врачебнаго участка съ 25 до 7 верстъ указываетъ намъ, что идеалы доступности помощи расширялись въ земской медицинѣ весьма быстро. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что семиверстный идеалъ останется совершеннымъ и конечнымъ. Ясно, что врачи, въ интересахъ населенія, будутъ стремиться къ пятиверстному, трехверстному радіусу.

Не даромъ же въ данное время въ одной изъ наиболѣе высоко организовавшихъ свою общественную медицину, — въ Московской губерніи, происходитъ въ этомъ направленіи серьезная переоцѣнка цѣнностей и уже напечатанъ рядъ капитальныхъ работъ.

Мнѣ невольно припоминаются слова одного моего товарища по работѣ, земскаго врача. Онъ говорилъ, что сознаніе населенія и удовлетвореніе его потребностей чаще всего гармоничны. Несмотря на страшную бѣдность, сознанная широкой массой населенія духовно-религіозная потребность создала среди убогихъ соломенныхъ лачугъ нашей деревни дворцы-храмы. Ни одно мало-мальски крупное поселеніе не обходится безъ церкви и штата священно-церковно-служителей. И это стоитъ народу огромныхъ денегъ. Когда свободный народъ сознаетъ также сильно необходимость просвѣщенія и охраны здоровья, онъ будетъ строить въ селахъ не только церкви, но дворцы-школы и дворцы-больницы.

Въ этомъ разсужденіи есть много правильнаго и на насъ, врачахъ, лежитъ громадный долгъ способствовать росту народнаго сознанія. Исполненію его мы отводили немало времени и силъ въ прошломъ, еще большее время мы должны посвятить ему въ будущемъ.

Только наши будущіе дворцы-больницы и лѣчебницы должны быть выстроены не многострадальными сборами трудовыхъ, доброхотныхъ даяній, а разумной организаціей прогрессивно-подоходныхъ налоговъ какъ въ государствѣ, такъ и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Субсидія мѣстнымъ организаціямъ изъ области общегосударственныхъ средствъ на дѣло народнаго здравія, есть ближайшая задача будущаго для общедоступности населенію врачебной помощи.

Я не буду останавливаться на второмъ принципѣ доступности помо-

щи—*полной безплатности* ея, послѣ того какъ я уже высказалъ соображеніе о его крайней важности. Этотъ принципъ долженъ стать руководящимъ вездѣ, во всѣхъ случаяхъ. Если его проведенію въ жизнь мѣшаетъ матеріальная необезпеченность врачей, она должна быть устранена повышеніемъ общественной оплаты ихъ труда, но отступленій отъ него быть не должно.

Плата съ больныхъ должна исчезнуть во всѣхъ больничныхъ и лѣчебныхъ заведеніяхъ, особенно скоро должны быть уничтожены глубоко несправедливые больничные сборы въ городахъ, всею тяжестью ложащіеся на трудящихся и обездоленныхъ.

Безплатность должна совершенно измѣнить городскую медицину и, я бы сказалъ, въ далекомъ будущемъ вести къ полному уничтоженію вольной врачебной практики. Медицина можетъ быть только въ двухъ формахъ ея существованія названа дѣйствительной помощью страждущему человѣчеству—это, съ одной стороны, медицина чисто-научная и строго-научная, а съ другой—медицина общественная и строго-общественная, съ коллективной оплатой ея организаціи.

Всѣ переходныя ея формы суть формы служенія Богу и мамонѣ, суть основное противорѣчіе самому существу помощи страждущимъ, вносящее развратъ не только въ общественную среду, но и въ среду врачей.

Полный демократизмъ общества не долженъ знать ничего, кромѣ научной и правильно организованной общественной медицины.

Это нисколько не противорѣчитъ появленію высокоодаренныхъ, талантливыхъ врачевателей, геніальныхъ діагностовъ, блестящихъ хирурговъ и т. д. Они были, есть и будутъ. Но ихъ помощь всегда будетъ ограничена въ силу чисто физическихъ причинъ размѣра ихъ трудоспособности при всякомъ строѣ медицины.

«Будутъ ли больные имѣть возможность выбирать врача?»—спросятъ меня многіе. Конечно, будутъ, ибо никто этого не можетъ воспретить. Это происходитъ и теперь даже въ сельской и земской медицинѣ и будетъ происходить въ болѣе широкихъ предѣлахъ при болѣе широкомъ развитіи доступной врачебной помощи. Вѣдь практика германскихъ рабочихъ кассъ показываетъ, какъ свободный выборъ врача притягиваетъ паціентовъ къ однимъ и уводитъ ихъ отъ другихъ. Только регуляторами этого явленія всегда должны являться въ общественно-безплатной медицинѣ не задѣльная оплата труда, какъ въ германскихъ кассахъ, ничего въ сущности не регулирующая, а раціональная нормировка врачебнаго труда, безъ которой немыслимо вообще раціональное врачеваніе.

Итакъ, я полагаю, что въ будущемъ всѣ виды общественной медицины,—земская, городская, фабрично-заводская, горно-промышленная, желѣзно-дорожная и пр., и пр., конечно, будутъ развиваться и спеціализироваться въ своихъ областяхъ, будутъ подкрѣпляться государственными мѣропріятіями, но всѣ они не могутъ идти правильно, согласно нуждамъ народныхъ массъ, безъ участія общественныхъ элементовъ въ организаціи,

безъ коллегіальнаго обсужденія, безъ раціональности и доступности, безъ полной безплатности всѣхъ видовъ помощи.

Я уже очень утомилъ ваше вниманіе и спѣшу заканчивать свой очеркъ послѣднимъ и самымъ существеннымъ принципомъ,—принципомъ развитія *предупредительной* медицины и ея, можно сказать, необъятныхъ задачъ.

Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что это наша самая главная, самая святая обязанность.

Мы не можемъ быть равнодушными свидѣтелями безконечной вереницы сотенъ тысячъ больныхъ въ нашихъ амбулаторіяхъ и больницахъ, мы не можемъ ограничиваться сотнями тысячъ рецептовъ, порошками, мазями, настойками, даже раціональными хирургическими и прочими вмѣшательствами, не можемъ наполнять изъ года въ годъ бездонную бочку Данаидъ, затрачивая на это массу силъ и средствъ.

Не только лѣчить заболѣванія—есть нашъ врачебный долгъ, но и не дать развиться нарушенію здоровья—есть еще бо́льшая наша задача.

Это—задача исключительно общественной медицины. Тутъ не только должны быть сохранены наши медико-статистическія учрежденія, какъ основа вырабатываемыхъ раціональныхъ мѣропріятій, не только должны быть расширены и распространены на все государство научно-статистическія наши работы, составляющія гордость русской земской медицины, но и широко, безпрепятственно должны развиться всѣ практическія санитарныя мѣропріятія.

Если мы, русскіе общественные врачи, всегда указывали коренныя причины нездоровья русскаго народа, если мы повседневной тяжелой работой и научными изслѣдованіями доказали, что безправіе народа, его матеріальная необезпеченность, его культурная отсталость, малоземелье крестьянства и невозможныя условія труда—суть главные факторы невѣроятной смертности въ нашемъ отечествѣ, факторы массоваго распространенія эпидемическихъ заболѣваній, сифилиса, туберкулеза, трахомы, болотной лихорадки и пр., если мы невольно, неизбѣжно въ нашей работѣ столкнулись съ обще-политическимъ положеніемъ и, какъ врачи, исполняющіе свой долгъ передъ родиной, занялись политикой, то этотъ неизбѣжный шагъ не можетъ быть остановленъ и въ будущемъ, онъ является логически необходимымъ и практически неизбѣжнымъ.

Да, мы *политики,* не только какъ граждане своего народа, но и какъ врачи, желающіе оздоровленія своей родины. Мы должны широко участвовать въ политической жизни страны, мы должны воплощать въ законодательныя нормы требованія нашей предупредительной медицины.

Сначала мы шли путемъ выработки обязательныхъ постановленій губернскихъ земствъ и санитарнымъ надзоромъ, путемъ ходатайствъ Пироговскихъ съѣздовъ передъ глухимъ самодержавнымъ правительствомъ, затѣмъ перешли къ резолюціямъ, требующимъ освобожденія родины, что съ особенной яркостью и силой выразилось на послѣднихъ Пироговскихъ съѣздахъ (петербургскомъ и холерномъ московскомъ), затѣмъ началась

активная борьба и, наконецъ, теперь нѣкоторымъ изъ насъ выпала на долю не только высокая честь, но и святая обязанность работать въ качествѣ членовъ законодательнаго учрежденія.

И мы должны оставаться не только врачами, но и политиками во имя блага и здоровья народа!

Мы должны теперь уже путемъ законодательныхъ реформъ обновить и оздоровить Россію, должны вывести ее на путь широкаго и свободнаго развитія общественныхъ силъ, повысить соціальными реформами ея экономическое благосостояніе, осуществить въ жизни демократизацію общественныхъ учрежденій, ввести законодательную охрану труда и развитіе просвѣщенія.

Несомнѣнно, обществу и представительному собранію предстоитъ еще громадная борьба съ отживающимъ прошлымъ, несомнѣнно, еще не съ однимъ явленіемъ гнета власти «послѣдышей абсолютизма» придется намъ столкнуться, но это нисколько не должно измѣнять наши ближайшія задачи, тѣмъ болѣе въ области предупредительной медицины.

Подготовка матеріаловъ въ области соціальнаго законодательства, введенія восьмичасового рабочаго дня, государственнаго страхованія рабочихъ, обязательныхъ санитарныхъ постановленій и нормъ охраны труда должны остаться нашимъ ближайшимъ дѣломъ. Въ этомъ мы можемъ содѣйствовать нашими спеціальными знаніями и опытомъ работѣ законодательнаго строительства Государственной Думы.

Параллельно съ нами должны развиваться на мѣстахъ и спеціальныя профилактическія, санитарныя мѣры, которыя намѣчены практической жизнью за послѣднее время. Борьба съ эпидеміями, разумная организація предохранительныхъ прививокъ въ необходимыхъ случаяхъ, упорядоченіе оспопрививанія, развитіе яслей-пріютовъ и организація борьбы съ дѣтской смертностью, улучшеніе санитарныхъ условій отхожихъ промысловъ и лѣчебно-продовольственные пункты для рабочихъ, улучшеніе водоснабженія, школьно-санитарный надзоръ и пр., и пр., вся эта масса практической санитарной работы должна получить самое широкое развитіе въ будущемъ демократическомъ строѣ. Она не такъ широка и грандіозна, какъ подготовка матеріаловъ для законодательной работы, въ ней меньше данныхъ, нѣтъ измѣненія коренныхъ условій оздоровленія народа, но она неизбѣжна, она существенно важна, какъ практическіе шаги все въ томъ же направленіи.

Вся дѣятельность общественно-медицинскихъ организацій, весь строй ихъ, вся продуктивность ихъ работы тѣсно, неразрывно связаны какъ съ широкой законодательной дѣятельностью народныхъ представителей, такъ и съ мѣстной работой будущихъ демократическихъ органовъ самоуправленія.

Мнѣ остается поэтому выразить, вѣроятно, всѣхъ насъ безъ исключенія одушевляющія чувства вѣры въ грядущую мощь освобождающаго и русскаго народа и его представительства въ Государственной Думѣ.

Какъ бы ни былъ мраченъ горизонтъ современности, какими бы ничтожными ни казались намъ первые шаги думскихъ работъ, какъ бы ни были упорны злобныя попытки возврата къ прошлому, какимъ бы различнымъ политическимъ ученіямъ и программамъ мы ни поклонялись—мы всѣ до единаго вѣримъ, мы всѣ знаемъ, что будущее, свѣтлое, радостное будущее принадлежитъ царству свободы, права и правды, что всѣ безумныя преграды его пришествію—минутны и ничтожны въ незыблемомъ историческомъ процессѣ, и конечная побѣда на его сторонѣ!

Въ свободномъ развитіи народнаго представительства—залогъ и нашего нарождающагося демократическаго строя и соціальныхъ реформъ въ интересахъ всего народа и главнымъ образомъ трудящихся классовъ.

Въ этой безконечно-великой задачѣ заключаются всѣ наши задачи народнаго здравоохраненія и общественной медицины.

Пусть же живетъ русское представительное учрежденіе, пусть крѣпнетъ его мощь, растутъ его права, ширится его работа на благо великаго народа и да сгинутъ всѣ препятствія къ умиротворенію, освобожденію, обновленію и оздоровленію нашей многострадальной родины *)!

А. Шингаревъ.

---

*) Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, хрупкая нить работъ второй Государственной Думы оборвалась 3 іюня. Трудная и продолжительная работа оздоровленія Россіи еще предстоитъ впереди, но это обстоятельство должно лишь увеличить нашу энергію. *Авторъ.*

Какъ осуществить единое народное представительство? *)

III.

Сторонники единаго народнаго представительства ссылаются въ защиту его на періоды подъема общественной жизни, на періоды политической весны и народнаго возрожденія. Эти періоды, которые бываютъ обыкновенно ознаменованы революціями или равносильными имъ переворотами въ государственно-правовой жизни, особенно богаты политическимъ творчествомъ, особенно плодотворны своимъ конституціоннымъ, финансовымъ и соціальнымъ законодательствомъ. Вся правовая основа современныхъ конституціонныхъ государствъ создана именно въ эти періоды. Народы запада обязаны имъ незыблемымъ утвержденіемъ въ основныхъ законахъ неотъемлемыхъ правъ и гражданскаго достоинства каждой личности и созданіемъ самыхъ плодотворныхъ и благодѣтельныхъ учрежденій государственной и соціальной жизни. Органомъ, отъ котораго исходила вся эта обновляющая работа, въ большинствѣ современныхъ конституціонныхъ государствъ было въ свое время единое народное представительство, организованное въ учредительное собраніе. Защитники единаго народнаго представительства, отстаивая его, обыкновенно и имѣютъ въ виду ту практику, которая создана различными учредительными собраніями. Такими учредительными собраніями были конгрессъ 1778 года и федеральный конвентъ 1787 года въ Сѣверной Америкѣ, національное собраніе во Франціи въ 1789 году, національные кортесы въ 1810 году въ Испаніи, конгрессъ въ 1831 году въ Бельгіи, національное собраніе въ 1848 году во Франціи и Франкфуртскій парламентъ 1848—49 годовъ въ Германіи. Къ нимъ можно причислить также и долгій парламентъ въ Англіи въ 1640—41 годахъ, который по единодушію, господствовавшему въ обѣихъ палатахъ, устраивавшихъ притомъ иногда общія засѣданія, представлялъ какъ бы одно собраніе.

Имена всѣхъ этихъ учредительныхъ собраній достаточно говорятъ сами

*) *Русская Мысль*, кн. III и IV, 1907 г.

за себя. Цивилизованные народы обязаны имъ всей своей политической свободой, всей своей гражданственностью, высшими проявленіями своей культуры и первыми зачатками своего соціальнаго законодательства. Примѣръ ихъ безусловно заслуживаетъ быть повтореннымъ во всякой странѣ, нуждающейся въ коренномъ преобразованіи своей государственной и соціальной жизни. Впрочемъ, онъ и пріобрѣлъ уже типическое значеніе, давъ поводъ выдвинуть и соотвѣтственный теоретическій принципъ. Та популярность, которою пользуется у насъ лозунгъ созыва учредительнаго собранія, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ объ общемъ признаніи его верховныхъ функцій. Дѣйствительно, въ принципѣ никто не можетъ отрицать того, что учредительное собраніе является высшей инстанціей при государственномъ строительствѣ.

До великой французской революціи не только въ государственной теоріи, но и на практикѣ было признано какъ бы общимъ мѣстомъ положеніе, что при коренной перестройкѣ государственныхъ учрежденій должно быть созвано единое учредительное собраніе. Особенно широкое распространеніе теорія и практика учредительныхъ собраній получила въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ. Учредительныя собранія или конвенты вошли въ систему учрежденій какъ отдѣльныхъ штатовъ, такъ и всей Сѣверо-Американской федераціи. Въ ихъ конституціяхъ они снабжены высшими законодательными функціями. Всѣ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ партикулярныя, такъ и федеральная признаютъ высшей инстанціей для пересмотра конституціи конвентъ или спеціально созванное единое собраніе народныхъ представителей. Но на-ряду съ этимъ они допускаютъ пересмотръ конституцій и особенно отдѣльныхъ статей ея также обычными собраніями народныхъ представителей при томъ условіи, что рѣшенія постановляются квалифицированнымъ большинствомъ ихъ.

Напротивъ, въ Европѣ англо-американская идея конвентовъ, повидимому, совершенно скомпрометтирована французскимъ конвентомъ въ эпоху великой революціи. По крайней мѣрѣ конституціи государствъ съ двухпалатнымъ народнымъ представительствомъ не вводятъ въ систему своихъ учрежденій учредительнаго собранія. Большинство изъ нихъ устанавливаетъ особый порядокъ для пересмотра конституціонныхъ законовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ въ этомъ случаѣ новаго избранія народныхъ представителей. Но созывъ единаго учредительнаго собранія конституціями великихъ европейскихъ державъ не предусматривается. Учредительнымъ собраніемъ нельзя, конечно, признать французскаго національнаго собранія, которое не избирается спеціально, а составляется изъ существующихъ уже палатъ, и которое ограничено въ своихъ полномочіяхъ ихъ предварительнымъ рѣшеніемъ. Надо имѣть, впрочемъ, въ виду, что и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ самаго основанія ихъ конвенты созывались только въ отдѣльныхъ штатахъ, но не въ федераціи. Для пересмотра союзной конституціи со времени учредительнаго конвента 1787 года

не было созвано ни одного конвента, и всѣ пятнадцать поправокъ къ ней были приняты регулярнымъ народнымъ представительствомъ.

Въ противоположность великимъ европейскимъ державамъ конституціи трехъ балканскихъ государствъ съ однопалатнымъ представительствомъ—Болгаріи, Сербіи и Греціи предписываютъ для пересмотра конституціи созывъ особыхъ учредительныхъ собраній. Учредительныя собранія во всѣхъ этихъ трехъ государствахъ составляются изъ двойного количества депутатовъ, которые избираются спеціально для этой цѣли. Въ Болгаріи и Сербіи учредительныя собранія носятъ особыя названія великаго народнаго собранія и великой народной скупщины.

Тѣмъ не менѣе въ прошломъ большинство европейскихъ народовъ имѣло свое учредительное собраніе. Притомъ роль, которую играли учредительныя собранія въ политическомъ развитіи народовъ, настолько привлекательна и заманчива, что невольно является стремленіе превратить ее изъ временной въ постоянную. Многіе защитники однопалатной системы представительства думаютъ, что достаточно создать тѣ же формальныя условія для народнаго представительства, какими обыкновенно обладаютъ учредительныя собранія, и странѣ будетъ гарантировано энергичное законодательное творчество, быстрое проведеніе политическихъ реформъ и столь желанная интенсивная политическая жизнь. Въ формальномъ отношеніи учредительныя собранія, какъ извѣстно, отличаются отъ законодательныхъ палатъ тѣмъ, что они пользуются гораздо большими полномочіями, а по своему составу они едины и обыкновенно состоятъ изъ большаго числа представителей, чѣмъ обычныя собранія народныхъ представителей.

Конечно, чрезвычайно легко создать народное представительство, которое по своимъ формальнымъ свойствамъ приближалось бы къ учредительному собранію. Но ожидать, что подобное народное представительство будетъ и дѣйствовать такъ, какъ учредительное собраніе, это значило бы страшно переоцѣнивать значеніе самой организаціи государственныхъ учрежденій. Исторія показала, какъ мы видѣли, что конституціи съ одной палатой нисколько не гарантируютъ того, что создается въ эпохи революціоннаго подъема учредительными собраніями. Даже напротивъ одна палата народныхъ представителей обыкновенно не была въ состояніи обезпечить прочность конституціи и неприкосновенность политическихъ и соціальныхъ реформъ, проведенныхъ предшествовавшимъ ей учредительнымъ собраніемъ.

Очевидно, надо искать объясненія чрезвычайно плодотворной дѣятельности учредительнаго собранія не въ формальныхъ свойствахъ самаго учрежденія. Однѣ государственно-правовыя нормы не могутъ сдѣлать обыкновенное народное представительство столь же творческимъ, какъ и учредительное собраніе. Поэтому сколько бы мы ни приближали по внѣшнимъ атрибутамъ народное представительство къ учредительному собранію, оно не превратится въ него по своей дѣятельности.

Въ чемъ же однако разница между учредительнымъ собраніемъ и за-

конодательнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ одной палаты и обладающимъ тѣми же полномочіями?—Это въ высшей степени важная проблема, но не государственно-правовая, а политическая. Мы видѣли, что въ государственно-правовомъ отношеніи разница между этими учрежденіями не существенна; ее надо искать въ политическихъ условіяхъ. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что учредительное собраніе создается извѣстнымъ историческимъ и политическимъ моментомъ. Для того, чтобы получилась благопріятная атмосфера для созыва и дѣятельности учредительнаго собранія, долженъ совпасть цѣлый рядъ историческихъ и политическихъ обстоятельствъ. Когда государственно-правовыя формы окончательно устарѣли и болѣе не соотвѣтствуютъ новымъ запросамъ политической, экономической и общественной жизни, когда сознаніе этого несоотвѣтствія проникло въ широкіе круги народа, когда убѣжденіе въ необходимости реформировать весь государственный и соціальный строй сдѣлалось всеобщимъ, когда, наконецъ, благодаря всему этому возбужденіе овладѣваетъ всѣмъ народомъ,—тогда наступаетъ моментъ, естественно заставляющій придать народному представительству форму учредительнаго собранія. Такъ какъ представители стараго режима и въ этотъ моментъ часто не желаютъ уступить, то онъ обыкновенно сопровождается революціей. Самыя выдающіяся учредительныя собранія были созваны въ эпоху революцій. Такимъ образомъ учредительное собраніе имѣетъ всегда характеръ исключительнаго явленія, созданнаго особыми историческими и политическими событіями. Такихъ исключительныхъ событій нельзя искусственно вызвать государственно-правовыми нормами. Лучшимъ доказательствомъ исключительнаго характера учредительныхъ собраній служитъ тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ созывъ учредительнаго собранія предусмотрѣнъ конституціей, какъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, такой созывъ не практикуется.

Но въ чемъ и какъ отзывается на самой дѣятельности учредительнаго собранія исключительный историческій моментъ, вызвавшій его? Ясно, что мы должны признать главнымъ условіемъ, способствующимъ обновляющей и реформаторской дѣятельности учредительныхъ собраній, то возбужденіе, которое охватываетъ народныя массы въ періоды ихъ дѣятельности. Народныя массы обыкновенно настолько проникаются животрепещущимъ интересомъ къ ходу занятій учредительнаго собранія и такъ сильно чувствуютъ, что отъ того или другого поворота его дѣятельности зависитъ ихъ судьба, что почти непосредственно принимаютъ участіе въ его работахъ, обсуждая ихъ на своихъ собраніяхъ, въ клубахъ и въ спеціально основанныхъ союзахъ; они вліяютъ на нихъ путемъ подачи петицій, устройства манифестацій и агитаціи въ прессѣ. Вслѣдствіе всей этой кипучей политической жизни даже равнодушные слои населенія въ концѣ-концовъ заинтересовываются дѣятельностью учредительнаго собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря всеобщему возбужденію и непосредственному интересу къ дѣятельности учредительнаго собранія, создается особая тѣсная связь

между учредительнымъ собраніемъ и народными массами. Такая связь между народными представителями и представляемымъ ими народомъ, доходящая до полной гармоніи и солидарности между ними, составляетъ исключительное явленіе, характеризующее эпоху; она почти совершенно отсутствуетъ въ обычное время при регулярныхъ законодательныхъ собраніяхъ. Конечно, и въ эпоху учредительныхъ собраній она можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока рѣшаются великіе вопросы, касающіеся реформы государственнаго и соціальнаго строя, рѣшеніе которыхъ вполнѣ назрѣло и объединяетъ весь народъ за ничтожными исключеніями. Эта связь обыкновенно утрачивается, когда основные вопросы уже рѣшены и когда относительно остальныхъ вопросовъ не существуетъ общаго мнѣнія, болѣе или менѣе объединяющаго всѣ слои народа. Въ такихъ случаяхъ отдѣльныя группы народа или отдѣльные общественные слои часто стремятся подсказать членамъ учредительнаго собранія свои рѣшенія и заставить большинство его принять ихъ. Эти рѣшенія бываютъ обыкновенно продиктованы уже не жизнью и назрѣвшими потребностями, а тѣми или другими теоретическими ученіями или партійными доктринами. Пользуясь тѣми средствами, которыя раньше создавали связь и тѣсное общеніе между народомъ и его представителями, и опираясь на существующія организаціи, отдѣльныя общественныя группы иногда достигаютъ своихъ цѣлей. Это ведетъ какъ къ вырожденію характера учредительнаго собранія, такъ и къ извращенію всей политической атмосферы. Внѣшнимъ образомъ эта новая стадія отношеній между народомъ и его представителями характеризуется господствомъ внѣпарламентскаго давленія и народной трибуны надъ народными представителями въ учредительномъ собраніи.

Всѣ эти стадіи развитія были пройдены англійскимъ долгимъ парламентомъ между 1640 и 1653 годомъ. Но особенно яркое выраженіе онѣ получили въ великую французскую революцію. Дѣятельность перваго французскаго національнаго собранія съ середины 1789 до конца 1791 года была эпохой полной гармоніи между народными представителями, составлявшими единое учредительное собраніе, и всей націей. Эта солидарность между народными представителями и народомъ была еще налицо въ моментъ низверженія Людовика XVI и провозглашенія республики. Они были произведены по иниціативѣ самого народа и при активномъ участіи его первымъ французскимъ законодательнымъ собраніемъ, состоявшимъ тоже изъ одной палаты народныхъ представителей. Но провозглашеніемъ республики вмѣстѣ со всѣми предшествовавшими ему политическими, культурными и соціальными реформами были исчерпаны вопросы, которые объединяли всю націю. Когда всѣ вполнѣ назрѣвшія и подготовленныя самою жизнью реформы были осуществлены, то партіи начали выдвигать требованія, обусловленныя лишь тѣми теоретическими доктринами, сторонниками которыхъ они являлись. Въ результатѣ конвентъ превратился въ игрушку партій. Выше мы видѣли, что безсиліе конвента и его неспособность противостать внѣпарламентскому воздѣйствію и партійнымъ за-

тамъ не только уронили значеніе и авторитетъ самаго конвента, но и надолго скомпрометтировали идею учредительныхъ собраній.

Все вышесказанное неопровержимо доказываетъ, что сила учредительнаго собранія всецѣло зависитъ отъ той политической атмосферы, въ которой ему приходится дѣйствовать. Если учредительное собраніе дѣйствительно исполняетъ волю націи и осуществляетъ тѣ требованія, которыя объединяютъ весь народъ, придавая имъ форму закона, то могущество его достигаетъ самаго высокаго уровня, такъ какъ весь народъ на его сторонѣ, и вся власть не только формально, но и реально принадлежитъ ему. Но если не существуетъ такихъ требованій, которыя объединяли бы весь народъ или по крайней мѣрѣ большинство его, и которыя вполнѣ созрѣли бы для своего воплощенія въ видѣ повелѣній закона, то одна палата народныхъ представителей сама по себѣ часто не обладаетъ достаточной силой и устойчивостью. Тогда она не имѣетъ соотвѣтственной соціальной опоры въ народѣ для того, чтобы направлять и удерживать государственное и соціально-правовое развитіе въ руслѣ конституціонныхъ и политически свободныхъ формъ, чуждыхъ какъ партійному, такъ и всякому другому деспотизму. Въ такихъ случаяхъ одна палата легко можетъ подпасть вліянію какой-нибудь партіи, являющейся представительницей лишь незначительной части народа и преслѣдующей или крайне реакціонныя задачи подобно монархистамъ во французскомъ національномъ собраніи 1871—75 годовъ, или ставящей себѣ утопически-революціонныя цѣли подобно якобинцамъ въ конвентѣ.

Созданныя политическимъ моментомъ формы государственной жизни исчезаютъ вмѣстѣ съ самимъ моментомъ. Поэтому учредительное собраніе есть кратковременная, быстро-преходящая и исключительная форма государственно-правовой и конституціонной организаціи. Когда этой формѣ стремились придать постоянный характеръ, учреждая конституціи съ одной палатой представителей, это совершенно не удавалось, такъ какъ при отсутствіи соотвѣтственной политической атмосферы форма эта быстро вырождалась. Но естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли создать государственно-правовыми или конституціонными нормами тѣ условія тѣснаго общенія между народомъ и его представителями, которыя возникаютъ сами собой въ соотвѣтственный политическій моментъ, когда созываются учредительныя собранія? Нерегулированная и лишь фактически существующая тѣсная связь между народомъ и его представителями, возникшая благодаря всеобщему возбужденію и интересу къ политическимъ вопросамъ, можетъ быть упрочена и превращена въ постоянное конституціонное учрежденіе, если она будетъ регулирована и нормирована статьями конституціи. Понятно, что когда тѣсная связь между народомъ и его представителями будетъ превращена въ постоянное конституціонное учрежденіе, то и организація народныхъ представителей въ одну палату можетъ сдѣлаться постоянной. Тогда будутъ налицо всѣ условія для того, чтобы сдѣлать дѣятельность одной палаты народныхъ представителей такой же плодо-

творной и отвѣчающей интересамъ народа, какой бываетъ обыкновенно дѣятельность кратковременныхъ учредительныхъ собраній.

Но какъ создать конституціоннымъ путемъ постоянную и тѣсную связь между народными представителями и народомъ? Конституціонная жизнь наиболѣе демократическихъ и передовыхъ народовъ выработала вполнѣ соотвѣтственное средство для достиженія этого результата. Оно заключается въ прямомъ народномъ законодательствѣ. Прямое народное законодательство получило наибольшее развитіе въ Швейцаріи; кромѣ того, оно существуетъ для конституціоннаго законодательства въ большинствѣ штатовъ Сѣверной Америки. Примѣненіе прямого народнаго законодательства доказало, что оно имѣетъ чисто регулирующее и контролирующее значеніе. Поэтому оно замѣняетъ тѣ функціи верхнихъ палатъ, которыя имѣютъ дѣйствительно разумный смыслъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ высшей степени демократическое учрежденіе, оно совершенно свободно отъ недостатковъ, свойственныхъ верхнимъ палатамъ. Такое примѣненіе прямое народное законодательство получило особенно въ государственной жизни Швейцаріи. Американецъ Лоуэлль, изслѣдовавшій учрежденія европейскихъ государствъ, даже прямо объясняетъ введеніе прямого народнаго законодательства въ Швейцаріи несовершенствомъ ея представительнаго правленія и однопалатной системой. «Когда послѣ французской революціи,—говоритъ онъ,—были введены заимствованныя у другихъ странъ представительныя учрежденія, швейцарцы совсѣмъ не имѣли навыка къ нимъ и столкнулись съ двумя затрудненіями. Прежде всего они не знали, какъ создать необходимыя сдержки и равновѣсіе власти, и учредили одиночныя палаты съ абсолютною властью; а во-вторыхъ, они не умѣли устроить такъ, чтобы эти палаты отражали общественное мнѣніе. Неопытность народа дала патриціямъ возможность вернуть свою власть надъ кантонами во время реакціи, послѣдовавшей за паденіемъ Наполеона. И хотя движеніе 1830 г. и сломило снова ихъ силу и установило прочно демократію, народъ все же не научился искусству ограничивать и контролировать представительныя учрежденія. Онъ продолжалъ относиться подозрительно къ людямъ, которыхъ выбиралъ, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на господъ, а не какъ на слугъ народа. Законодательныя собранія были или—что для политики то же самое—считались не единомышленными съ большинствомъ народа; а такъ какъ они въ сущности имѣли неограниченную власть, это возбуждало постоянно раздраженіе и недовольство. Поэтому, какъ только прекратилась борьба за политическое равноправіе и были учреждены представительныя собранія, избираемыя всеобщей подачей голосовъ, сейчасъ начались требованія прямого народнаго законодательства» *). Почти тождественно опредѣляетъ регулирующее и контролирующее значеніе одной изъ формъ прямого народнаго законодательства—референдума—швейцарскій

*) *А. Л. Лоуэлль*: „Правительство и политическія партіи въ государствахъ Зап. Европы". Москва, 1905 г., стр. 402.

литическій дѣятель и публицистъ Курти. «Референдумъ,—говоритъ онъ,—оказался чрезвычайно полезнымъ для законодательства и всей политической жизни тѣмъ, что онъ доставилъ больше вліянія на нихъ общественному мнѣнію и всеобщей волѣ:—вѣдь представительныя учрежденія вездѣ, гдѣ только они могутъ дѣйствовать самовластно, слишкомъ склонны превращаться въ особое сословіе, въ касту, которая вмѣсто общественныхъ интересовъ блюдетъ лишь свои собственные. Народныя голосованія референдума напоминаютъ парламентскимъ дѣятелямъ объ ихъ обязанностяхъ; они заставляютъ ихъ искать «сближенія съ народомъ», какъ выражались швейцарскіе депутаты послѣ одного внушительно-отрицательнаго народнаго рѣшенія» *). Однако, прямое народное законодательство не только вліяетъ вообще, какъ контролирующее учрежденіе, но и прямо замѣняетъ верхнюю палату. Внимательные наблюдатели и бытописатели швейцарской государственной и политической жизни, англичане Эдемсъ и Кеннингемъ утверждаютъ: «крайнія мѣры какъ радикальныя, такъ и реакціонныя не имѣютъ никакихъ шансовъ на принятіе народомъ, который, замѣняя нѣкоторымъ образомъ вторую палату, имѣетъ безконечно больше значенія, чѣмъ всякое такое учрежденіе, даже если бы оно было совершенно представительнымъ и избрано всеобщимъ голосованіемъ» **). Поэтому, по ихъ мнѣнію, наиболѣе распространенная форма прямого народнаго законодательства—«референдумъ пустилъ корни и прочно укрѣпился вездѣ, гдѣ онъ былъ введенъ, и теперь ни одному серьезному политику какой угодно партіи не придетъ въ голову замышлять его отмѣну. Консерваторы, сильно противившіеся его введенію, сдѣлались его горячими защитниками, убѣдившись, что онъ служитъ, несомнѣнно, тормозомъ для слишкомъ поспѣшнаго и радикальнаго законодательства» ***).

Къ тому же взгляду на непосредственное народное законодательство, какъ оно примѣняется почти во всѣхъ штатахъ Сѣверной Америки, приходитъ и Брайсъ. «Введеніе улучшеній въ организаціи законодательныхъ собраній,—утверждаетъ онъ,—есть именно то, къ чему американцы не чувствуютъ себя способными, или, какъ они предпочли бы выразиться, именно то, чѣмъ имъ некогда заняться. Поэтому они и прибѣгаютъ къ народному голосованію, какъ къ самому лучшему способу, какой можно придумать при сложившихся въ настоящее время условіяхъ». «Обращеніе къ народному голосованію,—продолжаетъ онъ,—оказываетъ консервативное вліяніе, т.-е. оно является консервативнымъ методомъ изданія законовъ въ сравненіи съ изданіемъ законовъ черезъ посредство законодательныхъ собраній» ****).

Мы видимъ, что всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что прямое на-

*) *Ѳ. Курти:* „Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи". Спб., 1900 г., стр. 238.

**) *Эдемсъ и Кеннингемъ:* „Швейцарія и ея учрежденія". Спб., 1893 г., стр. 90.

***) Тамъ же, стр. 89.

****) *Дж. Брайсъ:* „Американская республика". Москва, 1890 г. Т. II, стр. 64—65.

родное законодательство, исполняя регулирующую роль, замѣняетъ вторую палату. Обыкновенно даже подчеркиваютъ консервативныя тенденціи, присущія прямому народному законодательству *). Но они обращаютъ на себя особенное вниманіе потому, что первоначальная, наиболѣе распространенная, а въ Сѣверной Америкѣ и единственная форма прямого народнаго законодательства—референдумъ гораздо больше проявляется въ отклоненіи, чѣмъ въ утвержденіи законовъ. Ясно, однако, что прямое народное законодательство можетъ быть только тогда признано болѣе или менѣе цѣльнымъ учрежденіемъ, когда право референдума дополняется правомъ законодательной инициативы. Регулирующая роль прямого народнаго законодательства въ этомъ болѣе совершенномъ видѣ сказывается одинаково какъ въ отклоненіи утопическихъ мѣропріятій, еще не созрѣвшихъ и не подготовленныхъ объективными условіями реформъ и плохо формулированныхъ законовъ, такъ и въ требованіи путемъ инициативы немедленнаго проведенія необходимыхъ вполнѣ своевременныхъ реформъ. Прямое народное законодательство равно является и самой сильной опорой для существующихъ конституціонныхъ учрежденій, политическихъ свободъ и соціально-уравнительныхъ законовъ противъ всякихъ покушеній со стороны реакціонеровъ, и въ то же время оно придаетъ особенную силу и авторитетъ реформамъ и нововведеніямъ, получившимъ непосредственное одобреніе народа. Такимъ образомъ, будучи одновременно и консервативнымъ, и въ высшей степени реформаторскимъ, прогрессивнымъ учрежденіемъ, оно безусловно не благопріятствуетъ реакціоннымъ тенденціямъ. Идеальное конституціонное учрежденіе и должно быть таковымъ.

Итакъ, мы установили, что народное представительство, состоящее изъ одной палаты, не обладая само по себѣ достаточной силой и авторитетомъ, пріобрѣтаетъ ихъ, благодаря поддержкѣ и контролю самого народа, которыя осуществляются при учредительныхъ собраніяхъ неорганизованно и стихійно, а при послѣдовательно-демократическомъ строѣ путемъ прямого народнаго законодательства. Теперь для насъ станетъ понятнымъ, почему во всѣхъ крупныхъ европейскихъ и американскихъ конституціонныхъ государствахъ пока необходимо должны существовать двѣ палаты народныхъ представителей. Въ нихъ еще нѣтъ главнаго условія для нормальнаго функціонированія однопалатнаго народнаго представительства, которое заключается въ организаціи непосредственнаго контроля народа надъ дѣятельностью народныхъ представителей. Несомнѣнно, что въ большинствѣ современныхъ государствъ пока еще не можетъ быть введена ни одна изъ формъ прямого участія народа въ законодательствѣ, такъ какъ широкія народныя массы еще не достигли той степени политическаго и соціальнаго развитія, при которой онѣ были бы въ состояніи оцѣнивать пользу и вредъ отдѣльныхъ законовъ. Въ тѣхъ же изъ современныхъ государствъ, гдѣ вопросъ объ уничтоженіи верхней палаты можетъ быть поставленъ

*) Ср. также *А. Л. Лоуэлль*, тамъ же, стр. 415.

серьезно, онъ всегда связывается съ вопросомъ о прямомъ народномъ законодательствѣ. Такъ, въ Англіи извѣстный радикальный политическій дѣятель, Чарльзъ Дилькъ, отстаивая однопалатное народное представительство, считаетъ нужнымъ замѣнить контроль верхней палаты контролемъ, организованнымъ въ формѣ референдума *).

Безъ перехода къ прямому народному законодательству уничтоженіе верхней палаты и ограниченіе народнаго представительства только одной палатой будетъ равносильно ослабленію политической и соціальной силы самаго народнаго представительства. Это ослабленіе силы и авторитета народнаго представительства пойдетъ во вредъ, а не въ пользу народа, такъ какъ при отсутствіи прямого народнаго законодательства оно усилитъ административную и политическую власть правительства. Оно особенно вредно и опасно тамъ, гдѣ представители монархической власти стремятся къ расширенію своихъ прерогативъ, или гдѣ существуютъ претенденты на монархическую власть. Политическая исторія Франціи въ послѣднее столѣтіе достаточно убѣждаетъ въ этомъ.

При существованіи прямого народнаго законодательства всѣ важнѣйшіе законы необходимо должны быть приняты народомъ. Народное одобреніе для всѣхъ государственныхъ мѣропріятій, разъ уже созданы учрежденія для опредѣленія непосредственной народной воли, настолько раціональное и справедливое учрежденіе, что оно должно пріобрѣтать все большее и большее значеніе и получать все болѣе широкое примѣненіе. Стремленіе къ расширенію прямого народнаго законодательства особенно опредѣленно проявляется въ отдѣльныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза. Благодаря тому, что въ нихъ прямому голосованію подвергаются только конституціи и поправки къ нимъ, а обыкновенные законы нѣтъ, масса не конституціонныхъ законовъ, а простыхъ гражданскихъ, уголовныхъ, финансовыхъ и административно-соціальныхъ превращаются въ конституціонные законы для того, чтобы быть одобренными народнымъ голосованіемъ. Этимъ путемъ конституціи отдѣльныхъ штатовъ до того разрастаются, что превращаются въ цѣлые кодексы. То же явленіе замѣчается отчасти и въ Швейцаріи, и притомъ здѣсь не въ кантональномъ, а въ союзномъ законодательствѣ. Общеизвѣстенъ парадоксальный примѣръ превращенія закона о способахъ убоя скота въ конституціонный законъ швейцарскаго союза. Оно объясняется тѣмъ, что народная инициатива по союзной конституціи допускается только для конституціонныхъ, а не для обыкновенныхъ законовъ. Швейцарскій народъ, не имѣя возможности путемъ прямого народнаго законодательства издать обыкновенный законъ о скотобойняхъ, издалъ его тѣмъ же способомъ, но какъ конституціонный законъ. Впрочемъ, эта практика не можетъ особенно развиться въ Швейцаріи, такъ какъ здѣсь очень сильна тенденція распространять прямое

*) Ср. *М. Брутъ*: „Палата лордовъ въ Англіи". Историко-политическій этюдъ по вопросу—одна или двѣ палаты. *Вѣстникъ Европы*, 1906 г., май, стр. 211.

народное голосованіе на всѣ виды законовъ и притомъ не путемъ обычая, а на основаніи конституціонной нормы.

Но чѣмъ большее значеніе будетъ пріобрѣтать прямое народное законодательство, тѣмъ больше будетъ падать законодательное значеніе собранія народныхъ представителей. Въ концѣ-концовъ роль законодательнаго собранія, состоящаго изъ народныхъ представителей, сведется только къ подготовкѣ и детальной разработкѣ законопроектовъ и правительственныхъ мѣропріятій. Мнѣнія большинства народныхъ представителей не будутъ больше имѣть рѣшающаго значенія и законодательной силы, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто теперь. Они будутъ имѣть значеніе лишь предварительное и подготовительное, какъ мнѣніе всякой законодательной комиссіи. Собраніе народныхъ представителей превратится, такимъ образомъ, лишь въ выборную комиссію или бюро для подготовки законопроектовъ, принимаемыхъ или отвергаемыхъ прямымъ народнымъ голосованіемъ.

Паденіе авторитета народнаго представительства при системѣ прямого народнаго законодательства не осталось тайной для изслѣдователей. Сторонники чистой идеи народнаго представительства и особенно парламентаризма на этомъ основаніи и высказываются противъ прямого народнаго законодательства. Такъ, Эсменъ говоритъ, что движенію въ пользу прямого законодательства «безъ сомнѣнія благопріятствовало то обстоятельство, что во всѣхъ кантонахъ, въ которыхъ оно началось, существуетъ только одна законодательная палата. Оно послужило естественнымъ и довольно законнымъ поводомъ къ ограниченію всемогущества Большихъ Совѣтовъ. Перенесенное въ федеральную конституцію, гдѣ дѣйствуетъ система двухъ камеръ, оно, повидимому, поведетъ къ ослабленію ихъ власти и вызоветъ смуты». Далѣе онъ прямо высказывается противъ федеральнаго референдума, такъ какъ «эта система неизбѣжно дискредитируетъ законодательныя собранія; что же касается народной законодательной инициативы, то она представляетъ безспорно элементъ смуты» *). Такъ же точно Брайсъ утверждаетъ, что «недостатки непосредственной законодательной дѣятельности народа очевидны. По его мнѣнію, она ослабляетъ авторитетъ законодательныхъ собраній и сознаніе лежащей на нихъ отвѣтственности». Поэтому по мѣрѣ того, какъ усиливались стремленія расширить прямое народное законодательство, законодательныя собранія штатовъ приходили въ упадокъ; ихъ личный составъ и издаваемые ими законы перестали отличаться прежними достоинствами» **).

Но отрицательно къ прямому народному законодательству относятся не только эти теоретики, отстаивающіе одновременно и государственно-правовую и соціально-экономическую организацію современныхъ государствъ. Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ и соціалъ-демократъ Каутскій,

*) *А. Эсменъ*: „Основныя начала государственнаго права". М., 1898, т. I, стр. 260—261.

**) *Дж. Брайсъ*: „Американская республика". М., 1890, т. II, стр. 61—63

хотя онъ является противникомъ всего современнаго строя. Онъ указываетъ на то, что при прямомъ народномъ законодательствѣ ослабѣваютъ партіи, и парламентарная система теряетъ свое значеніе. Это уменьшаетъ шансы на побѣду пролетаріата. «Прямое законодательство,—утверждаетъ онъ,—заключаетъ въ себѣ тенденцію ослаблять интересъ къ общимъ принципіальнымъ вопросамъ, сосредоточивая вниманіе на отдѣльныхъ, конкретныхъ вопросахъ. Чѣмъ сильнѣе проявляется эта тенденція, тѣмъ болѣе она подрываетъ солидарность внутри каждой изъ партій, — по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ. Поэтому прямое народное законодательство можетъ послужить къ усиленію сектантства, односторонне настаивающаго на томъ или другомъ мѣропріятіи, а не къ развитію партій. Если бы удалось замѣнить представительную систему прямымъ народнымъ законодательствомъ, то это повело бы къ полному распаденію партій. Это признаютъ сами сторонники прямого законодательства; они даже видятъ въ этомъ одно изъ цѣнныхъ преимуществъ своей системы. Такого распаденія партій, конечно, не будетъ, потому что полная передача законодательной функціи народу немыслима. Но уже референдумъ и право законодательнаго почина, по образцу Швейцаріи, могутъ иногда сильно задержать обостреніе партійныхъ противорѣчій, съ одной стороны, и препятствовать сплоченію и дисциплинировкѣ партій, съ другой стороны. А это совсѣмъ не въ интересахъ соціалъ-демократіи» *).

Мы пришли къ неожиданному выводу, что когда верхняя палата будетъ замѣнена прямымъ народнымъ законодательствомъ и народные представители будутъ составлять только одну палату, то это приведетъ къ коренному и принципіальному измѣненію всего конституціоннаго строя современныхъ государствъ. Цивилизованныя государства перестанутъ тогда быть представительными, такъ какъ народное представительство будетъ имѣть въ нихъ лишь подчиненное и второстепенное значеніе. Изъ представительно-законодательныхъ, т.-е. конституціонныхъ по преимуществу, государства превратятся тогда въ народно-законодательныя. Иными словами, народное представительство, организованное въ одну палату депутатовъ, составляетъ логическій и фактическій предѣлъ представительнаго образа правленія вообще. Конституціонное или правовое государство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ при одной палатѣ народныхъ представителей, дѣятельность которой будетъ находить свое завершеніе въ непосредственномъ народномъ законодательствѣ, необходимо постепенно совершенно преобразуется и должно будетъ уступить мѣсто новой формѣ государства—народному государству. Можно съ увѣренностью сказать, что въ исторіи политическихъ учрежденій понятіе представительнаго или конституціоннаго образа правленія будетъ связано съ двухпалатной системой народнаго представительства. Но, конечно, представительный образъ правленія можно

*) *К. Каутскій:* „Парламентаризмъ и народное законодательство". Одесса, 1905, стр. 123.

признать вполнѣ осуществленнымъ только тогда, когда обѣ палаты избраны на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Въ виду всего этого требованіе ограничиться только одной палатой народныхъ представителей въ странѣ, которая только переходитъ къ представительному образу правленія, равносильно покушенію на само народное представительство. Оно имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и всякое другое предложеніе перескочить извѣстную стадію или форму государственной жизни въ виду ея несовершенствъ и перейти прямо къ болѣе высокой и усовершенствованной. Кому не извѣстны недостатки современнаго представительнаго и парламентарнаго образа правленія? Они одинаково безпощадно критикуются какъ реакціонной, такъ и крайней радикальной прессой для прямо противоположныхъ цѣлей. Но относительное несовершенство этой формы государственнаго бытія еще не доказываетъ возможность и необходимость обойти ее. Всетаки она гораздо совершеннѣе предшествующей ей абсолютно-монархической формы и въ извѣстный моментъ, когда она наиболѣе соотвѣтствуетъ даннымъ соціальнымъ и политическимъ условіямъ, она даже совершенна въ превосходной степени. Между тѣмъ попытка перескочить черезъ форму представительнаго образа правленія непосредственно къ болѣе высокой формѣ государственнаго бытія можетъ оказаться въ высшей степени опасной. Осужденная по необходимости на неудачу, она въ состояніи дискредитировать вообще стремленіе къ государственнымъ и политическимъ реформамъ.

Итакъ, народное представительство въ чистомъ видѣ необходимо должно быть двухпалатнымъ. Однако, послѣдовательное проведеніе чистаго принципа представительства требуетъ, чтобы обѣ палаты были избираемы путемъ всеобщаго голосованія. Напротивъ, созданіе единаго собранія народныхъ представителей осуществимо только при переходѣ отъ представительнаго образа правленія къ непосредственной демократіи.

Б. Кистяковскій.

Аграрная декларація П. А. Столыпина *).

Программная рѣчь П. А. Столыпина по аграрному вопросу взволновала, кажется, рѣшительно всѣхъ и, несомнѣнно, мало кого удовлетворила.

Недовольные тономъ рѣчи П. А. Столыпина, непохожимъ на тонъ прошлогодняго заявленія г. Горемыкина, недовольные брошеннымъ вскользь замѣчаніемъ о государственномъ соціализмѣ, могутъ быть довольны всѣмъ остальнымъ. Всѣмъ остальнымъ зато не можемъ быть довольны мы, сторонники хотя бы и не «коренной», но сколько-нибудь серьезной земельной реформы.

Прежде всего, если П. А. Столыпинъ хотѣлъ насъ въ чемъ-нибудь убѣдить, то ему слѣдовало нѣсколько больше подумать надъ своею аргументаціею. «Вѣдь и раздача земли при Екатеринѣ Великой оправдывалась необходимостью заселенія незаселенныхъ громадныхъ пространствъ; и тутъ была государственная мысль; точно такъ же право способнаго, право даровитаго создало право собственности на Западѣ». Какъ государственная мысль руководила раздачей земель Екатерининскимъ фаворитамъ: Зубовымъ, Бобринскимъ, Мамоновымъ и прочимъ, ихъ же имена ты, Господи, вѣси?; какъ государственная мысль руководила безумною расточительностью Павла?; какъ право способнаго, право даровитаго, а не простое насиліе, иногда одѣтое въ перчатки юридическихъ фикцій римскаго права, а чаще всего и вовсе ничѣмъ не прикрытое, создало крупную земельную собственность на Западѣ? Если г. Столыпину некогда было навести справокъ въ историческихъ учебникахъ, ему достаточно было просмотрѣть стенограмму перваго изъ «аграрныхъ» засѣданій второй Государственной Думы, прочесть рѣчь праваго депутата, кажется, князя Святополкъ-Мирскаго, вѣдь даже этотъ пламенный защитникъ крупнаго землевладѣнія и его культурной роли долженъ былъ признать, что въ основѣ крупной земельной собственности лежатъ не способности и даровитость, а насиліе и кровь.

Пишущій эти строки—читатель, можетъ быть, это знаетъ—отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто категорически и безусловно отрицаетъ вся-

*) Предлагаемая статья написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ аграрной рѣчи г. Столыпина, до роспуска второй Государственной Думы. *Прим. ред.*

кое хозяйственное значеніе за современнымъ частнымъ землевладѣніемъ и за основаннымъ на немъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Но и въ немъ, не говоря уже о людяхъ радикальнѣе настроенныхъ, не можетъ не вызвать глубочайшаго недоумѣнія и другая серія доводовъ, содержащихся въ рѣчи г. Столыпина. Провести программу к.-д.—это значитъ «не только обездолить 130,000 владѣльцевъ, но и оторвать отъ привычнаго и полезнаго для государства труда»; при всякой болѣе или менѣе радикальной земельной реформѣ «уничтожены будутъ культурныя хозяйства», съ уничтоженіемъ владѣльческаго класса «уничтожены были бы, что тамъ ни говори, очаги культуры». Я понимаю, что можно говорить, и не только понимаю, но самъ не мало говорилъ и писалъ о положительномъ значеніи *извѣстныхъ типовъ* владѣльческаго хозяйства; я понимаю, что можно говорить о *нѣкоторыхъ* культурныхъ очагахъ, въ однихъ районахъ болѣе многочисленныхъ, въ другихъ—рѣдкими оазисами разбросанныхъ среди сплошной пустыни дворянскихъ монрепо; что можно говорить о привычномъ и полезномъ для государства трудѣ *нѣкоторыхъ* владѣльцевъ, которые ведутъ сами добропорядочное хозяйство. Но что за «культурные очаги» г. Столыпинъ нашелъ въ громадномъ большинствѣ дворянскихъ имѣній, какимъ полезнымъ трудомъ занимаются владѣльцы этого громаднаго большинства—всѣ тѣ, кто вѣкъ свой провелъ на теплыхъ водахъ или въ петербургскихъ канцеляріяхъ; всѣ тѣ, чье хозяйство сводится исключительно къ сдачѣ земли въ аренду, къ отработкамъ «за отрѣзки» или вообще «за угодья», вообще—къ болѣе или менѣе явному земельному ростовщичеству; всѣ тѣ, кто обрабатываетъ не землю, а мужика, нуждающагося въ этой землѣ? Мудрый Эдипъ, разрѣши!

И допустимъ, что г. Столыпинъ правъ, что всѣ 130,000 дворянскихъ имѣній—это дѣйствительно культурные очаги, что «трудъ» ихъ владѣльцевъ—это дѣйствительно полезный для государства трудъ. Какой отсюда слѣдовалъ бы непреложный выводъ? Выводъ, конечно, только одинъ,—тотъ самый, который сдѣлалъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, когда говорилъ въ первой Думѣ о «патріотическомъ долгѣ землевладѣльцевъ»: конечно, патріотическій долгъ землевладѣльцевъ, долгъ ихъ и передъ государствомъ, и передъ самимъ нищающимъ и голодающимъ мужикомъ, былъ бы: не выпускать изъ своихъ рукъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ, ни одной десятины земли; а долгъ, патріотическій долгъ правительства—если не безусловно запретить всякую продажу, то, по крайней мѣрѣ, всемѣрно затруднить ее и ужъ во всякомъ случаѣ—не дѣлать, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ, ничего для ея облегченія. А между тѣмъ—увы!—«крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями», а г. Столыпинъ не только не видитъ въ этомъ ничего опаснаго для «культурныхъ очаговъ», не только не принимаетъ никакихъ мѣръ къ пріостановкѣ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія; напротивъ, на этой ликвидаціи онъ строитъ всю свою политику и, во имя государственнаго соціализма, онъ предлагаетъ принять на государственный счетъ значительн

часть расходовъ по этой ликвидаціи. Что же, развѣ этимъ способомъ сохранятся культурные очаги, развѣ такимъ путемъ гг. дворяне будутъ прикрѣплены къ полезному для государства труду? Ничего подобнаго—этимъ способомъ будетъ достигнуто только одно: господа дворяне получатъ больше—о, *гораздо* больше, чѣмъ получили бы при обязательномъ отчужденіи по справедливой оцѣнкѣ. Значитъ, все дѣло сводится не къ культурнымъ очагамъ, не къ полезному для государства труду владѣльцевъ этихъ очаговъ, а *только* и *исключительно* къ одному: не «обездолить» 130,000 владѣльцевъ, дать имъ побольше получить за земли, отъ которыхъ они теперь и сами были бы не прочь отдѣлаться. Я не знаю, причемъ тутъ полезный трудъ, культурные очаги, причемъ тутъ государственный соціализмъ, я знаю только одно: что правительство не спасетъ землевладѣльческій классъ отъ обездоленія, тогда какъ своевременно проведенная аграрная реформа, хотя бы очень умѣренная, вѣроятно, надолго удовлетворила бы народныя массы, и въ то же время могла бы быть проведена на безобидныхъ и для «культурныхъ очаговъ», и для владѣльческаго класса основаніяхъ.

Наконецъ, еще одинъ рядъ аргументовъ въ рѣчи П. А. Столыпина, къ сожалѣнію, слишкомъ близко напоминаетъ демагогическіе аргументы того же В. І. Гурко: «разъ будетъ признанъ принципъ отчуждаемости, то кто же повѣритъ тому, что, разъ понадобится современемъ отчудить землю крестьянъ, она не будетъ отчуждена?» Что будетъ *современемъ*—этого, я думаю, никому не дано предвидѣть, можетъ быть, будетъ націонализація, можетъ быть,— соціализація или муниципализація, можетъ быть, просто разовьется мелкая крестьянская земельная собственность и на почвѣ ея создастся сельская земельная буржуазія, можетъ быть, будетъ еще что-нибудь такое, о чемъ теперь никто и не думаетъ и не мечтаетъ. Но въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія можно съ увѣренностью утверждать, утверждать и противъ г. Столыпина, и противъ тѣхъ, кто вѣритъ во всеспасающую силу красивыхъ лозунговъ и формулъ: нѣтъ, земля крестьянъ *не будетъ* отчуждена, потому что никакое народное представительство, пока люди тѣ же, каковы они теперь, не посмѣетъ наложить руку на трудовое крестьянское землевладѣніе.

Въ одномъ г. Столыпинъ, конечно, правъ, когда онъ совѣтуетъ «не видѣть въ этомъ средствѣ (принудительномъ отчужденіи) какую-то панацею противъ всѣхъ бѣдъ». Конечно, *на одномъ* принудительномъ отчужденіи далеко не уѣдешь; конечно, для того, чтобы поднять благосостояніе крестьянъ, нужна долгая и трудная государственная и общественная работа, нужны десятилѣтія политической свободы, десятилѣтія широкой культурной и экономической политики. Но развѣ кто-нибудь видитъ въ принудительномъ отчужденіи *панацею?* Я уже не буду говорить о насъ, дѣятеляхъ партіи народной свободы; но пусть г. Столыпинъ возобновитъ въ своей памяти хотя бы рѣчь Аладьина въ первой Государственной Думѣ, рѣчь, въ которой какъ нельзя яснѣе подчеркнута невозможность смотрѣть

на принудительное отчужденіе, какъ на панацею. Правда, о принудительномъ отчужденіи въ Думѣ говорятъ, о культурѣ не говорятъ и, къ сожалѣнію, многіе не желаютъ говорить. Но это, прежде всего, потому, что принудительное отчужденіе, не будучи панацеей, является вопросомъ ближайшей очереди, потому, что культуры нельзя декретировать закономъ, а принудительное отчужденіе можно, потому, что для значительной части нашего крестьянства расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—необходимая предпосылка всякаго культурнаго подъема. А если, я повторяю, къ сожалѣнію, многіе не хотятъ слушать разговоровъ о культурѣ, если въ частности въ депутатахъ-крестьянахъ, самое упоминаніе о культурѣ, объ улучшеніи хозяйства и т. п., возбуждаетъ нескрываемое раздраженіе, то не падаетъ ли значительная доля вины въ этомъ на тѣхъ, кто разговорами о культурѣ думаетъ подмѣнить то, что крестьянамъ если не нужнѣе всего, то во всякомъ случаѣ, яснѣе и насущнѣе всего, подмѣнить расширеніе крестьянскаго землевладѣнія; тѣ, для кого разговоры о культурѣ лишь громоотводъ противъ принудительнаго отчужденія?

Что же положительнаго предлагаетъ намъ П. А. Столыпинъ въ своей программной рѣчи? Увы! — рѣшительно ничего или, точнѣе говоря, все то же, что предлагали его предмѣстникъ на креслѣ предсѣдателя совѣта министровъ, И. Л. Горемыкинъ, и сотрудники послѣдняго гг. Стишинскій и Гурко: переселеніе, крестьянскій банкъ, освобожденіе трудолюбиваго крестьянина отъ «тисковъ»—читай отъ общиннаго гнета, качественное улучшеніе крестьянскаго землевладѣнія—уничтоженіе чрезполосицы и т. п. Г. Столыпинъ допускаетъ принудительное отчужденіе въ видѣ исключенія, впрочемъ, «не количественнаго характера, а только качественнаго»; иначе сказать, въ цѣляхъ не расширенія крестьянскаго землевладѣнія, а улучшенія его—для избавленія отъ вредной черезполосицы и т. п. И въ этомъ нѣкоторые, повидимому, склонны видѣть нѣкоторый шагъ впередъ, нѣкоторую уступку общественному мнѣнію. Замѣчу тутъ же, что въ этомъ никакого шага впередъ и никакой уступки нѣтъ. Правда, гг. Горемыкинъ и его сотрудники не упоминали о «качественномъ» отчужденіи въ своихъ думскихъ рѣчахъ. Но въ готовившихся ими законопроектахъ оно предусматривалось, и мнѣ лично пришлось слышать изъ устъ г. Гурко, явившагося въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ «проваливать» кутлеровскій проектъ, категорическое заявленіе, что принудительное отчужденіе, собственно въ *этихъ* цѣляхъ, можетъ быть допущено безъ колебанія священнѣйшаго изъ правъ—права собственности. Почему тутъ можетъ, а тамъ не можетъ, это, конечно, секретъ г. Гурко и его единомышленниковъ.

Итакъ, по части расширенія крестьянскаго землевладѣнія предлагаютс переселеніе и, въ особенности крестьянскій банкъ. Я не буду останавливаться на переселеніи—увы!—теперь уже близокъ день, когда г. Столыпинъ и в особенности тѣ изъ его сотрудниковъ, которымъ это дѣло надлежало в дать, поймутъ, какой тяжелый грѣхъ они взяли на душу, искусственн

раздувая переселеніе, при полномъ отсутствіи возможности устраивать переселенцевъ; «рекламируя» и «пропагандируя» переселеніе, когда они не могли не знать, что имъ неизбѣжно придется очень скоро пріостанавливать переселеніе и считаться съ тяжелыми послѣдствіями своей рекламы и своей пропаганды. Но крестьянскій банкъ... Крестьянскій банкъ—это значитъ скупка земель по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами. Прежде всего, какъ эта скупка отразится на земельныхъ цѣнахъ. По мнѣнію г. Столыпина, «при массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возросли бы». По этому поводу можно сказать только одно: блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ. Но на чемъ основывается такая увѣренность? Конечно, не на предшествующемъ опытѣ, ибо слишкомъ хорошо извѣстно, что за все время дѣятельности банка покупныя цѣны не переставали возрастать; что, въ частности, за время съ 1895 г. онѣ возросли, въ среднемъ, приблизительно въ два съ половиной раза, и что усиленное предложеніе, имѣвшее мѣсто въ 1906 году, сопровождалось не только не паденіемъ, а новымъ повышеніемъ цѣнъ. Г. Столыпинъ возлагаетъ большія надежды на это усиленное предложеніе. Онъ забываетъ, что этому предложенію будетъ противустоять усиленный спросъ; онъ забываетъ, что разъ будетъ до безпредѣльности расширена операція скупки земель крестьянскимъ банкомъ, то для владѣльцевъ исчезнетъ всякая необходимость спѣшить съ предложеніемъ: къ чему торопиться, когда все равно банкъ купитъ землю—отчего не выждать и не выдержать хорошенькую цѣну?—а банкъ, при благосклонномъ содѣйствіи землеустроительныхъ комиссій, конечно, не такъ ужъ будетъ заботиться о пониженіи цѣнъ.

Впрочемъ, это все слишкомъ очевидно,—очевидно для всякаго, кто не обязанъ, по долгу службы, возражать противъ принудительнаго отчужденія. Не менѣе важна однако другая сторона дѣла. Скупка предлагаемыхъ къ продажѣ земель; значитъ, скупаться будутъ тѣ земли, которыя владѣльцы желаютъ продать, и не будутъ скупаться тѣ, по отношенію къ которымъ владѣльцами не будетъ изъявлено такого желанія. Между тѣмъ, вопросъ объ отчужденіи владѣльческихъ земель можно разсматривать съ двоякой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ крестьянъ, нуждающихся въ расширеніи своего землевладѣнія, и съ точки зрѣнія интересовъ сельско-хозяйственной культуры, производительности страны и т. п., требующихъ сохраненія извѣстной доли владѣльческихъ хозяйствъ. Даетъ ли «добровольное соглашеніе» какія-нибудь гарантіи въ томъ или въ другомъ направленіи? Увы!—ни малѣйшихъ. Продавать земли—разъ это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія—будетъ либо тотъ, кому онѣ даютъ мало дохода, либо тотъ, кому надоѣло жить, какъ въ осажденной крѣпости, подъ постояннымъ рискомъ забастовокъ, разгромовъ, поджоговъ и т. п.; воздержится отъ продажи тотъ, кому земля даетъ очень хорошіе доходы и кто имѣетъ способъ уберечься отъ послѣдствій забастовокъ и разгромовъ. Очевидно, что то и другое условіе не имѣетъ никакого отношенія или,

пожалуй, обратное отношеніе къ тѣмъ основнымъ точкамъ зрѣнія, которыя должны имѣться въ виду при образованіи и распредѣленіи земельнаго фонда. Доходы, получаемые владѣльцами?... но они обусловливаются, главнымъ образомъ, именно степенью земельной нужды сосѣдей-крестьянъ; значитъ, въ руки крестьянскаго банка, при скупкѣ по соглашенію, не попадутъ именно тѣ земли, въ которыхъ сосѣднее населеніе испытываетъ, можетъ быть, наиболѣе острую земельную нужду. Давленіе, оказываемое населеніемъ при посредствѣ погромовъ и забастовокъ?... Но вѣдь въ такомъ случаѣ появленіе тѣхъ и другихъ будетъ однимъ изъ наиважнѣйшихъ моментовъ ускоренія ликвидаціи частнаго землевладѣнія; ставить послѣднюю въ зависимость отъ «соглашенія»—это значитъ вызывать населеніе на тѣ насилія, о которыхъ съ такимъ справедливымъ ужасомъ говоритъ г. Столыпинъ. И можно ли при этомъ думать, что интенсивность такъ называемаго аграрнаго движенія явится гарантіей того, что распроданныя подъ ихъ давленіемъ земли попадутъ въ руки тѣхъ, кто наиболѣе въ нихъ нуждается? Очевидно, нѣтъ—интенсивность аграрнаго движенія лишь крайне слабо связана съ интенсивностью земельной нужды. Можно ли думать, что аграрное движеніе пощадитъ тѣ хозяйства, которыя, въ интересахъ страны, заслуживали бы сохраненія? Очевидно, тоже нѣтъ; не даромъ краса и гордость русской агрономіи, Ив. Ал. Стебутъ, при первомъ же «давленіи» со стороны сосѣднихъ крестьянъ тотчасъ же ликвидировалъ свое хозяйство.

Такъ или иначе, скупка земель по добровольному соглашенію не гарантируетъ рѣшительно ничего, что должна имѣть въ виду земельная реформа: ни умѣренныхъ земельныхъ цѣнъ, ни отчужденія земель тамъ, гдѣ это необходимо въ интересахъ населенія, ни сохраненія владѣльческихъ хозяйствъ, гдѣ это нужно въ интересахъ страны и того же населенія. Все это можетъ быть достигнуто *только* при планомѣрно-проведенномъ принудительномъ отчужденіи.

Г. Столыпинъ—я сказалъ—совершенно правъ, когда совѣтуетъ не видѣть въ принудительномъ отчужденіи панацеи. Къ сожалѣнію, у него самого имѣется панацея, помощью которой онъ надѣется все поправить и всему помочь. Эта панацея формулируется имъ въ словахъ: «нужно снять тѣ оковы, которыя наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тотъ способъ пользованія землей, который наиболѣе его устраиваетъ»; это необходимо, чтобы «дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, этой соли земли русской, освободиться отъ тисковъ», чтобы «дать ему возможность укрѣпить за собою плоды трудовъ своихъ и предоставить въ неотъемлемую собственность». Я думаю, что предсѣдатель совѣта министровъ до послѣдней крайности преувеличиваетъ значеніе вообще даннаго вопроса. Если обстоятельства сложатся такъ, что существующіе «тиски» (читай: община) окажутся существеннымъ препятствіемъ къ уже назрѣвшимъ хозяйственнымъ улучшеніемъ, то жизнь сумѣетъ сломать эти тиски; порукою этому служитъ вся исторія формъ землевладѣнія и землепользованія, свидѣтельствующая о томъ, что формы эти всегда

развивались и преобразовывались въ соотвѣтствіи съ измѣнявшимися хозяйственными условіями; порукою этому служитъ хотя бы фактъ быстраго распространенія хуторского разселенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго края, — распространенія, происходившаго безъ всякаго содѣйствія правительственной власти и, повидимому, несмотря на противодѣйствіе ея мѣстныхъ органовъ, подъ давленіемъ одной только чисто-хозяйственной необходимости. Пока, напротивъ, хозяйственныя улучшенія не назрѣли, снимайте и ломайте сколько угодно тисковъ, и рѣшительно ничего отъ этого не измѣнится. Повторяю, предсѣдатель совѣта министровъ до послѣдней крайности преувеличиваетъ значеніе вопроса о формахъ землепользованія. Но по существу я не имѣю ничего возразить противъ приведенныхъ выше положеній: конечно, надо дать крестьянству возможность избрать тотъ способъ пользованія, который его устраиваетъ, надо,—какъ говоритъ г. Столыпинъ въ другомъ мѣстѣ,—поставить дѣло такъ, чтобы «собственность была общая, гдѣ община еще не отжила, чтобы она была подворною, гдѣ община уже нежизненна». Г. Столыпинъ не дѣлаетъ конкретнаго практическаго вывода изъ этихъ положеній, но этотъ выводъ достаточно ясенъ и, къ сожалѣнію, непріемлемъ: выводъ, конечно, тотъ, что Дума должна утвердить указъ 9 ноября, такъ неудачно разрѣшившій вопросъ о «снятіи путъ» и о «разрушеніи тисковъ». Въ дѣйствительности, если изъ совершенно основательныхъ положеній, провозглашенныхъ въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ, слѣдуетъ какой-либо выводъ, то діаметрально противоположный: надо скорѣе отмѣнить указъ 9 ноября въ части его, касающейся выхода изъ общины: въ этомъ сходятся со сторонниками послѣдней такіе ея рѣшительные противники, какъ, напримѣръ, князь Е. Н. Трубецкой. Да, *надо* предоставить крестьянамъ самимъ разрѣшать вопросъ о формѣ землепользованія, но *нельзя* предоставить каждому отдѣльному домохозяину навязывать всѣмъ выгодное для него одного рѣшеніе; да, собственность *должна* быть общая, гдѣ община еще не отжила, но, въ такомъ случаѣ, *нельзя* предоставить каждому желающему рвать куски изъ этой собственности; да, собственность *должна* стать подворною, гдѣ община уже нежизненна,—но только *сама община*, а не первый попавшійся изъ ея членовъ, компетентна признать, жизненна она или нѣтъ. Пожалуй, надо дать «соли земли» возможность укрѣпить за собой плоды своихъ трудовъ, но право выдѣла изъ общины земли, только что доставшейся по послѣднему передѣлу, а тѣмъ болѣе—избыточной земли, остающейся въ рукахъ даннаго домохозяина, не имѣетъ ничего общаго съ «укрѣпленіемъ трудовъ», и правомъ выдѣла по указу 9 ноября воспользуется, въ видѣ правила, не «соль земли», а накипь на поверхности народной жизни. Вопросъ о судьбѣ общиннаго землевладѣнія долженъ быть разрѣшаемъ въ каждомъ данномъ случаѣ планомѣрно и цѣлесообразно, а не подъ случайнымъ давленіемъ своекорыстныхъ владѣльческихъ интересовъ.

Вотъ, кажется, все существенное, что можно сказать по поводу рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ. Рѣчи этой нельзя отказать въ талантли-

вости. Тонъ этой рѣчи,—я сказалъ,—скорѣе примирительный, чѣмъ аггрессивный. Но, къ сожалѣнію, рѣчь П. А. Столыпина не перекидываетъ никакого мостика между правительствомъ и народными представителями. Такимъ мостикомъ можетъ быть несомнѣнно *только* признаніе принципа принудительнаго отчужденія. Г. Столыпинъ подробно, съ цифрами въ рукахъ, стремится доказать, что раздѣленіемъ, путемъ принудительнаго отчужденія, частновладѣльческихъ земель земельный вопросъ не разрѣшится, «это,—говоритъ онъ,—равносильно наложенію пластыря на засоренную рану». Да, *этимъ однимъ* земельный вопросъ несомнѣнно не разрѣшится. Но столь же несомнѣнно, что онъ не разрѣшится *и безъ этого*: принудительное отчужденіе—необходимая предпосылка для всего, что можетъ быть сдѣлано въ направленіи къ разрѣшенію земельнаго вопроса. А метафора, употребленная предсѣдателемъ совѣта министровъ, требуетъ нѣкотораго исправленія: планомѣрное расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, достижимое единственно на почвѣ принудительнаго отчужденія—это не пластырь, подъ которымъ будетъ продолжать гноиться засоренная рана; это перевязка, подъ которою должно идти заживленіе раны. Чтобы рана не гноилась, ее надо промывать и очищать, чтобы больной поправился, весь его организмъ надо укрѣплять всѣми возможными способами; но не наложите перевязки—и больной истечетъ кровью, прежде чѣмъ всѣ прочія, можетъ быть великолѣпнѣйшія средства, успѣютъ оказать какое-либо воздѣйствіе.

А. Кауфманъ.

Законодательство и жизнь.

Продолжается ли въ Россіи революціонное движеніе.—Какой характеръ оно получило.—Аграрные безпорядки.—Насилія полиціи и стражниковъ.—Сельско-хозяйственныя забастовки.—Разложеніе общества.—Убійства.—Голодъ и болѣзни.—Значеніе Думы, какъ фактора народной организаціи.—Мнѣнія о ея работоспособности.—Трудныя условія думской дѣятельности.—Аграрная декларація правительства.—Примирительная политика думскаго большинства.—Военный заговоръ.—Обыски у членовъ соц.-демократической фракціи Думы.—Требованія устраненія изъ Думы членовъ этой фракціи.

Что происходитъ теперь въ Россіи? Продолжается ли революціонное движеніе, или же наступило успокоеніе, и въ послѣднемъ случаѣ какое это успокоеніе? Такое ли, которое обусловлено удовлетвореніемъ, или, по крайней мѣрѣ, ожиданіемъ близкаго удовлетворенія народныхъ требованій, или такое, которое является лишь результатомъ матеріальнаго истощенія, безсилія и безнадежности? И какую роль въ этомъ дѣйствительномъ или кажущемся успокоеніи играютъ правительство и Государственная Дума? Если подъ революціей разумѣть явное проявленіе общаго недовольства существующимъ политическимъ и соціальнымъ строемъ, и стремленіе насильственно замѣнить его новымъ, стремленіе, внѣшнимъ образомъ выражающееся въ разнаго рода такъ называемыхъ безпорядкахъ, возстаніяхъ, бунтахъ и т. п., то такая революція въ настоящее время, повидимому, если не прекратилась, то находится въ періодѣ регресса. Но несомнѣнно не прекратилась другая, можетъ быть, даже болѣе глубокая и болѣе грозная революція, стихійно-психологическая, состоящая въ продолжающемся разрушеніи въ народномъ міросозерцаніи тѣхъ задерживающихъ импульсовъ, тѣхъ консервативныхъ основъ, которыя охраняли неизмѣнность исторически сложившихся въ Россіи политическихъ и соціальныхъ отношеній. Эти основы все болѣе и болѣе теряютъ свою силу, но далеко не всегда замѣняются новыми идеалами, вслѣдствіе чего нерѣдко исчезаютъ всякія директивы и для общественной и даже для личной дѣятельности. Вообще этотъ внутренній революціонный процессъ въ настоящее время носитъ почти исключительно разрушительный характеръ; поэтому и внѣшнія его проявленія выступаютъ не въ видѣ организованныхъ обширныхъ пред-

пріятій, а въ видѣ мелкихъ, отдѣльныхъ дѣйствій и индивидуальныхъ поступковъ. Если эти отдѣльныя дѣйствія часто бываютъ сходны между собою, то это объясняется не столько соглашеніемъ или планомѣрной организаціей, сколько одинаковостью условій, въ которыхъ этотъ процессъ совершается въ различныхъ мѣстахъ и лицахъ. Но что онъ совершается, что народная жизнь и народное сознаніе не вступили теперь въ такое мертвое пространство, какъ послѣ 1880 г., что не вошли они точно такъ же и въ какое-нибудь нормальное русло—это доказывается ежедневными явленіями, совершенно ненормальными по существу, но сдѣлавшимися за послѣднее время вполнѣ обычными. Съ весны начались отовсюду слухи о возникновеніи аграрныхъ безпорядковъ, затихшихъ было въ теченіе зимы. Всѣ они не имѣютъ характера обширныхъ волненій, разлившихся на большія пространства, но обыкновенно ограничиваются одной помѣщичьей экономіей и происхожденіе ихъ большею частью случайное. Возьмемъ на выдержку нѣсколько случаевъ, о которыхъ имѣются болѣе подробные разсказы: въ Елецкомъ уѣздѣ (Орловской губ.), при деревнѣ Мазанкѣ есть имѣніе Бибиковыхъ и вотъ года два какъ мазанскіе крестьяне то рубятъ помѣщичій лѣсъ, то травятъ луга или хлѣбъ. 10 мая управляющій Бибиковыхъ съ конторщикомъ и пятью рабочими застали четырехъ крестьянъ на паровомъ полѣ; произошло столкновеніе, одинъ изъ крестьянъ ударилъ конторщика Дульнева, а тотъ застрѣлилъ его изъ ружья; крестьяне бросились на объѣздчиковъ, но тѣ успѣли скрыться. На слѣдующее утро человѣкъ 30 крестьянъ, во главѣ съ братомъ убитаго, Тюринымъ, явились въ имѣніе, перебили и переломали въ конторѣ стекла и рамы, а потомъ стали бить окна въ домѣ, переломали мебель и унесли нѣкоторыя вещи. Говорятъ, хотѣли поджечь, но раздумали, потому что вѣтеръ былъ на деревню. На другой день прибыли исправникъ, судебный слѣдователь и отрядъ конныхъ стражниковъ. Егоръ Тюринъ былъ арестованъ. Беремъ другой случай: въ Летичевскомъ уѣздѣ (Подольской губ.), въ селѣ Свѣчное управляющій и лакей помѣщика Гдовскаго при объѣздѣ посѣвовъ были побиты крестьянами, пасшими скотъ на посѣвахъ; вступившійся сельскій стражникъ тоже подвергся нападенію и вынужденъ былъ скрыться въ домъ и отстрѣливаться отъ толпы, грозившей его убить и поджечь домъ; прибывшій исправникъ съ конными стражниками прекратилъ волненія, не прибѣгая къ оружію. Не такъ благополучно обошлось дѣло въ деревнѣ Захаровкѣ, Херсонской губ. Тамъ крестьяне запахали сѣнокосъ владѣльца Шевякова. Объѣздчиками былъ задержанъ крестьянинъ и четыре лошади. Толпа съ кольями явилась въ экономію выручать ихъ. Прибывшіе стражники арестовали пять человѣкъ. Крестьяне стали бросать въ стражниковъ каменьями, ранили камнемъ и бывшаго съ ними пристава и отбили двоихъ арестованныхъ. Стражники стали стрѣлять въ толпу и ранили нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ трое умерло. Напуганное населеніе Захаровки почти все разбѣжалось. Такое же кровавое столкновеніе произошло въ селѣ Анненковѣ, Симбирской губ. Владѣльцы имѣнія Анненковы не-

вутъ въ немъ, а живетъ тамъ управляющій. Въ первый день Пасхи черезъ сломанный заборъ въ усадьбу забралась крестьянская скотина. Управляющій съ рабочими стали загонять ее къ себѣ на дворъ и нѣсколькимъ коровамъ перешибли ноги. Крестьяне явились съ просьбою выпустить скотину и были обруганы управляющимъ, тогда они отбили скотину насильно, причемъ поколотили и управляющаго. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, если бы на другой день не явились стражники. Защищаясь отъ нихъ кольями и вилами, крестьяне двоихъ убили, а остальныхъ заставили бѣжать, послѣ чего разнесли и всю помѣщичью усадьбу, выпивши тамъ всѣ вина и съѣвши приготовленныя управляющимъ для праздника закуски. На третій день прибыли солдаты и безъ сопротивленія арестовали 35 человѣкъ и увели въ Симбирскъ въ тюрьму.

Мы взяли эти примѣры изъ разныхъ мѣстностей совершенно случайно. Общаго въ нихъ во всѣхъ то, что дѣло начинается съ самыхъ обыкновенныхъ сосѣдскихъ правонарушеній: порубки или потравы. Тѣ и другія бывали всегда, только за послѣднее время онѣ сдѣлались чаще и производятся болѣе открыто. Затѣмъ происходятъ столкновенія между управляющими и ихъ подручными, охраняющими помѣщичьи имѣнія, и крестьянами, причемъ съ той и съ другой стороны дѣло доходитъ до насилій, несомнѣнно подготовленныхъ взаимно непріязненными отношеніями. Начинается побоище или разгромъ. Появленіе вооруженныхъ стражниковъ подливаетъ масла въ огонь: стражниковъ бьютъ, они стрѣляютъ, съ обѣихъ сторонъ убитые и раненые, больше со стороны крестьянъ. Черезъ день-другой, возбужденіе утихаетъ, производятся аресты «зачинщиковъ», которыхъ въ большемъ или меньшемъ числѣ отправляются въ тюрьму. Таковъ общій шаблонъ аграрныхъ безпорядковъ. Въ нихъ нѣтъ никакой общей системы и едва ли играютъ какую-нибудь роль революціонныя подстрекательства извнѣ. Изъ Кіевской губ., въ которой за послѣднее время было много порубокъ, поджоговъ и столкновеній на аграрной почвѣ, были даже извѣстія, что мѣстные комитеты соціалистовъ-революціонеровъ, на которыхъ обыкновенно взводятся обвиненія въ подстрекательствѣ къ аграрнымъ безпорядкамъ, постановили бороться противъ неорганизованнаго разрушительнаго движенія. Между тѣмъ полиція ищетъ и ловитъ «агитаторовъ» съ прокламаціями, какъ будто прокламаціи могутъ что-нибудь прибавить къ тѣмъ естественно сложившимся условіямъ, которыми вызываются нынѣшнія аграрныя волненія. Въ послѣднихъ именно то и важно, что они указываютъ на существованіе общихъ причинъ, ихъ вызывающихъ, на повсемѣстную напряженность и враждебность отношеній между крестьянствомъ и помѣщичьей администраціей и на крайнюю возбужденность, взрывчатость, если можно такъ выразиться, настроенія деревни. Это настроеніе проникаетъ все населеніе и отдѣльныя личности въ этомъ случаѣ имѣютъ мало значенія. Если полиція по заведенному порядку арестуетъ «зачинщиковъ», то эти зачинщики почти всегда совершенно случайные люди не болѣе виновные въ безпорядкахъ, чѣмъ и остал-

участники. Поэтому и борьба съ аграрными безпорядками представляетъ собою Сизифову работу, которая должна постоянно возобновляться. Правительство и его агенты не знаютъ и не понимаютъ никакихъ другихъ способовъ борьбы, кромѣ репрессивныхъ мѣръ, посылаются стражники, казаки, войска, убиваютъ и избиваютъ нѣкоторое количество людей, большее число сажаютъ въ тюрьмы или высылаютъ. Но вѣдь всѣ эти мѣры имѣютъ характеръ индивидуальный и много имѣть не могутъ. Посредствомъ ихъ устраняются единицы или десятки, въ всякомъ случаѣ меньшинство населенія, состоящее изъ людей ничѣмъ въ сущности не отличающихся отъ тѣхъ, которые остались. Настроеніе же этихъ оставшихся становится, конечно, только болѣе враждебнымъ и при неизмѣнности общихъ условій и отношеній почва для новыхъ аграрныхъ безпорядковъ оказывается еще болѣе подготовленной, не говоря уже о томъ, что они въ любой моментъ могутъ также случайно вспыхнуть въ каждой изъ окрестныхъ деревень, находящихся въ совершенно такихъ же условіяхъ. Вотъ, что, наприм., сообщаютъ о настроеніи деревни послѣ строгихъ приговоровъ по аграрнымъ дѣламъ изъ Острогожскаго уѣзда (Воронежской губ.). Больше ста человѣкъ разсажено по тюрьмамъ и арестантскимъ ротамъ за порубку лѣса, за кражу гнилой половы и т. п. Всѣ эти ужасныя преступленія были давно забыты и экономія начала мирно работать безъ опасеній за имущество и жизнь служащихъ. Но суровость приговора настолько вооружила крестьянъ, что объ удаленіи казаковъ теперь и думать нечего. Служащіе получаютъ массу угрожающихъ писемъ и нѣкоторые изъ нихъ рискуютъ выходить изъ дома только подъ конвоемъ казаковъ. Но вѣдь нельзя же держать безъ конца казаковъ въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи. Притомъ явныя столкновенія легко замѣняются тайными поджогами, уберечься отъ которыхъ при сочувствіи населенія поджигателямъ почти невозможно. И эта форма ликвидаціи враждебныхъ отношеній крестьянъ съ помѣщиками особенно распространена въ настоящее время, хотя очень возможно, что очень многіе пожары, приписываемые поджогамъ, произошли и отъ другихъ естественныхъ и случайныхъ причинъ. За послѣднее время въ газетахъ были извѣстія о поджогахъ, будто бы на почвѣ аграрныхъ отношеній изъ Глуховскаго и Конотопскаго уѣздовъ, Черниговской губ. Въ Полтавской губ. констатированы также случаи поджоговъ: горятъ преимущественно экономическія постройки. Въ полтавскую тюрьму привезены крестьяне, обвиняемые въ поджогѣ имѣнія г-жи Орловской, при селѣ Мануйловкѣ, гдѣ кромѣ построекъ сгорѣло также много хлѣба. Поджоги помѣщичьихъ имѣній произвели такое впечатлѣніе на полтавское земство что губернское земское собраніе сдѣлало такое характерное для нынѣш няго земства постановленіе объ изданіи правилъ, согласно которымъ «: каждое лицо, виновное въ совершеніи поджога, губернской управой вы дается премія въ размѣрѣ 300 р. участникамъ въ обнаруженіи или поими этого лица». Правила эти разосланы были во всѣ волостныя правленія результаты не замедлили сказаться. Губернской управой получена отъ лу

бенскаго исправника официальная бумага, въ которой говорилось приблизительно слѣдующее: въ селѣ Орабьяхъ была подожжена усадьба дворянки Л. Полицейское дознаніе не дало никакихъ данныхъ къ обнаруженію виновныхъ, поэтому исправникъ «уполномочилъ нѣкоторыхъ крестьянъ сказаннаго села раскрыть это преступленіе, обѣщавъ имъ за трудъ вознагражденіе. Двое изъ нихъ, принадлежавшіе раньше къ крестьянскому союзу, выяснили, что означенный поджогъ совершенъ по политическимъ побужденіямъ восемью лицами, составляющими въ селѣ Орабьяхъ революціонный комитетъ. Всѣ обвиняемые заключены подъ стражу». Поэтому исправникъ проситъ управу выдать открывателямъ вознагражденіе «въ такомъ размѣрѣ, чтобы заинтересовать ихъ для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи». Согласно изданнымъ правиламъ, въ случаѣ признанія судомъ виновными обвиняемыхъ, земству придется заплатить 2,400 р. и вѣроятно этотъ расходъ будетъ не послѣднимъ, такъ какъ найдутся многіе, которые «заинтересуются дальнѣйшей работой въ этомъ направленіи». Въ той же полосѣ имѣются извѣстія изъ Нѣжина о томъ, что въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь арестовано 20 крестьянъ по обвиненію въ поджогахъ въ имѣніи графини Браницкой, послѣ чего поджоги однако продолжались: изъ Елизаветграда о томъ, что въ Акимовской волости подожжены были имѣнія помѣщиковъ Незедловскаго и Левитскаго, причемъ уничтожены запасы кормовъ и погибло много скота. Но такого же рода извѣстія имѣются изъ другихъ мѣстностей: такъ, рядъ пожаровъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ отмѣченъ въ Чернскомъ и Епифанскомъ уѣздахъ, Тульской губерніи. Въ Мышкинскомъ уѣздѣ (Ярославской губ.) въ имѣніи Максимовича сожженъ сарай съ сельско-хозяйственными орудіями. Есть случаи пожаровъ, объясняемыхъ тоже поджогами, но не имѣющіе связи съ аграрными недоразумѣніями; такъ, наприм., въ Тульской губерніи сожжены постройки психіатрической больницы. Есть примѣры и столкновеній, сопровождавшихся убійствами и пораненіями, не стоящихъ въ непосредственной связи съ аграрными дѣлами.

Въ Сычевкѣ, наприм. (Смоленской губ.), вслѣдствіе страшной нужды и ожидаемаго полнаго неурожая крестьяне изъ 38 деревень въ числѣ около 600 человѣкъ собрались въ городъ и стали просить начальство о выдачѣ имъ на руки продовольственнаго капитала. Выслушавъ отказъ, крестьяне разошлись, но черезъ три дня явились опять въ еще большемъ числѣ и, обращаясь къ исправнику и податному инспектору, настойчиво требовали выдать имъ продовольственный капиталъ. Въ отвѣтъ на угрозы со стороны исправника изъ толпы полетѣли камни: исправникъ тяжело раненъ, становой приставъ и нѣсколько стражниковъ легко ранены, а изъ крестьянъ нѣсколько человѣкъ было даже убито. Конечно, въ концѣ-концовъ крестьяне разошлись, ничего не получивъ, но неизвѣстно, что будетъ дальше. Нерѣдко волненія вызываются дѣйствіями самой мѣстной администраціи или находящимися въ ея распоряженіи стражниками. Полиція, усердствуя въ ловлѣ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ революціонеровъ, производитъ

иногда въ крестьянской средѣ массовые аресты и тѣмъ самымъ раздражаетъ населеніе. Такъ, 5 мая въ слободѣ Калачъ, Богучарскаго уѣзда (Воронежской губ.), становымъ приставомъ было арестовано около 30 человѣкъ за принадлежность будто бы къ соціалъ-революціонной партіи и распространеніе нелегальныхъ брошюръ. Аресты бывали и раньше, но на этотъ разъ терпѣніе населенія истощилось. 7 мая на базарной площади собралась толпа, которая потребовала отъ станового пристава объясненія по поводу арестовъ. Приставъ ссылался на приказаніе начальства, но, видя, что толпа этимъ не удовлетворяется, бросился бѣжать, но упалъ подъ градомъ камней. Одинъ изъ бывшихъ съ нимъ стражниковъ сталъ стрѣлять и ранилъ трехъ крестьянъ. Наконецъ, священнику удалось нѣсколько успокоить толпу. На другой день пріѣхалъ губернаторъ, встрѣченный съ полной покорностью. На собранномъ сходѣ, на которомъ присутствовало до 2,000 человѣкъ, выражено было сожалѣніе о случившемся; происшествіе съ полиціей объяснялось агитаціей постороннихъ лицъ и сходъ просилъ губернатора повергнуть къ стопамъ Его Величества ходатайства о прощеніи виновныхъ. Люди же, близко соприкасающіеся съ крестьянами, говорятъ, что это происшествіе только симптомъ, указывающій на массу озлобленія, которое накопилось въ деревнѣ подъ вліяніемъ административныхъ репрессій. Послѣднія возникаютъ по поводу всякой попытки крестьянъ сообща обсудить свое положеніе. Такъ, въ Буинскомъ уѣздѣ (Симбирской губ.) нѣсколько крестьянскихъ обществъ составили наказъ въ Государственную Думу; наказъ этотъ передавался изъ одной деревни въ другую и подписывался. Послѣднимъ подписывало общество села Альшеева. Вдругъ среди подписывавшихъ появился исправникъ, прошелъ прямо къ столу и схватилъ наказъ. Крестьяне заволновались, отняли наказъ и потребовали, чтобы исправникъ удалился; онъ ушелъ, а они переписали измятый наказъ, всѣ общества снова подписали его и послали. Нѣкоторое время прошло тихо и мирно; вдругъ явились исправникъ, становой приставъ и сорокъ человѣкъ стражниковъ, стали ѣздить по деревнямъ подписавшимъ наказъ, производить обыски, при которыхъ ничего не находилось, и арестовывать по своему выбору. Тамъ, гдѣ дѣлались попытки не допускать арестовъ, стражники избивали крестьянъ нагайками; арестовано было одиннадцать крестьянъ и два учителя. Крестьянъ черезъ недѣлю выпустили. Нѣчто подобное было также въ с. Бѣлыхъ Крестахъ (Новгородской губ.). Тамъ собрался волостной сходъ тоже для составленія наказа членамъ Государственной Думы; на немъ былъ какой-то ораторъ со стороны; полиція стала разыскивать этого оратора, допрашивать и обыскивать крестьянъ, но ничего не найдя, обратила свою злобу на старшину и писаря, виновныхъ будто бы въ устройствѣ незаконнаго схода. Ихъ по распоряженію земскаго начальника смѣнили и увезли на допросъ въ Устюжну, а крестьянамъ за ихъ крамолу было отказано въ выдачѣ зерна на обсѣмененіе полей, которыя поэтому могутъ такъ и остаться незасѣянными. Такимъ образомъ мирное обсужденіе своего положенія и обращеніе къ Государственной Думѣ ставятся въ

преступленія, и крестьяне естественно наталкиваются на переходъ отъ мирныхъ путей къ насильственнымъ. Въ этомъ случаѣ прежде другихъ пострадало волостное начальство. Это не единственный примѣръ, когда сельскія выборныя власти оказывались солидарными съ крестьянами, а не съ начальствомъ: въ Кіевской губерніи, въ с. Большая Терновка, по поводу возникшихъ тамъ аграрныхъ безпорядковъ явилась полиція съ казаками. Отдано было приказаніе арестовать и представить бунтовщиковъ, но сельскія власти этого не исполнили, за что по распоряженію исправника въ свою очередь были арестованы; тогда крестьяне стали ихъ отбивать; вмѣшались казаки, произошло побоище, двое убито, шестеро ранено, 10 арестовано. Въ мѣстечкѣ Павалонги, той же Кіевской губерніи, староста самъ былъ во главѣ толпы, забросавшей камнями отрядъ стражниковъ. Въ Тульской губерніи, въ имѣніи Салтыкова, сторожъ за допущеніе самовольной пастьбы крестьянскихъ лошадей на помѣщичьей землѣ былъ арестованъ стражниками. Крестьяне стали его отбивать и произошла драка, въ которой были ранены два стражника; послѣдніе по командѣ исправника стали стрѣлять, убили одну женщину и ранили одного крестьянина. Подобные факты, которыхъ прежде не было, указываютъ на то, что или общее раздраженное настроеніе крестьянства распространяется и на сельскія власти, или что для него авторитетъ міра и страхъ передъ нимъ въ послѣднее время перевѣшиваетъ авторитетъ и страхъ полицейскаго начальства. Тревожное настроеніе деревни обостряется еще помимо насилій, совершаемыхъ полиціей на легальномъ основаніи, въ видахъ борьбы съ крамолой, также и насиліями и безчинствами частнаго характера, совершаемыми стражниками и наемными охранителями помѣщиковъ—ингушами. Послѣдніе въ большомъ числѣ выписываются съ Кавказа и присутствіе ихъ, конечно, вноситъ еще лишній источникъ озлобленія въ отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Случаи избіенія крестьянъ тѣми и другими даже безъ всякаго повода очень нерѣдки. Въ с. Горѣлые Хутора, Глуховскаго уѣзда (Черниговской губ.), пьяные стражники напали на мирно шедшую толпу крестьянъ и очень многихъ избили и изранили. Крестьяне, увѣренные, что отъ мѣстныхъ властей они не получатъ защиты, собирались подавать жалобу въ Думу. О рядѣ избіеній крестьянъ ингушами сообщаютъ изъ Борзенскаго и Кромвецкаго уѣздовъ, той же губерніи. Ворвавшись въ с. Быстрикъ, ингуши схватили одного крестьянина, на котораго они были злы за жалобу, потащили съ собой, всю дорогу до Кромвца били и только передъ городомъ бросили его, избитаго до полусмерти. Жалобы на всѣ такія безчинства остаются безъ послѣдствій. Поразителенъ въ своей простотѣ и непосредственности разсказъ о томъ, какъ взыскивались подати въ деревнѣ Максимята, Сарапульскаго уѣзда (Вятской губ.), изложенный въ письмѣ крестьянъ, напечатанномъ въ газетѣ *Вятскій Край*. Правда, оно относится къ осени прошлаго года, но обычаи полиціи съ тѣхъ поръ не измѣнились: «5 ноября была комиссія за податью и била народъ. Нѣкоторыхъ били дополусмерти, выбивали изъ памяти ни за что». Далѣе слѣдуетъ поименное

перечисленіе избитыхъ. «Били у десятника, гдѣ сборщикъ получалъ подать». Били стражники плетьми и прикладами, топтали ногами. Приставъ стоялъ на особой квартирѣ, къ себѣ вызывалъ мужиковъ для уплаты оброка за мельницы. Какъ уплатятъ, давай бить. Мужики ревѣли на всю улицу—должно быть, легко было терпѣть имъ. Приставъ смотрѣлъ, какъ били, выглядывалъ въ окно». Слѣдуетъ опять перечисленіе. «Стражники пріѣзжали на другія сутки изъ другой деревни, ворочались по ночамъ и избивали народъ». Изъ дальнѣйшихъ фактовъ приведемъ лишь нѣкоторые наиболѣе характерные: «Павелъ Петровъ шелъ по улицѣ, его поймали и давай бить нагайками, а онъ не знаетъ за что бьютъ. Иванъ Тимоѳеевъ Козловъ былъ наряженъ везти пристава. Набѣжали стражники, давай его бить. Лошадь убѣжала, а онъ не замогъ ѣхать. Въ деревнѣ Старая Липа къ Григорію Иванову Ложкину пришелъ ночью стражникъ и началъ требовать подводу ѣхать къ «милявкамъ». Вотякъ не хотѣлъ везти къ б....мъ, тогда стражникъ давай вотяка такъ бить, что выбилъ его изъ памяти. Когда вотякъ очувствовался, запрягъ лошадь и повезъ къ «милявкѣ». Въ этомъ, несомнѣнно, правдивомъ разсказѣ поражаетъ разнузданность полиціи, доходящая до полнаго озвѣрѣнія, такъ, съ другой стороны, и совершенная забитость населенія, выражающаго свой протестъ только тѣмъ, что «мужики ревутъ на всю улицу». Но надо принять въ соображеніе, что дѣло происходило въ крайне мало культурной вотяцкой средѣ. Тамъ, гдѣ населеніе болѣе развито и болѣе сознательно относится къ своему положенію, такъ естественно оно выражаетъ свой протестъ болѣе активно, хотя и въ неорганизованныхъ, частичныхъ проявленіяхъ. По всего важнѣе то, что всюду народныя массы проникнуты убѣжденіемъ, что правительство относится къ нимъ несправедливо и жестоко. Прежде всего эта несправедливость высказывается по понятіямъ крестьянъ въ томъ, что правительство и его агенты стоятъ на сторонѣ помѣщиковъ въ аграрномъ вопросѣ. Это убѣжденіе тѣмъ болѣе укореняется, что и помѣщики, особенно въ послѣднее время, вмѣсто примирительнаго, хотя бы съ внѣшней стороны, образа дѣйствій относительно крестьянъ становятся въ позиціи все болѣе вызывающія и воинственныя. Многіе укрѣпляютъ свои усадьбы и организуютъ для защиты ихъ вооруженную силу, конечно, разсчитанную лишь на первый моментъ ожидаемаго ими нападенія, въ увѣренности на дальнѣйшую помощь со стороны правительственной вооруженной силы. Но и помимо аграрнаго вопроса, крестьянская масса привыкаетъ къ тому, что всякая правительственная сила, съ которой она приходитъ въ ближайшее соприкосновеніе, не только враждебна ей, но и, объективно оцѣниваемая, не можетъ возбуждать къ себѣ другихъ чувствъ, кромѣ страха и ненависти. Если бы еще эта сила была строго-дисциплинированною, если бы она являлась хотя бы безпощадной, но безпристрастной исполнительницей строгаго закона, то къ чувству страха могла бы присоединиться и нѣкоторая доля уваженія; теперь же и этого нѣтъ: это просто физическая сила, не имѣющая въ народномъ представленіи ни малѣйшаго нравственнаго авторитета.

Когда такое понятіе объ агентахъ власти, логически переносимое и на самую власть, распространяется не въ какой-нибудь части населенія, поставленной въ исключительныя условія, но въ массѣ народа, во всѣхъ краяхъ Россіи, то нельзя не признать, что такое массовое психологическое явленіе само по себѣ, независимо отъ его внѣшнихъ проявленій, представляетъ собою величайшую революцію. Эта внутренняя, духовная революція, революція народнаго сознанія, не можетъ быть остановлена никакими репрессивными мѣрами, никакими карательными отрядами, ибо всякія репрессіи только укрѣпляютъ ее и усиливаютъ. Она остановится лишь тогда, когда народъ получитъ довѣріе къ власти, когда онъ будетъ считать ее солидарною съ собой и съ своими жизненными интересами, и видѣть въ ней несомнѣнную защиту отъ всякой несправедливости. Такой властью одно время народъ представлялъ себѣ Государственную Думу. Но оказывается, что Дума, наоборотъ, имѣетъ моральный авторитетъ, но не имѣетъ почти никакой реальной силы. Если это подтвердится дальнѣйшимъ ходомъ Думской дѣятельности, то, конечно, въ концѣ-концовъ и Дума потеряетъ свое значеніе въ глазахъ народа. Что же тогда останется? На какіе устои обопрется народная жизнь? Чему будетъ вѣрить народъ и на что надѣяться? На себя, можно бы было сказать, и это было бы хорошо, если бы народъ, какъ цѣлое, обладалъ дѣйствительной матеріальной и моральной силой не только in potentia, но и in actu. Но чтобы достичь этого, ему надо долгимъ процессомъ развитія пріобрѣсти, съ одной стороны, ясное сознаніе своихъ цѣлей и ведущихъ къ нимъ путей, съ другой—необходимую для осуществленія ихъ организацію. И этотъ процессъ можетъ происходить лишь въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при явномъ противодѣйствіи правительственной власти. Всякая самостоятельная народная организаціи ради улучшенія своего экономическаго и соціальнаго положенія не только въ широкихъ размѣрахъ, но и въ отдѣльныхъ случаяхъ, должна будетъ вступить въ борьбу съ существующимъ положеніемъ вещей и съ тѣми, для кого нужно его сохраненіе, слѣдовательно, и съ тѣми классовыми элементами, которые находятъ себѣ поддержку въ правительствѣ. Взять хотя бы тѣ же аграрныя отношенія: мы не говоримъ, конечно, о насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя не могутъ не встрѣтить противодѣйствія со стороны правительственной власти; но и на совершенно мирныхъ путяхъ окажутся непремѣнно преграды. Вотъ, наприм., поучительный разсказъ о томъ, что происходило недавно въ Кузнецкомъ уѣздѣ (Саратовской губерніи). Передъ пашней тамъ началась стачка изъ-за пониженія арендныхъ цѣнъ. Началась она съ села Никольскаго, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ помѣщица Булыгина брала по 15 рублей за десятину. Плата эта была по разсчетамъ крестьянъ непосильна даже и въ хорошіе годы; сходъ рѣшилъ предложить помѣщицѣ 6 рублей, а чтобы аренду не перебили сосѣдніе крестьяне, сходъ обратился съ воззваніемъ ко всему уѣзду, которое было отпечатано на гектографѣ и разослано по деревнямъ. Сначала все пошло удачно: примѣру Никольскаго послѣдовали и сосѣди и черезъ

двѣ недѣли къ стачкѣ присоединились уже три волости. Но конецъ былъ не такъ хорошъ, особенно для никольскихъ крестьянъ. Булыгина пожаловалась губернатору, который сдѣлалъ выговоръ кузнецкой полиціи за плохое смотрѣніе. Тотчасъ полиція стала проявлять свое усердіе; начались обыски, арестованы были староста, писарь и двое выборщиковъ. Многіе крестьяне перепугались. Полицейскіе агенты разсказывали въ другихъ селеніяхъ, что изъ Никольскаго сослано 50 человѣкъ въ Сибирь и запугивали крестьянъ. Нѣкоторыя села отказались отъ стачки и согласились на условія помѣщиковъ. Въ самомъ Никольскомъ помѣщица сдала землю по 11 рублей мелкими участками сосѣднимъ крестьянамъ. Только въ нѣкоторыхъ деревняхъ помѣщики пошли на соглашеніе; а въ селѣ Камышлейкѣ, гдѣ не состоялось соглашенія, крестьяне произвели самовольную запашку. Репрессій не послѣдовало, но помѣщикъ говоритъ, что отберетъ хлѣбъ послѣ жнитва; слѣдовательно, подготовляется почва для взаимныхъ насильственныхъ дѣйствій. Многіе изъ аграрныхъ безпорядковъ начинаются именно съ мирной стачки. Такъ, въ селѣ Сѣнчи, Минской губерніи, помѣщику понадобились рабочіе. Крестьяне не соглашались на предложенныя условія, требуя повышенную плату. Тогда помѣщикъ вызвалъ на работу крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень. Сѣнчинскіе не допустили ихъ. Тогда помѣщикъ позвалъ полицію: явились стражники и начали отыскивать агитаторовъ; произошло столкновеніе, при которомъ ранено 6 человѣкъ крестьянъ, и изъ нихъ одинъ умеръ. Въ селѣ Макіевкѣ, Васильковскаго уѣзда (Кіевской губ.), крестьяне тоже прогнали изъ экономіи пришлыхъ рабочихъ. «Зачинщики» были арестованы полиціей, но толпа въ 400 человѣкъ отбила арестованныхъ. Посланы драгуны, а о дальнѣйшемъ нѣтъ извѣстій. Такимъ образомъ мирныя забастовки вслѣдствіе своей неорганизованности и вмѣшательства полиціи или кончаются для крестьянъ экономической неудачей, или, еще хуже, переходятъ въ насилія и избіенія. Изъ всего этого получается тотъ печальный выводъ, что, несмотря на несомнѣнность и серьезность той внутренней духовной революціи, о которой мы говорили, одна она, сама по себѣ, при существующихъ условіяхъ едва ли можетъ вывести русскій народъ на новый правильный путь государственной и соціальной жизни. Та потенціальная сила, которая создана и накопляется этой революціей, составляетъ необходимое условіе для достиженія этой цѣли, но чтобы перевести эту потенціальную силу въ дѣйствующую, необходимо или хотя медленное, но постоянное дѣйствіе такого фактора, какъ организованное законодательное учрежденіе, или вмѣшательство какихъ-нибудь другихъ непредвидимыхъ, сильно дѣйствующихъ историческихъ факторовъ, вродѣ войны, государственнаго банкротства и т. п. Во всякомъ случаѣ тотъ историческій процессъ, который въ настоящее время проходитъ передъ нами, по всей вѣроятности, будетъ совершаться крайне медленно, а эта медленность имѣетъ свою угрожающую сторону: разрушеніе можетъ пойти гораздо скорѣе созиданія и результатомъ этого можетъ быть не только общественная, но и моральная анархія, серьезны

симптомы которой мы уже видимъ и въ настоящее время. Въ крестьянской жизни она выражается въ безсвязныхъ, случайныхъ аграрныхъ безпорядкахъ, на которыхъ мы остановились потому, что они представляютъ одну изъ самыхъ опасныхъ формъ проявленія этой общей анархіи. Но она проникаетъ, можно сказать, во всѣ сферы русскаго общества. Общество перестаетъ чувствовать свое единеніе, изъ котораго вытекаетъ, съ одной стороны, защита каждой отдѣльной личности общественной властью, а съ другой, подчиненіе этой отдѣльной личности общему закону, охранителемъ и исполнителемъ котораго является та же общественная власть. Общество явно распадается или разлагается. Не только отдѣльныя группы классовыя и партійныя, отдѣльныя народности, даже отдѣльныя общины, мало того, отдѣльныя личности фактически отрицаютъ свою связь съ государственнымъ организмомъ, не ожидаютъ себѣ защиты отъ государственной и общественной власти и не признаютъ за собой обязанности подчиняться этой власти. Какъ въ первобытномъ обществѣ, отдѣльный человѣкъ надѣется почти исключительно на собственную силу и беретъ на себя право и обязанность установленія своихъ отношеній къ другимъ людямъ и суда надъ ними. Поэтому не только партійный, но и личный самосудъ сдѣлался у насъ самымъ обыденнымъ явленіемъ. За послѣднія двѣ недѣли сообенное вниманіе возбудили убійства инженеровъ Кребса въ Москвѣ, Берса и Ньюберга въ Петербургѣ. Кребсъ былъ завѣдующимъ мастерскими городского міусскаго трамвайнаго парка и игралъ довольно видную роль во время бывшей недавно забастовки служащихъ этого парка, возбудивъ противъ себя сильное ихъ неудовольствіе. На него была подана жалоба, въ которой онъ обвинялся въ суровомъ и несправедливомъ отношеніи къ рабочимъ; однако коммиссія, назначенная для разбора этого дѣла городской думой признала большую часть обвиненій противъ Кребса неосновательными. Временно покинувшій свою должность Кребсъ снова возвратился къ отправленію своихъ служебныхъ обязанностей. 22 мая во время обхода имъ мастерскихъ, въ токарномъ отдѣленіи, въ которомъ находилось человѣкъ двадцать рабочихъ, въ него было сдѣлано два выстрѣла, которыми онъ былъ раненъ въ грудь и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Большинство рабочихъ тотчасъ разошлись, и убійца скрылся. О причинахъ убійства Берса, бывшаго главнымъ инженеромъ коммиссіи по организаціи работъ въ Галерной гавани, разсказываютъ, что будто бы за нѣсколько дней передъ убійствомъ рабочіе обращались къ Берсу съ просьбою разрѣшить имъ собраться на митингъ для выясненія своихъ экономическихъ нуждъ, но онъ имъ категорически отказалъ. Самое убійство произошло при такой обстановкѣ: нѣкоторые члены коммиссіи вмѣстѣ съ инженерами осматривали работы въ Галерной гавани. Ихъ сопровождали депутаты отъ работавшихъ тамъ безработныхъ. Въ одномъ мѣстѣ оказалось, что работы не производятся; по этому поводу между Ньюбергомъ и депутатами произошло крупное объясненіе: первые говорили о слишкомъ низкой платѣ. Ньюбергъ же заявилъ, что плата не можетъ быть повышена и что если работа не будетъ производиться, то на нее будутъ поставлены

другіе рабочіе не изъ безработныхъ. Толпа увеличивалась и обратилась къ членамъ комиссіи, которые, разговаривая съ ней, отстали отъ инженеровъ, шедшихъ впереди. Вдругъ изъ-за угла явились двое неизвѣстныхъ, которые выстрѣлами убили обоихъ инженеровъ и сами тотчасъ же убѣжали. Изъ толпы никто не преслѣдовалъ убійцъ, и когда одинъ изъ членовъ комиссіи предложилъ это рабочимъ, то они отказались. Явилась полиція, но ничего не нашла. Потомъ было арестовано 40 человѣкъ, но почти всѣ они скоро были выпущены какъ совершенно непричастные преступленію. Такого рода факты были и въ другихъ мѣстахъ; такъ въ Баку убитъ инженеръ Лессингъ. На почвѣ экономической вражды произошло также убійство директора Нарвской мануфактуры Пельцера. Эта громадная фабрика, на которой около 25 тысячъ рабочихъ. Въ одномъ ткацкомъ отдѣленіи около 500 ткачей, которые забастовали, требуя повышенія дневной платы. 25 мая рано утромъ ткачи явились въ контору, чтобы переговорить съ директоромъ. Пельцеръ вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи исправника и фабричнаго инспектора и рѣзко отказалъ рабочимъ. Тогда рабочіе окружили его, оттѣснивъ исправника и инспектора, сбили его съ ногъ ударомъ камня по головѣ и безчувственнаго потащили къ рѣкѣ Нарвѣ и бросили въ рѣку, затѣмъ разбѣжались въ разныя стороны. Виновные не обнаружены, но полиціей въ связи съ этимъ дѣломъ произведены многочисленные аресты. Фабрика закрыта. Въ Лодзи тремя неизвѣстными лицами убитъ кинжаломъ директоръ техническаго отдѣла мануфактуры Познанскаго Розенталь. Арестованы двое подозрѣваемыхъ въ убійствѣ изъ числа безработныхъ, уволенныхъ съ фабрики. Не одна экономическая борьба ведетъ къ самосуду, всякое недовольство по самымъ разнообразнымъ поводамъ приводитъ къ нему. Такъ, напр., въ Пензѣ неизвѣстными лицами убитъ тремя выстрѣлами ректоръ духовной семинаріи архимандритъ Николай. Въ Клинцахъ убитъ нѣкто Викторовскій, бывшій товарищемъ предсѣдателя «союза русскаго народа». Въ Симферополѣ неизвѣстно почему убитъ изъ засады спрятавшимися въ городскомъ саду въ кустахъ служащій казеннаго виннаго склада Куницкій. Въ Лодзи продолжаются чуть не ежедневныя убійства частныхъ лицъ, мотивы которыхъ остаются совершенно неизвѣстными. Очень большое число убійствъ совершаются при такъ называемыхъ экспропріаціяхъ: убиваютъ и тѣхъ, кого грабятъ, и тѣхъ, кто грабитъ, и тѣхъ, кто преслѣдуетъ грабителей. Самыя же экспропріаціи, имѣвшія сначала характеръ революціонной борьбы съ правительствомъ, причемъ деньги брались для революціонныхъ цѣлей или въ правительственныхъ учрежденіяхъ, совершенно перепутались съ простымъ разбойничествомъ частнаго характера, такъ же какъ и убійства террористическія съ убійствами изъ личныхъ побужденій. Съ другой стороны, мы тоже чуть не каждый день слышимъ объ убійствахъ стражей кого-нибудь изъ заключенныхъ по ничтожнымъ поводамъ или безъ всякаго повода. Въ послѣднее время опять стали очень частыми и легальныя убійства — смертныя казни, пріостановившіяся въ послѣдній мѣсяцъ передъ отмѣ-

военно-полевыхъ судовъ, но послѣ этой отмѣны возобновившіяся какъ будто для доказательства того, что эта отмѣна сама по себѣ еще не много значитъ и что обыкновенные военные суды могутъ исполнять эту задачу съ такимъ же успѣхомъ, какъ и полевые. Вообще положеніе дѣлъ не измѣняется: жизнь человѣческая продолжаетъ цѣниться ни во что, законъ теряетъ всякое значеніе и замѣняется произволомъ какъ со стороны формальныхъ защитниковъ закона, такъ и со стороны частныхъ лицъ. Такое положеніе дѣлъ, если оно продолжится, а это почти несомнѣнно, должно вести все къ большему и большему пониженію народной культуры, умственной, нравственной и par contre-coup и матеріальной. Никакое улучшеніе народнаго хозяйства при такихъ порядкахъ невозможно: продовольственная помощь, оказываемая населенію голодавшихъ восточныхъ губерній, была только временнымъ паліативомъ, позволившимъ крестьянству голодныхъ губерніи не умереть съ голоду, но не поднявшимъ ихъ экономическихъ силъ и не обезпечившимъ ихъ въ будущемъ отъ повторенія неурожая и голодовки. Въ настоящее время тревожные слухи о неурожаѣ идутъ изъ другихъ, но весьма многихъ мѣстъ. Въ Ярославской губерніи много крестьянскихъ яровыхъ полей остаются незасѣянными, частью за неимѣніемъ сѣмянъ, частью за невозможностью обработать землю вслѣдствіе недостатка лошадей, переведенныхъ благодаря безкормицѣ; холодная погода, бывшая въ маѣ, задерживала и ростъ травъ. Изъ Костромской губерніи получены свѣдѣнія о неудовлетворительномъ состояніи озимыхъ хлѣбовъ во многихъ уѣздахъ, а посѣвъ яровыхъ запоздалъ на цѣлыхъ двѣ недѣли. Изъ Витебской губерніи сообщаютъ отъ 19 мая, что стоятъ сильные холода, посѣвъ яровыхъ еще не начинался; озимые пострадали отъ вымочекъ, а мѣстами и вовсе пропали. Цѣны на хлѣбъ возросли, такъ что сѣмянной овесъ стоилъ до полутора рубля. Съ юга изъ губерній Черниговской и Екатеринославской получены тоже неблагопріятныя вѣсти. Небывалыми заморозками во второй половинѣ мая попорчено много хлѣбовъ и огородныхъ растеній въ Мглинскомъ, Суражскомъ и Стародубскомъ (Черниговской губ.); въ Нѣжинскомъ уѣздѣ (той же губ.) озимыя совершенно погибли; крестьяне перепахиваютъ поля подъ яровые. Въ большинствѣ уѣздовъ Черниговской губерніи ожидается полный неурожай. Во многихъ мѣстахъ на почвѣ недоѣданія появились болѣзни. Въ Сарапулѣ (Вятской губ.) въ шести деревняхъ въ серединѣ мая появилась цынга; было уже около 100 больныхъ; открыты столовыя Краснаго креста, но будутъ ли онѣ дѣйствовать? Въ Самарской губерніи въ Бугульминскомъ уѣздѣ завѣдывавшіе столовыми были высланы административнымъ порядкомъ. Въ Воронежской губерніи приняла угрожающіе размѣры эпидемія тифа и количество заболѣваній въ маѣ мѣсяцѣ считалось сотнями. Въ той же губерніи вслѣдствіе плохого питанія въ Павловскомъ уѣздѣ возникла эпидемія куриной слѣпоты; въ одномъ Лосевскомъ медицинскомъ участкѣ было зарегистрировано свыше ста больныхъ. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ мая въ Астраханской губерніи, противъ самой Астрахани въ Ар-

хіерейскомъ поселкѣ, на правомъ берегу Волги появилась чума. Приняты, конечно, какъ удостовѣряетъ *Правительственный Вѣстникъ*, всѣ мѣры противъ ея распространенія, но будетъ ли администрація и полиція счастливѣе въ борьбѣ съ чумой, чѣмъ въ борьбѣ съ революціей, сказать трудно.

На что же надѣяться? Надѣяться на возможность возстановленія стараго дореформеннаго порядка, когда русскій народъ находился подъ управленіемъ «ста тысячъ полицеймейстеровъ»,—это конечно дѣтское ослѣпленіе. Помѣщичья идиллія не вернется больше, такъ какъ возврату ея противорѣчатъ и экономическія условія, и тотъ переворотъ въ сознаніи населенія, о которомъ мы говорили. Но для того, чтобы страна получила новый прочно организованный строй, ей придется еще вести долгую борьбу какъ съ дворянскими, помѣщичьими вожделѣніями, такъ и съ родственными имъ стремленіями петербургской бюрократіи, борьбу, для успѣшнаго веденія которой она въ настоящее время еще далеко не готова. Эта готовность можетъ быть достигнута лишь путемъ долгаго процесса самоорганизаціи и въ этомъ процессѣ важнѣйшимъ факторомъ должна была бы явиться, по нашему мнѣнію, Государственная Дума. Общая оцѣнка дѣятельности только что распущенной Думы будетъ сдѣлана въ нашемъ журналѣ. Пока скажемъ только, что при этой оцѣнкѣ нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что эта Дума принуждена была работать подъ непрерывной грозой ожидаемаго роспуска. Благополучное окончаніе инцидента съ рѣчью деп. Зурабова по вопросу о воинскомъ контингентѣ не отвело отъ Думы этой грозы. Правая реакціонная часть Думы нарочно старалась наталкивать ее на постановку такихъ вопросовъ, гдѣ оппозиціонное настроеніе большинства могло бы получить революціонную окраску; таковъ былъ вопросъ объ амнистіи, относительно которой министръ юстиціи категорически заявилъ, что онъ не подлежитъ разсмотрѣнію Думы, такъ какъ амнистія составляетъ прерогативу Монарха. Однако правые вмѣстѣ съ крайними лѣвыми стояли за немедленное его разсмотрѣніе, что и было принято незначительнымъ большинствомъ правыхъ и лѣвыхъ противъ центра. Послѣднему удалось, впрочемъ, передать его въ спеціальную комиссію для обсужденія того, подлежитъ ли онъ разсмотрѣнію Думы по существу. 11 мая предсѣдатель совѣта министровъ выступилъ съ правительственной декларацией по аграрному вопросу. Она не столь категорична, какъ прочтенная первой Думѣ декларація Горемыкина; тѣмъ не менѣе ни проекты лѣвыхъ фракцій, ни проектъ партіи народной свободы не признаются въ ней пріемлемыми. Націонализація земли съ вознагражденіемъ или безъ него привела бы къ невиданному въ исторіи перевороту, а въ то же время этимъ путемъ [illegible] мельный вопросъ всетаки не былъ бы разрѣшенъ. Если бы даже всѣ част[illegible] владѣльческія земли были бы переданы крестьянамъ, то земли у нихъ в[illegible] такі оказалось бы недостаточно. А между тѣмъ общій уровень земель[illegible] культуры понизился бы, что отразилось бы и на силѣ всего государст[illegible] которое отъ этого сдѣлалось бы слабѣе. Къ тому же въ сущности веде[illegible]

и отрицающій націонализацію проектъ партіи народной свободы, такъ какъ предположеніе о принудительной передачѣ земли въ постоянное пользованіе крестьянъ отрицаетъ самую неприкосновенность собственности. Чѣмъ же будетъ удостовѣрена прочность постояннаго пользованія, если разрушается увѣренность въ прочности собственности. Но министръ видитъ въ проектѣ кадетовъ мысли, заслуживающія вниманія; предоставленіе усмотрѣнію самихъ крестьянъ ихъ земельнаго устройства и государственную помощь. Сказавши нѣсколько словъ по поводу возможныхъ попытокъ разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ насилія, министръ заявилъ, что пока опасность еще далека, но когда она окажется ближе, то конечно насиліе допущено не будетъ. Однако правительство не желаетъ ограничиться полумѣрами и полицейской охраной порядка. Оно желаетъ поднять благосостояніе мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ. Каждому собственнику-хозяину государство обязано помочь кредитомъ. Малоземельнымъ крестьянамъ придется дать землю изъ того земельнаго фонда, который государство стало образовывать. Говорятъ, что у правительства слишкомъ мало земли для того, чтобы удовлетворить всю нужду; но вѣдь образованіе государственнаго фонда находится еще только вначалѣ и крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями. Крестьянству надо помочь, но этого нельзя сдѣлать механически, раздѣливши между нимъ 130 тысячъ помѣщичьихъ имѣній; тяжесть реформы должна лечь не на этихъ 130 тысячъ человѣкъ, а на все государство, которое должно принять на себя разницу между процентомъ, уплачиваемымъ по листамъ, выпускаемымъ крестьянскимъ банкомъ, и тѣмъ, который будетъ признанъ посильнымъ для крестьянъ. Обязательное отчужденіе можетъ быть допущено только въ видѣ исключенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно окажется необходимымъ для перехода къ лучшему устройству крестьянскаго хозяйства, когда нужно будетъ устраивать водопои, выгоны, дороги, наконецъ избавиться отъ черезполосицы. Въ заключеніе г. Столыпинъ объясняетъ, что въ этомъ заявленіи имъ изложены лишь общія начала, которыми правительство предполагало бы руководиться при проведеніи аграрной реформы, подробный же проектъ можетъ быть внесенъ компетентнымъ вѣдомствомъ въ соотвѣтствующую думскую комиссію. Изъ этой декларацiи вытекало совершенно ясно, что правительство въ сущности осталось на прежней своей точкѣ зрѣнія: ни въ какомъ случаѣ не допускать принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, увеличивать площадь крестьянскаго землевладѣнія лишь изъ имѣющагося на этотъ предметъ фонда, казенныхъ и удѣльныхъ земель и тѣхъ помѣщичьихъ земель, которыя будутъ куплены крестьянскимъ банкомъ или черезъ его посредство. Что касается до распредѣленія пріобрѣтаемой земли, то хотя въ декларацiи и одобряется мысль о предоставленіи крестьянамъ устраивать самимъ свои земельныя отношенія по своему усмотрѣнію, однако нѣтъ никакого указанія на то, чтобы правительство въ чемъ-нибудь измѣнило свою точку зрѣнія, выраженную въ законахъ 9 и 15 ноября 1906 г., и вообще симпатіи правительства на

сторонѣ мелкихъ собственниковъ и того класса крестьянъ, который имѣетъ тенденцію перейти въ деревенскую буржуазію. Но во главѣ всего ставится неприкосновенность интересовъ 130 тысячъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ декларація совершенно ясно подчеркнула непримиримое разногласіе правительства въ аграрномъ вопросѣ не только съ лѣвыми фракціями Думы, но и съ огромнымъ ея большинствомъ. Такъ это и было понято и высказано представителями всѣхъ думскихъ фракцій въ засѣданіи 26 мая. Дума однако не нашла удобнымъ тотчасъ же констатировать это разногласіе въ какой-нибудь общей резолюціи. Въ такомъ смыслѣ, т.-е., чтобы не постановлять никакой общей резолюціи, высказались предетавители к. д—ской фракціи. Мотивы ихъ заключались главнымъ образомъ въ томъ, что вслѣдствіе разнообразія взглядовъ различныхъ фракцій на рѣшеніе аграрнаго вопроса, объединить ихъ въ одной общей резолюціи невозможно, не устраняя изъ программъ многаго изъ того, что еще обсуждается въ аграрной комиссіи, которая такой резолюціей была бы стѣснена въ дальнѣйшей своей работѣ. Напротивъ, представители трудовой группы считали необходимымъ, чтобы Дума высказалась послѣ выслушаннаго ею правительственнаго заявленія. «Правительство,—говорилъ ихъ лидеръ Березинъ,—въ качествѣ защитника стараго порядка заявило, что оно намѣрено разрѣшить аграрный вопросъ безъ принудительнаго отчужденія. Что же отвѣтитъ на это голосъ народа Россіи, голосъ народныхъ представителей? Очевидно, народное представительство должно высказаться за принудительное отчужденіе, выражая этимъ минимумъ народныхъ требованій». Ораторъ к. д—въ Кизеветтеръ, говорившій противъ резолюціи, высказалъ, что послѣ партійныхъ рѣчей, въ которыхъ достаточно высказаны принципіальные взгляды всѣхъ партій на аграрный вопросъ, резолюція становится излишней. Партія народной свободы съ своей стороны «громко заявляетъ передъ лицомъ и правительства, и всего русскаго народа, что она во главу угла своихъ программъ и своихъ стремленій ставитъ принудительное отчужденіе земли и ни въ чемъ не отступитъ отъ своего всѣмъ извѣстнаго законопроекта, но подтверждать это заявленіе еще резолюціей она считаетъ излишнимъ. Большинство Думы, именно правые, к.-д., поляки и мусульмане всего 238 человѣкъ рѣшили отказаться отъ общей резолюціи противъ 191 человѣка — соціалистовъ всѣхъ партій и трудовиковъ. Названное большинство спѣшило, покончивъ съ аграрными преніями, перейти къ обсужденію законопроектовъ, уже изготовляемыхъ комиссіями. Дума уже приступила къ разсмотрѣнію общихъ основаній реформы мѣстнаго суда, но эти работы были внезапно прерваны. Мы уже говорили о требованіяхъ, обращенныхъ къ Думѣ по поводу привлеченія нѣ которыхъ ея членовъ къ слѣдствію по обвиненію въ политическихъ пре ступленіяхъ. Тревожнымъ симптомомъ явилось затѣмъ письмо премьер министра къ предсѣдателю Думы, въ которомъ первый, указывая на т что вопросъ объ устраненіи изъ Думы привлеченныхъ къ слѣдствію д путатовъ остается неразсмотрѣннымъ, высказываетъ, что участіе этих

лицъ въ собраніяхъ Думы при голосованіи «можетъ вызвать основательныя сомнѣнія въ законности тѣхъ состоявшихся при ихъ участіи постановленій Думы, которыя были приняты лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ». Поэтому онъ проситъ предсѣдателя Думы принять зависящія мѣры къ безотлагательному разсмотрѣнію дѣла о сказанныхъ депутатахъ. Въ началѣ мая въ квартиру депутата Озоля, принадлежащаго къ соціалъ-демократической фракціи, явилась полиція съ полицеймейстеромъ во главѣ и съ предписаніемъ охраннаго отдѣленія о производствѣ обыска. Въ помѣщеніи находились въ это время 34 депутата и около 50 человѣкъ другихъ лицъ. Депутаты отказались дать себя обыскивать и телефонировали Столыпину и министру юстиціи, но обоихъ не оказалось дома. Нѣкоторые изъ депутатовъ ушли и сообщили о происходившемъ предсѣдателю Думы Головину. Тотъ тоже телефонировалъ Столыпину, но послѣдній отвѣтилъ, что онъ не можетъ вмѣшиваться, такъ какъ въ помѣщеніи фракціи находятся уже представители юстиціи. Дѣйствительно, туда пріѣхалъ прокуроръ судебной палаты Камышанскій, который объяснилъ, что обыскъ производится на основаніи положенія объ охранѣ, депутатская же неприкосновенность не касается обыска, поэтому депутатовъ можно обыскивать; когда же ему показали, что въ предъявленномъ приказѣ объ обыскѣ нѣтъ ссылки на положеніе о чрезвычайной охранѣ, то онъ призналъ, что поводы къ отданію приказа объ обыскѣ были незаконны. Въ концѣ-концовъ депутаты были отпущены, но бывшія въ помѣщеніи другія лица, въ томъ числѣ и иностранные корреспонденты, были арестованы. По поводу этого происшествія въ Думѣ былъ сдѣланъ запросъ, причемъ министръ юстиціи объяснилъ, что сначала и представителямъ судебной власти казалось, что обыскъ въ квартирѣ Озоля не имѣлъ достаточныхъ основаній, но потомъ прокуроръ Камышанскій, по приказанію министра разсмотрѣвъ и зрѣло обдумавъ это дѣло, пришелъ къ заключенію, что въ немъ есть матеріалъ для цѣлаго судебнаго слѣдствія: на квартирѣ Озоля происходили собранія не только думской соціалъ-демократической фракціи, но тамъ вмѣстѣ съ депутатами собирались члены военнаго союза, организованнаго съ цѣлью вызвать возстаніе въ войскѣ и произвести насильственный государственный переворотъ. Министръ заявилъ, что по этому поводу производится слѣдствіе. Изъ этого уже можно было заключить, что всѣмъ депутатамъ, бывшимъ на квартирѣ Озоля, грозитъ привлеченіе къ слѣдствію и что Думѣ придется считаться съ требованіемъ объ ихъ устраненіи и, можетъ быть, арестѣ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не вызвало ни въ Думѣ, ни въ публикѣ предположенія о томъ, что именно на этой почвѣ можетъ оказаться опасность для существованія Думы. Послѣдняя продолжала свою работу, съ докладомъ о ходѣ которой предсѣдатель Думы ѣздилъ 19 мая въ Петергофъ, куда въ тотъ же день нѣсколькими часами раньше ѣздили и были приняты правые депутаты: епископы Евлогій и Платонъ, Пуришкевичъ и другъ. Пріемъ Головина былъ оказанъ благосклонный. Бесѣда была серьезная и показала, что въ придворныхъ сферахъ очень внимательно относятся къ

дѣятельности Думы. Головинъ не вынесъ того впечатлѣнія, чтобы Думѣ грозила опасность роспуска, такъ что кризисъ наступилъ внезапно. 1 іюня предсѣдатель совѣта министровъ просилъ Думу, чтобы имѣющее быть въ этотъ день засѣданіе ея было закрытымъ, такъ какъ онъ сдѣлаетъ Думѣ крайне важное сообщеніе. Въ чемъ оно должно было состоять, Дума узнала лишь тогда, когда Столыпинъ, явившись въ это закрытое засѣданіе въ сопровожденіи прокурора Камышанскаго, предъявилъ Думѣ, основываясь на постановленіи судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, требованіе объ устраненіи изъ Думы пятидесяти пяти депутатовъ, принадлежащихъ къ соціалъ-демократической фракціи, и о немедленномъ приводѣ къ слѣдствію и аресту шестнадцати изъ нихъ. Обвиненіе противъ 55 депутатовъ, основанное на обыскѣ у Озоля, заключалось въ томъ, что они составили сообщество для насильственнаго ниспроверженія установленнаго основными законами образа правленія и учрежденія демократической республики, средствомъ къ чему должно было быть народное возстаніе, которое и подготовлялось сношеніями съ населеніемъ, а также и революціонной пропагандой въ войскахъ.

Дума передала это сообщеніе избранной ею комиссіи изъ 22 лицъ, но комиссія эта не успѣла представить Думѣ своего доклада. 3 іюня послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о роспущеніи Думы, назначеніи новыхъ выборовъ съ 1 сентября и созывѣ третьей Думы на 1 ноября. Одновременно съ этимъ изданъ новый избирательный законъ. Юридическій характеръ этого послѣдняго акта ясенъ безъ спеціальныхъ комментарій. Политическое его значеніе можетъ быть выяснено путемъ анализа самого новаго закона о выборахъ, къ чему мы и обратимся въ слѣдующей книжкѣ *Русской Мысли*.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Австрія.

Крупнѣйшимъ событіемъ иностранной политической жизни являются, безъ сомнѣнія, выборы въ австрійскій рейхсратъ, произведенные впервые на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Выборы эти представляютъ тѣмъ большій интересъ, что габсбургская монархія уже давно переживаетъ несомнѣнный кризисъ и остается загадочнымъ, какимъ образомъ она изъ него выйдетъ. Остановка правильной парламентской работы, крайнее обостреніе національной борьбы, ослабленіе связи съ Венгріей, могущее кончиться полнымъ разрывомъ—все это ставило передъ Австріей вопросы первостепенной важности. Какъ отразится на нихъ переходъ отъ архаическаго представительства по куріямъ, дающаго такой перевѣсъ имущимъ классамъ, къ представительству истинно-демократическому? Вольетъ ли это новое представительство жизненные соки въ одряхлѣвшій государственный организмъ и сплотятъ ли они представителей враждующихъ народностей на плодотворной соціальной и культурной работѣ? Является ли 1907 годъ началомъ политическаго возрожденія Австріи?

Исторія австрійскаго избирательнаго права представляетъ въ высшей степени интересныя колебанія. Когда послѣ революціи 1848 года передъ страной впервые открылись перспективы конституціоннаго порядка, то первый планъ государственнаго устройства, выработанный учредительнымъ собраніемъ, отличался сравнительно съ послѣдующимъ весьма демократическимъ характеромъ. Согласно такъ называемому «Кремзирскому проекту» народное представительство должно состоять изъ двухъ палатъ: народной палаты, избранной путемъ основаннаго на небольшомъ цензѣ (пять флориновъ) прямого голосованія, и палаты земель—избираемой мѣстными сеймами. Затѣмъ собраніе было распущено, опубликована была октроированная императоромъ ольмюцская конституція, основанная отчасти на кремзирскомъ проектѣ, но менѣе демократическая: здѣсь цензъ былъ повышенъ. Однако и эта конституція оказалась нежизнеспособной, и съ 31 декабря 1851 г. на десять лѣтъ Австрія вернулась къ абсолютизму.

Новый періодъ конституціонной жизни имперіи открывается въ 60-хъ годахъ. Послѣ попытокъ организовать совѣщательный имперскій совѣтъ изъ представителей сеймовъ, послѣ попытки централистической конституціи 1861 года, вызвавшей особенное противодѣйствіе Венгріи, созданъ былъ новый государственный порядокъ, основанный на признаніи дуалистической связи между Австріей и Венгріей; для самой же Австріи введены пять основныхъ законовъ 1867 года, въ совокупности составляющихъ австрійскую конституцію. Представительство, которое согласно кремзирскому проекту и ольмюцской конституціи предполагалось для верхней палаты, избраніе отъ провинціальныхъ сеймовъ—положено было теперь въ основу нижней, верхняя же должна была состоять изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ членовъ. Этотъ порядокъ, переносящій центръ тяжести съ провинціальныхъ сеймовъ на общеимперское представительство, также вызвалъ рѣзкую оппозицію со стороны федералистически настроенныхъ славянскихъ народностей. Въ 1871 году призвано было къ власти федералистическое министерство Гогенварта: оно было сокрушено союзомъ нѣмецкихъ либеральныхъ партій и венгерскаго правительства; Венгрія желала федерализма лишь до тѣхъ поръ, пока она сама не получила самостоятельности. Императоръ вернулся къ системѣ 1867 года. Вслѣдъ за этимъ въ 1873 году произошло измѣненіе избирательнаго закона въ смыслѣ усиленія централизаціи: нижняя палата выбиралась отнынѣ не сеймами, а особыми провинціальными куріями: 1) куріей крупнаго землевладѣнія 65 депутатовъ; 2) куріей торговыхъ и промышленныхъ палатъ—21 депутатъ; 3) куріей городовъ—115 депутатовъ и 4) куріей сельскихъ общинъ—129 депутатовъ. Этотъ порядокъ, дающій огромный перевѣсъ крупному землевладѣнію и весьма значительный торгово-промышленному классу, просуществовалъ безъ измѣненій до 1896 года: министерству Бадени послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ удалось прибавить пятую курію всеобщаго избирательнаго права, которая должна избирать 72 депутата; это дополненіе, однако, весьма незначительно смягчало старое неравенство. Въ куріи крупнаго землевладѣнія 1 депутатъ приходился на 64 избирателя, въ куріи городовъ 1 на 4,100 избирателей, въ куріи сельскихъ общинъ 1 на 12,300 избирателей и, наконецъ, въ куріи всеобщаго избирательнаго права 1 на 30,000 избирателей. Если Австрію называютъ страной всеобщаго, но неравнаго избирательнаго права, то второй признакъ выдѣлялся въ немъ гораздо болѣе ярко; неравенству соціальному соотвѣтствовало неравенство національное, связанное съ такъ называемой выборной геометріей (Wahlgeometrie)—съ распредѣленіемъ округовъ, особенно благопріятнымъ для нѣмецкой народности и неблагопріятнымъ для славянъ.

Намъ понятно, какъ должны были относиться къ этому избирательному закону представители отдѣльныхъ классовъ и народностей; двойному гнету—соціальному и національному—соотвѣтствовалъ двойной протес. Правда, борьба національностей приняла болѣе острыя и рѣзкія фор чѣмъ классовая борьба, и ихъ программы далеко не совпадали. Искусстве

но подавляемыя національныя стремленія мстили за себя полной остановкой парламентской жизни. Создалась система политической обструкціи въ небывалыхъ размѣрахъ, и все чаще отвѣтомъ на это самоубійство народнаго представительства являлось управленіе страной на основаніи знаменитаго 14 параграфа, управленіе путемъ временныхъ законовъ, издаваемыхъ бюрократическимъ путемъ. Австрійскій конституціонализмъ переживалъ тяжелый кризисъ. Создавалась особая теорія, правда по мотивамъ болѣе практическаго, чѣмъ теоретическаго характера, о неосуществимости политической свободы въ странахъ разноплеменныхъ.

Австрійская монархія, которая долгое время опиралась на извѣстныя комбинаціи и соглашенія отдѣльныхъ національныхъ группъ, вступила на новый путь подъ вліяніемъ небывалаго обостренія отношеній Австріи и Венгріи. Растущимъ требованіямъ мадьяровъ, которые являлись самой внушительной національной силой въ имперіи, необходимо было противопоставить Австрію, которая уже не дробилась бы на отдѣльныя враждующія народности, а представляла бы равную степень сплоченности, и такимъ средствомъ объединенія было признано всеобщее избирательное право, какъ оно 40 лѣтъ тому назадъ было признано при созданіи сѣверо-германскаго союза Бисмаркомъ; тогда также надо было противопоставить партикуляризму отдѣльныхъ государствъ Германію, какъ цѣлое.

И въ Австріи, какъ въ Германіи, всеобщее избирательное право шло сверху—было октроировано. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы корона не приняла здѣсь участія, то одно давленіе снизу не могло бы вынудить въ Австріи демократизацію избирательнаго права. Не случайно, конечно, такой планъ введенія всеобщаго избирательнаго права былъ предложенъ еще ранѣе внѣпарламентскимъ венгерскимъ министерствомъ Фейервари, который хотѣлъ выдвинуть его противъ венгерской оппозиціи. Въ Венгріи онъ былъ оставленъ, въ Австріи монархъ приложилъ все свое политическое и моральное вліяніе для проведенія этой реформы.

Законопроектъ Гауча, однако, не порывалъ рѣшительнымъ образомъ съ традиціями «выборной геометріи». Распредѣленіе избирательныхъ округовъ опять было сдѣлано неравномѣрно: нѣмцы получали непропорціонально большое число депутатскихъ мѣстъ. По проекту предполагалось всего 455 мѣстъ; по разсчету всего населенія имперіи нѣмцамъ приходилось бы получить 160 депутатскихъ мѣстъ, а имъ давалось 205; напротивъ, славяне вмѣсто слѣдуемыхъ имъ 271 мѣстъ получали лишь 228 *). Порвать съ традиціей, которая молчаливо признаетъ, хотя и не высказываетъ это, нѣмцевъ за господствующую національность въ Цислейтаніи, значило бы произвести настоящую революцію въ области управленія; значило бы въ ми-

*) Проф. Раухбергъ указываетъ въ своей статьѣ, что число мандатовъ, предоставленныхъ нѣмцамъ, является непропорціонально великимъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду ихъ численность; если же принимать въ разсчетъ, какая доля изъ общеимперскихъ налоговъ падаетъ на нѣмецкое населеніе Австріи, то окажется, что мандатовъ они имѣютъ еще слишкомъ мало.

нуту, когда требовалось прежде всего единеніе, создавать новый внутренній конфликтъ. Ни корона, ни министерство не рѣшались и не хотѣли идти такъ далеко. Всетаки и такое распредѣленіе было славянамъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ старый порядокъ. Послѣ многократныхъ соглашеній съ различными національными группами правительство увеличило число депутатовъ до 516, изъ которыхъ на долю нѣмцевъ падало 233 мѣста, на долю славянъ 259.

Реформа проходила съ большими трудностями, передъ которыми не устоялъ бы ни баронъ Гаучъ, ни князь Гогенлоэ: говорилось объ отдѣленіи Галиціи отъ Австріи, о переходѣ австрійскихъ нѣмцевъ подъ власть Гогенцоллерновъ; неоднократно дѣлались самыя рѣзкія нападенія на корону. Лишь преемникъ Гогенлоэ баронъ Бэкъ сумѣлъ примирить національныя группы и съ помощью ихъ парализовать ожесточенное сопротивленіе австрійской аристократіи. Благодаря его энергіи, эта реформа не затянулась на 1907 г., и благодаря ему неотложность была принята рейхсратомъ большинствомъ 227 противъ 46 голосовъ пангерманистовъ и чешскихъ аграріевъ. «Часть труднаго пути,—говорилъ онъ въ парламентской коммиссіи,—уже пройдена, не слѣдуетъ оглядываться ни по сторонамъ, ни назадъ. Дайте государству новое будущее и австрійскимъ народамъ ихъ право. Требованіе эпохи должно быть понято». Здѣсь Бэкъ вполнѣ выражалъ мысль императора, которой отдавали справедливость даже австрійскіе соціалъ-демократы. «Я проникнутъ искреннимъ уваженіемъ,—говорилъ на съѣздѣ вождь галиційскихъ соціалъ-демократовъ Дашинскій,—къ этому престарѣлому монарху, сумѣвшему въ столь преклонномъ возрастѣ понять духъ и требованія своего времени».

Правительству удалось остановить обструкціонныя попытки, исходившія главнымъ образомъ отъ чешскихъ и польскихъ аграріевъ—осложнить избирательную реформу пересмотромъ компетенціи рейхсрата и мѣстныхъ сеймовъ. Отвергнуто было предоставленіе избирательнаго права женщинамъ, отвергнута была (хотя довольно слабымъ большинствомъ) внесенная клерикалами поправка о множественномъ вотумѣ: ее особенно отстаивала нѣмецкая народная партія, вождь которой Кейзеръ упрекалъ правительство въ капитуляціи передъ соціалистами. Вопросъ объ обязательности былъ переданъ провинціальнымъ сеймамъ—это была извѣстная побѣда федеральнаго теченія. Нѣмцамъ уступили, введя въ избирательный законъ оговорки, что перераспредѣленіе депутатскихъ мѣстъ на будущее время можетъ происходить лишь въ томъ случаѣ, если въ вотумѣ изъ 516 депутатовъ принимаетъ участіе 343, немного меньше $^2/_3$. Такимъ образомъ на будущее время при желаніи славянскаго большинства перераспредѣлить округа въ пользу славянскихъ народностей, нѣмецкіе депутаты, покинувъ залу засѣданія, могутъ всегда недопустить необходимой для пересмотра quorum.

Наконецъ, самая существенная поправка была введена въ пользу поляковъ, которые изъ 106 мандатовъ, отданныхъ Галиціи, получали 78, тогда какъ на долю русинъ приходилось лишь 28. Нечего говорить, ъ

какимъ несочувствіемъ отнеслась къ законопроекту верхняя палата. Какъ извѣстно, Гаучъ, объявляя въ прошломъ году о намѣреніи правительства произвести избирательную реформу, указывалъ на необходимость въ то же время реформировать палату господъ: онъ предполагалъ ввести туда представителей мѣстныхъ ландтаговъ (это было бы возвращеніе къ идеямъ Кремзирскаго проекта) и въ то же время фиксировать число пожизненныхъ членовъ палаты, которые назначаются императоромъ. Вопросы о реформѣ верхней и нижней палаты тѣсно сплелись.

Францъ-Іосифъ не скрывалъ въ личныхъ сношеніяхъ съ членами палаты господъ, насколько онъ желалъ бы, чтобы проектъ прошелъ безпрепятственно черезъ нее. Говорили, что разница его обращенія на придворныхъ пріемахъ со сторонниками и противниками бросалась въ глаза всѣмъ. Упорство палаты господъ угрожало серьезнымъ конфликтомъ съ короной; конечно, онъ могъ разрѣшиться черезъ fournée des pairs—назначеніе соотвѣтствующаго числа новыхъ членовъ. Тѣмъ не менѣе пренія были весьма горячи; большинство указывало на опасности реформы, которая есть «Spruch ins unendliche». Графъ Ауерспергеръ откровенно объяснилъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ для нижней палаты верхняя теряетъ всякое значеніе. Одиноко раздавались голоса чешскаго поэта Верхлицкаго и уніатскаго епископа Теодоровича, сторонника христіанской демократіи, въ пользу реформы. Впрочемъ, палата направила борьбу не столько противъ всеобщности, сколько противъ равенства избирательнаго права; большинство склонялось къ множественнымъ вотумамъ, комиссія верхней палаты предложила дать второй голосъ всѣмъ гражданамъ, достигшимъ 35-лѣтняго возраста; первоначальная мысль поставить условіемъ такого добавочнаго голоса собственное хозяйство не была принята. Въ концѣ-концовъ Беку удалось, однако, получить отъ верхней палаты вотумъ въ пользу законопроекта о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ нижней палаты. За это онъ обѣщалъ имъ провести законъ, фиксирующій число членовъ верхней палаты, которое можетъ назначать императоръ; само собою разумѣется, предположенія Гауча о реформѣ палаты господъ отпадало. Такъ прошелъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, вошедшій въ силу съ 1 января 1907 г. Народы Австріи дѣйствительно получили тотъ рождественскій подарокъ, о которомъ говорилъ Францъ-Іосифъ, убѣждая членовъ палаты господъ не тормозить великой и неотложной реформы.

Всякое значительное расширеніе избирательнаго закона, которое открываетъ доступъ къ легальному воздѣйствію на жизнь государства новымъ массамъ, вызываетъ глубокое перемѣщеніе соціальныхъ силъ и вліяній. Въ результатѣ путемъ избирательныхъ реформъ 1832, 1867 и 1884 гг.— вся политическая жизнь Австріи совершенно обновилась. Въ Австріи дать какой-нибудь прогнозъ было тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе дробилась здѣсь политическая жизнь на множество партій и фракцій, чѣмъ менѣе здѣсь

было сходства съ классической простотой англійской партійной группировки. Конечно, въ самомъ избирательномъ законѣ приняты были извѣстныя мѣры, дабы дать каждой національной группѣ опредѣленное число мандатовъ; но этимъ еще не устранялся цѣлый рядъ другихъ чрезвычайно существенныхъ противоположностей—между соціалъ-демократіей и буржуазіей, между клерикализмомъ и тенденціями свободомыслія, между стремленіями обострить національные контрасты или ихъ смягчить. Переходъ отъ крайне сложной куріальной системы ко всеобщему избирательному праву былъ въ достаточной мѣрѣ рѣзокъ.

Большинство предположеній на разные лады повторяли имъ liquet; неясна степень подготовленности новыхъ слоевъ. Въ интересной статьѣ профессора Кайзера указывалось, что старый рейхсратъ оставляетъ трудное наслѣдство; если бы партіи въ немъ хоть немного болѣе отдавали вниманія вопросамъ соціальной политики, если бы національная рознь не была такъ разожжена, можно было бы гораздо больше надѣяться на спокойные и обдуманные выборы. Теперь атмосфера слишкомъ сгущена, большіе успѣхи обѣщаетъ партійное движеніе, а между тѣмъ для Австріи, если она хочетъ радикально покончить съ бюрократическимъ управленіемъ, прежде всего необходимо имѣть работоспособный рейхсратъ. Это необходимо, наконецъ, чтобы поставить извѣстные предѣлы венгерскимъ притязаніямъ («N. F. P.» 31 марта). Замѣтимъ, что вопросъ объ отношеніи къ Венгріи дѣйствительно играетъ видную роль въ избирательной кампаніи. Австро-венгерскія делегаціи только что пришли къ соглашенію, что начиная съ 1917 года Венгрія получитъ политическую автономію, какъ ею обладаетъ Норвегія относительно Швеціи. Представители крайняго венгерскаго націонализма, органы вродѣ *Budapesti Hirlap* шли дальше, упрекая правительство Кошута въ оппортунизмѣ, и требовали, чтобы послѣ 1917 года Венгрія получила полную экономическую свободу отъ Австріи. Ясно было, что на пути сохраненія дуализма встаютъ новыя трудности, что опять возникаетъ вопросъ о самостоятельной венгерской націи и что это напоминаніе о Венгріи служило какъ бы напоминаніемъ о нѣкоторомъ реальномъ интересѣ Австріи, какъ цѣлаго, интересѣ, могущемъ объединить даже рѣзкія національныя противоположности.

Среди этой неопредѣленности выступаютъ однако нѣкоторыя болѣе конкретныя предположенія о чертахъ будущаго рейхсрата. *Neue Freie Presse* (5 мая), допуская, что всеобщее избирательное право въ Австріи есть сфинксъ, у котораго до сихъ поръ напрасно искали разгадку самые опытные знатоки государства и его населенія, тѣмъ не менѣе предвидитъ три результата. Во-первыхъ, по мнѣнію органа нѣмецкаго либерализма въ новомъ рейхсратѣ національные вопросы не отступятъ передъ соціальными и хозяйственными; во-вторыхъ, сильное вліяніе на выборы окажутъ аграрные интересы и могутъ помѣшать созданію партіи, подобной той, которая существуетъ въ германскомъ рейхсратѣ; въ-третьихъ, въ Австріи какъ и въ другихъ странахъ всеобщаго избирательнаго права, быстро возрастетъ соціалъ-демократія. Выводъ, что либерализмъ, являющійся нос

телемъ культуры и просвѣщенія, находится въ серьезной опасности и поэтому требуется прежде всего чрезвычайная сплоченность нѣмецкихъ прогрессивныхъ элементовъ передъ лицомъ красной и политической реакціи.

За восемь дней до выборовъ корреспондентъ *Berliner Tageblatt* высказываетъ аналогичныя предположенія: среди нѣмецкихъ группъ, по его мнѣнію, наиболѣе шансовъ на успѣхъ имѣютъ христіанскіе соціалисты, свившіе себѣ прочное гнѣздо въ Вѣнѣ и въ нижней Австріи, соціалъ-демократы и пангерманисты,—послѣднее предсказанье, какъ извѣстно, совершенно не оправдалось.

Впрочемъ, и активные участники избирательной борьбы весьма осторожно выражались о своихъ шансахъ.

Знаменитый докторъ Люгеръ, вождь вѣнскаго антисемитизма, за нѣсколько дней до выборовъ констатируя чрезвычайную активность христіанской соціальной партіи, прибавилъ, что все, впрочемъ, остается въ неизвѣстности: нельзя быть ни оптимистомъ, ни пессимистомъ. Соотвѣтствующую сдержанность мы находимъ и въ соціалъ-демократической прессѣ въ оцѣнкѣ будущихъ шансовъ. Конечно, степень достовѣрности, съ которой можно было бы ставить прогнозы, весьма различалась въ различныхъ частяхъ имперіи. Такъ, даже наиболѣе осторожные наблюдатели безъ колебаній утверждали, что въ Тиролѣ и вообще въ альпійскихъ провинціяхъ Австріи перевѣсъ останется за клерикалами, выступятъ ли они подъ своей обычной кличкой, или же надѣнутъ костюмъ христіанскихъ соціалистовъ. Труднѣе было опредѣлить исходъ выборовъ въ Галиціи. Правда, относительно побѣды поляковъ можно было не сомнѣваться, такъ какъ авторы избирательнаго закона приняли здѣсь достаточныя мѣры; правда, семь польскихъ фракцій, которыя выступали на выборахъ, давали обязательство вступить въ польскій клубъ, но если въ національномъ вопросѣ они были достаточно объединены, зато ихъ раздѣляли самыя важныя различія въ области соціальной. Прошло то время, когда польскіе магнаты, какъ при старомъ избирательномъ законѣ, могли быть заранѣе увѣрены, что мандаты имъ обезпечены: новое польское представительство, несомнѣнно, должно было стать значительно лѣвѣе. Совершенно неясенъ былъ исходъ избирательной борьбы въ сѣверной Богеміи между нѣмецкими и чешскими партіями, тѣмъ болѣе, что ни среди первыхъ, ни среди вторыхъ полнаго предвыборнаго соглашенія достигнуто не было. Наконецъ, довольно неопредѣленное положеніе господствовало въ Вѣнѣ, гдѣ боролись христіанскіе соціалисты, прогрессисты и соціалъ-демократы. Всего больше шансовъ было у первыхъ, но по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить, что ихъ господство колеблется: такъ, на послѣднихъ муниципальныхъ выборахъ они получили незначительное большинство. Корреспондентъ *Berliner Tageblatt* въ письмѣ отъ 12 мая сообщаетъ, что изъ 33 избирательныхъ участковъ совершенно обезпечены христіанскимъ соціалистамъ—14, соціалъ-демократамъ—5, либераламъ только 1; за остальные мандаты должна ве-

стись энергичная борьба, въ которой христіанско-соціальная партія имѣетъ во всякомъ случаѣ большіе шансы.

Наконецъ, что касается общаго характера выборовъ, то при дробности партій, при отсутствіи центральныхъ вопросовъ, которые дѣлили бы страну на два лагеря, можно было ожидать весьма сильнаго раздробленія голосовъ, а слѣдовательно значительнаго количества перебаллотировокъ. Но какъ бы ни была велика эта опредѣленность, какъ бы ни предупреждали осторожные политики и публицисты, что всеобщее избирательное право не дѣлаетъ чудесъ, все-таки въ общемъ мнѣніи день 14 мая 1907 года долженъ явиться поворотной точкой въ жизни австрійскихъ земель; даже кратковременная побѣда реакціи не страшна, ибо всеобщее избирательное право есть плугъ, подымающій дѣвственную почву, которая способна къ воспріятію самыхъ различныхъ посѣвовъ.

Первое, что подѣйствовало особенно поражающе, когда пришли извѣстія о результатахъ выборовъ,—это была побѣда соціалъ-демократовъ, которые сразу пріобрѣли 53 мандата: въ Вѣнѣ, Богеміи, Моравіи, Силезіи, альпійскихъ и итальянскихъ провинціяхъ; кромѣ того, болѣе 50 кандидатовъ подлежали перебаллотировкѣ, и это послѣ того, какъ въ прежнемъ рейхсратѣ ихъ насчитывалось всего 11!

Рядомъ съ этимъ—не столь поразительный, но все же весьма внушительный успѣхъ клерикальныхъ партій и прежде всего христіанско-соціальной. Успѣхи ея въ собственной Австріи и альпійскихъ провинціяхъ останавливали меньше вниманія, чѣмъ появленіе значительнаго числа сторонниковъ этой партіи въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде она была почти неизвѣстна, напримѣръ, въ сѣверной Босніи. Наконецъ, особый успѣхъ имѣли христіанскіе соціалисты въ Вѣнѣ, гдѣ они сразу получили 15 мандатовъ изъ 33, провели всѣхъ своихъ вождей: Люгеръ былъ избранъ даже въ двухъ округахъ. Очевидно, такіе успѣхи были связаны съ крайней неудачей для нѣмецкихъ либеральныхъ партій; впрочемъ, въ этомъ отношеніи они не стояли одиноко: либерализмъ терпѣлъ пораженіе и среди славянскихъ избирателей, всюду онъ какъ бы раздавливался между клерикализмомъ и соціализмомъ. Съ другой стороны, весьма неблагопріятно сложились выборы для націоналистическихъ партій. Младочехи потерпѣли въ Босніи безпримѣрное пораженіе, они могли провести сразу лишь пять своихъ депутатовъ; лидеръ ихъ Крамаржъ подлежалъ баллотировкѣ. Не менѣе тяжкое пораженіе понесли пангерманисты, которые лишились Штейна и Шефера, и итальянскіе ирредентисты. Заслуживаетъ вниманія т[о] умѣренный успѣхъ, который имѣли на выборахъ министры. Докторъ М[ар]хетъ, министръ народнаго просвѣщенія, который входилъ въ кабинетъ к[а]къ представитель нѣмецкой прогрессивной партіи, потерпѣлъ пораженіе [в] Баденѣ; одинъ изъ самыхъ талантливыхъ членовъ кабинета, министр [п]утей сообщенія Держата подлежалъ въ Грацѣ перебаллотировкѣ.

Въ итогѣ—побѣда краснаго и чернаго, побѣда двухъ крайнихъ от[т]-

ковъ въ политической гаммѣ. Значеніе ея ослаблялось тѣмъ непримиримымъ антагонизмомъ, который существовалъ между этими двумя полюсами. Знакомая въ Германіи коньюнктура—союзъ соціалъ-демократіи съ католическимъ центромъ противъ національ-либераловъ, былъ совершенно невозможенъ въ Австріи.

Одинъ изъ вождей христіанско-соціальной партіи Гессманъ объяснилъ, что его сотоварищи не прочь поддерживать нѣмецкія соціальныя и прогрессивныя партіи при перебаллотировкахъ, естественно на условіяхъ взаимности; по его словамъ, эта партія видитъ главнаго и непримиримаго врага всетаки лишь въ соціалъ-демократіи. Такимъ образомъ передъ либералами ставился вопросъ: какому цвѣту они отдадутъ предпочтеніе на перебаллотировкахъ—красному или черному? На этотъ основной вопросъ, который ставился и ставится въ самой разнообразной политической обстановкѣ, и при самыхъ различныхъ уровняхъ политической культуры, и отвѣты естественно давались въ двухъ направленіяхъ.

Въ этомъ отношеніи весьма интересно мнѣніе знаменитаго австрійскаго юриста Унгера, президента имперскаго суда и члена палаты господъ, относительно результатовъ выборной кампаніи. Онъ нисколько не пораженъ и не испуганъ успѣхомъ соціалъ-демократовъ, считая его естественнымъ. Въ самомъ рейхсратѣ при такомъ возрастаніи клерикальныхъ депутатовъ ихъ увеличеніе является спасительнымъ коррективомъ, и если соціалъ-демократы попадаютъ въ рейхсратъ въ числѣ 80—это хорошо уже потому, что министромъ народнаго просвѣщенія не будетъ какой-нибудь клерикальный реакціонеръ. И на аграріевъ такимъ образомъ накладывается извѣстная узда: соціалъ-демократы сумѣютъ оградить себя отъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и мясо.

Что касается до революціонныхъ тенденцій партіи, то Унгеръ особенно подчеркиваетъ лояльное отношеніе, проявленное партіей во время избирательной кампаніи къ монархіи: соціалъ-демократы не забыли, что всеобщее избирательное право дано по иниціативѣ Франца-Іосифа. Въ вопросахъ военной обороны государства они, конечно, окажутся не менѣе хорошими патріотами и реальными политиками, чѣмъ ихъ германскіе сотоварищи, которые осудили антимилитаризмъ.

Естественно, Унгеръ категорически рекомендуетъ всѣмъ свободомыслящимъ либераламъ, если имъ представится выборъ между «красными» и «черными», поддерживать скорѣе «красное». Эту точку зрѣнія защищала и *Neue Freie Presse*.

Профессоръ Кайзеръ, напротивъ, всего болѣе смущенъ неожиданнымъ ростомъ соціалъ-демократіи: всеобщее избирательное право застало массы совершенно неподготовленными, а правительство отнеслось къ выборамъ съ недопустимой пассивностью, не дало никакого избирательнаго лозунга и предоставило соціалъ-демократамъ разбить на голову «bürgerliche Parteien». Для Кайзера, хотя онъ прямо этого не говоритъ, красный призракъ представляется болѣе страшнымъ, чѣмъ черный. Въ ужасѣ отъ этого роста соціалъ-демократіи и пражская *Politik*: «виной всему является безразсудное

и преждевременное введеніе всеобщаго избирательнаго права, которому имѣла легкомысліе сочувствовать и младочешская партія, находившаяся подъ впечатлѣніемъ русской революціи и венгерскихъ событій». «Нужно ли было подражать человѣку, который, спасаясь отъ разлива рѣки, бросился въ море». Эти предостереженія были однако мало услышаны; напрасно пропали и старанія Бека создать блокъ между либералами и соціально-христіанской партіей противъ соціалъ-демократовъ. Прогрессивно-либеральныя группы рѣшительно предпочитали соціалъ-демократовъ; христіанскіе соціалисты нашли союзниковъ въ пангерманистахъ. Какой парадоксъ политической дѣйствительности это шествіе рядомъ къ избирательнымъ урнамъ клерикаловъ и людей, всегда кричавшихъ «los von Rom»!

Нечего и говорить, какъ привѣтствовалась эта блестящая побѣда австрійской и нѣмецкой соціалъ-демократіи. Успѣхъ превзошелъ ожиданія, и австрійскіе выборы давали извѣстный реваншъ за январское пораженіе въ Германіи.

Перебаллотировки ожидались едва ли съ меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ главные выборы, особенно среди наиболѣе пострадавшихъ партій. Ихъ число достигало 170, и до исхода ихъ невозможно было произвести окончательнаго сужденія о составѣ будущаго рейхсрата. И дѣйствительно, преобладаніе крайнихъ оттѣнковъ, столь характерное для главныхъ выборовъ, здѣсь было нѣсколько смягчено. Благодаря перебаллотировкамъ, число представителей нѣмецкихъ болѣе или менѣе либеральныхъ партій дошло до 50. Особенное значеніе имѣли въ смыслѣ побѣды надъ клерикальными теченіями избраніе въ Вѣнѣ доктора Гоха, основателя и предсѣдателя союза «Свободная школа», и доктора Офнера—людей, чрезвычайно ненавистныхъ вѣнскимъ клерикаламъ. Младочехи также выходили изъ перебаллотировокъ въ лучшемъ видѣ, хотя, конечно, первоначальное пораженіе было настолько сильно, что исправить его всецѣло представлялось уже невозможнымъ: число ихъ мандатовъ доходило до 20, избранъ былъ и ихъ лидеръ Крамаржъ.

Конечно, въ итогѣ характеръ выборовъ не измѣнялся. Если въ Богеміи успѣхи соціалъ-демократовъ на перебаллотировкахъ не соотвѣтствовали ихъ первоначальнымъ успѣхамъ, въ общемъ они пріобрѣли еще болѣе 20 мѣстъ и становились съ 84 мандатами сильнѣйшей партіей въ рейхсратѣ. Христіанскіе соціалисты получили 67 мѣстъ и менѣе значительный успѣхъ, чѣмъ тотъ, на который они могли разсчитывать, судя по главнымъ выборамъ; особенно тяжело для нихъ было пораженіе въ Вѣнѣ: изъ шести перебаллотировокъ они побѣдили лишь въ двухъ; два мандата перешли къ соціалъ-демократамъ, 2—къ нѣмецкимъ прогрессивнымъ партіямъ. Затѣмъ къ нимъ въ партію вошли сейчасъ же послѣ перебаллотировокъ 16 вновь избранныхъ клерикальныхъ депутатовъ изъ Верхней Австріи и четыре изъ Зальцбурга; такимъ образомъ они перегоняли соціалъ-демократовъ и становились самой могущественной партіей въ рейхсратѣ. Въ прежнемъ рейхс

тѣ имъ принадлежало всего 26 мѣстъ изъ 425. Окончательнаго вывода о составѣ новаго рейхсрата сдѣлать было нельзя, пока не произошли послѣдніе выборы въ Галиціи, гдѣ они были произведены позже; тѣмъ не менѣе общія очертанія были ясны. Прежде всего при крайней дробности партій, при перекрещивающихся политическихъ, соціальныхъ и національныхъ противоположностяхъ, весьма трудно образованіе постояннаго компактнаго большинства. Въ новомъ рейхсратѣ, напримѣръ, число нѣмецкихъ депутатовъ весьма значительно—ихъ насчитывается 233, но сюда входятъ такія непримиримыя противоположности, какъ соціалъ-демократы и христіанскіе соціалисты, такъ что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь общенѣмецкомъ блокѣ; точно также невозможенъ повидимому и общеславянскій блокъ. Для рѣшенія вопроса, въ какія отношенія станутъ нѣмецкіе и славянскіе элементы рейхсрата, чрезвычайно важенъ характеръ будущаго польскаго клуба. Нѣтъ сомнѣнія, что національные вопросы будутъ занимать болѣе видное мѣсто въ дѣятельности новаго рейхсрата, чѣмъ этого бы хотѣли нѣкоторые энтузіасты всеобщаго избирательнаго права, полагавшіе, что оно будетъ концомъ для національной розни. Но результаты голосованія показали, что широкія массы избирателей не сочувствуютъ эксцессамъ націонализма. Большое политическое и нравственное значеніе имѣетъ разгромъ пангерманистовъ: это весьма благопріятный симптомъ для работоспособности будущаго рейхсрата.

Обращаясь къ политическо-соціальной физіономіи рейхсрата, мы видимъ здѣсь три главныя теченія: клерикально-консервативное, либеральное и соціалистическое. Это то же самое сочетаніе, которое мы встрѣчаемъ повсюду въ католической Европѣ, встрѣчаемъ въ Бельгіи, несмотря на весь контрастъ простой партійной группировки съ сложностью австрійскаго режима, встрѣтимъ несомнѣнно въ Италіи, когда въ недалекомъ будущемъ папскій запретъ «ne elettori, ne eletti» будетъ формально отмѣненъ или молчаливымъ образомъ фактически перестанетъ соблюдаться.

Что касается до соціалъ-демократовъ, то побѣда ихъ не такъ неожиданна; она приблизительно соотвѣтствуетъ успѣху, полученному ими на выборахъ 1897 года, когда впервые голосовала курія всеобщаго избирательнаго права; тогда изъ 72 депутатовъ пятой куріи было избрано 14 соціалъ-демократовъ. Повидимому, вновь введенное въ настоящую историческую минуту всеобщее избирательное право особенно благопріятно для соціалъ-демократіи; невольно напрашивается сравненіе австрійскихъ выборовъ съ послѣдними германскими, гдѣ всеобщее избирательное право дѣйствуетъ 40 лѣтъ, и съ новыми финляндскими, гдѣ оно, какъ и въ Австріи, только что замѣнило архаическія формы представительства. Пролетаріатъ, впервые введенный въ сферу политической борьбы наравнѣ съ другими классами, оказывается въ рукахъ этой партіи. Для политической психологіи этотъ фактъ представляетъ глубокій интересъ.

Замѣтимъ, что въ этой соціалъ-демократіи не устраняются и національныя различія: со времени Брюннскаго партейтага 1897 года австрій-

ская соціалъ-демократія есть какъ бы федерація шести національныхъ соціалъ-демократій; и теперь среди членовъ этой партіи мы находимъ нѣмцевъ, чеховъ, итальянцевъ, румынъ, поляковъ и т. д. Естественно, что вопросы о національной культурѣ и національномъ самоопредѣленіи занимаютъ у нихъ больше мѣста, чѣмъ у ихъ сотоварищей въ другихъ странахъ.

Переходя къ клерикальной группѣ, мы должны остановиться на огромномъ перевѣсѣ, который получила христіанско-соціальная партія. Успѣхъ клерикализма въ значительной степени обязанъ его демократическому налету, той программѣ соціальныхъ реформъ, которая пользуется такимъ успѣхомъ среди мелкой промышленной и торговой буржуазіи. Программа эта имѣетъ въ виду прежде всего борьбу съ крупнымъ капиталомъ на почвѣ защиты интересовъ этой мелкой буржуазіи, но она не отказываетъ въ своемъ покровительствѣ и рабочимъ. Характернымъ для нея является грубый демагогическій антисемитизмъ; это послѣднее обстоятельство вноситъ большое различіе между клерикально-демократическимъ направленіемъ въ Австріи и сходными теченіями во Франціи и Бельгіи. Повидимому подъ знамя христіанско-соціальной партіи станутъ и другіе клерикалы, какъ это можно судить по присоединенію депутатовъ изъ верхней Австріи и Зальцбурга. Одинъ изъ вождей такъ называемыхъ прежде нѣмецкихъ клерикаловъ Эбенгохъ заявилъ, что въ существѣ дѣла его партія исповѣдуетъ ту же программу, какъ и христіанскіе соціалисты: разница только въ извѣстномъ настроеніи; можетъ быть, его сотоварищи составятъ правое крыло общей партіи. Что касается до антисемитизма, на которомъ особенно охотно спекулировали христіанскіе соціалисты, то противъ него ничего не имѣютъ и ихъ новые союзники.

Во всякомъ случаѣ въ высшей степени характерно, что главнымъ оплотомъ клерикализма являются при введеніи всеобщаго избирательнаго права христіанскіе соціалисты, и здѣсь сказывается запросъ на демократію. Очевидно, что эта перемѣна отразится глубоко и на австрійскомъ католицизмѣ, въ которомъ до послѣдняго времени давали руководящій тонъ епископы стараго стиля, которые боялись чрезмѣрно напряженной политической жизни, боялись крикливой демагогіи и крайняго увлеченія соціальными вопросами. Руководство католическимъ мнѣніемъ страны выпадаетъ изъ дряхлѣющихъ рукъ прелатовъ, засѣдающихъ въ палатѣ господъ; оно достается Люгеру и ему подобнымъ.

Остается либерализмъ. Настоящіе выборы дали ему серьезный урокъ, напоминающій о болѣе внимательномъ отношеніи къ соціальнымъ пробл[е]мамъ, призывающій стать ближе къ народнымъ массамъ. Нельзя сомн[е]ваться, что австрійская политическая жизнь превратится въ единоборст[во] чернаго и краснаго и что либерализму есть что сказать. Онъ и до си[хъ] поръ остается оплотомъ политической свободы и закономѣрнаго разви[тія] конституціонной жизни страны. Но силы и очертанія его при дробно[сти] партій и фракцій наименѣе опредѣленны.

Какъ бы то ни было, Рубиконъ перейденъ. Австрійская политическая жизнь входитъ въ новую стадію. При томъ интересѣ, который возбуждаютъ за послѣднее время австро-венгерскія отношенія, при тѣхъ надеждахъ, которыя возлагаютъ на всеобщее избирательное право въ смыслѣ освобожденія Австріи отъ гнета и притязаній Венгріи, понятно, что по ту сторону Лейта ожидали исхода выборовъ съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ въ самой Цислейтаніи. Венгрія вообще отнеслась къ нимъ скорѣе сочувственно, венгерская пресса привѣтствовала разгромъ національностическихъ партій и успѣхи соціалъ-демократіи, которая, по словамъ этой прессы, изо всѣхъ австрійскихъ партій относится съ наибольшимъ безпристрастіемъ къ венгерскимъ дѣламъ. По словамъ *Madyar Hirlap* работоспособный рейхсратъ и нормальное экономическое развитіе Австріи, освобожденной отъ безплодныхъ національныхъ усобицъ, можетъ лишь радовать Венгрію; во всякомъ случаѣ газета вѣритъ, что демократія излѣчитъ нашу больную монархію. Характерна та увѣренность, которая проходитъ черезъ большинство органовъ венгерской прессы, что и для другой половины имперіи введеніе всеобщаго избирательнаго права есть исторически неизбѣжная въ ближайшемъ будущемъ реформа, достойное завершеніе царствованія императора Франца Іосифа, котораго потомство не забудетъ.

С. Котляревскій.

Отъ Самарскаго комитета общественной помощи голодающимъ.

Самарскій комитетъ общественной помощи голодающимъ вновь взываетъ къ обществу о помощи голоднымъ. Комитетъ надѣялся закончить кампанію безъ новаго призыва къ пожертвованіямъ, но положеніе дѣла вынуждаетъ къ тому. Къ 1-му мая въ кассу Самарскаго комитета поступило всего 138,464 руб. 74 к., считая въ этой суммѣ 44,666 руб. отъ Вольно-Экономическаго общества и 7,500 рублей отъ Пироговскаго общества, израсходовано къ 1-му мая 102,317 руб. 37 к. Наличность кассы 36,147 руб. 17 к. Пользовалось въ столовыхъ и на дѣтскихъ пунктахъ комитета къ тому же 1-му мая 19,660 человѣкъ. Къ 15-му мая эта цифра уже поднялась до 22,279 человѣкъ.

Съ началомъ весны и приближеніемъ лѣта комитетъ обратилъ особенное вниманіе свое на дѣтей перваго возраста до 3—5 лѣтъ, на которыхъ голодовка вообще и настоящаго года особенно обрушилась съ особенной тяжестью. Помимо того, май—іюнь до новаго урожая является наиболѣе острымъ и тяжелымъ періодомъ для голодающаго населенія: о какихъ-либо запасахъ говорить нечего, все, что можно было продать и проѣсть, продано и съѣдено, выдача правительственной ссуды заканчивается въ мѣ мѣсяцѣ.

Не откажите завершить великое дѣло помощи голодающимъ. Поддержите голодныхъ до новаго урожая.

Комитетъ выпустилъ изъ печати № 1 отчетныхъ свѣдѣній и на-дняхъ выйдетъ изъ печати № 2 съ перечнемъ всѣхъ жертвователей.

Желающихъ получить отпечатанныя отчетныя свѣдѣнія просятъ сообщать свои адреса.

Пожертвованія просятъ направлять по адресу: Самара, губернская земская управа, казначею комитета общественной помощи голодающимъ В. К. Ромодановскому.

Предсѣд. бюро комитета М. М. Граммъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія.—Публицистика. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го мая по 1-е іюня 1907 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Д. Бальмонтъ. Злыя чары. Книга заклятій.—*Сергѣй Соловьевъ.* Цвѣты и ладанъ. Первая книга стиховъ.

К. Д. Бальмонтъ. Злыя чары. Книга заклятій. Изданіе журнала „Золотое Руно“. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к. Всего четыре года, какъ вышла послѣдняя книга Бальмонта „Будемъ какъ солнце“. Мы называемъ ее послѣдней потому, что въ ней поэзія Бальмонта достигла своего естественнаго предѣла. Правда, съ 1904 по 1906 г. вышло еще четыре сборника (а теперь готовится пятый), но ни одному изъ нихъ не было суждено возбудить такого шумнаго восторга, какой выпалъ на долю „Будемъ какъ солнце“, и ни въ одномъ изъ нихъ мы не найдемъ ничего такого, что не было бы сказано въ прежнихъ книгахъ. Теперь все чаще и чаще приходится слышать голоса, порицающіе новые стихи Бальмонта; критики, четыре года назадъ преклонявшіеся передъ творцомъ „Горящихъ зданій“, теперь съ явнымъ пренебреженіемъ отзываются о „Злыхъ чарахъ“ и „Литургіи красоты“. А между тѣмъ творчество Бальмонта никогда еще, кажется, не достигало такой лихорадочно-кипучей дѣятельности, какъ именно теперь. Одна за другой выходятъ книги его стиховъ, въ журналахъ безпрерывно печатаются новыя стихотворенія. Явленіе, на первый взглядъ кажущееся страннымъ, особенно если вспомнить, что большинство поэтовъ въ зрѣломъ возрастѣ пишетъ гораздо меньше, чѣмъ въ молодые годы. Казалось бы, Бальмонту давно слѣдовало понять, что соловьиная пора его миновала. И всетаки онъ продолжаетъ пѣть свои старыя пѣсни и поетъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Чѣмъ объяснить это явленіе?

Не забудемъ, что Бальмонтъ—субъективнѣйшій изъ лириковъ. Кромѣ себя онъ не видитъ ничего на свѣтѣ и поетъ почти исключительно о себѣ, съ любовью анализируя только свои собственныя, даже самыя мелкія ощущенія. Онъ гораздо больше поетъ о себѣ, чѣмъ о женщинахъ, которыхъ любитъ, или о природѣ, которой поклоняется. Какъ будто вся вселенная создана только для того, чтобы быть декораціей его личности. Въ стихотвореніи „Талисманъ“ (стр. 8) поэтъ говоритъ, что два талисмана любви и власти надъ сердцами онъ бросилъ, а третій, оставшійся у него, „мнѣ явилъ тропинку нисхожденья въ меня, въ мою мечту“ и что „я вѣрую теперь ему лишь одному“. Въ этихъ словахъ—весь Бальмонтъ. Тутъ ключъ къ пониманію роковой судьбы, постигшей его поэ-

зію. Нельзя всю жизнь думать только о самомъ себѣ, изъ себя черпать содержаніе жизни. Даже талантливѣйшій поэтъ кончаетъ въ этомъ случаѣ самовлюбленностью, заставляющей его терять чувство мѣры. „Тропинка нисхожденья въ свою мечту“ обманчива: она не можетъ длиться безъ конца и рано или поздно заводитъ въ глухой тупикъ. Въ послѣднихъ сборникахъ Бальмонтъ все время твердитъ однѣ и тѣ же старыя, давно сказанныя слова, не замѣчая, что въ сущности онъ лишь блѣдно повторяетъ яркія строфы „Горящихъ зданій“ и „Будемъ какъ солнце“. Не для того ли, чтобъ вырваться, наконецъ, изъ этого заколдованнаго круга онъ бросился въ море древне-славянской миѳологіи и стремится почерпнуть въ немъ новыя жемчужины? Къ сожалѣнію, попытки Бальмонта въ этой области приходится признать окончательно неудачными. Въ самомъ характерѣ Бальмонта совершенно отсутствуетъ способность пониманія не родственнаго ему духа; въ немъ вообще нѣтъ способности перевоплощаться. Онъ прежде всего—западникъ до мозга костей, дитя европейской культуры,—Баярдъ и Сидъ гораздо ближе ему, чѣмъ Микула. Въ своихъ былинныхъ переложеніяхъ онъ утрачиваетъ даже свой „Бальмонтовскій“ напѣвъ.

„Злыя чары“, изящно изданныя редакціею „Золотого Руна“, по содержанію распадаются на двѣ части. Въ одной мы встрѣчаемъ рядъ лирическихъ стихотвореній, въ лучшемъ случаѣ напоминающихъ прежняго Бальмонта, въ другой—фразистыя заклятія и прозаическія передѣлки народныхъ пѣсенъ. И все же кое-гдѣ чуются вспышки мощнаго таланта, и блѣдная муза не разъ открываетъ намъ свое прекрасное лицо. Превосходны пьесы: „Талисманы“ (стр. 8), „Омутъ“ (стр. 21), „Призраки“ (стр. 22), „Сѣверное взморье“ (стр. 24), „Черные вороны“ (стр. 55) и нѣкоторыя другія. Въ этихъ стихахъ чувствуется прежняя „изысканность“ великаго мастера. Хочется вѣрить, что Бальмонта, какъ нѣкогда Фета, еще ожидаетъ въ будущемъ новый расцвѣтъ.

Борисъ Садовской.

Сергѣй Соловьевъ. Цвѣты и ладанъ. Первая книга стиховъ. М., 1907. По собственному признанію (предисловіе, стр. 10), г. Соловьевъ въ своей первой книгѣ выступаетъ въ качествѣ ученика семи излюбленныхъ имъ поэтовъ. Отсюда не слѣдуетъ, что стихи его должны разсматриваться только какъ ученическій опытъ. Учителями г. Соловьева были: Горацій, Ронсаръ, Пушкинъ, Кольцовъ, Баратынскій, Брюсовъ и Вяч. Ивановъ. „Свѣдущій читатель, — говоритъ г. Соловьевъ, — легко уловитъ въ моихъ стихахъ подражательные элементы“. И дѣйствительно, вліяніе названныхъ писателей сильно сказывается въ творчествѣ г. Соловьева. Но, въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго для самолюбія молодого автора: ученики бываютъ талантливые и бездарные, самостоятельные и несамостоятельные. Глубокой ошибкой было бы заключать, что въ лицѣ г. Соловьева мы имѣемъ только искуснаго подражателя чужимъ образцамъ. Самъ по себѣ, г. Соловьевъ ничуть не похожъ на своихъ учителей, но каковъ онъ въ дѣйствительности, мы пока опредѣлить не можемъ: подлинная сущность его поэтической природы еще скрыта впереди. Несомнѣнно лишь одно, что въ авторѣ „Цвѣтовъ и ладана“ природный талантъ счастливо сочетался съ трудолюбіемъ взыскательнаго художника.

До какой степени искусно г. Соловьевъ владѣетъ стихомъ, показываетъ намъ его небольшое стихотвореніе „Пушкиніана“. Это — гамма, звучащая чистымъ пушкинскимъ тономъ, хотя и не выдержаннымъ съ должною строгостью. Вообще, всѣ почти стихотворенія г. Соловьева от-

личаются безупречною ясностью и чистотой стиля, — качества, доказывающія, что въ дѣлѣ словеснаго искусства поэтъ достигъ высокаго совершенства. По общему характеру своего теперешняго творчества, г. Соловьевъ долженъ быть причисленъ къ числу виднѣйшихъ представителей нео-пушкинской школы.

Изъ всѣхъ поэтовъ наибольшее вліяніе на г. Соловьева оказалъ Валерій Брюсовъ. Цѣлый рядъ стихотвореній, „Іаковъ", „Святой путь", „Сестрѣ", „Истрѣ", „Москва" и др., живо напоминаютъ своею манерой брюсовскіе стихи, смягченные какою-то своеобразною женственною нѣжностью. Эта нѣжность, проникающая лучшія мѣста книги, особенно выступаетъ въ превосходныхъ „Стансахъ" (стр. 79).

Всего неудачнѣе въ сборникѣ циклъ стихотвореній, модернизирующихъ кольцовскій напѣвъ. Вольный степной стихъ Кольцова, почти не знающій риѳмъ, не въ мѣру обсахаренъ г. Соловьевымъ и какъ цѣпями стянутъ утомительными риѳмами. Иныя пьесы, въ особенности изъ отдѣла „Піэрійскія розы", какъ напримѣръ, „Дафна", „Пирамъ и Ѳисба", „Передъ Іерусалимомъ", страдаютъ чрезмѣрными длиннотами.

Внутреннее содержаніе книги почти исчерпывается ея заглавіемъ. Въ поэзіи г. Соловьева ладанъ молитвъ и возвышенно-неземныхъ созерцаній смѣшивается съ ароматами живыхъ цвѣтовъ, съ гимнами земной красотѣ. Несмотря на кажущуюся головную разсудочность вдохновенія, на придуманность иныхъ темъ, г. Соловьевъ въ основѣ своей, какъ поэтъ, вполнѣ искренень. Пройденная имъ поэтическая школа, какъ и всякая „школа", только на время заслонила его личность. Въ поэзіи его скорѣе чувствуется что-то родственное Андрею Бѣлому, и по духу онъ безусловно ближе къ нему, чѣмъ къ Горацію или Баратынскому.

Изъ достоинствъ стиха г. Соловьева вытекаетъ и его главный недостатокъ. Многія стихотворенія его слишкомъ безупречны и изысканны и оттого холодны, какъ мраморъ. Часто за ними чувствуется не безумный пѣвецъ, не художникъ, а хитроумный дѣлатель, граверъ. Въ особенности этимъ недостаткомъ страдаетъ рядъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ „Золотая смерть". Кажется, нѣтъ слова, къ которому поэтъ не сумѣлъ бы прибрать равнаго созвучія. А между тѣмъ рѣдкія и изысканныя риѳмы должны украшать стихъ въ мѣру, какъ драгоцѣнные камни украшаютъ ткань. Одежда, сплошь залитая алмазами, и неизящна, и тяжела. Въ погонѣ за обманчивой „красотой" поэту легко превратиться изъ суроваго мастера въ ловкаго виртуоза и, наконецъ, незамѣтно для самого себя очутиться на безплодныхъ вершинахъ „Парнаса".

Превосходна внѣшность книги, художественно выдержанная въ стилѣ двадцатыхъ годовъ.

Борисъ Садовскій.

ИСТОРІЯ.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ ред. *Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и Н. Ѳ. Якубовича.* Ч. I.—*С. П. Покровскій.* Министерская власть въ Россіи.—*Д-ръ Г. Люкеъ.* Этвеннъ Кобе и икарійскій воммунизмъ. Перев. Кожевникова и Мзльцмана.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Ч. I. Съ 29 портретами. Спб., 1907 г. Ц. 3 р. Литература по исторіи Шлиссельбургской крѣпости разрастается весьма быстро и вопреки обычному правилу быстрый приростъ этой литературы нисколько

не понижаетъ ея качества. Вслѣдъ за рядомъ автобіографическихъ воспоминаній бывшихъ узниковъ Шлиссельбурга, которыя навсегда останутся истинными перлами мемуарной литературы и однимъ изъ главныхъ источниковъ политической исторіи Россіи,—теперь появилось начало систематической серіи литературныхъ портретовъ шлиссельбургскихъ страдальцевъ. Въ первомъ выпускѣ этой „галлереи" мы находимъ 30 біографическихъ очерковъ съ 29 портретами. Всѣ очерки написаны знатоками предмета. Извѣстный спеціалистъ по исторіи Шлиссельбурга А. С. Пругавинъ написалъ вступительное общее обозрѣніе исторіи шлиссельбургскихъ заточеній, начиная съ момента завоеванія крѣпости Россіей. Г. Пругавинъ дѣлитъ исторію Шлиссельбурга на три періода: 1) XVIII столѣтіе, когда мѣстомъ заточенія служили прямо крѣпостные казематы, въ которыхъ на-ряду съ участниками народныхъ мятежей и представителями освободительныхъ идей зачастую томились и жертвы дворцовыхъ интригъ и революцій, въ томъ числѣ нерѣдко опальные члены царствующей династіи; 2) первое шестидесятилѣтіе XIX вѣка, когда крѣпостные казематы были уже замѣнены старой шлиссельбургской тюрьмой, видѣвшей въ своихъ стѣнахъ прямыхъ или отдаленныхъ участниковъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ движеній, возникавшихъ за это время въ Россіи, начиная съ нѣкоторыхъ декабристовъ и кончая Ишутинымъ — главою того кружка, изъ котораго вышелъ Каракозовъ, и, наконецъ, 3) новѣйшее время, начиная съ 70 годовъ XIX вѣка, когда была построена *новая* шлиссельбургская тюрьма, скоро принявшая въ свои нѣдра отборный, передовой отрядъ разгромленной правительствомъ организаціи „Народной Воли". Біографическіе очерки, слѣдующіе за статьей г. Пругавина, касаются наиболѣе яркихъ моментовъ двухъ послѣднихъ періодовъ исторіи Шлиссельбурга. Четыре статьи посвящены декабристамъ, сидѣвшимъ въ Шлиссельбургѣ. Онѣ принадлежатъ В. Богучарскому, С. Венгерову и В. Семевскому. Уже по именамъ этихъ авторовъ читатель можетъ заключить о высокихъ достоинствахъ названныхъ очерковъ, основанныхъ, между прочимъ, и на нѣкоторыхъ новыхъ документальныхъ матеріалахъ. Большой интересъ представляютъ для публики статьи г. Аскенази о польскомъ революціонерѣ Лукасинскомъ и В. Семевскаго о Гулакѣ. Поучительно прослѣдить по этимъ статьямъ, какіе разнообразные жизненные пути приводили людей подъ гнетомъ деспотизма къ одному и тому же тюремному затвору. Польскій патріотъ, вступившій на революціонный путь съ полнымъ убѣжденіемъ въ согласіи своихъ дѣйствій съ намѣреніями императора Александра I, и глубокій ученый, рѣшавшійся произносить вслухъ результаты своихъ научныхъ изысканій и кромѣ книгъ не знавшій никакого другаго оружія,—одинаково не миновали страшной крѣпости. Всѣ остальные очерки посвящены шлиссельбуржскимъ узникамъ, вышедшимъ изъ среды революціонныхъ дѣятелей 70 и 80 годовъ. Среди нихъ въ особенности выдаются яркой художественностью изложенія характеристики, принадлежащія перу Вѣры Николаевны Фигнеръ. Въ лицѣ В. Н. Фигнеръ мы имѣемъ передъ собо[й] безспорно крупное литературное дарованіе. Характеризуя своихъ товарищей по борьбѣ и по заключенію, В. Н. Фигнеръ набрасываетъ литературные портреты широкими общими штрихами, которые складываютъ передъ мысленнымъ взоромъ читателя въ незабываемые, трепещущ[ія] жизнью образы. „Алмазная" душевная чистота Фроленко, желѣзная с[ила] ума Морозова и Лукашевича, сумѣвшихъ сохранить въ заключеніи эн[ер]гію своего духа при помощи упорной и глубокой мыслительной работ[ы], гибель несчастнаго Похитонова, не устоявшаго передъ властью дух[а]

наго недуга, и плѣнительный образъ молодого Новорусскаго, у котораго „ни одна минута тюремной жизни не пропала безплодно“ и который, „гармонически сочетая умственный и физическій трудъ“, сумѣлъ использовать общеніе съ выдающимися сотоварищами по заключенію для всесторонняго завершенія своего образованія,—все это изображено въ очеркахъ В. Н. Фигнеръ съ истинно художественной простотой, законченностью и силой. Познакомившись съ этими характеристиками, читатель почувствуетъ, какія высокія драмы человѣческаго духа разыгрывались за толстыми стѣнами Шлиссельбурга въ то время, какъ русское общество, охваченное реакціей 80 годовъ, „успокоились“ на время отъ волновавшихъ его ранѣе запросовъ и стремленій. Самой Фигнеръ въ сборникѣ посвящены двѣ статьи.

Къ сожалѣнію, обѣ эти статьи не удовлетворяютъ вполнѣ своему назначенію. Авторъ одной изъ нихъ—С. Елпатьевскій, не располагалъ достаточными свѣдѣніями о жизни и дѣятельности В. Н. Фигнеръ, почему его очеркъ и вышелъ довольно отвлеченнымъ и блѣднымъ. Другая статья написана сотоварищемъ Фигнеръ по заключенію и содержитъ цѣнныя фактическія сообщенія, но, не давая художественно-законченнаго образа, проигрываетъ отъ сосѣдства съ очерками, составленными самой В. Н. Фигнеръ о другихъ шлиссельбуржцахъ. Читающая публика съ нетерпѣніемъ будетъ ждать появленія слѣдующихъ выпусковъ этого замѣчательнаго по интересу изданія, весь чистый доходъ съ котораго предназначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ.

А. Кизеветтеръ.

С. П. Покровскій. Министерская власть въ Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Ярославль. Ц. 3 р. Исторія министерской власти въ Россіи излагалась до сихъ поръ лишь въ общихъ трудахъ по исторіи русскихъ государственныхъ учрежденій; спеціальному монографическому изученію подвергалась дѣятельность лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ министерствъ, но весь институтъ министерской власти до сихъ поръ не имѣлъ спеціальнаго изслѣдователя; г. Покровскій предпринялъ свой трудъ съ цѣлью заполненія этого пробѣла нашей научной литературы. Разбивъ исторію министерской власти по отдѣльнымъ царствованіямъ, авторъ разсматриваетъ въ каждомъ отдѣлѣ сначала общую постановку изучаемаго института въ системѣ государственныхъ учрежденій, затѣмъ предѣлы и формы участія министерской власти въ разрѣшеніи наиболѣе крупныхъ государственныхъ вопросовъ соотвѣтствующей эпохи. Какъ систематическій сводъ матеріаловъ по исторіи министерской власти, разсѣянныхъ по разнаго рода печатнымъ изданіямъ и ученымъ сочиненіямъ,—трудъ г. Покровскаго несомнѣнно явится полезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы; какъ спеціальное монографическое изслѣдованіе, онъ удовлетворяетъ насъ въ гораздо меньшей степени. Авторъ спеціальнаго труда о министерской власти цѣликомъ стоитъ на почвѣ предшествующихъ общихъ сочиненій по исторіи русскаго права и русской общественности и не привлекаетъ къ дѣлу никакихъ новыхъ документальныхъ матеріаловъ, которые могли бы углубить или расширить постановку вопроса: „изслѣдованіе“ сбивается на компиляцію, правда, весьма основательную и полезную, но все же не пролагающую никакихъ новыхъ путей въ разработкѣ изучаемаго предмета. Помимо общеизвѣстныхъ прежнихъ историческихъ и историко-юридическихъ сочиненій авторъ воспользовался новѣйшей литературой официальныхъ юбилейныхъ изданій по исторіи высшихъ государственныхъ учрежденій.

Нѣкоторыя изъ этихъ изданій содержатъ не мало новаго документальнаго матеріала, впервые извлеченнаго изъ архивовъ. Не предпринявъ никакихъ самостоятельныхъ архивныхъ изысканій, г. Покровскій не подвергнулъ систематическому и детальному изученію даже и тѣхъ архивныхъ данныхъ, которыя вошли въ только что упомянутыя офиціальныя печатныя изданія. Общая схема развитія министерской власти въ Россіи изображена авторомъ довольно отчетливо: ясно очерчены основныя тенденціи, проходящія чрезъ весь изучаемый періодъ въ ростѣ этой власти и сводящіяся къ послѣдовательной эмансипаціи министерской власти отъ сенатскаго контроля, къ послѣдовательной узурпаціи этою властью законодательныхъ функцій государственнаго совѣта и къ послѣдовательному росту всепоглощающей министерской опеки надъ разнообразнѣйшими сторонами мѣстной жизни. Но отъ спеціальнаго историка министерской власти въ Россіи мы могли бы ожидать не только наброска общихъ контуровъ этихъ процессовъ, не разъ уже отмѣченныхъ въ литературѣ, но и болѣе документальнаго ихъ изслѣдованія. Конечно, для такого изслѣдованія нельзя было бы ограничиться печатными пособіями общаго характера. Мы не думаемъ отрицать за трудомъ г. Покровскаго интереса и значенія, напротивъ, мы думаемъ, что его книга принесетъ немалую пользу интересующимся исторіей министерской власти въ Россіи, избавивъ ихъ отъ необходимости разыскивать матеріалъ по цѣлому ряду книжекъ, посвященныхъ весьма разнообразнымъ вопросамъ. Но мы считаемъ нужнымъ только опредѣлить характеръ и степень значенія его книги: это—довольно удовлетворительная компиляція, но не самостоятельное изслѣдованіе.

А. Кизеветтеръ.

Д-ръ Г. Люксъ. Этьеннъ Кабе и икарійскій коммунизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. А. Кожевникова и Б. С. Мальцмана. Библіотека „Просвѣщенія". Спб., Ц. 65 к. Кабе—утопическій соціалистъ первой половины XIX вѣка, не оставившій послѣ себя глубокаго вліянія въ области соціальной науки, извѣстенъ главнымъ образомъ какъ организаторъ коммунистической общины подъ названіемъ „Икаріи", отъ имени которой и ученіе Кабе получило названіе „икарійскаго коммунизма". Правда, всѣ практическія попытки организаціи коммунистической общины окончились для Кабе неудачно, и вся его дѣятельность представляла изъ себя рядъ пораженій; дѣло дошло до того, что членамъ его коммуны, которая должна была быть образцовымъ экспериментомъ, имѣющимъ цѣлью доказать великое значеніе коммунизма для всего человѣчества, стало житься хуже, чѣмъ послѣднему поденщику; самъ онъ за слишкомъ самовольное веденіе дѣлъ въ своей „Икаріи" былъ въ концѣ-концовъ исключенъ изъ числа ея членовъ. Тѣмъ не менѣе вліяніе Кабе на пролетаріатъ его времени было громадно, и въ выясненіи причинъ и условій этого вліянія и заключается интересъ и оригинальность книги д-ра Люкса. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія марксистскаго пониманія исторіи и считаетъ главнымъ недостаткомъ ученія Кабе, который одн[illegible]о въ то же время послужилъ причиной его популярности среди широк[illegible]ъ слоевъ французскаго общества,—то, что Кабе былъ сторонникомъ п[illegible]миренія классовыхъ противорѣчій и себя считалъ дѣятелемъ и мысл[illegible]лемъ, стоящимъ выше борьбы классовъ. „Онъ хочетъ улучшить усло[illegible]я жизни для всѣхъ членовъ общества, въ томъ числѣ и для имущихъ. [illegible] этому онъ апеллируетъ постоянно ко всему обществу безъ различі[illegible] даже преимущественно къ господствующимъ классамъ".—„На мѣсто [illegible]учнаго изслѣдованія онъ ставитъ беллетристическую фразеологію о [illegible]

бодѣ и равенствѣ и о неотъемлемыхъ правахъ человѣка". Братство же и равенство представлялись для Кабе примиреніемъ классовыхъ противорѣчій. Но именно во время до революціи 48 года теорія гармоніи классовыхъ интересовъ и должна была встрѣтить общественное сочувствіе. Пролетаріатъ тогда въ массѣ за единичными исключеніями (возстанія въ Ліонѣ и Парижѣ въ первой половинѣ 30-хъ годовъ) еще не сознавалъ себя какъ классъ.

Мелкая буржуазія еще тѣсно примыкала по своимъ экономическимъ интересамъ къ рабочимъ, и тѣхъ, и другихъ въ одинаковой мѣрѣ пугалъ громадный ростъ машиннаго производства. Средняя буржуазія и въ эпоху реставраціи, и въ эпоху іюльской монархіи находилась въ положеніи страдающаго класса какъ въ политическомъ отношеніи (въ силу условій тогдашняго избирательнаго права), такъ и въ экономическомъ (вслѣдствіе испытываемаго ею гнета со стороны крупнаго промышленнаго и денежнаго капитала). Только одна высшая буржуазія чувствовала себя оторванной отъ остального французскаго общества и только ей одной благопріятствовали экономическія условія, сложившіяся послѣ великой революціи и заключавшіяся въ разрушеніи старыхъ феодальныхъ формъ производства „при помощи новыхъ производительныхъ силъ, выросшихъ изъ нѣдръ феодализма". Это сближало всѣ классы тогдашняго французскаго общества (кромѣ верхняго слоя буржуазіи) и создавало благопріятную соціальную атмосферу для принятія теоріи экономической гармоніи, заключенной въ ученіи Кабе. Популярность Кабе увеличивалась сверхъ того благодаря неподкупной чистотѣ его характера и незапятнанности его личной жизни. Страстная любовь къ страждущему человѣчеству вполнѣ вознаграждала въ Кабе недостатокъ творческаго духа генія.

Выясненіе исторической обстановки, среди которой возникло ученіе Кабе, составляетъ наиболѣе интересную часть книги д-ра Люкса. Что касается до практическихъ попытокъ Кабе, организаціи имъ „Икаріи" и всего икарійскаго движенія, то эта сторона дѣятельности Кабе изложена авторомъ съ лѣтописной и иногда нѣсколько утомительной подробностью. Ей посвящена большая часть книги.

Вступительныя главы, характеризующія время французской революціи, реставраціи и іюльской монархіи, написаны очень содержательно, но съ нѣкоторой примѣсью марксистскаго доктринерства (французская революція,—революція только буржуазная; ея единственный цѣнный результатъ—освобожденіе экономическихъ силъ 3-го сословія; вопросъ о гарантіи интересовъ труда не ставился серьезно ни національнымъ, ни законодательнымъ собраніемъ, ни даже конвентомъ).

Въ общемъ книга д-ра Люкса даетъ ясное представленіе не только о личности, ученіи и дѣятельности Кабе, но и объ обстановкѣ, среди которой ему пришлось дѣйствовать. Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ, хотя мѣстами нѣсколько тяжелъ.

В. Перцевъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Н. Полянскій. Стачки рабочихъ и уголовный законъ.—*В. Конитедтъ.* Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи.—*Н. М. Лисовскій.* Рабочіе въ военномъ вѣдомствѣ.—*М. С. Уваровъ и Л. М. Лямпе.* Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены.

Н. Н. Полянскій. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Спб., 1907 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (Библіотека „Общественной пользы"). Стоитъ ли писать большое изслѣдованіе на тему объ отношеніи уголов-

наго закона къ стачкамъ рабочихъ? Имѣетъ ли эта тема какой-нибудь другой интересъ, кромѣ историческаго? Не признано ли окончательно во всѣхъ культурныхъ странахъ, что примѣненіе уголовныхъ каръ къ стачечникамъ есть мѣра несправедливая и нецѣлесообразная? Въ книгѣ г. Полянскаго собрано достаточно матеріала, доказывающаго, что однимъ голымъ отрицаніемъ наказуемости стачекъ современный криминалистъ ограничиться не можетъ. Во-первыхъ, участіе въ наиболѣе опасныхъ для общества стачкахъ (наприм., желѣзнодорожныхъ) признается наказуемымъ по законамъ многихъ странъ, и въ томъ числѣ наиболѣе культурныхъ. Во-вторыхъ, стачка, какъ цѣль извѣстныхъ незакономѣрныхъ дѣйствій, нерѣдко признается отягчающимъ обстоятельствомъ. Въ-третьихъ, уголовные суды примѣняютъ къ стачкамъ нѣкоторыя статьи общихъ уголовныхъ законовъ (наприм., статьи о вымогательствѣ—въ Германіи, о заговорѣ—въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки) съ такими невыгодными и неожиданными для рабочихъ послѣдствіями, что въ рабочемъ классѣ болѣе и болѣе укрѣпляется предубѣжденіе противъ современнаго суда, какъ учрежденія классоваго. Наконецъ, въ-четвертыхъ, соціалистическія партіи неоднократно выступали съ проектами установленія уголовныхъ каръ за репрессіи, примѣняемыя къ участникамъ забастовокъ предпринимателями. Итакъ, для криминалиста забастовки—такая же реальная и близкая проблема, какъ и для экономиста. Въ Россіи же въ настоящее время, когда жизнью выдвинута реформа всего законодательства о рабочихъ, серьезная работа криминалиста по данному вопросу могла бы сослужить хорошую службу. Г. Полянскій въ предисловіи къ своей книгѣ говоритъ, что его работа относится къ области уголовнаго права, точнѣе уголовной политики. Итакъ, тема выбрана очень интересная, важная, своевременная. Тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ приходится признать, познакомившись съ книгой, что исполненіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ замыслу. Юридическому анализу авторъ удѣляетъ мало мѣста и мало вниманія, и въ общемъ, его книга скорѣе можетъ быть названа публицистическимъ очеркомъ, чѣмъ юридическимъ изслѣдованіемъ. Книга раздѣляется на двѣ части: первая (стр. 4—161) посвящена „теоріи“, вторая, большая (162—402)—историко-сравнительному изложенію положительнаго законодательства, преимущественно—Франціи, Англіи, Германіи и Россіи. Въ первой части авторъ повторяетъ давно „использованный публицистикою матеріалъ о пользѣ и вредѣ забастовокъ, и горячо полемизируетъ противъ реакціонно-предпринимательской точки зрѣнія“. Во второй части преобладаетъ историческій матеріалъ, разсужденія же догматическаго и критическаго характера, которыми авторъ сопровождаетъ изложеніе дѣйствующаго законодательства, относятся къ конкретнымъ нормамъ отдѣльныхъ странъ. Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Полянскаго нѣтъ того, что было бы наиболѣе желательнымъ—общаго, законченнаго ученія о всѣхъ послѣдствіяхъ, вытекающихъ для судьи и для законодателя изъ факта противорѣчія между современнымъ стачечнымъ движеніемъ и дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ. Задача юриста, какъ намъ кажется, должна бы была заключаться не столько въ томъ, чтобы развивать общее положеніе о желательности полнаго уничтоженія уголовныхъ каръ за стачки, сколько въ томъ, чтобы доказать возможность такой отмѣны съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ уголовнаго права, указать на формальныя условія отмѣны и опредѣлить мѣсто данной конкретной реформы въ общей системѣ современной уголовной политики.

Самое обоснованіе, даваемое авторомъ его центральному положе

о современной ненаказуемости стачекъ представляется намъ сомнительнымъ, шаткимъ. Г. Полянскій полагаетъ, что государство должно признать право коалицій, какъ особое „право группы“, стоявшее выше индивидуальныхъ интересовъ: „законодатель, санкціонируя рабочія коалиціи, привноситъ въ право такое начало, которое, по своей сущности, глубоко отличается отъ принципа юридическаго индивидуализма... обязанности, которыя каждый рабочій въ отдѣльности принимаетъ на себя въ силу личнаго своего соглашенія съ предпринимателями, не должны ограничивать права коалицій, вытекающаго изъ иного принципа, чѣмъ эти обязанности“ (стр. 122)... „разъ уступивъ требованію коалиціонной свободы, законодатель тѣмъ самымъ вноситъ въ право принципъ коллективизма, такъ же, какъ онъ это дѣлаетъ, устанавливая предѣлы рабочаго дня и обязательныя санитарныя условія“ (стр. 64). Отмѣна уголовнаго преслѣдованія забастовокъ, по аргументаціи г. Полянскаго, необходима не потому, что этого требуютъ права личности, а потому что этого требуютъ соціальные интересы, интересы „общественной борьбы за долю участія въ національномъ продуктѣ“. Мы сомнѣваемся, чтобы это пренебреженіе къ „юридическому индивидуализму“, способно было облегчить выясненіе или рѣшеніе чего бы то ни было въ области уголовной политики. Въ основѣ современнаго уголовнаго права лежитъ начало личной индивидуальной отвѣтственности (это признается и г. Полянскимъ, см. стр. 393): нельзя наказывать человѣка, за которымъ нѣтъ личной вины, какъ бы ни были непріятны или вредны его дѣйствія другимъ людямъ или цѣлымъ группамъ. Это начало личной отвѣтственности грубо попиралось командующими властями, установившими уголовную репрессію за стачки. Теперь аргументацію предпринимателей, ссылавшихся на интересы промышленности, усваиваютъ себѣ блюстители интересовъ пролетаріата, ссылающихся на интересы „общественной борьбы“. У предпринимателей другихъ, лучшихъ, аргументовъ не было и не могло быть. Защитники же рабочихъ, взывая къ принципу классовой борьбы, забываютъ, что сами рабочіе заинтересованы прежде всего въ возстановленіи равноправія, въ утвержденіи правъ личности передъ карающей властью государства. Прямой и естественный путь для юриста, защищающаго интересы рабочаго класса—требовать соблюденія элементарнаго принципа—равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Этотъ путь соотвѣтствуетъ и правосознанію рабочихъ массъ и потребностямъ практической жизни, но... онъ ведетъ черезъ „юридическій индивидуализмъ“, а г. Полянскій третируетъ „юридическое начало“, какъ устарѣлый предразсудокъ. И потому г. Полянскій вынужденъ обосновывать свой тезисъ туманными, мало говорящими фразами о групповыхъ интересахъ, о коллективистическомъ началѣ.

Во имя тѣхъ же интересовъ обобществленной борьбы г. Полянскій требуетъ, слѣдуя примѣру германскихъ соціалъ-демократовъ, введенія уголовныхъ каръ противъ предпринимателей, которые будутъ увольнять или притѣснять рабочихъ за участіе въ забастовкахъ. Допустимъ, что съ принципіальной стороны такое нововведеніе было бы желательнымъ. Не обязанъ ли г. Полянскій, какъ юристъ, поставить и обсудить вопросъ о практической осуществимости этой мѣры, о ея возможныхъ результатахъ, о необходимыхъ предосторожностяхъ при формулировкѣ закона? Но объ этомъ у г. Полянскаго нѣтъ ни слова, какъ будто онъ никогда не слыхалъ, что предприниматели имѣютъ тысячи способовъ обойти законы, установленные противъ нихъ въ цѣляхъ охраны труда. Въ своемъ „примѣрномъ законопроектѣ“, приложенномъ въ концѣ книги,

г. Полянскій ввелъ такой пунктъ: „Предприниматель или завѣдующій предпріятіемъ, согласившійся съ другимъ предпринимателемъ или завѣдующимъ предпріятіемъ не принимать на работу лицъ, участвовавшихъ въ стачкѣ или оказавшихъ ей какое-либо содѣйствіе, или затруднять такимъ лицамъ пріисканіе работы, или ставить ихъ относительно условій труда въ худшее положеніе по сравненію съ другими рабочими,—подлежитъ аресту или заключенію въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ“ (стр. 406). Неужели автору не приходило въ голову, что предприниматели, которые сохранятъ полное право увольнять рабочихъ по какимъ угодно другимъ мотивамъ, кромѣ только участія въ забастовкахъ, не захотятъ сами сажать себя въ тюрьму и предпочтутъ просто умолчать объ истинныхъ причинахъ увольненія? Затѣмъ, г. Полянскій предлагаетъ здѣсь карать только согласившихся между собой предпринимателей. Но чѣмъ же лучше хозяинъ какого-нибудь одного огромнаго предпріятія съ многими тысячами рабочихъ, который будетъ примѣнять такія же репрессіи безъ всякаго соглашенія съ другими предпринимателями? И какъ доказать наличность соглашенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ? Для нашего автора этихъ трудностей какъ будто не существуетъ, онъ объ нихъ молчитъ.

Точно также, мимоходомъ упоминая о локаутахъ (стр. 125), г. Полянскій высказываетъ мысль, что желательно законодательнымъ путемъ ограничить право локаутовъ, но вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти ограниченія допустимы и возможны при неограниченной свободѣ коалицій для рабочихъ, и какъ ихъ слѣдуетъ формулировать, опять-таки обходится молчаніемъ.

Выдвигать общіе принципы, уже выдвинутые самой жизнью, не трудно. Трудно расчистить путь этимъ принципамъ сквозь чащу препятствій. А между тѣмъ именно о препятствіяхъ, о сомнительныхъ и наиболѣе оспариваемыхъ сторонахъ реформы нашъ авторъ и предпочитаетъ ничего не говорить или отдѣлываться самыми бѣглыми замѣчаніями. Трудно повѣрить, чтобы въ большомъ сочиненіи о правѣ стачекъ не былъ спеціально разсмотрѣнъ вопросъ объ общеопасныхъ стачкахъ (наприм., медицинскаго персонала, фармацевтовъ, служащихъ по водоснабженію и т. д.). Г. Полянскій отдѣлывается отъ этого вопроса двумя фразами, брошенными при обсужденіи другого (хотя и близкаго) вопроса о стачкахъ въ государственныхъ и общественныхъ предпріятіяхъ. Серьезнымъ пробѣломъ является также совершенное умолчаніе въ первой, „теоретической“ части объ опасностяхъ примѣненія къ дѣйствіямъ стачечниковъ общихъ уголовныхъ законовъ (о вымогательствѣ, объ угрозахъ, о „заговорѣ по англо-американскому праву, о „преступныхъ скопищахъ“ по нашимъ законамъ). Извѣстны многочисленные случаи чрезвычайно невыгоднаго для рабочихъ примѣненія общихъ нормъ уголовнаго права. Но въ чемъ источникъ зла? только ли въ пристрастномъ отношеніи судей, или въ недостаткахъ самихъ этихъ общихъ нормъ, или, наконецъ, въ отсутствіи особыхъ оговорокъ относительно стачечной борьбы? В Англіи законъ 1875 г. ввелъ спеціальное изъятіе изъ правилъ о заго ворѣ для участниковъ стачечной борьбы. Г. Полянскій, конечно, уп минаетъ объ этомъ законѣ. Но мы не находимъ у него соображеній цѣлесообразности и необходимости подобныхъ изъятій вообще.

Благодаря важности темы и обилію интереснаго, хотя и не всег свѣжаго матеріала, книга г. Полянскаго принесетъ, конечно, сво пользу. Но думается, что навряд ли криминалисты признаютъ за н серьезныя научныя достоинства. Пожелавъ дать юридическое изслѣ

ваніе, авторъ на всемъ протяженіи книги безъ всякой системы смѣшиваетъ соображенія экономическія, политическія и юридическія.

О недостаточно внимательномъ его отношеніи къ юридической сторонѣ свидѣтельствуетъ странная ошибка, допущенная въ концѣ книги, при разсмотрѣніи указа о стачкахъ 2 декабря 1905 г. На стр. 398 г. Полянскій говоритъ, что указъ 2 декабря „разсматриваетъ непринадлежность лица къ числу работающихъ въ предпріятіи, какъ обстоятельство, смягчающее вину", а на стр. 387 спрашиваетъ: „остается невыясненнымъ, какъ же карается возбужденіе (къ забастовкѣ) лицомъ, служащимъ въ предпріятіи, если забастовка не состоялась"... Достаточно взглянуть на текстъ закона, чтобы отвѣтить г. Полянскому, что въ случаяхъ, когда забастовки не послѣдовало, служащіе въ предпріятіи совсѣмъ не подлежатъ карѣ, а посторонніе подлежатъ, и слѣдовательно непринадлежность къ предпріятію составляетъ обстоятельство отягчающее; въ законѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ намековъ на то, чтобы „непринадлежность" признавалась обстоятельствомъ смягчающимъ.

А. Рыкачевъ.

В. Конштедтъ. Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи. Съ приложеніемъ статьи Каутскаго о книгѣ Конштедта. Изд. „Общественной пользы". Спб., 1907 г. Ц. 75 к. Читателямъ, конечно, достаточно извѣстно, какъ безнадежно и очевидно для всякаго, не исключая многихъ изъ ея виднѣйшихъ представителей, запуталась русская соціалъ-демократія въ аграрномъ вопросѣ: бѣшеныя нападки на народничество параллельно съ предложеніями „націонализаціи" и „municipализаціи" земли; вполнѣ правильная, даже, можетъ быть, преувеличенная оцѣнка значенія капиталистическаго владѣльческаго хозяйства и отрицательное отношеніе къ „обольщенію системою мелкаго хозяйства" параллельно съ проектами раздѣла владѣльческихъ земель между крестьянами и обѣщаніями поддержки всѣхъ революціонныхъ выступленій крестьянства вплоть до захвата имъ всѣхъ владѣльческихъ земель; программы, не согласующіяся съ теоріями, и „платформы", не согласующіяся съ программами—вотъ положеніе аграрнаго вопроса въ русской соціалъ-демократіи. И достаточно небольшого знакомства съ задачами и сущностью соціалъ-демократіи, какъ таковой, чтобы понять безнадежность ея положенія, разъ ей съ торной дороги агитаціи среди промышленнаго пролетаріата приходится отклониться на такъ трудно проходимую для нея тропу работы въ крестьянской средѣ; передъ соціалъ-демократіею стоитъ дилемма: либо отказаться отъ *всякой* аграрной программы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякой надежды на успѣхъ среди крестьянскихъ массъ, либо... перестать быть соціалъ-демократіею; tertium non datur. Русская соціалъ-демократія предпочла послѣдній выходъ изъ безвыходнаго положенія,—германская, въ господствующемъ своемъ теченіи, оказалась прямѣе и честнѣе: она отказалась отъ аграрной программы и признала себя исключительно пролетарскою партіею.

Понятно, при такихъ условіяхъ, какъ важно для всякаго, интересующагося генезисомъ и эволюціей нашихъ аграрныхъ теорій и программъ, знакомство съ аграрными злоключеніями германской соціалъ-демократіи. Подробную исторію этихъ злоключеній даетъ намъ небольшая книжка Конштедта—подробную и до протокольности объективную: „я не предполагаю здѣсь,—говоритъ Конштедтъ во вступительной главѣ своей книги,—заниматься политико-экономическимъ изслѣдованіемъ; я хочу дать историческое изложеніе; я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія вмѣшиваться

въ аграрно-политическій споръ, который ведется среди соціалъ-демократіи" (стр. 10). И если авторъ не вполнѣ послѣдовательно проводитъ это свое намѣреніе—если онъ опредѣленно высказываетъ, мѣстами, свой личный взглядъ на тѣ или другіе факты изъ исторіи аграрнаго вопроса у нѣмецкой соціалъ-демократіи, то это не мѣшаетъ ему сохранять полную объективность и безпристрастіе въ изложеніи этихъ фактовъ.

Если разсматривать книгу Конштедта, какъ таковую, она не отличается особенными достоинствами—протокольность отражается на всемъ ея построеніи и на разработкѣ отдѣльныхъ ея частей. Это—строго хронологическій обзоръ собраннаго авторомъ матеріала, механически распредѣленный по періодамъ, заимствованнымъ, такъ сказать, изъ внѣшней исторіи германской соціалъ-демократіи и не имѣющимъ никакого отношенія къ исторіи развитія ея взглядовъ по аграрному вопросу; для каждаго періода дается хронологическій перечень литературныхъ явленій и событій партійной жизни, причемъ существенное не выдѣлено отъ несущественнаго и послѣднему иногда отведено не только не меньше, но даже больше мѣста, нежели первому. Протокольностью и сухостью отличается и самое изложеніе—это большею частью дословныя выписки, нерѣдко очень пространныя; тамъ же, гдѣ авторъ излагаетъ матеріалъ своими словами, его изложеніе не всегда отличается необходимою отчетливостью и полнотою.

И тѣмъ не менѣе книга Конштедта очень интересна,—интересна не обработкою матеріала, а самимъ матеріаломъ; интересъ ея въ той довольно грустной картинѣ эволюціи аграрныхъ взглядовъ германской соціалъ-демократіи, которую она развертываетъ передъ читателемъ.

Германская соціалъ-демократія—это партія пролетаріата, выработавшая свои принципы на фактахъ, заимствованныхъ изъ области обрабатывающей промышленности и поставившая свои цѣли въ строгомъ соотвѣтствіи съ потребностями и нуждами пролетаріата. Области аграрныхъ отношеній она, въ сущности, не знаетъ и знать не хочетъ, заинтересованнымъ въ этихъ отношеніяхъ населеніемъ она, въ сущности, не интересуется или, точнѣе, интересуется, поскольку оно представляетъ собою пролетаріатъ, или поскольку оно можетъ быть использовано въ интересахъ пролетаріата; *крестьянство, какъ таковое*, не только не близко уму и сердцу германской соціалъ-демократіи—послѣдняя, напротивъ, никогда не перестаетъ видѣть въ немъ чуждую и, въ значительной мѣрѣ, враждебную ей силу.

Крайне слабая освѣдомленность въ области аграрныхъ отношеній свойственна, какъ видно изъ книги Конштедта, не только какимъ-нибудь второстепеннымъ и третьестепеннымъ корифеямъ соціалъ-демократіи. Такую слабую освѣдомленность проявляетъ—страшно сказать!—самъ Марксъ. „Если прослѣдить всю научную и политическую дѣятельность Маркса, то окажется, что онъ ни разу не изучалъ достаточно глубоко дѣйствительнаго положенія крестьянъ въ какой-либо странѣ"; нѣмецкими крестьянами онъ не интересовался; онъ пытался охарактеризовать, въ двухъ своихъ политико-историческихъ трудахъ, положеніе французскихъ крестьянъ, но „при чтеніи этихъ работъ остается такое впечатлѣніе, будто сужденія Маркса по данному вопросу составлены не столько на основаніи научныхъ описаній или личныхъ наблюденій, сколько на основаніи политическихъ брошюръ или газетныхъ статей. Нужно быть очень вѣрующимъ и совсѣмъ новообращеннымъ поклонникомъ Маркса, чтобы думать, будто Марксъ сначала изучилъ положеніе французскихъ крестьянъ, а потомъ уже создалъ свою теорію"; напротивъ, его сужденія

„производятъ такое впечатлѣніе, словно Марксъ построилъ сначала свою теоретическую систему, а затѣмъ уже создалъ своего крестьянина-гомункула“ (стр. 57—58). Что же, въ такомъ случаѣ, сказать о dii minores германской соціалъ-демократіи, для которыхъ каждое слово Маркса было и осталось чѣмъ-то среднимъ между прописями и апокалипсисомъ: „все, что тогда (въ періодъ 70—90-хъ гг.) знали о сельскомъ хозяйствѣ, было обыкновенно вычитано изъ 1-го тома „Капитала“ и маленькой брошюры Эккаріуса; ихъ изучали съ большимъ увлеченіемъ, каждое слово было откровеніемъ, а все, что противорѣчило имъ, считалось или капиталистическою ложью, или профессорскою ограниченностью“ (стр. 89); изъ людей съ болѣе или менѣе крупными именами одинъ, Кампфмейеръ, дѣлаетъ такія „нелѣпыя обобщенія“, которыя „показываютъ, что онъ или не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о германскихъ крестьянахъ, или же имѣетъ представленіе о нихъ лишь въ одной опредѣленной области“ (стр. 111); другой, Либкнехтъ, хотя и опирается въ своихъ сужденіяхъ на факты, но „безусловно чрезмѣрно обобщаетъ всякую мелочь, если только она можетъ усилить“ нужное ему „неблагопріятное впечатлѣніе“ (стр. 101) и т. д.

Такъ или иначе—въ средѣ германской соціалъ-демократіи господствуютъ совершенно опредѣленные взгляды на крестьянство и крестьянскій вопросъ. Еще въ женевскомъ манифестѣ было провозглашено, что „мелкое крестьянское хозяйство всесиліемъ капитала, вліяніемъ науки, ходомъ вещей и интересами общества (sic!) неминуемо и безвозвратно обречено на постепенную гибель“, что поэтому самый лучшій выходъ для крестьянъ—это „добровольно отказаться отъ собственности въ пользу общества“ (стр. 87). И еще въ 1903 г., для Бебеля, мелкій крестьянинъ—это „элементъ, тормозящій культуру“; только тотъ, „кто стоитъ за движеніе назадъ, будучи лично въ этомъ заинтересованъ (sic!), тотъ можетъ удовлетвориться тѣмъ, что этотъ соціальный слой продолжаетъ существовать; развитіе человѣчества требуетъ, чтобы этотъ слой исчезъ“ (стр. 104). Но,—увы!—„этотъ слой“ не желаетъ исчезать; не заручившись его сочувствіемъ, нельзя сдѣлаться истинно-народною партіей, безъ его голосовъ нельзя пріобрѣсти политическаго господства: „мы не нуждаемся въ крестьянахъ,—писалъ не тамъ давно Либкнехтъ,—для того, чтобы произвести революцію, но ни одна революція не будетъ прочной, если крестьяне противъ нея“ (стр. 10). И вотъ, передъ соціалъ-демократіей встаетъ уже формулированная выше дилемма: съ крестьянами, но противъ принциповъ или съ принципами, но безъ крестьянъ. И вотъ, одни идутъ по первому пути. Для нихъ, напримѣръ, для Бебеля въ его брошюрѣ „Наши цѣли“, не подлежитъ сомнѣнію, что „мелкое хозяйство наиболѣе отстало, поэтому оно должно быть уничтожено прежде всего“ (стр. 95); они прекрасно понимаютъ, что „предлагать ремесленникамъ и крестьянамъ мѣропріятія, посредствомъ которыхъ ихъ мелкія предпріятія могли бы сдѣлаться жизнеспособными,—это вовсе не значитъ понимать ихъ интересы, а скорѣе возбуждать въ нихъ несбыточныя мечты, которыя заставили бы ихъ уклониться отъ правильнаго пути къ наилучшей защитѣ ихъ интересовъ“ (стр. 139); такая политика—это политика компромиссовъ, а „если я могу кого-либо привлечь только путемъ компромисса съ самимъ собой, то лучше я совсѣмъ откажусь отъ этого“ (стр. 156); вести такую политику—это значитъ „заниматься ловлей крестьянъ въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова“ (стр. 154)—ловлей крестьянъ, Bauernfängerei, что въ обычномъ нѣмецкомъ словоупотребленіи является синонимомъ грубаго мошенничества, разсчитаннаго на „крестьянскую про-

стоту" намѣченной жертвы. И притомъ все это совершенно безполезно: „крестьянинъ настолько уменъ, что понимаетъ, чего онъ можетъ ожидать отъ соціалъ-демократіи, если она будетъ оставаться на принципіальной точкѣ зрѣнія" (стр. 156); крестьянинъ, который нанимаетъ рабочихъ и продаетъ хлѣбъ, „окажется, если только мы не будемъ скрывать отъ него нашихъ цѣлей, нашимъ злѣйшимъ врагомъ, не только въ качествѣ эксплоататора рабочихъ, но и въ качествѣ продавца хлѣба, заинтересованнаго въ высокихъ цѣнахъ" (стр. 200), если же его, путемъ тѣхъ или иныхъ ухищреній, удастся залучить въ партію и склонить подавать за нее голосъ, отъ этого соціалъ-демократія можетъ извлечь не пользу, а только вредъ: „путемъ уступокъ крестьянамъ,—говорилъ Бебель въ 1894 г.,—мы, можетъ быть, привлечемъ соціалъ-демократическихъ избирателей, но никакъ не соціалъ-демократовъ" (стр. 156), а между тѣмъ „движущая сила партіи можетъ быть только ослаблена, если она окажется связанною партійнымъ уставомъ съ другимъ классомъ, который, въ лучшемъ случаѣ, все же будетъ отставать въ своемъ развитіи" (стр. 219).

Вотъ что говорила и что должна была говорить послѣдовательная соціалъ-демократія. Но такая постановка вопроса „противорѣчила той вѣрѣ въ привлеченіе на свою сторону всего народа, которой была преисполнена партія", противорѣчила „страстному желанію распространить агитацію на деревню. Въ политикѣ воля всегда оказывается могущественнѣе мысли,—и въ данномъ случаѣ побѣдила воля, а марксистская строгость аграрной программы ничуть не помѣшала сдѣлать попытку привлеченія крестьянъ въ ряды партіи" (стр. 136). Даже самъ Каутскій, авторъ Эрфуртской программы, „счелъ себя вынужденнымъ пойти на уступки" (стр. 137), которыя нашли себѣ отчетливое выраженіе въ его классическомъ комментаріи къ программѣ; даже Энгельсъ, стоя на точкѣ зрѣнія самаго правовѣрнаго марксизма, изъявлялъ однако готовность сдѣлать „все возможное, чтобы смягчить судьбу" крестьянства, и если послѣднее еще не готово перейти къ производительнымъ товариществамъ, то „дать ему возможность, *сидя на своемъ клочкѣ земли* (курсивъ мой), подольше обдумать этотъ вопросъ" (стр. 162). Но особенно ярко компромиссныя теченія проявились среди южно-германской соціалъ-демократіи, что и совершенно естественно какъ потому, что въ южной Германіи крестьянское хозяйство лучше всего доказывало свою жизнеспособность, такъ и потому, что крестьянство здѣсь играетъ наиболѣе важную политическую роль. Соціалъ-демократическая фракція въ баварскомъ ландтагѣ дѣлала „все возможное, чтобы облегчить участь крестьянъ и спасти возможно большее число ихъ отъ грозящаго имъ паденія въ ряды пролетаріата (стр. 139)—задача, стоящая, очевидно, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ принципами *пролетарской* партіи; изъ Баваріи вышли и тѣ ревизіонистскія идеи, которыя временно возобладали на Франкфуртскомъ партейтагѣ и затѣмъ нашли себѣ выраженіе въ трудахъ учрежденной этимъ съѣздомъ аграрной коммиссіи, въ особенности же ея южно-германской подкоммиссіи, программа которой „стоитъ гораздо ближе къ идеа земельныхъ реформаторовъ, чѣмъ къ основамъ марксистскаго соціализ (стр. 180).

Я упомянулъ о томъ, что ревизіонистскія стремленія временно во бладали на франкфуртскомъ партейтагѣ; но почему и какъ? въ знач тельной мѣрѣ, оказывается, потому, что „во Франкфуртѣ рѣшеніе агра наго вопроса было сорвано", что пренія прекратили, не давъ высказать напримѣръ, такому видному противнику аграрной программы, какъ

бель (стр. 155). Къ довольно курьезнымъ пріемамъ прибѣгала и южногерманская подкоммиссія, чтобы добиться отъ предпринятой ею анкеты желательныхъ результатовъ: къ разосланнымъ ею вопроснымъ листкамъ были приложены примѣрные отвѣты, подсказывавшіе корреспондентамъ то, что хотѣлось получить подкоммиссіи (стр. 176—177). Въ концѣ-концовъ, довольно разнорѣчивые проекты трехъ районныхъ подкоммиссій были сведены коммиссіею въ одну общую программу,—увы! при составленіи ея „главное вниманіе было обращено не на сущность дѣла, а на личныя отношенія; авторы проекта, часто сами того не сознавая, думали не столько о томъ, что̀ нужно крестьянину и какъ ему помочь, сколько о томъ, какъ бы никого отъ себя не оттолкнуть, какъ бы устроить такъ, какъ бы оказаться съ Фольмаромъ и съ Бебелемъ, съ Давидомъ и Каутскимъ и т. п.“ (стр. 183).

Но ревизіонистская волна къ этому времени, очевидно, успѣла схлынуть. Изъ высказывавшихся по существу вопроса мѣстныхъ партійныхъ собраній только 7 высказались за принятіе аграрной программы, 2 за выжиданіе и 123 или 93,2% за рѣшительное отклоненіе программы (стр. 202). И программа была отклонена бреславльскимъ партейтагомъ, партія осталась вѣрна своимъ принципамъ—другой вопросъ, уже выходящій изъ рамокъ настоящей замѣтки: осталась ли она вѣрна *жизни* и потребностямъ жизни.

Какъ видитъ читатель, картина получается невеселая—не знаешь, чему болѣе удивляться: легкости багажа, съ которымъ брались рѣшать судьбы крестьянства, или преобладанію дешеваго политиканства надъ настоящею политикой. Могло бы, конечно, возникнуть предположеніе, что книга Конштедта—тенденціозный памфлетъ, что авторъ недобросовѣстно подбираетъ матеріалъ, окрашиваетъ факты въ неблагопріятномъ для соціалъ-демократіи направленіи. Но такое предположеніе должно быть самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуто въ виду содержащагося въ напечатанной вмѣстѣ съ книгою статьѣ свидѣтельства Каутскаго, что „историческая часть въ общемъ и цѣломъ не вызываетъ возраженій“ (стр. 111), что при наличности нѣкоторыхъ, по мнѣнію Каутскаго, ошибокъ въ изображеніи самаго ранняго періода, изображеніе болѣе поздняго времени „въ существенныхъ чертахъ передано вѣрно“ (стр. V); что въ данномъ Конштедтомъ „историческомъ изложеніи дискуссій послѣдняго времени можно найти цѣлый рядъ замѣчаній, представляющихъ очень тонкія наблюденія“, что, въ частности, его „политическое пониманіе соціалъ-демократіи значительно лучше развито, чѣмъ его теоретическое пониманіе“. Въ этомъ послѣднемъ Каутскій, конечно, отказываетъ Конштедту,—Конштедтъ вѣдь осмѣливается не во всемъ соглашаться съ Марксомъ. Но зная, какъ высоко Каутскій держитъ знамя ортодоксальной соціалъ-демократіи, можно быть вполнѣ спокойнымъ насчетъ того, что книга, удостоившаяся съ его стороны такого рода отзывовъ, *не* представляетъ собою пасквиля на соціалъ-демократію.

Переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ. Можно отмѣтить однако нѣсколько прискорбныхъ lapsus'овъ; такъ, провинція Силезія, названа Шлезіей (стр. 105), Hofgänger'ы названы „странствующими батраками“ (стр. 192), тогда какъ это—поденщики, обязательно поставляемые имѣнію надѣленными отъ него землею постоянными батраками; Gesindeordnung переводится то приблизительно правильно—законъ о челяди (проще было бы сказать—законъ о батракахъ), то совсѣмъ неправильно—„законъ о прислугѣ“ (стр. 209). Есть погрѣшности, стоящія посединѣ между погрѣшностями редакціи и опечатками—технической прогрессъ, по Марксу,

оказывается однимъ изъ слѣдствій *до*капиталистическаго способа производства (стр. 16, см. также 31). Есть чисто корректурныя погрѣшности, затрудняющія пониманіе смысла; напримѣръ, „соотвѣтственно этому рыночная цѣна 1 тонны пшеницы равнялась 45 м. ренты; еще не существовало“ (стр. 32); или „...съ тѣхъ поръ въ Германіи значительно возросло; именно количество свиней, напримѣръ, за такой-то періодъ времени тамъ-то почти удвоилось“ (стр. 107). Впрочемъ, такого рода lapsus'овъ и погрѣшностей не слишкомъ много.

А. Кауфманъ.

Н. М. Лисовскій. Рабочіе въ военномъ вѣдомствѣ (по поводу трудовъ Высочайше учрежденной коммиссіи по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства). Спб., 1906 г. Два съ половиной года, съ октября 1902 г. по мартъ 1905 г., дѣйствовала особая коммиссія по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства, и г. Лисовскій въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ даетъ изложеніе ея трудовъ, справедливо полагая, что такая работа окажется полезной „тѣмъ лицамъ, которыя по служебному положенію своему въ военномъ вѣдомствѣ или имѣютъ отношеніе къ вопросамъ рабочаго быта, или непосредственно соприкасаются съ самими рабочими“. Но очеркъ этотъ, конечно, представляетъ интересъ далеко не только для того, кто состоитъ въ томъ или иномъ отношеніи къ военному министерству. Напротивъ, при той скудости самостоятельныхъ, серьезныхъ изслѣдованій рабочаго вопроса, которая чувствуется въ нашей литературѣ, книга г. Лисовскаго, мы увѣрены, будетъ прочитана съ величайшимъ интересомъ всѣми, кого интересуютъ затронутыя въ ней темы. Конечно, при чтеніи ея слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что матеріалъ, положенный авторомъ въ основу его изложенія, собранъ на казенныхъ заводахъ, и что какъ г. Лисовскому, такъ и большинству лицъ, собиравшихъ данныя и свѣдѣнія, на которыхъ строила свои заключенія коммиссія, по существу дѣла чужды взгляды и интересы коммерческіе, чужды стремленія къ доходу, къ наживѣ. Вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу автора изслѣдованія, многіе читатели, быть можетъ, найдутъ, что соображенія, изложенныя въ книгѣ, не имѣютъ практическаго значенія, и сочтутъ ихъ вполнѣ неприложимыми къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ. Но мнѣ думается, что подобнаго рода взглядъ былъ бы до крайности односторонень. Если даже и допустить, что разсужденія г. Лисовскаго неприложимы въ частно-промышленной практикѣ безоговорочно, цѣликомъ, если, перенося взгляды автора разбираемой книги къ оцѣнкѣ положенія рабочихъ на частныхъ заводахъ, мы должны будемъ внести въ нихъ, выражаясь языкомъ механики, нѣкоторый „практическій коэффиціентъ“ поправки, то и тогда у насъ все же окажутся въ рукахъ цѣнныя, выведенныя изъ практическихъ данныхъ, указанія на общую тенденцію, на общее направленіе тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты ради улучшенія постановки дѣла на нашихъ, столь часто неудовлетворительно въ техническомъ отношеніи поставленныхъ, фабрикахъ и заводахъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ напомнить, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ именно о *рабочихъ* военнаго вѣдомства, т.-е. не о солдатахъ, трудомъ которыхъ еще и до сихъ поръ пользуются пекарни и нѣкоторыя другія мастерскія интендантскаго вѣдомства, а о вольнонаемныхъ слесаряхъ, токаряхъ, столярахъ, каменщикахъ, землекопахъ и т. д., которыхъ зимою насчитывается на военныхъ заводахъ до 30 тыс., а лѣтомъ, въ строительный періодъ, до 61,000 человѣкъ. И вотъ, обслѣдовавъ положеніе этого контингента труженниковъ, коммис-

сія рекомендовала слѣдующія мѣры: а) введеніе 8-часового рабочаго дня въ заведеніяхъ техническихъ и сокращеніе рабочаго времени при работахъ строительныхъ; б) установленіе minimum'а заработной платы съ періодическими прибавками съ особой заботой объ *устойчивости* заработка; в) установленіе извѣстныхъ нормъ для рабочихъ и жилыхъ помѣщеній; г) устройство столовыхъ и чайныхъ; д) правильную врачебную помощь, равно какъ обезпеченіе увѣчныхъ, страдающихъ профессіональными болѣзнями и вообще инвалидовъ труда и ихъ семействъ; е) устройство школъ, библіотекъ, читаленъ, разумныхъ развлеченій и т. п.; ж) объединеніе мѣръ по улучшенію быта рабочихъ при посредствѣ особой фабричной инспекціи, организованной для мастерскихъ военнаго вѣдомства.

Рекомендуя подобный рядъ мѣръ, коммиссія руководствовалась отнюдь не одними побужденіями гуманности. Напротивъ, она прекрасно сознавала, что и до введенія предлагаемыхъ мѣръ рабочіе военнаго вѣдомства были въ общемъ поставлены лучше рабочихъ частныхъ фабрикъ; но авторъ разбираемой книги совершенно справедливо возражаетъ тѣмъ защитникамъ нашей промышленности, которые настаиваютъ на необходимости *уравненія* всѣхъ условій казенныхъ мастерскихъ съ частными заводами. Такія требованія, по ихъ мнѣнію, были бы справедливы, если бы положеніе рабочихъ военнаго вѣдомства было *хуже* положенія рабочихъ частныхъ заводовъ; но разъ, напротивъ, оно *лучше* и это улучшеніе не ложится чрезмѣрною тяжестью на средства казны, то зачѣмъ же мы будемъ стремиться къ его ухудшенію? А *„сожалѣть объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ для рабочихъ, военному вѣдомству никогда не приходилось: каждое улучшеніе вело къ общей пользѣ“* (стр. 26).

Помня это положеніе, коммиссія сочла необходимымъ вмѣстѣ съ жизнью идти впередъ. Необходимость внимательнаго отношенія къ рабочему со стороны предпринимателя выяснена уже давно. Но въ настоящее время жизнь „внесла въ экономическія отношенія новое начало—улучшеніе жизни рабочаго, какъ *право* (курсивъ автора) его и какъ дѣло общегосударственнаго значенія, независимо отъ интересовъ предпріятія“. *„Право, вытекающее изъ труда,*—такова та основа будущихъ взаимоотношеній, къ которой коммиссію привело посильное изученіе подлежащихъ ея разработкѣ вопросовъ“ (стр. 234).

Проведены ли заключенія коммиссіи въ жизнь? Приняты ли они военнымъ вѣдомствомъ, или они остались лишь печатнымъ воспоминаніемъ о томъ пробужденіи мысли въ области рабочаго вопроса, которымъ у насъ отмѣчена зима 1904—1905 годовъ, когда коммиссія заканчивала свои работы?

Мы не слышали объ осуществленіи въ военныхъ мастерскихъ положеній, выработанныхъ коммиссіей; если же они дѣйствительно были бы всюду на военныхъ заводахъ примѣнены на практикѣ, то мы могли бы поздравить военное министерство съ образцовой постановкой дѣла. Но ждать этого, вѣроятно, придется еще долгіе годы.

Сѣверянинъ.

М. С. Уваровъ (врачъ) и Л. М. Лялинъ (фабричн. инспекторъ). Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены. М., 1907 г. Ц. 3 р. Два автора—врачъ, давно извѣстный работами въ области общественной гигіены, и фабричный инспекторъ—издали въ свѣтъ обширный трудъ по охранѣ жизни и здоровья работающихъ. Подобная книга должна была бы вызвать серьезное вниманіе критики и на западѣ; въ нашей же литературѣ, столь бѣдной сочиненіями такого рода, она представляетъ собою явленіе

положительно исключительное. Со времени появленія въ свѣтъ классической работы проф. Эрисмана мы почти не видали самостоятельныхъ русскихъ изслѣдованій, которыя ставили бы себѣ задачей общее систематическое и всестороннее изложеніе вопросовъ профессіональной гигіены. А между тѣмъ необходимость такой книги давно ощущалась всѣми, кому приходится сталкиваться съ этой областью общественно-медицинскихъ вопросовъ, значеніе которыхъ возрастаетъ съ огромной быстротой, вмѣстѣ съ ростомъ промышленности и съ развитіемъ пониманія обществомъ необычайной важности условій труда и жизни рабочаго населенія. Каждый интеллигентный читатель, желающій получить обстоятельное представленіе о современныхъ задачахъ профессіональной гигіены въ Россіи, найдетъ въ разбираемомъ сочиненіи богатый и интересный матеріалъ, и я могу лишь привѣтствовать почтенныхъ авторовъ, положившихъ, конечно, не мало труда на обработку и на изданіе своей, *по названію* столь спеціальной, работы. Хотѣлось бы думать, что широкіе круги нашей читающей публики на этотъ разъ преодолѣютъ столь обычную у насъ боязнь „толстыхъ, ученыхъ книгъ“ и ознакомятся съ этой работой, затрогивающей многія злободневнѣйшія темы современности.

„Охрана жизни и здоровья рабочихъ“ распадается на двѣ весьма различныя части. Въ первой трактуются общіе вопросы профессіональной гигіены: работа и рабочее время, санитарныя условія обстановки работы, одежда работающихъ, заболѣваемость и несчастные случаи и т. д.; вторая же часть посвящена разсмотрѣнію, съ точки зрѣнія профессіональной гигіены, различныхъ отраслей промышленности, какъ, напримѣръ, обработка волокнистыхъ веществъ, производство бумажной массы, обработка минеральныхъ веществъ, химическія производства и т. д. Эта часть снабжена схематическими чертежами, весьма облегчающими пониманіе текста для техниковъ. Кромѣ того, книга снабжена введеніемъ, въ которомъ авторы излагаютъ свои общіе взгляды на профессіональную гигіену, и заключеніемъ, рисующимъ общее положеніе рабочаго класса въ Россіи.

Симпатичное отношеніе авторовъ къ своей задачѣ опредѣленнѣе всего сказывается въ слѣдующихъ строкахъ предисловія, которыя хотя и могутъ служить образцомъ спокойнаго научнаго изложенія, но тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ представляется, весьма ярко рисуютъ взгляды, положенные въ основу труда: „Забастовки 1905 г. одна за другой выяснили русской публикѣ значеніе для всей жизни государства то той, то другой профессіи и, наконецъ, всеобщая забастовка явилась грознымъ предостереженіемъ исторіи,—урокомъ, который не долженъ забыться. Передъ глазами далекой отъ рабочаго вопроса публики промелькнули промозглыя почтовыя конторы, извозчичьи и иныя квартиры, безпрерывная ходьба почтальоновъ, чрезмѣрно продолжительный трудъ чуть не всѣхъ производствъ, непосильный трудъ женщинъ, необезпеченность при заболѣваніяхъ и проч. и проч.,—все вопросы профессіональной гигіены; при общественной и законодательной работѣ они не должны быть забыты — общество должно ихъ понимать“.

Вполнѣ правильно посвящая наибольшее вниманіе такимъ серьезнымъ сторонамъ жизни рабочаго, какъ продолжительность рабочаго дня, авторы высказываютъ иногда довольно смѣлыя и еще далеко не всѣми принятыя положенія. Такъ, они не считаютъ возможнымъ придерживаться группировки категорій работы на *умственныя* и *физическія*, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, этотъ признакъ не выдерживаетъ критики: иногда и простому рабочему приходится напрягать всю силу своей умственной и не

ной энергіи; иногда и профессору, монотонно повторяющему изъ года въ годъ давно выработанный курсъ, приходится утомляться на лекціи *только* физически. Ставя на первый планъ, съ точки зрѣнія профессіональной гигіены, *напряженность* и *продолжительность* работы, гг. Уваровъ и Лялинъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются именно на продолжительности рабочаго дня. Они отвергаютъ мнѣніе проф. Рубинера, который не считаетъ возможнымъ устанавливать *общую* норму рабочаго времени, и говорятъ, что иногда и 8-часовой день чрезмѣренъ, а иногда можно безъ вреда работать и значительно дольше 8 часовъ. Наши авторы являются убѣжденными сторонниками сокращенія рабочаго времени и склонны, какъ кажется, разсматривать 8-часовой трудъ, какъ наивысшій предѣлъ рабочаго дня. При этомъ однако надо сказать, что хотя они и признаютъ профессіональную гигіену наукой *соціальной*, но удѣляютъ слишкомъ мало вниманія экономической сторонѣ вопроса, почему мы не можемъ признать ихъ выводы имѣющими рѣшающее значеніе для практика.

Считая невозможнымъ обойти молчаніемъ нѣкоторыя слабыя стороны книги, я долженъ указать, что обработка разныхъ частей ея весьма различна по достоинству, нѣкоторые виды промышленности, напримѣръ, текстильная, описана весьма удовлетворительно; но авторы, вѣроятно, знакомы преимущественно съ центральной Россіей и потому при описаніи производствъ, сравнительно рѣдко въ этомъ районѣ встрѣчающихся, не всегда стоятъ на уровнѣ ея новѣйшей техники. Такъ, касаясь сахароваренія, они придаютъ прежнее значеніе фильтраціи черезъ костяной уголь, примѣненіе котораго на новыхъ заводахъ далеко не играетъ той роли, какъ на заводахъ стараго устройства, рядомъ съ этимъ въ книгѣ ничего не говорится объ освѣтленіи сахарныхъ соковъ при посредствѣ сѣрнистаго ангидрида (So_2), употребленіе котораго, въ виду свойствъ самого газа, должно было бы обратить на себя вниманіе гигіенистовъ. Не указано также на то, что новые заводы по *техническимъ* соображеніямъ устраиваются въ свѣтлыхъ, просторныхъ, высокихъ помѣщеніяхъ, и что устарѣлый типъ тѣсной, заполненной приборами и трубами сахароварни, оказывается, не только вреденъ для рабочаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ неудобенъ и невыгоденъ для техника. Въ описаніи сахарорафинаднаго дѣла также чувствуются недочеты: не отмѣчены двѣ особенности этого производства, весьма существенныя для спеціалиста по профессіональной гигіенѣ, особо-высокая температура всѣхъ разливочныхъ и сушилъ, являющаяся здѣсь результатомъ не только плохой конструкціи заводовъ, но до нѣкоторой степени и техническимъ условіемъ успѣшности работы, а также необычайно распространенный на этихъ заводахъ родъ травматизма: тяжелые ушибы ногъ при паденіи сахарныхъ головокъ.

Встрѣчаются въ книгѣ и недосмотры, которые показываютъ на нѣкоторую небрежность редакціи. Такъ, на стр. 13 говорится, что „Законами 1894 года созданы были фабричныя присутствія сначала съ ограниченнымъ участіемъ, а потомъ и съ отсутствіемъ общественныхъ элементовъ". Въ этихъ немногихъ строкахъ можно отмѣтить сразу двѣ ошибки, которыя, конечно, легко могли бы быть устранены однимъ изъ авторовъ—фабричнымъ инспекторомъ—при болѣе внимательной корректурѣ. Фабричныя присутствія, во-первыхъ, созданы закономъ 1886 г. (а не 1894 г.) и до 1894 года дѣйствовали уже въ 5 наиболѣе фабричныхъ губерніяхъ *), въ которыхъ сосредоточена чуть ли не половина

*) Московской, Петербургской, Владимірской, Варшавской и Петроковской.

нашихъ фабричныхъ рабочихъ; и, во-вторыхъ, представители „общественныхъ элементовъ“, т.-е., говоря попросту, члены земской и городской управъ, замѣнены представителями промышленности въ присутствіяхъ по фабричнымъ дѣламъ значительно ранѣе 1894 г.

Переходя, однако, отъ подобныхъ второстепенныхъ недочетовъ къ общей оцѣнкѣ книги, я долженъ снова указать на то, что каждый интеллигентный читатель найдетъ въ ней много интереснаго и толково изложеннаго матеріала, ознакомленіе съ которымъ будетъ весьма поучительно для всякаго, кто хочетъ составить себѣ всестороннее и полное понятіе о положеніи нашего рабочаго и о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимы для оздоровленія столь неприглядной у насъ обстановки труда.

Сѣверянинъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1907 г.

Аграрный вопросъ. Спб., 1907 годъ. Ц. 2 р. 50 к.

Алтаевъ, А. Разоренныя гнѣзда. Спб., 1907 г. Ц. 80 к.

Бебель, А. Массовая политическая стачка и соціалъ-демократія. Спб., 1907 г. Ц. 12 к.

Библіотека декабристовъ. Вып. IV. М., 1907 г. Ц. 90 к.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Изд. М. В. Пирожкова. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Величкинъ, В. Вильгельмъ Вейтлингъ. Спб., 1906 г. Ц. 2 к.

Верхарнъ, Э. Обезумѣвшія деревни. Стихотворенія. Казань, 1907 г. Ц. 60 к.

Г. Л. Рабочій съѣздъ. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Даниловъ, В. В. Къ характеристикѣ литературной дѣятельности Л. Н. Майкова. Варшава, 1907 г.

Дауге, П. Философія и тактика. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Дилевская, Н. Черноморскія степи. М., 1907 г. Ц. 40 к.

Дицгенъ, І. Мелкія философскія статьи. Спб., 1907 г. Ц. 80 к.

Добрынинъ, Л., и Бѣлугинъ, Ѳ. Прикаспійскія степи. М., 1907 годъ. Ц. 40 к.

Губновъ, С. Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 20 коп.

Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія. Подъ редакц. *В. Чарнолускаго*. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Фименко, А. Я. Исторія Украйны и ея народа. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Шаида, Ц. Изъ Мюссе и Верлена. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Ломбартъ, В. Соціализмъ и соціальное движеніе. М., 1907 г. Ц. 60 к.

— А все-таки! Спб., 1907 г. Ц. 25 к.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. II. М., 1907 г. Ц. 1 р. 35 к.

Кажановъ, Н. Соціально-хозяйственная эволюція. Спб., 1907 г. Ц. 55 к.

Катаевъ, И. Учебникъ русской исторіи. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Катранъ. Отставной помѣщикъ. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Каутскій, К. Нѣтъ больше соціалъ-демократіи. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

— Наука, жизнь и этика. Спб., 1907 г. Ц. 6 к.

Коганъ, П. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Козловъ, В. Очерки и разсказы изъ минувшей войны. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Лассаль, Ф. Къ рабочему вопросу. Спб., 1906 г. Ц. 6 к.

Легинъ, К. Развитіе профессіональнаго движенія въ Германіи за 10 лѣтъ 1894—1903 гг. Спб., 1907 г. Ц. 3 к.

Левинъ, А. Финляндія. М., 1907 г. Ц. 45 к.

Ленинъ, Н. Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

— Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи. Спб., 1907 г. Ц. 10 к.

Либкнехтъ, В. Мартовскіе дни. Спб., 1907 г. Ц. 4 к.

— Революція въ Парижѣ. Спб., 1907 г. Ц. 4 к.

Линдовъ, Г. Борьба за избирательное право. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

Луи Бланъ. Исторія революціи 1848 года. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Марксъ, Карлъ. Капиталъ. Т. II. М., 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

М. А. Послѣднее политическое движеніе въ Персіи. В. Ц. Спб., 1907 года. Ц. 40 к.

Международные соціальные конгрессы. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Международное соціалистическое бюро о продолжительности рабочаго дня. Спб., 1907 г. Ц. 8 к.

Мережковскій, Д. Ибсенъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Мейеръ, В. Происхожденіе міра. — Гибель міра. М., 1907 г. Ц. 45 к.

Миклашевскій, А. Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ. Юрьевъ, 1907 г. Ц. 80 к.

Мининъ, М. Чему учатъ соціалъ-демократы. Спб., 1906 г. Ц. 8 к.

Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. В. I. Т. III и IV. М., 1907 г.

Мюллеръ, А. Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Ницше, Фр. Антихристіанинъ. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Новое Слово. Товарищескіе сборники. Книга первая. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Ольминскій, М. Носѣ одиночки. Спб. 1906 г. Ц. 10 к.

Орловскій, П. Кадеты въ Думѣ. — Государственная Дума. Спб., 1906 г. Ц. 7 к.

Паннекэкъ, А. Раздѣлъ добычи. Спб., 1907 г. Ц. 3 к.

Петрищевъ, А. Очерки и разсказы. Спб., 1907 г. Ц. 40 к.

Пименовъ, Э. За океаномъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Полянскій, Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Спб., 1907 года. Ц. 1 р. 50 к.

Пыпинъ, А. Сочиненія императрицы Екатерины II. I и II полутомы. Спб., 1907 г. Ц. 4 р.

Редлихъ, I. Англійское мѣстное управленіе. Т. I. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Ренанъ, Эр. Апостолы. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Роландъ-Гольстъ, Г. Этюды о соціалистической эстетикѣ. М., 1907 г. Цѣна 20 к.

Рославлевъ, А. Сказка о трехъ царскихъ дивахъ и объ Ивашкѣ поповскомъ сынѣ. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Ростоцкая, Н. Потемкинскіе дни въ Одессѣ. Спб., 1906 г. Ц. 8 к.

Саперъ. Генералъ Стессель въ Портъ-Артурѣ. Спб., 1906 г. Ц. 35 к.

Станиславъ (А. Вольскій). Соціализмъ и русская община. Спб., 1907 г. Ц. 12 к.

Суконниковъ, М. 9-е Термидора. Спб., 1907 г. Ц. 15 к.

Теннисъ, Л. Изъ архива генералъ-майора и кавалера И. Ѳ. Дитятина II. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Удинцевъ, Вс. Русское торгово-промышленное право. Кіевъ, 1907 года. Ц. 3 р.

Хитрово, Т. Л. Уралъ. М., 1907 г. Ц. 40 к.

Эльснеръ, А. Сойдите внизъ. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *К. Д. Бальмонтъ.* Злыя чары. Книга заклятій.—*Сергій Соловьевъ.* Цвѣты и ладанъ. Первая книга стиховъ. 105

Исторія: Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ ред. *Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ѳ. Якубовича.* Ч. I.—*С. П. Покровскій.* Министерская власть въ Россіи.—*Д-ръ Г. Люксъ.* Этьенъ Кабе и икарійскій коммунизмъ. Перев. Кожевникова и Мальцмана. 107

Публицистика: *Н. Н. Полянскій.* Стачки рабочихъ и уголовный законъ.—*В. Конштедтъ.* Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи.—*Н. М. Лисовскій.* Рабочіе въ военномъ вѣдомствѣ.—*М. С. Уваровъ и Л. М. Лялинъ.* Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены 111

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1907 г.

БОЛЬНЫМЪ

Настоящее сообщеніе просимъ вырѣзать для себя или передать нуждающемуся въ лѣченіи сперминомъ.

Французскій врачъ профессоръ Броунъ-Секаръ, 72-лѣтній старикъ, вынужденъ былъ старческимъ ослабленіемъ силъ къ отказу отъ врачебной практики и чтенія лекцій. Въ ослабѣвшемъ тѣлѣ профессора еще работала мысль и, понятно, особенно сильно надъ тѣмъ, какъ бы возвратить себѣ энергію молодости. Растеревъ железы только что убитаго здороваго кролика въ солоноватой водѣ и процѣдивъ черезъ батистъ полученную въ ступкѣ жидкость (сперминъ), Броунъ-Секаръ впрыснулъ себѣ подъ кожу и послѣ перваго же впрыскиванія почувствовалъ себя бодрѣе. Послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній онъ сталъ снова читать лекціи, увлекая ясностью изложенія своихъ слушателей-студентовъ.

Съ тѣхъ поръ врачи установили, что сперминъ незамѣнимъ при упадкѣ силъ отъ старости, малокровія (анеміи, блѣдной немочи, рахита), чахоткѣ или друг. тяжкихъ заболѣваній, при разстройствѣ нервной системы отъ умственнаго и физическаго переутомленія, половыхъ излишествъ, онанизма, при сухоткѣ и параличахъ, при мужскомъ слабосиліи, при водянкѣ отъ неправильной дѣятельности сердца, сахарномъ мочеизнуреніи и для очистки организма при золотухѣ, не вполнѣ излѣченномъ сифилисѣ, подагрѣ и пр.

„Я предвижу въ недалекомъ будущемъ моментъ, когда всѣ и каждый, испытавъ сперминъ—секаровскую жидкость—на себѣ и своихъ близкихъ, отдадутъ себѣ отчетъ въ удивительныхъ свойствахъ его поддержанія здоровья и силъ, а также излѣченія болѣзней". Проф. д-ръ Гуазе.

Выдержки изъ отзывовъ больныхъ о сперминѣ лаб. Д. Калениченко.

Глубокоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Нѣтъ словъ для выраженія превосходнѣйшихъ качествъ этого поистинѣ жизненнаго эликсира. Принявъ при моей болѣзни (малокровіе) такое ничтожное количество (1 флак.) спермина, замѣчаю, что мое самочувствіе стало прелестнѣйшимъ: головокруженій, ужаснѣйшей слабости во всемъ организмѣ, какъ не бывало. Прошу выслать мнѣ еще 6 флак. спермина. Искренно благодарный и признательный *Сергѣй Семеновъ.* Ромны, 3/IV 1906 г.

М. Г. е. *Калениченко!* Я страдалъ головною болью, катарромъ желудка, нервностью вслѣдствіе половыхъ излишествъ и занятія онанизмомъ. Но послѣ пріема 1 флак. спермина самочувствіе стало гораздо лучше, головная боль и нервность меньше, половая дѣятельность также улучшилась, за что и приношу Вамъ отъ глубины сердца свою благодарность и покорнѣйше прошу выслать еще 3 флакона спермина. *И. Д. Ренецъ.* С.-Петербургъ, Петергофское шоссе, д. № 32/1, кв. 15. 14/XI 1906 г.

Достойный глубокаго уваженія *Дмитрій Константиновичъ!* Жена страдаетъ много лѣтъ ревматизмомъ и убійственнымъ разстройствомъ нервовъ, Вамъ же сперминъ съ перваго флакона доказалъ цѣлебно-спасительное дѣйствіе, и я съ женою не находимъ словъ благодарить Васъ. Вы являетесь спасителемъ многихъ недугующихъ. Будьте великодушны вышлите съ первою же почтою два флакона спермина.

Съ сердечнымъ и глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ, преданный Вамъ *Т. Стрепетиловъ.* Иркутскъ, почтовая контора, 9 ок. 1906 г.

Г. Калениченко, Д. К.! Глубокочтимый Дмитрій Константиновичъ! Я страдалъ геморроемъ, истомившимъ меня, астмою, ломотою въ суставахъ, головною болью, несвареніемъ желудка (диспеп.) и задержаніемъ мочи: по временамъ моча совершенно не отходила и надо было прибѣгать къ бужамъ и катетрамъ. Я принималъ массу лѣкарствъ, приглашалъ врача, но ничто мнѣ не помогало, и я совершенно отчаивался въ жизни. Но съ начатіемъ пріема спермина головная боль почти прекратилась, сплю спокойно и прекрасно, ломота въ суставахъ гораздо рѣже, а что для меня всего дороже и утѣшительнѣе—это отдѣленіе мочи безъ помощи мучительныхъ катетровъ и что могу обойтись безъ врачебной помощи, за что искренно, сердечно и отъ души благодарю Васъ и молю Господа Бога продлить Вашу жизнь на помощь ближнимъ. Остаюсь преданнѣйш. молитвенникомъ Вашимъ. Священникъ и кавалеръ *Г. У. Р—скій.* 10 ав. 1906 г. Село Сидѣльниково, Маріинскій пос., Казанск. губ. 17 сентября 1906 г.

Милостивый Государь *е. Калениченко!* Я страдаю нѣсколько лѣтъ сухоткой спинного мозга, а послѣдніе два-три года еще параличомъ всей правой стороны тѣла; при этомъ у меня еще страшная, нестерпимая, если можно такъ выразиться, адская стрѣляющая боль во всемъ тѣлѣ. Въ особенности эта нестерпимая боль въ ногахъ.

Всякія медицинскія средства ни на одну іоту не облегчали моихъ страданій. Послѣ пріема пяти флаконовъ спермина стрѣляющія боли стали рѣже и значительно слабѣе. Теперь я уже могу спокойно спать ночи, что при прежнихъ боляхъ было рѣдко. *И. Старининъ.* По Курской ж. д., ст. Люблино, дача Е. Старининой.

Имѣется нѣсколько сотъ восторженныхъ отзывовъ больныхъ о прекрасномъ дѣйствіи на нихъ спермина лабораторіи Д. Калениченко и почти ежедневно поступаютъ новые.

Сперминъ (extractum testiculorum)

для внутренняго употребленія д-ра медицины А. Тельнихина, лаборат. Д. Калениченко. Директоръ лабор. д-ръ І. Ив. Соллогубъ, ассистен. д-ра С. Д. Языковъ и А. Е. Левинъ. Цѣна 1 флакона спермина 2 руб. 50 коп. Пересыл. 1—3 п[illegible] 50 коп. Высыл. и наложен. платеж[illegible]ъ.

Поддѣлыватели будутъ преслѣдоваться по закону.

Брошюра о сперминѣ съ отзывами о немъ врачей и больныхъ высылается безплатно.

Адресъ Д. КАЛЕНИЧЕНКО: Москва, Петровскій бул., д. № 182 („Эрмитаж").

Фабрики существуютъ съ 1833 г.

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха СОФІЙКА.

Основной капиталъ общества 3.000.000 р.

Дамское и дѣтское ПРИДАНОЕ

ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ.

Получены ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ дамскихъ сорочекъ, кофтъ, матинэ, юбокъ, постельныхъ приборовъ и пр. Роскошный выборъ МОДНЫХЪ ДАМСКИХЪ БЛУЗОКЪ.

ДЛЯ МУЖСКОГО БѢЛЬЯ имѣются послѣднія новости ЗАГРАНИЧНЫХЪ ЗЕФИРОВЪ.

МЫСЛИ ДИКАРЯ.

АДАМА.

Цѣна 50 коп.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

XXXIX г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки. **5 руб.** съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ.

(„Дѣтское Чтеніе".)

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1907 г. журналъ «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») дастъ всѣмъ подписчикамъ 12 книжекъ журнала.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Народные поэты.—Кольцовъ, Никитинъ и Шевченко. Сборникъ стихотвореній для семьи и школы. **II. Старшіе братья въ семьѣ народовъ.** Очерки современной культуры передовыхъ странъ, Я. А. Берлина. 1. Городъ-великанъ и его чудеса. 2. Успѣхи знанія. 3. Царица міра—машина (промышленный строй). 4. Среди тружениковъ (соціальный вопросъ). 5. Государственная жизнь. 6. Чаянія лучшаго будущаго. Примѣчаніе. Въ текстѣ журнала этимъ очеркамъ будутъ предпосланы двѣ статьи.—**„Изъ общественнаго и государственнаго строя современныхъ передовыхъ странъ"**: 1. Исторія труда (въ связи съ исторіей собственности); 2. Исторія политической власти. **III. Серія разсказовъ** Е. Н. Сеченина: 1. Праздничное богомолье воеводы (Рождественская легенда). 2. Бѣднячокъ. 3. Въ прощеные дни. 4. Непутевый.

Вышла іюньская книга журнала „Юная Россія" за 1907 г.

Содержаніе: I. Аленушка. В. М. Васнецова. Рисунокъ на отдѣльной страницѣ.—II. Въ вагонѣ. Разсказъ. О. Русановой. Съ рисунками художника А. Нечаева.—III. Медвѣженокъ Джонни. Разсказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Переводъ съ англійскаго А. Рождественской. Съ рисунками.—IV. На озеро. Евгенія Шведера.—V. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. Джека Лондона. Переводъ съ англійскаго Р. Рубиновой. Глава IV.—По слѣдамъ людей. Глава V.—Договоръ. Продолженіе.—VI. Солнце спряталось за лѣсомъ до утра. Стихотвореніе. О. Гаврилова.—VII. Въ новую жизнь. Повѣсть. Глава I.—Деревенское горе. Глава II.—На откосѣ. Глава III.—Неожиданность. Глава IV.—Послѣдній поклонъ. Глава V.—Въ новый міръ. Глава VI.—У колеса. Ивана Шмелева. Съ рисунками художника Н. А. Богатова.—VIII. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна.) Глава VI.—Линкольнъ умѣетъ трудиться. Ал. Алтаева. Съ рисунками художника Е. Е. Гарнака. Продолженіе.—IX. Изъ лѣтнихъ пѣсенъ. Стихотвореніе. С. Дрожжина.—X. Изъ исторіи общества и государства. Очеркъ первый.—Глава VI.—Крестьянская доля. Заключеніе. Я. А. Берлина. Съ рисунками. Окончаніе.—XI. Балай и Ботя. (Чеченская сказка.) В. Гатцука.—XII. Упорнымъ трудомъ. Г. Т. Сѣверцева (Полилова). Съ рисунками.—XIII. Не на счастье я родился. Стихотвореніе. С. Дрожжина.—XIV. Легенда о сѣверномъ оленѣ. (Изъ сказокъ зимы.) П. А. Любичъ-Кошурова.—XV. На Балхашѣ. Съ рисунками. Окончаніе. Проф. А. М. Никольскаго.—XVI. Изъ жизни природы. Тайга. Е. Т.—XVII. Объявленія.

Подписная цѣна:

на журналъ „Юная Россія". Безъ доставки на годъ—4 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. „Юная Россія" съ „Педагогическ. Листкомъ" (8 кн.). Безъ доставки на годъ—5 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. І. Тихомирова, и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

1 р. 75 к. безъ перес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 Г. НА ЖУРНАЛЪ

2 р. съ перес.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

Тридцать девятый годъ изданія.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки на годъ 1 р. 75 к. Съ доставкой и пересылкой въ годъ 2 р. Съ доставкой и пересылкой на ½ года 1 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. М. Тихомировъ.

Большинству оканчивающихъ Спб. Высшіе Женскіе Курсы приходится заниматься педагогическою дѣятельностью. Отсутствіе опыта и спеціальной подготовки затрудняетъ работу отдѣльныхъ лицъ. Желательно и необходимо общеніе всѣхъ, кто вступаетъ на педагогическое поприще, желательно облегчить ихъ работу указаніями опытныхъ лицъ, спеціалистовъ своего дѣла. По иниціативѣ группы оканчившихъ Высшіе Женскіе Курсы при Обществѣ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ организовывается „Справочно-педагогическій отдѣлъ“, который ставитъ себѣ цѣлью: а) объединить лицъ, интересующихся вопросами учебно-воспитательнаго дѣла, б) создать возможность взаимнаго общенія въ области указанныхъ вопросовъ между лицами, имѣющими педагогическій опытъ и начинающими свою педагогическую дѣятельность, в) собираніемъ учебно-педагогическаго матеріала содѣйствовать знакомству съ литературой и пріемами преподаванія. Въ распоряженіи отдѣла имѣется уже нѣкоторый библіографическій матеріалъ и рефераты по педагогическимъ вопросамъ. Отдѣлъ вошелъ въ сношеніе съ журналами и издательствами, педагогическими обществами и съѣздами: собираютъ свѣдѣнія о постановкѣ дѣла въ школахъ новаго типа.

I. Цѣль отдѣла.

Для достиженія этой цѣли отдѣлъ: 1) указываетъ книги и пособія по отдѣльнымъ предметамъ, 2) собираетъ конспекты и программы, разъясняющіе преподаваніе, 3) указываетъ книги для внѣкласснаго чтенія, 4) указываетъ наглядныя пособія, 5) разрабатываетъ вопросы, касающіеся преподаванія, 6) собираетъ рефераты, могущіе служить пособіемъ при преподаваніи, 7) входитъ въ сношеніе съ иногородними членами и 8) приглашаетъ опытныхъ педагоговъ для совмѣстныхъ бесѣдъ.

II. Совѣтъ отдѣла.

Отдѣлъ состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ и членовъ сотрудниковъ. Дѣйствительными членами могутъ быть только дѣйствительные члены Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ, сотрудниками всѣ, интересующіеся учебно-воспитательнымъ дѣломъ.

Дѣйствительные члены и члены сотрудники вносятъ ежегодно одинъ рубль.

Иногородніе корреспонденты благоволятъ прилагать при письменныхъ запросахъ марку для отвѣта.

Адресъ Отдѣла: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 10 л., д. 33. Бюро Общества Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

1907 годъ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XVIII.

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

НА 1907 ГОДЪ.

Вышла III (май—іюнь) книга 1907 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ:

Гносеологическій индивидуализмъ въ новой философіи и преодолѣніе его въ новѣйшей философіи. **Н. Лосскаго.** Психологическія предпосылки терпимости. **С. Котляревскаго.** Бернардъ Мандевиль и его „Басня о пчелахъ". **Н. Виноградова.** Этическая проблема у Эд. Гартмана. **П. Блонскаго.** Императоръ Павелъ I. **В. Чижа.** Вліяніе аккомодаціи и конвергенціи на воспріятіе глубины. **Ал. Монтеляса.** Критика и библіографія. I. Обзоръ книгъ. *Карлъ Каутскій*: „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи". Переводъ съ рукописи Л. Фрейнберга и С. Цидербаума, подъ редакціей Ф. Дана. С.-Петербургъ, 1906 г., 137 ст. **Р. Ормонцкаго.** *Eisler, R.*: „Einführung in die Erkenntnisstheorie. Darstellung und Kritik der erkenntnisstheoretischen Richtungen". Leipzig, 1907. Verlag von Johann Ambrosius Barth. S. 292. **П. Тихомирова.** *Джорджъ Беркли*: „Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія". По порученію Философскаго Общества при Спб. университетѣ переведено Е. Ѳ. Дебольской, подъ редакціей Н. Г. Дебольскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1905 г. **П. Блонскаго.** *И. Лапшинъ*: „Законы мышленія и формы познанія". Спб., 1906 г. Цѣна 2 руб. **Н. Лосскаго.** II. Библіографическій листокъ. III. Обзоръ журналовъ. „Revue philosophique" — 1906. „Revue de philosophie" — 1906. **В. Волковичъ** и **З. Столица.** Извѣстія и замѣтки. Объявленія.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1907 г. по 1 января 1908 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ — 6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкою въ 2 руб.

ПОДПИСКА на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала непосредственно или письменно.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Черкасскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: Новаго времени, Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Вашнакова и другихъ.

Редакторъ Л. М. Лопатинъ.

Телеграфный адресъ: Москва, „ТИПОКУШ."

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

ПЕЧАТНАГО ДѢЛА и ТОРГОВЛИ

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
ЛИТОГРАФІЯ, ФОТОТИПІЯ,
ЦИНКОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ КІЕВѢ, Караваевская ул., домъ № 5,
въ ПЕТЕРБУРГѢ (Минист. Пут. Сообщ.),
Фонтанка, домъ № 117.

МАГАЗИНЪ

конторскихъ книгъ и писчебумажныхъ принадлежностей.

Москва, Никольская ул., домъ бр. Чижовыхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

для продажи изданій собственныхъ и отпечатанныхъ
въ типографіяхъ Т-ва.

Подробный каталогъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.

Продолжается подписка на 1907 г.

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изюмова, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

За перемѣну адреса взимается **30** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **55** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе **10** числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.
Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

3 2044 058 187 048

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

3569259

NOV 26 '71 H

CANCELLED